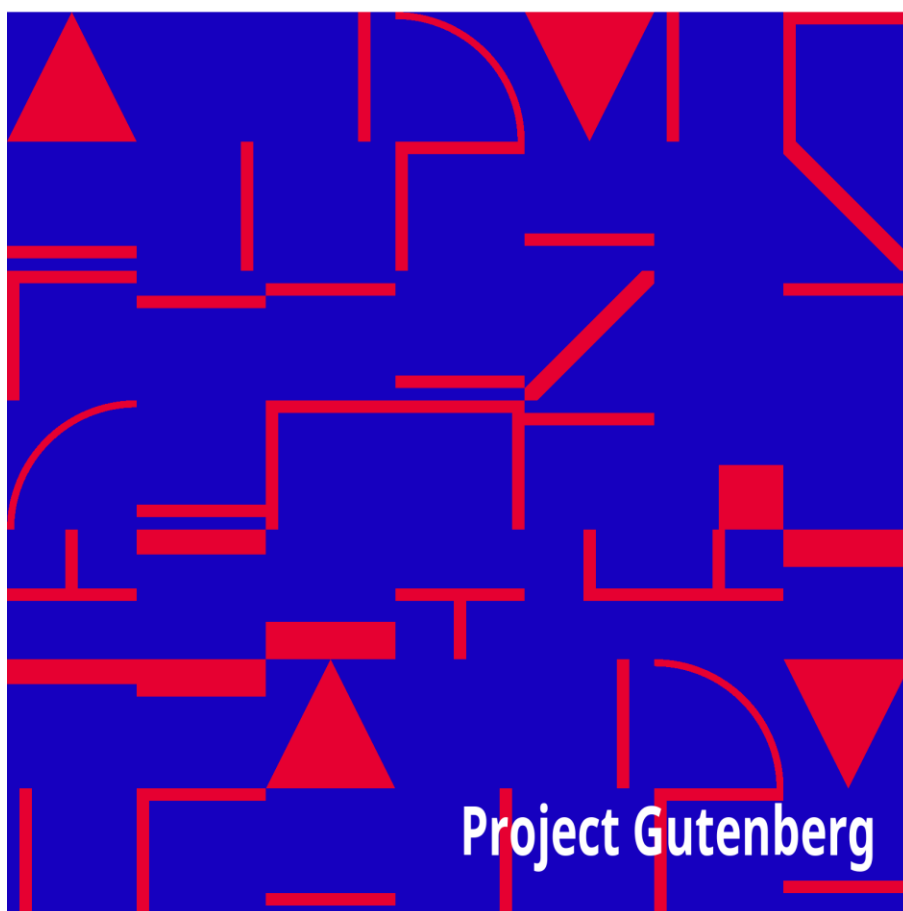

История Современной Европы, 1792-1878

Чарльз Алан Файфф

A History of Modern Europe, 1792-1878

Charles Alan Fyffe

Project Gutenberg

Электронная книга проекта Гутенберга по истории современной Европы, 1792-1878

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История современной Европы, 1792-1878

Автор: Чарльз Алан Файфф

Дата выхода: 1 сентября 2004 г. [Электронная книга № 6589]

Последнее обновление: 21 июня 2023 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсеры: Том Аллен, Чарльз Фрэнкс, Дэвид Гандри и команда онлайн-корректоров.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА По ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ, 1792-1878" ***

ИСТОРИЯ OF СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ

1792-1878

ГОДОВ К. А. ФАЙФФА, магистра

юриспруденции; члена Университетского колледжа Оксфорда;
вице-президента Королевского исторического общества

ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

С картами

СОДЕРЖАНИЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

ПРЕДИСЛОВИЕ Ко ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ ПЕРВОГО ТОМА.

ПРЕДИСЛОВИЕ Ко ВТОРОМУ ТОМУ.

Примечание переписчика

ГЛАВА I.

ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНИЯ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Начало войны за независимость в 1792 году -Ее непосредственные причины- Составленная и отозванная декларация Пильница-Агитация священников и эмигрантов-Военная политика Жиронды-Провокации, предлагаемые Франции державами-Состояние Центральной Европы в 1792 году-Священная Римская империя-Австрия-Правление Габсбургов-Реформы Марии Терезии и Иосифа II.-Политика Леопольда II.-Правительство и внешняя политика Франциска II.- Пруссия- Правительство Фридриха Вильгельма II.-Социальное положение Пруссии- Второстепенные государства Германии-Церковные государства- Свободные города-рыцари - Слабость Германии

ГЛАВА II.

ВОЙНА, ВПЛОТЬ ДО БАЗЕЛЬСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА И УЧРЕЖДЕНИЯ ДИРЕКТОРИИ.

Французская и австрийская армии на фламандской границе-Пруссия вступает в войну-Брауншвейг вторгается во Францию-Его Прокламация-Восстание 10 августа в Париже-Сентябрьская резня-Характер войны-Брауншвейг, остановленный в Вальми, отступает-Война становится крестовым походом Франции-Соседи Франции-Кюстин вступает в Майнц-Дюмурье завоевывает Австрийские Нидерланды- Аннексированы Ницца и Савойя-Декрет Конвента против всех правительств- Казнь Людовика XVI.-Война с Англией, за которой последовала война со Средиземноморскими государствами-Состояние Англии-Английские партии, как повлияла революция-Жиронда и Гора-Австрия восстанавливает Нидерланды-Союзники вторгаются во Францию-Вандея-Революционная система 1793 года-Ошибки союзников-Новые французские командующие и демократическая армия-Победы Журдана, Гоша и Пишегрю-Выход Пруссии из войны-Польские дела-Австрия покидает Нидерланды-Базельский мирный договор-Франция в 1795 году-Восстание 13 Вандемьера-Конституция 1795 года-Директория Влияние революции на дух Европы до 1795 г.

ГЛАВА III.

ИТАЛЬЯНСКИЕ КАМПАНИИ: КАМПО-ФОРМИЙСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР.

Тройное нападение на Австрию-Моро, Журдан-Бонапарт в Италии-Состояние итальянских государств-Профессии и истинные намерения Бонапарта и Директории-Битва при Монтенотте-Перемирие с Сардинией-Кампания в Ломбардии-Обращение с папой римским, Неаполем, Тосканой-Осада Мантуи- Кастильоне-Моро и Журдан в Германии-Их отступление-Секретный договор с Пруссией-Переговоры с Англией-Республика Чиспадан-Подъем идеи независимости Италии-Битвы при Арколе и Риволи-Мир с Папой римским в Толентино -Венеция-Предварительные испытания Леобена-Французы в Венеции-Французы захватывают Ионические острова и отдают Венецию Австрии-Генуя-Государственный переворот 17 Фруктидора в Париже- Кампо-Формийский мирный договор-Победы Англии на море-Проект Бонапарта против Египта

ГЛАВА IV.

ОТ РАШТАДТСКОГО КОНГРЕССА до УЧРЕЖДЕНИЯ КОНСУЛЬСТВА.

Конгресс в Раштадте-Уступлены Рейнские провинции-Подавлены церковные государства Германии-Французская интервенция в Швейцарии-Гельветическая республика-Французы вторгаются в Папскую область-Римская Республика-Экспедиция в Египет-Битва на Ниле-Коалиция 1798 года-Фердинанд Неаполитанский входит в Рим-Поражения Мака-Французы входят в Неаполь-Партенопейская республика-Война с Австрией и Россией-Битва при Штокахе-Убийство французских посланников в Раштадте-Кампания в Ломбардии-Царство террора в Неаполе-Австрийские замыслы против Италия-Суворов и австрийцы-Кампания в Швейцарии-Кампания в Голландии-Возвращение Бонапарта из Египта-Государственный переворот 18 Брюмера- Конституция 1799 года-Система Бонапарта во Франции - Ее влияние на влияние Франции за рубежом

ГЛАВА V.

ОТ МАРЕНГО ДО РАЗРЫВА АМЬЕНСКОГО МИРА.

Заигрывания Бонапарта с Австрией и Англией-Война продолжается-Массена осажден в Генуе-Моро вторгается в Южную Германию-Бонапарт пересекает реку Сен-Бернар и наступает в тыл австрийцам-Битва при Маренго-Австрийцы отступают за Минчо-Мирный договор между Англией и Австрией-Австрия продолжает войну-Битва при Гогенлиндене-Люневильский мир-Война между Англией и Северной морской лигой-Битва при Копенгагене-Убийство Поля-Конец морской войны-Английская армия входит в Египет-Французы разбиты при Александрии-Они капитуляция в Каире и Александрии -Предварительные условия мира между Англией и Францией, подписанные в Лондоне, за которыми последовал Амьенский мир-Ирландская политика Питта и его отставка-Дебаты о мире-Агрессия Бонапарта во время Континентального мира-Голландия, Италия, Швейцария-Урегулирование Германии под влиянием Франции и России-Подавление церковных государств и вольных городов - Его последствия-Штейн-Франция при консульстве-Гражданский кодекс-Конкордат

ГЛАВА VI.

ОТ ИМПЕРИИ К ПРЕСБУРГСКОМУ МИРУ.

Англия претендует на Мальту-Война возобновлена-Бонапарт оккупирует Ганновер и блокирует Эльбу-Протесты Пруссии-Заговор Кадудаль-Убийство герцога Энгиенского-Император Наполеон-Коалиция 1805 года-Пруссия держится в стороне-Состояние Австрии-Провал попытки Наполеона добиться военно-морского превосходства в Ла-Манше-Кампания в Западной Германии- Капитуляция Ульма-Трафальгарский- Потсдамский мирный договор между Пруссией и союзниками-Французы входят в Вену-Гаугвиц отправил Наполеону прусский ультиматум-Битва при Аустерлиц-Хаугвиц подписывает Союзный договор с Наполеоном-Пресбургский мирный договор-Конец Священной Римской империи-Неаполь отдан Жозефу Бонапарту-Битва при Майде-Наполеоновская империя и династия-Федерация Рейнского государства Германия-Возможность сохранения Империи 1806 года

ГЛАВА VII.

СМЕРТЬ ПИТТА, ДО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ТИЛЬЗИТСКОГО МИРА.

Смерть Питта-Министерство Фокса и Гренвилла-Наполеон вынуждает Пруссию вступить в войну с Англией, а затем предлагает Ганновер Англии-Пруссия принимает решение о войне с Наполеоном-Состояние Пруссии-Упадок армии-Южная Германия при Наполеоне-Нейтралитет Австрии-Англия и Россия собираются помочь Пруссии, но не сразу-Кампания 1806 года-Битвы при Йене и Ауэрштедте-Разгром прусской армии-Капитуляция крепостей-Требования Наполеона-Война продолжается-Берлинский декрет-Исключение английских товаров с Континента-Россия вступает в войну-Кампания в Польше и Восточная Пруссия-Эйлау-Бартенштейн-Фридландский мирный договор-Интервью в Тильзите-Союз Наполеона и Александра-Секретные статьи-Английская экспедиция в Данию-Французы вступают в Португалию-Пруссия после Тильзитского мира-Эдикт Штейна об освобождении-Прусские крестьяне-Реформа прусской армии и создание муниципалитетов-Другие проекты реформы Штейна, которые не были реализованы

ГЛАВА VIII.

ИСПАНИЯ, ДО ПАДЕНИЯ САРАГОСЫ.

Испания в 1806 году-Наполеон использует ссору между Фердинандом и Годоем -Он притворяется Защитником Фердинанда-Армия Дюпона вступает в Испанию-Мюрат в Испании-Шарль отрекается от престола-Фердинанд король-Савари привозит Фердинанда в Байонну-Наполеон заставляет Чарльза и Фердинанда уйти в отставку-Дух испанской нации-Контраст с Германией-Восстание всей Испании-Нотабли в Байонне-Кампания 1808 года-Капитуляция Байлена-Земли Уэлсли в Португалии- Вимиейру-Конвент в Цинтре-Влияние испанского восстания на Европу-Партия войны в Пруссии-Наполеон и Александр в Эрфурте-Штайн уходит в отставку и объявлен вне закона-Наполеон в Испании-Плохое правительство Испании- Кампания на Эбро-Кампания сэра Джона Мура-Корунья-Наполеон покидает Испанию-Осада Сарагосы-Успехи французов

ГЛАВА IX.

ВОЙНА 1809 ГОДА: НАПОЛЕОНОВСКАЯ ИМПЕРИЯ-ИСПАНИЯ, ДО БИТВЫ При САЛАМАНКЕ.

Австрия готовится к войне-Война будет единой от имени немецкой нации-Патриотическое движение в Пруссии-Ожидаемое восстание в Северной Германии-Планы кампании-Австрийский манифест к немцам-Восстание тирольцев-Поражения эрцгерцога Карла в Баварии-Французы в Вене-Попытки Дернаберга и Шилля-Битва при Асперне-Второй переход Дуная-Битва при Ваграме-Знаймское перемирие-Австрия ждет событий-Уэлсли в Испании-Он выигрывает битву при Талавере, но отступает-Экспедиция против Антверпен терпит неудачу-Австрия заключает мир-Венский мирный договор-Реальные последствия войны 1809 года-Австрия после 1809 года-Меттерних- Брак Наполеона с Марией Луизой-Разрыв отношений Наполеона и Александра-Наполеон аннексирует Папскую область, Голландию, Вале и побережье Северной Германии-Наполеоновская империя: ее преимущества и недостатки-Царь выходит из торговой системы Наполеона-Война с Россией неизбежна-Веллингтон в Португалии; Линии Торрес-Ведрас; Кампания Массены 1810 года и отступление-Сульт в Андалусии-Кампания Веллингтона 1811 года-Захват Сьюдад-Родриго и Бадахос-Саламанка

ГЛАВА X.

РОССИЙСКАЯ КАМПАНИЯ, К КАЛИШСКОМУ МИРНОМУ ДОГОВОРУ.

Приближается война между Францией и Россией-Политика Пруссии-Министерство Харденберга-Пруссия вынуждена вступить в союз с Наполеоном-Австрийский союз-Приготовление Наполеона-Он входит в Россию-Александр и Бернадотт-План русских провести битву при Дриссе сорван-Они отступают к Витебску-Страдания французов-Французы входят в Смоленск-Бородинская битва-Эвакуация Москвы-Москва обстреляна-Отступление из Москвы-Французы под Смоленском-Наступление русских армий с севера и юга-Битва при Красном-Переход Березины-Французы достигают Немана- Йоркская конвенция с русскими-Царь и Штайн-Русская армия входит в Пруссию-Штайн поднимает Восточную Пруссию-Калишский мирный договор-Пруссия объявляет войну-Энтузиазм нации-Идея единства Германии-Ландвер

ГЛАВА XI.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА ЗА ПАРИЖСКИЙ МИР.

Освободительная война-Блюхер пересекает Эльбу-Битва при Лютцене-Союзники отступают в Силезию-Битва при Бауцене-Перемирие-Наполеон намеревается запугать Австрию-Ошибается в силах Австрии-Политика Меттерниха-Рейхенбахский мирный договор-Австрия предлагает свое посредничество-Пражский конгресс-Австрия вступает в войну-Армии и планы Наполеона и союзников-Кампания августа-Битвы при Дрездене, Гросберене, Кацбахе и Кульме-Последствия этих действий-Битва при Денневице-Политика Германии в отношении Австрии благоприятный для князей Рейнской конфедерации-Разбитые надежды на единство Германии-Битва при Лейпциге-Союзники достигают Рейна-Предложения мира во Франкфурте-План вторжения во Францию-Отсталость Австрии-Союзники вступают во Францию-Кампания 1814 года-Шатийонский конгресс-Наполеон заходит в тыл союзникам-Союзники наступают на Париж-Капитуляция Парижа-Вступление союзников-Свержение Наполеона-Реставрация Бурбонов-Хартия-Парижский мирный договор- Территориальные последствия войны 1792-1814 гг.-Все державы, кроме Франции выиграла - Франция относительно ослабла в Европе -Краткое изложение постоянных последствий этого периода для Европы

КОНЕЦ ТОМА I. (ОРИГИНАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ).

ГЛАВА XII.

РЕСТАВРАЦИЯ.

Реставрация 1814 года-Норвегия-Неаполь-Вестфалия-Испания-Свергнута Конституция Испании: победа духовенства-Реставрация во Франции-Хартия-Посагательства дворян и духовенства-Растущая враждебность к бурбонам-Венский конгресс-Талейран и Четыре державы-Польский вопрос-Саксонский вопрос-Теория легитимности-Тайный союз против России и Пруссии-Компромисс-Рейнские провинции-Наполеон покидает Эльбу и высаживается во Франции-Его декларации-Наполеон в Гренобле, в Лионе, в Париже-Венский конгресс объединяет Европу против Франции-Действия Мюрата в Италии-Дополнительный акт-Майское поле-Наполеон переходит в наступление-Битвы при Линьи, Катр-Бра, Ватерлоо-События в Париже-Наполеон отправляется на остров Святой Елены-Веллингтон и Фуше-Аргументы по поводу предлагаемой уступки французской территории-Договор о Священном союзе-Второй Парижский мирный договор-Завершение работы Венского конгресса-Федерация Германии-Оценка Венского конгресса и договоров 1815 года-Работоторговля

ГЛАВА XIII.

ХОД РЕАКЦИИ.

Концерт Европы после 1815 г.-Дух внешней политики Александра, Меттерниха и английского министерства-Действия Меттерниха в Италии, Англии на Сицилии и в Испании-Реакция во Франции-Ришелье и Новая палата-Казнь Нея-Тюремные заключения и преследования-Поведение ультрароялистов в парламенте-Споры по законопроекту о выборах и бюджету-Отсрочка заседания Палаты-Дело Гренобля-Роспуск Палаты-Закон о выборах и финансовое урегулирование 1817 г.-Характер первых лет мира в Европе в целом-Обещание Конституции в

Великобритании Пруссия-Харденбергу противостоят сторонники автократии и привилегий-
Брошюра Шмальца-Задержка конституционной реформы в Германии в целом-Вартбургский
фестиваль-Развитие реакции-Царь теперь склоняется к репрессиям-Конгресс в Экс-ла-Шапель-
Эвакуация Франции-Растущее влияние Меттерниха в Европе-Его действия в отношении
Пруссии-Убийство Коцебу-Карлсбадская конференция и репрессивные меры в Германии-
Ришелье и Деказ-Убийство герцога Беррийского-Развитие реакции во Франции-Генерал
причины победы реакции в Европе

ГЛАВА XIV.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ ДВИЖЕНИЯ 1820 ГОДА.

Движения в средиземноморских государствах, начавшиеся в 1820 году-Испания с 1814 по 1820
год-Южноамериканские колонии-Армия в Кадисе: действия Кироги и Риего-Движение в
Ларунье-Фердинанд принимает Конституцию 1812 года-Неаполь с 1815 по 1820 год-Придворная
партия, муратисты, карбонарии-Конституция Испании, провозглашенная в Неаполе-
Конституционное движение в Португалии-Предложение Александра относительно Испании-
Конференция и декларация Троппау-Протест Англии-Конференция в Лайбахе- Австрийцы
вторгнуться в Неаполь и восстановить абсолютную монархию-Восстание в Пьемонте, которое
терпит неудачу-Испания с 1820 по 1822 год-Смерть Каслри-Веронский конгресс-Политика
Англии-Французское вторжение в Испанию-Восстановление абсолютной монархии и насилие
реакции-Англия запрещает завоевание испанских колоний Францией и впоследствии признает
их независимость- Дела в Португалии-Каннинг отправляет войска в Лиссабон-Политика
Каннинга-Оценка его места в истории Европы

ГЛАВА XV.

ГРЕЦИЯ И ВОСТОЧНЫЕ ДЕЛА.

Состояние Греции: ее расы и институты-Греческая церковь -Общинная система-Эгейские
острова- Фанариоты-Греческое интеллектуальное возрождение: Кораэс-Начало греческого
национального движения; Контакт Греции с Французской революцией и Наполеоном-Гетерия
Филике-Попытка Гипсиланти в Дунайских провинциях: ее провал-Восстание в Море: Массовые
убийства: казнь Грегориуса и терроризм в Константинополе -Позиция России, Австрии и Англии
-Расширение восстания: дела на Гидре-Греческие лидеры-Падение Греции Триполица-Резня на
Хиосе-Поражение турок в кампании 1822 года-Разногласия греков-Махмуд обращается к
Мехмету Али за помощью-Ибрагим завоевывает Крит и вторгается в Морею-Осада Миссолонги-
Филэллинство в Европе-Предложение России о вмешательстве-Заговоры в России: Смерть
Александра: Восшествие на престол Николая-Военное восстание в Санкт-Петербурге- Англо-
российский протокол-Мирный договор между Англией, Россией и Францией-Смерть Каннинга-
Наваринская война между Россией и Турцией-Кампании 1828 года и 1829-Адрианопольский
мирный договор-Президент Греции Каподистрия-Леопольд принимает, а затем отказывается от
греческой короны-Убийство Каподистрии-Отон, король Греции

ГЛАВА XVI.

ДВИЖЕНИЯ 1830 ГОДА.

Франция до 1830 года-Правление Карла X.-Министерство Мартиньяка-Министерство

Полиньяка-Герцог Орлеанский-Война в Алжире-Июльские указы- Июльская революция-Король Луи Филипп-Природа и последствия июльской революции-Дела в Бельгии-Бельгийская революция-Великие державы-Интервенция и создание Королевства Бельгия-Дела Польши-Восстание в Варшаве-Война между Россией и Польшей-Свержение поляков: конец Польской конституции-Дела Италии- Восстание в Папской области-Франция и Австрия-Австрийская интервенция-Анкона, оккупированная французами-Дела Германии-Пруссия; Цольферайн-Брауншвейг, Ганновер, Саксония-Пфальц-Реакция в Германии-Изгнанники в Швейцарии: вторжение в Савойю-Рассеяние изгнанников-Франция при Луи Филиппе: последовательные восстания-Период парламентской деятельности-Англия после 1830 г.: законопроект о реформе

ГЛАВА XVII.

ДЕЛА ИСПАНИИ И ВОСТОКА.

Франция и Англия после 1830-дел Португалии-Дон Мигель-Дон Педро вторгнется в Португалии-Испании Фердинанд-прагматическая санкция-смерть Фердинанда: регентстве Кристина-Конституции-Четверной союз-Мигель и Карлос изгнаны из Португалии-Карлос переходит в Испании-Стране Басков-карлистской войны: Сумалакарреги-испанское правительство стремится французской помощи, которую отказался-Конституция 1837 года-Конец войны-регентством Эспартеро-Изабелла, королева-дел Османской империи-Ибрагима вторгается в Сирию; его победы-соперничество России и Франции в Константинополе-мир Kutaya и договор Unkiar Skelessi эффект этого договора Франция и Мехмет Али торговли Леванта-Вторая война между Мехмет и порт-Османской бедствий-в политике великих держав-четыrehмestный договора без Франции-Ибрагим изгнаны из Сирии-окончательный расчет-Турция после 1840-попытки реформ Reschid Паша

Глава XVIII.

ЕВРОПА ДО 1848 ГОДА.

Европа во время тридцатилетнего мира-Италия и Австрия-Мадзини-Савойский дом-Джоберти-Избрание Пия IX.-Ожидаемые реформы- Революция в Палермо-Волнения в Северной Италии-Ломбардия-Государство Австрийской империи-Рост венгерского национального духа-Мадьяры и славяне-Трансильвания-Партии среди мадьяр-Кошут-Славянские национальные движения в Австрии-Правительство приступает к реформам в Венгрии-Политика оппозиции-Сельская система Австрии- Восстание в Галиции: дворяне и крестьяне-Аграрный эдикт-Общественное мнение в Вене-Пруссия-Вступление на престол и характер короля Фридриха Вильгельма IV.-Созыв Объединенного сейма-Его дебаты и роспуск-Франция-Браки в Испании-Движение за реформы-Социализм-Февральская революция-Конец орлеанистской монархии

КОНЕЦ ТОМА II. (ОРИГИНАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ).

ГЛАВА XIX.

МАРТОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1848 года.

Европа в 1789 и 1848 годах-Волнения в Западной Германии до и после революции в Париже-

Австрия и Венгрия-Мартовская революция в Вене-Бегство Меттерниха-Венгерский сейм-Венгрия завоевывает независимость-Богемское движение-Автономия, обещанная Богемии-Восстание Ломбардии-Венеции-Пьемонт объявляет войну Австрии-Всеобщая итальянская война против Австрии неизбежна-Мартовские дни в Берлине-Фридрих Вильгельм IV.-Обещано Национальное собрание- Шлезвиг-Гольштейн-Восстание в Гольштейне-Война между Германией и Данией-Предпарламент Германии-Республиканское восстание в Бадене-Заседание Национального собрания Германии во Франкфурте-Европа в целом в марте 1848 г.-Временное правительство Франции-Национальные мастерские-Правительство и красные республиканцы-Национальное собрание Франции-Бунт 15 мая-Меры против национальных мастерских-Четыре дня июня-Кавеньяк-Луи Наполеон-Он избран в Ассамблею-Избранный президент

ГЛАВА XX.

ПЕРИОД КОНФЛИКТА, ВПЛОТЬ ДО СОЗДАНИЯ ВТОРОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ИМПЕРИИ.

Австрия и Италия-Вена с марта по май-Бегство императора -Чешское национальное движение-Виндишграц покоряет Прагу-Кампания вокруг Вероны-Папское распределение-Неаполь в мае-Переговоры о Ломбардии- Отвоевание Венеции-Битва при Кустоцца-Австрийцы входят в Милан-Австрийский двор и Венгрия-Сербы на юге Венгрии-Сербский конгресс в Карловице-Еллачич-Дела Хорватии-Еллачич, двор и венгерское движение-Убийство Ламберга-Манифест от 3 октября- Вена 6 октября-Император в Ольмюц-Виндишграц завоевывает Вену-Парламент в Кремсье-Министр Шварценберг-Фердинанд отрекается от престола-Роспуск парламента Кремсье-Указ об унитарности-Венгрия -Румыны в Трансильвании-Австрийская армия оккупирует Пеш- Венгерское правительство в Дебрецене-Австрийцы изгнаны из Венгрии-Декларация независимости Венгрии-Вмешательство России-Летняя кампания в Венгрии-Капитуляция Вилагоса-Италия-Убийство Росси-Тоскана-Мартовская кампания в Ломбардии-Новара-Отречение Карла Альберта-Виктора Эммануил-Рестаuration в Тоскане-Французская интервенция в Риме-Поражение Удино-Удино и Лессепс-Французы входят в Рим-Восстановленное папское правительство-Падение Венеции-Фердинанд отвоевывает Сицилию-Германия-Национальное собрание во Франкфурте-Перемирие в Мальме-Берлин с апреля по сентябрь-Прусская армия-Последние дни работы прусского парламента-Конституция Пруссии, утвержденная эдиктом-Национальное собрание Германии и Австрии-Фридрих Вильгельм IV. избранный император-Он отказывается от короны-Роспуск Национального собрания- Попытки Пруссии сформировать отдельный союз-Союзный парламент в Эрфурте-Действия Австрии-Гессен-Кассель-Восстановление Франкфуртского сейма-Ольмюц-Шлезвиг-Гольштейн-Германия после 1849 г.-Австрия после 1851 г.-Франция после 1848 г.-Луи Наполеон-Октябрьское послание-Закон, ограничивающий избирательные права-Луи Наполеон и армия-Предложенный пересмотр Конституции-Государственный переворот-Наполеон III. Император

ГЛАВА XXI.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА.

Англия и Франция в 1851 году-Россия при Николае-Венгерские беженцы-Спор между Францией и Россией о Святых местах-Николай и британский посол-Лорд Стратфорд де Редклифф-Миссия Меншикова-Русские войска входят в Дунайские княжества-Кабинет лорда Абердина-

Передвижения флотов-Венская нота-Флоты проходят Дарданеллы-Турецкая эскадра уничтожена при Синопе-Объявление войны-Политика Австрии-Политика Пруссии-Западные державы и Европейский союз-Осада Силистрии-Эвакуация княжеств- Дальнейшие цели западных держав Державы-Вторжение в Крым-Битва при Альме-Фланговый марш-Балаклава-Инкерман-Зима в Крыму-Смерть Николая-Венская конференция-Австрия-Ход осады-Планы Наполеона III.-Канробер и Пелисье-Неудачный штурм-Битва при Черной-Взятие Малакова-Падение Севастополя-Падение Карса-Переговоры о мире-Парижская конференция-Парижский мирный договор-Дунайские княжества-Продолжающиеся раздоры в Османской империи-Пересмотр Парижского мирного договора в Османской империи 1871 г.

ГЛАВА XXII.

СОЗДАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО КОРОЛЕВСТВА.

Пьемонт после 1849 года-Министерство Азельо-Премьер-министр Кавура-Замыслы Кавура-Его крымская политика-Кавур на Парижской конференции-Кавур и Наполеон III.-Встреча в Пломбьере-Приготовление в Италии-Январский мирный договор 1859 г.-Попытки посредничества-Австрийский ультиматум-Кампания 1859 г.-Маджента-Движение в Центральной Италии-Сольферино-Наполеон и Пруссия-Интервью Виллафранки-Кавур уходит в отставку-Цюрихский мир-Центральная Италия после Виллафранки-Предлагаемый Конгресс-"Папа и Конгресс"-Кавур возобновляет работу-Кавур и Наполеон-Объединение герцогств Романья и Пьемонт-Савойя и Ницца присоединены к Франции-Кавур об этом уступка-Европейское мнение-Неаполь-Сицилия-Гарибальди высаживается в Марсале-Захват Палермо-Неаполитанцы эвакуируют Сицилию-Кавур и Партия действия-Политика Кавура в отношении Неаполя-Гарибальди на материке-Персано и Вильямарина в Неаполе-Гарибальди в Неаполе-Пьемонтская армия входит в Умбрию и Марширует-Падение Анконы-Гарибальди и Кавур-Армии на Вольтурно-Падение Гаэты-Политика Кавура в отношении Рима и Венеции-Смерть Кавур-Свободная церковь в Свободном государстве

ГЛАВА XXIII.

ГОСПОДСТВО ГЕРМАНИИ ЗАВОЕВАНО ПРУССИЕЙ.

Германия после 1858 г.-Регентство в Пруссии-Армия-реорганизация-Король Вильгельм I.-Конфликт между короной и парламентом-Бисмарк-Борьба продолжалась-Австрия с 1859 г.-Октябрьский диплом-Соппротивление Венгрии-Рейхсрат-Россия при Александре II.-Освобождение крепостных-Польша-Восстание 1863 г.-Аграрные меры в Польше- Шлезвиг-Гольштейн-Смерть Фридриха VII.-Планы Бисмарка-Кампания в Шлезвиге-Лондонская конференция-Венский мирный договор-Англия и Наполеон III.- Пруссия и Австрия-Гаштайнский конвент-Италия-Союз Пруссии с Италией-Предложения о провале Конгресса-Война между Австрией и Пруссией-Наполеон III.-Кенигграц-Кустоцца-Посредничество Наполеона -Пражский мирный договор-Южная Германия-Проекты компенсации Франции-Австрия и Венгрия-Деак-Установление двойной системы в Австро-Венгрии

XXIV.

ВОЙНА МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ.

Наполеон III.-Мексиканская экспедиция-Уход французов и смерть Максимилиана-

Люксембургский вопрос-Раздражение Франции против Пруссии-Австрия-Италия-Ментана-Германия после 1866 года-Кандидатура Леопольда Гогенцоллерна в Испании-Французская декларация-Бенедетти и король Вильгельм-Уход Леопольда и требование гарантий-Телеграмма из Эмса-Война-Ожидаемые союзы Франции-Австрия-Италия-Прусские планы-Французская армия-Причины неполноценности Франции-Вайсенбург-Верт- Шпихерен-Борни-Марс-ла- Тур-Гравелот-Седан-Республика, провозглашенная в Париже-Фавр и Бисмарк-Осада Парижа-Гамбетта в Туре-Армия Луары-Падение Меца-Бои под Орлеаном-Вылазка Шампиньи-Армии Севера, Луары, Востока-Гибель Бурбаки- Капитуляция Парижа и перемирие-Предварительные условия мира-Германия- Создание Германской империи-Парижская коммуна-Вторая осада-Последствия войны для России и Италии-Рим

ГЛАВА XXV.

ВОСТОЧНЫЕ ДЕЛА.

Франция после 1871 года-Союз трех императоров-Восстание в Герцеговине- Нота Андраши-Убийство консулов в Салониках-Берлинский меморандум-Отвергнут Англией-Абдул Азиз свергнут-Массовые убийства в Болгарии-Сербия и Черногория объявляют войну-Общественное мнение в Англии-Дизраэли- Встреча императоров в Рейхштадте-Сербская кампания-Декларация царя-Конференция в Константинополе-Ее провал-Лондонский протокол- Россия объявляет войну-Наступление на Балканы-Осман у Плевны-Второе наступление на Плевну-Шипкинский перевал -Румыния-Третье наступление на Плевну-Тодлебен- Падение Плевны-Переход Балкан-Перемирие-Англия-Флот проходит Дарданеллы-Сан-Стефанский мирный договор-Англия и Россия-Секретное соглашение-Конвенция с Турцией-Берлинский конгресс-Берлинский мирный договор-Болгария

КАРТЫ.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА В 1792 ГОДУ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА В 1812 ГОДУ

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Соглашаясь на просьбу Издателей о переиздании "Истории современной Европы" в виде популярного издания, я чувствую, что всего лишь выполняю то, что было бы желанием самого Автора. Несколько исправлений и дополнений в рукописи, обнаруженных в его собственном экземпляре работы, были приняты в настоящем издании; в целом, однако, мое внимание при редактировании каждого листа для печати было направлено на обеспечение точного воспроизведения текста и примечаний в том виде, в каком они появлялись в предыдущих изданиях в трех томах. Я надеюсь, что в этой более дешевой и удобной для восприятия форме работа окажется еще более приемлемой как для студента, так и для широкого читателя, чем до сих пор.

ГЕНРИЕТТА Ф. А. ФАЙФФ.

Лондон, ноябрь 1895 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Цель этой работы - показать, как государства Европы приобрели ту форму и характер, которыми они обладают в настоящее время. Начало войны за независимость в 1792 году, положившее конец периоду, который сейчас кажется далеким от нас, и приведшее в движение силы, которые в наши дни создали объединенную Германию и объединенную Италию, является естественной отправной точкой истории нынешнего столетия. Я попытался рассказать простую историю, полагая, что повествование, в котором факты выбраны по их значимости и представлены в их реальной связи, может произвести столь же достоверное впечатление, как и более полная история, в которой автор не вынужден из-за необходимости концентрации проявлять такую же строгость по отношению к себе и своим материалам. Второй том работы перенесет читателя в 1848 год, третий - в настоящее время.

Лондон, 1880.

ПРЕДИСЛОВИЕ КЪ ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ ПЕРВОГО ТОМА. ^[1]

При подготовке этого тома ко второму изданию я пользовался главным образом двумя источниками информации - неопубликованными отчетами Министерства иностранных дел Англии и опубликованными работами, которые появились в последние годы в результате изучения архивов Вены. Английские архивы с 1792 по 1814 год, за доступ к которым я должен выразить свою благодарность лорду Грэнвиллу, представляют собой источник из первых рук, обладающий необычайным богатством, обширностью и интересом. Они включают в себя всю переписку между представителями Великобритании при иностранных дворах и Министерством иностранных дел Англии; определенное количество частных сообщений между министрами и этими представителями; некоторое количество отчетов консулов, агентов и "информаторов" всех мастей; и в дополнение к этому военные отчеты, часто удивительно яркие и содержательные, отправленные британскими офицерами, прикрепленными к штаб-квартирам наших союзников в большинстве кампаний с 1792 по 1814 год. Невозможно, чтобы какой-то один человек прочитал весь этот материал, на написание которого Дипломатической службе потребовалось четверть века. Я попытался изучить корреспонденцию из каждой части Европы, которая на данный момент имела преобладающий политический или военный интерес, оставив ее, когда ее важность стала явно второстепенной по сравнению с другими; и хотя я, без сомнения, оставил нетронутой многое, что могло бы вознаградить за исследование, я надеюсь, что повествование стало более точным благодаря труду, который не был легким, и что несколько коротких выдержек, которые место позволило мне вставить в заметки, могут помочь приблизить читателя к событиям. Когда-нибудь в будущем я надеюсь опубликовать подборку из наиболее важных документов этого периода. Странно, что наши ученые общества, столь ценящие каждую отдаленную и тривиальную хронику Средневековья, игнорируют записи о времени, представляющем такой исключительный интерес, в котором Англия сыграла столь большую роль. Невозможно составить справедливое представление о разнице между английской государственной мудростью и мудростью континентальных дворов в честности, правдивости и общественном духе, пока не будет изучена масса дипломатической переписки, хранящейся в Лондоне; и пока это не будет сделано, невозможно написать что-либо похожее на адекватную биографию Питта.

Вторая и менее важная группа авторитетных источников, с которыми я имел дело во время работы над редакцией, включает работы Хюффера, Вивено, Беера, Хелферта и других, основанные на австрийских документах, наряду с австрийскими документами и письмами,

которые были опубликованы Vivenot. Последний названный писатель сам является партизаном, но материал, который он дал миру, является самым ценным. Тайна, которой австрийское правительство до недавнего времени окутывало все свои действия, привела к тому, что некоторые из них были описаны хуже, чем они были на самом деле; и я полагаю, что в Первом издании я недооценил предвзятость прусских и северогерманских авторов. Там, где я видел причины изменить какие-либо утверждения, я делал это безоговорочно, поскольку мне кажется ребячеством, когда любой, кто пытается писать историю, цепляется за мнение после того, как баланс доказательств, кажется, говорит против него. Публикация второго тома этого труда была отложена из-за пересмотра первого; но я надеюсь, что он появится еще через много месяцев. Я должен выразить свои обязательства мистеру Оскару Браунингу, сотруднику в той же области, который не только снабдил меня различными исправлениями, но и предоставил в мое распоряжение свои собственные лекции; и мистеру Альфреду Кингстону, чья неизменная доброта и обходительность так сильно влияют на тех, чья работа находится в отделе Документации, находящемся под его опекой.

Лондон, 1883.

ПРЕДИСЛОВИЕ КЪ ВТОРОМУ ТОМУ.^[2]

При написании этого тома у меня не было возможности ознакомиться с отчетами Министерства иностранных дел Англии за более поздний период, чем конец 1815 года. Правило, не признанное необходимым в Берлине и некоторых других зарубежных столицах, по-прежнему закрывает для исследователей истории английские документы за последние семьдесят лет. Ограничения, несомненно, необходимы в случае недавних сделок, но семидесятилетний период, безусловно, является неоправданно долгим. Самое свободное изучение документов 1820 или 1830 годов не могло нанести ущерба общественным интересам и даже отдаленно затронуть отдельных людей.

Лондонские документы 1814-1815 годов представляют разный интерес и важность. Документы, относящиеся к Венскому конгрессу, несколько разочаровывают. Взятые все вместе, они добавляют к нашим знаниям об одном или двух моментах, все еще требующих прояснения, меньше, чем недавно опубликованная переписка Талейрана с Людовиком XVIII. Депеши из Италии, с другой стороны, представляют большую ценность, доказывая то, что, как я полагаю, ранее не было установлено, а именно, что Секретный мирный договор 1815 года, по которому Австрия получила законное право предотвращать любой отход от абсолютного правления в Неаполе, был доведен до сведения британского министерства и получил его санкцию. Эта

санкция объясняет неясные и сбивчивые формулировки Каслри в 1820 году, которые, в свою очередь, породили в Италии веру в то, что Англия была более глубоко предана Австрии, чем это было на самом деле, и, вероятно, послужили причиной подделки мнимого Договора от 27 июля 1813 года, разоблаченного в первом томе этой работы, стр. 538, 2-е издание. ^[3] Статьи из Франции и Испании также интересны, хотя и не содержат каких-либо новых выводов.

Сожалея о том, что я не смог воспользоваться лондонскими архивами позднее 1815 года, я полагаю, что, тем не менее, возможно, не прибегая к неопубликованным документам, изложить историю последующих тридцати лет с существенной точностью. Существуют в опубликованном виде, помимо документов, напечатанных официально, массы материалов из первых рук несомненно аутентичного характера, таких как большое английское собрание, известное под несколько вводящим в заблуждение названием "Депеши Веллингтона", Новая серия; или, опять же, собрание, напечатанное в качестве приложения к "Истории греческого восстания" Прокеша фон Остена, или множество томов переписки Генца, относящихся к периоду около 1820 года, когда Генц действительно был в центре событий. Статьи Меттерниха, интересные по своему содержанию, представляют собой всего лишь подборку. Упущения бросаются в глаза и вряд ли случайны. Можно было бы назвать множество второстепенных коллекций, посвященных конкретным событиям, например, в Мемуарах Гизо. Частые ссылки покажут мою приверженность немецкой серии исторических работ, составляющих Лейпцигское государственное собрание, а также французским авторам, которые, подобно Вьель-Кастелю, работали с оригинальными источниками информации до них. В английской литературе существует исключительно мало работ, посвященных этому периоду континентальной истории.

Большая гласность была внесена в политические дела на Континенте установлением парламентского правления во Франции в 1815 году и даже попытками ввести его в других государствах. В Англии у нас всегда была свобода дискуссий, но объем информации, обнаруживаемой исполнительной властью в последнее время, был значительно больше, чем в конце прошлого века. Единственными документами, опубликованными в начале войны 1793 года, были, насколько я могу установить, хорошо известные письма Шовелена и лорда Гренвилла. Во время двадцатилетней борьбы с Францией почти ничего не было известно о дипломатических сделках между Англией и Континентальными державами. Но со времени принятия Законопроекта о реформе и далее объем информации, предоставляемой общественности, постоянно увеличивался, и читатель парламентских газет в наши дни, скорее всего, будет жаловаться на расплывчатость, чем на скрытность. Тем не менее, чтение опубликованных статей никогда не может быть полностью идентичным изучению оригиналов; и писатель, впервые получивший доступ к английским архивам после 1815 года, будет иметь преимущество перед теми, кто работал до него.

Завершение работы над этим томом было отложено почти из-за всех обстоятельств, неблагоприятных для исторического изучения и производства, включая жесткую парламентскую борьбу. Я надеюсь, однако, что в этой работе нет и следа пристрастия или беспокойства, которые я ценил за умственную дисциплину, которой она требовала. В более спокойные времена третий том, я надеюсь, будет продвигаться быстрее.

ЛОНДОН, октябрь 1886 г.

ПРИМЕЧАНИЕ.-Третий том был опубликован в 1889 году.

ГЛАВА I.

Начало войны за независимость в 1792 году - Ее непосредственные причины- Принятая и отозванная декларация Пильница-Агитация священников и эмигрантов-Военная политика Жиронды-Провокации, предлагаемые Франции державами-Состояние Центральной Европы в 1792 году-Священная Римская империя- Австрия-Правление Габсбургов-Реформы Марии Терезии и Иосифа II.-Политика Леопольда II.-Правительство и внешняя политика Франциска II.- Пруссия-Правительство Фридриха Вильгельма II.-Социальное положение Пруссии- Второстепенные государства Германии-Церковные государства-Вольные города-Рыцари- Слабость Германии

Утром 19 апреля 1792 года, после нескольких недель бурной агитации в Париже, министры Людовика XVI. доставили письмо короля в Законодательное собрание Франции. Письмо было кратким, но важным. В нем сообщалось, что король намерен появиться в Зале Собраний в полдень следующего дня. Хотя в письме не раскрывалась цель визита короля, было известно, что Людовик уступил давлению своего министерства и национальному призыву к войне, и что объявление войны Австрии было мерой, которую король собирался предложить лично Ассамблее. На следующий день публика заполнила зал; Собрание прервало свои прения в полдень, чтобы быть готовым к приему короля. Людовик вошел в зал среди глубокого молчания и сел рядом с президентом в кресло, которое теперь заменяло трон Франции. По приказу короля генерал Дюмурье, министр иностранных дел, зачитал Ассамблее доклад об отношениях Франции с иностранными державами. Доклад содержал длинный ряд обвинений против Австрии и заканчивался рекомендацией начать войну. Когда Дюмурье закончил чтение, Луи встал и тихим голосом объявил, что он сам и все Министерство согласны с докладом, зачитанным Собранию; что он приложил все усилия для поддержания мира, но напрасно; и что теперь он пришел, в соответствии с условиями Конституции, предложить Собранию объявить войну австрийскому суверену. Не прошло и трех месяцев с тех пор, как сам Людовик обратился к европейским дворам с просьбой о вооруженной помощи против своих собственных подданных. Слова, которые он сейчас произнес, были вложены в его уста людьми, которых он ненавидел, но не мог устоять: сам взрыв аплодисментов, последовавший за ними, только доказал фатальный антагонизм, существовавший между нацией и королем. После краткого ответа Председателя Собрания Людовик удалился из зала. Само Собрание разошлось, чтобы через несколько часов приступить к обсуждению предложения короля. Когда вечером Палата

представителей вновь собралась, те немногие отважные люди, которые отстаивали национальные интересы и справедливость вопреки страсти момента, едва ли смогли добиться слушания. Просьба о переносе обсуждения на второй день была отклонена; дебаты внезапно прекратились; и объявление войны было принято при семи голосах несогласных. Это было важное решение с последствиями для Франции и для всего мира. С этого дня началась борьба между революционной Францией и установившимся порядком в Европе. Начался период, когда почти каждое государство на Континенте приобрело тот или иной новый характер в результате агрессии Франции, законов и политических изменений, введенных завоевателем, или в результате пробуждения новых сил национальной жизни в кризис успешного сопротивления или унижения. В мои намерения входит проследить великие линии европейской истории с того времени до настоящего времени, кратко обрисовать состояние некоторых основных государств на момент начала войны за независимость и попытаться выделить среди постоянно меняющихся сцен событий шаги, благодаря которым Европа 1792 года стала Европой сегодняшнего дня.

[Первые угрозы иностранных дворов против Франции, 1791 г.]

Первые два года революции закончились, не приведя Францию к столкновению с иностранными державами. Это произошло не из-за какой-либо доброй воли, которую европейские дворы питали к французскому народу, или из-за отсутствия усилий со стороны французской аристократии поднять армии Европы против их собственной страны. Национальное собрание, собравшееся в 1789 году, подорвало власть короны; оно лишило дворянство их привилегий и наложило руку на доходы Церкви. Братья короля Людовика XVI вместе с целым сонмом дворян, слишком нетерпеливых, чтобы продолжать курс постоянной политической оппозиции внутри страны, покинули Францию и утомили иностранные дворы своими призывами о вооруженной помощи. Абсолютные монархи Континента оказали им теплый и даже показательный прием; но они ограничились словами и знаками отличия, и до лета 1791 года Революции не угрожало серьезное вмешательство чужеземцев. Бегство короля Людовика из Парижа в июне 1791 года, за которым последовал его захват и строгое заключение в Тюильри, дало начало первому определенному проекту иностранной интервенции. ^[4] Людовик бежал из своей столицы и из Национального собрания; он вернулся заложником населения, уже знакомого с возмущением и кровопролитием. На мгновение раздражение Парижа поставило королевскую семью под реальную угрозу. Император Леопольд, брат Марии-Антуанетты, дрожал за безопасность своей несчастной сестры и 6 июля направил письмо европейским дворам из Падуи, в котором предлагал державам объединиться, чтобы уберечь королевскую семью Франции от народного насилия. Шесть недель спустя император и король Пруссии Фридрих Вильгельм II. встретились в Пильнице, в Саксонии. Двумя суверенами была опубликована декларация, в которой говорилось, что они считают позицию короля Франции предметом европейской озабоченности и что, в случае согласия всех других великих держав на совместные действия, они готовы предоставить вооруженные силы для действий на французской границе.

[Пильницкая декларация отозвана.]

Если бы Национальное собрание немедленно объявило войну Леопольду и Фридриху Вильгельму, его действия были бы оправданы всеми нормами международного права. Ассамблея, однако, не объявляла войну, и на то были веские причины. В Париже было известно,

что манифест был не более чем уловкой императора для устрашения врагов королевской семьи. Леопольд, когда он обещал присоединиться к коалиции всех Держав, на самом деле осознавал, что Англия не будет участвовать ни в какой такой коалиции. Он был полон решимости не делать ничего, что могло бы вынудить его к войне; и ему не приходило в голову, что французские политики поймут пустоту его угроз так же хорошо, как он сам. Однако так оно и оказалось; и какое бы негодование ни вызвал манифест Пильница в массах французского народа, люди, осведомленные о делах Европы, восприняли его скорее с насмешкой, чем с тревогой. Все политики Национального собрания знали, что Пруссия и Австрия в последнее время были на грани войны друг с другом по Восточному вопросу; они даже недооценили влияние Французской революции на умиротворение существующей вражды великих держав. Ни одна важная партия во Франции не рассматривала Пильницкую декларацию как возможную причину военных действий, и вызов, брошенный Франции, вскоре был публично отозван. Оно было отозвано, когда Людовик XVI, приняв Конституцию, принятую Национальным собранием, поставил себя в глазах Европы в положение свободного субъекта. 14 сентября 1791 года король торжественной публичной клятвой отождествил свою волю с волей нации. В Париже было известно, что эмигранты убеждали его отказаться от своего согласия и ввергнуть нацию в гражданскую войну открытым разрывом с Ассамблеей. Откровенность, с которой Людовик поклялся в верности Конституции, кажущаяся искренность его патриотизма снова повернули общественное мнение в его пользу. Его бегство было прощено; ограничения, наложенные на его личную свободу, были ослаблены. Людовик, казалось, снова примирился с Францией, и Франция была освобождена от запрета Европы. Император объявил, что обстоятельств, вызвавших Пильницкую декларацию, больше не существовало и что Державы, хотя и были готовы возродить Лигу, если в будущем представится такая возможность, приостановили все совместные действия в отношении внутренних дел Франции.

[Священники и эмигранты держат Францию в напряжении.]

Национальное собрание, которое за два года так далеко продвинуло Францию к цели политической и социальной свободы, теперь объявило о завершении своей работы. В массе нации было мало желания дальнейших перемен. Обиды, которые сильнее всего влияли на обычный ход жизни людей - несправедливое налогообложение, исключение из сферы государственной службы, монополии среди горожан и феодальные налоги, которые поглощали продукцию крестьян, - были устранены. Франция была вынуждена к новой серии насильственных перемен не столько из-за какого-либо общего требования дальнейших реформ, сколько из-за антагонизмов, уже разожженных революцией. Сам король не был искренне солидарен с нацией; во всем, что наиболее остро касалось его совести, он неохотно соглашался с работой Ассамблеи. Церковь и знать были настроены на то, чтобы отменить то, что уже было сделано. Не вмешиваясь в доктрину или ритуал, Национальное собрание реорганизовало церковную систему Франции и обеспечило то верховенство государства над священством, к которому на протяжении всего восемнадцатого века неуклонно стремились правительства католической Европы. Гражданская конституция духовенства, которая была создана Национальным собранием в 1790 году, превратила духовенство из общества землевладельцев в организацию наемных должностных лиц государства и предоставила мирянам право избирать своих епископов и служителей. Перемена, осуществленная в такой крайней форме, подняла на восстание весь корпус епископов и значительную часть низшего духовенства. Их интересы были ущемлены продажей церковных земель; их совесть была уязвлена системой всенародных выборов, которая была осуждена папой римским. С половины

кафедр Франции принципы Революции были преданы анафеме, а месть небес обрушилась на покупателей секуляризованных церковных земель. За границей дворяне-эмигранты, которые могли бы умерить Революцию, объединившись со многими либеральными людьми своего круга, оставшимися дома, взяли за оружие и обратились за помощью к иностранцам против нации, в которой они не видели ничего, кроме своих собственных мятежных подданных. Штаб-квартира эмигрантов находилась в Кобленце, во владениях курфюрста Тревского. Они сформировали полки общей численностью в несколько тысяч человек и занялись экстравагантными планами мести всем французам, которые принимали участие в уничтожении привилегий их касты.

[Законодательное собрание. Октябрь 1791 г.]

[Военная политика Жиронды.

Если бы выборы, последовавшие за роспуском Национального собрания, направили в Законодательный орган группу людей, стремившихся только к сохранению уже завоеванных преимуществ, сохранить мир во Франции при тайной или открытой враждебности двора, Церкви и эмигрантов было бы нелегкой задачей. Но испытание не состоялось. Лидеры среди новых представителей не были людьми компромисса. В Законодательном органе, собравшемся в 1791 году, были все страсти Ассамблеи 1789 года, без какого-либо опыта, который приобрело это Собрание. Указ, памятный среди достижений политической глупости, запрещал членам покойной Палаты добиваться переизбрания. Новое законодательное собрание состояло из людей, чьи политические убеждения были почти полностью почерпнуты из литературных источников; наиболее опасные теоретики прежнего Собрания были освобождены от парламентских ограничений и назначены, подобно Робеспьеру, ораторами клубов. В самой Палате защитники монархии и Конституции, которая только что была дарована Франции, были намного сильнее сторонников прогресса. Наиболее заметные из новых депутатов сформировали группу, названную в честь округа Жиронда, где были избраны несколько их лидеров. Оратор Верньо, выдающийся среди товарищей по исключительному красноречию, философ Кондорсе, опытный журналист Бриссо, придали этой партии господство в Палате представителей и влияние в стране, тем более опасное, что она, по-видимому, принадлежала людям, стоявшим выше обычных областей политической борьбы. Не имея четкого плана превращения монархии в республику, ораторы Жиронды стремились перенести революционное движение через барьер, воздвигнутый против него Конституцией 1791 года. С момента открытия Собрания стало ясно, что жирондисты намеревались ускорить конфликт между Двором и нацией, посвятив все богатство своего красноречия предметам, которые больше всего разделяли Францию. Для Бриссо и людей, выражавших идеи партии, было бы катастрофой, если бы Конституция 1791 года, с ее уважением к прерогативам короны и терпимостью к средневековым суевериям, начала действовать. Несмотря на предсказание Робеспьера о том, что война даст Франции сильного монарха вместо слабого, жирондисты убедили себя, что лучшим средством ослабления или свержения монархической власти во Франции является война с монархами Европы; и с тех пор они добивались войны, почти не маскируясь. ^[5]

[Записки Кауница, 21 декабря, 17 февраля.]

Не было недостатка и в поводах, если война была необходима Франции. Защита, которую курфюрст Тревский оказал армии эмигрантов в Кобленце, была настолько вопиющим нарушением международного права, что Жиронда заручилась поддержкой всей нации, когда

они обратились к королю с требованием разогнать эмигрантов в самой безапелляционной форме. Национальные чувства были остро возбуждены дебатами, в ходе которых военные приготовления эмигрантов и поощрение, оказываемое им иностранными князьями, осуждались со всей энергией южного красноречия. 13 декабря Людовик объявил выборщикам Трева и Майнца, что он будет относиться к ним как к врагам, если вооружения на их территориях не будут распределены к 15 января; и в то же время он призвал императора Леопольда, как главу германского корпуса, использовать свое влияние, чтобы образумить выборщиков. Требования Франции не встретили сопротивления. 16 января 1792 года Людовик проинформировал Ассамблею о том, что эмигранты были изгнаны из электората, и признал добрые услуги Леопольда в достижении этого результата. Существенная причина войны, казалось, исчезла; но на ее месте возникла другая. В ноте от 21 декабря австрийский министр Кауниц использовал выражения, которые подразумевали, что все еще существует лига держав против Франции. Ничто не могло подойти более кстати для партии войны в Собрании. Бриссо призывал к немедленному объявлению войны и взывал к французской нации отстоять свою честь нападением как на эмигрантов, так и на их императорского покровителя. Исход зависел от относительной власти короны и Оппозиции. Леопольд понимал, что война неизбежна, если Конституционная партия, которая все еще находилась у власти, не предпримет последнего усилия и не одержит решительную победу над своими противниками. В надежде настроить общественное мнение против Жиронды, он разрешил Кауницу отправить депешу в Париж, в которой обвинял лидеров партии войны в оскорблениях и призывал французскую нацию освободиться от людей, которые навлекут на нее враждебность Европы. (17 февраля.)^[6] Депеша стала исключительным доказательством неспособности самого умного монарха и самого опытного министра того времени отличить страхи робкого кабинета от порывов возбужденной нации. Брань Леопольда могла бы возыметь желаемый эффект, если бы была адресована маркграфу Баденскому или венецианскому дожу; адресованные французской нации и ее народному собранию в разгар гражданского конфликта, они были подобны маслу, подлитому в пламя. Леопольд разрушил партию, которую он намеревался укрепить; он бросил нацию в объятия тех, на кого нападал. Его сообщение было встречено Собранием попеременным ропотом и взрывами смеха; в клубах оно вызвало дикую вспышку ярости. Обмен дипломатическими нотами продолжался еще несколько недель; но настоящим ответом Франции Австрии была "Марсельеза", сочиненная в Страсбурге почти одновременно с нападками Кауница на якобинцев. Внезапная смерть императора 1 марта не привела к приостановке полемики. Делессар, министр иностранных дел Людовика, был отстранен от должности и заменен Дюмурье, представителем партии войны.

[Объявлена война, 20 апреля 1792 г.]

Протесты приняли более резкий тон; старые темы для жалоб были возобновлены; и армии с обеих сторон уже продвигались к границе, когда несчастный Людовик был доставлен в Ассамблею своими министрами и вынужден был предложить объявление войны.

[Мнимые основания для войны.]

[Ожидание иностранного нападения реально среди французского народа; нереально среди французских политиков.]

Редко бывает, чтобы предполагаемые основания соответствовали реальным мотивам войны; такого не было и в 1792 году. Ультиматум австрийского правительства требовал выплаты

компенсации некоторым немецким дворянам, чьи феодальные права на их крестьянство были отменены в Эльзасе; чтобы папе была выплачена компенсация за Авиньон и Венессен, отнятые у него Францией; и чтобы в Париже было установлено правительство, способное обеспечить державам Европы безопасность от распространения демократической агитации. Никто не предполагал, что первые две жалобы станут серьезной почвой для военных действий. Права немецкой знати в Эльзасе на своих крестьян, несомненно, были защищены договорами, которые передали эти районы Франции; но каждый политик в Европе посмеялся бы над правительством, которое позволило феодальной системе выжить в уголке своих владений из уважения к поселению полуторавековой давности: Ассамблея также не отказала этим иностранным сеньорам в компенсации, которую тщетно требовал король Людовик для дворян Франции. Что касается аннексии Авиньона и Венеции, то держава, которая, подобно Австрии, участвовала в расчленении Польши и только что предприняла безуспешную попытку расчленить Турцию, не могла серьезно упрекать Францию в присоединении округа, который фактически находился в ее пределах и жители которого или значительная их часть стремились стать гражданами Франции. Третье требование - создание такого правительства, которое Австрия сочла бы удовлетворительным, - было тем, которое не могли удовлетворить пылкие люди. На самом деле Австрия этого и не ожидала. У Леопольда не было желания нападать на Францию, но он использовал угрозы и не желал унижаться, отказываясь от них. Он не стал бы начинать войну с целью освобождения французской короны; но когда он обнаружил, что сам наверняка подвергнется нападению, он без сожаления согласился на войну с Революцией. С другой стороны, когда Жиронда осудила лигу королей, они преувеличили отдаленную опасность для целей своей внутренней политики. Правители Континента действительно не скрывали своей ненависти к Революции. Екатерина Российская призывала все дворы Европы начать войну; Густав Шведский был застигнут врасплох насильственной смертью в разгар приготовлений к войне против Франции; Испания, Неаполь и Сардиния были готовы последовать за лидерами, более сильными, чем они сами. Но государственные деятели Французского собрания хорошо понимали интервал, отделяющий враждебные чувства от фактического нападения; и несущественный характер опасности для Франции, будь то со стороны северных или южных держав, был доказан самим фактом, что Австрия, наследственный враг Франции и страна ненавистной Марии-Антуанетты, рассматривалась как главный враг. Тем не менее Суды сделали достаточно, чтобы вызвать гнев миллионов французов, которые знали об их угрозах, а не об их колебаниях и сдержанности. Человек, сочинивший "Марсельезу", не был сочинителем хитроумно придуманных басен; толпа, впервые запевшая ее, никогда не сомневалась в реальности опасностей, о которых говорили ораторы Собрания. Европейские дворы подлили масла в огонь; жирондисты поднесли факел. У массы французской нации было мало возможностей оценить то, что происходило в Европе; они черпали факты из своих лидеров, которые не считали очень серьезным делом втягивать нацию в войну ради укрепления внутренней свободы. Вскоре событиям предстояло вынести свой собственный суровый и насмешливый приговор государственной мудрости жирондистов.

[Германия вступает в войну вслед за Австрией.]

[Государство Германия.]

После голосования за объявление войны Французское собрание приняло манифест, составленный Кондорсе, в котором от имени французского народа отказывалось от любых завоевательных намерений. Манифест выражал то, что искренне чувствовали такие люди, как

Кондорсе, для которых Революция все еще была слишком священным делом, чтобы быть запятнанной вульгарной жадой возвеличивания. Но фактический ход войны определялся не столько намерениями, с которыми французы ее начали, сколько политическим состоянием государств, граничащих с французской границей. Война была в первую очередь войной с Австрией, но Суверен Австрии был также главой Германии. Немецкие церковные князья, правившие в рейнских провинциях, были самыми ревностными защитниками эмигрантов; теперь было невозможно, чтобы они нашли убежище в нейтралитете. Пруссия заключила союз с императором против Франции; другие германские государства последовали примеру той или иной великой державы. Если Франция окажется сильнее своего врага, то, помимо правительства Австрии, найдутся правительства, которым придется считаться с революцией. На самом деле Австрия не была державой, наиболее подверженной насильственным изменениям. Большая часть ее территории лежала далеко от Франции; самое большее, она рисковала потерять Ломбардию и Нидерланды. Германия в целом была реальной территорией, которой угрожала война, и никогда политическое сообщество не было менее подготовленным к сопротивлению нападению, чем Германия в конце восемнадцатого века. Именно в разделении немецкого народа и в соперничестве двух ведущих германских правительств Франция нашла свою самую надежную поддержку на протяжении всей войны за независимость и самый острый стимул к завоеваниям. Прольет свет на внезапные перемены, которые сейчас начали происходить в Европе, если мы остановимся, чтобы сделать краткий обзор состояния Германии в начале войны, отметить характер и политику ее правящих суверенов и бросить взгляд на обстоятельства, которые привели центральный район Европы к его реальному состоянию.

[С 1648 года все Германские государства независимы от императора.]

[Священная Римская империя.]

Германия в целом все еще сохраняла средневековое название и формы Священной Римской империи. Членами этой так называемой империи было, однако, множество независимых государств; и главное из этих государств, Австрия, объединило со своими немецкими провинциями обширную территорию, которая даже по названию не входила в состав германского государства. Пестрая часть Империи состояла из правительств всех степеней силы и слабости. Австрия и Пруссия обладали как политическими традициями, так и ресурсами, возводившими их в ранг великих европейских держав; но суверенные государства второго порядка, такие как Саксония и Бавария, не обладали ни надежностью, ни свободной энергией, которые часто наблюдаются в небольших политических сообществах; в то время как в остальных мелких государствах Германии, насчитывающих несколько сотен человек, вся общественная жизнь давно забылась в дремотной рутине официальной благотворительности или угнетения. Теоретически все еще существовало единое германское тело; в действительности Германия состояла из двух великих монархий, ожесточенно соперничавших друг с другом, и множества независимых княжеств и городов, членство которых в Империи не предполагало ничего, кроме ответственности быть втянутыми в распри своих более могущественных соседей. Немецкого национального чувства не существовало, потому что не существовало никакой комбинации, объединяющей интересы всей Германии. Названия и формы политического союза пришли из далекого прошлого и представляли собой гротескный анахронизм среди реалий восемнадцатого века. Глава германского государства занимал должность не по наследственному праву, а как избранный преемник Карла Великого и римских цезарей. С пятнадцатого века императорское достоинство принадлежало австрийскому дому

Габсбургов; но, за исключением Карла V. Ни один государь из этого Дома не командовал войсками, достаточными для создания объединенного немецкого государства, и представившейся тогда возможности было позволено упустить. Реформация отделила Северную Германию от католической монархии юга. Тридцатилетняя война, закончившаяся в середине семнадцатого века, обеспечила существование протестантизма на Европейском континенте, но обеспечила это ценой истощенной и распавшейся Германии. По Вестфальскому мирному договору 1648 года нашей эры была признана независимость каждого члена империи, и отныне центральная власть была всего лишь тенью. Парламент империи, где представители курфюрстов, князей и Вольных городов заседали в средневековом порядке, превратился в Коллегию герольдов, занимавшуюся вопросами титулов и старшинства; дела реальной важности передавались посланниками от Двора ко Двору. В целях ведения войны Империя была разделена на Круги, каждый Круг теоретически снабжал определенный контингент войск; но эта военная организация существовала только на бумаге. Великие и промежуточные государства регулировали свои вооружения, как и свою политику, без оглядки на ратисбонский сейм; контингенты небольших суверенных государств и вольных городов были в разной степени неэффективны, коррумпированы и беспорядочны; и, несмотря на храбрость немецкого солдата, в европейской войне могло иметь мало значения, вышел или не вышел на поле боя полк, капитан которого был назначен городом Гмюнд, лейтенант - аббатисой Ротенмюнстера, а прапорщик - аббатом Гегенбаха численностью в пятьдесят процентов. . ниже установленного законом контингента.^[7] Насколько слабой была связь, существовавшая между членами Империи, насколько медленным и громоздким был ее конституционный механизм, было наглядно доказано после первых вторжений французов в Германию в 1792 году, когда сейм совещался в течение четырех недель, прежде чем вызвать войска Империи, и в течение пяти месяцев, прежде чем объявить войну.

[Австрия.]

[Католическая политика Габсбургов.]

Защита Германии фактически зависела от армий Австрии и Пруссии. Австрийский дом Габсбургов носил императорский титул и собрал вокруг себя суверенов менее прогрессивных немецких государств. В то время как протестантские общины Северной Германии отождествляли свои интересы с интересами восходящей прусской монархии, религиозные симпатии и вековые традиции приобщили второстепенные католические дворы к политической системе Вены. Австрия кое-что выиграла благодаря своему покровительству; однако она не была настоящим членом немецкой семьи. Его интересы не были интересами Германии; его мощь, великая и прочная, как она доказала, не была основана в основном на немецких элементах и не использовалась в основном в немецких целях. Титул австрийского монарха давал наилучшее представление об исключительном разнообразии рас и национальностей, которые были обязаны своим политическим союзом только подчинению общему главе. В более короткой форме государства правящий Габсбург был описан как король Венгрии, Богемии, Хорватии, Славонии и Галиции; эрцгерцог Австрии; великий герцог Трансильвании; герцог Штирии, Каринтии и Карниолы; и княжеский граф Габсбургов и Тироля. В начале войны 1792 года владения Австрийского дома включали Южные Нидерланды и Миланское герцогство, в дополнение к большей части территории, которой он до сих пор управляет. В австрийской монархии говорили на одиннадцати различных языках с бесчисленным разнообразием диалектов. Из элементов населения славяне были намного многочисленнее, насчитывая около

десяти миллионов человек, по сравнению с пятью миллионами немцев и тремя миллионами мажар; но ни численное превосходство, ни национальные объекты вождения не влияли на политику семьи, которая равнодушно смотрела на все подчиненные ей расы как на инструменты для своего собственного возвышения. Милан и Нидерланды перешли во владение Австрии с начала восемнадцатого века, но судьба старых владений Дома Габсбургов была решена для многих поколений в ходе Тридцатилетней войны. В этой борьбе, затронувшей Австрию, конфликт древней и реформированной веры превратился в конфликт между монархией, связанной с Церковью, и всеми элементами национальной жизни и независимости, связанными с Реформацией. Протестантизм, господствовавший в то время почти на всех территориях Габсбургов, не был подавлен без уничтожения политических свобод австрийской Германии, национальной жизни Богемии, духа и амбиций венгерской знати. Отвратительное желание императора Фердинанда "Скорее создать пустыню, чем страну, полную еретиков", было слишком хорошо исполнено в последующей истории его владений. В немецких провинциях, за исключением Тироля, исчезли старые парламенты, а вместе с ними и все следы свободы; в Богемии национальное протестантское дворянство потеряло свои поместья или сохранило их только ценой отказа от религии, языка и чувств своей расы, пока страна Гусса не исчезла из поля зрения цивилизованной Европы, и Богемия представляла собой не более чем пустую, незамеченную массу земледельцев. В Венгрии, где нация не была так полностью сокрушена Тридцатилетней войной и протестантизм выжил, массовые казни в 1686 году по приказу Трибунала, известного как "Бойня эперий", проиллюстрировали традиционную политику монархии по отношению к духу национальной независимости. Только двум силам было позволено существовать в австрийских владениях, власти короны и власти духовенства; и, поскольку среди подвластных народов не могло существовать подлинного национального единства, единство слепой преданности католической церкви было навязано большей части монархии всей властью государства.

[Реформы Марии Терезии, 1740-1780 гг.]

Под давлением этого бездушного деспотизма человеческий разум, казалось, утратил все свои тонкие способности. Семнадцатый и восемнадцатый века, в течение которых в Англии и Франции не проходило ни одного десятилетия без создания какого-нибудь литературного шедевра, какого-нибудь научного открытия или какого-нибудь прогресса в политических рассуждениях, не отмечены ни одним прославленным австрийским именем, за исключением имени музыканта Гайдна. Когда после трех поколений оцепенения, последовавших за Тридцатилетней войной, в Винкельмане и Лессинге снова пробудился дух Северной Германии, а широко распространенное образование дало среднему классу некоторую компенсацию за отсутствие всякой политической свободы, в Австрии не появилось и следа этого возрождения. Дворянин охотился и спал; крепостной тяжело трудился; там, где существовала школа, иезуит обучал своих школьников церковной латыни и отсылал их прочь, не умеющих читать на родном языке. В этом унылом и непроницаемом обществе начало улучшения могло быть положено только военной катастрофой. Потеря Силезии в первые годы правления Марии Терезии нарушила сон правительства, и начались реформы. Хотя старые провинциальные собрания, за исключением Венгрии и Нидерландов, давно утратили всякую реальную власть, корона никогда не пыталась создать единую систему управления: сбор налогов, набор рекрутов по-прежнему были делом феодальных землевладельцев каждого округа. Как такой устаревший порядок мог действовать в присутствии энергичного противника, было достаточно ясно показано в первом нападении Фридриха Великого на Австрию. В качестве основы лучшей военной организации и в

надежде пробудить более сильные национальные интересы у своих подданных Терезия ввела некоторые должности централизованной монархии, в то же время она улучшила положение крепостных и заменила немецкое образование и немецких школьных учителей образованием иезуитов. Крестьянин, до сих пор во многих частях монархии привязанный к земле, теперь был свободен покидать землю своего господина и был защищен от изгнания до тех пор, пока он выполнял свой долг по труду на господина определенное количество дней в году. Дальше этого реформа Терезы не простиралась. У нее не было желания отменять феодальный характер сельской жизни; она не хотела ни умерять влияние католицизма, ни уничтожать те провинциальные формы, которые давали дворянам в их собственных округах тень политической независимости. Будучи консервативной в своих чувствах, привязанной к аристократии и лично набожной, Тереза соглашалась только на те перемены, которые были рекомендованы ее доверенными советчиками, и просила не больше, чем могла добиться благодаря очарованию своего собственного королевского характера.

[Иосиф II., 1780-1790.]

С восшествием на престол ее сына Иосифа II. в 1780 году для Австрии началась новая эра. Работа, отложенная Терезой, затем была продолжена монархом, чьи концепции социальных и религиозных реформ мало что могли добавить к ним самым смелым новаторам Франции десять лет спустя. Нет сомнения, что создание великой военной силы для иностранных завоевательных предприятий было целью, всегда присутствовавшей в сознании Джозефа, и что жажда бесконтрольной деспотической власти никогда не покидала его; но рядом с этими более грубыми элементами в натуре Джозефа было что-то от истинного огня человека, живущего идеями. Страстно желая возвысить каждый класс своих подданных, в то же время игнорируя все их привычки и желания, Иосиф попытался преобразовать пестрое и одержимое священниками собрание народов, которыми он правил, в единое однородное тело, организованное по образцу Франции и Пруссии, боготворящее в духе терпимого и просвещенного христианства, вдохновленное в своих отношениях между классами гуманной философией восемнадцатого века. В первый год своего правления Иосиф отменил всю юрисдикцию, которая не исходила непосредственно от короны, и рассеял армию чиновников от Остенде до Днестра, чтобы вести все государственные дела в своих владениях под непосредственным руководством центральной власти в Вене. В последующие годы эдикт следовал за эдиктом, распуская монастыри, запрещая церковные праздники и паломничества, обеспечивая защиту государства всем формам христианского богослужения, отменяя освобождение от земельного налога и монополию дворянства на государственные должности, превращая университеты из притонов монашеского невежества в школы светского обучения, превращая личную службу крестьянина в плату за аренду и наделяя его в лице чиновника короны защитником и арбитром во всех его отношениях со своим господином. Благородный и просвещенный в своих целях, Джозеф, как и любой другой реформатор восемнадцатого века, недооценивал силу, которую прошлое оказывает на настоящее; он не мог видеть ничего, кроме предубеждения и неразумия в привязанности к провинциальным обычаям или освященным временем мнениям; он ничего не знал о том моральном законе, который ограничивает успех революций условиями, предшествующими им. То, что было худшим, объединилось с тем, что было лучшим в сопротивлении его реформам. Фанатики из Лувенского университета, которые все еще выступали против открытий Ньютона, подстрекали толпу к восстанию против Иосифа как врага религии; мажарские землевладельцы в Венгрии сопротивлялись системе, которая уничтожала последние остатки их национальной независимости в то же время, когда она разрушала

суровую власть, которую они сами осуществляли над своим крестьянством. Джозеф чередовал уступки с крайностями автократического насилия. В какой-то момент он решил смести все местные права, которые мешали осуществлению его власти; затем, после успешного восстания в Нидерландах и доведения Венгрии до грани вооруженного сопротивления, он отменил свои неконституционные указы (28 января 1790 г.) и восстановил все институты венгерской монархии, существовавшие на момент его восшествия на престол.

[Леопольд II., 1790-1792.]

Месяц спустя смерть оторвала Иосифа от его борьбы и горестей. Его преемник, Леопольд II, обнаружил, что монархия как союзник России вовлечена в нападение на Турцию; ей угрожает Северная лига Пруссии, Англии и Голландии; она истощена в финансовом отношении; ослаблена восстанием в Нидерландах; и в каждой провинции ее отвлекает конфликт древней и современной систем правления и утверждение новых социальных прав, которые, казалось, были созданы только для того, чтобы быть уничтоженными. Восстановление Бельгии и заключение мира с Турцией были осуществлены при обстоятельствах, которые сделали по заслугам ловкую и осторожную государственную мудрость Леопольда. Его урегулирование конфликта между короной и провинциями, между церковью и образованием, между дворянами и крепостными обозначило линию, по которой, к лучшему или к худшему, австрийская политика должна была продолжаться в течение шестидесяти лет. Провинциальные права, привилегии орденов и корпоративных структур Леопольд восстановил; личный суверенитет своего дома он сохранил в неприкосновенности. В более либеральной части законодательства Иосифа, об освобождении образования от контроля клерикала, пресечении несправедливых привилегий в налогообложении, отмене феодальной повинности крестьян, Леопольд был готов пойти на уступки Церкви и аристократии; духу национальной независимости, который агрессия его предшественника возбудила как в Богемии, так и в Венгрии, он не пошел ни на какие уступки, кроме восстановления определенных заветных форм. Попытка мадьярской знати выдвинуть условия для признания Леопольда королем Венгрии потерпела поражение; и, создав новые офисы в Вене для ведения дел Иллирии и Трансильвании и сделав их независимыми от венгерского сейма, Леопольд показал, что корона обладает инструментом против доминирующей мадьярской расы в славянских и романских элементах Венгерского королевства. ^[8] С другой стороны, Леопольд согласился восстановить контроль Церкви над высшим образованием и снять бремя налогообложения с земель, не занятых знатными владельцами. Он придал новую строгость цензуре прессы; но в выигрыше оказалась не Церковь, которой цензура раньше принадлежала, а правительство, которое теперь использовало ее как государственный инструмент. В великом вопросе об освобождении крепостных Леопольду противостояла более решительная и могущественная группа венгерской знати, чем в какой-либо другой провинции. Право сеньора приковывать крестьянина к земле и контролировать его брак Леопольд отказался восстановить в какой-либо части своих владений; но, в то время как в некоторых частях Богемии ему удалось сохранить право, данное Иосифом крестьянину заменять личную службу денежной оплатой, в Венгрии он был вынужден вернуться к системе Терезы и оставить окончательное решение вопроса на усмотрение сейма. Двадцать лет спустя государственный деятель, освободивший крестьян Пруссии, заметил, что Венгрия была единственной частью австрийских владений, в которой крестьяне были не в лучшем положении, чем его собратья в Северной Германии; ^[9] гуманность сейма была настолько вялой, что до 1835 года тюрьма и доски для порки продолжали составлять часть каждого венгерского

поместья.

[Смерть Леопольда, 1 марта 1792 г.]

[Франциск II., 1792.]

От самоотверженного пыла Жозефа в характере Леопольда не осталось и следа; однако его политические цели не были низкими. За двадцать четыре года правления Тосканой он проявил себя почти идеальным правителем в стремлении к миру, религиозному просвещению и материальному улучшению своего маленького владения. Взойдя на австрийский престол, он пошел на компромисс с Церковью и аристократией скорее из предполагаемой политической необходимости, чем из своей собственной склонности. Пока был жив Леопольд, Австрия не нуждалась бы ни в интеллекте, способном охватить всю сферу государственных дел, ни в воле, способной навязать единство действий слугам государства. К несчастью Европы не меньше, чем своих собственных владений, Леопольда унесла болезнь в тот момент, когда разразилась война за независимость. Тревожная реакция на реформы Иосифа и вполне обоснованный страх перед национальными движениями в Венгрии и Нидерландах уже были главными силами в официальном мире Вены; в дополнение к этому пришел новый ужас перед вооруженным прозелитизмом Революции. Преемник Леопольда, Франциск II, был болезненным принцем, в чьем простом и лишенном воображения уме великие предприятия Иосифа, среди которых он вырос, вызывали только отвращение. Среди людей, которые его окружали, рутина и страх перемен положили конец высшим формам общественной жизни. Правительство открыто заявило, что все перемены должны прекратиться до тех пор, пока длится война; даже насущный вопрос об отношениях крестьянина к своему господину был оставлен венгерским сеймом нерешенным, чтобы дух национальной независимости не нашел выражения в его дебатах. Во всем внутреннем управлении Австрии, казалось, возвращалось оцепенение времен, предшествовавших Терезе. Однако во внешней политике Австрии не было и следа этого робкого, консервативного духа. Иосиф, столь же беспокойный за границей, как и дома, разделял амбиции российской императрицы Екатерины и беспокоил Европу своими замыслами в отношении Турции, Венеции и Баварии. Эти и подобные им планы территориального расширения продолжали занимать умы австрийских придворных и послов. Вскоре после начала войны с Францией престарелый министр Кауниц, возглавлявший министерство иностранных дел в течение трех царствований, отошел от власти. Несмотря на первый раздел Польши, осуществленный совместно с Россией и Пруссией в 1772 году, и несмотря на последующие попытки Иосифа против Турции и Баварии, политика Кауница не была простой авантюрой и переходящими в наступление действиями. В целом он оставался верен принципу союза с Францией и антагонизма к Пруссии; и когда революция приблизила войну, он пожелал ограничить цель войны восстановлением монархического правления во Франции. Условия, на которых молодой император и король Пруссии согласились повернуть войну в целях территориального расширения, заставили Кауница, с истинным пониманием фатального значения этой политики, отказаться от власти, которой он владел в течение сорока лет. Между двумя дворами была тайно достигнута договоренность о том, что Пруссия должна возместить себе свои расходы против Франции путем захвата части Польши. От имени Австрии было выдвинуто требование, чтобы император аннексировал Баварию, отдав Бельгию курфюрсту в качестве компенсации. Обе эти схемы нарушали то, что Кауниц считал разумной политикой. Он считал, что интересы Австрии требуют консолидации, а не уничтожения Польши; и он объявил обмен Нидерландов на Баварию при фактическом положении дел неосуществимым. ^[10] Если бы

коалиция 1792 года была сформирована на принципах, отстаиваемых Кауницем, хотя Австрия, возможно, и не добилась бы восстановления монархической власти во Франции, альянс не потерпел бы позорного краха из-за преступлений и подлости, сопутствовавших второму разделу Польши.

С того момента, как Кауниц ушел в отставку, расширение территории стало главной целью австрийского двора. Для благоразумных государственных деятелей разрозненные провинции и разнородное население Австрийского государства наводили на мысль, что Австрии есть что терять, чем любой европейской державе; людям 1792 года казалось, что ей есть что приобрести. Нидерланды могли быть увеличены за счет полосы французской Фландрии; Бавария, Польша и Италия были слабыми соседями, которых, в свою очередь, можно было заставить обогатить Австрию. С приобретением территории была связана своего рода магическая сила. Если было приобретено столько квадратных миль и столько голов населения, будь то чужой или родственной расы, мятежной или дружественной, то конец всей государственной мудрости был достигнут, и тяжелейшая жертва жизни и трудолюбия была вознаграждена. Австрия делала вид, что выступает в качестве центра оборонительного союза и борется за общую цель - дать Франции правительство, которое уважало бы права ее соседей. В действительности ее собственные военные операции слишком часто контролировались, и эффективная совместная война срывалась, в один момент из-за замысла напасть на французскую Фландрию, в другой - из-за хода польских или баварских интриг, в третий - из-за надежды на завоевания в Италии. Из всех интересов, которые были сосредоточены в центре внимания главы Дома Габсбургов, наименее уважаемыми в Вене были интересы Империи и Германии.

[Пруссия.]

Также, если бы Австрия была признана нуждающейся, у Германии не было какой-либо постоянной защиты в конкурирующем протестантском государстве. Пруссия, вторая великая немецкая держава и давний враг Австрии, приобрела влияние в Европе, совершенно несоизмеримое с ее скудными ресурсами, благодаря гению Фридриха Великого и более ранних принцев из Дома Гогенцоллернов. Его население не составляло и трети населения Франции или Австрии; его богатство, возможно, не превосходило богатства Венецианской республики. То, что государство, столь бедное людьми и деньгами, могло играть роль одной из великих держав Европы, было возможно только до тех пор, пока энергичный правитель следил за каждым движением этого сложного механизма, который формировал и армию, и нацию по типу государя. Фредерик дал своим подданным справедливое отправление закона; он научил их производительным отраслям промышленности; он стремился приблизить образование к их дверям^[11]; но он требовал, чтобы гражданин отчитывался перед всеми как слуга государства. Каждый пруссак либо работал в высшей официальной иерархии, либо смотрел на нее как на провидение, которое должно было направлять все его действия и подкреплять все его суждения. Бремя налогов, налагаемое поддержкой армии, в три раза превышающей армию любой другой державы, было чудесным образом облегчено экономией Фридриха: гораздо более серьезной, чем табачная монополия и реквизиции фуража, на которые подданные Фридриха роптали при его жизни, была опасность того, что нация, достигшая политического величия только благодаря подчинению строгой администрации, впадет в политическую беспомощность, когда ясная цель и всеобъемлющая забота ее правителя больше не оживляют систему, которая без него была всего лишь педантичной рутинной. То, что в Англии мы привыкли

считать самой сутью национальной жизни, - массу политических интересов и мнений, в той или иной степени распределенных среди всех классов, одновременно опору и судью слуг государства, - в Пруссии не существовало. Подданные Фридриха повиновались своему монарху и доверяли ему; вероятно, не было и пятисот человек вне государственной службы, которые имели бы какие-либо собственные политические взгляды. В Пруссии не было даже формы национального представительства; и, хотя некоторые провинциальные собрания продолжали собираться, они собирались только для получения инструкций от королевских чиновников своего округа. В отсутствие какой-либо общественной критики преклонный возраст Фридриха сам по себе должен был поставить под угрозу эффективность военной системы, которая подняла Пруссию на ее внезапное возвышение.^[12] Импульса преемника Фридриха было достаточно, чтобы перевернуть всю систему внешней политики Пруссии и ввергнуть страну в союз с Австрией в спекулятивную и ненужную войну.

[Фридрих Вильгельм II, 1786 г.]

[Союз с Австрией против Франции, февраль 1792 г.]

После смерти Фридриха в 1786 году корона перешла к Фридриху Вильгельму II, его племяннику. Фридрих Вильгельм был человеком заурядного типа, эффектным и любящим удовольствия, интересовавшимся общественными делами, но неспособным действовать исходя из каких-либо твердых принципов. Его любовницы задавали тон политическому обществу. Группа придворных интриговала друг против друга из-за управления королем, и политика Пруссии менялась от пункта к пункту по мере того, как один неустойчивый импульс уступал место другому. В странах, менее зависимых, чем Пруссия, от личной деятельности монарха, недостатки Фридриха Вильгельма могли бы быть нейтрализованы способными министрами; в Пруссии слабостью короля был упадок государства. Вся основа национального величия была создана королевской властью; качество государственной службы, без которой нация политически не существовала, зависело от качества ее главы. Когда во дворце изобилие и интриги заменили неослабный труд Фридриха Великого, прежняя прямота, трудолюбие и точность, которые были гордостью прусской администрации, повсеместно вышли из моды. Однако легкомыслие Двора было менее активной причиной упадка вооруженных сил, чем отказ от основных принципов прусской политики.^[13] Если в стране и существовало какое-либо политическое чувство, то это было чувство антагонизма к Австрии. Патриотизм армии, со всеми традициями великого короля, полностью обратился в этом направлении. Когда из сочувствия к семье Бурбонов и эмигрировавшей французской знати Фридрих Вильгельм вступил в союз с Австрией (февраль 1792 г.) и бросился в объятия своего древнего врага, чтобы напасть на нацию, которая не причинила ему зла, он положил конец всякому ревностному повиновению среди своих слуг. Брауншвейг, прусский главнокомандующий, ненавидел французских эмигрантов так же сильно, как Революцию; и даже генералы, которые изначально не разделяли неприязни Брауншвейга к войне, восстановили свою старую зависть к Австрии после первого поражения и приложили все усилия только для того, чтобы выйти из войны в первый же момент, когда Пруссия могла выйти из нее без позора. Само предприятие, в котором Австрия согласилась на то, чтобы берлинский двор добивался своей награды, - захват части Польши - оказалось роковым для коалиции. Императрица Екатерина уже во второй раз наложила свою руку на эту несчастную страну. Противникам австрийского союза, окружавшим короля Фридриха Вильгельма, было легко противопоставить бесплодные усилия по войне против Франции дешевым и определенным преимуществам, которые можно было получить в

результате аннексии совместно с Россией польской территории. Чтобы энергично преследовать одну из этих целей, необходимо было отказаться от другой. Пруссия была недостаточно богата, чтобы содержать армии как на Висле, так и на Рейне. Также, по мнению ее правителей, она не была достаточно богата, чтобы быть очень бережной к своей чести или очень лояльной по отношению к своим союзникам. ^[14]

[Социальная система Пруссии.]

В институтах Пруссии бок о бок существовали две противоположные системы, проявляющие в наиболее сильной форме контраст, который в меньшей степени присутствовал в большинстве континентальных государств. Политическая независимость дворянства давно была подавлена; королевское правительство занималось каждой деталью городского и деревенского управления; и все же наряду с этим строгим развитием современной доктрины единства и авторитета государства существовал социальный порядок, более поистине архаичный, чем в средние века в их лучшие эпохи. Жители Пруссии были разделены на три класса: дворян, бюргеров и крестьян, каждый из которых был ограничен своими собственными заявленными занятиями и не вступал в браки вне своего собственного порядка. Почва страны имела такое же различие: земля крестьянина не могла принадлежать бюргеру; земля бюргера не могла принадлежать дворянину. Никакое занятие не было законным для дворянина, который обычно был не более чем бедным джентльменом, кроме службы короне; крестьянин, даже будучи свободным, не мог заниматься ремеслом бюргера. Но основная масса крестьянства в стране к востоку от Эльбы была крепостными, привязанными к земле; и дворянин, которому не разрешалось оказывать ни малейшего влияния на правительство своей страны, унаследовал вместе со своим поместьем юрисдикцию и полицейский контроль над всеми, кто был поселен в его пределах. Фредерик позволил сохранить крепостное право, потому что это давало ему в каждом поместном лорде надсмотрщика, которого он мог нанять к себе на службу. Система и повиновение были источниками его власти; и если среди его подданных существовал один класс, приученный повелевать, а другой - повиноваться, ему было тем легче принудить страну к тому образу жизни, которого он от нее требовал. Руководствуясь тем же духом, Фридрих укомплектовывал свою армию только людьми из благородной касты. Они принесли с собой сформированную привычку командовать; крестьяне, которые пахали и молотили по их приказу, вряд ли ослушались бы их в присутствии врага. Вполне возможно, что такая система давала бы большие результаты до тех пор, пока Фридрих был рядом, чтобы защищать от ее злоупотреблений; Фридрих ушел, деградация рабства, высокомерие касты - вот что осталось. Когда французская армия, возглавляемая людьми, которые работали на полях вместе со своими отцами, преследовала короля Пруссии среди его капитулирующих вельмож от центра до границ его владений, стало ясно, какова была постоянная ценность системы, которая признавала в природе бедняков только одну способность к наследственному подчинению. Французский крестьянин, как бы он ни был ограблен государством и как бы ему ни досаждали феодальные службы, не знал такой кабалы, как у прусского крепостного, который не мог покинуть места, где он родился; крепостное право сохранилось во Франции только в отдельных районах пограничных провинций. С точки зрения разницы в самоуважении, существующей в крестьянстве двух стран, показательно, что обычай бить простых солдат, повсеместный в Германии, был во Франции не более чем злоупотреблением, практиковавшимся почитателями Фридриха и осуждавшимся самими лучшими офицерами.

[Второстепенные государства Германии.]

[Церковные государства.]

Во всех второстепенных землях Германии правление было абсолютной монархией; хотя кое-где, как, например, в Вюртемберге, сохранилась тень старого Сословного собрания; а в Ганновере отсутствие курфюрста, короля Георга III, передало власть в руки группы дворян, правивших от его имени. Общество повсюду основывалось на резком разделении на классы, сходном по своему характеру с прусским; положение крестьян варьировалось от крепостного, как это существовало в Мекленбурге,^[15] до относительной свободы и комфорта в некоторых частях южных и западных штатов. Монархи сильно отличались просвещенностью или эгоизмом своего правления; но, в целом, характер правления за последние годы изменился к лучшему; и, особенно в протестантских государствах, усилия по улучшению положения народа были налицо. Фридрих Великий фактически создал новый стандарт монархии в Германии. Сорока годами ранее Версаль с его бесчувственным великолепием, прославлением личной снисходительности монарха был идеалом, которому немецкие принцы, с должным чувством собственной неполноценности, изо всех сил старались подражать. Быть монархом означало покрывать акры земли государственными апартаментами, расточать доходы страны на компанию любовниц и авантюристов, покровительствовать искусствам, с таким же самодовольством собирать шедевры древней живописи, украшающие Дрезденскую галерею, или множество ценностей, едва ли более интересных, чем сундуки с сокровищами, за которые были заплачены деньги. В церковных государствах, возглавляемых курфюршествами Майнц, Трев и Кельн, от притворства отличительного христианского или духовного характера давно отказались. Князь-епископ и каноники, которые были дворянами, назначенными из какой-то другой провинции, жили по тогдашней веселой моде за счет земли, в которой у них не было никакого интереса, выходящего за рамки их собственной жизни. Единственной чертой, отличавшей церковную резиденцию от резиденции одного из второстепенных светских князей, было то, что парадное шествие проводили монахи в соборе, а не солдаты на плацу, и что даже притворство супружеской жизни отсутствовало у щеголяющих гарпий, которые часто посещали Двор, соблюдающий целибат. Однако даже на Рейне и Мозеле влияние великого короля Пруссии начало давать о себе знать. Интенсивное и пронизательное прилежание Фридриха было недоступно каждому мелкому монарху, который мог бы позавидовать его результатам; но лучший дух того времени проявился у некоторых церковных государей в поощрении школ, улучшении дорог и сокращении придворных расходов. От этой глубоко укоренившейся моральной болезни, ставшей результатом столетий правления священников, было не так-то легко избавиться. В округе, где Природа наиболее щедро вознаграждает трудолюбие человека, двадцать четыре человека из каждых ста жителей были монахами, монахинями или попрошайками. ^[16]

[Петти Заявляет. Свободные города. Рыцари.]

Двести мелких княжеств, среди которых Веймар, родина Гете, выделялась ярчайшим рельефом на фоне царственной рутины и потакания своим желаниям; пятьдесят имперских городов, в большинстве из которых некогда энергичный организм гражданской жизни съежился до уровня английского прогнившего городка, не исчерпали разделения Германии. Несколько сотен рыцарей Империи, не присягавших никому, кроме императора, пользовались всеми правами суверенитета, за исключением права вести войну и заключать договоры, каждый на

территории, насчитывающей в среднем от трехсот до четырехсот жителей. Округа, в которых сохранился этот орден, были разбросаны по католическим государствам юго-запада Германии, где рыцари сохраняли свои прерогативы путем объединения между собой и при поддержке императора, которому они выделяли денежные суммы. Были случаи, когда этот союз прав суверена и землевладельца приносил пользу; но земля рыцаря обычно была аренной такой бедности и деградации, что путешественнику не нужен был проводник, который сообщил бы ему, когда он въезжал в нее. Его жалкие рельсы прерывали великие пути сообщения между Рейном и дальнейшей Германией; его лачуги служили убежищем всем преступникам и бродягам окрестностей, ибо не существовало никакой полиции, кроме судебных приставов рыцаря, и единственной юрисдикцией был законник, которого рыцарь привозил из ближайшего города. Невыгодное положение было не только на стороне тех, кто управлялся таким образом. Сам рыцарь, даже если он питал некоторое традиционное почтение к тени Империи, находился в положении человека, который не принадлежит ни к какой реальной стране. Если его сыновья желали какой-либо более активной карьеры, чем получение ренты от семейных владений, они могли добиться ее, только найдя работу при одном или другом из высших дворов и отождествив себя с интересами земли, на которую они вступили как чужаки.

Таково было в общих чертах состояние Германии в тот момент, когда она столкнулась с новыми и неизвестными силами Французской революции. Система малых государств, которая в прошлом Греции и Италии порождала лучшие виды энергии и гения, в Германии привела к угасанию всей активной жизни и к господству всего застойного, мелкого и коррумпированного. Если политическая дезорганизация, упадок общественного духа и отсутствие национальной идеи являются признаками надвигающегося падения, то Германия созрела для иностранного завоевания. Устаревшая и ветхая структура империи в течение прошедшего столетия поддерживалась только европейской традицией Баланса сил или отсутствием серьезных атак извне. Однажды побежденная Австрия, Империя была готова распасться на куски сама по себе: и где, среди князей или народа Германии, были элементы, которые давали надежду на ее возрождение в какой-либо лучшей форме национальной жизни?

ГЛАВА II.

Французская и австрийская армии на фламандской границе-Пруссия вступает в войну-Брауншвейг вторгается во Францию -Его Прокламация-Восстание 10 августа в Париже-Сентябрьская резня-Характер войны-Брауншвейг, остановленный при Вальми, отступает-Война становится крестовым походом Франции-Соседи Франции-Кюстин вступает в Майнц-Дюмурье побеждает австрийские Нидерланды - Аннексированы Ницца и Савойя -Декрет Конвенции

против всех правительств -Казнь Людовика XVI.-Война с Англией, за которой последовала война со Средиземноморскими государствами-Состояние Англии-Английские партии, как повлияла революция-Жиронда и Гора-Австрия восстанавливает Нидерланды-Союзники вторгаются во Францию-Вандея-Революционная система 1793 года-Ошибки союзников-Новые французские командующие и демократическая армия- Победы Журдана, Гоша и Пишегрю-Выход Пруссии из войны -Польские дела-Австрия покидает Нидерланды-Базельский мирный договор-Франция в 1795 году-Восстание 13 Вандемьера-Конституция 1795 года-Директория Влияние революции на дух Европы вплоть до 1795 года.

[Бои на фламандской границе, апрель 1792 г.]

[Прусская армия вторгается во Францию, июль 1792 г. Прокламация.]

Война между Францией и Австрией началась в апреле 1792 года на фламандской границе. Первые столкновения дискредитировали французских солдат, которые обратились в бегство и убили одного из своих генералов. Уныние, с которым нация услышала об этих неудачах, переросло в угрюмое негодование против Двора по мере того, как проходили недели и месяцы, а войска бездействовали на границе или встречались с врагом лишь в пустяковых стычках, которые оставляли обе стороны там, где они были раньше. Если в этот критический момент Революции, со всем патриотизмом, всей храбростью, всем военным гением Франции, горящим желанием служить, правительство вело войну с результатами, едва отличимыми от результатов парада, предположение о государственной измене со стороны Двора было вполне вероятным. Внутренние трудности страны нарастали. Ассамблея постановила изгнать из Франции священников, отвергавших новую церковную систему, и король наложил вето на их указ. Он отказался разрешить создание лагеря добровольцев в окрестностях Парижа. Он распустил народное министерство, навязанное ему Жирондой. Беспорядки 20 июня, во время которых толпа ворвалась в Тюильри, показали природу нападения, надвигающегося на монархию, если Людовик продолжит противодействовать требованиям нации; но король не усвоил этого урока. Людовик был так же мало способен собраться с духом для вооруженного конфликта с населением, как и примирить свою совесть с церковными декретами, и он предался благочестивой инертности в тот момент, когда тревога перед иностранным вторжением удвоила революционные страсти по всей Франции. Пруссия, в соответствии с заключенным в феврале договором, объединила свои силы с войсками Австрии. Сорок тысяч прусских войск под командованием герцога Брауншвейгского, лучшего из оставшихся в живых генералов Фридриха, продвигались вдоль Мозеля. Из Бельгии и с верхнего Рейна две австрийские армии сошлись на линии вторжения, и дворяне-эмигранты получили свое место в войсках союзников.

25 июля герцог Брауншвейгский от имени императора и короля Пруссии издал воззвание к французскому народу, которое, если бы не различие между жестокими словами и жестокими делами, не оставило бы поводов для жалоб на жестокости, которые с тех пор запятнали народное дело. В этом манифесте, объявив, что союзники вступили во Францию, чтобы освободить Людовика из плена, и что члены Национальной гвардии, сражающиеся против захватчиков, будут наказаны как мятежники против своего короля, монархи обратились к городу Парижу и представителям французской нации: "Город Париж и его жители предупреждаются о необходимости без промедления подчиниться своему королю; предоставить этому принцу

полную свободу и продемонстрировать ему и всей королевской семье неприкосновенность и уважение, которые закон природы и наций налагает на подданных по отношению к их Суверенам. Их Императорское и Королевское Величества привлекут всех членов Национального собрания, муниципалитета и Национальной гвардии Парижа к ответственности своими головами перед военными трибуналами без надежды на помилование. Они также заявляют, что, если Тюильри подвергнутся насилию или оскорблению, или хотя бы малейшему насилию в отношении короля, королевы или королевской семьи, и если немедленно не будут приняты меры для их безопасности и свободы, они совершат незабываемое возмездие, предав город Париж военной казни и полному свержению, а мятежников, виновных в таких преступлениях, наказанию, которого они заслужили". ^[17]

[Восстание 10 августа 1792 г.]

В этом вызове не было необходимости, чтобы определить судьбу Людовика. Со времени взятия Бастилии в первые дни революции национальному правительству с трудом удавалось противостоять населению столицы; и еще до того, как иностранцы угрожали Парижу огнем и мечом, Париж научился искать волю Франции внутри себя. Когда колонны Брауншвейга перешли северо-восточную границу, Дантон и лидеры городской демократии собрали свою армию бедняков и отчаявшихся, чтобы свергнуть монархию, дело которой захватчик сделал своим. Республика, которая так долго витала в мыслях жирондистов, была завоевана населением Парижа в один день, под грохот пушек и блеск штыков. 10 августа Дантон напустил вооруженную толпу на Тюильри. Людовик покинул дворец, не отдав приказа гвардии ни сражаться, ни отступать; но гвардейцы не знали, что их хозяин желал, чтобы они не оказывали сопротивления, и сто шестьдесят человек из толпы были застрелены до того, как войскам поступил приказ покинуть дворец. Жестокости, последовавшие за победой народа, указывали на судьбу, уготованную тем, кого захватчик пришел защищать. Сомнительно, чтобы иностранные дворы предприняли какую-либо серьезную попытку отменить социальные изменения, произведенные революцией во Франции; но никто не предполагал, что те тысячи дворян-самоизгнанников, которые теперь вернулись под ружья Брауншвейга, вернулись для того, чтобы мирно занять свое место в новом общественном порядке. В их собственном воображении, так же как и в воображении народа, они вернулись с огнем и мечом, чтобы вернуть себе права, которых у них были отняты, и отомстить людям, ответственным за перемены, произошедшие во Франции с 1789 года.^[18] В разгар паники, мало оправдываемой реальной военной ситуацией, Дантон воспламенил нацию своим собственным страстным мужеством и решимостью; к несчастью, он также считал необходимым для успешной национальной обороны, чтобы реакционная партия в Париже была парализована ужасным примером. Тюрьмы были заполнены лицами, подозреваемыми во враждебности к национальному делу, и в первые дни сентября многие сотни этих несчастных были убиты бандами наемных убийц, нанятых муниципальным комитетом. Дантон не скрывал своего одобрения этого поступка. Он пришел к выводу, что дело Революции можно спасти, только вселив ужас в ее врагов и воспрепятствовав сотрудничеству роялистов с захватчиками. Но толпы, устремившиеся под знамена 1792 года, несли с собой патриотизм Дантона, не запятнанный его виной. Правильная или неправильная по своему происхождению, война теперь была, несомненно, справедливой со стороны Франции, войной против привилегированного класса, пытающегося силой вернуть себе несправедливые преимущества, которые они не смогли сохранить, войной против иностранцев в защиту права нации иметь дело со своим собственным правительством. Со времен великих религиозных войн не было дела, столь глубоко укоренившегося в сердцах, столь близкого к

жизням тех, кто сражался за него. Каждый солдат, вступивший в армию Франции в 1792 году, вступил по собственной воле. Никакая воинская повинность не тянула крестьянина на границу. Люди покидали свои дома, чтобы плоды труда бедняка принадлежали ему по праву рождения, чтобы дети Франции унаследовали какое-то лучшее право по рождению, чем побои и нужда, чтобы завоеванное недавно чувство права человека не было сметено с лица земли руками привилегий и касты. Это было время высоких надежд, великодушного и трогательного самопожертвования; время, которое произвело глубокое и неизгладимое впечатление на тех, кто судил о нем как очевидец. Много лет спустя поэт Вордсворт, тогда отчужденный от Франции и равнодушный к делу свободы, не мог без слез вспоминать события 1792 года. ^[19]

[Брансуик проверен в Валми, сентябрь. 20.]

[Отступление Брауншвейга.]

Оборона Франции зависела от генерала Дюмуре. Крепости Лонгви и Верден, прикрывавшие переправу через Маас, пали после самого краткого сопротивления; войск, которые удалось собрать до подхода Брауншвейга, было слишком мало, чтобы встретить врага в открытом поле. К счастью для Франции, медленное продвижение прусского генерала позволило Дюмуре занять труднодоступную местность Аргонн, где, ожидая подкрепления, он смог некоторое время сдерживать захватчиков. Наконец Брауншвейг прорвался через ущелье, которое Дюмуре избрал для своей первой линии обороны; но только для того, чтобы обнаружить, что французы разместили на его фланге такие силы, что любое дальнейшее продвижение подвергло бы опасности его собственную армию. Если наступление должно было продолжаться, Дюмуре должен был быть выбит. Соответственно, 20 сентября Брауншвейг направил свою артиллерию на холмы Вальми, где расположились лагерем французские левые части. Канонада продолжалась несколько часов, но за ней не последовало общей атаки. Стойкость французов под огнем Брауншвейга ясно дала понять, что они не будут вытеснены без упорного сражения; и, разочаровавшись в победе, король Пруссии начал прислушиваться к предложениям о мире, присланным ему Дюмуре. ^[20] Неделя, проведенная в переговорах, только укрепила позиции французов и усугубила нехватку людей и болезни в немецком лагере. Между прусским и австрийским командующими вспыхнули разногласия; был отдан приказ об отступлении, и, к изумлению Европы, ветеранские войска Брауншвейга отступили перед взбунтовавшимися солдатами и неизвестными генералами Революции, бессильные ни на месяц отсрочить эвакуацию Франции и восстановление захваченных ими крепостей.

[Собирается Конвент. Провозглашает Республику, сентябрь. 21.]

[Война становится крестовым походом за демократию.]

Тем временем Законодательное собрание постановило о своем собственном роспуске вследствие свержения монархии 2 августа и распорядилось провести выборы представителей для разработки конституции Франции. Выборы проводились в кризис вторжения, в разгар национального возмущения против союза аристократии с иностранцами, а в некоторых округах - под влиянием людей, которые не побоялись отдать приказ о массовых убийствах в тюрьмах. В такой момент у конституционного роялиста было едва ли больше шансов на избрание, чем у обнаруженного шпиона из вражеского лагеря. Жирондисты, которые были партией крайностей в Законодательном собрании, были партией умеренности и порядка в Конвенте. Рядом с ними были вернувшиеся люди, все существо которых, казалось, состояло из сил конфликта, люди,

которые, иногда без сознательной порочности, применяли в политической и социальной борьбе то прямое, беспрекословное применение силы, которое обычно приберегалось для войны или распространения религиозных доктрин. Моральные различия, отделявшие эту партию от Жиронды, сразу бросались в глаза: политическое кредо двух партий поначалу казалось во многом одинаковым. Монархия была упразднена, и Франция провозгласила Республику (21 сентября). Власть по-прежнему оставалась в руках Жирондистов; но яростный, бескомпромиссный дух их соперников, так называемой партии Горы, быстро дал о себе знать во всех отношениях Франции с иностранными державами. Намерение завоевания все еще могло быть отвергнуто, как это было пять месяцев назад; но можно ли было отказать обратившимся к свободе в праве присоединиться к французскому народу по их собственной воле? Когда армии Республики изгнали нападавших из пограничных провинций, которые позволили им войти во Францию, должны ли были эти провинции быть возвращены правительству священников и дворян? Сомнения, которые осуждали любую аннексию территории, исчезли в той вакханалии патриотизма, которая последовала за изгнанием захватчика и открытием, что Революция уже стала силой в других странах, помимо Франции. Нация, которой пришлось вести битву за европейскую свободу, должна взывать к духу свободы везде, где она откликнется на призыв: конфликт с суверенами должен поддерживаться вооружением их подданных против них в каждой стране. В этой концепции всеобщего союза наций правительства, с которыми Франция еще не находилась в состоянии войны, едва ли отличались от тех, которые выступили против нее. Пограничные линии, проводимые устаревшей дипломатией, искусственные гарантии международных договоров не имели большого значения для живого и неотъемлемого суверенитета народа. Для людей, распаленных страстями 1792 года, аргумент о международном праве едва ли имел большее значение, чем для Петра Отшельника. Среди государственных деятелей других стран, которые не имели намерения отказываться от всех принципов, признанных общественным правом Европы, формулировки, используемые сейчас Францией, могли быть поняты только как признание неизбежной агрессии.

[Соседи Франции.]

Революция проявила себя во Франции как сила объединения, так и раскола. Оно изгнало дворян за границу; оно оторвало духовенство от их алтарей; но оно примирило угрюмую Корсику; и, отменив феодальные права, оно сделало Францию настоящей родиной крестьян-тевтонцев в Эльзасе и Лотарингии. Теперь ему предстояло доказать свою притягательную силу в чужих землях. В конце прошлого столетия национальности Европы были гораздо менее сплоченными, чем в настоящее время; только на границе Испании и Швейцарии у Франции был сосед, которого можно было назвать нацией. На севере, то, что сейчас является королевством Бельгия, в 1792 году было совокупностью провинций, подвластных Австрийскому дому. Немецкое население как округов к западу от Рейна, так и тех, что расположены напротив Эльзаса, было распределено между рядом мелких княжеств. Савойя, хотя и находилась к западу от цепи Альп и говорила по-французски, входила в состав королевства Пьемонт, которое само было отделено историей и национальным характером от других государств Северной Италии. Вдоль всей границы, от Дюнкерка до Приморских Альп, Франция нигде не соприкасалась с сильным, сплоченным и независимым народом; и вдоль всей этой границы, за исключением страны напротив Эльзаса, вооруженный прозелитизм французской революции оказался большей силой, чем влияния, от которых зависел существующий порядок вещей. В Нидерландах, в Рейнских княжествах, в Швейцарии, в Савойе, в самом Пьемонте доктрины Революции были встречены более или менее многочисленным классом, и армии Франции, хотя

и на мгновение, предстали скорее как миссионеры свободы и права, чем как вторгшиеся враги.

[Кюстин въезжает в Майнц, 20 октября.]

Не успел Дюмуре остановить Брауншвейг в Вальми, как французская дивизия под командованием Кюстина пересекла эльзасскую границу и двинулась к Шпайерсу, где Брауншвейг оставил большие военные припасы. Гарнизон потерпел поражение в стычке за пределами города; Шпили и Вормс сдались Кюстину. В соседней крепости Майнц, ключе к Западной Германии, за наступлением Кюстина наблюдала республиканская партия среди местных жителей, от которых французский генерал узнал, что ему достаточно появиться перед городом, чтобы стать его хозяином. Брауншвейг действительно предчувствовал неудачу своего вторжения во Францию, но он никогда не думал об обороне Германии; и, хотя король Пруссии был предупрежден о беззащитном состоянии Майнца, не было предпринято никаких шагов, кроме выплаты определенной суммы денег на ремонт укреплений, которые архиепископ потратил на покупку принадлежащего ему леса и возведение деревянного лоскутного одеяла. Получив известие о захвате Шпилей, архиепископ бежал, оставив управление декану, канцлеру и коменданту. Канцлер произнес речь, призывая своих "возлюбленных братьев", граждан, защищаться до последней крайности, и ежедневно объявлял о свержении Дюмуре и приближающемся вступлении союзников в Париж, пока солдаты Кюстина действительно не появились в поле зрения. ^[21] Затем военный совет объявил город неприступным; и прежде чем Кюстин подвел единственное осадное орудие, гарнизон капитулировал, и французов приветствовали в Майнце сторонники Республики (20 октября). Вместе с французским оружием появилась французская организация свободы. Был создан клуб по образцу якобинского клуба Парижа; существующие офицеры и различия ранга были отменены; и хотя основная масса жителей держалась в стороне, в конце концов была провозглашена Республика, которая была включена в состав Французской Республики.

[Дюмуре вторгается в Нидерланды.]

[Битва при Жемаппе, 6 ноября.]

Успех рейда Кюстина в Германию не отвлек Конвент от плана нападения на Австрию в Нидерландах, на который Дюмуре с самого начала настаивал перед правительством. Не прошло и трех лет с тех пор, как в Нидерландах поднялось восстание против императора Иосифа. По своему происхождению восстание было реакционным движением клерикальной партии против реформ Жозефа; но вскоре возникли амбиции и надежды, расходившиеся с первыми импульсами восстания; и на стороне монахов и монополистов возникла национальная партия, провозгласившая суверенитет народа и подражавшая всем движениям Французской революции. Во время кратковременной приостановки австрийского правления народная и реакционная партии атаковали друг друга; а после восстановления власти Леопольда в 1791 году демократические лидеры с большим количеством своих сторонников укрылись за границей, с нетерпением ожидая начала войны между Австрией и Францией. Их приверженцы сформировали французскую связь внутри страны; и по какой-то странной иллюзии сами священники и близкие корпорации, подвергшиеся нападению Жозефа, полагали, что революционная Франция будет уважать их интересы. ^[22] Таким образом, повсюду была подготовлена почва для французского вторжения. Дюмуре пересек границу. Пограничных крепостей больше не существовало; и после единственной битвы, выигранной французами при Жемаппе 6 ноября, ^[23] Австрийцы, обнаружив всеобщую враждебность населения, покинули

Нидерланды без борьбы.

[Присоединены Ницца и Савойя.]

[Декрет от 15 декабря.]

Победа при Жемаппе, первое крупномасштабное сражение, выигранное Республикой, вызвала вспышку революционного пыла в Конвенте, что глубоко повлияло на отношения Франции с Великобританией, до сих пор являвшейся нейтральным наблюдателем войны. Был опубликован манифест, в котором говорилось, что французская нация предлагает свой союз всем народам, желающим вернуть себе свободу, и призывалось генералитет Республики защищать всех людей, которые могут пострадать во имя свободы (19 ноября). Неделью спустя Савойя и Ницца были присоединены к Франции, население Савойи высказалось в пользу Франции и Сардинии. 15 декабря Конвент провозгласил, что социальная и политическая революция отныне должна сопровождать каждое передвижение его армий по чужой земле. "В каждой стране, которая будет оккупирована армиями Французской Республики", - таково было содержание Декрета от 15 декабря, - "генералы должны объявить об упразднении всех существующих властей; дворянства, крепостничества, всех феодальных прав и всякой монополии; они должны провозгласить суверенитет народа и созвать жителей на собрания для формирования временного правительства, на которое не имеет права ни одно должностное лицо прежнего правительства, ни один дворянин, ни один член бывших привилегированных корпораций. Они передадут под опеку Французской Республики все имущество, принадлежащее Суверену или его сторонникам, а также собственность каждой гражданской или религиозной корпорации. Французская нация будет относиться как к врагам к любому народу, который, отказываясь от свободы и равенства, желает сохранить своего принца и привилегированные касты или пойти на какое-либо соглашение с ними".

[Герб Англии.]

[Шельда.]

[Казнь Людовика XVI., 21 января 1793 г.]

Это необычное объявление о новом крестовом походе заставило правительство Великобритании вооружиться. Хотя декрет Конвента касался только государств, с которыми Франция находилась в состоянии войны, Конвент фактически установил связи с английскими революционными обществами; и французский морской министр сообщил своим морякам, что они собираются передать пятьдесят тысяч кубков свободы своим английским братьям. Ни один благоразумный государственный деятель не стал бы рассматривать простую серию угроз в адрес всех существующих властей как основание для войны; но действия французского правительства показали, что оно намерено осуществить насильственное вмешательство в дела других наций, объявленное в его манифестах. Ее агенты разжигали недовольство в каждом государстве; и хотя аннексию Савойи и оккупацию Нидерландов можно было рассматривать как второстепенные события в конфликте с Австрией и Сардинией, в котором Великобритания обязалась соблюдать нейтралитет, другие акты Конвенции, безусловно, были нарушениями прав союзников Англии. Ряд европейских договоров, деспотичных по нашим собственным представлениям, но соответствующих идеям того времени, запрещал судоходство по реке Шельде, на которой расположен Антверпен, с тем чтобы торговля Северного моря могла осуществляться исключительно в голландские порты. После завоевания Бельгии французское

правительство отдало Дюмуре приказ отправить флотилию вниз по реке и объявить Антверпен открытым портом в соответствии с законом природы, который международные договоры не могут отменить. Какими бы нелепыми ни были коммерческие ограничения, судоходство по Шельде было вопросом между жителями Антверпена и голландцами, и Франция не имела к нему прямого отношения. Этот инцидент, хотя и тривиальный, был расценен в Англии как одно из многих доказательств намерения французов вмешиваться в дела соседних государств по своему усмотрению. В обычные времена было бы нелегко возбудить в Англии большой интерес в пользу голландской монополии; но чувства этой страны по отношению к Французской революции были преобразованы в страстную ненависть сентябрьскими массовыми убийствами и открытым союзом между Конвентом и революционными обществами в самой Англии. Действительно, Питт, которого парижане считали своим злейшим врагом, боролся с нарастающими национальными страстями и вопреки всякой надежде надеялся на мир. Питт не только не был виновен в желании присоединить эту страну к врагам Франции, но и искренне желал примирить Францию с Австрией, чтобы западные государства, из-за ссоры которых Восточная Европа оказалась во власти Екатерины Российской, могли объединиться, чтобы спасти Польшу и Турцию от попадания в руки Державы, чья неуклонная агрессия угрожала Европе серьезнее, чем все шумные и откровенные волнения Французского Конвента. Более того, Питт с глубоким неодобрением относился к тайным замыслам Австрии и Пруссии.^[24] Если бы французская исполнительная власть дала какие-либо гарантии того, что Нидерланды не должны быть аннексированы, или если бы французский посол Шовелен, который был связан с английскими заговорщиками, был заменен заслуживающим доверия переговорщиком, вполне вероятно, что мир мог бы быть сохранен. Но когда после казни короля Людовика (21 января 1793 г.) Шовелен был выслан из Англии как подозреваемый иностранец, война стала вопросом нескольких дней.^[25]

[Голландия и государства Средиземноморья вступают в войну.]

[Война с Англией, 1 февраля 1793 г.]

В жалобах обеих сторон фигурировали пункты технического права; но реальная подоплека войны была прекрасно понята. Франция считала себя вправе продвигать Революцию и Права человека везде, где это требовалось ее собственному оружию или народному восстанию. Англия отрицала право какой-либо державы отменять политическую систему Европы по своему усмотрению. Более серьезного, более достаточного повода для войны между двумя нациями никогда не существовало; и все же это событие доказало, что при самом высоком оправдании войны высшая мудрость все же выбрала бы мир. Вступление Англии в войну превратило ее из двух-трех кампаний в двадцатилетнюю борьбу, приведшую к более жестоким потрясениям, более повсеместным страданиям и более жестоким преступлениям, чем, по всей вероятности, мог бы привести даже временный триумф революционного дела в 1793 году. Но в обеих нациях политические страсти приветствовали надвигающееся бедствие, и объявление войны Конвентом 1 февраля лишь предвосхитило желание английского народа. Великобритания, однажды вступив в борьбу, Питт не жалел ни денег, ни запугивания в своих усилиях объединить всю Европу против Франции. Голландия была включена вместе с Англией во французское объявление войны. Средиземноморские государства чувствовали, что военно-морской флот Англии находится к ним ближе, чем армии Австрии и Пруссии; и еще до конца лета 1793 года Испания, Португалия, Неаполь, Тоскана и Папская область присоединились к Коалиции.

[Французы ошибочно полагают, что Англия склонна к революции.]

Парижские якобинцы составили неверную оценку политического состояния Англии. В начале войны они считали, что сама Англия находится на пороге революции. Они ошибочно приняли несомненное недовольство части среднего и низшего классов, проявившееся в призывах к парламентской реформе, за всеобщее чувство ненависти к существующим институтам, подобным тому, которое во Франции одним ударом смело старый порядок. Конвент получил обращения английских радикальных обществ и вообразил, что злоупотребления парламентской системы при Георге III. оттолкнули всю нацию. То, что они нашли в Бельгии и Савойе - народ, благодарный за то, что солдаты Революции получили Права Человека, - они ожидали найти среди несогласных конгрегаций Лондона и фабричных рабочих Шеффилда. Странное влечение, проявляемое каждым классом в Англии к тому, кто стоит ниже его, а также безразличие нации в целом ко всем идеалам, было мало понято во Франции, хотя революции двух стран отразили этот контраст на своем лице. Через месяц после падения Бастилии вся система классовых привилегий и монополий исчезла из французского законодательства; за пятнадцать лет существования Английского Содружества структура английского общества осталась такой, какой она была вначале. Но политическая наблюдательность улетучилась в суматохе 1793 года, и французы обнаружили, только когда было слишком поздно, что в Великобритании Революция победила врага беспрецедентного упорства и неисчерпаемой силы.

[Виги не демократы.]

[Политическое состояние Англии.]

На первом собрании Революции было принято говорить об англичанах как о свободных людях, которым французы должны подражать; в Конвенте было принято говорить о них как о рабах, которых французы должны освободить. Институты Англии на самом деле имели совершенно иной вид по сравнению с абсолютной монархией Бурбонов и по сравнению с демократией 1793 года. Французы, жившие под властью суда, который издавал законы на основании эдикта и обладал правом заключать в тюрьму на основании патента, с уважением относились к парламенту Англии, его суду присяжных и свободе печати. Люди, отправившие короля в тюрьму и конфисковавшие поместья значительной части аристократии, могли испытывать только сострадание к стране, где три четверти национальных представителей были выдвиженцами короны или богатых пэров. Также, несмотря на личную симпатию Фокса к французскому революционному движению, не было никакой реальной близости между английской партией вигов и той, которая сейчас правила в Конвенте. Событие, определившее характер английской свободы в XVIII веке, Революция 1688 года, не имело ничего демократического по своей природе. Эта революция была направлена против системы римско-католического деспотизма; она дала политическую власть не массе нации, у которой не было ни желания, ни возможности осуществлять ее, а группе знатных семей и их приближенным, которые во время правления первых двух Георгов добавили все покровительство и влияние короны к своему социальному и конституционному весу в стране. Внутренняя история Англии со времени восшествия на престол Георга III. была сосредоточена главным образом на упорной борьбе этого монарха за освобождение себя от всякой зависимости от партии. Разногласия вигов, их зависть, но, прежде всего, их реальное отчуждение от массы людей, права которых они якобы защищали, в конечном счете принесли королю победу, когда после двадцати лет ошибок в младшем Питте

был найден министр, способный объединить интересы короны с самой талантливой и патриотической либеральной государственной мудростью. Король Георг использовал взятки, угрозы и все виды низменного влияния, чтобы разрушить великую коалицию 1783 года, объединившую против него все слои вигов под руководством министерства Фокса и Норта; но реальной поддержкой Питта, которого король поставил у власти с меньшинством в Палате общин, был настрой самой нации, уставшей от исключительности, коррупции и партийного духа вигов и готовой поверить, что популярный министр, даже если он пришел к власти неконституционным путем, мог бы сделать больше для страны. Страна, чем конституционные собственники прогнивших районов.

[Министр Питт, 1783.]

[Влияние Французской революции на английские партии.]

С 1783 года и вплоть до начала Французской революции Питт, будучи министром-консерватором, столкнувшись с оппозицией вигов, управлял Англией на более либеральных принципах, чем любой государственный деятель, находившийся у власти в восемнадцатом веке. Эти годы были последними для партийной системы Англии в ее первоначальном виде. Французская революция положила конец тому старому различию, при котором тори были известны как сторонники прерогатив короны, а виги - как сторонники конституционной олигархии великих семей. Это создало тот новый политический антагонизм, в котором, будь то под названиями вигов и тори или Либералов и консерваторов, боролись две великие партии: одна за ряд благотворных перемен, другая за сохранение существующего порядка. Потрясения Франции и страх перед революционной агитацией в Англии преобразили как Питта, так и вигов, которые выступали против него. Питт принес свои планы мирного прогресса в жертву внешней войне и внутренним репрессиям и выступил против реформы парламента, которую он когда-то сам предложил. Виги разделились на две части, возглавляемые соответственно Берком и Фоксом: одна осуждала насилие революции и в конечном итоге объединилась с Питтом; другая дружелюбно относилась к Революции, несмотря на ее эксцессы, как к делу гражданской и религиозной свободы, и отождествляла себя, под здоровым влиянием поражения в парламенте и разочарования, с защитой прав народа в Англии и пропагандой просвещенных реформ.

["Размышления" Берка, октябрь 1790 г.]

[Большинство вигов поддерживают Питта против Франции.]

Можно сказать, что стирание старой разделительной линии в английской политике началось с того дня, когда старинная дружба Берка и Фокса была жестоко разорвана первым в Палате общин (6 мая 1791 г.). Уставом современной Консервативной партии было то обращение к нации, которое Берк уже опубликовал осенью 1790 года под названием "Размышления о Французской революции". В этом обзоре политических сил, которые он видел в действии вокруг себя, великий писатель-виг, который в прошлые времена так страстно защищал свободы Америки и конституционные традиции английского парламента от агрессии Георга III, атаковал Революцию как систему насилия и каприза, более опасную для свободы, чем тирания любой короны. Он доказал, что политики и общества Англии, которые сочувствовали этому, сочувствовали мерам и теориям, противоречащим всем принципам 1688 года. Прежде всего, он обнажил ту силу бунта и разрушительности, которая даже в первые несколько месяцев революции наполняла его предчувствием бедствий, которые вот-вот обрушатся на Францию.

Трактат Берка не был беспристрастным исследованием состояния соседнего государства: это было обличение якобинства, столь же яростного и столь же мало подкрепленного политическим милосердием, как и проклятия еврейских пророков своим соседям-идолопоклонникам; и он, подобно этим, должен был возбудить его собственных соотечественников против нововведений в их среде. Это полностью удалось. Это выразило и усилило тревогу, возникшую среди либеральной части имущего класса, поначалу хорошо настроенной к революции; и, хотя виги Палаты общин высказались в пользу Фокса после его первого разрыва с Берком, волна общественных настроений, возрастающая с каждым новым взрывом революции, вскоре захлестнула законодательное собрание и увлекла основную часть партии вигов на сторону министра, возложив на Фокса и его немногих верных сторонников задачу поддерживать незамеченный протест против слепых страстей войны и растущей строгости, с которой Питт выступал против правительства. подавлял все признаки народного недовольства.

[Жиронда и гора на Съезде.]

[Жиронда и Парижская коммуна.]

Характер насилия, который Берк проследил и осудил в самых ранних актах революции, проявился в гораздо более ярком свете после свержения монархии в результате восстания 10 августа. Это мероприятие было делом рук людей, которые руководили парижской демократией, а не работой ораторов и партийных лидеров в Ассамблее. Жирондисты без колебаний отнеслись к победе как к своей собственной, передав высшие государственные посты, за одним исключением, в руки своих лидеров; они немедленно обнаружили, что реальная власть находится в другом месте. Совет коммуны, или муниципалитета Парижа, члены которого заняли свои посты в момент восстания, был единственным административным органом, обладавшим властью проводить в жизнь свои приказы; в государственных министерствах чувствовалась только одна воля - воля Дантона, которого жирондисты неохотно допустили к исполнению своих обязанностей вместе с собой. Сентябрьские массовые убийства в полной мере высветили бессилие уходящей Ассамблеи. В течение пяти дней подряд оно было не в состоянии остановить массовые убийства; оно было не в состоянии привлечь к ответственности людей, которые их планировали и которые призывали остальную Францию последовать их примеру. Однако после заседания Конвента жирондисты, которые теперь считали себя законным правительством и забыли, что они пришли к власти благодаря восстанию, рассчитывали подчинить столицу. Они получили подавляющее большинство в новой палате; их поддерживал средний класс во всех крупных городах Франции. Партия горы включала сначала только парижских депутатов и группу решительных людей, которые не допускали никакой критики в отношении мер, которые парижская демократия считала необходимыми для революции. На Конвенте они были объектом нападения, а не зачинщиками. Не дожидаясь возможности обезопасить себя вооруженной силой, ораторы Жиронды попытались сокрушить как муниципалитет, так и депутатов, правивших в клубах. Они упрекали муниципалитет в сентябрьских убийствах; они обвиняли Робеспьера в стремлении к диктатуре. Именно под давлением этих нападок партия Горы набралась сил в Конвенте, и население Парижа перенесло на Жиронду ту страстную ненависть, которую оно до сих пор питало к королю и аристократии. Пропась, лежавшая между народом и теми, кто воображал себя его лидерами, стала очевидной. Жирондисты с ужасом увидели, что тысячи голодных рабочих, победа которых привела их к власти, боролись за что-то более осязаемое, чем республиканские фразы из Тацита и Плутарха. С одной стороны, была горстка ораторов и писателей, погрязших в риторике

и банальностях древнего Рима и совершенно чуждых реальным обязанностям правительства; с другой стороны, население Парижа было таким, каким его сделали столетия деспотизма, привилегий и жречества: кровожадным, несправедливым, мстительным; со времени начала Революции охвачено всеми страстями, которые бушуют людей в массе; не учило ни одной концепции прогресса, кроме свержения власти, и не знало никаких прав на власть, кроме тех, которые были дарованы им самим. Если жирондисты хотели остаться у власти, они могли сделать это, только набрав армию из департаментов или отождествив себя с толпой. Они отказались избрать любой курс. Их аудитория была только в Ассамблее; их поддержка - в отдаленных провинциях. Париж, с каждым днем становившийся все более жестоким, прислушивался к людям другого склада. Муниципалитет бросил вызов правительству; Гора ответила на угрозы и оскорбления большинства в Собрании демонстрацией народной угрозы и беспорядков. В глазах простых людей, которые после стольких смен правительства оказались более голодными и обездоленными, чем когда-либо, Жиронда была теперь всего лишь последней в череде тираний; ее государственные деятели были всего лишь самозванцами, которые стояли между народом и пользованием его свободой.

Среди лидеров горцев Дантон стремился к созданию центрального революционного правительства, вооруженного абсолютными полномочиями для ведения войны; и он напал на жирондистов только тогда, когда они сами отвергли его поддержку. Робеспьер, сам автор книги "Немногое по ту сторону разрушения", был кумиром тех, кого труды Руссо наполнили идеей прямого осуществления суверенитета народом. Именно на процессе над королем Жиронда впервые признала свою покорность парижской демократии. Жирондисты в глубине души желали спасти короля; они проголосовали за его смерть в надежде сохранить свое влияние в Париже и снять с себя обвинение в равнодушии к делу революции. Но жертва была столь же напрасной, сколь и бесчестной. Население и партия Горы восприняли этот акт в его истинном значении, как признание своей собственной победы. Был выдвинут ряд мер, обеспечивающих интересы беднейших классов за счет богатых. Жиронда, вынужденная теперь стать защитниками собственности, столкнулась с роковым обвинением в предательстве народа; и с этого времени только успешная война за границей могла спасти их партию от разорения.

[Поражение и измена Дюмуре, март 1793 г.]

Вместо успеха пришли бездействие, катастрофа и измена. Фландрская армия бездействовала в течение января и февраля из-за нехватки провианта и военных материалов; и не успел Дюмуре начать кампанию против Голландии, как его отозвали, получив разведданные о том, что австрийцы напали на его лейтенанта Миранду при Местрихте и оттеснили французскую армию перед собой. Дюмуре вернулся, чтобы дать ожесточенный бой под Брюсселем. Он атаковал австрийцев при Неервиндене (18 марта) и получил отпор, незначительный сам по себе, но достаточный, чтобы деморализовать армию, состоявшую по большей части из новобранцев и национальной гвардии. ^[26] Его поражение открыло Фландрию для австрийцев; но Дюмуре намеревался нанести Республике гораздо более тяжелый удар. После казни короля он находился в открытой вражде с якобинцами. Теперь он предложил австрийскому командующему объединиться с ним в нападении на Конвент и в восстановлении монархии во Франции. Первым доказательством измены Дюмуре была капитуляция трех комиссаров, посланных Конвентом в его лагерь; вторым должна была стать капитуляция крепости Конде. Но Дюмуре переоценил свое влияние в армии. Более здравомыслящие люди, чем он, знали, как вести себя с генералом, который интригует с иностранцем. Приказы Дюмуре были

проигнорированы; за его передвижениями следили; и он бежал к австрийским позициям под огнем своих собственных солдат. Около тридцати офицеров и восьмисот солдат перешли с ним к врагу.

[Поражения на севере и востоке. Восстание в Вандее, март 1793 г.]

[Коммуна сокрушает Жиронду, 2 июня.]

Поражение и измена Дюмуре привели австрийскую армию к северной границе. Почти в то же самое время Кюстин был разбит в Пфальце, и завоевания предыдущей осени, за исключением Майнца, были потеряны так же быстро, как и завоеваны. Кюстин отступил на рубежи Вайсенбурга, предоставив оборону Майнца гарнизону численностью в 17 000 человек, который единственный среди республиканских армий сохранил теперь свою репутацию. В самой Франции разразилась гражданская война. Крестьяне Вандеи, района, лишенного крупных городов, которого почти не коснулись ни бедствия, породившие Революцию, ни надежды, окрылившие остальную Францию, с гневом наблюдали за изгнанием приходских священников, отказавшихся принести присягу Конституции. Призыв в 300 000 человек, который был объявлен Конвентом в феврале 1793 года, поднял на восстание простых вандейцев, которых ничто не интересовало за пределами их собственных приходов, и которые предпочитали сражаться против своих соотечественников, а не покидать свои дома. Священники и роялисты раздули эти деревенские вспышки в религиозную войну самого серьезного характера. Хотя вандейские крестьяне были плохо вооружены и привыкли возвращаться по домам сразу после окончания боевых действий, они показали себя грозными солдатами в момент атаки и разнесли в пух и прах недисциплинированные батальоны, которые правительство направило против них. На севере Франция теперь подверглась нападению англичан, а также австрийцев. Союзники осадили Конде и Валансьен и в беспорядке отбросили французскую армию назад в Фамаре. Каждое поражение было ударом, нанесенным правительству Жиронды в Париже. Поскольку внешняя и гражданская войны добавляли катастроф к катастрофам, когда генерал, которому Жиронда доверила защиту Республики, открыто предал ее врагам, ярость столицы легко возбудилась против партии, обвиняемой во всех несчастьях Франции. Угрожающее движение средних классов в знак сопротивления принудительному займу ускорило ход борьбы. Жирондистов обвиняли в том, что они арестовали республиканские армии в разгар их завоеваний, открыли границу для иностранцев и разжигали гражданскую войну в Вандее. 31 мая разъяренная толпа ворвалась на Съезд. Два дня спустя представители Франции были окружены вооруженными силами коммуны; двадцать четыре ведущих члена Жиронды были арестованы, и победа Горы была завершена. ^[27]

[Гражданская война. Комитет общественной безопасности.]

Положение Франции, которое прежде было серьезным, теперь стало отчаянным, ибо жирондисты, спасаясь от ареста, призвали департаменты к оружию против Парижа. Нормандия, Бордо, Марсель, Лион подняли восстание против тирании Горцев, и роялисты юга и запада ввязались в гражданскую войну, которую они надеялись обратить в свою пользу. Но теперь во Франции возникла форма правления, вполне пригодная для того, чтобы справляться с чрезвычайными опасностями. Это была форма правления, в которой было мало следов конституционных тенденций 1789 года, возникших по мере того, как напряжение конфликта отбросило на задний план прежние надежды и усилия Революции. На двух предыдущих Ассамблеях был установлен принцип, согласно которому представители народа должны были

контролировать правительство, но не должны были сами брать на себя исполнительную власть. После свержения монархии 10 августа министры, хотя номинально они все еще обладали полномочиями, отличными от представительного органа, начали проверяться комитетами Конвента, назначенными для различных отраслей государственной службы; а в марте 1793 года, чтобы справиться с растущими трудностями войны, был назначен Комитет общественной безопасности, на который была возложена обязанность осуществлять общий надзор за администрацией. Однако в этом Комитете, как и во всех других, Жиронда составляла большинство, а двадцать четыре члена, составлявшие его, были слишком многочисленным органом, чтобы действовать эффективно. Растущее господство Горы привело к той концентрации сил, которой требовало время. В апреле Комитет был сокращен до девяти членов, и в таком виде он в конечном итоге стал высшей центральной властью. Только после Лионского восстания Комитет, обменяв влияние Дантона на влияние Робеспьера, принял принцип террора, который сделал память об их правлении одной из самых зловещих в истории. Их авторитет неуклонно возрастал. Члены совета разделили между собой крупные ветви власти. Один руководил армией, другой - военно-морским флотом, третий - иностранными делами; подпись трех членов практически придавала любому мероприятию силу закона, поскольку Конвент принимал их доклады и голосовал за них как за нечто само собой разумеющееся.

[Уполномоченные Конвента]

В то время как Комитет отдавал приказы как высшая исполнительная власть, восемьдесят самых энергичных жителей Гор рассредоточились по Франции группами по двое и по трое, с титулом Уполномоченных Конвента и полномочиями, превосходящими полномочия всех местных властей. Первоначально они были назначены с целью ускорить взимание налогов, введенных Конвентом в марте, но их полномочия постепенно распространились на весь спектр административных функций. Их воля была абсолютной, а власть - высшей. Там, где советники департаментов или муниципальные чиновники были добрыми якобинцами, комиссары использовали местную машину; там, где они ставили под сомнение их принципы, они отправляли их на эшафот и приводили в исполнение свои собственные приказы любыми средствами, которые были под рукой. Они осудили и отправили в отставку генералов; один из них даже руководил передвижениями флота в море. То, что было утрачено в результате опустошения, неразберихи и вмешательства комиссаров в военные действия, было более чем уравновешено энергией, которую они вкладывали во все приготовления к войне, и единством цели, которое ценой беспощадного кровопролития они сообщали каждой группе, где встречались французы.

[Местная революционная система 1793 года]

Но никакая индивидуальная энергия не смогла бы поддерживать эти диктатуры без поддержки народной организации. По всей Франции возникла система революционного правления, которая вытеснила все существующие институты точно так же, как власть комиссаров Конвента вытеснила все существующие местные власти. Местная революционная администрация состояла из Комитета, Клуба и Трибунала. ^[28] В каждой из 21 000 коммун народом был избран комитет из двенадцати человек, которому Конвенция, по мере усиления террора, наделила неограниченные полномочия по аресту и тюремному заключению. Всеобщее возбуждение поддерживалось клубами, где крестьяне и рабочие собирались по окончании своего рабочего дня и аплодировали победам или обличали врагов революции. Трибунал с быстрой процедурой

и полномочиями решать вопросы жизни и смерти заседал в каждом из крупнейших городов и судил заключенных, которых присылали туда комитеты соседнего округа. Таково было правительство 1793 года - исполнительная власть, обладавшая бесконтрольной властью, набранной из членов единственного Собрания и непосредственно контактировавшая с беднейшими слоями населения на их собраниях и в клубах. Баланса интересов, который создает конституционную систему, безопасности жизни, свободы и собственности, являющегося сутью любого признанного общественного порядка, сейчас во Франции не существовало. Одна общественная цель, защита революции, стала законом, перед которым все остальные утратили свою силу. Обращаясь со всей Францией как с городом, находящимся на осадном положении, правительство взяло на себя обязанность оказывать поддержку беднейшим классам посредством законодательных актов, контролирующих продажу предметов первой необходимости и владение ими.

[Закон максимума]

Цена на зерно и другие предметы первой необходимости была фиксированной; и, когда торговцы и производители, следовательно, перестали поставлять свои товары на рынок, уполномоченные Конвента были уполномочены реквизировать определенное количество зерна на каждый акр земли. Собственность, таким образом, была передана в распоряжение людей, которые уже обладали абсолютной политической властью. "Государство Франции, - сказал Берк, - совершенно простое. Она состоит всего из двух описаний: угнетателей и угнетенных". Напрасно предпринимались попытки смягчить чудовищные и бессмысленные жестокости того времени, превознося великие законодательные проекты Конвента или ссылаясь на крайнюю необходимость того, чтобы страна подверглась нападению со всех сторон со стороны иностранцев и была охвачена гражданской войной. Чем больше становится известно о Царстве террора, тем более ненавистной, подлой и отвратительной становится открывающаяся картина. Франция была спасена не жестокостью, а энергией правившей ею фракции. Едва ли будет преувеличением сказать, что делу европейского прогресса меньше повредило бы военное свержение Республики, отделение пограничных провинций от Франции и восстановление некоторой тени древнего *режима*, чем традиции ужаса, которые в течение следующих пятидесяти лет были неразрывно связаны в умах людей с победой народа над установленной властью.

[Французские катастрофы, март-сентябрь 1793 г.]

Революционная организация не достигала своей полной силы до осени 1793 года, когда перспективы Франции были наихудшими. Кюстин, который был привезен из Эльзаса, чтобы принять командование Северной армией, обнаружил, что она настолько деморализована, что он был не в состоянии попытаться освободить крепости, которые теперь были осаждены союзниками. Конде сдался австрийцам 10 июля; Валансьен капитулировал перед герцогом Йоркским двумя неделями позже. На востоке военное положение было не лучше. Атака, предпринятая на прусскую армию, осаждавшую Майнц, полностью провалилась, и 23 июля эта огромная крепость, находившаяся в осаде с середины апреля, снова перешла в руки немцев. Со всех сторон казалось, что Республика тонет перед своими врагами. Его пограничная оборона пала перед победоносными австрийцами и англичанами; Брауншвейг был готов наступать на Эльзас из завоеванного Майнца; Лион и Тулон были охвачены восстанием; Вандея оказалась могилой для войск, посланных для ее усмирения. Именно в этот кризисный период Конвент

предоставил все мужское население Франции в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет в распоряжение правительства и превратил всю страну в один большой военный лагерь и арсенал. Не было недостатка и в уме, способном справиться с задачей наведения порядка в этом огромном материале. Назначение Карно, офицера инженерных войск, на место в Комитете общественной безопасности передало военное управление Францией в руки человека, которому как организатору, если не как стратегу, вскоре предстояло доказать, что ему нет равных в Европе.

[Союзники преследуют каждый свои собственные цели.]

Тем не менее, Франция была обязана своей безопасностью разногласиям и плохой политике союзников больше, чем энергии своего собственного правительства. Цель, ради которой союзники якобы вели войну, создание миролюбивого правительства во Франции, была подчинена планам расширения, известным как получение справедливых контрибуций. В то время как Пруссия, стремившаяся главным образом помешать императору получить Баварию в обмен на Бельгию, бездействовала на Рейне, ^[29] Австрия, с полного одобрения кабинета Питта, заявила об аннексии Северной Франции, а также Эльзаса и рассматривала завоеванный город Конде как австрийскую территорию. ^[30] Отныне все операции армии севера были направлены на овладение приграничной территорией, а не на преследование и свержение республиканских сил. Война была открыто преобразована из оборонительной в войну за грабежи. Это было изменение, которое высмеивало бескорыстные профессии, с которыми союзники взялись за оружие; по своим военным результатам оно было абсолютно разорительным. Перед лицом огромных рекрутов, которые сулили французам верную победу в долгой войне, единственная надежда союзников заключалась в быстром марше к Парижу; они предпочли крайность разделения и промедления. Как только наступление их объединенных армий вытеснило Кюстина из его крепости в Фамаре, английский командующий повел свои войска на осаду Дюнкерка, в то время как австрийцы под командованием принца Кобурга приступили к осаде Камбре и Ле-Кенуа. Линия захватчиков, таким образом, простиралась от Ла-Манша до постов Брауншвейга в Ландау, на границе Эльзаса; основные армии находились вне досягаемости друг друга, и их силы были уменьшены корпусами, выделенными для поддержания их коммуникаций. Французы удерживали внутренний круг, и преимущество, которое это давало им, было хорошо понято Карно, который теперь вдохновлял Комитет на меры. В стойкости и точности французские рекруты не могли сравниться с обученными армиями Германии; но их запасы были неисчерпаемы, и Карно знал, что, когда их бросят достаточными массами на врага, их мужество и энтузиазм компенсируют их неопытность. Успехи союзников, не прерывавшиеся с февраля по август, теперь начали чередоваться с поражениями; поток вторжений сначала медленно и упорно отражался, затем был сметен победоносным наступлением.

[Йорк изгнан из Дюнкерка 8 сентября.]

Первый удар был нанесен по британскому командующему. Сил, которые можно было выделить из французской северной армии, было недостаточно, чтобы выбить Йорк из-под Дюнкерка; но на Мозеле были войска, занятые наблюдением за противником, который вряд ли собирался наступать; и Комитет без колебаний оставил эту часть Франции открытой для пруссаков, чтобы нанести решающий удар на севере. Прежде чем это движение было замечено противником, Карно переправил 30 000 человек из Меца к Ла-Маншу; и в первую неделю сентября немецкий

корпус, прикрывавший Йорк, был атакован генералом Ушаром численностью, вдвое превышающей его собственную. Немцы были отброшены к Дюнkerку; Йорк спас свою армию от уничтожения только тем, что поспешно снял осаду и бросил свою тяжелую артиллерию. Победа французов, однако, не получила должного развития. Ушар предстал перед Революционным трибуналом, и он заплатил жизнью за свои ошибки. Кюстин уже погиб, несправедливо осужденный за потерю Майнца и Валансьена.

[Приказы отданы представителям народа.]

[Победа Журдана при Ватиньи, 15 октября.]

Для Франции было немаловажной переменой, когда преемники Кюстина и Ушара получили свои приказы от Комитета общественного спасения. Уравнительный принцип правления террора оказал свое влияние на Францию через его действие в армии, и почти только через это. Его казни вызвали только ужас и реакцию; конфискации вскоре были отменены; но создание полностью демократической армии, дело рук людей, свергнувших Жиронду, дало самый мощный и устойчивый импульс социальному равенству во Франции. Первыми генералами Революции были офицеры старой армии, люди, за редким исключением, благородного происхождения, которые, подобно Кюстину, перешли на сторону народа, когда большинство их товарищей покинули страну. Эти генералы были связаны с политиками Жиронды и участвовали в ее падении. Победа при Горе привела к командованию людей другого типа. Почти все руководители, назначенные Комитетом общественной безопасности, были солдатами, отслужившими в рядах. При призывах 1792 и 1793 годов офицеры вновь сформированных батальонов выбирались самими новобранцами. Патриотизм, энергия характера, знакомство с военным делом мгновенно выдвинули мужчин на видное место. Солдаты старой армии, такие как Массена, дожившие до средних лет с рюкзаками за спиной; юристы, такие как бретонец Моро; официанты в гостиницах, такие как Мюрат, оказавшиеся во главе своих батальонов, знали, что Карно всегда искал гения и способности, чтобы призвать его к высшему командованию. Имея миллион вооруженных людей, многие из них обладали большими природными способностями, которые восполняли недостаток профессиональной подготовки. Также было неизбежно, что с самого начала командование иногда попадало в руки просто занятых политиков; но авторитет генералов неуклонно рос по мере того, как Комитет одерживал верх над кучкой демагогов, которые занимали Военное министерство летом 1793 года; и к концу года едва ли был хоть один офицер высшего командования, который не доказал, что достоин своего поста. В ходе расследования поведения Ушара при Дюнkerке Карно узнал, что победа на самом деле была одержана Журданом, одним из дивизионных генералов. Журден начал жизнь простым солдатом пятнадцать лет назад. Демобилизовавшись в конце войны в Америке, он открыл магазин тканей в Лиможе, своем родном городе. Он вступил в армию во второй раз после начала войны за независимость, и бойцы его батальона избрали его капитаном. Его способности были замечены; он был назначен последовательно генералом бригады и генералом дивизии; и после увольнения Ушара Карно назначил его командующим Северной армией. Австрийцы в это время были заняты окружением Мобежа. 15 октября Журден атаковал и разгромил их армию прикрытия при Ватиньи. Его победа вынудила австрийцев снять осаду и завершила кампанию на зиму.

[Лион, Тулон, Вандея, завоеваны, октябрь-декабрь 1793 г.]

Добившись успеха на северной границе, Республика без передышки и пощады продолжала

войну против своих внутренних врагов. Лион сдался в октябре; его граждане были хладнокровно перебиты сотнями. Тулон перешел в руки англичан и провозгласил короля Людовика XVII. Он был осажден с суши; но операции не дали никакого эффекта до тех пор, пока Наполеон Бонапарт, капитан артиллерии, не спланировал захват горного хребта, с которого пушки осаждающих могли бы командовать английским флотом в гавани. Британский адмирал Худ теперь считал свое положение безнадежным. Он взял несколько тысяч жителей на борт своих кораблей и вышел в море, взорвав французские корабли, которые оставил в гавани. Худ получил флот от роялистов в знак доверия к их королю; его уничтожение дало Англии господство в Средиземном море и освободило Неаполь от страха нападения; и Худ слишком мало думал о последствиях, которые его поступок повлечет за собой для тех жителей Тулона, которых он оставил позади. ^[31]

Ужасы, следовавшие за вступлением республиканской армии в город, не помешали Питту включить в поздравительную речь короля 1794 года "обстоятельства, сопровождавшие эвакуацию Тулона". Возможно, роялистам в других частях Франции повезло, что они не получили помощи Англии. Вандейцам была обещана помощь, но она прибыла слишком поздно. Появление Клебера во главе армии, оборонявшей Майнц, уже изменило чашу весов. Какими бы храбрыми они ни были, вандейцы не могли долго сопротивляться обученным армиям. Ожесточенная война закончилась на Луаре в 1793 году. За этим последовала война беспощадных и систематических разрушений с одной стороны и засад и неожиданностей - с другой.

[Выход Пруссии из войны из-за польских дел.]

Дома враги Республики слабели; ее захватчики были слишком сильно разобщены друг с другом, чтобы больше угрожать ей серьезной опасностью. Фактически Пруссия выходила из войны. Было замечено, что, когда король Фридрих Вильгельм и император согласовали осеннюю кампанию 1792 года, было достигнуто понимание, что Пруссии в обмен на ее усилия против Франции должно быть позволено захватить часть западной Польши, если императрица Екатерина даст свое согласие. Имея перед собой такую перспективу, мысли прусского правительства с самого начала были больше заняты Польшей, которой оно надеялось овладеть, чем Францией, где ему оставалось только сражаться с Австрией. Переговоры по польскому вопросу активно велись между Берлином и Санкт-Петербургом в течение первых месяцев войны; а в январе 1793 года императрица Екатерина заключила Разделительный договор с королем Фридрихом Вильгельмом, в силу которого прусская армия под командованием генерала Меллендорфа немедленно вошла в западную Польшу. Считалось хорошей политикой держать условия этого договора в секрете от Австрии, поскольку он предоставлял Пруссии гораздо большую часть Польши, чем Австрия хотела бы, чтобы она получила. Прошло два месяца, прежде чем австрийский государь узнал, как с ним обошелся его союзник. Затем он денонсировал договор и занял настолько угрожающую позицию, что пруссаки сочли необходимым укрепить захваченную ими территорию. ^[32] Министры, которых перехитрил берлинский двор, были отправлены в отставку; К власти был призван барон Тугут, который с самого начала не предсказывал прусскому союзу ничего, кроме зла. История этого государственного деятеля, который в течение следующих восьми лет руководил военной политикой Австрии и играл в Европе роль, подчиненную только Питту и Бонапарту, до недавнего времени черпалась главным образом из представлений его врагов. Скромного происхождения, презрительный и недоступный, Тугут вызывал отвращение венской аристократии; французские

эмигранты ненавидели и клеветали на него из-за его безразличия к их делу; общественное мнение Австрии считало его ответственным за беспрецедентные военные катастрофы; прусские генералы и послы, отчеты которых легли в основу прусской истории, изображали его сатанинским антагонистом. Долгое время считалось, что Тугут, будучи послом в Константинополе, продал австрийский шифр французам; что в 1794 году он помешал армиям своего господина одерживать победы, потому что спекулировал французскими средствами; и что в 1799 году он стал причиной убийства французских послов в Раштадте, чтобы вернуть документы, изобличающие его. Теперь открыты лучшие источники информации, и государственный деятель, ревнивый, ожесточенный и властолюбивый, но не лишенный замечательных качеств характера, занимает место легендарного преступника. Действительно, ясно, что ненависть Тугута к Пруссии доходила почти до мании; также ясно, что его агрессивные планы, сформированные в школе императора Иосифа, фатально противоречили принципам обороны, которые Европа должна была противопоставить агрессии Франции. Существуют свидетельства того, что в течение восьми лет служения Тугута он вынашивал, вместе или последовательно, проекты аннексии Французской Фландрии, Баварии, Эльзаса, части Польши, Венеции и Далмации, Зальцбурга, Папских представительств, Генуэзской Республики, Пьемонта и Боснии; и к этому списку, вероятно, следует добавить Тоскану и Савойю. Но выдвинутые против Тугута обвинения в закулисных сделках с Францией и в добровольном отказе от интересов Германии в обмен на компенсацию Австрии в Италии не имеют под собой достаточных оснований. Хотя, как и любой другой политик в Вене и Берлине, он рассматривал дела Германии не как вопрос национальной принадлежности, а в подчинении общим интересам своего собственного Двора, Тугут, по-видимому, был из всех континентальных государственных деятелей того времени самым стойким противником французской агрессии и оказал самое длительное сопротивление миру, который был куплен уступкой немецкой территории. ^[33]

[Победы Гоше и Пишегрю при Верте и Вайсенбурге, 23, 26 декабря.]

Тем не менее, с момента, когда Тугут был призван к власти, союз между Австрией и Пруссией был обречен. Другие, возможно, смогли бы предотвратить разрыв; Тугут не предпринял никаких попыток сделать это. Осада Майнца была последней серьезной военной операцией, которую провела прусская армия. Миссия австрийского посланника Лербаха в прусский лагерь в августе 1793 года и его переговоры по польскому и баварскому вопросам только расширили разрыв между двумя дворами. Было известно, что австрийцы поощряли польский сейм отказаться от уступки провинций, оккупированных Пруссией; вследствие этого советники короля Фридриха Вильгельма рекомендовали ему оставить Рейн и встать во главе армии в Польше. В штаб-квартире союзников, расположенной между Майнцем и эльзасской границей, царили раздоры и интриги. Порывистость австрийского генерала Вурмзера, который наступал на Эльзас, не посоветовавшись с королем, была истолкована как намеренное оскорбление. 29 сентября, проинформировав дворы союзников о том, что Пруссия отныне будет принимать лишь второстепенное участие в войне, король Фридрих Вильгельм покинул армию, отдав герцогу Брауншвейгскому приказ не участвовать в крупных сражениях. Тщетно Вурмзер штурмовал позиции Вайсенбурга (13 октября) и победоносно продвигался в Эльзас. Надежды на роялистское восстание в Страсбурге оказались иллюзорными. Симпатии к Германии, проявленные частью высшего и среднего классов Эльзаса, лишь навлекли на них кровавую месть со стороны Сен-Жюста, комиссара Конвента. Крестьяне, отчасти из ненависти к феодальному бремени старого *режима*, отчасти из страха перед Сен-Жюстом и гильотиной,

толпами переходили во французский лагерь. На смену поверженным генералам пришли Гош и Пишегрю: Гош, еще недавно простой солдат гвардии, зарабатывавший скромным трудом небольшие суммы на покупку книг, теперь, в возрасте двадцати шести лет, командир, более чем достойный соперников для сражающихся ветеранов Германии; Пишегрю, на шесть лет старше, тоже человек, вышедший из народа, когда-то был преподавателем военного училища в Бриенне, затем рядовым артиллерии на войне в Америке. В течение декабря произошла серия неприятных столкновений. Наконец, когда Сен-Жюст подбадривал эльзасских крестьян в самый разгар пожара, эти генералы победоносно овладели австрийскими позициями при Верте и Вайсенбурге (23, 26 декабря). Австрийский командующий объявил, что его армия полностью разгромлена, и Брауншвейг, который воздержался от оказания своему союзнику какой-либо реальной помощи, во второй раз оказался на Рейне. ^[34]

[Сделка Питта с Пруссией, апрель 1794 г.]

[Восстание Костюшко. Апрель 1794 г.]

[Меллендорф отказывается помогать во Фландрии.]

Фактический выход Пруссии из Коалиции не был секретом для французского правительства: среди союзников это рассматривалось по-разному. Императрица Екатерина, которая рассчитывала увидеть, как ее беспокойная прусская подруга вступит в схватку с ее ненавистным французским врагом, насмехалась над королем Пруссии, обвиняя его в потере личной чести. Австрия, сознавая антагонизм между прусскими и австрийскими интересами и несостоятельный характер Коалиции, не уступила бы ни перед чем, чтобы удержать Пруссию с оружием в руках. Один Питт был готов пойти на жертву, чтобы предотвратить разрыв союза. Король Пруссии был готов продолжить борьбу с Францией, если его расходы будут оплачены, но не иначе. Соответственно, после того, как Австрия отказалась внести небольшую сумму, которую просил Питт, между лордом Малмсбери и прусским министром Хогвицем была заключена сделка, по которой Великобритания обязалась предоставить субсидию при условии, что 60 000 прусских военнослужащих под командованием генерала Меллендорфа будут предоставлены в распоряжение морских держав. ^[35] Питт намеревался объединить войска, которые он субсидировал, с австрийскими и английскими войсками для защиты Бельгии: прусское министерство, воспользовавшись двусмысленным выражением в договоре, настаивало на том, чтобы они бездействовали на Верхнем Рейне. Меллендорф хотел охранять Майнц; другие влиятельные люди стремились отказаться от союза с Австрией и использовать все силы Пруссии в Польше. В тот момент, когда Хаугвиц заключал контракт на предоставление армии Меллендорфа в распоряжение Питта, Польша подняла восстание под командованием Костюшко, и русский гарнизон, оккупировавший Варшаву, был разгромлен и вырезан на куски. Екатерина обратилась за помощью к королю Пруссии; но прусский кабинет министров волновало не столько желание спасти императрицу от сиюминутной опасности, сколько вера в то, что ее месть теперь полностью уничтожит то, что осталось от польского королевства. Добыча была обречена; мудрость Пруссии заключалась в том, чтобы первой схватить ее и повалить на землю. Перед Державой, которая должна была сокрушить Польшу во время кратковременного паралича русского оружия, открывались столь широкие перспективы, что при первых известиях о начале войны советники короля призвали его немедленно заключить мир с Францией и бросить все свои силы на борьбу с Польшей. Фридрих Вильгельм не мог примириться с заключением мира с якобинцами; но он приказал армии выступить на Варшаву и вскоре после

этого встал во главе ее (май 1794 г.). Когда король, который был единственным политиком в Пруссии, проявлявшим интерес к войне во Франции, таким образом публично признал более высокую важность польской кампании, его генералы на Рейне поставили своей единственной целью не делать ничего, что можно было бы оставить невыполненным, фактически не лишаясь британской субсидии. Вместо того чтобы сражаться, Меллендорф тратил свое время на то, чтобы убеждать других людей заключить мир. Напрасно Малмсбери утверждал, что сама цель сделки Питта заключалась в том, чтобы не допустить французов в Нидерланды: Меллендорф решил, что армия не должна подчиняться приказам Питта и австрийцев. Он продолжил наступление в Пфальце, утверждая, что любое движение прусской армии на север даст французам доступ в южную Германию. Надежда Питта защитить Нидерланды теперь основывалась на энергии и искренности австрийского кабинета министров, и только на этом.

[Сражения на Самбре, май-июнь 1794 г.]

После выхода с зимних квартир весной 1794 года австрийские и английские союзные войска успешно осадили Ландреси и разгромили врага в его окрестностях. ^[36] Их продвижение, однако, было остановлено движением Северной французской армии, которой теперь командовал Пишегрю, к побережью Фландрии. Йорк и английские войска подверглись нападению и потерпели поражение при Туркуэне. Однако исход кампании лежал не на западе Фландрии, а на другом конце позиций союзников, в Шарлеруа на Самбре, где победа французов либо вынудила бы австрийцев отступить на восток, предоставив Йорка его судьбе, либо разорвала бы их коммуникации с Германией. Это стало очевидным для французского правительства; и в мае уполномоченные Конвента вынудили генералов на Самбре провести серию сражений, в которых французам неоднократно удавалось переправиться через Самбру, и они неоднократно были отброшены назад. Однако судьба Нидерландов зависела не только от победы или поражения от Самбры, но и от чего-то еще. Император прибыл вместе с бароном Тугутом в Бельгию в надежде придать союзным войскам больше единства и энергии, но его присутствие оказалось бесполезным. Среди австрийских генералов и дипломатов было несколько человек, желавших выйти из борьбы в Нидерландах и последовать примеру Пруссии в Польше. Действия армии были парализованы интригами. "Каждый, - писал Тугут, - делает именно то, что ему заблагорассудится: царят абсолютная анархия и беспорядок". ^[37] В начале июня император покинул армию; сражения на Самбре продолжили Журдан и 50 000 свежих солдат, привлеченных из армии Мозеля; а 26 июня французы разгромили Кобурга при Флерюсе, когда он продвигался на помощь Шарлеруа, не подозревая, что Шарлеруа сдался в тот день раньше. Даже теперь оборона Бельгии не была безнадёжной; но после того, как один военный совет высказался за сражение, второй принял решение об отступлении. Напрасно представители Англии взывали к добросовестности и военной чести Австрии. Намюр и Лувен были оставлены; французы продолжали наступление, и еще до конца июля австрийская армия отступила за Маас. Йорк, покинутый союзниками, отступил на север перед превосходящими силами Пишегрю, который вошел в Антверпен и сделал себя хозяином всех Нидерландов вплоть до голландской границы. ^[38]

[Англия разочарована союзниками.]

Таков был результат благонамеренных усилий Великобритании помочь двум великим военным державам защитить Европу от Революции. К цели английского министра - защите существующих прав от демократической агрессии - большинство общественных деятелей

Австрии и Пруссии были теперь абсолютно равнодушны. Они были готовы позволить французам захватить и произвести революцию на любой территории, которую им заблагорассудится, при условии, что они сами получают свой эквивалент в Польше. Англия фактически оказалась в положении человека, который намеревается напасть на грабителя с большой дороги и предлагает каждую из своих рук карманнику. Мотивы и поведение этих политиков были достаточно справедливо описаны английскими государственными деятелями и генералами, которые были с ними в самом тесном контакте. В советах Пруссии Малмсбери заявил, что не может найти никаких качеств, кроме "великого и убогого искусства и хитрости; недоброжелательности, ревности и всякого рода грязных страстей". Из штаб-квартиры Меллендорфа он написал члену кабинета Питта: "Здесь я имею дело с плутовством и старческим маразмом.... Если бы мы прислушивались только к своим чувствам, нам было бы трудно соблюдать какую-либо меру в отношениях с Пруссией. Мы должны рассматривать это как союз с алжирцами, которым не стыдно платить, и как любое проявление здравого смысла, если они будут обмануты ". К австрийскому командующему герцог Йоркский обратился с королевской прямоотой: "Ваше светлость, британская нация, чье общественное мнение не следует презирать, будет считать, что оно куплено и продано". ^[39]

[Французы достигли Рейна, октябрь 1794 г.]

[Пишегрю покоряет Голландию, декабрь 1794 г.]

Концерт sorry длился на несколько месяцев дольше. Австрийский командующий Кобург был отправлен в отставку по настоятельному требованию Великобритании; его преемник Клерфайт, проиграв битву на Урте, больше не оказывал сопротивления наступлению республиканской армии, и кампания закончилась взятием Кельна французами и исчезновением австрийцев за Рейном. Прусские субсидии, предоставленные Англией, привели к нескольким бесполезным столкновениям между корпусом Меллендорфа в Пфальце и удвоенной по численности французской армией, за которыми последовало отступление пруссаков в Майнц. Великобритании оставалось только попытаться не допустить французов в Голландию. Оборону голландцев после того, как все к югу от реки Ваал было потеряно, Питт решил доверить более умелым рукам, чем у герцога Йоркского; но присутствие одного высокородного лентя более или менее мало что меняло в серии операций, задуманных с безразличием и извращенностью. Клерфайт не хотел или не мог подчиниться приказам императора и помочь своему союзнику. Город за городом в Голландии приветствовал французов. Казалось, что сами стихии выступают за Республику. Армия Пишегрю благополучно перешла замерзшие реки, а когда завоевание страны было завершено, его кавалерия завершила кампанию захватом голландского флота посреди скованных льдом вод Тексея. Британские полки, отрезанные от дома, пробирались на восток по снегу к ганноверской границе в состоянии крайней нищеты, которое очевидец обоих событий сравнивает с состоянием французов при их отступлении в 1813 году после битвы при Лейпциге. ^[40]

[Базельский мирный договор с Пруссией от 5 апреля и Испанией от 22 июля 1795 г.]

Был заключен первый акт борьбы между Францией и монархиями Европы. Результатом трехлетней войны стало то, что Бельгия, Ницца и Савойя были присоединены к территории Республики, а французские армии овладели Голландией и всей Германией к западу от Рейна. В Испании и Пьемонте были завоеваны горные перевалы и некоторая территория страны. Даже на море, несмотря на уничтожение флота в Тулоне и тяжелое поражение, нанесенное лордом Хоу

при Ушанте 1 июня 1794 года, сила Франции все еще была огромной; и потери, которые она нанесла торговому флоту своих врагов, превышали те, которые она понесла сама. Англия, захватившая большую часть французских островов Вест-Индии, была единственной державой, которая что-либо отняла у Республики. Мечта о подавлении Революции силой оружия исчезла, и государства, вступившие в состязание из легкомыслия, фанатизма или по просьбе более могущественных союзников, сочли необходимым заключить мир на таких условиях, какие они могли получить. Голландия, в которой сильная республиканская партия всегда поддерживала связи с Францией, отменила правление своего штатгальтера и предоставила свои ресурсы в распоряжение своих завоевателей. Сардиния вступила в безуспешные переговоры. Испания в обмен на мир уступила Республике испанскую половину Сан-Доминго (22 июля 1795 г.). Пруссия заключила Базельский мирный договор (5 апреля), который ознаменовал и увековечил разделение Германии, предусмотрев, что, хотя империя как единое целое все еще находилась в состоянии войны с Францией, преимущества нейтралитета Пруссии должны распространяться на все германские государства к северу от определенной линии. Секретная статья предусматривала, что после заключения всеобщего мира, если Империя уступит Франции княжества к западу от Рейна, Пруссия должна уступить свою собственную территорию, лежащую в этом районе, и получить компенсацию в другом месте. ^[41]

[Австрия и Англия продолжают войну, 1795 г.]

Такой мир, безусловно, был унижительным; тем не менее, он, вероятно, был бы самым счастливым для Европы, если бы каждая держава была вынуждена принять его условия. Территория, завоеванная Францией, была ненамного больше, чем сам принцип Баланса сил давал ей право требовать в момент, когда Россия, одержав победу над польским восстанием, приступала к окончательному разделу Польши между тремя восточными монархиями; и, при всех своих недостатках, Франция 1795 года могла бы предложить Европе пример великого свободного государства, подобного тому, какой рост военного духа стал невозможным после первой из кампаний Наполеона. Но мрачное будущее было уведено из поля зрения тех британских государственных деятелей, которые наиболее остро ощущали зло настоящего; и Англия, решительно настроенная против курса французской агрессии, все еще находила в Австрии союзника, готового продолжать борьбу. Финансовая помощь Великобритании, предложение Россией значительной доли в польской добыче стимулировали иссякающую энергию императорского правительства. Клерфайту был отправлен приказ наступать от Рейна с любым риском, чтобы вывести войска Республики с запада Франции, где Англия собиралась высадить отряд роялистов. Клерфайт, однако, не подчинился его указаниям и бездействовал до осени. Затем он разбил французскую армию, форсировавшую Рейн, и отбросил осаждавших Майнц; но британская экспедиция уже потерпела неудачу, и прошло время, когда успехи Клерфайта могли привести к решающему результату. ^[42]

[Высадка в Кибероне 27 июня 1795 г.]

[Франция в 1795 г.]

К власти во Франции пришло новое правительство. Царство террора закончилось в июле 1794 года вместе с кончиной Робеспьера. Люди, с помощью которых был свергнут Робеспьер, были террористами более жестокими и менее серьезными, чем он сам, которые напали на него только для того, чтобы спасти свои собственные жизни, и без малейшего намерения восстановить конституционное правительство во Франции. Однако ошеломляющая

национальная реакция вынудила их заявить о себе как о партии милосердия. Реакция действительно была простой вспышкой человеческих чувств, а не изменением политических взглядов. Среди жертв Террора подавляющее большинство составляли люди низшего или среднего класса, которые, за исключением Вандеи и Бретани, были столь же недружелюбны к старому режиму, как и их палачи. Каждый класс во Франции, за исключением голодающих городских толп, стремился к безопасности и спокойной рутине жизни. После беспорядков в республике монархическое правление, естественно, казалось многим лучшей гарантией мира; но рассматриваемая монархия была либеральной монархией 1791 года, а не древним двором с его землевладельческой церковью и привилегированной знатью. Религия все еще была силой во Франции; но крестьянин, со всеми его суевериями и стремлением к порядку, был совершенно свободен от каких-либо иллюзий относительно добрых старых времен. Ему нравилось видеть, как крестят его детей; но у него не было желания видеть сборщика десятины священника снова в его амбаре: он содрогался от бесцеремонной торговли Обычных Комиссионеров; но у него не было желания возобновлять свои труды на полях своего покойного сеньора. Быть монархистом в 1795 году среди парижских лавочников или фермеров Нормандии означало не более чем желать политической системы, способной просуществовать двенадцать месяцев подряд и основанной на какой-либо иной основе, кроме принудительных займов и принудительной продажи собственности. Но среди людей Конвента, которые отменили монархию и вынесли королю смертный приговор, восстановление короны казалось самым суровым осуждением всего, что Конвент сделал для Франции, и приговором вне закона против них самих. Если воля нации на данный момент была в пользу восстановленной монархии, Конвент постановил, что ее воля должна быть подавлена силой или пресечена конституционными формами. Находясь под угрозой попеременно со стороны якобинской черни Парижа и роялистской буржуазии, правительство натравливало одного врага на другого, пока несвоевременные усилия дворян-эмигрантов не придали Конвенту престиж решительной победы над роялистами и иностранцами вместе взятыми. 27 июня 1795 года английский флот высадил цвет старой знати Франции в бухте Киберон на юге Бретани. Только для того, чтобы дать последнее роковое доказательство своей неспособности, эти несчастные люди снова появились на французской земле. В течение трех недель после их высадки в регионе, где в течение многих лет крестьянство, возглавляемое своими землевладельцами, сбивало с толку лучших генералов республики, эта вторгшаяся армия дворян, поддерживаемая флотом, оружием и деньгами Англии, была доведена до полного разорения из-за разногласий между ее собственными лидерами. Прежде чем дворяне определились, кто должен командовать, а кто подчиняться, генерал Гош напал на их форт, отбросил их к краю полуострова, где они высадились, и захватил в плен всех, кто не погиб в бою или не был спасен английскими лодками (20 июля). Комиссар Тальен, чтобы очистить себя от справедливых подозрений в роялистских интригах, хладнокровно расстрелял шестьсот заключенных. ^[43]

[Проект конституции, 1795 г.]

В тот момент, когда армия эмигрантов достигла Франции, Конвент был занят обсуждением политической системы, которая должна была прийти на смену его собственному правлению. Неделями ранее Комитет, назначенный для разработки новой конституции Франции, представил свой доклад. Главная цель новой конституции в ее первоначальном виде состояла в том, чтобы обезопасить Францию от повторения тех зол, от которых она страдала с 1792 года. Бедствия последних трех лет были приписаны суверенитету одной Ассамблеи. В результате голосования Конвента был учрежден Революционный трибунал, жирондисты объявлены вне закона и

Франция оказалась во власти восьмидесяти человек, выбранных Конвентом из ее числа. Законодатели 1795 года желали получить гарантию, что ни одна партия, какой бы решительной она ни была, не должна таким образом уничтожать своих врагов с помощью единого закона и объединять высшую законодательную и исполнительную власть в своих собственных руках. С целью разделения власти исполнительная власть в новом проекте конституции была сделана независимой от законодательной, а сам законодательный орган был разделен на две палаты. Директория из пяти членов, избираемая Собраниями, но не несущая ответственности, за исключением случаев фактического импичмента, должна была управлять администрацией без права предлагать законы; палата из пятисот человек должна была представлять законы на утверждение Совета из двухсот пятидесяти Старейшин или людей среднего возраста; но ни один из этих органов не должен был оказывать никакого влияния на фактическое правительство. Каждый год по одному директору и третьей части каждого из законодательных органов должны были уходить в отставку. ^[44]

[Конституция 1795 года. Вандемское восстание, 4 октября.]

Изложенный таким образом проект встретил всеобщее одобрение и заручился поддержкой даже роялистов, которые верили, что всенародные выборы обеспечат им большинство в двух новых Ассамблеях. Однако такое событие было, по мнению Конвенции, единственной фатальной возможностью, которую необходимо предотвратить любой ценой. В разгар дебатов по проекту конституции пришло известие о победе Гоша при Кибероне. Конвент набрался смелости добавить пункт, предусматривающий, что две трети новых депутатов должны назначаться из числа его собственных членов, что делает невозможным достижение роялистского большинства в Палатах. С этим условием Конституция была представлена стране. Провинции приняли ее; роялистская буржуазия Парижа подняла восстание и прошла маршем против Конвента в Тюильри. Их восстание было предвидено; защита Конвента была поручена генералу Бонапарту, который отразил атаку парижан в стиле, неизвестном в столичных войнах. Командование Бонапартом обученной артиллерией обеспечило ему победу; но битва 4 октября (13 Вандемьера) была самой жестокой из всех, которые происходили в Париже за время революции, и человеческих жертв в боях было больше, чем в день свержения монархии.

[Директория, октябрь 1795 г.]

Новое правительство Франции пришло к власти. Члены Конвента составили две трети новых законодательных органов; одна треть, которую стране было разрешено избирать, состояла главным образом из людей умеренных или роялистских взглядов. Все пять человек, избранных директорами, были сторонниками традиций, голосовавшими за смерть короля; однако Карно, одержавший победы, не разделяя жестокостей Правления террора, был единственным членом покойного Комитета общественной безопасности, который был приведен к власти. Несмотря на поразительное почтение, оказанное великому акту цареубийства при избрании пяти директоров, учреждение Директории было воспринято Европой как завершение революционных беспорядков. Возвращение конституционного правления во Франции ознаменовалось заявлением короля Англии о его готовности вести переговоры в пользу мира. Казалось, в Республике воцарился более мягкий дух. Хотя законы против эмигрантов и священников, не являющихся юристами, все еще не были отменены, изгнанники начали беспрепятственно возвращаться в свои дома. Жизнь в столице отчасти вернулась к своему прежнему облику. Богатые и веселые люди утешали себя более дорогостоящей роскошью в

противовес всем суровым условиям правления террора. Трудящимся классам, теперь безвредным и разоруженным, было строго внушено, что они должны быть довольны таким улучшением своей участи, какое может принести общественный прогресс.

[Что нового было для Европы в революции.]

[Абсолютные правительства 18 века проводили реформы.]

В конце этого первого периода войны за независимость мы можем сделать паузу, чтобы оценить новые влияния, которые Французская революция принесла в Европу, и те последствия, которые к настоящему времени стали их результатом. Бытующее среди самого французского народа мнение о том, что Революция дала начало современной жизни не только Франции, но и Западного континента в целом, верно в отношении одного большого набора фактов; оно неверно в отношении другого. В 1789 году во Франции существовали концепции, которые делали Францию реальной противоположностью большинству континентальных монархий; были и другие, которые она разделяла с ними. Идеи социальной, правовой и церковной реформы, которые были реализованы в 1789 году, не были характерны для Франции; что было характерно для Франции, так это идея о том, что эти реформы должны были быть осуществлены самой нацией. В других странах реформы были инициированы правительствами и навязаны нежелающему этого народу. Инновации исходили от короны; ее агентами были слуги государства. Особый класс улучшений, многие из которых были идентичны изменениям, произведенным революцией во Франции, привлекали внимание в большей или меньшей степени почти всех западных дворов XVIII века. Создание простой и регулярной административной системы; реформа духовенства; освобождение Церкви от юрисдикции папы Римского и всех государственных порядков от юрисдикции Церкви; улучшение участи крестьян; введение кодексов законов, отменяющих как жестокость, так и путаницу древней практики, - все это были цели, более или менее знакомые абсолютным суверенам восемнадцатого века, которых французы столь кратко охарактеризовали как невежественных тиранов. Именно в Австрии, Пруссии и Тоскане цивилизаторская энергия короны проявилась в самой сильной форме, но даже правительства Неаполя и Испании прониклись духом перемен. Религиозная терпимость, которую Иосиф даровал Австрии, неприятие папской власти и отмена смертной казни, которую Леопольд осуществил в Тоскане, были более смелыми усилиями того же политического рационализма, который в Испании свел к минимуму полномочия инквизиции, а в Неаполе попытался основать систему государственного образования. Во всем этом, однако, не было и следа действий народа или какого-либо чувства, что нация должна возвыситься над государством опеки. Люди идеи призывали правительства навязывать народу лучшие институты, а не отнимать их у правительств.

[Во Франции действовала сама нация.]

Только во Франции сформировался такой взгляд на общественные дела, который побудил нацию проводить свои реформы самостоятельно. Если суть многих французских революционных преобразований совпадала с целями австрийской или тосканской реформы, то в их методе не было ничего подобного. В других странах реформа возникла по приказу просвещенного правителя; во Франции она началась с декларации прав человека и была направлена на создание местной власти, которую должны были осуществлять сами граждане. Источник этого различия отчасти крылся во влиянии Англии и Америки на общественное мнение Франции, но гораздо больше в существовании во Франции многочисленного и

энергичного среднего класса, обогащенного торговлей и живо интересующегося всеми спекуляциями и литературной деятельностью того времени. Это был класс, который одновременно понимал зло, причиненное другими классами или от которого страдали, и чувствовал себя способным исправить его. Для избиваемого крестьянина в Неаполе или Венгрии не существовало другого союзника, кроме короны. В большинстве тех бедных и отсталых государств, которые составляли монархическую Европу, та часть населения, которая не пользовалась привилегиями и не находилась в рабстве у них, была слишком мала, чтобы думать о том, чтобы силой прийти к власти. Дворяне стремились сохранить свои феодальные права; корона стремилась ограничить их; нация нигде, кроме Франции, не вмешивалась и не прибирала к рукам власть для себя, потому что нация была ничем иным, как четырьмя взаимоисключающими классами: землевладельцами, которые командовали, крестьянами, которые служили, священниками, которые бездельничали, и солдатами, которые сражались. Франция отличалась от всех других монархий Континента тем, что обладала обществом, в котором сочетались все классы и ни над кем не доминировал ни один; обществом, объединяющим тысячи людей, которые были знакомы с великими интересами общества и которые, благородные или небогатые, обладали богатством и умом, которые заставляли их справедливо желать доли во власти.

[Движения против правительств за пределами Франции.]

Свобода, право нации управлять самой собой, с самого начала казалась великим принципом Революции. Сам французский народ считал, что спорный вопрос заключается главным образом между властью и народным правом; остальная Европа рассматривала революцию в том же аспекте. Следовательно, в тех странах, где пример Франции вызвал политические движения, результатом было в первую очередь возбуждение агитации против правительства, какой бы ни была форма последнего. В Англии это была агитация среднего класса против аристократической парламентской системы; в Венгрии это была агитация знати против короны; на Рейне это была агитация коммерческих классов против церковного правления. Но во всех случаях, когда реформаторское движение не поддерживалось присутствием французских армий, ужасы, пришедшие на смену первым обнадеживающим надеждам Революции, вызывали у лидеров этих движений отвращение и отчаяние и превращали даже лучшие правительства в орудия реакции. В самой Франции было замечено, что стремление к свободе среди просвещенного класса не могло внезапно изменить привычки нации, привыкшей принимать все от власти. Привилегии были уничтожены, равенство восторжествовало; но вместо самоуправления Революция принесла Франции самое абсолютное правление, которое она когда-либо знала. Дело было не в том, что Революция пронеслась мимо, оставив все на своих местах: фактически она осуществила большинство тех великих перемен, которые закладывают основу здоровой общественной жизни, но способность к самоуправлению, первое условие любой прочной политической свободы, еще предстояло постепенно завоевывать.

[Реакция.]

За пределами Франции реакция началась без учета предыдущих изменений. В Лондоне, Вене, Неаполе и Мадриде правительства отказались от всех других целей, чтобы посвятить себя подавлению якобинства. Питт, чьими благородными целями были искоренение работорговли, реформа парламента и развитие национальных отношений посредством свободной торговли,

сдался людям, мысли которых были сосредоточены на доносчиках, действиях по затыканию рта и конструктивной измене, и которые выступали против любого законодательства о работорговле, потому что рабы были освобождены якобинцами Конвента. Государственные суды и тюремные заключения стали обычным делом; но реакция в Англии, по крайней мере, не дошла до эшафота. В Вене и Неаполе страх был более жестоким. Люди, которые либо были, либо делали вид, что боятся революции настолько, что обнаружили якобинскую аллегорю в последней опере Моцарта, ^[45] не пожалели жизни, когда в их руки попали нити чего-либо похожего на настоящий заговор. В Вене террор был применен для подавления конституционной оппозиции Венгрии австрийскому двору. В Неаполе долгое правление жестокости и угнетения началось с создания секретного трибунала для расследования обвинений в заговоре, выдвинутых осведомителями. В Майнце архиепископ провел последние годы своего правления, после реставрации в 1793 году, с серией жестоких наказаний и тиранических мер предосторожности.

Это были лишь примеры того воздействия, которое первая эпоха революции произвела на старые европейские государства. После кратковременного стимула к свободе это повергло сами нации в реакцию и апатию; это полностью изменило дух лучших правительств, наложив на все либеральные идеи клеймо революции и отождествив работу власти с сопротивлением любому виду реформ. Были государства, в которых это изменение, первое последствие революции, было также ее единственным; Государства, история которых, как в случае с Англией, является для целого поколения историей политического прогресса, неестественно остановленного и сбитого с курса. Были и другие, и эти были более многочисленными, где первый стимул и первая реакция были вскоре забыты в новых и глубоких переменах, вызванных последовательными победами Франции. Природа этих изменений, даже в большей степени, чем война, которая их вызвала, придает особый интерес периоду, в который мы собираемся вступить.

ГЛАВА III.

Тройное нападение на Австрию-Моро, Журдан-Бонапарт в Италии-Состояние итальянских государств-Профессии и истинные намерения Бонапарта и Директории-Битва при Монтенотте-Перемирие с Сардинией-Кампания в Ломбардии-Обращение с папой Римским, Неаполем, Тосканой-Осада Мантуи- Кастильоне, Моро и Журдан в Германии, Их отступление-Секретный договор с Пруссией-Переговоры с Англией-Республика Чиспадан-Подъем идеи независимости Италии-Битвы при Арколе и Риволи-Мир с Папой римским в Толентино- Венеция-Предварительные испытания Леобена-Французы в Венеции-Французы захватывают

Ионические острова и отдают Венецию Австрии-Генуя-Государственный переворот 17 Фруктидора в Париже-Кампо-Формийский мирный договор-Победы Англии на море-Проект Бонапарта против Египта.

[Армии Италии, на Дунае и Майне, 1796.]

С началом 1796 года главный интерес европейской истории переходит на новую сцену. До сих пор французские победы продвигались в направлении Рейна: наступление пиренейской армии было остановлено заключением мира с Испанией; итальянская армия мало чего добилась, если не считать нескольких незаметных успехов в горах. Именно назначение Наполеона Бонапарта командующим последними силами весной 1796 года впервые определило судьбу Республики на землях за Альпами. Освобожденная от Пруссии Базельским мирным договором, Директория теперь могла отвлечь свое внимание от Голландии и Нижнего Рейна и бросить все свои силы на борьбу с Австрией. По совету Бонапарта было предпринято тройственное наступление на Вену: через Ломбардию, долиной Дуная и долиной Майна. Генерал Журден, командовавший армией, завоевавшей Нидерланды, получил приказ войти в Германию через Франкфурт; Моро переправился через Рейн у Страсбурга; сам Бонапарт, подтягивая свои скудные припасы по прибрежной дороге из Ниццы, столкнулся лицом к лицу с союзными войсками Австрии и Сардинии на склонах Приморских Апеннин, в сорока милях к западу от Генуи. Страна, в которой он собирался действовать, была знакома Бонапарту по службе там в 1794 году; его собственное происхождение и язык давали ему исключительные преимущества в любом предприятии, предпринимаемом в Италии. Бонапарт в душе не был итальянцем, но он, по крайней мере, достаточно знал итальянскую натуру, чтобы руководствоваться ее лучшими побуждениями и связывать ее надежды, пока он нуждался в поддержке итальянского общественного мнения, со своим собственным победоносным путем.

[Состояние Италии.]

Три столетия отделяли Италию того времени от яркой и энергичной Италии, которая в сиянии своей республиканской свободы так много дала Северной Европе в искусстве, литературе и очаровании жизни. Долгая эпоха подчинения деспотическому или иностранному правлению, бездействия в торговле, упадка ума и характера сделала итальянцев бесполезными среди политических сил Европы. Вплоть до заключения Экс-ла-Шапельского мира в 1748 году их провинции были обменены между Бурбонами и Габсбургами; и хотя по соглашению на ту дату никакая часть Италии, кроме Миланского герцогства, не была включена в состав иностранной империи, тем не менее неаполитанская корона была передана младшей ветви испанских Бурбонов, а брак Марии Терезии с эрцгерцогом Франциском сделал Тоскану уделом Австрийского дома. Венеция и Генуя сохранили свою независимость и республиканское правление, но мало что от их древнего духа. В начале войны за независимость австрийское влияние доминировало на всем полуострове, Мария Каролина, королева и правительница Фердинанда Неаполитанского, была сестрой императора Леопольда и Марии-Антуанетты. За исключением Пьемонта, который сохранил сильные военные настроения и традиции активной и патриотической политики, итальянские государства либо, подобно Венеции и Генуе, стремились уберечь себя от опасности, делая вид, что ничего не слышат и не видят, что происходит вокруг них, либо управлялись семьями, находящимися в самой тесной связи с

великими правящими домами Континента. Ни в самой Италии, ни в общем ходе европейских дел в период правления Наполеона ничто не определялось настроениями итальянского народа. Крестьянство временами энергично сражалось против французов, но ни один сильный порыв, подобный порыву испанцев, не привлекал высший класс итальянцев ни на сторону Наполеона, ни на сторону его врагов. Уступчивость и покорность стали привычкой народа; чувство национального единства и ценности, личная гордость, которые делают отсутствие свободы невыносимым злом, вошли в характер итальянцев лишь позже.

[Возрождение после 1740 года.]

Тем не менее, несмотря на свое политическое ничтожество, Италия не находилась в состоянии упадка. Ее худшие дни закончились к середине восемнадцатого века. Пятьдесят лет, предшествовавшие Французской революции, если и не принесли ничего от духа свободы, то во всех других отношениях были годами прогресса и возрождения. В Ломбардии правительство Марии Терезии и Иосифа пробудило жизнь и движение после столетий испанского оцепенения и неправильного правления. Возрождались традиции местной деятельности; коммуны поощрялись в их работах по орошению и благоустройству сельских районов; исключительная либеральность по отношению к общественному мнению и прессе сделала австрийские владения центром интеллектуального движения Италии. На юге прогресс начался в тот день, когда последний иностранный вице-король исчез из Неаполя (1735), и король Карл III, хотя и был членом Испанского дома, вступил в управление двумя Сицилиями как независимым королевством. Только Венеция и Папская область, казалось, были незатронуты духом материального и социального совершенствования, столь активным в остальной Италии до того, как появился интерес к политической жизни.

Эта эпоха также не была лишена своего интеллектуального своеобразия. Если в литературе Италии второй половины XVIII века мало что напоминало о вдохновении ее великолепной юности, то в ней, по крайней мере, наблюдалось возвращение серьезности и интереса к важным вещам. Политические экономисты Ломбардии едва ли отставали от английских; работа миланца Беккариа "Преступления и наказания" стимулировала реформу уголовного права во всех странах Европы; разумное и возрастающее внимание к проблемам сельского хозяйства, торговли и образования заменило бессмысленную галантность и безвкусную критику, которые до сих пор составляли жизнь итальянцев по происхождению и культуре. Один гениальный человек, Витторио Альфиери, создатель итальянской трагедии, идеализировал как в прозе, так и в стихах тип твердой независимости и сопротивления тиранической власти. Альфиери сам не был ни человеком политических суждений, ни представителем какого-либо реального политического течения в Италии; но урок, который он преподавал итальянцам, урок уважения к себе и своей стране, был тем, который Италии больше всего требовалось усвоить; и появление этого мужественного и энергичного духа в ее литературе вселяло надежду, что итальянская нация недолго будет довольствоваться отсутствием политической жизни.

[Социальное положение.]

[Тоскана.]

Италия для внешнего мира значила немногим больше, чем руины Римского форума, галереи Флоренции, райский уголок Капри и неаполитанское побережье; исключительное разнообразие местных условий жизни привлекало мало внимания иностранца. В Италии были

районы, где общественный строй был почти варварским польского типа; были и другие, где богатые и бедные жили, возможно, в более счастливых отношениях, чем в любой другой стране Европы. Разница зависела главным образом от того, в какой степени муниципальная жизнь в прошлом вытеснила феодальный порядок, при котором сеньор территории был судьей и правителем своих собственных владений. В Тоскане город сделал больше всего для поглощения землевладельческой знати; в Неаполе и на Сицилии он сделал меньше всего. Когда в средние века Флорентийская республика заставляла окружающих ее феодалов входить в ее стены в качестве граждан, в некоторых случаях это лишало их всякой власти, в других позволяло им сохранять юрисдикцию над своими крестьянами; но даже в этих случаях суверенитет города лишал феодальные отношения большей части их суровости и силы. После потери флорентийской свободы Медичи, подражая обычаю старых монархий, присвоили титул маркиза и графа людям, предпочитавшим рабство свободе, и сопровождали присвоение звания титулом наследственной местной власти; но новые институты не оказали глубокого влияния на сельскую жизнь, и законодательство первого эрцгерцога Лотарингского дома (1749) оставило землевладельческую аристократию в положении простых сельских джентльменов. ^[46] Поместья были не очень большими: преобладающей сельскохозяйственной системой была, как и до сих пор, система *меццери*, партнерства между домовладельцем и арендатором; арендатор, по обычаю, владел бессрочно и делился продукцией с домовладельцем, который поставлял часть инвентаря и материалов для ведения сельского хозяйства. В Тоскане условия *меццери* были чрезвычайно благоприятны для арендатора; и если веселая сельская жизнь под управлением мягкого и просвещенного правительства была всем, чего могло желать государство, Тоскана наслаждалась редким счастьем.

[Неаполь и Сицилия.]

[Пьемонт.]

Совершенно иным было состояние Сицилии и Неаполя. Здесь рост городской жизни никогда не влиял на грубую власть, которую бароны осуществляли над огромными пространствами страны, удаленными от цивилизованного мира. Когда Карл III вззошел на престол в 1735 году, он обнаружил целые провинции, в которых абсолютно не было отправления правосудия со стороны государства. Феодальные права знати были в высшей степени угнетающими, варварство народа во многих местностях достигало крайних пределов. Из двух тысяч шестисот городов и деревень в королевстве было только пятьдесят, которые не подчинялись феодальной власти. В поместье Сан-Дженнаро-ди-Пальма, в пятнадцати милях от Неаполя, вплоть до 1786 года в домах жили только офицеры барона; крестьяне, числом в две тысячи человек, спали среди кукурузных стогов. ^[47] Карл, во время своего правления неаполитанской короной, с 1735 по 1759 год, и министры Тануччи и Караччоли при его слабом преемнике Фердинанде IV., укрепили авторитет государства в области правосудия и управления и отменили некоторые из наиболее репрессивных феодальных прав дворянства; но их законодательство, хотя и смелое и даже революционное по английским стандартам, не смогли в течение двух поколений преобразовать социальную систему, основанную на веках плохого управления и беспорядка. В начале Французской революции Королевство Обеих Сицилий было, хотя и остается в меньшей степени, страной крайнего неравенства в богатстве и бедности, страной, где огромные поместья впустую переходили в руки деспотичных или ленивых владельцев, а крестьянство, не обученное ни прибыльному трудолюбию, ни справедливому и регулярному исполнению закона, не нашло лучшего проводника, чем дикое и фанатичное духовенство. На остальной территории

Италии условия жизни сильно различались между тосканским и неаполитанским типами. Пьемонт, по военному духу и патриотизму намного превосходивший другие итальянские государства, был социально одним из самых отсталых из всех. Это была страна священников, знати и солдат, где мрачная рутина и подавление всякой оригинальности мышления и характера заставляли самых одаренных из ее детей, таких как поэт Альфиери, искать пристанища на какой-нибудь более либеральной земле.

[Профессии и истинные намерения Директории и Бонапарта, 1796.]

В первые годы революции французскими энтузиастами была предпринята попытка распространить Революцию на Италию посредством ассоциаций в главных городах; но она не увенчалась большим успехом. Определенное либеральное движение возникло среди молодежи высших классов Неаполя, где под влиянием королевы Марии Каролины правительство теперь стало реакционным; а в Турине и нескольких ломбардских городах французы были не без сторонников; но к востоку от Альп не было всеобщего недовольства, подобного недовольству Савойи. Волнения 1789 и 1792 годов прошли, не принеся итальянцам ни свободы, ни национальной независимости. Когда Бонапарт получил свое командование, тот пыл республиканских страстей, который среди насилия и несправедливости редко проявлялся у первых лидеров войны за независимость, угас во Франции. Политики, пережившие царство террора и занявшие посты в Директории, повторяли старые фразы о правах человека и Освобождении народов только в качестве средства обольщения. Бонапарт вступил в Италию, провозгласив себя восстановителем итальянской свободы, но с намеренной целью использовать Италию как средство пополнения истощенной казны Франции. Его переписка с Директорией с наглой откровенностью разоблачает эту хорошо продуманную систему грабежа и обмана, в которой генерал и правительство были искренне заодно. По следующему вопросу, как Франции следует распорядиться любой территорией, которая может быть завоевана в Северной Италии, Бонапарт и Директория не пришли к взаимопониманию, и их цели фактически расходились. Директория хотела завоевать Ломбардию, чтобы вернуть ее Австрии в обмен на Нидерланды; Бонапарт, по крайней мере, сформировал представление о том, что итальянское государство возможно, и он намеревался превратить либо саму австрийскую Ломбардию, либо какую-либо другую часть Северной Италии в Республику, служащую военным оплотом Франции.

[Бонапарт разделяет австрийскую и сардинскую армии, апрель 1796 г.]

[Перемирие и мир с Сардинией.]

Кампания 1796 года началась в апреле в горах над прибрежной дорогой, соединяющей Ниццу и Геную. Собственная армия Бонапарта насчитывала 40 000 человек; противостоящие ей силы состояли из 38 000 австрийцев под командованием Болье и меньшей по численности сардинской армии, размещенной на Пьемонтских Апеннинах таким образом, чтобы блокировать проходы с прибрежной дороги в Пьемонт и угрожать тылу французов, если они продвинулись на восток, к Генуе. Пьемонтская армия получала припасы из Турина, австрийская - из Мантуи; разъединить две армии означало вынудить их к отступлению, уводя их все дальше и дальше друг от друга. Бонапарт предвидел, какой эффект произведет такое разделение двух армий на правительство Сардинии. В течение четырех дней он повторял свои атаки при Монтенотте и Миллезимо, пока не вынудил свою собственную армию занять позицию в центре союзников; затем, оставив небольшой отряд наблюдать за австрийцами, он бросил основную

массу своих войск на пьемонтцев и отбросил их на расстояние менее тридцати миль от Турина. Охваченное террором правительство, предвидя вспышку в самой столице, приняло перемирие от Бонапарта в Чераско (28 апреля) и передало французам крепости Кони, Чева и Тортон, которые контролируют входы в Италию. Это была недостойная капитуляция, поскольку Турин не мог быть взят до того, как австрийцы вернулись с боевыми силами; но Бонапарт справедливо рассчитал эффект своей победы; и перемирие, за которым вскоре последовал мирный договор между Францией и Сардинией, уступивший Савойю Республике, оставило его свободным следовать за австрийцами, не беспокоясь о существовании за его спиной некоторых из сильнейших крепостей Европы.

[Мост Лоди, 10 мая.]

На переговорах с Сардинией Бонапарт потребовал сдачи города Валенца, поскольку это было необходимо для обеспечения его переправы через реку По. Вынудив таким образом австрийца Болье сосредоточить свои силы в этом пункте, он внезапно двинулся на восток вдоль южного берега реки и переправился у Пьяченцы, в пятидесяти милях ниже того места, где его ожидал Болье. Это было замечательное движение. Австрийский генерал, когда враг угрожал его коммуникациям, был вынужден оставить Милан и всю местность к западу от него и отступить на линию Адды. Бонапарт последовал за ним и 10 мая атаковал австрийцев при Лоди. Он сам штурмовал лодийский мост во главе своих гренадер. Сражение было настолько катастрофическим для австрийцев, что они не могли рисковать на повторное сражение и отступили к Мантуе и линии Минчо. ^[48]

[Бонапарт в Милане. Вымогательства.]

Теперь Бонапарт совершил свой триумфальный въезд в Милан (15 мая). Блеск его побед и теплые выражения дружбы к Италии вызвали энтузиазм населения, до сих пор не враждебного австрийскому правлению. Началось новое политическое движение. С французской армией прибыли все партизаны Французской Республики, которые были изгнаны из других частей Италии. Объединившись с небольшим революционным элементом, уже существовавшим в Милане, они начали формировать новое общественное мнение с помощью журналов и патриотических собраний. Для Бонапарта было чрезвычайно важно, чтобы республиканская партия была организована среди лучших классов в городах Ломбардии; ибо грабежи французской армии приводили в ярость крестьян, и собственные меры Бонапарта никоим образом не могли завоевать его безоговорочного расположения. Инструкции, которые он получил из Справочника, были чрезвычайно простыми. "Не оставляйте в Италии ничего, - написали они ему в день его въезда в Милан, - что было бы нам полезно и что политическая ситуация позволит вам убрать". Если бы Бонапарт испытывал какие-либо сомнения относительно значения такого приказа, разграбление произведений искусства в Бельгии и Голландии в предыдущие годы показало бы ему, что его следует толковать буквально. Соответственно, в обмен на дар свободы миланцам было предложено предложить своим освободителям двадцать миллионов франков и несколько картин из своих церквей и галерей. Герцоги Пармский и Моденский в обмен на перемирие должны были передать более сорока своих лучших картин и сумму денег, пропорциональную их доходам. Герцоги и горожане платили свои взносы с честью: крестьяне Ломбардии, чей скот был конфискован для снабжения армии, которая маршировала без каких-либо собственных запасов, поднялись с оружием в руках и бросились в Павию, убивая всех французских солдат, которые попадались у них на пути.

Восстание было немедленно подавлено, и город Павия был отдан на разграбление. Из уважения к Либеральной партии Италии движение было описано как заговор священников и знати.

[Венеция.]

[Битва при Минчо, 29 мая.]

Теперь перед Бонапартом был открыт путь в Центральную Италию. Рим и Неаполь были не в состоянии оказать сопротивление; но французский генерал, проявив истинную военную рассудительность, отказался выступить против этой жалкой добычи до тех пор, пока австрийская армия, и без того разбитая, не была полностью вытеснена с поля боя. Вместо того чтобы пересечь Апеннины, Бонапарт двинулся против австрийских позиций на реке Минчо. Ему было выгодно нарушить нейтралитет прилегающей венецианской территории, захватив город Брешиа. Его примеру последовал Болье, который занял Пескьеру, расположенную у подножия озера Гарда, и таким образом удерживал Минчо на всем его протяжении от озера до Мантуи. На полпути между озером и крепостью австрийцы завязали сражение, которое проиграли. Силы Болье были истощены; он больше не мог встречаться с врагом в поле и вывел свою армию из Италии в Тироль, оставив Мантую на растерзание французам. Первой заботой завоевателя было заставить Венецию заплатить за преступление, заключавшееся в обладании территорией, расположенной между восточной и западной окраинами австрийского округа. Бонапарт притворился, что венецианцы позволили Болье занять Пескьеру до того, как он сам захватил Брешию. Он произносил ужасающие угрозы в адрес послов, прибывших из Венеции, чтобы оправдать воображаемое преступление. Он был полон решимости вымогать деньги у Венецианской республики; ему также нужен был предлог для оккупации Вероны и для любых будущих обид. "Я намеренно организовал этот разрыв, - писал он Директории (7 июня), - на случай, если вы захотите получить от Венеции пять или шесть миллионов франков. Если у вас более решительные намерения, я думаю, было бы неплохо продолжить ссору. Упомянутым намерением был позорный проект передачи Венеции Австрии в обмен на уступку Нидерландов, мера, основанная на планах, знакомых Тугуту еще с 1793 года. ^[49]

[Перемирие с Неаполем, 6 июня.]

[Перемирие с Папой Римским, 23 июня.]

Австрийцы были справедливо изгнаны из Ломбардии, и Бонапарт теперь мог свободно распоряжаться южной Италией. Он вторгся в Церковные владения и изгнал папского легата из Болоньи. Фердинанд Неаполитанский, который недавно призвал небо и землю в свидетели ярости своего рвения против проклятой орды цареубийц, счел благоразумным придержать Бонапарта, по крайней мере, до тех пор, пока австрийцы не будут в состоянии возобновить войну в Ломбардии. Он попросил приостановить военные действия против его собственного королевства. Флот и морская коллегия Неаполя придавали этому важное значение в борьбе между Францией и Англией, и Бонапарт предоставил королю перемирие на легких условиях. Папа, чтобы добиться перемирия на несколько месяцев, должен был разрешить оккупацию Феррары, Равенны и Анконы и признать нужды, ученость, вкус и добродетель своих завоевателей, подарив им двадцать миллионов франков, пятьсот рукописей, сто картин и бюсты Марка и Луция Брутов. Правление папы римского было непопулярно в Болонье, и Сенат, который Бонапарт привел к власти в ожидании формирования народного правительства, с

радостью принес присягу на верность Французской Республике. Тоскана была единственным государством, с которым оставалось разобраться. Тоскана действительно заключила мир с Республикой годом ранее, но корабли и грузы английских купцов в Ливорно, несомненно, были хорошей добычей; и под предлогом наказания за оскорбления, нанесенные англичанами французскому флагу, Бонапарт напал на Ливорно и захватил все, что не было убрано до его подхода. Обосновавшись в Ливорно, французы отказались покидать его. Чтобы наладить отношения с великим герцогом, англичане захватили его гавань Порто-Феррайо на острове Эльба.

[Сражения при Лонато и Кастильоне, июль, август 1796 г.]

Тем временем Мантуя была захвачена, и туда после своего краткого вторжения в Центральную Италию вернулся Бонапарт. Ближе к концу июля австрийская сменяющая армия, почти вдвое превосходившая по численности армию Бонапарта, выступила из Тироля. Она была разделена на три корпуса: один, под командованием Квосдановича, наступал по дороге к западу от озера Гарда; другие, под командованием Вурмсера, главнокомандующего, по дорогам между озером и рекой Адидже. Опасность, грозившая французам, была огромной; их отдаленные дивизии были разбиты и загнаны внутрь; Бонапарт мог надеяться спастись, только собрав все свои силы у подножия озера и нанеся удар по той или иной австрийской армии до того, как они соединятся на Минчо. Он немедленно снял осаду Мантуи и отступил со всех позиций к востоку от реки. 30 июля Квосданович подвергся нападению и был задержан в Лонато, к западу от озера Гарда. Вурмсер, не подозревавший об отпоре своего коллеги, с триумфом вошел в Мантую, а затем двинулся в путь, рассчитывая зажать Бонапарта между двух огней. Но французы были готовы к его приближению. Вурмсер был остановлен и разбит при Кастильоне, в то время как западноавстрийские дивизии все еще сдерживались при Лонато. Соединение австрийских армий стало невозможным. За пять дней мастерство Бонапарта и беспощадные усилия его солдат с лихвой восстановили все, что, казалось, было утрачено. ^[50] Австрийцы отступили в Тироль, разбитые и подавленные, оставив в руках врага 15 000 пленных.

Теперь Бонапарт готовился вторгнуться в Германию через Адидже, выполняя первоначальный план кампании. В первых числах сентября он снова разбил австрийцев и овладел Ровередо и Трентом. После этого Вурмсер попытался запереть французов в горах движением на юг; но, хотя он действовал с недостаточными силами между Брентой и Адидже, он был отрезан от Германии и избежал плена, только бросившись в Мантую с разбитыми остатками своей армии. Дорога в Германию через Тироль теперь была открыта; но в разгар своих побед Бонапарт узнал, что северные армии Моро и Журдана, с которыми он намеревался сотрудничать в наступлении на Вену, были полностью отступлены.

[Вторжение Моро и Журдана в Германию, июнь-октябрь 1796 г.]

[Эрцгерцог Карл побеждает Журдана.]

Продвижение Моро в долину Дуная в июле и августе сопровождалось непрерывным военным и политическим успехом. Эрцгерцог Карл, которому была доверена защита Империи, оказался неспособным вывести в поле две армии, способные противостоять армиям Моро и Журдана по отдельности, и поэтому он решил отступить перед Моро в направлении Нюрнберга, приказав Вартенслебену, который командовал войсками, противостоящими Журдану на Майне, отступить в том же направлении, чтобы две армии могли бросить свои собранные силы на Журдана, все

еще находясь на некотором расстоянии к северу от Моро. ^[51] Замысел Эрцгерцога в конце концов удался, но он открыл Германию для французов на шесть недель и показал, насколько бесполезной была военная конституция Империи и как мало немцам приходилось ожидать друг от друга. После каждой выигранной Моро стычки какое-нибудь соседнее государство отказывалось от общей обороны и спешило заключить свои условия с захватчиком. 17 июля герцог Вюртембергский заключил перемирие ценой в четыре миллиона франков; неделю спустя Баден получил защиту французского генерала в обмен на огромные запасы продовольствия и припасов. Войска Швабского круга империи, которых более воинственные австрийцы высмеивали как "арлекинов", разошлись по домам; и как только Моро вступил в Баварию, баварский контингент, в свою очередь, отступил от эрцгерцога. Солдаты Моро проявляли некоторое уважение к тем округам, которые платили дань своему генералу; но в районе Майна армия Журдана грабила без различия и пощады. Они грабили церкви, они жестоко обращались с детьми, они отнимали у самых нищих их пенни. Прежде чем эрцгерцог Карл был готов нанести удар, крестьянство этой страны, которое их правительства боялись вооружать, начало собственные эффективные репрессии. Наконец отступление австрийцев прекратилось. Оставив 30 000 человек на реке Лех, чтобы скрыть свои действия от Моро, Карл 17 августа внезапно повернул на север от Нойбурга, встретил Вартенслебена у Амберга и атаковал Журдана в этом месте значительно превосходящими силами. Журден потерпел поражение и в замешательстве был отброшен к Рейну. Вопрос о кампании был решен еще до того, как Моро услышал об опасности, грозящей его коллеге. Ему оставалось только спасти свою собственную армию умелым отступлением. Солдаты Журдана, возвращаясь через опустошенные ими районы, понесли более тяжелые потери от мести крестьянства, чем от преследовавшей их армии. К осени 1796 года за Рейном не осталось ни одного француза. Кампания восстановила военный дух Австрии и дала Германии генерала, которому солдаты могли доверять; но она также показала, насколько охотно правительства малых государств становились вассалами иностранца, насколько мало было желающих превратить западную половину империи в зависимость от Франции.

[Секретный договор с Пруссией, август. 5.]

С каждым изменением судьбы кампании 1796 года дипломатия Континента меняла свой тон. Когда Моро одержал свои первые победы, Прусский двор, уступая давлению Директории, заменил условные пункты Базельского мирного договора определенным согласием на уступку левого берега Рейна и условием, что Пруссия должна быть компенсирована за свои собственные потери аннексией епископства Мюнстер. Пруссия сама не могла уступить провинции Империи: она могла только согласиться на их уступку. Однако в этом договоре Пруссия определенно отказалась от целостности империи и приняла систему, известную как секуляризация церковных государств, что стало первым шагом на пути к полному восстановлению Германии. ^[52] Помолвка держалась в секрете как от императора, так и от церковных князей. В своих переговорах с Австрией Директория была менее успешной. Хотя длинная череда австрийских бедствий вызвала всеобщий протест против упорства Тугута в войне, решительный дух министра никогда не ослабевал, и окончательная победа эрцгерцога Карла более чем восстановила его влияние на императора. Австрия отказывалась вступать в какие-либо переговоры, не проводимые совместно с Англией, и Директория в настоящее время терпела неудачу в своих попытках изолировать Англию от Континентальных держав. Не то чтобы Тугут надеялся или заботился о восстановлении австрийского господства в Нидерландах, которое было первой целью континентальной политики Англии. Отказ Франции от Нидерландов

был, однако, по его мнению, необходим Австрии как шаг к приобретению Баварии, которая все еще была заветной надеждой венского правительства. Напрасно Директория предлагала Австрии аннексировать Баварию, не предлагая Бельгии или какой-либо другой компенсации ее правителю. Тугута вряд ли можно было заставить прислушаться к французским увертюрам. Он получил обещание немедленной помощи от императрицы Екатерины; он был убежден, что Республика, и без того стремящаяся к миру, может одним упорным усилием быть вынуждена отказаться от всех своих завоеваний; и это была цель, ради которой зимой 1796 года армия за армией бросалась на позиции, где Бонапарт держал оборону к северу от все еще непокоренной Мантуи. ^[53]

[Малмсбери отправлено в Париж, октябрь 1796 г.]

В самой Англии победа эрцгерцога Карла вызвала надежды на мир. Война стала непопулярной из-за потери торговли с Францией, Испанией и Голландией, и петиции о мире ежедневно поступали в парламент. Питт настолько поддался преобладающему чувству, что вступил в переговоры с Директорией и отправил лорда Малмсбери в Париж; но условие, на котором настаивал Питт, возвращение Нидерландов Австрии, делало соглашение безнадежным; и как только условия Питта стали известны Директории, Малмсбери было приказано покинуть Париж. Тем не менее, переговоры были не просто уловкой со стороны Питта. Он был одержим навязчивой идеей, что ресурсы Франции истощены и что, несмотря на завоевание Ломбардии и Рейна, Республика, должно быть, чувствует себя слишком слабой, чтобы продолжать войну. Среди финансовых потрясений революции и преувеличенных сообщений о страданиях Питт не смог распознать огромный рост производства в результате изменений, которые дали крестьянину полную собственность на его землю и труд и передали огромное количество полупустынных земель в занятые руки средних и мелких собственников. ^[54]

Какими бы ни были ресурсы Франции до революции, сейчас они, вероятно, увеличились более чем вдвое. Вера Питта в экономический крах Франции, единственное основание, на котором он мог представить, что Директория откажется от Бельгии, не сражаясь за нее, была совершенно ошибочной, и французское правительство повело бы себя странно, если бы прислушалось к его требованию.

[Бонапарт создает Испанскую республику, октябрь 1796 г.]

Тем не менее, хотя Директория и слышать не хотела о капитуляции Бельгии, они стремились заключить мир с Австрией и не желали вступать в какие-либо столкновения в завоеванных провинциях Италии, которые могли бы затруднить установление мира с Австрией. Они поручили Бонапарту настроить итальянцев против их правительств, но это было сделано с целью парализовать правительства, а не освободить народы. Они с неприязнью смотрели на любой план восстановления Италии, который должен был привязать Францию к поддержке новообразованных итальянских государств. Однако здесь щепетильность Директории и амбиции Бонапарта вступили в прямое противоречие. Бонапарт намеревался создать в Италии политическую систему, которая должна была нести на себе отпечаток его собственного мышления и требовать его собственной сильной руки для ее поддержки. В одном из своих посланий Директории он предложил создать подчиненную республику на территории герцогства Моденского, где вспыхнули революционные движения. Прежде чем правительство смогло ответить ему, он опубликовал указ, объявляющий население Модены и Реджо под защитой французской армии и смещающий всех офицеров герцога (4 октября). Когда несколько

дней спустя пришел ответ Директории, он предостерегал Бонапарта от нарушения существующего порядка в итальянских государствах. В ответ Бонапарт объединил с Моденой папские провинции Болонья и Феррара и присвоил созданному им таким образом государству титул Чиспаданской республики. ^[55]

[Идея свободной Италии.]

Событие не было незначительным. Именно с этого времени идея независимости Италии, хотя и чуждая огромной массе нации, можно сказать, зародилась как одна из тех политических надежд, которые ослабевают и отступают, но снова не покидают мир. Класс людей, которые с неприязнью отвернулись от прежней агитации французских республиканцев в Италии, справедливо оценил продолжающиеся победы Бонапарта над австрийцами как начало ряда великих перемен и теперь присоединились к революционному движению в надежде добиться от свержения старых властей какой-нибудь реальной формы национальной независимости. По своему происхождению французская партия, возможно, состояла из наемников и энтузиастов. Это перестало иметь место, когда после прохождения Минчо Бонапарт вступил в Папскую область. Среди граждан Болоньи, в частности, были влиятельные и умные люди, которые стремились к свободному конституционному правлению и в какой-то степени сдерживали более многочисленную народную партию, которая просто повторяла фразы французской демократии. Язык и действия самого Бонапарта возбуждали самые радужные надежды. В Модене он обратился к гражданам с речью о вреде разделения Италии и призвал их объединиться со своими братьями, которых он освободил от папы. 16 октября в Модене состоялся Конгресс. Представители Модены, Реджо, Болоньи и Феррары объявили себя объединенными в Республику под покровительством Франции. Они отменили феодальную знать, ввели национальный сбор и созвали Генеральную ассамблею, собравшуюся в Реджо два месяца спустя, чтобы принять Конституцию новой Чиспаданской республики. Именно на конгрессе в Модене и на последующей Ассамблее в Реджо (23 декабря) идея единства и независимости Италии впервые пробудила энтузиазм у любой значительной группы людей. О том, с какой степенью искренности действовал сам Бонапарт, можно судить по тому обстоятельству, что, в то время как он разглагольствовал перед чиспаданцами о необходимости объединения Италии, он заключил в тюрьму миланцев, которые пытались возбудить народное движение для распространения этого союза на самих себя. Мир с Австрией еще не был заключен, и было неясно, на чью сторону лучше всего обратить Милан.

[Риволи, 14, 15 января 1797 г.]

[Аркола, 15-17 ноября.]

Мантуя все еще держалась, и в ноябре операции австрийцев по освобождению города были возобновлены. Две армии под командованием Альвинци и Давидовича спустились по долинам Адидже и Пьяве, предоставив Бонапарту, центр которого находился в Вероне, новую возможность нанести своему врагу сокрушительный удар. Альвинцы, наступавшие из Пьяве, подвергли французов крайней опасности в трехдневном сражении при Арколе, но в конце концов были вынуждены отступить с большими потерями. Давидович, добившийся успеха на Адидже, ушел в отставку, узнав о свержении своего коллеги. Прошло еще два месяца, и австрийцы в третий раз появились на Адидже. Ложный маневр, предпринятый под Вероной, почти увенчался успехом в отвлечении Бонапарта от Риволи, между Адидже и озером Гарда, где Альвинци и его основная армия собирались перейти в наступление; но сила войск Альвинци

была обнаружена до того, как стало слишком поздно, и, перебрасывая свои дивизии с необычайной быстротой от пункта к пункту, Бонапарт в конце концов разбил австрийцев на каждом участке поля боя. Это была их последняя попытка. Сдача Мантуи 2 февраля 1797 года завершила французское завоевание австрийской Ломбардии. ^[56]

[Толентинский мирный договор, 19 февраля 1797 г.]

Теперь папе пришлось самому сводить счеты с захватчиками, против которых даже после перемирия он не переставал интриговать. ^[57] Его депеши в Вену попали в руки Бонапарта, который объявил перемирие нарушенным и во второй раз вторгся на папскую территорию. Римские войска оказали демонстративное сопротивление, но на самом деле страна находилась во власти Бонапарта, который продвинулся до Толентино, в тридцати милях к югу от Анконы. Здесь папа выразил свою покорность. Если Римский двор никогда не оказывался в более отчаянном положении, то он никогда не находил более умеренного или более политичного завоевателя. Бонапарт был так же свободен от какого-либо чувства христианского благочестия, как Нерон или Диоклетиан; но он уважал власть папства над умами людей и понимал огромное преимущество, которым обладало бы любое правительство Франции, поддерживаемое духовенством, перед теми, кому приходилось бороться с его враждебностью. В своих переговорах с папскими посланниками он выразил сожаление по поводу насилия французской исполнительной власти и утешил Церковь обещанием своей собственной защиты и сочувствия. Условия мира, которые он предоставил, хотя они значительно уменьшали церковную территорию, на самом деле были более благоприятными, чем папа имел право ожидать. Болонья, Феррара и Романья, которые были оккупированы в силу перемирия, теперь были уступлены папством. Но условия, затрагивающие осуществление духовной власти, которые были предложены Директорией, были отменены; и, кроме положения об определенных денежных выплатах, к условиям перемирия не было добавлено ничего важного.

Приближались последние дни Венецианской республики. Напрасно Венеция сохраняла свой нейтралитет, когда вся остальная Италия присоединилась к врагам Франции; ее отказ от союза с Францией был признан непростительным преступлением. Пока длилась война с Австрией, Бонапарт истощал венецианскую территорию реквизициями: когда наступил мир, было необходимо, чтобы у него был какой-нибудь предлог для захвата ее или передачи врагу. Выполняя свой собственный замысел по поддержанию открытой ссоры, он подверг правительство всевозможным оскорблениям и несправедливости, которые могли подтолкнуть его к акту войны. Когда, наконец, Венеция вооружилась для защиты своего нейтралитета, органы захватчика призвали жителей материковой части Венеции восстать против олигархии и связать свою судьбу с освобожденной провинцией Милан. Бонапарт еще раз призвал Венецию к союзу с Францией; она получила отказ, и немедленно последовал мятеж, который французы подготовили. Бергамо и Брешиа, где французские гарнизоны лишили венецианское правительство всех возможностей для обороны, подняли восстание и разорвали всякие связи с Венецией. Сенат умолял Бонапарта вывести французские гарнизоны; его мольбы не вызвали у него ничего, кроме неоднократных требований принять французский союз, что было всего лишь другим названием подчинения. Как ни мало венецианцы подозревали об этом, единственное сомнение, которое теперь возникало у Бонапарта, заключалось в том, должен ли он присоединить провинции Венеция к своей собственной Испанской республике или передать их Австрии в обмен на другие уступки, которых требовала Франция.

[Предварительные слушания в Леобене, 18 апреля.]

Австрия больше не могла защищаться в Италии. К концу марта горные проходы в Каринтию были захвачены Бонапартом. Его армия гнала врага перед собой по дороге на Вену, пока оба преследователя и преследуемый не оказались в пределах восьмидесяти миль от столицы. В Леобене 7 апреля австрийский командующий потребовал приостановки вооружений. Это было удовлетворено, и начались переговоры о мире. ^[58] Бонапарт предложил императору венецианские провинции, но не город Венецию. 18 апреля в Леобене были подписаны предварительные условия мира, по которым в обмен на Нидерланды и Ломбардию к западу от реки Ольо Бонапарт тайно согласился передать Австрии всю территорию Венеции на материке к востоку от реки Ольо, в дополнение к ее адриатическим провинциям Истрия и Далмация. Чтобы замаскировать акт грабежа, было сделано вид, что Болонья и Феррара должны быть предложены Венеции взамен. ^[59]

[Французы въезжают в Венецию.]

Но худшее было еще впереди. Пока Бонапарт находился на совещании в Леобене, в Вероне произошла вспышка, и триста французских солдат, включая больных в госпитале, погибли от народного насилия. Венецианский сенат отправил послов к Бонапарту, чтобы выразить свою скорбь и предложить удовлетворение; в разгар переговоров поступили разведданные о том, что комендант венецианского форта обстрелял французское судно и убил нескольких членов экипажа. Бонапарт выгнал послов из своего присутствия, заявив, что он не может вести дела с людьми, с рук которых капает французская кровь. Было опубликовано объявление войны, в котором Сенат обвинялся в намерении повторить сицилийскую вечерню, и немедленно последовала паника, которую Бонапарт намеревался посеять. Правительство отдалось на его милость. Бонапарт сделал вид, что не желает ничего, кроме установления народного правительства в Венеции вместо олигархии. Его условия были приняты. Сенат согласился отменить древнюю Конституцию Республики и ввести французский гарнизон в Венецию. 12 мая Большой совет проголосовал за собственный роспуск. Был заключен мир. Публичные статьи договора провозглашали, что между Французской и Венецианской республиками должна быть дружба; что суверенитет Венеции должен принадлежать гражданам; и что французский гарнизон должен уйти, как только новое правительство объявит, что больше не нуждается в его поддержке. Секретные статьи предусматривали денежную выплату и обычную передачу произведений искусства; неопределенное выражение, относящееся к обмену территорией, должно было охватывать сдачу материковой части Венеции и объединение Болоньи и Феррары с тем, что осталось от Венеции. Дружба и союз Франции, которые Бонапарт так стремился даровать Венеции, теперь должны были принести свои плоды. "Я сделаю все, что в моих силах, - писал он новому правительству Венеции, - чтобы предоставить вам доказательства моего великого желания увидеть, как ваша свобода пустит корни, и как эта несчастная Италия, освобожденная от правления чужеземцев, наконец-то займет свое славное место на мировой арене и займет среди великих наций то место, к которому ее призывают природа, судьба и ее собственное положение". Это было для Венеции; у французской директории Бонапарта была совсем другая история. "У меня было несколько мотивов, - писал он (19 мая), - при заключении договора: - беспрепятственно войти в город; иметь арсенал и все остальное в нашем распоряжении, чтобы взять из него все, что нам нужно, под предлогом секретных статей; ... чтобы избежать позора, нависшего над Предварительными мероприятиями в Леобене;

придумать для них предлог и облегчить их исполнение".

[Французы захватывают Ионические острова.]

[Венеция будет передана Австрии.]

В качестве первых плодов венецианского союза Бонапарт захватил Корфу и другие Ионические острова. "Вы начнете, - писал он генералу Джентили, - как можно быстрее и как можно более тайно и овладеете всеми венецианскими учреждениями в Леванте.... Если жители будут склонны к независимости, вы должны льстить их вкусам и во всех своих воззваниях не преминете сослаться на Грецию, Афины и Спарту". Это должна была быть доля Франции в добыче. Но даже сейчас, хотя Венеция и лишилась своих островов, берегов и своей древней итальянской территории, она, возможно, все еще оставалась выдающимся городом Италии. Им пожертвовали, чтобы вернуть Рейнские провинции Франции. Бонапарт вернулся в окрестности Милана и принял австрийского посланника Де Галло на вилле Монтебелло. Придав форсированный смысл Предварительным договоренностям при Леобене, Бонапарт заявил права на границу по Рейну, предложив Австрии не только территорию Венеции на материке, но и сам город Венецию. Де Галло уступил. Какие бы причины ни затянули впоследствии переговоры, ни след чести, ни жалости в Бонапарте не побудили его даже притвориться, что он не хочет предавать Венецию. "Сегодня мы провели нашу первую конференцию по окончательному договору, - писал он Директории ночью 26 мая, - и согласились представить следующие предложения: линия Рейна для Франции; Зальцбург, Пассау для императора; ... поддержание Германского тела; ... Венеция для императора. Венеция, - продолжал он, - которая находилась в упадке с момента открытия мыса Доброй Надежды и возвышения Триеста и Анконы, едва ли сможет пережить удары, которые мы только что нанесли. С трусливым и беспомощным населением, никоим образом не пригодным для свободы, без территории и без рек, вполне естественно, что она должна достаться тем, кому мы отдаем материк ". Так Италия была освобождена от иностранной интервенции; и так Венеция была возрождена дружбой Франции!

[Генуя.]

По сравнению с судьбой, уготованной Венеции, братская республика Генуя встретила щедрое обращение. Революционное движение, давно подготовленное французским посланником, свергло старое олигархическое правительство; но демократическое мнение и симпатии Франции не простирались ниже средних классов населения; и после того, как правительство отказалось от своего собственного дела, угольщики и портовые рабочие встали на его защиту и атаковали французскую партию с криками "Да здравствует Мария" и с фигурками Богородицы, прикрепленными к их шляпам в том месте, где их противники носили французский триколор. Религиозный фанатизм одержал победу; старое правительство было восстановлено, и несколько французов, принимавших участие в конфликте, были брошены в тюрьму. Заключение французов в тюрьму дало Бонапарту предлог для вмешательства. Он отрицал всякое желание менять правительство и требовал только освобождения своих соотечественников и ареста врагов Франции. Но свержение олигархии было давно согласовано с Фейпуль, французским посланником, и Генуя получила демократическую конституцию, которая поставила у власти друзей Франции (5 июня).

[Франция в 1797 году.]

В то время как Бонапарт, находясь при дворе на вилле Монтебелло, продолжал вести переговоры с Австрией на основе Предварительных условий Леобена, во Франции произошли события, которые предоставили ему возможность прямого вмешательства в правительство Республики. Выборы, которые должны были заменить треть членов Законодательного собрания, состоялись весной 1797 года. Настроения в стране сейчас были во многом такими же, как и в 1795 году, когда значительная часть роялистов была возвращена на те места в Советах, которые Конвент не зарезервировал для своих собственных членов. Франция стремилась к более справедливому и более терпимому правлению. Директория действительно позволила оставить в силе кровавые законы против священников, не являющихся юристами, и возвращающихся эмигрантов; но дух и традиции официального якобинства все еще были активны в правительстве. Все Режиссеры были цареубийцами; казнь короля все еще отмечалась национальным *праздником*; должности, большие и малые, занимали люди, поднявшиеся во время революции; все старое дворянство Франции было отстранено от участия в общественной жизни. Именно против этого революционного классового господства, против системы, которая отдавала страну во власть нескольких директоров и генералов в такой же степени, в какой она была во власти Конвенционного комитета, выборы 1797 года были протестом. Наряду с некоторыми бурбонистскими заговорщиками было возвращено значительное большинство людей, которые, хотя и назывались роялистами, на самом деле были умеренными конституционалистами и желали лишь отменить ту часть революции, которая исключала целые классы нации из общественной жизни. ^[60]

[Возражение против каталога.]

Такая партия в законодательном органе, естественно, приняла характер Оппозиции более агрессивной части Директории. Ушедший в отставку в 1797 году директор был заменен конституционалистом Бартеlemi, участником переговоров по Базельскому мирному договору; Карно, который продолжал оставаться на своем посту, примкнул к оппозиции, справедливо опасаясь, что правление Директории вскоре станет ничем иным, как правлением самого Бонапарта. Первые дебаты в новой Палате возникли по поводу законов, касающихся эмигрантов; следующие - по поводу узурпации Бонапартом суверенной власти в Италии. 23 июня в Совете Пятисот было выдвинуто ходатайство о предоставлении информации о делах Венеции и Генуи. Дюмолар, инициатор, жаловался на скрытность действий Бонапарта, на неуважение, проявленное им к Ассамблее, на его тираническое и нереспубликанское вмешательство в институты дружественных государств. Ассамблея не приняла ни одной резолюции, но сам факт того, что Ассамблея выслушала враждебную критику его собственных действий, был в глазах Бонапарта достаточным основанием для обвинения его в роялизме и государственной измене. Трое директоров, Баррас, Ребелл и Ларевильер, уже разработали проект силового подавления Собрания. Собственные интересы Бонапарта побудили его предложить им свою поддержку. Если Конституционная партия придет к власти, его собственному неограниченному правлению в Италии придет конец; если бурбонисты добьются успеха, все государственные почести будут принадлежать другому классу людей. Каким бы слабым ни было правительство Директории, его продолжение обеспечило его нынешнее господство и оставило ему надежду на получение верховной власти, когда общественность больше не сможет терпеть Директорию.

[Государственный переворот, 17 Фруктидора (3 сентября).]

Судьба Собрания была решена. В годовщину взятия Бастилии Бонапарт обратился к своей армии с воззванием, в котором объявил, что Республике угрожают интриги роялистов. Был устроен банкет, и офицеры и солдаты каждой дивизии подписали обращения к Директории, полные угроз и ярости в адрес аристократов-заговорщиков. "Возмущение в армии достигло апогея, - писал Бонапарт правительству. - Солдаты громкими криками спрашивают, будут ли они вознаграждены убийством по возвращении домой, поскольку, по-видимому, так поступают со всеми патриотами. Опасность возрастает с каждым днем, и я думаю, граждане Директора, вы должны решить действовать так или иначе ". После такого увещевания директорам было нетрудно принять решение; но как только Бонапарт собрал их мужество, он отошел на задний план и послал генерала Ожеро, буйного якобинца, в Париж, чтобы рискнуть потерпеть неудачу или понести позор преступления. Ожеро получил военное командование столицей; воздух был полон слухов о готовящемся ударе; но ни большинство в Советах, ни два директора, которым угрожали, Карно и Бартеlemi, не знали, как принять меры защиты. В ночь на 3 сентября (17 Фруктидора) войска Ожеро окружили Тюильри. Бартеlemi был схвачен в Люксембургском дворце; Карно бежал, спасая свою жизнь; члены Советов, шедшие процессией к Тюильри рано утром следующего дня, были арестованы или разогнаны солдатами. Позже в тот же день меньшинство Советов было собрано для ратификации мер, определенных Ожеро и тремя директорами. Пятьдесят членов Законодательного собрания, а также писатели, владельцы и редакторы сорока двух журналов были приговорены к изгнанию; выборы в сорока восьми департаментах были отменены; законы против священников и эмигрантов были возобновлены; и Директория была уполномочена запрещать все журналы по своему усмотрению. Этот государственный переворот был описан как подавление роялистского заговора. Это было так, но это было нечто большее. Это было подавление всего Конституционного правления, и все, кроме последнего шага к деспотизму главнокомандующего армией.

[Подписан мир с Австрией, 17 октября.]

Эффект от этого движения сразу же почувствовался на переговорах с Австрией и с Англией. Лорд Малмсбери теперь снова был во Франции, выступая за мир со справедливыми надеждами на успех, поскольку Предварительные переговоры в Леобене устранили сопротивление Англии уступке Нидерландов, а поражение умеренной партии в Советах привело к внезапному завершению его миссии. Австрия, с другой стороны, затянула свои переговоры, потому что Бонапарт претендовал на Мантую и Рейнские провинции в дополнение к уступкам, согласованным в Леобене. Граф Людвиг Кобенцль, австрийский посол в Санкт-Петербурге, который слишком хорошо защищал интересы своего хозяина при последнем разделе Польши, теперь возглавлял полномочных представителей в Италии, пытаясь вернуть Бонапарта к условиям, установленным в Предварительных переговорах, или получить дополнительную территорию для Австрии в Италии. Победа якобинцев под Парижем так же сильно расстроила австрийцев, как и воодушевила французского лидера. Бонапарт был полон решимости заключить мир, который должен принадлежать только ему, а это было возможно только в предвидении вторжения в Германию, которое вот-вот должен был предпринять Ожеро во главе Рейнской армии. Именно этим личным амбициям Бонапарта была принесена в жертву Венеция. Директора были готовы к тому, чтобы Австрия получила часть венецианской территории: они запретили предполагаемую уступку самой Венеции. Еще через несколько недель наступление Рейнской армии позволило бы Франции диктовать свои собственные условия; но никакие соображения ни к Франции, ни к Италии не могли заставить Бонапарта разделить славу Мира с кем-либо другим. 17 октября он подписал окончательный мирный договор в Кампо-Формио,

который передал Франции границу по Рейну и сделал как венецианскую территорию за Адидже, так и саму Венецию собственностью императора. На мгновение показалось, что этот Договор может быть расторгнут как в Вене, так и в Париже. Тугут протестовал против этого, потому что он сдавал Мантую и Рейнские провинции, не получив для Австрии папских представительств; и он составил ратификационную грамоту только по абсолютному приказу императора. Директория, с другой стороны, осудила уступку Венеции. Но их страх перед Бонапартом и их собственная нечистая совесть сделали их бессильными пособниками его предательства; и французская нация в целом была слишком довольна миром, чтобы возмущаться его низменными условиями.

[61]

[Кампо-Формийский мирный договор, 17 октября.]

Публичными статьями Кампо-Формийского мирного договора император уступил Франции австрийские владения в Ломбардии и Нидерландах и согласился на создание Цизальпинской республики, образованной из австрийской Ломбардии, венецианской территории к западу от Адидже и районов, до сих пор составлявших новый штат Циспадан. Франция захватила Ионические острова, Австрия - город Венецию с Истрией и Далмацией, а также материковую часть Венеции к востоку от Адидже. Для заключения мира между Францией и Священной Римской империей было решено, что Конгресс должен собраться в Раштадте; но секретная статья предусматривала, что император должен приложить свои усилия, чтобы отвоевать у Франции весь левый берег Рейна, за исключением участка, включающего прусские герцогства Клеве и Гельдерс. С юмористическим двуличием французское правительство, которое обещало Пруссии епископство Мюнстер в обмен на этот самый округ, теперь обязалось Австрии, что Пруссия не получит никакого расширения, и сделало вид, что исключает прусские герцогства из рейнской территории, которая должна была перейти к Франции. Австрии было обещано независимое епископство Зальцбург и та часть Баварии, которая лежит между Инн и Зальцей. Светские князья, лишённые собственности в Рейнских провинциях, должны были получить компенсацию во внутренних районах империи по схеме, разработанной совместно с Францией.

[Австрия жертвует Германией.]

Огромные преимущества, которые дал Франции Кампо-Формийский мирный договор - ее распространение на Нидерланды и Рейнские провинции и фактическая аннексия Ломбардии, Модены и папских представительств в форме республики-клиента - не были несоизмеримы с ее блестящими военными успехами. Совсем иначе обстояло дело с Австрией. За исключением кампании эрцгерцога 1796 года, военные действия последних трех лет не принесли Австрии ничего, кроме серии бедствий; и все же Австрия выиграла от Кампо-Формийского мирного договора столько же, сколько и потеряла. Вместо далеких Нидерландов и Милана она получила в Венеции и Далмации прилегающую к ней территорию, почти равную Нидерландам и Милану вместе взятым по населению, и расположенную так, что Австрия могла стать одной из военно-морских держав Средиземноморья. Ценой, которую заплатила Австрия, был отказ от Германии, вопрос, который, несмотря на протесты Тугута, беспокоил Венский двор так же мало, как предательство Венеции беспокоило Бонапарта. Рейнские провинции были переданы иностранцу; немецкие округа должны были быть переданы в качестве компенсации изгнанным суверенам Голландии и Модены; внутреннее состояние и порядок Империи должны были быть заменены порядком, созданным не с целью принести пользу Германии, а с целью расширения влияния Франции.

[Политика Бонапарта.]

Как защитники Германии, и Пруссия, и Австрия были признаны недостаточными. Последняя держава, по-видимому, пожинала в Италии плоды своей стойкости в затягивании войны. Бонапарт высмеивал людей, которые в прежнем духе Революции желали основать более свободную политическую систему в Европе на руинах австрийского могущества. "Я черпал свою поддержку в Италии, - писал он Талейрану (7 октября), - не из любви народов к свободе и равенству, или, по крайней мере, из очень слабой поддержки. Реальной поддержкой итальянской армии была ее собственная дисциплина ... прежде всего, наша оперативность в подавлении недовольных и наказании тех, кто выступил против нас. Это история; то, что я говорю в своих прокламациях и речах, - романтика.... Если мы вернемся к внешней политике 1793 года, мы сделаем это, зная, что другая политика принесла нам успех, и что у нас больше нет ни огромных масс 1793 года для призыва в наши армии, ни поддержки энтузиазма, который прошел свое время и больше не возвращается ". Австрия вполне могла пока остаться в некотором составе, и Франции повезло, что она избавилась от столь опасного врага. Англии требовались все силы Республики. "Нынешняя ситуация, - писал Бонапарт после заключения мира в Кампо-Формио, - предоставляет нам хороший шанс. Мы должны направить все наши силы на море; мы должны уничтожить Англию; и Континент будет у наших ног".

[Битвы при Сент-Винсенте, 14 февраля 1797 г., и Кампердауне, 6 октября.]

У прежних республиканцев была естественная надежда, что испанский и голландский флоты, если их удастся привлечь на сторону Франции, сделают Францию превосходящей Великобританию как морскую державу. Завоевание Голландии было запланировано Карно как первый шаг к вторжению в Англию. Некоторое время эти планы, казалось, приближались к осуществлению, Голландия была завоевана; Испания сначала заключила мир, а затем вступила в союз с Директорией (август 1796 г.). Но каждое увеличение военно-морских сил Республики только давало адмиралам Великобритании новый материал для уничтожения. Испанский флот был разбит Джарвисом у Сент-Винсента; даже мятеж британских эскадр у Спитхеда и Нора весной и летом 1797 года не привел к изменению военно-морской ситуации в Северном море. Дункан, который блокировал голландский флот в Текселе, когда его собственная эскадра присоединилась к мятежникам, продолжал блокаду одним кораблем рядом со своим, все это время подавая сигналы, как будто весь флот был у него за спиной; пока обманутые моряки, которые недавно направили свои пушки на Темзу, не вернулись к адмиралу и не заслужили его прощение, уничтожив голландцев в Кампердауне, как только они рискнули выйти из укрытия.

[Бонапарт собирается вторгнуться в Египет.]

Сомнительно, чтобы когда-либо после своего возвращения из Италии Бонапарт всерьез рассматривал проект вторжения в Англию. Во всяком случае, от этого плана вскоре отказались, и приготовления, вызвавшие большую тревогу в английских прибрежных городах, были продолжены только с целью замаскировать истинный замысел Бонапарта напасть на Египет. С самого начала своей карьеры мысли Бонапарта были обращены к обширному и незащищенному Востоку. Будучи еще малоизвестным, он попросил французское правительство направить его в Константинополь для организации турецкой армии; как только Венеция попала в его руки, он захватил Ионические острова в качестве базы для будущего завоевания Леванта. Каждое сражение, подтверждавшее превосходство Англии на западных морях, давало дополнительный повод для нападения на нее там, где ее могущество было наиболее

ненадежным, на Востоке. Бонапарт знал, что Александр завоевал страну Инд сухопутным походом из Средиземноморья, и это была, пожалуй, вся информация, которой он располагал относительно подходов к Индии; но этого было достаточно, чтобы сосредоточить его мысли на завоевании Египта и Сирии как первом шаге к разрушению Азиатской империи Англии. К замыслу против Индии примешивалась мечта о свержении мусульманского правительства Турции и нападении на Австрию с Востока армией, набранной из освобожденных христианских народов Османской империи. Сама расплывчатость плана завоевания Востока делала его еще более привлекательным для гения и амбиций Бонапарта. Со стороны правительства также не было никакого намерения задерживать генерала дома. Директория, мало озабоченная реальными достоинствами или опасностями этого предприятия, согласилась с проектом Бонапарта о нападении на Египет, благодарная за любую возможность ослабить хватку, которая теперь так крепко сжималась вокруг них самих.

ГЛАВА IV.

Конгресс в Раштадте-Уступлены Рейнские провинции-Подавлены церковные государства Германии-Французская интервенция в Швейцарии-Гельветическая республика- Французы вторгаются в Папскую область-Римская Республика-Экспедиция в Египет- Битва на Ниле-Коалиция 1798 года-Фердинанд Неаполитанский входит в Рим-Поражения Мака-Французы входят в Неаполь-Партенопейская республика-Война с Австрией и Россией-Битва при Штокахе-Убийство французских посланников в Раштадте-Кампания в Ломбардии-Царство террора в Неаполе-Австрийские замыслы против Италии-Суворов и австрийцы-Кампания в Швейцарии-Кампания в Голландии-Возвращение Бонапарта из Египта-Государственный переворот 18 Брюмера- Конституция 1799 года-Система Бонапарта во Франции - Ее влияние на влияние Франции за рубежом.

[Раштадтский конгресс, ноябрь 1797 г.]

Публичные статьи Кампо-Формийского мирного договора содержали только условия, которые были согласованы Францией и Австрией в отношении Италии и Нидерландов: условия мира между Францией и Германским союзом, которые были тайно согласованы между Францией и двумя ведущими державами, были переданы дипломатической фикцией Конгрессу, который должен был собраться в Раштадте. Соответственно, после того, как Пруссия и Австрия подписали соглашение об отказе от Рейнских провинций, Конгресс был создан должным

образом. Словно в насмешку над своими беспомощными соотечественниками, император сообщил членам сейма, что "в непоколебимой верности великому принципу единства и неделимости Германской империи они должны отстаивать общие интересы Отечества с благородной добросовестностью и немецкой стойкостью; и таким образом, объединившись со своим имперским главой, способствовать справедливому и прочному миру, основанному на целостности Империи и ее Конституции". ^[62] Таким образом, Конгресс был созван под предлогом сохранения того, чем два великих государства решили пожертвовать; в то время как его реальная цель, подавление церковных княжеств и урезание Баварии, была тщательно упущена из виду.

[Соперничество немцев.]

Конгресс состоял из двух французских посланников, представителей Пруссии и Австрии и комитета, насчитывавшего со своими секретарями семьдесят четыре человека, назначенных Ратисбонским сеймом. Но признанные участники переговоров составляли лишь малую часть дипломатов, которые стекались в Раштадт в надежде извлечь что-нибудь из обломков Империи. Каждый мелкий германский суверен, даже общины, которые вообще не обладали политическими правами, считали необходимым иметь агента на месте, чтобы выудить, по возможности, какую-нибудь пустяковую выгоду у соседа или уловить первый слух о предполагаемой аннексии. Это были сатурналии целого племени назойливых людей и интриганов, которые в Германии выдавали себя за государственных деятелей. Они шпионили друг за другом; они подкупали секретарей и привратников, они подкупали даже поваров и кучеров двух всемогущих французских посланников. О национальном унижении Германии, о позоре, сопутствующем потере целых провинций, и о реорганизации того, что осталось, по приказу чужака, в политических кругах того времени, по-видимому, не имели ни малейшего представления. Распад Империи рассматривался скорее как повод для веселья. Царило веселье в жизни и речи, невозможное среди людей, которые не считали себя зрителями комедии. Кобенцль, главный австрийский полномочный представитель, путешествовал на самолете, потому что его любовница, *гражданка* Гиацинт сбежал со всеми своими экипажами и лошадьми. Был распространен остроумный, но нечестивый памфлет, в котором грядущая жертва Империи описывалась языком, заимствованным из евангельского повествования, Пруссия выступала на стороне Иуды Искарота, Австрия - на стороне Понтия Пилата, сам Конгресс представлял собой первосвященников и фарисеев, собравшихся, чтобы хитростью захватить Священную Римскую империю, в то время как армия Империи фигурировала как "множество, которое ударило себя в грудь и ушло". При полном отсутствии какой-либо немецкой гордости или патриотизма французские посланники не только получили территорию, которую они требовали, но и успешно поссорили две ведущие державы друг с другом и приучили второстепенные государства рассчитывать на Францию для собственного продвижения за счет своих соседей. Противоречивые обещания, которые французское правительство дало Австрии и Пруссии, не вызвали у него никакого смущения. Обмануть одну из двух держав означало завоевать благодарность другой; и Директория решила выполнить свое обязательство перед Пруссией за счет епископств и проигнорировать то, что она обещала Австрии за счет Баварии.

[Рейнские провинции.]

[Церковные государства подавлены.]

При открытии Конгресса возникла временная трудность, когда выяснилось, что, введенный в заблуждение протестами императора, Сейм уполномочил свой Комитет рассматривать только на основе целостности Империи (9 декабря). Французы отказались вести переговоры до тех пор, пока Комитет не получит все полномочия, и перспективы целостности Империи стали достаточно ясны несколько дней спустя после вступления французов в Майнц и официального объединения Рейнских провинций в четыре французских департамента. В должное время прибыл декрет Сейма, уполномочивающий Комитет вести переговоры по своему усмотрению: и в течение нескольких недель после того, как жители Рейнских провинций были подчинены законам, магистратуре и налогообложению Франции, Комитет обсуждал предложение об их уступке с такой тщательностью и беспристрастностью, как если бы это был вопрос спекулятивной философии. Наконец французы положили конец утомительным пустякам и перешли к вопросу о компенсации обездоленным светским князьям. Это они предлагали осуществить посредством упразднения, или секуляризации, церковных государств во внутренней части Германии. Пруссия горячо поддержала предложение Франции, как с целью аннексии великого епископства Мюнстер, так и из-за давней враждебности к церковным государствам как инструментам и союзникам католической Австрии. Император выступал против уничтожения своих верных иждивенцев; сами церковные князья подняли яростный протест и продемонстрировали, что падение их ордена расшатывает краеугольный камень политической системы Европы; но у них нашлось мало друзей. Если Пруссия жаждала больших трофеев в Мюнстере, то второстепенные монархи, как правило, с таким же рвением стремились к монастырям и аббатствам, которые нарушали целостность их собственных территорий: только самые слабые из всех членов Империи, графы, рыцари и города, испытывали уважительную симпатию к своим церковным соседям и предвидели, что в системе аннексий следующим придет их черед. Принцип секуляризации был принят Конгрессом без особых трудностей, вся энергия дебатов была зарезервирована для обсуждения деталей: договоренности, которые должны были передать несколько миль земли и полдюжины таможен от какого-нибудь обанкротившегося священнослужителя какому-нибудь купленному французами герцогу, возбудили в Германии большой интерес, чем потеря Рейнских провинций и подчинение десятой части немецкой нации иностранному правлению.

[Австрия принимает решение о войне, 1798 г.]

Конгрессу неожиданно был представлен еще один вопрос. После шестилетнего провозглашения Рейна естественной границей Франции французское правительство обнаружило, что река вообще не может быть военной границей. Какую пользу, настаивали французские уполномоченные, могли принести Страсбург и Майнц, если ими командовали пушки на противоположном берегу? Если Рейн должен был принести какую-либо пользу Франции, Франция должна была получить во владение крепости Кель и Кастель на немецкой стороне. Каким бы возмутительным ни казалось такое требование, оно нашло сторонников среди продажных политиков в судах меньшей инстанции и предоставило Комитету материал для аргументации, которая длилась более четырех месяцев. Но политика Австрии теперь принимала такое направление, что резолюции Конгресса имели очень малое значение. Стало ясно, что Франция склоняется к союзу с Пруссией и что баварские аннексии, обещанные Австрии секретными статьями Кампо Формио, должны быть отложены. Убедившись после провала частных переговоров в Эльзасе, что французы не удовлетворятся своими завоеваниями 1797 года и не позволят Австрии расширить свою территорию в Италии, Тугут решил возобновить войну. ^[63] Несмотря на мощную оппозицию при дворе, упрямая воля Тугута

по-прежнему определяла судьбу Австрии, а агрессия Французской Республики в Швейцарии и Папской области в тот момент, когда она диктовала условия мира Империи, дала слишком много поводов для формирования новой европейской лиги.

[Французская интервенция в Швейцарии.]

В конце прошлого столетия не было страны, где дух республиканской свободы был бы так силен или где условия жизни были бы такими ровными, как в Швейцарии; ее жители, однако, были далеки от полного политического равенства. Были округа, находившиеся в зависимости от того или иного правящего кантона: Пэй-де-Во управлялся офицером из Берна; долина Тичино принадлежала Ури; и в большинстве суверенных кантонов власть принадлежала тесному кругу патрицианских семей. Таким образом, хотя Швейцария была свободна от более жестких кастовых различий, а правительства, даже там, где они не были демократическими, обычно были справедливыми и умеренными, достаточно большой класс был лишен политических прав, чтобы дать простор агитации, получившей импульс из Парижа. Действительно, именно в сообществах, достигших высокого уровня комфорта и интеллекта и отделенных от тех, кто ими управлял, небольшим барьером богатства и престижа, доктрины Революции нашли распространение, которого они никогда не смогли бы получить среди потомственных крепостных в Пруссии или крестьян римских государств, охваченных священничеством. Еще в 1792 году французская армия вступила на территорию Женевы, чтобы сотрудничать с демократической партией в городе. Движение было, однако, остановлено решительными действиями бернского сената; и отношения Франции с федеральным правительством впоследствии поддерживались на дружественной основе благодаря здравому смыслу Бартелими, французского посла в Берне, и осмотрительности, с которой швейцарское правительство избегало любых поводов для оскорблений. После завоевания Северной Италии Бонапарт был напрямую связан со швейцарскими делами, сославшись в некоторых спорных вопросах на его авторитет арбитра. Бонапарт решил эту трудность, присоединив округ Вальтелин к Цизальпинской республике; и с того времени он продолжал поддерживать связь со швейцарскими демократическими лидерами по вопросу французской интервенции в Швейцарию, истинной целью которой было завладеть сокровищами Берна и организовать правительство, подобное правительству Голландии и Цизальпинской республики, находящееся в непосредственной зависимости от Франции.

[Гельветическая республика, 12 апреля.]

[Война между Францией и Швейцарской Федерацией, июнь 1798 г.]

Наконец настал момент для вооруженного вмешательства. 15 декабря 1797 года французские войска вошли в епископство Базель и подали сигнал к восстанию в Плати-де-Во. Сенат Берна созвал Сейм Конфедерации, чтобы обеспечить общую оборону: была возобновлена присяга федерации, и был принят указ о призыве федеральной армии. Теперь французы объявили, что они поддержат революционную партию Водуа в случае нападения. Бернские войска, однако, продвинулись вперед; и поскольку носитель флага перемирия был случайно убит, между Французской Республикой и правительством Берна была объявлена война. Демократические движения немедленно последовали в северном и западном кантонах; правительство Берна попыталось вступить в переговоры с французскими захватчиками, но обнаружило, что никакие условия не будут приняты, кроме полного уничтожения существующей Федеральной конституции. Начались военные действия; и бернские войска, поддерживаемые контингентами

из большинства других кантонов, оказали храброе, но безрезультатное сопротивление наступлению французов, которые вошли в федеральную столицу 6 марта 1798 года. Сокровища Берна, составлявшие около 800 000 фунтов стерлингов, накопленные веками бережливости и хорошего управления, были изъяты для того, чтобы прокормить следующую кампанию Бонапарта и множество прожорливых солдат и подрядчиков. Система грабежа и вымогательства, даже более бесстыдная, чем та, что практиковалась в Италии, была введена в действие против кантональных правительств, против монастырей и против частных лиц. В качестве компенсации за материальные убытки, нанесенные стране, в Арау была провозглашена новая Гельветическая республика, единая и неделимая. Он предоставил равенство политических прав всем уроженцам Швейцарии и заменил древние разновидности кантонального суверенитета единым национальным правительством, состоящим, как и во Франции, из Директории и двух законодательных советов.

Города и округа, которые до сих пор не имели права участвовать в управлении государством, приветствовали перемену, которая, казалось, ставила их на один уровень с их прежним начальством: горные кантоны сражались с традиционным героизмом в защиту свобод, унаследованных ими от своих отцов; но они были вынуждены один за другим подчиниться превосходящей силе Франции и принять новую конституцию. И все же даже сейчас, когда, казалось, мир был восстановлен и цель Франции в целом достигнута, тирания и насилие захватчиков истощили стойкость мужественного народа. Государственные деятели Республики были отстранены от должности по приказу французской комиссии; были захвачены заложники; наконец, в качестве условия эвакуации Швейцарии французской армией потребовалась присяга на верность новому порядку. В Унтервальдене вспыхнуло восстание, и горстка крестьян встретила французскую армию в деревне Станц, недалеко от восточного берега Люцернского озера (8 сентября). Там в течение трех дней они сражались с непреклонным мужеством. Их сопротивление подтолкнуло французов к жестокой мести; вырезанные семьи и горящие деревни возобновили в этом так называемом крестовом походе за свободу жестокость древней войны.

[Французские интриги в Риме.]

Интриги в Риме проложили путь для французского вмешательства в дела Папской области, совпавшего по времени с вторжением в Швейцарию. Резиденция французского посла в Риме Жозефа Бонапарта была центром демократической агитации. Люди, которые вращались вокруг него, были по большей части чужаками с севера Италии, но они нашли приверженцев в среднем и профессиональном классах в самом Риме, хотя основная масса бедняков, а также многочисленные слои населения, чье жалованье или прибыль зависели от церковных расходов, были преданы священникам и папству. В предвидении беспорядков правительство приказало ротам солдат патрулировать город. 28 декабря 1797 года произошло столкновение между патрулями и бандой революционеров, которые, подвергшись грубому обращению как со стороны населения, так и со стороны солдат, пробрались для защиты во двор палаццо Корсини, где проживал Жозеф Бонапарт. Здесь, в разгар беспорядочной борьбы, папский солдат застрелил генерала Дюфо, члена посольства. ^[64]

[Бертье въезжает в Рим, 10 февраля 1798 г.]

[Римская республика, 15 февраля 1798 г.]

Теперь у французов был предлог против папского правительства, которого они желали. Жозеф Бонапарт немедленно покинул город, и Бертье, начальнику штаба в северной Италии, был отправлен приказ выступить на Рим. Бертье продвигался вперед под одобрительные возгласы городов и проклятия крестьян и вступил в Рим 10 февраля 1798 года. События вызвали в столице гораздо большую склонность к переменам, чем это было при приближении Бонапарта годом ранее. Толентинский мирный договор пошатнул престиж папской власти; потеря стольких известных произведений искусства, введение новых и непопулярных налогов возбудили такую же ненависть к побежденному правительству, как и к грабителям-завоевателям; даже среди духовенства и их приближенных продажа части церковных земель и урезание бывшего папского великолепия вызвали отчуждение и недовольство. В самой Итальянской церкви также существовала реформаторская партия, недавно возглавляемая Риччи, епископом Пистойи, которая требовала более высокой степени независимости духовенства и осуждала принятие Римским престолом вселенской власти. Необдуманное осуществление папой светской власти в течение последних шести лет привело многих новообращенных к мнению, что глава Церкви наилучшим образом исполнял бы свои обязанности, если бы был освобожден от мирского владычества и восстановлен в своем первоначальном положении первого среди епископов. Таким образом, на подходе к Риму республиканская армия обнаружила, что город созрел для революции. 15 февраля возбужденная толпа собралась на Форуме и, посадив дерево свободы перед Капитолием, отреклась от власти папы и провозгласила, что римский народ образует свободную республику. Резолюция была передана Бертье, который признал Римское содружество и провел процессию по городу с торжественностью древнего триумфа. Папа заперся в Ватикане. Его швейцарская гвардия была распущена и заменена гвардией, состоящей из французских солдат, от рук которых понтифик, которому сейчас шел восемьдесят первый год, подвергся недостойным оскорблениям. Затем от него потребовали отречься от своей мирской власти, и после его отказа его перевезли в Тоскану, а затем за Альпы в Валенсию, где в 1799 году он скончался в сопровождении одинокого священнослужителя.

В освобожденной столице начался грабеж, более тщательный и систематический, чем любой из тех, что французы до сих пор проводили. Богатство Рима привлекло внимание всех парижских брокеров и подрядчиков. Из музеев, папской резиденции и дворцов многих представителей знати были украдены все предметы, которые можно было перевезти; были срезаны даже приспособления, которые стоили перевозки. На первом заседании Национального института в Ватикане было обнаружено, что двери лишились замков; и когда по приказу французов в церквях были отслужены мессы во искупление смерти Дюфо, патрули, которые были расставлены у ворот для поддержания порядка, ворвались внутрь и схватили священные сосуды. И все же повсеместный грабеж был делом рук не столько армии, сколько агентов и подрядчиков, посланных правительством. В разгар бесконечных казнокрадств солдаты нуждались в жалованье и еде. Сознание бесчестия, нанесенного Франции, возникло, наконец, в нижестоящих чинах армии; и генерал Массена, сменивший Бертье, был вынужден оставить свое командование вследствие протестов солдат против системы, на которую Массена явно дал свое личное одобрение. Оставалось воплотить восстановленные свободы Рима в Республиканской конституции, которая, как само собой разумеющееся, была воспроизведением Французской директории и Законодательных советов под практическим контролем французского командующего. То, что Рим дал Революции, выражаясь классическими словами, теперь было более чем вознаграждено. Директора назывались консулами; подразделения Законодательной власти были известны как Сенат и трибуна;

преторство и квесторство были возвращены к жизни в Судах справедливости. Чтобы новая эра не нуждалась в своем классическом памятнике, была отчеканена медаль с изображением римского героизма, посвященная "Бертье, восстановителю города" и "Галлии, спасению рода человеческого".

[Экспедиция в Египет, май 1798 г.]

Именно в разгар этих предприятий в Швейцарии и Центральной Италии Директория собрала силы, которые Бонапарт должен был повести на Восток. Портом высадки экспедиции был Тулон; и там 9 мая 1798 года Бонапарт принял командование самым грозным вооружением, которое когда-либо покидало берега Франции. Великобритания все еще была слабо представлена в Средиземном море, отряд флота Сент-Винсента в Кадисе, переданный под командование Нельсона, был единственной британской силой в этих водах. Тяжелые подкрепления были уже под рукой; но тем временем неблагоприятная погода отвлекла Нельсона от несения вахты в Тулоне. 19 мая французское вооружение вышло в море, его назначение до сих пор держится в секрете от самих солдат. Оно появилось у Мальты 16 июня. Благодаря предательству рыцарей Бонапарт овладел этой твердыней, которую он даже не мог попытаться осадить. После небольшой задержки плавание было возобновлено, и флот достиг Александрии, не встретившись с англичанами, которые теперь получили подкрепление. Высадка была благополучно произведена, и Александрия пала при первом же штурме. Через пять дней армия двинулась к Каиру. У подножия пирамид мамлюкская кавалерия тщетно атаковала солдат Бонапарта. Они были отброшены с огромными потерями с их собственной стороны и почти без потерь с французской. Их лагерь был взят штурмом; Каир был оккупирован; и в Египте больше не существовало сил, способных оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление захватчикам.

[Битва на Ниле, август. 1.]

Но удаче, которая привела армию Бонапарта в целостности и сохранности в египетскую столицу, было суждено быть приобретенной полным уничтожением его флота. Нельсон обогнал французов ночью, когда после долгих раздумий решил плыть в направлении Египта. Прибыв в Александрию раньше своей жертвы, он поспешил в воображаемой погоне на Родос и Крит. Наконец он получил информацию, которая побудила его посетить Александрию во второй раз. Он обнаружил французский флот, насчитывавший тринадцать линейных кораблей и четыре фрегата, на якоре в бухте Абукир. ^[65] Его собственный флот немного уступал ему в людях и орудиях, но он вступил в бой с предчувствием полной своей победы. В других морских сражениях участвовали более крупные силы; ни одно разрушение не было таким полным, как в битве на Ниле (1 августа). Из семнадцати кораблей и двух фрегатов, встретивших Нельсона, только двум линейным кораблям и двум фрегатам удалось вырваться из его рук. Из одиннадцати тысяч офицеров и матросов девять тысяч были взяты в плен или погибли в сражении. Армия Бонапарта была отрезана от всякой надежды на поддержку или возвращение; Республика была лишена связи со своими лучшими войсками и своим величайшим полководцем.

[Коалиция 1798 года.]

Теперь против Франции собиралась коалиция, превосходящая ту, что была в 1793 году, в поддержку России и Османской империи, хотя Испания теперь была на стороне Республики, а Пруссия, несмотря на предупреждения последних двух лет, отказывалась нарушать свой нейтралитет. Смерть императрицы Екатерины и восшествие на престол Павла вызвали самые

серьезные изменения в перспективах Европы. До сих пор политика Русского двора заключалась в том, чтобы поссорить западные державы друг с другом и ограничить свои усилия против Французской Республики обещаниями и заверениями; при Павле, после периода тотальной реакции, заявления стали реальностью. ^[66] Ни один монарх так сердечно не поддерживал планы Питта по обновлению лиги Европы; ни один союзник не присоединился к английскому министру с искренностью, столь похожей на его собственную. Со стороны османского правительства притворная дружба, которой Бонапарт прикрывал оккупацию Египта, была оценена по достоинству. Порта объявила войну, и серия переговоров, продолжавшихся осенью 1798 года, объединила Россию, Англию, Турцию и Неаполь в обязательствах взаимной поддержки против Французской Республики.

[Нельсон в Неаполе, сентябрь 1798 г.]

Русская армия отправилась в свой долгий поход к Адриатике: рекруты Австрии готовились к кампании весной 1799 года; но для английского правительства каждое мгновение, прошедшее до начала настоящих военных действий, было временем, посвященным неопределенности; и человек, выигравший битву на Ниле, высмеял предосторожность, которая до сих пор позволяла французам распространять свои интриги по Италии, и закрыл порты Сицилии и Неаполя для своих самых неотложных нужд. Ближе к концу сентября Нельсон появился в Неаполитанском заливе и был встречен бредом, напоминавшим самые бурные сцены Французской революции. ^[67] В городе Неаполе, как и во всем королевстве в целом, беднейшие классы были яростными врагами реформ и постоянными союзниками королевы и духовенства против той части более образованных классов, которая начала надеяться на свободу. Система шпионажа и преследований, с помощью которой сестра Марии-Антуанетты мстила своим подданным за страдания своих сородичей, становилась все более жестокой с каждой новой победой революции. Летом 1798 года в тюрьме пятый год томились люди, чьи преступления так и не были расследованы, и чьим родственникам не разрешалось знать, живы они или мертвы. Способ выражения мнений, манера одеваться, слова доносчика отправляли невинных людей в темницу с возможностью пыток. В разгар этой тирании подозрительности, в разгар коррупции, которая сделала военно-морские силы королевства более чем бесполезными, король Фердинанд и его спутники не уставали театрально возносить молитвы Пресвятой Деве и святому Януарию против нарушителей божественного права и завоевателей Рима. Придворный трусливее, чем все суды, полиция, приучившая каждого неаполитанца смотреть на своего соседа как на предателя, администрация, превратившая одну из самых выносливых рас Европы в солдат, пользующихся дурной славой и позорной трусостью, - таковы были союзники, которых Нельсон, плохо приспособленный к политике из-за своей неопытности моряка и поверхностного тщеславия, героический в своей нежности и верности, в недобрый час заставил поверить в свою непобедимость, потому что они пользовались его собственной поддержкой. 14 ноября 1798 года король Фердинанд опубликовал прокламацию, в которой, не объявляя войны французам, объявлялось, что король намерен оккупировать Папскую область и восстановить папское правительство. В манифесте отвергались все намерения завоевателей и предлагалось бесплатное помилование всем скомпрометированным лицам. Десять дней спустя неаполитанская армия пересекла границу во главе с австрийским генералом Маком, который среди своих поклонников считался величайшим солдатом Европы. ^[68]

[Фердинанд входит в Рим, 29 ноября.]

Основная масса французских войск, численностью около двенадцати тысяч, находилась в окрестностях Анконы; Рим и промежуточные станции удерживались небольшими отрядами. Если бы Мак двинулся вперед к Верхнему Тибру, его наступление, даже если бы оно не смогло сокрушить разрозненные фланги французской армии, должно было бы вынудить их отступить; но вместо того, чтобы двинуться всеми своими силами через Центральную Италию, Мак повел основную часть своей армии на Рим, где не было французских сил, способных выстоять, и послал слабые разрозненные колонны на восток полуострова, где французы были достаточно сильны, чтобы организовать хорошую оборону. При приближении неаполитанцев к Риму Шампионне, французский командующий, эвакуировал город, оставив гарнизон в замке Сан-Анджело, и отступил к Чивита-Кастеллана, в тридцати милях к северу от столицы. Король Неаполя вступил в Рим 29 ноября. Восстановление религии было отпраздновано возведением огромного креста на месте древа свободы, погружением нескольких евреев в Тибр, казнью ряда скомпрометированных лиц, которым король обещал помилование, и угрозой застрелить одного из больных французских солдат в госпитале за каждый выстрел, произведенный орудиями Святого Ангела. ^[69] Изгнанному понтифику были отправлены разведанные о поражении его врагов. "С помощью божественной милости, - писал король Фердинанд, - и самого чудесного святого Януария мы сегодня с нашей армией вошли в священный город Рим, так недавно оскверненный нечестивцами, которые теперь в ужасе разбегаются при виде Креста и моего оружия. Тогда покиньте, ваше Святейшество, свое слишком скромное жилище и на крыльях херувима, подобно деве Лоретской, придите и снизойдите на Ватикан, чтобы очистить его своим священным присутствием". В письме королю Пьемонта, которого Фердинанд уже призывал поощрять своих крестьян убивать французских солдат, сообщалось, что "неаполитанцы, ведомые генералом Маком, возвестили Франции смертный час и провозгласили Европе с вершины Капитолия, что пришло время королей".

[Мак побежден Шампионне, 6-13 декабря.]

Депеши в Пьемонт попали в руки врага, и обычные способы передвижения вряд ли помогли бы французам. доставил папу Пия в Рим как раз вовремя, чтобы он стал свидетелем ухода своего избавителя. Рапсодии Фердинанда были прерваны известием о том, что все его колонны, продвигавшиеся в центр и на восток Папской области, были разбиты или взяты в плен. Мак, возглавивший основную армию, теперь наступал, чтобы отомстить французам за поражение при Чивита-Кастеллана и Терни. Но его диспозиция была такой же неумелой, как и всегда: где бы его войска ни сталкивались с врагом, они обращались в бегство; и, поскольку он пренебрег укреплением или обеспечением безопасности хотя бы одной позиции на своем марше, его поражение от горстки французских солдат к северу от Рима повлекло за собой потерю страны почти до ворот Неаполя. При первом же слухе о поражении Мака республиканская партия в Риме выступила за Францию. Король Фердинанд бежал; Шампионне вернулся в Рим и, после нескольких дней промедления, вступил на территорию Неаполя. Здесь, однако, он оказался атакованным врагом более грозным, чем армия, которая была организована для изгнания французов из Италии. Неаполитанские крестьяне, которые в солдатской форме и по приказу Мака едва попадались на глаза французам, храбро сражались, когда призыв к их религиозным страстям собирал их в разбойничьи банды под руководством их собственных вождей. Дивизии армии Шампионне понесли серьезные потери; однако им удалось осуществить соединение у Вольтурно, и крепость Гаэта, защищаемая регулярными солдатами, а не разбойниками, сдалась французам по первому зову.

[Французы входят в Неаполь, 23 января 1799 г.]

Мак сейчас сосредоточивал свои войска в укрепленном лагере перед Капуей. Вся страна восстала против захватчиков, и, несмотря на проигранные сражения и оставленные крепости, неаполитанское правительство, если бы оно обладало хоть искрой мужества, все еще могло бы разгромить французскую армию, насчитывавшую всего 18 000 человек. Но паника и подозрительность, которые правительство посеяло среди своих подданных, теперь были отомщены ему самому. Со всех сторон раздались крики о предательстве. Двор опасался восстания республиканцев; священники и население обвиняли двор в заговоре с французами; Мак протестовал, утверждая, что солдаты были полны решимости быть избитыми; солдаты клялись, что Мак предал их. В ночь на 21 декабря королевская семья тайно поднялась на борт корабля Нельсона "Авангард", и после короткого перерыва они отплыли в Палермо, оставив столицу на попечение принца Пиньятелли, придворного, которому никто не желал подчиняться.

^[70] Порядок, однако, поддерживался гражданской гвардией, зачисленной муниципалитетом, пока не стало известно, что Мак и Пиньятелли заключили перемирие с французами и сдали Капую и соседние города. Затем население подняло дикий шум. Тюрьмы были распахнуты настежь, и с оружием, взятым из арсенала, лаццарони превратились в буйную армию вместе с тысячами отчаявшихся людей, выпущенных из тюрем и на галеры. Священники, услышав, что начались переговоры о мире, снова подняли крик об измене; и, руководствуясь лозунгом королевы: "Все джентльмены - якобинцы; только народ верен", они подстрекали толпу к бунту и убийствам. Утром 15 января орды лаццарони вышли из ворот и бросились на французов, которые были теперь примерно в девяти милях от города; другие стащили пушки с фортов, чтобы защитить улицы. Республиканская партия, однако, и та значительная часть высшего класса, которая стала республиканской из-за хаоса, в который двор со своими союзниками, священниками и чернью, ввергли Неаполь, поддерживали связь с Шампионне и ожидали прихода французов как единственного средства предотвратить разрушение и резню. С помощью военной хитрости, осуществленной в ночь на 20-е, они овладели фортом Святого Эльма, в то время как французы уже вели кровопролитный штурм пригородов. 23-го Шампионне приказал возобновить атаку. Заговорщики в Сент-Эльмо подняли французский флаг и обратили свои пушки против населения; крепость Кармине была взята французами штурмом; и, прежде чем в центре города началась последняя битва не на жизнь, а на смерть, вожди лаццарони выслушали слова дружбы, которые Шампионне обратился к ним на их родном языке, и с непоследовательностью полудикого народа с радостными криками сопроводили своих солдат к церкви Святого Януария, которую Шампионне обещал уважать и защищать.

[Партенопейская республика.]

Шампионне использовал свою победу с осторожностью, редкой среди французских завоевателей. Он потакал суевериям черни; он поощрял политические надежды просвещенных людей. Сильное отвращение к беглому двору и в пользу республиканского правительства последовало за созданием французским генералом Национального совета и его ироническим почитанием святого покровителя. Неаполитанское королевство было преобразовано в Партенопейскую республику. Новые законы, новые институты, обсуждавшиеся в представительном собрании, возбудили надежды и интересы, ранее неизвестные в Неаполе. Но неизбежные случаи французской оккупации, вымогательства и обнищания, со всеми их горькими последствиями для сознания людей, не заставили себя долго ждать. В каждом сельском округе священники поднимали восстания. Агенты нового правительства, люди, не

имевшие опыта в государственных делах, вносили смуту повсюду, куда бы они ни пошли. Гражданская война вспыхнула в пятидесяти различных местах; и варварство местных лидеров восстания, таких как фра Дьяволо, было с лихвой вознаграждено французскими колоннами, которые пересекли охваченные восстанием районы.

[Война с Австрией и Россией, март 1799 г.]

Французское правительство неудачно выбрало время для расширения района боевых действий до южной Италии. Первая дивизия русской армии во главе с Суворовым уже достигла Моравии, и венский двор только ждал своего момента для объявления войны. Недавно созданные правительства в Риме и Неаполе были настолько далеки от возможности помочь французам при Адидже, что французам пришлось направить войска в Рим и Неаполь для поддержки новых правительств. Силы, которые французы могли разместить на границе, уступали тем, которые были предоставлены Австрии двумя годами подготовки: русские, которые должны были прибыть в Ломбардию в апреле, приближались с уверенностью людей, не принесших французам ни одного из их недавних триумфов. Среди лидеров личное превосходство больше не было заметно на стороне французов, как в войне Первой коалиции. Суворов и эрцгерцог Карл были достойной парой для любого из республиканских генералов, за исключением Бонапарта, который отсутствовал в Египте. Исполнительная власть Франции пришла в глубокий упадок. Карно был в изгнании; организационная работа, которой он занимался с такой энергией и бескорыстием, пошла на убыль при его посредственных и коррумпированных преемниках. Республика никогда не испытывала недостатка в искусных генералах и храбрых солдатах; но никакая единая руководящая воля, никакая буря национальных страстей не придавали правительству той силы, которой оно обладало при Конвенте и которая вернулась к нему при Наполеоне.

Новый характер разгорающейся войне придало включение Швейцарии в зону боевых действий. В войне Первой коалиции Швейцария была нейтральной территорией; но события 1798 года оставили французам во владении всю Швейцарию к западу от Рейна, и австрийские войска впоследствии оккупировали Граубюнден. Линия, разделяющая воюющих сторон, теперь проходила без перерыва от Майнца до Адриатического моря. Французские армии поддерживали непрерывную связь друг с другом, и передвижения каждой из них могли быть изменены в соответствии с требованиями остальных. С другой стороны, катастрофа, произошедшая на каком-либо одном участке линии, подвергала опасности все остальные пункты; ибо никакая нейтральная территория не вмещивалась, как в 1796 году, чтобы остановить боковое продвижение противника и защитить коммуникации французской армии в Ломбардии от победоносных австрийских войск в южной Германии. Французское правительство понимало и даже переоценивало важность швейцарских перевалов в этом отношении; и в их горную войну была брошена энергия, которая могла бы привести к большим результатам на равнинах.

[Эрцгерцог Карл побеждает Журдана при Штокахе, 25 марта.]

Три армии выстроились в боевой порядок с обеих сторон. Журден командовал французами на Рейне; Массена - в Швейцарии; Шерер, наименее способный из республиканских генералов, - в Адидже. На стороне союзников эрцгерцог Карл командовал южной Германией; в Ломбардии австрийцев возглавлял Крэй до прибытия Суворова и его корпуса; в Швейцарии командование было передано Хотце, швейцарскому офицеру, получившему некоторые отличия на

дипломатической службе. Замысел французов заключался в том, чтобы продвинуть свой центр под командованием Массены через горы в Тироль и совместной атакой центральной и южной армий уничтожить австрийцев в верхнем Адидже, в то время как Журден, также поддерживавший связь с центром, оттеснил эрцгерцога вниз по Дунаю к Вене. В начале марта кампания началась. Массена атаковал австрийские позиции к востоку от верховьев Рейна и отбросил врага в сердце Гризонда. Журден пересек Рейн у Страсбурга и прошел Шварцвальд с 40 000 человек. Ему было приказано атаковать эрцгерцога Карла, независимо от превосходства эрцгерцога в силах. Французская и австрийская армии встретились в Штокахе, недалеко от устья Боденского озера (25 марта). Подавляющее численное превосходство обеспечило эрцгерцогу полную победу. Журден был не только остановлен в своем наступлении, но и вынужден отступить за Рейн. Как бы ни сложилась судьба армий Швейцарии и Италии, всякой надежде на наступление на Вену со стороны Дуная пришел конец.

[Убийство французских посланников в Раштадте, 28 апреля.]

Освободившись от присутствия захватчиков, австрийцы теперь распространились по Бадену вплоть до ворот Раштадта, где, несмотря на войну между Францией и Австрией, посланники мелких германских государств все еще продолжали свои совещания с французскими агентами. 28 апреля французским посланникам, которых теперь было трое, австрийцы потребовали отбыть в течение двадцати четырех часов. В сопровождении, о котором они просили, было отказано. Едва их экипажи въехали в городские ворота, как на них напал эскадрон австрийских гусар. Двое французских посланников были убиты; третьего оставили умирать. Было ли это ужасное нарушение международного права простым бесчинством пьяных солдат, как это было представлено австрийским правительством; было ли это в какой-либо степени вызвано вышестоящими гражданскими приказами или связано с французскими эмигрантами, живущими по соседству, остается неизвестным. Расследования, начатые эрцгерцогом Карлом, были остановлены кабинетом министров, чтобы сейм мог провести более публичное расследование. Это расследование, однако, так и не состоялось. В 1804 году все документы, относящиеся к расследованию дела эрцгерцога, были изъяты правительством из военных архивов. С тех пор они так и не были обнаружены. ^[71]

[Битва при Маньяно, 5 апреля.]

Вспышка гнева, с которой французский народ узнал о судьбе своих посланников, дорого обошлась бы Австрии, если бы Австрия теперь была проигравшей стороной в войне; но в настоящее время все, казалось, обернулось против Республики. Едва Журден был свергнут в Германии, как сокрушительное поражение при Маньяно на реке Адидже отбросило итальянскую армию на расстояние нескольких миль от Милана; в то время как Массена, лишенный плодов своих собственных побед из-за неудач своих коллег, был вынужден оставить восточную половину Швейцарии и отступить на линию реки Лимнат, Люцерна и Готарда. Карл перебрался из Германии в Швейцарию. Массена сосредоточил свой центр в Цюрихе и ожидал нападения эрцгерцога. В течение пяти недель Карл бездействовал: наконец, 4 июня он дал сражение. После двухдневной борьбы со значительно превосходящими силами Массена был вынужден эвакуировать Цюрих. Однако он отступил не дальше, чем к хребту Утлиберг, в нескольких милях к западу от города; и здесь, укрепляя свою новую позицию, он упрямо держался, в то время как австрийцы укреплялись на центральных перевалах Швейцарии, и катастрофа за катастрофой, казалось, уничтожали французское оружие в Италии.

[Кампания Суворова в Ломбардии, апрель-июнь.]

Суворов во главе 17 000 русских прибыл в Ломбардию в середине апреля. Его первое сражение и первая одержанная победа произошли при переправе через Адду 25 апреля. За этим последовала капитуляция Милана и распад Цизальпинской республики. Моро, который теперь принял французское командование, отступил к Алессандрии, намереваясь прикрыть Геную и Турин; но внезапное движение Суворова привело русских в столицу Сардинии еще до того, как стало известно, что она в опасности. Французский генерал, отрезанный от дорог через Альпы, бросился на Апеннины выше Генуи и стал поджидать армию, занявшую Неаполь и которая под командованием Макдональда теперь спешила к нему на помощь, собирая на марше войска, разбросанные к югу от По. Макдональд быстро продвигался по центральной Италии и в начале июня пересек Апеннины выше Пистойи. Его прибытие в Модену с 20 000 человек угрожало изменить баланс сил в пользу французов. Суворов, сознавая опасность, с максимальной поспешностью собрал все войска, находившиеся в пределах досягаемости, и двинулся на восток, чтобы встретиться с Макдональдом на Треббии. Моро спустился с Апеннин в том же направлении; но он недооценил быстроту русского генерала; и, прежде чем он преодолел половину расстояния, Макдональд был атакован Суворовым на Треббии и опрокинут в течение трех дней самых отчаянных боев, которые когда-либо были в войне (18 июня). ^[72]

[Неаполь.]

Теперь вся южная Италия восстала против правительств, установленных французами. Кардинал Руффо с бандой фанатичных крестьян, известной как Армия Веры, сделал себя хозяином Апулии и Калабрии среди сцен дикой жестокости и появился перед Неаполем, где лаццарони были готовы объединиться с ордами правоверных в убийствах и грабежах. Уверенный в поддержке внутри города и при содействии нескольких английских и русских судов в гавани, Руффо атаковал пригороды Неаполя утром 13 июня. Резня и бесчинства продолжались в городе и за его пределами в течение пяти дней. Утром 19-го кардинал предложил приостановить вооружение. Это было принято республиканцами, которые владели фортами. Последовали переговоры. 23-го числа условия мира были подписаны Руффо от имени неаполитанского короля и представителями Великобритании и России в качестве гарантии их добросовестного исполнения. Было решено, что республиканский гарнизон должен выступить с боевыми почестями; что их личности и имущество должны быть уважаемы; что те, кто предпочтет покинуть страну, должны быть доставлены в Тулон на нейтральных судах; и что все, кто останется дома, должны быть избавлены от приставаний.

[Царство террора.]

Гарнизон не покинул форты в ту ночь. На следующее утро, когда они поднимались на борт "Полачки", которая должна была доставить их в Тулон, флот Нельсона появился в Неаполитанском заливе. Нельсон заявил, что, ведя переговоры с повстанцами, кардинал Руффо нарушил приказ короля, и объявил капитуляцию недействительной. "Поласки" с толпившимися на борту республиканцами были прикреплены к корме английских кораблей в ожидании прибытия короля Фердинанда. 29 июня адмирал Караччоло, вступивший в должность при новом правительстве и после его падения пытавшийся замаскироваться под побег, предстал пленником перед Нельсоном. Нельсон приказал предать его суду неаполитанского военного трибунала и, несмотря на его преклонный возраст, звание и долгую службу государству, добился того, что его повесили на рее неаполитанского корабля, а тело бросили в море.

Несколько дней спустя из Палермо прибыл король Фердинанд, и Нельсон передал всех своих заключенных властям Бурбонов. Последовало царство террора. Бесчисленное количество людей было брошено в тюрьму. Военные суды или комиссии, исполнявшие любой закон, который им нравился, отправляли цвет неаполитанской нации на эшафот. В самом Неаполе было приведено в исполнение более сотни смертных приговоров: конфискация, изгнание и тюремное заключение коснулись тысяч семей. Особенностью неаполитанских проскрипций было то, что правительство, у которого на устах постоянно звучали названия религии и права, выбирало для уничтожения как мужчин, так и женщин, наиболее выдающихся по характеру, науке и литературе, в то время как для продвижения по службе и обогащения оно выбирало тех, кто был известен подвигами дикого насилия. Роль, которую сыграл Нельсон в этом смертельном деле, оставила пятно на его славе, которое время не может стереть. ^[73]

[Австрийские замыслы в Италии.]

[Новый план войны.]

Именно на наступлении неаполитанской армии под командованием Макдональда французы возлагали свои последние надежды на восстановление Ломбардии. Битва при Треббии развеяла эту надежду по ветру и оставила слишком много сомнений в том, удастся ли спасти Францию от вторжения. Сам Суворов стремился напасть на Моро прежде, чем Макдональд оправится от своего поражения, и оттеснить его на запад по прибрежной дороге во Францию. Это был момент, когда судьба Республики висела на весах. Если бы Суворову было позволено последовать его собственным советам, Франция, вероятно, увидела бы остатки своих итальянских армий полностью уничтоженными, а русских наступающими на Лион или Марсель. Республика была спасена, как и в 1793 году, разногласиями ее врагов. Австрия возобновила войну не только с целью сопротивления французской агрессии, но и с целью расширения своего собственного владычества в Италии. Эти проекты были скрыты от России; Тугут частично сообщил о них британскому послу под самым строгим обязательством хранить тайну. 17 августа 1799 года лорд Минто ознакомил свое правительство с намерениями австрийского двора. "Император предлагает сохранить Пьемонт и захватить всю ту часть Савойи, которая важна с военной точки зрения. Я не сомневаюсь в его намерении сохранить и Ниццу, если он ее получит, что сделает Var его границей с Францией. Вся территория Генуэзской Республики, похоже, является объектом серьезных спекуляций ... Я убежден, что папские миссии будут сохранены императором ... Я еще не владею проектами в Тоскане. ^[74] Именно в таком смысле Австрия понимала фразу о защите прав Европы от французской агрессии. Однако не для этого царь послал свою армию из-за Карпат. С момента начала кампании Суворов находился в постоянном конфликте с военным советом Вены. ^[75] Суворов был настроен на непрерывное преследование врага; австрийский совет настаивал на сокращении укреплений. То, что сначала казалось простым расхождением во мнениях военных, проявилось в своем истинном политическом характере, когда союзные войска вошли в Пьемонт. Царь всей душой желал сокрушить людей Революции и восстановить правительства, свергнутые Францией. Как только его войска вошли в Турин, Суворов провозгласил восстановление Савойского дома и призвал всех офицеров Сардинии сражаться за своего короля. Его прервало письмо из Вены, в котором требовалось, чтобы он оставил политические дела в руках венского министерства. ^[76] Русские уже сделали в Италии столько, сколько от них хотел австрийский кабинет, и первым желанием Тугута было теперь освободиться от своего беспокойного союзника. Суворов в каждом послании яростно критиковал австрийское правительство и подал в отставку. Его жалобы

склонили царя принять новый военный план, который был поддержан английским правительством в надежде положить конец разногласиям между Суворовым и Австрийским советом. В Санкт-Петербурге было решено, что, как только французские армии будут разгромлены, взятие итальянских крепостей должно быть предоставлено исключительно австрийцам; и что Суворов, объединившись с новой русской армией, находящейся теперь неподалеку, завершит завоевание Швейцарии, а затем вторгнется во Францию через Юру, поддерживаемый справа от него эрцгерцогом Карлом. В это же время объединенные британские и русские силы должны были напасть на Голландию.

Если бы этот проект был выполнен в его первоначальном виде, он бросил бы грозную армию на Францию со стороны Франш-Конте, где она наименее защищена крепостями. Но в последний момент в Вене было внесено изменение в план. Перспектива англо-русской победы в Голландии снова сосредоточила мысли австрийского министра на Бельгии, от которой так легко отказались пять лет назад и которую Тугут теперь надеялся вновь оккупировать и обменять на Баварию или какую-нибудь другую территорию. "Император, - писал он, - не может остаться глух к призыву своих подданных. Он не может согласиться на то, чтобы Нидерландами распоряжались без его собственного согласия". ^[77] Результатом этого извращенного и вредного решения стало то, что эрцгерцог Карл получил приказ отправить большую часть своей армии из Швейцарии на Нижний Рейн и оставить только 25 000 человек для поддержки новой русской дивизии, которая под командованием генерала Корсакова приближалась с севера навстречу Суворову. Эрцгерцог, как только до него дошли новые инструкции, преисполнился предчувствия катастрофы и предупредил свое правительство, что при общем перемещении сил Массене, который все еще находился над Цюрихом, будет предоставлена возможность нанести смертельный удар. Каждая депеша, передававшаяся между Веной и Санкт-Петербургом, теперь усиливала подозрения царя в отношении Австрии. Папа и король Неаполя были убеждены, что Тугут имел те же намерения в отношении их собственных территорий, которые проявились в его обращении с Пьемонтом. ^[78] Они обратились к царю за защитой. Царь предложил созвать Европейский конгресс, на котором Державы могли бы узнать истинные намерения друг друга. Предложение не было принято Австрией; но, отрицая всякое желание ограбить короля Сардинии, папу римского или короля Неаполитанского, Тугут признал, что Австрия требовала улучшения своей итальянской границы, другими словами, аннексии части Пьемонта и северной части Римских государств. Царь ответил, что он взялся за оружие, чтобы сдержать одно агрессивное правительство, и что он не должен допустить, чтобы его место заняло другое.

[Битва при Нови, 15 августа.]

Однако на данный момент союзные войска продолжали сотрудничать в Италии против французской армии на Апеннинах, прикрывающей Геную. Эта армия получила подкрепление и теперь была передана под командование Жубера, одного из самых молодых и энергичных республиканских генералов. Жубер решил атаковать русских до падения Мантуи, чтобы добавить осаждающую армию к силам Суварова на поле боя. Но информация, которую он получил из Ломбардии, ввела его в заблуждение. Во вторую неделю августа он все еще не знал, что Мантуя пала две недели назад. Он спустился с гор, чтобы атаковать Суварова в Тортоне силами, примерно равными собственным Суворовым. Достигнув Нови, он узнал, что Мантуанская армия также находится перед ним (15 августа). Отступать было слишком поздно; Жубер мог только подать своим людям пример республиканского духа и преданности. Сам Суворов вместе с Креем, завоевателем Мантуи, начал атаку: наступление второго австрийского

корпуса в тот момент, когда силы русских иссякли, решило исход дня. Жубер не дожидаясь до того, чтобы стать свидетелем близкого поражения, которое стоило Франции одиннадцати тысяч человек. ^[79]

[Суваров уезжает в Швейцарию.]

Правительства союзников так выстроили свои планы, что самая ошеломляющая победа не могла привести ни к какому результату. Вместо того чтобы войти во Францию, Суворов был вынужден повернуть обратно в Швейцарию, в то время как австрийцы продолжали осаждать крепости Пьемонта. В Швейцарии Суворову пришлось встретиться с врагом, который был предупрежден о его приближении и который использовал все свои военные навыки и отвагу, чтобы предотвратить соединение двух русских армий, наступавших теперь с юга и севера. Прежде чем Суваров смог покинуть Италию, серия превосходно спланированных атак привела к тому, что Массена захватил всю сеть центральных альпийских перевалов и перекрыл все пути сообщения между Суваровым и армией, с которой он надеялся сотрудничать. Безумие австрийского кабинета поддерживало усилия французского генерала. Как только Корсаков и новая русская дивизия достигли Шаффхаузена, эрцгерцог Карл, вынужденный подчиняться приказам из Вены, повернул на север (3 сентября), оставив русских без поддержки, кроме корпуса Хотце, который был разбросан по шести кантонам. ^[80] Корсаков продвинулся к Цюриху; Массена остался на своей старой позиции на Утлиберге. Именно сейчас Суваров начал свой марш в Альпы, сильно обеспокоенный и задержанный из-за нехватки горных отрядов, которые обещали ему австрийцы, и полный опасений, что Корсакова постигнет какая-нибудь непоправимая катастрофа до его собственного прибытия.

[Вторая битва при Цюрихе, сентябрь. 26.]

Две дороги ведут от итальянских озер в центральную Швейцарию; одна, начинающаяся у истоков Лаго Маджоре и пересекающая Готард, заканчивается на берегу озера Люцерн; другая, пересекающая Сплюген, проходит от озера Комо до Райхенау, в долине Рейна. Готард в 1799 году был непригоден для артиллерийского обстрела; однако Суваров выбрал его для своего собственного наступления с целью нанести удар в тыл Массене с максимально возможной скоростью. Он покинул Беллинцону 21 сентября, отчаянным образом пробился через французские аванпосты, охранявшие ущелья Готарда, и прибыл в Альторф у Люцернского озера. Здесь выяснилось, что дороги на запад, по которой Суворов намеревался нанести удар по коммуникациям противника, не существовало. Отказавшись от этого плана, Суваров направился прямо в район, где разбил лагерь его коллега, по пастушьей тропе, ведущей на северо-восток через высоты 7000 футов к долине Муотты. По этой пустынной местности русские прокладывали свой путь; и решимость, которая привела их так далеко, как до Муотты, привела бы их, преодолев все остальные препятствия, к месту, где они должны были встретиться со своими соотечественниками. Но час прошел. Пока Суворов все еще сражался в горах, Массена двинулся на Цюрих, обратил армию Корсакова в полное бегство и вытеснил ее, потеряв весь ее обоз и большую часть артиллерии, за пределы района боевых действий.

[Отступление Суварова.]

Первые слухи о катастрофе достигли Суварова на Муотте; он все еще продвигался на восток и, хотя почти без боеприпасов, опрокинул корпус, которым командовал лично Массена, и очистил дорогу через Прагель острием штыка, прибыв в Гларус 1 октября. Здесь ему открылся весь

масштаб бедствия Корсакова. Наступать или отступить означало гибель. Армии Суварова оставалось только бежать по дикой и покрытой снегом горной местности в долину Рейна, где река протекает ниже северных высот Гризонда. Этот подвиг увенчал кампанию, которая повергла Европу в изумление. Современный путешественник по Альпам с некоторым недоверием отходит от рассказов, которые всеми эпитетами ужаса и растерянности характеризуют сцены, вызывающие восхищение нашего века; но отступление армии Суварова, голодающей толпы со стертыми ногами, по тому, что тогда было нехоженой скалистой пустыней, по свежевывавшему осеннему снегу глубиной в два фута, имело мало общего с самыми смелыми подвигами альпийской отваги. ^[81] Это было достигнуто с потерями и страданиями; это вывело армию из крайне опасного положения в безопасное; но за этим не последовало нового наступления. Предложения Суварова и эрцгерцога Карла о совместной деятельности привели лишь к взаимным насмешкам и угрозам. Сотрудничество России в войне подошло к концу. Французы оставались хозяевами всей швейцарской территории, которую они потеряли с начала кампании.

[Британская и российская экспедиция против Голландии, август 1799 г.]

В летние месяцы 1799 года царь смягчил свое раздражение против Австрии, разработав совместно с британским кабинетом министров план совместной экспедиции против Голландии. Было решено, что 25 000 английских и 17 000 русских солдат, доставленных с Балтики на британских кораблях, должны атаковать французов в Батавской республике и поднять восстание от имени изгнанного штатгальтера. В течение всего июля прибрежные города Кента были охвачены суетой войны, и 13 августа первая английская дивизия численностью 12 000 человек отплыла из Дила под командованием сэра Ральфа Аберкромби. После двухнедельной стоянки у берегов Голландии войска высадились на мысе Хелдер. Голландский корпус был разбит на песчаных холмах, и англичане захватили форт Хелдер, господствующий над якорной стоянкой Тексель. Сразу после этого среди офицеров голландского флота вспыхнуло движение в пользу штатгальтера. Капитаны подняли оранжевый флаг и передали свои корабли англичанам.

Это был первый и последний результат экспедиции. Русский контингент и вторая английская дивизия достигли Голландии в середине сентября, и с ними прибыл герцог Йоркский, который теперь принял командование из рук Аберкромби. С другой стороны, ежедневно прибывали подкрепления из Франции, пока войска противника во главе с генералом Брюном не сравнялись по силе с захватчиками. Битва при Алкмаре 19 сентября принесла союзникам некоторые частичные успехи, но не постоянное преимущество; а 3 октября герцог Йоркский одержал одну из тех так называемых побед, которые приводят к отступлению победителей. Никогда еще не было так много веских причин для плохого заключения. Русские двигались слишком быстро или слишком медленно; рвы сводили на нет правила стратегии; было обнаружено, что климат Голландии неблагоприятен для здоровья и что голландцы не имели ни малейшего желания возвращать своего штатгальтера. Результатом серии неудач, каждую из которых мог бы предвидеть среднестатистический мичман флота Нельсона или среднестатистический сержант армии Массены, стало то, что Йорку пришлось выкупить отступление союзных войск по цене, эквивалентной безоговорочной капитуляции. Ему было разрешено вернуться на корабль на том основании, что Великобритания вернула французам 8000 французских и голландских пленных и передала в отличном состоянии все военные сооружения, которые наши собственные солдаты возвели в Хелдере. Среди русских офицеров

возникли горькие жалобы на руководство экспедицией Йорком. Его обвинили в том, что он пожертвовал русскими полками в бою и добился всеобщего поражения, чтобы не подставлять своих людей. Обвинение было беспочвенным. Там, где был Йорк, предательство или недобросовестность были излишни. Командуя Йорком, самый слабый враг становился непобедимым. Некомпетентность наследственных военачальников английской армии стала частью естественного порядка вещей. Министерство, столкнувшись с неудачей, упрямо закрывало глаза на истинную причину катастрофы. Парламенту напомнили, что поражение было наиболее вероятным завершением любых военных операций, которые мы могли бы предпринять, и что Англии не следует ожидать успеха, когда Пруссия и Австрия так долго сталкивались только с несчастьями. Под командованием Нельсона английские моряки действительно проявляли перед моряками других наций то превосходство, которым обладает охотник над своей добычей; однако это не давало никаких оснований считать, что предусмотрительность и отвага что-то значат на берегу. Если нация хочет видеть своих солдат непобежденными, она должна оставить их дома для защиты своей страны. Даже среди оппозиции не прозвучало ни единого голоса протеста против системы, которая приносила жизнь англичан и воинскую честь в жертву достоинству королевской семьи. Провал англо-русской экспедиции был воспринят в Англии с большим спокойствием, чем в России. Царь отправил в отставку своих неудачливых генералов. Йорк вернулся домой, чтобы заниматься верховой ездой в Ньюмаркете, получать комиссионные от своей любовницы и вести колонку в Сент-Джеймс-парке.

[Непопулярность Справочника.]

[Планы Сийеса, 1799.]

Именно в этот момент, когда волна военного успеха уже повернулась в пользу Республики, произошла революция, которая сделала Бонапарта абсолютным правителем Франции. Со времени нападения правительства на роялистов во Фруктидоре в 1797 году Директория и фракции ни на шаг не приблизились к системе взаимных уступок или к мирному согласию с волей парламентского большинства. Директория, подвергавшаяся нападкам как со стороны крайних якобинцев, так и со стороны конституционалистов, была все еще достаточно сильна, чтобы сокрушить каждую партию по очереди. Выборы 1798 года, которые усилили якобинцев, были отменены с такой же легкостью, как и выборы роялистов в предыдущем году; только когда поражение в Германии и Италии привело к всеобщей дискредитации правительства, конституционалистская партия, получившая значительное большинство голосов на выборах 1799 года, осмелилась направить атаку против самих директоров. Возбуждение от иностранных завоеваний до сих пор ограждало злоупотребления правительства от критики; но когда Италия была потеряна, когда генералы и солдаты оказались без жалованья, без одежды, без подкреплений, поднялся всеобщий протест против Директории, и нация решила покончить с правительством, бесчинства и вымогательства которого не привели ни к чему, кроме военного краха. Бедствия Франции весной 1799 года, произошедшие в результате неспособности правительства увеличить численность армии до должной, на самом деле не были связаны с недостатками Конституции. Частично они были вызваны бесстыдной работой отдельных членов администрации, частично отсутствием какого-либо агентства, подобного тому, которое было у Обычных комиссаров 1793 года, для обеспечения контроля центрального правительства над местными властями, оставшимися изолированными и независимыми в результате изменений 1789 года. Однако в существующем политическом порядке было достаточно недостатков, и

конституционалисты, которые теперь во второй раз оказались с большинством в Советах, не были расположены продлевать систему, которая с самого начала вызвала насмешки у их большинства. Вокруг аббата Сийеса выросла партия, стремящаяся к каким-то переменам, которые должны были дать Франции правительство, действительно представляющее ее лучшие элементы. Мало кто мог сказать, каким должно было быть изменение; но было известно, что Сийес, который принимал ведущее участие в 1789 году и осудил Конституцию 1795 года с того момента, как она была набросана, разработал схему, которая, по его мнению, была свободна от всех ошибок, которые искажали ее предшественников. В качестве первого шага к реформированию сам Сийес был избран на должность директора, которая в то время оставалась вакантной. Баррас присоединился к Сийесу; три оставшихся директора, которые были якобинцами и пользовались популярностью в Париже, были вынуждены уступить свои места. Теперь Сийесу нужен был только солдат, чтобы осуществить свои планы. Его первая мысль была о Жубере, но Жубер был убит в Нови. Моро постеснялся поднять руку против закона; Бернадотт, генерал, отличившийся как на войне, так и в администрации, отказался играть второстепенную роль. На самом деле поддержка Сийеса также не была необходимой для любого популярного и амбициозного солдата, который был готов напасть на правительство. Сийес и его друзья предложили союз партии, имеющей весомый характер и прошлое; но в распоряжении предприимчивого лидера были и другие известные имена и влиятельные интересы, и вся Франция ожидала падения правительства, действия которого привели лишь к беспорядкам внутри страны и поражению за границей.

[Бонапарт возвращается из Египта, октябрь 1799 г.]

Такова была политическая ситуация, когда летом 1799 года Бонапарт, потерпев неудачу в нападении на сирийскую крепость Сен-Жан д'Акр, вернулся в Египет и получил первые известия из Европы, которые дошли до него с начала войны. Он понял, что представился удобный случай. Он решил оставить свою армию, окончательный крах которой был неизбежен, и предложить Франции в своем лице то полновластие гения и силы, к которому стремилась вся нация. 7 октября в Совете пятисот была зачитана депеша Бонапарта, извещавшая о победе над турками при Абукире. Это были первые новости, полученные за много месяцев из египетской армии; это вызвало взрыв радостного энтузиазма в отношении генерала и армии, которых, как считалось, ненавистное правительство отправило в изгнание; это напомнило о той череде побед, которые не были остановлены ни одним поражением, и о том мире, который дал Франции владычество, более широкое, чем любое из завоеванных ее королями. В то время как все мысли были обращены к Бонапарту, французская нация внезапно услышала, что сам Бонапарт высадился на побережье Прованса. "В тот день я сидел, - рассказывает Беранже в своей автобиографии, - в нашем читальном зале с тридцатью или сорока другими людьми. Внезапно пришло известие, что Бонапарт вернулся из Египта. При этих словах каждый мужчина в комнате вскочил на ноги и разразился единым протяжным криком радости". Эмоции, которые Беранже изобразил, были эмоциями всей Франции. Почти все, что сейчас омрачает раннюю славу Бонапарта, тогда было неизвестно. Его лживость, его холодное, безжалостное сердце были знакомы только сообщникам и далеким страдальцам; даже его самые вопиющие проступки, такие как разрушение Венеции, были оправданы политической необходимостью или замаскированы под акты праведного наказания. Надежды, воображение Франции видели в Бонапарте молодого, незапятнанного, неотразимого героя Республики. Его слава возросла во время кризиса, который разрушил всякое доверие к другим. Закоренелые чиновники фракций теряли свое значение рядом с ним; даже искренние республиканцы, которые боялись

правления солдата, признавали, что нации не всегда дано самой выбирать способ своего освобождения. С того момента, как Бонапарт высадился во Фрежюсе, он был хозяином Франции.

[Заговор Сийеса и Бонапарта.]

Сийес видел, что Бонапарт, и никто другой, был тем человеком, с помощью которого он мог свергнуть существующую Конституцию. ^[82] Однако между Сийесом и солдатом, которому он теперь предлагал свою поддержку, было так мало симпатии, что Бонапарт принял проект Сийеса только после того, как убедился, что ни Баррас, ни Бернадотт не помогут ему прийти к верховной власти. Убедившись в этом, Бонапарт согласился с предложениями Сийеса. Было решено, что Сийес и его друг Дюко должны уйти в отставку со своих директорских постов, а трое оставшихся директоров должны быть отстранены от должности. Собрания или любая их часть, благоприятствующая заговору, должны были назначить Триумvirат в составе Бонапарта, Сийеса и Дюко с целью выработки новой Конституции. В новой Конституции подразумевалось, хотя и без какой-либо определенной договоренности, что ведущими фигурами должны были стать Бонапарт и Сийес. Совет старейшин был по большей части в сговоре с заговорщиками: единственным препятствием, которое могло помешать успеху заговора, было восстание парижского населения. В качестве меры предосторожности против нападения было решено перенести заседание Советов в Сен-Клу. Бонапарт заручился поддержкой почти всех генералов и войск в Париже. Его брат Люсьен, ныне председатель Совета пятисот, надеялся парализовать деятельность своего собственного Собрания, в котором заговорщики были в меньшинстве.

[Государственный переворот, 18 Брюмера (9 ноября) 1799 г.]

Рано утром 9 ноября (18 Брюмера) толпа генералов и офицеров собралась перед домом Бонапарта. В тот же момент собралась часть Совета старейшин и приняла декрет, переносивший заседание в Сен-Клу и возлагавший на Бонапарта командование всеми войсками в Париже. Указ был доставлен в дом Бонапарта и зачитан толпе военных, которые признали его, размахивая шпагами. Затем Бонапарт приказал войскам занять свои посты, принял отставку Барраса и арестовал двух оставшихся директоров Люксембургского театра. Ночью в Париже было большое волнение. Арест двух Директоров и демонстрация военной силы раскрыли истинную природу заговора и побудили к сопротивлению людей, которые до сих пор не видели серьезных причин для тревоги. Советы собрались в Сен-Клу в два часа следующего дня. Древние были готовы к тому, что надвигалось; пятьсот человек отказались слушать сообщников Бонапарта и принесли присягу на верность Конституции. Сам Бонапарт вошел в Совет Старейшин и в резких, сбивчивых выражениях заявил, что он пришел спасти Республику от невидимой опасности. Затем он покинул Собрание и вошел в Зал Пятисот человек в сопровождении вооруженных гренадеров. Появление штыков было встречено ревом негодования. Члены парламента всей толпой набросились на Бонапарта и выгнали его из зала. Теперь его брат покинул председательское кресло и присоединился к солдатам снаружи, к которым обратился с речью в качестве председателя Собрания. Солдаты, до сих пор колебавшиеся, были уверены в гражданском авторитете Люсьена и его предательском красноречии. Забили барабаны; прозвучала команда, и последние свободные представители Франции с трудом протиснулись в дверные проемы и окна под натиском штыков.

[План конституции Сийеса.]

Конституция, которую Сийес надеялся теперь навязать Франции, была разработана ее автором в конце правления террора. Разработанный в ту эпоху, он нес на себе отпечаток всех тех опасений, которые придали форму Конституции 1795 года. Нарушения закона 1793 года, реакция роялистов, проявившаяся в событиях Вандемьера, были опасностями, от которых и Сийес, и законодатели 1795 года пытались уберечь будущее Франции. Стало ясно, что всенародные выборы могут в любой момент вернуть роялистское большинство в Ассамблею: конституция 1795 года предотвратила эту опасность, продлив власть конвенционалистов; Сийес преодолел ее, полностью отменив всенародные выборы. Он не дал нации иного права, кроме права выбора полумиллиона человек, которые должны были иметь право на должности в коммунах, и которые сами должны были избрать меньший орган из пятидесяти тысяч, имеющий право на должности в департаментах. Пятьдесят тысяч, в свою очередь, должны были выбрать пять тысяч, которые должны были иметь право на места в правительстве и законодательном органе. Фактические назначения должны были производиться, однако, не выборщиками, а исполнительной властью. Когда иррациональная толпа, таким образом, лишена возможности вернуть своих старых угнетателей, священники, роялисты и знать могут спокойно творить самое худшее. В качестве еще одной меры предосторожности Сийес предложил, чтобы каждый француз, избранный в законодательный орган с 1789 года, был на десять лет включен в число привилегированных пяти тысяч.

Таковы были гарантии, предусмотренные против бурбонистской реакции. Чтобы уберечься от повторения тех бед, от которых Франция пострадала из-за поспешного голосования в одном Собрании, Сийес разделил законодательный орган на столько палат, сколько существует стадий принятия закона. Первая палата, или Государственный совет, должна была придать форму мерам, предложенным исполнительной властью; вторая палата, известная как Трибунат, должна была обсудить сформулированные таким образом меры и установить возражения, которым они могли быть подвергнуты; третья палата, известная как Законодательный орган, должна была в тишине принять решение за или против мер после заслушивания спора между представителями Совета и Трибуната. В качестве последнего неприступного бастиона как против якобинцев, так и против бурбонистов, Сийес создал Сенат, члены которого должны занимать свои должности пожизненно и иметь право отменять любой закон, в котором Палаты могли бы нарушать Конституцию.

Оставалось только изобрести Исполнительную власть. В других частях своей Конституции Сийес позаимствовал что-то из Рима, Греции и Венеции; в своей Исполнительной власти он усовершенствовал политические теории Великобритании. Он предложил, чтобы правительство состояло из двух консулов и великого курфюрста; курфюрст, подобно английскому королю, назначал и увольнял консулов, но сам не принимал активного участия в управлении. Консулы должны были быть соответственно ограничены в ведении мирных и военных дел. Гротескная во всех отношениях конституция Сийеса действительно была рассчитана на достижение во всех отношениях, кроме одного, цели, которую он имел в виду. Его целью было положить конец конвульсиям Франции, лишив каждый элемент в государстве возможности произвести внезапные перемены. Члены его политического органа, Совета, который мог только составлять проекты, Трибуната, который мог только обсуждать, Законодательного органа, который мог только голосовать "Да" или "Нет", были бессильны на зло; а сама нация прекратила политическое существование, как только выбрала своих полумиллионных знаменитостей.

[Сийес и Бонапарт.]

До сих пор ничто не могло лучше соответствовать взглядам Бонапарта; и до этого момента Бонапарт спокойно принимал план Сийеса. Но у генерала был свой план того, что должно было последовать. Сийес мог бы распределить акт обсуждения между дискуссионными обществами и немymi присяжными в полную меру своей изобретательности; но в тот момент, когда он применил свой разрушающий метод к исполнительной власти, Бонапарт смел непрочного мыслителя и установил посреди своего здания теней реальность абсолютного личного правления. Призрачный курфюрст и консулы, которые должны были стать арендаторами курфюрста по его желанию, очень мало соответствовали власти, которую Франция желала видеть во главе своей страны. "Было ли когда-нибудь что-нибудь более нелепое?" - воскликнул Бонапарт. "Какой сильный духом человек мог согласиться на такой пост?" Напрасно Сийес так ловко установил баланс. Его теории дали Франции лишь пародию, которая маскировала вымирание нации под единую волю: структура исполнительного правительства, которую страна получила в 1799 году, была той, которую Бонапарт вывел из концепции абсолютной центральной власти. Первый консул сосредоточил всю исполнительную власть в своем лице. Рядом с ним находились два коллеги, единственной функцией которых было давать советы. Государственный совет предоставил в распоряжение главного магистрата Франции самые высокие навыки и опыт, не посягая на его суверенитет. Все должности, как в государственных министерствах, так и в провинциях, были заполнены кандидатами Первого консула. Ни один закон не мог быть предложен иначе, как по его желанию.

[Контраст институтов 1791 и 1799 годов.]

[Централизация 1799 года.]

Институты, данные Франции Национальным собранием 1789 года, и те, которые были предоставлены ей в Консульстве, демонстрировали прямое отличие, редко встречающееся за пределами области абстрактных терминов. Местным обычаям, пережиткам более ранних законов, таким как смягчающие разницу между Англией и различными демократиями Соединенных Штатов, не было места в тех резких формах, в которые был преобразован политический порядок Франции в 1791 и 1799 годах. Учредительное собрание расчистило поле перед тем, как приступить к реконструкции. Его реконструкция была основана на правах человека, отождествляемых с принципом местного самоуправления путем всенародных выборов. Он вывел систему общинного управления, настолько полностью независимую, что иностранные критики описывали Францию как разделенную на 40 000 республик; и критика была оправдана, когда в 1793 году было признано необходимым создать новое центральное правительство и направить уполномоченных из столицы в провинции. Согласно Конституции 1791 года, судьи, епископы, офицеры Национальной гвардии - все они в равной степени подлежали всенародным выборам; военный министр едва ли мог перебросить полк из одной деревни в другую без разрешения мэра коммуны. В Конституции 1799 года вся власть принадлежала главе государства. Вступила в силу система централизации, с которой Франции при ее королях было не с чем сравнивать. Все, что когда-то служило сдерживающим фактором для монархической власти, законные парламенты, провинциальные поместья Бретани и Лангедока, права светских и церковных корпораций, исчезло. На смену множеству привилегий, которые смягчали монархию Бурбонов, на смену народным собраниям Революции пришел ряд магистратур, таких же регулярных и абсолютных, как воинские звания. ^[83] Там, где, согласно

Конституции 1791 года, орган местных представителей собирался для ведения дел Департамента, теперь существовал префект, назначаемый Первым консулом, абсолютный, как и сам Первый консул, и которому помогали только рекомендации назначенного совета, который собирался в течение двух недель в году. Находясь в подчинении префекта, офицер и аналогичный совет занимались местными делами округа. Даже 40 000 мэров с их общинными советами были назначены прямо или косвенно главой государства. Во Франции не существовало органа власти, который мог бы отремонтировать деревенский мост или осветить улицы города, кроме такого, который был бы обязан своим назначением центральному правительству. Власть Первого консула также не ограничивалась административной деятельностью. За исключением низших и высших членов судебной власти, он назначал всех судей и переводил их по своему усмотрению на низшие или высшие должности.

Такова была система, которая, основываясь в значительной степени на предпочтениях французского народа, еще глубже закрепила в национальном характере готовность зависеть от вездесущей, все направляющей силы. Благодаря своему рациональному порядку, своей регулярности, использованию высочайшей науки и опыта, эта система правления не могла не принести стране большие и быстрые выгоды. Сами французы обычно рассматривали его как одно из лучших творений политической мудрости. По сравнению с самоуправлением, которое тогда и долгое время спустя существовало в Англии, централизация Франции обладала всем превосходством прогресса и разума над оцепенением и внутренним противоречием. И все же каждая нация, которая ради административной эффективности отказывается от своих местных свобод и всего, что связано с их использованием, платит тяжелую, неисчислимую цену. Никакая практика осуществления общественных прав не вооружила более позднее поколение французов против дерзости обычного узурпатора: никакое бессмертие молодости не защитило институты, созданные Наполеоном, от слабости и коррупции, которые в определенный период подрывают любой деспотизм. Историк, исчерпавший все похвалы политической системе Консульства, дожил до того, чтобы заявить, будучи самым главой государства, что первой потребностью Франции была децентрализация власти. ^[84]

[Государственная политика Бонапарта.]

После десяти лет беспокойства было невозможно, чтобы какое-либо правительство могло быть более желанным для французской нации, чем то, которое провозгласило себя представителем не партии или мнения, а самой Франции. Ни одна часть нации не одержала триумфа при учреждении консульства; ни одна часть не потерпела поражения. На своем собственном возвышении Бонапарт объявил о прекращении гражданского конфликта. Возникло правительство, призвавшее всех к себе на службу, которое всех наймет, всех вознаградит, всех примирит. Первые меры Первого консула свидетельствовали о политике примирения, с помощью которой он надеялся привлечь на свою сторону всю Францию. Закон о заложниках, по которому сотни семей были заключены в тюрьму в отместку за беспорядки местных роялистов, был отменен, и сам Бонапарт отправился объявить об их освобождении узникам в Тампле. Большое количество имен было вычеркнуто из списка эмигрантов, и впоследствии дорога к помилованию была открыта для всех, кто на самом деле не служил против своей страны. Отбирая своих государственных чиновников, Бонапарт проявлял такое же желание привлечь на свою сторону людей из всех партий. Камбасерес, царевый, был назначен вторым консулом; Лебрен, старый чиновник Людовика XVI, стал его коллегой. В министерствах, Сенате и Государственном совете нация видела людей с доказанными способностями,

избранных из всех сфер жизни и из всех политических рангов. Ни одно правительство Франции не насчитывало среди своих членов столько имен, выдающихся способностями и опытом. Незаменимым было только одно качество - готовность служить и повиноваться. В том интеллектуальном величии, которое сделало объединение всех сил Франции привычной мыслью в уме Бонапарта, не было ни капли морального великодушия, которое могло бы простить противодействие ему самому или терпеть энергию, действующую под эгидой, отличной от его собственной. Он желал видеть власть в лучших руках; он искал таланты и продвигал их, но при том понимании, что ими руководил он сам. За пределами этого предела способности были его врагами, а не друзьями; и с тем, что нельзя было приласкать или продвинуть, обращались с тиранической несправедливостью. В то время как Бонапарт хвастался карьерой, которую он открыл для талантов, он подавил всю независимую журналистику Парижа и изгнал мадам де Сталь, гости которой продолжали беседовать о свободе, когда не могли писать. Столь же пристрастным, столь же расчетливым было снисхождение Бонапарта к исконным врагам революции, роялистам и священникам. Он не испытывал ни малейшей ненависти Парижа к вандейскому дворянину и суеверному бретонцу; он предложил свою дружбу упрямому бретонскому народу, чью верность и благочестие он ценил как хорошие качества в подданных; но, потерпев неудачу в их покорности, он приказал своим генералам на западе Франции сжечь дотла их деревни и назначить награду за головы их вождей. Справедливость, терпимость, добросовестность - вот что не имело значения для Бонапарта вне круга его инструментов и союзников.

[Франция перестает пропагандировать демократию за рубежом, но продвигает равенство при монархических системах.]

[Эффект автократии Бонапарта за пределами Франции.]

Во внешних отношениях Франции самая беспринципная воля не могла завести агрессию дальше, чем она уже была осуществлена; и все же возвышение Бонапарта глубоко повлияло на судьбу всех тех государств, судьба которых зависела от Франции. Дело было не только в том, что ум, привыкший рассматривать все человеческое как объекты для своего собственного распоряжения, теперь руководил непреодолимой военной силой, но и в том, что с того дня, когда Франция подчинилась Бонапарту, политические изменения, сопровождавшие наступление французских армий, приняли иной характер. Бельгия и Голландия, Рейнские провинции, Цизальпийская, Римская и Партенопейская Республики - все они получили, при любых неправильных обстоятельствах, по крайней мере, формы народного суверенитета. Реальная власть, возможно, принадлежала французским генералам и комиссарам; но, каким бы неискренне произнесенным ни был призыв к свободе, он пробуждал надежды и устремления, которые сами по себе не были неискренними. Итальянские фестивали освобождения, деревья свободы, риторика патриотических собраний мало свидетельствовали об инстинкте самоуправления; но они знаменовали разрыв с прошлым; и период между 1796 и 1799 годами был фактически временем зарождения тех надежд, которые с тех пор воплотились в свободе и единстве Италии. Пока во Франции были свои бурные собрания, свои выборы в деревнях и уездных городах, для нее было невозможно образовать республики за Альпами, не привнеся в них хотя бы зародыш республиканской организации и духа. Но когда вся власть была сосредоточена в руках одного человека, когда устное и письменное слово стало оскорблением государства, когда волнения старых муниципалитетов сменились молчанием и дисциплиной группы чиновников, работавших вокруг своего начальника, тогда рост французского влияния

перестал означать поддержку народных сил против правительств. Форма, которую Бонапарт дал Франции, была формой, которую он предназначал для клиентов Франции. Следовательно, в тех общинах, которые непосредственно получили отпечаток консульства, как, например, в Баварии и малых германских государствах, власть не была свергнута, а значительно укрепилась. Бонапарт перенес за Рейн ту часть революционного духа, которую он воспринял у себя дома, - подавление привилегий, уничтожение феодальных прав, приведение всех чинов к равенству перед законом и допуск всех на государственную службу. Но это выравнивание социального порядка в государствах-сателлитах Франции и установление системы и единства на месте устаревших привилегий расчистили путь не к верховенству народа, а к верховенству короны. Власть, которая была отнята у корпораций, у рыцарей и у духовенства, была передана не народному представителю, а кабинету министров и чиновникам, выстроенным по образцу официальной иерархии Франции. То, что французы в первую эпоху своей Революции пытались привить Европе - дух свободы и самоуправления, - теперь они отказались от самих себя. Вера в народное право, которая отличала перемены 1789 года от тех, которые пытался осуществить император Иосиф, утонула в бурях революции.

[Бонапарт издает законы в духе монархов-реформаторов 18 века.]

И все же государственная мудрость Бонапарта, если она и противостояла либеральным и бескорыстным настроениям 1789 года, не была простой хитростью корсиканского солдата или подвигом средневекового гения, рожденного не в свое время. Подчиняясь полному удовлетворению своих самых деспотических или самых злобных побуждений, Бонапарт привнес в свои творения идеи, на которых основывали свои работы величайшие европейские новаторы до Французской революции. То, чего достигли или не смогли достичь Фридрих и Иосиф, было реализовано в Западной Германии, когда ее правители стали клиентами Первого консула. Бонапарт не был порождением Французской революции; он был последним и величайшим из автократических законодателей, работавших в несвободную эпоху. Под его правлением Франция потеряла то, что казалось ей самым близким; она самым мощным образом продвинула вперед формы прогресса, общие для нее самой и остальной Европы. Бонапарт не возвысил население до свободы: уничтожив привилегии и отменив юридические различия по рождению, сведя всю личную и корпоративную власть к единому правлению государства, он подготовил путь к рациональной свободе, когда, позднее, правительство государства само станет выразителем воли нации.

ГЛАВА V.

Заигрывания Бонапарта с Австрией и Англией-Война продолжается-Массена осажден в Генуе-Моро вторгается в Южную Германию-Бонапарт пересекает Сен-Бернар и наступает в тыл австрийцам-Битва при Маренго-Австрийцы отступают за Минчо-Мирный договор между Англией и Австрией-Австрия продолжает войну-Битва при Гогенлиндене-Гогенлинденский мир Люневиль-Война между Англией и Северной морской лигой-Битва при Копенгагене-Убийство Павла-Конец морской войны-Английская армия входит в Египет-Французы разбиты при Александрии-Они капитулируют в Каире и Александрии-Предварительные условия мира между Англией и Францией, подписанные в Лондоне, за которыми последовал Амьенский мир-Ирландская политика Питта и его отставка-Дебаты о мире-Агрессия Бонапарта во время Континентального мира-Голландия, Италия, Швейцария-Урегулирование Германии под влиянием Франции и России-Подавление церковных государств и вольных городов - Его последствия-Штейн-Франция под властью Франции. консульство-Гражданский кодекс-Конкордат.

[Увертюры Бонапарта к Австрии и Англии, 1799 г.]

Учреждение консульства избавило Францию от раздоров партий. Нация не менее желала мира после иностранной войны; и хотя сам Первый консул беспокойно планировал следующую кампанию, в его политику входило представлять себя посредником между Францией и Европой. Отбросив обычные дипломатические формы, Бонапарт от своего имени направил письма императору Франциску и королю Георгу III, в которых выражал сожаление по поводу страданий, причиняемых войной народам, естественным союзникам, и заявлял о своем личном стремлении начать переговоры о мире. Вежливо сформулированный ответ Австрии вызвал предложение Бонапарта вести переговоры о мире на основе Кампо-Формийского мирного договора. Такое предложение было лучшим доказательством истинных намерений Бонапарта. Австрия вновь завоевала Ломбардию и отбросила войска Республики от Адидже в нескольких милях от Ниццы. Предлагать мир, который должен был просто восстановить ситуацию, существовавшую в начале войны, было чистой иронией. Соответственно, австрийское правительство заявило, что не может вести переговоры без согласия своих союзников. Ответ Англии на предложения Первого консула был грубым и вызывающим. В нем перечислялись причины войны и недоверия, которые препятствовали Англии вести переговоры с революционным правительством; и, хотя в нем не настаивалось на восстановлении Бурбонов в качестве условия мира, в нем говорилось, что никакая гарантия искренности и хорошего поведения Франции не была бы столь приемлемой для Великобритании, как возвращение древнего рода. ^[85]

Немногие государственные документы отличались худшими ошибками в суждениях, чем этот английский манифест. Это было сделано для того, чтобы рекомендовать бурбонов Франции в качестве средства достижения мира: это позволило Бонапарту представить Англию как жестоко вмешивающуюся в права французского народа, а бурбонов как стремящихся к их восстановлению от руки врага их страны. Ответ, сделанный правительству Питта из Парижа, был таким, какой одна энергичная нация, недавно изгнавшая своих правителей, могла бы адресовать другой, которая изгнала своих правителей столетием ранее. Говорили, что Франция имеет такое же право свергнуть недееспособную династию, как и Великобритания. Если ответ

Талейрана не смог убедить короля Георга в том, что, прежде чем восстанавливать Бурбонов, он должен уступить свой собственный трон Стюартам, то ему удалось переключить внимание с обид, причиненных Францией, на претензии, выдвинутые Англией. Нет никаких оснований полагать, что это повлияло на реальный ход событий. Французское правительство было хорошо знакомо с действительными причинами войны, которыми обладала Англия, несмотря на ошибки, из-за которых британский кабинет ослабил изложение своей цели. То, что теперь думала или не думала масса французского народа, стало вопросом очень незначительного значения.

[Положение армий.]

[Моро вторгается в Южную Германию, апрель 1800 г.]

Война продолжалась. Зима и ранняя весна 1800 года прошли во Франции в обстановке энергичных, но тайных приготовлений к кампании, которая должна была изгнать австрийцев из Италии. В Пьемонте австрийцы провели месяцы в бездействии, которое могло бы дать им Геную и завершить завоевание Италии до того, как армия Бонапарта смогла бы выступить в бой. Только в начале апреля Мелас, их генерал, атаковал французские позиции на Генуэзских Апеннинах; еще две недели прошли в горной войне, прежде чем Массена, который теперь занимал французское командование, оказался запертым в Генуе и блокированным с суши и моря. Армия, которую Бонапарт собирался повести в Италию, стояла между Дижоном и Женевой, ожидая прибытия Первого консула. На Рейне, от Страсбурга до Шаффхаузена, силы численностью в 100 000 человек были готовы переправиться в Германию под командованием Моро, на которого была возложена задача оттеснить австрийцев от Верхнего Дуная и таким образом сделать невозможным любое наступление через Швейцарию на коммуникации итальянских войск Бонапарта. Армия Моро двинулась первой. Австрийские силы, не уступавшие силам Моро, располагались в излучине Рейна, которая охватывает Баден и Вюртемберг. Моро переправился через Рейн в различных местах и путем ряда хитроумных маневров заставил своего противника Крея занять все дороги, проходящие через Шварцвальд, за исключением тех, по которым действительно проходили северные дивизии французов. Серия сражений, продемонстрировавших мастерство французского генерала и мужество побежденных австрийцев, дала Моро во владение страну к югу от Дуная вплоть до Ульма, где Крэй укрылся в своем укрепленном лагере. Инструкции Моро запрещали ему наступать дальше этого пункта. Его задача была выполнена путем отсечения австрийской армии от дорог, ведущих в Италию.

[Бонапарт пересекает Альпы, май 1800 года.]

Собственная армия Бонапарта теперь была в движении. Пункт назначения по-прежнему держался в секрете; австрийские генералы сомневались в самом его существовании. 8 мая первый консул лично прибыл в Женеву и принял командование. Кампания, в которую теперь вступала эта армия, была задумана Бонапартом так, чтобы превзойти все, что Европа до сих пор видела наиболее поразительного в войне. Подвиги Массены и Суварова в Альпах наполнили его воображение горной войной. Победа над природой, более впечатляющая, чем их, могла бы при нынешнем положении австрийских войск в Ломбардии стать прелюдией к победе на поле боя, не имеющей аналогов по своему воздействию на противника. Вместо того чтобы освободить Геную наступлением вдоль прибрежной дороги, Бонапарт намеревался перейти через Альпы и спуститься в тыл австрийцам. Одно-единственное поражение отрезало бы австрийцев от их

коммуникаций с Мантуей и привело бы либо к капитуляции их армии, либо к эвакуации всей завоеванной ими страны. Бонапарт повел свою армию в горы. Перевал Большого Сен-Бернара, хотя и не был дорогой для перевозки карет, не представлял особых трудностей для командира, снабженного всеми необходимыми инженерными материалами и навыками; и по этой дороге армия пересекла Альпы. Пушки были сняты с лафетов и втащены в гору в дуплах деревьев; тысячи мулов перевозили боеприпасы и припасы; мастерские для ремонта были разбросаны по обоим склонам горы; а в монастыре Святого Бернара было собрано запасов, достаточных, чтобы прокормить солдат, когда они достигали вершины в течение шести дней подряд (15-20 мая). Переход "Сенбернара" был триумфом организации, дальновидности и хорошего управления; как военный подвиг, он не включал в себя ни одной опасности, ни одного страдания, ни одного риска, которые придавали такой интерес кампании Массены и Суварова.

[Бонапарт отрезает австрийскую армию от Восточной Ломбардии.]

Бонапарт правильно рассчитал неготовность своего врага. Передовой отряд французской армии хлынул вниз по долине Дора-Балтеа на немногочисленные австрийские отряды в Иврее и Кьюзелле, прежде чем Мелас, которого напрасно предупреждали об уходе французов из Женева, прибыл с несколькими тысячами человек в Турин, чтобы оспорить вступление в Италию. Сам Мелас в начале кампании последовал за французской дивизией в Ниццу, оставив генерала Отта командовать армией, стоящей у Генуи. Добравшись до Турина, он осознал всю степень грозящей ему опасности и послал Отту приказ снять осаду Генуи и присоединиться к нему со всеми полками, которые он сможет собрать. Отт, однако, не желал расставаться с добычей, которая в этот момент попала ему в руки. Он оставался неподвижным до 5 июня, когда Массена, доведенный голодом до самых жестоких крайностей, был вынужден сдать Геную осаждающим. Но его упрямая выносливость произвела эффект выигранной битвы. Задержка Отта сделала Меласа бессильным помешать передвижениям Бонапарта, когда вместо того, чтобы двинуться маршем на Геную, как ожидали от него и французы, и австрийцы, он повернул на восток и вклинил свою армию между австрийцами и их собственными крепостями. Сам Бонапарт вступил в Милан (2 июня); Ланн и Мюрат были посланы захватить мосты через По и Адду. Австрийский отряд, охранявший Пьяченцу, был разгромлен; коммуникации Меласа со страной к северу от Державы были полностью перерезаны. Австрийскому командующему ничего не оставалось, как прорваться сквозь ряды французов или бежать в Геную.

[Битва при Маренго, 14 июня 1800 г.]

[Условия перемирия.]

Французский центр находился теперь в Страделле, на полпути между Пьяченцей и Алессандрией. В конце концов к Меласу присоединился Отт в Алессандрии, но австрийские войска были настолько рассеяны, что из 80 000 человек в распоряжении Меласа было не более 33 000. Силы Бонапарта были равны по численности; его единственным опасением было то, что Мелас может использовать свой последний рубеж отступления и сбежать в Геную без боя. Однако австрийский генерал, разделивший с Суворовым победу над Жубером при Нови, решил поставить все на кон в решающем сражении. Он ожидал подхода Бонапарта в Алессандрии. 12 июня Бонапарт двинулся на запад от Страделлы. Его тревога, что Мелас может ускользнуть из его рук, возрастала с каждым часом марша, который не приносил ему никаких известий о противнике; и 13-го, когда его передовой отряд подошел почти к стенам Алессандрии, не видя врага, он больше не мог выносить неизвестности и приказал Дезэ двигаться на юг, к Нови, и

удерживать дорогу на Геную. Дезэ повел свою дивизию. Рано утром следующего дня вся армия Меласа выступила из Александрии и бросилась на ослабленные позиции французов у Маренго. Атака превзошла все ожидания: по окончании семичасового боя Мелас, измученный своими личными усилиями, вернулся в Александрию и разослал весть о полной победе. Именно в этот момент Дезэ, обернувшись на звук пушечного выстрела, появился на поле боя и объявил, что, хотя одно сражение проиграно, можно выиграть другое. Внезапная кавалерийская атака посеяла панику среди австрийцев, которые поверили, что битва окончена и враг повержен. Целые бригады бросали оружие и бежали; и еще до конца дня масса беглецов, кавалеристов и пехотинцев, скопившихся на болотах Бормиды, была всем, что осталось от победоносного австрийского центра. Внезапность катастрофы, отчаянное положение армии, отрезанной от своих коммуникаций, смутили Меласа, и он согласился на перемирие, более роковое, чем безоговорочная капитуляция. Австрийцы отступили за Минчо и оставили французам все крепости в Северной Италии, которые лежали к западу от этой реки. Единственное сражение стало результатом кампании побед и осад. Маренго был самым блестящим по замыслу из всех триумфов Бонапарта. Если при ее исполнении гений великого полководца на мгновение подвел его, то никакому упоминанию о долгих часах опасностей и неразберихи не было позволено затуманить великолепие победы Бонапарта. Каждый документ, содержащий отчет о реальных фактах сражения, был изменен или скрыт. Описания, данные французской нации, требовали лишь нового признания непобедимого гения и силы Первого консула. ^[86]

[Австрия продолжает войну.]

В Вене на военную ситуацию смотрели более спокойно, чем в лагере Меласа. Условия перемирия были в целом осуждены, и любое внезапное изменение политики Австрии было предотвращено договором с Англией, обязывавшим Австрию в обмен на британские субсидии и тайное обещание части Пьемонта не заключать сепаратного мира с Францией до конца февраля 1801 года. Этот договор был подписан за несколько часов до получения известий о Маренго. Это была работа Тугута, который все еще сохранял свое влияние на императора, несмотря на растущую непопулярность и почти всеобщее противодействие. Общественное мнение, однако, вынудило императора, по крайней мере, предпринять шаги для выяснения французских условий мира. В Париж был отправлен посланник, и, поскольку без согласия Англии не могло быть мира, были проведены конференции с целью установления морского перемирия между Англией и Францией. Англия, однако, отказалась от уступок, которых требовал Первый консул, и переговоры были прерваны в сентябре. Но этот трехмесячный интервал ослабил авторитет министра и способствовал интригам, которые при каждом крупном кризисе парализовывали действия Австрии. Наконец, пока Тугут получал субсидии от Великобритании и готовился к самому энергичному ведению войны, император, скрыв сделку от своего министра, заключил новое перемирие, сдав крепости Ульм и Ингольштадт армии Моро. ^[87]

[Битва при Гогенлиндене, 3 декабря 1800 г.]

Письмо, написанное Тугутом после совета, состоявшегося 25 сентября, дает некоторое представление о бурной сцене, которая тогда разыгралась в присутствии императора. Тугут подал в отставку, которая была принята, и Лербах, инициатор нового перемирия, был назначен на свой пост. Но упреки британского посла вынудили слабого императора отменить это назначение на следующий день после того, как оно было объявлено миру. В Вене не было

никого, способного занять вакантный пост, и после короткого перерыва старый министр приступил к исполнению своих служебных обязанностей, однако открыто не возвращая себе титула. Оставшаяся часть перемирия была использована для усиления сил, противостоявших Моро, который теперь получил приказ наступать на Вену. Эрцгерцог Иоанн, восемнадцатилетний королевский стратег, был снабжен планом окружения французской армии и отрезания ее от коммуникаций. Моро стоял на Изаре; австрийцы удерживали оборону Постоялого двора. По окончании перемирия австрийцы продвинулись вперед и совершили несколько обходных маршей в соответствии с планом эрцгерцога, пока общее замешательство, вызванное погодой, не заставило их отказаться от своих маневров и двинуться прямо на врага. 3 декабря австрийцы углубились в занесенные снегом дороги Хознлинденского леса, полагая, что рядом с ними нет ничего, кроме арьергарда отступающей французской дивизии. Моро подождал, пока они достигнут середины леса, а затем обрушился на них со всеми своими силами спереди, с фланга и с тыла. Поражение австрийцев было сокрушительным. То, что осталось от войны, было скорее погоней, чем борьбой. Моро последовательно пересек Инн, Зальцу и Траун; и 25 декабря император, видя, что никакие усилия Питта не могли удержать Моро вне Вены, принял перемирие в Штайере и согласился вести переговоры о мире без оглядки на Великобританию.

[Люневильский мир, 9 февраля 1801 г.]

Поражения при Минчо, о которых было объявлено в последующие дни, усилили необходимость мира. Тугут был окончательно отстранен от власти. Условиям, предложенным Бонапартом, было оказано некоторое сопротивление, но они были направлены скорее на установление французского влияния в Германии, чем на унижение Дома Габсбургов. У Австрии мало что было взято, кроме того, что она сдала на Кампо Формио. Венское правительство заплатило за Маренго и Гогенлинден не уступкой итальянских или славянских провинций, а ценой разобщенности немецкой расы, несчастьем которой было иметь во главе государя, интересы которого в Империи и в Германии были наименьшими из всех его интересов. Люневильский мир, ^[88], заключенный между Францией и императором 9 февраля 1801 года, даже без ссылки на Сейм Империи, отдал второстепенные государства Германии на милость Французской Республики. Он оставил Дому Габсбургов венецианскую территорию, которую тот приобрел в 1797 году; он не требовал уменьшения влияния Габсбургов в Италии, кроме отречения великого герцога Тосканского; но он уступил Франции, без маскировки 1797 года, немецкие провинции к западу от Рейна и формально обязал Империю выплатить компенсацию обездоленным мирским суверенам таким образом, который должен быть одобрен Францией. Таким образом, Французская Республика по праву стала арбитром в переустройстве искалеченной и разрушенной Империи. Даже великий герцог Тосканский, как и его предшественник в изгнании, герцог Моденский, должен был получить некоторую долю немецкой расы для своих подданных в качестве компенсации за отнятых у него итальянцев. До такого состояния политическая разобщенность довела нацию, которая в то время могла похвастаться величайшими именами в Европе в литературе, науке и искусстве.

[Мир с Неаполем.]

[Россия восстает против Англии.]

[Северная морская лига, декабрь 1800 г.]

После поражения Австрии Неаполитанский двор, который первым из союзников объявил войну, оказался во власти Бонапарта. Его жестокость и тирания влекли за собой суровое наказание; но заступничество царя удержало бурбонов на троне, и Неаполь получил мир только на том тяжелом условии, что английские суда не будут заходить в его порты. Англия теперь осталась одна в своей борьбе с Французской Республикой. И это больше не было борьбой только против Франции и ее зависимостей. Строгость, с которой английское правительство использовало свое превосходство на море, в сочетании с безрассудством, которое оно проявило в англо-русском нападении на Голландию, подняли против него Морскую лигу под руководством державы, которую Англия оскорбила как нейтральную и возмутила как союзницу. После жалкой голландской кампании царь перенес на Великобританию ту ненависть, которую он до сих пор питал к Франции. Этим случаем умело воспользовался Бонапарт, к которому как к солдату царь испытывал меньшее отвращение, чем к правительству адвокатов и подрядчиков, на которое он напал в 1799 году. Первый консул вернул без выкупа несколько тысяч русских пленных, за которых австрийцы и англичане отказались выдать французов в обмен, и продолжил это продвижение, предложив передать царю опеку над Мальтой, которая теперь была блокирована англичанами. Павел добился того, что его сделали великим магистром Мальтийского ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Предложение Бонапарта задело его тщеславие, и между французским и российским правительствами установились дружеские отношения. Англия, с другой стороны, отказалась передать Мальту под опеку России ни до, ни после ее капитуляции. Это завершило разрыв между судами Лондона и Санкт-Петербурга. Царь конфисковал все английские суда в своих портах и заключил в тюрьму их экипажи (9 сентября). Между Англией и Северными морскими державами существовала давняя разница, которая в любой момент могла стать причиной войны. Права, осуществляемые английскими кораблями в отношении нейтральных судов во время военных действий, хотя и соответствуют международному праву, были настолько репрессивными, что во время американского восстания Северные державы сформировали лигу, известную как Вооруженный нейтралитет, с целью силового противодействия вмешательству англичан в дела нейтральных торговых судов в открытом море. С началом войны с Францией английские суда снова довели права воюющих сторон до крайности. Вооруженный нейтралитет 1780 года был соответственно возрожден под покровительством царя. Лига была подписана 16 декабря 1800 года Россией, Швецией и Данией. Несколько дней спустя Пруссия согласилась на присоединение. ^[89]

[Спорные моменты.

Спорные моменты между Великобританией и Нейтральными странами были такими, какие возникают между великой военно-морской державой, намеревающейся разорить своего противника, и той большей частью мира, которая остается в мире и желает вести свою торговлю с как можно меньшими препятствиями. Всеми сторонами было признано, что воюющая сторона может обыскать нейтральное судно, чтобы убедиться, что оно не перевозит военную контрабанду, и что нейтральное судно, пытающееся зайти в блокированный порт, подвергает себя конфискации; но за пределами этих двух пунктов все было предметом спора. Датское судно доставляет груз вина от торговца из Бордо его агенту в Нью-Йорке. Может ли вино быть захвачено посреди Атлантики английским крейсером, что приведет к уничтожению датских торговых перевозок, или датский флаг предназначен для защиты французской собственности от Державы, чье военно-морское превосходство делает захват в открытом море главным средством нападения? Англия объявляет, что французский порт находится в состоянии блокады. Должно ли шведское судно, остановленное по пути в соответствующий порт,

считаться законным призом, когда, если бы оно достигло порта, фактически не обнаружило бы никакой реальной блокады? Российский груз пеньки, смолы и древесины перехватывается английским судном на пути в открытый порт Франции. Неужели основные продукты Российской империи потеряют свой рынок сбыта из-за военной контрабанды? Или английский военный корабль должен пропускать во Францию материалы, без которых ремонт французских военных судов был бы невозможен?

[Война между Англией и Северными морскими державами, январь 1801 г.]

Эти вопросы поднимались так же часто, как фирма судовладельцев в нейтральной стране видела, как их судно возвращается в порт без груза, или слышала, что оно стоит в Темзе в ожидании решения Адмиралтейского суда. Великобритания заявила о праве конфисковать все французское имущество, на каком бы судне оно ни плыло, и конфисковать в качестве военной контрабанды не только мушкеты, порох и пушки, но и пшеницу, от которой зависело снабжение армий, а также пеньку, смолу, железо и древесину, из которых формировались военно-морские силы ее противника. Нейтралы, с другой стороны, требовали, чтобы нейтральный флаг обеспечивал безопасный проход всем товарам на борту, не являющимся военной контрабандой; чтобы присутствие государственного судна в качестве конвоя освобождало торговых судов от досмотра; чтобы ни один порт не считался находящимся в состоянии блокады, если только перед ним не находились компетентные силы блокады; и чтобы военная контрабанда не включала никаких других припасов, кроме тех, которые непосредственно доступны для боя. Соображения разума и справедливости могут быть выдвинуты в поддержку любой возможной теории прав воюющих и нейтральных сторон; но теория каждой нации, по сути, была той, которая в то время соответствовала ее собственным интересам. Когда долгая эпоха мира приучила Великобританию к идее, что в будущей борьбе Европы ей, скорее всего, предстоит быть зрителем, чем воюющей стороной, Великобритания приняла теорию международного права нейтралов на Парижском конгрессе в 1856 году; но в 1801 году, когда уделом Англии, казалось, была вечная война, любое ограничение прав воюющей стороны казалось каждому английскому юристу противоречащим первым принципам разума. Лучше добавить всеобщую морскую войну к существующим трудностям страны, чем отказаться от использования своего военно-морского превосходства для нанесения ущерба торговле противника. Декларация вооруженного нейтралитета, объявляющая о намерении союзных держав оказать сопротивление захвату французских товаров на борту их собственных торговых судов, была воспринята в этой стране как объявление войны. Правительство наложило эмбарго на все суда нейтральных союзников, стоявшие в английских портах (14 января 1801 г.), и выпустило отряд каперов против торговых судов, направляющихся в Балтику. Переговоры не привели к снижению требований ни одной из сторон, и Англия приготовилась иметь дело с военно-морскими силами России, Дании, Швеции и Пруссии.

[Битва при Копенгагене, 2 апреля 1801 г.]

В настоящий момент сосредоточенная военно-морская мощь Англии делала ее более чем достойной соперницей для своих противников. Флот из семнадцати линейных кораблей отплыл из Ярмута 12 марта под командованием Паркера и Нельсона с приказом принудить датчан и предотвратить соединение флотов конфедерации. Флот достиг пролива. Шведские батареи, командовавшие проливом, не смогли открыть огонь. Нельсон держался восточной стороны ла-Манша и благополучно провел свои корабли сквозь шквал пуль, обрушивавшихся на них из

датских орудий в Эльсиноре. Он появился у Копенгагена в полдень 30 марта. Датчане готовились к сопротивлению с необычайным духом и решимостью. Все население Копенгагена добровольно записалось на службу на корабли, форты и плавучие батареи. Два дня англичане потратили на изучение отмелей ла-манша; утром 2 апреля Нельсон повел свои корабли в бой перед гаванью. Три из них сели на мель; огонь датчан с суши и моря был настолько яростным, что через несколько часов адмирал Паркер, наблюдавший за боем с середины ла-Манша, подал сигнал об отзыве. Нельсон рассмеялся в ответ на этот сигнал и продолжил сражение. Еще через час шесть датских военных кораблей и все плавучие батареи были выведены из строя или потоплены. Сами англичане больше всего пострадали от сопротивления, более умелого и решительного, чем все, что они испытывали со стороны французов, и Нельсон с радостью предложил перемирие, как только его собственная победа была обеспечена. За перемирием последовали переговоры, а за переговорами - перемирие на четырнадцать недель, срок, который Нельсон счел достаточным, чтобы позволить ему посетить Швецию и Россию и свергнуть их военно-морские силы.

[Убийство Павла, 23 марта.]

[Мир между Англией и Северными державами.]

Но уже произошло событие, более важное по своему влиянию на Северную Конфедерацию, чем сама битва при Копенгагене. В ночь на 23 марта русский царь был убит в своем дворце. Тираническая жестокость Павла и его каприз, граничащий с безумием, истощили терпение суда, не знавшего иного способа защиты, кроме убийства. Окровавленные руки принесли великому князю Александру корону, которую он согласился принять после мирного отречения. Александр немедленно изменил политику своего отца и направил дружественные послания как правительству в Лондоне, так и командующему британским флотом на Балтике. Поддержание торговли с Англией было на самом деле более важным для России, чем защита ее транзитной торговли. Нападение Нельсона было предотвращено. Между двумя правительствами был достигнут компромисс, который спас интересы России, не лишив Англию ее главных прав против Франции. Правительство Санкт-Петербурга отказалось от принципов Вооруженного нейтралитета в той мере, в какой они касались защиты товаров противника нейтральным флагом. Великобритания продолжала захватывать французские товары на борту любого судна, которое могло быть обнаружено; но было оговорено, что присутствие военного корабля должно освобождать нейтральные суда от досмотра каперами, и что ни один порт не должен рассматриваться как находящийся в состоянии блокады, если перед ним действительно не находятся разумные силы блокады. Товары, осужденные как контрабанда, были настолько ограничены, что не включали лен, пеньку и древесину, от экспорта которых зависела торговля России. Благодаря этим уступкам царя было легко заставить снова объявить Россию нейтральной. Второстепенные балтийские державы последовали примеру Санкт-Петербурга, и военно-морская конфедерация, которая угрожала изменить баланс сил в конфликте между Англией и Французской Республикой, оставила свой единственный след в незаслуженных страданиях Дании.

[Дела в Египте.]

Восемь лет войны сделали Францию неприступной в Западной Европе, а Англию господствующей на всех морях. Континентальные армии больше не могли быть созданы за счет британских субсидий: военно-морские силы Балтийского моря, с помощью которых Бонапарт

надеялся встретиться с Англией на море, пребывали в мире в своих портах. Египет теперь был единственной оставшейся ареной, где могли встретиться французские и английские бойцы, и распад Северной Конфедерации определил судьбу Египта, оставив Англии бесспорное господство над подходами к Египту по морю. Французская армия, тщетно ожидавшая подкрепления и атакованная турками с востока, оказалась в ловушке. Вскоре после отъезда Бонапарта из Александрии его преемник генерал Клебер направил Директории доклад, в котором описал плачевное состояние войск, которые Бонапарт предпочел оставить. Сообщение было перехвачено англичанами, и правительство немедленно решило не соглашаться ни на какую капитуляцию, которая не предусматривала бы сдачи всей французской армии в качестве военнопленных. Соответствующий приказ был направлен в Средиземное море. Однако до того, как приказ дошел до сэра Сиднея Смита, английского адмирала, сотрудничавшего с турками, им уже было подписано соглашение в Эль-Арише, предоставлявшее армии Клебера свободное возвращение во Францию (24 февраля 1800 г.). После того, как Клебер, выполняя условия договора, отвел свои войска с определенных позиций, сэр Сидней Смит оказался вынужден сообщить французскому генералу, что на переговорах в Эль-Арише он превысил свои полномочия и что британское правительство настаивало на капитуляции французских войск. Клебер ответил тем, что немедленно дал сражение туркам при Гелиополисе и обратил в бегство армию, в шесть раз превосходящую его собственную. Положение французов в Египте, казалось, укреплялось, а перспектива повторного завоевания Турцией становилась все более сомнительной, когда кинжал фанатика лишил французов их способного командира и передал командование генералу Мену, одному из очень немногих французских офицеров с явной неспособностью, которые оставались командующими в течение войны. Британское правительство, как только оно узнало о том, что произошло между Клебером и сэром Сиднеем Смитом, заявило о своем желании соблюдать Эль-Аришскую конвенцию. Однако французы отклонили это предложение. Было ясно, что турки никогда не смогут закончить войну самостоятельно, и британское министерство наконец пришло к пониманию того, что Египет должен быть вновь завоеван английским оружием.

[Английская армия высаживается в Египте, март 1801 г.]

[Французская капитуляция в Каире, 27 июня 1801 г.]

[И в Александрии, 30 августа.]

8 марта 1801 года корпус из 17 000 человек под предводительством сэра Ральфа Аберкромби высадился в бухте Абукир. Согласно плану британского правительства, наступление Аберкромби должно было поддерживаться турецким корпусом из Сирии и англо-индийской дивизией, переброшенной с Цейлона в Коссейр на Красном море. Турки и индийские войска, однако, отстали от своего времени, и Аберкромби начал кампанию в одиночку. В распоряжении Мену все еще оставалось 27 000 солдат. Если бы он выступил со всей своей армией из Каира, он мог бы уничтожить англичан сразу после их высадки. Вместо этого он позволил слабым разрозненным отрядам французов пасть перед численным превосходством. Англичане уже были уверены в победе, когда Мену выдвинулся с некоторыми силами, чтобы дать сражение перед Александрией. Решающее сражение состоялось 21 марта. Французы потерпели полное поражение. Мену, однако, по-прежнему отказывался концентрировать свои силы, и в течение нескольких недель 13 000 французских солдат, оставшихся в Каире, были отрезаны от связи с остальной армией. Серия попыток адмирала Гантема высадить подкрепление из Франции

закончилась безрезультатно. К концу июня прибытие турецких войск позволило англичанам окружить французов в Каире. Цепь укреплений была слишком велика, чтобы ее можно было успешно оборонять; с другой стороны, у англичан не было тяжелой артиллерии, необходимой для осады. В этих обстоятельствах условия, которые первоначально были предложены в Эль-Арише, были снова предложены генералу Бельяру для него самого и армии Каира. Они были приняты, и Каир был сдан англичанам при условии, что гарнизон будет отправлен обратно во Францию (27 июня). Вскоре после капитуляции генерал Бэрд достиг Нижнего Египта с англо-индийской дивизией. Мену с остатками французской армии был теперь заперт в Александрии. Его форты и внешние сооружения были последовательно взяты; его флотилия была уничтожена; и когда всякая надежда на поддержку со стороны Франции была оставлена, александрийская армия, составлявшая остаток войск, с которыми Бонапарт одержал свои первые победы в Италии, оказалась вынужденной сдать последний оплот французов в Египте (30 августа). Это был первый важный успех, одержанный английскими солдатами над войсками Республики; первая кампания, в которой английское полководчество позволило армии проявить себя в ее истинном качестве.

[Переговоры о мире.]

[Предварительные слушания в Лондоне, 1 октября 1801 г.]

[Амьенский мир, 27 марта 1802 г.]

Теперь мир был близок. Вскоре после того, как Люневильский мирный договор вывел Австрию из войны, между правительствами Великобритании и Франции начались неофициальные переговоры. Цель, с которой Питт вступил в войну, поддержание старой европейской системы против агрессии Франции, теперь рассматривалась как та, от которой Англия должна отказаться. Англия внесла свою лепту в защиту Континента. Если Континентальные державы больше не могли сопротивляться господству одного государства, Англия не могла бороться за баланс сил в одиночку. Переговоры 1801 года имели мало общего с переговорами 1796 года. Бельгия, на которую ложились все предыдущие депеши Питта, больше не фигурировала в качестве объекта раздора. Граница по Рейну с фактическим владением Голландией и Северной Италией под названием Батавской, Лигурийской и Цизальпинской республик была молчаливо передана Франции. Вместо восстановления Нидерландов участники переговоров 1801 года спорили о передаче Египта, Мальты и колоний, которые Великобритания отвоевала у Франции и ее союзников. События решили судьбу Египта. Франция настойчиво требовала возвращения Мальты рыцарям Святого Иоанна, и Англия не отказала ей. Двум правительствам было труднее всего прийти к согласию в отношении колониальных притязаний Франции. Великобритания, которая сама не потеряла ни одной территории, завоевала почти все азиатские и атлантические колонии Французской Республики и ее голландских и испанских союзников. В обмен на восстановление Цейлона, мыса Доброй Надежды, Гвианы, Тринидада и различных поселений в Восточной и Вест-Индии Франции нечего было предложить Великобритании, кроме мира. Однако, если должен был быть заключен мир, единственным возможным решением был компромисс; и в конце концов было решено, что Англия должна сохранить за собой Цейлон и Тринидад и вернуть остальные колонии, отнятые ею у Франции, Испании и Голландии. Предварительные условия мира, воплощающие эти условия, были подписаны в Лондоне 1 октября 1801 года. Военные действия прекратились; но интервал в несколько месяцев между предварительным соглашением и заключением окончательного договора был использован

Бонапартом для новых захватнических действий на Континенте, на которые он вынудил британское правительство дать своего рода санкцию на продолжение переговоров. Правительство, хотя и было недовольно, не желало рассматривать эти действия как новые поводы к войне. В конце концов конференции были завершены, и 27 марта 1802 года в Амьене был подписан окончательный договор между Францией и Великобританией. ^[90]

[Уход Питта на пенсию. Его причина.]

[Союз Ирландии и Великобритании, 1800 г.]

Министр, который с момента первого начала войны так решительно боролся за свободу Европы, уже не был у власти, когда Великобритания вступила в переговоры с Первым консулом. На той же неделе, когда Австрия подписала Люневильский мирный договор, Питт ушел в отставку. Катастрофа, распавшая его последний континентальный союз, возможно, и побудила Питта уступить место людям, которые могли бы относиться к миру с большей снисходительностью, чем он сам, но непосредственной причиной его отставки было дело внутренней политики. Среди немногих важных внутренних мер, которые Питт не принес в жертву иностранным войнам, был проект Законодательного союза Великобритании и Ирландии. До этого времени Ирландия обладала парламентом, номинально независимым от парламента Великобритании. Его население, однако, было слишком сильно разделено, чтобы создать действительно национальное правительство; и, даже если бы внутренние условия в стране были лучше, практический суверенитет Великобритании должен был в то время помешать Дублинскому парламенту стать чем-то большим, чем органом министерской коррупции. Это было желание Питта дать Ирландии вместо фиктивной независимости то реальное участие в политической жизни Великобритании, которое с лихвой компенсировало Шотландии и Уэльсу потерю отдельного гражданства. В качестве залога законодательной справедливости Питт дал надежду лидерам ирландской католической партии на то, что ограничения, которые исключали католиков из Палаты общин и со многих должностей на государственной службе, больше не будут сохраняться. Исходя из этого понимания, католики Ирландии воздержались от оказания проекту Питта сопротивления, которое, вероятно, привело бы к его провалу. Большинство депутатов протестантского парламента Дублина согласились с ценой, предложенной Министерством за их голоса. Серия резолюций в пользу Законодательного союза двух стран была передана Англии весной 1800 года; английский парламент принял Акт об объединении тем же летом; и первый Объединенный парламент Великобритании и Ирландии собрался в Лондоне в начале 1801 года.

[Питт желает эмансипировать католиков.]

[Питт уходит в отставку в феврале 1801 г.]

[Министр Аддингтона.]

Теперь Питт был готов выполнить свое виртуальное обещание ирландским католикам. Мера, стирающая древние черты гражданской и религиозной вражды и призывающая к общественной жизни класс, к которому до сих пор относились как к чуждому и враждебному государству, была бы в полном соответствии со всем лучшим, что было в государственной мудрости самого Питта. Но невежественный фанатизм короля Георга III. был возбужден против него людьми, которые ненавидели любой акт справедливости или терпимости по отношению к римским католикам; и это оказалось более сильным, чем гений министра. Старая угроза личной

неприязни короля была публично адресована коллеге Питта Дандасу, когда в кабинете министров обсуждалось предложение об эмансипации католиков; и, справедливо заботясь о собственном достоинстве, Питт ушел в отставку (5 февраля 1801 г.), не в силах повлиять на Монарха, который считал, что его душа поставлена на карту в соответствии с буквой Коронационной клятвы. Самые способные члены правительства Питта, Гренвилл, Дандас и Уиндхэм, ушли в отставку вместе со своим лидером. Аддингтон, спикер Палаты общин, стал премьер-министром, а его коллеги были такими же ничем не примечательными, как и он сам. Именно при правительстве Аддингтона были начаты переговоры, результатом которых стало подписание Предварительных условий мира в октябре 1801 года.

[Мир 1801 года.]

Сам Питт поддерживал новое министерство в их политике мира; Гренвилл, в последнее время министр иностранных дел Питта, беспощадно осудил как уступку завоеванных колоний, так и политику предоставления Франции мира на любых условиях. Рассматриваемый в свете наших собственных знаний о событиях, Мир 1801 года кажется не более чем невыгодным перерывом в неизбежной войне; и, возможно, даже тогда признаки честолюбия Бонапарта оправдывали тех, кто, подобно Гренвиллу, убеждал нацию не давать Франции перемирия и полагаться на собственную несправедливость Бонапарта, чтобы привлечь к нам союзников на Континенте. Но на данный момент казалось, что мир, по крайней мере, стоит судебного разбирательства. Способы ведения наступательной войны были исчерпаны; расходы на национальную оборону остались прежними. Не было больше военно-морских сил, которые нужно было уничтожать, не было больше колоний, которые нужно было захватывать; единственным средством нанести ущерб врагу была блокада его портов и лишение его морской торговли. С другой стороны, возможность французского вторжения требовала содержания огромной армии и ополчения в Англии и препятствовала сколько-нибудь значительному сокращению военных расходов, которые уже добавили двести миллионов к национальному долгу. В результате заключения мира ничего не было потеряно, за исключением определенных колоний и военных позиций, которые мало кто стремился сохранить. Аргумент о том, что Англия может в любой момент вернуть то, что она сейчас сдала, действительно был гораздо более веским, чем большинство тех, которые доказывали, что рассматриваемые позиции не приносят реальной пользы. Однако даже в последнем вопросе не было недостатка в высоком авторитете. Сам Нельсон заверил Палату лордов, что ни Мальта, ни мыс Доброй Надежды никогда не смогут иметь значения для Великобритании. ^[91] Перед лицом таких показаний люди, которые сетовали на то, что Англия должна позволить противнику восстановить утраченные позиции в разгар борьбы не на жизнь, а на смерть, сошли за упрямых фанатиков. Законодательный орган отражал общее настроение нации, и политика правительства была подтверждена в палатах лордов и палате общин большинством десять к одному.

[Агрессия Бонапарта во время континентального мира.]

[Голландия, сентябрь 1801 г.]

Хотя министерство Аддингтона действовало энергично как в Египте, так и на Балтике, в целом считалось, что отставка Питта знаменовала отказ от той решительной политики, которой Англия руководствовалась с 1793 года. Когда в Лондоне были подписаны Предварительные условия мира, Бонапарт справедливо рассудил, что Аддингтон скорее откажется от многих справедливых причин для недовольства, чем прекратит переговоры, которые должны были

превратить Предварительные условия в окончательный договор. Соответственно, в своих инструкциях Жозефу Бонапарту, который представлял Францию на конференциях, состоявшихся в Амьене, Первый консул написал через Талейрана следующее: "Вам запрещается делать какие-либо предложения, касающиеся короля Сардинии, или штатгальтера, или внутренних дел Батавии, Гельвеции или Итальянской Республики. Ни одна из этих тем не имеет ничего общего с обсуждениями Англии ". Список тем, исключенных из рассмотрения Англией, представлял собой список агрессий, которыми Бонапарт намеревался заполнить период континентального мира. По Люневильскому мирному договору независимость новообразованных республик Голландии, Швейцарии и Италии была признана Францией. Возвращение Пьемонта Савойскому дому было условием, на котором царь заключил мир. Но по каждому из этих пунктов обязательства Франции были взяты только для того, чтобы быть разорванными. Люневильский мир был далек от того, чтобы принести независимость республикам-сателлитам Франции, и был всего лишь началом ряда изменений, которые привели эти государства непосредственно в руки Первого консула. Установление абсолютного правления в самой Франции повлекло за собой соответствующие изменения в каждой из ее зависимых стран и создание исполнительной власти, которая должна была выполнять приказы Первого консула с таким же минимумом вопросов, как префект французского департамента. Голландия получила свою новую конституцию, когда Франция все еще находилась в состоянии войны с Англией. Существующее правительство и законодательный орган Батавской республики были распущены (сентябрь 1801 г.) и заменены советом из двенадцати человек, каждый из которых по очереди занимал должность президента в течение трех месяцев, и законодательным органом из тридцати пяти человек, который заседал всего несколько дней в году. Власти, данной новому президенту во время его пребывания в должности, было достаточно, но не более чем достаточно, чтобы сделать его эффективным слугой: трехмесячный министр и Собрание, которое собиралось и расходилось по команде, вряд ли могли вступить в серьезное соперничество с Первым консулом. Голландцы мирно приняли конституцию, навязанную им таким образом; у них не было средств сопротивления, и их дела не вызвали особого интереса на Континенте.

[Бонапарт стал президентом Итальянской Республики в январе 1802 г.]

[Пьемонт присоединен к Франции в сентябре 1802 г.]

Гораздо более поразительной была революция, совершенная Первым консулом. В соответствии с приказами, отправленными из Парижа Законодательному собранию Цизальпинской Республики, группа из четырехсот пятидесяти итальянских представителей пересекла Альпы в середине зимы, чтобы встретиться с Первым консулом в Лионе и обсудить конституцию для Цизальпинской республики. На самом деле конституция была составлена Талейраном и отправлена в законодательное собрание Милана несколько месяцев назад. Но не ради Италии ее представители были собраны в Лионе в присутствии Первого консула со всей национальной торжественностью. Это было самое поразительное почтение, которого Бонапарт мог добиться от иностранной расы перед лицом всей Франции; это было свидетельством того, что другие страны, помимо Франции, желали, чтобы Бонапарт был их сувереном. Когда все второстепенные должности в новой конституции Цизальпии были заполнены, итальянцы узнали, что истинной целью созыва было передать скипетр в руки Бонапарта. Они приняли роль, которую оказались вынуждены играть, и предложили Первому консулу пост президента Цизальпинского государства (25 января 1802 г.). В отличие от французского консульства, срок

полномочий главной магистратуры в новой конституции Цизальпии может быть продлен более чем на десять лет. Бонапарт практически завоевал корону Ломбардии; и он подал Франции пример подчинения, более безоговорочного, чем ее собственное. Одна фраза вознаградила людей, которые таким образом отдали себя в его руки. Цизальпинской республике было разрешено принять название Итальянской Республики. Новое название указывало на национальные надежды, возникшие в Италии за последние десять лет; оно указывало на отсутствие реального желания со стороны Бонапарта сформировать свободную или объединенную итальянскую нацию. В самом Цизальпинском государстве, хотя хорошее управление и упразднение феодальных привилегий сделали правительство Бонапарта приемлемым, патриоты, просившие свободы, рисковали быть изгнанными или заключенными. То дальнейшее влияние, которое Франция оказывала на итальянской земле, не было использовано для консолидации Италии. Тоскана была пожалована Бонапартом испанскому принцу Пармскому и контролировалась агентами Первого консула. Пьемонт, которым долгое время управляли французские генералы, наконец был окончательно присоединен к Франции.

[Интервенция в Швейцарию.]

[Посредник Бонапарта в Гельветической лиге, 4 октября 1802 г.]

Швейцария, подобно Цизальпинской республике, не получила свою свободу в результате побед французских армий, и Бонапарт не мог претендовать на пост президента Гельветического государства под титулом его основателя. Однако борьба швейцарских партий отдала страну на милость Франции. После изгнания австрийцев Массеной в 1799 году антагонизм между демократами города и федералистами Лесных кантонов вспыхнул с новой силой. Французская армия все еще оккупировала Швейцарию; министр первого консула получил инструкции вмешиваться во все партии и не объединять ни одну. Осенью 1801 года федералистам было разрешено распустить центральное правительство Гельветии, которое было создано Директорией в 1798 году. Одно изменение следовало за другим, пока 19 мая 1802 года не была провозглашена вторая Конституция, основанная, как и конституция 1798 года, на централизующих и демократических принципах и почти уничтожившая старую местную независимость членов Швейцарской лиги. Как только французские партизаны создали эту Конституцию, которую можно было сохранить только силой, несмотря на враждебность Берна и Лесных кантонов, французская армия покинула Швейцарию. Мгновенно вспыхнула гражданская война, и в течение нескольких недель правительство, созданное французами, потеряло всю Швейцарию, за исключением земель Во. Это был кризис, которого ждал Бонапарт. 4 октября в Лозанне появилась прокламация, в которой объявлялось, что Первый консул принял должность посредника от Гельветической лиги. Французская армия вошла в Швейцарию. Пятьдесят шесть депутатов от кантонов были вызваны в Париж; и в начале 1803 года новая конституция, которая оставила центральное правительство бессильным в руках Франции и свела национальный суверенитет к кантональному самоуправлению, поставила Швейцарию на один уровень с Батавией и цизальпинскими владениями Бонапарта. Долина Роны с горами, пересеченными новой дорогой через Симплон, была преобразована в отдельную республику под названием Ла-Вале. Новый главный судья Гельветической конфедерации вступил в должность с пенсией, выплачиваемой из фонда тайной полиции Бонапарта.

[Заселение Германии.]

Такова была природа независимости, которую Люневильский мир предоставил Голландии, Северной Италии и Швейцарии. Реорганизация Германии, которая была предусмотрена тем же договором, затронула более широкие интересы и оставила более стойкий след в европейской истории. В провинциях, отошедших к Франции, лежали территории древних церковных князей империи, курфюрстов Майнца, Кельна и Трева; но, помимо этих духовных суверенов, различные светские властители, начиная от курфюрста Палатинского с 600 000 подданных и заканчивая князем Видрункельским с единственной деревней, владели территорией на левом берегу Рейна; и для обездоленных мирских князей теперь должны были образоваться новые территории путем разрушения других церковных государств во внутренней части Германии. Дела вернулись к тому состоянию, в котором они находились в 1798 году, и комедия Раштадта была возобновлена с того места, где она была прервана: единственная разница заключалась в том, что французские государственные деятели, контролировавшие раздел церковной Германии, теперь остались в Париже, вместо того чтобы отправиться к Рейну, рискуя быть убитыми австрийскими гусарами. Едва был подписан Люневильский мирный договор, как вся компания интриганов, которые расхваливали себя в Раштадте, отправилась во французскую столицу со своими картами и мешками с деньгами, с еще большим рвением принявшись за работу, когда стало известно, что по общему согласию Свободные города Империи теперь должны быть разграблены. У Талейрана и его доверенного лица Матье не было повода просить взятки или добиваться должности арбитра в Германии. Они были завалены просьбами. Степенные дипломаты старой школы с трудом поднимались по четырем лестничным пролетам в кабинет нуждающегося секретаря или танцевали на вечеринках у остроумного министра. Они обнимали пуделя Талейрана; они наперебой добивались улыбки от ребенка, которого он воспитывал в своем доме. ^[92] Более проницательные из них подкрепили свое внимание выгодными сделками и сделали своей главной заботой то, чтобы не быть перекупленными на аукционе. Таким образом, игра продолжалась до тех пор, пока на рынке существовало епископство или город.

Таков был реальный процесс реорганизации Германии. Притворный закон был тем временем принят Ратисбонским сеймом. Сейм совещался в течение всего лета 1801 года, не придя ни к одному решению. Даже внезапное изменение политики России, последовавшее за смертью императора Павла и лишившее Бонапарта поддержки Северной морской лиги, не смогло побудить германские державы к совместным действиям. Старый антагонизм Австрии и Пруссии парализовал работу сейма. Австрия требовала от Германии компенсации за свергнутого великого герцога Тосканского; Пруссия стремилась распространить свое влияние на Южную Германию путем аннексии Вюрцбурга и Бамберга. Таким образом, лето 1801 года было потеряно в бесконечных дебатах, пока Бонапарт не восстановил влияние на Россию, которое он имел до смерти Павла, и, наконец, освободился от всех ограничений, заключив мир с Англией.

[Немецкая политика Бонапарта.]

Ни одна часть дипломатии Бонапарта не была более умело продумана и с большей вероятностью не привела к созданию постоянной империи, чем та, которая затронула второстепенные государства Германии. Соперничество Австрии и Пруссии, страх австрийской агрессии, ощущавшийся в Баварии, гротескные амбиции мелких суверенов Бадена и Вюртембурга - все это было понято и учтено в политике, которая с этого времени формировала французский протекторат за Рейном. Бонапарт намеревался предоставить Пруссии такое увеличение территории на Балтике, которое должно было уравновесить могущество Австрии; и

для этой цели он был готов пожертвовать Ганновером или Мекленбургом; но он запретил расширение Пруссии на юг. Австрия, пока еще далекая от завоевания новых территорий в Баварии, должна была быть лишена своих собственных отдаленных владений в Западной Германии и лишена всякого влияния в этом регионе. Бавария, зависевшая от защиты Франции от Австрии, должна была быть значительно усилена. Баден и Вюртемберг, обогатившиеся за счет добычи маленьких суверенитетов, епископств и Вольных городов, должны были рассчитывать на дальнейшее возвышение Франции. Таким образом, в то время как две соперничающие державы уравнивали друг друга на Балтике и Нижнем Дунае, государи центральной и западной Германии, обязанные всем Могуществу, которое смирило Австрию, нашли бы в подчинении Франции наилучшую гарантию для своих собственных завоеваний и лучшую защиту от своих более могущественных соседей.

[Договор между Францией и Россией о совместных действиях в Германии, 11 октября 1801 г.]

Только одно условие могло сорвать политику, отвечающую столь многим интересам, а именно наличие национальных чувств среди самих немцев. Но народы Германии так же мало заботились об Отечестве, как и их князья. Для жителей Гессена и баварии, находившихся в центре империи, Германия была едва ли чем-то большим, чем для швейцарцев или голландцев, покинувших Империю столетия назад. Жители Рейнских провинций некоторое время роптали на грабительское правление Директории; но их отделение от Германии и присоединение к иностранной расе не вызывали ни малейшего патриотического сожаления; и после установления лучшего порядка вещей при консульстве присоединение к Франции, по-видимому, стало весьма популярным. ^[93] Среди расы, представителей которой таким образом можно было фактически завоевать и аннексировать, не нанося насилия их чувствам, Бонапарту не составило труда найти добровольных союзников. Пока в сейме тянулись дебаты об устройстве империи, малые государства продолжали свои сделки с французским правительством; и 14 августа 1801 года Бавария подписала первый из тех договоров, которые сделали Первого консула покровителем Западной Германии. Два месяца спустя секретный договор между Францией и Россией позволил новому царю Александру принять участие в реорганизации империи. Правительства Парижа и Санкт-Петербурга обязались действовать сообща с целью поддержания равновесия между Австрией и Пруссией; и царь далее предусмотрел продвижение своих собственных родственников, суверенов Баварии, Бадена и Вюртемберга. Родство этих мелких князьков с русской семьей позволило Бонапарту представить царю в качестве изящной уступки ту самую меру, которая самым важным образом укрепила его собственную власть в Германии. Вмешательство Александра сделало сопротивление Австрии безнадежным. Один за другим немецкие монархи договаривались со своими покровителями о доле в добыче; и 3 июня 1802 года секретное соглашение между Францией и Россией воплотило в себе все эти договоренности и передало в распоряжение почти всех Вольных городов и всей церковной территории империи.

[Ратисбонская диета соответствует французской схеме.]

[Конец германских церковных государств и сорока пяти вольных городов, март 1803 г.]

Когда иностранцы таким образом все уладили, Комитет, которому ратисбонский сейм поручил работу по реорганизации, начал свои заседания при содействии французского и русского представителей. План, который был согласован между Францией и Россией, был приведен в исполнение в полном объеме; и, несмотря на гнев и угрозы Австрии, он был принят Комитетом с

не большей задержкой, чем это было неотделимо от всего, что связано с германскими делами. Комитет представил Схему Сейму: сейм лишь размышлял о способах принятия Схемы без нарушения тех формальностей, которые были дыханием его жизни. Предлагаемое уничтожение всех Церковных государств и сорока пяти из пятидесяти Вольных городов уничтожило бы треть членов самого Сейма. Если бы этим несчастным органам было разрешено проголосовать по этой мере, их голоса могли бы привести к ее отклонению: в случае несогласия их отсутствие подорвало бы действительность резолюции. Шедевром добросовестного педантизма было решено, что обреченные прелаты и города должны быть должным образом призваны к голосованию по очереди, и что при упоминании каждого имени офицер должен ответить "отсутствует". Таким образом, верная своим формальностям, Империя проголосовала за отмену своей древней Конституции; и суверенитет Духовенства и Вольных городов, просуществовавший столько веков, исчез из Европы (март 1803 г.). ^[94]

[Влияние на Германию.]

Потери были действительно невелики. Внутреннее состояние районов, управляемых священниками, в целом было плачевным; тяжелое невежество, нищета и нетерпимость превратили жизнь в грубую и унылую инертность. За исключением своего покровительства музыке, церковные князья, возможно, не оказали Германии ни единой услуги. Вольные города, как правило, погрязли в долгах; управление их делами стало прерогативой нескольких юристов и привилегированных семей. Для Германии, как для нации, уничтожение этих мелких суверенитетов было не только преимуществом, но и абсолютной необходимостью. Порядок, которым они были заменены, не был разработан в интересах самой Германии; однако даже в условиях, навязанных иностранцами, Германия получила центры, из которых институты современной политической жизни проникли в регионы, где еще не была известна никакая государственная власть, кроме двора епископа или феодальных чиновников поместья. ^[95] В результате подавления Церковных государств в сейме было создано протестантское большинство. Перемена свидетельствовала об упадке австрийской и католической энергии за прошедшее столетие; она едва ли указывала на будущее превосходство протестантского соперника Австрии; ибо реальные интересы Германии были лишь слабо обозначены в сейме, и лидерство расы все еще было открыто для Власти, которая должна была наиболее искренне отождествлять себя с немецкой нацией. Первым результатом изменившегося характера сейма стала конфискация всей земельной собственности, принадлежащей религиозным или благотворительным организациям, даже там, где они никогда не выдвигали ни малейших претензий на политическую независимость. Сейм объявил, что вся земля, принадлежащая Германии благочестивым фондам, находится в распоряжении правительств для целей религии, образования и финансовой помощи. Наиболее нуждающиеся суды немедленно ухватились за столь желанную возможность увеличить свои доходы. Германия ничего не потеряла от роспуска нескольких сотен монастырей; ликвидация больниц и обнищание университетов были сомнительной выгодой. Из-за разрушения Церковных государств и конфискации церковных земель поддержка армии священников была направлена против государственных доходов. Курфюрст Кельна, который был равнодушным гражданским правителем, стал очень преуспевающим священнослужителем с доходом в 20 000 фунтов стерлингов в год. Всем членам присоединенных или выведенных из подчинения заведений, вплоть до послушников и ризничих, были начислены ежегодные выплаты, равные по стоимости тому, что они потеряли. Но в неразберихе, вызванной войной, средства для удовлетворения этих требований появлялись не всегда; и церковная революция, столь благотворная в целом для общественных

интересов, не обошлась без серьезных и незаслуженных индивидуальных страданий.

[Правительства в Германии становятся более абсолютными и регулярными.]

[Бавария. Реформы Монтгеласа.]

[Подавление рыцарей.]

Движение 1803 года положило конец порядку вещей, более любопытному как пережиток смешанной религиозной и политической формы Священной Римской империи, чем важному в реальном состоянии Европы. Светская власть, ныне утраченная Церковью в Германии, находилась в таких вялых руках, что ее эффект был едва заметен, если не считать более плотных предрассудков и более праздной жизни, чем при других правительствах. Первым следствием его падения стало то, что значительная часть Германии, которая до сих пор вообще не имела политической организации, получила преимущества регулярной системы налогообложения, полиции, гражданского и уголовного правосудия. Правительства, пришедшие к власти за счет Церкви, хотя и были суровыми и деспотичными, обычно не испытывали недостатка в любви к порядку и единообразию. Должностные лица государства действовали по установленному закону, в то время как обычаи и привилегии до сих пор были единственным правилом. Должности перестали покупаться или передаваться по наследству; профессии были открыты; крестьянин был освобожден от самого тяжелого феодального бремени. Среди вновь объединившихся государств Бавария была тем, где реформаторский импульс того времени принял наиболее сильную форму. Новая династия, родившаяся к западу от Рейна, принесла нечто от духа французского либерализма в страну, до сих пор не имевшую себе равных в Западной Европе по своему невежеству и фанатизму. ^[96] Министр Монтжелас, политик французского просвещения, вступил в тот же крестовый поход против феодальных и церковных беспорядков, который Жозеф начал в Австрии двадцать лет назад. Его меры по подчинению духовенства закону и лишению Церкви контроля над образованием были почти идентичны тем, которые в 1790 году привели к восстанию в Бельгии; и баварские землевладельцы теперь бессознательно воспроизводили все средневековые банальности Лувенского университета. Монтжелас организовывал и уравнивал людей с безжалостным здравым смыслом. Среди его жертв был класс, который избежал уничтожения в результате недавних изменений. Рыцари Империи с их деревенской юрисдикцией все еще существовали юридически; но Монтжеласу такой класс казался просто абсурдом, и он послал своих солдат разогнать их дворы и конфисковать их пошлыны. Громкие стенания обрушились на императора в Вене. Если свергнутые епископы оплакивали приближающееся угасание христианства в Европе, рыцари столь же убедительно сожалели о конце рыцарства. Рыцарская честь, ныне сметенная с лица земли, оказалась истинной душой немецкой национальности, невидимой опорой имперского трона. На мгновение вмешательство императора заставило Монтгеласа оторваться от священных рент и заставных столбов; но грозная буря миновала, и примеру Баварии постепенно последовали соседние дворы.

[Штейн и герцог Нассау.]

[Нападение Штейна на младших принцев.]

Жертвами рыцарей стали слабые и непатриотичные принцы, обогатившиеся за счет французов. Среди рыцарей, ограбленных таким образом герцогом Нассауским, был Риттер фом Штайн, дворянин, поступивший на прусскую службу в царствование Фридриха Великого и недавно

получивший высокий пост в недавно приобретенной провинции Мюнстер. Штейн был хорошо знаком с преимуществами систематического правления; потеря его родной приходской юрисдикции не была серьезной проблемой для человека, который стал властью в Пруссии; и хотя в негодовании Штейна была своя доля внутренней гордости, протест, опубликованный им теперь против агрессии герцога Нассауского, звучал иначе, чем протест его ордена в целом. То, что десятки фермеров должны были платить свои взносы и снимать шляпы перед офицером герцога Нассауского, а не перед судебным исполнителем "Риттер фом Штайн", не вызывало глубоких чувств в Европе; но то, что консолидация Германии должна осуществляться в интересах французских наемников, а не в интересах немецкого народа, было справедливо воспринято Штайном как предмет патриотического гнева. В своем письме ^[97] герцогу Нассаускому Штайн упрекал своего собственного грабителя и все племя мелких князьков в той измене немецким интересам, которая принесла им защиту иностранца. Он утверждал, что рыцари были гораздо менее важным препятствием для единства Германии, чем те самые князья, которым рыцари были принесены в жертву; и он вспоминал тот далекий день, который должен был дать Германии настоящее национальное единство, как рыцарей, так и принцев, под руководством единого патриотически настроенного монарха. Призыв Штейна не нашел особого отклика среди его современников. Подобно трезвеннику среди пьяниц, он едва ли отличался рациональностью. Простая концепция нации, жертвующей своим внутренним соперничеством, чтобы предотвратить иностранное правление, была безумием для политиков, которые всю свою жизнь перехитряли друг друга в Вене или Берлине или которые только что стали влиятельными людьми в Европе благодаря покровительству Бонапарта. Тем не менее, если годы невыносимых страданий были необходимы, прежде чем какая-либо крупная партия в Германии воспрянула к идее объединения Германии, то теперь, по крайней мере, была заложена основа. Перемены, последовавшие за Люневильским миром, нанесли смертельный удар неподвижности и рутинности Германии. Империя прекратила свое существование во всем, кроме названия. Перемены и реконструирование в той или иной форме стали привычными для умов всех людей; и по крайней мере один настоящий государственный деятель уже начал усваивать урок, который последующие события должны были преподать остальной немецкой расе.

[Франция, 1801-1804.]

[Гражданский кодекс.]

Четыре года мира отделяли Люневильский мирный договор от следующей вспышки войны между Францией и любой континентальной державой. Это были годы расширения французского влияния во всех соседних государствах; в самой Франции - годы укрепления власти Бонапарта и упадка всего, что препятствовало его личному правлению. Законодательные органы опустились до того ничтожества, для которого они были созданы; все, что имело видимость силы, обязано было своей мощью личной поддержке Первого консула. Среди институтов, относящихся к этому периоду, два, в равной степени связанные с именем Наполеона, заняли видное место в истории: Гражданский кодекс и Конкордат. С середины XVIII века кодификацией права с большим или меньшим успехом занимались почти все правительства Европы. Во Франции Учредительное собрание 1789 года распорядилось привести в систематическую форму статуты, которыми оно заменило старое разнообразие местных обычаев. Комитет Конвента завершил разработку проекта Гражданского кодекса. Директория, в свою очередь, назначила Комиссию; но проект все еще оставался невыполненным, когда Директория была отстранена от власти. Бонапарт инстинктивно взялся

за дело, столь соответствующее его собственному систематизирующему духу, и стимулировал усилия лучших юристов Франции своим личным интересом и гордостью за работу законодательства. Комиссия юристов, назначенная Первым консулом, представила Государственному совету последовательные главы Гражданского кодекса. В дискуссиях в Государственном совете сам Бонапарт принимал активное, хотя и не всегда благотворное, участие. Проект каждой главы, после того как он покидал Государственный совет, представлялся в качестве проекта Закона Трибунату и Законодательному органу. На мгновение свободное выражение мнений в трибунате заставило Бонапарта приостановить свою работу в нетерпеливой ревности. Трибунал, однако, вскоре был вынужден замолчать, и в марте 1804 года Франция получила Кодекс, который с того времени и по настоящее время составляет основу ее гражданских прав.

[Наполеон как законодатель.]

Когда Наполеон заявил, что желает, чтобы его слава покоилась на Гражданском кодексе, он продемонстрировал свое понимание власти, которую имена оказывают на человечество. Вполне вероятно, что большинство жителей Западной Европы верят, что Наполеон на самом деле изобрел законы, носящие его имя. На самом деле суть этих законов была установлена последовательными Собраниями Революции; и в окончательной редакции, которая привела к созданию Гражданского кодекса, Наполеон, по-видимому, исходил не от кого иного, как от нескольких членов своего Совета, имена которых давно забыты. Он, несомненно, имеет право на почет великого законодателя, однако не как тот, кто, подобно Солону или Магомету, сам создал новый свод законов, а как тот, кто наиболее энергично проводил работу по консолидации и популяризации права с помощью всех опытных и научных умов, ресурсы которых были в его распоряжении. Несмотря на некоторые недостатки, Гражданский кодекс, благодаря своей краткости, простоте и справедливости, позволил Наполеону установить новый и несравненно лучший социальный порядок в каждой стране, которая стала частью его Империи. Четыре других Кодекса, появившиеся с интервалом между 1804 и 1810 годами, воплощали в соответствующей форме Коммерческое право, Уголовное право и Нормы гражданского и уголовного процесса. ^[98] Все это остается памятником юридической энергии периода, начавшегося в 1789 году, и той проницательности, с которой Наполеон связал со своим собственным правлением всю науку и реформаторское рвение юристов своего времени.

[Конкордат.]

[Конкордат уничтожает Свободную Церковь.]

Гораздо более отчетливым результатом работы собственного разума Наполеона было примирение с Римской церковью, осуществленное Конкордатом. Это было восстановление религии, подобное тому восстановлению политического порядка, которое сделало государственную службу двигателем единой воли. Епископы и священники, чьи назначения Конкордат передал от их конгрегаций правительству, были такими же инструментами Первого консула, как его префекты и его жандармы. Духовные потребности общества, жажда бедных к религиозному утешению стали предлогом для введения новой теологической полиции. Но на самом деле положение католической церкви во Франции на момент открытия консульства было ничуть не хуже, чем ее нынешнее положение в Ирландии. Республика действительно подвергала священников, не являющихся юрист-ми, самым суровым наказаниям, но отправление христианского богослужения, которое даже во времена террора прерывалось

только местным и индивидуальным фанатизмом, давно уже находилось под защитой закона, и только богослужения на открытом воздухе были запрещены. ^[99] С 1795 года местные власти были вынуждены допускать религиозные общества своего округа к использованию церковных зданий. Хотя государственный переворот Фруктидора 1797 года возобновил преследование священников, не являющихся юристами, он никоим образом не остановил деятельность Конституционной церкви, теперь свободной от всякой связи с Гражданским правительством. В то время как священники, не участвующие в судебном процессе, сосланные как политические преступники или театрально поклоняющиеся священным элементам в лесу, делали вид, что эпоха мучеников вернулась во Францию, конституционная Церковь, служащая в 4000 приходах, непривилегированная, но не притесняемая государством, обеспечила нацию серьезным и респектабельным духовенством. ^[100] Но в глазах Первого консула все, что оставалось добровольному объединению, было настолько утрачено центральной властью. По закону природы крестьяне должны подчиняться священникам, священники должны подчиняться епископам, а епископы должны подчиняться Первому консулу. Союз с папой римским предлагал Бонапарту средство заменить популярную организацию Конституционной Церкви внушительной иерархией, жесткой в своей ортодоксальности и беспрекословной в своей преданности самому себе. В обмен на освящение своего собственного правления Бонапарт не постеснялся пригласить папу к осуществлению такой власти, на которую Святой Престол никогда даже не претендовал во Франции. Все существующие французские епископы, как изгнанные, не являющиеся присяжными заседателями, так и принадлежащие к Конституционной Церкви, были призваны передать свои кафедры в руки папы; понтифик вынес приговор о низложении всех, кто отказался это сделать, без единого слова в защиту или тени предполагаемой вины. Кафедры были реорганизованы и заполнены выдвиженцами Первого консула. Положение значительной части духовенства существенно изменилось в его отношении к епископам. Епископальная власть была превращена в деспотию, как и всякая другая власть во Франции: тысячи священнослужителей, до сих пор обеспеченных в своей жизни, были предоставлены в распоряжение своего епископа и подлежали перемещению по желанию своего настоятеля с места на место. Конституционная Церковь исчезла, но религия, по-видимому, пользовалась уважением, став частью государства.

[Приводит к ультрамонтанизму.]

Своим непосредственным действием наполеоновская церковь послужила цели, для которой она была предназначена. В течение нескольких лет духовенство неустанно проповедовало, молилось и катехизировало во славу своего восстановителя. В великом цикле религиозных перемен Конкордат Бонапарта предстает в другом свете. Какой бы малоценной она ни была в то время, это была величайшая, самая важная победа, которую Римский престол когда-либо одерживал над более просвещенными и более национальными элементами Католической церкви. Это превратило католицизм Франции из веры, уже гораздо более независимой, чем вера Фенелона и Боссюэ, в католицизм, который в наши дни превзошел фанатизм Испании и Австрии, приняв догму папской непогрешимости. Низшее духовенство, обреченное государством на невыносимое подчинение, вскоре нашло свою единственную надежду в обращении к Риму и инстинктивно действовало как эмиссары Римского престола. Епископы, которые были обязаны своим назначением беспрецедентному проявлению папской власти и уничтожению религиозной независимости во Франции, были не теми людьми, которые могли продолжать борьбу с папством за древние галликанские свободы. В сопротивлении папству, которое в большей или меньшей степени поддерживалось континентальными Церквями в

течение восемнадцатого века, Франция в целом принимала наиболее действенное участие; но со времени, когда Конкордат разрушил как древнюю, так и революционную Церковную систему Франции, галликанская традиция прошлого стала такой же бессильной среди французского духовенства, как и философский либерализм Революции.

[То же самое происходит и с немецкими изменениями.]

В Германии разрушение светской власти Церкви в равной степени вело к ультрамонтанству. Архиепископ Кельнский, управлявший полумиллионом подданных, с меньшей вероятностью пал бы ниц перед папским престолом, чем архиепископ Кельнский, который был всего лишь одним из целого полка церковников. Духовные избиратели и князья, потерявшие свои владения в 1801 году, понимали под интересами своего ордена нечто более осязаемое, чем свод доктрин. Когда они не были враждебны папству, они обычно относились к нему с безразличием. Концепция католического общества, подвергающегося преследованиям со стороны государства из-за его преданности Риму, никогда не приходила в голову немецким священнослужителям в восемнадцатом веке. Без изменений, произведенных в Германии Люневильским мирным договором, без Конкордата Бонапарта католическая ортодоксальность никогда бы не стала идентична ультрамонтанству. В этом отношении первые годы нынешнего столетия знаменуют собой поворотный момент в отношении Церкви к современной жизни. Уже сейчас на смену старым монархическим правительствам, дружественным в целом католической церкви, события готовили почву для того изменившегося порядка, которым, похоже, суждено завершиться столетию, - эмансипированной Франции, свободной Италии, светской, дисциплинированной государством Германии и Церкви в заговоре против них всех.

ГЛАВА VI.

Англия претендует на Мальту-Возобновление войны-Бонапарт оккупирует Ганновер и блокирует Эльбу-Протесты Пруссии-Заговор Кадудалья-Убийство герцога Энгиенского-Император Наполеон-Коалиция 1805 года-Пруссия держится в стороне-Состояние Австрии-Провал попытки Наполеона добиться военно-морского превосходства в Ла-Манше-Кампания в Западной Германии-Капитуляция Ульм-Трафальгарский-Потсдамский мирный договор между Пруссией и союзниками-Французы входят в Вену-Хаугвиц отправлен Наполеону с прусским ультиматумом- Битва при Аустерлице-Хаугвиц подписывает Союзный договор с Наполеоном-Пресбургский мирный договор-Конец Священной Римской империи- Неаполь отдан Жозефу Бонапарту-Битва при Майде-Наполеоновская империя и династия-Федерация Рейнского государства Германия-Возможность сохранения империи 1806 года.

[Англия готовится к войне, ноябрь 1802 г.]

[Англия претендует на Мальту.]

Весной 1803 года между Францией и Великобританией возобновилась война. Правительство Аддингтона в своем стремлении к миру терпело агрессию Бонапарта в течение всех месяцев переговоров в Амьене; они удовлетворяли его жалобы на злоупотребления английской прессы, преследуя его клеветников-роялистов; на протяжении всей Сессии 1802 года они отстаивали возможность заключения мира вопреки нападкам своих парламентских противников. Вторжение в Швейцарию осенью 1802 года, последовавшее за аннексией Пьемонта, вынудило министерство изменить свой тон. В речи короля на заседании парламента в ноябре было заявлено, что изменения в функционировании на Континенте требуют мер безопасности со стороны Великобритании. Военно-морские силы страны были приведены в боевую готовность; эвакуация Мальты Великобританией, которая до сих пор откладывалась главным образом из-за недоразумений с Россией, больше не рассматривалась как вопрос несомненный. В то время как английское правительство все еще колебалось, Первый консул бросил вызов, который вынудил их к решительным действиям. *"Монитор"* опубликовал 13 января 1803 года отчет полковника Себастиани о Египте, в самых ясных выражениях указывающий на возобновление французских атак на Восток. Британское правительство потребовало объяснений и заявило, что до тех пор, пока не будет удовлетворено это требование, оно должно сохранять за собой владение Мальтой. Мальта фактически была присвоена Великобританией в качестве эквивалента континентальной территории, присоединенной к Франции после окончания войны.

[101]

[Война, май 1803 г.]

Политика была бы лучше, если бы несколькими месяцами ранее от Бонапарта потребовали вывода войск из Пьемонта или из Швейцарии под страхом военных действий с Англией. Великобритания имела столь же мало технических прав на удержание Мальты, как Бонапарт имел на аннексию Пьемонта. Однако стремление к миру заставило правительство Аддингтона бездействовать до тех пор, пока агрессия Бонапарта не стала свершившимся фактом. Теперь было слишком поздно пытаться отменить их: Англии оставалось только рассматривать Амьенское урегулирование как отмененное и требовать компенсации со своей стороны. Мальта была позицией, наиболее необходимой Великобритании для того, чтобы помешать Бонапарту осуществлять проекты в Египте и Греции, доказательствами которых правительство располагало независимо от доклада Себастиани. Ценность Мальты, которую так недавно отрицал Нельсон, теперь была полностью понята как во Франции, так и в Англии. Как только английское министерство заявило о своем намерении сохранить остров, Первый консул объявил, что вынужден взяться за оружие во имя соблюдения международных договоров. Игнорируя свои собственные нарушения договорных прав в Италии и Швейцарии, Бонапарт объявил удержание Мальты Великобританией оскорблением всей Европы. Он с величайшей яростью обрушился на британского посла на приеме, устроенном в Тюильри 13 марта; и после двухмесячной переписки, которая, вероятно, свидетельствовала о его понимании силы и упрямства своего врага, конфликт возобновился, и теперь он должен был продолжаться без

перерыва, пока Бонапарт не будет свергнут со своего трона.

[Бонапарт и Ганновер.]

Пока у Англии не было континентальных союзников, ее военные действия ограничивались захватом колоний и блокадой портов: со стороны Франции против островной державы ничего не могло быть предпринято, кроме фактического вторжения. Однако среди общин Германии была одна, которая, по доводам завоевателя, могла рассматриваться как находящаяся в зависимости от Англии и пострадать из-за своей связи с британской короной. Ганновер до сих пор по общему согласию был отмежеван от войн, в которых участвовал его курфюрст в качестве короля Англии; даже личное присутствие короля Георга II позволяло ему участвовать в них. в битве при Деттингене не было никаких оснований для нарушения нейтралитета. Бонапарта, однако, не беспокоили прецеденты в деле, где он мог так много выиграть. Помимо своей ценности как возможного объекта обмена в следующем договоре с Англией, Ганновер послужил бы средством влияния на Пруссию: он также стоил столько миллионов наличными из-за реквизиций, которые могли быть наложены на его жителей. Единственное сомнение, которое испытывал Бонапарт при нападении на Ганновер, возникло из-за возможности насильственного сопротивления со стороны Пруссии появлению французской армии в Северной Германии. Соответственно, перед началом вторжения генерал Дюрок был направлен в Берлин, чтобы проинформировать короля о намерениях первого консула и успокоить любое раздражение, которое могло возникнуть при прусском дворе, заверениями в дружбе и уважении.

[Пруссия и Ганновер.]

Это был момент чрезвычайной важности для Пруссии. Пруссия была признанным защитником Северной Германии; все соображения чести требовали, чтобы ее правительство запретило предполагаемую оккупацию Ганновера - при необходимости, с риском настоящей войны. Переход Ганновера в руки Франции означал прекращение независимости Германии вплоть до границ Прусского государства. Если, как это было установлено в Берлине, дело Великобритании было несправедливым, и если связь Ганновера с британской короной должна была в будущем сделать эту провинцию козлом отпущения за преступления Англии, то самым мудрым курсом для Пруссии было бы сразу освободить Ганновер от его французских и английских врагов, оккупировав его своими собственными силами. Министр иностранных дел граф Хаугвиц, по-видимому, рекомендовал этот шаг, но его советы были отклонены. Король Фридрих Вильгельм III, наследовавший своему отцу в 1797 году, был добросовестным, но робким и бездуховным существом. Государственные дела находились в руках его личных советников, из которых наиболее влиятельными были так называемые кабинетные секретари Ломбард и Бейме, люди, доверчиво пекущиеся о доброй воле Франции и упорно слепые к природной силе и достоинству, которые все еще существовали в прусской монархии. ^[102] Вместо того, чтобы объявить вступление французов в Ганновер абсолютно несовместимым с безопасностью других северогерманских государств, король Фридрих Вильгельм попытался предотвратить это дипломатическим путем. Он предложил британскому правительству свое посредничество при условии эвакуации Мальты; и, когда это предложение было резко отклонено, он предложил Первому консулу свою личную гарантию, что Ганновер выплатит определенную сумму денег, чтобы избежать предполагаемого вторжения.

[Французы вступают в Ганновер в мае 1803 г.]

[Притеснения в Ганновере, 1803-1805 гг.]

Такое предложение показало глубину, до которой опустилось государственное управление Пруссии; оно ни в малейшей степени не повлияло на Первого консула. Пока переговоры все еще продолжались, французская дивизия под командованием генерала Мортье вошла в Ганновер (май 1803 года). Ганноверская армия погибла из-за безрассудства гражданского правительства; герцог Кембриджский, командующий одной из ее дивизий, менее изобретательный, чем его брат герцог Йоркский, в поиске предлогов для капитуляции, подал в отставку и бежал в Англию вместе со многими храбрыми солдатами, которые впоследствии нашли в армии Великобритании возможность для почетной службы, в которой им было отказано дома. Ганновер перешел во владение Франции, и в течение двух лет страдания французской оккупации ощущались в полной мере. Вымогательство поглотило скромные богатства страны; игры и собрания народа были запрещены; французские шпионы нарушали тайну частной жизни; правосудие осуществлялось иностранными солдатами; пресса существовала только для целей французского прозелитизма. Именно в Ганновере впервые была ощутима горечь того угнетения, которое впоследствии подняло всю Северную Германию против иностранного хозяина и навязало народу давно забытые притязания на патриотизм и честь.

[Французская блокада Эльбы.]

[Тщетный протест Пруссии.]

Бонапарт справедливо рассчитывал на бездействие прусского правительства, когда отдавал приказ генералу Мортье войти в Ганновер; его следующий шаг доказал рост его уверенности в невозмутимости Пруссии. Французские войска были направлены в Куксхафен, в устье Эльбы, чтобы остановить торговлю Великобритании с внутренними районами Германии. Британское правительство немедленно проинформировало берлинский двор о том, что оно должно блокировать Эльбу и Везер для кораблей всех стран, если французские солдаты не уйдут с Эльбы. Поскольку торговля льном в Силезии и другие отрасли прусской промышленности зависели от свободного судоходства по Эльбе, угроза репрессий со стороны британского правительства вызвала очень серьезные вопросы для Пруссии. Именно Франция, а не Англия первой нарушила нейтралитет на речном тракте; и король Пруссии теперь почувствовал себя вынужденным потребовать от Бонапарта заверений в том, что интересы Германии больше не пострадают от его рук. Письмо было написано королем первому консулу и передано кабинет-секретарю Ломбарду, который отнес его Наполеону в Брюссель (июль 1803 г.). Ломбард, сын французских родителей, поселившихся в Берлине во времена правления Фридриха Великого, поднялся со скромного положения благодаря своему умению выражаться на двух родных для него языках; а достижения, которые сделали бы его хорошим клерком или успешным журналистом, сделали его в глазах Фридриха Вильгельма советником королей. История его миссии в Брюссель дает любопытные свидетельства как об очаровании, которое Наполеон оказывал на простые умы, так и о политической беспомощности, которую в Пруссии теперь можно было принять за качества государственного деятеля. Ломбарду не удалось добиться от Наполеона каких-либо гарантий или гарантий безопасности; тем не менее, он написал ответ в выражениях крайнего восторга по поводу успеха своей миссии. Наполеон очаровал его простым применением своего личного обаяния. "Чего я не могу описать", - сказал Ломбард в своем отчете королю о своей беседе с Первым консулом, ^[103] "это тон доброты и благородной

откровенности, с которым он выразил свое почтение к правам вашего Величества и попросил у вашего Величества доверия, которого он так заслуживает". "Я только хотел бы, - воскликнул он в конце речи Наполеона, - чтобы я мог передать королю, моему повелителю, каждое ваше слово и тон, которым они произнесены; тогда он, я уверен, почувствовал бы двойную радость от справедливости, с которой он всегда обращался с вами". Коллеги Ломбарда в Берлине, возможно, были не более сильными людьми, чем сам посланник, но они, по крайней мере, находились за пределами досягаемости голоса и взгляда Наполеона, и они холодно восприняли эту рапсодию. Они жаловались, что Первый консул не сделал ни единой уступки по вопросам, поднятым королем. Куксхафен продолжал оставаться в руках Франции; британцы неумолимо блокировали немцев в их собственных нейтральных водах; и осторожная государственная политика Пруссии оказалась для Германии такой же бесполезной, как упрямая, спекулятивная война Австрии.

[Александр недоволен.]

Однако существовала Держава, которая наблюдала за продвижением французского владычества в Северную Германию с меньшей покладистостью, чем сами немцы. Российский царь постепенно пришел к пониманию роли, отведенной ему Бонапартом после заключения Люневильского мира, и больше не был склонен служить орудием французских амбиций. Оккупация Бонапартом Ганновера изменила отношение Александра на холодное и недоверчивое. Александр видел и оплакивал помощь, которую он сам оказал Бонапарту в Германии: события, которые теперь происходили в самой Франции, а также ход французских интриг в Турции, ^[104] бросил его в объятия врагов Бонапарта и подготовил почву для новой европейской коалиции.

[Бонапарт вот-вот станет императором.]

[Убийство герцога Энгиенского, 20 марта 1804 г.]

Первый консул Бонапарта решил принять сан императора. Возобновление войны с Англией вызвало новый всплеск энтузиазма по отношению к его персоне; ничто не мешало возложить корону на его голову, кроме раскрытия заговора против его жизни. Полиция долго и тщательно отслеживала этот заговор. Бретонский дворянин Жорж Кадудаль задумал напасть на первого консула на улицах Парижа в окружении его охраны. Кадудаль и его сообщников-заговорщиков, включая генерала Пишегрю, полиция выследила от побережья Нормандии до Парижа: была предпринята безуспешная попытка выманить графа Артуа и других королевских покровителей заговора из Великобритании. Когда все заговорщики, которых можно было заманить во Францию, были собраны в столице, полиция, наблюдавшая за каждым этапом движения, начала производить аресты. Моро, последнему солдату-республиканцу Франции, было предъявлено обвинение в соучастии в заговоре. Пишегрю и Кадудаль были брошены в тюрьму, чтобы там ожидать своей участи; Моро, который, вероятно, желал свержения консульского правительства, но не принимал участия в покушении на жизнь Бонапарта, ^[105] был арестован и обвинен в официальной клевете. Оставалось принести еще одну жертву вместо Бурбона д'Артуа, который поставил в тупик полицию Первого консула за морями. На территории Бадена, в двенадцати милях от французской границы, жил принц из изгнанного дома, герцог Энгиенский, солдат первой коалиции против Франции, ныне безвредный иждивенец щедрот Англии. Французские шпионы окружали его; его походы в горы породили подозрение, что он был замешан в заговоре Пишегрю. Этого было достаточно, чтобы пометить его для

уничтожения. Бонапарт отдал приказ схватить его, доставить в Париж и казнить. 15 марта 1804 года отряд французских солдат перешел Рейн и арестовал герцога в его собственном доме в Эттенхайме. Они прибыли с ним в Париж 20-го. Его доставили в Венсенский форт, не заезжая в город. В ту же ночь комиссия из шести полковников вынесла приговор заключенному, чья могила уже была вырыта, и вынесла смертный приговор, не выслушав ни слова доказательств. На рассвете герцога вывели наружу и расстреляли.

[Император Наполеон, 18 мая 1804 г.]

Если какой-то варварский инстинкт сделал убийство родственников его предшественника в собственных глазах Бонапарта предзнаменованием успешной узурпации, то в Европе в целом это было не так. Единое всеобщее чувство ужаса охватило весь Континент. Российский двор надел траур; даже ратисбонский сейм проявил признаки человеческой страсти по поводу унижения, нанесенного Германии захватом герцога Энгийенского на немецкой земле. Австрия хранила молчание, но наблюдала за признаками надвигающейся войны. Одна Франция не проявила жалости. Не прошло и недели после смерти герцога Энгийенского, как Сенат умолял Наполеона обеспечить Франции безопасность наследственного трона. Префекты, епископы, мэры и муниципальные советы в один голос повторили официальную молитву. Резолюция в пользу императорского правления была выдвинута трибуналом и принята после благородного и единоличного протеста со стороны Карно. Декрет Сената закрепил условия новой Конституции, и 18 мая, не дожидаясь одобрения всенародного голосования, Наполеон принял титул императора Франции.

[Титул императора Австрии, август 1804 г.]

В самой Франции изменение касалось скорее названия, чем сути власти. Наполеон не мог быть наделен более абсолютной властью, чем та, которой он уже обладал; но формы республиканского равенства исчезли; и хотя реальное социальное равенство, данное Франции революцией, было недоступно изменениям, нации пришлось мириться с двором-бастардом и фиктивной аристократией корсиканских принцев, превосходительств террористов и герцогов-якобинцев. Новая династия была признана в Вене и Берлине: со стороны Австрии она удостоилась похвалы в виде подражания. Через три месяца после принятия Наполеоном императорского титула император Франциск (император Германии, но король Венгрии и Богемии) принял титул императора всех своих австрийских владений. Истинной причиной этого акта был фактический распад германской системы в результате Люневильского мира и вероятность того, что старое императорское достоинство, если оно будет сохранено номинально, вскоре перейдет к какому-нибудь клиенту Наполеона или к самому Наполеону. Однако такое опасение было не из тех, в которых можно было признаться Европе. Вместо разорения Германии величие Австрии было превращено в мнимую основу перемен. Языком, который, по-видимому, был заимствован из библейской истории о Навуходоносоре, император Франциск заявил, что, хотя к его личному достоинству как римского императора невозможно прибавить ничего, тем не менее древняя слава Австрийского дома, величие княжеств и королевств, которые были объединены под его властью, требуют, чтобы монархи Австрии носили титул, равный титулу величайшего европейского трона. Всеобщая война против Наполеона уже предлагалась Санкт-Петербургским двором; но пока корсиканец и габсбургский цезарь обменивались лицемерными поздравлениями. ^[106]

[Питт снова стал министром, май 1804 г.]

[Коалиция 1805 года.]

Почти в то же время, когда Бонапарт взойшел на трон, Питт вернулся к власти в Великобритании. Он был вызван общим недоверием, испытываемым к министерству Аддингтона, и верой в то, что ни один государственный деятель, кроме него самого, не сможет объединить силы Европы против общего врага. Питту не потребовалось много времени, чтобы совместно с Россией разработать план создания третьей коалиции. Царь разорвал дипломатические отношения с Наполеоном в сентябре 1804 года и побудил венский двор взять на себя обязательство противостоять любому дальнейшему расширению французской власти. Швеция вступила в переговоры с Великобританией. На открытии парламента в начале 1805 года король Георг III. объявил, что между Великобританией и Россией существует взаимопонимание, и попросил в общих чертах предусмотреть континентальные субсидии. В апреле в Санкт-Петербурге представителями России и Великобританией был подписан международный договор, гораздо более всеобъемлющий и серьезный по своим положениям, чем любой из тех, которые до сих пор объединяли Державы против Франции. ^[107] Россия и Англия обязались направить свои усилия на формирование Европейской лиги, способной выставить на поле пятьсот тысяч человек. Великобритания обязалась предоставлять субсидии каждому члену Лиги; мир с Францией не мог быть заключен иначе как по общему согласию; завоевания, сделанные любой из воюющих сторон, должны были оставаться нераспределенными до заключения всеобщего мира; а по окончании войны Конгресс должен был урегулировать некоторые спорные вопросы международного права и установить федеративную европейскую систему для их поддержания и обеспечения соблюдения. В качестве непосредственных целей Лиги в договоре указывалось изгнание французов из Голландии, Швейцарии, Италии и Северной Германии; восстановление власти короля Сардинии в Пьемонте с увеличением территории; и создание прочного барьера против любых будущих узурпаций Франции. Последнее выражение означало союз Голландии и части Бельгии под властью Оранского дома. В этом отношении, как и в положении об общем распоряжении завоеваниями и об урегулировании европейских дел конгрессом, англо-русский мирный договор 1805 года определил политику, фактически проводимую в 1814 году. Другие территориальные изменения, предложенные теперь Питтом, включая присоединение Рейнских провинций к Прусской монархии, не были воплощены в договоре, но с этого времени стали понятными возможностями.

[Политика Пруссии.]

[Нейтралитет Пруссии.]

Однако у Англии и России возникли некоторые трудности с приобретением союзников. Хотя в нарушение своих обещаний Австрии Наполеон принял титул короля Италии от Сената Итальянской Республики и короновал себя Железной короной Ломбардии (март 1805 г.), министры в Вене предпочли бы мир, если бы это было возможно; и их повелитель неохотно согласился на войну против Наполеона, когда война в той или иной форме казалась неизбежной. Политика Пруссии была сомнительной. В течение двух прошедших лет Наполеон прилагал все усилия, чтобы склонить Пруссию вступить в союз с ним. После вторжения в Ганновер он удвоил свое внимание к берлинскому двору и не жалел ничего на пути обещаний и заверений в дружбе, чтобы привлечь короля на свою сторону. Нейтралитет Пруссии не оказал Франции большой услуги: ее поддержка имела бы бесценное значение, сделав практически

невозможным любое нападение на Францию со стороны России или Австрии и, таким образом, позволив Наполеону бросить все свои силы на борьбу с Великобританией. Весной 1804 года король Пруссии, не уверенный в дружбе царя и все еще не убежденный в тщеславии заявлений Наполеона, склонился к оборонительному союзу с Францией. Известие об убийстве герцога Энгийенского, пришедшее почти одновременно с посланием доброй воли из Санкт-Петербурга, заставило его отказаться от этого проекта союза, но не вызвало разрыва с Наполеоном. Фридрих Вильгельм придерживался выжидательной политики, которой Пруссия придерживалась с 1795 года, и министр иностранных дел Хогвиц, рекомендовавший более смелые меры, на время удалился от двора. ^[108] Барон Харденберг, который уже исполнял обязанности его заместителя, занял его место. Харденберг, участник переговоров о Базельском мире, в течение последних десяти лет выступал за систему нейтралитета. Политик, быстро схватывающий новые социальные и политические идеи, он был лишен того понимания реальных сил, действующих в Европе, которое, несмотря на ошибки в деталях, делало политические цели Питта и многих людей гораздо более низкого уровня по существу справедливыми и корректными. Вплоть до конца 1804 года Харденберг не только не смог осознать опасности, которой подвергалась Пруссия из-за амбиций Наполеона, но и полагал, что Пруссия все еще может предотвратить войну между Францией и союзными державами, поддерживая хорошее взаимопонимание со всеми сторонами. Нейтралитет Харденберга вызвал гнев российского кабинета министров. В то время как Меттерних, австрийский посол в Берлине, осторожно нащупывал свой путь, царь предложил в качестве последнего средства заставить Пруссию взяться за оружие. Прошло еще несколько месяцев, и, когда военные действия были на грани начала, Наполеон определенно предложил Пруссии Ганновер в качестве цены за союз. Харденберг, все еще веривший, что Пруссии под силу посредством союза с Францией как обуздать Наполеона, так и предотвратить европейскую войну, убедил короля согласиться с предложением французского императора. ^[109] Но король уклонился от решения, которое предполагало возможность немедленной войны. Предложение Ганновера было отклонено, и Пруссия не связывала себя ни с Наполеоном, ни с его врагами.

[Австрийское государство. Армия.]

Питт, автор Коалиции 1805 года, составил самую оптимистичную оценку вооружений своих союзников. Говорили, что Австрия вступила в новую эру после заключения Люневильского мира и наилучшим образом использовала все бедствия своих прежних кампаний. В Вене действительно не было недостатка в высококлассных специалистах, но Питт мало что знал о реальном положении дел. Эрцгерцог Карл был поставлен во главе военной администрации и наделен чрезвычайными полномочиями; но вся сила рутины и коррупции была направлена против него. Он был обманут своими подчиненными; и после трех лет реорганизации он подал в отставку со своего поста, признавшись, что оставил армию не более эффективной, чем она была раньше. Чарльз сменил в Военном министерстве генерал Мак. В течение шести месяцев этот шумный шарлатан вообразил, что произвел реорганизацию, от которой эрцгерцог отчаялся, ^[110] в то время как на самом деле он лишь внес новую неразбериху в армию, и без того испытывавшую большие трудности в Европе из-за разнообразия рас и языков.

[Политическое состояние Австрии.]

Если военные реформы Австрии были обманчивыми, то ее политические реформы были еще более обманчивыми. Император действительно согласился объединить министров, которые до

сих пор работали независимо, в Государственном совете; но на этом реформа остановилась. Кобенцль, который теперь был первым министром, не понимал ничего, кроме дипломатии. На своих постах продолжали оставаться люди, чье присутствие было непреодолимым препятствием для любых разумных действий: даже в той механической рутине, которая, по мнению императора Франциска, составляла жизнь государства, все было устаревшим и противоречивым. Во всем, что повлияло на умственную жизнь людей, годы, последовавшие за Люневильским миром, были явно ретроградными. Образование было более чем когда-либо передано в руки священников; цензура прессы была передана полиции; комиссии было поручено изучить все книги, напечатанные во время правления императора Иосифа, и более двух тысяч произведений, появившихся на свет в этот короткий период австрийского либерализма, были изъяты и уничтожены. Были изданы торговые правила, которые сочетали в себе экстравагантность французского правления террора с невежеством средневековья. Все зерно в стране было приказано продать до определенной даты, и евреям было запрещено заниматься торговлей зерном в течение года. Таковы были реформы, описанные Питтом в английском парламенте как осуществившие возрождение Австрии. Ближе к дому все предстало в более правдивом свете. Бумажные полки Мака, беспомощность и нереальность всей системы австрийского официоза были правильно оценены людьми, которые были наиболее серьезны во время последней войны. Даже Тугут теперь считал борьбу безнадежной. Эрцгерцог Карл до конца выступал за мир и вступил в войну с предчувствием поражения и разорения.

[Планы кампании 1805 года.]

Планы союзников на кампанию 1805 года охватывали огромное поле деятельности. ^[111] Предполагалось, что одна австрийская армия будет действовать в Ломбардии под командованием эрцгерцога Карла, в то время как вторая, под командованием генерала Мака, войдет в Баварию и там будет ожидать прибытия русских, которые должны были объединиться с ней при вторжении во Францию: британский и российский контингенты должны были объединиться с королем Швеции в Померании и с королем Неаполя на юге Италии. В штаб-квартире союзников царило впечатление, что Наполеон не был готов к войне. Считалось даже, что его характер отчасти утратил свою энергию под влиянием императорского двора. Никогда не существовало более роковой иллюзии. Силы Франции никогда не были столь подавляющими; планы Наполеона никогда не разрабатывались с большей тщательностью и определенностью. От Ганновера до Страсбурга массы войск были собраны на границе в ожидании приказа выступить; и еще до начала кампании великолепная булонская армия, собранная для вторжения в Англию, была брошена на чашу весов против Австрии.

[Провал военно-морских замыслов Наполеона против Англии.]

[Нельсон и Вильнев, апрель-июнь 1805 г.]

На море произошли события, которые сорвали план Наполеона по нападению на Великобританию. Это нападение, которому в 1797 году лишь слегка угрожали, после возобновления войны с Англией в 1803 году стало объектом самых серьезных усилий Наполеона. В Булони была сосредоточена армия, достаточная для того, чтобы сокрушить вооруженные силы Англии, если бы ей когда-нибудь удалось достичь противоположного берега. Мысли Наполеона были сосредоточены на плане получения военно-морского превосходства в Ла-Манше, хотя бы на те несколько часов, которые потребовались бы для переброски армии из Булони к английскому побережью. В его планы входило заманить Нельсона на другую сторону

Атлантики притворной экспедицией против Вест-Индии и, во время отсутствия английского адмирала, объединить все флоты, в настоящее время находящиеся в блокаде во французских портах, в качестве прикрытия для вооружения вторжения. Адмиралу Вильневу было приказано плыть на Мартинику и, после встречи там с некоторыми другими кораблями, повторно пересечь Атлантику со всей возможной скоростью и освободить флоты, блокированные в Ферроле, Бресте и Рошфоре. Соединение флотов дало бы Наполеону силы численностью в пятьдесят человек в Британском канале, силы, более чем достаточной, чтобы одолеть все эскадры, которые Великобритания могла бы собрать для защиты своих берегов. Такой план демонстрировал всю силу комбинации, которая ознаменовала величайшие триумфы Наполеона; но он требовал от равнодушного морского пехотинца точности и быстроты движений, присущих сухопутным войскам Франции; он предполагал у моряков Великобритании такое же отсутствие находчивости, которое Наполеон обнаружил у солдат Континента. Однако в данном случае Наполеону пришлось иметь дело с человеком, настолько же превосходящим всех адмиралов Франции, насколько сам Наполеон был выше генералов Австрии и Пруссии. Вильнев отплыл в Вест-Индию весной 1805 года, и ему удалось увлечь Нельсона за собой; но, прежде чем он смог снова пересечь Атлантику, Нельсон, непрерывно преследуя французскую эскадру в Вест-индских морях и, наконец, обнаружив ее отплытие домой в Антигуа (13 июня), предупредил английское правительство о движении Вильнева посланием, отправленным на самом быстроходном из английских бригов. ^[112] Правительство в течение двадцати четырех часов после получения послания Нельсона направило сэру Роберту Колдеру приказ немедленно снять блокаду Ферроля и Рошфора и ждать Вильнева у мыса Финистерре. Здесь Вильнев встретился с английским флотом (22 июля). Он потерпел поражение в частичном сражении и отступил в гавань Ферроля. Настоятельные приказы Наполеона вынудили французского адмирала после некоторой задержки предпринять наступление на Брест и Рошфор, от которого зависел весь план вторжения в Англию. Но Вильнев был уже не в состоянии противостоять собранным против него английским войскам. Он отступил без боя и отступил в Кадис. Всякая надежда осуществить нападение на Англию была потеряна.

[Марш французских армий в Баварию, сентябрь.]

Наполеону оставалось только отомстить Австрии через армию, которая была лишена своей английской добычи. 1 сентября, когда австрийцы были уже на пороге переправы через Инн, булонский лагерь был разбит. Армия повернула на восток и рассредоточилась по всем дорогам, ведущим от Ла-Манша к Рейну и Верхнему течению Дуная. Далеко на северо-востоке ганноверская армия под командованием Бернадотта двинулась своим левым флангом и сошлась в точке на Юге Германии, на полпути между границами Франции и Австрии. В баснях, которые долгое время скрывали истинный характер каждого действия Наполеона, замечательный приказ о походе, отданный теперь французским армиям, предстает как вдохновение момента, вызванное возрождением гения Наполеона после того, как он узнал о крушении всех своих военно-морских планов. На самом деле использование "Армии Англии" против континентальной коалиции всегда было альтернативным подарком в сознании Наполеона; и об этом угрожающе упоминалось в его письмах в то время, когда о неудаче Вильнева еще ничего не было известно.

[Австрийцы вторгаются в Баварию, сентябрь. 8.]

Единственным преимуществом, которое союзники извлекли из удаленности армии Канала,

было то, что Австрия смогла оккупировать Баварию без сопротивления. Генерал Мак, которому была поручена эта операция, пересек Инн 8 сентября. Было известно, что курфюрст Баварии был тайно враждебен Коалиции. План воспрепятствовать его союзу с французами был правильным, но в действительном положении союзных армий он не мог быть осуществлен без большого риска. Приготовления России потребовали больше времени, чем им было отпущено; ни одна русская армия не смогла бы достичь Инн до конца октября; и, как следствие, все силы, действовавшие в Западной Германии, не превышали семидесяти тысяч человек. Однако любые сомнения относительно благоразумия наступления через Баварию были подавлены заверениями в том, что Наполеону пришлось вывести основную часть своей армии из Британского канала. ^[113] Не зная о реальных передвижениях французов, Мак продвинулся к западной границе Баварии и достиг реки Иллер, границы Вюртемберга, где он намеревался занять оборону до прихода русских.

[Мак в Ульме, октябрь.]

[Капитуляция Ульма, 17 октября.]

Здесь, в первые дни октября, ему стало известно о присутствии французских войск не только впереди, но и к востоку от его собственной позиции. Испытывая некоторые опасения относительно положения противника, Мак, тем не менее, отказался отступить из Ульма. Следующая неделя показала истинное положение дел. Прежде чем русские приблизились к Баварии, авангард Наполеоновской армии у Ла-Манша и Ганноверской армии пересек Северо-Западную Германию и захватил дороги, по которым Мак продвигался из Вены. Каждый час, пока Мак оставался в Ульме, приводил в баварские города и деревни за его спиной новые дивизии французов. Спастись можно было только отступлением в Тироль или прорывом французской линии, пока она еще не была полностью сформирована. Решительные действия все еще могли бы спасти австрийскую армию; но единственная энергия, которая была проявлена, была проявлена в противодействии генералу. Эрцгерцог Фердинанд, который был титулярным главнокомандующим, прорубил себе путь сквозь французов с частью кавалерии; Мак остался в Ульме, и железное кольцо сомкнулось вокруг него. В последний момент, после того как безнадежность положения стала ясна даже ему самому, Мак овладела иллюзия, что какая-то великая катастрофа постигла французов в их тылу и что в течение нескольких дней Наполеон будет полностью отступать. "Пусть никто не произносит слова "Сдаюсь", - провозгласил он в приказе от 15 октября. - Враг находится в самом ужасном положении; невозможно, чтобы он мог продержаться по соседству более нескольких дней. Если провизия иссякнет, у нас есть три тысячи лошадей, чтобы прокормить нас". "Я сам, - продолжал генерал, - буду первым, кто отведаёт конины". Два дня спустя произошла неизбежная капитуляция, и Мак с 25 000 человек попал в руки врага, не нанеся ни одного удара. Еще большее число австрийцев под Ульмом сдавалось отдельными отрядами. ^[114]

[Трафальгар, 21 октября.]

[Эффекты.]

Вся Франция с изумлением читала бюллетени Наполеона, в которых описывалось взятие в плен целой армии и предстоящее представление сорока австрийских штандартов сенату в Париже. Никакая имперская риторика не ознакомила нацию с событием, которое в течение четырех дней после капитуляции Ульма нанесло Франции более тяжелый удар, чем когда-либо наносил

сам Наполеон какому-либо противнику. 21 октября решающая победа Нельсона при Трафальгаре, одержанная над Вильневом при выходе из Кадиса, уничтожила объединенные флоты Франции и Испании. Нельсон пал в момент своего триумфа; но дело, совершенное в его последние часы, было таким, к которому годы, проведенные в славе, ничего не могли бы добавить. Он положил конец могуществу Франции на море. Трафальгар был не только величайшей морской победой, это была величайшая и наиболее значимая победа, одержанная на суше или на море за всю Войну за независимость. Ни одна победа и ни одна серия побед Наполеона не произвели такого эффекта на Европу. Австрия была вооружена в течение пяти лет после Маренго и в течение четырех лет после Аустерлица; Пруссия была готова возместить потери при Йене в 1813 году; прошло поколение после Трафальгара, прежде чем Франция снова серьезно угрожала Англии на море. Перспектива сокрушить британский военно-морской флот, пока у Англии были средства для оснащения военно-морского флота, исчезла: отныне Наполеон возлагал свои надежды на истощение ресурсов Англии, вынудив каждое государство на Континенте исключить ее торговлю. Трафальгар заставил его наложить свое иго на всю Европу или отказаться от надежды завоевать Великобританию. Если национальная любовь и гордость идеализировали в нашем великом моряке характер, который с его гомеровской силой и свежестью сочетал в себе что-то от жестокости и себялюбия героев грубого века, то общепринятая оценка работы Нельсона в истории не выходит за рамки истины. Пока Франция обладала военно-морским флотом, Нельсон своими победами поддерживал дух Англии; его последний триумф поставил Англию в такое положение, что не оставалось никаких средств нанести ей вред, кроме тех, которые должны были привести к окончательному освобождению Континента.

[Потсдамский мирный договор, 3 ноября.]

[Нарушение прусской территории.]

Последствия Трафальгара лежали в будущем; военная ситуация в Германии после катастрофы Мака была такова, что ничто не могло удержать армию Наполеона от Вены. Когда Европа внезапно осознала грозящую ей опасность, в поведении прусского двора появился единственный проблеск надежды. В своем беспокойстве по поводу прибытия ганноверской армии Наполеон без колебаний приказал Бернадотту, ее командующему, выступить маршем через прусскую территорию Анспах, которая лежала на его прямом пути к Ульму. Впоследствии союзники утверждали, что нарушение Бернадотом прусского нейтралитета фактически спасло его от опоздания, чтобы предотвратить побег Мака; но, помимо всех воображаемых оснований для упреков, оскорбление, нанесенное Пруссии Наполеоном, было достаточным, чтобы склонить даже Фридриха Вильгельма к решительным действиям. Несколькими неделями ранее приближение русских войск к его границе побудило Фридриха Вильгельма вооружиться; теперь французы более чем выполнили то, что русские только предлагали. Когда об этом возмущении стало известно королю Пруссии, этот холодный и сдержанный монарх проявил эмоции, которые те, кто его окружал, редко наблюдали. ^[115] Царю немедленно был предложен свободный проезд для его армий через Силезию; и, прежде чем известие о капитуляции Мака достигло российской границы, сам Александр был на пути в Берлин. Результатом обсуждений двух монархов стал Потсдамский мирный договор, подписанный 3 ноября. По этому договору Пруссия обязалась потребовать от Наполеона контрибуции за короля Пьемонта и эвакуации Германии, Швейцарии и Голландии: если Наполеон не примет посредничество Пруссии на этих

условиях, Пруссия обязалась выступить в поход со 180 000 человек.

[Французы входят в Вену, 13 ноября.]

Теперь Наполеон был совсем близко от Вены. Через несколько дней после капитуляции Ульма тридцать тысяч русских под командованием генерала Кутузова достигли Баварии; но катастрофа Мака сделала невозможной оборону линии Инн, и последние отряды союзников исчезли, как только авангард Наполеона приблизился к реке. Французы с подавляющей силой двинулись на столицу. Кутузов и ослабленная австрийская армия не могли ни защитить Вену, ни встретить захватчика в поле. Было решено оставить город и объединить отступающие силы на северном берегу Дуная со второй русской армией, вступающей в Моравию. 7 ноября двор покинул Вену. Шесть дней спустя французы вошли в столицу и благодаря дерзкой уловке Мюрата овладели мостом, соединяющим город с северным берегом Дуная, в тот момент, когда австрийские артиллеристы собирались взорвать его в воздух. ^[116] Захват этого моста лишил союзную армию последнего объекта, защищавшего ее от преследования Наполеона. Вена оставалась во владении французов. Все ресурсы великой столицы были теперь добавлены к средствам завоевателя, и Наполеон приготовился преследовать своего отступающего противника за Дунаем и уничтожить его прежде, чем тот сможет добраться до его поддержки.

[Союзники и Наполеон в Моравии, ноябрь.]

Отступление русской армии в Моравию было проведено с большим мастерством генералом Кутузовым, который применил к Мюрату стратегию, отработанную на Венском мосту, и с помощью мнимого перемирия осуществил свое соединение с недавно прибывшим русским корпусом между Ольмюцем и Брюном. Гнев Наполеона по поводу бегства его жертвы проявился в ожесточении его атак на Мюрата. Соединение союзных армий в Моравии фактически самым серьезным образом изменило перспективы войны. Впервые с момента начала кампании союзники сосредоточили силы, превосходящие по численности все, что Наполеон мог противопоставить им. Наполеон, вынужденный защищаться на стороне Италии, не мог повести более 70 000 человек в Моравию. У союзников теперь было 80 000 человек в лагере, с перспективой получения тяжелого подкрепления. Война, которая недавно, казалось, подходила к концу, могла теперь, в руках умелого генерала, быть только началом. Хотя пути сообщения Наполеона с Францией хорошо охранялись, его положение в сердце Европы подвергало его многим опасностям; эрцгерцог Карл разбил Массену при Кальдиеро на реке Адидже и спешил на север; прежде всего, армия Пруссии готовилась выступить в поход. Каждая миля, с которой Наполеон продвигался в глубь Моравии, увеличивала нагрузку на его ресурсы; каждый день, откладываявший решение кампании, придавал новые силы его врагам. Простого удержания французов в их лагере до тех пор, пока прусские войска не будут готовы атаковать их коммуникации, казалось достаточным, чтобы обеспечить победу союзников; таков был совет Кутузова, который вел войну с характером самого осторожного дипломата. Но нехватка провизии сказывалась на дисциплине армии, и царь рвался в бой. ^[117] Император Франциск уступил пылу своих союзников. Вейротер, австрийский начальник штаба, разработал самый научный план великой победы, который когда-либо видели даже в австрийских штабах; и к концу ноября оба императора договорились, что союзная армия должна обойти позиции Наполеона прямо под Брюном и дать сражение с целью отрезать ему путь к отступлению на Вену.

[Хаугвиц приходит с прусскими требованиями к Наполеону, 28 ноября.]

[Хаугвиц уезжает в Вену.]

Это было за несколько дней до предполагаемого сражения, и после того, как Наполеон разгадал планы своего врага, граф Хаугвиц, выполняя требования берлинского кабинета министров, достиг французского лагеря в Брюнне. ^[118] Наполеон уже кое-что слышал о Потсдамском договоре и был осведомлен, что Хаугвиц выступил из Берлина. У него не было намерения идти ни на одну из тех уступок, которых требовала Пруссия; в то же время для него было жизненно важно избежать вопроса об объявлении войны Пруссией, что довело бы Австрию и Россию до последней крайности. Поэтому он решил всеми возможными способами помешать Хаугвицу выдвинуть свой ультиматум до тех пор, пока решающая победа над союзными армиями полностью не изменит политическую ситуацию. Сам прусский посланник сыграл на руку Наполеону. Хаугвиц получил постыдное разрешение от своего государя подчиниться всем пожеланиям Наполеона, если до его прибытия Австрия отдельно будет вести переговоры о мире; и у него было оправдание для задержки в том факте, что военные приготовления Пруссии не могли быть завершены раньше середины декабря. Он провел двенадцать дней в пути из Берлина и предстал перед Наполеоном 28 ноября. Император после долгой беседы попросил его отправиться в Вену и заключить сделку с Талейраном. Он был достаточно слаб, чтобы позволить удалить себя на расстояние, так и не предъявив ультиматум Наполеону. Когда в следующий раз прусское правительство услышало о своем посланнике, он прогуливался по венским гостиницам Талейрана с орденом Французского Почетного легиона на груди, обмениваясь любезностями с официальными лицами, которые вежливо отказались обсуждать какие-либо деловые вопросы.

[Аустерлиц, 2 декабря.]

[Перемирие, 4 декабря.]

Как только Хаугвица перевели в Вену, и союзники, таким образом, лишились уверенности в том, что Пруссия выйдет на поле боя, Наполеон поверил, что одного крупного поражения будет достаточно, чтобы развалить Коалицию. Передвижения союзников были именно такими, каких он ожидал и желал. Он сам выбрал себе позиции между Брюном и Аустерлицем в полной уверенности в победе; и утром 2 декабря, когда туманы рассеялись перед ярким зимним солнцем, он с величайшей радостью увидел, что русские колонны движутся вокруг него по широкой дуге, выполняя маневр поворота, о котором он предупредил свою армию накануне. Наполеон подождал, пока передовые колонны не растянулись далеко впереди своих подкреплений; затем, бросив дивизию Сульта на брешь, оставленную в центре линии союзников, он разрезал армию пополам и сокрушил ее разрозненные дивизии в каждом пункте по всей линии атаки. Союзники, хотя и превосходили Наполеона численностью, считали, что их армия вдвое превосходит их собственную. Несогласованность действий союзников была столь же заметна, как единство и эффективность действий французов. В армии утверждали, что Кутузов, главнокомандующий, заснул, пока австрийский Вейротер излагал свои планы сражения; более правдивым объяснением явных ошибок в полководчестве союзников было то, что русский командующий был вынужден царем осуществить план, который он не одобрял. Разрушения в рядах союзников были огромными, ибо русские сражались с тем же упорством, что и при Треббии и при Нови. Австрия потеряла вторую армию в дополнение к своей столице; и единственное условие, которое могло бы укрепить ее правительство против всяких мыслей о

мире, - уверенность в немедленном нападении Пруссии на Наполеона, - исчезло с бесшумным исчезновением прусского посланника. Через два дня после битвы император Франциск встретился со своим победителем в открытом поле и принял перемирие, которое предполагало вывод русской армии из его владений.

[Хаугвиц подписывает мирный договор с Наполеоном, 15 декабря.]

Однако даже сейчас царь обращался в Берлин за помощью, и переговоры, начатые Австрией, возможно, были бы прерваны, если бы помощь была оказана. Но кабинет Фридриха Вильгельма сам решил уклониться от своих обязательств, и как только весть об Аустерлице достигла Вены, Гаугвиц всей душой перешел на сторону завоевателя. В то время как между Францией и Австрией велись переговоры о мире, параллельные переговоры велись с посланником Пруссии; и еще до того, как император Франциск уступил требованиям завоевателя, Хаугвиц подписал договор с Наполеоном в Шенбрунне, по которому Пруссия, вместо того чтобы нападать на Наполеона, вступила с ним в союз и получила от него взамен Ганноверское владичество (15 декабря 1805 г.). ^[119] Если бы Пруссия потерпела поражение при Аустерлице, Шенбрунский мирный договор не мог бы более полностью изменить политику, которой король Фридрих Вильгельм обязался следовать шесть недель назад. В то время как Хаугвиц заключал свой пакт с Наполеоном, Харденберг договаривался с английским посланником о соединении английских и русских войск в Северной Германии. ^[120]

Среди советников короля были некоторые, кто заявил, что договор должен быть расторгнут, а посланник опозорен. Но катастрофа при Аустерлице и известие о том, что венское правительство вступает в сепаратные переговоры, охладили мужество людей, стоявших у власти. Поведение Хаугвица сначала находило оправдание, затем поддерживалось, затем вызывало восхищение. Герцог Брауншвейгский опозорил себя, заявив французскому послу в Берлине, что весь курс прусской политики с начала кампании был тщательно продуманным притворством в интересах Франции. Лидеры патриотической партии в армии оказались без влияния и последователей; масса нации смотрела на происходящее с тем же тупым безразличием, с каким она смотрела на каждое событие последних двадцати лет. В конце концов король решил, что договор, по которому Хаугвиц отбросил обязательства своей страны, должен быть ратифицирован с некоторыми изменениями, включая тот, который номинально должен оставаться за королем Георгом III. голос в распоряжении Ганновера. ^[121]

[Пресбургский мирный договор, 27 декабря.]

[Конец Священной Римской империи, 6 августа 1806 г.]

Через десять дней после отъезда прусского посланника из Вены между Францией и Австрией был заключен мир по Пресбургскому мирному договору ^[122] (27 декабря). В начале войны Наполеон объявил своей армии, что он больше не пощадит Австрию, как пощадил ее при Кампо Формио и Люневиле; и он сдержал свое слово. Пресбургский мир оставил Австрийское государство в состоянии, сильно отличающемся от того, в котором оно находилось после двух предыдущих войн. Кампо-Формийский мирный договор только лишил Австрию Бельгии, чтобы заменить ее Венецией; урегулирование в Люневиле только заменило французское влияние на австрийское влияние в Западной Германии: мирный договор, последовавший за битвой при Аустерлице, отвоевал у Дома Габсбургов две его наиболее важные провинции и сразу отрезал его от Италии, Швейцарии и Рейна. Венеция была передана итальянскому королевству

Наполеона; Тироль был передан Баварии; отдаленные районы, принадлежащие Австрии в Западной Германии, были переданы Бадену и Вюртембергу. Австрия потеряла 28 000 квадратных миль территории и 3 000 000 жителей. Император признал суверенитет и независимость Баварии, Бадена и Вюртемберга и отказался от всех прав на эти страны как глава Германского государства. Курфюрсты Баварии и Вюртемберга, наряду со значительным увеличением территории, получили титул короля. Конституция империи перестала существовать даже номинально. Ее главе, преемнику римских цезарей, оставалось только отказаться от своего титула по приказу Наполеона; и 6 августа 1806 года Франциск II издал соответствующий Акт. в Вене был положен конец изношенной и обесчещенной фикции Священной Римской империи.

[Неаполь передан Жозефу Бонапарту.]

Хотя Россия не заключила мира с Наполеоном, Европейской коалиции пришел конец. Теперь, как и в 1801 году, поражение австрийских армий предоставило Неаполитанской монархии возможность свести счеты с завоевателем. Неаполь не нанес никакого удара; но только из-за задержек союзников неаполитанская армия не объединилась с английскими и русскими войсками в нападении на Ломбардию. То, что было прощено в 1801 году, теперь было отомщено неаполитанскому деспоту Бурбонов и его австрийской королеве, которые с самого начала проявляли такую ожесточенную вражду к Франции. Приняв на себя роль судьи над государями Европы, Наполеон объявил из Вены, что Неаполитанский дом прекратил свое правление (27 декабря 1805 г.). Приговор был немедленно приведен в исполнение. Фердинанд бежал, как он бежал в 1798 году, чтобы оказаться под защитой военно-морского флота Великобритании. Вакантный трон был передан Наполеоном его собственному брату, Жозефу Бонапарту. Фердинанд с помощью английского флота удержался на Сицилии. Морская полоса шириной в две мили была достаточной преградой против Державы, подчинившей себе половину Континента, и ни Наполеон, ни его брат не предпринимали никаких попыток закрепиться за Мессинским проливом. В Южной Италии среди крестьянства происходили те же фанатичные движения, что и в предыдущий период французской оккупации. Когда армии Австрии и России были разгромлены, и континент оказался во власти Франции, Великобритания вообразила, что сможет что-то предпринять против Наполеона в каком-нибудь уголке Италии с помощью нескольких свирепых крестьян. Британские войска, высадившиеся близ Майды, на побережье Калабрии, летом 1806 года, имели удовольствие нанести французам поражение острием штыка, побудить орду священников и разбойников к бесплодному варварству и предоставить их заслуженному наказанию.

[Битва при Майде, 6 июля 1806 г.]

[Империя. Династия и титулы Наполеона.]

Возведение брата Наполеона Жозефа на неаполитанский престол было первым из серии назначений, произведенных Наполеоном в качестве императора Запада. Он начал называть себя новым Карлом Великим; его мысли и речь были наполнены картинами вселенского владычества; его авторитет военного деспота, сокрушившего своих соседей, странным образом смешивался в его собственном сознании с тем полусвященным правом цезарей, от которого Средние века унаследовали все подчиненные формы власти. Он начал относиться к правительству различных стран Западной Европы как к функции, которую должно выполнять делегирование от него самого. Даже территориальные пожалования, которые при феодальной

системе сопровождали военные или гражданские должности, теперь были восстановлены, и командующий французским армейским корпусом или глава французского министерства иностранных дел стал титульным сеньором какого-нибудь малоизвестного итальянского княжества. ^[123] Собственной семье Наполеона предстояло править во многих землях, как до них правили бурбоны и Габсбурги, но в строгой зависимости от их главы. Жозеф Бонапарт недолго пробыл в Неаполе, когда его брат Людовик был вынужден принять корону Голландии. Иероним, для которого в настоящее время не существовало свободного королевства, был вынужден отказаться от своей жены-американки, чтобы жениться на дочери короля Вюртемберга. Эжен Богарне, пасынок Наполеона, занимал пост вице-короля Италии; Мюрат, женившийся на сестре Наполеона, владел немецким герцогством Берг. Бернадотт, Талейран и Бертье оказались сюзеренами округов, названия которых были им почти неизвестны. Из доходов Северной Италии ежегодно выделялась определенная сумма в качестве пожертвования генералам, которых император решил возвысить до княжеских почестей.

[Рейнская федерация.]

Более государственнической, более практичной, чем династическая политика Наполеона, была его организация Западной Германии под властью ее коренных князей в качестве зависимости от Франции. Цель, к которой стремились все французские политики с момента начала войны за независимость, - исключение Австрии и Пруссии из-под влияния в Западной Германии, - теперь была полностью достигнута. Триумфом французской государственной мудрости, завершением двухвекового раздора между Германией стал Акт о федерации, подписанный западногерманскими государями летом 1806 года. Этим Актом короли Баварии и Вюртемберга, курфюрст Баденский и тринадцать второстепенных принцев объединились в Лигу, известную как Рейнская конфедерация, под защитой французского императора и обязались предоставить контингенты численностью до 63 000 человек для участия во всех войнах, в которых будет участвовать Французская империя. Их связь с древнегерманской организацией была полностью разорвана; тот самый город, в котором проводил свои заседания Сейм Империи, был аннексирован одним из членов Конфедерации. Сама Конфедерация с населением в 8 000 000 человек стала для всех целей войны и внешней политики частью Франции. Ее армии были организованы французскими офицерами; ее границы были укреплены французскими инженерами; для нее в Париже были заключены международные договоры. В ходе внутренних изменений, произошедших в этих государствах, работа по консолидации, начатая в 1801 году, продвигалась вперед с возросшей энергией. Десятки крошечных княжеств, избежавших распада в ходе более раннего движения, теперь были поглощены своими более сильными соседями. Правительства стали более энергичными, более упорядоченными, более амбициозными. Князья, сделавшие себя вассалами Наполеона, получили более деспотическую власть над своими подданными. Старые конституционные формы, которые налагали некоторый контроль на волю суверена, такие как Поместья Вюртемберга, были презрительно подавлены; небрежная, неэффективная рутина прошлого века уступила место системе строгой точности во всех государственных службах. Военная служба была введена в странах, доселе свободных от нее. Бремя народа стало больше, но оно распределялось более справедливо. Налоги взимались более равномерно; правосудие стало более регулярным и более простым. Карьера как в армии, так и на государственных должностях была открыта для людей, которым до сих пор была неизвестна сама концепция общественной жизни.

[В Германии нет национального единства.]

Установление немецкого единства в наши дни после победоносной борьбы с Францией затрудняет представление добровольного подчинения значительной части расы французскому суверену или оправдание политики, которая, подобно политике 1806 года, кажется противоположной всему благородному и патриотическому. Но то, что кажется странным сейчас, тогда не было странным. Нет выражения, более верно описывающего условия того периода, чем выражение великого немецкого поэта, который сам был так мало патриотом. "Германия, - сказал Гете, - это не нация". Германия действительно обладала расовым единством; но всем, что действительно составляет нацию, - чувством общего интереса, общей истории, гордости и стремления, - Германия вообще не обладала. Бавария, сильнейшее из западных государств, присоединилась к Франции из вполне обоснованного страха перед австрийской агрессией. Быть завоеванным Австрией было таким же завоеванием для Баварии, как и быть завоеванным любой другой державой; это был не шаг к единству Германии, а шаг в возвышении Дома Габсбургов. Интересы Австрийского дома были интересами Германии не больше, чем интересами Хорватии, или Венеции, или Венгрии. С другой стороны, Пруссия также еще не продемонстрировала форму политической жизни, достаточно привлекательную, чтобы вызвать желание южных штатов объединиться с ней. Гений Фридриха действительно сделал его героем Германии, но его военная система была суровой и тиранической. При действительном положении Австрии и Пруссии сомнительно, чтобы население малых государств было бы счастливее, объединившись с этими державами, чем под властью своих собственных правительств. Завоевание в любом случае было невозможно, и не было ничего, что могло бы стимулировать к добровольному союзу. Из этого следовало, что меньшим государствам было суждено оставаться без гражданства до тех пор, пока насилие какой-нибудь иностранной державы не превратило слабость в невыносимое зло и не навязало лучшим умам Германии мысль об общем Отечестве.

[Чего желает единство Германии.]

Необходимость единства Германии не является самоочевидной политической истиной. Голландия и Швейцария в прошлых веках отделились от Империи и стали независимыми государствами с наибольшими выгодами для себя. Принадлежность по крови является не более убедительной причиной для политического союза между Гольштейном и Тиролем, чем между Великобританией и Соединенными Штатами Америки. Условия, которые определяют как истинную территорию, так и истинное качество немецкого единства, на самом деле представляют собой нечто более сложное, чем этнологический закон или вспышка патриотического негодования против французов. Там, где местные обстоятельства давали возможность немецкому округу, отделившись от расы, поддерживать настоящую национальную жизнь и защищаться от иностранного завоевания, там, возможно, было лучше разорвать связь с Германией; там, где, как в подавляющем большинстве малых государств, независимость приводила только к военной беспомощности и внутреннему застою, там было лучше, чтобы независимость уступила место единству Германии. Но условий для сколько-нибудь сносного единства не было до тех пор, пока Австрия была ведущей державой. Подчинение западных государств Франции поставило под угрозу будущее немецкого народа в меньшей степени, чем было бы потеряно в результате их постоянной инкорпорации в состав Австрии.

[Империя 1806 года могла быть постоянной.]

[Пределы возможной Наполеоновской империи.]

С созданием Рейнской конфедерации и завоеванием Неаполя империя Наполеона достигла, но не перешла границы, в пределах которых суверенитет Франции, вероятно, мог сохраняться долгое время. Принято проводить грань между здоровой государственной мудростью и рискованными предприятиями Наполеона во время Люневильского мира: более справедливая оценка состояния Западной Европы, возможно, включила бы в круг практических, хотя и пагубных идеалов все политические перемены, которые сразу последовали за войной 1805 года и которые распространили владычество Наполеона на Инн и Мессинский пролив. Италия и Германия не были тогда такими, какими они стали с тех пор. Округа, лежащие между Рейном и Инной, были не более враждебны к иностранцам, чем те Рейнские провинции, которые с такой готовностью согласились на союз с Францией. Наиболее предприимчивые умы в Италии пришли к выводу, что наполеоновское правление, при всех его недостатках, превосходило все, что Италия знала в недавнее время. Если мы можем судить по чувству, с которым относились к Наполеону в Германии вплоть до середины 1806 года, и в Италии вплоть до гораздо более поздней даты, основанная тогда империя могла бы сохраниться надолго, если бы Наполеон воздержался от нападений на другие государства. Нельзя проводить никакого сравнения между притягательной силой, обеспечиваемой социальным равенством Франции, ее военной славой и хорошим управлением, и медленным и вялым процессом ассимиляции, который происходил во владениях Австрии; и все же Австрии удалось объединить большее разнообразие рас, чем Франция стремилась объединить в 1806 году. Границы возможной Франции действительно были определены, и определены более прочно, чем какая-либо географическая линия, в истории и национальном характере двух других народов. Франция не могла надолго одолеть Пруссию, и она не могла надолго одолеть Испанию. Но в пределах пограничной линии, проведенной примерно от устья Эльбы до истоков Адриатики, того союза национальных чувств и материальной силы, который сдерживает формирование империй, не существовало. Истинным поворотным моментом в карьере Наполеона стал момент, когда он вышел за рамки политики, предусматривавшей создание Рейнской федерации, и своим гнетом пробудил единственное государство, которое все еще было способно дать Германии национальную жизнь.

ГЛАВА VII.

Смерть Питта-Министерство Фокса и Гренвилла-Наполеон вынуждает Пруссию вступить в войну с Англией, а затем предлагает Ганновер Англии-Пруссия принимает решение о войне с Наполеоном-Состояние Пруссии-Упадок армии-Южная Германия при Наполеоне-Нейтралитет

Австрии-Англия и Россия собираются помочь Пруссии, но не сразу-Кампания 1806 года-Битвы при Йене и Ауэрштедте-Разгром прусской армии-Капитуляция крепостей-Требования Наполеона-Война продолжается-Берлинский декрет-Исключение английских товаров с Континента-Россия вступает в войну-Кампания в Польше и Восточная Пруссия-Эйлау-Бартенштейн-Фридландский мирный договор-Интервью в Тильзите-Союз Наполеона и Александра-Секретные статьи-Английская экспедиция в Данию-Французы вступают в Португалию-Пруссия после Тильзитского мира-Эдикт Штейна об освобождении- Прусские крестьяне-Реформа прусской армии и создание муниципалитетов-Другие проекты реформы Штейна, которые не осуществлены.

[Смерть Питта, 23 января 1806 г.]

[Коалиционное министерство Фокса и Гренвилла.]

Через шесть недель после того, как весть об Аустерлице достигла Великобритании, государственного деятеля, который был душой каждой европейской коалиции против Франции, унесли в могилу. ^[124] Питт скончался в момент глубочайшего уныния. Его победы на море, казалось, ни к чему не привели; его комбинации на суше закончились катастрофой и разорением. Если при жизни Питта справедливое чувство величия и патриотизма всех его целей оправдывало бесчисленные недостатки его военной администрации, то то личное превосходство, которое могло бы обезоружить критику даже после катастрофы при Аустерлице, не принадлежало ни одному другому члену его министерства. Его коллеги считали свое положение безнадежным. Хотя король попытался назначить на вакантное место одного из подчиненных Питта, перспективы Европы были слишком мрачными, положение страны - слишком серьезным, чтобы позволить сформировать министерство на обычных принципах партийной организации или в соответствии с личными предпочтениями монарха. Нация призвала к объединению самых способных людей из всех партий в работе правительства; и, несмотря на пожизненную ненависть короля Георга к мистеру Фоксу, к власти пришло министерство, сформированное Фоксом и Гренвиллом совместно; Фокс занял пост министра иностранных дел, имея ведущее влияние в Кабинете, и уступил Гренвиллу титул премьер-министра. Аддингтон получил место в министерстве и заручился поддержкой части партии Тори, которая была готова поддержать политику мира.

[Наполеон надеется запугать Фокса через Пруссию.]

Фокс с самого начала полностью отдал свои симпатии Французской революции как делу свободы. Он приписывал бедствия Европы вмешательству иностранных держав в пользу монархии Бурбонов; он смягчал агрессию Французской Республики как последствия несправедливого и неспровоцированного нападения; даже угасание свободы во Франции не полностью разрушило его веру в честь и великодушие солдата Революции. В короткий мирный период, который в 1802 году открыл Континент для английских путешественников, Фокс был гостем первого консула. В его личном чувстве к французскому правительству не было ничего от той гордой и подозрительной ненависти, которая так затрудняла переговоры, пока Питт оставался у власти. В Париже считали, и не без оснований, что первой целью Фокса при вступлении в должность будет восстановление мира. Наполеон принял свой собственный план

ввиду изменений, которые, вероятно, произойдут в духе британского кабинета. У него была привычка везде, где он видел признаки уступок, применять более жестокие средства запугивания. В данном случае он решил использовать миролюбивые наклонности Фокса, присоединив Пруссию к силам, развернутым против Великобритании. Пруссию, изолированную и дискредитированную после битвы при Аустерлице, можно было бы сначала втянуть в военные действия с Англией, а затем заставить обеспечить то самое удовлетворение, которого требовала Англия в качестве основного условия мира.

[Король Пруссии желает скрыть уступку Ганновера.]

[Наполеон втягивает Пруссию в войну с Англией, март 1806 г.]

В тот момент, когда Наполеон услышал о смерти Питта, он ожидал прибытия графа Гагвица в Париж с целью добиться некоторых изменений в договоре, который он подписал от имени Пруссии после битвы при Аустерлице. Главным пунктом этого договора было предоставление Ганновера Пруссии французским императором в обмен на ее союз. Это был пункт, который больше всего других вызывал опасения и сомнения короля Фридриха Вильгельма. Он желал сохранить Ганновер, но он также желал унаследовать свой титул скорее от его английского владельца, чем от французского захватчика. Целью визита Гагвица в Париж было добиться изменения условий договора, которое сделало бы прусскую оккупацию Ганновера лишь временной и оставило за королем Англии по крайней мере номинальный голос при его окончательной передаче. В полной уверенности, что Наполеон согласится на такое изменение, король Пруссии скрыл факт передачи его себе Наполеоном и опубликовал ложное заявление, в котором говорилось, что в интересах самого ганноверского народа французским и прусским правительствами был подписан и ратифицирован договор, в силу которого Ганновер находится под защитой короля Пруссии до заключения мира между Великобританией и Францией. Британское правительство получило заверения в уважении Пруссией прав короля Георга III. Горькая правда о том, что в договоре между Францией и Пруссией не было ни единого слова о сохранении прав курфюрста, и что сама идея оговорить абсолютную уступку Ганновера была придумана позже, оставалась скрытой в сознании прусского кабинета. Никогда еще правительство так полностью не отдавало себя на милость безжалостного врага. Граф Гагвиц, прибыв в Париж, был встречен Наполеоном бурей оскорблений в адрес предполагаемых сторонников Англии при прусском дворе. Наполеон заявил, что недобросовестность Пруссии положила конец даже тому жалкому пакту, который был заключен после Аустерлица, и настоял, чтобы король Фридрих Вильгельм открыто бросил вызов Великобритании, закрыв порты Северной Германии для британских судов и объявив, что Ганновер передан ему Наполеоном в силу его собственного права на завоевание. Гагвиц подписал второй и более унижительный договор, воплощавший эти условия; и прусское правительство, теперь поверженное в пучину презрения, но не готовое к немедленной войне, выполнило приказ своего хозяина. ^[125] Прокламация, в которой говорилось, что Пруссия получила абсолютное владычество над Ганновером от своего завоевателя Наполеона, опровергла более ранние заявления короля Фридриха Вильгельма. Был опубликован указ, запрещающий английским кораблям заход в порты Пруссии и в сам Ганновер (28 марта 1806 года). На это был незамедлительно дан ответ захватом четырехсот прусских судов в британских гаванях и полным прекращением прусской морской торговли британскими каперами. ^[126]

[Наполеон ведет переговоры с Фоксом. Предлагает Ганновер Англии.]

Едва Пруссия ввязалась в этот разорительный конфликт с Великобританией, как Наполеон начал переговоры о мире с правительством мистера Фокса. Первым условием, которого потребовала Великобритания, было возвращение Ганновера королю Георгу III. Наполеон без колебаний согласился на это. ^[127] Таким образом, Пруссия была выставлена на посмеище своей жертвой после того, как у нее отняли всю ее честь. Однако в настоящее время никакие слухи об этой части переговоров не достигли Берлина. Сами переговоры, затянувшиеся на несколько месяцев, касались главным образом будущего владения Сицилией. Наполеон в первую очередь согласился с тем, что Сицилия должна быть оставлена в руках Фердинанда Неаполитанского, который никогда не был изгнан оттуда французами. Обнаружив, однако, что русский посланник д'Убриль, посланный императором Александром в Париж с неопределенными инструкциями, был готов отделить дело России от дела Англии и подписать сепаратный мир, Наполеон отказался от своего обещания, касающегося Сицилии, и потребовал, чтобы этот остров был передан его брату Жозефу. Д'Убриль подписал Предварительные условия от имени России 20 июля и предоставил английскому переговорщику добиваться любых возможных условий. Фокс был готов признать порядок вещей, установленный Наполеоном на материковой части Италии; он даже уступил бы Сицилию, если бы Россия настаивала на этом в ходе совместных переговоров; но он был слишком хорошим государственным деятелем, чтобы его выманили с Сицилии простой уловкой. Он отозвал английского посланника из Парижа и стал ждать решения царя по поводу поведения его собственного представителя. Царь дезавуировал переговоры д'Убриля и отказался от договора, который он привез обратно в Санкт-Петербург. Таким образом, Наполеон полностью переборщил с самим собой и, вместо того чтобы разъединить Великобританию и Россию отдельными соглашениями, только разозлил их обоих. Дальше переговоров дело не пошло; их важность заключалась лишь в том эффекте, который они произвели на Пруссию, когда в Берлине стало известно о предложении Наполеоном Ганновера Великобритании.

[Пруссия узнает о предложении Наполеона передать Ганновер Англии, август. 7.]

[Пруссия принимает решение о войне.]

С того времени, как второй договор Хаугвица поставил его хозяина к ногам Наполеона, Пруссия подвергалась непрерывной череде оскорблений и несправедливостей. Мюрат, как герцог Бергский, захватил территорию, выделенную Пруссии при распределении церковных земель; создание Северогерманской конфедерации под прусским руководством было предложено самим Наполеоном, но было категорически запрещено, как только Пруссия попыталась привести это предложение в исполнение. В Берлине едва ли нашелся бы хоть один придворный, который не чувствовал бы, что французское иго стало невыносимым; даже сам Хаугвиц теперь рассматривал войну как вопрос времени. Патриотическая партия в столице и младшие офицеры армии резко осуждали опозоренное правительство и призывали короля нанести удар во имя чести своей страны. ^[128] В разгар этой усиливающейся агитации от Луккезини, прусского посла в Париже (7 августа), прибыла депеша, касающаяся предложения Ганновера, сделанного Наполеоном британскому правительству. В течение почти трех месяцев Луккезини не имел ни малейшего представления о переговорах между Великобританией и Францией; внезапно, вступив в разговор с английским посланником на званом обеде, он узнал, какой удар Наполеон намеревался нанести Пруссии. Луккезини немедленно связался с берлинским двором; но его депеша была вскрыта агентами Талейрана до того, как она покинула Париж, и французское правительство, таким образом, было поставлено на стражу перед

внезапным взрывом прусского гнева. Депеша Луккезини действительно имела все то значение, которое придавал ей Талейран. Это принесло нерешительному королю тот судорожный прилив решимости, который принесло нарушение Бернадотом его территории годом ранее. Всей прусской армии было приказано готовиться к войне; Брауншвейг был вызван для составления планов кампании; призывы о помощи были отправлены в Вену, в Санкт-Петербург и даже во враждебный лондонский двор.

[Состояние Пруссии.]

[Министры, не входящие в кабинет короля.]

Положение Пруссии в этот критический момент вызывало глубочайшую тревогу у тех немногих патриотически настроенных государственных деятелей, которые не были ослеплены национальным тщеславием или рабством рутине. Внешняя политика Пруссии в 1805 году, какой бы жалкой она ни была, была всего лишь единичным проявлением беспомощности, моральной мертвенности, которые пронизывали все сферы ее официальной и общественной жизни. В начале 1806 года Штейн составил документ, ^[129] разоблачающий, языком, редко используемым государственными деятелями, характер людей, окружавших Фридриха Вильгельма, и заявляющий, что ничто, кроме быстрой смены системы, не может спасти прусское государство от полного падения и разорения. Штайн указал на две меры неотложной необходимости: создание ответственного совета министров и отстранение Хогвица и всех его друзей от власти. В существующей системе правления министры не были доверенными советниками монарха. Министры выполняли свою работу изолированно друг от друга; кабинет, или конфиденциальный совет короля, состоял из лиц, не занимавших никаких государственных должностей и свободных от какой-либо общественной ответственности. Не существовало никакой гарантии, что политика страны останется неизменной в течение двух дней подряд. Министры часто не подозревали о том, какой оборот приняли дела в Кабинете министров; и история миссии Хаугвица в Аустерлиц показала, что отдельный человек может поручить государству обязательства, прямо противоположные тем, которые его послали выполнять. Первой необходимостью для Пруссии был ответственный руководящий совет: с таким советом, сформированным из глав фактической администрации, реформа армии и других отраслей государственной службы, которая была абсолютно безнадежной при нынешней системе, могла иметь некоторые шансы на успех.

[Состояние прусской армии.]

[Высшие офицеры.]

Армия Пруссии в эпоху, когда воинская повинность и гений Наполеона произвели революцию в военном искусстве, была не чем иным, как армией Фридриха Великого, постаревшей на двадцать лет. ^[130] Для всего мира было очевидно, что его комиссариат и маршевые уставы принадлежали тому времени, когда на передвижения отводились недели, а теперь исчислялись днями; но были обстоятельства, менее заметные извне, которые парализовали сам дух солдатства и подготовили почву для военного краха, при котором поражения на поле боя были наименее позорным событием. Преклонный возраст сделал большинство высших офицеров полностью непригодными к военной службе. В той казарменной рутине чиновничества, которая в Пруссии считалась мудростью управления, высшие чины армии в мирное время составляли своего рода административный корпус и получали за свою гражданскую службу вдвое больше

жалованья, чем они могли бы заработать на настоящей войне. Пожилые люди в званиях майоров, полковников и генералов гнили в конторах провинциальных городов и роптали при одном упоминании о войне, которая лишит их половины жалованья. За исключением некоторых принцев, получивших высокие звания в молодости, и нескольких энергичных патриархов, таких как Блюхер, вся энергия и воинский дух армии были присущи людям, не достигшим звания капитана. Старшие офицеры были в среднем почти вдвое старше французских офицеров соответствующего ранга. ^[131] Из двадцати четырех генерал-лейтенантов восемнадцати было за шестьдесят; младшие, за единственным исключением, были принцами. Пятерым из семи командующих пехотой было за семьдесят; даже среди шестнадцати генералов кавалерии только двоим не исполнилось шестидесяти пяти. Это были люди, которые, когда армии Пруссии потерпели поражение на поле боя, сдали ее крепости с таким же безразличием, как если бы они принимали французов с торжественным визитом. Их тщеславие было столь же прискорбным, как и их малодушие. "В армии его Величества, - сказал генерал Рюхель на параде, - есть несколько генералов, равных Бонапарту". Недостатки другого характера принадлежали поколению, выросшему со времен Фредерика. Высокомерие и распушенность младших офицеров были таковы, что их гибель на поле битвы при Йене вызвала настоящую радость у значительной части среднего класса Пруссии. Но какими бы отвратительными ни были их манеры и какой бы опрометчивой ни была их самоуверенность, пороки этих молодых людей не имели прямой связи с бедствиями 1806 года. Храбрецы, точившие свои шпаги на подоконнике французского посла, получили горький урок от плебейских солдат Мюрата; но они проявили мужество в беде и впоследствии дали своей стране много способных и почетных офицеров.

[Простые солдаты.]

То, что было плохо в высших чинах армии, не было исправлено никакими достижениями со стороны рядового. Прусская армия набиралась частично из иностранцев, но главным образом из прусских крепостных, которые были вынуждены служить. Мужчины оставались в своих полках до старости; грубый характер солдат и частота преступлений и дезертирства привели к применению жестоких наказаний, которые сделали военную службу предметом ужаса для большей части среднего и низшего классов. Сами солдаты, которых такой великий полководец, как Фридрих, мог выпороть и обучить высокому военному мастерству, испытывали угрюмое безразличие к своим нынешним надсмотрщикам и были готовы массами дезертировать по домам, как только поражение нарушало полковой сбор и перекличку. Сделанное в предыдущем году предложение ввести систему всеобщей воинской повинности, которая с тех пор сделала Пруссию такой великой военной державой, было отклонено комитетом генералов на том основании, что это "превратило бы самую грозную армию Европы в ополчение". Но независимо от того, вступила ли Пруссия в войну с ополчением или регулярной армией, под командованием людей, находившихся под командованием в 1806 году, ее могла постигнуть только одна судьба. Ни солдаты, ни крепости не смогли бы спасти королевство, генералы которого знали только, как капитулировать.

[Южная Германия. Казнь Пальма, 26 августа.]

Вся южная Германия все еще находилась в руках Наполеона. По мере того как вероятность войны с Пруссией становилась все больше и больше, Наполеон ужесточал свою власть над Конфедеративными штатами. Публикации, исходившие из патриотических кругов Австрии,

начали призывать немецкий народ объединиться против иностранного угнетателя. Анонимная брошюра, озаглавленная "Германия в ее глубоком унижении", продавалась различными книготорговцами Баварии, в том числе гражданином Нюрнберга Пальмом. Нет никаких свидетельств того, что Палм был даже знаком с содержанием брошюры; но как в случае с герцогом Энгиевским двумя годами ранее Наполеону потребовалась жертва, чтобы устроить Дом Бурбонов, так и теперь ему потребовалась жертва, чтобы устроить тех, кто среди немецкого народа был склонен прислушаться к призыву патриотизма. Пальма была не слишком известна для нового Карла Великого. Невинный и безобидный человек, невиновный даже в благородном преступлении, заключавшемся в попытке спасти свою страну, был привлечен к суду французских солдат и казнен в течение двадцати четырех часов во исполнение повелительного приказа Наполеона (26 августа). В убийстве не было необходимости, поскольку баварцы и вюртембергцы фактически были довольны тем ярмом, которое несли; его единственным результатом было пробуждение среди терпеливого и любящего дом класса сомнений в том, что гражданин Германии и его семья, в конце концов, могут быть заинтересованы в сохранении национальной независимости.

[Австрия нейтральна. Англия и Россия не могут оказать Пруссии срочной помощи.]

Когда несколько лет спустя притеснения Наполеона придали значительной части немецкой расы, по крайней мере, временное благородство настоящего патриотизма, история смерти Пальма была одной из тех, что зажгли самое горькое чувство несправедливости: в то время она не оказала никакого влияния на ход политических событий. Южная Германия оставалась пассивной и поставляла Наполеону резерв солдат: Пруссии пришлось искать союзников в другом месте. Ее перспективы получить поддержку были хорошими, если война окажется затяжной, но не иначе. Австрия, искалеченная бедствиями 1805 года, могла надеяться на возобновление борьбы только в том случае, если Наполеон одержит победу. В других кругах помощь могла быть обещана, но она не могла быть оказана в то время и в том месте, где в ней нуждались. Царь предоставил все силы своей Империи; король Георг III. простил разорителей своего достояния, когда узнал, что они действительно намеревались сражаться с французами; но войска Александра находились далеко на Востоке, и действия Англии в любой континентальной войне наверняка были бы медлительными и неэффективными. Первый шок войны испытала только Пруссия. При существующем положении французских армий все, кто разбирался в военных действиях Наполеона, вполне могли ожидать необычайно быстрого и сокрушительного удара.

[Положение французской и прусской армий, сентябрь 1806 г.]

[Французы на Майне.]

[Пруссаки на Заале.]

Сто семьдесят тысяч французских солдат вместе с контингентами Рейнских конфедеративных штатов расположились между Майном и Гостиницей. Последние недели мира, в течение которых прусское правительство воображало, что оно обманывает врага, в то время как оно продвигало свои собственные приготовления, были использованы Наполеоном для незаметного сосредоточения этих огромных сил на Майне (сентябрь 1806 г.). Сам Наполеон, казалось, был поглощен дружественными переговорами с генералом Кнобельсдорфом, новым прусским послом в Париже. Чтобы усыпить подозрения Наполеона, Хогвиц отозвал Луккезини

из Парижа и намеренно ввел своего преемника в заблуждение относительно истинных замыслов прусского кабинета. Кнобельсдорф конфиденциально сообщил императору, что Пруссия несерьезно готовится к войне. Наполеон, очень мало заботясь о том, намеревалась ли Пруссия сражаться или нет, продолжал наступление на Париж с видом величайшего спокойствия, в то время как его лейтенанты в Южной Германии осуществляли те незаметные передвижения, которые должны были собрать всю армию на Верхнем Майне. Тем временем советники короля Фридриха Вильгельма полагали, что сделали все необходимое для энергичного наступления. Дивизии прусской армии, насчитывавшие почти 130 000 человек, были сосредоточены в окрестностях Йены, на Заале. Более смелые члены военного совета настаивали на немедленном наступлении через Тюрингенский лес и на нападении на то, что считалось разрозненными отрядами французов в Баварии. Военная гордость и все традиции Великого Фридриха побудили Пруссию перейти в наступление, а не ждать противника на укрепленной линии Эльбы. Политические мотивы указывали в том же направлении, поскольку поддержка Саксонии была сомнительной, если бы французам разрешили приблизиться к Дрездену.

[Замешательство пруссаков.]

23 сентября король Фридрих Вильгельм прибыл в штаб армии, который теперь находился в Наумбурге, на Заале. Но его присутствие не повлияло на ход событий. Военные советы, состоявшиеся в два последующих дня, лишь выявили разлад и нерешительность военачальников Пруссии. Брауншвейг, главнокомандующий, набрасывал самые смелые планы и уклонялся от ответственности за их осуществление. Гогенлоэ, командовавший левым крылом, не упускал возможности возразить своему начальнику; предложения действительно способных офицеров, таких как Шарнхорст, начальник штаба, остались незамеченными среди споров педантов и пристрастных сторонников. Брансуик, сам человек большого ума, хотя и не слишком решительный, видел истинные качества людей, которые его окружали. "Рюхель, - воскликнул он, - жестяная труба, Меллендорф - слабоумный, Калькройт - хитрый обманщик. Дивизионные генералы - это кучка тупых подмастерьев. Те ли это люди, с которыми можно воевать против Наполеона? Нет. Лучшая услуга, которую я мог бы оказать королю, - это убедить его сохранить мир".^[132] В конечном счете, после двухдневных споров, было решено, что армия должна наступать через Тюрингенский лес, в то время как маневры справа и слева вводили французов в заблуждение относительно ее истинного направления. Однако дипломаты, которые были достаточно безумны, чтобы думать, что ультиматум, который они только что отправили в Париж, поставит Наполеона на колени, настаивали на том, чтобы открытие военных действий было отложено до 8 октября, когда истечет срок отсрочки, который они дали Наполеону.

[Пруссаки в Эрфурте, 4 октября.]

Через несколько дней после принятия этого решения в штаб-квартиру поступили сведения о том, что сам Наполеон находится на Рейне. Прежде чем ультиматум попал в руки генерала Кнобельсдорфа в Париже, Наполеон покинул столицу, и изумленный посол смог отправить ультиматум вдогонку за ним только после того, как тот отправился встать во главе 200 000 человек. Известие о том, что Наполеон действительно находится в Майнце, привело в замешательство дипломатов в прусском лагере и вызвало приказ о немедленном наступлении. Это было самое мудрое и смелое решение, которое когда-либо принималось; и немедленное наступление на французские дивизии на Майне, возможно, уже сейчас дало бы прусской армии

превосходство в первом столкновении. Но всегда под рукой был какой-нибудь фатальный предлог, чтобы оправдать отступление Брансуика от своих решений. Луккезини принес в лагерь достоверные сведения о том, что Наполеон планировал продолжать оборону к югу от Тюрингенского леса. Если бы это было правдой, возможно, еще было бы время усовершенствовать план кампании; и 4 октября, когда каждый час был бесценен, продвижение вперед было приостановлено, и в штаб-квартире в Эрфурте началась новая серия обсуждений. На совете, состоявшемся 4 октября, сотрудники Гогенлоэ настаивали на полном изменении плана операций. Они утверждали, и справедливо, что замысел Наполеона состоял в том, чтобы обойти прусскую армию с востока долиной Заале и отрезать ее от дорог, ведущих к Эльбе. Задержка в продвижении войск Брауншвейга фактически привела французов на расстояние удара по прусским коммуникациям. Гогенлоэ убеждал короля отвести армию от Эрфурта к Заале или даже к востоку от него, чтобы прикрыть дороги на Лейпциг и Эльбу. Его теория о передвижениях Наполеона, которая была правильной, была принята советом, и наступление в Тюрингенский лес было прекращено; но вместо того, чтобы немедленно двинуться на восток со всей армией, генералы потратили еще два дня на колебания и полумеры. Наконец было решено, что Гогенлоэ займет пост в Йене, а основная масса армии отступит к Веймару с целью нанесения удара в каком-нибудь неопределенном пункте на линии наступления Наполеона.

[Столкновение при Заальфельде, 10 октября.]

[Наполеон побеждает Гогенлоэ при Йене, 14 октября.]

[Даву побеждает Брауншвейг при Ауэрштедте, 14 октября.]

[Разгром прусской армии.]

Наполеон, который только что воспринял прусский ультиматум с безграничными насмешками и презрением, теперь двигался по дорогам, ведущим из Бамберга и Байрута в Верхний Заале. 10 октября, когда дивизия Ланна приближалась к Заальфельду, она была атакована принцем Луи Фердинандом во главе передового отряда Гогенлоэ. Атака была предпринята вопреки приказам Гогенлоэ. Это привело к полному разгрому прусских войск. Хотя численность сражавшихся была невелика, потеря складов и артиллерии, а также смерть принца Луи Фердинанда, героя войны, придали этому первому отражению моральный эффект большой военной катастрофы. Войска Гогенлоэ в Йене были охвачены паникой; многие люди побросали оружие и рассеялись; водители артиллерийских повозок и повозок с провизией перерезали пути и уехали вместе со своими лошадьми. Однако Брауншвейг и основные силы армии находились теперь в Веймаре, совсем рядом; и если бы Брауншвейг решил дать крупное сражение при Йене, пруссаки могли бы ввести в бой почти 90 000 человек. Но планы нерешительного командующего снова изменились. Было решено отступить к Магдебургу и Эльбе. Сам Брауншвейг двинулся на север, к Наумбургу; Гогенлоэ было приказано сдерживать французов в Йене до завершения этого движения. Наполеон достиг Йены. Он не имел никаких сведений об отступлении Брауншвейга и воображал, что основная масса прусской армии сосредоточена вокруг Гогенлоэ, на плато перед ним. Он послал Даву с корпусом численностью 27 000 человек обойти противника с фланга маршем в направлении Наумбурга, а сам приготовился атаковать с фронта 90 000 человек, что более чем вдвое превосходило реальную армию Гогенлоэ. Атака была предпринята 14 октября. Армия Гогенлоэ была разбита на куски Наполеоном и бежала в диком беспорядке. Слабый корпус Даву, который не ожидал встретиться с какими-либо значительными силами до тех пор, пока не обрушится на фланг Гогенлоэ, оказался в присутствии главной армии

Брауншвейга, когда она прибыла в Ауэрштедт, в нескольких милях к северу. Фортуна предоставила прусскому командующему исключительный шанс вернуть то, что было утрачено стратегией. Сражение, проведенное с обычным военным мастерством, не только уничтожило бы Даву, но и обеспечило бы, по крайней мере, для большей части прусских войск, безопасное отступление к Лейпцигу или Эльбе. Французский генерал, воспользовавшись крутизной и пересеченной местностью, разгромил численностью, почти вдвое превышающей его собственную, из-за замешательства своего противника, который посылал отряд за отрядом вместо того, чтобы броситься на Даву со всеми своими силами. Сражение было столь же яростным с прусской стороны, сколь и неумелым. У короля Фридриха Вильгельма, который ранее возглавлял кавалерийские атаки, под его началом были убиты две лошади. Брауншвейг был смертельно ранен. Многие другие генералы были убиты или выведены из строя. Оставалось, однако, достаточное количество несломленных полков, чтобы сохранять некоторый порядок при отступлении, пока армия не вошла в соприкосновение с остатками войск Гогенлоэ, спасая свои жизни от кавалерии Мюрата. Тогда всякая надежда была потеряна. Беглые массы посеяли панику и замешательство в отступающих колоннах; и, за исключением нескольких полков, собравшихся вокруг хорошо известных вождей, солдаты побросали оружие и рассеялись по стране в безудержном бегстве. Не было ни линии отступления, ни пункта сбора. Катастрофа одного дня положила конец прусской армии как силе, способной встретить врага в поле. Большая часть войск была захвачена преследующим врагом в течение следующих нескольких дней. Полки, сохранившие слаженность действий, были слишком слабы, чтобы предпринять какую-либо попытку остановить наступление Наполеона, и могли надеяться спастись только бегством в крепости на Одере.

[Хаугвиц и лорд Морпет.]

[Отступление и капитуляция Гогенлоэ.]

За два дня до битвы при Йене английский посланник лорд Морпет прибыл в штаб-квартиру короля Пруссии, требуя восстановления Ганновера и предлагая дружбу и поддержку Великобритании. В тот момент, когда прусская монархия была на грани того, чтобы быть поверженной на землю, можно было бы подумать, что ее правительство, скорее всего, обрадуется любой гарантии, что оно не будет брошено в крайней нужде. Хаугвиц, однако, находился в штабе, диктуя лживые бюллетени и ставя в тупик генералов нелепыми аргументами в пользу политики, пока французы действительно не открыли огонь. Когда английский посланник сообщил о своем прибытии, он обнаружил, что никто не желает вести с ним дела. Хаугвиц решил уклоняться от любых переговоров до тех пор, пока не состоится сражение. Ему не хотелось расставаться с Ганновером, и он надеялся, что победа над Наполеоном позволит ему на следующий день встретить лорда Морпета с более смелым выражением лица. Когда этот день настал, министры и дипломаты сломя голову летали по стране. Король бежал в Веймар и написал Наполеону, умоляя о перемирии; но в перемирии было отказано, и преследование разбитой армии было продолжено без малейшего промедления. Столица не представляла собой безопасного места для привала, и Фридрих Вильгельм отдохнул только тогда, когда прибыл в Грауденц, на Висле. Жалкие остатки армии Гогенлоэ перешли Эльбу у Магдебурга и двинулись по дороге на Штеттин, расположенный в устье Одера, оставив Берлин на произвол судьбы. Отступление велось плохо; чередующиеся привалы и напряженные марши обескуражили лучших солдат. Когда солдаты проходили мимо своих родных деревень, они покидали умирающие от голода и сломленные духом колонны; и в конце двухнедельных

бедствий принц Гогенлоэ сдался своим преследователям в Пренцлау со своими основными силами, насчитывавшими теперь всего 10 000 человек (28 октября).

[Блюхер в Любеке.]

Блюхер, проявивший предельную энергию и стойкость после Йенской катастрофы, двигался в тылу Гогенлоэ со значительными силами, которые его мужество собрало вокруг себя. Узнав о капитуляции Гогенлоэ, он немедленно изменил направление своего марша и направился к ганноверской крепости Хамельн, чтобы продолжить войну в тылу французов. Однако превосходящие силы отрезали ему путь к Эльбе; он был окружен с востока и запада, и ему ничего не оставалось, как броситься в нейтральный город Любек и сражаться до тех пор, пока у него не закончатся продовольствие и боеприпасы. Французы преследовали его по пятам. Магистраты Любека молились, чтобы их город не превратился в поле битвы, но напрасно; Блюхер отказался выезжать на открытую местность. Французы взяли город штурмом и разграбили. Блюхер был изгнан с отчаянными боями и зажат между датской границей и морем. Здесь, окруженный подавляющей численностью, без продовольствия, без боеприпасов, он капитулировал 7 ноября, после того как его мужество и решимость сделали все, что могло облагородить как генерала, так и солдат посреди непреодолимого бедствия.

[Наполеон в Берлине, 27 октября.]

[Капитуляция прусских крепостей.]

Честь въезда в столицу Пруссии была оказана Наполеоном Даву, чья победа при Ауэрштедте на самом деле намного превзошла его собственную. Даву без сопротивления вошел в Берлин 25 октября; сам Наполеон отправился в Потсдам и забрал шпагу и шарф, которые лежали на могиле Фридриха Великого. Через два дня после Даву император совершил свой собственный триумфальный въезд в столицу. Он взял на себя роль защитника народа от аристократии, приказав сформировать муниципальный орган и гражданскую гвардию города Берлина. К военной аристократии он относился с глубочайшей ненавистью и презрением. "Я сделаю эту знать, - кричал он, - такой бедной, что она будет просить милостыню на свой хлеб". Йенская катастрофа действительно жестоко наказала за дерзость, с которой армейские офицеры обращались с остальной нацией. Гвардейцы прошли маршем мимо окон граждан Берлина, жалкой кучки пленников; солдаты высокого ранга, оставшиеся в городе, должны были явиться к французскому императору за получением его приказов. Но катастрофа только начиналась. Взятие Йены было вызвано ошибками полководцев и не бросило пятна на мужество офицеров; сдача прусских крепостей, начавшаяся в тот день, когда французы вошли в Берлин, навлекла величайший личный позор на их командиров. Даже после разгрома армии на поле боя положение Пруссии не было бы безнадежным, если бы коменданты крепостей действовали в соответствии с обычными правилами воинского долга. Магдебург и крепости на Одере были достаточно вооружены и снабжены провизией, чтобы задержать всю французскую армию и дать королю время собрать на Висле силы, столь же многочисленные, как те, которые он потерял. Но все самое слабое в человеческой природе - старость, страх и доверчивость - казалось, было поставлено во главе обороны Пруссии. Сама цель, ради которой существуют крепости, была забыта; и тот факт, что одна армия была разбита на поле боя, был сделан поводом для того, чтобы позволить врагу опередить организацию другой. Шпандау сдался 25 октября, Штеттин - 29-го. Это были не очень укрепленные места, но следующая капитулировавшая крепость, Кюстрин на Одере, была в полном порядке для длительной осады.

Он был сдан старшими офицерами под проклятия младших офицеров и простых солдат: артиллеристов пришлось оттаскивать от орудий силой. Магдебург с гарнизоном в 24 000 человек и огромными припасами пал перед французскими войсками, недостаточно многочисленными, чтобы осаждать его (8 ноября).

[Требования Наполеона.]

Ни сам Наполеон, ни кто-либо другой в Европе не могли предвидеть такого поведения со стороны прусского командования. Неожиданная серия капитуляций заставила его потребовать совершенно иных условий мира, чем те, которые он предложил после битвы при Йене. Через неделю после победы Наполеон потребовал в качестве цены мира уступки территории Пруссии к западу от Эльбы, за исключением города Магдебург, и отстранения Пруссии от участия в делах Германии. Эти условия были доведены до сведения короля Фридриха Вильгельма; он принял их и отправил Луккезини в Берлин для переговоров о мире на этой основе. Едва Луккезини добрался до столицы, как пришло известие о капитуляции Гогенлоэ, за которой последовала капитуляция Штеттина и Кюстрина. Теперь прусский посланник тщетно пытался добиться от Наполеона ратификации условий, которые он сам предложил. Нельзя было добиться ни слова о мире: перемирие - это было все, что мог предоставить император, и условия, на которых предлагалось перемирие, возрастали с каждой новой катастрофой для прусского оружия. Когда стало известно о падении Магдебурга, Наполеон потребовал, чтобы войска Пруссии отступили за Вислу и сдали все крепости, которые они еще удерживали, за единственным исключением Кенигсберга. Как бы ни была проиграна Пруссия, Наполеону потребовалась бы вторая кампания, чтобы овладеть тем, о чем он теперь просил; но прусское правительство пало так низко, что Луккезини фактически подписал конвенцию в Шарлоттенбурге (16 ноября), сдав Наполеону в обмен на перемирие весь список не захваченных крепостей, включая Данциг и Торн на Нижней Висле, Бреслау с остальными нетронутыми оборонительными сооружениями Силезии, Варшаву и Прагу в прусской Польше и Кольберг на юге. Поморское побережье. ^[133]

[Фридрих Вильгельм продолжает войну.]

Однако договор требовал ратификации королем. Фридрих Вильгельм, каким бы робким он ни был, не решался подтвердить соглашение, которое вытесняло его из его владений так же полностью, как если бы последний солдат Пруссии попал в плен. Патриотическая партия, возглавляемая Штейном, выступила в защиту чести страны против жалкого кабинета министров, который теперь стремился завершить свое разрушительное дело. Из Санкт-Петербурга поступили заверения в поддержке. Король решил отвергнуть мирный договор и продолжать войну до последней крайности. После этого Хаугвиц подал в отставку и завершил политическую карьеру, катастрофическую за все время. На мгновение показалось, что при назначении Штейна на один из трех главных государственных постов наконец-то будут признаны реальные интересы страны. Но король по-прежнему оставался слепым к необходимости единства в правительстве и в гневе отправил Штейна в отставку, когда тот отказался занять пост министра, если рядом с ним займут места представители старого кабинета и партии мира. Поступок короля был плохо рассчитан для того, чтобы послужить интересам Пруссии как внутри страны, так и за рубежом. Штайн был единственным министром, на которого патриотическая партия Пруссии и правительства Европы могли с полной уверенностью положиться. ^[134] Его увольнение в связи с этим кризисом доказало неизлечимую

нищету психики Фридриха Вильгельма; это также доказывало, что до тех пор, пока оставалась какая-либо надежда на спасение прусского государства с помощью российского царя, у патриотической партии было мало шансов создать ответственное правительство у себя дома.

[Наполеон в Берлине.]

[Берлинский декрет против английской торговли, 21 ноября 1806 г.]

В течение ноября месяца французские армии наводняли Северную Германию: сам Наполеон оставался в Берлине и заложил основы политической системы, соответствующей той, которую он навязал Южной Германии после победы при Аустерлице. Брауншвейгский и Гессен-Кассельский дома были свергнуты, чтобы создать нового клиента - королевство Вестфалия; Саксония вместе с Веймаром и четырьмя другими герцогствами вошла в Рейнскую конфедерацию. Мера, более широко затронувшая Европейский континент, была принята в последние дни пребывания императора в столице Пруссии. 21 ноября 1806 года в Берлине был опубликован указ, запрещающий жителям всей европейской территории, союзной Франции, вести какую-либо торговлю с Великобританией или допускать любые товары, произведенные в Великобритании или в ее колониях. ^[135] Береговая линия, таким образом, закрытая для судоходства и продукции Британской империи, включала в себя все от Вислы до южной оконечности Далмации, за исключением Дании, Португалии и австрийского порта Триест. Было приказано конфисковать все имущество, принадлежащее английским подданным, все товары британского происхождения, кем бы ни был владелец: ни одному судну, которое даже заходило в британский порт, не разрешалось входить в континентальную гавань. Неизменной целью Наполеона было истощить Великобританию, поскольку он не мог уничтожить ее военно-морской флот, или, по его собственному выражению, завоевать Англию на Континенте. Все, что было наиболее сурового и несправедливого в действии Берлинского декрета, обрушилось, однако, больше на подданных самого Наполеона, чем на Великобританию. Недопущение британских кораблей в гавани союзников Франции было не более чем осуществлением общего права на войне; даже захват собственности англичан, хотя и был нарушением международного права, имел, по крайней мере, аналогию с захватом французской собственности на море; но конфискация товаров немецких и голландских торговцев после того, как они неделями пролежали на их собственных складах, только потому, что они были произведены в Британской империи, была актом вопиющего и отвратительного угнетения. Первым результатом Берлинского декрета стало заполнение торговых городов Северной Германии французскими налоговыми инспекторами и инквизиторами. Миротлюбивые торговцы начали понимать значение битвы при Йене, когда французские жандармы бросили их товар в общую печь или отправили в тюрьму за хранение бочки ямайского сахара или тюка ткани из Лидса. Торговцы, владевшие большим количеством английских или колониальных товаров, больше всего страдали от торговой политики Наполеона: общественность находила рынки сбыта поставляемыми американскими и датскими торговцами, пока, в более поздний период, британское правительство не приняло репрессивных мер и не запретило кораблям нейтральных стран заходить в любые порты, из которых не допускались английские суда. Тогда каждый коттедж испытал на себе напряжение войны. Но если все последствия Берлинского декрета были отложены до тех пор, пока возмездие Великобритании не достигло размеров собственной тирании Наполеона, то сам Декрет ознаменовал со стороны Наполеона принятие власти, противоречащей потребностям и привычкам европейской жизни. Как и большинство планов Наполеона после побед 1806 года, он перешел границы практической государственной

мудрости и продемонстрировал амбиции, которые больше не возвышались над простой тиранией благодаря своей гармонии с формами прогресса и лучшими тенденциями эпохи.

[Наполеон и поляки.]

Сразу после подписания Берлинского декрета Наполеон покинул столицу Пруссии (25 ноября). К этому времени завершился первый акт войны. Прусское государство было свергнуто; его территория вплоть до Вислы оказалась во власти захватчика; его король скрывался в Кенигсберге, на восточной оконечности своих владений. Второй акт войны начался с отказа от перемирия, подписанного Луккезини, и с вступления России в войну против Наполеона. Отныне ареной боевых действий была Прусская Польша и Балтийская провинция, лежащая между нижней Вислой и российской границей. Наполеон вошел в Польшу, как он вошел в Италию десять лет назад, под предлогом восстановления свободы поработщенного народа. Имя Костюшко было обманным путем прикреплено к прокламации, призывающей польский народ к оружию; и хотя сам Костюшко отказался доверять венецианскому предателю, тысячи его соотечественников стекались под знамена Наполеона или предвосхищали его прибытие, захватывая и изгоняя прусские отряды, разбросанные по их стране. Обещания восстановления польской независимости были даны Наполеоном в изобилии; но дело Польши было последним, что привлекло симпатии человека, который считал принесение слабого в жертву сильному первым принципом всякой хорошей политики. Предпринять попытку восстановления независимости Польши означало бы нажить постоянных врагов России и Пруссии ради союзника, более слабого, чем любой из них. В то время Наполеон не рассматривал этот проект всерьез. У него не было мотива браться за работу такой огромной сложности, как создание прочного политического порядка среди самой непрактичной расы в Европе. Он был рад зачислить польских дворян в число своих солдат; он знал цену их энтузиазму и прилагал все усилия, чтобы возбудить его; но, когда битва закончилась, Франции пришлось договариваться с Россией, а не с Польшей; и даже для прусских провинций Польши не оставалось лучшей участи, чем частично превратиться в государство-сателлит, частично сдаться в качестве средства примирения с царем.

[Кампания в Польше против России, декабрь 1806 г.]

Армии России находились на некотором расстоянии от Вислы, когда в ноябре 1806 года Наполеон вступил на польскую территорию. Их передвижения были медленными, их численность недостаточной. В тот момент, когда все силы Империи требовались для борьбы с Наполеоном, в Молдавию направлялись войска против султана. Не стремились русские военачальники и к спасению того, что еще оставалось от прусского королевства. Бедствия Пруссии, подобно бедствиям Австрии в начале кампании 1805 года, вызывали не столько сочувствие, сколько презрение; и царские генералы были склонны скорее продолжать войну на границах своей собственной страны, чем посвящать себя дальнему походу с презируемым союзником. Поэтому Лестоку, командовавшему остатками прусской армии на Висле, было приказано оставить свои позиции у Торна и двигаться на восток. Французы форсировали Вислу выше по течению реки, и к середине декабря армии Франции и России стояли друг против друга в окрестностях Пултуска, на Украине и Нарева. Первое столкновение, хотя и не носившее решающего характера, привело к отступлению русских. Проливные дожди и бездонная грязь остановили преследование. Война казалась почти невозможной в такой стране и в таком климате; и Наполеон приказал своим войскам занять зимние квартиры вдоль Вислы, полагая,

что до весны ни одна из сторон больше ничего не сможет предпринять.

[Эйлау, 8 февраля 1807 г.]

[Наполеон и Беннигсен в Восточной Пруссии.]

Но командование русскими войсками теперь было передано от престарелого и полубезумного Каменского,^[136] открывшего кампанию, генералу, более подготовленному для борьбы с Наполеоном. Беннигсен, новый главнокомандующий, был активным и отважным солдатом. Хотя по происхождению он был немцем, его солдаты отличались тем упорством и решительностью, которые соответствуют характеру русских войск; и в середине зимы 1806 года Наполеон обнаружил за Вислой такого врага, какого он никогда не встречал в Западной Европе. Беннигсен задумал захватить врасплох крайний левый край французской линии, где располагалась дивизия Нея, вытянутая в сторону Балтики, далеко к северо-востоку от основных сил Наполеона. Леса и болота скрывали передвижение русских войск, и как Ней, так и Бернадотт чудом избежали уничтожения. Теперь Наполеон свернул свои зимние квартиры и большими силами двинулся против Беннигсена в районе между Кенигсбергом и устьем Вислы. Беннигсен маневрировал и отступал, пока его войска не начали рваться в бой. Затем он занял позицию в Эйлау и ждал атаки французов. Битва при Эйлау, разыгравшаяся среди снежных бурь 8 февраля 1807 года, не походила ни на что, что когда-либо видел Наполеон. Его колонны тщетно атаквали русскую пехоту. Корпус Ожеро был полностью уничтожен в начале сражения. Русские наступали на землю, где стоял сам Наполеон; и, хотя превосходство императорской тактики в конце концов изменило чашу весов, и французы начали движение вперед, их продвижение было остановлено прибытием Лестока и отряда из 13 000 пруссаков. К концу сражения 30 000 человек лежали ранеными или мертвыми на снегу; позиции армий оставались такими же, какими они были утром. Лейтенанты Беннигсена убеждали его возобновить сражение на следующий день; но замешательство русской армии было таким, что французы, несмотря на свои потери и уныние, вероятно, одержали бы победу во втором сражении;^[137] и русский командующий решил отступить к Кенигсбергу, довольный тем, что вывел из строя врага и предоставил Наполеону такую возможность. чек, какого он никогда раньше не получал. Наполеон, объявивший о своем намерении с триумфом войти в Кенигсберг, отступил к реке Пассарж и ожидал прибытия подкреплений.

[Осада Данцига и Кольберга, март 1807 г.]

[Бездействие Англии.]

[Падение министерства Гренвилла, 24 марта 1807 г.]

[Бартенштейнский мирный договор между Россией, Пруссией, Англией и Швецией. Апрель 1807 г.]

Военные действия следующих нескольких месяцев были ограничены взятием прусских крепостей, которые еще не попали в руки французов. Данциг сдался после долгой и трудной осады; маленький городок Кольберг на Померанском побережье продолжал оборону, достойную уважения как его жителей, так и военачальников. Два солдата с совершенно разными характерами, каждому из которых суждено было сыграть заметную роль в ближайшие годы, впервые отличились при обороне Кольберга. Гарнизоном командовал Гнейзенау, ученый-солдат высшей категории, будущий руководитель победоносных кампаний Блюхера; Шиль,

кавалерийский офицер, отличавшийся отвагой авантюриста, собрал вокруг себя отряд отважных всадников и преследовал французов с дерзостью, вызывавшей недоумение как у его военного начальства, так и у противника. Горожане, возглавляемые своим бургомистром, бросились в оборону с энергией, разительно контрастирующей с общей апатией прусского народа; и до конца войны Кольберг оставался невредимым. Каким бы малоизвестным ни был Кольберг, его оборона могла бы придать новый поворот войне, если бы правительство Великобритании прислушалось к мольбам императора Александра и направило войска на Балтику, чтобы угрожать коммуникациям Наполеона. Задача была несложной для Державы, которая могла найти войска, как это теперь сделала Англия, для отправки в Константинополь, Александрию и Буэнос-Айрес; но британскому кабинету министров больше, чем когда-либо, не хватало военной рассудительности. Фокс умер в начале войны; его преемники в министерстве Гренвилла, хотя и обладали здоровой теорией внешней политики, ^[138] им не повезло в его применении, и они не были достаточно оперативны в оказании финансовой помощи своим союзникам. Однако внезапно король Георг поссорился со своими министрами из-за древнего вопроса о католической инвалидности и отстранил их от должности (24 марта). Страна встала на сторону короля. К власти пришло министерство, состоящее из старых сторонников Питта, людей, за исключением Каннинга и Каслри, узких взглядов и слабых способностей, возглавляемое герцогом Портлендским, который в 1793 году дал свое имя той части партии вигов, которая присоединилась к Питту. Внешняя политика нового кабинета, скрывавшая полное отсутствие у него какой-либо другой государственной мудрости, вернулась к линиям, заложенным Питтом в 1805 году. Были начаты переговоры с Россией об отправке английской армии на Балтику; прусскому королю были обещаны оружие и деньги. На мгновение показалось, что европейские державы никогда еще не объединялись в столь сердечный союз. Царь обнял короля Пруссии в окружении своих солдат и со слезами заявил, что они должны выстоять или пасть вместе. Бартенштейнский мирный договор, подписанный в апреле 1807 года, обязал суды Санкт-Петербурга, Стокгольма и Берлина к совместному ведению войны и общему заключению мира. Великобритания присоединилась к пакту и приготовилась выполнить свою роль в конфликте на Балтике. Но задача была трудной, поскольку министерство Гренвилла рассредоточило транспортный флот, и, хотя Каннинг решил отправиться в Балтийскую экспедицию в апреле, прошло два месяца, прежде чем флот был готов к отплытию.

[Летняя кампания в Восточной Пруссии, 1807 г.]

[Битва при Фридланде.]

Тем временем армия за армией двигались на поддержку Наполеона из Франции, Испании, Голландии и Южной Германии. Крепости Эльбы и Одера, которые должны были стать его барьером, стали его базой операций; и силы, находившиеся в его распоряжении, были настолько огромны, что, укомплектовав каждый опорный пункт в Центральной Европе, он смог в начале июня вывести 140 000 человек на поле боя за Вислой. Русские также получили подкрепление, но армия Беннигсена все еще была слабее армии противника. Тем не менее именно Беннигсен начал наступление; и теперь, как и в зимнюю кампанию, он попытался застать врасплох и разгромить северный корпус Нея. Последовало то же общее движение французской армии, что и в январе. Русский командующий, численно превосходивший французов, удалился в свой укрепленный лагерь в Гейльсберге. После кровопролитного отражения атаки на эту позицию Наполеон вынудил Беннигсена покинуть его логово, двинувшись прямо на Кенигсберг. Беннигсен полагал, что успеет вовремя расправиться с изолированным корпусом; он оказался

лицом к лицу со всеми силами противника во Фридланде, принял бой и не смог спасти свою армию от тяжелого и решительного поражения (14 июня). Победа при Фридланде привела французов в Кенигсберг. Беннигсен отступил за Неман, и 19 июня перемирие положило конец действиям враждебных сил на границах России. ^[139]

Положение армии Беннигсена отнюдь не было отчаянным. Его люди не были окружены; они почти не потеряли пленных; они не испытывали страха перед французами. Но генерал преувеличил серьезность своего поражения. Как и большинство его офицеров, он устал от войны и не испытывал сочувствия к мотивам, побудившим императора сражаться за общее дело Европы. Политики, окружавшие Александра, убеждали его вывести Россию из конфликта, в котором она ничего не выиграет. Император колебался. Медлительность Великобритании, продолжающийся нейтралитет Австрии ставили под сомнение мудрость его собственного бескорыстия; и он решил встретиться с Наполеоном и выяснить условия, на которых Россия могла бы примириться с хозяином половины Континента.

[Беседа Наполеона и Александра в Тильзите, 25 июня.]

25 июня два государя встретились друг с другом на плоту в Тильзите, посреди реки Неман. Разговор, который, как утверждается, был начат Александром с выражения ненависти к Англии, не слышал никто, кроме говоривших. Но каким бы ни было стремление или нежелание русского монарха отделиться от Великобритании, цель Наполеона была достигнута. Александр сдался на уговоры завоевателя, который, казалось, ничего не просил и предлагал все. Переговоры затянулись; отношения двух монархов становились все более и более интимными; и вопрос борьбы не на жизнь, а на смерть заключался в том, чтобы Россия приняла весь план наполеоновских завоеваний и заняла свое место рядом с грабителем в обмен на свою долю добычи. Напрасно король Пруссии отклонил предложения Наполеона после битвы при Эйлау, оставаясь верным своим обязательствам по отношению к своему союзнику. Обещания, договоры и жалость были в равной степени выброшены на ветер. Несчастный Фридрих Вильгельм больше не получал объятий; друг, с которым ему предстояло выстоять или пасть, уступил большую половину своих владений Наполеону и даже укрепил русскую границу за его счет. Дальнейшее существование Пруссии в какой бы то ни было форме было охарактеризовано как уступка, сделанная Наполеоном Александру. Согласно публичным статьям Тильзитского мирного договора, подписанного Францией, Россией и Пруссией в первую неделю июля, король Пруссии уступил Наполеону все свои владения к западу от Эльбы и всю территорию, полученную Пруссией в результате трех разделов Польши, за исключением района на Нижней Висле, соединяющего Померанию с Восточной Пруссией. Из уступленной территории к западу от Эльбы для брата Наполеона Жерома было создано Вестфальское королевство; польские провинции Пруссия, за исключением полосы, переданной Александру, были образованы в Великое герцогство Варшавское и подарены вассалу Наполеона, королю Саксонии. Россия признала государства-сателлиты Наполеона в Италии, Голландии и Германии. Царь обязался предложить свое посредничество в конфликте между Францией и Великобританией; секретная статья предусматривала, что в случае вступления Великобритании и Франции в войну 1 декабря следующего года Пруссия должна объявить войну Великобритании.

[Секретный союзный договор.]

[Заговор двух императоров.]

Таковы были условия, содержащиеся в официальных мирных договорах между тремя державами. Они, однако, содержали лишь малую часть условий, согласованных повелителями востока и запада. Секретный союзный договор, отличный от Мирного договора, также был подписан Наполеоном и Александром. В разговорах, которые склонили царя на сторону Франции, Наполеон предложил Александру трофеи Швеции и Османской империи. Финляндия и Дунайские провинции были не слишком высокой ценой за поддержку Державы, оружие которой могло парализовать Австрию и Пруссию. В обмен на обещание этого расширения своей империи Александр обязался, в случае отказа Великобритании от продиктованных им условий мира, объединить свое оружие с оружием Наполеона и заставить нейтральные морские державы, Данию и Португалию, принять участие в борьбе против Англии. Присоединение Молдавии и Валахии к Российской империи было предусмотрено при посредничестве Франции. В случае отказа Порты от этого посредничества Наполеон обязался помочь России освободить всю европейскую территорию, находившуюся под игом султана, за исключением Румелии и Константинополя. Раздел освобожденной территории между Францией и Россией, а также установление наполеоновского дома в Испании, вероятно, были предметом скорее устного взаимопонимания, чем какого-либо письменного соглашения. ^[140]

Таков был этот обширный и угрожающий план, задуманный человеком, вся карьера которого была одной последовательной борьбой за личное господство, принятый человеком, который среди правителей Континента до сих пор демонстрировал величайшую способность действовать в интересах Европы и проявлять интерес к делу, непосредственно не принадлежащему ему. В воображении Наполеона национальные силы западного континента теперь перестали существовать. За исключением Австрии, не было ни одного государства на материке, армия и флот которого в перспективе не находились бы в руках его самого и его нового союзника. Торговля Великобритании, и без того изолированная от большей части Европы, теперь должна была быть изолирована от всего остального; армии, которые до сих пор сражались за независимость Европы на британские субсидии, военно-морские силы, сохранившие свое существование благодаря нейтралитету или дружбе с Англией, вскоре должны были быть брошены без различия против этого последнего врага. Если даже в этот момент английский государственный деятель, узнавший о тайном Тильзитском соглашении, мог без страха смотреть в будущее своей страны, то это было вызвано не каким-либо несовершенством структуры континентальной тирании. Флоты Дании и Португалии могли быть мало полезны против английских моряков; дома английского народа все еще могли быть так же защищены от иностранного вторжения, как во времена, когда Нельсон охранял моря; но дело было не в каких-либо остатках политической чести, сохранившихся в императоре Александре. Там, где действия Александра имели решающее значение, в его посредничестве между Францией и Пруссией, он без колебаний переходил на сторону угнетения. В его силах было добиться для Пруссии условий мира, столь же мягких, как те, которых Австрия добилась при Кампо Формио и Люневиле: он пожертвовал Пруссией, вступив в союз против последних сторонников национальной независимости в Европе, чтобы самому получить Финляндию и Дунайские провинции.

[Английская экспедиция против Дании, июль 1807 г.]

За два дня до подписания Тильзитского мирного договора британские войска, которых когда-то с таким нетерпением ожидал царь, высадились на острове Рюген. Борьба, в которой они должны были принять участие, закончилась. Только Швеция осталась с оружием в руках; и даже

донкихотская драчливость короля Густава не смогла спасти Штральзунд от быстрой капитуляции. Но войскам Великобритании не суждено было вернуться, не нанеся удара. Едва начались переговоры между Наполеоном и Александром, как британскому правительству были отправлены секретные сведения об их цели. ^[141] В Лондоне стало известно, что флот Дании будет захвачен Наполеоном и вынужден сражаться против Великобритании. Каннинг и его коллеги действовали с быстротой, которая редко подводила британское правительство, когда оно могло добиться своей цели с помощью одного только флота. Они решили предвидеть нарушение Наполеоном датского нейтралитета и захватить военно-морской флот, который в противном случае был бы захвачен Францией и Россией.

[Бомбардировка Копенгагена, сентябрь. 2.]

28 июля флот с 20 000 человек на борту отплыл от британских берегов. Войска высадились в Дании в середине августа и соединились с корпусом, который уже был отправлен на Рюген. Датскому правительству было предложено передать свой военно-морской флот в руки Великобритании, с тем чтобы он мог оставаться в качестве залога в каком-нибудь британском порту до заключения мира. Требуя принести в жертву датский нейтралитет, Англия обязалась защитить датскую нацию и колонии от враждебности Наполеона и предоставить в распоряжение своего правительства все средства морской и военной обороны. В случае неудачи с капитуляцией флота англичане заявили, что будут бомбардировать Копенгаген. Ответ, данный на этот призыв, был таким, какого можно было ожидать от мужественной нации, озлобленной против Великобритании ее жестоким обращением с нейтральными торговыми судами и склонной подчиняться деспоту Континента, а не тиранам морей. Переговоры оказались безрезультатными, и 2 сентября англичане открыли огонь по Копенгагену. В течение трех дней и ночей город подвергался жестокой бомбардировке. Тысяча восьмьсот домов были сровнены с землей, город был подожжен в нескольких местах, и большое количество жителей погибло. В конце концов командующий оказался вынужден капитулировать. Флот был передан Великобритании вместе со всеми запасами, находившимися в арсенале Копенгагена. Его привезли в Англию уже не на условиях дружественного нейтралитета, а как военный приз.

Сами захватчики стыдились своей добычи. Англия получила вооружение, отнятое у народа, который не был нашим врагом, и в результате нападения, которое не было войной, с большим опасением, чем с аплодисментами. В Европе, казалось бы, неспровоцированное нападение на слабое нейтральное государство вызвало крайнее возмущение. Считалось, что британское министерство, которому не позволили обнародовать полученные им доказательства намерений двух императоров, выдумало историю о Секретном договоре. Датское правительство отрицало, что Наполеон требовал от них сотрудничества; сами Наполеон и Александр напустили на себя вид возмущенного изумления. Но факты, изложенные Каннингом и его коллегами, были верны. Заговор двух императоров не был выдумкой. Единственный вопрос, который все еще остается открытым - и это действительно важный вопрос - касается обязательств, взятых на себя самим датским правительством. Наполеон в своей корреспонденции от этой даты ссылается на определенные обещания, данные ему датским двором, но он также жалуется, что эти обещания не были выполнены; и контекст письма делает почти несомненным, что, чего бы ни требовал Наполеон, Дания не обещала ничего большего, кроме того, что ее порты будут закрыты для английских судов. ^[142] Если бы британский кабинет располагал доказательствами решимости датского правительства передать свой флот Наполеону без сопротивления, нападение на Данию, рассматриваемое фактически как акт войны, не было бы несправедливым. Но, помимо

предполагаемого выступления Наполеона в Тильзите, не было даже заявлено, что такие доказательства достигли Лондона; и несомненный заговор императоров против датского нейтралитета не был достаточным основанием для действий со стороны Великобритании, которые выходили так далеко за рамки простого срыва их замыслов. Капитуляция датского флота, требуемая Англией, была бы безоговорочным актом войны со стороны Дании против Наполеона; это была не просто гарантия сохранения нейтралитета. Не было у британского правительства и последнего оправдания срочной и непреодолимой необходимостью.

Девятнадцать датских военных кораблей не повернули бы чашу весов против Англии. Память о Трафальгаре вполне могла бы придать британскому министерству мужества встретить своих врагов обычными методами войны. Если бы силы Дании были намного больше, чем они были на самом деле, опасность для Великобритании не была бы настолько велика, чтобы оправдывать зло, причиненное человечеству, примером, поощряющим все будущие воюющие стороны опережать друг друга в принуждении каждого нейтрального государства принять участие в самих себе.

[Требования Наполеона к Португалии.]

Флот, который Наполеон намеревался повернуть против этой страны, теперь находился в безопасности в гавани Портсмута. Дания в горьком негодовании объявила войну Великобритании и оказала некоторую услугу Континентальной лиге нападениями своих каперов на британские торговые суда в Балтийском море. Вторая нейтральная держава, судьба которой была решена двумя императорами в Тильзите, получила вызов Наполеона за несколько дней до нападения на Копенгаген. Регент Португалии сам сообщил британскому правительству, что Наполеон потребовал от него закрыть свои порты для британских судов, объявить войну Англии и конфисковать всю британскую собственность в пределах его владений. Оказавшись между Державой, которая могла лишиться его владений на суше, и той, которая могла отнять у него все, чем он владел за морем, регент решил сохранить свою старинную дружбу с Великобританией и подчиняться Наполеону только в той мере, в какой английское правительство простит его за то, что он действовал по принуждению. Хотя между Португалией и Англией возникло номинальное состояние войны, регент действительно действовал в интересах Англии и до конца следовал советам британского кабинета министров.

[Мирный договор в Фонтенбло между Францией и Испанией о разделе Португалии, 27 октября.]

Конец должен был скоро наступить. Требования Наполеона, какими бы произвольными и деспотичными они ни были, никоим образом не выражали в полной мере его намерений по отношению к Португалии. Он решил захватить эту страну и использовать ее как средство для распространения своего собственного владычества на весь испанский полуостров. Армейский корпус под командованием Жюно уже был размещен в Пиренеях. 12 октября Наполеон получил ответ регента Португалии, в котором тот соглашался объявить войну Англии и отклонял только бесчестный приказ о конфискации всего английского имущества. Этого единственного акта сопротивления было достаточно для достижения целей Наполеона. Он немедленно отозвал своего посла из Лиссабона и отдал Жюно приказ перейти границу и двинуться на Португалию. Король Испании, который должен был стать следующей жертвой Наполеона, на данный момент использовался в качестве его сообщника. В Фонтенбло был заключен мирный договор между Наполеоном и королем Карлом IV. за раздел Португалии (27 октября). ^[143] В обмен на уступку королевства Этрурия, которым все еще номинально управлял член испанского дома, королю

Испании была обещана половина португальских колоний вместе с титулом императора Индии; северные провинции Португалии были зарезервированы за малолетним королем Этрурии, южные - за Годоем, министром Карла IV.; центральные районы должны были остаться в руках Франции и использоваться как средство отвоевания испанских колоний у Англии после заключения всеобщего мира.

[Жюно вторгается в Португалию, ноябрь 1807 г.]

[Бегство Дома Браганса.]

Ни одно из этих положений не предполагалось ввести в действие. Завоевание Португалии было лишь частью завоевания всего полуострова. Но ни испанский двор, ни испанский народ не подозревали о замысле Наполеона. Жюно без сопротивления продвигался по испанской территории и с предельной поспешностью продвигался к Лиссабону. Скорость, с которой приказы Наполеона вынудили его выступить в поход, повергла его армию в полную прострацию, и малейшее сопротивление привело бы к ее гибели. Но Лиссабонский двор решил покинуть страну, которую они не могли надеяться защитить от хозяина Континента. Уже в семнадцатом и восемнадцатом веках Дом Браганса был знаком с проектом переноса резиденции своего правительства в Бразилию; и теперь, с одобрения Великобритании, регент решил сохранить независимость своей семьи бегством через Атлантику. Когда войска Жюно приблизились к столице, дворцовые слуги поспешно погрузили королевское имущество на борт корабля. 29 ноября, когда французы были уже совсем близко, эскадра, доставившая Дом Браганса в его колониальную резиденцию, спустилась вниз по Тежу, салютуя пушками английского флота, стоявшего на той же реке. Жюно вошел в столицу несколькими часами позже и встал во главе правительства, не встретив никакого сопротивления. Оккупация Португалии была описана Наполеоном как возмездие за бомбардировку Копенгагена. Это вызвало мало внимания в Европе; и даже при испанском дворе единственным чувством было удовлетворение приближающимся возвышением монархии Бурбонов. Полное значение вмешательства Наполеона в дела полуострова было открыто только по прошествии нескольких месяцев.

[Пруссия после Тильзитского мира.]

[Министр Штайн, 5 октября 1807 г.]

Португалия и Дания ощутили на себе последствия мира, заключенного в Тильзите. Однако от судьбы датского флота и португальской королевской семьи зависело меньше, чем от судьбы Пруссии, самой жестоко пострадавшей из всех жертв, принесенных честолюбием Александра. Несчастное прусское государство, уменьшенное наполовину в своих прежних размерах, опустошенное и обнищавшее в результате войны и обремененное поддержкой французской армии, обнаружило в кризисе своего разорения начало более достойной национальной жизни. Наполеон в своей мстительной ревности невольно поставил во главе прусского правительства самого способного и патриотичного государственного деятеля Континента. С весны 1807 года барон Харденберг снова был ведущим министром Пруссии, и именно по его совету король благородно отказался от заключения сепаратного мира после битвы при Эйлау. Наполеон не мог допустить, чтобы этот министр, которого он уже заклеил как сторонника Великобритании, остался у власти; он настоял на увольнении Харденберга и рекомендовал королю Пруссии вызвать Штейна, который был пока известен Наполеону только как искусный финансист, способный, вероятно, добиться успеха в сборе денег, которые французы намеревались

вымогать.

[Эдикт об эмансипации, 9 октября 1807 г.]

Штейн вступил в должность 5 октября 1807 года, обладая почти диктаторской властью. Бедствия войны донесли до сознания всех просвещенных людей необходимость самых радикальных изменений в государственных службах, а также в социальном порядке прусского государства; и комиссия, в число членов которой входил историк Нибур, уже наметила масштабные меры реформы, прежде чем Харденберг покинул свой пост. Назначение Штейна поставило во главе государства человека, неизмеримо превосходящего Харденберга по энергии, необходимой для осуществления великих преобразований, и дало тем, кто наиболее искренне занимался гражданскими или военными реформами, лидера, не имеющего себе равных в патриотическом рвении, смелости и чистоте характера. Первой крупной законодательной мерой Штейна была отмена крепостного права и всех юридических различий, которые удерживали в пределах их касты дворян, горожан и крестьян. Подписывая своим именем эдикт ^[144], который 9 октября 1807 года положил конец средневековым рамкам прусского общества, Штайн действительно лишь завершал изменение, которое прогресс соседних государств, должно быть, навязал Пруссии, кто бы ни находился у ее власти. правительство. Указ был составлен на основе отчета Комиссии Харденберга и был опубликован Штайном в течение шести дней после его вступления в должность. Какими бы значительными ни были изменения, внесенные в этот эдикт об освобождении, он содержал не больше, чем было необходимо для того, чтобы поднять Пруссию до уровня наименее развитого из западных континентальных государств. В Австрии чистое крепостное право было отменено Марией Терезией тридцать лет назад; оно исчезло вместе с большинством юридических классовых различий везде, где победы Франции несли новый политический порядок; даже угнетенное крестьянство Польши было освобождено от своего унижительного ига в границах недавно основанного Варшавского герцогства. Если бы Пруссия не отказалась от своего участия в европейском прогрессе и не объединилась со своим варварским восточным соседом, тот порядок, который приковывал крестьянина к земле и ограничивал каждого пруссака наследственными занятиями своего класса, больше не мог бы сохраняться. Первая мера Штейна заслуживает более пристального изучения не как достижение индивидуального гения, а как наиболее яркое выражение различий между старой и новой Европой.

[Прусский крестьянин до и после Эдикта от 9 октября 1807 г.]

Эдикт от 9 октября 1807 г. отменил всякое личное рабство; он разрешал дворянину, гражданину и крестьянину следовать любому призванию; он отменил правило, которое не позволяло земле, принадлежащей представителю одного класса, переходить в руки другого класса; он давал семьям право освобождать свои поместья от повинностей. Взятые вместе, эти законодательные акты заменяют устаревшую доктрину, унаследованную Пруссией от феодальных времен, о том, что человек рождается таким, каким он будет жить и умрет, свободным распоряжением трудом и собственностью. Отмена крепостничества, хотя и не была самым заметным положением Эдикта, была тем, последствия которого ощущались быстрее всего. В большей части Пруссии признаками крепостного права, в отличие от платежей и услуг, составляющих своего рода ренту, были обязанность крестьянина оставаться на своем участке и право сеньора брать детей крестьянина в качестве неоплачиваемых слуг в свой дом. Между наследственным подданным и господином существовали общие отношения повиновения и повелевания, хотя господин не мог

ни требовать произвольного количества труда, ни налагать жестокие наказания, которые были обычными в Польше и Венгрии. Чем был крестьянин в Англии в XIII веке, тем крепостным был в Пруссии в 1806 году; и изменение, которое в Англии постепенно превратило крестьянина в свободного правообладателя, было тем изменением, которое много веков спустя прусский законодатель осуществил одной большой мерой. Штейн сделал прусского крестьянина тем, кем стал английский копирайтер при восшествии на престол Генриха VII, и тем, кем был французский крестьянин до 1789 года, - свободным человеком, но обязанным платить фиксированные взносы и служить хозяину поместья в силу оккупации его земли. Эти феодальные повинности и услуги, к которым французский крестьянин, привыкший за столетия до революции считать себя полноправным собственником земли, относился как к простой обиде и злоупотреблению, Штейн считал наилучшей формой, в которой могли поддерживаться совместные интересы лорда и крестьянина. Четыре года спустя Харденбергу было предоставлено право освободить крестьянина от всех обязательств по отношению к своему господину и передать ему в неограниченное владение две трети его прежних владений, при этом господин получал оставшуюся треть в качестве компенсации за потерю феодальных пошлин. Ни Штайн, ни Харденберг не вмешивались в право лорда действовать в качестве судьи и полицейского магистрата в пределах своего поместья; и наследственная юрисдикция, которая была отменена в Шотландии в 1747 году и во Франции в 1789 году, оставалась неизменной в Пруссии вплоть до 1848 года.

[Относительное положение крестьян в Пруссии и Англии.]

История аграрных реформ на Континенте показывает, насколько обширным был промежуток времени, на который некоторые из величайших социальных изменений в Англии предвосхитили соответствующие изменения почти во всех других нациях. Но если прусский крестьянин в начале нынешнего столетия оставался в рабском состоянии, о котором в Великобритании до Реформации забыли, то раннее процветание крестьянина в Англии было дорого куплено последующим упадком, который сделал его нынешнее положение намного хуже положения детей или внуков прусского крепостного. Каким бы тяжелым ни было бремя прусского крепостного, его владения, по крайней мере, были защищены законом от поглощения владениями его господина. Прежде чем в Пруссии был накоплен достаточный капитал, чтобы превратить земельную собственность в объект конкуренции, принудительная военная служба Фридриха сделала правилом государства то, что количество крестьянских хозяйств не должно уменьшаться, каким бы ни было насилие над законами рынка или желаниями крупных землевладельцев. Не допускалось никакого процесса, соответствующего тому, посредством которого в Англии после того, как виллен становился свободным копирайтером, лорд, с техническим юридическим правом или без него, прекращал владение копирайтом своим вассалом и делал землю такой же своей исключительной собственностью, как стулья и столы в его доме. В Пруссии, если закон удерживал крестьянина на земле, он также сохранял землю за крестьянином. Экономические условия в отсутствие такого контроля в Англии работали против класса мелких собственников. Их раннее предоставление избирательных прав фактически способствовало их вымиранию. Возможно, для английского рабочего класса было бы лучше оставаться связанным полурабскими узами со своей землей, чем получить бесплатное владение, которое закон, вставший на сторону землевладельца, рассматривал как расторгаемое по истечении определенного срока жизни и которое растущий капитал богатых сделал своей излюбленной добычей. Безземельному, лишенному ресурсов английскому рабочему мало пользы знать, что его предок был йоменом, в то время как пруссак был

крепостным. Пока сохранялось рабство крестьян на материке, наконец пришло процветание. Условия, которые когда-то отличали земледельческую Англию от Континента, теперь изменились на противоположные. Нигде на Континенте нет рабочего класса, столь лишенного всякого интереса к земле, столь старательно исключенного из всех возможностей владения собственностью, как в Англии. Только в Англии отсутствие внутренней революции и внешнего давления спасло класс людей, чья жизнь, проведенная в тяжелом труде, оставляет такими же голыми и зависимыми, как и в начале, и которым единственное благо, которое может предложить их страна, - это образование, которое может заставить их бросить его.

[Реформа прусской армии.]

[Непродолжительная служба.]

Помимо комиссии, разработавшей проект Эдикта об освобождении, Штайн обнаружил военную комиссию, занятую разработкой плана реорганизации прусской армии. Существующая система заставляла крестьян служить в рядах в течение двадцати лет и набирала офицеров из дворян, оставляя жителей городов вообще без обязанности или права вступать в армию. После битвы при Йене никто не сомневался в том, что в Пруссии должен быть введен принцип всеобщей воинской повинности; с другой стороны, сами бедствия государства делали невозможным содержание армии в чем-либо, приближающемся к ее прежнему размаху. С отторгнутой половиной своей территории, а оставшаяся часть была опустошена войной, Пруссия едва могла позволить себе содержать 40 000 вооруженных солдат. Таковы были условия, поставленные перед людьми, которым было поручено строительство новой прусской военной системы. Их выводы, несовершенные сами по себе и лишь частично осуществленные в последующие годы, тем не менее легли в основу новейшей военной организации Пруссии и Европы в целом. Проблема была решена за счет введения короткого срока службы и быстрого зачисления подготовленного призывника в резерв. Шарнхорст, президент Военной комиссии, которому больше, чем кому-либо другому, Пруссия была обязана своим военным возрождением, предложил содержать Действующую армию численностью в 40 000 человек; резерв, в который солдаты должны переходить после непродолжительной службы в действующей армии; ландвер, который должен использоваться только для внутренней обороны страны; и ландштурм, или всеобщее вооружение населения, для разновидности партизанской войны. Проект Шарнхорста был горячо поддержан Штайном, который занимал место и имел право голоса в Военной комиссии; и система срочной службы с резервом была немедленно введена в действие, хотя и в очень ограниченном масштабе. Остальной части схемы пришлось ждать содействия событий. Принцип всеобщей воинской обязанности был впервые провозглашен во время войны 1813 года, когда также впервые был зачислен ландвер.

[Планы политической реформы Штейна.]

[Проект парламента, муниципалитетов и районных советов.]

Реорганизация военной системы Пруссии и освобождение крестьян, хотя и были осуществлены приходом Штайна к власти, исходили не от самого Штайна; отличительной работой Штайна был великий план политической реформы. Если бы Штайн подольше оставался у власти, он дал бы Пруссии по крайней мере зачатки конституционного правления. События вынудили его покинуть свой пост, когда лишь небольшая часть его проекта была реализована; но сам проект был великим и всеобъемлющим. Он планировал дать Пруссии парламент и установить систему

самоуправления в ее городах и сельских округах. Штайн посетил Англию в молодости. История и литература Англии интересовали его больше, чем история какой-либо другой страны; и он узнал из Англии, что партнерство нации в работе правительства не только не ослабляет власть, но и придает ей силу, которую ни одна деспотическая система не может долго сохранять. Почти каждый важный государственный документ, написанный Штайном, осуждает апатию гражданского населения Пруссии и объясняет это их отстранением от выполнения каких-либо государственных обязанностей. Он заявил, что нацию необходимо вывести из оцепенения путем установления представительного правительства и создания свободных местных институтов в городе и деревне. Штайн не был другом демократии. Как и любой другой прусский государственный деятель, он считал само собой разумеющимся осуществление мощной монархической власти в центре государства; но вокруг постоянной исполнительной власти он хотел собрать Национальный совет, сдерживающий, по крайней мере, капризы Кабинета министров и заставляющий монарха прислушиваться к мнению народа. Парламент Штейна был бы гораздо более слабым органом, чем английская палата общин, но он, по крайней мере, не был задуман как пародия, подобно тем законодательным органам, которые Наполеон и его клиенты возвели для маскировки деспотизма. Ведение местных дел в городах и сельских округах, которые до сих пор принадлежали чиновникам короны, Штейн желал частично передать органам, избираемым самими жителями. Функции, возложенные на новые муниципальные органы, иллюстрировали скромный и осторожный характер попыток Штейна в направлении самоуправления, включая не более чем заботу о бедных, надзор за школами и содержание улиц и общественных зданий. Финансы оставались частично, полиция - полностью в руках центрального правительства. Столь же ограниченными были полномочия, которые Штайн предлагал передать районным советам, избираемым сельским населением. По сравнению с самоуправлением Англии или Америки самоуправление, которое Штейн ввел бы в Пруссии, носило самый элементарный характер; и все же его политика резко контрастировала с той, которая в каждом государстве-клиентуре Наполеона теперь уничтожала последние элементы местной независимости в условиях жесткой официальной централизации.

[Проведена только муниципальная реформа.]

Штайн действительно не смог преобразовать Пруссию так, как он желал. Из законодательных, муниципальных и районных реформ, которые он наметил, муниципальная реформа была единственной, которую он успел провести до того, как был отстранен от власти; и в течение сорока лет муниципальные учреждения, созданные Штейном, были единственным фрагментом свободы, которым пользовалась Пруссия. Яростная оппозиция реформе была возбуждена среди землевладельцев и поддержана влиятельной партией при дворе. Штейна ненавидели дворяне, крестьян которых он освободил, и берлинская аристократия, которая в течение последних десяти лет придерживалась политики дружбы с Францией, а теперь заявила, что единственная безопасность прусского государства заключается в безоговорочном подчинении Наполеону. Огонь патриотизма, энергии, самопожертвования, горевший в Штейне, не делал его представителем прусских правящих классов своего времени. Незадолго до того, как землевладельцы, считавшие его якобинцем, и друзья французов, называвшие его сумасшедшим, имели удовольствие видеть министра, отправленного в изгнание по приказу самого Наполеона (декабрь 1808 г.). Штейн оставил большую часть своей работы незавершенной, но он трудился не напрасно. Годы его служения в 1807 и 1808 годах были годами, собравшими воедино все самое ценное в Пруссии на заре национального возрождения и подготовившими путь для того великого движения, в котором после периода глубочайшего

мрака Штейн сам должен был привести нацию к победе.

ГЛАВА VIII.

Испания в 1806 году-Наполеон использует ссору между Фердинандом и Годоем -Он притворяется защитником Фердинанда-Армия Дюпона входит в Испанию-Мюрат в Испании-Карл отрекается от престола-Фердинанд король-Савари приводит Фердинанда в Байонну-Наполеон заставляя Карла и Фердинанда уйти в отставку-Дух испанской нации-Контраст с Германией-Восстание всей Испании-The Знаменитости в Байонне-Кампания 1808 года-Капитуляция земель Байлен-Уэлсли в Португалии-Вимиейру-Конвент в Цинтре-Влияние испанского восстания на Европу-Военная партия в Пруссии-Наполеон и Александр в Эрфурте-Штайн уходит в отставку и объявлен вне закона-Наполеон в Испании-Плохое правительство Испании- Кампания на Эбро-Кампания сэра Джона Мура-Корунья-Наполеон покидает Испанию-Осада Сарагосы-Успехи французов.

[Испанские дела, 1793-1806 гг.]

[Испания в 1806 г.]

Испания, сыгравшая столь незначительную роль на протяжении всей войны за независимость, теперь вот-вот должна была стать театром событий, которые открыли Европе новый мир надежды. Ее король, бурбон Карл IV, был более слабым и жалким, чем любой государь того времени. Власть принадлежала королеве и ее любовнику Годое, который в течение последних четырнадцати лет так управлял делами страны, что каждое изменение в его политике приносило с собой новые бедствия. В войне Первой коалиции Испания присоединилась к союзникам, и французские армии перешли Пиренеи. В 1796 году Испания перешла на службу Франции и проиграла битву при Сент-Винсенте. По Амьенскому миру Наполеон передал свою колонию Тринидад Англии; при возобновлении войны он снова втянул ее в военные действия с Великобританией и навлек на нее Трафальгарскую катастрофу. Это непрерывное унижение испанского оружия в сочетании с невыносимым гнетом и обнищанием внутри страны вызвало такой резкий протест против правительства Годоя, что иностранные наблюдатели, недооценивавшие лояльность испанского народа, считали, что страна находится на грани революции. При самом дворе наследный принц Фердинанд, под влиянием своей жены-неаполитанки, возглавил партию, оппозиционную Годое и сторонникам французского

владычества. Годой, чувствуя себя неуверенно дома, тем более безоговорочно бросился в объятия Наполеона, который оказал ему презрительное покровительство и польстил обещанием независимого княжества в Португалии. Искьердо, агент Годоя в Париже, получал предложения от Наполеона, которые были скрыты от испанского посла; и в течение первых месяцев 1806 года у Наполеона не было более преданного слуги, чем человек, который фактически держал в руках правительство Испании.

[Испания намерена присоединиться к Пруссии в 1806 году.]

Начало переговоров между Наполеоном и министерством Фокса в мае 1806 года впервые поколебало эти отношения доверия и послушания. Мир между Францией и Англией предполагал отказ Наполеона от любого нападения на Португалию; и теперь Наполеон начал отвечать на расспросы Годоя о своем португальском княжестве зловещим молчанием. Следующее полученное разведданное заключалось в том, что испанские Балеарские острова были предложены Наполеоном Великобритании с целью предоставления компенсации Фердинанду Неаполитанскому, если он уступит Сицилию Жозефу Бонапарту (июль 1806 г.). Это презрительное присвоение испанской территории, даже без намека на консультации с испанским правительством, вызвало едва ли меньший гнев в Мадриде, чем соответствующее предложение в отношении Ганновера, выдвинутое в Берлине. Двор начал обдумывать изменение политики и наблюдал за событиями, которые побудили Пруссию вооружаться для войны 1806 года. Прошло еще несколько недель, и пришло известие, что Буэнос-Айрес, столица испанской Южной Америки, попал в руки англичан. Эта катастрофа произвела глубочайшее впечатление, поскольку потеря Буэнос-Айреса считалась, и не без оснований, лишь прелюдией к потере всей американской империи Испании. Продолжение войны с Англией означало верную гибель; союз с врагами Наполеона был, по крайней мере, не безнадежен теперь, когда Пруссия была готова бросить свою армию на чашу весов против Франции. Испанское правительство направило агента в Лондон (сентябрь 1806 г.); а после начала военных действий со стороны Пруссии Годой выпустил прокламацию, в которой, не называя никакого реального врага, призывал испанский народ готовиться к войне от имени своей страны.

[Мирный договор в Фонтенбло, октябрь 1807 г.]

Едва манифест был прочитан испанцами, как прусская армия была уничтожена при Йене. Мечта о сопротивлении Наполеону развеялась; единственной заботой испанского правительства было спастись от последствий своей несвоевременной дерзости. Годой поспешил объяснить, что его военное воззвание было направлено не против императора Франции, а против императора Марокко. Наполеон заявил, что удовлетворен этой очевидной нелепостью: казалось, события последних нескольких месяцев не оставили никакого следа в его сознании. Сразу же после заключения Тильзитского мира он возобновил свои переговоры с Годоем на старой дружественной основе и завершил их мирным договором в Фонтенбло (октябрь 1807 г.), который предусматривал вторжение французской и испанской армий в Португалию и ее раздел на княжества, одно из которых должно было достаться самому Годою. Оккупация Португалии была должным образом осуществлена, и Годой с нетерпением ожидал скорейшего ухода французов из провинции, которая должна была стать его частью добычи.

[Наполеон использует вражду Фердинанда против Годоя.]

[Наполеон собирается вмешаться в качестве защитника Фердинанда.]

Однако у Наполеона были другие цели. Настоящим призом была Испания, а не Португалия. Наполеон постепенно пришел к решению взять Испанию в свои руки, и разногласия в самом Суде позволили ему появиться на сцене в качестве судьи, к которому апеллировали все стороны. Наследный принц Фердинанд долгое время находился в открытой вражде с Годоем и своей собственной матерью. Пока была жива неаполитанская жена Фердинанда, ее влияние делало наследного принца центром партии, враждебной Франции; но после ее смерти в 1806 году, в то время, когда сам Годой склонялся к врагам Наполеона, Фердинанд занял новую позицию и вступил в союз с французским послом, по наущению которого он написал Наполеону, прося руки принцессы из Наполеоновского дома. ^[145] Годой, хотя и не знал об этом письме, обнаружил, что Фердинанд был вовлечен в какую-то интригу. Короля Карла заставили поверить, что его сын вступил в заговор с целью свергнуть его с престола. Принц был помещен под арест, и 30 октября 1807 года в Мадриде появилась королевская прокламация, в которой сообщалось, что Фердинанд был уличен в заговоре против своих родителей и что он вот-вот предстанет перед судом вместе со своими сообщниками. Король Карл в то же время написал письмо Наполеону, о связи которого с Фердинандом у него не было ни малейшего подозрения, в котором говорилось, что он намерен исключить наследного принца из права наследования трона Испании. Как только Наполеон получил сообщение от простодушного короля, он увидел, что у него есть предлог для вмешательства, которого он так долго желал. Были отданы самые срочные приказы о сосредоточении войск на испанской границе; Наполеон, по-видимому, собирался вступить в Испанию в качестве защитника наследственных прав Фердинанда. Возможность, однако, оказалась менее благоприятной, чем ожидал Наполеон. Кронпринц, охваченный своими страхами, попросил прощения у своего отца и рассказал о переговорах, которые имели место между ним и французским послом. Годой, встревоженный тем, что обнаружил причастность Наполеона к тому, что он считал простой дворцовой интригой, отказался от всякой мысли о дальнейших действиях против наследного принца; и в манифесте было объявлено, что Фердинанд восстановил расположение своего отца. Теперь Наполеон отменил отданный им приказ об отправке рейнских войск к Пиренеям и удовлетворился приказом генералу Дюпону, командующему армейским корпусом, номинально предназначенным для Португалии, перейти испанскую границу и продвинуться до Виттории.

[Дюпон въезжает в Испанию, декабрь 1807 г.]

[Французов приветствовали в Испании как защитников Фердинанда.]

Войска Дюпона вступили в Испанию в последние дни 1807 года и были встречены бурными аплодисментами. Повсеместно считалось, что Наполеон поддержал дело Фердинанда и намеревался избавить испанскую нацию от ненавистного правления Годоя. После открытой атаки, предпринятой против Фердинанда при публикации мнимого заговора, наследный принц, который лично вызывал такое же презрение, как и любой из его врагов, стал кумиром народа. В течение прошедших лет ненависть нации к Годоем и королеве постоянно усиливалась, и сами реформы, которые Годой проводил в надежде привлечь к себе более просвещенные классы, только усугубили его непопулярность среди фанатичных масс нации. Французы, численность которых постепенно достигла 80 000 человек и которые называли себя защитниками Фердинанда и истинной католической веры, смогли распространиться по северным провинциям, не вызывая подозрений. Только когда их командиры с помощью ряда уловок,

достойных американских дикарей, овладели пограничными цитаделями и крепостями, более мудрая часть нации начала испытывать некоторые сомнения относительно истинных целей своего союзника. При самом дворе и среди врагов Фердинанда наступление французов вызвало крайнюю тревогу. Король Карл написал Наполеону в тоне старинной дружбы; но ответ, который он получил, был угрожающим и загадочным. Высказывания, которые император позволил себе в присутствии лиц, которые могли сообщить о них в Мадрид, были еще более тревожными и имели целью запугать Двор, чтобы он принял решение бежать из Мадрида. Столица, некогда покинутая королем, Наполеон рассудил, что он может безопасно взять все в свои руки под предлогом восстановления в Испании правительства, которого она потеряла.

[Мюрат отправлен в Испанию в феврале 1808 г.]

[Карл IV. отрекается от престола 17 марта 1808 года.]

20 февраля 1808 года Мюрату было приказано покинуть Париж, чтобы принять командование в Испании. Наполеон не сказал ему ни слова перед своим отъездом. Его инструкции впервые были получены им в Байонне; они носили военный характер и не давали никаких указаний на конечную политическую цель его миссии. Мюрат вступил в Испанию 1 марта, зная лишь о том, что ему было приказано успокоить все стороны и ни перед кем не связывать себя обязательствами, но с полной уверенностью, что Наполеон предназначил его самого в качестве преемника династии Бурбонов. Именно теперь испанский двор, ожидавший появления французской армии в Мадриде, решился на бегство, которое Наполеон считал столь необходимым для своего собственного успеха. Этот проект не держался в секрете. От Годоя оно перешло к государственным министрам, а от них - к друзьям Фердинанда. Население Мадрида было взбудоражено сообщением о том, что Годой собирается увести короля на расстояние, чтобы продлить дурное правление, которое французы намеревались свергнуть. Буйная толпа двинулась из столицы в Аранхуэс, резиденцию двора. Вечером 17 марта толпа взяла штурмом дворец Годоя. Самого Годоя схватили и отвели в казармы под удары и проклятия толпы. Перепуганный король, который уже видел перед собой судьбу своего кузена, Людовика XVI, сначала издал указ, лишаящий Годоя всех его сана, а затем отрекся от престола в пользу своего сына. 19 марта Фердинанд был провозглашен королем.

[Французы входят в Мадрид, 23 марта.]

Таково было неожиданное известие, которое пришло к Мюрату, когда он приближался к Мадриду. Разногласия при Дворе, которые должны были послужить ему основанием для вмешательства, были прекращены самими испанцами: вместо презираемого старца и фаворита, которому угрожали, Испания получила молодого монарха, вокруг которого с величайшим энтузиазмом сплотились все классы нации. Положение Мюрата стало очень трудным; но он восполнил недостаток в своих инструкциях с ловкостью человека, стремящегося создать вакансию в свою пользу. Он послал своего адъютанта Монтье навестить свергнутого монарха и получил протест от короля Карла IV, объявившего, что его отречение от престола было вымогано у него силой и, следовательно, является недействительным. Этот документ Мюрат держал в секрете; но он тщательно воздерживался от действий, которые могли бы повлечь за собой признание титула Фердинанда. 23 марта французские войска вошли в Мадрид. До сих пор общественности не стало известно ничего, что указывало бы на изменение политики французов, и солдаты Мюрата, как предполагаемые друзья Фердинанда, встретили в Мадриде такой же дружеский прием, как и в других городах Испании. На следующий день сам

Фердинанд торжественно въехал в столицу, сопровождаемый бурными демонстрациями почти варварской лояльности.

[Савари привозит Фердинанда в Байонну, апрель 1808 г.]

В шуме народного веселья было замечено, что войска Мюрата продолжали свои упражнения, не обращая ни малейшего внимания на зрелище, которое так глубоко взволновало сердца испанцев. Возникли подозрения; энтузиазм народа по отношению к французским солдатам начал сменяться раздражением и недоброжелательностью. На самом деле конец долгой драмы обмана был уже близок. 4 апреля генерал Савари прибыл в Мадрид с инструкциями, отличными от тех, которые были даны Мюрату. Ему было поручено выманить нового испанского монарха из его столицы и доставить его, либо как одураченного, либо как пленника, на французскую землю. Задача была несложной. Савари сделал вид, что Наполеон действительно вступил в Испанию и что ему всего лишь требовалось заверение в неизменной дружбе Фердинанда, прежде чем признать его законным преемником Карла IV. Фердинанд, добавил он, не мог проявить большего радушия к своему покровителю, чем выйти ему навстречу на дороге. Обманутый этими надеждами, Фердинанд отправился из Мадрида в сопровождении Савари и нескольких своих собственных глупых приближенных. Достигнув Бургоса, отряд не обнаружил никаких признаков присутствия императора. Они продолжили свой путь в Витторию. Здесь у Фердинанда возникли подозрения, и он отказался ехать дальше. Савари поспешил в Байонну, чтобы сообщить о задержке Наполеону. Он вернулся с письмом, которое преодолело угрызения совести Фердинанда и побудило его пересечь Пиренеи, несмотря на молитвы государственных деятелей и лояльное насилие простых жителей округа. В Байонне Фердинанда навещил Наполеон, но о цели его путешествия не было сказано ни слова. Во второй половине дня император принял Фердинанда и его свиту в соседнем замке, но хранил все то же зловещее молчание. Когда остальные гости разошлись, каноник Эскойкис, член свиты Фердинанда, был задержан и узнал из собственных уст Наполеона о судьбе, уготованной монархии Бурбонов. Савари вернулся в Байонну вместе с Фердинандом и сообщил принцу, что он должен отречься от короны Испании. ^[146]

[Карл и Фердинанд уступают свои права Наполеону.]

[Нападение на французов в Мадриде, 2 мая.]

В течение нескольких дней Фердинанд сопротивлялся требованиям Наполеона с упорством, которое он не часто проявлял в ходе своей подлой и лицемерной карьеры. На него напал не только Наполеон, но и те, чье падение было его собственным возвышением; ибо Мюрат отправил Годоя в Байонну, и старые король и королева поспешили за своим сыном, чтобы стать свидетелями его унижения. Родители Фердинанда набросились на него с непристойностями, которые поразили даже самого Наполеона; но принц настаивал на своем отказе до тех пор, пока из Мадрида не пришли новости, которые привели его в ужас и заставили подчиниться. Раздражение столицы вылилось в вооруженный конфликт между населением и французскими войсками. При попытке Мюрата вывести оставшихся членов королевской семьи из дворца в столице вспыхнуло открытое восстание, и везде, где французских солдат находили поодиночке или небольшими группами, они подвергались резне. (2 мая.) Погибло несколько сотен французов; но победа Мюрата была быстрой, а его месть безжалостной. Повстанцы были оттеснены на большую центральную площадь города и уничтожены неоднократными атаками кавалерии. Когда всякое сопротивление было подавлено, многие горожане были хладнокровно

расстреляны. Таковы были сведения, которые достигли Байонны в разгар борьбы Наполеона с Фердинандом. В дальнейших спорах не было необходимости. Фердинанду сообщили, что, если он задержит свою отставку еще на двадцать четыре часа, с ним будут обращаться как с мятежником. Он уступил, и за пару загородных домов и две пожизненные ренты отец и сын отказались от короны Испании и Индии в пользу Наполеона.

[Национальный дух испанцев.]

Корона действительно была завоевана без боя. То, что оставалась испанская нация, готовая сражаться не на жизнь, а на смерть за свою независимость, не было обстоятельством, которое Наполеон принимал во внимание. Его опыт пока еще не научил его ничему, кроме силы правительств и армий. В более крупных государствах или группах государств, которые до сих пор были добычей Франции, чувство национальной принадлежности почти не существовало. Италия не считала позором оказаться под властью Наполеона. Немцы по обе стороны Рейна знали об отечестве только как об арене самой острой зависти. В Пруссии и Австрии узами гражданства была гораздо меньше любовь к родине, чем привычка повиноваться правительству. Англия и Россия, где патриотизм существовал в том смысле, в каком он существовал в Испании, еще не были затронуты французскими армиями. Судя по действиям немцев и итальянцев, Наполеон вполне мог предположить, что, договорившись с испанским правительством, он договорился и с испанским народом, или, на худой конец, что его войскам, возможно, придется сражаться с какими-нибудь фанатичными крестьянами, вроде тех, что сопротивлялись изгнанию бурбонов из Неаполя. Но испанская нация не была мозаикой политических курьезов, как Священная Римская империя, и не была разделенной и забывчивой семьей, как население Италии. Испания, как единая нация, объединенная под властью своего короля, когда-то играла выдающуюся роль в Европе: когда ее величие ушло, ее гордость осталась позади: испанец, несмотря на все свое оцепенение и обнищание, сохранил чувство чести, живое самоуважение, которые периоды национального величия оставляют после себя среди расы, способной хранить память о них. Те влияния общеевропейской культуры, которые прямо противопоставлялись патриотизму в Германии, также не повлияли на воспитанную дома энергию Испании. Настроение, которое могло найти удовлетворение в возрождении греческого искусства, когда кавалерия Наполеона прочесывала Германию, или которое могло задаться вопросом, не принесет ли человечеству пользу устранение барьеров между нациями, было неизвестно испанскому народу. Их чувство к иностранному захватчику было менее далеким от чувства африканских дикарей, чем от чувства цивилизованных и литературных наций, которые стали такой легкой добычей французов. Правительство, если оно и выродилось во что-то презренное, по крайней мере, не смогло довести народ до пассивной беспомощности, которая явилась результатом совершенного единообразия в Пруссии. Провинциальные институты, хотя и были испорчены, не исчезли; провинциальные привязанности и предрассудки существовали в безграничной силе. Подобно страсти испанца к своему родному краю, его страсть к Испании носила слепой и яростный характер. Просвещенная убежденность, хотя и не отсутствовавшая полностью, занимала мало места в испанской оборонительной войне. Религиозный фанатизм, ненависть к иностранцам, восхищение физическим варварством сыграли свою полную роль на стороне более благородных элементов в борьбе за национальную независимость.

[Восстание в Испании, май 1808 г.]

О пленении Фердинанда и конфликте войск Мюрата с жителями Мадрида стало известно в

испанских городах еще до середины мая. 20 числа того же месяца *Гасета* объявил об отречении семьи Бурбонов. Ничто больше не могло ввергнуть Испанию в смятение. Тот же непреодолимый порыв охватил провинции и города, разделенные всей шириной полуострова. Без связи и без руководства какой-либо центральной власти испанский народ во всех частях королевства вооружился против узурпатора. Карфаген восстал 22-го. Валенсия вынудила своих магистратов провозгласить короля Фердинанда 23-го числа. Два дня спустя горный округ Астурия с полумиллионным населением официально объявил войну Наполеону и направил послов в Великобританию с просьбой о помощи. 26-го Сантандер и Севилья, расположенные на противоположных сторонах полуострова, присоединились к национальному движению. Корунья, Бадахос и Гранада заявили о себе в праздник святого Фердинанда, 30 мая. Таким образом, в течение недели вся страна была вооружена, за исключением тех районов, где присутствие французских войск делало восстание невозможным. Действия повстанцев везде были одинаковыми. Они завладели оружием и амуницией, собранными в складах, и вынудили магистратов или комендантов городов встать во главе их. Там, где последние оказывали сопротивление или подозревались в предательстве национального дела, они во многих случаях были казнены. В главных городах были сформированы правительственные комитеты, и появилось столько армий, сколько было независимых центров восстания.

[Жозеф Бонапарт стал королем.]

[Собрание Наполеона в Байонне, июнь 1808 г.]

Тем временем Наполеон собирал группу прелатов и грандов в Байонне под предлогом консультаций с представителями испанской нации. Половина членов предполагаемого Собрания получила личную повестку от императора; другой половине было приказано избираться всенародным голосованием. Однако, когда из Байонны поступил приказ, страна уже была охвачена восстанием. Выборы проводились только в округах, оккупированных французами, и в Байонну прибыли не более двадцати избранных таким образом представителей. Остальная часть Собрания, насчитывавшая всего девяносто одного человека, состояла из придворных, сопровождавших королевскую семью через Пиренеи, и всех выдающихся испанцев, на которых французы могли наложить свои руки. Жозефа Бонапарта привезли из Неаполя, чтобы он принял корону Испании. ^[147] 15 июня открылось Собрание знаменитостей. Обсуждения проходили в порядке, предписанном Наполеоном во всех подобных случаях. Статьи, маскирующие центральную абсолютную власть под некоторым предлогом национального представительства, были представлены Ассамблее и приняты без критики. За исключением привилегий, предоставляемых Церкви, мало что указывало на то, что Конституция Байонны предназначалась для испанцев, а не для какой-либо другой нации. Его политические формы были столь же ценными или столь же бесполезными, как те, которые Наполеон дал другим своим государствам-сателлитам; его принципы общественного устройства были такими, от которых даже сейчас деспотизм не мог отделить французское господство - отмена феодальных повинностей, равенство налогообложения, допуск всех чинов к государственной службе. Дворянские титулы были сохранены, привилегии дворянства отменены. Был совершен один подлинный акт уважения национального характера. Католическая религия была объявлена единственной разрешенной в Испании.

[Попытки Наполеона подавить восстание в Испании.]

В то время как Наполеон таким образом освобождал крестьян от дворян и примирял свое

превосходство с притязаниями Церкви, крестьяне и горожане хватались за оружие по призыву священников, которые настолько мало ценили ортодоксальность своего покровителя, что отождествляли его в своих манифестах с Кальвином, с Антихристом и с Аполлионом. ^[148] Император недооценил военную эффективность национального восстания и удовлетворился тем, что послал своих лейтенантов подавлять его, в то время как сам, ожидая скорого сообщения о победе, оставался в Байонне. Дивизии французской армии двинулись во всех направлениях против повстанцев. Дюпону было приказано выступить из столицы на Севилью, Монси - на Валенсию; маршал Бессьер принял командование войсками, предназначенными для разгрома основной армии испанцев, которая угрожала дорогам от Пиренеев до Мадрида. Все первые столкновения были благоприятны для опытных французских войск; однако цели, которые Наполеон ставил перед своими генералами, не были достигнуты. Монси не удалось взять Валенсию; Дюпон обнаружил численное превосходство при прохождении Сьерра-Морены, и ему пришлось вернуться по своим следам и остановиться в Андухаре, где дорога на Мадрид выходит из долины Гвадалквивира. Не понеся серьезных потерь, французские дивизии были обескуражены изнурительными и безрезультатными маршами; испанцы обретали новую уверенность в каждом последующем дне, который проходил без нанесения им поражения. В конце концов, однако, маршал Бессьер вынудил командующих северной армией вступить в ожесточенное сражение при Рио-Секо, к западу от Вальядолида (13 июля). Бессьер одержал полную победу и заслужил щедрые похвалы своего хозяина за сражение, которое, по замыслу самого Наполеона, положило конец войне в Испании, обеспечив безопасность дорог от Пиренеев до Мадрида.

[Капитуляция Байлена, 19 июля.]

[Дюпон в Андалусии.]

Никогда еще Наполеон так серьезно не ошибался в истинном характере кампании. Жизнеспособность испанского восстания заключалась не в поддержке столицы, которая никогда не выходила из рук французов, а в самой независимости нескольких провинциальных движений. В отличие от Вены и Берлина, Мадрид мог быть удержан французами без ущерба для их противника; Кадис, Корунья, Лиссабон были в равной степени удобными базами для восстания. Победа маршала Бессьера на севере сохранила сообщение между Францией и Мадридом, и больше это ничего не дало. Оно не смогло восстановить баланс военных сил на юге Испании или повлиять на операции испанских войск, которые в настоящее время окружали Дюпон на Гвадалквивире. 15 июля Дюпон был атакован при Андухаре значительно превосходящими силами. Его лейтенант Ведель, зная, что испанцы совершают поворот, совершил долгий марш на север, чтобы охранять линию отступления. В его отсутствие позиция Байлена, непосредственно в тылу Дюпона, была захвачена испанским генералом Редингом. Дюпон обнаружил, что окружен. Он разделил свою армию на две колонны и ночью 18-го двинулся из Андухара в сторону Байлена в надежде одолеть дивизию Рединга. На рассвете 19-го французы атаковали позиции Рединга. Борьба продолжалась до середины дня, хотя французские солдаты падали, измученные жаждой и палящей жарой. Наконец в тылу послышалась канонада. Кастаньос, испанский генерал, командовавший в Андухаре, обнаружил отступление Дюпона и двинулся за ним со свежими и не утомленными боем войсками. Дальнейшее сопротивление было безнадежным. Дюпону пришлось вести переговоры о капитуляции. Он согласился выдать дивизию Веделя, а также свою собственную, хотя войска Веделя контролировали дорогу на Мадрид, испанский командующий пообещал, при этом

условии, что пленники не будут оставаться в Испании в качестве военнопленных, а им будет разрешено вернуться морем на родину. Таким образом, вся армия Андалусии, насчитывавшая 23 000 человек, перешла в руки врага, в существование которого Наполеон не верил. Стремление Дюпона спасти что-нибудь для Франции только усугубило масштабы бедствия, поскольку севильская хунта отказалась утвердить условия капитуляции, и пленные, за исключением старших офицеров, были отправлены на галеры в Кадисе. Победоносные испанцы двинулись на Мадрид. Королю Иосифу, который вступил в город всего неделю назад, пришлось бежать из своей столицы. Все французские войска в Испании были вынуждены отойти на оборонительную позицию на Эбро.

[Уэлсли высаживается в Португалии, 1 августа 1808 г.]

[Вимиейру, 21 августа.]

[Съезд в Цинтре, 30 августа.]

Катастрофа при Байлене произошла не одна. Нападение Наполеона на Португалию привело его в зону поражения Великобритании. 1 августа английская армия под командованием сэра Артура Уэлсли высадилась на португальском побережье в устье реки Мондего. Жюно, первый захватчик полуострова, все еще находился в Лиссабоне; его силы при оккупации Португалии насчитывали почти 30 000 человек, но они были широко рассеяны, и он не смог вывести на поле боя более 13 000 человек против 16 000, с которыми Уэлсли двинулся на Лиссабон. Жюно выступил навстречу захватчику. 21 августа произошло сражение при Вимиейру, в тридцати милях к северу от Лиссабона. Победа была одержана англичанами; и если бы первое преимущество было реализовано, армия Жюно вряд ли избежала бы пленения. Но командование перешло из рук Уэлсли. Его старший офицер, сэр Гарри Беррард, принял руководство армией сразу же после окончания сражения, и Уэлсли пришлось согласиться на приостановку операций в тот момент, когда враг, казалось, был в пределах его досягаемости. Жюно наилучшим образом использовал свою отсрочку. Он вступил в переговоры об эвакуации Португалии и добился наиболее благоприятных условий Цинтрской конвенции, подписанной 30 августа. Французской армии было разрешено вернуться во Францию со своим оружием и багажом. Уэлсли, который решительно осудил бездействие своих вышестоящих офицеров после сражения 21-го августа, согласился с ними в том, что после того, как врагу однажды позволили уйти, эвакуация Португалии была лучшим результатом, которого могли добиться англичане. ^[149] Соответственно, войска Жюно были доставлены во французские порты за счет британского правительства, к большому неудовольствию общественности, которая ожидала увидеть, как маршал и его армия доставят пленных в Портсмут. Англичане были так же недовольны своей победой, как французы своим поражением. Собираясь отдать Жюно под трибунал за его капитуляцию, Наполеон узнал, что британское правительство приказало привлечь к суду своих собственных генералов за то, что они позволили врагу ускользнуть от них.

[Влияние испанского восстания на Европу.]

[Партия войны в Австрии и Пруссии.]

[Наполеон и Пруссия.]

Если Цинтрский конвент не принес Англии особой славы, то известия об успешном восстании испанского народа против Наполеона и капитуляции Дюпона при Байлене произвели

глубочайшее впечатление во всех странах Европы, которые все еще лелеяли мысль о сопротивлении Франции. Первое крупное бедствие постигло армию Наполеона. Оно было нанесено нацией без правительства, без политики, без плана, кроме освобождения своего отечества от чужеземцев. То, чего не удавалось добиться коалиции за коалицией, патриотизм и энергия одного народа, покинутого своими правителями, казалось, вот-вот достигнуто. Победа регулярных войск при Байлене была лишь частью того великого национального движения, в котором каждая отдельная вспышка внесла свою лепту в раскол и паралич императорских войск. Способность необученных народных рекрутов противостоять опытным войскам могла быть преувеличена в первой вспышке удивления и восхищения, вызванной испанским восстанием; но разница, внесенная в характер борьбы духом народного негодования и решимости, была такой, в отношении которой ошибка была невозможна. Внезапный свет пролился на политиков Австрии и Пруссии и объяснил бессилие этих Коалиций, в которых войны всегда были делом кабинетов министров, а никогда - делом народа. То, что испанская нация совершила для себя против Наполеона, не было невозможным для немецкой нации, если бы однажды среди немецкой расы возникло национальное движение, подобное испанскому. "Я не понимаю, - писал Блюхер некоторое время спустя, - почему мы не должны считать себя такими же хорошими, как испанцы". Лучшие люди в австрийском и прусском правительствах начали надеяться на разжигание народного духа как на самое верное средство борьбы с тиранией Наполеона. Военные приготовления в Австрии велись с беспрецедентной энергией и в масштабах, сравнимых с масштабами самой Франции. В Пруссии партия Штейна была настроена на возобновление войны и решила скорее рискнуть исчезновением прусского государства, чем подчиниться вымогательствам, с помощью которых Наполеон довершал разорение их страны. Именно среди патриотов Северной Германии ход испанской борьбы вызвал самые глубокие эмоции и породил самую решительную цель - нанести удар за европейскую свободу.

С момента номинального восстановления мира между Францией и Пруссией путем уступки половины прусского королевства не проходило и месяца без того, чтобы побежденной нации не была причинена какая-нибудь вопиющая несправедливость. Эвакуация страны в первую очередь была обусловлена выплатой некоторых просроченных реквизиций. В то время как размер этой суммы устанавливался, вся Пруссия, за исключением Кенигсберга, оставалась в руках французов, и 157 000 французских солдат жили бесплатно за счет несчастных жителей. В конце 1807 года королю Фридриху Вильгельму сообщили, что, помимо выплаты Наполеону 60 000 000 франков деньгами и уступки владений такой же стоимости, он должен продолжать содержать 40 000 французских солдат в пяти гарнизонных городах на Одере. Это заявление вызвало такое смятение, что Штейн покинул Кенигсберг, ныне резиденцию правительства, и провел три месяца в штаб-квартире французов в Берлине, пытаясь создать какое-нибудь менее катастрофическое для его страны урегулирование. Граф Дару, администратор Наполеона в Пруссии, отнесся к министру с уважением и принял его предложение об эвакуации прусской территории при выплате французам фиксированной суммы. Но соглашение требовало ратификации Наполеоном, и Штейн напрасно ждал этого. ^[150]

[Штайн призывает к войне.]

[Требования Наполеона, сентябрь 1808 г.]

Месяц за месяцем тянулись, а Наполеон не давал ответа. В конце концов победы испанского

восстания летом 1808 года вынудили императора стянуть свои войска из-за Эльбы. Он смело выступил против своих потребностей и потребовал от прусского правительства в качестве платы за эвакуацию еще большую сумму, чем та, которая была названа предыдущей зимой: он настаивал на том, чтобы численность прусской армии была ограничена 40 000 человек, а формирование ландвера прекращено; и он потребовал поддержки прусского корпуса численностью 16 000 человек на случай начала военных действий между Францией и Австрией. Даже на этих условиях Пруссии не предложили полной эвакуации со своей территории. Наполеон по-прежнему настаивал на удержании трех главных крепостей на Одере с гарнизоном в 10 000 человек. Таков был мирный договор, предложенный прусскому двору (сентябрь 1808 г.) в то время, когда дух каждого солдата трепетал от новостей из Испании, а события последних нескольких месяцев убедили каждого государственного деятеля в том, что договоры Наполеона были всего лишь этапами в череде несправедливостей. Штайн и Шарнхорст убеждали короля вооружить нацию для такой же отчаянной борьбы, как борьба Испании, и отложить ее только до тех пор, пока сам Наполеон не будет занят военными действиями на полуострове. Дальнейшее подчинение означало гибель; восстание, по крайней мере, не было безнадежным. Каким бы жалким ни было положение Пруссии, ее союзы носили самый грозный характер. Австрия вооружалась, не скрываясь; Великобритания вмешалась в военные действия на полуострове с эффективностью, доселе неизвестной в ее военных операциях; Испании, по оценке самого Наполеона, требовалась армия в 200 000 человек. С начала испанского восстания Штайн занялся организацией всеобщего восстания по всей Северной Германии. Справедливо это или нет, но он считал, что поезд уже проложен, и призывал короля Пруссии рассчитывать на поддержку народного восстания против французов на всех территориях, которые они отняли у Пруссии, Ганновера и Гессена.

[Штайн уходит в отставку, 24 ноября. Запрещен Наполеоном.]

[Встреча Наполеона и Александра в Эрфурте, 7 октября 1808 г.]

Только в одном пункте Штейн был полностью дезинформирован. Он полагал, что Александр, несмотря на Тильзитский мирный договор, не отказался бы увидеть, как буря разразится над Наполеоном, и что в случае новой всеобщей войны силы России, скорее всего, будут использованы против Франции, чем в ее пользу. Иллюзия оказалась фатальной. Александр по-прежнему был сообщником Наполеона. Ради Дунайских княжеств Александр был готов держать центральную Европу в узде, пока Наполеон сокрушал испанцев, и подавлять все более смелые порывы простого короля Пруссии. Сам Наполеон опасался общего взрыва в Европе перед завоеванием Испании и сблизился со своим русским союзником. Трудности, возникшие на пути российской аннексии Румынии, исчезли. Царь и император решили продемонстрировать всей Европе близость своего союза праздничным собранием в Эрфурте среди своих жертв и иждивенцев. На место встречи было созвано все племя вассальных немецких государей; присутствовали представители венского и берлинского дворов. 7 октября Наполеон и Александр вступили в Эрфурт. Зрелища и празднества требовали присутствия коронованной и титулованной публики в течение нескольких дней; но единственным серьезным делом было заключение договора, подтверждающего союз Франции и России, и уведомление царя посланнику короля Пруссии о том, что его повелитель должен принять условия, выдвинутые Наполеоном, и отказаться от идеи борьбы с Францией. ^[151] Граф Гольц, прусский посланник, неохотно подписал договор, который предоставлял Пруссии лишь частичную эвакуацию столь дорогой ценой, и написал королю, что теперь ему не остается ничего другого, как полностью

подчиниться Франции и позволить Штейну и патриотической партии отойти от руководства государством. До тех пор, пока царь не наберется смелости объявить войну вопреки Александру, у него фактически не оставалось никакой альтернативы. Наполеон узнал о планах Штейна поднять восстание в Германии за несколько недель до этого и дал волю самой яростной вспышке гнева против Штейна в присутствии прусского посла в Эрфурте. Если великая борьба, к которой были привязаны все сердце и душа Штейна, должна была быть прекращена, если Испания должна была быть сокрушена прежде, чем Пруссия пошевелит рукой, и Австрия должна была быть оставлена вести неизбежную битву в одиночку, то присутствие Штейна во главе прусского государства было лишь ловушкой для Европы, опасностью для Пруссии и несчастьем для него самого. Штейн попросил об увольнении и получил его. (24 ноября 1808 г.)

Отставка Штейна отвела гнев Наполеона от короля Пруссии; но вся злоба этой корсиканской натуры обрушилась на пылкого патриота, как только новые победы освободили Наполеона от невыносимой необходимости держать себя в руках. 16 декабря, когда Мадрид снова перешел во владение французов, появился императорский приказ, который определял меру ненависти Наполеона к поверженному министру. Штейн был объявлен врагом Империи; его имущество было конфисковано; войскам императора или его союзникам было приказано схватить его везде, где они могли до него дотянуться. Как и во времена римской тирании, запад Европы теперь не мог предоставить убежища врагам императора. Россия и Австрия оставались единственным убежищем изгнанника. Штейн бежал в Богемию; и, как венец унижения прусского государства, его полиция была вынуждена преследовать как преступника государственного деятеля, сила духа которого все еще позволяла прусским патриотам в самые мрачные дни не отчаиваться за свою страну.

[Плохое правительство испанской хунты.]

[Наполеон отправляется в Испанию, ноябрь 1808 г.]

Центральная Европа, обеспеченная переговорами с Александром в Эрфурте, Наполеон теперь мог встать во главе французских войск в Испании, не опасаясь какого-либо немедленного нападения со стороны Германии. После победы при Байлене испанцы практически не продвинулись ни к хорошему правительству, ни к хорошей военной администрации. Провинциальные хунты согласились подчиниться центральному комитету, избранному из числа их собственных членов; но этот новый высший орган власти, проводивший свои заседания в Аранхуэсе, оказался одним из худших правительств, которые когда-либо терпела даже сама Испания. В нем насчитывалось тридцать человек, двадцать восемь из которых были священниками, дворянами или чиновниками.^[152] Его качества были теми, которые укоренились в официальной жизни Испании. В законодательстве она не предпринимала абсолютно никаких попыток, кроме восстановления инквизиции и защиты церковных земель; ее администрация ограничивалась глупым вмешательством в дела лучших генералов и приобретением огромных военных припасов у Великобритании, которые были либо украдены подрядчиками, либо попали в руки французов. В то время как члены хунты обсуждали почетные звания, которые должны были присваиваться им коллективно и индивидуально, и назначали себе жалованье, равное жалованью генералов Наполеона, армии впали в состояние нищеты, которое вряд ли смог бы вынести кто-либо, кроме испанских войск. Только энергия низших классов продлила военное существование восстания; правительство ничего не организовало, ничего не поняло. Его роль в национальном движении ограничивалась системой попрошайничества и хвастовства, что

деморализовало испанцев и сбило с толку агентов и генералов Англии, которые первыми попытались выполнить трудную задачу по оказанию помощи испанцам самим себе. Когда подход армии за армией, рекруты из Германии, Польши, Голландии и Италии, в дополнение к личным войскам Наполеона, прошедшим Аустерлиц и Йену, дали остальному миру некоторое представление об огромных силах, которые Наполеон собирался бросить в Испанию, испанское правительство не могло придумать ничего лучшего, как повторить движение Байлена против самого Наполеона на берегах Эбро.

[Наполеон вступает в Мадрид, 4 декабря.]

[Кампания на Эбро, ноябрь 1808 г.]

Император впервые пересек Пиренеи в начале ноября 1808 года. Летняя победа испанцев вынудила захватчиков отступить в район между Эбро и Пиренеями, и Эбро теперь служило разделительной линией между враждебными армиями. Намерением Наполеона было отбросить крайние участки испанской линии на восток и запад и, прорвав ее центр, двинуться прямо на Бургос и Мадрид. Испанцы, со своей стороны, не удовлетворились действиями в обороне. Когда Наполеон прибыл в Витторию 5 ноября, левое крыло испанской армии под командованием генерала Блейка уже получило приказ двигаться на восток от верховьев Эбро и отрезать французов от их сообщения с Пиренеями. Это движение было именно тем, чего желал Наполеон, ибо для его осуществления Блейку достаточно было продвинуться достаточно далеко на восток, чтобы оказаться полностью окруженным французскими дивизиями. Только преждевременное движение самих французских генералов спасло Блейка от полного уничтожения. Он был атакован и разбит при Эспинозе, в верховьях Эбро, прежде чем продвинулся достаточно далеко, чтобы потерять линию отступления (10 ноября); и, понеся большие потери, ему удалось увести остатки своей армии в горы Астурии. В центре Сульт гнал врага перед собой и захватил Бургос. От армии, которая должна была очистить Испанию от французов, теперь не осталось ничего, кроме корпуса справа у Туделы, которым командовал Палафокс. Уничтожение этого тела было поручено императором Ланну и Ней. Ней было приказано совершить долгий марш на юг, чтобы отрезать испанцам путь к отступлению; однако он счел невозможным совершить свой марш в предписанное время; и Палафокс, разбитый Ланном при Туделе, успешно отступил в Сарагосу. Таким образом, ряд случайностей спас дивизии испанской армии от фактического захвата, но больше не существовало сил, способных встретить врага в поле. Наполеон двинулся из Бургоса на Мадрид. Остальная часть его похода была триумфальной. Батареи, защищавшие горный перевал Сомо-Сьерра, были захвачены атакой польской кавалерии, а сама столица сдалась после короткого артиллерийского обстрела 4 декабря, через четыре недели после начала кампании.

[Кампания сэра Джона Мура.]

Английская армия медленно и с трудом пробивалась к Эбро в то время, когда Наполеон вдребезги разбил испанскую линию обороны. 14 октября сэр Джон Мур принял командование 20 000 британскими войсками в Лиссабоне. Ему было приказано выступить в окрестности Бургоса и сотрудничать с испанскими генералами на Эбро. По обычаю англичан, не принимались во внимание передвижения противника, пока рассматривались их собственные; а горная местность, которую предстояло пересечь Муру, создавала дополнительные препятствия на пути экспедиции, по крайней мере, на месяц опоздавшей с началом. Мур считал невозможным перебросить свою артиллерию по прямой дороге из Лиссабона в Саламанку и

направил ее в обход через Мадрид, в то время как сам продвигался через Сьюдад-Родриго, достигнув Саламанки 13 ноября. Здесь, когда он все еще ожидал прибытия своей артиллерии, до него дошли слухи о разгроме армии Блейка при Эспинозе и падении Бургоса. Позже пришло сообщение о свержении Палафокса при Туделе. Но даже сейчас Мур не мог получить достоверной информации от испанских властей. Некоторое время он оставался в напряжении и, наконец, решил отступить в Португалию. Сэру Дэвиду Бэрду, который приближался с подкреплением из Ла-Коруньи, был отправлен приказ повернуть обратно к северному побережью. Едва Мур принял это решение, как от Фрера, британского агента в Мадриде, прибыла депеша, в которой говорилось, что испанцы собираются защищать столицу до последней крайности и что Мур будет ответственен за разорение Испании и позор Англии, если он не сможет продвинуться на помощь. К великой радости своих солдат, Мур отдал приказ о наступлении. Армия наступала на Вальядолид с целью атаковать французов на их линии коммуникаций, в то время как осада столицы занимала их фронт. Бэрду снова было приказано двигаться на юг. Только 14 декабря, через десять дней после того, как Мадрид перешел в руки французов, Мур получил известие о его падении. Ни испанское правительство, ни британский агент, вынудивший Мура к наступлению, не потрудились сообщить ему о сдаче столицы; он узнал об этом из перехваченной французской депеши. Из той же депеши Мур узнал, что к северу от него, в Салданье, на реке Каррион, располагались сравнительно небольшие французские силы под командованием Сульта. Этой информации было достаточно для Мура, страдавшего от издевательств, которым подверглась его армия, и сгоравшего от нетерпения к решительным действиям. Он повернул на север и двинулся против Сульта в надежде застать его врасплох прежде, чем весть об опасности достигнет столицы Наполеона.

[Наполеон выступает против Мура, 19 декабря.]

[Отступление англичан.]

[Корунья, 16 января 1809 г.]

19 декабря в Мадрид поступило сообщение о том, что Мур приостановил свое отступление в Португалию. Наполеон мгновенно разгадал действительное движение англичан и поспешил из Мадрида против Мура во главе 40 000 человек. Мур встретился с Бэрдом 20-го числа в Майорге; 23-го объединенные британские дивизии достигли Саагуна, расположенного всего в дневном переходе от Сульта в Салданье. Здесь английский командующий узнал, что сам Наполеон напал на его след. Побег был вопросом нескольких часов. Наполеон форсированным маршем преодолел горы Гвадарамы в условиях снега и бури. Если бы его авангарду удалось захватить мост через реку Эсла в Бенавенте до того, как англичане пересекли его, Мур был бы отрезан от всякой возможности к отступлению. Англичане первыми достигли реки и взорвали мост. Это спасло их от непосредственной опасности. Оборона реки дала толчок армии Мура, что сделало численное превосходство Наполеона незначительным. Некоторое время Наполеон следовал за Муром по направлению к северному побережью. 1 января 1809 года он написал приказ, из которого следовало, что он рассматривает побег Мура как неизбежный, и на следующий день он покинул армию, предоставив своим маршалам честь пробиться вслед за Муром к побережью и захватить несколько тысяч замерзших или пьяных отставших британцев. Сам Мур продвигался к Корунье с быстротой, за которую дорого заплатил деморализацией своей армии. Страдания и бесчинства войск были ужасны; только арьергард, которому предстояло столкнуться с врагом, сохранял солдатский порядок. Наконец Мур счел необходимым остановиться и занять позицию,

чтобы восстановить дисциплину в своей армии. Он повернул против Сульта при Луго и предлагал сражение в течение двух дней подряд; но французский генерал отказался от сражения; и Мур, удовлетворенный тем, что собрал свои войска, продолжил свой марш на Корунью. Султ все еще следовал за ним. 11 января английская армия достигла моря; но кораблей, которые должны были доставить их обратно в Англию, нигде не было видно. Сражение было неизбежно, и Мур расположил свои войска численностью 14 000 человек на невысоких холмах за пределами города, чтобы ожидать атаки французов. 16-го, когда флот уже вошел в гавань, Султ дал бой. Французы терпели поражения на каждом этапе своей атаки. Мур пал в момент своей победы, сознавая, что армии, которую он так храбро возглавлял, больше нечего бояться. Погрузка была произведена той же ночью; на следующий день флот вышел в море.

[Осада Сарагосы, декабрь 1808 г.]

[Наполеон покидает Испанию, 19 января 1809 г.]

Наполеон покинул Испанию 19 января 1809 года, снова оставив своего брата Жозефа во владении столицей, и армия в 300 000 человек под командованием лучших генералов Франции вступила в бой с остатками разгромленных войск, которые никогда не достигали и половины этой численности. Не оставалось ни одной блестящей победы, которую можно было бы одержать; на поле боя не осталось ни одного врага, достаточно важного, чтобы требовать присутствия Наполеона. Трудности транзита и враждебность народа могли сделать покорение Испании более медленным процессом, чем покорение Пруссии или Италии; но, по всей видимости, окончательный успех планов императора был несомненным, и худшее, что предстояло его наместникам, - это серия изнурительных и незаметных действий против незначительного противника. Однако не прошло и нескольких недель, как император пробыл в Париже, как до него дошло донесение от маршала Ланна, в котором говорилось о какой-то странной форме военного мастерства среди людей, чьи армии были столь презренными на поле боя. Город Сарагоса, после успешного сопротивления осаждающим летом 1808 года, был вторично захвачен после поражений испанских армий на Эбро. ^[153] Сами осаждающие страдали от крайней нехватки войск, когда 22 января 1809 года Ланн принял командование. Ланн немедленно вызвал все войска, находившиеся в пределах досягаемости, и с предельной энергией приступил к штурмовым операциям. 29-го числа стены Сарагосы были взяты штурмом в четырех разных местах.

[Поражения испанцев, март 1809 г.]

Согласно всем обычным военным прецедентам, французы теперь владели городом. Но осаждающие обнаружили, что их настоящая работа только начинается. Улицы были изрыты траншеями и забаррикадированы; каждое жилище было превращено в крепость; в течение двадцати дней французы были вынуждены осаждать дом за домом. В центре города народные вожди воздвигли виселицу, и там они вешали каждого, кто уклонялся от встречи с врагом. К ужасам войны добавились болезни. В подвалах, где женщины и дети толпились в грязи и темноте, вспыхнула зловещая эпидемия, которая в начале февраля увеличила число смертей до пятисот в день. Мертвые тела не были захоронены; в этой отравленной атмосфере малейшая рана вызывала омерзение и смерть. Наконец силы защитников ослабли. Четвертая часть города была захвачена французами; говорят, что из горожан и крестьян, находившихся в стенах в начале осады, погибло тридцать тысяч; остальные могли только продолжать свою оборону,

чтобы пасть еще через несколько дней от болезни или врага. Даже сейчас были члены хунты, которые хотели сражаться до тех пор, пока оставались люди, но они были в меньшинстве. 20 февраля то, что осталось от Сарагосы, капитулировало. Его сопротивление произвело на храбрейших солдат Наполеона впечатление ужаса и растерянности, новое даже для людей, прошедших через семнадцать лет революционной войны, но оно не смогло задержать армии Наполеона в завоевании Испании. Не было предпринято никаких попыток освободить героический или свирепый город. Повсюду, казалось, неуклонно продвигалась волна французских завоеваний. Сулыт вторгся в Португалию; вместе с ним две армии двинулись из Мадрида на южные и юго-западные провинции Испании. Порту пал 28 марта; на той же неделе испанские войска, прикрывавшие юг, были решительно разбиты при Сьюдад-Реале и Медельине на линии Гвадианы. Надежды Европы рухнули. Сама Испания не могла рассчитывать на вторую Сарагосу. Казалось, что полное порабощение полуострова теперь могло быть отложено только из-за ошибок самих французских генералов и несвоевременного устранения той руководящей воли, которая до сих пор превращала каждое движение в шаг вперед в завоевании.

ГЛАВА IX.

Австрия готовится к войне-Война будет единой от имени немецкой нации-Патриотическое движение в Пруссии-Ожидаемое восстание в Северной Германии-Планы кампании-Австрийский манифест к немцам-Восстание тирольцев-Поражения эрцгерцога Карла в Баварии-Французы в Вене-Попытки Дерна и Шилля-Битва при Асперне-Второй переход Дуная-Битва при Ваграме-Знаймское перемирие-Австрия ждет событий-Уэлсли в Испании-Он выигрывает битву при Талавере, но отступает-Экспедиция против Антверпен терпит неудачу-Австрия заключает мир-Венский мирный договор-Реальные последствия войны 1809 года-Австрия после 1809 года-Меттерних- Брак Наполеона с Марией Луизой-Разрыв отношений Наполеона и Александра-Наполеон аннексирует Папскую область, Голландию, Ла-Вале и побережье Северной Германии-Наполеоновская империя: ее преимущества и недостатки-Царь выходит из торговой системы Наполеона-Война с Россией неизбежна-Веллингтон в Португалии: линии Торрес-Ведрас; Кампания Массены 1810 года и отступление-Сулыт в Андалусии-Кампания Веллингтона 1810 года -Захват из Сьюдад-Родриго и Бадахоса-Саламанка.

[Австрия готовится к войне, 1808-9.]

Наполеон, покинув Испанию на третьей неделе января 1809 года, с предельной поспешностью отправился в Париж. Он считал, что Австрия вот-вот объявит войну, и в самый день своего прибытия в столицу вызвал контингенты Рейнской федерации. Однако в течение следующих нескольких недель у него сложилось мнение, что Австрия либо вообще откажется от военных действий, либо, по крайней мере, сочтет невозможным объявить войну до середины мая. На этот раз усилия Австрии превзошли расчеты ее врага. Граф Стадиони, серьезный и просвещенный государственный деятель, находившийся у власти в Австрии после заключения Пресбургского мира, неуклонно готовился к возобновлению борьбы с Францией. Он был убежден, что Наполеон вскоре предпримет новые завоевательные предприятия и еще больше расширит свою империю за счет Австрии, если только на него не нападут до того, как Испания попадет под его власть. Меттерних, ныне австрийский посол в Париже, сообщил, что Наполеон намеревался разделить Турцию, как только завоюет Испанию; и, хотя он советовал повременить, он согласился с кабинетом министров в Вене, что Австрия рано или поздно должна нанести удар в целях самообороны. ^[154] Стадиону, более оптимистичному, удалось удержаться от объявления войны в 1808 году только благодаря советам эрцгерцога Карла и других генералов, которые были заняты привлечением огромной массы новых рекрутов в военные формирования. Сам Карл придавал мало значения патриотическому энтузиазму, который с момента начала испанского восстания поднялся в немецких провинциях Австрии. Он смотрел на приближение войны скорее с опаской, чем с удовольствием; но, какими бы слабыми ни были его собственные надежды, он усердно трудился над созданием для Австрии силы, намного превосходящей все, чем она обладала раньше, и вселял в массы армии тот уверенный и патриотический дух, который он скорее видел в других, чем чувствовал в себе. К началу марта 1809 года в Австрии было 260 000 человек, готовых выступить в поход.

[Война 1809 года должна была стать войной за Германию.]

Разразившаяся сейчас война должна была стать войной за немецкую нацию, как борьба испанцев была борьбой за Испанию. Оживленные призывы императорских генералов составляли разительный контраст с молчанием, с которым австрийский кабинет до сих пор вступал в свои войны. Суверен Габсбургов теперь предстал перед миром не столько как наследник древней империи и представитель Баланса Сил, сколько как бескорыстный защитник германской расы. Со стороны самого императора слова о преданности Германии были едва ли более чем ироничными. Франциск принадлежал к эпохе и системе, в которых идея национальности отсутствовала; и, подобно другим монархам, он рассматривал свои владения как своего рода высшую собственность, которую послушные домашние собаки должны защищать от мародерствующих чужеземных волков. Такой же личный взгляд на общественные дела до сих пор удовлетворял австрийцев. Для них было достаточно, чтобы к ним обращались как к послушным детям мудрого и любящего отца. Император говорил на знакомом венском диалекте; он был таким же невзрачным в своих понятиях и предрассудках, как любой торговец пивом в его владениях; его подданные могли видеть его практически в любое время дня и ночи; и из несколько жесткого материала его характера народному воображению не составило труда создать идола родительской доброты и мудрости. Пятнадцать лет неудач и бесхозяйственности, однако, подорвали красоту домашней беллетристики; и хотя старомодные австрийцы, такие как Гайдн, автор австрийского гимна, были готовы сойти в могилу, призывая благословение на своего милостивого хозяина, сам император и его приближенные были достаточно проникательны, чтобы понять, что вновь пробудившееся чувство немецкого патриотизма даст

им силу, которую они вряд ли могли вызвать старыми методами.

[Австрийские партии.]

Один элемент реальности заключался в профессиях, которые по большей части не воспринимались всерьез. Вероятно, теперь в Австрии не было государственного деятеля, который больше не испытывал бы зависти к могуществу Пруссии. Для графа Штадиона и его немногих настоящих сторонников восстановление Германии было подлинным и глубоко лелеемым желанием; большинству австрийских политиков казалось, что интересы самой Австрии, по крайней мере в настоящее время, требуют освобождения Северной Германии. Таким образом, страстные призывы эрцгерцога Карла ко всем представителям немецкой расы восстать против их иностранного угнетателя и против их туземных князей, предавших интересы Отечества, получили одобрение Двора, до сих пор очень мало склонного вступать в союз с народной агитацией. Если бы хаотичность австрийского правительства была лучше понята в Европе, этой внезапной перемене его тона придавалось бы меньше значения. Никто из высших чинов в Вене не был связан действиями своих коллег. Император, хотя и был трудолюбив, не имел возможности обеспечить соблюдение какой-либо последовательной системы правления. Его братья устраивали заговоры друг против друга и против лиц, которые считались ответственными министрами. Государственные бумаги приносились солдатами императору на подпись без ведома его советников. Те самые манифесты, которые, казалось, предвещали новую эру для Германии, были обязаны большей частью своей энергии литераторам, которым было доверено их написание. ^[155]

[Патриотическое движение в Пруссии.]

[Правящие классы Южной Германии на стороне Наполеона.]

Ответ, который, вероятно, будет дан Германией на апелляцию Австрии, был неопределенным. В Рейнской федерации были несомненные признаки недовольства французским правлением среди простого народа; но официальные классы повсеместно были на стороне Наполеона, который предоставил им их должности и жалованье; в то время как войска, и особенно офицеры, которые помнили время, когда австрийцы насмехались над ними, называя "арлекинами" и "носатыми мешками", были завоеваны добротой великого завоевателя, который организовал их под руководством своих собственных генералов и предоставил им дружбу в своих собственных победоносных легионах. Немногого можно было ожидать от районов, где для основной массы населения старый режим немецкой независимости означал не более чем посещение рыцарского двора, или случайное зрелище герцогской свадьбы, или отложенный интерес к монотонной работе какого-нибудь потомственного члена городского совета. В Северной Германии было гораздо больше шансов на национальное восстание. Там дух Штейна и тех, кто работал с ним, давал о себе знать, несмотря на падение министра. Реформы Шарнхорста превратили прусскую армию в школу патриотизма, и работе государственных деятелей и солдат способствовали люди, которые обращались к чувствам и интеллекту нации. Литература утратила свое безразличие к национальности и дому. Философ Фихте, поэт Арндт, теолог Шлейермахер выдвигали требования Германии и более мужественных добродетелей перед средним классом, необычайно открытым литературным влияниям, необычайно нуждающимся в опыте и импульсах активной общественной жизни. ^[156] В Королевстве Вестфалия подготовка к восстанию против французов велась офицерами, служившими в прусской и гессенской армиях. В самой Пруссии, на стороне многих более благородных

организаций, недавно основанное масонское общество Тугендбунд, или Лига Добродетели, сделало дело Отечества популярным среди тысяч людей, для которых было приятным новшеством принадлежать к какому-либо обществу вообще. Не следовало ожидать спонтанного, непреодолимого восстания, подобного тому, которое Европа видела на Испанском полуострове, среди невозмутимого населения северогерманских равнин; но военные круги Пруссии в целом выступали за войну, и восстание населения к западу от Эльбы не было невероятным в случае, если армия Наполеона потерпит поражение от Австрии на поле боя. Король Фридрих Вильгельм, слишком робкий, чтобы самому решиться на войну, слишком робкий даже для того, чтобы с удовлетворением взирая на смелую позицию Австрии, имел все основания нанести удар, если однажды чаша весов склонилась бы в пользу Наполеона: даже вопреки его собственному желанию было возможно, что пыл его солдат вынудит его вступить в войну.

[Планы кампании.]

Надежды на всеобщее восстание в Северной Германии были настолько сильны, что австрийское правительство в некоторой степени основывало свои планы кампании на этом событии. В обычном ходе военных действий между Францией и Австрией операционным направлением в Германии является долина Дуная; но при подготовке к войне 1809 года австрийское правительство сосредоточило свои силы на северо-западе Богемии с целью перебросить их непосредственно в Центральную Германию. Французские войска, которые в настоящее время эвакуировались из Пруссии, все еще были на пути на запад в то время, когда Австрия была готова начать кампанию. Даву с примерно 60 000 человек находился в Северной Баварии, отделенный большим расстоянием от ближайших французских дивизий в Бадене и на Рейне. В результате внезапного вторжения основных сил Австрии через Богемские горы, за которым последовало восстание в Северной Германии, Давуст и его разрозненные отряды едва избежали уничтожения. Таков был первоначальный план кампании, и он, вероятно, был мудрым при нынешнем исключительном превосходстве австрийских приготовлений над французскими. Впервые с момента учреждения консульства казалось, что начальные преимущества войны неизбежно должны быть на стороне врагов Франции. Наполеон недооценил как энергию, так и ресурсы своего противника. К середине марта, когда австрийцы были готовы напасть на Даву из Богемии, первые войска Наполеона едва успели переправиться через Рейн. К счастью для французского командующего, австрийское правительство в момент нанесения своего хорошо спланированного удара было охвачено страхом перед собственной смелостью. Воспоминания о Гогенлиндене и Ульме наполнили встревоженные умы мыслью о том, что долина Дуная недостаточно защищена; и 20 марта, когда армия была готова ворваться в Северную Баварию, был отдан приказ изменить направление марша на юг и проникнуть на территорию Рейнской Конфедерации по дорогам Дуная и Инн. Таким образом, плод стольких усилий и редкой небрежности врага был принесен в жертву в последний момент. Только 9 апреля австрийское продвижение на юг было завершено, и армия стояла на линии Инн, готовая атаковать Наполеона на территории его главного немецкого союзника.

[Австрийский манифест к немцам.]

Прокламации, опубликованные теперь императором и эрцгерцогом, были поразительным свидетельством влияния испанского восстания на пробуждение чувства национальной правоты и осознание правительствами Европы силы, которую оно дало в их руки. Впервые в истории

манифест был обращен "к немецкой нации". Контраст, проведенный в обращении эрцгерцога к своей армии между испанскими патриотами, погибающими при защите своей страны, и контингентами немецких вассалов, втянутых Наполеоном в Испанию, чтобы лишить доблестную нацию ее свободы, был одним из самых справедливых и красноречивых, которые тирания когда-либо придавала лидерам правого дела. ^[157] Обращение императора "к немецкой нации" дышало тем же духом. Политикам Рейнской федерации было нетрудно высмеять внезапный энтузиазм в отношении свободы и национальности, проявленный правительством, которое до настоящего времени ничего так не боялось, как возбуждения народных движений; но, как бы беззаботно император и австрийские государственные деятели старой школы ни использовали патриотические фразы, которые они не собирались вспоминать по окончании борьбы, такие формулировки были реальностью по тому эффекту, который они произвели на тысячи людей, которые как в Австрии, так и в других частях Германии впервые услышали призыв объединиться для защиты общего Отечества.

[Австрийцы вторгаются в Баварию, 9 апреля 1809 г.]

[Восстание в Тироле, апрель 1809 г.]

[Его причины религиозны.]

Передовые подразделения армии эрцгерцога переправились через Инн 9 апреля. Помимо сил, предназначенных для вторжения в Баварию, которые насчитывали 170 000 человек, австрийское правительство сформировало две армии меньшего размера, с которыми принцы Фердинанд и Иоанн должны были перейти в наступление в Великом герцогстве Варшавском и в Северной Италии. Со всех сторон Австрия была первой на поле боя; но еще до того, как ее регулярные войска смогли столкнуться с врагом, народное восстание того рода, на которое спровоцировало правительство, отняло у французов всю важную провинцию. В то время как армия пересекала Инн, тирольцы восстали и одолели французские и баварские отряды, дислоцированные в их стране. Тироль был отнят у Австрии по Пресбургскому миру и присоединен к вассальному королевству Наполеона Баварии. По географическому положению и кровному родству тирольцы были так же тесно связаны с баварцами, как и с австрийцами; и аннексия, вероятно, не вызвала бы длительного недовольства, если бы баварское правительство снизошло до того, чтобы принять во внимание характер своих новых подданных. Под властью Австрии тирольцы пользовались многими привилегиями. Они были освобождены от военной службы, за исключением службы в собственном ополчении; они платили мало налогов; они обладали формами самоуправления, которые, по крайней мере, были достаточно популярны, чтобы сожалеть об их утрате. Народ обожал своих епископов и духовенство. Нигде Церковь не могла продемонстрировать более убедительный пример нерушимого согласия между простым народом и католической короной. Протестантизм и нечестивая деятельность разума никогда не приносили бед в страну. Люди в точности верили тому, что им говорили священники, и радовались бесчисленным праздникам, проводимым Церковью. У них было так мало алчности, что никакая взятка не могла заставить тирольского крестьянина сообщить французам о каком-либо движении; у них было так мало разума, что, когда их собственное мужество и отвага одержали победу в их первом сражении, они убедили друг друга, что их вел Святой на белом коне. При новом правлении Баварии не было недостатка в жалобах существенного характера; но людей раздражали не столько возросшие налоги и принуждение к военной службе, сколько нападки правительства на собственность и права Церкви. Монтгелас,

баварский министр-реформатор, обращался с тирольскими епископами так же бесцеремонно, как и со швабскими рыцарями. Государство предъявило претензии на всех адвоусонов; и после отказа епископов отказаться от своего покровительства сами епископы были изгнаны, а их доходы конфискованы. Страсть к единообразию и здравый смысл побудили правительство возродить эдикты императора Иосифа, запрещающие паломничество и церковные праздники. Закрывание магазина в день святого или ношение яркой одежды на фестивале стало преступлением со стороны полиции. Баварские солдаты закрыли церкви по окончании установленного количества месс. При распродаже церковного имущества по распоряжению правительства некоторым священным сосудам было разрешено попасть в руки евреев.

Это были ошибки, которые уволили простого тирольца. Они могли бы вынести визиты сборщика налогов и списки призывников; они не могли смириться с тем, что их священники были отменены или что их обряды были ограничены теми, которые достаточны для обычных католиков. Тем не менее, при всей своей неразумности, вопрос в Тироле был также частью более масштабного вопроса о том, должно ли удовольствие Наполеона быть правилом европейской жизни, или нации должны иметь какой-то голос в решении своих собственных дел. Тирольцы не были более суеверны и, несомненно, были гораздо менее жестоки, чем испанцы. Они боролись за церковную нелепость; но их дело было также делом национального права, и восхищение, которое их мужество вызывало в Европе, было вполне заслуженным.

[Тирольцы изгоняют баварцев и французов, апрель 1809 г.]

В начале 1809 года эрцгерцог Иоанн встретился с лидерами тирольского крестьянства и спланировал первые шаги национального восстания. Как только австрийская армия переступила порог Гостиницы, крестьяне толпой устремились к назначенным местам встречи. Разрозненные отряды баварцев были окружены, и 12 апреля основные силы тирольцев, насчитывавшие около 15 000 человек, двинулись на Инсбрук. Город был захвачен; баварский гарнизон, состоявший из 3000 регулярных войск, оказался вынужден сдаться после ожесточенного боя. На следующее утро французская колонна, совершавшая марш из Италии к Дунаю, приблизилась к Инсбруку, совершенно не подозревая о событиях предыдущего дня. Тирольцы сомкнулись за ней по мере продвижения. Только когда колонна приблизилась к городу, ее командир генерал Бриссон обнаружил, что Инсбрук перешел в руки врага. Отступление было невозможно; для сражения не хватало боеприпасов, и у Бриссона не было другого выбора, кроме как сдаться крестьянам, которые уже доказали, что могут противостоять баварским регулярным войскам. Тирольцы сделали свое дело без помощи единственного австрийского полка. За пять дней слабая ткань баварского правления была повержена на землю. Французы удержались только в нижней долине Адидже, и до конца апреля их последние позиции в Тренте и Ровередо были эвакуированы, и ни один иностранный солдат не остался на тирольской земле.

[Кампания эрцгерцога Карла в Баварии.]

Действия австрийских военачальников на Постоялом дворе представляли собой меланхолический контраст с действиями горцев. Несмотря на трехнедельную задержку с началом кампании, Даву все еще не соединился с французскими войсками в Южной Баварии, и быстрое продвижение австрийцев могло бы уже сейчас сокрушить его разрозненные дивизии у Ратисбона. Сам Наполеон оставался в Париже до последнего момента, проинструктировав Бертье, начальника штаба, сосредоточить авангард у Ратисбона, если к 15 апреля противник не

пересечет Инн, но отступить к линии Леха, если противник пересечет Инн до этого дня.^[158]

Эрцгерцог вступил в Баварию 9-го числа; но вместо того, чтобы отступить к Леху, Бертье позволил армии рассредоточиться на территории шириной в шестьдесят миль, от Ратисбона до пунктов над Аугсбургом. Даву лежал у Ратисбона, став верной добычей, если эрцгерцог энергично двинется вперед и вклинит свою армию между северными и южными позициями французов. Но ничто не могло изменить медлительности австрийского марша. Эрцгерцог шесть дней двигался от Постоялого двора до Изара; и прежде чем был отдан приказ о наступлении на Ратисбон, сам Наполеон прибыл в Донауверт и принял командование из рук своего слабого лейтенанта.

[Наполеон восстанавливает превосходство французов, 18, 19 апреля.]

Потребовалась вся энергия императора, чтобы вырвать победу из рук врага. Даву было приказано отступить от Ратисбона к Нойштадту; Массене, командовавшему правым флангом в Аугсбурге, были отправлены самые настоятельные приказы продвигаться на северо-восток в направлении своего коллеги, прежде чем австрийцы смогут бросить основную массу своих сил на слабый корпус Даву. Оба генерала понимали срочность приказа. Даву выступил из Ратисбона утром 19-го. Эрцгерцог атаковал его, но так слабо и нерешительно, что, несмотря на все свое численное превосходство, австрийцам не удалось одолеть врага ни в одном пункте. Массена, немедленно после получения приказа, поспешил из Аугсбурга на северо-восток, в то время как сам Наполеон продвинулся на середину пространства между двумя генералами и привел правое и левое крыло французской армии в соприкосновение друг с другом. Через два дня после прибытия императора все преимущества австрийцев исчезли: французы, так недавно подвергавшиеся разрушениям, образовали сосредоточенную массу в присутствии рассеянного противника. Вопрос о кампании решался движениями этих двух дней. Наполеон снова был во главе 150 000 человек; эрцгерцог, уже потерпевший поражение в своей первой атаке на Даву, был охвачен недостойным ужасом, когда обнаружил, что перед ним сам Наполеон, и смирился с ожиданием гибели.

[Поражения Австрии при Ландсхуте и Эггмюле, 22 апреля.]

[Французы входят в Вену, 13 мая.]

Серия маневров и сражений в лучшем стиле наполеоновской войны наполнила следующие три дня французскими победами и австрийскими поражениями. 20 апреля длинная линия армии эрцгерцога была рассечена пополам в результате атаки при Абенсберге. Левая была оттеснена через Изар у Ландсхута; правая, которой командовал сам эрцгерцог, была разбита у Эггмюля 22-го числа и отброшена на север. Непрерывная масса французской армии теперь втиснулась между двумя разбитыми флангами противника. Единственной дорогой, остававшейся открытой для эрцгерцога, была дорога через Ратисбон к северу от Дуная. За пять дней, хотя между французской и австрийской армиями не произошло ни одного сражения первого порядка, Карл потерял 60 000 человек; основная масса его армии отступала в Богемию, и дорога на Вену была едва ли менее открыта, чем после капитуляции Мака под Ульмом четыре года назад. Отчаянное сражение, которое слабые дивизии, оставшиеся на южном берегу Дуная, вели против наступающих французов при Эдельсберге, доказало, что неудачи кампании были вызваны ошибками генерала, а не людьми, которыми он командовал. Но какие бы надежды на конечный успех ни основывались на доблестном характере армии, предотвратить падение столицы было невозможно. Французы, оставив эрцгерцога на северном берегу Дуная, продвигались вперед по

прямому пути из Инна в Вену. Столица подверглась бомбардировке и была оккупирована. 13 мая Наполеон снова занял свои покои во дворце австрийских монархов, где он подписал Мир 1806 года. Дивизии, отступавшие перед ним по южной дороге, переправились через Дунай у Вены и присоединились к эрцгерцогу на берегу реки напротив столицы.

[Попытки Дернберга и Шилля в Северной Германии, апрель 1809 г.]

Катастрофы баварской кампании повлекли за собой принесение в жертву всего, что стало результатом австрийских побед в других местах, и всего, что могло быть завоевано всеобщим восстанием в Северной Германии. В Польше и Италии война началась благоприятно для Австрии. Варшава была взята; Эжен Богарне, вице-король Италии, потерпел поражение от эрцгерцога Иоанна при Сачиле, в Венеции; но было невозможно воспользоваться этими преимуществами, когда сама столица была на грани попадания в руки врага. Вторгшиеся армии остановились, и вскоре эрцгерцог Иоанн начал отступление в горы. В Северной Германии нельзя было ожидать народного восстания после того, как Австрия потерпела поражение. Единственные имевшие место передвижения были предприняты солдатами, причем до того, как стало известно о катастрофах в Баварии. Лидерами этого военного заговора были Дернберг, офицер на службе короля Вестфалии Иеронима, и Шилль, командир прусской кавалерии, который так блестяще отличился при обороне Кольберга. Дернберг поступил на службу к Джерому с намерением поднять против него собственную армию Джерома. Заговорщики договорились, что в тот же момент Дернберг поднимет знамя Гессена в Вестфалии, а Шилль, выступив из Берлина с любой частью прусской армии, которая последует за ним, объявит войну Франции вопреки прусскому правительству. Дернберг позаботился о поддержке своего собственного полка, но в последний момент заговор был раскрыт, и его перевели командовать группой людей, на которых он не мог положиться. Он встал во главе отряда крестьян и поднял знамя восстания. Войска короля Джерома ответили на просьбы своих соотечественников залпом пуль. Дернберг бежал, спасая свою жизнь, и восстание закончилось на следующий день после его начала (23 апреля). Шилль, не подозревавший о разорении Дернберга и обманутый сообщениями об австрийских победах на Дунае, вывел свой полк из Берлина как бы на однодневные маневры, а затем призвал своих людей следовать за ним и поднять национальное восстание против Наполеона. Солдаты ответили на красноречивые слова Шилля криками аплодисментов; марш был продолжен на запад, и Шилль пересек Эльбу, намереваясь обрушиться на коммуникации армии Наполеона, уже, как он полагал, пошатывающейся под ударами, нанесенными эрцгерцогом в долине Дуная.

[Шилль в Штральзунде, 23 мая.]

По прибытии в Галле Шилль узнал о свержении эрцгерцога и разорении Дернберга в Вестфалии. Все надежды на успех предприятия, ради которого он покинул Берлин, были разбиты вдребезги. Возможность поднять народное восстание исчезла. Шилль, однако, зашел слишком далеко, чтобы отступать; и даже сейчас было не слишком поздно присоединиться к армиям врагов Наполеона. Шилль мог перебраться в Богемию или в какую-нибудь точку на северном побережье, где он был бы в пределах досягаемости английских судов. Но в любом случае требовалось быстрое и твердое решение; а этого Шилль достичь не мог. Несмотря на смелость вплоть до безрассудства и одаренность качествами, которые сделали его кумиром публики, Шиллю не доставало бескорыстия и самообладания, которые смягчают суждения во время судебного разбирательства. Внезапный крах его надежд оставил его без плана. Он тратил

день за днем на бесцельные марши, в то время как враг собирал силы, чтобы сокрушить его. Его влияние на своих людей пошатнулось; доносы прусского правительства помешали другим солдатам присоединиться к нему. В конце концов Шилль решил снова пересечь Эльбу и направиться к прибрежному городу Штральзунд в шведской Померании. Он прошел маршем через Мекленбург и внезапно появился перед Штральзундом в тот момент, когда французские артиллеристы в гарнизоне давали залп в честь вступления Наполеона в Вену. Рукопашный бой отдал Шиллу во владение город со всеми его запасами. На мгновение показалось, что Штральзунд может стать второй Сарагосой; но французы были под рукой прежде, чем удалось создать оборонительные сооружения. У Шилля было всего восемнадцать сотен человек, половина из которых была кавалерией; он ничего не понимал в военной науке и не желал слушать никаких советов. Через неделю после его вступления в Штральзунд город был взят штурмом силами, вчетверо превосходящими численность его защитников. Капитуляция - неподходящее слово для человека, осмелившегося развязать частную войну с Наполеоном; Шилль мог подать пример только героической смерти. ^[159] Офицеры, которым не посчастливилось погибнуть вместе со своим командиром, были хладнокровно расстреляны после суда французского военного трибунала. Шестьсот простых солдат, сдавшихся в плен, были отправлены на тулонские галеры, чтобы заболеть среди французских воров и убийц. Жестокость завоевателя, героизм побежденных придавали плохо спланированному предприятию Шилла значение великого акта патриотического мученичества. Был приведен еще один пример самопожертвования во имя правого дела. Ошибки Шилля были забыты; память о нем усилила страсть, с которой все храбрейшие умы Германии теперь ожидали дня расплаты со своим угнетателем. ^[160]

[Наполеон пересекает Дунай, 20 мая.]

[Битва при Асперне, 21, 22 мая.]

Наполеон завершил первый акт войны 1809 года оккупацией Вены; но мир был невозможен до тех пор, пока австрийская армия, стоявшая на противоположном берегу реки, не была атакована и разбита. В четырех милях ниже Вены Дунай разделяется на два потока островом Лобау: южный поток является главным руслом реки, северный имеет ширину всего сто пятьдесят ярдов. Именно здесь Наполеон решил совершить переход. Широкий рукав Дуная, защищенный островом от огня противника, был легко преодолен на лодках; проход с острова на северный берег, хотя и мог быть оспорен австрийцами, облегчался благодаря сужению русла. 18 мая Наполеон, полагая, что ему удалось наладить сообщение между островом и южным берегом, начал наводить мост через северный рукав реки. Его передвижения были замечены противником, но сопротивления оказано не было. 20-го числа 40 000 французов переправились на северный берег и заняли деревни Асперн и Эсслинг. Это было движение, которого ждал эрцгерцог Карл, имевший теперь под ружьем 80 000 человек. Рано утром 21-го австрийцы выпустили на волю массу тяжело груженных барж над островом. Воды Дуная вздулись от таяния снегов, и в полдень мосты французов через широкий рукав реки были сметены. Чуть позже были замечены плотные австрийские колонны, наступавшие на деревни Асперн и Эсслинг, где французам, отрезанным от своей поддержки, пришлось столкнуться с превосходящим по численности противником спереди, с непроходимой рекой в тылу. Атака началась в четыре часа дня; когда наступила ночь, французы были выбиты из Асперна, хотя они все еще сдерживали австрийцев на их другой позиции в Эсслинге. За ночь были отремонтированы длинные мосты; сорок тысяч дополнительных войск перебрались через остров на северный берег Дуная; и на

следующее утро сражение было возобновлено, теперь между равными по численности войсками. Пять раз деревня Асперн проигрывала и побеждала. В разгар борьбы длинные мосты снова были снесены. Не имея возможности сломить врага, не имея возможности подтянуть какие-либо новые силы из Вены, Наполеон приказал отступать. Армия медленно отступала на остров Лобау. Там в течение следующих двух дней она простояла без продовольствия и боеприпасов, отрезанная от Вены и подвергнутая неминуемому уничтожению, если бы эрцгерцогу удалось перебросить свою армию через узкий рукав реки и возобновить сражение. Но австрийцы были не в состоянии развить свою победу. Их потери были огромны; их запасы были истощены. Моменты, в которые один удар мог бы разрушить всю структуру власти Наполеона, были потрачены в вынужденном бездействии. К третьему дню после битвы при Асперне сообщение между островом и материком было восстановлено, и энергия Наполеона вывела армию из непосредственной опасности.

[Влияние на Европу.]

[Брауншвейг вторгается в Саксонию.]

Тем не менее, хотя худшее было предотвращено, и французы теперь находятся в безопасности в своей островной крепости, поражение при Асперне изменило позицию Наполеона в глазах всей Европы. Вера в его непобедимость была разрушена; он лично, во главе своих лучших войск, потерпел поражение от врага, немногим превосходящего его по силе. Бедствия австрийцев в начале кампании были забыты; повсюду надежды на сопротивление пробуждались к новой жизни. Прусские государственные деятели убеждали своего короля пообещать свою поддержку, если Австрия одержит еще одну победу. Другие враги были готовы обрушиться на Наполеона, не дожидаясь этого условия. Англия собрала огромное вооружение, предназначенное для нападения на какой-нибудь пункт северного побережья. Германия, в последнее время немая и беззащитная, подавала угрожающие знаки. Герцог Брауншвейгский, лишенный своего наследства после смерти отца в Йене, вторгся во владения вассала Наполеона, короля Саксонии, и изгнал его из своей столицы. Народные восстания вспыхнули в Вюртемберге и Вестфалии и доказали растущую силу национальных чувств даже в тех районах, где дело Германии еще недавно казалось безнадежно проигранным.

[Приготовления Наполеона ко второму переходу Дуная, июнь.]

[Французы переходят Дунай, 4 июля.]

Но Наполеона мало заботили эти более отдаленные враги. Вся энергия его разума была сосредоточена на одном великом вопросе, от которого зависела победа, - форсировании Дуная. Его шансы на успех все еще были хороши, если бы французские войска, наблюдавшие за противником между Веной и Адриатическим морем, могли быть вовремя подтянуты для финальной битвы. Эрцгерцог Карл не спешил на битву, полагая, что с каждым часом увеличивается вероятность нападения на Наполеона Англии, или Пруссии, или восставшей Германии. Никогда разница между Наполеоном и его самыми способными противниками не проявлялась так разительно, как в работе, проделанной им за тот же промежуток времени. Он решил, что в следующем сражении его армия должна переправиться через Дунай так же безопасно и так же быстро, как она могла бы переправиться по улицам Вены. Через широкий рукав реки были построены два прочных моста на сваях; было подготовлено не менее шести мостов из плотов, которые можно было перебросить через узкий рукав, когда наступит момент

для атаки. К концу июня все отдаленные дивизии французской армии собрались на большой сборный пункт; сто восемьдесят тысяч человек находились на острове или были готовы вступить на него; каждое движение, каждая позиция, которую должен был занять каждый член этой огромной массы при ее переходе и продвижении, были зафиксированы до мельчайших деталей. Наполеон решил переправиться с восточной, а не с северной стороны острова и таким образом обойти укрепления, которые эрцгерцог возвел на бывшем поле битвы. Ближе к полуночи 4 июля, в разгар сильного шторма, шесть мостов были последовательно переброшены через реку. Артиллерия открыла огонь. Один армейский корпус за другим, каждый выстроенный напротив своего моста, двинулся маршем к северному берегу, и к восходу солнца почти все силы Наполеона были развернуты на левом берегу Дуная. Река была превращена в большую магистраль; укрепления, возведенные эрцгерцогом, были повернуты к восточному направлению прохода. Все, что оставалось австрийскому командующему, - это вести ожесточенный бой на местности, которая теперь, по крайней мере, была ему хорошо знакома. Карл занял выгодную позицию на холмах, с которых открывается вид на деревню Ваграм. Здесь, с 130 000 человек, он ожидал атаки французов. Первая атака была предпринята во второй половине дня после переправы через реку. Это не удалось, и французская армия всю ночь оставалась растянутой между рекой и холмами, в то время как эрцгерцог готовился завтра напасть слева от них и втиснуться между противником и мостами позади них.

[Битва при Ваграме, 5, 6 июля.]

[Знаймское перемирие, 12 июля.]

Рано утром 6-го две крупнейшие армии, которые когда-либо сталкивались лицом к лицу в Европе, начали свое наступление. Зрители с венских шпилей видели, как огонь французов слева от них мало-помалу отступал, а плотные массы австрийцев продвигались к мостам, от сохранности которых зависело существование французской армии. Но вскоре продвижение вперед прекратилось. Наполеон бросил превосходящие силы против австрийского центра, и эрцгерцог оказался вынужден отозвать свои победоносные дивизии и защищать свою собственную линию, которой угрожали. Постепенно численное превосходство французов отбросило врага назад. Эрцгерцог Иоанн, получивший приказ выступить из Пресбурга, не появился на поле боя; и в два часа Карл приказал отступить. Порядок австрийцев не был нарушен; они захватили больше пленных, чем потеряли; их отступление прикрывалось такой мощной артиллерией, что французы не могли преследовать их. Победа, несомненно, принадлежала Наполеону, но это была победа, не имевшая ничего общего с Йеной и Аустерлицем. Австрийцы ничего не потеряли при Ваграме, кроме своих позиций и репутации своего генерала. Армия все еще находилась в боевом порядке, за ней стояли крепости Богемии. Продолжит ли Австрия войну, зависело от действий других европейских держав. Если Великобритания успешно высадит вооружение в Северной Германии или нанесет какой-либо сокрушительный удар в Испании, если Пруссия объявит войну Наполеону, Австрия может сражаться дальше. Если другие державы потерпят неудачу, Австрия должна заключить мир. Знаймское перемирие, заключенное 12 июля, было признано всеми сторонами простым средством выиграть время. В великой борьбе на центральном континенте наступила пауза. Его возобновление или прекращение зависело от исхода событий на расстоянии.

[Уэлсли вторгается в Испанию, июнь 1809 г.]

[Талавера, 27 июля.]

[Уэлсли возвращается в Португалию.]

На данный момент взоры всей Европы были прикованы к британской армии в Испании. Сэр Артур Уэлсли, весной принявший командование в Лиссабоне, выбил Сульта из Порту и наступал по долине Тежу на испанскую столицу. Некоторую видимость дополнительной силы ему придала поддержка испанской армии под командованием генерала Куэсты. Марш Уэлсли, однако, был отложен из-за небрежности и недобросовестности испанского правительства, и Сульту было дано время собрать крупные силы в окрестностях Саламанки, готовые либо напасть на Уэлсли с севера, либо соединиться с другой французской армией, стоявшей у Талаверы, если у ее командующего Виктора хватит мудрости отложить сражение. Английский генерал ничего не знал о присутствии Сульта на своем фланге: он продолжал свой марш к Мадриду вдоль долины Тежу и, наконец, собрался для сражения при Талавере, когда Виктор, отступив на некоторое расстояние перед Куэстой, отбросил своего испанского преследователя к тому месту, откуда он стартовал.^[161] Первая атака Виктора на английские позиции была предпринята вечером 27 июля. На следующее утро штурм был возобновлен, и сражение приобрело всеобщий характер. Уэлсли одержал полную победу, но сами англичане сильно пострадали, и армия осталась на своих позициях. В течение следующих нескольких дней было обнаружено, что Султ спускается с гор между Саламанкой и Тежу. Превосходящие силы Уэлсли угрожали напасть на него с тыла и зажать между двух огней. Жертвы при Талавере оказались напрасными. У Уэлсли не было другого выбора, кроме как отказаться от наступления на испанскую столицу и отступить к Португалии по дорогам к югу от Тежу. Несмотря на поражение Виктора, французы вышли победителями из кампании. Мадрид все еще был в безопасности; структура французского правления на Иберийском полуострове все еще была непоколебима. Весть об отступлении Уэлсли достигла Наполеона и австрийских переговорщиков, ослабив надежды Австрии и опасения Наполеона. Продолжение войны Австрией теперь зависело от успеха или неудачи давно ожидавшегося высадки английской армии на северном побережье Европы.

За три месяца до того, как австрийское правительство объявило войну Наполеону, оно ознакомило Великобританию со своими собственными планами и убедило кабинет направить английские войска в Северную Германию. Такие силы, высадившиеся во время битвы при Асперне, несомненно, подняли бы тревогу как в Пруссии, так и в странах между Эльбой и Мэном. Но разница между операцией, выполненной вовремя, и операцией, выполненной с опозданием на недели и месяцы, все еще оставалась неизвестной в английском военном министерстве. Министерство даже не начинало своих приготовлений до середины июня, а затем оно решило, следуя плану, составленному несколькими годами ранее, атаковать французский флот и доки в Антверпене и проигнорировать патриотическое движение в Северной Германии, на которое они возлагали столько надежд.

[Британская экспедиция против Антверпена, июль 1809 г.]

[Полный провал.]

28 июля, через два месяца после битвы при Асперне и через три недели после битвы при Ваграме, флот из тридцати семи линейных кораблей с бесчисленными транспортом и канонерскими лодками отплыл из Дувра в Шельду. На борту находилось сорок тысяч солдат; командующим экспедицией был граф Чатем, любимец двора, в котором Природа отомстила

Великобритании за то, что она дала этой стране в лице его отца и младшего брата. Войска были высажены на острове Вальхерен. Вместо того чтобы со всей возможной поспешностью продвигаться к Антверпену и заставить его врасплох до того, как можно было провести какие-либо приготовления к его обороне, лорд Чатем разместил половину своей армии на берегах различных каналов, а другой половиной приступил к осаде Флашинга. 16 августа этот несчастный город сдался после бомбардировки, превратившей его в груды руин. В течение следующих десяти дней английский командующий продвинулся примерно на столько же миль, а затем обнаружил, что, несмотря на все перспективы взятия Антверпена, он с таким же успехом мог бы остаться в Англии. Пока Чатем ощупью пробирался в Вальхерен, укрепления Антверпена были восстановлены, флот поднялся вверх по реке, и собралась масса войск, достаточная для защиты города от регулярной осады. Поражение смотрело англичанам в лицо. В конце августа генерал рекомендовал правительству отозвать экспедицию, оставив всего 15 000 солдат для занятия болот Вальхерен. Рекомендации Чатема были приняты; и в месте, столь печально известном тем, что Наполеон отказался разрешить ни одному французскому солдату нести там гарнизонную службу, ^[162] английский армейский корпус, который мог бы, по крайней мере, заслужить ту же честь, что Шилль и Брауншвейг в Северной Германии, был оставлен умирать от лихорадки. Когда две тысячи солдат легли в могилы, остальных отозвали в Англию.

[Австрия заключает мир.]

Великобритании не удалось ослабить или встревожить Наполеона; король Пруссии не предпринял никаких действий в защиту проигравшего дела; и австрийское правительство неохотно оказалось вынужденным принять условия мира. Не столько недостаток в ее силах, сколько всеобщее недоверие к ее генералам сделало невозможным продолжение войны для Австрии. Солдаты сражались так же храбро, как и французы, но напрасно. "Если бы у нас был миллион солдат, - говорилось в нем, - мы должны были бы заключить мир, ибо нам некому ими командовать". Граф Стадиони, который был за то, чтобы вести войну до победного конца, отчаялся вложить свою собственную энергичную отвагу в людей, окружавших императора, и отошел от государственных дел. Неделя за неделей император колебался между принятием жестких условий Наполеона и возобновлением борьбы, которая, вероятно, повлекла бы за собой его собственное свержение с престола, а также полное завоевание Австрийского государства. Наконец требования Наполеона были предъявлены в форме ультиматума. В отчаянии мысли императора обратились к министру, который восемь лет назад был таким сильным, таким решительным, когда все вокруг него колебалось. Тугуту, которому сейчас было семьдесят шесть лет, жил на пенсии. Император послал одного из своих генералов спросить его мнение о мире или войне. "Я думал найти его, - сообщал генерал, - сломленным духом и телом; но огонь его духа находится в полной силе". Ответ Тугута сделал честь его дальновидности: "Заключите мир любой ценой. На карту поставлено существование австрийской монархии: распад Французской империи не за горами". 14 октября император Франциск принял условия своего завоевателя и подписал условия мира. ^[163]

[Венский мир, 14 октября 1809 г.]

[Реальные последствия войны 1809 года.]

Венский мирный договор, последний, который Наполеон подписал как завоеватель, отнял у Австрийской империи 50 000 квадратных миль территории и более 4 000 000 жителей. Зальцбург с частью Верхней Австрии был передан Баварии; Западная Галиция, территория, полученная

Австрией при окончательном разделе Польши, была передана Великому герцогству Варшавскому; часть Каринтии, со всей страной, лежащей между Адриатическим морем и Средиземным морем, за исключением границы с Боснией, была присоединена к собственной империи Наполеона под названием Иллирийских провинций. Австрия была отрезана от моря, и владычество Наполеона беспрепятственно простиралось до границ Турции. Бавария и Саксония, форпосты французского суверенитета в Центральной Европе, обогатились за счет Державы, которая призвала Германию к оружию; Австрия, которая в начале войны за независимость владела территорией на Рейне и оказывала преобладающее влияние на всю Италию, теперь, казалось, была окончательно исключена как из Германии, так и из Средиземноморья. И все же, каким бы поразительным ни было изменение границ, давшее Наполеону непрерывное господство от пролива Кале до границы Боснии, победы Франции в 1809 году не повлекли за собой ни одной из тех великих моральных перемен, которые до сих пор превращали каждое французское завоевание в этап европейского прогресса. Кампания 1796 года пробудила надежду на национальную независимость в Италии; поселения 1801 и 1806 годов положили конец феодализму в Западной Германии; победы 1809 года вызвали не что иное, как изменение границ, которое следующая война могла стереть с лица земли. Все, что было постоянным в последствиях 1809 года, было вызвано не какими-либо новыми творениями Наполеона, а духом сопротивления, который Франция в конце концов возбудила в Европе. Восстание в Тироле, подвиги при Брауншвейге и Шилле дали толчок немецкому патриотизму, пережившему поражение Австрии. Сама Австрия, хотя и была побеждена, нанесла Наполеону смертельную рану, отозвав его из Испании в тот момент, когда он мог завершить ее завоевание, и позволив Уэлсли закрепиться на полуострове. Наполеон, по-видимому, получил более богатую добычу от побед 1809 года, чем от любой из своих предыдущих войн; на самом деле он никогда не окружал себя таким количеством опасностей. Россия была отчуждена присоединением Западной Галиции к польскому Великому герцогству Варшавскому; Северная Германия извлекла пользу из примеров мужества и патриотизма, столь широко продемонстрированных в 1809 году во имя Отечества; Испания, поддержанная армией Уэлсли, все еще была далека от подчинения. Прежнее безразличие, которое расчищало путь для более ранних французских завоеваний, больше не было характерной чертой Европы. Отчуждение России, рост национального духа в Германии и Испании представляли опасность для власти Наполеона, которая намного перевешивала видимые результаты его победы.

[Австрия и Тироль.]

Сама Австрия могла только смириться с поражением: и, возможно, ее успех не способствовал бы постоянным интересам Европы. Первенство Германии, которое она предполагала в начале войны, несомненно, привело бы к временному установлению той или иной формы германского союза под руководством Австрии, если бы ход войны сложился иначе; но суверен Венгрии и Хорватии никогда не смог бы быть истинным главой немецкого народа; а поведение австрийского правительства после заключения мира 1809 года не давало особых оснований сожалеть о его неспособности возродить Тевтонскую империю. Ни одна часть подданных императора не сражалась за него с такой решительной преданностью, как тирольцы. После того как они первыми сбросили иго чужеземцев, они снова и снова освобождали свою страну, когда генералы Наполеона полагали, что всякое сопротивление преодолено; и в награду за их усилия император торжественно заверил их, что никогда не согласится на мир, который не вернет их в состав его Империи. Если где-то и требовались честные сделки, то только от австрийского суда к тирольскому. И все же единственной наградой за простодушную храбрость

этих горцев было то, что военная партия в штаб-квартире безрассудно использовала их как средство затягивания военных действий после Цнаймского перемирия, и что до момента подписания мира они оставались в уверенности, что император намерен сдержать свое обещание, Австрия, однако, не могла разориться в угоду тирольцам. Обстоятельства изменились; и фразы о патриотизме, которые вызывали столько ликования в начале войны, теперь вышли из моды в Вене. Больше ничего не было слышно о правах наций и освобождении Германии. Австрия предприняла великое предприятие и потерпела неудачу; и правительство скорее возобновило, чем отказалось от своей обычной позиции, повернувшись спиной к заявлениям 1809 года.

[Австрийская политика после 1809 г.]

[Меттерних.]

Отныне политика Австрии была расчетливой, не приправленной национальными симпатиями. Франция была жестоким врагом, и все же, если существовала перспектива добиться чего-то для Австрии с помощью французского союза, нельзя было допустить, чтобы на пути встали сентиментальные соображения. Государственный деятель, который, подобно графу Стадиону, отождествлял интересы Австрии с освобождением Германии, не был подходящим рулевым для государства на изменяющемся курсе, который теперь лежал перед ним. К власти был призван дипломат, который до сих пор по собственному желанию Наполеона представлял австрийское государство в Париже. Граф Меттерних, новый главный министр, был сыном рейнского дворянина, занимавшего высокий пост при австрийской короне. Его юность прошла в Кобленце, и его характер и вкусы были такими, какими в восемнадцатом веке отличались придворные круги маленьких Рейнских княжеств, французские во внешней жизни, не знающие инстинкта национальности, утонченные и соблазнительные в том личном управлении, которое считалось высшим типом государственной мудрости. Меттерних был послом в Дрездене и в Берлине, прежде чем отправиться в Париж. Наполеон просил перевести его ко двору Тюильри из-за подчеркнутой личной вежливости, проявленной Меттернихом к французскому послу в Берлине во время войны между Францией и Австрией в 1805 году. Меттерних нес с собой всю дружелюбность личного общения, которую ожидал от него Наполеон, но он также нес с собой спокойное и проницательное самообладание и убежденность в том, что Наполеон не даст Европе покоя, пока его могущество не будет значительно ослаблено. Он хорошо служил Австрии под Парижем, и в мирных переговорах, последовавших за битвой при Ваграме, он принимал ведущее участие. После бедствий 1809 года, когда война стала невозможной, а изоляция разрушительной, ни один государственный деятель не мог так хорошо служить Австрии, как тот, кто никогда не признавал себя врагом какой-либо Державы; и, с полного одобрения Наполеона, покойный посол в Париже был поставлен во главе австрийского государства.

[Брак Наполеона с Марией Луизой, 1810.]

[Разрыв отношений Наполеона и Александра.]

Первое начинание Меттерниха стало исключительным доказательством гибкости системы, которая отныне должна была защищать интересы Австрии. Еще до того, как на могилах в Ваграме выросла трава, императора Франциска убедили выдать свою дочь замуж за Наполеона. Некоторое время назад Наполеон решил развестись с Жозефиной и вступить в

союз с одним из правящих домов Континента. Его первые ухаживания были сделаны в Санкт-Петербурге; но царь не решался завязать связь, которую его подданные сочли бы бесчестьем; и менее привередливые австрийцы воспользовались этой возможностью, как только фантазии императорского поклонника обратились к Вене. Император Франциск, над которым издевался Наполеон на поле Аустерлица, которого высмеивали и оскорбляли во всех прокламациях, изданных во время последней кампании, отказался от своей дочери ради того, что называлось благом его народа, и примирился с зятем, который получил в приданое так много провинций. Не прошло и четырех месяцев, как был провозглашен мир, когда был подписан договор, объединивший Дом Бонапартов с семьей Марии-Антуанетты. Эрцгерцог Карл представлял Наполеона на бракосочетании; архиепископ Вены помазал невесту тем же священным маслом, которым он освятил знамена 1809 года; раболепная пресса, освещавшая свадебные торжества, не нашла места, чтобы упомянуть, что самый храбрый подданный императора, тирольский лидер Хофер, был казнен Наполеоном как разбойник в промежутке между заключением контракта и празднованием свадьбы. Старые австрийские семьи, представители единственной аристократии на Континенте, которая все еще обладала политическим весом и политическими традициями, сетовали на согласие императора на союз, который их предрассудки называли неправильным союзом, а их совесть - прелюбодеянием; но цель Меттерниха была достигнута. Дружба между Францией и Россией, причинившая столько зла Континенту после заключения Тильзитского мира, была расторгнута; меч Наполеона был отведен от Австрии по крайней мере на несколько лет; восстановление утраченных провинций Габсбургов не казалось невозможным теперь, когда Наполеон и Александр остались лицом к лицу в Европе, а союз Австрии стал так важен для державы, которая до сих пор обогащалась за счет Австрии.

[Наполеон присоединяет Папскую область, май 1809 г.]

Наполеон короновал свою новобрачную и почувствовал себя, наконец, равным Габсбургам и Бурбонам. За исключением Испании, его оружию больше не оказывали сопротивления на Континенте, и период, непосредственно последовавший за Венским миром, был тем периодом, когда Наполеоновская империя достигла своих широчайших границ. Уже тогда, гордясь первыми победами 1809 года, Наполеон завершил свою агрессию против папского суверенитета, объявив Церковные государства объединенными с Французской империей (17 мая 1809 года). Папа ответил своему грабителю Буллой об отлучении от Церкви; но духовные страхи были одними из наименее грозных из тех, что действовали в то время в Европе, и святость понтифика не помешала солдатам Наполеона арестовать его на Квиринале и доставить в качестве пленника в Савону. Здесь Пий VII был задержан на следующие три года. Римские государства получили законы и гражданскую организацию Франции. ^[164] Епископы и духовенство, отказавшиеся принести присягу на верность Наполеону, были заключены в тюрьму или сосланы; монастыри были распущены; кардиналы и высшие офицеры вместе с архивами и всем аппаратом церковного управления были перевезены в Париж. По отношению к будущему европейского католицизма разрыв между Наполеоном и Пием VII был более важным событием, чем считалось в то время; его непосредственным и видимым результатом стало то, что в Европе стало на одного монарха меньше, и еще одна провинция открылась для французской воинской повинности.

[Приложения Наполеона, Голландия, июль 1810 г.]

Следующим из вассалов Наполеона, потерявшим свой трон, был король Голландии. Подобно

Жозефу в Испании и Мюрату в Неаполе, Луи Бонапарт честно пытался управлять страной на благо своих подданных. Он пытался облегчить бремя, которое Наполеон возложил на голландскую нацию, уже лишенную своих колоний, своей торговли и своей независимости; и каждая просьба, с которой Людовик обращался к своим подданным, рассматривалась Наполеоном как нарушение долга по отношению к самому себе. Проступок несчастного короля Голландии стал непростительным, когда он пренебрег выполнением приказов Наполеона о запрете ввоза английских товаров. Людовик был вызван в Париж и вынужден подписать мирный договор, уступающий часть своих владений и передающий свои таможи в руки французских офицеров. Он вернулся в Голландию, но дела становились все хуже и хуже. Французские войска наводнили страну; каждое письмо Наполеона было более угрожающим, чем предыдущее; и, наконец, Людовик бежал из своих владений (1 июля 1810 г.) и освободился от королевской власти, которая оказалась самым невыносимым видом рабства. Неделью спустя Голландия была присоединена к Французской империи.

[Аннексия Ле-Вале и побережья Северной Германии.]

До конца года последовали еще две аннексии. Было объявлено, что Республика Вале пренебрегла возложенной на нее обязанностью по ремонту дороги через Симплон и утратила свою независимость. Прибрежный район Северной Германии, включающий ганзейские города, Ольденбург и часть королевства Вестфалия, был присоединен к Французской империи с предполагаемой целью более эффективного перекрытия доступа британских товаров из портов Эльбы и Везера. Однако Гамбург и большая часть территории, ныне присоединенной к Франции, были оккупированы французскими войсками еще со времен войны 1806 года, и юридическое изменение его положения едва ли сделало его подчинение более полным. Если бы история этой аннексии была написана людьми из крестьянского сословия, она, вероятно, была бы описана в терминах искренней благодарности и восхваления. В Декрете, вводящем французский принцип свободного владения землей, перечислены тридцать шесть различных форм феодальной службы, которые отменяются без какой-либо компенсации. ^[165]

[Масштабы империи и зависимостей Наполеона, 1810.]

Владычество Наполеона теперь достигло своих широчайших границ. Граница империи начиналась в Любеке на Балтийском море, касалась Рейна у Везеля и следовала по реке и горам Юра до подножия Женевского озера; затем, пересекая Альпы выше истоков Роны, она соединялась с реками Сесия и По до точки, почти противоположной Мантуе, поднималась к водоразделу Апеннин и спускалась к Средиземному морю у Террачины. Поздние церковные государства были образованы в двух департаментах Тибра и Тразимене; Тоскана, также разделенная на французские департаменты и представленная во Французском законодательном органе, дала титул эрцгерцогини и церемониал двора сестре Наполеона Элизе; Итальянское королевство, образованное Ломбардией, Венецией и страной к востоку от Апеннин вплоть до Асколи на юге, принадлежало самому Наполеону, но конституционно не было объединено с Французской империей. На востоке Адриатики Иллирийские провинции распространили власть Наполеона до границ Боснии и Черногории. За пределами границ этой великой империи в Италии, Германии и Польше правили феодальные ордена. Мюрат, король Неаполя, и князья-клиенты Рейнской конфедерации, владевшие всей Германией вплоть до границ Пруссии и Австрии, а также Великим герцогством Варшавским, номинально были суверенами в пределах своих собственных владений; но они занимали свои посты по желанию

Наполеона, а население и доходы их государств были к его услугам.

[Преимущества правления Наполеона.]

[Недостатки правления Наполеона.]

[Торговая блокада.]

В конце 1810 года произошли последние изменения, которые Европе было суждено получить от рук Наполеона. Основа его суверенитета была воздвигнута на руинах всего, что было устаревшим и бессильным на западном континенте; как положительные, так и отрицательные стороны его превосходства теперь были видны в их самом широком проявлении. Вся Италия, северные районы Германии, которые были включены в состав империи, и значительная часть Рейнской территории Конфедерации получили в Кодексе Наполеона закон, который в доселе неизвестной Европе степени привнес социальную справедливость в повседневную жизнь. Привилегии знати, феодальные тяготы крестьян, монополии гильдий исчезли, в большинстве случаев навсегда. Комфорт и совершенствование человечества были подтверждены как истинная цель собственности упразднением приспособлений, превращающих землю в орудие семейной гордости, и обеспечением справедливого раздела наследства между детьми владельца. Судебный процесс, как гражданский, так и уголовный, был доведен до понимания обычных граждан и подвергнут испытанию на гласность. Это были одни из плодов более раннего просвещения, которое господство Наполеона даровало большей части Европы. Ценой, которая была заплачена за них, было подавление всех остатков свободы, воинская повинность и континентальная блокада. В целом, иго переносили терпеливо. Итальянцы и немцы Рейнской конфедерации мало заботились о том, какому правительству они подчиняются; их новобранцы, которых австрийцы или испанцы посылали на смерть, не испытывали особых трудностей в битвах с Наполеоном. Еще более раздражающим было давление коммерческой системы Наполеона и агентств, с помощью которых он пытался насаждать ее. В надежде разрушить торговлю Великобритании, Наполеон не жалел суровости по отношению к владельцам всего, чего касались британские руки, и лишил Континент всех запасов колониальных продуктов, за исключением тех, которые ввозились за огромные деньги торговцами, имеющими лицензию от него самого. Владение английскими товарами стало уголовно наказуемым деянием. В крупных торговых городах против торговцев была введена в действие система постоянного террора. Солдаты обыскивали их дома; их письма вскрывались; шпионы преследовали их по пятам. Именно в Гамбурге, где Даву осуществлял своего рода независимый суверенитет, насилие и несправедливость наполеоновской торговой системы проявились в ее наиболее отталкивающей форме; на большей части империи это ощущалось скорее в общем упадке торговли и во множестве досадных лишений, чем в актах навязчивой жестокости. ^[166] Французы сами были вынуждены извлекать сахар из свеклы и заменять кофе цикорием; немцы, менее облагодетельствованные природой и менее быстро приспособляющиеся, страдали от жажды и дулись. Даже в таких вялых сообществах, как Саксония, политическое недовольство в конце концов переросло в физический дискомфорт. Люди, которые были непримиримы ко всей патриотической экзальтации Штейна и Фихте, чувствовали, что, должно быть, что-то не так в системе, которая подняла цену на кофе до пяти шиллингов за фунт и поставила табачную лавку в исключительную зависимость от огородника.

[Царь отказывается от торговой системы Наполеона, декабрь 1810 г.]

[Франция и Россия готовятся к войне, 1811.]

Однако континентальная система своим воздействием на немецких вассалов Наполеона не способствовала падению ее автора. Каким бы ни было недовольство этих общин, они подчинялись Наполеону до тех пор, пока он одерживал победу, и покинули его только тогда, когда его дело было проиграно. Его реальное политическое значение заключалось во враждебности, которую он возбудил между Францией и Россией. Царь, который присоединился к торговой системе Наполеона по Тильзитскому миру, отказался от нее в год, последовавший за Венским миром. Торговля Российской империи была разрушена из-за закрытия ее портов для британских судов и британских товаров. Наполеон нарушил свое обещание, данное России, присоединив Западную Галицию к польскому герцогству Варшавскому; и царь отказался больше жертвовать богатствами своих подданных в интересах неискреннего союзника. В конце 1810 года в Санкт-Петербурге был опубликован приказ, открывающий гавани России для всех судов, плавающих под нейтральным флагом, и вводящий пошлины на многие товары Франции. Этот указ был едва ли не прямым вызовом французскому императору. Наполеон преувеличил влияние своих континентальных запретов на английскую торговлю. Он воображал, что господство над европейской береговой линией и ничто иное, кроме этого, не позволит ему измотать своего врага; и он был готов скорее рискнуть войной с Россией, чем позволить ей разрушить его давно лелеемые надежды. Уже в австрийском браке Наполеон обозначил разрыв своих интересов с интересами Александра. Попытка компромисса в делах Польши привела лишь к новому отчуждению и недоверию; Александру было нанесено открытое оскорбление аннексией герцогства Ольденбургского, сувереном которого был член его собственной семьи. За последним событием немедленно последовала публикация нового российского тарифа. Весной 1811 года Наполеон решился на войну. Поскольку Испания все еще не была покорена, у него не было причин торопиться с военными действиями; Александр, со своей стороны, был еще менее готов к действиям; и, как следствие, формы дипломатических сношений еще некоторое время сохранялись в Париже и Санкт-Петербурге. Но истинный характер ситуации был продемонстрирован огромными сборами, которые были объявлены как во Франции, так и в России; и остаток года был потрачен на подготовку к кампании, которой было суждено решить судьбу Европы.

[Дела в Испании и Португалии, 1809-1812 гг.]

[Строки Торреса Ведраса, 1809-1810 гг.]

Мы видели, что в течение более чем двухлетнего периода, прошедшего между Венским миром и началом войны с Россией, у Наполеона не было вооруженного врага на Континенте, за исключением Испанского полуострова. Если бы император сам принял командование в Испании, он, вероятно, в течение нескольких месяцев разгромил бы как испанские армии, так и их английского союзника. Фатальная ошибка в суждениях заставила его желать наблюдать издали, пока его генералы сражались с этим последним врагом. Споры с папой римским и королем Голландии вполне могли быть отложены еще на год; но Наполеон не подозревал, что завоевание Испанского полуострова было слишком трудной задачей для его маршалов; и, возможно, этого не было бы, если бы Веллингтон был похож на любого из генералов, с которыми сталкивался сам Наполеон. Французские войска на полуострове насчитывали более 300 000 человек: несмотря на победу при Талавере, англичане были вынуждены отступить в Португалию. Но война Веллингтона отличалась от войны даже лучших австрийских или русских

военачальников. Со времени отступления из Талаверы он предвидел, что в Португалию вторгнется армия, намного превосходящая численностью его собственную; и он разработал план обороны, столь же оригинальный, столь же сильно отличающийся истинной военной проницательностью, как и самые смелые планы нападения самого Наполеона. За Лиссабоном от Тежу до моря тянется пересеченная горная местность: здесь, пока английская армия зимовала в окрестностях Алмейды, Веллингтон нанял тысячи португальских рабочих, чтобы превратить мыс в одну огромную крепость. Ни одному слуху об операции не было позволено дойти до врага. Двойная серия укреплений, известная как Линии Торриш-Ведраш, следовала за горным бастионом к северу от Лиссабона и не оставляла ни одной открытой точки между Тежу и морем. Это был барьер, к которому Веллингтон намеревался в качестве последнего средства привлечь своих противников, в то время как страна была лишена всего, что могло поддержать армию вторжения, а нерегулярные войска Португалии заходили ей в тыл. ^[167]

[Отступление Массены, 1810-11 гг.]

[Кампания Массены против Веллингтона, 1810 г.]

В июне 1810 года маршал Массена, отличившийся при Асперне и Ваграме, прибыл в Испанию и принял командование армией, предназначенной для завоевания Португалии. Сюдад-Родриго был захвачен: Веллингтон, слишком слабый, чтобы освободить его, слишком мудрый, чтобы подвергать опасности свою армию ради похвалы Испании, лежал неподвижно, пока эта великая крепость попадала в руки захватчиков. В сентябре французы численностью 70 000 человек вошли в Португалию. Веллингтон отступил вниз по долине Мондего, опустошая страну. Наконец, он остановился у Бусако и дал сражение (27 сентября). Французы потерпели поражение; победа придавала португальцам полную уверенность в английском лидере; но для захватчика были открыты другие дороги, и Веллингтон продолжил отступление. Массена последовал за ними и впервые услышал об укреплениях Торриш-Ведрас, когда находился в пяти днях пути от них. Приблизившись к горному барьеру, Массена тщетно искал незащищенный пункт. Пятьдесят тысяч английских и португальских регулярных войск, помимо множества португальских ополченцев, были собраны в тылу; при нынешней численности французов атака была безнадежной. Массена ждал подкрепления. С величайшим трудом ему удавалось уберечь свою армию от голода; наконец, когда страна была совершенно истощена, он начал отступление (14 ноября). Веллингтон спустился с высот, но его маршевые силы были все еще слишком слабы, чтобы рискнуть вступить в решительный бой. Массена остановился и занял пост в Сантарене, на Тежу. Здесь и в соседней долине Зезере он поддерживал себя в течение зимы. Но в марте 1811 года из Англии прибыло подкрепление: Веллингтон двинулся вперед против своего врага, и отступление французов началось по-настоящему серьезно. Массена двинулся на север, испытывая сильное давление со стороны англичан и безжалостно опустошая страну, чтобы задержать преследование. Огонь и руины отмечали путь отступающей армии; но таковы были страдания самих французов, как во время вторжения, так и при отступлении, что, когда Массена снова вступил в Испанию после кампании, в которой было проведено всего одно крупномасштабное сражение, его потери превысили 30 000 человек.

[Сульт завоевывает Испанию до Кадиса.]

[Кампания Веллингтона 1811 года.]

Другие французские армии, несмотря на самую разрушительную партизанскую войну, тем

временем завершали завоевание юга и востока Испании. Сульт захватил Севилью и начал осаду Кадиса. Здесь, в конце 1810 года, до него дошел приказ Наполеона выступить на поддержку Массены. Оставив Виктора командовать в Кадисе, Сульт двинулся на север, разбил испанцев и захватил крепость Бадахос, контролирующую южную дорогу в Португалию. Массена, однако, уже отступал, а наступление самого Сульта было прервано получением информации о том, что Грэм, английский генерал в Кадисе, напал на осаждающих и нанес им тяжелое поражение. Сульт вернулся в Кадис и возобновил блокаду. Веллингтон, таким образом, избавленный от опасности нападения с юга и полагавший, что Массена полностью выведен из строя, решил, что пришло время для продвижения в Испанию. Ему было необходимо захватить крепости Алмейда и Сьюдад-Родриго на северной дороге и обеспечить свои собственные коммуникации с Португалией, отвоевав Бадахос у французов. Он оставил небольшой отряд для осады Алмейды и двинулся в Эльвас, чтобы договориться с Бересфордом об осаде Бадахоса. Но прежде чем английский командующий счел это возможным, энергия Массены восстановила боеспособность его войск, и две армии Массены и Сульта были теперь готовы атаковать англичан с севера и юга. Массена выступил против корпуса, окружавшего Алмейду. Веллингтон поспешил ему навстречу и дал сражение при Фуэнтес д'Оноро. Французы потерпели поражение; Алмейда перешла в руки англичан. На юге Сульт продвинулся на помощь Бадахосу. Он был свергнут Бересфордом в кровопролитном сражении при Альбуэре (16 мая); но его соединение с северной армией, которая теперь была переброшена из Массены в Мармон, вынудило англичан снять осаду; и Веллингтон, дерзко предложив сражение объединенным французским армиям, отступил в пределы португальской границы и двинулся на север с намерением осадить Сьюдад-Родриго. Французы снова оказались в меньшинстве, и он был вынужден удалиться в расквартирование на Коа.

[Взятие Сьюдад-Родриго, 19 января 1812 г.]

[Взятие Бадахоса, 6 апреля.]

В течение осенних месяцев, которые были проведены в вынужденном бездействии, Веллингтон терпеливо придерживался своей веры в то, что французы не смогут долго поддерживать единство своих армий из-за нехватки продовольствия. Его расчеты оказались верными, и к концу 1811 года англичане снова имели превосходство в боевых действиях. Веллингтон двинулся на Сьюдад-Родриго и взял его штурмом 19 января 1812 года. Дорога в Испанию была открыта; оставалось только обезопасить саму Португалию путем захвата Бадахоса. Веллингтон переправился через Тахо 8 марта и завершил окружение Бадахоса десять дней спустя. Необходимо было овладеть городом любой ценой, прежде чем Сульт сможет продвинуться на его помощь. В ночь на 6 апреля Веллингтон отдал приказ о штурме. Ярость атаки, свирепость английских солдат в момент их победы сделали штурм Бадахоса заметным среди самых ужасных событий войны. Но цель Веллингтона была достигнута; база английской армии в Португалии была защищена от любой возможности нападения; и в тот момент, когда Наполеон созывал свои опытные полки из-за Пиренеев для вторжения в Россию, английский командующий, хозяин пограничных крепостей Испании, готовился сокрушить ослабленные армии на полуострове и изгнать французов из Мадрида.

[Веллингтон вторгается в Испанию, июнь 1812 г.]

[Саламанка, 22 июля.]

[Веллингтон отступает в Португалию.]

Летом 1812 года, когда Наполеон собирался начать русскую кампанию, Веллингтон двинулся против позиций Мармона на севере Испании и французских путей сообщения со столицей. Мармон отступил и позволил Веллингтону пройти Саламанку; но, достигнув Дору, он повернул против своего противника и чередой быстрых и искусных маршей поставил англичан перед некоторой опасностью потери их коммуникаций с Португалией. Сам Веллингтон теперь отступил до Саламанки и там дал сражение (22 июля). Решающая победа избавила английскую армию от опасности и свела на нет все преимущества, достигнутые стратегией и скоростью Мармона. Французы потерпели такое тяжелое поражение, что им пришлось отступить к Бургосу. Веллингтон двинулся на Мадрид. При его приближении король Жозеф бежал из столицы и приказал Сульту покинуть Андалусию и встретить его в Валенсии, на восточном побережье. Веллингтон вступил в Мадрид при бурном ликовании испанцев, а затем повернул на север, чтобы завершить разгром армии, которую он разбил при Саламанке. Но час его окончательного успеха еще не наступил. Его наступление на Мадрид, хотя и было мудрой политической мерой, дало французской северной армии время собраться с силами. Его остановила упорная оборона Бургоса; и, обнаружив, что французы укрепились из-за самого отказа от территории, к которому их принудила его победа, он удалился в Португалию, предоставив королю Жозефу еще несколько месяцев ненадежного пользования своим вассальным суверенитетом перед его окончательным и бесповоротным свержением.

[Война возбуждает конституционное движение в Испании.]

В самой Испании борьба нации за свою независимость привела к политической революции, столь же мало предвиденной испанцами, как и самим Наполеоном, когда начался конфликт. Когда в 1808 году народ поднял оружие в защиту своей родной династии, голоса тех, кто требовал покончить со злоупотреблениями правительства Бурбонов, едва были слышны среди бурного энтузиазма верноподданных Фердинанду. Однако в Испании существовала группа либерально настроенных людей; и как только вторжение французов и последующие успехи испанцев свергли как старую репрессивную систему бурбонов, так и ту, которую Наполеон пытался поставить на ее место, мнения этих людей, до сих пор едва известные за пределами круга их собственных знакомых, внезапно приобрели силу в стране благодаря освобождению прессы. Ховельянос, честный и широкомыслящий государственный деятель, который во время последнего правления подвергся длительному тюремному заключению за свои труды во имя прогресса, теперь представлял в Центральной хунте партию конституционных реформ. Сама хунта действовала без особой проницательности или искренности. Большинство ее членов не желали и не понимали больших перемен в правительстве, за которые выступал Ховельянос; однако сама Хунта была нерегулярным и революционным органом и была вынуждена обратиться к нации, чтобы отстоять свои позиции против старых юридических советов монархии, которые обладали не только лучшими формальными правами, но и всеми привычками власти. Победы Наполеона в конце 1808 года и угрожающая позиция как старых официальных органов, так и новых провинциальных правительств, возникших во всех частях королевства, вынудили хунту весной 1809 года принять декларацию в пользу созыва кортесов, или Национального парламента, в следующем году. Сделанная однажды декларация не могла быть аннулирована или отозвана. Напрасно хунта, встревоженная ростом общественного мнения, восстановила цензуру прессы и попыталась подавить либеральные журналы. Поток политической агитации неуклонно нарастал, и к концу 1809 года конфликт партий, который

Испании отныне предстояло переживать вместе с другими средиземноморскими государствами, фактически начался. ^[168]

[Испанские либералы в 1809 и 1810 гг.]

Испанские либералы 1809 года предприняли ту же атаку на деспотическую власть и поддержали те же теории народного права, что и лидеры французской нации двадцатью годами ранее. Против них была направлена вся сила испанского официоза, который вскоре был поддержан подавляющей властью духовенства. Однако вначале либералы тщательно избегали посягательств на прерогативы Церкви. Таким образом, приспособившая свою политику к католическому духу нации, партия реформ набирала силу на протяжении всего 1809 года, поскольку катастрофа за катастрофой возбуждали гнев народа как против прошлых, так и против нынешних обладателей власти. Хунтой было решено, что кортесы должны собраться 1 марта 1810 года. Согласно древнему обычаю Испании, каждое из Трех сословий - Духовенство, знать и палата общин - должно было быть представлено в Кортесах отдельным собранием. Противники реформы настаивали на сохранении этого средневекового порядка, либералы выступали за единую палату; хунта, руководимая Ховельяносом, выбрала промежуточный курс и решила, что высшее духовенство и знать должны быть совместно представлены в одной палате, Палата общин - во второй. Списки о выборах уже были выданы, когда хунта, загнанная в Кадис наступлением французских армий и подвергшаяся нападкам в равной степени со стороны либералов, реакционеров и городских толп, завершила свою неэффективную карьеру и передала свои полномочия в руки Регентства, состоящего из пяти человек (30 января 1810 г.). Если бы Регентство немедленно предприняло шаги по созыву кортесов, Испания, вероятно, удовлетворилась бы умеренными реформами, которые, вероятно, одобрили бы две палаты, сформированные в соответствии с планами Ховельяноса. Регентство, однако, предпочло сохранить власть в своих руках и проигнорировало обещание, которое хунта дала нации. Его политика обструкции, которая продолжалась в течение нескольких месяцев после того, как должны были собраться кортесы, отдала Либеральную партию в руки людей крайних взглядов и подготовила путь для революции, а не для реформ. Только когда в Испанию дошла весть о том, что Фердинанд собирается жениться на дочери короля Иосифа и принять наследование испанской короны от самого узурпатора, регентство согласилось созвать кортесы. Но теперь уже было невозможно создать Верхнюю палату, которая служила бы сдерживающим фактором для народного собрания. Была избрана единая палата, и избрана по большей части в стенах самого Кадиса; ибо представители округов, где присутствие французских солдат делало выборы невозможными, были выбраны беженцами из этих округов Кадиса, среди бурных политических страстей, которые сотрясают большой город во время войны и революции.

[Конституция, принятая кортесами 1812 года.]

24 сентября 1810 года открылись кортесы. Его первым актом было провозглашение суверенитета народа, следующим актом - провозглашение свободы прессы. В ходе каждого обсуждения в речах депутатов-либералов проявлялся дух ожесточенной ненависти к старой системе правления и глубокого недоверия к самому Фердинанду, хотя никто в Собрании не осмеливался признать ни малейшего недостатка лояльности по отношению к изгнанному Дому. Либералы знали, насколько страстной была любовь испанского народа к своему принцу; но они решили, что, если Фердинанд вернется на свой трон, он должен вернуться без власти, способной возродить старые злоупотребления правления Бурбонов. В этом духе Ассамблея

приступила к разработке Конституции Испании. К Короне относились как к антагонисту и растлителю народа; ее административные полномочия были ревниво урезаны; ей противостояло Собрание, которое должно было избираться каждые два года, и членам этого Собрания было запрещено как занимать должности при короне, так и выдвигать себя для переизбрания по истечении двухлетнего срока службы. Представительному органу, таким образом, лишенному всякой возможности получить какое-либо практическое представление об общественных делах, было доверено не только право издавать законы, но и контроль над каждой ветвью власти. Исполнительная власть была сведена к простому символу.

[Духовенство против Конституции.]

Такова была Конституция, которую испанские кортесы провозгласили весной 1812 года под огнем французской артиллерии, окружавшей теперь Кадис. Его принципы вызвали самую яростную оппозицию внутри самой Ассамблеи; нацией или, по крайней мере, той ее частью, которая поддерживала связь с Кадисом, он, по-видимому, был принят с энтузиазмом. Либералы, одержавшие победу над своими оппонентами в дебатах в Ассамблее, верили, что их собственная победа была победой испанского народа над силами деспотизма. Но прежде чем первые ликования утихли, появились зловещие признаки силы противоположной партии и неспособности самих либералов сформировать сколько-нибудь эффективное правительство. Фанатизм духовенства был возбужден законом, частично санкционирующим подавление монастырей, начатое Жозефом Бонапартом; постановления Кортесов о цензуре религиозных писаний вызвали у Церкви открытое восстание. Провозгласив свободу печати, кортесы явно предостерегли себя от распространения этой свободы на религиозные дискуссии; теперь духовенство требовало восстановления полномочий инквизиции, действие которых было приостановлено с начала войны. Кортесы были готовы предоставить епископам право осуждать любое произведение как еретическое, и они были готовы обеспечить соблюдение с помощью обычных судов закона, который объявлял католическую религию единственной разрешенной в Испании; но они отказались восстановить юрисдикцию Святой Канцелярии (февраль 1813 г.). Без этого механизма подавления всякой ментальной независимости духовенство Испании считало свое дело проигранным. Анафема Церкви была направлена против нового порядка. Объединившись с приверженцами абсолютизма, которых Веллингтон, раздраженный сумасбродством либералов, взял теперь под свою защиту, духовенство возбудило невежественный народ против его собственных освободителей и ожидало того времени, когда возвращение Фердинанда и объединение всех интересов, враждебных реформе, должны были свергнуть Конституцию, которая, как наивно воображали либералы, дала свободу Испании.

Приближается война между Францией и Россией-Политика Пруссии-Министерство Харденберга-Пруссия вынуждена вступить в союз с Наполеоном-Австрийский союз-Приготовления Наполеона-Он вступает в Россию-Александр и Бернадотт-План русских дать сражение при Дриссе сорван-Они отступают к Витебску-Страдания французов-Французы входят в Смоленск-Бородинская битва-Эвакуация Москвы -Москва обстреляна-Отступление из Москвы-Французы под Смоленском-Наступление русских армий с севера и Юга- Битва при Красном-Переход Березины-Французы достигают Немана- Йоркская конвенция с русскими- Царь и Штайн-Русская армия входит в Пруссию-Штайн поднимает Восточную Пруссию-Калишский мирный договор-Пруссия объявляет войну-Энтузиазм нации-Идея единства Германии-Ландвер.

[Австрия и Пруссия в 1811 году.]

[Министерство Харденберга.]

О неизбежности войны между Францией и Россией было известно еще весной 1811 года. За приближением конфликта с глубочайшей тревогой наблюдали два государства центральной Европы, которые все еще сохраняли некоторую степень независимости. Правительства Берлина и Вены были сведены вместе несчастьем. Одно и то же окончательное освобождение составляло тайную надежду обоих; но опасность, грозившая им, была слишком велика, чтобы позволить им объединиться в открытом сопротивлении воле Наполеона. Несмотря на молчаливое соглашение между двумя державами, каждая из них была вынуждена в настоящее время принять условия, необходимые для обеспечения своего собственного существования. Положение Пруссии, в особенности, было крайне опасным. Его территория лежала непосредственно между Французской империей и Россией; его крепости находились в руках Наполеона, его ресурсы наверняка были захвачены той или иной враждебной армией. Нейтралитет был невозможен, как бы сильно ни желала этого сама Пруссия; и единственный вопрос, который предстояло решить правительству, состоял в том, должна ли Пруссия вступить в войну как союзник Франции или России. Если бы партия Штейна была у власти, Пруссия подняла бы оружие против Наполеона, несмотря на любой риск. Штайн, однако, находился в изгнании, его друзья, хотя и были сильны в армии, не были хозяевами правительства; внешней политикой страны руководил государственный деятель, который больше полагался на время и благоразумное управление, чем на отчаянные решения. Харденберг был отозван на свой пост в 1810 году, и ему было разрешено возобновить масштабные мероприятия по гражданской реформе, которые были прерваны двумя годами ранее. Правительственный аппарат был перестроен на принципах, которые были заложены Штейном; аграрная реформа продвинулась еще дальше благодаря отмене крестьянской повинности и разделу крестьянской земли между хозяином и его сеньором; был проведен эксперимент, хотя и очень плохо организованный, в формах конституционного правления путем созыва трех последовательных собраний знати. Со стороны привилегированных слоев Харденберг столкнулся с самым ожесточенным сопротивлением; его собственная любовь к абсолютной власти помешала ему завоевать доверие народа каким-либо реальным подходом к Представительной системе. Внешняя политика министра также не имела такого характера, чтобы вызывать энтузиазм. Истинный

патриот в душе, он, казалось, временами был лишен патриотизма, хотя на самом деле был лишен лишь возможности раскрыть свои истинные мотивы.

[Внешняя политика Харденберга, 1811.]

Убежденный, что Пруссия не может оставаться нейтральной в предстоящей войне, и полагающий, что некоторое облегчение ее нынешнего бремени абсолютно необходимо, Харденберг решил в первую очередь предложить поддержку Пруссии Наполеону, потребовав взамен этого сокращения выплат, все еще причитающихся Франции, и отмены ограничений, наложенных на прусскую армию. ^[169] Предложение прусского союза дошло до Наполеона весной 1811 года: он хранил упорное молчание. Пока прусский посланник в Париже тщетно ждал аудиенции, массы войск двинулись от Рейна к прусской границе, а французские гарнизоны на Одере были увеличены намного больше, чем предполагалось. В июле посланник вернулся из Парижа, объявив, что Наполеон отказался даже вступать в обсуждение условий, предложенных Харденбергом. Король Фридрих Вильгельм написал царю, предлагая союз между Пруссией и Россией. Прошло незадолго до того, как сообщение о военных приготовлениях Харденберга достигло Парижа. Наполеон объявил, что, если они немедленно не будут приостановлены, он должен приказать Даву выступить на Берлин; и он выдвинул встречное предложение о союзе с Пруссией, которое фактически заключалось в безоговорочном подчинении. Правительству предстояло сделать выбор между принятием договора, который ставил Пруссию в число вассалов Наполеона, или неизбежной войной. Харденберг, ожидавший благоприятных новостей из Санкт-Петербурга, высказался в пользу войны; но царь, хотя и стремился заручиться поддержкой Пруссии, разработал план оборонительных операций и заявил, что не может посылать войска за пределы российской границы.

[Пруссия принимает союз с Наполеоном в феврале 1812 года.]

Таким образом, Пруссия осталась один на один с Наполеоном. Харденберг уклонился от ответственности за объявление войны не на жизнь, а на смерть, и был подписан договор, который присоединил народ Фридриха Великого к той бесславной толпе, которая по приказу Наполеона сражалась против всего, что осталось от независимости и национальности в Европе. ^[170] (24 февраля 1812 г.) Пруссия обязалась предоставить Наполеону 20 000 человек для предстоящей кампании, а также не взимать никаких сборов и не отдавать никаких приказов своим войскам без согласия Наполеона. Таков был горький крах всех тех патриотических надежд и усилий, которые помогли Пруссии пережить ее самые мрачные дни. Сам Харденберг мог бы сделать заслугу в том, что склонился перед бурей и сохранил для Пруссии средства нанесения удара, когда придет время; но более простые инстинкты патриотической партии считали его подчинение самоцелью национального существования. Штайн в своем изгнании осудил министра с беспощадной горечью. Шарнхорст подал в отставку со своего поста; многие из лучших офицеров прусской армии оставили службу королю Фридриху Вильгельму, чтобы присоединиться к русским в последней борьбе за европейскую свободу.

[Союз Австрии с Наполеоном.]

Союз, к которому Наполеон принуждал Австрию, не носил такого унижительного характера, как тот, на который была вынуждена согласиться Пруссия. И Меттерних, и император Франциск предпочли бы сохранить нейтралитет, поскольку страна страдала от страшного

государственного банкротства, и правительство было вынуждено сократить выпуск бумажных денег, в которых выплачивались все долги и жалование, до пятой части их номинальной стоимости. Наполеон, однако, настаивал на сотрудничестве Австрии. Семейные отношения двух императоров указывали на тесный союз, и награда, которую Наполеон предложил Австрии, - восстановление иллирийских провинций - была одной из самых ценных. К австрийскому контингенту также нельзя было относиться, подобно прусскому, как к простому французскому армейскому корпусу. Ее операции должны были вестись отдельно от операций французов, и командование ею должен был осуществлять австрийский генерал, подчинявшийся только самому Наполеону. На этих условиях Меттерних не отказывался участвовать в кампании. Он удовлетворил свои угрызения совести, изобретая странную дипломатическую форму, в которой Австрия по-прежнему описывалась как нейтральная, хотя и принимала участие в войне,^[171] и испытывал столь же мало угрызений совести при объединении с Францией, как при объяснении дворам Санкт-Петербурга и Берлина, что союз был лицемерным. Государь, на которого вот-вот должен был напасть Наполеон, и Государи, пославшие свои войска на поддержку Наполеону, прекрасно понимали позицию друг друга. Прусскому корпусу, за которым наблюдали французы и который превосходил их численностью, возможно, пришлось бы сражаться с русскими, потому что они ничего не могли с этим поделаться; австрийцы, руководимые своим собственным командиром, не причинили бы серьезного вреда русским до тех пор, пока русские не причинили бы вреда им. Если царю удастся составить хорошее представление о своем противнике, ему не составит труда прийти к соглашению с вынужденными союзниками своего противника.

[Подготовка Наполеона к вторжению в Россию.]

Договоры, которые обеспечили Наполеону пустую поддержку Австрии и Пруссии, были подписаны в начале 1812 года. В течение следующих трех месяцев вся Северная Германия была покрыта огромными массами войск и обозов, следовавших от Рейна к Висле. Ни одна экспедиция никогда не была организована с целью, сравнимой по масштабам с вторжением в Россию. Во всех французских войнах, начиная с 1793 года, страна противника снабжала их армии припасами, и генералы полагались на свои собственные силы во всем, кроме ружей и боеприпасов. Однако такой метод нельзя было использовать при вторжении в Россию. Страна за Неманом не была таким ухоженным садом, как Ломбардия или Бавария. Провизия для массы в 450 000 человек со всеми транспортными средствами для доставки их далеко в глубь России должна была быть собрана в Данциге и крепостях на Висле. Не было проявлено милосердия к несчастным странам, положение которых теперь делало их полем для сбора урожая и хранилищем Наполеона. Пруссия была вынуждена дополнить свою военную помощь колоссальными поставками. Все войска Наполеона на марше по Германии жили за счет городов и деревень, через которые они проходили; в Вестфалии такие были разрушения, вызванные военными реквизициями, что король Жером написал Наполеону, предупреждая его опасаться отчаяния людей, которым больше нечего терять.^[172]

[Наполеон пересекает границу России, июнь 1812 г.]

[Александр и Бернадотт.

Наконец были собраны огромные запасы, и армия вторжения достигла Вислы. Сам Наполеон покинул Париж 9 мая и принял оммаж австрийского и прусского государей в Дрездене. Движение армии на восток продолжалось. Районы Польши и Восточной Пруссии, которые были

ареной боев 1807 года, снова пересекли французские колонны. 23 июня был отдан приказ переправиться через Неман и вступить на территорию России. Из 600 000 солдат, которых Наполеон организовал для этой кампании, 450 000 фактически находились на границе. Из них 380 000 человек составили центральную армию под командованием самого Наполеона в Ковно, на Немане; к северу, в Тильзите, был сформирован корпус численностью 32 000 человек, в который входил контингент, предоставленный Пруссией; австрийцы под командованием Шварценбурга с небольшой французской дивизией располагались к югу, на границах Галиции. Против главной армии Наполеона, реальной силы вторжения, русские могли выставить только 150 000 человек. Они были сформированы в Первую и Вторую армии Запада. Первая, или Северная армия, с которой присутствовал сам царь, насчитывала около 100 000 человек под командованием Барклая де Толли; вторую армию, вдвое меньшую по численности, возглавлял князь Багратион. В Южной Польше и на Нижнем Немане французскому вспомогательному корпусу противостояли слабые дивизии. В целом, у русских было всего 220 000 человек, чтобы противостоять более чем вдвое большему количеству противника. Основные подкрепления, которых они должны были ожидать, поступали от армий, до сих пор сражавшихся с турками на Дунае. Александр считал необходимым заключить мир с Портой ценой части добычи при Тильзите. Дунайские провинции, за исключением Бессарабии, были возвращены султану, чтобы Россия могла вывести свои войска с юга. Бернадот, наследный принц Швеции, которому угрожала потеря его собственных владений в случае победы Наполеона, заключил союз с царем. В обмен на сотрудничество шведской армии Александр предпринял с безразличием к национальным правам, достойным самого Наполеона, отвоевать Норвегию у Дании и присоединить ее к шведской короне.

[Русские намерены сражаться при Дриссе.]

[Русские армии разделены и отступают к Витебску.]

Штаб-квартира русской армии находилась в Вильне, когда Наполеон переправился через Неман. Было неизвестно, намеревались ли французы наступать на Москву или на Санкт-Петербург; царь также не принял никакого систематического плана кампании. Идея отступления перед врагом действительно была знакома в России со времен войны между Петром Великим и Карлом XII. Швеции, и не было недостатка в хороших советах в пользу оборонительной войны;^[173] но ни царь, ни кто-либо из его генералов не понимали простой теории отступления, при которой вообще не должно быть сражений. Максимум, что понималось под оборонительной системой, - это занятие укрепленной позиции для боя и отступление на вторую линию укреплений перед повторением боя. Фактический ход кампании не был результатом глубокого замысла; он стал результатом разногласий в планах генерала и их полного крушения. В первую очередь предполагалось провести сражение при Дриссе, на реке Двина. На этой позиции, которая должна была прикрывать дороги как на Москву, так и на Санкт-Петербург, был разбит большой укрепленный лагерь, и здесь русской армии предстояло впервые выступить против Наполеона. Соответственно, как только французы переправились через Неман, и Барклай, и Багратион получили от царя приказ отступить к Дриссе. Но передвижения французской армии были слишком быстрыми, чтобы русское командование смогло осуществить их соединение. Багратион, находившийся на некотором расстоянии к югу, был отрезан от своего коллеги и вынужден отступить по восточной дороге в направлении Витебска. Барклай благополучно добрался до Дриссы, но он знал, что сам не в состоянии удержать ее в одиночку против 300 000 человек. Он покинул позиции, не дожидаясь подхода

французов, и отступил в направлении, занятом второй армией. Таким образом, первая попытка обороны провалилась, и царь покинул лагерь, оставив Барклаю командование всеми русскими войсками.

[Крушение французского транспорта.]

[Барклай и Багратион соединяются в Смоленске, август. 3.]

Наполеон вступил в Вильну, столицу русской Польши, 28 июня. Последние русские части покинули его всего несколько часов назад; но французы были не в состоянии немедленно преследовать их. Еще до того, как армия достигла Немана, беспрецедентные трудности кампании стали слишком очевидны. Огромные обозы ломались на дорогах. Припасов было в избытке, но животные, которым приходилось их перевозить, умирали от истощения. Никакой человеческий гений, никакое совершенство предвидения и осторожности не смогли бы выполнить ту огромную задачу, которую взял на себя Наполеон. Несмотря на годичную подготовку, французы страдали от голода и жажды с того момента, как ступили на русскую землю. Тридцать тысяч отставших покинули армию прежде, чем она достигла Вильны; двадцать пять тысяч больных находились в госпиталях; обозы находились на неизвестном расстоянии в тылу. В конце шестидневного перехода от Немана Наполеон оказался вынужден остановиться почти на три недели. Армия покинула Вильну только 16 июля, когда Барклай уже эвакуировал лагерь в Дриссе. Когда, наконец, марш стал возможен, Наполеон двинулся к Верховьям Двины, надеясь перехватить Барклая по дороге на Витебск; но транспортные трудности снова заставили его остановиться, и русский командующий достиг Витебска раньше своего противника. Здесь Барклай построился для сражения, предполагая, что армия Багратиона находится совсем недалеко к югу. В течение ночи поступили разведданные, что армия Багратиона даже близко не подошла к месту сбора, а была отброшена обратно к Смоленску. Барклай немедленно отказался от мысли участвовать в сражении и сам направился по дороге на Смоленско, оставив гореть свои сторожевые костры. Французы не заметили его движения; отступление было произведено в полном порядке, и две разделенные русские армии, наконец, соединились в точке, удаленной от границы на триста миль.

[Французы чахнут.]

[Французы входят в Смоленск, 18 августа.]

[Барклая сменил Кутузов.]

Наполеон, разочарованный битвой, вошел в Витебск вечером после того, как русские оставили его (28 июля). Бегство Барклая стало для французов катастрофой первой величины, поскольку оно уничтожило всякую надежду сокрушить более крупную из двух русских армий подавляющей численностью в одном крупном и решающем сражении. Марш французов за последние двенадцать дней показал, какой ценой приходится делать каждый следующий шаг. С момента выхода из Вильны число 50 000 больных и отставших увеличилось до 100 000. Лихорадка и болезни поражали целые полки. Снабжение армии продовольствием было выше человеческих сил. Из 200 000 человек, которые все еще оставались, можно было почти подсчитать, через сколько недель погибнет последний. Перспектива была настолько устрашающей, что сам Наполеон подумывал о том, чтобы отложить любое дальнейшее наступление до следующего года и разрешить армии занять зимние квартиры на Двине. Но убежденность в том, что всякое сопротивление русских закончится взятием Москвы, подгоняла

его. Армия оставила Витебск 13 августа и последовала за русскими к Смоленску. Здесь вся русская армия рвалась в бой. Барклай был единственным, кто понимал необходимость отступления. Генералы плели против него заговоры; солдаты были на грани мятежа; сам царь написал, чтобы выразить свое нетерпение по поводу нападения на французов. Тем не менее Барклай настаивал на своем решении покинуть Смоленско. Он настолько уступил армии, что позволил арьергарду вступить в кровопролитную схватку с французами, когда они атаковали город; но эвакуация была завершена под покровом ночи; и когда французы вошли в Смоленск на следующее утро, они обнаружили его опустевшим и в руинах. Капитуляция Смоленска была последней жертвой, которую Барклай смог добиться от русской гордости. Он больше не сопротивлялся всеобщему призыву к битве, и отступление продолжалось только с намерением остановиться на первой же укрепленной позиции. Сам Барклай осматривал поле битвы, когда услышал, что командование перешло из его рук. Национальное возмущение потерей Смоленска вынудило царя убрать этого способного солдата, ливонца по происхождению, и передать командование Кутузову, чистокровному русскому, которого время, проведенное в победах над турками, сделало, несмотря на его поражение при Аустерлице, кумиром нации.

[Французы наступают из Смоленска.]

Когда Кутузов добрался до лагеря, затянувшиеся невзгоды французского наступления уже сократили численность захватчиков до противостоящей им армии. До Смоленска французы, по крайней мере, не страдали от враждебности местного населения, которое было поляками, а не русскими; но, достигнув Смоленска, они вступили в страну, где каждый крестьянин был фанатичным врагом. Деревни были сожжены их жителями, кукуруза уничтожена, а скот загнан в леса. Каждый дневной переход из Смоленска стоил французам трех тысяч человек. Когда в первую неделю сентября они достигли реки Москвы, сто семьдесят пять тысяч из трехсот восьмидесяти тысяч солдат Наполеона находились в госпиталях, пропали без вести или умерли. Линию марша охраняли около шестидесяти тысяч человек. Русские, с другой стороны, получили подкрепление, которое покрыло их потери под Смоленском; и хотя для поддержки рижской армии были отправлены отряды, Кутузов все еще был в состоянии выставить на поле боя более ста тысяч человек.

[Бородинская битва, 7 сентября.]

[Эвакуация Москвы. Французы входят в Москву, сентябрь. 14.]

5 сентября русская армия построилась для сражения при Бородино, на Москве, в семидесяти милях к западу от столицы. Рано утром 7-го французы перешли в атаку. Сражение было, пропорционально его численности, самым кровопролитным за все время. Сорок тысяч французов и тридцать тысяч русских были сражены. К концу дня французы овладели вражеской территорией, но русские, не нарушив своего порядка, всего лишь отступили на вторую линию обороны. Обе стороны заявляли о победе; ни одна из них ее не выиграла. Это не была катастрофа, подобная той, которая требовалась Наполеону для завершения войны, это не был триумф, достаточный, чтобы спасти Россию от необходимости покинуть свою столицу. Кутузов понес слишком тяжелые потери, чтобы противостоять французам под стенами Москвы. Мир не стал ближе для 70 000 человек, которые были убиты или ранены в бою. Французы неуклонно наступали; русские отступили к Москве и эвакуировали столицу, когда их генералы решили, что они не смогут противостоять нападению французов. Святой Город остался беззащитным перед захватчиками. Но уход армии был наименьшей частью эвакуации. Жители, частично по

собственной воле, частично по принуждению губернатора, массово покинули город. Никакая мрачная или возбужденная толпа, как в Вене и Берлине, не заполонила улицы, чтобы увидеть въезд великого завоевателя, когда 14 сентября Наполеон овладел Москвой. Его войска маршировали по тихим и пустынным улицам. В уединении Кремля Наполеон принял почтение нескольких иностранцев, которых единственных могли собрать его слуги, чтобы предложить ему покорность города.

[Москва загорелась.]

Но худшее было еще впереди. В ночь после вступления Наполеона в разных частях Москвы вспыхнули пожары. Сначала их приписали несчастному случаю; но когда на следующий день французы увидели, что пламя распространяется во всех направлениях, и обнаружили, что все средства для тушения пожара были вывезены из города, они поняли, какой участи подвергли Москву ее собственные защитники. Граф Ростопчин, губернатор, принял решение о разрушении Москвы без ведома царя. Двери тюрем были распахнуты настежь. Ростопчин подал сигнал, подожгв свой собственный дворец, и выпустил по городу свои группы зажигательных снарядов. В течение пяти дней пламя поднималось и опадало, и когда вечером 20-го числа последние пожары утихли, три четверти Москвы лежали в руинах.

[Наполеон в Москве, 14 сентября- 19 октября.]

Такова была награда, ради которой Наполеон пожертвовал 200 000 человек и завел слабые остатки своей армии на шестьсот миль вглубь вражеской страны. Несмотря на все ужасы наступления, Наполеон твердо верил, что сопротивление Александра прекратится с падением его столицы. События, сопровождавшие вступление французов в Москву, поколебали его уверенность; но даже сейчас Наполеон не мог поверить, что царь по-прежнему непреклонен в отношении любых мыслей о мире. Его опыт участия во всех предыдущих войнах вселил в него уверенность в том, что одно заметное бедствие способно поколебать решимость королей. Его вера в усиливающееся впечатление, произведенное падением Москвы, была подкреплена переговорами, начатыми Кутузовым именно с целью отсрочить отступление французов. В течение пяти недель Наполеон оставался в Москве, словно зачарованный, неспособный убедить себя в своей бессилии сломить решимость Александра, неспособный противостоять отступлению, которое продемонстрировало бы всей Европе неудачу его оружия и окончание его победоносной карьеры. Наконец приближение зимы вынудило его действовать. Было невозможно обеспечить армию в Москве продовольствием в зимние месяцы, даже если бы со стороны врага нечего было опасаться. Даже издевательские заигрывания Кутузова прекратились. Ужасающую реальность больше нельзя было скрывать. 19 октября был отдан приказ об отступлении. Не разрушение Москвы, а отъезд ее жителей привел завоевателя к разорению. Более двух тысяч домов все еще стояли; но то, сохранились ли здания или погибли, не имело большого значения; вся ценность столицы для Наполеона была потеряна, когда исчезли жители, которых он мог заставить добывать припасы для своей армии. Вена и Берлин оказали Наполеону такие неоценимые услуги, потому что вся местная администрация подчинилась его приказам, и каждый богатый и влиятельный гражданин стал заложником деятельности остальных. Когда французы захватили Москву, они не получили ничего, кроме припасов, которые в тот момент находились в городе. Все было потеряно для Наполеона, когда класс, который в других столицах был его орудием, бежал при его приближении. Пожар Москвы подействовал на всю Европу как сигнал неугасимой национальной ненависти; как военная

операция, он не ускорил отступление Наполеона и не усугубил страданий, которые пришлось пережить его армии.

[Наполеон покидает Москву 19 октября.]

[Вынужден отступать той же дорогой.]

Французские войска, покинувшие Москву в октябре, насчитывали около 100 000 человек. Подкрепление прибыло во время оккупации города, и здоровье солдат было в некоторой степени восстановлено месячным отдыхом. Теперь все зависело от того, чтобы проложить линию отступления, где можно было бы найти продовольствие. Хотя армия, покинувшая Москву, составляла лишь четвертую часть армии, вступившей в Россию летом, она все еще была достаточно велика, чтобы защитить себя от врага, если бы ей позволили отступать по новой местности; если бы ее вынудили вернуться на разрушенный рубеж ее наступления, ей было бы невозможно избежать уничтожения. Поэтому Наполеон решил направиться к Калуге, расположенной к югу от Москвы, и попытаться проложить дорогу на Смоленск, удаленную от той, по которой он пришел. Армия двинулась из Москвы в южном направлении. Но его маршрут был предвиден Кутузовым. В конце четырехдневного марша он был встречен русским корпусом у Ярославца. В результате кровопролитной борьбы французы овладели дорогой; они продолжили наступление; но только для того, чтобы обнаружить, что Кутузов со всеми своими силами занял линию высот южнее и преградил путь к Калуге. Попытка штурма была французам не по силам. Наполеон осмотрел позиции противника и осознал фатальную необходимость отказаться от марша на юг и вернуться на пустынную дорогу, по которой он продвигался. Значение обратного движения было быстро понято армией. С момента оставления Ярославца беспорядок и отчаяние нарастали с каждым маршем. Тридцать тысяч человек погибли на дороге, прежде чем в поле зрения появился преследователь. Когда 2 ноября армия достигла Вязьмы, в ней насчитывалось не более 65 000 человек.

[Кутузов следует параллельной дорогой.]

Кутузов преследовал без приключений. Необходимость двигать свою армию параллельной дорогой к югу от французов, чтобы избежать голодной смерти, уменьшала возможности для атаки; но сам генерал не любил рисковать своими силами и предпочитал видеть, как стихия уничтожает врага. У Вязьмы, где 3 ноября французы впервые подверглись массированному нападению, только промедление Кутузова спасло их от полного разгрома. Несмотря на тяжелые потери, французы удержали дорогу и обеспечили себе отступление к Смоленску, где были накоплены запасы продовольствия и где под рукой были другие, менее измотанные французские войска.

[Мороз, 6 ноября.]

[Французы достигают Смоленска, 9 ноября.]

До 6 ноября погода была солнечной и сухой. 6-го числа долго откладываемые ужасы русской зимы обрушились на преследователей и преследуемых. Снег затемнил воздух и скрыл последние следы растительности от голодающих кавалерийских эшелонов. Температура временами опускалась до сорока градусов мороза. Приходила смерть, иногда в виде неощутимого избавления от страданий, иногда в ужасных формах увечий и болезней. Обе армии подверглись одинаковым страданиям; но у русских была, по крайней мере, такая

помощь, какую могли оказать их соотечественники; там, где французы тонули, они умирали. Военный порядок исчез в условиях, которые превратили саму жизнь в случайность, связанную с едой или местом у лагерного костра. Хотя большая часть французских солдат продолжала носить оружие, только гвардия сохраняла свой отдельный строй; остальные полки маршировали беспорядочными массами. С 9 по 13 ноября эти группы голодающих одна за другой прибывали в Смоленск, ожидая, что здесь их страдания прекратятся. Но организации по распределению запасов, накопленных в Смоленске, больше не существовало. Гибнущим толпам было предоставлено искать укрытия, где они могли; им бросали мешки с зерном на пропитание.

[Русские армии с севера и юга пытаются отрезать французам путь к отступлению.]

[Красный, 17 ноября.]

Наполеон не мог дать отдых своим измученным солдатам, поскольку новые русские армии наступали с севера и юга, чтобы отрезать им путь к отступлению. С Дуная и Балтийского моря войска продвигались к месту встречи в тыл захватчику. Витгенштейн, двигаясь на юг во главе двинской армии, разгромил французский корпус, расквартированный на этой реке, и овладел Витебском. Бухарестская армия, которая с начала августа с трудом продвигалась на север, продвинулась на расстояние нескольких дней марша от места своей встречи с армией Двины на линии коммуникаций Наполеона. Прежде чем Наполеон достиг Смоленска, он отправил приказ Виктору, который находился в Смоленске с некоторыми резервами, выступить против Витгенштейна и отбросить его обратно к Двине. Виктор приступил к выполнению своей миссии. Во время короткой остановки Наполеона в Смоленске Кутузов продвинулся вперед к западу от французов и занял пост в Красном, на тридцать миль дальше по дороге, по которой должен был пройти Наполеон. Отступление французов, казалось, было фактически отрезано. Если бы русский генерал осмелился встретиться лицом к лицу с Наполеоном и его гвардией, он мог бы сдерживать французов до тех пор, пока прибытие двух вспомогательных армий с севера и юга не позволило бы ему захватить Наполеона и все его силы. Кутузов, однако, предпочел частичную и уверенную победу борьбе с Наполеоном не на жизнь, а на смерть. Он позволил Наполеону и гвардии пройти мимо, не атаковав, а затем обрушился на тыловые подразделения французской армии. (17 ноября.) Эти несчастные войска были последовательно разбиты на куски. Двадцать шесть тысяч попали в плен. Ней с частью арьергарда спасся, только переправившись через Днепр по льду. От армии, покинувшей Москву, теперь осталось всего 10 000 бойцов и 20 000 сторонников. Сам Кутузов был доведен до такого изнеможения, что не мог дальше продолжать преследование и занял позиции на Днепре.

[Виктор присоединяется к Наполеону.]

[Переход Березины, 28 ноября.]

Через несколько дней после битвы при Красном дивизии Виктора, наступавшие со стороны Двины, внезапно столкнулись с остатками армии Наполеона. Хотя они знали, что Наполеон отступает, они ничего не знали о постигших его бедствиях и были поражены, когда посреди леса встретили то, что больше походило на жалкую группу пленников, чем на армию на марше. Солдаты Виктора из простого вспомогательного корпуса обнаружили, что их реальная численность более чем вдвое превышает численность всей московской армии. Их прибытие снова поставило Наполеона во главе 30 000 дисциплинированных войск и дало французам

проблеск победы в последней и, казалось бы, самой безнадежной битве кампании. Адмирал Чичагов, командовавший армией, выступавшей с Дуная, наконец достиг линии отступления Наполеона и обосновался в Борисове, где дорога через Польшу пересекает реку Березина. Мост был разрушен русскими, и Чичагов установил связь с армией Витгенштейна, которая находилась всего в нескольких милях к северу. Казалось, что отступление французов теперь окончательно остановлено, и капитуляция Наполеона неизбежна. Однако даже в этой безнадежной ситуации военное мастерство и отвага французов проявили что-то от их древней мощи. Армия достигла Березины; Наполеону удалось отеснить противника от настоящего пункта переправы; через реку были переброшены мосты, и после отчаянных боев большая часть армии прочно закрепилась на западном берегу (28 ноября). Но потери даже среди боеспособных войск были огромными. Судьба несчастной толпы, следовавшей за ними, разорванной пушечным огнем русских и сброшенной в реку при разрушении одного из мостов, сделала переправу через Березину синонимом высшей степени человеческого горя.

[Французы достигают Немана, 13 декабря.]

Это было последнее сражение, в котором участвовала армия. Гвардейцы все еще сохраняли свой порядок: маршал Ней все еще находил солдат, способных повернуться к преследователю с присущей ему стойкостью и неослабевающей отвагой; но основная часть армии пробивалась вперед растерянными толпами, преследуемая казаками, и тысячами складывала оружие перед врагом. Морозы, прекратившиеся 19-го, вернулись 30 ноября с еще большей жестокостью. Двадцать тысяч свежих солдат, присоединившихся к армии между Березиной и Вильно, едва остановили процесс распада. 3 декабря Наполеон оставил армию. Сама Вильна была оставлена со всеми ее припасами; и когда, наконец, беглецы достигли Немана, их насчитывалось немногим более двадцати тысяч. Здесь шестью месяцами ранее триста восемьдесят тысяч человек перешли на сторону Наполеона. Еще сто тысяч присоединились к армии в ходе ее отступления. Из всего этого войска не дошло и двадцатой части до прусской границы. Сто семьдесят тысяч оставались пленными в руках русских; большее число погибло. Из двадцати тысяч человек, которые сейчас созерцали Неман, вероятно, не семь тысяч переправились вместе с Наполеоном. Перед лицом столь сокрушительной и беспрецедентной катастрофы русские генералы вполне могли бы довольствоваться своей долей в разрушительной работе. Тем не менее, это событие доказало, что Кутузов поступил плохо, не приложив максимальных усилий для поимки или уничтожения своего врага. Побег самого Наполеона был не только залогом продолжения войны, но и те остатки, которые спаслись вместе с ним, обладали военной ценностью, несоизмеримой с их ничтожной численностью. Лучшие части армии пали последними. Из тех нескольких тысяч, которые выстояли до конца, очень большая часть были офицерами-ветеранами, которые немедленно заняли свое место во главе недавно созданных армий Наполеона и показали им военную эффективность, которая вскоре была горько доказана Европой на многих полях сражений Германии.

[Соглашение Йорка с русскими, 30 декабря.]

[Йорк и прусский контингент в Риге.]

Четыреста тысяч человек были потеряны из-за завоевателя, который все еще мог поставить на карту жизни еще полумиллиона человек. Материальная мощь Наполеона, хотя и в значительной степени, не была фатально ослаблена русской кампанией; именно благодаря ее моральному эффекту, впервые доказанному в действиях Пруссии, отступление из Москвы установило новый

порядок вещей в Европе. Прусский контингент под командованием генерала фон Йорка находился перед Ригой, где он входил в состав французского вспомогательного армейского корпуса во главе с маршалом Макдональдом. В начале ноября русский губернатор Риги обратился к Йорку, заверяя его, что Наполеон потерпел поражение, и умоляя самого Йорка поднять оружие против Макдональда. ^[174] У Йорка не было никаких доказательств, кроме слов русского командующего, масштабов потерь Наполеона; и даже если бы факты соответствовали изложенным, ни в коем случае не было ясно, что царь не был склонен отомстить Пруссии за ее союз с Наполеоном. Йорк дал сдержанный ответ русскому и послал офицера в Вильну, чтобы выяснить реальное состояние французской армии. 8 декабря офицер вернулся и описал то, что он сам видел. Вскоре после этого русский комендант предъявил письмо от царя, в котором тот заявлял о своем намерении вести дела с Пруссией как с другом, а не как с врагом. По этим пунктам все сомнения были устранены; решение Йорка было возложено на него самого. Йорк был суровым солдатом старого прусского типа, в котором доминировала идея воинского долга. Акт, на который его пригласил русский командующий и который младшие офицеры были готовы приветствовать как освобождение Пруссии, мог быть клеймен его сувереном как дезертирство и государственная измена. Какие бы угрызения совести и растерянность ни испытывал в такой ситуации верный и послушный солдат, Йорк их чувствовал. Тем не менее он выбрал курс, который, казалось, шел на благо его страны; и, выбрав его, он принял все последствия, которые это влекло за собой. 30 декабря в Тауроггене была подписана конвенция, которая под видом перемирия практически отвела прусскую армию от Наполеона и передала русским во владение Кенигсберг. Важный характер этого акта был осознан Наполеоном, как только новость достигла Парижа. Силы Йорка были сильнейшим военным формированием на русской границе; объединившись с Макдональдом, они вынудили бы русских прекратить преследование на Немане; бросив Наполеона, они привели его врагов к Висле и своим примером угрожали неисчислимой опасностью всей остальной Германии. Однако в данный момент Наполеон мог рассчитывать на бездушное повиновение короля Фридриха Вильгельма. Находясь среди французских полков, стоявших гарнизоном в Берлине, король издал приказ, объявляющий йоркскую конвенцию недействительной и предписывающий самому Йорку предстать перед военным трибуналом. Эта новость дошла до верного солдата: он воспринял ее с горечью, но сохранил решимость действовать на благо своей страны. "С обливающимся кровью сердцем, - писал он, - я разрываю узы послушания и веду войну под свою личную ответственность. Армия желает войны с Францией; нация желает этого; сам король желает этого, но его воля несвободна. Армия должна сделать его волю свободной".

[Царь и Штайн.]

[Александр въезжает в Пруссию, январь 1813 г.]

Поступок Йорка был не чем иным, как поворотным моментом в истории Пруссии. Другой пруссак сыграл столь же важную, хотя и не столь заметную роль в этом великом кризисе Европы. Перед началом войны с Россией царь попросил изгнанника Штейна приехать в Санкт-Петербург, чтобы помочь ему советами во время борьбы с Наполеоном. Штайн с радостью принял призыв; и на протяжении всей кампании он поощрял царя в решительном сопротивлении, которого сама русская нация требовала от своего правительства. Пока французские солдаты оставались на русской земле, действительно, не было особой необходимости в иностранце, чтобы стимулировать энергию царя; но когда преследование славно завершилось на Немане, ситуация стала совсем иной. Кутузов и генералы не были

склонны переносить войну в Германию. Русская армия сама потеряла три четверти своей численности; честь России была удовлетворена; освобождение Западной Европы могло быть предоставлено самой Западной Европе. Среди политиков, окружавших Александра, было значительное число, включая первого министра Романцова, который все еще верил в правильную политику союза с Францией. Таковы были влияния, с которыми Штейну пришлось бороться, когда встал вопрос, должна ли Россия довольствоваться собственными победами или призвать всю Европу объединиться для свержения тирании Наполеона. Не сохранилось никаких свидетельств о том, какими этапами разум Александра поднимался к ясной и твердой концепции единого европейского интереса против Наполеона; существуют указания на то, что именно личное влияние Штейна в наибольшей степени повлияло на его решение. Даже в самые мрачные моменты войны, когда силы России, казалось, были совершенно неспособны остановить наступление Наполеона, Штайн никогда не отказывался от своего плана поднять немецкую нацию против Наполеона. Уверенность, с которой он заверил Александра в окончательной победе над захватчиком, полностью оправдалась; триумф, который он предсказывал, наступил быстро и полно, даже превзойдя его надежды. На мгновение Александр отождествил себя с государственным деятелем, который в разгар унижения Германии был таким решительным, таким дальновидным, таким честолюбивым. ^[175] Министр сторонников мира был отправлен в отставку: Александр приказал своим войскам продвигаться в Пруссию и поручил самому Штейну взять на себя управление прусскими районами, оккупированными русскими армиями. Миссия Штейна состояла в том, чтобы вооружить ландвер и собрать все ресурсы страны для войны против Франции; его полномочия должны были сохраняться до тех пор, пока между королем Пруссии и царем не будет достигнуто какое-либо определенное соглашение.

[Поручение Штейна от Александра.]

[Герб провинции Восточная Пруссия, январь 1813 г.]

Вооруженный этим поручением иностранного государя, Штайн появился в Кенигсберге 22 января 1813 года и опубликовал приказ, требующий от губернатора провинции Восточная Пруссия созвать собрание с целью вооружения народа. Штейн хотел бы, чтобы Йорк выступил в качестве председателя Ассамблеи; но Йорк, как и большинство прусских чиновников, был встревожен и возмущен приходом Штейна к власти в Пруссии в качестве представителя русского царя и не решался присоединиться к такой революционной мере, как вооружение народа. Только при условии, что сам Штейн не должен появляться на Собрании, Йорк согласился признать его полномочия. Собрание собралось. Йорк вошел в палату и произнес несколько волнующих душу слов. Его неприкрытое объявление войны Франции было встречено восторженными возгласами. План формирования ландвера, основанный на планах Шарнхорста 1808 года, был представлен Ассамблее и принят. Сорок тысяч человек были призваны к оружию в провинции, которая не включала в себя ничего к западу от Вислы. Нация сама начала войну и не оставила своему правительству иного выбора, кроме как последовать за ней. Задача Штейна была выполнена, и он удалился в покои Александра, не желая видимостью иностранного вмешательства омрачать дело, которому прусская нация теперь без памяти посвятила себя. Удача Прусского государства, в то время как его король лицемерил перед французами в Берлине, заключалась в том, что у него был солдат, достаточно храбрый, чтобы освободить свою армию, и гражданин, достаточно смелый, чтобы узурпировать управление своими провинциями. Фридрих Вильгельм простил Йорку его бесстрашие; поступок Штейна так и не

был прощен робким и ревнивым государем, подданных которого он призвал вооружаться для освобождения своей страны.

[Политика Харденберга.]

[Калишский мирный договор, 27 февраля.]

Правительство Берлина, которое с начала войны за независимость не было способно ни сражаться, ни обманывать, ни быть честным, в конце концов было вынуждено обстоятельствами к определенной эффективности во всех трех формах действий. В промежуток между первыми известиями о бедствиях Наполеона и объявлением о соглашении Йорка с русскими Харденберг заверял Наполеона в своей преданности и собирал войска, которым он тщательно препятствовал присоединиться к нему. ^[176] Желанием короля было добиться уступок, не участвуя в войне ни против Наполеона, ни на его стороне. Когда, однако, баланс сил более решительно склонился против Наполеона, он осмелел; и известие о дезертирстве Йорка, хотя и серьезно смутило Кабинет министров на данный момент, практически решило дело в пользу войны с Францией. Гонец, посланный отстранить Йорка от командования, получил частные инструкции попасть в руки русских и сообщить царю, что, если его войска продвинулись до Одера, король Фридрих Вильгельм будет готов заключить союз. Каждая почта, прибывавшая из Восточной Пруссии, укрепляла воинственные намерения правительства. Наконец король отважился на решительный шаг - покинуть Берлин и обосноваться в Бреслау (25 января). В Берлине он был во власти французов; в Бреслау он был в пределах легкой досягаемости от Александра. Значение путешествия не могло быть ошибочным: за ним немедленно последовала открытая подготовка к войне с Францией. 3 февраля появился указ, приглашающий записываться добровольцами: неделю спустя все освобождения от военной службы были отменены, и все мужское население Пруссии в возрасте от семнадцати до двадцати четырех лет было объявлено военнообязанным. Генерал Кнезебек был направлен в ставку царя, которая теперь находилась между Варшавой и Калишем, для заключения союзного договора. Кнезебек потребовал гарантий возвращения Пруссии всей польской территории, которой она владела до 1806 года; царь, не желая ни выполнять это условие, ни терять союз с Пруссией, оставил Кнезебека у себя и отправил Штейна с российским полномочным представителем в Бреслау для заключения договора с самим Харденбергом. Штайн и Харденберг встретились в Бреслау 26 февраля. Харденберг принял условия царя, и договор, известный как Калишский мирный договор, ^[177] был подписан на следующий день. По этому договору, не гарантируя восстановления прусской Польши, Россия обязалась не складывать оружия до тех пор, пока прусское государство в целом не будет восстановлено на той территории и силе, которыми оно обладало до 1806 года. С этой целью были обещаны аннексии Северной Германии. Что касается Польши, Россия обещала не более чем позволить Пруссии сохранить то, что она получила в 1772 году, вместе с полосой территории, соединяющей этот район с Силезией. Смысл соглашения состоял в том, что Пруссия должна была передать России большую часть своих бывших польских провинций и получить взамен эквивалентную немецкую территорию. Калишский мирный договор фактически передал царю все, что Пруссия приобрела в результате разделов Польши, произведенных в 1793 и 1795 годах. Каждая прусская политик считала эту жертву самой тяжелой и воспринимала ее только как меньшее зло, чем потерю дружбы с Россией и возобновление подчинения Наполеону. Ни один государственный деятель, даже сам Штайн, похоже, не понимал, что, обменяв свои польские завоевания на немецкие аннексии, обратившись к германскому западу вместо чуждого славянского востока,

Пруссия фактически сделала тот самый шаг, который сделал ее возможной главой будущей объединенной Германии.

[Отступление французов к Эльбе.]

Война Наполеону все еще не была объявлена королем Фридрихом Вильгельмом, но в течение февраля легкая кавалерия русских беспрепятственно продвигалась через территорию Пруссии к Одру, и толпы добровольцев, маршировавших через Берлин по пути в лагеря в Силезии, давали французам явные признаки бури, которая вот-вот разразится над ними.^[178] Остатки армии Наполеона, которой теперь командовал Эжен Богарне, шаг за шагом отступали к Одру. Здесь, опираясь на крепости, она, вероятно, могла бы сдержать наступление русских; но сердце Евгения дрогнуло; линия Одры была оставлена, и отступление продолжилось к Берлину и Эльбе. Казаки последовали за ними. 20 февраля они действительно вошли в Берлин и сражались с французами на улицах. Французский гарнизон намного превосходил по силе; но появление казаков вызвало такое брожение, что, хотя союз между Францией и Пруссией все еще номинально существовал, французские войска ожидали, что народ будет разорван на куски. В течение нескольких дней они продолжали стоять бивуаками на улицах, и как только стало известно, что регулярные русские войска достигли Одры, Юджин решил эвакуироваться из Берлина. 4 марта последний французский солдат покинул столицу Пруссии. Казаки проехали через город, когда французы покидали его, и вступили в бой с их арьергардом. Несколько дней спустя появился Витгенштейн с русской пехотой. 17 марта Йорк совершил свой триумфальный въезд во главе своего корпуса, сам холодный и непреклонный посреди бурных всплесков патриотической радости.

[Король Пруссии объявляет войну 17 марта.]

Именно в этот же день король Фридрих Вильгельм издал свое обращение к прусскому народу, в котором объявил, что началась война с Францией, и призвал нацию вступить в борьбу, которая должна закончиться либо победой, либо полным уничтожением. Провозглашение было таким, что монарх осознал, что его собственное малодушие было главной причиной унижения Пруссии. Оно было простым и не хвастливым, признавало, что король приложил все усилия для сохранения французского союза, и объясняло необходимость войны невыносимыми обидами, причиненными Наполеоном, несмотря на выполнение Пруссией своих договорных обязательств. Обращение к великой памяти прежних государей Пруссии и к примеру России, Испании и всех стран, которые в настоящее время или в прежние времена боролись за свою независимость против более сильного врага, было достойно правдивого и скромного тона, в котором король говорил о несчастьях Пруссии под его собственным правлением.

[Дух прусской нации.]

[Идея единства Германии.]

Но не было необходимости в увещеваниях, чтобы воспламенить дух прусского народа. Семь лет страданий и унижений сделали свое дело. Былая апатия всех классов исчезла под давлением горького чувства несправедливости. Если среди придворной партии Берлина и консервативных землевладельцев существовал тайный страх перед пробуждением народных сил, то теперь это подозрение не могло быть открыто. Движение, столь же всеобъемлющее, как то, которое пережила Франция в 1792 году, охватило Прусское государство. Потребовался опыт многих лет нищеты, вторжение французского солдата в покой семьи, вид усадьбы, лишенной всего, что

было припасено для снабжения захватчиков России, память о товарищах Шилля, хладнокровно расстрелянных за дело Отечества, прежде чем прусская нация загорелась тем пламенем, которое спонтанно вспыхнуло во Франции, Испании и России при первом шоке иностранной агрессии. Но страсть прусского народа, если и разгорелась долго, была глубокой, непоколебимой и рациональной. Его не осквернили ни безумия 1792 года, ни религиозный фанатизм освободительной войны в Испании; там, где религия вступала в борьбу, она усиливала дух самопожертвования, а не ненависти к врагу. Не имело большого значения для будущего Европы и то, что в каждом руководящем уме дело Пруссии отождествлялось с делом всей немецкой расы. Действительное положение Германии не давало оснований для такого вывода, поскольку Саксония, Бавария и вся Рейнская федерация все еще следовали за Наполеоном; но дух и идеи, которые стали живой силой, когда, наконец, разразилась борьба с Наполеоном, принадлежали таким людям, как Штайн, которые в условиях унижения Германии создали яркий и благородный образ общего Отечества. Штейну было дано увидеть, как оправдываются его надежды, не больше, чем Мирабо - установить конституционную свободу во Франции или итальянским патриотам 1797 года - создать объединенную Италию. Группа государств, где короли, подобные Фридриху Вильгельму и Франциску, министры, подобные Харденбергу и Меттерниху, управляли миллионами людей, полностью лишенных политических инстинктов и подготовки, не должна была внезапно превратиться в свободную нацию благодаря гению отдельного человека или патриотизму одной эпохи. Но если создание германского союза, даже в бесплодной форме военной империи, требовало усилий еще двух поколений, то идеалы 1813 года не были преходящей и неэффективной фантазией. Время было на стороне тех, кто называл прусскую монархию истинным центром, вокруг которого могла бы собраться Германия. Если в дальнейшем Пруссия не спешила осознавать свои собственные возможности, то вина была не столько в патриотах, которые слишком много надеялись, сколько в королях и министрах, которые слишком мало осмеливались.

[Формирование ландвера.]

На данный момент меры прусского правительства были достойны духа, проявленного нацией. Военная система Шарнхорста дала Пруссии 100 000 обученных солдат, готовых присоединиться к существующей армии численностью 45 000 человек. План формирования ландвера, хотя и не был еще приведен в действие, нуждался только в получении санкции короля. В тот же день, когда Фридрих Вильгельм издал свое воззвание к народу, он издал указ о формировании ландвера и ландштурма. Последние силы, которые должны были в случае необходимости имитировать крестьянскую войну Испании и Вандеи, не имели возможности действовать: ландвер, хотя его вооружение задерживалось из-за бедности и истощения страны, постепенно превратился в самый грозный резерв и отправил свои батальоны сражаться бок о бок с регулярными войсками в некоторых из крупнейших сражений войны. Именно нехватка оружия и денег, а не готовых солдат помешала Пруссии немедленно атаковать Наполеона силами 200 000 человек. Из-за огромного количества добровольцев, вступивших в ряды армии, в призыве едва ли была необходимость. Хотя для завершения вооружения пруссии потребовалось еще несколько месяцев, Пруссии не нужно было переходить к обороне. Армия численностью в 50 000 человек была готова переправиться через Эльбу немедленно по прибытии русских и начать следующую кампанию на территории союзников Наполеона - Рейнской федерации.

ГЛАВА XI.

Освободительная война-Блюхер пересекает Эльбу-Битва при Лютцене-Союзники отступают в Силезию-Битва при Бауцене-Перемирие-Наполеон намеревается запугать Австрию-Ошибается в силах Австрии-Политика Меттерниха-Рейхенбахский мирный договор-Австрия предлагает свое посредничество-Пражский конгресс-Австрия вступает в войну-Армии и планы Наполеона и союзников-Августовская кампания-Битвы при Дрездене, Гросберене, Кацбахе и Кульме-Последствия этих действий-Битва при Денневице-Германская политика Австрии благоприятна князьям Рейнской конфедерации-Разбитые надежды на единство Германии-Битва при Лейпциге-Союзники достигают Рейна- Предложения мира во Франкфурте-План вторжения во Францию-Отсталость Австрии-Союзники вступают во Францию-Кампания 1814 года-Шатийонский конгресс- Наполеон заходит союзникам в тыл-Союзники наступают на Париж-Капитуляция Парижа-Вступление союзников-Свержение Наполеона- Реставрация Бурбонов-Хартия-Парижский мирный договор-Территориальные последствия войны 1792-1814 гг.-Все державы, кроме Франции выиграла - Франция относительно слабее в Европе - Краткое изложение постоянных последствий этого периода для Европы.

[Наполеон в 1813 году.]

Первые три месяца 1813 года были потрачены Наполеоном на энергичную подготовку к кампании в Северной Германии. Сразу же после получения известия о соглашении Йорка с русскими он приказал набрать 350 000 человек. Напрасно Фридрих Вильгельм и Харденберг делали вид, что отвергают генерала как предателя; Наполеон разгадал национальный характер поступка Йорка и изложил свой план войны против объединенных сил Пруссии и России. Несмотря на катастрофу последней кампании, Наполеон все еще был сильнее своих врагов. Италия и Рейнская федерация никогда не колебались в своей верности; Австрия, хотя и была холодным союзником, по крайней мере, не проявляла никаких признаков враждебности. Ресурсы империи с населением в сорок миллионов человек все еще находились в распоряжении Наполеона. Именно из-за молодости и неопытности новых солдат, а также нехватки хороших офицеров, ^[179] потери предыдущего года показали свой наиболее заметный эффект. Семнадцатилетние парни, которыми командовали в основном офицеры, никогда не участвовавшие в военной кампании, заняли место солдат, сражавшихся при Фридланде и Ваграме. Они были такими же храбрыми, как и их предшественники, но им не хватало физической силы и выносливости. Против них выступили остатки людей, которые преследовали Наполеона от Москвы, и прусская армия, которая была всего лишь авангардом вооруженной

нации. Тем не менее у Наполеона не было причин ожидать поражения при условии, что Австрия останется на его стороне. Хотя прусская нация вступила в конфликт с самой решительной решимостью, война на Эльбе против России и Пруссии вместе взятых была менее отчаянным предприятием, чем война с Россией в одиночку за Неманом.

[Блюхер пересекает Эльбу, март 1813 г.]

Когда король Фридрих Вильгельм опубликовал свое объявление войны (17 марта), армия Евгения уже отступила на запад до Магдебурга, оставив гарнизоны в большинстве крепостей между Эльбой и российской границей. Наполеон сосредоточивал войска на Майне и готовился к наступлению большими силами, когда пруссаки под командованием Блюхера и несколько слабых дивизий русской армии продвинулись к Эльбе. 18 марта казаки появились в пригороде Дрездена, на правом берегу реки. Даву, командовавший французским гарнизоном, взорвал две арки моста и отступил в Магдебург; Блюхер вскоре после этого вошел в Дрезден и призвал саксонский народ восстать против Наполеона. Но его слова не были услышаны. Простым людям было безразлично; чиновники ждали, какая сторона победит. Блюхер едва мог раздобыть провизию для своей армии; он двинулся дальше на запад и оказался в окрестностях Лейпцига. Здесь он был вынужден остановиться и ждать своих союзников. Хотя отряд русской армии под командованием Витгенштейна уже переправился через Эльбу, основная армия во главе с Кутузовым все еще задерживалась в Калише на польской границе, куда она прибыла шесть недель назад. Пока что у пруссаков было только 50 000 человек, готовых к бою; пока не подошли русские, продвигаться далеко за Эльбу было небезопасно. Блюхер считал каждое потерянное мгновение, которое удерживало его от сражения: русского главнокомандующего, пресыщенного славой и изнемогающего от немощей ветерана, едва ли можно было заставить подписать приказ о походе. В конце концов болезнь Кутузова передала командование в более молодые руки. Силы покинули его во время похода из Польши; он остался умирать в Силезии; и 24 апреля царь и король Пруссии повели свои опытные войска в Дрезден.

[Наполеон вступает в Дрезден 14 мая.]

[Битва при Лютцене, 2 мая.]

Теперь было известно, что Наполеон приближается со значительными силами по дорогам Заале. Крупномасштабное сражение к западу от Эльбы было необходимо, прежде чем союзники смогли надеяться одержать победу над каким-либо из государств Рейнской конфедерации; равнинная местность за Лейпцигом представляла собой наилучшее поле для кавалерии, в которой союзники были сильны, а Наполеону крайне не хватало сил. Соответственно, было решено объединить все дивизии армии Блюхера к западу от Лейпцига и атаковать французов, как только они спустятся с холмистой местности Заале и начнут свой марш по саксонской равнине. Союзники заняли позиции в Лютцене: французы продвинулись вперед, и в полдень 2 мая началась битва при Лютцене. До вечера победа склонялась на сторону союзников. Прусская солдатня сражалась с предельным духом; впервые за все кампании Наполеона французская пехота оказалась слабее противника, сражаясь с ним в равном количестве. Но полководчество Наполеона переломило чашу весов. Семьдесят тысяч французов были брошены против пятидесяти тысяч союзников; сражение велось на деревенских улицах и в садах, где кавалерия была бесполезна; и к концу дня, хотя потери с обеих сторон были равны, союзники были вынуждены оставить позиции, которые они заняли. Такой результат был равнозначен проигранному сражению. Соединение Наполеона с армией

Эжена при Магдебурге теперь было неизбежно, если только не будет проведено второе сражение и не будет одержана победа. Союзникам не оставалось ничего другого, как поставить все на возобновление атаки или отступить за Эльбу и встретить подкрепление, собирающееся в Силезии. Король Фридрих Вильгельм объявил о втором сражении; ^[180] он был побежден, и началось отступление. Наполеон вступил в Дрезден 14 мая. Союзники не предприняли никаких попыток удержать линию Эльбы; все обнадеживающие надежды, с которыми Блюхер и его товарищи двинулись в атаку на Наполеона в пределах границ Рейнской конфедерации, были разбиты вдребезги. Отечество оставалось разделенным само в себе. Саксония и остальные вассальные государства были закреплены за Францией победой при Лютцене; освобождение Германии могло быть достигнуто только в результате длительной и упорной войны и массового принесения в жертву прусских жизней.

[Перемирие, 4 июня.]

[Битва при Бауцене, 21 мая.]

Генералы союзников отступили перед Наполеоном к Силезским крепостям с глубоким разочарованием, но без каких-либо колебаний в намерениях. Прусские войска, которые до сих пор принимали участие в войне, не составляли и третьей части тех, которые вооружало правительство; новые русские дивизии находились в походе из Польши. По мере того как союзники продвигались от Эльбы на восток, как их собственные силы, так и силы Наполеона набирали силу. Отступление остановилось у Бауцена, на реке Шпрее; и здесь 19 мая 90 000 союзников и столько же французов выстроились в боевой порядок. Союзники удерживали длинную изломанную цепь холмов за рекой и землю, лежащую между этими холмами и деревней Баутцен. 20-го числа французы начали атаку и выиграли форсирование реки. Несмотря на приближение Нея с еще 40 000 войсками, царь и король Пруссии решили продолжить сражение на следующий день. Борьба 21-го числа носила тот же упорный и нерешительный характер, что и при Лютцене. Двадцать пять тысяч французов были убиты или ранены до конца дня, но плохое командование союзников снова принесло Наполеону победу. Все прусское и русское командующие расходились во мнениях; Александр, которому приходилось принимать решение в их спорах, не обладал настоящими военными способностями. Баутцен был потерян не из-за отсутствия храбрых боев и стойкости перед врагом. Союзники отступали в идеальном порядке, не потеряв ни одного орудия. Наполеон последовал за ним, вынуждая свои измученные полки к непрестанному напряжению, в надежде погубить преследованием врага, которого он не мог одолеть в бою. Еще через несколько дней разногласия между союзными генералами и страдания войск, вероятно, сделали бы их неспособными противостоять армии Наполеона, какой бы ослабленной она ни была. Но сам завоеватель остановился в момент победы. 4 июня семинедельное перемирие остановило преследование и положило конец первому акту Освободительной войны.

[Наполеон и Австрия.]

Мотив Наполеона предоставить этот перерыв своим врагам, самый роковой шаг за всю его карьеру, смутно искали среди общих причин военной задержки; на самом деле, Наполеон думал не о состоянии своей собственной армии или союзников, когда прекращал военные действия, а о вероятных действиях Венского двора. ^[181] "Я заключу перемирие, - писал он вице-королю Италии (2 июня 1813 г.), - из-за вооружения Австрии и для того, чтобы выиграть время для подтягивания итальянской армии к Лайбаху, чтобы угрожать Вене". Австрия действительно

решила вернуть себе, либо путем войны, либо переговоров, провинции, которые она потеряла в 1809 году. Теперь она готовилась предложить свое посредничество, но также готовилась присоединиться к союзникам в случае, если Наполеон отвергнет ее требования. Меттерних стремился достичь своей цели, по возможности, без войны. Австрийское государство было банкротом; его армия сильно пришла в упадок с 1809 года; сам Меттерних опасался как амбиций России, так и того, что он считал революционными планами немецких патриотов. Его целью было не свергнуть Наполеона с его трона, а установить европейскую систему, в которой ни Франция, ни Россия не должны были бы абсолютно доминировать. Вскоре после отступления из Москвы Венский кабинет проинформировал Наполеона, хотя и в самых дружеских выражениях, что Австрия не может больше оставаться в положении зависимого союзника. ^[182] Меттерних заявил, и не без лукавства, что при определенных уступках Наполеон все еще мог рассчитывать на дружбу Австрии; но в то же время он вел переговоры с союзными державами и внушал им веру в то, что Австрия при определенных обстоятельствах нанесет удар от их имени. Ход майской кампании был исключительно благоприятным для политики Меттерниха. Наполеон не одержал решительной победы; союзники, с другой стороны, были так далеки от успеха, что Австрия могла назначить за свой союз почти любую цену, какую ей заблагорассудится. К началу июня в австрийском кабинете министров стало решенным вопросом, что Наполеона необходимо заставить отказаться от Иллирийских провинций, завоеванных в 1809 году, и районов Северной Германии, аннексированных в 1810 году; но правительство все еще надеялось добиться этого мирным путем. Наполеон видел, что Австрия вот-вот изменит свою позицию, но он никоим образом не проникал в истинные намерения Меттерниха. Он приписывал венскому правительству более сильное чувство враждебности по отношению к нему, чем оно было на самом деле; в то же время он не смог оценить неизменный характер его цели. Он полагал, что действия Австрии будут зависеть просто от средств, которыми он располагал, чтобы запугать ее; что, если бы итальянской армии не было, Австрия напала бы на него; что, с другой стороны, если бы он мог выиграть время, чтобы ввести итальянскую армию в Карниолу, Австрия сохранила бы мир. Именно с этой верой и исключительно с целью подтянуть силы, чтобы угрожать Австрии, Наполеон сдержал свои действия против прусской и русской армий после битвы при Бауцене и дал время для сбора огромных сил, которым было суждено осуществить его уничтожение.

[Меттерних предлагает посредничество Австрии.]

Сразу после заключения перемирия 4 июня Меттерних предложил Наполеону принять посредничество Австрии для установления всеобщего мира. Урегулирование, которое предполагал Меттерних, сильно отличалось от того, на которое возлагали свои надежды Штайн и прусские патриоты. Австрия была готова оставить Наполеону всю Италию и Голландию, границу по Рейну и протекторат Западной Германии: все, что требовалось Меттерниху как арбитру Европы, - это восстановление провинций, отнятых у Австрии после войны 1809 года, восстановление Пруссии в Западной Польше и отказ Франции от Северогерманского округа, аннексированного в 1810 году. Но для Наполеона больший или меньший размер уступок, о которых просила Австрия, не имел значения. Он был полон решимости вообще не идти ни на какие уступки и вступил в переговоры только с целью скрыть от Австрии истинную цель, с которой он заключил перемирие. В то время как Наполеон делал вид, что взвешивает предложения Австрии, на самом деле он подсчитывал количество маршей, которые должны были привести итальянскую армию к австрийской границе; после того как это было сделано, он

не ожидал больше ничего услышать о требованиях Меттерниха.

[Наполеон был обманут относительно сил Австрии.]

Это была игра с обманом; но не было никого, кто был бы так основательно обманут, как сам Наполеон. В результате какого-то экстраординарного просчета со стороны его секретных агентов он был вынужден поверить, что все вооруженные силы Австрии, как на севере, так и на юге, составляли всего 100 000 человек, ^[183] и именно на основе этой оценки он разработал свои планы устрашения. В действительности у Австрии было вдвое больше людей, готовых выступить в бой. Постепенно у Наполеона появились основания подозревать себя в ошибке. 11 июля он написал своему министру иностранных дел Марету, горько упрекая его в неспособности секретной службы получить какую-либо достоверную информацию. Было еще не поздно принять условия Меттерниха. Однако даже сейчас, когда план запугивания Австрии оказался полной иллюзией, и Наполеон был убежден, что Австрия будет сражаться, и сражаться очень мощными силами, его гордость и непобедимая вера в собственное превосходство не позволяли ему отступить. Он предпринял попытку вступить в отдельные переговоры с Россией, а когда это не удалось, решил вступить в конфликт со всей Европой.

[Рейхенбахский мирный договор, 27 июня.]

Среди врагов Наполеона больше не было никакой неуверенности. 27 июня Австрия подписала в Рейхенбахе мирный договор, обязываясь присоединиться к союзным державам в случае, если Наполеон отвергнет условия, которые будут предложены Австрией в качестве посредника; и предложенные таким образом условия были закреплены тем же договором. Они были следующими: - Подавление Варшавского герцогства; - возвращение Австрии Иллирийских провинций; - капитуляция Наполеоном Северогерманского округа, присоединенного к его империи в 1810 году. Условия, более враждебные Франции, чем те, которые Австрия отказалась выдвинуть при своем посредничестве. Эльба все еще могла отделить Пруссию от ее немецких провинций, потерянных в 1807 году; Наполеон все еще мог сохранить в качестве главы Рейнской конфедерации свой суверенитет над большей частью немецкой расы.

[Австрия вступает в войну, 10 августа.]

[Пражский конгресс, 15 июля- 10 августа.]

С того момента, как были установлены эти условия, прусские генералы ничего так не боялись, как того, что Наполеон может принять их и таким образом лишить союзников шанса сокрушить его при поддержке Австрии. Но их опасения были беспочвенны. Советы Наполеона были именно теми, которые его злейшие враги хотели бы, чтобы он принял. Война, и ничего, кроме войны, было его твердым решением. Он сделал вид, что принимает предложения Австрии, и отправил своего посланника Коленкура на Конгресс, который Австрия созвала в Праге; но это было сделано только для того, чтобы выиграть еще несколько недель на подготовку. Конгресс собрался; перемирие было продлено до 10 августа. Коленкуру, однако, не было дано полномочий согласиться с требованиями Австрии. Он не знал, что его послали в Прагу только для того, чтобы выиграть время. Он видел, что надвигается буря: не в силах поверить, что Наполеон намеревался воевать со всей Европой, а не пойти на требуемые от него уступки, он воображал, что его повелитель все еще испытывает некоторые сомнения в том, намерены ли Австрия и другие державы сдержать свое слово. Приближался день окончания перемирия и срок, отведенный для ответа на ультиматум Австрии, Коленкур умолял Наполеона не

обманывать себя надеждами на то, что Австрия отступит. У Наполеона не было такой надежды; он хорошо знал, что Австрия объявит войну, и смирился с этим вопросом. Коленкур больше ничего не слышал. В полночь 10 августа Конгресс объявил о своем роспуске. Перед рассветом следующего утра армия в Силезии увидела пламя сигнальных огней, возвестивших о том, что переговоры подошли к концу и что Австрия вступает в войну на стороне союзников. ^[184]

[Армии Наполеона и союзников.]

Уведомление за семь дней было необходимо до начала реальных боевых действий. Наполеон, сам стоявший в Дрездене, удерживал все нижнее течение Эльбы; и его генералы давно получили приказ быть готовыми выступить утром 18-го. Войска были стянуты со всех концов империи, увеличив численность французской армии на фронте до 300 000 человек; но впервые в карьере Наполеона его враги выиграли от паузы в войне, результаты которой даже превзошли его собственные. Численность прусской и русской армий теперь сильно отличалась от той, что была при Лютцене и Бауцене. Прусский ландвер, в то время безоружное и плохо одетое ополчение, проводившее учения в деревнях, теперь был полностью вооружен и в значительной степени находился на фронте. Новые русские дивизии достигли Силезии. Австрия выступила на поле боя с силами столь же многочисленными, как те, что остановили Наполеона в 1809 году. По окончании перемирия 350 000 человек фактически стояли лицом к лицу с французскими позициями на Эльбе; еще 300 000 были на марше или наблюдали за немецкими крепостями и границей Италии. Войска союзников, действовавшие против Наполеона, были разделены на три армии. На севере, между Виттенбергом и Берлином, Бернадот командовал 60 000 русскими и пруссаками, в дополнение к своему собственному шведскому контингенту. Блюхер был поставлен во главе 100 000 русских и пруссаков в Силезии. Австрийцы остались неразделенными и сформировали вместе с некоторыми русскими и прусскими дивизиями великую армию Богемии численностью 200 000 человек под командованием Шварценберга. План кампании был согласован союзниками вскоре после заключения Рейхенбахского мирного договора с Австрией. Это был разумный, хотя и не смелый шаг.

[План союзников.]

Три армии, образовавшие дугу от Виттенберга к северу от Богемии, должны были сойтись на линии коммуникаций Наполеона за Дрезденом; в случае нападения по отдельности их генералы должны были избегать любых опасных столкновений и маневрировать так, чтобы утомить противника и сохранить свои собственные общие расстановки, насколько это возможно, неизменными. Блюхер, как наиболее уязвимый, должен был дольше всех довольствоваться обороной; великая армия Богемии, захватив горные перевалы между Богемией и Саксонией, могла бы безопасно обойти позиции Наполеона у Дрездена и таким образом привлечь к себе две более слабые армии для одного обширного совместного сражения на равнине Лейпцига.

[План нападения Наполеона.]

В общих чертах план союзников был таким, какой Наполеон ожидал от них принятия. Его собственный план состоял в том, чтобы предвосхитить это наступлением необычайной внезапности и эффекта. Военные действия не могли начаться раньше утра 18 августа; по расчетам Наполеона, к 21 или 22 числу он должен был захватить Берлин. Удино, находившийся в Виттенберге с 80 000 человек, получил приказ наступать на столицу Пруссии в тот момент, когда истечет срок перемирия, и принудить ее, при необходимости бомбардировкой, к

немедленной капитуляции. Результатом этого удара, как предполагал Наполеон, должно было стать рассеяние всех резервных сил прусской монархии и парализация действий ее армии на поле боя. В то время как Удино шел на Берлин, Блюхер должен был подвергнуться нападению в Силезии и не иметь возможности оказать какую-либо помощь ни на севере, ни на юге. Основная масса сил Наполеона, сосредоточенная в Дрездене и наблюдающая за передвижениями богемской армии, должна была либо дать крупное сражение, либо, если союзники предпримут ложное движение, двинуться прямо на Прагу, центр снабжения Австрии, и достичь ее раньше противника. Все смелое воображение предыдущих кампаний Наполеона проявилось в подобном проекте, который, в случае успеха, положил бы конец войне в течение десяти дней; но это воображение больше не было, как в тех ранних кампаниях, идентичным пониманию реальных возможностей. Успех плана Наполеона включал внезапное или полное поражение Бернадотта под Берлином, выведение из строя Блюхера и победу, или стратегический успех, эквивалентный победе, над огромной армией юга. Это требовало от солдат, уступавших врагу в численности, личного превосходства, которое принадлежало солдатам при Йене и Аустерлице, когда на самом деле французские полки, набранные из новобранцев, перестали соответствовать равному по численности противнику. Но никакой опыт не мог изменить непоколебимой веры Наполеона в бессмысленность любой войны, кроме его собственной. После опустошения при Бородино, после равных сражений при Лютцене и Бауцене он все еще рассуждал так, как будто перед ним были армии Брауншвейга и Мака. Его план предполагал уверенность в успехе в каждой из его частей, поскольку провал одной операции ставил под угрозу все остальные, требуя переброски подкреплений из армий, уже слишком слабых для выполнения возложенных на них задач. Тем не менее, максимум, что мог признать Наполеон, это то, что для осуществления его замысла требовалась энергия. Он все еще недооценивал силы, которые Австрия выдвинула против него. Хотя он и не знал о реальном положении и численности армии в Богемии и был вынужден выжидать передвижения противника, прежде чем нанести удар с этой стороны, он уже в воображении видел, что исход войны решится падением столицы Пруссии.

[Тройное движение, 18-26 августа.]

[Битва при Дрездене, 26, 27 августа.]

[Сражения при Гроссбир, 23 августа и при Кацбахе, 26 августа.]

18 августа началось продвижение вперед. Удино двинулся от Виттенберга к Берлину; сам Наполеон поспешил в Силезию, намереваясь нанести Блюхеру один тяжелый удар и немедленно вернуться и предстать перед Шварценбергом. 21-го и в последующие дни прусский генерал был атакован и отброшен на восток. Наполеон поручил преследование Макдональду и поспешил обратно в Дрезден, которому уже угрожало наступление австрийцев из Богемии. Шварценберг и союзные монархи, как только они услышали, что Наполеон отправился искать Блюхера в Силезии, фактически отказались от своих осторожных планов и решили атаковать Дрезден одними богемскими силами. Но напрасно они пытались застать Наполеона Врасплох. 25-го он вернулся в Дрезден и был готов к атаке. Никогда надежды Наполеона не были так высоки, как в этот день. Успех в Силезии придал ему уверенности. Он воображал, что Удино уже в Берлине; и наступление Шварценберга на Дрезден дало ему ту самую возможность, которой он желал, сокрушить чешскую армию в одном крупном сражении, прежде чем она сможет получить поддержку либо от Блюхера, либо от Бернадотта. Казалось, что близок еще один

Аустерлиц. Наполеон написал в Париж, что он должен быть в Праге раньше противника; и, пока он завершал свою оборону перед Дрезденом, он приказал Вандаму с 40 000 человек переправиться через Эльбу у Кенигштейна и пробиваться на юго-запад, к дорогам в Богемию, в тыл Великой армии, чтобы уничтожить ее склады и создать угрозу ее линии отступления на Прагу. 26 августа войско Шварценберга атаковало позиции Наполеона на склонах и в садах за пределами Дрездена. Австрийцы, русские и пруссаки - все принимали участие в атаке. Моро, победитель при Гогенлиндене, стоял рядом с императором Александром, которому он пришел на помощь в борьбе против своих соотечественников. Он дождался только до того, чтобы стать свидетелем одной из последних и величайших побед Франции. Атака была повсеместно отражена: австрийские дивизии были не только разбиты, но и опозорены и низвергнуты. К концу двухдневных боев союзники полностью отступили, оставив 20 000 пленных в руках Наполеона. Это был момент, когда упали сердца самых храбрых и когда сама надежда вполне могла исчезнуть, поскольку по прусским полкам прошел слух, что Меттерних снова находится в дружеских отношениях с Наполеоном. Но в разгар триумфа Наполеона прибыли сведения, которые лишили его всей ценности. Удино, вместо того чтобы завоевать Берлин, потерпел поражение от пруссаков из армии Бернадотта при Гроссберене (23 августа) и был отброшен назад к Эльбе. Блюхер повернул против Макдональда в Силезии и полностью разгромил его армию на реке Кацбах в тот самый момент, когда союзники предпринимали наступление на Дрезден. Напрасно было думать о походе на Прагу или об уничтожении австрийцев, когда на севере и востоке войска Наполеона не встречали ничего, кроме бедствий. Дивизии, которые предназначались для поддержки движения Вандама из Кенигштейна в тыл Великой армии, были оставлены в окрестностях Дрездена, чтобы быть в пределах досягаемости пунктов, где могла потребоваться их помощь. Вандам, не подозревавший о своей изоляции, остался едва ли с 40 000 человек, чтобы встретить Великую армию при ее отступлении.

[Битва при Кульме, 29, 30 августа.]

Утром 29-го он бросился на русский корпус у Кульма, в Богемских горах. Русские, поначалу немногочисленные, удерживали свои позиции в течение дня; ночью и после возобновления сражения на следующее утро в город хлынули огромные массы союзных войск. Французы отчаянно сражались, но были разбиты. Сам Вандам попал в плен с 10 000 своих людей. Все запасы и большая часть пушек его армии остались в руках врага.

[Действие двенадцати дней, 18-30 августа.]

[Битва при Денневице, сентябрь. 6.]

Победа при Кульме оградила богемскую армию от преследования и почти нивелировала последствия ее поражения под Дрезденом. Благодаря успехам Блюхера и прусских генералов Бернадотта, которые помешали Наполеону бросить все свои силы в тыл Великой армии, опрометчивая атака Шварценберга имела не меньшее значение, чем неудачный рейд. Австрийцы снова оказались в ситуации, предусмотренной для них первоначальным планом кампании, и могли возобновить свое продвижение вглубь Саксонии: Блюхер и командующие северянами не только избежали отдельного поражения, но и одержали великие победы над французами: Наполеон, ослабленный потерей 100 000 человек, остался точно там, где он был в начале кампании. Если бы тройное движение, с помощью которого он намеревался сокрушить своих противников, было возможно выполнить, теперь оно было бы выполнено полностью. Баланс сил, однако, повернулся против Наполеона; и двенадцать дней с 18 по 29 августа, хотя и

не были отмечены катастрофами, подобными Лейпцигу или Ватерлоо, фактически были решающим периодом в борьбе Европы против Наполеона. Атака, с помощью которой он намеревался предотвратить соединение трех армий, была предпринята и потерпела неудачу. Теперь ему ничего не оставалось, как повторить те же действия с обескураженными войсками против осмелевшего врага или оставить линию Эльбы и подготовиться к одному масштабному и решающему столкновению со всеми тремя армиями вместе взятыми. Наполеон выбросил из головы мысль о неудаче; он приказал Нею принять командование армией Удино и снова повести ее, в увеличенном составе, на Берлин; сам он поспешил к разбитым войскам Макдональда в Силезии и собрал их для нового наступления на Блюхера. Все было напрасно. Ней, наступавший на Берлин, был встречен прусским генералом Валом при Денневице и полностью разбит (6 сентября): Блюхер, обнаружив, что перед ним сам Наполеон, искусно уклонился от сражения и вынудил своего противника потратить впустую в бесплодных маршах короткий промежуток времени, который он урвал у своего дозора на Шварценберге. Каждое столкновение с врагом, каждый тщетный и изнуряющий марш говорили о том, что превосходство перешло от французов к их врагам, и что отступление Наполеона теперь было только вопросом времени. "Эти существа кое-чему научились", - с горечью в сердце сказал Наполеон, увидев, как колонны Блюхера маневрируют, вырываясь из его рук. Сообщение Нея о его собственном поражении при Денневице прозвучало как предзнаменование гибели при Ватерлоо. "Я потерпел полное поражение, - писал он, - и до сих пор не знаю, восстановилась ли моя армия. Дух генералов и офицеров подорван. Командовать в таких условиях - это только половина командования. Я бы предпочел быть обычным гренадером".

[Меттерних.]

[Немецкая политика Штайна и Австрии.]

Присоединение Австрии склонило чашу весов в пользу союзников; только от самих союзных генералов зависело прекратить войну вокруг Дрездена и повести свои армии в сердце Саксонии. На какое-то время ход войны замедлился, и военные интересы уступили место политическим. Именно в промежуток между первыми крупными сражениями и заключительным наступлением на Лейпциг будущее Германии было определено тремя союзными державами. В суматохе последних двенадцати месяцев мало кто, за исключением Штейна и его друзей, думал о политической форме, которая должна была быть создана на месте Наполеоновской федерации на Рейне. Штайн в разгар русской кампании надеялся на всеобщее восстание немецкого народа против Наполеона и предлагал свергнуть с престола всех немецких князей, которые поддерживали его дело. Его политика получила общее одобрение Александра, и при вступлении русской армии в Германию был издан манифест, обращенный ко всей немецкой нации и предупреждающий вассалов Наполеона, что они могут спастись только покорностью. ^[185] Союзными суверенами был назначен комитет под председательством самого Штейна для управления доходами всей территории Конфедерации, которая должна была быть оккупирована союзными армиями. Вопрос о том, следует ли на самом деле изгнать правящие дома, мог оставаться неопределенным; но Штайн и его друзья твердо надеялись, что тем принцам, которым было разрешено сохранить свои троны, будет разрешено сохранить их только в качестве должностных лиц великой Германской империи, без суверенных прав ни над своими собственными подданными, ни по отношению к иностранным государствам. Короли Баварии и Вюртемберга получили свои титулы и большую часть своей деспотической власти у себя дома от Наполеона; их независимость от Главы Германии сделала их не более чем

орудиями иностранного завоевателя. В какой бы форме центральная власть ни была возрождена, Штайн желал, чтобы она была истинной и единственной суверенной властью в Германии, властью, к которой каждый немец мог бы обратиться против гнета второстепенного правительства и в которой вся нация нашла бы своего представителя перед остальной Европой. Перед лицом такой центральной власти, будь то избранный парламент или Имперский совет, мелкие князья могли в лучшем случае сохранить лишь часть своих полномочий; и такова была теория, принятая в штаб-квартире союзников вплоть до того времени, когда Австрия предложила свое посредничество и поддержку. Затем все изменилось. Взгляды австрийского правительства на будущую систему Германии были прямо противоположны взглядам партии Штайна. Меттерних страшился мысли о народных волнениях и смотрел на Штейна с его идеей Национального парламента и планами свержения рейнских князей немногим лучше, чем на якобинцев 1792 года. Предложение о восстановлении императорского достоинства в Германии было отклонено австрийским императором по просьбе его министра. Со свойственным ему пониманием нынешних трудностей и слепотой к великим силам, которые на самом деле заключали в себе их решение, Меттерних утверждал, что второстепенные князья попадут в объятия иностранцев только при установлении какой-либо верховной немецкой власти. Они, вероятно, покинули бы Наполеона, если бы союзники гарантировали им все, чем они в настоящее время обладают; они были бы избавлены от всякого будущего искушения примкнуть к Франции, если бы Австрия удовлетворилась дипломатическим влиянием и узами хорошо сконструированной системы договоров. Несмотря на влияние Штейна на императора Александра, взгляды Меттерниха возобладали. Австрия так сознательно поддерживала равновесие в течение первой половины 1813 года, что союзники теперь были готовы уступить во всем, как в этом вопросе, так и в других, в обмен на ее поддержку. Больше ничего не было слышно ни о низложении князей-конфедератов, ни даже об ограничении их власти. Согласно Теплицкому мирному договору, подписанному Пруссией, Россией и Австрией 9 сентября, каждое государство Рейнской конфедерации должно быть поставлено в положение абсолютной независимости. Были начаты переговоры с королем Баварии, чья армия неизменно сражалась на стороне Наполеона в каждой кампании с 1806 года. Вместо того, чтобы объявить его вне закона как преступника, его приветствовали как союзника. Ридский мирный договор, подписанный 3 октября, гарантировал королю Баварии, в обмен на его дезертирство от Наполеона, полные суверенные права и всю территорию, которую он получил от Наполеона, за исключением Тироля и австрийского округа Инн. В том, что было предоставлено королю Баварии, нельзя было отказать остальным вассалам Наполеона, которые были готовы вовремя заключить мир с союзниками. Германия, таким образом, была оставлена на милость десятка мелких кабинетов. Патриотическая партия в Пруссии видела, какой ценой был приобретен союз с Австрией. Австрия действительно сделала возможной победу над Наполеоном, но она также положила конец всем перспективам объединения немецкой нации.

[Союзники переправляются через Эльбу, 3 октября.]

До последних дней сентября положение вражеских армий вокруг Дрездена оставалось мало измененным, Наполеон неустанно повторял свои атаки, то с одной, то с другой стороны, но безрезультатно. Союзники, со своей стороны, казалось, приросли к земле. Бернадотт, балансировавший между желанием получить Норвегию от союзников и глупой надеждой быть призванным на французский трон, стремился причинить французам как можно меньше вреда; Шварценберг, сам безразличный генерал, был отвлечен советниками всех трех монархов; Блюхер один настаивал на решительных и быстрых действиях. Наконец прусский командующий

получил разрешение выступить на север и объединить свою армию с армией Бернадотта в наступлении через Эльбу. Долгожданные русские резервы, возглавляемые Беннигсеном, достигли Богемских гор; и в начале октября началась операция, которая должна была собрать все силы союзников на равнине Лейпцига. Блюхер форсировал Эльбу у Вартенбурга. Только когда Наполеон узнал, что армия Силезии действительно форсировала реку, он, наконец, покинул Дрезден. Затем, поспешив на север, он бросился на прусского генерала; но Блюхер снова уклонился от сражения, как и в Силезии; и 7 октября его армия соединилась с армией Бернадотта, которая двумя днями ранее переправилась через Эльбу.

Враг приближался к Наполеону. Как бы упорно он ни держался за линию Эльбы, он больше не мог держаться. Крушение всех его надежд привело к тому, что в его голове вспыхнул безумный проект похода на восток, к Одеру, и сбора всех осажденных гарнизонов для кампании, в ходе которой враг встанет между ним самим и Францией; но мечта продержалась ровно столько, чтобы стать реальностью. Наполеон не отважился на большее, чем послать корпус обратно к Эльбе, чтобы угрожать Берлину, в надежде соблазнить Блюхера и Бернадотта отказаться от наступления, которое они теперь начали в сотрудничестве с великой армией Шварценберга. С 10 по 14 октября Наполеон задержался в Дюбене, между Дрезденом и Лейпцигом, с беспокойством ожидая известий об отступлении Блюхера или Бернадотта. Единственная определенная информация, которую он смог получить, заключалась в том, что Шварценберг продвигался на запад. В конце концов он вернулся в Лейпциг, полагая, что Блюхер, но не Бернадотт, приближается, чтобы встретиться со Шварценбергом и принять участие в большом сражении. Когда он входил в Лейпциг 14 октября, на юге была слышна пушка Шварценберга.

[Битва при Лейпциге. 16-19 октября.]

Наполеон приготовился к битве. Численность его войск, занимавших позиции вокруг города, составляла 170 000 человек: еще около 15 000 находились в пределах досягаемости. Он разместил Мармона и Нея к северу от Лейпцига, в деревне Мекерн, чтобы встретить ожидаемый натиск Блюхера; а сам с большей частью своей армии занял пост на юге, лицом к Шварценбергу. Утром 16-го Шварценберг начал атаку. Его численность не превышала 150 000 человек, поскольку большая часть русской армии находилась в тылу. Битва была равной. Австрийцам не удалось закрепиться: с помощью еще одного армейского корпуса Наполеон увидел, что может одолеть врага. У него все еще не было сведений о действительном появлении Блюхера на севере; и в опрометчивой надежде, что прибытие Блюхера может быть отложено, он послал приказ Нею и Мармону оставить свои позиции и поспешить на юг, чтобы броситься на Шварценберга. Нею подчинился. Мармон, когда приказ дошел до него, фактически получил первый огонь Блюхера. Он решил остаться и защищать деревню Мекерн, хотя и остался без поддержки. Йорк, командовавший авангардом армии Блюхера, атаковал его с предельной яростью. По трети войск, участвовавших в боях с каждой стороны, были убиты или ранены еще до окончания дня; но в конце концов победа пруссаков была полной. Это был единственный триумф, одержанный союзниками в этот первый день битвы, но он перевесил чашу весов против Наполеона. Корпус Мармона был уничтожен; Нею, разделенный между Наполеоном и Мармоном, не оказал эффективной помощи ни тому, ни другому. Шварценбергу, спасенному от большой катастрофы, оставалось только дожидаться Бернадотта и русских резервов и возобновить сражение дополнительными силами в 100 000 человек.

[Штурм Лейпцига 19-го. Отступление французов.]

[Битва 18-го.]

В течение ночи Наполеон направил предложения о мире. Именно в тщетной надежде получить какой-нибудь дружественный ответ от своего тестя, австрийского императора, он отложил свое отступление на следующий день, пока оно еще могло быть беспрепятственным. Ответа на его письмо не последовало. Вечером 17-го армия Беннигсена достигла поля битвы. На следующее утро началось это масштабное и решающее столкновение, известное на языке Германии как "битва наций", величайшее сражение во всей подлинной истории, кульминация всех военных усилий эпохи Наполеона. На стороне союзников сражалось не менее 300 000 человек; собственные силы Наполеона насчитывали 170 000 человек. Сражение бушевало по всему периметру Лейпцига, за исключением западного, где не было предпринято никаких попыток встать между Наполеоном и линией его отступления. Как и в первом сражении, решающие успехи были достигнуты Блюхером, которому теперь с опозданием помогал Бернадотт, на севере; дивизии Шварценберга на южной окраине города упорно сражались, но не продвинулись далеко вперед. Но больше не было никаких сомнений относительно исхода борьбы. Если Наполеон не смог разбить союзников в первом сражении, то теперь, когда к ним присоединились еще 100 000 человек, у него не было никаких шансов против них. Шквал атак становился все более и более яростным: новых сил, которые можно было бы мобилизовать для обороны, не было. Не прошло и половины дня, как Наполеон выстроил свою внешнюю линию и начал составлять диспозицию для отступления из Лейпцига. Вечером длинные вереницы раненых из госпиталей проходили через западные ворота города по дороге, ведущей к Рейну. В ночной темноте вся армия была снята со своих позиций, и плотные массы хлынули в город, пока каждая улица не была перекрыта растерянными и непроходимыми толпами кавалерии и пехоты. Передовые дивизии выступили из ворот еще до восхода солнца. Когда толпа уменьшилась, был восстановлен некоторый порядок, и войска, которые Наполеон намеревался прикрывать отступление, заняли свои места под стенами Лейпцига. Союзники пошли на штурм утром 19-го. Французы были загнаны в город; победоносный враг наступал в тыл отступающим колоннам. В разгар схватки, перекрывая грохот сражения, послышался взрыв. Мост через Эльстер, единственный выход из Лейпцига на запад, был взорван по ошибке французского солдата перед тем, как арьергард начал переправу. Масса беглецов, согнанных с улиц города, обнаружила перед собой непроходимую реку. Некоторые переплыли на противоположный берег или погибли при попытке сделать это; остальные, в количестве 15 000 человек, сложили оружие. Это был конец битвы. Наполеон потерял за три дня 40 000 человек убитыми и ранеными, 260 орудий и 30 000 пленных. Число убитых и раненых союзников достигло огромной суммы в 54 000 человек.

[Условия мира, предложенные Наполеону во Франкфурте, 9 ноября.]

[Союзники следуют за Наполеоном к Рейну.]

Кампания подходила к концу. Наполеон повел за собой большую армию, но такую, которая была не в состоянии повернуться против своих преследователей. На каждом этапе отступления оставались тысячи страдающих лихорадкой несчастных, которые наводили ужас даже на преследующую их армию страхом перед заражением. Только когда французы обнаружили, что дорога на Франкфурт перекрыта в Ханау баварскими войсками, они перестроились в боевой порядок. Баварцы были разбиты вдребезги; дорога была открыта, и через две недели после битвы при Лейпциге Наполеон с остатками своей великой армии вновь переправился через

Рейн. Позади него ткань его Империи рухнула на землю. Иероним бежал из Вестфалии; ^[186] князья Рейнской конфедерации приходили один за другим, чтобы заключить мир с союзниками; Бюлов с армией, которая покорила Ней при Денневице, прошел маршем через север Германии к освобождению Голландии. Через три дня после того, как Наполеон перешел Рейн, царь прибыл во Франкфурт; и здесь 7 ноября состоялся военный совет, на котором Блюхер и Гнейзенау, вопреки почти всем другим генералам, выступили за немедленное вторжение во Францию. У солдат, однако, было время пересмотреть свое мнение, ибо 9-го числа представителями Держав было решено направить Наполеону предложение о мире, и военные действия были приостановлены по общему согласию. Условием, на котором Наполеону был предложен мир, была сдача завоеваний Франции за Альпами и Рейном. Союзники по-прежнему были готовы позволить императору сохранить Бельгию, Савойю и Рейнские провинции; однако они отказались вступать в какие-либо переговоры до тех пор, пока Наполеон не примет эту основу мира; и они потребовали четкого ответа до конца ноября.

[Предложение о мире отозвано, 1 декабря.]

[План вторжения во Францию.]

[Союзники вступают во Францию, январь 1814 г.]

Наполеон, который к этому времени прибыл в Париж и увидел вокруг себя все признаки могущества, отвечал неопределенно. Месяц закончился без ответа, которого требовали союзники; и 1 декабря было объявлено, что предложение о мире отзывается. Все еще не было решено, примет ли война форму фактического вторжения во Францию. Память о Брауншвейгской кампании 1792 года и о катастрофах первой коалиции в 1793 году даже сейчас оказывала мощное влияние на умы людей. Австрия не желала доводить Наполеона до крайности или давать России и Пруссии возросшее влияние, которое они получили бы в Европе в результате полного свержения власти Наполеона. В конечном счете было решено, что союзные армии должны войти во Францию, но что австрийцы, вместо того чтобы пересекать северо-восточную границу, должны совершить обходной маневр через Швейцарию и занять плато Лангр в Шампани, с которого реки Сена, Марна и Об с дорогами, идущими по их долинам, спускаются в направлении столицы. Говорили, что плато Лангр имеет такое стратегическое значение, что его оккупация захватчиком немедленно вынудила бы Наполеона заключить мир. Фактически, плато не имело никакого стратегического значения; но австрийцы желали занять его, частично с целью защиты от любого нападения со стороны Италии и Лиона, частично из-за нехватки тяжелой артиллерии, необходимой для осады крепостей дальше на север, ^[187] и из справедливого понимания опасностей кампании, проводимой во враждебной стране, которую пересекают несколько рек. Меттерних приветствовал все, что могло предотвратить или даже отсрочить борьбу с Наполеоном не на жизнь, а на смерть. Блюхер правильно оценил марш через Швейцарию как простую проволочку. Ему самому разрешили отправиться прямым путем во Францию, хотя его передвижения были замедлены, чтобы не отставать от осторожных шагов Шварценберга. В последний день 1813 года прусский генерал перешел Рейн близ Кобленца; 18 января 1814 года австрийская армия, продвинувшись из Швейцарии через Бельфор и Везуль, достигла места своего привала на плато Лангр. Здесь марш остановился; и здесь ожидалось, что условия мира будут предложены Наполеоном.

[Веллингтон вторгается во Францию с юга.]

Захватчик теперь вторгнулся во Францию не только с восточной стороны. Веллингтон перешел Пиренеи. Его последний победоносный поход на север Испании начался в тот день, когда прусская и русская армии потерпели поражение от Наполеона при Бауцене (21 мая 1813 года). Во время Дрезденского перемирия, за неделю до того, как Австрия подписала договор, который фиксировал условия ее вооруженного посредничества, он одержал ошеломляющую победу при Виттории над королем Иосифом и французской армией, когда она отступала со всей добычей, собранной за пять лет оккупации Испании (21 июня). Серия кровопролитных сражений дала англичанам перевалы через Пиренеи в те самые августовские и сентябрьские дни, когда союзные армии сомкнулись вокруг Наполеона под Дрезденом; и когда после Лейпцигской катастрофы остатки наполеоновского войска отступали за Рейн, Сульт, защитник Пиренеев, был вытеснен британским генералом из его окопов на Нивелле и вынужден был отступить под стены Байонны.

[Французские армии не в состоянии удержать границу.]

[План обороны Наполеона.]

Двадцать лет прошло с тех пор, как в бурное утро Революции Гош перебросил армии первой коалиции через эльзасскую границу. С тех пор французские солдаты посетили каждую столицу и полили каждую землю своей кровью; но ни один иностранный солдат не ступал на французскую землю. Теперь жестокие подстрекатели военной славы Наполеона израсходовали силы нации, и больше не существовало силы, которая могла бы преградить путь собравшимся врагам. Армии, размещенные на восточной границе, были вынуждены отступить перед врагом, в пять раз превосходящим их числом. Наполеон не ожидал, что союзники войдут во Францию до весны. За три месяца, отведенных ему на организацию, он мог бы сделать пограничные армии достаточно сильными, чтобы удержать их фактические позиции; зимнее наступление союзников вынудило его оставить пограничные районы Франции и сосредоточить свою оборону в Шампани, между Марной, Сеной и Обом. Этот район был одним из тех, которые давали чрезвычайные преимущества великому полководцу, действовавшему против нерешительного и плохо управляемого врага. Удерживая мосты через три реки и подтягивая свои собственные припасы по центральной дороге из Парижа в Арси-сюр-Об, Наполеон мог безопасно перебрасывать основную часть своих сил с одной стороны на другую против фланга союзников, в то время как его собственные передвижения были прикрыты реками, которые можно было перейти только по мостам. Способный командующий во главе союзников применил бы ту же речную стратегию против самого Наполеона, после завоевания одного или двух пунктов переправы основными силами; но Наполеону нечего было опасаться Шварценберга; и если австрийский штаб продолжал контролировать передвижения союзных армий, даже сейчас было сомнительно, завершится кампания в Париже или на Рейне.

[Кампания 1814 г.]

В течение нескольких дней после прибытия монархов и дипломатов в Лангр (22 января) Меттерних и наиболее робкие из генералов выступали против любого дальнейшего продвижения во Францию и утверждали, что армия уже получила все необходимое, оккупировав приграничные провинции. Только после угрозы царя продолжать войну в одиночку австрийцы согласились двинуться на Париж. После нескольких дней, потерянных на обсуждение, началось наступление из Лангра. Блюхеру, который оттеснил французские дивизии под командованием Мармона и Мортье и который теперь находился близ Сен-Дизье на

Марне, был отдан приказ встретиться с Великой армией в Бриенне. Таково было положение союзников, когда 25 января Наполеон покинул Париж и расположился в Шалоне на Марне во главе своего левого крыла, имея правое у Труа и Арси, охраняя мосты через Сену и Об. Наполеон знал, что Блюхер движется навстречу австрийцам; он надеялся сдержать прусского генерала у Сен-Дизье и броситься во главе колонн Шварценберга, когда они двинутся к Обу. Блюхер, однако, уже миновал Сен-Дизье, когда Наполеон достиг его. Наполеон преследовал пруссаков и настиг их у Бриенна. После нерешительного боя Блюхер отступил к Шварценбергу. Армии союзников соединились, и Блюхер, которого теперь поддерживали австрийцы, развернулся и двинулся вниз по правому берегу Оба навстречу Наполеону. Наполеон, хотя и был значительно превосходящим по численности, принял бой. Он был атакован у Ла Ротьера, недалеко от Бриенны, и разбит с большими потерями (1 февраля). Энергичное преследование, вероятно, положило бы конец войне; но австрийцы сдерживались. Шварценберг считал, что мир уже достигнут, и осуждал все дальнейшие действия как бесполезную трату жизни. Несмотря на протесты императора Александра, он позволил Наполеону беспрепятственно удалиться. Бездействие Шварценберга не было простой ошибкой в военных суждениях. Между царем и австрийским кабинетом министров возник прямой конфликт относительно того, какой цели должна была достичь война. Александр уже настаивал на свержении Наполеона с престола; австрийское правительство удовлетворилось бы оставлением Наполеона у власти, если бы он согласился на мир, предоставляющий Франции не худшие границы, чем те, которыми она обладала в 1791 году. Каслри, приехавший из Англии, и Харденберг все еще были склонны поддерживать политику Меттерниха, хотя вся прусская армия, общественное мнение Великобритании, советы Штейна и всех более смелых прусских государственных деятелей были на стороне царя. ^[188]

[Шатийонский конгресс, 5-9 февраля.]

Влияние партии мира уже настолько возросло, что были начаты переговоры с Наполеоном. Представители всех держав собрались в Шатийоне, в Бургундии; и там в конце января Коленкур выступил от имени Франции. Первое заседание состоялось 5 февраля; на следующий день Коленкур получил от Наполеона все полномочия для заключения мира. Союзники выдвинули в качестве условия мира ограничение Франции границами 1791 года. Если бы Коленкур осмелился немедленно заключить мир на этих условиях, Наполеон сохранил бы свой трон; но он понимал, что Наполеон предоставил ему все полномочия только после катастрофической битвы при Ла-Ротьере, и он боялся быть отвергнутым своим повелителем, как только армия избежит опасности. Вместо того чтобы просто принять предложение союзников, он поднял вопросы о будущем Италии и Германии. Момент был упущен; 9 февраля царь отозвал своего посланника из Шатийона, и заседания Конгресса были прерваны.

[Поражения Блюхера на Марне, 10-14 февраля.]

[Монтеро, 18 февраля.]

[Австрийцы отступают к Лангру.]

Шварценберг теперь медленно и неохотно продвигался вперед вдоль Сены в направлении Труа. Блюхеру было разрешено вернуться на Марну и наступать на Париж независимым маршевым порядком. Он пересек местность между Обом и Марной и присоединился к нескольким дивизиям, которые оставил позади себя на последней реке. Но его диспозиция была

возмутительно небрежной: его войска были разбросаны на протяжении шестидесяти миль от Шалона к западу, как будто у него не было врага, от которого нужно было защищаться, кроме слабых дивизий под командованием Мортье и Мармона, которые равномерно отступали перед его наступлением. Внезапно в центре длинной линии прусских войск у Шампобера появился сам Наполеон. Он поспешил на север в погоне за Блюхером с 30 000 человек, как только Шварценберг вошел в Труа; и 10 февраля слабый русский корпус, находившийся в центре колонны Блюхера, был разбит еще до того, как стало известно, что император покинул Сену. Затем, повернув налево, Наполеон опрокинул прусский авангард у Монмирайля, а два дня спустя атаковал и разбил самого Блюхера, который подтягивал остатки своих войск в полном неведении о противнике, с которым ему предстояло иметь дело. За четыре дня армия Блюхера, насчитывавшая 70 000 человек, трижды была разбита силами численностью в 30 000 человек. Блюхер был вынужден отступить к Шалону; Наполеон немедленно вернулся к поддержке дивизии Удино, которую он оставил перед Шварценбергом. Чтобы сменить Блюхера, австрийцы продвинулись вперед к Сене за Монтеро. Через три дня после битвы с Блюхером Наполеон вернулся к Сене и атаковал головы австрийской колонны. 18 февраля он одержал столь решительную победу при Монтеро, что Шварценберг прекратил наступление и отступил к Труа, послав Блюхеру приказ снова двинуться на юг и помочь ему в крупном сражении. Блюхер двинулся в путь с замечательной энергией и прибыл в окрестности Труа в течение недели после своих поражений на Марне. Но от намерения дать большое сражение отказались. Нежелание австрийцев к решительным действиям было слишком сильным, чтобы его можно было преодолеть; и в конце концов было решено, что Шварценберг должен отступить почти до плато Лангр, предоставив Блюхеру соединиться с войсками Бюлова, завоевавшими Голландию, и действовать во фланг и тыл противника.

[Шатийонский конгресс возобновился, 17 февраля- 15 марта.]

Эффект внезапных побед Наполеона на Марне был немедленно замечен в советах союзных государей. Александр, отозвавший своего посланника из Шатийона, больше не мог сопротивляться переговорам с Наполеоном. Он восстановил полномочия своего посланника, и Конгресс собрался заново. Но Наполеон уже видел себя в воображении изгоняющим захватчиков за Рейн и послал Коленкуру приказ настаивать на условиях, предложенных во Франкфурте, по которым Франции оставались как Рейнские провинции, так и Бельгия. В то же время он попытался начать частные переговоры со своим тестем, императором Австрии, и отстранить его от дела союзников. Попытка провалилась; требования, выдвинутые Коленкуром, превзошли даже миролюбивые наклонности австрийского министра; и 1 марта союзники подписали в Шомоне новый мирный договор, обязываясь не заключать с Наполеоном мира, который не восстановил бы границы 1791 года, и поддерживать оборонительный союз против Франции в течение двадцати лет. ^[189] Коленкур еще две недели оставался в Шатийоне, получив от Наполеона указание продлить переговоры, но запретив принимать единственные условия, на которые были готовы пойти союзники.

[Наполеон следует за Блюхером на север. Битва при Лаоне, 10 марта.]

Блюхер в это время направлялся на север, чтобы присоединиться к так называемой армии Бернадотта на Эне. После битвы при Лейпциге сам Бернадотт не принимал участия в передвижениях армии, номинально находившейся под его командованием. Нидерланды были завоеваны Бюловым и русским генералом Винцингероде, и теперь эти офицеры продвигались

на юг, чтобы вместе с Блюхером принять участие в движении против Парижа. Наполеон рассчитал, что крепость Суассон преградит путь северной армии и позволит ему атаковать и сокрушить Блюхера до того, как он сможет соединиться со своими коллегами. Он отправился в погоню за пруссаками, все еще надеясь на вторую серию побед, подобных тем, что он одержал на Марне. Но трусость командующего Суассоном лишила его шансов на успех. Крепость сдалась русским по первому зову. Блюхер встретил передовой отряд северной армии у Эны 4 марта и продолжил свой марш к Лаону с целью соединения с ее дивизиями, находившимися в тылу. Французы последовали за ним, но единственным преимуществом, полученным Наполеоном, была победа над отдельным русским корпусом при Краонне. Мармон был разбит с большими потерями в результате вылазки Блюхера с его сильной позиции на холме Лан (10 марта); и сам император, не в силах восстановить успех сражения, отступил к Суассону, а оттуда двинулся на юг, чтобы снова напасть на линию фронта южной армии.

[Наполеон выходит в тыл союзникам, 23 марта.]

[Союзники наступают на Париж.]

Шварценберг снова начал продвигаться вперед после известия о победе Блюхера при Лаоне. Его войска были так широко рассеяны, что Наполеон мог бы уже сейчас разрезать линию фронта пополам, если бы знал истинное положение Шварценберга. Но он сделал обходной маневр, чтобы встретить корпус Удино, и дал австрийцам время сосредоточиться у Арси-сюр-Об. Здесь 20 марта Наполеон оказался лицом к лицу с армией численностью в 100 000 человек. Его собственная армия составляла менее трети от этой численности, и все же с неизменным презрением к врагу он рискнул вступить в еще одно сражение. В первый день боев не было достигнуто никакого решения, и Наполеон оставался на позиции, ожидая, что Шварценберг отступит ночью. Но на следующее утро австрийцы все еще противостояли ему. Шварценберг, наконец, осознал свое собственное реальное превосходство и решил больше не помогать врагу жалкой системой отступления. Единственный акт твердости со стороны австрийского командующего показал Наполеону, что война сражений подошла к концу. Он оставил всякую надежду оказать сопротивление захватчикам спереди: ему оставалось только броситься им в тыл и вместе с пограничными гарнизонами и лионской армией атаковать их коммуникации с Германией. План был вполне разумным, если бы Париж мог либо выдержать осаду, либо попасть в руки врага, не прекращая войну. Но союзники справедливо рассудили, что власть Наполеона исчезнет с того момента, как Париж покорится. Они получили информацию о походе императора на восток и отказались следовать за ним. Армии Шварценберга и Блюхера приблизились друг к другу и вместе двинулись на Париж. Именно в Витри 27 марта Наполеон впервые обнаружил, что войска, которые, казалось, следовали за его движением на восток, были всего лишь кавалерийским отрядом и что союзные армии полным ходом продвигались к столице. Он немедленно созвал все дивизии, находившиеся в пределах досягаемости, и форсированным маршем двинулся к Сене, надеясь ударить в тыл Шварценбергу прежде, чем авангард союзников достигнет Парижа. Но с каждым часом марша становилось все более очевидным, что враг далеко продвинулся вперед. В течение двух дней Наполеон гнал своих людей вперед; наконец, не выдержав невыносимого ожидания, он оставил армию утром 30-го и на предельной скорости двинулся вперед по дороге через Фонтенбло к столице. На закате дня он встретил сообщения об уже начавшемся сражении. Добравшись в десять часов вечера до деревни Фроманто, расположенной в пятнадцати милях от Парижа, он услышал, что Париж

действительно капитулировал.

[Нападение на Париж, 30 марта.]

[Капитуляция Мармона.]

[Союзники входят в Париж, 31 марта.]

Союзники продвигались вперед, не обращая никакого внимания на передвижения Наполеона, и ранним утром 30-го они начали атаку на северо-восточные высоты Парижа. Мармон, располагавший остатками разбитой армии и несколькими слабыми подразделениями Национальной гвардии, мог противопоставить всего 35 000 человек втрое большему числу врагов. Правительство не предприняло никаких шагов, чтобы вооружить народ или продолжить сопротивление после того, как внешняя линия обороны была потеряна, хотя возведение баррикад сдерживало бы союзников до прибытия Наполеона со своей армией. Пока Мармон сражался во внешних пригородах, массы народа стягивались на Монмартр, ожидая появления императора и зрелища великой и решающей битвы. Но стрельба на окраинах прекратилась вскоре после полудня: было объявлено, что Мармон капитулировал. Сообщение повергло людей в ступор и ярость. Они тщетно требовали оружия с раннего утра; и даже после капитуляции представители рабочего класса распространяли неподписанные бумаги, призывавшие к дальнейшему сопротивлению. ^[190] Но народ больше не знал, как следовать за своими собственными лидерами. Наполеон научил Францию думать только о себе: его отсутствие сделало массы, которые все еще горели желанием сражаться за Францию, беспомощными в присутствии завоевателя: среди богатых классов было достаточно врагов правительства, чтобы превратить въезд иностранца в Париж в сцену настоящей радости и ликования. Кастовый дух и злобная радость от гибели Наполеона до такой степени пересилили любовь к Франции среди партии старой знати, что при вступлении союзных войск в Париж 31 марта сотни женщин-аристократок целовали руки или даже сапоги и лошадей командиров обоза и приветствовали казаков, которые вели по улицам группу французских пленных, окровавленных и измученных.

[Свергнутый Наполеон, 2 апреля.]

Правление Наполеона действительно подходило к концу. После разрыва Шатийонского конгресса 18 марта союзники решили сделать его свержение с престола условием мира. По мере приближения конца стало ясно, что возможен только глава Дома Бурбонов, хотя Австрия, возможно, согласилась бы на установление регентства при императрице Марии Луизе, и царь некоторое время вынашивал проект поставить Бернадотта во главе французского государства. Сразу после вступления в Париж было решено поднять изгнание Людовика XVIII. на трон. Политики империи, последовавшие за Талейраном, не были лишены желания объединиться с завоевателями и с небольшой партией дворян-роялистов, чтобы восстановить династию Бурбонов. Александр, который был настоящим хозяином положения, справедливо считал Талейрана человеком, наиболее способным привлечь общественное мнение Франции на сторону нового порядка. Он поселился в доме Талейрана и нанял этого искусного государственного деятеля в качестве защитника как политики союзников, так и принципов конституционной свободы, которым в то время искренне симпатизировал сам Александр. Было назначено временное правительство под руководством Талейрана. 2 апреля Сенат провозгласил низложение Наполеона. 6-го числа он опубликовал Конституцию и отозвал Дом

Бурбонов.

Louis XVIII. был все еще в Англии: его брат, граф Артуа, присоединился к захватчикам во Франции и принял титул наместника королевства; но влияние Александра было необходимо, чтобы заставить этого упрямого и необучаемого человека занять хоть какое-то подобие конституционного положения. Временное правительство предложило графу взять на себя управление страной до прибытия короля в силу указа Сената. Д'Артуа отказался признать компетенцию Сената и провозгласил себя наместником Королевства в качестве представителя своего брата. Сенат отказался признать божественное право графа, и когда д'Артуа въехал в Париж, между ними произошел обмен несколькими ничего не значащими словами; и Временное правительство, игнорируя требования королевского наместника, продолжило в полной мере осуществлять свои полномочия. В конце концов царь настоял на том, чтобы д'Артуа уступил. Декрет Сената был, соответственно, принят им в Тюильри 14 апреля; Временное правительство ушло в отставку, и был сформирован Государственный совет, в котором Талейран все еще продолжал осуществлять реальные правительственные полномочия. В обращении, сделанном д'Артуа по этому поводу, он заявил, что, хотя король не уполномочил его принять Конституцию, принятую Сенатом 6 апреля, у него нет сомнений в том, что король примет принципы, воплощенные в этой Конституции, а именно принципы представительного правления, свободы прессы и ответственности министров. Через неделю после заявления д'Артуа Людовик XVIII. прибыл во Францию.

[Louis XVIII. и царь.]

[Людовик XVIII въезжает в Париж 3 мая.]

Людовик XVIII, хотя и был способен на практике приспособиться к конституционной системе, никогда не позволял себе подвергать сомнению божественное право Дома Бурбонов на суверенную власть. Изгнанники, окружавшие его, не сразу поняли потребности времени. Они рекомендовали королю отклонить Конституцию. Людовик дал двусмысленный ответ, когда Законодательный орган встретился с ним в Компьене и пригласил выразить королевскую политику. Царю снова пришлось вмешаться и объяснить королю, что Франция больше не может быть абсолютной монархией. Людовик, однако, был лучшим аргументом, чем граф Артуа. Он рассуждал как человек, которого правители Европы сочли своим долгом восстановить без какой-либо просьбы с его стороны. Если бы сенат Наполеона, настаивал он, имел право дать Франции Конституцию, его самого никогда не следовало бы выселять из его мирного английского дома. Он был готов даровать своему народу свободную Конституцию в осуществление своих собственных королевских прав, но он не мог признать Конституцию, созданную слугами узурпатора. Александр был лишь наполовину удовлетворен либеральными заявлениями Людовика: он, однако, не настаивал на принятии Конституции, разработанной Сенатом, но сообщил ему, что до тех пор, пока обещания, данные д'Артуа, не будут подтверждены королевской прокламацией, въезд в Париж запрещен. В конце концов король подписал прокламацию, написанную Талейраном, и 3 мая торжественно въехал в столицу.

[Ощущение Парижа.]

Обещания самого Людовика, неизменная вежливость и дружелюбие, проявленные союзниками по отношению к Парижу после их победы месяцем ранее, почти погасили народное чувство враждебности по отношению к династии, которая своим возрождением была обязана разгрому

французских армий. Сами иностранные лидеры начали вызывать определенное восхищение и интерес. Александра считали, и не без оснований, великодушным врагом; простота короля Пруссии, его несчастья, его хорошо запомнившаяся доблесть в битве при Йене снискали ему всеобщую симпатию. Со стороны вернувшихся бурбонов требовалось совсем немного, чтобы превратить интерес и любопытство Парижа в привязанность. Кортёж, въехавший в столицу вместе с Людовиком XVIII, привез с собой в необычной пестроте устаревших и иностранных костюмов носителей многих забытых имен. Вид самого короля, когда он проезжал по Парижу, понравился народу. Бездетный отец убитого герцога Энгиенского привлек сочувственное внимание тех немногих, кто знал в лицо человека, двадцать пять лет прошедшего в изгнании. Но среди членов возвращающихся семей был один, встретить которого стремилось каждое сердце в Париже. Дочь Людовика XVI, которая разделила заточение со своими родителями и братом, единственная выжившая из своего глубоко обиженного дома, теперь вернулась герцогиней Ангулемской. Исключительно печальная история ее девичества и ее последующего брака со своим двоюродным братом, сыном графа Артуа, сделали ее естественным объектом более теплого сочувствия, чем могло быть у любого из братьев Людовика XVI. Но невзгоды слишком глубоко отпечатали свои черты на чертах лица и в характере этой безрадостной женщины, чтобы на мгновение вернулся свет. Ее голос и вид отталкивали ту привязанность, которую тысячи людей стремились ей предложить. Еще до окончания первых дней восстановленной монархии считалось, что бурбоны не вернули к жизни ни одного человека, способного завоевать любовь французского народа.

[Наполеон отправлен на Эльбу.]

[Наполеон.]

Возрождению древнего рода было позволено предстать перед миром как дело рук самой Франции; судьбу Наполеона могли решить только его победители. После падения Парижа Наполеон остался в Фонтенбло в ожидании событий. Солдаты и младшие офицеры его армии все еще были готовы сражаться за него; маршалы, однако, были крайне утомлены и решили, что Франция больше не должна страдать из-за одного человека. Они сообщили Наполеону, что он должен отречься от престола. Уступая их давлению, Наполеон 3 апреля составил акт об отречении от престола в пользу своего малолетнего сына и отправил его через Коленкура союзным государям в Париж. Документ был отвергнут союзниками; Коленкур вернулся с известием, что Наполеон должен отречься от трона за себя и всю свою семью. На мгновение император подумал о возобновлении войны, но маршалы отказались от их помощи более решительно, чем прежде, и 6 апреля Наполеон подписал безоговорочную капитуляцию трона за себя и своих наследников. Союзники разрешили ему сохранить ничего не значащий титул императора и перевезти с собой телохранителей и значительные доходы на остров Эльба, который отныне должен был стать его княжеством и тюрьмой. Выбор этого острова, находящегося в пределах легкой досягаемости от Франции и Италии и слишком обширного, чтобы его можно было охранять без большого флота, был обусловлен необдуманной щедростью Александра по отношению к Наполеону и обещанием, данным Мармону, уважать свободу императора. Александр не остался без предупреждения о возможных последствиях своей снисходительности. Сэр Чарльз Стюарт, военный представитель Великобритании в штаб-квартире союзников, призвал как свое, так и союзные правительства заменить Эльбу каким-нибудь более отдаленным островом, если они хотят спасти Европу от возобновления наполеоновской войны, а Францию - от страданий второго вторжения. Союзники, хотя и не без

опасений, придерживались своего первоначального плана и оставили его на время, чтобы оправдаться предсказания их советника.

[Парижский мирный договор, 30 мая.]

Было хорошо известно, каковы будут условия мира теперь, когда Наполеон был свергнут с трона. Союзники не собирались лишать Францию какой-либо территории, которой она владела до 1792 года: заключение окончательного договора было отложено лишь до принятия Конституции, которую Александр требовал от короля Людовика XVIII. для предоставления был составлен королевской комиссией и одобрен королем. 27 мая проект этой Конституции, известный как Хартия, был представлен королю и одобрен им; 30 мая Парижский мирный договор был подписан представителями Франции и всех великих держав. ^[191] Франция, отказавшись от всех своих завоеваний, приняла границу по состоянию на 1 января 1792 года с небольшим добавлением территории со стороны Савойи и в пунктах на ее северной и восточной границе. Оно не выплачивало никакой компенсации. Было разрешено сохранить все произведения искусства, накопленные за двадцать лет грабежей, за исключением трофеев, вынесенных из Бранденбургских ворот Берлина, и трофеев Венской библиотеки. Она получила обратно почти все колонии, которые были отняты у нее Великобританией. Согласно положениям Договора, распоряжавшегося территорией, образовавшей Империю, и зависимостями Наполеона, Голландия была возвращена Оранскому дому с условием значительного увеличения ее территории; Швейцария была объявлена независимой; было оговорено, что Италия, за исключением австрийских провинций, должна состоять из независимых государств, и что Германия должна оставаться распределенной между множеством суверенных государств, независимых, но объединенных федеральными узами. Судходство по Рейну было открыто. По специальному соглашению с Великобританией французское правительство обязалось объединить свои усилия с усилиями Англии в обеспечении пресечения работорговли всеми державами и обязалось ликвидировать работорговлю среди французских подданных самое позднее в течение пяти лет. Для урегулирования всех европейских вопросов, не включенных в Парижский мирный договор, было решено, что Конгресс Держав должен в течение двух месяцев собраться в Вене. Таковы были публичные статьи Парижского мирного договора. Секретные пункты предусматривали, что союзники - то есть Союзники независимо от Франции - должны контролировать распределение территорий, которое будет произведено на Конгрессе; что Австрия должна получить Венецию и всю Северную Италию вплоть до Тичино; что Генуя должна быть передана королю Сардинии; и что Южные Нидерланды должны быть объединены в единое королевство с Голландией и, таким образом, сформировать прочный бастион против Франции на севере. Не было упомянуто о Неаполе, чей государь Мюрат отказался от Наполеона и вступил в союз с Австрией, но при этом добросовестно не выполнил обязательств, которые он взял на себя против своего бывшего хозяина. Номинальный друг союзников, он знал, что вел двойную игру и что его суверенитету, хотя он еще и не был поставлен под угрозу, было небезопасно. ^[192]

[Территориальное устройство 1814 г.]

Многое еще предстояло решить Венскому конгрессу, но в Парижском мирном договоре по крайней мере две великие державы увидели достижение целей, к которым они так упорно стремились на протяжении всех первых лет войны и которые в более позднее время казались почти невозможными. Англия увидела, как Нидерланды снова превратились в барьер против

Франции, а Антверпен удерживался дружескими руками. Австрия сполна пожала плоды своей хладнокровной и хорошо сбалансированной дипломатии во время кризиса 1813 года, аннексировав итальянскую территорию, что сделало ее настоящей хозяйкой полуострова. Каслри и все остальные английские политики чувствовали, что Европа оказала себе мало чести, вернув Венецию Габсбургам; но это было условием, выдвинутое Меттернихом в Праге, прежде чем он согласился бросить меч Австрии на дрожащие весы; ^[193] по сравнению с божественным правом герцога Моденского или принца Гессен-Кассельского. ^[194] Самой Франции, хотя и лишенной владычества, завоеванного двадцатилетней войной, было разрешено сохранить в интересах восстановленного королевского рода всю свою древнюю территорию и награбленное из всех галерей и музеев Западной Европы. Не было бы ничего противоестественного, если бы завоеватели 1814 года поступили с землей Франции так, как Франция поступала с другими землями; было бы актом чистой справедливости вернуть ее законным владельцам награбленное, доставленное в Париж, и вернуть из французской казны часть огромных сумм, которые Наполеон вымогал у покоренных государств. Но дворы были слишком довольны своей победой, чтобы строго отчитываться по второстепенным вопросам, а благоразумное отношение союзников к перспективам Дома Бурбонов спасло Францию от того, что она причинила другим.

[Все державы, кроме Франции, получили территорию в результате войны 1792-1814 гг.]

Политика, которая теперь восстановила Франции границы 1792 года, была воспринята во Франции и во всех других странах с совершенно иным чувством. Европа смотрела с некоторым удивлением на свое собственное великодушие; Франция забыла о несравненных провокациях, которые она устроила человечеству, и помнила только, что Бельгия и Рейнские провинции почти двадцать лет были частью Республики и Империи. Эти ранние завоевания Республики, которые никто не пытался отнять у Франции с 1795 года, несомненно, были эквивалентом того, за что во времена Директории Австрии было разрешено расширяться в Италии, а Пруссии - в Германии. По мнению людей, искренне осуждавших далекие завоевания Наполеона, территория между Францией и Рейном была не более чем тем, чего Франция могла законно требовать в качестве противовеса обширным присоединениям к той или иной Континентальной державе с территории Польши, Венеции и ряда угнетенных государств в Германии. В Польше, за исключением округов, отнятых у нее до 1792 года, проживало население вдвое большее, чем в Бельгии и Рейнских провинциях вместе взятых: Венеция имела в своем распоряжении, помимо господствующей провинции на материковой части Италии, Восточное побережье Адриатического моря вплоть до Рагузы. Если бы было правдой, что пропорциональное усиление власти составляло единственный надежный принцип европейской политики, Франция нанесла бы серьезный ущерб, вернув себе границы 1791 года, когда каждому другому государству на Континенте было разрешено сохранить территорию или эквивалент территории, которую оно приобрело в результате великих перемен, произошедших между 1791 и 1814 годами. Но на самом деле за последние сто пятьдесят лет не было ни одного случая, когда Франция под руководством энергичного правительства не обладала бы силой, угрожающей всем ее соседям. Франция, сведенная к своим древним границам, все еще была равной и гораздо больше, чем равной любой из континентальных держав, со всем, что они приобрели во время Войны за независимость. Она оставалась первой из европейских наций, хотя уже не была, как в восемнадцатом веке, единственной великой нацией западного континента. Ее усилия после создания всемирной империи пробудили к жизни другие нации. Если бы французские завоевания прекратились до того, как Наполеон захватил власть, Франция сохранила бы свою

границу по Рейну и долгое время оказывала бы неограниченное влияние как на Германию, так и на Италию благодаря несравненно более справедливой и яркой общественной жизни, которую Революция в сочетании со всем, что Франция унаследовала от прошлого, позволила ей продемонстрировать этим странам. Наполеон, пытаясь навязать свое правление всей Европе, создал в Германии державу, военное будущее которой должно было быть не менее прочным, чем у самой Франции, и оставил Европе, по согласию своих врагов, более надежную защиту от французского нападения, чем любая из когда-либо созданных усилиями государственных деятелей.

[Постоянное влияние на Европу периода 1792-1814 гг.]

[Национальное чувство, возбужденное в Германии и Италии.]

Союз старых монархий в конце концов оказался сильнее гения и честолюбия одного человека. Но если на службе у Наполеона Франция истощила свои богатства, потопила свой флот и пожертвовала миллионом жизней только для того, чтобы потерять все свои прежние завоевания и вернуться к границам, которые она переросла до того, как Наполеон вступил в свое первое командование, то это было не так с работой, которую, за или против себя, Франция совершила в Европе во время движений последних двадцати лет. В течение завершающейся ныне эпохи весь Континент вплоть до границ Австрии и России приобрел две плодотворные идеи национальности и политической свободы. Теперь в Европе было две нации там, где раньше были лишь совокупности искусственных государств. Германия и Италия больше не были просто географическими выражениями: в обеих странах, хотя и в весьма неодинаковой степени, вновь пробудившееся чувство национальности принесло с собой притязания на единство и независимость. В Германии Пруссия подала великий пример и впоследствии должна была пожинать плоды; в Италии не было государства и государственного деятеля, которые взяли бы на себя инициативу либо в свержении правления Наполеона, либо в принуждении его, в качестве цены за поддержку, дать своему итальянскому королевству действительно национальное правительство. Неспособное действовать самостоятельно, население всей Италии, за исключением Неаполя, было разделено между Австрией и древними династиями; но старые времена пассивного подчинения иностранцам прошли навсегда, и время должно было показать, были ли это мечтатели, мечтавшие об объединенной Италии, или те, кто думал, что государственная мудрость Меттерниха навсегда решила судьбу Венеции и Милана.

[Стремление к политической свободе.]

Второе наследие революционной эпохи, идея конституционной свободы, которой в 1789 году так же не хватало в Испании, где национальный дух был самым сильным, как и в тех немецких государствах, где он был самым слабым, была возбуждена в Италии событиями 1796 и 1798 годов, в Испании исчезновением короля Бурбонов и самостоятельной борьбой нации против захватчиков; в Пруссии она была введена самим правительством, когда Штайн был во главе государства. "Невозможно, - писал лорд Каслри весной 1814 года, - не осознавать, что в Европе грядут великие моральные перемены и что принципы свободы действуют в полную силу". ^[195] На самом деле в Европе едва ли нашелся бы суд, который сейчас не заявлял бы о своем намерении разработать Конституцию. Профессии могли быть легкими; желание и способность к самоуправлению все еще могли быть ограничены более узким классом, чем предполагали "друзья свободы"; но семя было посеяно, и началось движение, которому предстояло набирать силу в течение следующих тридцати лет европейской истории, в то время как одна революция

за другой доказывали, что правительства больше не могут безопасно пренебрегать правами своих подданных.

[Социальные изменения.]

Наконец, на всей территории, которая образовывала империю и зависимости Наполеона, а также в Пруссии, были внесены правовые изменения в права и отношения различных классов общества, настолько важные, что почти создали новый тип социальной жизни. В самой империи Кодекс Наполеона, дарующий подданным Франции преимущества, которые французы уже завоевали для себя, заменил общество, основанное на классовых привилегиях, на феодальной службе и на деспотизме обычаев, обществом, основанным на равенстве перед законом, на свободе заключения договоров и на неограниченном владении землей, независимо от того, владел ли владелец акром или лигой. Принципы Французского кодекса, если не сам Кодекс, были внедрены в итальянском королевстве Наполеона, в Неаполе и почти во всех немецких владениях Франции. В Пруссии реформы Штейна и Харденберга были направлены, хотя и менее смело, к той же цели; и когда после 1814 года Венский конгресс присоединил Рейнские провинции к Пруссии, правительство было достаточно мудрым и либеральным, чтобы оставить эти округа пользоваться законами, которые дала им Франция, и не рисковать сравнивать даже лучшее прусское законодательство с Кодексом Наполеона. На других территориях, ныне отделенных от Франции и возвращенных немецким или итальянским князьям, предпринимались попытки уничтожить новый порядок и вновь ввести тяготы и неразбериху старого режима. Но эти реакции, даже если им какое-то время не встречали сопротивления, слишком сильно противоречили духу эпохи, чтобы добиться чего-то большего, чем временный и ненадежный успех. Люди начали узнавать добро и зло: примеры свободного общественного устройства были слишком близки, чтобы какая-либо часть западного континента могла на сколь-нибудь длительный период вернуться к состоянию восемнадцатого века.

[Ограничения.]

Революционная эпоха действительно совершила свою работу по политическим и социальным преобразованиям в определенных пределах. Ни Англия, ни Австрия не получили ни малейшего импульса к прогрессу. Англия, напротив, приостановила почти все внутренние улучшения в ходе войны; внутренняя политика австрийского двора, столь энергичная в правление, непосредственно предшествовавшее революции, стала на следующие двадцать лет, за исключением тех случаев, когда это была политика репрессий, политикой чистой пустоты и бездействия. Но во всех других государствах Западной Европы период, завершившийся падением Наполеона, оставил после себя глубокие и прочные следы. Подобно другим великим эпохам перемен, он носил свой особый характер. Это не было, подобно эпохе Возрождения и Реформации, временем, когда новые миры веры и знаний трансформировали весь размах и концепцию человеческой жизни; это не было, подобно нашему времени, временем, когда научные открытия и расширяющиеся средства коммуникации незаметно меняли физические условия существования; это было время изменений, непосредственно политических по своей природе, и непосредственно осуществлявшихся политическими органами законодательства и войны. В исторической перспективе эпоха Наполеона займет свое истинное место среди других и, возможно, более великих эпох. Его элементы простого насилия и беспорядка будут занимать меньше места в глазах человечества; его постоянные творения - больше. Как эпоха чисто

политической энергии, сосредоточившая работу поколений в пределах двадцати пяти лет, она, пожалуй, едва ли найдет параллель.

ГЛАВА XII.

Реставрация 1814 года-Норвегия-Неаполь-Вестфалия-Испания-Испанская конституция свергнута: Победа духовенства-Реставрация во Франции-Хартия-Посягательства дворян и духовенства-Растущая враждебность к бурбонам-Венский конгресс-Талейран и Четыре державы-Польский вопрос-Саксонский вопрос-Теория легитимности-Тайный союз против России и Пруссии-Компромисс-Рейнские провинции-Наполеон покидает Эльбу и высаживается во Франции-Его декларации-Наполеон в Гренобле, в Лионе, в Париже-Венский конгресс объединяет Европа против Франции-Действия Мюрата в Италии-Дополнительный акт-Майское поле-Наполеон переходит в наступление-Битвы при Линьи, Катр-Бра, Ватерлоо-События в Париже-Наполеон отправляется на остров Святой Елены-Веллингтон и Фуше-Аргументы по поводу предлагаемой уступки французской территории-Договор о Священном союзе-Второй Парижский мирный договор-Завершение работы Венского конгресса-Федерация Германии-Оценка Венского конгресса и договоров 1815 года-Работоторговля.

Из всех событий, которые в более поздней истории человечества внушали благоговейный трепет умам народов и, казалось, демонстрировали в своем непосредственном действии силу, превосходящую высшие человеческие усилия, нет ни одного, равного по величию и ужасу уничтожению армии Наполеона при вторжении в Россию. Было естественно, что поколение, видевшее свержение государства за государством и каждое новое нарушение права, за которым следовала очевидная консолидация сил завоевателя, увидело в катастрофе 1812 года руку Провидения, явно протянутую для освобождения Европы. ^[196] С тех пор прошло много лет. Опасности, которые тогда казались окутывающими будущее человечества, теперь кажутся отчасти иллюзорными; жертвы, которые тогда считались дешевыми, оказались дорогостоящими. История двух последних поколений показывает, что не все было потеряно для Европы в результате временного подчинения узурпатору и не все было приобретено в результате победы его противников. Сейчас нелегко подавить сомнение в том, что успех Наполеона в 1812 году наилучшим образом послужил бы постоянным интересам человечества. Его империя уже достигла размеров, которые делали неизбежным ее окончательный крах: от отсрочки или ускорения ее падения зависело меньше, чем от порядка вещей, готового занять ее

место. За победой Наполеона в 1812 году последовало бы создание Польского королевства на отнятых у России провинциях. Не из великодушия завоевателя, не из сочувствия с его стороны к падшему народу, а из необходимости его политического положения Польша должна была быть организована так, чтобы стать оплотом французского господства на Востоке. Крепостной был бы освобожден. Справедливая ненависть крестьян к дворянам, которая облегчила раздел 1772 года и оказалась фатальной для всех польских восстаний с того времени по настоящее время, была бы утолена аграрной реформой, проведенной с непревзойденной энергией и умом самого Наполеона, и возвестила о более светлых надеждах, чем когда-либо в истории Польши, осветивших темные стороны крестьянской жизни. Мотивы, которые в 1807 году побудили Наполеона сдержаться и довольствоваться полумерами освобождения Варшавского герцогства ^[197], не могли иметь места после 1812 года, когда Россия оставалась на его стороне, изувеченный, но неумолимый враг, всегда готовый обратить в свою пользу первые всплески народного недовольства за границей. Политическая независимость, наследие польской знати, могла бы быть утрачена, но благословение земельной независимости было бы даровано массе польского народа. В течение нескольких лет это восстановленное королевство, хотя и управляемое членом дома Бонапартов, вероятно, набрало бы достаточную внутреннюю силу, чтобы пережить падение империи Наполеона или его собственную кончину. Англия, Австрия и Турция не сочли бы невозможной задачу предотвратить ее поглощение Александром при повторном заселении Европы, если бы действительно за крахом России не последовало свержение Порты и создание Греческого, Болгарского и Румынского королевств под верховенством Франции. Рядом с тремя абсолютными монархами Центральной и Восточной Европы после падения Наполеона остался бы по крайней мере один народ, сохранивший традиции свободы; и на примере Польши, поднявшейся после глубокой, но не неизлечимой деградации своей социальной жизни, правители России могли бы набраться смелости освободить крепостных, не дожидаясь истечения еще полувека и начала второй разрушительной войны. Сравнивать возможную последовательность событий с реальным ходом истории, оценивать утраченное добро и приобретенное зло в результате событий, которые в то время, казалось, подтверждали моральное правление миром, - это не праздное упражнение воображения. Это может послужить предостережением к суждению: оно может уберечь нас от произвольной и причудливой интерпретации действительности. Поколение, ставшее свидетелем падения Наполеона, не единственное, кто увидел Провидение в исполнении своего собственного желания и в грозовой туче природы и истории слишком оптимистичным взглядом проследил священные черты человеческой справедливости и любви.

[Поселение 1814 года.]

[Норвегия.]

[Неаполь.]

Империя Наполеона действительно исчезла. Завоевания, одержанные первыми солдатами Республики, были потеряны для Франции вместе со всеми последними трофеями ее императора; но реставрация, произведенная в 1814 году, не была восстановлением политического порядка, существовавшего на Континенте до начала войны за независимость. Державы, свергнувшие Наполеона, были участниками, каждая в свое время, системы расширения, уничтожившей старые границы Европы. Россия получила Финляндию, Бессарабию и большую часть Польши; Австрия завоевала Венецию, Далмацию и Зальцбург;

Пруссия получила между 1792 и 1806 годами расширение территории в Польше и Северной Германии, которое более чем удвоило ее площадь. Теперь в политику дворов-победителей не входило восстановление правительств, которых они сами лишили собственности: урегулирование 1814 года, в той мере, в какой оно заслуживало названия восстановления, ограничивалось территорией, отнятой у Наполеона и принцев его дома. Здесь, хотя притязания Республик и церковных князей были забыты, титулы старых династий были свободно признаны. В самой Франции, на Испанском полуострове, в Голландии, Вестфалии, Пьемонте и Тоскане изгнанные дома восстановили свое господство. Союзникам ничего не стоило вернуть этим странам их наследственных правителей, и это позволило им в общих чертах охарактеризовать события 1814 года как восстановление законного правительства и национальной независимости. Но о притязаниях на легитимность, равно как и о национальных правах, на самом деле вспоминали только там, где не существовало причин игнорировать их; там, где они вступали в противоречие с политическими установками, им уделялось мало внимания. Норвегия, входившая в состав датской монархии, была обещана Александром Бернадоту, наследному принцу Швеции, в 1812 году в обмен на его поддержку против Наполеона, и сделка была ратифицирована союзниками. Как только Наполеон был свергнут, Бернадотт потребовал свою награду. Напрасно норвежцы, покинутые своим королем, объявили себя независимыми и протестовали против того, чтобы освободители Европы передали их, как стадо овец. Союзники придерживались своего договора; британский флот был направлен на помощь Бернадоту в подавлении его новых подданных, и после непродолжительного сопротивления норвежцы оказались вынуждены покориться своей судьбе (апрель-август 1814 г.).^[198] На другом конце Европы второй из генералов Наполеона все еще занимал свой трон среди восстановленных законных монархов. Мюрат, король Неаполя, вовремя покинул Наполеона, чтобы заключить мир и союз с Австрией. Великобритания, хотя и заключила военную конвенцию, не была участницей этого договора; и она заявила, что ее собственная последующая поддержка Мюрата будет зависеть от условия, что он с честью проявит себя в Италии против войск Наполеона. Это условие Мюрат не выполнил. Британское правительство, однако, лишь постепенно получало доказательства его предательства; и лорд Ливерпуль, премьер-министр, не был склонен создавать новые трудности в Вене, настаивая на притязаниях Фердинанда Сицилийского на его территории на материке.^[199] Талейран от имени восстановленных в Париже бурбонов намеревался бросить все свои силы на дипломатическую атаку на Мюрата до окончания Конгресса; но в настоящее время шансы Мюрата, казалось, превосходили шансы его соперника. Таким образом, Южная Италия оставалась в руках солдата удачи, который, в отличие от Бернадотта, был тайным другом Наполеона и готов был поддержать его в любой попытке вернуть себе трон.

[Реставрация в Вестфалии.]

Действия союзников по отношению к Бернадоту, добавленные к условиям Парижского мира, мало что оставляли для решения Венского конгресса, кроме судьбы Польши, Саксонии и Неаполя и формы политического союза, который должен быть установлен в Германии. Было решено, что Конгресс соберется в течение двух месяцев после подписания Парижского мирного договора; однако этого промежутка времени оказалось недостаточно, и наступила осень, прежде чем первые дипломаты прибыли в Вену и начали конференции, предшествовавшие официальному открытию Конгресса. Тем временем своеобразное зрелище представляли Европе дворы, реставрация которых была предметом столь многочисленных официальных благодарений. До короля Людовика XVIII. вернувшись в Париж, изгнанные

династии восстановили свои троны в Северной Германии и Испании. Процесс реакции начался в Ганновере и Гессене сразу после того, как в битве при Лейпциге было распущено Вестфальское королевство и Наполеон был изгнан за Рейн. Ганновер действительно не наслаждался физическим присутствием своего Суверена: его характер был олигархическим, и реакция здесь была скорее делом привилегированных классов, чем правительства. В Гессен вернулся принц, который был самым воплощением божественного права, принц, который стойко сражался против французских демагогов в 1792 году и над чьей упрямой, деспотической натурой бесследно прошли революции целого поколения и потеря его собственных владений после битвы при Йене. Курфюрсту было семьдесят лет, когда в конце 1813 года его верные подданные с триумфом протащили его карету по улицам Касселя. На следующий день после своего прибытия он отдал приказ, чтобы гессенские солдаты, отправленные в отпуск после битвы при Йене, явились, все до единого, в гарнизонный городок, где он стоял 1 ноября 1806 года. Несколько недель спустя все реформы последних семи лет были сметены вместе взятыми. Кодекс Наполеона перестал быть законом страны; старые деспотические кастовые различия с особыми судами для привилегированных слоев населения снова вступили в силу вопреки духу эпохи. Феодальное бремя крестьянства было восстановлено, покупатели государственных земель были вынуждены отказаться от земли, не получив обратно ничего из своих покупных денег. Десятичная чеканка была изгнана из страны. Старая система налогообложения с ее несправедливыми льготами была возобновлена. Все продвижения по службе, все присвоения званий, произведенные правительством Джерома, были аннулированы: каждый офицер, каждый государственный служащий вернулся на должность, которую он занимал 1 ноября 1806 года. Сами косички и пудра простого солдата при старом режиме были возрождены. [200]

[Реставрация в Испании.]

С гессенцами и их соседями на северо-Западе Германии издревле их правители обращались без особых церемоний; и если они приветствовали возвращение семьи, которая привыкла нанимать их за большие деньги сражаться против индусов или на стороне североамериканских индейцев, это только доказывало, что они предпочитали своих местных надсмотрщиков Жерому Бонапарту и его французской шайке гуляк и ростовщиков. Следующая сцена европейской реакции была гораздо более печальной. Не успел Фердинанд Испанский пересечь Пиренеи весной 1814 года, как, убежденный в своем могуществе народным энтузиазмом, сопровождавшим его продвижение по Северной Испании, он решил свергнуть Конституцию 1812 года и восстановить абсолютную монархию, существовавшую до войны. Придворные и духовные лица, собравшиеся вокруг короля, развеяли все сомнения, которые он мог испытывать, поднимая руку против соглашения, принятого нацией. Они представили ему, что кортесы 1812 года, которые, каковы бы ни были их недостатки, были признаны законным правительством Испании как Англией, так и Россией, состояли из горстки отчаявшихся людей, собранных на улицах Кадиса, которые взяли на себя смелость оскорбить корону, ограбить Церковь и поставить под угрозу существование католической веры. По прибытии короля в Валенсию соборное духовенство выразило пожелания своего ордена в обращении со словами почтения, которое они выразили Фердинанду. "Мы умоляем ваше величество, - заключил их представитель, - принять самые энергичные меры для восстановления инквизиции и церковной системы, существовавшей в Испании до отъезда вашего Величества". "Таковы, - ответил король, - мои собственные желания, и я не успокоюсь, пока они не будут исполнены". [201]

[Конституция Испании свергнута.]

Вскоре была объявлена победа духовенства. 11 мая король издал манифест в Валенсии, в котором провозгласил Конституцию 1812 года и все указы кортесов недействительными, а также осудил наказание за государственную измену в отношении каждого, кто должен защищать Конституцию действием, словом или письменно. Это утверждение прав короны сопровождалось множеством обещаний, данных только для того, чтобы быть нарушенными. Король обязался созвать новые кортесы, как только будет восстановлен общественный порядок, передать расходы под контроль нации и обеспечить неприкосновенность личности и имущества. Важным комментарием к заявлениям Фердинанда о либерализме стало то, что в тот самый день, когда была опубликована прокламация, цензура прессы была восстановлена. Но король не просчитался в своей власти над испанским народом. Та же буря дикой, неразумной лояльности, которая последовала за повторным появлением Фердинанда в Испании, последовала за свержением Конституции. Большинство испанцев не знали самого значения политической свободы: они обожали короля, как дикарь обожает свой фетиш: их страсти были вызваны призывами духовенства, столь же грубыми и беспринципными, как те, что в 1798 году возбудили неаполитанских лаццарони против республиканцев Южной Италии. Не успел Фердинанд подать пример, арестовав тридцать самых выдающихся либералов, как во всех частях страны вспыхнули беспорядки против магистратов-конституционалистов и граждан. Толпы, возглавляемые священниками, несущими знамя инквизиции, разрушали таблички, воздвигнутые в честь Конституции 1812 года, и сжигали либеральные труды в кострах на рыночных площадях. Тюрьмы были заполнены людьми, которые всего лишь незадолго до этого были объектами всеобщего обожания.

[Духовенство у власти.]

Какие бы клятвы верности ни были даны Конституции 1812 года, было ясно, что эта Конституция не имела реальной власти над нацией и что Фердинанд выполнил желание большинства испанцев, свергнув ее. Мудрый и энергичный государь, возможно, позволил бы себе использовать эту вспышку религиозного фанатизма с целью установления какого-нибудь лучшего порядка вместо опрометчивых мер 1812 года. Фердинанд, невежественный, лицемерный шут, имеющий представления о политической справедливости или великодушии не больше, чем у диких зверей, мог заменить павших Кортесов только правительством дворцовых фаворитов и духовников. Напрасно представители Великобритании убеждали короля выполнить свои конституционные обещания и освободить лиц, которые были несправедливо брошены в тюрьму. ^[202] Духовенство было хозяевами Испании и короля: их влияние ежедневно перевешивало даже влияние собственных министров Фердинанда, когда под давлением финансовой необходимости министры начали оказывать некоторое сопротивление непомерным требованиям духовенства. 23 мая король подписал указ о восстановлении всех монастырей по всей Испании и их прав на их землях. 24 июня духовенство было объявлено освобожденным от налогообложения. 21 июля Церковь одержала свой главный триумф, восстановив инквизицию. Тем временем армия осталась без жалованья, а в некоторых местах даже без продовольствия. Страна оказалась во власти банд партизан, которые после исчезновения врага превратились в обычных разбойников и охотились на своих соотечественников. Торговля прекратилась; сельское хозяйство было заброшено; бесчисленные деревни лежали в руинах; население было обезображено жестокой войной, с помощью которой в течение прошлых лет оно мстило захватчикам за собственные страдания.

Из всех стран Европы Испания была той, в которой события революционной эпохи, казалось, оставили эффект, наиболее приближающийся к явному злу.

[Реставрация во Франции.]

По сравнению с реакцией на Испанском полуострове реакция во Франции была трезвой и достойной. Louis XVIII. был, по крайней мере, ученым и светским человеком. В былые времена, среди товарищей, имена которых теперь почти забыты, он упивался Вольтером и баловался модным либерализмом того времени. В своем изгнании он с некоторым достоинством разыгрывал роль короля; считалось, что он даже научился некоторой политической мудрости за шесть лет пребывания в Англии. Если у него и не было характера, ^[203] у него был, по крайней мере, некоторый такт и некоторое чувство юмора; и если не глубокий философ, то, по крайней мере, законченный эпикурейец. Он ненавидел фанатизм своего брата, графа Артуа. Он был больше склонен подшучивать над эмигрантами, чем жертвовать чем-либо ради них; и весь склад его ума делал его всего лишь неискренним союзником духовенства, которое действительно вряд ли могло рассчитывать насладиться такой оргией во Франции, какую их братья устраивали в Испании. Король, однако, не смог проявить своего безразличия к эмигрантам, которые вернулись вместе с ним, и у него не хватило воображения отождествить себя как короля Франции с военной славой нации и демократической армией, которая их завоевала. Людовик придерживался высоких представлений о королевских прерогативах: само по себе это не помешало бы ему стать успешным правителем, если бы он был способен управлять в интересах нации в целом. Республиканцев во Франции оставалось немного; централизованные институты империи оставались в полной силе; и хотя последние месяцы правления Наполеона возбудили среди образованных классов сильный дух конституционной оппозиции, способный и патриотичный бурбон, принявший свое новое положение и взявший власть в свои руки на благо народа, а не класса, возможно, пользовался бы властью, ненамного уступающей той, которой обладала корона до 1789 года. Но Луи, хотя и был рационален, был неопытен и бездеятелен. Он был достаточно готов принять в свое министерство и сохранить на административных постах по всей стране людей, служивших при Наполеоне; но когда эмигранты и дворяне во главе с графом Артуа выдвинулись на передний план государственной службы и рассматривали реставрацию Бурбонов как победу своего собственного порядка, король оказал лишь слабое сопротивление и позволил самым узким классовым интересам дискредитировать монархию, лучшие традиции которой отождествляли ее не с аристократией, а с государством.

[Хартия.]

Конституция, обнародованная королем Людовиком XVIII. 4 июня 1814 года, и известная как Хартия, ^[204] была хорошо принята французской нацией. Хотя Конституция была гораздо менее либеральной, чем Конституция, принятая Людовиком XVI в 1791 году, она дала французам определенную степень представительного правления, которой они не были знакомы при Наполеоне. Он создал двух законодательных палат, верхняя палата, состоящая из сверстников, которые были выдвинуты корону, по собственному желанию, то ли по жизни-пэрства, ни наследственных достоинства; нижняя палата формируется путем общенациональных выборов, а путем выборов ограничено так высоко недвижимостью-квалификация ^[205], что не один человек в двести обладал голосованием. Корона сохранила за собой исключительное право предлагать законы. Несмотря на это серьезное ограничение компетенции двух палат, Нижняя палата

обладала в своем праве отказывать в уплате налогов, а также обсуждать и отклонять все предложенные ей меры реальной властью, какой не обладал ни один представительный орган во Франции со времен начала Консульства. Наполеоновская знать была поставлена в один ряд со старой знатью Франции, хотя ни та, ни другая не пользовались как дворяне ничем иным, кроме титульного отличия. ^[206] Покупателям земельной собственности, проданной государством с начала революции, гарантировалось сохранение их собственности. Принципы свободы вероисповедания, равенства перед законом и допустимости всех классов к государственной службе, которые пустили такие глубокие корни во времена Республики и Империи, были объявлены частью публичного права Франции; и наряду с этими глубоко почитаемыми правами была принята Хартия короля Людовика XVIII. помещен, хотя и в ограниченной форме, давно забытый принцип свободы печати.

[Посягательства знати.]

При такой Конституции у старой знати было мало возможностей присвоить себе какое-либо юридическое превосходство над массой французской нации. Однако, по мнению графа Артуа и его друзей, то, чего не хватало в законе, могло быть достигнуто с помощью администрации. Из всех институтов Франции самым насквозь национальным и самым насквозь демократическим была армия; соответственно, именно против армии дворянство направило свои первые усилия. Финансовые трудности привели к значительному сокращению необходимых сил. Четырнадцать тысяч офицеров и сержантов были соответственно уволены с половинным жалованьем; но как только эта мера экономии была осуществлена, множество эмигрантов, служивших против Республики в армии принца Конде или в Вандее, были награждены всеми степенями воинских званий. Военно-морские офицеры, покинувшие службу Франции и поступившие на службу к ее врагам, были восстановлены в звании, которое они имели в иностранных военно-морских силах. ^[207] Триколор, под которым проходили все битвы Франции от Жемаппа до Монмартра, был заменен белым флагом Дома Бурбонов, под которым ни один живой солдат не шел к победе. Генерал Дюпон, известный только по своей капитуляции при Байлене в 1808 году, был назначен военным министром. Императорская гвардия была снята со службы во Дворце, и возродился так называемый Военный дом старой монархии Бурбонов с привилегиями и знаками отличия, относящимися к периоду до 1775 года. Молодые дворяне, никогда не видевшие выстрела, толпились в этом привилегированном корпусе, где мушкетер и кавалерист имели звание и жалованье армейского лейтенанта. В то время как в каждой деревне Франции какой-нибудь потрепанный солдат Наполеона проклинал правительство, изгнавшее его от товарищей, Двор возродил в Париже все детали военного церемониала, которые можно было почерпнуть из старых календарей, из записей придворных портных и из воспоминаний пришедших в упадок кавалеров. Словно для того, чтобы убедить общественность в том, что за последние двадцать два года ничего не произошло, престарелый маркиз де Шансенет, который был губернатором Тюильри 10 августа 1792 года, а затем сбежал, спрятавшись среди тел мертвых, ^[208] занял свое место во главе дворцовых офицеров.

[Посягательства духовенства.]

[Растущая враждебность к бурбонам.]

Это были всего лишь мелкие победы эмигрантов и знати, но их было достаточно, чтобы сделать восстановленную монархию непопулярной. Столь же пагубным было их поведение в оскорблении семей наполеоновских генералов, в преследовании людей, принимавших участие

в великом движении 1789 года, и в запугивании крестьян-владельцев земли, которая была конфискована и продана государством. Не отстало духовенство и в дискредитации правительства Людовика XVIII. на службе своему собственному ордену. Может быть, напрасно думать о возвращении церковных земель или о введении инквизиции во Франции, но можно было бы, по крайней мере, придать суду вид святости, а приходского священника можно было бы сделать такой же грозной личностью в его собственной деревне, как мэра или агента министра полиции. Louis XVIII. сам был настроен скептически и потакал своим желаниям. Это, однако, не помешало ему опубликовать письмо епископам, в котором он отдавал свое королевство под особую защиту Девы Марии, и пронести изображение святой покровительницы по улицам Парижа в процессии, в которой маршал Сульта и другие придворные якобинцы-возрожденцы, несмотря на насмешки населения, несли свечи. Еще одним признаком подчинения короля духовенству стало издание эдикта, запрещавшего покупать и продавать по воскресеньям и праздникам.

Какими бы ни были преимущества свободно соблюдаемого дня отдыха, этот закон, который не был представлен Палатам, сошел за наглое вмешательство духовенства в национальные обычаи; и хотя он не причинил никаких неудобств богатым, он нанес существенные убытки многочисленному и словоохотливому классу мелких торговцев. Зло, причиненное французской нации священниками и эмигрантами, пришедшими к власти в 1814 году, действительно было сущей мелочью по сравнению с тем злом, которое она безропотно терпела от рук Наполеона. Но слава Империи, сила и гениальность ее абсолютного правления исчезли. На его месте появилась семья, которая была разлучена с Францией на протяжении двадцати лет, которая вернулась только для того, чтобы вступить в союз с непопулярной и внушающей страх кастой и доказать, что даже неожиданная теплота, с которой ее встретили дома, не смогла помешать ей через несколько месяцев стать совершенно чужой и неинтересной. Безразличие нации не угрожало бы монархии Бурбонов, если бы король победил армию. Но здесь Двор возбудил самую ожесточенную вражду. Соглашение, которое на мгновение показалось возможным даже республиканцам типа Карно, исчезло от одного прикосновения. ^[209] Слухи о военных заговорах усиливались с каждым месяцем. Веллингтон, ныне британский посол в Париже, предупредил свое правительство об изменившихся настроениях в столице, о собраниях распущенных офицеров, о возможных нападениях на Тюильри. "Правда в том, - писал он, - что король Франции без армии - это не король". Веллингтон увидел более непосредственную опасность: ^[210] он не смог увидеть глубину и универсальность движения, охватившего Францию, которое до конца 1814 года уничтожило власть монархии Бурбонов, за исключением тех провинций, где она всегда находила поддержку, и подготовило нацию в целом к возвращению правителя, который, казалось, пал навсегда.

[Венский конгресс, сентябрь 1814 г.]

Париж и Мадрид в течение нескольких месяцев после заключения мира разделяли внимание политического мира. В конце сентября центр европейских интересов переместился в Вену. Великий совет держав, который так долго откладывался, наконец был собран. Российский царь, короли Пруссии, Дании, Баварии и Вюртемберга и почти все выдающиеся государственные деятели Европы собрались вокруг императора Франциска и его министра Меттерниха, которым по общему согласию было предложено председательство в Конгрессе. Лорд Каслри представлял Англию, а Талейран - Францию. Разумовский и другие русские дипломаты действовали под непосредственным руководством своего хозяина, который в некоторых

случаях даже вступал в личную переписку с министрами других держав. Харденберг был в несколько более свободных отношениях с королем Фридрихом Вильгельмом; Штайн присутствовал, но не занимал официального места. Подчиненные посланники и атташе высших дворов, добавленные к сонму мелких князьков и представителей, прибывших из второстепенных держав или из сообществ, которые вообще прекратили какое-либо политическое существование, заполнили Вену. Чтобы ослабить антагонизмы, которые уже стали слишком очевидны, Меттерних решил развлекать своих посетителей самым великолепным образом; и хотя австрийское государство было банкротом, а в некоторых районах люди жестоко страдали, на эту цель в течение некоторого времени выделялась сумма в размере около 10 000 фунтов стерлингов в день. Великолепию и веселью Меттерниха подражали его гости; и хранители Европы наслаждались или терпели в течение нескольких месяцев подряд череду праздников, банкетов, танцев и экскурсий, которые благодаря усердию Талейрана снискали расположение своего нового повелителя чередовались с большой торжественностью Мессы в годовщину казни Людовика XVI. ^[211] Один инцидент проливает свет на выцветшую и безвкусную летопись исчезнувших театрализованных представлений и несуществующих галантностей. Бетховен был в Вене. Правительство предоставило в его распоряжение большие залы для собраний и позволило композитору безобидно пошутить, разослав приглашения от своего имени каждому из монархов и вельмож, находившихся в то время в Вене. Большое личное уважение, существенная доброта со стороны этих ярких созданий того времени сделали период Конгресса яркой страницей в той своенравной и измученной жизни, бедность которой обогатила человечество такими бессмертными дарами.

[Талейран и четыре Силы.]

Конгресс нуждался в отвлечении внимания, поскольку трудности, с которыми он столкнулся, были настолько велики, что даже после прибытия Монархов было признано необходимым отложить открытие очередных заседаний до ноября. Согласно секретным статьям Парижского мирного договора, союзники оставили за собой право распоряжаться всей свободной территорией, хотя их выводы должны были быть официально одобрены Конгрессом в целом. Министры Австрии, Англии, Пруссии и России, соответственно, решили с самого начала решать все территориальные вопросы между собой и только после того, как их решения будут полностью сформированы, передать их Франции и другим державам. ^[212] Талейран, услышав об этом соглашении, возразил, что Франция сама теперь является одним из союзников, и потребовал, чтобы все европейские государства немедленно собрались на открытый Конгресс. Четыре суда остались при своем решении и начали свои предварительные заседания без Талейрана. Но французский государственный деятель в парадоксальной форме действительно изложил истинную политическую ситуацию. Великие державы были так глубоко разделены в своих целях, что их старые узлы общих интересов, интересы союза против Франции, были теперь менее сильны, чем импульс, который заставлял их искать поддержки Франции друг против друга. Два человека прибыли на Конгресс с определенной целью: Александр решил заполучить герцогство Варшавское и превратить его, с частью русской Польши или без нее, в польское королевство, присоединенное к его собственной короне; Талейран решил, либо по вопросу о Польше, либо по вопросу о Саксонии, который возник из-за этого, разделить союзную Европу пополам и выставить Францию на стороне двух великих держав против двух других. Ход событий на какое-то время благоприятствовал замыслу министра: Талейран сам осуществил свой план с умением, которое, если бы не несвоевременное возвращение Наполеона с Эльбы, сделало бы

Францию без войны арбитром и ведущей державой Европы.

[Польский вопрос.]

После русских побед 1812 года император Александр не скрывал своего намерения восстановить Польское королевство и польское гражданство. ^[213] Как и многие другие проекты этого принца, в проекте сочеталось острое стремление к личному прославлению с настоящей щедростью чувств. Александр был совершенно искренен в своем желании не только снова сделать поляков народом, но и дать им парламент и свободную Конституцию. Королем Польши, однако, должен был стать не независимый принц, а сам Александр: хотя герцогство Варшавское, главный, если не единственный компонент предполагаемого нового королевства, принадлежало Австрии и Пруссии после последнего раздела Польши и простиралось в самое сердце прусской монархии. Александр настаивал на своем стремлении искупить преступление Екатерины, заключавшееся в расчленении Польши: искупление, однако, должно было быть совершено исключительно ценой тех, кому Екатерина позволила разделить добычу. Среди других правительств Министерство Великобритании с радостью бы создало Польское государство в действительно независимой форме; ^[214] в противном случае оно пожелало, чтобы герцогство Варшавское было разделено, как и раньше, между Австрией и Пруссией. Меттерних был озабочен тем, чтобы Краковская крепость, во всяком случае, не попала в руки царя. Штайн и Харденберг, и даже русские советники самого Александра, искренне выступали против проекта царя не только из-за притязаний Пруссии на Варшаву, но и из-за страха перед волнениями, которые польский парламент, вероятно, вызовет среди всех поляков за пределами нового государства. Король Фридрих Вильгельм, однако, не привык оспаривать желания своего союзника; и предложение царя Саксонии взамен Варшавы дало прусским министрам, которые были более серьезны, чем их повелитель, по крайней мере перспективу получить ценный эквивалент того, от чего они могли отказаться.

[Саксонский вопрос.]

По Калишскому мирному договору, заключенному, когда Пруссия объединила свое оружие с оружием России против Наполеона (27 февраля 1813 г.), царь обязался восстановить прусскую монархию в объеме, равном тому, которым она обладала в 1805 году. До открытия Конгресса было известно, что царь предлагал сделать это, передав королю Фридриху Вильгельму всю Саксонию, чей Суверен, в отличие от своих коллег по Рейнской конфедерации, поддерживал Наполеона вплоть до его окончательного свержения под Лейпцигом. С тех пор король Саксонии находился в плену, а его владения были оккупированы союзниками. Саксонский вопрос, таким образом, уже привлек внимание всех европейских правительств, и каждый из министров, находившихся сейчас в Вене, привез с собой более или менее отчетливую точку зрения на этот предмет. Каслри, которому было поручено способствовать союзу Пруссии и Австрии против угрожающих амбиций Александра, был готов, чтобы Пруссия аннексировала Саксонию, если взамен это поможет ему не допустить Россию в Варшаву: ^[215] Меттерниху не понравилась аннексия, но серьезных возражений не было, при условии, что в Западной Германии Пруссия будет держаться к северу от Майна: Талейран он один сделал защиту короля Саксонии центром своей политики и подчинил ей все другие цели. В его инструкциях, как и в инструкциях Каслри, приоритет отдавался польскому вопросу; ^[216] но Талейран увидел, что Саксония, а не Польша, была рычагом, с помощью которого он мог перебросить половину Европы на сторону Франции; и прежде чем четыре союзных двора пришли к какому-либо единому выводу, французский

государственный деятель преуспел в том, что поначалу казалось второстепенным, в прерываю их концерт.

[Действия Талейрана в Саксонии.]

Некоторое время министры Австрии, Пруссии и Англии, казалось, действовали согласованно; и в течение октября все трое пытались поколебать намерения Александра относительно Варшавы. ^[217] Талейран, однако, предвидел, что усилия Пруссии в этом направлении продлятся недолго, и написал Людовику XVIII. просил его разрешения сделать определенное предложение вооруженной помощи Австрии в случае необходимости. События приняли тот оборот, которого ожидал Талейран. В начале ноября король Пруссии полностью уступил Александру и приказал Харденбергу отозвать свое несогласие с русским проектом. Таким образом, Меттерних оказался отвергнутым Пруссией в польском вопросе; и в тот же момент последовал ответ короля Людовика XVIII. прибыл и позволил Талейрану заверить австрийского министра, что, если сопротивление России и Пруссии станет необходимым, он может рассчитывать на поддержку французской армии. Теперь Меттерних полностью изменил свою позицию по саксонскому вопросу и написал Харденбергу (10 декабря), заявив, что, поскольку Пруссия решила пожертвовать Варшавой, император Франциск категорически запретил аннексию более пятой части королевства Саксония. Каслри, испытывая отвращение к упрямству России и раболепию короля Фридриха Вильгельма, простил Талейрана за то, что тот не поддержал его раньше, и сердечно присоединился к этому новому плану противодействия Северным державам. Ведущий член поздней Рейнской конфедерации, король Баварии, с рвением бросился в борьбу против Пруссии и против единства Германии. По мере того, как Штайн и патриоты 1813 года настаивали на требованиях немецкого гражданства под руководством Пруссии против утраченных прав суда, который всегда был на стороне Наполеона, политики Рейнской конфедерации выступали против амбиций и якобинства Пруссии и призывали Европу защищать объединенные принципы наследственного права и национальной независимости в лице короля Саксонии.

[Теория легитимности.]

Цель Талейрана была достигнута. Он изолировал Россию и Пруссию и привлек на свою сторону не только Англию и Австрию, но и все мелкие германские государства. Не хватало только фразы или идеи, которые должны были бы освятить новую лигу в глазах Европы как лигу принципов и обязать союзников, в вопросах, все еще остающихся открытыми, поддерживать интересы Дома Бурбонов. Талейран уже подготовил свою теорию. В примечаниях к Каслри и Меттерниху, ^[218] он заявил, что вся драма последних двадцати лет была одной великой борьбой между революцией и установившимся правом, борьбой сначала между республиканизмом и монархией, затем между династиями узурпаторов и династиями законными. Свержение Наполеона было победой принципа законности; задача Англии и Австрии состояла теперь в том, чтобы распространить работу по восстановлению на всю Европу и защитить этот принцип от новой угрозы агрессии. В записке Каслри Талейран добавил практическое следствие. "Чтобы завершить революцию, принцип законности должен восторжествовать без исключения. Королевство Саксония должно быть сохранено; Неаполитанское королевство должно вернуться к своему законному королю".

[Союз против России и Пруссии, 3 января 1815 г.]

Как историческое резюме наполеоновских войн, доктрина Талейрана была безосновательной.

Никого, кроме Питта, не волновала судьба бурбонов; никто не колебался бы заключить мир с Наполеоном, если бы Наполеон принял условия мира. Однако манифест не был рассчитан на научную критику. В английском министерстве иностранных дел это было правильно охарактеризовано как забава; и Меттерних сам был слишком хорошо знаком с языком принципов, чтобы придавать ему большое значение в устах кого-либо другого. Талейран, однако, сохранял серьезное выражение лица. С неподражаемым хладнокровием старый министр Директории написал Людовику XVIII. сетуя на то, что Каслри, по-видимому, не очень заботился о принципе законности и фактически не совсем понимал его; ^[219] и он добавил, что его опасения, что эта моральная тусклость со стороны английского министра возникла из-за отношений его соотечественников с Типпу Сахибом. Но для Европы в целом - для английской либеральной партии, которая смотрела на саксонцев и пруссаков как на две разные нации, и для тори, которые забыли, что Наполеон сделал королем курфюрста Саксонии; для императора Австрии, который не желал, чтобы прусская граница приближалась к Праге; прежде всего, для мелких немецких дворов, которые боялись любого приближения к единству Германии, - лозунг Талейрана был лучшим, что можно было придумать. Его совет увенчался успехом. 3 января 1815 года, после опрометчивой угрозы войны, высказанной Харденбергом, секретный договор ^[220] был подписан представителями Франции, Англии и Австрии, которые обязались в случае необходимости выступить против России и Пруссии в защиту принципов Парижского мира. Был составлен план кампании, зафиксирована численность войск. Бавария уже вооружилась; Пьемонт, Ганновер и даже Оттоманская Порта были названы будущими членами альянса.

[Компромисс по польскому и саксонскому вопросам.]

[Пруссия получает Рейнские провинции.]

Возможно, было бы несправедливо по отношению к французскому министру полагать, что он действительно желал разжечь войну такого гигантского масштаба. Талейран, в отличие от Наполеона, не любил войну ради нее самой. Его целью было скорее поднять Францию с ее положения покоренной и изолированной державы; окружить ее союзниками; сделать Дом Бурбонов представителями политики, интересной для большей части Европы; и, уничтожив таким образом наихудшие результаты правления Наполеона, положиться на какие-то будущие осложнения для восстановления Бельгии и границы по Рейну. Немецкая политика Талейрана также не была принята исключительно как инструмент мимолетной интриги. Похоже, у него было истинное представление о способности Пруссии превратить Германию в великую военную державу; и политика союза с Австрией и защиты второстепенных государств, которую он проводил в 1814 году, была той, которую он отстаивал на протяжении всей своей карьеры. Заключение секретного договора от 3 января ознаменовало определенный успех его планов. Франция была немедленно принята в совет, до сих пор известный как совет Четырех дворов, и с этого времени ее влияние заметно сказывалось на действиях России и Пруссии, сообщения о секретном договоре дошли до царя сразу после его подписания. ^[221] Дух компромисса теперь начал одушевлять Конгресс. Александр уже фактически добился решения в свою пользу по польскому вопросу, но кое в чем отказался от своих притязаний и, получив львиную долю Варшавского герцогства, в конечном счете согласился с тем, что Краков, угрожавший австрийской границе, должен быть преобразован в независимую республику, а Пруссия должна получить крепости Данциг и Торн на Висле, причем территория между Торном и границей Силезии. ^[222] Александр не мог отказаться от этого; в саксонском вопросе союзники Талейрана добились большего, чем требовали. Король Саксонии был восстановлен на своем

троне, и ему было разрешено сохранить Дрезден и около половины его владений. Остальное получила Пруссия. Вместо дальнейшей экспансии в Саксонию Пруссия получила территорию на левом берегу Рейна, которая вместе с восстановленными вестфальскими провинциями вернула монархии площадь и население, равные тем, которыми она обладала в 1805 году. Но владения, переданные Пруссии за Рейном, хотя и считались в то время слабым эквивалентом второй половины Саксонии, на самом деле были подарком гораздо большей ценности. Это сделало Пруссию, защищавшую свою собственную землю, стражем и оплотом Германии против Франции. Это внесло в жизнь государства элемент, разительно отличающийся от аристократического и протестантского типа, преобладавшего в старых прусских провинциях, - католическое население, либеральное в своих политических взглядах и привыкшее за двадцать лет союза с Францией к демократическим тенденциям французской общественной жизни. Это дало Пруссии нечто большее общего с Баварией и Югом и подготовило ее, чего раньше не было, к выполнению ее будущей задачи объединения Германии под ее собственным руководством.

[Наполеон покидает Эльбу, 26 февраля.]

[Высаживается во Франции, 1 марта.]

Польские и саксонские разногласия, которые угрожали миру в Европе, были практически урегулированы до конца января. В начале февраля лорд Каслри покинул Вену, чтобы отчитаться о своих трудах и оправдать свою политику перед английской палатой общин. Его место на Конгрессе занял герцог Веллингтон. Оставался вопрос о Неаполе, формировании Федеральной конституции Германии и несколько вопросов второстепенной политической важности, ни один из которых не ставил под угрозу хорошее взаимопонимание Властей. Внезапно деятельность Конгресса была прервана самым поразительным известием. Ночью 6 марта Меттерних был разбужен от сна депешей, в которой сообщалось, что Наполеон покинул Эльбу. Новостям потребовалось восемь дней, чтобы достичь Вены. Наполеон отплыл 26 февраля. В тишине своего изгнания он наблюдал за развитием событий во Франции: он убедился в силе народной реакции против священников и эмигрантов; и последние сведения, которые он получил из Вены, заставили его поверить, что сам Конгресс находится на грани срыва. Существовал по крайней мере некоторый шанс на успех в попытке вернуть себе трон; и, однажды приняв решение, Наполеон выполнил его со свойственной ему дерзостью и поспешностью. Талейран, услышав, что Наполеон покинул Эльбу, заявил, что он переправится только в Италию и там поднимет знамя независимости Италии: вместо этого Наполеон направился прямо во Францию со всей своей гвардией, численностью в одиннадцать сотен человек, на небольшой флотилии из семи кораблей. Плавание длилось три дня: эскадре не встретилось ни одного французского или английского судна, способного оказать сопротивление. 1 марта Наполеон высадился в бухте Жуан, в трех милях к западу от Антиба. Отряд его гвардии обратился к коменданту Антиба с просьбой сдать город императору; комендант отказался, и в тот вечер войска, среди которых был и Наполеон, расположились бивуаком в оливковых рощах на берегу Средиземного моря.

[Двигается на Гренобль.]

[Войска в Ла-Мюре.]

Перед рассветом начался марш, который должен был закончиться в Париже. Вместо того, чтобы следовать по прибрежной дороге Прованса, которая привела бы его в Тулон и Марсель,

где большая часть населения была яростными роялистами, ^[223] и где Массена и другие великие офицеры могли оказать сопротивление, Наполеон двинулся на север, в горы, намереваясь спуститься на Лион через Гренобль. В этом районе было мало войск и не было генералов, способных повлиять на них. Крестьяне Дофине были в значительной степени владельцами земель, отнятых у церкви и знати: они были озлоблены против бурбонов и, как и крестьянство Франции в целом, отождествляли славу страны, которую они любили, с именем и личностью Наполеона. Когда маленький отряд углубился в горы, жители деревни столпились вокруг них и, предложив свои повозки и лошадей, позволили Наполеону непрерывно совершать марш по крутым и заснеженным дорогам со скоростью сорок миль в день. Казалось, ни одно войско не пыталось преодолеть эти горные проходы: только к концу пятого дня марша конная гвардия Наполеона, продвигавшаяся впереди марширующей колонны, столкнулась в деревне Ла-Мюре, в двадцати милях к югу от Гренобля, с пехотным полком с белой кокардой Дома Бурбонов. Два отряда смешались и переговорили на улице: офицер, командовавший королевской пехотой, опасаясь последствий для своих людей, повел их обратно по дороге в Гренобль. Уланы Наполеона также отступили, и ночь прошла без дальнейших сообщений. В полдень следующего дня уланы, снова продвигавшиеся к Греноблю, обнаружили пехоту, выстроенную для защиты дороги. Они кричали, что Наполеон близко, и умоляли пехоту не стрелять. Вскоре показалась колонна Наполеона; один из его *адъютантов* выехал верхом к передним рядам королевских войск, обратился к ним и указал на Наполеона. Полк уже колебался, командующий офицер уже отдал приказ об отступлении, когда солдаты увидели своего Императора, приближающегося к ним. Они увидели его лицо, они услышали его голос: в следующий момент ряды были сломлены, и солдаты с криками и слезами окружили вождя, которого природа создала с такой невероятной способностью творить зло и наделила такой непревзойденной способностью привлекать любовь.

[Въезжает в Гренобль, 7 марта.]

[Провозглашение своей цели.]

Все было решено этой первой встречей. "Через шесть дней, - сказал Наполеон, - мы будем в Тюильри". Следующий залог победы пришел быстро. Полковник Лабедойер, командир 7-го линейного полка, открыто поддержал Наполеона в Гренобле и появился на дороге во главе своих людей через несколько часов после встречи в Ла-Мюре. Наполеон достиг Гренобля тем же вечером. В городе весь день царил смятение. Префект бежал: командующий генерал отослал часть своих войск и закрыл ворота. При приближении Наполеона население заполонило крепостные валы с факелами; ворота были распахнуты настежь; Наполеона с триумфом пронесла по городу дикая и перемешанная толпа солдат и рабочих. Вся масса беднейших классов города приветствовала его с энтузиазмом: средние классы, хотя и враждебно относились к Церкви и бурбонам, слишком ясно видели опасность для Франции, связанную с возвращением Наполеона, чтобы испытывать такую же радость. ^[224] Они оставались на заднем плане, не приветствуя Наполеона и не мешая приему, оказанному ему другими. Так прошла ночь. Утром следующего дня Наполеон принял магистратов и главных жителей города и обратился к ним в выражениях, которые легли в основу всех последующих заявлений его политики. "Он приехал, - сказал он, - чтобы спасти Францию от бесчинств вернувшейся знати; обеспечить крестьянину владение его землей; отстоять права, завоеванные в 1789 году меньшинством, которое стремилось восстановить кастовые привилегии и феодальное бремя прошлого века. Франция подвергла Бурбонов испытанию; она поступила

правильно, сделав это; но эксперимент провалился. Монархия Бурбонов оказалась неспособной отделиться от своих худших опор, священников и знати: только династия, обязанная своим тронem Революции, могла поддерживать социальную работу Революции. Что касается его самого, то он научился мудрости благодаря несчастью. Он отказался от завоеваний. Он должен дать Франции мир снаружи и свободу внутри. Он принял Парижский мирный договор и границы 1792 года. Освобожденный от необходимости, которая вынудила его в прежние дни основать военную империю, он признал стремление французской нации к конституционному правлению и преклонился перед ним. Отныне он должен править только как конституционный суверен и стремиться только к тому, чтобы оставить конституционную корону своему сыну".

[Мнение различных классов.]

[Наполеон вступает в Лион, 10 марта.]

Этот язык был выбран превосходно. Это удовлетворило крестьян и рабочих, которые хотели видеть разгром дворянства, и показало, по крайней мере, понимание чувств, преобладающих в умах более богатых и образованных представителей среднего класса, стремление к миру и политической свободе. Это также было рассчитано на то, чтобы смягчить неприятное впечатление, что изгнанный правитель навязывается Франции солдатами. Военное движение действительно было подавляюще решающим, но народное движение было едва ли менее решающим. Роялисты были в ярости, но бессильны действовать; вдумчивые люди всех классов сдерживались, с печальными опасениями возвращения войны и бедствий; ^[225] но с того момента, как Наполеон покинул Гренобль, нация в целом была на его стороне. Нигде не было эффективного центра сопротивления. Префекты и другие гражданские чиновники, назначенные при империи, по большей части все еще занимали свои посты; они знали, что им угрожает бурбонистская реакция, но они еще не были смещены; они клялись в верности Людовику XVIII. были вынуждены, их инстинкты повиновения своему старому хозяину, даже если они хотели покончить с ним, были глубоки. Из этого класса, чья трусость и раболепие находят слишком много параллелей в истории, ^[226] Наполеону было нечего бояться. Среди маршалов и высших офицеров, на которых была возложена защита монархии, те, кто искренне желал служить бурбонам, оказались бессильными среди их войск. Макдональду, командовавшему в Лионе, пришлось бежать от своих людей, чтобы не попасть в плен. Граф Артуа, приехавший присоединиться к нему, обнаружил, что единственная услуга, которую он может оказать делу своей семьи, - это скрыться с глаз долой. Наполеон вступил в Лион 10 марта и теперь официально восстановил свой ранг и функции императора. Его первые эдикты возобновили то обращение к идеям и страстям Революции, которое было ключевой нотой каждого его публичного выступления с тех пор, как он покинул Эльбу. Рассматривая эпизод реставрации Бурбонов как недействительный, лионские эдикты изгнали из Франции всех эмигрантов, вернувшихся без разрешения Республики или императора; они изгнали из армии всю массу офицеров, захваченных правительством Людовика XVIII; они признали недействительными все назначения и увольнения, произведенные в магистратуре с 1 апреля 1814 года; и, возвращаясь к закону Учредительного собрания 1789 года, отменили все дворянство, за исключением того, которое было пожаловано самим императором.

[Маршал Ней.]

[Палаты в Париже.]

[Наполеон входит в Париж, 20 марта.]

С этого времени все было кончено. Маршал Ней, выехавший из Парижа с протестом против того, что Наполеон заслуживает заключения в железную клетку, ^[227] на некотором расстоянии от Лиона обнаружил, что нация и армия были на стороне императора, и провозгласил свою приверженность ему в обращении к своим войскам. Две палаты законодательного собрания, в работе которых был объявлен перерыв, были созваны королем Людовиком XVIII. как только весть о высадке Наполеона достигла столицы. Заседания палат состоялись 13 марта. Конституционалистская партия, хотя и выступала против различных мер правительства короля Людовика как реакционных, была искренне лояльна Хартии и поспешила во имя конституционных свобод предложить королю свою сердечную поддержку в сопротивлении военному деспотизму Бонапарта. Король спустился в Законодательную палату и в сцене, согласованной со своим братом, графом Артуа, с большим драматическим эффектом провозгласил верность Конституции. Лафайет и вожди парламентских либералов надеялись собрать достаточные силы из Национальной гвардии Парижа, чтобы сдержать Наполеона. Однако этот проект провалился. Национальная гвардия, представлявшая средние классы Парижа, была решительно сторонницей Хартии и конституционного правления; но у нее не было ни лидеров, ни боевой организации, ни воинского духа. Регулярные войска, отправленные против Наполеона, водрузили триколор, как только скрылись из виду из Парижа, и присоединились к своим товарищам. Придворные перешли от угроз к ужасу и беспомощности. В ночь на 19 марта король Людовик бежал из Тюильри. Наполеон вступил в столицу на следующий вечер, встреченный одобрительными возгласами солдат и населения, но не тем всеобщим ликованием, которое встретило его в Лионе и во многих небольших городах, через которые он проезжал.

[Венский конгресс объявляет Наполеона вне закона.]

[Приготовления Наполеона к обороне.]

Франция была завоевана: Европа осталась позади. 13 марта министры всех Великих держав, собравшиеся в Вене, опубликовали манифест, осуждающий Наполеона Бонапарта как общего врага человечества и объявляющий его вне закона. Вся политическая структура, с таким мастерством созданная Талейраном, исчезла. Франция снова осталась одна, против нее объединилась вся Европа. Дела вернулись к тому положению, в котором они находились в марте 1814 года, когда был подписан Шомон-ский мирный договор, который обязывал Державы продолжать свое вооруженное соглашение против Франции, в случае необходимости, в течение двадцати лет. Теперь этот договор был официально продлен. ^[228] Четыре великие державы обязались использовать все имеющиеся у них ресурсы против Бонапарта до тех пор, пока он не будет абсолютно неспособен создавать беспорядки, и каждая обязалась постоянно держать на поле боя силы численностью не менее ста пятидесяти тысяч человек. Присутствие герцога Веллингтона в Вене позволило союзникам без промедления принять решение об общем плане своего вторжения во Францию. Было решено сгруппировать союзные войска в три группы: одна, состоящая из англичан и пруссаков под командованием Веллингтона и Блюхера, должна была войти во Францию через Нидерланды; две другие, под командованием царя и принца Шварценберга, должны были наступать со среднего и верхнего Рейна. Нигде не было ни малейшего признака политической нерешительности. Курьеры, посланные Наполеоном с

дружескими посланиями к различным дворам, были возвращены на границах с недоставленными депешами. Напрасно император пытался поддерживать какую-либо иллюзию, что мир возможен. После короткого перерыва он сам ознакомил Францию с истинной решимостью своих врагов. Для обороны были предприняты самые энергичные усилия. Старых солдат отозвали из их домов. В главных городах начали спешную работу оружейные заводы и амуниция. Император организовался с энергией и мастерством в деталях, которые не были превзойдены ни в один период его жизни; природа ситуации придала новый характер его гению и задействовала в организации систематической обороны все то воображение и ресурсы, которые поразили мир его планами внезапного вторжения. Также, как и до сих пор, нация не должна была быть простым зрителем его подвигов. Население Франции, ее Национальная гвардия, ее *массовая дамба*, а также ее армии и ее император должны были изгнать иностранца с французской земли. Каждая операция оборонительной войны, от сосредоточения артиллерии вокруг столицы до сбора лесной стражи и вольных стрелков в зарослях Вогезов и Арденн, в свою очередь занимала мысли Наполеона. ^[229] Если бы Франция разделяла его решимость или его безумие, если бы союзники с самого начала не нашли начальника, превосходящего их австрийского лидера в 1814 году, война, в которую они сейчас собирались вступить, была бы сопряжена с огромными трудностями и риском, а ее конечный исход, возможно, был бы сомнительным.

[Кампания и падение Мюрата, апрель 1815 г.]

Прежде чем Наполеон или его противники были готовы выступить, в Италии начались военные действия. Мюрат, король Неаполя, зимой 1814 года был представлен в Вене посланником: он был осведомлен о попытках Талейрана свергнуть его с трона и знал, что правительство Великобритании, убежденное в его собственном предательстве во время предполагаемого сговора с союзниками в 1814 году, теперь склоняется к действиям заодно с Францией. ^[230] Инстинкт самосохранения заставил его рискнуть всем, чтобы поднять знамя независимости Италии, вместо того, чтобы ждать потери своего королевства; и возвращение Наполеона ускорило его падение. В момент, когда Наполеон собирался покинуть Эльбу, Мюрат, зная о его намерении, попросил разрешения Австрии перебросить часть войск через Северную Италию с предполагаемой целью нападения на французских бурбонов, которые готовились восстановить его соперника Фердинанда. Австрия заявила, что она должна рассматривать вступление французских или неаполитанских войск в Северную Италию как акт войны. Мюрат, как только стало известно о высадке Наполеона во Франции, заявил союзникам, что намерен оставаться им верным, но он также послал Наполеону заверения в дружбе и немедленно вторгся в Папскую область. Он действовал, не дожидаясь указаний Наполеона, и, вероятно, с намерением завоевать всю Италию для себя, даже если Наполеон победоносно восстановит свою Империю. 10 апреля Австрия объявила ему войну. Мюрат продвигался вперед и вступил в Болонью, теперь уже открыто провозглашая единство и независимость Италии. Настроения городов и образованных классов в целом, казалось, были в его пользу, но национального восстания не произошло. После нескольких нерешительных столкновений с австрийцами Мюрат отступил. Когда он отступал к неаполитанской границе, его войска таяли. Предприятие закончилось быстрым и полным крахом, и 22 мая английские и австрийские войска от имени короля Фердинанда овладели городом Неаполем. Мюрат, оставив свою семью, бежал во Францию и тщетно пытался занять место рядом с Наполеоном в его последней великой борьбе и вернуть солдату честь, которую он утратил как король. ^[231]

[Дополнительный акт, 23 апреля 1815 г.]

В разгар своих приготовлений к войне со всей Европой Наполеон считал необходимым удовлетворить то стремление к свободе, которое снова было так сильно во Франции. Он с радостью отложил бы все политические перемены до тех пор, пока победа над иностранцем не восстановила бы его собственное бесспорное влияние над умами людей; он был полон решимости во всяком случае не подвергаться преследованиям со стороны Учредительного собрания, подобного тому, что было в 1789 году, в момент наибольшей опасности для него; и действий короля Людовика XVIII. предоставление свободы Хартией дало ему прецедент для создания Конституции посредством Эдикта, дополняющего существующие законы империи. Среди либеральных политиков, выступавших за короля Людовика XVIII. в то время как Наполеон приближался к Парижу, одним из самых выдающихся был Бенджамин Констан, который опубликовал статью, в которой с большой резкостью критиковал императора в тот самый день, когда тот вступил в столицу. Теперь Наполеон пригласил Констана в Тюильри, заверил его, что он больше не желает и не считает возможным поддерживать абсолютное правление во Франции, и попросил Констана самому взяться за разработку Конституции. Констан, полагая, что император в какой-то степени искренен, принял сделанные ему предложения и, ценой некоторой личной последовательности, приступил к работе, в которой Наполеон ни в коем случае не предоставлял ему полной свободы. ^[232] Результатом трудов Константа стал Указ, известный как Дополнительный акт 1815 года. Основные положения этого Закона напоминали положения Хартии: оба провозглашали создание представительного правительства и ответственность министров; оба содержали обычные фразы, гарантирующие свободу вероисповедания и личную безопасность и собственность. Принципиальные различия заключались в том, что Палата пэров теперь стала полностью наследственной и что император категорически отказался признать пункт Хартии, отменяющий конфискацию в качестве наказания за политические преступления. С другой стороны, Констан определенно отменил цензуру прессы и обеспечил некоторую реальную гарантию свободного выражения мнений, приняв закон о том, что преступления, связанные с прессой, должны рассматриваться только обычными судами присяжных. Констан был достаточно оптимистичен, чтобы верить, что документ, который он составил, низведет Наполеона до положения конституционного короля. Как либеральный государственный деятель, он настоял на том, чтобы император представил схему Представительному собранию, где ее можно было бы изучить и внести поправки. Наполеон отказался это сделать, предпочтя прибегнуть к фикции Плебисцита с целью получения какой-либо национальной санкции для своего Эдикта. Закон был опубликован 23 апреля 1815 г. Затем во всех департаментах были открыты списки избирателей, и населению Франции, большинство из которых не умели ни читать, ни писать, было предложено ответить "Да" или "Нет" на вопрос, одобряют ли они план Наполеона по предоставлению своим подданным парламентского правления.

[Палата, созванная на июнь.]

Не составило бы труда получить несколько миллионов голосов за любой абсурд, который императору было бы угодно изложить французскому народу; но среди образованного меньшинства, у которого были собственные политические теории, обнародование этой реформы эдиктом произвело наихудшее впечатление. Говорили, что нельзя было привести более веского доказательства неискренности императора, чем диктаторская форма, в которой он притворялся, что дарует Франции свободу. Почти никто не высказался в поддержку новой

Конституции. Фактически эта мера не возымела действия. Целью Наполеона было вызвать энтузиазм, который должен был побудить всю нацию, образованные классы, а также крестьянство, сплотиться вокруг него в борьбе с иностранцем не на жизнь, а на смерть: напротив, он обнаружил, что фактически нанес ущерб его делу. Враждебность общественного мнения была настолько серьезной, что Наполеон счел разумным заигрывать с Либеральной партией и послал своего брата Жозефа к Лафайету, чтобы выяснить, на каких условиях он может заручиться его поддержкой. ^[233] Лафайет, решительно осуждая форму Дополнительного акта, заявил, что император может восстановить доверие общественности только путем немедленного созыва Палат. Это было именно то, чего Наполеон хотел избежать до тех пор, пока он не победил англичан и пруссаков; фактически, голосование нации по принятию новой Конституции еще не было проведено. Но настоятельная необходимость пересилила склонности императора и формы закона. Требование Лафайета было удовлетворено: были отданы приказы о немедленных выборах, и заседание Палат назначили на начало июня, за несколько дней до вероятного отъезда императора для открытия военных действий на северной границе.

[Выборы.]

Совет Лафайета был дан искренне, но Наполеон мало чего добился, последовав ему. У нации в целом не было и капли той веры в выборы, которую испытывали Лафайет и его друзья. В некоторых местах ни один человек не явился на голосование: в большинстве случаев кандидаты были избраны несколькими десятками избирателей. Роялисты отсутствовали из принципа: население, как правило, думало только о грядущей войне и предоставляло именитым политикам самим решать текущие дела. Среди избранных депутатов было несколько человек, заседавших в первых собраниях Революции, и, смешавшись с чиновниками и солдатами Империи, значительная группа людей, известной целью которых было ослабление власти Наполеона. Не был представлен только один интерес - интерес семьи Бурбонов, которая так недавно, казалось, была призвана к задаче объединения старой и новой Франции вокруг себя.

[Майское поле.]

Наполеон, мало заботясь о выборах, неустанно трудился над подготовкой к войне, и к концу мая двести тысяч человек были готовы выступить на поле боя. Задержка союзников, хотя и необходимая, позволила их противнику перейти в наступление. Император намеревался оставить сравнительно небольшой отряд для наблюдения за восточной границей, а сам во главе ста двадцати пяти тысяч человек напасть на Веллингтона и Блюхера в Нидерландах и сокрушить их прежде, чем они смогут объединить свои силы. С этой целью большая часть армии была постепенно сосредоточена на северных дорогах в пунктах между Парижем, Лиллем и Мобежем. Императору оставалось совершить два государственных акта, прежде чем он покинет столицу: инаугурацию новой Конституции и открытие Законодательных палат. Первое, которое было назначено на 26 мая и объявлено как возрождение старого франкского поля Май, было отложено до начала следующего месяца. 1 июня торжество было совершено с необычайной помпой и великолепием на том самом Марсовом поле, где двадцать пять лет назад король Людовик XVI отмечал самый грандиозный и волнующий из всех праздников Революции - Акт о Федерации. и его люди. Депутации от каждого округа Франции, от армии и от всех общественных организаций окружили императора в огромном амфитеатре, окруженном южным концом равнины; снаружи выстроились двадцать тысяч солдат гвардии и других полков, а за ними растянулась густая толпа парижан. Когда общее количество голосов, поданных на

Плебисците, было подведено и объявлено, император принес присягу на верность Конституции и произнес один из своих шедевров политической риторики. Высшие государственные чины, в свою очередь, принесли присягу: была отслужена месса, и Наполеон, покинув закрытое помещение, затем вручил солдатам на Марсовом поле их штандарты, обращаясь к каждому проходящему полку с каким-нибудь кратким, волнующим душу словом. Зрелище было великолепным, но, за исключением самих солдат, чувство печали и разочарования охватило все собравшееся. Речь императора показала, что в душе он по-прежнему оставался деспотом: аплодисменты были натянутыми: все казалось нелепым, все нереальным. ^[234]

[План Наполеона.]

Открытие Законодательных палат состоялось несколько дней спустя, и в ночь на 11 июня Наполеон двинулся к северной границе. Положение сил, противостоявших ему в этой его последней кампании, поразительно напоминало то, которое принесло ему его первую итальянскую победу в 1796 году. Затем австрийцы и сардинцы, расположившись на противоположных базах, прикрыли подступы к столице Сардинии и предложили противнику прорваться через их центр и оттеснить два побежденных фланга по расходящимся и разорванным путям отступления. Теперь англичане и пруссаки прикрывали Брюссель, англичане наступали на западе на Остенде, пруссаки на востоке на Кельн и едва держались за руки в середине ряда постов длиной почти в восемьдесят миль. Император следовал стратегии 1796 года. Он решил войти в Бельгию по центральной дороге Шарлеруа и бросить свои главные силы на Блюхера, отступление которого, если его однажды оторвут от своего коллеги, унесет его на восток, к Льежу, и выведет его за пределы зоны боевых действий вокруг Брюсселя. Оттесненный Блюхером на восток, Наполеон полагал, что сможет не только вытеснить английского командующего из Брюсселя, но, возможно, двинувшись на запад, перехватить его с моря и перерезать его сообщение с Великобританией. ^[235]

[Положение армий.]

В ночь на 13 июня французская армия, насчитывавшая сто двадцать девять тысяч человек, завершила свое сосредоточение и расположилась вокруг Бомона и Филиппвиля. Веллингтон находился в Брюсселе; его войска, состоявшие из тридцати пяти тысяч англичан и около шестидесяти тысяч голландцев, немцев и Belgians, ^[236], охраняли местность к западу от дороги на Шарлеруа до Ауденарде на Шельде. Штаб Блюхера находился в Намюре; под его командованием было сто двадцать тысяч пруссаков, которые были размещены между Шарлеруа, Намюром и Льежем. И английский, и прусский генералы знали, что очень крупные французские силы были стянуты вплотную к границе, но Веллингтон полагал, что Наполеон все еще находится в Париже, и верил, что война начнется наступлением принца Шварценберга в Эльзас. Кроме того, он был твердо убежден, что, если Наполеон войдет в Бельгию, он бросится не на центр союзников, а на крайний правый фланг англичан, ведущий к морю. ^[237] В течение 14-го числа прусские аванпосты сообщили, что французы сосредоточились вокруг Бомона: позже в тот же день появились явные признаки наступления на Шарлеруа. Рано утром следующего дня началось наступление на Шарлеруа. Пруссак были выбиты из него и отступили в направлении Линьи, куда Блюхер теперь стянул все силы, находившиеся в пределах его досягаемости. До полудня 15-го Веллингтону было неизвестно, что французы предприняли какие-либо действия: получив известие об их наступлении, он приказал сосредоточить все свои силы на востоке, чтобы прикрыть дорогу на Брюссель и сотрудничать с прусским генералом.

Небольшая дивизия британской армии заняла пост в Катр-Бра той ночью, а утром 16-го Веллингтон сам поехал в Линьи и пообещал свою помощь Блюхеру, войска которого уже были выстроены и ожидали атаки французов.

[Линьи, 16 июня.]

Но наступление захватчиков было слишком быстрым, чтобы англичане успели добраться до поля битвы. Уже во второй половине дня, вернувшись в Катр-Бра, Веллингтон обнаружил, что его собственные войска вступили в ожесточенный бой. Наполеон послал Нея по дороге на Брюссель, чтобы сдержать англичан и, если возможно, войти в столицу, в то время как он сам с семьюдесятью тысячами человек атаковал Блюхера. Прусскому генералу удалось подтянуть силы, превосходящие численностью нападавших; но французская армия, состоявшая по большей части из ветеранов, возвращенных в строй, была более качественной, чем любая из тех, которыми командовал Наполеон со времен Московской кампании, и напрасно Блюхер и его солдаты встретили их со всей доблестью и даже большей яростью, чем в 1813 году. В деревнях, где пруссаки заняли свои позиции, происходили кровопролитные рукопашные бои: то защитники, то нападавшие уступали дорогу; но в конце концов пруссаки, потеряв тринадцать тысяч человек, вышли из боя и оставили поле боя во владении неприятеля. Если бы завоеватели продолжили преследование в ту ночь, дело союзников было бы погублено. Однако напряженность сражения была слишком велика, или оценка, которую Наполеон дал объединяющей силе своего противника, была слишком низкой. Он, по-видимому, предполагал, что Блюхер обязательно должен отступать на восток, к Намюру; в то время как в действительности пруссак напрягал все силы, чтобы отступить на север и восстановить прерванную связь со своим союзником.

[Катр-Бра, 16 июня.]

В Катр-Бра исход дня был неблагоприятным для французов. Ней упустил свою возможность захватить этот важный пункт до того, как он был занят британцами любыми силами; и когда началось сражение, британские пехотные каре стойко выдерживали атаки кавалерии Нея и снова и снова отбрасывали их назад своими залпами, пока последовательные подкрепления не сравняли численность с обеих сторон. К концу дня французский маршал, сбитый с толку и обескураженный, отвел свои войска на исходные позиции. Армейский корпус генерала д'Эрлона, который Наполеон разместил между собой и Неем, чтобы он мог действовать там, где возникнет наибольшая необходимость, был сначала выведен из Нея для оказания помощи при Линьи, а затем, когда он вступал в бой при Линьи, отозван в Катр-Бра, куда он прибыл только после окончания сражения. Его присутствие в любой из областей, вероятно, изменило бы суть кампании.

[Движение пруссии.]

Блюхер в ночь на 16-е был искалечен и почти без чувств; его лейтенант Гнейзенау не только спас армию, но и восполнил, и более чем восполнил, все ее потери памятным движением на север, которое снова вывело пруссаков на связь с британцами. Наполеон, после необъяснимого бездействия в ночь с 16-го на утро 17-го, поручил преследование пруссаков маршалу Груши, приказав ему никогда не выпускать противника из виду; но Блюхер и Гнейзенау уже обратились в бегство и сосредоточили столь крупные силы в окрестностях Вавра, что Груши не смог бы теперь помешать соединению превосходящих его сил с англичанами, даже если бы

он знал точные передвижения каждой из трех армий и, верно предчувствуя опасность, грозящую его хозяину, попытался бы атаковать пруссаков. чтобы присоединиться к нему завтра.

Веллингтон, который одновременно ожидал, что Блюхер будет разбит при Линьи, и был уверен, что пруссаки успешно отступят на север, 17-го двинулся из Катр-Бра к Ватерлоо, теперь за ним следовали Наполеон и основная часть французской армии. При Ватерлоо он построился для сражения, полагаясь на обещание доблестного пруссака, что тот двинется в этом направлении на следующий день. Блюхер, поступая таким образом, подвергал себя риску быть перерезанным на коммуникациях и половина его армии попала в плен, если Наполеон либо изменит направление своего главного удара и повернет на восток, либо разгромит Веллингтона до прибытия пруссаков и победоносными силами захватит дорогу из Брюсселя в Лувен. Подобные соображения заставили бы такого командира, как Шварценберг, вернуться в Льеж, но Блюхер и Гнейзенау развеяли их по ветру. Полагаясь только на энергию своего коллеги, Веллингтон с тридцатью тысячами англичан и сорока тысячами голландцев, немцев и бельгийцев ожидал нападения Наполеона во главе семидесяти четырех тысяч солдат-ветеранов. Английские позиции тянулись на две мили вдоль пологого склона кукурузных полей и пересекались под прямым углом с большой дорогой, ведущей из Шарлеруа в Брюссель; замок Хьюгомон, расположенный несколько ниже по склону справа, и фермерский дом Ла-Э-Сент, расположенный на большой дороге перед левым центром, служили укрепленными аванпостами. Французы построились на противоположном и соответствующем склоне; местность была настолько открытой, что, если бы не сильный дождь вечером 17-го, артиллерия могла бы совершенно свободно перемещаться практически по любой части поля боя.

[Ватерлоо, 18 июня.]

В одиннадцать часов в воскресенье, 18 июня, началось сражение. Наполеон, не подозревавший о скоплении пруссаков справа от него и незнакомый с упрямством английских войск, полагал, что победа уже была у него в руках благодаря мужеству Веллингтона. Его план состоял в том, чтобы прорваться через левую часть английской линии около Ла-Э-Сент и таким образом оттеснить Веллингтона на запад и поставить всю французскую армию между двумя ее поверженными врагами. Первым шагом был штурм зданий Хьюгомона, предпринятый с целью отвлечь Веллингтона от истинного направления атаки. Английский командующий направил к этому аванпосту отряды, достаточные для его защиты, но не более. После двухчасового нерешительного боя и сильной канонады Ней приказал корпусу Д'Эрлона выдвинуться вперед для мощного удара по центру и левому флангу. Когда французская колонна двинулась вверх по склону, генерал Пиктон атаковал во главе бригады. Английский предводитель пал одним из первых, но его люди отбросили врага назад, и в то же время шотландские серые, обрушившись слева, прорвались сквозь французскую пехоту и их кавалерийскую поддержку и, атаковав далеко вверх по противоположному склону, достигли и вывели из строя сорок орудий Ней, прежде чем они, в свою очередь, были одолены и отброшены французскими драгунами. Англичане понесли тяжелые потери, но натиск врага полностью провалился, и тысячи пленных остались позади. В пехотном бою наступила пауза; и снова артиллерия Наполеона нанесла удар по английскому центру, в то время как Ней собрал свежие войска для нового и более решительного удара. Около двух часов дня атака возобновилась слева. Ла-Э-Сент был захвачен, и огромные массы кавалерии устремились вверх по английскому склону и проскакали по плато к самому переднему краю английской линии. Веллингтон не послал кавалерию им навстречу, но доверился, и доверился справедливо, терпению и выносливости самой пехоты,

которая час за часом удерживала свои позиции, не тронутая стремительным натиском вражеской конницы и ужасным зрелищем опустошения и смерти в своих рядах; ибо всю вторую половину дня артиллерия Наполеона поливала огнем все, где оставалась незащищенной линия обороны или где атака французской кавалерии откатывалась назад.

Наконец стало заметно приближение пруссаков. Рано утром Наполеон увидел их авангард и выделил графа Лобау с семьей тысячами человек, чтобы сдерживать их; но маленький прусский корпус постепенно разросся до армии, и по мере того, как шел день, было сочтено необходимым усилить графа Лобау несколькими из лучших дивизий французской пехоты. Продолжали поступать сообщения о приближении новых прусских колонн. В шесть часов Наполеон приготовился бросить все свои силы в грандиозную финальную атаку на британцев и смести их до того, как сражение с их союзниками станет общим. Две колонны императорской гвардии, поддерживаемые всеми имеющимися в наличии полками, двинулись справа и слева по направлению к центру англичан. Колонна справа, не остановленная ураганным огнем пушек Веллингтона спереди и с фланга, продвинулась к самому гребню британского склона и подошла на расстояние сорока ярдов к перекрестку дорог, где укрылся английский караул. Затем Веллингтон отдал приказ открыть огонь. Французы отступили; англичане пошли в атаку и сбросили противника с холма, вернувшись на некоторое время на свои позиции. Левая колонна французской гвардии атаковала с не меньшей храбростью, и ее постигла та же участь. Затем, пока французы пытались перестроиться у подножия холма, Веллингтон скомандовал общее наступление. Вся линия британской пехоты и кавалерии устремилась вниз, в долину; перед ними сбитое с толку и тяжело пораженное войско врага превратилось в беспорядочную массу; только батальоны старой гвардии, остановившиеся в тылу атакующих колонн, оставались сплоченными. Блюхер нанес смертельный удар с востока и, устремившись к дороге, по которой французы спасались бегством, превратил поражение в полное разорение и рассеяние. Преследование, для которого войска Веллингтона были слишком измотаны, велось прусской кавалерией всю ночь с запоминающимся рвением и ужасающим успехом. До утра французская армия была не более чем сбродом беглецов.

[Наполеон в Париже.]

[Союзники входят в Париж, 7 июля.]

Наполеон бежал в Филиппвиль и предпринял несколько безрезультатных попыток как там, так и в Лане организовать пункт сбора для своих исчезнувших войск. Из Лана он поспешил в Париж, куда прибыл на рассвете 21-го. Его бюллетень с описанием поражения при Ватерлоо был зачитан Палате в то же утро. Нижняя палата немедленно выступила против императора и потребовала его отречения. Если Наполеон не захватит диктатуру, его дело проиграно. Карно и Люсьен Бонапарт убеждали его распустить Палаты и поставить все на его собственную твердую волю; но они не нашли поддержки среди советников императора. На следующий день Наполеон отрекся от престола в пользу своего сына. Но тщетно он пытался навязать Франции отсутствующего преемника и сохранить у власти своих собственных министров. Столь же тщетно Карно, переполненный воспоминаниями о 1793 году, призывал Ассамблею продолжать войну и обеспечить оборону Парижа. К власти пришло Временное правительство. Дни проходили в бездействии и дебатах, пока союзники продвигались по территории Франции. 28 июня пруссаки появились к северу от столицы; и, поскольку англичане последовали за ними, они продвинулись к югу от Сены, за пределы досягаемости укреплений, которыми Наполеон

прикрывал Сен-Дени и Монмартр. Даву, почти со всеми генералами в Париже, объявил оборону невозможной. 3 июля была подписана капитуляция. Остатки французской армии были вынуждены отступить за Луару. Временное правительство самораспустилось; союзные войска вошли в столицу, и на следующий день члены Палаты депутатов, прибыв в свой Зал Собраний, обнаружили, что ворота закрыты, а в здании находится отряд солдат. С Францией не консультировались даже формально относительно ее будущего правительства. Louis XVIII. был быстро восстановлен на своем троне. Наполеон, отправившийся в Рошфор с намерением отплыть в Соединенные Штаты, задержался в Рошфоре до тех пор, пока побег не стал невозможен, а затем сел на британский корабль *"Беллерофонт"*, благодаря себя, как второго Фемистокла, великодушию принца-регента Англии. Тот, кто заявил, что жизни миллиона человек для него ничего не значат ^[238] полагался на глупость или бессилие английской нации предоставить ему какое-нибудь приемлемое убежище, пока он снова не сможет вырваться на свободу и затопить Европу кровью. Но урок 1814 года был усвоен. Какой-то остров в океане далеко за экватором служил единственной тюрьмой для человека, которого ни один европейский монарх не осмелился бы охранять и которого никакие крепостные стены не смогли бы увести от внимания человечества. Наполеона перевезли на остров Святой Елены. Там, пока по прошествии шести лет смерть не забрала его, он испытывал незначительную долю человеческих страданий, которые он презирал.

[Веллингтон и Фуше.]

Победа пришла так быстро, что правительства союзников оказались не готовы к условиям мира. Царь и император Австрии все еще находились в Гейдельберге, когда разыгралась битва при Ватерлоо; они продвинулись не дальше Нанси, когда до них дошла весть о капитуляции Парижа. Теперь оба поспешили в столицу, где Веллингтон уже пользовался властью, на которую давали ему право его выдающиеся успехи, а также его огромное политическое превосходство над всеми присутствовавшими тогда представителями союзников. Перед вступлением английских и прусских войск в Париж он убедил Людовика XVIII. отделить себя от партии реакции, призвав к власти цареубийцу Фуше, главу существующего Временного правительства. Фуше был виновен в самых чудовищных преступлениях в Лионе в 1793 году; он выполнил часть наихудшей работы каждого последующего правительства Франции; и, вернувшись на свое старое место министра полиции Наполеона во время Ста дней, он как можно раньше заинтриговал с целью реставрации Людовика XVIII, если, конечно, он не поддерживал изменнических связей с врагом во время кампании. Его единственная претензия на власть заключалась в том, что каждый жандарм и каждый осведомитель во Франции когда-то действовал как его агент, и что, будучи цареубийцей при исполнении служебных обязанностей, он, возможно, смог бы примирить якобинцев и бонапартистов со вторым возвращением семьи Бурбонов. Таков был человек, которого герцог Веллингтон совместно с Талейраном счел себя вынужденным предложить на пост министра Людовику XVIII. Говорили, что это назначение было унижительным, но оно было необходимо; и с одобрения графа Артуа король пригласил этого запятнанного кровью подслушивателя на собеседование и назначил его на этот пост. Нужда подавила щепетильность придворных: она не могла подавить негодование этой ожесточенной горем дочери Людовика XVI. которого Наполеон называл единственным мужчиной в ее семье. Герцогиня Ангулемская могла бы простить якобинцу Фуше массовые убийства в Лионе: она отказалась разговаривать с министром, которого назвала одним из убийц своего отца.

[Разногласия по условиям мира.]

Фуше вступил в частные переговоры с Веллингтоном, пока англичане находились на окраинах Парижа, а уполномоченные ассамблеи были заняты в другом месте. Мотивом, побудившим Веллингтона рекомендовать его королю, было безразличие или враждебность, которые некоторые союзники испытывали к Людовику XVIII. лично это навело герцога на мысль, что если Людовик не вернет себе трон до прибытия монархов, он, возможно, вообще никогда его не вернет. ^[239] Фуше был единственным человеком, который мог в тот момент открыть дорогу к Тюильри. Если бы его предложения были отклонены, он мог бы либо позволить Карно оказать какое-нибудь отчаянное сопротивление за пределами Парижа, либо уйти самому с армией и Ассамблеей за Луару и там создать республиканское правительство. Поскольку Фуше и Талейран объединились у власти при Людовике XVIII, можно было не опасаться ни продолжения войны, ни предположения о смене династии со стороны кого-либо из союзников. Благодаря независимым действиям герцога Людовика XVIII. был уже в распоряжении, когда царь прибыл в Париж, и теперь ничто не препятствовало окончательному заключению мира, кроме разногласий самих союзников относительно условий, которые должны быть выдвинуты. Пруссия, которая так горько пострадала от Наполеона, потребовала, чтобы Европа не обманывалась во второй раз пустыми гарантиями реставрации Бурбонов, а получила реальную гарантию мира, отторгнув Эльзас и Лотарингию, а также линию северных крепостей от французской монархии. Лорд Ливерпуль, премьер-министр Англии, заявил, что в этой стране преобладает мнение, что Франция может быть справедливо лишена основных завоеваний Людовика XIV; но он добавил, что если Наполеон, который в то время был на свободе, окажется в плену, Англия откажется от постоянной уступки территории при условии, что Франция будет оккупирована иностранными армиями до тех пор, пока она за свой счет не восстановит заградительные укрепления Нидерландов. ^[240] Меттерних некоторое время придерживался почти тех же формулировок, что и прусский министр: один только Александр с самого начала выступил против любого сокращения территории Франции и апеллировал к заявлениям держав о том, что единственной целью войны было уничтожение Наполеона и поддержание порядка, установленного Парижским миром.

[Аргументы за и против уступок.]

[Пруссия изолирована.]

[Второй Парижский мирный договор, 20 ноября.]

Аргументы за и против отделения пограничных провинций от Франции были приведены дипломатами очень подробно, но все, что в них было существенного, можно было изложить очень кратко. С одной стороны, Штейн и Харденберг настаивали на том, что реставрация Бурбонов в 1814 году с ненарушенной территорией не помешала Франции через несколько месяцев оказаться под властью военного деспота, жизнь которого состояла из серии нападений на своих соседей; что ожидание длительного мира, при какой бы династии он ни находился, было напрасным, пока французы обладали цепью крепостей, позволяющих им в любой момент перебросить большие армии в Германию или Нидерланды; и, наконец, что поскольку Германия, а не Англия или Россия, подвергалась опасности. в результате этих вторжений Германия имела первое право на то, чтобы с ее интересами считались при обеспечении общественной безопасности. С другой стороны, это утверждал император Александр и с гораздо большей силой герцог Веллингтон, ^[241] что положение бурбонов было бы

абсолютно безнадежным, если бы их восстановление, помимо того, что было делом рук иностранных армий, сопровождалось потерей французских провинций; что французская нация, хотя и подчинилась Наполеону, фактически не оказала союзникам сопротивления, на которое она была вполне способна; и что опасность любого нового агрессивного или революционного движения можно было бы эффективно предотвратить, сохранив часть Франции оккупированной союзными войсками до тех пор, пока в стране не воцарится спокойствие под руководством эффективного правительства. Записками, содержащими эти аргументы, министры великих держав обменялись в июле и августе. Британский кабинет, который поначалу склонялся к прусской точке зрения, принял спокойное суждение Веллингтона и перешел на сторону царя. Меттерних поддержал большинство. Харденберг, оставшись таким образом в одиночестве, отказывался пункт за пунктом от своих требований и, наконец, согласился с тем, что Франция должна уступить немногим больше пограничных полос, которые были добавлены Миром 1814 года к ее границе 1791 года. Шамбери и остальная французская Савойя, Ландау и Саарлуи на немецкой стороне, Филиппвиль и некоторые другие посты на бельгийской границе были определены как территория, подлежащая сдаче. Решение союзных правительств было доведено до сведения Людовика XVIII. к концу сентября. Переговоры о деталях затянулись еще на два месяца, в то время как в самой Франции произошла смена министерства; и окончательный мирный договор, известный как второй Парижский мирный договор, был подписан только 20 ноября. Франция избежала существенной потери территории; однако она была вынуждена выплатить контрибуции на общую сумму около 40 000 000 фунтов стерлингов; согласиться на оккупацию своих северных провинций силами союзников численностью 150 000 человек на срок, не превышающий пяти лет; и покрыть расходы на эту оккупацию из своих собственных доходов. Произведения искусства, вывезенные из других стран, которые союзники позволили Франции сохранить в 1814 году, уже были возвращены их законным владельцам. Ни один акт завоевателей в 1815 году не вызывал более ожесточенных или более необоснованных нареканий.

[Договор о Священном союзе, сентябрь. 26.]

Именно в промежуток между вступлением союзников в Париж и окончательным заключением мира был подписан договор, получивший известность в силу исключительного контраста с его реальной незначительностью, - Договор о Священном союзе. После ужасных событий 1812 года сознание царя приобрело ярко выраженный религиозный оттенок. Его личная жизнь оставалась такой же свободной, как и прежде; его преданность была одновременно и очень довольна собой, и была жертвой мистицизма и обмана в других; но, хотя и смешанная со многими слабостями, она была, по крайней мере, искренней, и, как и другие чувства Александра, она, естественно, искала выражения в формах, которые казались театральными более сильным натурам. Александр совершил множество публичных актов почтения к религии в промежутках между дипломатическими и военными успехами в 1814 году; а после второго взятия Парижа он исповедовал религиозную и политическую веру, воплощая, как он думал, те высокие принципы, с помощью которых правители Европы, избавленные от беззаконий Наполеона, должны были отныне поддерживать царство мира и справедливости на земле.^[242] Этот документ, напоминавший обет религиозного братства, лег в основу проекта Договора Священного союза. Это обязательство, как обязательное для совести, касалось только государей, а не их министров; и, представляя его императору Франциску и королю Фридриху Вильгельму, царь, как говорят, действовал с видом великой таинственности. Король Пруссии, благочестивый человек, подписал договор со всей серьезностью; император Австрии,

обладавший житейским юмором, сказал, что, если документ касается религиозных доктрин, он должен передать его своему духовнику, если касается государственных тайн, - князю Меттерниху. Неизвестно, что духовник мог подумать о политическом послании царя: мнение, высказанное министром, не вызывало сочувствия. "Это словоблудие", - сказал Меттерних, и его хозяин, хотя и неохотно, подписал договор. С Англией дело обстояло еще хуже. Поскольку принца-регента не было в Париже, Александру пришлось доверить статьи Священного союза лорду Каслри. Из всех вещей в мире самым непостижимым для Каслри был религиозный энтузиазм. "Дело в том, - писал он домой английскому премьер-министру, - что разум императора не совсем здрав". ^[243] Однако, независимо от здравомыслия или умопомешательства царя, принц-регент или любое другое лицо, кроме ответственного министра, не могло подписать договор, независимо от того, значил он что-либо или ничего не значил, от имени Великобритании. Каслри был в большом замешательстве. С одной стороны, он боялся ранить могущественного союзника; с другой, он не осмеливался нарушать формы Конституции. Был изобретен компромисс. В Договоре Священного союза не было указано имя принца-регента, но царь получил письмо, в котором говорилось, что его принципы получили личное одобрение этого великого авторитета в области религии и морали. Следующими подписались короли Неаполя и Сардинии, и в свое время были добавлены имена остроумного обжоры Людовика XVIII и презренного Фердинанда Испанского. Только два властителя не получили приглашения от царя вступить в Лигу: папа римский, потому что он обладал слишком большим авторитетом в христианской церкви, и султан, потому что у него вообще не было никакого авторитета.

[Договор между Четверья державами, 20 ноября.]

Такова была история Договора о Священном союзе, о котором, можно с уверенностью сказать, ни один человек, связанный с ним, за исключением царя и короля Пруссии, не думал без улыбки. Распространенное мнение, что этот Договор лег в основу великой монархической комбинации, направленной против либеральных принципов, ошибочно; ибо, во-первых, такой комбинации не существовало до 1818 года; и, во-вторых, царь, который был автором Договора, был в то время ревностным другом либерализма как в своей собственной, так и в других странах. Соглашение держав действительно предусматривалось статьями, подписанными в тот же день, что и Парижский мир; но это соглашение, которое, в отличие от Священного союза, включало Англию, было направлено на вечное отстранение Наполеона от власти и поддержание установленного правительства во Франции. Союзники обязались действовать сообща, если революция или узурпация власти снова потрясут Францию и поставят под угрозу спокойствие других государств, и обязались всеми своими силами противостоять любому нападению, которое может быть предпринято на оккупационную армию. Федеративное единство, которое на мгновение показалось Европе достигнутым в результате борьбы с Наполеоном, и вера, существовавшая в некоторых кругах в его долговечность, были ярко продемонстрированы в последней статье этого Четверного договора, которая предусматривала, что после проведения Конгресса по истечении трех или более лет монархи или министры всех четырех великих держав должны возобновлять свои встречи через определенные промежутки времени с целью обсуждения своих общих интересов и рассмотрения мер, наиболее подходящих для обеспечения покоя и процветания наций и сохранения мира в Европе. ^[244]

[Немецкая Федерация.]

Так завершилась, конечно, без какой-либо чрезмерной суровости, но и не без некоторых потерь для покоренной нации, работа 1815 года во Франции. Тем временем Венский конгресс, хотя и прерванный возобновлением войны, возобновил и завершил свою работу. Один вопрос первостепенной важности оставался нерешенным, когда вернулся Наполеон, - федеративное устройство Германии. Эта работа была передана Державами осенью 1814 года чисто германскому комитету, состоявшему из представителей Австрии и Пруссии и трех второстепенных государств; но первые заседания комитета лишь показали, насколько трудной была проблема и как мало склонности в большинстве кругов к ее решению. Цели, с которыми государственные деятели, подобные Штейну, требовали создания эффективной федерации, были совершенно простыми и практичными. Они стремились, во-первых, к тому, чтобы Германия была способна защитить себя от иностранцев; и, во-вторых, к тому, чтобы подданные мелких князей, которых Наполеон сделал абсолютными правителями, теперь были гарантированы от деспотического гнета. Чтобы обезопасить Германию от повторного завоевания Францией, было необходимо, чтобы члены Лиги, великие и малые, отказались от части своего отдельного суверенитета и создали центральную власть с единственным правом ведения войн и заключения союзов. Чтобы защитить подданных мелких князей от злоупотребления властью, было необходимо, чтобы определенные гражданские права и определенная мера представительного правления были гарантированы Федеральным законом жителям каждого немецкого государства и применялись центральной властью по жалобе подданных на своих суверенов. Был момент, когда казалось, что какая-то подобная форма объединения Германии близка, момент, когда Пруссия начала свою последнюю борьбу с Наполеоном, и командующий царской армией пригрозил немецким вассалам Франции потерей их тронов (февраль 1813 г.). Но даже тогда ни один государственный деятель не был уверен, каким образом Пруссия и Австрия должны были объединиться в подчинении Федеральному правительству; и с того времени, как Австрия заключила соглашение с вассальными князьями, оставалось мало надежды на установление действительно эффективной власти в центре Германии. Штайн на Венском конгрессе еще раз предложил восстановить титул и давно утраченные полномочия императора; но он не обнаружил со стороны Меттерниха склонности продвигать его планы по объединению Германии, в то время как некоторые из второстепенных князей категорически отказались отказаться от какой-либо части своего суверенитета над собственными подданными. Трудности на пути создания Федеративного государства были велики, возможно, непреодолимы; государственные деятели, стремившиеся к этому, были немногочисленны; интересы, противостоящие этому, были почти универсальными. Штайн увидел, что работа задумывалась как несущественная, и отказался от нее до ее завершения. Закон о Федерации,^[245] который был подписан 8 июня, создал Федеральный парламент, запретил членам Лиги вступать в союзы против общих интересов и объявил, что в каждом штате должны быть установлены Конституции. Но он оставлял различных Суверенов фактически независимыми от Лиги; он предоставлял назначение членов Сейма правительствам абсолютно, без малейшего намека на всенародные выборы; и он не содержал никаких положений для обеспечения соблюдения в каком-либо отдельном государстве, правитель которого мог бы пренебречь им, принципа конституционного правления. Смогла бы Федерация в какой-либо степени защитить Германию в случае нападения Франции или России, остается предметом догадок, поскольку за 1815 годом последовал длительный мирный период; но она была настолько далека от обеспечения свободы второстепенным государствам, что в руках

Меттерниха Сейм, бессильный ни для каких других целей, превратился в инструмент преследования либеральных мнений и подавления свободы печати.

[Заключительный акт Конгресса, 10 июня.]

Германские дела, как обычно, решались на Конгрессе последними; когда с ними, наконец, было покончено, Конгресс воплотил всю массу своих резолюций в один большой Заключительный акт ^[246] из ста двадцати одной статьи, который был подписан за несколько дней до битвы при Ватерлоо. Этот акт, вместе со вторым Парижским мирным договором, сформировал публичное право, с которым Европа вышла из войны, длившейся четверть века, и вступила в период, который доказал, даже в большей степени, чем ожидалось, что он докажет, период длительного мира. Венское законодательство, стоящее на границе двух эпох, является вехой в истории. Положения Конгресса иногда подвергались критике, как если бы этот орган был собранием философов, стремящихся только к продвижению по пути человеческого прогресса и наделенных властью подавлять эгоистичные порывы любого правительства в Европе. На самом деле Конгресс был ареной, где национальные и династические интересы боролись за удовлетворение любыми средствами, за исключением настоящей войны. Спрашивать, сделал ли Конгресс все, что было возможно сделать для Европы, - значит спрашивать, забыли ли правительства в тот момент обо всех своих собственных амбициях и возможностях и думали только о благополучии человечества. Россия не отдала бы Польшу без войны; Австрия не отдала бы Ломбардию и Венецию без войны. Единственными мерами 1814-15 годов, в которых общие интересы действительно были доминирующим мотивом, были те, которые были приняты либо с целью усиления государств, непосредственно подвергшихся нападению Франции, либо в надежде избавить саму Францию от повода для новых конфликтов. Союз Голландии и Бельгии и присоединение Генуэзской республики к Сардинии были средствами, принятыми для достижения первой цели; для достижения второй - отказ от всех притязаний на Эльзас и Лотарингию. Это были меры, при которых государственные деятели 1814-15 годов действовали, имея свободные руки, и по ним можно справедливо судить об их дальновидности. О союзе Бельгии с Голландией не будет преувеличением сказать, что, хотя он был спланирован Питтом и ценился всеми последующими министерствами как один из его самых мудрых планов, он был совершенно бесполезен и нецелесообразен. Спокойствие Западной Европы сохранялось в течение пятнадцати лет не благодаря объединению под ярмом несогласных национальностей, а благодаря общему желанию избежать войны; и как только Франция всерьез потребовала освобождения Бельгии от Голландии, это пришлось удовлетворить. Также нельзя поверить, что присоединение враждебного и недовольного населения Генуи к королевству Пьемонт спасло бы эту монархию от вторжения, если бы снова разразилась война. Аннексия Генуи действительно принесла плоды, но не те, на которые рассчитывали Питт и его преемники. Это было предназначено для усиления Савойского дома с целью сопротивления Франции: ^[247] это действительно усилило Савойский дом, но как чемпиона Италии против Австрии. Это было задумано для того, чтобы вывести оживленный торговый город Геную из-под влияния французской демократии: на самом деле это привнесло сильный элемент инноваций в само пьемонтское государство, придав, с одной стороны, его правительству более смелый и национальный дух, а с другой стороны, возвысив до идеала объединенной Италии тех, кто, подобно генуэзцу Мадзини, больше не был рожден для того, чтобы быть гражданами свободной Республики. Пожертвовав древней свободой Генуи, Конгресс сам того не желая начал серию изменений, которые должны были опровергнуть знаменитое высказывание Меттерниха о том, что Италия - это всего лишь географическое

выражение.

[Эльзас и Лотарингия.]

Но если политика 1814-15 годов в делах Бельгии и Пьемонта лишь доказывает, как мало среднестатистическая группа государственных деятелей способна заглядывать в будущее, то политика, которая, несмотря на Ватерлоо, оставила Францию во владении неизменной территорией, не дискредитирует дальновидность, поскольку, безусловно, делает честь справедливости и терпению Веллингтона, чьи советы тогда перевернули чашу весов. Мудрость этой резолюции действительно часто подвергалась сомнению. Немецкие государственные деятели считали тогда и продолжают считать с тех пор, что возможность разом разоружить Францию со всеми ее средствами нападения была бессмысленно упущена. Харденберг, когда его аргументы в пользу аннексии пограничных крепостей были отброшены, предсказал, что в дальнейшем для завоевания Эльзаса и Лотарингии прольются потоки крови, ^[248] и его предсказание сбылось. И все же никто, возможно, не был бы поражен больше, чем сам Харденберг, если бы он знал, что пятьдесят пять лет мира между Францией и Пруссией будут предшествовать следующей великой битве. Когда такой же мирный период последует за приобретением Пруссией Меца и Страсбурга, настанет время осудить соглашение 1815 года как содержащее зародыш будущих войн; до тех пор влияние этого соглашения на поддержание мира заслуживает признания. Невозможно отрицать, что союзники, оставив Франции всю ее территорию в 1815 году, избежали нанесения самого обидного из всех признаков поражения энергичной и все еще самой могущественной нации. Потеря Бельгии и границы по Рейну достаточно остро ощущалась в течение тридцати последующих лет и сделала немалую часть французского народа готовой в любой момент ринуться на войну; насколько возросла бы сила боевого клича, насколько безнадежной стала бы задача сдерживания, если бы к другим мотивам войны добавилось освобождение двух самых ценных провинций Франции. Без этого опасность была достаточно велика. По меньшей мере трижды в течение следующих тридцати лет казалось, что равновесие меняется не в пользу сохранения мира. Наступательный союз между Францией и Россией был в поле зрения, когда пала монархия Бурбонов; в первые годы правления Луи Филиппа революционная партия едва не втянула Францию в войну за Бельгию и Италию; десять лет спустя только отставка министерства предотвратила начало военных действий в отдаленной Сирии. Если бы Эльзас и Лотарингия в это время находились в руках разобщенной Германии, трудно поверить, что династия Бурбонов не предотвратила бы или не стремилась предотвратить свое падение в результате народной войны или что победа Луи Филиппа над партией войны, трудная даже тогда, когда не было французской земли, которую нужно было отвоевывать, была бы возможна. Действительно, пришло время, когда новый Бонапарт обратил на агрессивные предприятия ресурсы, которые Европа оставила его стране нетронутыми; но предполагать, что предложенные в 1815 году уступки сделали бы Францию неспособной двигаться вперед, с союзниками или без них, полвека спустя, значит делать уверенное предположение в сомнительном вопросе; и, учитывая состояние Германии, в котором она оставалась после 1815 года, по крайней мере, столь же вероятно, что аннексия Эльзаса и Лотарингии привела бы к скорейшему отвоеванию Рейнских провинций Францией или к войне между Австрией и Францией. Пруссии, поскольку это продлило бы период европейского мира сверх того далекого предела, которого он фактически достиг.

[Усилия Англии на Конгрессе по отмене работорговли.]

Среди тем, которые обсуждались на Венском конгрессе, была одна, в которой преследование национальных интересов и политические расчеты не играли никакой роли, - отмена африканской работорговли. Британский народ, который после двадцати лет борьбы за дело Европы заслужил столь веское право требовать чего-либо от своих союзников, вероятно, придавал этому вопросу большее значение, чем любому другому во всем спектре европейских дел, за единственным исключением личного свержения Наполеона. После триумфа дела Вайберфорса в парламенте в 1807 году и прекращения английской работорговли гнев, с которым нация смотрела на эту отвратительную жестокость, слишком долго терпимую ею самой, становился все более неистовым и широко распространенным. К 1814 году высказывания общественного мнения стали настолько громкими и настоятельными, что правительство, хотя и само без энтузиазма, было вынуждено поставить международный запрет работорговли во главу угла своих требований. На Континенте были политики, достаточно легковверные, чтобы поверить, что этот крик сердца и совести нации был всего лишь проявлением коммерческого лицемерия. Талейран, с совершенно иным пониманием, но не с большим сочувствием, говорил о состоянии английского народа как о состоянии безумия. ^[249] Что-то уже было сделано в иностранных судах. Швеция была вынуждена запретить работорговлю в 1813 году, Голландия - в следующем году. Международный договор ограничил торговлю Португалии к северу от границы. В первом Парижском договоре Франция обязалась прекратить торговлю в течение пяти лет. Только Испания оставалась свободной, и было поистине невыносимо, что английские работорговцы были вынуждены отказаться от своих отвратительных завоеваний только для того, чтобы они попали в руки подданных короля Фердинанда. Возможно, это правда, что испанские колонии нуждались в большем количестве рабов, чем у них было; но у Испании, во всяком случае, не было оправдания тому, что ее попросили отказаться от старой и прибыльной отрасли торговли. Только благодаря отмене английской работорговли Испания вообще завладела какой бы то ни было работорговлей. До 1807 года ни один испанский корабль не был замечен у берегов Африки в течение столетия, за исключением одного в 1798 году, построенного Годоем. ^[250] Что касается французской торговли, то она была прекращена с захватом Сенегала и Гори; и на протяжении двух тысяч миль побережья от мыса Бланко до мыса Формоза на месте опустошающей торговли плотью и кровью постепенно зарождалась законная торговля с туземцами. Английский народ надеялся, что Каслри удастся добиться всеобщего и немедленного запрещения работорговли всеми державами, собравшимися в Вене. Министру не хватало настойчивости, но ему не удалось добиться такого результата. Франция, требуя небольшой отсрочки в других местах, заявляла о своем желании, подобно Португалии, немедленно отменить движение к северу от линии; но правительство Испании, на которое Англия имела, возможно, наибольшие претензии, категорически отказалось принять это ограничение или связать себя окончательным запретом до истечения восьми лет. Затем Каслри предложил возложить на Совет послов в Лондоне и Париже международную обязанность ускорить прекращение работорговли; мерой, которую он имел в виду, было наказание государств-работорговцев путем общего исключения их экспорта. Против этого Испания и Португалия заявили официальный протест, расценив угрозу как почти равнозначную угрозе войны. Проект был отклонен, и английскому министру пришлось довольствоваться получением от Конгресса официального осуждения работорговли как противоречащей принципам цивилизации и правам человека (февраль 1815 г.).

С возвращением Наполеона с Эльбы работа продвинулась еще на шаг. Наполеон понимал нетерпение английского народа и полагал, что он не может сделать большей ставки на его

дружбу, чем отказавшись от резервов, сделанных Талейраном на Конгрессе, и отменив французскую работоторговлю раз и навсегда. Это было достигнуто, и союзник Англии Бурбон после своей второй реставрации не смог отменить того, что было сделано узурпатором. Только Испания и Португалия продолжали заниматься - первая страна без ограничений, вторая к югу от границы - коммерцией, которую объединенный голос Европы назвал позорной. Правительства этих стран утверждали в свое оправдание, что Великобритания сама сопротивлялась принятию запрещающего закона до тех пор, пока ее колонии не стали гораздо лучше обеспечены рабами, чем сейчас у ее соперников. Это было правдой, но это была не вся правда. Вся правда не была известна, искренность чувств англичан не была оценена по достоинству, пока двадцать лет спустя нация не потратила часть своего богатства на освобождение рабов от неволи, а английской расы - от упрека в рабовладении. Судя по Эмансипации Вест-Индии 1833 года, обращение Испании к английской истории звучит почти нелепо. Но воспоминание о долгих годах, на протяжении которых защитники справедливости сталкивались с оппозицией в Англии, должно смягчить суровость нашего осуждения стран, которые все еще защищали плохие интересы. Свет поздно озарил нас самих: тьма, которая все еще царила где-то в другом месте, слишком долго принадлежала нам самим.

ГЛАВА XIII.

Концерт Европы после 1815 г. - Дух внешней политики Александра, Меттерниха и английского министерства-Действия Меттерниха в Италии, Англии на Сицилии и в Испании-Реакция во Франции-Ришелье и Новая палата-Казнь Нея-Тюремные заключения и преследования-Поведение ультрароялистов в парламенте-Споры по законопроекту о выборах и бюджету-Отсрочка заседания Палаты-Дело Гренобля-Роспуск Палаты-Закон о выборах и финансовое урегулирование 1817 г.-Характер первых лет мира в Европе в целом-Обещание Конституции в Великобритании Пруссия-Харденбергу противостоят сторонники автократии и привилегий-Памфлет Шмальца-Задержка конституционной реформы в Германии в целом-Вартбургский фестиваль-Развитие реакции-Царь теперь склоняется к репрессиям-Конгресс в Экс-ла-Шапель-Эвакуация Франции-Растущее влияние Меттерниха в Европе-Его действия против Пруссии-Убийство Коцебу-Карлсбадская конференция и репрессивные меры в Германии-Ришелье и Деказ-Убийство герцога Беррийского-Развитие реакции во Франции-Общие причины о победе реакции в Европе.

[Согласие Европы относительно Франции.]

В течение почти двадцати лет карьера Бонапарта придавала европейской истории единство интересов, присущее отдельной жизни. Это единство не исчезает сразу после исчезновения его могучей фигуры. Державы Европы были слишком тесно вовлечены в общую борьбу, их интересы были слишком глубоко озабочены поддержанием вновь установленного порядка, чтобы мысли правительств отвлеклись от иностранных дел, а течения национальной политики сразу же распались на отдельные русла. Союзные войска продолжали оккупировать Францию с Веллингтоном в качестве главнокомандующего; защита монархии Бурбонов была объявлена делом всей Европы; условия, при которых численность оккупационной армии могла быть сокращена или период оккупации сокращен, оставалось установить самим союзникам. Франция, таким образом, стала объектом общеевропейского обсуждения; и соглашение Держав не обошлось без своего особого органа. В Париже был создан Международный совет, состоящий из послов четырех великих дворов. Формы коалиции были впервые сохранены после заключения мира. Сообщения были адресованы правительству Людовика XVIII от имени всех Держав вместе взятых. Совет послов собирался через регулярные промежутки времени и не только обсуждал дела, связанные с оккупационной армией и выплатой контрибуций, но и обсуждал внутреннюю политику французского правительства, положение партий или признаки проявления политических взглядов в Ассамблее и нации.

[Действия держав за пределами Франции.]

Наблюдая таким образом за восстановленной монархией Бурбонов, европейские дворы делали не больше, чем они обязали себя делать по договору. Париж, однако, был не единственным полем напряженной дипломатии. В большинстве второстепенных столиц Европы у каждой из Великих держав были свои предполагаемые интересы, которые нужно было преследовать, или свои принципы правления, которые нужно было внедрять. Казалось, началась переходная эпоха. Во многих штатах были обещаны конституции, а в некоторых они были созданы; в Испании и на Сицилии они достигли третьей стадии - стадии подавления. Маловероятно, чтобы государственные деятели, пришедшие к власти после Наполеона в Европе, держались совершенно в стороне от дел своих более слабых соседей, тем более когда волнения в соседних странах могли подвергнуть их самих опасности. В одном отношении намерения британского, австрийского и российского правительств были идентичны и продолжали оставаться таковыми, а именно в решимости не поддерживать революционное движение. Революция, благодаря опыту 1793 года, стала рассматриваться как синоним агрессивной войны. Якобинцы, анархисты, нарушители общественного спокойствия - это всего лишь разные названия одного и того же класса международных преступников, которые действительно были коренными жителями Франции, но в равной степени могли угрожать миру человечества в других странах. Против этих подстрекателей зла все Суды были едины.

[Александр.]

Здесь, однако, согласие прекратилось. Было признано, что между революционными беспорядками и пользованием конституционной свободой существовал большой промежуток, и государственные деятели ведущих держав никоим образом не придерживались одинаковых взглядов на истинные отношения между нациями и их правителями. Самым либеральным в теории среди государей 1815 года был император Александр. Уже летом 1815 года он объявил о

восстановлении независимости и гражданства Варшавского герцогства под названием Королевство Польское; и до конца года он даровал ему Конституцию, которая создавала определенные представительные собрания и предоставляла новому королевству армию и собственную администрацию, в которую не мог войти ни один человек, кроме поляка. Обещанное введение парламентской жизни в Польше было лишь первой из серии реформ, смутно спланированных Александром, кульминацией которых должно было стать дарование Конституции самой России и освобождение крепостных. ^[251] Воодушевленный подобными надеждами на свой собственный народ, надеждами, которые, пока они сохранялись, были не просто искренними, но и пылкими, Александр также был дружелюбен к делу конституционного правления в других странах. Честолюбие смешивалось с бескорыстными побуждениями во внешней политике царя. Было невозможно, чтобы Александр забыл о союзе, в который Англия и Австрия так недавно вступили против него. Он стремился удержать Францию на своей стороне; он не был склонен отказываться от удовлетворения ослаблением Австрии, поддерживая национальные надежды в Италии; ^[252] и он надеялся создать некоторый противовес морскому могуществу Англии, объединив Россию с окрепшей и лучше управляемой Испанией. Агенты царя изобиловали в Италии и Германии, но ни в одной столице посол России не был так активен, как в Мадриде. Генерал Татищев, назначенный на этот пост в 1814 году, стал наводить ужас на всех своих коллег и лондонский кабинет министров из-за своей необычайной интриганской активности; но в отношении внутренних дел Испании его влияние было благотворным; и оно часто направлялось на поддержку министров-реформаторов, которыми король Фердинанд, будь он свободен от иностранного давления, быстро пожертвовал бы ради удовольствия своих фаворитов и духовников.

[Metternich.]

[Политика Меттерниха в Германии.]

[В Италии.]

В глазах князя Меттерниха, всемогущего министра Австрии, Александр был немногим лучше якобинца. Австрийское государство, хотя с 1792 года его границы менялись пять раз, оставалось в значительной степени свободным от стремления к внутренним переменам. Император Франциск был олицетворением сопротивления прогрессу; своим непревзойденным положением министр был обязан не столько собственной искусной государственной мудрости во время великого кризиса 1813 года, сколько искреннему согласию с чувствами своего господина. Если Франциск не был человеком интеллекта, то Меттерних, несомненно, был человеком характера; и в течение значительного периода им удавалось накладывать отпечаток своей собственной ярко выраженной австрийской политики на Европу. Сила их влияния проистекала не из какого-то отдаленного источника; главным образом, это было связано с устойчивой нетерпимостью ко всем принципам, которые им не принадлежали. Меттерних описал свою систему с одинаковой простотой и точностью как попытку не вводить новшества и не возвращаться к прошлому, а сохранить все таким, каким оно было. В старых австрийских владениях это было нетрудно сделать, поскольку вещи не имели тенденции двигаться и оставались неподвижными сами по себе; ^[253] но снаружи, как на севере, так и на юге, действовали идеи, которые, согласно Меттерниху, никогда не должны были появиться в мире, но, к сожалению, получив признание, поставили перед правительствами задачу всеми силами противостоять их влиянию. доступные средства. Штайн и лидеры прусской освободительной

войны будоражили Германию надеждами на национальное единство, парламенты и влияние общественного мнения на исполнительную власть государства. Против этих северных новаторов Меттерних уже одержал важную победу при разработке Федеральной конституции. Слабость и робость короля Пруссии делали вероятным то, что, хотя сейчас он обещал своим подданным Конституцию, его вскоре могли склонить к объединению с другими германскими правительствами в системе репрессий и к запрещению либерализма сеймом. В Италии, по мнению консервативного государственного деятеля, существовали те же опасности и требовались те же средства правовой защиты. Австрия, благодаря приобретению Венеции, теперь владела территорией за Альпами в четыре раза большей, чем до 1792 года; но население уже не было тем спокойным и довольным народом, каким оно было во времена Марии Терезии. Королевство Наполеона и армия Италии научили народ военному делу, дали ему политические цели и более мужественный дух. Собственные генералы Меттерниха обещали итальянцам независимость, когда те вошли в страну в 1814 году; рейд Мюрата годом позже фактически был предпринят во имя единства Италии. Это были неприятные инциденты, и не было недостатка в признаках существования революционного духа в итальянских провинциях Австрии, особенно среди офицеров, служивших под командованием Наполеона. Меттерних совершенно ясно представлял себе обязанности своего правительства. У итальянцев мог быть вице-король для содержания двора в Милане, группа местных чиновников для ведения своих мелких дел и фальшивая Конгрегация или Совет, без каких-либо прав, полномочий или функций вообще; если это их не удовлетворяло, они были мятежным народом, и правительство должно было осуществляться с помощью шпионов, полиции и темниц Спилберга.^[254]

[Схема австрийского протектората над Италией.]

В этой системе, подкреплённой большой военной силой, недовольным Ломбардии и Венеции нечего было опасаться: Меттерниху оставалось распространить ту же безопасность на остальную часть полуострова и посредством серии договоров добиться двойной цели - уничтожения конституционного правительства и установления австрийского Протектората над всей страной, от Альп до Сицилийского пролива. План был настолько амбициозным, что Меттерних не осмелился раскрыть его на Венском конгрессе; фактически это было прямое нарушение Парижского мирного договора и резолюции Конгресса о том, что Италия, находящаяся за пределами владений Австрии, должна состоять из независимых государств. Первым монархом, на которого была закинута сеть, был Фердинанд Неаполитанский. 15 июня 1815 года, сразу после свержения Мюрата, король Фердинанд подписал Союзный договор с Австрией, который содержал секретный пункт, обязывающий короля не вносить никаких изменений в свое восстановленное королевство, несовместимых с его собственными старыми монархическими принципами или с принципами, которые были приняты австрийским императором для управления его итальянскими провинциями.^[255] Великобритания вынудила Фердинанда предоставить Сицилии Конституцию, и в этот самый момент он обещал ее Неаполю. Сицилийская конституция теперь была молчаливо осуждена; неаполитанцы были одурачены. Согласно еще одному секретному пункту, два договаривающихся монарха обязались сообщать друг другу все, что станет им известно, затрагивающее безопасность и спокойствие итальянского полуострова; другими словами, шпионы и полиция Фердинанда теперь были добавлены к штату Меттерниха в Ломбардии. Тоскана, Модена и Парма вступили во многом в такие же условия вассалитета; но план создания всемирной федерации Италии под руководством Австрии провалился из-за сопротивления Пьемонта и папы римского. Пий VII. возмущался попытками Австрии, начатыми в 1797 году и повторенными на Венском конгрессе,

лишить Святой престол Болоньи и Равенны. Король Сардинии, хотя Англия настаивала на принятии предложения Меттерниха о союзе, решительно отстаивал независимость своей страны и находил в поддержке царя более весомый аргумент, чем любой, который он мог бы извлечь из международных договоров. ^[256]

[Дух внешней политики Англии.]

Роль, сыгранная британским правительством в эту эпоху, была сурово оценена не только более поздним мнением самой Англии, но и историками почти всех наций Европы. Возможно, Питту повезло, что он не дожидаясь того, чтобы стать свидетелем завершения работы, над которой он трудился тринадцать лет. Слава справедливой и мужественной борьбы против тирании Наполеона остается за Питтом; позор поселения, враждебного свободе, пал на его преемников. И все же нет веских оснований полагать, что Питт придавал бы большее значение правам или склонностям отдельных общин, чем его преемники при изменении баланса сил; напротив, он сам первым предложил уничтожить Генуэзскую республику и подчинить католическую Бельгию протестантской короне Голландии; и при этом для него не было более дорогого принципа, чем усиление Австрийского дома в качестве противовеса могуществу Франции. ^[257] Министерство 1815 года действительно, но слишком верно шло по пути, на который король и нация вынудили Питта в 1793 году. Сопротивление Франции стало единственной всепоглощающей заботой, началом и концом английской государственной мудрости. Правительство внутри страны скатилось к узкому и бесчувственному противодействию предпринимаемым время от времени попыткам очеловечить народные массы, реформировать жестокое уголовное законодательство, смягчить гражданские несправедливости, причиненные во имя и в интересах государственной религии. Никто в Кабинете министров не сомневался, что власть как таковая должна быть мудрее неопытных народных желаний, и меньше всего государственный деятель, который теперь вместе с герцогом Веллингтоном контролировал политику Великобритании на Континенте. Лорд Каслри не испытывал сочувствия к жестокости или угнетению континентальных правителей; он так же мало верил в ценность свободных институтов для своих подданных. ^[258] Характер его влияния, который иногда рисуется в слишком мрачных тонах, может быть достоверно понят из курса действий, которому он следовал в отношении Сицилии и Испании.

[На Сицилии.]

На Сицилии представитель Великобритании лорд Уильям Бентинк вынудил короля Фердинанда, который и часа не смог бы прожить без оружия и денег Англии, учредить в 1813 году парламент, созданный по образцу нашего собственного. Парламент не проявил себя мудрым или способным органом, но его недостатки, безусловно, не были равны недостаткам короля Фердинанда, и его перестройка под эгидой Англии не представляла бы больших трудностей. Фердинанд, однако, всегда ненавидел свободные институты, и как только он вновь вззошел на неаполитанский трон, он решил покончить с сицилийским парламентом. Между лордом Каслри и А'Кортом, послом, который теперь сменил лорда Уильяма Бентинка, состоялась переписка о предполагаемых изменениях. ^[259] То, что британское правительство, которое защищало сицилийскую корону от Наполеона на пике его могущества, могло бы защитить Конституцию Сицилии от эдиктов короля Фердинанда, не отводя ни одного военного корабля, не подлежит сомнению. Однако Каслри, который в течение прошлых лет платил, стимулировал или порицал каждое правительство в Европе и который фактически послал британский флот, чтобы

заставить норвежцев подчиниться Бернадоту, теперь внезапно принял принцип невмешательства и заявил, что до тех пор, пока Фердинанд не будет преследовать сицилийцев, которые по приглашению Англии принимали участие в политической жизни, или снижать привилегии Сицилии ниже тех, которые существовали до 1813 года, Великобритания не будет вмешиваться в его действия. Эти условия были включены для того, чтобы удовлетворить Палату общин и отвести обвинение в том, что Англия не только отказалась от сицилийской конституции, но и согласилась на изменение, которое поставило сицилийцев в худшее положение, чем если бы Англия никогда не вмешивалась в их дела. Лорд Каслри закрыл глаза на содержащееся в нем признание, что он оставляет Сицилию на попечение правителя, который, если бы не такая сдержанность, мог бы уничтожить все остатки общественного права и совершить такую же кровавую и беспринципную месть своим подданным, какую он совершил, когда Нельсон вернул его к власти в 1799 году.

[Действия Англии в Испании.]

Действия британского правительства в Испании продемонстрировали равную готовность верить будущее мудрости судов. Лорд Каслри был ознакомлен с замыслом испанского Фердинанда отменить Конституцию по его возвращении в 1814 году. "Пока, - ответил он, - поскольку на карту поставлено само существование Конституции, невозможно поверить, что любое изменение, произведенное мирным путем, может быть хуже". ^[260] Возможно, это не помогло бы против реакционного духовенства и нации: более того, Каслри был введен в заблуждение заявлениями Фердинанда о том, что у него нет желания восстанавливать абсолютное правление. Он приписывал королю ту же умеренность, которая руководила Людовиком XVIII. принять Хартию во Франции и надеялся на сохранение конституционного режима, хотя и на условиях, более благоприятных для исполнительной власти и влияния крупных землевладельцев и духовенства. ^[261] События вскоре показали, какую ценность следует придавать слову короля; волна реакции и мести захлестнула страну; и с этого времени британское правительство, наполовину признавая, наполовину оправдывая злодеяния Фердинанда, приложило все усилия, чтобы обуздать бесчинства деспотизма и смягчить участь тех, кто теперь стал его жертвами. В интересах самих восстановленных монархий, а также из уважения к общественному мнению Великобритании, послы Англии призывали все дворы Бурбонов к умеренности. Это, однако, было сделано и Меттернихом, который не получал удовольствия от жестокости и не желал видеть новых революций, вызванных сумасбродством священников и эмигрантов. Не совсем без оснований возникло убеждение, что в отношении конституционных свобод других государств выбор между чувствами Австрии и министрами свободной Англии невелик. Разница, однако, действительно существовала. Меттерних фактически запретил Суверенам, на которых распространялось его влияние, предоставлять своим подданным свободу: Англия, считая Суверенов более либеральными, чем они были на самом деле, не вмешивалась, чтобы уберечь конституции от разрушения.

[Бесчинства роялистов на юге Франции, июнь-август.]

Таков был общий характер влияния, которое в настоящее время осуществляли три ведущие державы Европы. Пруссия, у которой не было ни флота, подобного Англии, ни итальянских связей, подобных Австрии, ни честолюбивого Государя, подобного России, мало интересовалась отдаленными государствами и ограничивала свои прямые действия делами Франции, в которых она имела существенный интерес, поскольку должна была выплатить

контрибуции от Людовика XVIII. ему еще предстояло заплатить. Возможность получения этих сумм зависела от поддержания мира и порядка во Франции; и с самого начала всеми правительствами Европы было признано, что главная опасность миру и порядку исходила от поведения графа Артуа и его друзей, партии реакции. Контрреволюционное движение началось с простого бунта и возмущения. Как только весть о битве при Ватерлоо достигла юга Франции, толпа роялистов Марселя выгнала гарнизон из города и напала на квартал, населенный семьями мамелюков, которых Наполеон вывез из Египта. Тринадцать из этих несчастных и примерно столько же граждан-бонапартистов были убиты. ^[262] Несколько недель спустя Нисмес был предан анархии и разграблению. Религиозный фанатизм здесь стимулировал страсть политического реванша. Средний класс самого Нисмеса и часть окружающего населения были протестантами и приветствовали возвращение Наполеона с Эльбы как избавление от господства священников и от угрозы возобновления преследований, которым они подвергались при старой монархии Бурбонов. Католики, которых было гораздо больше, включали низший класс города, крупных землевладельцев округа и более половины крестьянства. Отряды добровольцев были сформированы герцогом Ангулемским в начале Ста дней в надежде продолжить гражданскую войну против Наполеона. После капитуляции перед генералами императора некоторые роты подверглись нападению со стороны жителей деревни и были затравлены, как дикие звери. Теперь отряды вновь собрались и вошли в Нисмес. Гарнизон, открыв по ним огонь, был вынужден сложить оружие, и в таком беззащитном состоянии значительное количество солдат было расстреляно (17 июля). На следующий день главари вооруженной толпы начали использовать свою победу. В течение нескольких недель убийства и бесчинства, намеренно спланированные и публично объявленные, держали в постоянном ужасе не только сам Нисмес, но и большую часть окружающей страны. Правительство действовало медленно и вяло; местные власти были запуганы; и, несмотря на протесты Веллингтона и русского посла, безопасность не была восстановлена до тех пор, пока союзники не взяли дело в свои руки и отряд австрийских войск не занял департамент Гард. Другие районы на юге Франции стали свидетелями таких же вспышек свирепости роялистов. Авиньон был опозорен убийством маршала Брюна, победителя русских и англичан в голландской кампании 1799 года, честного солдата, который, потерпев пренебрежение Наполеона во времена процветания, взял на себя тяжелую задачу управления Марселем в течение Ста дней. В Тулузе генерал Рамель, сам роялист, был смертельно ранен бандой убийц и жестоко изуродован, лежа инвалидом и умирая.

[Выборы 1815 года.]

Подобные преступления были аналогом сентябрьских массовых убийств 1792 года; и терроризм, осуществляемый роялистами в 1815 году, в целом сравнивался с республиканским террором двадцатью двумя годами ранее. Но это сравнение не делает чести историческому чутью тех, кто его предложил. Варварства 1815 года были сугубо локальными: какими бы шокирующими они ни были, в целом они едва ли сравнялись со среднестатистическим дневным трудом Карриера или Фуше в 1794 году; и действия установленного правительства, хотя и преступно слабого, сами по себе преступными не были. Однако начался второй, более опасный этап реакции, когда работа "Народной мести" была прекращена. В конце августа состоялись выборы в новую Палату депутатов. Либералы и приверженцы Наполеона, парализованные бедствиями Франции и присутствием захватчиков, сочли все потерянным: министров Людовика XVIII. Талейран воздержался от обычных электоральных маневров из-за беспечности, Фуше - из желания видеть партии равномерно сбалансированными: только

ультрароялисты распространили свою организацию по всей Франции и бросились в борьбу с предельной страстью и энергией. Будучи численно слабыми, они имели на своей стороне огромные силы местной администрации. Префекты всей душой отдались делу графа Артуа, который действительно заявил им, что действует по указанию самого короля. В результате было избрано Собрание, которому Франция с тех пор видела только одну параллель, а именно в парламенте 1871 года, избранном, когда захватчики снова оккупировали страну, и деспотизм второго Бонапарта закончился таким же неизмеримым бедствием. Основная масса вернувшихся кандидатов была провинциальными джентльменами, чьи имена никогда не звучали в общественной жизни с 1789 года, людьми, которые смирились с бездействием и безвестностью при Республике и Империи, и единственной политической идеей которых было обратить вспять ущерб, нанесенный революцией их касте и их Церкви. Они были роялистами, потому что только монархия Бурбонов могла удовлетворить их притязания: они называли себя ультрароялистами, но они были таковыми только в том смысле, что требовали, чтобы монархия не признавала никаких союзников, кроме них самих. Они уже показали до возвращения Наполеона, что их настоящим вождем был граф Артуа, а не король; еще предстояло доказать, в какой форме проявится их ультрароялизм в случае, если король не согласится стать их орудием.

[Падение Талейрана и Фуше.]

[Министерство Ришелье, сентябрь 1815 г.]

Первым результатом выборов стало падение Либерального министерства Талейрана. Граф Артуа и придворные, которые были рады заручиться услугами Фуше, в то время как их собственный триумф был сомнителен, теперь снова присоединились к возмущению сельских дворян этим чудовищем беззакония. Талейран быстро освободился от своего старого друга и приготовился встретиться с новым парламентом как ультрароялист; но в глазах победившей партии сам Талейран, женатый священник и предполагаемый соучастник убийства герцога Энгиенского, был немногим лучше своего коллеги-цареубийцы; и еще до заседания Собрания он был вынужден уйти от власти.

[Министерство Ришелье, сентябрь 1815 г.]

Его преемник, герцог де Ришелье, был рекомендован Людовику XVIII. Царь. Ришелье покинул Францию в начале революции и, в отличие от большинства эмигрантов, сыграл выдающуюся роль в стране, предоставившей ему убежище. Снискав свои первые лавры при осаде Измаила под командованием Суворова, он впоследствии был назначен губернатором Эвксинских провинций России, и при его правлении возник процветающий город Одесса. Его репутация как администратора была высока; его личный характер отличался исключительным благородством и бескорыстием. Хотя английское правительство поначалу с опаской смотрело на министра, столь тесно связанного с российским царем, честность и правдивость Ришелье вскоре снискали ему уважение всех иностранных дворов. Его родство с Александром оказало Франции большую услугу в облегчении бремени оккупационной армии; его справедливость, его знакомство с реальными целями монархического правления сделали его, хотя и не любителем свободы, ценным министром перед лицом Собрания, которое не представляло ничего, кроме страстей и идей реакционного класса. Но Ришелье слишком долго отсутствовал во Франции, чтобы твердой рукой вникать в детали управления. Люди, участвовавшие в партиях 1815 года, были для него в новинку: говорят, что он не был знаком в лицо с большинством своих коллег, когда назначал их на должности. Вследствие этого Министерство не было едино внутри себя.

Некоторые из его членов, такие как Деказ, были более либеральны, чем их глава; другие, такие как Кларк и Вобланк, старые слуги Наполеона, ныне ставшие ультрароялистами, стремились стать орудиями графа Артуа и привнести в работу правительства энтузиазм мести, который уже нашел отражение на выборах.

[Насилие Палаты 1815 года.]

Сессия открылась 7 октября. Двадцать девять пэров, примкнувших к Наполеону во время Ста дней, были исключены из Палаты и заменены приверженцами бурбонов; тем не менее пэры как единое целое противостояли крайней реакции и, несмотря на кровавые разглагольствования Шатобриана, поддерживали умеренную политику Ришелье против большинства Нижней палаты. Первым требованием Палаты депутатов было возмездие предателям;^[263] их первый конфликт с правительством Людовика XVIII возник из-за мер, выдвинутых Министерством для сохранения общественной безопасности и наказания за мятежные акты. Министры подверглись нападкам не потому, что их меры были слишком суровыми, а потому, что они были недостаточно суровыми. Взяв на себя полномочия сажать в тюрьму всех подозреваемых лиц без суда или изгонять их из своих домов, Деказес, министр полиции, предложил наказывать подстрекательство к мятежу штрафами и сроками тюремного заключения, варьирующимися в зависимости от тяжести преступления. Столь мягкое наказание вызвало гнев людей, чьи отцы и братья погибли на гильотине. Одни требовали смерти, другие - ссылки в Кайенну. Когда было указано, что применение смертной казни за простую попытку подстрекательства к мятежу поставило бы это в один ряд с вооруженным восстанием, был дан ответ, что различие можно сохранить, добавив в последнем случае древнее наказание за отцеубийство - ампутацию руки. Экстравагантность, подобная этой, принадлежала скорее отдельным лицам, чем партии; но горячность Палаты вынудила правительство пойти на пересмотр своей меры. Транспортировка в Кайенну, но не смертная казнь, в конечном счете была включена в число наказаний за подстрекательство к мятежу. Министр юстиции месье Барбе-Марбуа, который сам был перевезен якобинцами в Кайенну в 1797 году, смог убедить Палату, исходя из собственного опыта, что они не ошиблись, став на сторону милосердия. ^[264]

[Ней казнен 7 декабря.]

Именно в разгар этих жарких дебатов маршал Ней предстал перед судом за государственную измену. 24 июля король опубликовал так называемый Указ об амнистии, содержащий имена девятнадцати человек, которые должны были предстать перед военным трибуналом по обвинению в смертной казни, и тридцати восьми других, которые должны были быть либо сосланы, либо привлечены к ответственности, в зависимости от решения Палаты. Ней был включен в первую категорию. Правительство предоставило ему возможность сбежать, как, впрочем, и почти каждому другому человеку в списке. Король Людовик XVIII. хорошо понимал, что казнь некоторых из самых выдающихся людей Франции вряд ли укрепит его правительство надолго; однако эмигранты, и особенно герцогиня Ангулемская, были безжалостны, и английское правительство сыграло прискорбную роль. "Никогда нельзя чувствовать, что король надежно сидит на своем троне, - писал лорд Ливерпуль, - пока он не осмелится пролить кровь предателей". Не то чтобы требовалось много примеров, но смелость привести несколько из них сама по себе продемонстрирует хоть какую-то силу правительства. ^[265] Labédoyère уже был выполнен. 9 ноября Ней предстал перед военным трибуналом, на котором Каслри и его жена имели дурной вкус присутствовать. Военный трибунал, возглавляемый старым товарищем Ней

Журданом, объявил себя некомпетентным судить пэра Франции, обвиняемого в государственной измене, ^[266] Соответственно, Нея судили в Палате пэров. Вердикт был предрешен заранее, и действительно, юридическую вину Маршала вряд ли можно было отрицать. Если бы люди, судившие Нея, были группой вандейских крестьян, бросивших вызов огню и мечу за дело Бурбонов, смертный приговор мог бы быть вынесен чистыми, хотя и суровыми устами: для Франции остается глубоким позором тот факт, что среди пэров, голосовавших не только за осуждение Нея, но и за его смерть, были такие, кто сам принимал должности и жалованье от Наполеона во время Ста дней. Одно слово Веллингтона все равно спасло бы маршалу жизнь, но, вступившись за Нея, герцог поставил бы себя в прямую оппозицию действиям своего собственного правительства. Когда премьер-министр вырыл могилу, Веллингтону было не до спасения заключенного. Позволительно надеяться, что тот, кто так яростно упрекал Блюхера в намерении предать смерти Наполеона, если бы тот попал в его руки, попросил бы о помиловании Нея, если бы считал себя вправе повиноваться побуждениям своей собственной натуры. Ответственность за смерть маршала Нея в большей степени, чем на ком-либо другом, лежит на лорде Ливерпуле.

7 декабря приговор был приведен в исполнение. Ней был застрелен ранним утром в малолюдном месте, и правительство поздравило себя с тем, что избежало опасностей, связанных с народной демонстрацией, и в последний раз услышало о неприятном деле. Больше ошибки не было. Ни одно преступление, совершенное во времена террора, не вызывало у его авторов более глубокого общественного осуждения, чем казнь Нея в отношении семьи Бурбонов. Жертва, храбрый, но грубый наполовину немецкий солдат, ^[267] поднялся в популярной легенде почти до высоты самого императора. Его героизм при отступлении из Москвы стал, и по справедливости, более славной памятью, чем победы Даву при Йене или Моро при Гогенлиндене. Наряду с мыслью о том, что бурбоны были возвращены иностранным оружием, глубоко в сердце французского народа запало воспоминание о том, что эта семья предала смерти "храбрейшего из храбрых". Для Людовика XVIII это была бы не обычная удача. помиловать или понести легкое наказание великому солдату, чья политическая слабость привела его к акту государственной измены, одобренному нацией в целом. Изгнание не сделало бы преступника мучеником. Но здравый смысл человечества осуждает казнь Нея: общественное мнение Франции этого так и не простило.

[Законопроект об амнистии, 8 декабря.]

На следующий день после того, как был подан великий пример, Ришелье внес правительственный законопроект об амнистии в Палату представителей. Король, заявляя о полном праве на помилование, пожелал, чтобы Палата сотрудничала с ним в его осуществлении, и представил проект закона, защищающий от судебного преследования всех лиц, не включенных в список, опубликованный 24 июля. Меры совершенно иного характера уже были внесены в Палату под тем же названием. Хотя инициатива в области законодательства в силу Хартии принадлежала короне, резолюции могли быть внесены членами парламента в форме петиции или обращения, и в этой форме лидеры большинства разработали схемы массового запрета сторонников Наполеона. Г-н ла Бурдонне предложил привлечь к суду всех выдающихся гражданских и военных чинов, которые в течение Ста дней составляли правительство узурпатора; всех генералов, префектов и командиров гарнизонов, которые до определенного дня подчинялись Наполеону, которые будут назначены Собранием; и всех проголосовавших за смерть Людовика XVI. который признал Наполеона, подписав

Дополнительный акт. Язык, на котором выдвигались эти обвинения, был отголоском того, что оправдывало кровопролитие 1793 года; его жестокость была отчасти вызвана воображением, что возвращение Наполеона было не внезапным актом, а работой группы высокопоставленных заговорщиков, которые все еще замыслили свержение монархии.^[268]

[Преследование подозреваемых лиц по всей Франции.]

Напрасно Ришелье вмешивался, выражая собственные желания короля, и напоминал о примере прощения, показанном в завещании Людовика XVI. Комитет, который был назначен для составления доклада о проектах амнистии, выдвинул схему, мало отличающуюся от схемы Ла Бурдонне, и добавил к ней незаконное предложение о том, что против всех осужденных должны быть возбуждены гражданские иски за ущерб, понесенный государством в результате возвращения Наполеона. Это было сделано для того, чтобы высмеять пункт Хартии, отменяющий конфискацию. Доклад комитета вызвал крайнее смятение как в самой Франции, так и среди представителей иностранных держав в Париже. Конфликт между реакционерами и правительством разразился открыто; министерство Ришелье, гарантия мира, казалось, было на грани краха. 2 января 1816 года Палата приступила к обсуждению Правительственного законопроекта и поправок комитета. Дебаты длились четыре дня; только благодаря неоднократному использованию имени самого короля министрам удалось получить большинство в девять голосов против двух основных категорий исключений, добавленных к амнистии их оппонентами. Предложение восстановить конфискацию в форме гражданских исков было отклонено гораздо большим большинством, но при голосовании, касающемся цареубийц, правительство потерпело поражение. Это действительно не считалось важным моментом. Ришелье, довольный тем, что предотвратил меры, которые могли бы подвергнуть несколько сотен человек смерти, ссылке или денежному разорению, согласился изгнать из Франции цареубийц, признавших Наполеона, вместе с тридцатью восемью лицами, указанными во втором списке от 24 июля. Среди других известных людей Карно, оказавший такие большие услуги своей стране, умер в изгнании. Из семнадцати товарищей Нея и Лабедойера, включенных в первый список от 24 июля, большинство бежали из Франции; только один человек погиб.^[269] Но лица, первоначально исключенные из-под амнистии, и цареубийцы, сосланные Ассамблеей, составляли лишь малую часть тех, на кого пала месть роялистов; ибо было предусмотрено, что закон об амнистии не должен распространяться на тех, против кого было возбуждено дело до официального опубликования закона. Тюрьмы уже были переполнены обвиняемыми, которые, таким образом, оставались беззащитными перед наказанием; и после того, как закон фактически был принят Палатой, военный министр Кларк разослал по стране телеграфные сигналы с приказом о немедленном предъявлении обвинения нескольким другим. По крайней мере, один выдающийся солдат, генерал Травот, был приговорен к смертной казни в результате судебного разбирательства, возбужденного таким образом в период между принятием и обнародованием закона об амнистии.^[270] Казней, однако, было немного, за исключением юга Франции, но огромное количество людей были заключены в тюрьму или изгнаны из своих домов, некоторые по решению судов, некоторые в результате осуществления полномочий, предоставленных администрации законом об общественной безопасности.^[271] Центральное правительство действительно принимало меньшее участие в этом виде преследований, чем префекты и другие местные власти, хотя в своих собственных департаментах Кларк и Вобланк подали пример, которому другие не замедлили последовать. Роялистские комитеты были сформированы по всей стране и установили такой же нерегулярный контроль над должностными лицами своих округов, какой практиковался якобинскими

комитетами 1793 года. Тысячи людей, занятых на всех ступенях государственной службы, в школах и колледжах, а также в гражданской администрации, в судах, а также в армии и военном флоте, были уволены со своих постов. Вновь прибывшие были явными агентами реакции; те, кому было позволено сохранить свои должности, стремились превзойти своих коллег в их ренегатском рвении к новому порядку. Снова стало ясно, как это было при Республике и при Империи, что если добродетель имеет пределы, то раболепие их не имеет. Те же люди, которые преследовали крестьянина за то, что он укрыл своих детей от призыва Наполеона, теперь преследовали тех, кто был заклеен как бонапартисты. Духовенство связало свою судьбу с победившей партией и донесло магистратам на своих прихожан, которые относились к ним с неуважением. ^[272] Во французской истории есть страницы более мрачные, чем реакция 1815 года, и нет более презренной. Глубочайшим осуждением насилия Республики и деспотизма Империи является то, что поколение, сформированное ею, должно было произвести класс, который мог демонстрировать, и общественность, которая могла терпеть чудеса низости, сопровождавшие вторую реставрацию Бурбонов.

[Реакционеры принимают парламентскую теорию.]

В Палате депутатов ультрароялистское большинство приобрело парламентский опыт в дебатах по законопроекту об амнистии и Закону об общественной безопасности: их собственная политика теперь приобрела определенные очертания, и за вспышками страсти последовали попытки реализовать идеи. Ненависть к Революции и всем ее деяниям по-прежнему была доминирующим импульсом Собрания; но каким бы ни было прежнее желание ультрароялистской знати, в их намерения больше не входило восстановление политической системы, существовавшей до 1789 года. В этом случае они пожелали бы восстановить абсолютную монархию и отказаться от власти, которая, казалось, в конце концов перешла в руки их собственного класса. С Артуа на троне это могло бы быть возможно, поскольку Артуа, хотя и был наследником короны, все еще оставался тем, кем был в молодости, - главой партии при Людовике XVIII. когда Ришелье встал во главе государства, ультрароялисты стали противниками королевских прерогатив и поборниками прав парламента. До революции дворянство обладало привилегиями; оно не обладало политической властью. Конституция 1814 года неожиданно предоставила ему в представительных формах влияние, которого ему было отказано при старой монархии. Открылись новые политические перспективы; и появились люди, которые до сих пор создавали Людовика Святого и Генриха IV. предметом их декламаций теперь было стремление максимально расширить права парламента и увековечить в последующих ассамблеях правление нынешнего большинства. Закон о выборах, благоприятствующий крупным землевладельцам, был первой необходимостью. Это действительно было всего лишь средством для достижения цели; другая и более великая цель могла быть достигнута непосредственно - восстановление поместной церкви и гражданского и социального господства духовенства.

[Церковные схемы реакции.]

Это было признано королем Людовиком XVIII. что пункт Хартии, касающийся выборов, требует внесения изменений, и по этому пункту ультрароялисты в Палате были довольны ожиданием предложений правительства. В своей церковной политике они не придерживались такой же сдержанности. Резолюции в пользу государства-Церкви обсуждались в форме петиций, которые должны были быть представлены короне. Предлагалось сделать духовенство, каким

оно было до революции, единственными хранителями метрических книг о рождении и браке; удвоить ежегодную выплату, выплачиваемую им государством; разрешить Церкви приобретать собственность любого рода в дар или по завещанию; вернуть все церковные земли, еще не проданные государством; и, наконец, упразднить Французский университет и передать все школы и коллежи по всей стране под контроль епископов. Один центральный постулат не только прошел Палату представителей, но и был принят правительством и стал законом. Развод был полностью отменен, и в течение двух поколений после 1816 года во Франции не было ни одного возможного нарушения закона, достаточного, чтобы освободить мужа или жену от насмешек над брачными узами. Право принимать пожертвования или наследство было предоставлено духовенству, однако в каждом случае с одобрения короны. Пособие, выплачиваемое им из государственных доходов, было увеличено на размер определенных пенсий по мере их поступления, что было уступкой, которая очень далеко не соответствовала требованиям Палаты. В целом, преимущества, полученные Церковью, едва ли были пропорциональны усердию, проявленному в ее деле. Самый важный вопрос - распоряжение непроданными церковными землями - еще предстоит решить, когда Палата приступит к обсуждению Бюджета.

[Закон о выборах, 18 декабря 1815 г.]

Закон о выборах правительства, от которого ультрароялисты ожидали так много, был внесен в конце 1815 года. Это странным образом продемонстрировало путаницу представлений, существовавшую в Министерстве относительно природы парламентской свободы, которая теперь, как предполагается, принадлежит Франции. Бывший префект Вобланк, которому была доверена разработка этой меры, хотя и воображал себя очищенным от традиций наполеонизма, не мог представить себе никакой связи между исполнительной и законодательной властью, кроме той, которая существует между субстанцией и ее тенью. Ему никогда не приходило в голову, что представительные институты, предоставленные Хартией, были предназначены для того, чтобы придать правительству независимую силу или что к нации следует относиться как к чему-то большему, чем к периферии компактного и долговечного органа управления. Язык, на котором Вобланк представил свой проект, был гротескно откровенным. Монтескье, по его словам, указывал, что власти должны быть подчиненными; следовательно, избирательная власть должна контролироваться королевским правительством. ^[273] Рядом с выборщиками в кантоне и Департаменте, соответственно, в министерской схеме был размещен ряд должностных лиц, достаточно многочисленных, чтобы провести выборы, если они действительно не превосходили численностью частных избирателей. Избирательное право было предоставлено шестидесяти самым богатым людям в каждом кантоне: они вместе с должностными лицами округа должны были избирать избирателей Департамента, которые вместе с аналогичным контингентом должностных лиц должны были выбирать депутатов. Вновь подтверждая принцип, заложенный в Конституции 1795 года и повторенный в Хартии, Вобланк предложил, чтобы пятая часть Собрания ежегодно уходила в отставку.

[Контрпроект Виллеля.]

Если бы министр намеревался предоставить ультрароялистам наилучшие возможные средства для превращения своеобразной политики их класса в нечто вроде реальной защиты свободы, он не смог бы придумать более подходящей меры. Создание учредительных органов из мэров, защитников короны и мировых судей было описано, и не без оснований, как простое

наполеоновское жонглирование. Ограничение избирательного права фиксированным числом богатых людей было осуждено как нелиберальное и противоречащее духу Хартии: система ежегодного обновления на пятую часть, которая угрожала ограничить правление нынешнего большинства, объяснялась страхом перед любым полным выражением общественного мнения. Было очевидно, что правительственный законопроект будет либо отклонен, либо изменен таким образом, чтобы придать ему совершенно иной характер. В Комитете Палаты, взявшем на себя задачу разработки поправок, впервые почувствовалось влияние человека, которому вскоре предстояло стать главным и направляющим духом ультрароялистской партии. М. де Виллель, представитель Комитета, в молодости был офицером военно-морского флота Людовика XVI. После свержения короля он оставил службу и поселился на острове Бурбон, где разбогател и познакомился с тонкостями бизнеса и финансов, редкими среди французского землевладельческого дворянства. Вернувшись во Францию при империи, он поселился недалеко от Тулузы, своей родины, и был назначен мэром этого города после второго падения Наполеона. Политическая деятельность Виллеля приобрела сильную и оригинальную окраску благодаря его личному опыту и характеру провинции, в которой он жил. Юг был единственной известной ему частью Франции. Там реакционное движение 1815 года было действительно популярным, и главной трудностью правительства в конце Ста дней была защита бонапартистов от насилия. Виллель считал, что по всей Франции более богатые люди из числа крестьян были так же готовы последовать за священниками и знатью, как это было в Провансе и Вандее. Его концепция правительства будущего представляла собой правление земельной аристократии, опирающейся в своей борьбе против монархической централизации и либерализма среднего класса на консервативные и религиозные инстинкты крестьянства. Вместо того чтобы исключать народные силы, Виллель приветствовал их как союзников. Он предложил снизить избирательное право до одной шестой от суммы, указанной в Хартии, и, сохраняя систему двойных выборов, предоставить право голоса в первичных собраниях каждому французу, платящему ежегодные налоги в размере пятидесяти франков. В округах, столь больших, что включали все более состоятельное крестьянство, и в то же время достаточно ограниченных, чтобы исключить низкооплачиваемое население в городах, Виллель верил, что Церковь и дворянство в целом будут контролировать выборы. В интересах нынешнего большинства он отверг систему обновления за счет пятых, предложенную правительством, и потребовал, чтобы нынешний состав Палаты оставался неизменным до ее роспуска, а следующая Палата избиралась полным составом.

[Результат дебатов по законопроекту о выборах.]

Схема Виллеля, если бы она была реализована, по всей вероятности, потерпела бы неудачу при первом испытании. Округа, в которых реакция 1815 года была популярна, были не так велики, как он предполагал: в большей части Франции крестьянство подчинилось бы дворянам только под угрозой запугивания. Большинство подозревало это, несмотря на уверенный язык, которым они говорили о воле народа как о тождественной их собственной. Смелость Виллеля встревожила их: они ожидали, что эти огромные крестьянские округа, если они действительно останутся хозяевами выборов, с большей вероятностью вернут группу якобинцев и бонапартистов, чем одного из потомственных землевладельцев. Однако не было необходимости жертвовать хорошо звучащим принципом низкого избирательного права, поскольку демократическое голосование на первом этапе выборов могло быть эффективно нейтрализовано путем передачи второго этапа в руки главных собственников. На самом деле Ассамблее оставалось только последовать примеру правительства и назначить группу лиц,

которые по праву должны были голосовать на стороне выборщиков, выбранных на первичных собраниях. Правительство в своих собственных интересах назначило группу должностных лиц выборщиками: Ассамблея, напротив, постановила, что в Коллегии выборщиков каждого департамента, насчитывающей в общей сложности около 150 человек, пятьдесят основных землевладельцев Департамента должны иметь право голоса, независимо от того, были ли они выдвинуты основными избирательными округами или нет. Измененный этим условием, проект Виллеля прошел Ассамблею. Правительство увидело, что под прикрытием серии поправок была проведена мера, прямо противоположная их собственной. Избирательное право было изменено; реальный контроль над выборами перешел в руки той самой партии, которая теперь находилась в открытой оппозиции королю и его министрам. Компромисс между законом, предложенным правительством, и законом, принятым Ассамблеей, был невозможен. Правительство обратилось в Палату пэров. Пэры отклонили поправки Нижней палаты. Затем Ришелье ввел временную меру ради того, чтобы обеспечить Франции хотя бы какие-то временные правила проведения выборов. Это не удалось, и конституционное законодательство страны зашло в тупик, в то время как правительство и Ассамблея стояли лицом к лицу, и стало очевидно, что либо одно, либо другое должно пасть. Министры Великих держав в Париже, наблюдавшие за восстановленной династией, спорили, следует ли им рекомендовать королю прибегнуть к крайней мере - роспуску.

[Конкурс по бюджету.]

[Палата отложила заседание, 29 апреля.]

Законопроект о выборах был не единственным предметом конфликта между министерством Ришелье и Палатой, и даже не главным. Бюджет вызвал еще более ожесточенные страсти и поднял более серьезные проблемы. Правительству пришлось бороться не просто за финансовую схему, а против нарушения общественного доверия, которое сделало бы Францию неплатежеспособной и бескредитной перед лицом Держав, которые все еще держали ее территорию в залоге. Долг, возникший у нации с 1813 года, все еще оставался необеспеченным. Та его часть, которая была собрана до лета 1814 года, была обеспечена законом за непроданные леса, ранее принадлежавшие Церкви, и за общинные земли, которые Наполеон передал в собственность государства; остальная часть, которая включала займы, выданные во время Ста дней, не имела определенного обеспечения. Теперь правительство предложило установить тот же уровень всего необеспеченного долга и обеспечить его выплату за счет продажи так называемых церковных лесов. Этот проект вызвал самое ожесточенное сопротивление со стороны графа Артуа и его друзей. Если и была какая-то цель, которую клерикальная и реакционная партия преследовала с религиозным рвением, то это было восстановление церковных земель: если и был класс, который они без зазрения совести доводили до обнищания, то это был класс, который ссужал деньги Наполеону. Вместо выплаты государственных долгов Комитет Палаты предложил отменить закон от сентября 1814 года, по которому церковные леса передавались в залог, и обязать как прежних, так и более поздних держателей необеспеченного долга принимать акции в счет удовлетворения своих требований, хотя стоимость акций составляла менее двух третей от их номинальной стоимости. Фактически это было решение об отказе от третьей части необеспеченного долга. Ришелье, видя, каким образом его мера вот-вот изменится, решил полностью отозвать ее: большинство в Палате, намереваясь проводить свою собственную политику и политику графа Артуа, отказалось признать отзыв. Такой шаг был одновременно оскорблением и узурпацией власти. Скандал и

тревога, вызванные сценами в Зале заседаний, были настолько велики, что герцог Веллингтон по просьбе послов вручил ноту королю Людовику XVIII, требуя от него в откровенных выражениях положить конец махинациям его брата. ^[274] Вмешательство иностранца спровоцировало ультрароялистов и не вызвало энергичных действий со стороны короля Людовика, который боялся кислого выражения лица герцогини Ангулемской больше, чем упреков Веллингтона. В конце концов, вопросу об урегулировании необеспеченного долга было позволено остаться открытым. Правительство не смогло осуществить продажу церковных лесов, Палата не преуспела в своем проекте конфискации. Бюджет на год, сильно измененный в интересах землевладельцев, был наконец приведен в форму. Резолюция Нижней палаты о возвращении Церкви непроданных лесов была проигнорирована короной; и правительство, получив средства для продолжения общественных работ, с радостью воздержалось от дальнейшего принятия законодательства и 29 апреля прекратило беспорядки, которые его окружали, приостановив работу Палат.

[Восстание в Гренобле, 6 мая. Казни.]

Была выражена надежда, что с закрытием Сессии системе тюремного заключения и надзора, которая преобладала в Департаментах, будет положен конец. Вобланк, министр принуждения, был отстранен от должности. Но беды Франции еще не закончились. 6 мая в Гренобле произошло восстание крестьян. Согласно отчету генерала Доннадье, командующего гарнизоном, который довел эту новость до сведения правительства, восстание было подавлено только после самых отчаянных боев. "Трупы врагов короля, - сказал генерал в своем донесении, - покрывают все дороги на расстояние лиги вокруг Гренобля". ^[275] Вскоре стало известно, что двадцать четыре заключенных были приговорены военным трибуналом к смертной казни, и шестнадцать из них фактически казнены: военный трибунал рекомендовал правительству помиловать остальных восьмерых. Но депеши Доннадье повергли кабинет министров в панику. Деказ, самый либеральный из министров, сам подписал поспешный приказ, требующий казнить оставшихся заключенных. Они погибли; и когда было слишком поздно, правительство узнало, что рассказ Доннадье представлял собой массу грубейших преувеличений и что делом, которое он представил как восстание всего Департамента, руководили около 300 крестьян, половина из которых были безоружны. Насилие и незаконность, с которыми генерал приступил к установлению режима военного права, вскоре привели его к столкновению с правительством. Он стал героем ультрароялистов; но министерство, которое не пожелало публично признаться в том, что оно напрасно предало смерти восемь человек, должно было нести позор акта жестокости, ответственность за который действительно нес Доннадье. Роль, в которую был втянут Деказ, вероятно, укрепила решимость этого министра, который теперь приобретал большое влияние на короля, нанести энергичный удар по ультрароялистской фракции. С этого времени он неуклонно вел короля к единственной мере, которая могла освободить страну от правления графа Артуа и реакционеров, - роспуску парламента.

[Десятилетия.]

[Роспуск Палаты, 5 сентября 1816 г.]

Людовик XVIII. во многом зависел от общества какого-нибудь личного фаворита. Деказ был молод и был приятным собеседником; его работа на посту министра полиции давала ему возможность развлекать короля анекдотами и сплетнями, гораздо более соответствующими вкусу старика, чем дискуссии о финансах или конституционном праве. Луи стал относиться к

Деказу почти как к сыну и потакал его собственной склонности к учебе, обучая его английскому языку. Враги министра говорили, что он завоевал сердце короля, беря частные уроки у какого-то малоизвестного британца и приписывая свои необычайные успехи мастерству своего королевского наставника. Но у Деказа нашелся более эффективный ответ, чем остроумие. Он вскрыл письма ультрароялистов и положил их перед королем. Людовик обнаружил, что эти верноподданные подшучивали над его немощами, называли его простофилей в руках якобинцев и ворчали на него за то, что он так долго оттягивал счастливый час, когда Артуа взойдет на трон. Каким бы юмористом ни был Луи, ему не совсем понравилось читать, что он "должен либо открыть глаза, либо закрыть их навсегда". В то же время отчеты местных агентов Деказеса доказывали, что ультрароялистская партия на самом деле была малочисленной и непопулярной на большей части страны. Проект роспуска был представлен министрам и некоторым приближенным короля. Хотя с послами не советовались по поводу этой меры, было ясно, что они не будут противиться ей. Ни слова о министерском заговоре не дошло до соперничающего лагеря Артуа. Король набрался храбрости и 5 сентября подписал Постановление, которое обращалось от парламента к нации, и, к гневу и ужасу ультрароялистов, распустил непокорную Палату за несколько недель до срока, назначенного для ее повторного созыва.

[Закон о выборах 1817 г.]

Франция благополучно избавилась от группы людей, которые были избраны в момент отчаяния и которые либо продлили бы оккупацию страны иностранными армиями, либо ввергли нацию в гражданскую войну. Последовавшие выборы были благоприятны для правительства. Вопросы, бесплодно обсуждавшиеся в Ассамблее 1815 года, были разрешены к удовлетворению общественности в новом парламенте. Был принят закон о выборах, который, хотя и сохранил высокое избирательное право, установленное Хартией, и правило обновления Палаты на пятую часть, придал жизнь и ценность представительной системе, сделав выборы прямыми. Хотя конституционный орган всей Франции едва ли насчитывал при таком устройстве сто тысяч человек, он был достаточно многочисленным, чтобы содержать большинство, враждебное реакционной политике Церкви и дворянства. Люди, разбогатевшие на банковском деле, торговле или мануфактурах, так называемая высшая буржуазия, значительно превосходили по численности крупных земельных собственников; и хотя обычно они не были демократичны в своих взглядах, они были либеральны и горячо поддерживали современные институты Франции в отличие от старых, поскольку их промышленные интересы и их личная значимость зависели от сохранения победы, одержанной в 1789 году над аристократическими привилегиями и монополией. Враждебность между гражданским средним классом и землевладельческой знатью была настолько сильна, что ультрароялисты в Палате представителей стремились, как и годом ранее, распространить избирательное право на крестьянство в надежде превзойти богатство численностью. Закон о выборах, однако, был принят обеими палатами в том виде, в каком он был разработан правительством. Хотя следующее поколение считало это узким и олигархическим, оно справедливо считалось великой победой, одержанной либерализмом в то время. Среднему классу Великобритании пришлось ждать пятнадцать лет, прежде чем он приобрел хоть какой-то вес в представительстве, предоставленном среднему классу Франции законом 1817 года.

[Установление финансового кредита.]

Не многие из лиц, которые были заключены под стражу в соответствии с временными актами прошлого года, теперь остались в заключении. Было сочтено необходимым продлить действие Законов об общественной безопасности, и они были вновь введены в действие, но в значительно смягченной форме. Новой Палате оставалось восстановить финансовый кредит страны, заключив какое-либо справедливое соглашение для обеспечения сохранности капитала и выплаты процентов по необеспеченному долгу. Проекты отказа от финансирования теперь не рассматривались. Ришелье согласился выплачивать Церкви ежегодное пособие, эквивалентное аренде церковных лесов; но сами леса были предоставлены в обеспечение долга, а право продажи было предоставлено правительству. В ожидании такого погашения капитала держатели необеспеченного долга получали акции, рассчитанные по их реальной, а не номинальной стоимости. Эффект от этой меры был очевиден сразу. Правительству было предоставлено возможность вступить в переговоры о предоставлении займа, который обещал ему средства для выплаты контрибуций, причитающихся иностранным державам. От этой выплаты зависела возможность вывода оккупационной армии. Хотя Веллингтон поначалу оказал некоторое сопротивление, тридцать тысяч человек были выведены весной 1817 года; и царь позволил Ришелье надеяться, что, если не возникнет дальнейших трудностей, полная эвакуация французской территории может состояться в следующем году.

[Характер 1816-18 гг.]

Таким образом, опасности, которыми реакционные страсти угрожали Франции, казалось, уходили в прошлое. Частичная реконструкция Палаты, состоявшаяся осенью 1817 года, еще больше укрепила министерство Ришелье и ослабила ультрароялистскую оппозицию. Прошло еще несколько месяцев, и перед третьей годовщиной Ватерлоо царь был готов дать совет о полном выводе иностранных армий из Франции. Державам было направлено приглашение встретиться на Конференции в Экс-ла-Шапель. Больше не было никаких сомнений в том, что пятилетняя оккупация, предусматривавшаяся при заключении второго Парижского мирного договора, будет отменена. Добрая воля Александра, дружелюбие его посла Поццо ди Борго, который, будучи уроженцем Корсики, сам был французским подданным и теперь стремился стать министром Франции, оказали мощное влияние в пользу Людовика XVIII. и его королевство; однако во многом быстрое восстановление доверия было связано с умеренным правлением Ришелье. Сама нация, далекая от того, чтобы пострадать от падения Наполеона, вновь обрела часть стихийной энергии, столь богатой в 1789 году и столь недостающей в более поздний период. Туча военной катастрофы рассеялась; началась новая умственная и политическая жизнь; и при династии, оттесненной иностранным оружием, Франция пробудилась к неизвестной ей деятельности, в то время как ее вождь издавал законы в Европе. Парламентские дебаты предлагали средства законной оппозиции тем, кто не питал дружеских чувств к двору: заговор, хотя и вызывал тревогу в данный момент, стал прибежищем только темных и бессильных. Группы способных людей собирались вокруг признанных лидеров или объединялись в защиту общего политического кредо. Пресса, немая при Наполеоне, за исключением целей подхалимства, постепенно стала силой в стране. Даже бесчестное красноречие Шатобриана, отстаивающего принципы юридической и конституционной свободы от имени партии, которая охотно использовала бы любое оружие деспотизма в своих собственных интересах, доказало, что свинцового груза, который так долго подавлял мысль и выражение, больше не существует.

[Пруссия после 1815 г.]

[Указ, обещающий конституцию, 22 мая 1815 г.]

Но если годы между 1815 и 1819 годами были во Франции годами надежды и прогресса, то в Европе в целом все было иначе. В Англии это были годы почти беспрецедентных страданий и недовольства; в Италии правление Австрии становилось все более и более антинациональным; в Пруссии, хотя энергичная местная и финансовая администрация ускорила восстановление разоренной страны, надежды на свободу угасли под натиском возрождающейся энергии знати и сопротивления друзей абсолютизма. Когда Штайн призвал прусский народ взяться за оружие ради своего Отечества, он верил, что ни Фридрих Вильгельм, ни Александр не позволят Пруссии остаться без свободных институтов после победы в битве. Самые пылкие участники Освободительной войны едва ли делали различие между делом национальной независимости и делом внутренней свободы. Они вернулись с полей сражений Саксонии и Франции, зная, что прусская нация безжалостно пожертвовала жизнью и богатством по зову патриотизма, и веря, что король-патриот будет рад увенчать свой триумф провозглашением свободы Германии. Некоторое время казалось, что надежда близка к осуществлению. 22 мая 1815 года Фридрих Вильгельм опубликовал указ, в котором говорилось, что должно быть учреждено Народное представительство. ^[276] С этой целью король заявил, что существующие провинциальные поместья должны быть реорганизованы, а новые основаны там, где их еще не существовало, и что из Провинциальных поместий должно быть выбрано Собрание представителей страны. Было добавлено, что будет назначена комиссия, которая под председательством Харденберга организует систему представительства и разработает письменную Конституцию. Ассамблее было обещано право обсуждать все законодательные меры, затрагивающие личность или собственность. Хотя иностранные дела, казалось, были напрямую исключены из парламентских дебатов, а формулировка Эдикта предполагала, что представительный орган будет иметь только консультативный голос, не имея права ни инициировать, ни отклонять законы, эти оговорки лишь демонстрировали осторожность, естественную со стороны правительства, впервые лишаящего себя абсолютной власти. Каким бы осторожным ни был план, предложенный королем, вряд ли вызвал бы недовольство людей, которые сделали больше всего для того, чтобы сделать возможным конституционное правление в Пруссии.

Сопротивление феодальных и самодержавных партий.]

Но обещанию Фридриха Вильгельма было суждено остаться невыполненным. То, что Штейну, оказавшему такие славные услуги своей стране и всей Европе, было позволено уйти из общественной жизни, не было добрым предзнаменованием для Пруссии. Старая придворная партия в Берлине, политики, которые были вынуждены уступить дорогу более популярным людям, землевладельцы, которые так и не простили освобождения крепостных, все интересы абсолютизма и классовых привилегий, которые на мгновение исчезли в великой борьбе за национальное существование, постепенно восстановили свое влияние на короля и подорвали авторитет Харденберга, который сам доживал до старости среди обстоятельств частной жизни, которые не оставляли старости почти ничего от ее чести. Принятие даже принципиального решения о том, какую основу следует заложить в новую прусскую конституцию, потребовало бы всей дальновидности и всего конструктивного мастерства самого опытного государственного деятеля; ибо рядом с древним владычеством Гогенцоллернов теперь находились Рейнская и Саксонская провинции, чуждые по духу и сомнительной лояльности, в дополнение к польской

территории и более мелким немецким округам, приобретенным в промежутках между 1792 и 1815 годами. Харденберг был прав, пытаясь связать Конституцию с чем-то, что дошло до нас из прошлого; но решение о том, что Генеральная ассамблея должна быть сформирована из провинциальных сословий, вероятно, было неблагоразумным; поскольку эти Сословия в их нынешней форме были в основном корпорациями дворян, и дух, который их одушевлял, был одновременно духом классовых привилегий и чрезвычайно сильного местничества. Харденберг не только вызвал ненужную задержку, основав представительную систему на реформе провинциальных сословий, но и подвергся резким нападкам со стороны этих самых органов, для которых не было ничего более отвратительного, чем поспориение их собственного достоинства Генеральной ассамблеей. Стало очевидно, что процесс формирования Конституции будет утомительным; а тем временем противники народного движения начали свою атаку на людей и идеи, чье влияние на освободительную войну, по-видимому, привело к столь значительному разрыву между немецким настоящим и прошлым.

[Памфлет Шмальца, 1815.]

Первым публичным заявлением реакции была брошюра, выпущенная в июле 1815 года Шмальцем, довольно известным юристом и шурином Шарнхорста, организатора реорганизации армии. Шмальц, опровергая утверждение, которое приписывало ему в высшей степени почетную роль в патриотическом движении 1808 года, атаковал Тугендбунд и другие политические объединения той эпохи языком крайней жестокости. В жесткой и безапелляционной манере старой прусской бюрократии он отрицал, что народный энтузиазм имел какое-либо отношение к победе 1813 года, ^[277] приписывая выздоровление нации, во-первых, ее подчинению французскому союзу в 1812 году, а во-вторых, спокойному чувству долга, с которым, когда пришло время, она взяла в руки оружие, повинаясь приказу президента. Король. Затем, переходя к нынешним целям политических обществ, он обвинил их в намерении свергнуть все установленные правительства и принудить Германию к единству посредством революции, убийств и грабежей. Штайн не был упомянут по имени, но выдающимся людям, поощрявшим якобинские общества, было дано предупреждение, что в таких комбинациях гиганты в конце концов служат карликам. Памфлет Шмальца, написанный с силой и лаконичностью стиля, весьма необычных для Германии, произвел глубокое впечатление и вызвал большое возмущение в либеральных кругах. На это ответил, в числе других авторов, Нибур; и споры разгорались до тех пор, пока король Фридрих Вильгельм в интересах общественного спокойствия не приказал, чтобы ни одна из сторон больше ничего не говорила. То, что король таким образом вмешался, чтобы прекратить ссоры своих подданных, соответствовало чувствам Пруссии. В акте беспристрастного подавления не было бы ничего неприличного. Но король сделал невозможным рассматривать его поступок как имеющий такой характер. Не посоветовавшись с Харденбергом, он наградил автора полемики орденом. Дальновидные люди увидели истинный смысл этого поступка. Они предупредили Харденберга, что, если он пропустит мимо ушей это пренебрежение, вскоре ему придется пропустить другие, более серьезные, и призвали его настоять на отстранении советников, по совету которых действовал король. ^[278] Но министр не любил болезненных мер. Вероятно, он полагал, что никакое влияние короля никогда не сможет вытеснить его собственное, и слишком легкомысленно относился к росту числа противников, которые, испытывая открытую или скрытую враждебность по отношению к нему, стремились воспрепятствовать осуществлению конституционных реформ, которые были ему по сердцу.

[Принятие обещанных конституций в Германии отложено.]

В Указе от 22 мая 1815 года король распорядился, чтобы работа по разработке Конституции была начата в сентябре следующего года. Однако возникли задержки; и когда комиссия была, наконец, назначена, ее ведущим членам было поручено совершить поездку по стране для сбора мнений относительно требуемой формы представительства. Прошло два года, прежде чем началась даже эта предварительная операция. Тем временем был достигнут очень незначительный прогресс в создании конституционного правительства в Германии в целом. Только один принц, великий герцог Веймарский, уже известный в Европе благодаря своим связям с Гете и Шиллером, преданно принял идею свободного государства и привел в действие представительные институты. В Гессене курфюрст созвал представителей Сословий только для того, чтобы с презрением уволить их, когда они воспротивились его поборам. В большинстве второстепенных государств между Суверенами и древними Орденами происходили состязания или переговоры, которые приводили к незначительному результату или вообще не приводили к нему. Федеральный сейм, который должен был бы заняться определением определенных принципов общественного права, общих для всей Германии, оставался бездействующим. Хотя надежда еще не угасла, возникло чувство недовольства, особенно среди литературного класса, проявившего такой энтузиазм в Освободительной войне. Характерным для Германии было то, что требование свободного правления исходило не от группы солдат, как в Испании, не от купцов и деловых людей, как в Англии, а от профессоров и студентов, а также от журналистов, которые были всего лишь профессорами в другой форме. Средний класс в целом был безразличен: высшее дворянство и рыцари, потерявшие свою полунезависимость в 1803 году, добивались восстановления привилегий, которые на самом деле были несовместимы с каким бы то ни было государственным управлением. Защита конституционного правления и единства Германии была оставлена, за неимением прусской инициативы, пылким представителям университетов и прессы, которые естественно, проявляли при рассмотрении политических проблем больше беглости, чем знаний, и больше рвения, чем осмотрительности. Йена, находившаяся во владениях герцога Веймарского, стала, благодаря существовавшей там свободе печати, центром новой либеральной журналистики. Его университет возглавил движение за тевтонизацию, которое было начато Фихте двенадцать лет назад, в дни унижения Германии, и которое теперь получило такой мощный импульс от победы, одержанной над иностранцем.

[Вартбургский фестиваль, октябрь 1817 г.]

18 октября 1817 года студенты Йены вместе с депутациями от всех протестантских университетов Германии провели фестиваль в Эйзенахе, чтобы отпраздновать двойную годовщину Реформации и битвы при Лейпциге. Пятьсот молодых патриотов, среди них ученые, награжденные за храбрость при Ватерлоо, повязали себе на лбы дубовые листья и собрались в почтенном зале Вартбургского замка Лютера; пели, молились, проповедовали, и им проповедовали; обедали; пили за свободу Германии, драгоценность жизни, за доктора Мартина Лютера, человека Божьего, и за великого герцога Саксен-Веймарского; затем спустились в Эйзенах, побратались с ландштурмом на рыночной площади и посетили богослужение в приходской церкви без происшествий. Вечером они поучали горожан гимнастикой, которая теперь стала признанным символом немецкой мощи, и разожгли большой костер на холме напротив замка. На протяжении всей официальной части церемонии царил дух благоговения; однако было произнесено несколько опрометчивых слов в адрес королей, нарушающих

обещания, а некоторые из более стойких духом воспользовались разгоревшимся костром, чтобы предать огню, в подражание тому, как Лютер обращался с папской буллой, некоторое количество того, что они сочли негерманскими и нелиберальными писаниями. Среди них была брошюра Шмальца. Они также сожгли солдатскую смиренную рубашку, косичку и трость капрала - символы военного брутализма прошлых времен, который сейчас возрождается в Вестфалии. ^[279] Каким бы незначительным ни было все это дело, оно вызвало особую тревогу не только в Германии, но и при иностранных дворах. Ришелье написал из Парижа, чтобы узнать, не вспыхивает ли революция. Король Пруссии отправил Харденберга в Веймар для проведения расследования на месте. Меттерних, который везде и во всем видел заговор и революцию, поздравил себя с тем, что его менее проницательные соседи наконец осознали грозящую им опасность. Первым результатом вартбургского скандала стало то, что герцогу Веймарскому пришлось ограничить свободы своих подданных. Со временем его дальнейшие последствия стали слишком очевидны. Это оставило после себя по всей Германии впечатление, что в прессе и университетах действуют силы беспорядка, которые должны быть подавлены любой ценой твердой рукой правительства; и это усилило тревогу, с которой король Фридрих Вильгельм уже относился к обещаниям свободы, которые он дал прусскому народу два года назад.

[Александр в 1818 году.]

Между Вартбургским фестивалем и началом конференций в Экс-ла-Шапель прошло двенадцать месяцев. В промежуток времени более важная персона, чем король Пруссии, перешла на сторону реакции. Вплоть до лета 1818 года царь, казалось, несколько не ослабил своего рвения к конституционному правлению. Весной того же года он созвал польский сейм; обратился к ним с речью, столь восторженной, что встревожила не только венский двор, но и всех его собственных советников; и самым ясным из возможных выражений заявил о своем намерении распространить преимущества представительной системы на всю Российскую империю. ^[280] В конце краткого заседания он поблагодарил польских депутатов за их смелость принять меру, предложенную им самим. Популярная риторика Александра в Варшаве, возможно, была бы совместима с установившейся целью не допускать посягательств на власть ни там, ни где-либо еще; но перемена в его тоне была столь значительной, когда он появился в Экс-ла-Шапель несколько месяцев спустя, что для ее объяснения была сочтена необходимой какая-то странная и внезапная причина. Говорят, что во время пребывания царя в Москве в июне 1818 года ему было открыто о существовании массы тайных обществ в армии, целью которых было свержение его собственного правительства. Отец Александра погиб от рук убийц: его собственный темперамент, сангвинический и эмоциональный, должен был сделать последствия такого открытия, несмотря на все его благожелательные надежды на Россию, острыми до последней степени. То, что царь поддался единому порыву чувств и в одно мгновение превратился из освободителя в деспота, не противоречит ни его характеру, ни более ранним событиям в его личной истории. Но доказательств того, что происходило в его голове, недостаточно. Слухов, догадок, сплетен предостаточно; ^[281] единственный человек, который мог бы рассказать все, не оставил ни слова. Несомненно только то, что с конца 1818 года будущее, до сих пор светлое мечтами о мирном прогрессе, стало в глазах Александра полем битвы между силами порядка и анархии. Задача, возложенная Провидением на него самого и других королей, заключалась больше не в распространении знаний и свободы среди человечества, а в защите существующей власти, и даже власти деспотичной и нехристианской, от безумия, известного как народное право.

[Конференции в Экс-ла-Шапель, октябрь 1818 г.]

[Франция эвакуирована.]

[Предлагаемый альянс из пяти человек.]

[Консервирование.]

В конце сентября 1818 года монархи или министры Великих держав собрались в Экс-ла-Шапель, и начались Сопещания. Первый вопрос, который предстояло решить, заключался в том, можно ли безопасно вывести союзную армию из Франции; второй - в какой форме впредь следует поддерживать единство Европы. По первому вопросу разногласий не возникло: вопрос об эвакуации Франции был решен и оперативно выполнен. Второй вопрос был более сложным. Ришелье от имени короля Людовика XVIII заявил, что Франция теперь находится на тех же основаниях, что и любая другая европейская держава, и предложил преобразовать Четверной союз 1815 года в подлинную европейскую федерацию, присоединив к нему Францию в качестве пятого члена. План был доведен до сведения английского правительства и, вероятно, получил бы его одобрение, если бы не сильное противодействие, вызванное Каннингом в Кабинете министров. Каннинг придерживался мрачного, но верного взгляда на предложенное соглашение Держав. Он предвидел, что на самом деле это будет равносильно объединению правительств против свободы. Поэтому, признавая существующие обязательства этой страны, он настаивал на том, что Англия не должна присоединяться ни к какой комбинации, кроме той, которой она уже обязалась, а именно к комбинации, заключенной с определенной целью противодействия французским беспорядкам. Объединиться с тремя державами, чтобы помешать Наполеону или якобинцам снова стать хозяевами Франции, было разумным политическим актом: объединиться со всеми Великими державами Европы ни против чего конкретного означало бы поставить страну на сторону правительств против народов и вовлечь Англию в любое репрессивное предприятие, которое Суды могли бы счесть нужным предпринять. Предупреждение Каннинга открыло глаза его коллегам на мнение, которое, вероятно, было бы принято парламентом и общественным мнением о таком общем союзе. Лорду Каслри было запрещено присоединять эту страну к какому-либо абстрактному союзу правительств. В запоминающихся словах премьер-министр описал истинные основания для такого решения: "Мы должны помнить во всем этом деле и должны дать нашим союзникам почувствовать, что общее и европейское обсуждение этих вопросов будет проходить в британском парламенте". ^[282] Страх перед растущим голосом нации, которую военная необходимость больше не вынуждала санкционировать все действия ее правителей, вынудил лордов Ливерпуля и Каслри принять во внимание угрызения совести, которые были не их собственными. На тех же основаниях, хотя министерство согласилось с тем, что континентальные трудности, которые могут возникнуть в дальнейшем, должны быть разрешены путем дружеского обсуждения между Великими державами, оно отказалось превратить это случайное обсуждение в систему и согласиться на периодические заседания Конгресса. Миру могли способствовать или не могли способствовать частые собрания суверенов и государственных деятелей; но сформированный таким образом совет, будь он постоянным по своему характеру, неизбежно уничтожил бы независимость каждого второстепенного государства и передал бы управление всей Европой Великим Дворам, если бы только они могли договориться друг с другом.

[Декларации и секретный мирный договор в Экс-ла-Шапель.]

Именно отказ Англии вступить во всеобщую лигу определил форму, в которой были воплощены результаты Конференции 1818 года. Во-первых, был возобновлен Четверной союз против Французской революции, причем с такой серьезностью, что были определены военные центры, в которых в случае какого-либо восстания должны были собраться войска каждой из Великих держав. ^[283] Этот договор, однако, держался в секрете, чтобы не усугублять трудностей Ришелье. Опубликованные документы дышали другим духом. ^[284] Не объявляя о фактическом союзе с королем Людовиком XVIII, Суды, включая Англию, заявили, что благодаря восстановлению законной и конституционной монархии Франция вернула себе свое место в советах Европы и что в дальнейшем она будет сотрудничать в поддержании всеобщего мира. С этой целью могут потребоваться встречи государей или их министров; однако такие встречи будут проводиться обычными способами переговоров, и Великие державы не будут обсуждать дела какого-либо второстепенного государства, кроме как по прямому приглашению этого государства, представители которого затем будут допущены на заседания. В этих сдержанных словах было отвергнуто намерение сформировать постоянный и организованный Контрольный суд над Европой. В манифесте, обращенном ко всему миру, провозглашалось, что государи пяти великих государств не имели никакой другой цели в своем союзе, кроме поддержания мира на основе существующих договоров. Они не создавали новых политических комбинаций; их правлением было соблюдение международного права; их целью было процветание и моральное благополучие их подданных.

[Репрессивный тон Конференции.]

[Отныне доминируют Меттерних и австрийские принципы.]

Серьезность, с которой государственные деятели 1818 года, принимая условия, выдвинутые Англией, упорствовали в проекте совместного урегулирования европейских дел, может натолкнуть на вопрос, не сработал ли бы на самом деле план, который они вынашивали в глубине души, на благо человечества. Ответ заключается в том, что ценность любого Международного совета зависит, во-первых, от интеллекта, которым он, вероятно, обладает, и, во-вторых, от степени, в которой он действительно репрезентативен. Опыт доказал, что конгрессы, последовавшие за 1818 годом, обладали лишь ограниченным интеллектом и что они вообще не представляли ничего, кроме авторитета. Встреча в Экс-ла-Шапель сама по себе стала поворотным моментом в конституционной истории Европы. Хотя не было сделано ни одного открытого заявления против конституционных форм, каждый Суверен и каждый министр, присутствовавший на Конференции, покинули ее с решимостью покрепче натянуть бразды правления. В голосе прозвучала нотка тревоги. Заговоры в Бельгии, покушение на жизнь Веллингтона, слухи о заговоре с целью спасения Наполеона с острова Святой Елены в сочетании с протестами против немецких университетов и слухами, передаваемыми шепотом из Москвы, вселяют опасения в умы государственных деятелей. Перемена, произошедшая в самом Александре, имела самое серьезное значение. До этого времени Меттерних, лидер европейского консерватизма, считал, что царь симпатизировал либерализму и просвещению, которые ставили под сомнение будущее Европы. ^[285] Остановить распад существующей власти, подавить всякую тенденцию к переменам было обычной целью Австрии, и царь был единственным человеком, который, казалось, мог помешать принципам Австрии стать законом Европы. В других местах Меттерниху было нечего опасаться оппозиции. Харденберг,

ослабленный здоровьем и плохо поддерживаемый своим королем, перестал быть властью. Уступая опасениям Фридриха Вильгельма, возможно, с надеждой развеять их когда-нибудь в будущем, он занял свое место среди паникеров того времени и допустил, чтобы немецкая политика в отношении Пруссии, перед которой несколько лет назад было открыто такое великое будущее, стала простым отражением австрийского бездействия и репрессий. [286] Англия, пока она была представлена на Континенте Каслри и Веллингтоном, вряд ли что-то значила на стороне свободы. Внезапная перемена в Александре устранила единственное препятствие, стоявшее на пути Австрии; и с этого времени Меттерних пользовался в Европе таким авторитетом, каким когда-либо обладали немногие государственные деятели. Его влияние, превзойденное влиянием царя в 1814 и 1815 годах, пустило корни на конференции в Экс-ла-Шапель, сохранялось неизменным в течение пяти насыщенных событиями лет и пошло на убыль только тогда, когда смерть лорда Каслри позволила вновь услышать подлинный голос Англии, а Каннинг, слишком поздно, чтобы запретить репрессии в Италии и Испании, после некоторого периода вынужденного нейтралитета начал более достойный концерт, установивший независимость Греции.

[Совет Меттерниха Пруссии, 1818.]

Если признаком умного государственного деятеля является умение давить, а где уступить, то Меттерних, безусловно, проявил себя таковым в 1818 году. Перед окончанием Конференции он передал Харденбергу и королю Пруссии два документа, содержащих полный набор рекомендаций по управлению делами Пруссии. Содержание этих документов было достаточно необычным: еще более необычно то, что они формируют историю того, что на самом деле происходило в Пруссии в последующие годы. Начав с предположения, что революционная партия нашла свой рычаг в обещании короля Фридриха Вильгельма создать Представительную систему, Меттерних вежливым языком продемонстрировал тем самым людям, которые дали это обещание, что любое центральное представительство неизбежно свергнет прусское государство; указал, что владения короля состоят из семи провинций; и рекомендовал Фридриху Вильгельму выполнить свое обещание только путем предоставления каждой провинции Сейма для обсуждения ее собственных местных проблем. Таким образом, предостерегая короля от создания Национального парламента, подобного тому, который ввергнул Францию в революцию в 1789 году, Меттерних указал на конкретные опасности момента и средства их преодоления. Этими опасностями были университеты, гимнастические заведения и пресса. "Революционеры, - сказал он, - отчаявшись достичь своей цели самостоятельно, разработали четкий план воспитания следующего поколения для революции. Гимнастическое заведение является подготовительной школой для университетских беспорядков. Университет захватывает юношу, когда он покидает детство, и дает ему революционное воспитание. Это зло характерно для всей Германии и должно быть остановлено совместными действиями правительств. Гимназии, напротив, были изобретены в Берлине и происходят из Берлина. Для них паллиативных мер больше недостаточно. Для короля Пруссии стало государственным долгом уничтожить зло. Все учреждение в любой форме должно быть закрыто и искоренено". Что касается злоупотреблений в прессе, Меттерних ограничился тем, что сказал, что следует проводить различие между значимыми книгами и простыми брошюрами или журналами; и что регулирование прессы по всей Германии в целом может быть осуществлено только соглашением между Австрией и Пруссией. [287]

[Брошюра Стурдзы.]

С миллионом вооруженных людей монархи, свергнувшие Наполеона, трепетали, потому что тридцать или сорок журналистов и профессоров слишком высоко поднимали свою риторику и потому что мудрые головы не росли на плечах школьников. Император Франциск, чье воображение не смогло воспарить до величия Священного союза, единственный, по-видимому, имел некоторое представление об абсурдности нынешних тревог. ^[288] Царь отличился своим рвением в борьбе с лекторами, которые переворачивали мир с ног на голову. Как будто Меттерних и без того недостаточно напугал Конгресс, царь распространил в Экс-ла-Шапель брошюру, опубликованную неким Стурдзой, молдаванином, в которой Германия описывалась как находящаяся на грани революции, и перечислялось полдюжины смертельных беспорядков, поразивших эту несчастную страну. Главнее всего была порочная система университетов, которая вместо того, чтобы должным образом развивать сосуд христианского государства от колыбели Моисея, ^[289] воспитывала молодых людей в презрении к закону и инструментам распущенной прессы. Изобретательный молдаванин, чьи высказывания в некоторых местах имеют странное сходство с высказываниями Александра, в то время как в других они фактически идентичны размышлениям Меттерниха, не опубликованным тогда, продолжал просвещать немецкие правительства относительно наилучших средств спасения своих подданных из их опасного положения. Были кратко предложены определенные финансовые и административные изменения, но главная реформа, на которой настаивали, заключалась именно в том, что предлагал Меттерних, а именно в установлении лучшей дисциплины и более жестко предписанного курса обучения в университетах, наряду с надзором за всеми журналами и периодической литературой.

[Убийство Коцебу, 23 марта 1819 г.]

Брошюра Стурдзы, в которой свободные рассуждения сопровождались грубейшими оскорблениями, привлекла бы мало внимания, если бы зависела от ее собственных достоинств или репутации ее автора: другое дело, когда стало известно, что она отражает взгляды царя. В университетах поднялся бурный, но закономерный протест против такого вмешательства иностранца во внутренние дела Германии. Национальная независимость, казалось, была завоевана в смертельной борьбе с Францией только для того, чтобы внутренняя свобода, обещанный плод этой независимости, была принесена в жертву по приказу России. Сам царь был недостижим: месть оскорбленного патриотизма обрушилась на ничтожного человека, имевшего несчастье считаться его главным агентом. Известный тогда драматический писатель, ныне забытый, Август Коцебу, занимал должность русского агента в Центральной Германии и руководил газетой, целью которой было высмеивать национальное движение того времени, и особенно те студенческие объединения, где немецкий энтузиазм достиг своего апогея. Многие обстоятельства ожесточили народные чувства против этого человека и заставили рассматривать его не столько как законного врага, сколько как предателя и вероотступника. Коцебу сам был студентом в Йене и одно время обращал либеральные настроения к практическому применению в своих пьесах. Литературная зависть и уязвленное тщеславие впоследствии оттолкнули его от своей страны и сделали добровольным и язвительным наемником иностранного двора. Отчеты, которые он, как русский агент, отправлял в Санкт-Петербург, были, несомненно, столь же оскорбительными, как и нападки на университеты, которые он публиковал в своем журнале; но это был экстравагантный комплимент этому человеку - воображать, что он был настоящим виновником перехода царя от либерализма к

реакции. Это, однако, было общепринятое мнение, и оно дорого обошлось Коцебу. Студент из Эрлангена Карл Санд, сопровождавший знамя на Вартбургском фестивале, принял молчаливое решение пожертвовать собственной жизнью, чтобы наказать врага своей страны. Сэнд был человеком чистого и набожного, хотя и неуравновешенного характера. Его предыдущая жизнь отмечала его как человека, все существо которого было поглощено тем, что он считал божественным призванием. Он подумал о греках, которые, даже находясь в упадке, так часто умирали, чтобы освободить свою страну от турецкого гнета, и пришел к прискорбному выводу, что, убив опустившегося драматурга, он мог нанести какой-то серьезный удар по силам зла. ^[290] Он разыскал несчастного Коцебу в кругу его семьи, ударил его ножом в сердце, а затем обратил его оружие против самого себя. Оправившись от ран, он был приговорен к смертной казни и через год погиб на эшафоте, призывая Бога в свидетели, что он умер за то, чтобы Германия стала свободной.

[Действие Меттерниха.]

Последствия поступка Занда были очень велики, и их истинная природа была сразу распознана. Харденберг, как только услышал о смерти Коцебу, воскликнул, что прусская конституция теперь стала невозможной. Меттерних, который считал царя сумасшедшим, потому что тот хотел основать мирный союз монархов на религиозных принципах, вряд ли допускал такого рода благочестие, которое посылало молодых мятежников по всей стране с миссиями убийства. Австрийский государственный деятель находился в Риме, когда до него дошла весть об убийстве Коцебу. Он увидел, что пришло время для совместных действий по всей Германии, и, не делая никаких публичных заявлений, разработал план репрессивных мер и разослал предложения о созыве собрания министров всех главных немецких дворов. Летом он медленно путешествовал на север, встретился с королем Пруссии в Теплице, в Богемии, и вскоре после этого открыл намеченную Конференцию министров в соседнем городе Карлсбад. Ряд невинных людей уже были арестованы по его наущению в Пруссии и других государствах при обстоятельствах, глубоко дискредитирующих правительство. Были изъяты личные бумаги, и искаженные выдержки из них были опубликованы в официальных изданиях в качестве доказательства вины. ^[291] "С Божьей помощью, - писал Меттерних, - я надеюсь победить Немецкую революцию, точно так же, как я победил завоевателя мира. Революционеры думали, что я далеко, потому что я был в пятистах лье от них. Они обманули себя; я был среди них, и теперь я наношу свои удары". ^[292] План Меттерниха состоял в том, чтобы провести в жизнь по всей Германии посредством законодательства в Федеральном сейме принцип, который он уже в частном порядке изложил королю Пруссии. Перед ним стояли две различные политические задачи: первая - предотвратить образование в любом немецком государстве собрания, представляющего все сообщество, подобного английской палате общин или французской палате депутатов; вторая - установить общую систему цензуры над прессой и университетами и создать центральный орган, наделенный, как представитель сейма, инквизиторскими полномочиями.

[Юго-Западные государства становятся конституционными по мере рецидива Пруссии.]

[Баварская конституция, 26 мая 1818 г.]

Выполнение первой из этих задач, предотвращение проведения общих собраний, стало еще более затруднительным из-за недавних актов правительств Баварии и Бадена. Странная перемена произошла в отношениях между Пруссией и Второстепенными государствами,

которые ранее составляли Рейнскую федерацию. Когда на Венском конгрессе прусские государственные деятели попытались ограничить произвол мелких суверенов, возложив на сейм защиту конституционных прав на всю Германию, короли Баварии и Вюртемберга решительно отказались расстаться с суверенной властью. Подчиниться закону свободы, как тогда казалось, означало потерять свое собственное отдельное существование и поставить себя в зависимость от берлинских якобинцев. Это опасение определяло политику Судов малой инстанции с 1813 по 1815 год. Но с тех пор события приняли неожиданный оборот. Пруссия, которая когда-то угрожала возбудить народное движение по всей Германии в своих собственных интересах, теперь приняла руководство Меттерниха и сделала своего представителя в сейме выразителем австрийских интересов и политики. Угроза отдельному существованию Малых государств исходила уже не из Берлина, а из Вены. Два великих двора объединились против независимости своих более слабых соседей. Опасность любого народного посягательства на королевские права во имя единства Германии миновала, и безопасность младших суверенов, казалось, теперь заключалась не в сопротивлении духу конституционной реформы, а в том, чтобы апеллировать к ней. По мере того как Пруссия подчинялась указаниям Меттерниха, правительства юго-западных государств знакомились с идеей народного представительства; и в то самое время, когда программа консерваторов разрабатывалась для конгресса в Экс-ла-Шапель, король Баварии опубликовал Конституцию. Баден последовал за ним через короткий промежуток времени, и в каждом из этих штатов, хотя Законодательное собрание было разделено на две палаты, установленное представительство было не просто провинциальным, согласно плану Меттерниха, или полностью основанным на принципе разделения сословий или орденов, как до революции, но в некоторой степени по типу Англии и Франции, где Нижняя палата, теоретически, представляла общественность в целом. Этого было достаточно, чтобы заставить Меттерниха осудить новые Конституции как радикально плохие и революционные. ^[293] Однако он сознавал трудность прямой атаки на них. Эту задачу он приберег для более позднего времени. Его политика в настоящее время заключалась в том, чтобы добиться от Сейма декларации, которая помешала бы любому другому правительству внутри Лиги следовать тем же путем; в то время как посредством законов о печати, надзора за университетами и центральной комиссии по расследованию он рассчитывал сделать положение мятежных профессоров и агитаторов настолько отчаянным, что силы беспорядка, которые сами по себе не имеют глубоких корней в немецкой природе, вскоре исчезнут.

[Карлсбадская конференция, август 1819 г.]

Конференция министров в Карлсбаде, которая в памяти немецкого народа справедливо ассоциируется с подавлением его свободы на протяжении целого поколения, началась и закончилась в августе месяце 1819 года. Хотя на нем присутствовали представители восьми немецких правительств, он лишь зафиксировал выводы, которые Меттерних уже сделал. ^[294] Рвение, с которым посланник Пруссии поддерживал все репрессивные меры, делало бесполезным для министров Второстепенных дворов открытое противодействие. Ничего больше не требовалось, кроме того, чтобы Сейм официально одобрил предложения, которые, таким образом, в частном порядке были приняты всеми ведущими министрами. 20 сентября эта санкция была дана. Сейм, заседавший в течение трех лет, не приняв ни одного полезного закона, ратифицировал все репрессивные постановления Меттерниха за столько же часов. Было приказано, чтобы в каждом штате, входящем в Федерацию, правительство принимало меры по предотвращению публикации любого журнала или брошюры, кроме как после

получения лицензии, и каждое правительство было объявлено ответственным перед Федерацией в целом за любое вызывающее возражение произведение, опубликованное на его собственной территории. Монархи должны были назначить гражданских комиссаров в университетах, в обязанности которых должно было входить обеспечение общественного порядка и благотворное руководство преподаванием профессоров. Они также были обязаны уволить всех профессоров, которые должны были выйти за рамки своих обязанностей, и таким уволенным лицам было запрещено работать в любом другом штате. Было предписано, что в течение пятнадцати дней после принятия декрета в Майнце должна собраться чрезвычайная комиссия для расследования происхождения и масштабов деятельности тайных революционных обществ, которые угрожали безопасности Федерации. Комиссия была уполномочена допрашивать и, при необходимости, арестовывать любого подданного любого немецкого государства. Все суды и другие органы власти были обязаны предоставлять ему информацию и документы, а также проводить все расследования, которые могла назначить Комиссия. Комиссия, однако, сама по себе не была судебным органом: ее обязанностью было отчитываться перед Сеймом, который затем создавал такой судебный механизм, который мог оказаться необходимым. ^[295]

[Дополнительный акт Вены, июнь 1820 г.]

Эти меры носили исключительный характер и предполагались временными. Были, однако, и другие статьи, которые Меттерних намеревался возвести в ранг органических законов и включить в Закон 1815 года, легший в основу Германской федерации. Соответственно, после короткого перерыва совещания министров были возобновлены, но в Вене, а не в Карлсбаде. Они продолжались несколько месяцев, причем Малые государства теперь оказывали более сильное сопротивление, чем раньше. Наконец был составлен второй свод федеральных законов, который был принят сеймом 8 июня 1820 года. ^[296] Наиболее важным из его положений было то, что касалось Конституций, приемлемых в рамках Немецкой лиги. Было объявлено, что в каждом штате, за исключением четырех вольных городов, верховная власть принадлежит Суверену и только ему одному, и что никакая Конституция не может сделать большего, чем обязать Суверена сотрудничать с Сословиями в определенных актах управления. ^[297]

В случаях, когда правительство либо обращалось за помощью против мятежных подданных, либо было заведомо неспособно осуществлять власть, сейм возлагал на себя обязанность поддержания общественного порядка.

[Реакция в Пруссии.]

С этого времени все свободы, какие существовали в Германии, можно было найти во Второстепенных государствах, в Баварии и Бадене, а также в Вюртемберге, который получил Конституцию за несколько дней до вступления в силу Карлсбадских декретов. В Пруссии реакция опередила все. Гумбольдт, лучший и наиболее либеральный из министров, подал в отставку, тщетно протестуя против позорной роли, которую король решил сыграть. За ним последовали те из его коллег, чьи принципы были им дороже своего места. Харденберг остался на своем посту, умирающий человек, изолированный, брошенный, сорванный; цепляясь за какую-то последнюю надежду выполнить свои обещания прусскому народу, но при этом завидуя всем, кто мог бы оказать ему настоящую помощь; обесчестив цепкостью за место карьеру, связанную со столь значительной славой его страны, и облагороженную в прежние дни такой стойкостью во времена зла. Вокруг короля собралась группа людей, которые могли

видеть в великих патриотических усилиях и реформах последнего десятилетия не что иное, как посягательство демагогов на права власти. Они желали, чтобы Пруссия получала приказы от Меттерниха и служила иностранному двору в деле репрессий, а не занимала свое место во главе всей Германии при условии становления свободным и конституционным государством. ^[298] Клеймо нелояльности было наложено на всех, кто разжигал народный энтузиазм в 1808 и 1812 годах. Служить нации означало согрешить против правительства. Его великое имя защищало Штейна от нападков, но не от клеветы. Его друг Арндт, чьи песни и выступления так сильно тронули сердца Германии во время Освободительной войны, неоднократно подвергался судебному разбирательству и, хотя не был признан виновным ни в каком правонарушении, был отстранен от исполнения своих профессорских обязанностей на двадцать лет. Другие лица, чья вина заключалась, по большей части, в том, что они работали на единство Германии, предстали перед специальными трибуналами, и после длительного судебного разбирательства либо отказались от публичного оправдания, либо были приговорены к реальному тюремному заключению. Бесплатное преподавание, свободные дискуссии прекратились. Барьер власти перекрыл все пути политической мысли. Повсюду представитель государства предписывал ортодоксальное мнение и обращал внимание на тех, кто высказывал несогласие.

[Комиссия в Майнце.]

Предлогом, созданным в Карлсбаде для этого крестового похода против свободы, который более энергично проводился в Пруссии, чем где бы то ни было, было существование заговора или агитации за свержение правительств и нынешней конституции Германской лиги. Было заявлено, что существуют доказательства намерения силой создать единую и неделимую республику, подобную Французской в 1793 году. Но сама Комиссия, учрежденная карлсбадскими министрами для расследования происхождения и природы этого заговора, опровергла его существование. Комиссия собралась в Майнце, обследовала несколько сотен человек и многие тысячи документов и после двухлетнего труда представила отчет сейму. Отчет восходит ко времени лекций Фихте и образования Тугендбунда в 1808 году, прослеживает прогресс всех студенческих ассоциаций и других патриотических обществ с того времени до 1820 года; и, выставляя в наихудшем из возможных свете цели и поведение защитников единства Германии, признает, что едва ли было обнаружено хоть одно доказательство изменнической практики и что лояльность народных масс сама по себе является достаточной гарантией от импульсов злонамеренных. ^[299] Этот доклад произвел на Сейм такое впечатление тривиальности и обмана, что представители нескольких штатов предложили немедленно распустить Комиссию как бесполезную и ненужную. Этого, однако, Меттерних и его новые ученики допустить не могли. Комиссии было позволено продолжать существование, а вместе с ней и режим молчания и репрессий. Меры, которые были приняты в Карлсбаде как временные, становились все более и более частью привычной системы управления. Судебные преследования следовали одно за другим; вскрывались письма; шпионы посещали лекции профессоров и собрания студентов; газетам повсеместно запрещалось обсуждать германские дела. В стране, где было так много типографий и так много читателей, журналистика не могла полностью исчезнуть. По-прежнему разрешалось сообщать новости и высказывать мнение о зарубежных странах: и в последующие годы немцы, подобно нищим, наслаждающимся ароматами с кухонь богатых людей, ^[300] следили за каждым этапом политической борьбы, которая волновала Францию, Англию и Испанию, в то время как им не разрешалось выражать желания или формулировать решение их собственная обида.

[Прусские провинциальные поместья, июнь 1823 г.]

[Искупительные черты прусского абсолютизма.]

В 1822 году Харденберг умер. Всякая надежда на выполнение обещаний, данных в Пруссии в 1815 году, уже угасла. Вскоре после смерти министра король Фридрих Вильгельм учредил Провинциальные поместья, которые были рекомендованы ему Меттернихом, и объявил, что создание центральной представительной системы будет отложено до того времени, когда король сочтет нужным ее ввести. Это означало, что проект был окончательно заброшен, и, как следствие, Пруссия оставалась без парламента до тех пор, пока революция 1848 года не оказалась на пороге. Провинциальные сословия, с которыми король пытался установить абсолютное правление, собирались только раз в три года. Их функция заключалась в том, чтобы выражать мнение по местным вопросам, когда правительство консультировалось с ними: их враги говорили, что они аристократичны и приносят вред, их партизаны не могли притворяться, что они приносят много пользы. Горечь духа, с которой позднее "друзья свободы" осудили предательство дела свободы прусским двором, возможно, внесла в историю этого периода более темный оттенок, чем ему действительно свойственно. Обиды, понесенные прусской нацией, были сравнены с теми, которые были причинены деспотизмом Испании. Но, какой бы презренной ни была робость короля Фридриха Вильгельма, какой бы отвратительной ни была неблагодарность, проявленная к самым верным друзьям короля и народа, правительство 1819 года неправильно представлено в такой параллели. Отождествлять тысячи разновидностей зла под общим названием угнетения - значит ошибочно принимать слова за вещи и упускать из виду характерные черты, которые отличают нации друг от друга. Величайшее зло, которое правительство может причинить своим подданным, вероятно, - это религиозные преследования, расточительное налогообложение и отказ в справедливости в повседневной жизни. Ничего из этого не было в Пруссии в самые мрачные дни реакции. Рука угнетения тяжело опустилась на некоторых из лучших и самых просвещенных людей; это ущемляло такие ценные интересы, как свободная критика и свободное обсуждение общественных дел; но подавляющее большинство действий правительства никогда не было на стороне зла. Обычное отправление правосудия по-прежнему было чистым, администрация - добросовестной и бережливой. Система народного образования, которая впервые поставила Пруссию впереди Саксонии и других германских государств, возникла в эти годы борьбы против свободы. Реакционный деспотизм построил школы и установил законы, воспроизведение которых в свободной Англии полвека спустя справедливо считается главной из всех либеральных мер наших дней. Так сильна, так долговечна была эта жизненно важная традиция, которая превратила монархию в Пруссии в инструмент для достижения великих общественных целей.

[Новый либерализм зарождается в Германии после 1820 года.]

[Интерес к Франции.]

Но старая гармония между правителями и подданными в Германии погибла в результате системы принуждения, которую Меттерних установил в 1819 году. Какими бы терпеливыми ни были немцы, какими бы верными ни доказали они себя Фридриху Вильгельму и еще худшим государям через добро и зло, горькое разочарование благородных надежд, затыкание рта прессе, роспуск обществ - клевета, изгнания, судебные преследования - ожесточили многие честные умы против власти. Майнцская комиссия не нашла заговорщиков, но она их сделала. По мере того как шли годы, и все средства законной работы по улучшению общественной

жизни Германии были уничтожены одно за другим, люди с пылким характером подумывали о более насильственных методах. Тайные общества, подобные тем, которые представлял себе Меттерних, возникли на самом деле. ^[301] И среди тех, кто не впал в апатию и отчаяние и не выступил против существующей власти, новая группа идей вытеснила старую лояльную веру в возрождение Германии ее князьями. Парламентская борьба во Франции, революционные движения в Италии и Испании, начавшиеся в эту эпоху, отвлекли воображение от того воображаемого восстановления свободного тевтонского прошлого, которое оказалось столь безрезультатным, и заменили его идеей современного универсального или европейского либерализма. Ненависть к Франции, особенно среди молодежи, исчезла. Было проведено различие между тираном Наполеоном и людьми, которые теперь подавали остальной части Континента пример свободной и оживленной общественной жизни и освещали эпоху политической литературой, настолько систематической и остроумной, что она казалась почти политической философией. Дебаты во Французском собрании, труды французских публицистов стали школой немцев. Париж вернул себе в глазах иностранцев тот интерес, которым он обладал в 1789 году. Каждая победа или поражение французского народного дела будило радость или печаль немецких либералов, для которых дома все было пусто; и когда, наконец, пал трон Бурбонов, сигнал к освобождению, казалось, прозвучал во многих городах по ту сторону Рейна.

[Франция после 1818 года.]

[Ришелье уходит в отставку, декабрь 1818. Деказес сохраняет власть.]

Мы видели, что в Центральной Европе баланс между свободой и реакцией, пошатнувшийся в 1815 году, определенно склонился в сторону реакции на конгрессе в Экс-ла-Шапель. Остается проследить ход событий, которые в самой Франции приостановили мирное развитие нации и на несколько лет передали власть в руки фракции, принадлежавшей прошлому. Меры, предпринятые Деказом в 1817 году, которые доставили такое большое удовлетворение французам, ни в коем случае не были восприняты с таким же одобрением ни в Лондоне, ни в Вене. Двумя главными из них были Закон о выборах и план военной реорганизации, который вернул в армию большое количество старых офицеров и солдат Наполеона. Ришелье, хотя и был ответственным главой министерства, испытывал очень серьезные опасения относительно результатов этого законодательства. Он уже был встревожен и огорчен, когда собрался конгресс в Экс-ла-Шапель; и события, произошедшие во Франции во время его отсутствия, а также сообщения, которыми обменивались между ним и министрами иностранных дел, убедили его в необходимости изменения внутренней политики. Напряженный ум Меттерниха уже строил козни против французского либерализма. Встревоженный энергией, проявленной Деказом, австрийский государственный деятель разработал план примирения Артуа и ультрароялистов с королевским правительством; и теперь он убеждал Ришелье, если удастся образумить его старых противников, встать во главе коалиции всех консервативных элементов государства. ^[302] Пока заседал Конгресс Экс-ла-Шапель, состоялись частичные выборы 1818 года, вторые по новому Закону о выборах. Среди вернувшихся депутатов были такие, кто считался решительными врагами реставрации Бурбонов, особенно Лафайет, чье имя было так тесно связано с унижениями Двора в 1789 году. Ришелье воспринял это известие с тревогой и по возвращении в Париж предпринял шаги, которые закончились увольнением Деказа и предложением места в кабинете Виллелю, лидеру ультрароялистов. Но предпринятая комбинация провалилась. Соответственно, Ришелье ушел в отставку, и было сформировано

новое министерство, реальным, хотя и не номинальным главой которого был Деказ, показавший себя более могущественным, чем его противники.

[Выборы Грегуара, сентябрь 1819 г.]

Победа молодого и популярного государственного деятеля была воспринята с крайним неудовольствием всеми иностранными дворами, и его успех не был прочным. На какое-то время либеральное общественное мнение во Франции и благосклонность короля Людовика XVIII. позволили Деказу выстоять против заговоров своих противников и недоброжелательства всех самых могущественных людей Европы. Атака, предпринятая Верхней палатой на Закон о выборах, была отброшена созданием шестидесяти новых пэров, среди которых было несколько исключенных в 1815 году. Но силы либерализма вскоре вышли из-под контроля министра и его устойчивой зависимости от Людовика XVIII. теперь против него поднялась столь же решительная оппозиция как среди врагов дома Бурбонов, так и среди ультрароялистов. На выборах 1819 года кандидаты в министерство потерпели поражение от людей с более выраженными взглядами. Среди новых членов был один, чья победа вызвала большое удивление и тревогу. Бывший епископ Грегуар, один из авторов разрушения старофранцузской церкви в 1790 году и инициатор резолюции, учредившей Республику в 1792 году, был отозван из отставки и избран депутатом от города Гренобль. Чтобы понять панику, вызванную этими выборами, мы должны вспомнить не события Революции, а легенды о них, бытовавшие в 1819 году. История Грегуара ни в коей мере не оправдывает тот шум, который был поднят против него; однако его реальные действия составляли наименьшую часть того, что утверждали или во что верили его враги. Говорили, что он приветствовал казнь короля Людовика XVI, хотя на самом деле протестовал против нее: ^[303] его мужественная приверженность образу христианского священника в худшие дни Конвента, его труды по организации Конституционной церкви, когда выбор лежал между ней и национальным атеизмом, были ничем или хуже, чем ничем, в глазах людей, которые чувствовали себя ущемленными. быть ограбленными наследниками того богатого и аристократического землевладельческого общества, называемого феодальной церковью, в разрушении которого Грегуар так активно участвовал. К несчастью для себя, Грегуар, хотя и был гуманен в действиях, не воздержался от родомонад против королей вообще, которые были в моде в 1793 году. Людовик XVIII, забыв, что он сам недавно назначил министром царевубийцу Фуше, истолковал избрание Грегуара жителями Гренобля, чему хитро способствовали ультрароялисты, как угрозу семье Бурбонов. Он выказал обычное для него неудовольствие при малейшем пренебрежении к его личному достоинству и сблизился со своим братом Артуа и ультрароялистами, которых до сих пор избегал как злейших врагов своего любимого министра. Деказ, верный своему характеру друга короля, теперь признался, что он зашел слишком далеко в законодательстве 1817 года и что Закон о выборах, согласно которому такое чудовище, как Грегуар, могло получить место, требовал изменения. Был набросан проект закона, призванный вернуть земельной аристократии преобладание в избирательных округах. Избрание Грегуара само по себе было признано недействительным, а министры, отказавшиеся следовать Деказу в его новой политике компромиссов, были уволены со своих постов.

[Убийство герцога Беррийского, 13 февраля 1820 г.]

[Начинается реакция.]

[Падение Деказеса. Министр Ришелье, февраль 1820 г.]

Прошло еще несколько месяцев, и произошло событие, которое могло бы подтолкнуть более сильное правительство, чем правительство Людовика XVIII, к реакционным эксцессам. Следующими наследниками короны после графа Артуа были два его сына, герцоги Ангулемский и Беррийский. Ангулем был бездетен; герцог Беррийский был единственной надеждой старшего рода Бурбонов, который, если бы он умер, не оставив сына, как царствующий дом исчез бы, и корона Франции не перешла бы к женщине. ^[304] Обстоятельства, которые сделали жизнь Берри такой дорогой для роялистов, сделали его уничтожение всепоглощающей целью безвестного фанатика, который ненавидел семью Бурбонов как непреходящий символ победы иностранцев над Францией. Рабочий Лувель последовал за Наполеоном в изгнание на Эльбу. Вернувшись в свою страну, он долгие годы шел по стопам принцев Бурбонов, ожидая возможности убийства. В ночь на 13 февраля 1820 года он схватил герцога Беррийского, когда тот выходил из Оперного театра, и вонзил ему нож в грудь. Герцог задержался на несколько часов и скончался рано утром следующего дня в присутствии короля Людовика XVIII, принцев и всех министров. Каким бы ужасным ни был этот поступок, это был акт единого решительного разума: ни одно человеческое существо не знало о намерении Лувеля. Но было невозможно, чтобы политические страсти ждали спокойного судебного разбирательства. Никакое убийство никогда не вызывало более сильной вспышки негодования среди правящих классов и не было более умело обращено в пользу партии. Либералы чувствовали, что их дело проиграно. В то время как фанатичные ультрароялисты, поддавшись легковерию, достойному Царства террора, обвиняли самого Деказеса в пособничестве убийце, их лидеры твердо придерживались политики, которая должна была быть навязана королю. Напрасно Деказ выдвигал свой реакционный закон о выборах и предлагал наделить государственных чиновников произвольными полномочиями по аресту и восстановить цензуру прессы. Граф Артуа настаивал на отставке министра, поскольку единственное утешение, которое могло быть ему дано в связи с убийством его сына, король уступил; и, поскольку ультрароялистское правление было еще невозможно, Ришелье неохотно вернулся на свой пост, заверенный Артуа, что у его друзей нет другого желания, кроме как поддержать его собственное твердое и умеренное правление.

[Развитие реакции во Франции.]

[Ультрароялистское министерство, декабрь 1821 г.]

[Конгрегация.]

Вернувшись к власти при таких обстоятельствах, Ришелье вопреки себе стал министром реакции. Пресса была скована, юридические гарантии личной свободы были приостановлены, избирательная система была преобразована с помощью меры, которая давала двойное право голоса людям с крупной собственностью. Страсти, вызванные этим отступлением правительства, были настолько сильны, что на мгновение Париж, казалось, оказался на грани революции. На улицах происходили бурные сцены, но войска, от которых все зависело, подчинились отданным им приказам, и опасность миновала. Первые выборы при новой системе довели Либеральную партию до бессилия и вернули в Палату представителей ряд людей, заседавших в реакционном парламенте 1816 года. Виллель и другие ультрароялисты были приглашены войти в кабинет Ришелье. Некоторое время казалось, что страсти Церкви и аристократии могут подчиниться практической государственной мудрости, дружественной, если не преданной, их собственным интересам. Но вскоре сдержанность была отброшена. Граф Артуа увидел, что путь к власти открыт, и нарушил свое обещание поддержать министра,

который вступил в должность по его просьбе. Подвергнутый порицанию в Палате депутатов, Ришелье признался, что взялся за безнадежную задачу, и попрощался с общественной жизнью. Король Людовик, приближавшийся к могиле, больше не мог бороться против брата, который ожидал восшествия на трон. Следующий министр был назначен не королем, а Артуа. Вокруг Виллеля, настоящего главы Кабинета министров, собралась группа людей, которые представляли не новую Францию или даже ту небольшую ее часть, которая была призвана осуществлять активные права гражданина, но социальные принципы прошлой эпохи и то католическое или ультрамонтанское возрождение, которое теперь освежало поверхность, но не будоражило глубины огромной массы французского религиозного безразличия. Религиозное общество, известное как Конгрегация, пустившее первые корни во время бури республиканских преследований и выросшее во времена Империи, уединенное, но незаметное место сбора католических противников наполеоновского деспотизма, теперь превратилось в огромный правительственный организм. Самые знатные люди по крови и положению стремились вступить в нее: ее покровительство поднимало честолюбивых людей до желаемого ими положения, ее враждебность давала о себе знать как по отношению к малым, так и по отношению к великим. Дух, который теперь возобладал во французском правительстве, был клерикальным даже в большей степени, чем аристократическим. Она тоже была монархической, но скорее из-за неприязни к светскому тону либерализма и доверия к ортодоксальности графа Артуа, чем из-за какой-либо твердой веры в абсолютистские принципы. Могли быть веские причины выступить против короля Людовика XVIII, но какой священник, какой дворянин мог усомниться в божественном праве принца, который был готов выплатить компенсацию обедневшим эмигрантам из государственных средств и передать всю систему государственного образования в руки духовенства?

[Правление Бурбонов до и после 1821 года.]

В среднем классе Франции, который с этого времени начал чувствовать себя в оппозиции к правительству Бурбонов, не произошло никаких моральных изменений, соответствующих тем, которые так сильно отличали правящую власть 1819 года от власти 1822 года. Убийство герцога Беррийского, хотя и оказало сильное влияние на общественное мнение, не превратило его во что-то непохожее на само себя. Придворные, преданные, знатные дамы, смело взявшиеся за власть, не имели на своей стороне нации, хотя какое-то время нация покорно переносила их власть. Но судьба монархии Бурбонов фактически была решена, когда Артуа и его приближенные стали ее представителями. Франция, возможно, забыла, что бурбоны были обязаны своим тронном иностранным победам; она не могла вечно управляться так называемой *Партией Претре*. Двадцать лет, освобожденных от бремени старости, которое нес Людовик XVIII, двадцать лет власти, переданной Деказам, могли бы продлить правление восстановленной семьи, возможно, на несколько поколений. Если военная гордость находила слабое удовлетворение в контрасте между наполеоновской эпохой и той, что сразу же последовала за ней, то было достаточно родителей, которые ценили кровь своих детей, было достаточно ораторов и писателей, которые ценили свободу дискуссий, достаточно капиталистов, которые ценили спокойные времена, чтобы новый порядок не был признан безнадежным. Действительно, у Франции редко было лучшее правительство, чем в период с 1816 по 1820 год, и трудно назвать равный период, в течение которого французская нация в целом наслаждалась большим счастьем.

[Общие причины победы реакции в Европе.]

Политическая реакция достигла своего расцвета в Европе в целом примерно через пять лет после окончания великой войны. Явления ни в коем случае не были одинаковыми во всех странах, и случайности личного влияния не обошлись без значительной доли в определении событий: тем не менее, лежа в основе всех различий, мы можем проследить действие определенных великих причин, которые не ограничивались границами отдельных государств. Классы, в которых существовала какая-либо устойчивая вера в конституционное правление, нигде не были особенно велики; за пределами круга государственных чиновников едва ли был кто-либо, имевший опыт ведения государственных дел. В некоторых странах, как, например, в России и Пруссии, концепция продвижения к самоуправлению принадлежала в первую очередь носителям власти: она будоражила воображение царя или взывала к пониманию прусского министра, стремившегося, находясь на грани разорения, развить все элементы достоинства и мужества, существующие в его нации. Остывания пылкой фантазии, исчезновения внешних опасностей, самого волнения, возникшего, когда идея свободы перешла от правителей к их подданным, было достаточно, чтобы остановить ход реформы. А рядом с королями и министрами, которые на мгновение примкнули к конституционным теориям, стояли старые привилегированные сословия, или то, что от них осталось, истинная партия реакции, стремившаяся раздуть первые опасения монархов и остановить развитие событий, наносящее больший ущерб их собственной власти и значению, чем достоинству и безопасности короны. Далее, по всей Европе существовала фатальная и неискоренимая традиция потрясений первой революции и ужасов 1793 года. Ни один приверженец абсолютизма, ни один нерешительный и встревоженный друг свободы никогда не мог растеряться перед картинами горя, предвещающими результаты народного суверенитета; и действия одного или двух безумных убийц были обязаны своим широким влиянием на Европу главным образом древнему имени и памяти якобинства.

Кроме того, в самом факте восстановления мира в Европе объединенными усилиями всех правительств было нечто, препятствующее успеху конституционной или Либеральной партии в любом государстве. Конституционные системы действительно получили высокую оценку на Венском конгрессе; но группа людей, которые фактически контролировали Европу в 1815 году и которые в течение пяти последующих лет продолжали переписку и тесные личные сношения друг с другом, за одним исключением, провели свою жизнь в атмосфере абсолютного правления и научились рассматривать ведение всех крупных дел как дело небольшого числа очень выдающихся личностей. Каслри, единственный министр конституционного государства, принадлежал к партии, которая в степени, почти не имеющей аналогов в Европе, отождествляла политический долг с принципом неприятия перемен. Действительно, общность мыслей, которая в настоящее время существовала между всеми ведущими государственными деятелями Европы, находит свое самое необычное проявление в переписке самого английского министра по вопросам чисто внутреннего управления в Англии. И Меттерних, и Харденберг проявляли такой же интерес к подавлению ланкаширского радикализма и к мерам принуждения, которые британское правительство сочло необходимым принять в 1819 году, как и к наказанию мятежных памфлетистов на Рейне и к роспуску студенческих клубов в Йене. Действительно, для английского народа, который теперь приближался к эпохе реформ, не имело большого значения, что Каслри получил поздравления Вены и Берлина с приостановлением действия Закона о Хабеас Корпус и права на публичные собрания, ^[305] или что Меттерних считал, что никто, кроме него самого, не знал истинного значения криков,

которыми лондонская толпа приветствовала сэра Фрэнсиса Бердетта. ^[306] Ни предстоящая реформа английского уголовного права, ни эмансипация ирландских католиков не стали результатом просвещения иностранных судов и не могли быть воспрепятствованы их безразличием. Но на Европейском континенте продвижение к конституционной свободе действительно, вероятно, было медленным и неравномерным, поскольку служители абсолютизма образовали такую тесную группу, когда нации включали в себя такие небольшие группы людей, в той или иной степени сведущих в государственных делах, и когда институты, на которых предполагалось основать свободу будущего, были настолько лишены той силы, которая проистекает из связи с прошлым.

ГЛАВА XIV.

Движения в средиземноморских государствах, начавшиеся в 1820 году-Испания с 1814 по 1820 год-Южноамериканские колонии-Армия в Кадисе: действия Кироги и Риго-Движение в Ларунье-Фердинанд принимает Конституцию 1812 года-Неаполь с 1815 по 1820 год-Придворная партия, муратисты, карбонарии-Конституция Испании, провозглашенная в Неаполе-Конституционное движение в Португалии-Предложение Александра относительно Испании-Конференция и декларация Троппау-Протест Англии-Конференция в Лайбахе-Австрийцы вторгаются в Неаполь и восстанавливают абсолютную монархию -Восстание в Пьемонте, которое терпит неудачу-Испания с 1820 по 1822 год-Смерть Каслри-Веронский конгресс-Политика Англии-Французское вторжение в Испанию-Восстановление абсолютной монархии и насилие реакции- Англия запрещает завоевание испанских колоний Францией и впоследствии признает их независимость-Дела в Португалии-Каннинг отправляет войска в Лиссабон-Политика Каннинга-Оценка его места в истории Европы.

[Средиземноморские движения, начало 1820 г.]

Когда стражи Европы в конце первых трех лет мира обзоредали из своего зала заседаний в Эксла-Шапель то замечательное наследие, которое, по воле Провидения, их собственная родительская забота отныне должна была охранять от нападений злобы и революции, они обратили свой взор главным образом на Францию, Германию и Нидерланды, как регионы, которым больше всего угрожает дух перемен. Прогноз не был точным. В каждой из этих стран правительство в последующие годы доказало, что оно гораздо лучше своих реальных или воображаемых врагов: именно в Средиземноморских государствах, которые вызывали

сравнительно мало беспокойства, была предпринята первая успешная атака на установившуюся власть. Три движения возникли последовательно на трех южных полуостровах в то время, когда Меттерних наслаждался тишиной, которую он навязал Германии, а ультрароялисты Франции пользовались преимуществом, которое им дали в руки преступление отдельного человека и неосторожность партии. В Испании и Италии отряд солдат поднялся на защиту конституционного правительства; в Греции нация восстала против правления иностранцев. Во всех трех странах вопрос об этих перемещениях после более длительного или более короткого промежутка времени решался Северными державами. Все три движения сначала рассматривались как идентичные по своему характеру, и все они одинаково осуждались как произведение якобинства. Но ход событий и смена лиц в правительстве одного великого государства привели к более верному взгляду на природу борьбы в Греции. Конечные действия Европы в делах этой страны отличались от ее действий в делах Италии и Испании. Сейчас вспоминают только как пример политического безрассудства или глупости, что конфликт расы против расы и религии против религии некоторое время путался некоторыми ведущими министрами Европы с попыткой партии сделать форму внутреннего правления более либеральной. Эллинское восстание действительно не имело ничего общего с революциями в Неаполе и Кадисе; и, хотя по порядку времени начало греческого движения задолго до закрытия испанского движения, историк, у которого нет ни мотива политика вносить путаницу, ни оправдания своего невежества, должен в данном случае пренебречь случайностями хронологии и рассматривать их как совершенно разные.

[Испания между 1814 и 1820 годами.]

Король Испании Фердинанд, после свержения Конституции, которая, как он обнаружил, существовала по возвращении в свою страну, вел себя так, как будто его целью было показать, до какой степени законный монарх может злоупотреблять верностью своих подданных и бросать вызов общественному мнению Европы. Лидеры кортесов, которых он арестовал в 1814 году, после того, как один трибунал за другим признавал их невиновными, были приговорены к длительным срокам тюремного заключения произвольным указом короля, даже не претендуя на судебные формы. Люди, которые отличились в борьбе нации против Наполеона, были забыты или опозорены; многие высшие посты были заняты политиками, которые играли двойную роль или даже служили под началом захватчика. Священники и придворные плели интриги ради влияния на короля; даже когда способный министр был приведен к власти под давлением послов, и от имени короля были изданы эдикты об административной реформе, эти эдикты были отменены могущественной группой, жившей за счет коррупции на государственной службе. Ничто не было священным, кроме интересов духовенства; этого, однако, было достаточно, чтобы удержать сельское население на стороне короля. Крестьянин, который знал, что теперь его дом не будет сожжен французами, и который слышал, что истинная религия наконец восторжествовала над своими врагами, больше ничего не понимал и не стремился понимать. Слухи о плохом королевском правлении и притеснениях едва достигали его ушей. Фердинанд все еще был сыном Испании и Церкви; его возвращение было возвращением мира; его правление было победой католической веры.

[Нация довольна: офицеры недовольны.]

Но молчаливое согласие народных масс не разделялось армейскими офицерами и образованными слоями населения в городах. Ниспровержение Конституции с самого начала

было осуждено солдатами, отличившимися при правительстве кортесов; и серия военных восстаний, хотя и изолированных и в самых незначительных масштабах, показала, что курс, на который вступил Фердинанд, не был полностью свободен от опасностей. Попытки генерала Мины в 1814 году, а также Порлье и Лейси в последующие годы поднять солдат на защиту Конституции потерпели неудачу из-за безразличия самих солдат и власти, которой пользовалось духовенство в гарнизонных городах. Недовольство медленно нарастало в армии; и окончательное заявление военной партии против существующего правительства было вызвано, по крайней мере, в такой же степени абсурдной системой фаворитизма Фердинанда и жалким состоянием, в которое была брошена армия, как и приверженностью памяти или принципам конституционного правления. Неправильное управление разорило казну; солдаты и матросы годами не получали жалованья; и ненависть, с которой испанский народ теперь стал относиться к военной службе, любопытным образом подтверждается приказом правительства о том, что все нищие в Мадриде и других крупных городах должны быть схвачены в определенную ночь (23 июля 1816 г.) и зачислены в армию. ^[307] Но сами нищие были более чем достойны администрации Фердинанда. Они услышали об уготованной им участи и таинственным образом исчезли, что было столь разочаровывающей мерой, с помощью которой, по расчетам, Испания получит шестьдесят тысяч воинов.

[Борьба Испании со своими колониями, 1810-1820 гг.]

Военная революция, которая наконец разразилась в 1820 году, была тесно связана с борьбой за независимость, которую в настоящее время ведут американские колонии Испании; и, в свою очередь, это повлияло на ход этой борьбы и ее конечный результат. Колонии отказались признать правление либо Жозефа Бонапарта, либо кортесов Кадиса, когда их законный суверен был свергнут Наполеоном. Действуя по большей части от имени Фердинанда, они вступили в борьбу с Национальным правительством Испании. Они вкусили независимости; и хотя после реставрации Фердинанда они, вероятно, признали бы права испанской короны, если бы были сделаны определенные уступки, они не были расположены возвращаться к состоянию неполноценности, в котором находились в течение прошлого столетия, или подчиняться правителям, которые проявили себя столь же жестокими и мстительными в моменты побед, сколь и неспособными понять потребности времени. Соответственно, борьба продолжалась. Полк за полком перебрасывались из Испании, чтобы погибнуть от лихорадки, форсированных маршей или на поле боя. Правительство короля Фердинанда, отчаявшись в собственных ресурсах, обратилось за помощью к европейским державам. Англия оказала бы свое посредничество и, возможно, даже вооруженную помощь, если бы Мадридский суд предоставил колониям разумную свободу и открыл их порты для британской торговли. Это, однако, не соответствовало взглядам советников Фердинанда. Каким бы странным это ни казалось, испанское правительство потребовало, чтобы альянс суверенов, созданный с целью противодействия принципу восстания и беспорядков в Европе, вмешался против своих восставших подданных по другую сторону Атлантики, и это подразумевало, что Англия, если она вообще будет действовать, должна действовать как инструмент Альянса. ^[308] Дизайн был одобрен судами Парижа и Санкт-Петербурга. Заявлял ли континент о своей независимости, или немецкий школьник носил запрещенную ленточку на фуражке, вожди Священного союза теперь хмурились, как оскорбленное Провидение, и готовились применить свою собственную превосходящую силу и мудрость, чтобы спасти заблудший мир от последствий его собственной глупости. Александр действительно какое-то время надеялся, что средства для покорения колоний могут быть предоставлены им самим; и в своем рвении вытеснить Англию, снискав

расположение Фердинанда, он продал королю военный флот на очень умеренных условиях. К скандалу всей Европы, корабли, когда они достигли Кадиса, оказались насквозь прогнившими и немореходными. Поскольку было ясно, что царский флот и испанские солдаты, какой бы святой ни была их миссия, пойдут ко дну все вместе, как только столкнутся с волнами Атлантики, экспедиция была отложена, и дела Америки были вынесены на рассмотрение Конференции в Экс-ла-Шапель. Послы России и Франции представили документ, в котором, предвосхищая штормовые предупреждения более позднего времени, они описали опасности, которым подвергнется монархическая Европа в результате роста федерации республик в Америке; и они предложили, чтобы Веллингтон, как "человек Европы", отправился в Мадрид, чтобы председательствовать на переговорах между Испанским двором и всеми послами относительно условий, которые будут предложены трансатлантическим государствам. ^[309] Однако Англия, несмотря на опасения лорда Каслри перед революционным распространением, придерживалась принципов, которые она уже установила; и поскольку советники короля Фердинанда отказались изменить свою политику, Испании было предоставлено самой подчинять свои колонии.

[Заговор в армии Кадиса.]

Именно в армии, собранной в Кадисе для отправки летом 1819 года, заговор против правительства Фердинанда нашел своих лидеров. Тайные общества распространились теперь по главным городам Испании и ожидали от солдат на побережье сигнала к восстанию. Абисбал, командующий в Кадисе, намереваясь обезопасить себя от любых непредвиденных обстоятельств, некоторое время поощрял заговоры недовольных офицеров: затем, предвидя провал движения, он арестовал главных людей с помощью хитрости и отправился в Мадрид, чтобы раскрыть заговор двору и приписать себе спасение королевской короны (июль 1819 г.). ^[310] Если бы армию можно было немедленно отправить в Америку, опасность, возможно, миновала бы. Этому, однако, помешала вспышка желтой лихорадки, из-за которой пришлось на несколько месяцев отправить войска в места расквартирования. Заговорщики выиграли время, чтобы возобновить свои планы. Простые солдаты, которые до сих пор были верны правительству, в своей собственной нищете и бездействии слышали страшные истории о немногих больных и раненых, вернувшихся из-за морей, и научились рассматривать приказ о посадке как смертный приговор. Несколько батальонов были привлечены своими командирами на сторону конституционных свобод. Лидеры, заключенные в тюрьму несколькими месяцами ранее, снова поддерживали связь со своими сторонниками. После предательства Абисбала было решено провести восстание без помощи генералов или вельмож. Избранными лидерами были два полковника, Кирога и Риего, из которых первый находился в заточении в монастыре близ Медина-Сидонии, в двадцати милях к востоку от Кадиса, в то время как Риего был расквартирован в Кабесасе, в нескольких переходах по большой дороге на Севилью. Первый день 1820 года был назначен для восстания. Было решено, что Риего нападет на штаб, находившийся в Аркос, и арестует генералов до того, как они услышат что-либо о движении, в то время как Кирога, двигаясь с востока, соберет батальоны, расквартированные по дороге, и бросится в Кадис, чтобы там ожидать подхода своего коллеги.

[Действия Кироги и Риего, январь 1820 г.]

Первый шаг в этом предприятии оказался успешным. Риего, провозгласивший Конституцию 1812 года, застал врасплох штаб, схватил генералов и собрал несколько рот под свои знамена.

Однако Кирога, хотя и получил во владение Сан-Фернандо, расположенный на восточной оконечности полуострова Леон, на котором расположен Кадис, не смог войти в Кадис. Комендант, услышав о захвате штаб-квартиры, закрыл городские ворота и арестовал основных жителей, которых он подозревал в причастности к заговору. Войска в городе не проявляли никаких признаков мятежа. Риего, когда он прибыл на полуостров Леон, обнаружил, что всего лишь пять тысяч человек присоединились к правому делу, в то время как Кадис, располагавший значительным гарнизоном и мощными укреплениями, противостоял ему враждебно. Соответственно, он отправился с небольшим отрядом, чтобы посетить другие полки, стоявшие в соседних городах и деревнях, и привлечь их на свою сторону. Командиры, однако, не решаясь атаковать мятежников, отвели свои войска на некоторое расстояние и помешали им вступить в какое-либо сообщение с Риего. Отважный солдат, покинув Кирогу на полуострове Леон, затем двинулся маршем в глубь Андалусии (27 января), пытаясь поднять жителей городов. Но малочисленность его отряда и знание того, что Кадис и большая часть армии все еще удерживаются правительством, помешали жителям присоединиться к восстанию, даже там, где они приняли Риего с добротой и обеспечили нужды его солдат. Неделя за неделей маленькая колонна пересекала страну, теперь отрезанная от пути отступления, измотанная форсированными маршами под проливным дождем и преследуемая гораздо более сильными силами, посланными в погоню. Последним городом, в который вошел Риего, была Кордова. Враг был совсем рядом. Остановиться было невозможно. Он повел свой отряд, насчитывавший теперь всего двести человек, в горы и там приказал им разойтись (11 марта).

[Корунья провозглашает Конституцию 20 февраля.]

[Дезертирство Абисбала 4 марта.]

Поскольку Кирога бездействовал на полуострове Леон, а Риего охотился от деревни к деревне, казалось, что восстание, которое они начали, может закончиться только гибелью его лидеров. Но на самом деле движение достигло своей цели. В то время как придворные из окружения короля Фердинанда, не предупрежденные новостями из Кадиса, продолжали интриговать друг против друга, слух о восстании распространился по стране. Если повстанцы не добились большого успеха, то было также очевидно, что правительство не нанесло серьезного удара. Пример смелых действий был подан; шок, нанесенный на одном конце полуострова, был ощутим на другом; и за две недели до того, как банда Риего рассеялась, гарнизон и граждане Коруньи вместе выступили за Конституцию (20 февраля). Из Ла-Коруньи революционное движение распространилось на Ферроль и все другие прибрежные города Галисии. Новости достигли Мадрида, повергнув в ужас правительство и возбудив дух восстания в самой столице. Король созвал совет из окружавших его видных людей. Мудрейший из них посоветовал ему опубликовать умеренную конституцию и, немедленно созвав парламент, остановить движение, которое в противном случае привело бы к восстановлению Ассамблеи и Конституции 1812 года. Они также призвали короля немедленно упразднить инквизицию. Брату Фердинанда, дону Карлосу, главе клерикальной партии, удалось предотвратить обе меры. Хотя генералы во всех уголках Испании писали, что они не могут отвечать за войска, все еще оставались надежды усмирить страну силой оружия. Абисбалу, находившемуся в Мадриде, было приказано выступить с подкреплением навстречу армии на юге. Он отправился в путь, заявив королю, что знает, как расправиться с мятежниками. Когда он прибыл в Оканью, он сам провозгласил Конституцию (4 марта).

[Фердинанд принимает Конституцию 1812 года, 9 марта.]

Теперь было ясно, что дело абсолютной монархии проиграно. Брожение в Мадриде усилилось. В ночь на 6 марта все великие государственные деятели собрались на совет в королевском дворце, а рано утром 7-го Фердинанд опубликовал прокламацию, в которой говорилось, что он решил немедленно созвать кортесы. Это заявление никого не удовлетворило, поскольку кортесы, задуманные королем, могли быть простым возрождением средневековой формы, а история 1814 года показала, насколько мало значения следовало придавать обещаниям Фердинанда. Толпы людей собрались на больших площадях Мадрида, требуя принятия Конституции 1812 года. Заявление военного министра о том, что гвардия вот-вот присоединится к народу, преодолело сопротивление даже дона Карлоса и исповедников; и после дня, потраченного впустую на споры, Фердинанд объявил своему народу, что он готов принести присягу Конституции, которой они желают. Следующий день был посвящен всеобщему ликованию; книгу Конституции пронесли процессией по городу с почестями, возданными Святому Причастию, и все политические заключенные были отпущены на свободу. Тюрьма инквизиции была разграблена, орудия пыток разбиты вдребезги. 9-го числа лидеры агитации предприняли шаги, чтобы заставить короля выполнить свое обещание. Толпа ворвалась во двор и на порог дворца. По их требованию муниципальный совет 1814 года был восстановлен; его члены были отправлены вместе с шестью депутатами, выбранными населением, для получения обещаний короля. Фердинанд, весь в улыбках и поклонах, с нетерпением ожидая того дня, когда сила или интрига снова сделают его абсолютным хозяином Испании и позволят ему отомстить людям, которые унижали его, принес присягу на верность Конституции 1812 года. ^[311] Новые министры были немедленно призваны к исполнению своих обязанностей, и рядом с ними была назначена временная хунта в качестве представителя общественности до тех пор, пока новые кортесы не будут должным образом избраны.

[Положение Неаполя, 1815-1820 гг.]

Весть об испанской революции быстро облетела Европу, вызвав беспокойство при дворах и повсюду возродив надежды друзей правого народа. Не прошло и четырех месяцев, как конституционное движение, начатое в Кадисе, было подхвачено на Юге Италии. Неаполитанское королевство было одним из тех государств, которые больше всего выиграли от французского завоевания. В течение девяти лет, пока короной владели Жозеф Бонапарт и Мюрат, законы и учреждения, сопровождавшие верховенство Наполеона, грубо нарушили древний порядок неразберихи, который выдавался за правительство, и пробудили немалые силы новой общественной жизни. Феодалное землевладение, а вместе с ним и кое-что от феодальной структуры общества, ушло в прошлое: монастыри были распущены; французский гражданский кодекс и уголовный кодекс, основанные на французском, заменили тысячи противоречащих друг другу обычаев и юрисдикций; налогообложение стало если не легким, то все же справедливым и упрощенным; правосудие было регулярным и одинаковым для баронов и крестьян; разбой был искоренен; и впервые за многие столетия на всем юге Италии ощущалось присутствие рациональной и единообразной администрации. Также и на реставрацию короля Фердинанда не было допущено никакой реакции, подобной той, которая в одно мгновение разрушила работу по реформированию в Испании и Вестфалии. Англия и Австрия настаивали на том, что не должно быть ни мести, ни контрреволюции. Королева Мария Каролина, главная виновница жестокостей 1799 года, была мертва; сам Фердинанд был стар и ленив и желал передать дела в руки министров, более умных, чем он сам. Таким образом,

законы и административная система Мурата в целом остались неизменными. ^[312] Как и во Франции, правитель династии Бурбонов поставил себя во главе политического порядка, созданного Наполеоном и Революцией. Там, где вносились изменения в закон или отменялись государственные акты, это было по большей части следствием договоренности со Святым Престолом. Таким образом, хотя не было предпринято никаких попыток изгнать покупателей церковных земель, фактически не проданные земли были возвращены Церкви; было восстановлено значительное количество монастырей; образованию было разрешено снова перейти в руки духовенства; иезуиты были отозваны, и Церковь восстановила свою юрисдикцию в вопросах заключения браков, а также право запрещать произведения, расходящиеся с католической верой.

[Враждебность между придворной партией и муратистами.]

Но юридические и признанные изменения, последовавшие за возвращением Фердинанда, никоим образом не выражали полных изменений в деятельности правительства. Если бы не существовало двух конфликтующих систем, то в государстве существовало бы две конфликтующие группы сторонников. Подобно эмигрантам, вернувшимся с Людовиком XVIII, множество неаполитанцев, высших и низших, которые либо сопровождали короля в его изгнании на Сицилию, либо сражались за него на материке в 1799 и 1806 годах, теперь ожидали своей награды. В их интересах была принесена в жертву эффективность государственной службы и извращен ход правосудия. Люди, совершившие печально известные преступления, избегали наказания, если их причисляли к друзьям короля; генералы и чиновники, служившие при Мюрате, хотя и не были смещены со своих постов, но к ним относились невежливо и с подозрением. Антагонизм двух сторон сильнее всего ощущался в армии. За службу на Сицилии была отчеканена медаль, и каждый год, проведенный там в бездействии, при подсчете выслуги лет засчитывался как два. Таким образом, путь младшим офицерам Мюрата преградила толпа бездельников, и в то же время их перспективы пострадали от честных попыток министров сократить военные расходы. Недовольство существовало в каждом звании. Генералы были знакомы с идеей политических перемен, поскольку в последние годы правления Мюрата они сами подумывали о том, чтобы заставить его принять Конституцию: младшие офицеры и сержанты были в значительной степени членами тайного общества карбонариев, которое в течение последних нескольких лет росло по мере слабости правительства и теперь стало главной силой в неаполитанском королевстве.

[Карбонарии.]

Происхождение этого общества, которое получило свое название и символику от профессии углежога, как масонство - от профессии строителя, неясно. Независимо от того, было ли его первоначальной целью сопротивление тирании Бурбонов после 1799 года или изгнание французов и австрийцев из Италии, в 1814 году он активно работал на конституционное правительство в оппозиции к Мюрату и получал поддержку с Сицилии, где Фердинанд в то время играл роль конституционного короля. Поддержание абсолютного правления восстановленным двором Бурбонов разорвало связь, которая какое-то время существовала между законной монархией и заговорами; и ложи карбонариев, которые теперь с большой быстротой распространились по стране, стали многочисленными центрами агитации против деспотического правления. К 1819 году считалось, что один человек из каждых двадцати пяти в Неаполитанском королевстве вступил в общество. Его члены были набраны из всех классов, в

основном, возможно, из городского среднего класса; но даже священники были посвящены, и не было ни одной отрасли государственной службы, в рядах которой не было бы карбонариев. Правительство, предчувствуя опасность от распространения секты, попыталось противодействовать ей, основав конкурирующее общество Кальдерари, или Жаровен, в котором каждый негодяй, который до 1815 года убивал и грабил во имя короля Фердинанда и католической веры, получал радушный прием. Но хотя число таких людей было немалым, рост этого братства сильно отставал от роста его модели; и главным результатом соревнования стало то, что интриги и тайны приобрели для итальянцев большее очарование, чем когда-либо, и что всякое доверие к правительству пошатнулось из-за ощущения, что в стране существует скрытая сила, которая только и ждет подходящего момента, чтобы проявить свою силу в революционных действиях.

[Движение Морелли, 2 июля 1820 г.]

После провозглашения Конституции Испании вспышка в Неаполитанском королевстве стала неизбежной. Карбонарии Салерно, где находилась штаб-квартира секты, намеревались восстать в начале июня; их выступление, однако, было отложено на несколько месяцев, и оно было предвосхищено смелым выступлением нескольких сержантов кавалерийского полка, расквартированного в Ноле, и лейтенанта по имени Морелли, которого они убедили встать во главе их. Утром 2 июля, возглавив эскадрон из ста пятидесяти человек в направлении Авеллино, Морелли провозгласил Конституцию. Один из солдат в одиночку покинул оркестр; силой или убеждением остальные оставались верны Стандарту, хотя и не одобряли это предприятие. Жители густонаселенных мест, расположенных между Нолой и Авеллино, приветствовали эскадрилью или, по крайней мере, не оказывали ей сопротивления: офицер, командовавший в Авеллино, сам вышел навстречу Морелли и пообещал ему помощь. Той ночью банда разбила лагерь в деревне; на следующий день они вошли в Авеллино, где войска и горожане во главе с епископом и офицерами выступили в их пользу. Из Авеллино весть о движении быстро распространилась по окрестностям. Карбонарии повсюду были готовы к восстанию; и прежде чем правительство предприняло хоть один шаг в свою защиту, Конституция была радостно и мирно принята не только народом, но и ополчением и регулярными войсками на большей части округа, лежащего к востоку от Неаполя.

[События в Неаполе, 2-7 июля.]

Король находился на борту корабля в бухте, когда во второй половине дня 2 июля пришло известие о восстании Морелли в Ноле. В тот день министерство ничего не предприняло, хотя Морелли и его банда могли быть схвачены через несколько часов, если бы против них был послан какой-нибудь решительный офицер с несколькими надежными войсками. На следующее утро, когда гарнизон Авеллино уже присоединился к мятежникам и занял сильную позицию, контролируя дорогу из Неаполя, был послан генерал Карраскоса, но не для того, чтобы усмирить повстанцев - ему не выделили войск, - а для того, чтобы помирить, подкупить и склонить их к покорности. ^[313] Карраскоса не добился ничего хорошего; другие генералы, которые в последующие дни пытались атаковать мятежников, обнаружили, что их войска не последуют за ними, и что чувство оппозиции правительству, хотя оно нигде не переросло в беззаконие, было повсеместным как в армии, так и в стране. Если люди в целом мало что понимали в политике, они узнали достаточно, чтобы не любить произвольное налогообложение и возможность произвольных арестов. Нигде не было поднято ни единой руки или голоса в

защиту абсолютизма. Сбежав из Неаполя, где за ним наблюдало правительство, генерал Пепе, который одновременно был главным человеком среди карбонариев и военным комендантом провинции, в которой находится Авеллино, отправился, чтобы встать во главе революции. Сам Неаполь до сих пор оставался спокойным, но в ночь на 6 июля депутация карбонариев сообщила королю, что они больше не смогут сохранять спокойствие в городе, пока не будет принята Конституция. Король, не дожидаясь утра, издал указ, в котором говорилось, что Конституция должна быть составлена в течение восьми дней; сразу же после этого он назначил новое министерство и, притворившись больным, передал осуществление королевской власти своему сыну, герцогу Калабрийскому.

[Фердинанд приносит присягу Конституции Испании, 13 июля.]

Действия Фердинанда были восприняты народом как военная хитрость. За несколько лет до этого он использовал прием временного отречения от престола, чтобы задобрить сицилийцев; и задержка в восемь дней показалась ненужной пылким душам, которые знали, что испанская конституция существует, и не знали о ее недостатках на практике. На стороне карбонариев также был убедительный аргумент о том, что Фердинанд, как возможный преемник своего племянника, бездетного короля Испании, фактически подписал Конституцию Испании, чтобы сохранить свои собственные условные права на эту корону. То, что Фердинанд принял как инфант Испании, он вполне мог принять и как король Неаполя. Следовательно, раздавался призыв к немедленному провозглашению Конституции Испании 1812 года. Суд уступил, и герцог Калабрийский, как вице-король, издал эдикт, делающий эту Конституцию законом королевства Обеих Сицилий. Но смятение продолжалось, ибо обмана все еще опасались, пока снова не появился эдикт, подписанный самим королем. Тогда все возрадовались. Пепе во главе большого отряда войск, ополчения и карбонариев триумфально въехал в город и вместе с Морелли и другими лидерами военного восстания был лицемерно благодарен вице-королем за его заслуги перед нацией. 13 июля король, крепкий, но почтенного вида мужчина семидесяти лет, принес присягу Конституции перед алтарем в королевской часовне. Форма слов была написана для него, но Фердинанд любил театральные религиозные действия и не довольствовался чтением некоторых торжественных фраз. Подняв глаза к распятию над алтарем, он произнес вслух молитву о том, чтобы, если клятва не будет дана искренне, месть Божья обрушилась на его голову. Затем, благословив и обняв своих сыновей, достопочтенный монарх написал императору Австрии, протестуя против того, что все, что он делал, делалось по принуждению и что его обязательства недействительны. ^[314]

[События в Португалии, 1807-1820 гг.]

Прошел еще месяц, и в третьем королевстве абсолютное правительство пало перед совместными действиями солдат и народа. Лиссабонский двор переехал в Бразилию в 1807 году, когда войска Наполеона впервые появились на Тежу, и с тех пор Португалией управляло Регентство, действующее от имени отсутствующего Монарха. События войны на полуострове довели Португалию почти до состояния зависимости от Великобритании. Маршал Бересфорд, главнокомандующий английской армией, сохранил свой пост, когда война закончилась, и с ним осталось большое количество английских офицеров, которые командовали португальскими полками в кампаниях Веллингтона. Присутствие этих английских солдат было нежелательным, а коммерческое соперничество обострило естественное чувство нетерпения по отношению к союзнику, который оставался скорее хозяином, чем гостем. До 1807 года вся торговля с

Бразилией по закону была ограничена португальскими купцами; однако, когда Королевский двор утвердился за Атлантикой, он открыл порты Бразилии для британских судов в обмен на помощь, оказанную нашей собственной страной против Наполеона. И Англия, и Бразилия извлекли выгоду из новой торговли, но португальские торговцы, которые в старину обладали монополией, разорились. Смена правительства фактически рассматривалась как не что иное, как изменение старых отношений между европейской страной и ее колонией. До сих пор Бразилией управляли в интересах Португалии; но поскольку Суверен был закреплен в Рио-Жанейро, было почти неизбежно, что Португалией будут управлять в интересах Бразилии. Упадок торговли, нищета и обнищание в результате длительной войны, негодование против Двора, которого невозможно было заставить вернуться в королевство, и против иностранца, которого невозможно было заставить покинуть его, наполнили армию и все классы нации недовольством. Заговоры были раскрыты еще в 1817 году, и заговорщики были наказаны со всей варварской жестокостью средневековья. Бересфорд, у которого не хватило такта предотвратить приведение в исполнение приговора, предписывающего задушить, обезглавить и затем сжечь двенадцать человек на улицах Лиссабона, обнаружил, что в течение двух последующих лет положение в стране становилось все хуже и хуже. Весной 1820 года, когда испанская революция сделала неизбежными некоторые перемены в соседнем королевстве, как к добру, так и ко злу, Бересфорд отправился в Рио-Жанейро, намереваясь ознакомить короля с реальным положением дел и приложить свои личные усилия для ускорения возвращения двора в Лиссабон. Прежде чем он успел пересечь Атлантику, правительство, которое он оставил позади себя в Лиссабоне, пало.

[Революция в Порту, август 1820 г.]

Недовольство португальской армии сделало ее естественным центром недовольства, но у военных заговорщиков были друзья среди всех классов. 24 августа 1820 года в Порту был подан сигнал к восстанию. Священники и магистраты, а также городское население объединились с офицерами армии в заявлении против регентства и в создании временной хунты, на которую была возложена обязанность осуществлять управление государством от имени короля до тех пор, пока кортесы не соберутся и не разработают Конституцию. Гражданские или военные власти Порту не оказали сопротивления. Хунта приступила к выполнению своих функций и начала с увольнения всех английских офицеров и погашения задолженности по жалованью, причитающейся солдатам. Как только известие о восстании достигло Лиссабона, регентство само вызвалось созвать кортесы и попыталось умиротворить оставшуюся часть армии, подражая мерам хунты Порту. ^[315] Войска, однако, отказались действовать против своих товарищей, и 15 сентября регентство было свергнуто, а в столице установилась временная хунта. Бересфорду, который теперь вернулся из Бразилии, было запрещено ступить на португальскую землю. Два соперничающих управляющих комитета Лиссабона и Порты объединились; и после некоторого периода замешательства были проведены выборы в кортесы, в результате чего к власти вернулась группа людей, чья лояльность короне не пострадала из-за их враждебности к регентству. Король, когда первые известия о конституционном движении достигли Бразилии, дал официальное согласие на созыв кортесов, о котором было объявлено Регентством, и пообещал вернуться в Европу. Бересфорд, продолжая свое путешествие в Англию, не высаживаясь в Лиссабоне, обнаружил, что правительство этой страны не было склонно вмешиваться во внутренние дела своего союзника.

[Александр предлагает совместные действия в отношении Испании, апрель 1820 г.]

Испанские и итальянские либералы хвастались, что революции, совершенные в 1820 году, не были омрачены сценами возмущения, последовавшими за взятием Бастилии и свержением французского абсолютизма тридцатью годами ранее. ^[316] Более мягкий характер этих движений на юге, однако, не оправдывал их в глазах ведущих государственных деятелей Европы: напротив, призыв солдат в пользу Конституции казался в некоторых кругах более зловещим злом, чем любой всплеск народного насилия. Впервые тревога была поднята в Санкт-Петербурге. Как только царь услышал о действиях Риго в Кадисе, он начал обдумывать интервенцию; и когда стало известно, что Фердинанд был вынужден принять Конституцию 1812 года, он приказал своим послам предложить, чтобы все Великие державы, действуя через своих министров в Париже, обратились с протестом к представителю Испании, требуя от Кортесов дезавуировать преступление 8 марта, которым они были вызваны к жизни, и принести клятву повиновения своему королю, приняв самые строгие законы против подстрекательства к мятежу. ^[317] В этом случае, и только в этом, пожелал добавить царь, будут ли Державы поддерживать свои отношения доверия и дружелюбия с Испанией.

[Англия препятствует совместному дипломатическому вмешательству.]

Это российское предложение было воспринято в Вене с некоторым подозрением; из Лондона на него последовал прямой и энергичный отрицательный ответ. Каннинг все еще работал в министерстве. Слова, которыми в 1818 году он протестовал против союза между Англией и автократией, все еще звучали в ушах его коллег. Правительство лорда Ливерпуля знало, что оно непопулярно в стране; все соображения политики, а также личные интересы заставляли его сопротивляться началу интервенции, которая, если ограничиваться словами, наверняка была бесполезной, а если подкрепляться действиями, то, вероятно, закончилась бы союзом между Францией и Россией, который был кошмаром английских государственных деятелей с 1814 года, и второй оккупацией Испании теми самыми генералами, на смещение которых Веллингтон потратил столько лет. Каслри ответил на ноту царя в выражениях, ясно дававших понять, что Англия никогда не даст своей санкции на коллективное вмешательство в дела Испании. ^[318] Ришелье, номинальный глава французского правительства, чувствовал слишком мало уверенности в своем положении, чтобы действовать без согласия Великобритании; и, как следствие, крестовый поход абсолютизма против испанской свободы был отложен до полной победы ультрароялистов в Париже, а свержение Ришелье поставило во главе французского государства группу людей, которые не чувствовали никакой уверенности в своей позиции. стесняться вступать в агрессивную войну.

[Неаполь и Великие державы.]

[Австрия.]

[Англия допускает австрийское, но не совместное вмешательство.]

Но покровительство обстоятельств, которое на время защитило Испанию от чужеземцев, не распространилось на Италию, когда, в свою очередь, неаполитанская революция призвала на поле боя врага с севера. Хотя королевство Обеих Сицилий само по себе было гораздо менее важным, чем Испания, установившемуся порядку на Континенте более непосредственно угрожала смена его правительства. Ни одно европейское государство не подвергалось такой опасности от революции в Мадриде, как Австрия от революции в Неаполе. Царь обратился в суд

с иском против Испании не потому, что его собственные владения были в опасности, а потому, что был нарушен принцип монархического права: с Австрией опасность приблизилась к дому. За установлением конституционной свободы в Неаполе почти наверняка последовало восстание в Папской области и национальное восстание в венецианских провинциях; и среди всех плохих результатов ложного положения Австрии в Италии одним из худших было то, что в целях самообороны она была вынуждена сопротивляться каждому шагу, направленному к политической свободе за пределами своей собственной границы. Ужас, с которым Меттерних услышал о крахе абсолютного правительства в Неаполе ^[319] это было понято и даже разделено английским министерством, которое в этот момент было лишено своего лучшего руководства из-за ухода Каннинга. Австрия, как в мирное, так и в военное время, неизменно считалась естественным союзником Англии против двух агрессивных дворов - Парижа и Санкт-Петербурга. Лорду Каслри казалось совершенно правильным и естественным, что Австрия, когда ее собственные интересы оказались под угрозой из-за установления народного суверенитета в Неаполе, вмешалась, чтобы восстановить власть короля Фердинанда; тем более что секретный договор 1815 года, которым Меттерних обязывал этого суверена поддерживать абсолютную монархию, был доведен до сведения посла Великобритании и получил его одобрение. Но право вмешиваться в дела Италии принадлежало, по словам лорда Каслри, только Австрии. Правители Европы как единое целое имели не больше прав вмешиваться в дела Неаполя, чем они должны были вмешиваться в дела Испании. Следовательно, в то время как английское правительство санкционировало и даже желало вмешательство Австрии как государства, действующего в защиту своих собственных интересов от революции в соседней стране, оно отказалось санкционировать любое совместное вмешательство европейских держав и заявило, что выступает против заседания Конгресса, на котором могло бы обсуждаться любое такое вмешательство. ^[320]

[Конференция в Троппау, октябрь 1820 г.]

Если бы Меттерних был волен следовать своим собственным импульсам, он перебросил бы армию в Южную Италию, как только можно было собрать солдат и припасы, и немедленно положил бы конец неприятностям короля Фердинанда. Однако для него было невозможно пренебречь пожеланиями царя и сразу отказаться от системы корпоративных действий, которая, как предполагалось, принесла такие великие плоды Европе. ^[321] Соответственно была организована встреча государей и министров, и в конце октября император Австрии принял царя и короля Фридриха Вильгельма в маленьком городке Троппау в Моравии. Франция сама первой рекомендовала созвать Конгресс для рассмотрения неаполитанских дел, и некоторое время считалось, что Англия будет изолирована в своем сопротивлении совместному вмешательству. Но еще до того, как собрался Конгресс, твердый язык английского министерства привлек Ришелье на свою сторону; ^[322] и хотя один из двух французских посланников сделал себя агентом ультрароялистской фракции, ему не удалось объединить свою страну с тремя восточными дворами. Франция из-за слабости своего правительства и разногласий между ее представителями ничего не значила на Конгрессе. Англия прислала своего посла из Вены, но с инструкциями действовать в качестве наблюдателя и немногим более; и в результате встреча в Троппау превратилась в собрание трех восточных автократов и их министров. Поскольку Пруссия перестала проводить какую бы то ни было независимую внешнюю политику, Меттерниху оставалось только заручиться поддержкой царя, чтобы привлечь на свою сторону все силы восточной и центральной Европы для восстановления

неаполитанского деспотизма.

[Спор между Меттернихом и Каподистрией.]

[Циркуляр Троппау, 8 декабря 1820 г.]

[Принцип вмешательства, установленный тремя судами.]

План австрийского государственного деятеля, однако, не должен был быть реализован без определенных усилий. Александр с завистью наблюдал за недавним установлением Меттернихом диктатуры над второстепенными немецкими дворами; он никогда не признавал права Австрии на господство в Италии; и даже сейчас некоторые остатки его старой привязанности к либеральным теориям заставляли его искать лучшее решение неаполитанской проблемы, чем восстановление чистого и простого деспотизма, которого желала Австрия. Осуждая любую попытку народа установить свои собственные свободы, Александр все же верил, что в некоторых странах правителям было бы хорошо предоставить своим подданным то, что он называл мудрыми и либеральными институтами. Ему было бы приятнее всего, если бы неаполитанцев удалось мирными средствами побудить отказаться от своей Конституции и принять взамен определенные права, закрепленные в хартии, в качестве подарка от своего короля; и в этом случае, возможно, было бы восстановлено согласие двух западных держав. Этот проект компромисса, благодаря которому Фердинанд был бы освобожден от своего тайного соглашения с Австрией, был именно тем, что Меттерних хотел сорвать. Он обнаружил, что ему противостоит, и не в первый раз, государственный деятель, который был еще более утонченным, чем он сам. Это был граф Каподистрия, грек, который с частной должности дослужился до министра иностранных дел России, и ему было суждено стать первым сувереном, если не по титулу, то по сути, своей родной страны. Каподистрия, сочувствующий партнер прежних надежд царя, не так быстро продвигался по реакционному пути, как его хозяин. Он по-прежнему олицетворял итальянскую политику Александра несколькими годами ранее и стремился предотвратить восстановление абсолютного правления в Неаполе, по крайней мере, путем вооруженного вмешательства Австрии. Первой целью Меттерниха было дискредитировать министра в глазах его государя. Говорят, что он затронул самые острые опасения царя в разговоре, касающемся мятежа, который только что произошел среди войск в Санкт-Петербурге, и таким образом в одной частной беседе выбил почву из-под ног Каподистрии; он также ублажил царя, возродив любимую схему этого монарха о взаимных гарантиях всех держав от революции в любой части Европы. Александер предложил в 1818 году, чтобы суды объявили сопротивление властям в любой стране нарушением европейского мира, предоставив союзным державам право, если они сочтут нужным, подавить его силой оружия. Эта доктрина, которая дала бы царю право бросить армии коалиции на Лондон, если бы законопроект о реформе был проведен силой, до сих пор не получила международного признания из-за противодействия Великобритании. Теперь он был официально принят Австрией и Пруссией. Александр видел федеративную систему европейской монархии с ее принципом коллективного вмешательства, признанную как установленный факт по крайней мере тремя великими державами; ^[323] и взамен он позволил Меттерниху установить линии, которым в случае Неаполя должно следовать это вмешательство. Было решено пригласить короля Фердинанда встретиться с его братьями-суверенами в Лайбахе, в австрийской провинции Карниола, и через него обратиться с призывом к неаполитанскому народу, требуя от него от имени трех держав и под угрозой вторжения отказаться от своей Конституции. Это

решение было объявлено, как улаженный вопрос, посланникам Англии и Франции; и из Троппау тремя державами был разослан циркуляр всем дворам Европы (8 декабря), воплощающий доктрину федеративного вмешательства и выражающий надежду, что Англия и Франция одобряют его немедленное применение в случае Неаполя. ^[324]

[Протест Англии.]

Для этой надежды в отношении Англии не было никаких оснований. Напротив, по мере того, как три Суда укрепляли свой союз и настаивали на своих притязаниях на совместную юрисдикцию над Европой, они отдаляли от себя Англию. Лорд Каслри сначала обещал моральную поддержку Австрии со стороны этой страны в ее предприятии против Неаполя; но когда это предприятие перестало быть делом одной Австрии и стало частью полицейской системы трех деспотий, английское правительство уже не могло относиться к нему с одобрением или даже молча. Обещание моральной поддержки было отозвано: Англия заявила, что она придерживается строгого нейтралитета по отношению к Неаполю, и протестовала против доктрины, содержащейся в циркуляре Троппау, согласно которой смена правительства в любом государстве дает союзным державам право на вмешательство. ^[325]

Франция не заявляла такого протеста; но в Париже все еще надеялись, что австрийское вторжение в Южную Италию, столь оскорбляющее французскую гордость, может быть предотвращено. Король Людовик XVIII тщетно пытался выступить в роли посредника и примирить неаполитанский дом Бурбонов одновременно со своими подданными и с Северными державами.

[Конференция в Лайбахе, январь 1821 г.]

Конгресс направил королю Фердинанду приглашение явиться в Лайбах. Он наслаждался всей популярностью конституционного короля, окруженный министрами, которые правили при Мюрате, обменивался комплиментами с демократическим парламентом, расточал знаки отличия людям, которые свергли его власть, и клялся во всем, что было перед ним поставлено. Поскольку Конституция запрещала королю покидать страну без согласия Законодательного органа, Фердинанду было необходимо сообщить парламенту о приглашении, которое он получил от Властей, и провести голосование в Собрании по вопросу о его поездке. Министры Фердинанда обладали некоторым политическим опытом; они понимали, что сохранить существующую Конституцию в условиях враждебности трех великих государств будет невозможно, и надеялись, что парламент согласится на уход Фердинанда при условии, что он пообещает соблюдать определенные принципы свободного правления. Соответственно, было обнародовано обращение к Ассамблее, в котором король выразил свое желание выступить посредником с Державами на этой основе. Но министры не учли страсти народа. Как только стало известно, что Фердинанд собирается в путь, лидеры карбонариев собрали свои банды. Толпы жестоких людей хлынули в Неаполь из окрестностей. Парламент был запуган, и Фердинанду запретили покидать Неаполь до тех пор, пока он не поклянется поддерживать Конституцию в действии, а именно ту, которую Неаполь позаимствовал у Испании. Фердинанд, единственной целью которого было как можно скорее бежать из страны, принес присягу со своими обычными излияниями патриотизма. Затем он отправился в Ливорно, намереваясь оттуда переправиться в Северную Италию. Не успел он прибыть в тосканский порт, как адресовал письмо каждому из пяти главных государей Европы, объявляя, что его последние акты в такой же степени недействительны, как и все его предыдущие. Он не делал никаких

попыток оправдаться или хотя бы объяснить свое поведение; и нет ни малейших оснований предполагать, что он считал, что лжесвидетельство принца требует оправдания. "Эти прискорбные протесты, - писал секретарь Конгресса Троппау, - к счастью, останутся в секрете. Ни один кабинет министров не будет стремиться извлечь их из своих архивов. До тех пор особого вреда не причинено".

[Фердинанд в Лайбахе.]

[Требования союзников к Неаполю.]

Фердинанд добрался до Лайбаха, где царь вознаградил его за утомительное путешествие подарком в виде нескольких русских медведей. Его приезд был особенно приятен Меттерниху, чьи намерения в точности соответствовали его собственным; и тот факт, что он был вынужден поклясться поддерживать испанскую конституцию в Неаполе, благоприятствовал австрийскому посланнику, поскольку это позволило ему заявить всему миру, что о переговорах теперь не может быть и речи. ^[326] Каподистрия, столкнувшись лицом к лицу с неудачей, извивался, по выражению его соперника, как дьявол в святой воде, но все напрасно. Было решено, что Фердинанд должен быть восстановлен австрийской армией в качестве абсолютного монарха и что, независимо от того, будут ли неаполитанцы сопротивляться или покорятся, их страна должна быть оккупирована австрийскими войсками на несколько лет вперед. Оставалась единственная трудность - облечь поведение короля Фердинанда в какую-нибудь респектабельную маску. Каподистрия, когда ничего другого нельзя было добиться, предложил выдумать целую переписку, в которой Фердинанд должен был бы с гордостью отстаивать Конституцию, которой он присягнул, и протестовать против решимости Властей вернуть скипетр абсолютизма обратно в его руки. ^[327] Это устройство, однако, было сочтено слишком прозрачным. От имени короля было отправлено письмо его сыну, герцогу Калабрийскому, в котором говорилось, что он обнаружил, что три державы полны решимости не мириться с порядком вещей, возникшим в результате революции; что одно только подчинение предотвратит войну; но что даже в случае подчинения будут требовать определенных гарантий порядка, то есть оккупации страны австрийской армией. Письмо заканчивалось обычными обещаниями реформ и хорошего правления. Оно прибыло в Неаполь 9 февраля 1821 года. Ответа не ожидалось и не желалось. 6-го числа австрийской армии был отдан приказ переправиться через По.

[Государство Неаполь и Сицилия.]

[Австрийцы входят в Неаполь 24 марта 1821 г.]

[Третья неаполитанская реставрация.]

Не было особых оснований опасаться какого-либо серьезного сопротивления со стороны неаполитанцев. Государственное управление было полностью дезорганизовано; агитация тайных обществ уничтожила всякий дух повиновения среди солдат; большая часть армии отсутствовала на Сицилии, охраняя народ, который при более мудром управлении мог бы удвоить силы, которые Неаполь теперь противопоставлял захватчику. Когда деспотическое правительство Фердинанда было свергнуто, остров Сицилия или та его часть, которая была представлена Палермо, заявила о своем отдельном политическом существовании, которым она обладала между 1806 и 1815 годами, предлагая оставаться объединенной с Неаполем в лице суверена, но требуя создания Национального парламента и собственной Национальной

конституции. Революционные министры Неаполя сочувствовали, однако, желаниям сицилийцев не больше, чем испанские либералы 1812 года желаниям американских колонистов. Они потребовали от островитян признать те же права и обязанности, что и в любой другой провинции Неаполитанского королевства, и, получив отказ, послали значительные силы и осадили Палермо.^[328] Вскоре состязание закончилось покорностью сицилийцев, но было признано необходимым оставить на острове двенадцать тысяч солдат, чтобы предотвратить новое восстание. Вся регулярная армия Неаполя насчитывала немногим более сорока тысяч человек; и хотя отряды карбонариев и так называемого ополчения выступили, чтобы встать под знамена генерала Пепе и сражаться за свободу, они оставались по большей части беспорядочной толпой, лишенной ни оружия, ни дисциплины. Вторгшаяся австрийская армия численностью в пятьдесят тысяч человек не только обладала огромным превосходством в организации и воинском духе, но и фактически превосходила силы обороны численностью. При первом столкновении, которое произошло в Риети, в Папской области, неаполитанцы были разгромлены. Их армия таяла, как это было во время кампании Мюрата в 1815 году. Среди офицеров и рядовых не было слышно ничего, кроме обвинений в предательстве; ни один опорный пункт не был защищен, и 24 марта австрийцы вступили в Неаполь. Фердинанд, остановившись во Флоренции, выставил перед собой худшие орудия своего прежнего деспотизма. Действительно, для этих людей было невозможно возобновить под австрийской защитой сцены безрассудного кровопролития, последовавшие за реставрацией 1799 года; и большое количество скомпрометированных лиц уже было обеспечено средствами к бегству. Но остановить руку возмездия было нелегко. Военные суды и комиссии судей начали во всех частях королевства выносить приговоры к тюремному заключению и смертной казни. Попытка восстания на Сицилии и несколько отчаянных актов мятежа в Южной Италии стоили жизни главным действующим лицам; и когда, наконец, была объявлена амнистия, исключение было сделано для тех, кого теперь называли дезертирами, а недавно - Священным Отрядом Нолы, то есть для солдат, которые первыми восстали за Конституцию. Морелли, получивший предательскую благодарность вице-короля за свое поведение, был казнен вместе с одним из своих товарищей; остальных отправили в цепях трудиться среди преступников. Сотни людей остались лежать, осужденные или не осужденные, в тюрьмах; другие, несмотря на амнистию, были изгнаны со своей родины; и тот огромный, продолжительный поток беглецов теперь начал вливаться в Англию, которая в ранних воспоминаниях многих, кто еще не стар, ассоциировала имя итальянца с образом изгнанника и страдальца.

[Восстание в Пьемонте, 10 марта.]

В кампании Австрии против Неаполя был момент, когда армии вторжения угрожала самая серьезная опасность. В Пьемонте вспыхнуло восстание, и войска этой страны попытались объединиться с патриотической партией Ломбардии в движении, которое бросило бы всю Северную Италию в тыл австрийцам. При первом всплеске тревоги царь приказал ста тысячам русских перейти галицийскую границу и выступить в направлении Адриатики. Однако продолжать это наступление оказалось ненужным. Пьемонтская армия разделилась сама против себя; часть провозгласила испанскую конституцию и после отречения короля призвала своего двоюродного брата, регента Карла Альберта Кариньянского, выступить против австрийцев; часть примкнула к законному наследнику, брату короля Карлу Феликсу, который отсутствовал в Модене и который с честностью, резко контрастирующей с мошенничеством неаполитанского двора, отказался тянуть время с мятежниками или идти на какой-либо компромисс с Конституцией. Угрызения совести принца Кариньяно после того, как он прошел

некоторый путь с военной партией действия, парализовали движение в Северной Италии. Не поддержанные пьемонтскими войсками, миланские заговорщики не смогли поднять ни одного открытого восстания. Австрийские солдаты толпами двинулись на запад от венецианских крепостей и вступили в сам Пьемонт; разгром неаполитанской армии разрушил надежды самых храбрых патриотов; и единственным результатом пьемонтского движения было то, что австрийские объятия еще плотнее сомкнулись на подвластных провинциях, в то время как мученики итальянской свободы исчезли с глаз мира, из пределов всякого человеческого общения, на долгие годы погребенные в тихой, никем не посещаемой тюрьме Севера. ^[329]

[Французские ультрароялисты, призывающие напасть на Испанию.]

Таким образом, победа абсолютизма была завершена, и в Европе был установлен закон, согласно которому народ, ищущий своих свобод где-либо еще, кроме милости и спонтанной щедрости своего законного суверена, стал подходящим объектом нападения армий трех Великих держав. В более поздней главе будет показано, как Меттерних убедил царя включить анафему, вынесенную Лайбахским конгрессом (май 1821 г.) ^[330] восстание греков, которое в этот момент началось, и как лорд Каслри поддержал австрийского министра в отказе этим мятежникам против султана во всех правах или притязаниях на внимание Европы. Испания пока оставалась нетронутой; но военные действия 1821 года подготовили почву для аналогичного крестового похода против этой страны, вызвав падение министерства Ришелье и полностью передав правительство Франции в руки ультрароялистов. Все партии во Французской палате, независимо от того, осуждали они или одобряли подавление неаполитанских свобод, осуждали политику, которая удерживала Францию в бездействии и сделала Австрию верховной властью в Италии. Ультрароялисты воспользовались всеобщим недовольством, чтобы свергнуть министра, которого они обещали поддерживать (декабрь 1821 г.); и с этого времени война с Испанией, ведущаяся либо одной Францией, либо в сочетании с тремя восточными державами, стала самой заветной надеждой рядовых членов господствующей фракции. Виллель, их номинальный глава, остался тем, кем был раньше, - государственным деятелем среди фанатиков, и желал сохранять позицию наблюдения до тех пор, пока это было возможно. В 1820 году на южной границе был размещен отряд войск для предотвращения любых контактов с испанскими районами, пораженными желтой лихорадкой. Эта эпидемия прошла, но численность войск теперь была увеличена до ста тысяч человек. Однако Виллель надеялся, что военные действия удастся предотвратить, если только испанцы сами не спровоцируют сражение или, прибегнув к крайним мерам против короля Фердинанда, не принудят Людовика XVIII. вмешаться от имени своего родственника. Наиболее агрессивная часть французского кабинета, представленная министром иностранных дел Монморанси, призывала к немедленному маршу на Мадрид или предлагала отложить операции только до тех пор, пока Франция не заручится поддержкой других континентальных держав.

[Испания с 1820 по 1822 год.]

[Фердинанд вступает в заговор с сервилами против Конституции.]

Положение Испании в 1822 году ободрило тех, кто жаждал использовать оружие Франции в борьбе за дело роялистов. Надежды на мирные реформы, которые в первые несколько месяцев после революции разделяли даже иностранные политики в Мадриде, давно развеялись. В момент народной победы Фердинанд вызволил лидеров кортесов из их тюрем и назначил их на должности. Эти люди с достоинством забыли о нанесенных им обидах. Несчастье успокоило их

порывистость и помогло им лучше понять истинное положение испанского народа. Они подошли к своей задаче со всей серьезностью и добросовестностью и проявили бы себя лучшими друзьями конституционной монархии, если бы у Фердинанда было хоть малейшее намерение лояльно сотрудничать с ними. Но с самого начала они столкнулись с двойным врагом. Духовенство, отменившее Конституцию шесть лет назад, интриговало или открыто выступало против нее, как только она была восстановлена; наиболее яростные либералы во главе с Риего предались сумасбродству, подобному сумасбродству парижского клуба ораторов в 1791 году, и сделали все возможное, чтобы сделать невозможным любое мирное управление. После некоторой успешной борьбы с этими анархистами, или Экзальтадо, Министерство было вынуждено обратиться к ним за помощью, когда по наущению папского нунция король наложил вето на закон о роспуске большинства монастырей ^[331] (октябрь 1820 г.). Теперь Фердинанд открыто объединился с врагами Конституции и попытался передать командование армией одному из своих собственных агентов. Заговор провалился; министерство подняло тревогу по всей стране, и Фердинанд предстал перед своим народом виновным как заговорщик против Конституции, которую он поклялся защищать. Волнения в клубах, которые министерство до сих пор подавляло, вспыхнули с новой силой. На самого Фердинанда обрушился шквал обвинений. В конце 1820 года он был вынужден изгнать из Мадрида большинство лиц, которые были его доверенными лицами; и хотя его низложение еще не предлагалось, он уже стал в гораздо большей степени, чем Людовик XVI Французский при аналогичных условиях, признанным врагом революции и подозреваемым покровителем любой государственной измены.

[Министерство Экзальтадо и Сервилес, 1821 г.]

[Попытка государственного переворота, 6 июля 1822 г.]

[Восстание роялистов на севере.]

Нападение деспотических дворов на Неаполь весной 1821 года усилило ярость партий в Испании, поощряя сервилей, или абсолютистов, в их заговорах, и вынудив министерство уступить призывам к более жестоким мерам против врагов Конституции. На юге Испании экзальтадо получили в свое распоряжение основные военные и гражданские командования и открыто отказались подчиняться центральной администрации, когда она попыталась вмешаться в их действия. Севилья, Карфаген и Кадис вели себя так, как будто они были независимыми республиками и даже говорили об отделении от Испании. Брошенная вызовом своим собственным подчиненным в провинциях и неспособная рассчитывать на искреннюю поддержку короля, умеренная правящая партия потеряла всякую власть над нацией. В кортесах, избранных в 1822 году, экзальтадо составили большинство, и Риего был назначен президентом. Теперь Фердинанд начал согласовывать меры с французскими ультрароялистами. Сервилы, возглавляемые священниками и поддерживаемые французскими деньгами, подняли открытое восстание на севере. Когда сессия кортесов закончилась, король попытался свергнуть своих врагов военной силой. Три батальона королевской гвардии, которые были выведены из Мадрида, получили секретный приказ выступить на столицу (6 июля 1822 г.), где, как ожидалось, Фердинанд встанет во главе их. Однако они были встречены и разгромлены на улицах другими полками, и Фердинанд, тщетно пытавшийся отмежеваться от действий своих сторонников, обнаружил, что его корона, если не жизнь, в опасности. Он написал Людовику XVIII. что он пленник. Хотя французский король дал не более чем хороший совет, ультрароялисты во французском кабинете министров и в армии теперь напрягали все силы, чтобы ускорить войну

между двумя странами. Испанские абсолютисты захватили город Сео д'Уржелъ и создали там временное правительство. Гражданская война охватила северные провинции. Министерство, которое теперь было сформировано из друзей Риго, потребовало и получило от кортесов диктаторские полномочия, подобные тем, которыми обладал Французский комитет общественной безопасности в 1793 году, но с совершенно иным результатом. Испания не нашла ни Дантона, ни Карно в этот кризис, когда потребовались бы высочайшие силы интеллекта и воли, чтобы пробудить и вооружить народ, гораздо менее склонный к борьбе за свободу, чем французы в 1793 году. Один-единственный человек, генерал Мина, остановил и сверг лидеров повстанцев севера с активностью, превосходящей их собственную. Правительство, хвастливое и жестокое в своих мерах, почти ничего не добилось в организации национальных вооруженных сил или в подготовке средств сопротивления тем иностранным армиям, нападение которых теперь явно угрожало стране.

[Англия и Конгресс 1822 года.]

Когда Конгресс в Лайбахе распался весной 1821 г., его члены решили возобновить свое заседание в следующем году, чтобы решить, может ли австрийская армия быть выведена из Неаполя, и обсудить другие вопросы, затрагивающие их общие интересы. Развитие греческого восстания и растущая вражда между Россией и Турцией с тех пор отодвинули на второй план все итальянские трудности. Восточный вопрос стоял в первых рядах европейской политики; следующими по важности были дела Испании. Было очевидно, что они в гораздо большей степени, чем оккупация Неаполя, будут касаться реальных задач Конгресса 1822 года. Англия проявляла гораздо больший интерес к обоим вопросам, чем к итальянским переговорам двух предыдущих лет. Было высказано мнение, что система воздержания, которой придерживалась тогда Англия, больше не может применяться и что страну должен представлять не какой-нибудь случайный и бродячий дипломат, а ее ведущий министр, лорд Каслри. Намерения других держав в отношении Испании вызывали сомнения; неизменной политикой Великобритании было предоставить испанской революции в Европе идти своим чередом и убедить другие державы сделать то же самое. Но трудности, связанные с Испанией, не ограничились испанской границей. Южноамериканские колонии теперь в значительной степени обеспечили свою независимость. Они наладили торговлю с Великобританией, которая сделала невозможным для этой страны игнорировать их флаг и решения их судов. Британские законы о судоходстве уже были изменены парламентом в пользу их судоходства; и хотя в обязанности английского правительства не входило предоставлять официальный титул сообществам, которые сделали себя свободными, практическое признание Американских штатов путем назначения дипломатических агентов в ряде случаев могло быть отложено не по справедливости. Поэтому, не вмешиваясь ни в какие колонии, которые все еще воевали или вели переговоры с Испанией, британский министр предложил проинформировать союзные кабинеты министров о намерении этой страны аккредитовать агентов в некоторых южноамериканских республиках и рекомендовать им проведение аналогичной политики.

[Смерть Каслри, 12 августа 1822 г.]

Таков был смысл инструкций, которые за несколько недель до своего предполагаемого отъезда на Континент Каслри составил для собственного руководства и представил Кабинету министров и королю. ^[332] Если бы он дождался выполнения возложенной на него миссии, признание южноамериканских республик, которое добавляет столь яркий луч к славе Каннинга, вероятно,

было бы делом рук человека, который, по всеобщему убеждению, больше, чем кто-либо другой, связан с традициями ненавистной и изжившей себя системы угнетения. Еще два года жизни, еще два года перемен в отношениях Англии с Континентом сделали бы Каслри другой фигурой в истории как Греции, так и Америки. Ни один английский государственный деятель в наше время не подвергался столь суровому осуждению. Обстоятельства, вплоть до завершения его карьеры, лишали Каслри возможностей, которые выпали на долю его преемника; связи, от которых были свободны другие, мешали ему ускорить разрыв с союзниками в 1814 году. Противники не проявили к Каслри ни милосердия, ни справедливости. Человек, которого Байрон опозорил, высмеяв после его смерти, обладал в значительной степени качествами, которые в частной жизни вызывают уважение и любовь. Его общественная жизнь, хотя и была в прежние времена запятнана низкой политической моралью того времени, поднялась высоко над жизнью любого континентального государственного деятеля аналогичного ранга, за единственным исключением Штейна. Лучшим свидетельством его честности является раздражение, которое это вызвало у Талейрана. ^[333] Если бы сознание того, что люди неустанно трудятся на благо общества и в целом движимы чистой и искренней целью, могло бы успокоить страдающий разум, закат дней Каслри мог бы быть мирным. Его соотечественники признали бы, что, будучи слепым к правам наций, Каслри подавал иностранным правителям пример правды и добросовестности. Но бремя его жизни было слишком тяжелым, чтобы его нести. Туман уныния затуманил очертания реального мира и вселил холод в его сердце. Смерть, вызванная самим собой, принесла облегчение перенапряженному мозгу и погрузила Каслри со всеми его заботами в вечный сон.

[Министр иностранных дел Каннинг. Веллингтон был депутатом Конгресса в сентябре 1822 г.]

[Веронский конгресс, октябрь 1822 г.]

Вакантный пост был заполнен Каннингом, безусловно, самым одаренным из группы государственных деятелей, которые начали свою общественную жизнь в школе Питта. Веллингтон взялся представлять Англию на конгрессе 1822 года, который вот-вот должен был открыться в Вене. Однако его отъезд был отложен на несколько недель, и предварительная встреча, на которой предполагалось обсудить все дела, не касающиеся Италии, была почти завершена до его прибытия. Соответственно, Веллингтон отправился в Верону, где должны были решаться итальянские дела; и Итальянская конференция, которую британское правительство не намеревалось признавать, таким образом, стала настоящим Конгрессом 1822 года. Как ни был встревожен лорд Каслри вопросом об иностранном вмешательстве в дела Испании, он едва ли осознавал неминуемость опасности. Проезжая через Париж, Веллингтон впервые узнал, что французское или европейское вторжение в Испанию будет главным предметом обсуждения между державами; а по прибытии в Верону он сделал неприятное открытие, что царь был склонен послать русскую армию для участия в качестве мандатария Европы в свержении испанской конституции. Желанием Александра было получить от Конгресса совместную декларацию, подобную той, которая была принята против Неаполя тремя судами в Троппау, но еще более грозную, поскольку в данном случае можно было ожидать, что Франция даст свое согласие, в котором ранее было отказано. Франция действительно занимала, согласно абсолютистской теории того времени, ту же позицию по отношению к якобинской Испании, что и Австрия по отношению к якобинскому Неаполю, и, возможно, могла бы претендовать на ведущую военную роль в крестовом походе репрессий. Но эта работа, вероятно, оказалась гораздо более сложной, чем та, что была проделана в 1821 году.

Французские войска, сказал царь, не заслуживают доверия; и во Франции есть партия, которая может воспользоваться войной, чтобы провозгласить второго Наполеона или Республику. Король Людовик XVIII. поэтому нельзя было допустить, чтобы Испания боролась в одиночку. Было необходимо, чтобы основными силами, задействованными альянсом, были те, чья лояльность и военные качества были вне подозрений: генералы, которые прошли маршем от Москвы до Парижа, вряд ли потерпели неудачу за Пиренеями; а кампания русской армии в Западной Европе обещала избавить царя от части недовольства его солдат, которые были повернуты назад после вступления в Галицию в предыдущем году и которым не разрешили помогать своим единоверцам в Греции в их борьбе против султана. ^[334]

[Конгресс не сделал совместной декларации против Испании.]

Веллингтон, находясь в Париже, убедился, что король Людовик XVIII. и Виллель были полны решимости ни при каких обстоятельствах не пропускать русские войска через Францию. Знание этого факта позволило ему с некоторой уверенностью говорить с Александром. Это было искреннее желание английского правительства предотвратить войну, и поэтому его первой целью было помешать Конгрессу как органу направить ультиматум Испании. Если бы все державы объединились в декларации, подобной декларации Троппау, война была бы неизбежна; если бы Франции было предоставлено самой решать свои споры со своим соседом, английское посредничество, возможно, сохранило бы мир. Заявление Веллингтона о том, что Англия скорее отделится от великого союза, чем согласится на совместное заявление против Испании, несомненно, оказало свое действие, предотвратив предложение такого заявления; но еще более веским доводом против этого было прямое противоречие между намерениями французского правительства и намерениями царя. Если царь был полон решимости стать солдатом Европы, в то время как, с другой стороны, король Людовик категорически отказывал ему в проезде через Францию, было невозможно, чтобы Конгресс угрожал Испании коллективным нападением. Поэтому не потребовалось больших дипломатических усилий, чтобы предотвратить немедленное принятие декрета против Испании, подобного тому, который был издан против Неаполя двумя годами ранее. В первых депешах, которые он отправил обратно в Англию, Веллингтон выразил свою веру в то, что обсуждения держав завершатся решением предоставить испанцев самим себе.

[Ход переговоров против Испании.]

Но опасность была предотвращена только внешне. Импульс к войне был слишком силен среди французских ультрароялистов, чтобы Конгресс мог хранить молчание по поводу испанских дел. Виллель действительно все еще надеялся на мир, и, в отличие от других членов своего кабинета, он желал, чтобы в случае возникновения войны Франция сохранила полную свободу действий и вступила в борьбу как независимая держава, а не как инструмент европейского концерта. Это, однако, не помешало ему желать выяснить, какая помощь будет оказана, если Франция подвергнется сильному давлению со стороны своего врага. Французским посланникам в Вероне были даны инструкции разузнать у союзников по этому вопросу. ^[335] Именно из-за этого предположения начались переговоры, которые фактически объединили всю Европу против Испании. Посланник Монморанси, действуя в духе партии войны, потребовал от всех Держав, сделают ли они то же самое в случае отзыва Францией своего посла из Мадрида и получит ли Франция в случае войны их моральную и материальную поддержку. Веллингтон в своем ответе протестовал против формулирования гипотетических случаев; другие

посланники утвердительно ответили на вопросы Монморанси. Следующий шаг был предпринят Меттернихом, который настаивал на том, что определенные действия испанского народа или правительства должны быть определены как делающие войну обязательной для Франции и ее союзников, а также что с целью усиления роялистской партии в Испании все послы в Мадриде должны представить ноты с требованием изменения Конституции. Это предложение, в свою очередь, было представлено Веллингтону и отвергнуто им. Оно было принято другими полномочными представителями, и в действиях испанского народа было указано, за чем обязательно должна последовать война. Это были совершение любого акта насилия в отношении члена королевской семьи, низложение короля или попытка смены династии. Во вторую часть соглашения была добавлена секретная оговорка о том, что, если испанское правительство не даст удовлетворительного ответа на ноты, требующие изменения Конституции, все послы должны быть немедленно отозваны. Был набросан черновик нот, которые должны были быть представлены; и Монморанси, который подумал, что, вероятно, зашел слишком далеко в своих оговорках, вернулся в Париж, чтобы представить черновики королю, прежде чем передать их послам в Париже для передачи в Мадрид.

[Виллель и Монморанси.]

[Речь Людовика XVIII, 27 января 1823 г.]

Виллель с большим неудовольствием увидел, как его коллега вверил Францию руководству трех Восточных держав. Не было никакой вероятности, что испанское правительство пойдет хотя бы на такую уступку, какая требовалась, и в этом случае Франция обязалась, если действия Монморанси будут одобрены, немедленно отозвать своего посла из Мадрида. Соответственно, Виллель обратился к послам в Париже с просьбой отложить отправку нот. Его просьба не была принята к сведению: ноты были отправлены немедленно. Возмущенный этим пренебрежением, Виллель обратился к королю с просьбой не подчиняться диктату иностранных дворов. Louis XVIII. было объявлено в его пользу против всего остального Кабинета, и Монморанси был вынужден уйти в отставку. Но решение короля означало, что он не одобрял веронские переговоры как сковывающие движения Франции, а не то, что он освободился от влияния партии войны. Шатобриан, самый безрассудный подстрекатель к военным действиям, был назначен министром иностранных дел. Посредничество Великобритании было отклонено; ^[336] и в своей речи на открытии Палат 1823 года король Людовик сам фактически опубликовал объявление войны.

[Англия в 1823 г.]

[Вторжение Франции в Испанию, апрель 1823 г.]

Послы трех восточных дворов уже представили в Мадрид свои ноты с требованием изменения Конституции; и, получив энергичный ответ от министров, они покинули страну. Каннинг, прилагая все дипломатические усилия для предотвращения несправедливой войны, ясно дал понять испанцам, что Англия не может оказать им вооруженную помощь. Причины против такого вмешательства были действительно неопровержимыми. Россия, Австрия и Пруссия скорее вышли бы на поле боя, чем позволили восторжествовать испанской конституции; и хотя, объединись Великобритания с Испанией в действительно национальной обороне, подобной обороне 1808 года, она, возможно, защитила бы полуостров от всех держав Европы, вместе взятых, дело обстояло совсем иначе, когда на карту было поставлено дело, к которому

большинство испанской нации проявило безразличие и против которого северные провинции фактически взяли за оружие. Таким образом, правительству и кортесам было предоставлено защищаться, насколько это было в их силах, от своих врагов. Они продемонстрировали свою слабость, приняв крайне суровые законы против дезертиров и удалившись вместе с непокорным королем из Мадрида в Севилью. 7 апреля французские войска во главе с герцогом Ангулемским перешли границу. Священники и значительная часть крестьянства приветствовали их как избавителей: противостоящие им силы отступили, не нанеся ни одного удара. По мере того как захватчики продвигались к столице, банды роялистов, часто возглавляемые монахами, сеяли такой ужас и опустошение в северных провинциях, что присутствие иностранных войск стало единственной защитой для миролюбивых жителей. ^[337] Самому Мадриду угрожал отряд флибустьера по имени Бессьер. Комендант отправил французам заявление о капитуляции, когда они были еще на некотором расстоянии, умоляя их наступать как можно быстрее, чтобы спасти город от разграбления. Едва было отправлено сообщение, как Бессьер и его бандиты появились в пригороде. Губернатор отогнал их и еще четыре дня сдерживал толпу роялистов в городе. 23 мая авангард французской армии вступил в столицу.

[Ангулем, регентство и послы.]

Это было желанием короля Людовика XVIII. и Ангулема спасти Испанию от насилия роялистов и священнического фанатизма. По прибытии в Мадрид Ангулем намеревался сам назначить временное правительство; однако приказы из Парижа вынудили его оставить выборы в руках Совета Кастилии, и к власти пришло регентство, первые действия которого показали, в каком духе следует использовать победу французов. Были изданы указы, объявляющие все акты кортесов, затрагивающие монашеские ордена, недействительными, увольняющие всех должностных лиц, назначенных с 7 марта 1820 года, и подвергающие проверке тех, кто, находясь на тот момент в должности, не подал в отставку со своих постов. ^[338] Прибытие послов трех восточных держав поощряло регентство в их антагонизме к французскому командующему. Считалось, что Парижский кабинет министров не желал восстанавливать короля Фердинанда в качестве абсолютного монарха и намеревался добиться от него предоставления институтов, подобных Французской хартии. Любое подобное ограничение абсолютной власти, однако, вызывало ужас у трех деспотических дворов. Их послы сформировали совет с явной целью противостоять предполагаемой политике Ангулема. Регентство осмелело и дало сигнал к всеобщему возмездию либералам, опубликовав приказ о лишении всех лиц, служивших в добровольческом ополчении с марта 1820 года, их должностей, пенсий и титулов. Работа, начатая в столице, получила гораздо большее развитие в провинциях. Друзья Конституции и даже солдаты, которые были защищены своей капитуляцией перед французами, были брошены в тюрьму новыми местными властями. Буйство реакции достигло такого размаха, что Ангулем, в настоящее время находящийся на марше к Кадису, был вынужден издать указ, запрещающий производить аресты без согласия французского командующего и приказывающий своим генералам освободить лиц, которые были произвольно заключены в тюрьму. Совет послов, слепой в своей ревности к Франции и не замечавший опасности бесконтрольной реставрации, выразил протест против его указа и пожелал, чтобы чиновникам Регентства было предоставлено исполнять свою волю.

[Кортесы в Кадисе.]

[Фердинанд освобожден, 1 октября.]

Проведя несколько недель в праздных дебатах в Севилье, кортесы были вынуждены из-за появления французов на Сьерра-Морене отступить в Кадис. Поскольку король Фердинанд отказался сопровождать их, его объявили временно невменяемым и вынудили отправиться в путешествие (12 июня). Ангулем, следуя за французским авангардом после значительного перерыва, появился перед Кадисом в августе и направил королю Фердинанду записку, рекомендуя ему объявить амнистию и пообещать восстановление средневековых кортесов. Была выражена надежда, что условия, предложенные в этой ноте, могут быть приняты правительством в Кадисе в качестве основы мира и, таким образом, сделают ненужным нападение на город. Министерство, однако, дало дерзкий ответ от имени короля. Соответственно, осада Кадиса началась всерьез. 30 августа форт Трокадеро был взят штурмом; три недели спустя город подвергся бомбардировке. В ответ на все предложения о переговорах Ангулем заявил, что он может вести переговоры только тогда, когда король Фердинанд будет действовать в рамках своих полномочий. Не было ни малейшей надежды на продолжение успешной обороны Кадикса, поскольку боевые действия затихали даже в тех немногих районах Испании, где конституционные войска сражались энергично. Сам Фердинанд делал вид, что не держит зла на своих министров и что либералам нечего бояться его освобождения. 30 сентября он подписал, как будто с большим удовлетворением, абсолютную и всеобщую амнистию. ^[339] На следующий день его вместе с семьей перевезли через залив в штаб-квартиру Ангулема.

[Насилие эпохи Реставрации.]

Война закончилась: теперь стали видны реальные результаты французского вторжения. Фердинанд не пробыл и двенадцати часов во французском лагере, когда, окруженный монахами и головорезами-роялистами, опубликовал прокламацию, объявляющую недействительными все действия конституционного правительства за последние три года на том основании, что его санкция была дана вынужденно. Той же прокламацией были ратифицированы акты Мадридского регентства. Поскольку Мадридское регентство объявило всех лиц, причастных к высылке короля в Кадис, ответственными за государственную измену, Фердинанд фактически утвердил смертный приговор нескольким людям, с которыми он только что расстался в дружеских отношениях. ^[340] Многие из этих жертв вероломства короля были отправлены французами в безопасное место. Но Ангулем был бессилен повлиять на политику и поведение Фердинанда. Дон Саес, королевский духовник, был назначен первым государственным секретарем. 4 октября был издан эдикт, навсегда изгоняющий из Мадрида и из страны на пятьдесят миль вокруг него всех, кто в течение последних трех лет заседал в Кортесах или кто был министром, государственным советником, судьей, командующим, должностным лицом на любой государственной должности, магистратом или офицером так называемого добровольного ополчения. Было приказано, чтобы по всей Испании была отслужена торжественная служба во искупление оскорблений, нанесенных Святому Причастию; чтобы по всей стране были разосланы миссии для борьбы с пагубными и еретическими доктринами, связанными с недавним восстанием, и чтобы епископы отправили в монастыри строжайшего соблюдения священников, которые действовали как агенты нечестивой группировки. ^[341] Таким образом, война мести была открыто объявлена против побежденной стороны. Напрасно Ангулем с негодованием упрекал короля и послы трех Восточных дворов настаивали на том, чтобы он оформил хоть какую-то амнистию. Фердинанд медленно ехал в сторону Мадрида, говоря, что не может предпринять такой шаг, пока не

достигнет столицы. 7 ноября Риго был повешен. Тысячи людей были брошены в тюрьму или вынуждены бежать из страны. За исключением тех случаев, когда порядок поддерживался французами, жизнь и имущество находились во власти толп роялистов и возглавлявших их священников; и хотя влияние русского государственного деятеля Поццо ди Борго в конце концов привело к созданию респектабельного министерства, это только разожгло ярость клерикальной партии и привело к призывам к низложению короля и возведению на трон его более фанатичного брата, дона Карлоса. В начале 1824 года были учреждены военные комиссии для суда над обвиняемыми, а мнимая амнистия, опубликованная шесть месяцев спустя, включала в свои пятнадцать категорий исключений участников почти каждого акта революции. Постановление следовало за постановлением, умножая деяния, наказуемые смертной казнью, и уничтожая литературу, которая считалась источником всего религиозного и социального инакомыслия. За каждым проявлением жизни следила полиция; каждое выражение политических взглядов считалось государственной изменой. Молодых мужчин расстреливали за то, что они были масонами; женщин сажали в тюрьму на десять лет за то, что у них был портрет Риго. Отношение восстановленного правительства к своим подданным фактически было отношением к состоянию гражданской войны. Восстания возникали среди фанатиков, которые теперь называли себя карлистской, или апостольской партией, а также среди отчаявшихся остатков конституционалистов. После слабой вспышки последнего в Тарифе сто двенадцать человек были казнены военными комиссиями в течение восемнадцати дней. ^[342] Юрисдикция этих трибуналов и царство террора прекратились только летом 1825 года.

[Англия запрещает завоевание испанских колоний Францией или ее союзниками.]

[Англия признает независимость колоний. 1824-5.]

Франция одержала дешевую и бесславную победу. Три Восточных двора видели, как их принцип абсолютизма восторжествовал ценой всего того, что делает правительство морально лучше анархии. Одно утешение оставалось для тех, кто чувствовал, что на Европейском континенте мало надежды на свободу. Крестовый поход против свободы Испании навсегда положил конец возможности совместного завоевания Испанской Америки в интересах деспотизма. Позиция Англии была уже не той, что в 1818 году. Когда царь предложил на конгрессе в Экс-ла-Шапель, чтобы союзные монархи подавили республиканский принцип за морями, Каслри только заявил, что Англия не может участвовать в таком предприятии; он не сказал, что Англия будет эффективно препятствовать другим попыткам этого. Это была резолюция, с помощью которой Каннинг, изолированный и сбитый с толку веронским заговором, доказал, что Англия все еще может что-то сделать для защиты своих собственных интересов и интересов человечества от лиги автократов. Действительно, нет никаких сомнений в том, что независимость испанских колоний была бы признана Великобританией вскоре после войны 1823 года, кто бы ни был нашим министром иностранных дел, но в руках Каннинга это признание было делом иным, чем в руках его предшественника. Контраст между этими двумя мужчинами был скорее в духе, чем в общепризнанных правилах поведения. Там, где Каслри приносил извинения континентальным суверенам, Каннинг выражал неповиновение ^[343] Договоры 1815 года, которые так тесно связывали Англию с иностранными дворами, были делом рук не его; хотя он и не стремился отрицать их, он был рад показать, что, несмотря на них, у Англии все еще есть своя политика, свои симпатии, свои традиции. Перед лицом королевского совета и принятия им всеобщей юрисдикции он публично назвал себя

сторонником независимости наций. Если другие видели мало доказательств того, что Франция намеревалась вознаградить себя за свои услуги Фердинанду, присвоив некоторые из его мятежных колоний, Каннинг быстро улавливал каждое подозрительное обстоятельство. В начале войны 1823 года он сделал официальное предупреждение послу Людовика XVIII. что Франции не будет позволено подчинить ни одну из этих провинций своему владычеству, будь то путем завоевания или уступки. ^[344] Когда война закончилась, он отклонил приглашение правительства Фердинанда принять участие в конференции в Париже, где союзным державам должны были быть представлены дела Южной Америки. ^[345] Что эти Державы могли или не могли думать по поводу Америки, теперь было безразлично, поскольку политика Англии была неизменной, и было бесполезно обсуждать вывод, который нельзя было изменить. Британские консульские агенты были назначены в большинстве колоний до конца 1823 года; и после некоторого перерыва независимость Буэнос-Айреса, Колумбии и Мексики была официально признана путем заключения торговых договоров. "Я призвал к существованию Новый Свет, - воскликнул Каннинг, когда его упрекнули в том, что он допустил французскую оккупацию Испании, - чтобы восстановить равновесие Старого". Хвастовство, известное в нашей парламентской истории, создало ошибочное впечатление о той роли, которую действительно сыграл Каннинг в этом кризисе. Он не призывал к существованию Новый Свет; он даже не помогал ему завоевать независимость, как Франция помогла Соединенным Штатам пятьдесят лет назад; но когда эта независимость была завоевана, он бросил на него эгиду Великобритании, заявив, что никакая другая европейская держава не должна вновь налагать иго, которое Испания была не в состоянии поддерживать.

[Дела в Португалии.]

[Конституция, дарованная Педру в мае 1826 г.]

Свержение Конституции Испании иностранным оружием привело к серии событий в Португалии, которые вынудили Англию к более прямому вмешательству на полуострове, чем это было необходимо, и усилили конфликт, возникший между ее политикой и политикой континентального абсолютизма. В Португалии существовали те же партии и те же страсти, политические и религиозные, что и в Испании, и враги Конституции находили ту же поддержку при иностранных дворах. Король Португалии Иоанн VI был слабым, но не злонамеренным человеком; его жена, которая была сестрой Фердинанда Испанского, и его сын Дон Мигель были главарями заговора против кортесов. В июне 1823 года военный мятеж, организованный Мигелем, положил конец существующей форме правления: однако, распуская кортесы, король пообещал, что он сам дарует Португалии Конституцию; и он, похоже, намеревался сдержать свое слово. Послы Франции и Австрии, однако, были заняты тем, что чинили препятствия на этом пути, и дон Мигель был готов применить насилие, чтобы помешать своему отцу пойти на какие-либо уступки либералам. Король Иоанн, опасаясь за свою жизнь, обратился в Англию за войсками; Каннинг отказался высаживать солдат в Лиссабоне, но послал эскадру с приказом обеспечить королю защиту. Зима 1823 года прошла в интригах; в мае 1824 года Мигель арестовал министров и окружил королевский дворец войсками. После нескольких дней неразберихи король Иоанн сбежал на британских кораблях, а Мигель, который был попеременно то трусливым, то дерзким, затем подчинился, и ему было приказано покинуть страну. Король Иоанн умер весной 1826 года, так и не даровав Конституции. Педро, его старший сын, уже стал императором Бразилии; и, поскольку было невозможно, чтобы Португалия и Бразилия снова объединились, было решено, что дочь Педро, когда достигнет достаточного

возраста, выйдет замуж за своего дядю Мигеля и таким образом спасет Португалию от опасности оспаривания престолонаследия. Прежде чем отказаться от короны Португалии, Педру даровал этой стране Конституцию. Король Иоанн уже назначил регентство, в которое не были включены ни вдовствующая королева, ни Мигель.

[Дезертирство португальских солдат, 1826 г.]

[Испания разрешает дезертирам нападать на Португалию.]

[Каннинг отправляет войска в Лиссабон, декабрь 1826 г.]

Мигель уехал в Вену. Будучи в некотором роде калибаном по характеру и пониманию, этот принц встретил радушный прием, подобающий родственнику императорского дома и представителю благого дела абсолютизма. Меттерних принял его с большим интересом, и его состояние перешло под защиту австрийского двора. В свое время была надежда, что этот дикий и невежественный мужлан сослужит йоменскую службу австрийским принципам на полуострове. Но Регентству и новой Конституции Португалии не пришлось ждать запоздалой операции скрытой враждебности Меттерниха. Солдаты, восставшие по приказу Мигеля в 1823 году, теперь провозгласили его королем и дезертировали на испанскую землю. На испанской границе представители Фердинанда приняли их с распростертыми объятиями. Требования португальского посла в Мадриде рассеять их и сдать оружие были отклонены. Дело этих вооруженных банд на границе стало делом клерикальной и ультрароялистской партии по всей Европе. Деньги им присылались из Франции и Австрии. К ним присоединились отряды испанских карлистов или апостоликов; их кормили, одевали и организовывали, если не само испанское правительство, то, по крайней мере, те, чьи действия испанское правительство осуществляло под контролем. ^[346] Достигнув таким образом значительной военной мощи, они совершали набеги на Португалию и, наконец, предприняли попытку регулярного вторжения. Регентство Лиссабона, справедливо расценив это безобразие как акт испанского правительства и сославшись на договоры, которые обязывали Великобританию защищать Португалию от иностранного нападения, потребовало помощи этой страны. Действия Каннинга были связаны с чем-то большим, чем возможное соперничество с Испанией; серьезность опасности заключалась в том факте, что Испания все еще была оккупирована французскими армиями и что война с Испанией могла и, вероятно, повлечет за собой войну с Францией, если не с другими континентальными державами. Но английское министерство ждало только подтверждения предполагаемых фактов своим собственным послом. Права Португалии по договору были несомненны; настроение английского парламента и нации, до крайности напряженное событиями последних трех лет, было таково, что война против Фердинанда и против разрушителей испанской свободы вызвала бы больше радости, чем тревоги. Через девять дней после получения официального требования португальцев, через четыре дня после того, как их жалоба была подтверждена докладом нашего посла, Каннинг объявил Палате общин, что британские войска действительно находятся на пути к Лиссабону. Словами, которые встревожили многих из его собственной партии и вызвали горькое негодование каждого континентального двора, Каннинг предупредил тех, чьи действия угрожали втянуть Англию в войну, что война, если она возникнет, будет войной мнений, и что Англия, как бы искренне она ни старалась избежать этого, не сможет избежать того, что под ее знамена встанут все беспокойные и недовольные любой нации, с которой она может вступить в конфликт. Что касается португальской конституции, которая была реальной целью нападения Испании, то, по

словам Каннинга, она была принята не по просьбе Великобритании, но он молился, чтобы Небеса даровали ей процветание. Невозможно было сомневаться, что министр, который говорил таким образом и который, даже выражая сожаление, намекал на какой-либо союз с революционными элементами во Франции и Испании, был совершенно серьезен. Слова и действия Каннинга произвели именно тот эффект, которого он желал. Правительство Фердинанда нашло способ сдерживать деятельность апостольских церквей: присутствие британских войск в Лиссабоне позволило португальскому регентству бросить все свои силы на захватчиков и изгнать их из страны. Они были распущены, когда вновь пересекли испанскую границу; французский двор громко осудил их аморальное предприятие; и Конституция Португалии, казалось, по крайней мере на данный момент, восторжествовала над своими открытыми и тайными врагами.

[Политика консервирования.]

Тон английского правительства действительно изменился с тех пор, как Меттерних смог публично выразить надежду на то, что три восточные державы получат одобрение этой страны в их нападениях на Неаполитанскую конституцию. В 1820 году такая профессия, возможно, и сошла бы за ошибку; в 1826 году это было бы явным абсурдом. Как в Англии, так и на Континенте считалось, что разница между более ранним и более поздним духом нашей политики сводилась к контрасту между Каннингом и Каслри. Историческим догматом стало то, что печальная смерть Каслри завершила один период нашей внешней политики и положила начало другому: говорили, что Каннинг освободил Англию от ее континентальных связей; о нем даже утверждали, что он выполнил для Европы не меньшую задачу, чем роспуск Священного союза.^[347] Фигура Каннинга действительно навсегда займет большое место в европейской истории; и чем больше становится известно о противодействии, с которым он столкнулся как со стороны своего государя, так и со стороны своего великого соперника Веллингтона, тем больше должно быть наше восхищение его ясным, сильным умом и всепобеждающей силой его характера. Но легенда, которая представляет английскую политику как совершенно новый поворот в 1822 году, не соответствует исторической правде. Каннинг был членом Кабинета министров с 1816 по 1820 год; было бы слабым комплиментом по отношению к нему предполагать, что он либо не оказывал никакого влияния на своих коллег, либо молчаливо соглашался с политикой, которую не одобрял; и история Конгресса в Экс-ла-Шапель доказывает, что его советы уже в то время приобрели вес. Признание, сделанное Каслри в 1820 году, после ухода Каннинга из Кабинета, что Австрия, как соседнее и находящееся под угрозой государство, имела право отменить революционную конституцию Неаполя, вероятно, не получило бы согласия Каннинга; во всех других пунктах действия нашего правительства в Троппау и Лайбахе могли быть его собственными. Каннинг любил говорить о своей системе как о системе нейтралитета и невмешательства в ту борьбу между принципами деспотизма и демократии, которая, казалось, распространялась по Европе. Он открыто выразил свою симпатию к Испании как объекту несправедливой и неспровоцированной войны, но самым торжественным образом предупредил испанцев, чтобы они не ждали английской помощи. Он молился о процветании Конституции Португалии, но он прямо отрицал всякую связь с ее происхождением и защищал Португалию не потому, что это было Правовое государство, а потому, что Англия была связана договорами по защите ее от иностранного вторжения. Аргументы против интервенции от имени Испании, которые Каннинг адресовал англичанам, сочувствующим этой стране, могли быть высказаны Каслри; отрицание права иностранных держав нападать на испанскую конституцию, которым Каслри озаглавил свои собственные

инструкции для Вероны, могло быть написано Каннингом.

[Каннинг и Европейский концерт.]

Заявления о том, что Каннинг вывел Англию из континентальной системы и что он распустил Священный союз, не могут быть приняты без значительных поправок. Общие отношения, существовавшие между Великими державами, основывались не на нелепом и устаревшем договоре о Священном союзе, а на Актах, которые были подписаны на конференции в Экс-ла-Шапель. Первым из них был секретный Четверной договор, который обязывал Англию и три Восточные державы напасть на Францию в случае, если революция в этой стране поставит под угрозу мир в Европе; вторым было общее заявление всех пяти держав о том, что они будут действовать дружно и советоваться друг с другом. Из первого из этих союзов Каннинг, конечно, не вывел Англию. Возможно, он сделал бы это в 1823 году, если бы Четверной договор обязал Англию сохранить Дом Бурбонов на французском троне; но было прямо заявлено, что низложение Бурбонов само по себе не обязательно рассматривалось бы Англией как угроза миру в Европе. Этот договор оставался в полной силе вплоть до смерти Каннинга; и если бы революционная армия двинулась маршем из Парижа на Антверпен, он, несомненно, обратился бы за помощью к трем восточным державам. Что касается общего согласия Европы, установленного или подтвержденного декларацией Экс-ла-Шапель, то оно всегда отличалось разной масштабностью и основательностью. И Франция, и Англия держались в стороне в Троппау. Федеративные действия были самыми сильными и пагубными не до, а после смерти Каслри и в период, последовавший за Веронским конгрессом; ибо, хотя войну против Испании вела одна Франция, три восточные державы фактически взяли на себя ответственность за успех предприятия, и именно влияние их послов в Париже и Мадриде предотвратило наложение каких-либо ограничений на восстановленный суверенитет Фердинанда.

Каннинга облачают ложной славой, когда говорят, что его действия в Испании и Португалии привели к распаду лиги континентальных судов. Каннинг действительно формировал политику нашей собственной страны с такой же независимостью и мудростью, но политическим центром Европы в то время был не Лондон, а Вена. Краеугольным камнем европейской структуры был союз Австрии и России, и этот союз оказался под угрозой не из-за чего-либо, что могло произойти на Испанском полуострове, а из-за конфликта интересов этих двух великих государств по отношению к Османской империи. С того момента, как был подписан Парижский мирный договор, каждый австрийский политик устремил свой взор на дороги, ведущие к Низовьям Дуная, и с тревогой отмечал признаки надвигающейся войны или сохранения мира между Россией и Портой. ^[348] Триумфом Меттерниха было то, что в последующие годы он отвлек мысли царя от его недовольства Турцией и поставил в тупик русских дипломатов и генералов, которые, подобно Каподистрии, стремились подстегнуть своего повелителя к завоевательным предприятиям на Востоке. На Веронском конгрессе изменчивые и непоследовательные маневры австрийского государственного управления действительно можно понять, только предположив, что Меттерних все это время думал не столько об Испании, сколько о Турции, и боролся любой ценой за сохранение того личного влияния на Александра, которое до сих пор предотвращало начало войны на Востоке. Но антагонизм, который так долго подавлялся, наконец вырвался наружу. Развитие греческого восстания привело Австрию и Россию не к войне, а к самой ожесточенной вражде друг с другом. Именно об эту скалу в конце концов разбилось неуклюжее судно, которое люди называли Священным союзом. Каннинг хорошо сыграл свою роль в вопросе о Востоке, но не он создал этот вопрос. Действовали силы, которые

без его вмешательства, вероятно, положили бы конец деспотическому режиму дружбы 1815 года. Для звания великого государственного деятеля необязательно, чтобы он вызвал к жизни элементы, которые делают возможным новый политический порядок; достаточной похвалой является то, что он знал, как обратить их к ответу.

ГЛАВА XV.

Состояние Греции: ее расы и институты-Греческая церковь-Общинная система-Эгейские острова-Фанариоты-Греческое интеллектуальное возрождение; Кораэс-Начало греческого национального движения; Контакт Греции с Французской революцией и Наполеоном-Гетерия Филике-Попытка Гипсиланти в Дунайских провинциях; ее провал-Восстание в Море: Массовые убийства: казнь Грегориуса и терроризм в Константинополе-Позиция России, Австрии и Англии-Расширение восстания: дела на Гидре-Греческие лидеры-Падение Греции Триполица-Резня на Хиосе- Поражение турок в кампании 1822 года-Разногласия греков-Махмуд обращается к Мехмету Али за помощью-Ибрагим завоевывает Крит и вторгается в Морею-Осада Миссолонги-Филэллинство в Европе-Предложение России о вмешательстве-Заговоры в России: Смерть Александра: Восшествие на престол Николая-Военное восстание в Санкт-Петербурге- Англо-российский протокол-Мирный договор между Англией, Россией и Францией-Смерть Каннинга-Наваринская война между Россией и Турцией-Кампании 1828 года и 1829-Адрианопольский мирный договор-Каподистрия Президент Греции-Леопольд принимает, а затем отказывается от греческой короны-Убийство Каподистрии-Отона, короля Греции.

[Греция в эпоху Наполеона.]

Из христианских рас, которые в начале третьего десятилетия этого столетия населяли европейские провинции Османской империи, греки были наименее заметно затронуты политическими и военными событиями эпохи Наполеона. Сербия после долгой борьбы в 1817 году получила местную автономию под властью своих собственных князей, хотя турецкие войска все еще размещали гарнизоны в ее крепостях, а суверенитет султана был признан выплатой дани. Романические округа, Валахия и Молдавия, которые в знаменитом интервью в Тильзите Наполеон приказал царю сделать своими, были возвращены Россией Порте по Бухарестскому мирному договору 1812 года, но на условиях, которые фактически устанавливали российский протекторат. Греция, за исключением Ионических островов, не была ареной каких-либо военных операций и не являлась предметом какого-либо договора. И все же эпоха

Французской революции и наполеоновских войн незаметно произвела в греческой нации последние из великого ряда изменений, которые позволили ей занять свое место среди свободных народов Европы. Налицо были признаки, по которым те, кто умел читать будущее, могли бы заключить, что политическое возрождение Греции уже близко. Были и такие, кто с такой же проницательностью и патриотизмом стремился в тот период заложить интеллектуальный фундамент для той национальной независимости, которую, как они предвидели, их дети завоюют мечом.

[Греция в восемнадцатом веке.]

В общих чертах можно сказать, что поступательное движение греческой нации стало заметным в первой половине восемнадцатого века. Крепостное право тогда исчезло; крестьянин был либо вольноотпущенником, либо фермером, выплачивающим натурой арендную плату за свою землю. В постепенном и незаметном освобождении рабочего класса первое условие национального возрождения уже было выполнено. Сформировалось крестьянство, которое, когда разразился конфликт с турками, приняло на себя основную тяжесть длительной борьбы. По сравнению с прусским крепостным греческий земледелец в начале XVIII века был независимым человеком: по сравнению с английским рабочим он был хорошо накормлен и имел хорошее жилье. Зло, которому подвергалось греческое население везде, где греки и турки жили вместе, было тем, которое приводило к ожесточению или деградации христианских рас в каждой провинции Османской Империи. Не было никакой компенсации за вред, причиненный мусульманским чиновником или соседом. Если богатый турок убивал грека в поле, сжигал дотла его дом и оскорблял его семью, не существовало суда, где преступник мог бы предстать перед судом. Термин, которым турок описывал своего соседа-христианина, был "наш райах", то есть "наш подданный". Землевладелец-мусульманин мог терроризировать все население вокруг себя, уводить женщин, пороть и сажать в тюрьму мужчин, и все же чувствовать, что он не совершил никакого преступления против закона; ибо не существовало закона, кроме Корана, и не было турецкого суда, кроме суда кади, где жалоба христианина не принималась во внимание.

Таковы были чудовищные отношения, которые существовали между господствующими и подчиненными национальностями не только в Греции, но и во всех частях Османской империи, где мусульмане и христиане населяли одни и те же районы. Вторым великим и всеобщим злом было вымогательство, практикуемое сборщиками налогов, и оно обрушивалось на более бедных мусульман наравне с христианами, за исключением подушного налога, или харача, знака рабства, который взимался только с христиан. Вся земля платила десятину государству, и до тех пор, пока сборщик налогов не нанесет свой визит, крестьянину не разрешалось срезать созревший урожай. Это правило позволяло сборщику налогов, будь то мусульманин или христианин, разорять тех, кто не подкупал себя или своих хозяев; ибо, просто отложив свой визит, он мог снизить ценность урожая. Вокруг этого центрального института тирании и расточительства собрались, за исключением районов, защищенных муниципальными привилегиями, все формы коррупции, естественные для общества, где государство не прислушивалось к апелляциям и не проводило расследования процессов, используемых теми, кому оно продавало налоги. То, что было возможно на пути вымогательства, лучше всего видно на примере того, как хорошо построенные деревни оставались без арендаторов, а население богатых районов вымирало в мирное время, без эпидемий, без восстаний, без какого-либо большего зла со стороны султанского правительства, чем то обычное безразличие, которое

позволяло существованию общины зависеть от умеренности или каприза отдельных обладателей силы.

[Происхождение современной Греции византийское, а не классическое.]

[Славянские и албанские элементы.]

Таковы были рамки, или, как можно было бы сказать, общее право смешанного турецкого и христианского общества Османской империи. На этом фоне мы должны теперь проследить социальные и политические особенности, которые выделялись в греческой жизни, которые сохранили расу от потери ее отдельной национальности и которые сделали возможным окончательное восстановление ее независимости. В первом порыве сочувствия и восторга, с которым каждое великодушное сердце в Западной Европе приветствовало знамя греческой свободы, поднятое в 1821 году, двадцать веков, отделявших Грецию литературы от Греции наших дней, были странным образом забыты. Воображение сразу же вернулось к Сократу и Леониду и представило их в образах "Островитянина" или "горца, восставшего против Махмуда II". двойник тех славных существ, которые подарили Европе идеалы интеллектуальной энергии, пластической красоты и поэтической правды. Иллюзия была счастливой, если она возбуждала в храбром народе интерес, которого Сербия или Черногория, возможно, не смогли бы добиться; но она приводила к реакции, когда приходили разочарования; она придавала чрезмерную важность вопросу физического происхождения греков; и это создавало ложное впечатление о причинах, приведших к войне за независимость, и о качествах, привычках, узах союза, которые осуществляли величайшую власть над нацией. Они были в значительной степени непохожи ни на что, существовавшее в древнем мире; они возникли в Византии, а не в классической Греции; и там, где сцены древней эллинской истории, казалось, повторялись, это было связано скорее с продолжающимся влиянием тех же морей и тех же гор, чем с сохранением каких-либо политических фрагментов прошлого. Греческое население получило сильное славянское влияние много веков назад. Совсем недавно албанские поселенцы изгнали жителей из определенных районов как на материке, так и в Мореа. Аттика, Беотия, Коринф и Аргонида к началу войны за независимость были населены в основном расой албанского происхождения, которая все еще использовала, наряду с некоторыми греческими, албанский язык.^[349] Чувство отдельной национальности было, однако, слабым среди этих поселенцев, которые, в отличие от некоторых небольших албанских общин на западе Мореи, были христианами, а не мусульманами. Соседство, торговля, идентичность религии и сходство местных институтов превращали этих албанцев в греков; и ни одно сообщество чисто эллинского происхождения не сыграло большей роли в национальной войне и не проявило большей морской энергии и отваги, которые мы особенно связываем с эллинским названием, чем жители островов Гидра и Спеца, которые перешли из албанской части Мореи и завладели этими пустынными скалами менее ста лет назад. Такой же феномен ассимиляции греков и албанцев наблюдался в южном Эпире, на границе между двумя расами. Сулиоты, албанские горцы, чьи военные подвиги составляют одну из самых необычных глав в истории, проявили признаки греческого влияния еще до начала греческой войны за независимость, и в этой войне они не делали различия между греческим делом и своим собственным. Даже правление свирепого Али-паши в Янине благоприятствовало распространению греческой цивилизации в Эпире. При этом мусульманском тиране в Янине было больше школ, чем в Афинах. Греческое население округа увеличилось; и в смысле общего религиозного антагонизма к мусульманам греческие и

албанские христиане в Эпире забыли о своих расовых различиях.

[Греческая церковь.]

[Низшее духовенство.]

[Патриарх - имперский функционер.]

[Гражданские магистраты епископов.]

Центральным элементом современной греческой жизни было религиозное исповедание Православной Восточной церкви. Там, где, как в некоторых частях Крита, грек принял мусульманство, все остальные элементы его национальности вместе взятые не помешали ему смешаться с турком. Здоровые и популярные силы Церкви принадлежали низшему духовенству, которое, в отличие от священников Римской церкви, состояло в браке и разделяло жизнь народа. Будучи невежественными и фанатичными, они, тем не менее, были настоящими хранителями национального духа; и если их кредо было скорее суеверием, чем религией, это, по крайней мере, поддерживало в греках здоровый антагонизм к суевериям их хозяев. Высшее духовенство находилось во многих отношениях в ином положении. Константинопольский патриарх был великим чиновником Порты. Его достоинства и гражданская юрисдикция были восстановлены и даже расширены мусульманскими завоевателями Греческой империи с явной целью использования Церкви как средства обеспечения повиновения себе; и это вполне соответствовало истории этого великого поста, когда, наконец, вспыхнуло греческое национальное восстание, патриарх Григорий IV. следовало бы согласиться, хотя и неохотно, обрушить на него проклятие Церкви. Патриарх получил свой пост путем покупки или интриг в Диване; он платил за это огромные ежегодные отступные; и он мог быть убит или низложен, как только его мусульманские покровители теряли благосклонность султана, или конкурирующий духовный деятель предлагал более высокую цену за его пост. Чтобы удовлетворить требования Дворца, Патриарх был вынужден сам стать вымогателем. Епископства, в свою очередь, продавались в его прихожих, и епископы пополняли вырученные от покупки деньги, обирая свое духовенство. Но, несмотря на заслуженную репутацию продажных епископов, епископы в Греции пользовались очень большим влиянием, как как церковные деятели, так и как гражданские магистраты. Независимо от того, проистекала ли их юрисдикция в судебных процессах между христианами из обычая передавать споры на их арбитражное разбирательство или была прямо предоставлена им султаном, они фактически вытеснили во всех греческих общинах суд кади и предоставили торговцу или фермеру трибунал, где его собственные законы принимались на его родном языке. Даже мусульманин, вступивший в спор с христианином, иногда соглашался передать дело в епископский суд, вместо того чтобы отстаивать свое право на получение медлительного и капризного решения османского судьи.

[Общественная организация.]

[Морея.]

Условия жизни греков в стране, которая сейчас образует Эллинское королевство, и на Эгейских островах демонстрировали сильные местные контрасты. Однако общим для всех было то, что, пока турок держал в своих руках государственную власть, детали местного управления в каждом районе были оставлены на усмотрение жителей, турка эти вопросы не волновали, пока выплачивалась надлежащая сумма налогов и обеспечивалось надлежащее количество

матросов. Распределение налогов между семьями и деревнями, по-видимому, было зародышем самоуправления, из которого развилось несколько типов муниципальной организации, некоторые из них имели большое значение в истории греческой нации. В пасхалике Мореи налоги обычно собирались воеводами, или беями, турецкими губернаторами двадцати трех провинций, на которые была разделена Морея. Но в каждой деревне или городке жители избирали должностных лиц, называемых проэсто, которые, помимо сбора налогов и управления делами своих собственных общин, собирались на районное собрание и там определяли, какую долю районных налогов должна нести каждая община. Один греческий офицер по имени примас и один мусульманин по имени Аян были избраны представлять округ и принимать участие в совете паши Мореи, который проживал в Триполице. ^[350] Приматы обладали значительной властью. Созданные первоначально Портой для ускорения сбора доходов, они стали греческой аристократией. Они действительно были аристократией не очень благородного рода. Агенты деспотичного хозяина, они разделяли пороки тирана и раба. Часто самих фермеров, собирающих налоги, подобострастных и интригующих во дворце паши в Триполице, алчных и деспотичных в своих родных краях, их описывали как разновидность турок-христиан. Но какими бы ни были их пороки, они спасли греков от того, чтобы остаться без лидеров. Они сформировали класс, привыкший действовать сообща, знакомый с деталями управления, и особенно с механизмом сбора и распределения припасов. Именно этот финансовый опыт примасов Мореи придал восстанию греков то небольшое единство организации, которое оно демонстрировало на своей ранней стадии.

[Северная Греция. Арматоли и клефты.]

На севере Коринфского залива черты общинного строя были менее отчетливыми, чем в Мореи. Однако в горной стране Этолия и Пинд существовала грубая военная организация, которая оказала Греции большую услугу в поддержании национального духа и привычек личной независимости. Турки обнаружили местное ополчение, созданное в этом диком регионе во время их завоевания, и не вмешивались в него в течение нескольких столетий. Арматоли, или местные солдаты, набираемые из крестьян, пастухов и погонщиков мулов, держали мусульманское влияние на расстоянии, пока в восемнадцатом веке султаны не взяли за правило сокращать их численность и ослаблять власть их военачальников. До 1820 года арматоли были сравнительно немногочисленны и слабы; но по мере того, как они приходили в упадок, банды клефтов, или разбойников, приобретали все большее значение; и горец, которому больше не разрешалось упражняться с оружием в качестве стража порядка, записывался в ряды разбойников. Подобно флибустьерам с нашей северной границы, эти разбойники стали героями песен. Хотя они грабили как греков, так и мусульман, национальный дух одобрял их подвиги. Несомненно, было что-то особенное в том, что физическая энергия мародера и привычка встречать опасность лицом к лицу не были полностью на стороне турка и албанца. Но влияние клефтов на сохранение греческого гражданства было переоценено. Они лишь недавно стали многочисленными, и более ранняя организация северных арматоли была той, которой действительно был обязан здоровый и энергичный характер греческого крестьянства в этих регионах, лучшей части греческой расы на материке. ^[351]

[Эгейские острова.]

[Хиос.]

На островах Эгейского моря положение греков было в целом счастливым и процветающим. На

некоторых из этих островов турецкого населения не было; на других каприз султанши, добрая воля капитан-паши, правившего Архипелагом, или разумное предложение определенной суммы денег, когда Порты нуждалась в деньгах, настолько облегчили бремя османского суверенитета, что греческое островное сообщество обладало большей свободой, чем можно было найти в какой-либо части Европы, за исключением Швейцарии. Налоги, подлежащие уплате центральному правительству, включая харач, или подушный налог, взимаемый со всех христиан, часто заменялись фиксированной суммой, которая взималась без вмешательства турецкого сборщика налогов. На Гидре, Спеце и Псаре, так называемых морских островах, превосходство турок ощущалось только в обязательстве поставлять моряков для османского флота и в выплате дани в размере около 100 фунтов стерлингов в год. Управление этими тремя островами было полностью в руках жителей. На Хиосе, хотя значительное мусульманское население существовало бок о бок с греками, были все признаки мира и процветания. Каждый остров носил свой особый социальный характер и имел свои более или менее ценные муниципальные учреждения. Гидриот был сварливым, беспокойным, проворным в обращении с ножом, но откровенным, честным в обращении и отличным моряком. Картина хианской жизни, нарисованная даже теми, кто наиболее строго судил греков, отличается исключительной красотой и интересом; картина самоуправляющегося общества, в котором семья воспитывала гражданина в своем собственном лоне и в котором, в то время как торговля обогащала всех, трудолюбие бедняков в их домах и садах совершенствовалось с помощью занятий искусством. Мастерством, придавшим ценность вышивке и краскам Хиоса, владели те, кто также работал на ручном ткацком станке и выращивал мастику и розы. Вкус и труд человека вознаграждались дарами природы неба, почвы и моря; и в занятиях, которые стимулировали, а не притупляли способности работника, праздность и невоздержанность были одинаково неизвестны. ^[352] Какое яркое зрелище представляет собой промышленность по сравнению с грязью и убожеством английского фабричного городка, где человек и неодушевленная машина ежегодно перемалывают горы железной посуды и ситца, чтобы предприниматель мог соперничать со своими соседями в бездушной показухе, а рабочий поглощает свои миллионы и миллионы спиртных напитков.

[Греки обладают церковной властью в других турецких провинциях.]

Территория, где греки составляли подавляющее большинство населения, включала, за пределами границ нынешнего Эллинского королевства, острова, прилегающие к побережью Малой Азии, Крит и Халкидский полуостров в Македонии. Но деятельность расы не ограничивалась этими рамками. Если грек был подданным в своей собственной стране, он был хозяином на землях некоторых своих соседей. Грек мог осуществлять власть над другими христианскими подданными Порты либо как священнослужитель, либо как представитель султана в определенных ветвях государственной власти. Власть Константинопольского патриарха была признана над всеми европейскими провинциями Турции, за исключением Сербии. Епископы во всех этих провинциях были греками; богослужения в Церкви совершались на греческом языке; доходы большей части церковных земель и сборы всех церковных судов шли в карманы греков. В религиозных вопросах и в том широком спектре гражданских дел, которые в общинах, принадлежащих к Восточной Церкви, относятся к высшим религиозным должностям, греки фактически восстановили господство, которым они обладали при Византийской империи. Мечтой Церковника было не создание независимого греческого королевства, а восстановление Восточной империи под греческим господством. Когда стало ясно, что славяне и румыны приходят к греку за правом, коммерческим опытом, религиозным

учением и смотрят на Константинопольского патриарха как на высшего судью во всех спорах, естественно, возникло убеждение, что, когда турок умрет, грек займет его место. Но влияние греков, каким бы великим оно ни казалось, на самом деле не простиралось глубоко, за исключением Эпира. Епископов считали иностранцами и вымогателями. Реального процесса ассимиляции не было ни в Болгарии, ни в Дунайских провинциях. Медлительный и трудолюбивый болгарский крестьянин, слишком глупый, чтобы грек мог считать его соперником, сохранил свои собственные неизменные вкусы и национальность, пел своим детям песни, которым научился у родителей, и забыл греческий, который услышал в Церкви, когда вернулся домой. ^[353] В Румынии единственным чувством по отношению к греческому захватчику была сильная ненависть.

[Фанариотские чиновники Порты.]

[Греческие гостеприимцы.]

Четыре великих поста в Османской империи всегда занимали греки. Это были офисы драгомана, ^[354] или секретаря Порты, драгомана флота и губернаторств, называемых Господариатами, Валахии и Молдавии. Разнообразная деятельность Константинопольского патриархата, управление его доходами, деятельность его судов привлекли множество напористых и хорошо образованных греков в квартал Константинополя под названием Фанар, в котором расположен дворец Патриарха. Торговцы и профессионалы населяли один и тот же район. Эти столичные греки, так называемые фанариоты, постепенно пробивались в османскую администрацию по мере того, как энергия Турции приходила в упадок, и раса завоевателей обнаружила, что больше не может обходиться без оружия расчета и дипломатии. Карловицкий мирный договор, заключенный в 1699 году, после неудачной войны, в ходе которой турки осадили Вену, был подписан от имени Порты Александром Маврокордатосом, чином по происхождению, который стал врачом султана и фактически был министром иностранных дел Турции. Его сыновья, Николай и Константин, стали господами Валахии и Молдавии в начале восемнадцатого века; и с этого времени, вплоть до начала греческого восстания, управление румынскими провинциями было доверено семьям фанариотов. Результатом было то, что отряд греческих авантюристов перешел к северу от Дуная и захватил все, что могло принести прибыль в этих несчастных землях. Среди господарей, особенно среди маврокордаты, действительно были отдельные люди, которые оказывали хорошую услугу своим румынским подданным; но в целом правление фанариотов было алчным, нечестным и жестоким. ^[355] Его важность по отношению к Греции заключалась не в том, что он эллинизировал дунайские страны, поскольку этого ему явно не удалось сделать; но в том, что он повысил уровень греческого образования и расширил диапазон греческой мысли, открыв политическую и административную карьеру амбициозным людям. Связь фанариотов с образованием действительно была чрезвычайно тесной. Александр Маврокордатос был пылким и щедрым основателем школ для обучения своих соотечественников в Константинополе, а также в других городах, и для улучшения существующего языка Греции. Его примеру свободно следовали на протяжении всего восемнадцатого века. Действительно, одной из лучших черт греческого характера является то, что владелец богатства так часто был и до сих пор так часто остается популяризатором культуры своей расы. Как и в Германии в прошлом веке, а также в Венгрии и Богемии в более поздний период, национальному возрождению Греции предшествовало поразительное возрождение интереса к национальному языку.

[Греческое интеллектуальное движение в восемнадцатом веке.]

Знание древнегреческого языка никогда не было полностью утрачено среди духовенства, но оно стало бесполезным. Не читалось ничего, кроме церковных банальностей педантичного века; и в школах, содержащихся духовенством до восемнадцатого века, древний язык преподавался только как средство приобщения к богословию. Образовательное движение, продвигаемое такими людьми, как Маврокордатос, имело двойную цель; оно возродило знания о великой эпохе Греции через ее литературу и научило греков относиться к речи, которую они фактически использовали, не как к простому варварскому наречию, которое каждый регион создал для себя сам, а как к языку, действительно отличающемуся от языка древнего мира, но управляемому его собственными законами и способному выполнять те же функции, что и любой другой современный язык. Именно теперь грек научился называть себя Элленом, именем своих предков, вместо Romaïos, римлянина. По мере того как росли новые школы, а старые ремонтировались или трансформировались, образование перестало быть просто литературным. Во второй половине восемнадцатого века наука в скромной форме вернулась в страну, которая ее породила, и круг преподавания расширился за счет людей, изучавших юриспруденцию, физику и философию морали в зарубежных университетах. Что-то от либерального духа исследователей Западной Европы зародилось у лучших учителей греческого языка. Хотя не было предпринято никаких нападков на доктрины Церкви и не было предпринято прямых нападков на власть султана, долг религиозной терпимости был провозглашен в стране, где до сих пор безраздельно царил фанатизм, а политическая свобода древней Греции считалась великолепным идеалом для менее счастливого века. Некоторые представители высшего духовенства и фанариоты, орудия турецкого правления, испугались независимого духа нового учения, и некоторое время казалось, что интеллектуальный, а также политический прогресс Греции может оказаться под угрозой из-за церковной недоброжелательности. Но привязанность греческого народа к Церкви была настолько сильной и настолько всеобщей, что, хотя сатира могла быть направлена против епископов, разрыв с Церковью не входил в планы ни одного патриота. Антагонизм между епископальными и национальными чувствами, наиболее сильный в конце XVIII века, в последующие годы пошел на убыль и почти исчез перед началом освободительной войны.

[Кораэс, 1748-1833.]

[Язык современной Греции.]

Величайший ученый современной Греции был также одним из ее величайших патриотов. Кораэс, известный как законодатель греческого языка, родился в 1748 году в семье чианцев, поселившихся в Смирне. Любовь к знаниям в сочетании с крайней независимостью характера делали для него невыносимым пребывание в стране, где турок всегда был в пределах видимости и где существовало мало возможностей для получения обширных знаний. Родители разрешили ему провести несколько лет в Амстердаме, где был основан филиал их бизнеса. Возвращенный в Смирну в возрасте тридцати лет, Кораэс практически отказался от человеческого общества. Рука красивой наследницы не могла отвлечь его от суровой и уединенной жизни ученого; и, покинув свой дом, он окончил медицинскую школу в Монпелье и поселился в Париже. Он был здесь, когда началась Французская революция. Вдохновение того времени придало его обширным познаниям и врожденной энергии прямо патриотическую направленность. В течение сорока лет Кораэс продолжал служить Греции средствами, доступными ученому.

Политические сочинения, в которых он обращался к самим грекам или взывал к иностранцам в пользу Греции, какими бы замечательными они ни были, не составляют основы его славы. Особая задача Корееса состояла в том, чтобы дать возрождающейся греческой нации национальную литературу и форму выражения, которые каждый цивилизованный народ считает одними из самых заветных уз своего единства. Владея до мельчайших деталей всем спектром греческих сочинений и историей греческого языка с классических времен до нашего столетия, Кораэс смог отобрать эллинских авторов, как христианских, так и языческих, чьи произведения лучше всего подходили для его соотечественников в их реальном положении, и проиллюстрировать их так, как не смог бы никто, кто сам не родился и не вырос среди греков. Это была одна сторона литературной задачи Кораэса. Другая заключалась в том, чтобы направить язык будущего эллинского царства в его истинное русло. Образованные люди в Греции все еще понимали классическую письменность, но разговорный язык людей сильно отличался. Турецкое и албанское влияние привело к варварству лексики; столетия невежества сыграли роль в каждой естественной неправильности местного диалекта. Когда речь зашла о восстановлении независимости Греции, некоторые предлагали искусственно возродить каждую форму, используемую в древнем языке, и таким образом, без какого-либо реального смешения, добавить старое к новому; другие, видя это невозможным, желали, чтобы общепринятая идиома, какой бы искаженной она ни была, была принята в качестве литературного языка. Кораэс выбрал средний и рациональный путь. Взяв в качестве материала лучший письменный греческий язык того времени, он рекомендовал зафиксировать формы классического греческого там, где они не были полностью устаревшими, в грамматике языка. Высмеивая попытку восстановить способы выражения, которые даже в письменном языке полностью вышли из употребления, он предложил исключить все слова, которые на самом деле были вовсе не греческими, а иностранными, и заменить их терминами, образованными в соответствии с естественными законами языка. Таким образом, греческий, который Кораэс хотел, чтобы его соотечественники признали своим языком и который он сам использовал в своих трудах, был письменным греческим языком наиболее культурных людей его времени, очищенным от иностранных элементов и методичным путем постоянного обращения к классической модели, которой, однако, не предполагалось педантично подражать. Правильность этой теории была доказана ее полным успехом. Говор, который, если бы его признали языком греческого королевства, теперь сделал бы Геродота и Платона иностранными авторами в Афинах, действительно, все еще сохранился в разговорной речи, но он мало используется в письменной форме и не преподается в школах. Язык, с каждым годом все более приближающийся по своим формам к языку классической Греции, объединяет греков как со своим прошлым, так и между собой и служит инструментом расширения эллинской цивилизации в Восточном Средиземноморье. Политическая цель Кораэса была полностью достигнута. Ни один народ в Европе не гордится своим родным языком и не использует его в образовании лучше, чем его соотечественники. В литературе обновленному языку все еще предстоит проделать свою работу. Лирическая поэзия, которая была написана в Греции со времен Кораэса, не испытывает недостатка, если иностранец может выразить свое мнение, в нежности и изяществе, Писателю, который облагородит греческую прозу энергией и прямоотой древнего стиля, еще предстоит появиться ^[356]

[Развитие греческой торговли, 1750-1820 гг.]

[Кайнарджийский мирный договор, 1774 г.]

Интеллектуальный прогресс греков в восемнадцатом веке был тесно связан с развитием их торговли, а это, в свою очередь, было связано с событиями в более широком цикле европейской истории. Период относительного мира и порядка в левантийских водах, последовавший за окончательным изгнанием венецианцев из Мореи в 1718 году, дал волю природной склонности греческих островитян к каботажной торговле. Тогда корабли, все еще маленькие и непригодные для дальних плаваний, курсировали между гаванями Эгейского и Черного морей и приносили прибыль своим владельцам, несмотря на наложение бремени, от которого были свободны не только многие мусульманские подданные султана, но и иностранные нации, защищенные торговыми договорами. Именно в эту эпоху, после того как Венеция утратила свое торговое господство в Восточном Средиземноморье, Россия начала оказывать непосредственное влияние на судьбу Греции. Императрица Екатерина задумала завоевать Константинополь и намеревалась под титулом Защитницы христианской церкви использовать греков в качестве своих союзников. Во время войны, разразившейся между Россией и Турцией в 1768 году, русский экспедиционный корпус высадился в Морею, и греков убедили взяться за оружие. Сами мореоты дорого заплатили за доверие, которое они оказали православной императрице. Они были фактически брошены на произвол мести своих угнетателей; но для Греции в целом условия, на которых был заключен мир, оказались чрезвычайно выгодными. Кайнарджийский мирный договор, подписанный в 1774 году, давал России прямое право представлять в Константинополе христианских жителей дунайских провинций; он также обязывал султана соблюдать определенные условия в обращении с жителями греческих островов. На основе этих положений российская дипломатия создала общее право вмешательства от имени любых христианских подданных Порты. Договор также открыл Черное море для российских торговых судов и предоставил России коммерческие привилегии наиболее благоприятствуемой нации.^[357] Результат этого компактного устройства был весьма примечательным. Российское правительство разрешило сотням греческих судовладельцев поднять свой собственный флаг и таким образом изменило положение греческих торговых судов в каждом порту Османской империи. Бремя, которое ставило греческих торговцев в невыгодное положение по сравнению с мусульманами, исчезло. Множество российских консульских агентов, часто самих греков, были разбросаны по Леванту. Стремясь использовать возможности привязать греков к их русским покровителям, стремясь дать почувствовать туркам свою недавно завоеванную власть, эти люди извлекли определенный смысл из пунктов Кайнарджийского мирного договора, по которому Порта обязалась соблюдать права своих христианских подданных. Чувство безопасности в ходе своего бизнеса, не меньшее, чем освобождение от коммерческих оков, придало огромный импульс греческим торговцам. Их корабли были увеличены; рейсы, до сих пор ограничивавшиеся Левантом, были распространены на Англию и даже Америку; и на борту каждого корабля было установлено значительное количество пушек для защиты от нападения алжирских пиратов.

[Основание Одессы, 1792 г.]

[Смерть Регаса, 1798 г.]

[Влияние Французской революции на Грецию.]

До конца восемнадцатого века очередная война между Турцией и Россией, приведшая к уступке района Очаков на северном берегу Черного моря, сделала греков одновременно

перевозчиками и продавцами кукурузы, экспортируемой Южной Россией. На уступленной территории был основан город Одесса. Купцы, которые привели его к внезапному процветанию, были не русскими, а греками; и в течение жизни одного поколения многие греческие торговые дома, которые до сих пор считали сумму в 3000 фунтов стерлингов крупным капиталом, достигли богатства, немногим уступающего богатству крупных лондонских фирм. Пользуясь нейтралитетом Турции или ее союзом с Англией на протяжении большей части войны за независимость, греки унаследовали большую часть средиземноморской торговли, которая была утрачена Францией и ее зависимыми странами. Растущий интеллект народа проявился в том факте, что греческие купцы больше не нанимали иностранцев в качестве своих разъездных агентов в дальних странах; у них было достаточно своих соотечественников, которые могли вести переговоры с англичанином или датчанином на его родном языке. Самыми богатыми греками, без сомнения, были жители Одессы и Салоник, а не собственно Эллады; но даже маленькие острова Гидра и Спеца, убежище мореотов, которых Екатерина оставила в 1770 году, теперь стали сообществами с немалым богатством и духом. Псара, которая была чисто греческой, образовала вместе с этими албанскими колониями ядро египетской военно-морской державы. Османское правительство, напуганное своими недавними поражениями и, возможно, обрадованное возможностью увеличить свои ресурсы, не предприняло никаких попыток остановить рост греческой вооруженной морской пехоты. На глазах у султана капитаны гидриотов и псари, люди столь же отважные, как морские короли древней Греции, собирали артиллерию, которой впоследствии предстояло выстоять против многих османских военных кораблей и изгнать турецких торговцев с Эгейского моря. За восемнадцать лет до того, как вспыхнуло греческое восстание, Кораес, привлекая внимание Западной Европы к прогрессу, достигнутому его страной, написал следующие знаменательные слова: "Если бы османское правительство могло предвидеть, что греки создадут торговый флот, состоящий из нескольких сотен судов, большинство из которых будут регулярно вооружены, это подавило бы движение в самом его начале. Невозможно просчитать последствия, которые могут возникнуть в результате создания этого морского пехотинца, или влияние, которое он может оказать как на судьбу угнетенной нации, так и на судьбу ее угнетателей". ^[358] Подобно своей классической сестринской стране в Средиземноморье, Греция была взбудоражена далеко звучащими голосами Французской революции. Декларация прав человека, возрождение предполагаемого античного республиканизма, победы Гоша и Бонапарта последовательно разжигали энтузиазм расы, и без того беспокойной под турецким игом. Франция возлагала на себя некоторые надежды, которые до сих пор были всецело возлагаемы на Россию. Образы и идеи классической свободы вторглись в сферу, где до сих пор полностью находилась Церковь; сами моряки стали называть свои лодки именами спартанских и афинских героев, а также именами святых и мучеников. В 1797 году Венеция пала, и Бонапарт захватил ее греческие владения - Ионические острова. В установлении французского правления было что-то от форм освобождения; жителям Занте, по крайней мере, разрешили разжечь костер из роскошных париков, которые носили их венецианские хозяева. Казалось, великие перемены были уже не за горами. Тогда еще не понимали, что Франция сражалась за империю, а не за справедливость; и человек, который, прежде всего, олицетворял ранний дух революции среди греков, поэт Регас, надеялся, что Бонапарт подаст сигнал к восстанию всего христианского населения, подчиненного мусульманскому правлению. Регас, если и не был мудрым политиком, то был поистине храбрым человеком, и он смог служить своей стране как мученик. Находясь в Австрии в заговоре против правительства султана и, вероятно, в интригах с Бернадотом, французским послом в Вене, он был арестован агентами Тугута и передан туркам. Он был казнен в Белграде

вместе с пятью своими товарищами в мае 1798 года. Песни Регаса вскоре разнеслись по всем домам Греции. Они были драгоценным сокровищем для его соотечественников, и они обессмертили его имя как патриота. Но работа, которую он начал, на некоторое время приостановилась после его смерти. Череда событий, последовавших за вторжением Бонапарта в Египет, погасила надежду на освобождение Греции Французской Республикой. Среди высшего греческого духовенства союз с безбожными последователями Вольтера не был воспринят благосклонно. Порта даже смогла найти христианского патриарха, который написал бы от его имени пастораль, предостерегающую верующих от греха мятежа и напоминающую им, что, в то время как сатана создавал лютеран и кальвинистов, бесконечная милость Божья возвысила Османскую державу, чтобы Православная церковь могла быть сохранена чистой от ересей Запада. ^[359]

[Ионические острова. 1798-1815 гг.]

[Али-паша, 1798-1821.]

Начиная с 1798 года и вплоть до Парижского мира, Греция была больше затронута превратностями судьбы Ионических островов и ростом владычества Али-паши в Албании, чем более ранними революционными идеями. Франция была лишена своей добычи объединенным турецким и российским флотами в коалиции 1799 года, а Ионические острова были преобразованы в Республику под защитой царя и султана. Именно в местной администрации Корфу началась карьера Каподистрии. По Тильзитскому миру царь вернул эти острова Наполеону, и Каподистрия, чьи способности привлекли всеобщее внимание, принял приглашение поступить на русскую службу. Затем острова были последовательно осаждены и завоеваны англичанами, за исключением Корфу; а после падения Наполеона они перешли в британскую зависимость. Таким образом, три величайшие державы Европы в первые годы нынешнего столетия находились в постоянном соперничестве на востоке Адриатики, и множество греков, часть из которых были беглецами, часть - авантюристами, нашли работу в их вооруженных силах. Самый известный вождь освободительной войны, Теодор Колокотронес, клефт из Мореи, в течение нескольких лет был майором греческого полка на жалованье Англии. Тем временем Али-паша на соседнем материке не отдыхал сам и не позволял отдыхать никому из своих соседей. Сулиоты, побежденные после долгих лет героической обороны, в 1804 году всем скопом переселились на Ионические острова. Каждый клефт и арматол на границе с Эпиротой когда-либо сражался либо за Али, либо против него; ибо в продолжение своего жестокого и коварного правления Али был другом сегодня, а завтра врагом одинаково для греков, турок и албанцев. Когда его власть была на пике, двор Али в Янине был в такой же степени греческим, как и мусульманским: солдаты, торговцы, профессора - все, как говорилось, с веревкой подлиннее или покороче на шее, играли свою роль в обществе столицы Эпироты.

^[360] Среди офицеров армии Али были такие, кому вскоре предстояло стать военными соперниками Колокотронеса в греческом восстании: врач Али, доктор Колеттс, приобретал опыт и влияние среди этих людей, которые впоследствии поставили его во главе правительства. Хорошо это или плохо, но считалось, что создание фактически независимого королевства Албания должно глубоко повлиять на судьбу Греции; и когда, наконец, Али открыто бросил вызов султану, а турецкие армии окружили его замок в Янине, конфликт между Портой и ее самым могущественным вассалом дал грекам сигнал к борьбе за собственную независимость.

[Гетерия Филике.]

Тайное общество, которое под названием Гетерия Филике, или ассоциация друзей, положило начало восстанию в Греции, было основано в 1814 году, после того, как стало ясно, что Венский конгресс не предпримет никаких шагов от имени христианских подданных Порты. Основателями этого общества были торговцы из Одессы, и его первые члены, по-видимому, были скорее выходцами из греков России и дунайских провинций, чем из собственно Греции. Целью заговора было изгнание турок из Европы и восстановление Греческой Восточной империи. Совет директоров сделал вид, что император Александр тайно присоединился к ним; и была распространена остроумная выдумка о том, что общество сохранения греческих древностей, которому Каподистрия заручился покровительством царя и других выдающихся людей на Венском конгрессе, на самом деле было этим замаскированным политическим объединением. Настоящие руководители заговора всегда говорили о себе как о действующих по указанию безымянной высшей силы. Их так же мало беспокоили угрызения совести при таком обмане своих последователей, как и при планировании всеобщей резни турок и при убийстве своих собственных агентов, когда они хотели убрать их с дороги. Окончательный замысел Гетерии был несостоятельным, и ее действия были основаны на обмане; но, возбудив греков против турецкого владычества и вселив уверенность в свои собственные ресурсы и авторитет, она добилась полного успеха. В течение шести лет каждый известный грек, как в самой Греции, так и в соседних странах, присоединился к ассоциации. Турецкое правительство получало предупреждения о грозящей ему опасности, но игнорировало их до тех пор, пока не было готово вспыхнуть восстание. Само улучшение положения христиан, отсутствие какого-либо вопиющего угнетения или возмущения в Греции в последние годы, вероятно, успокоило тревоги султана Махмуда, который, каким бы ужасным он ни проявил себя впоследствии, до сих пор не был лишен сочувствия к Райе. Но история Франции, не в меньшей степени, чем история Греции, показывает, что революцию порождает не избыток, а ощущение несправедливости. Народ может быть настолько раздавлен угнетением, что будет терпеливо переносить все мыслимые невзгоды. Именно тогда, когда пульс снова начинает биться сильнее, когда взгляд больше не устремлен на землю, а знание добра и зла снова горит в сердце, ощущается право и обязанность сопротивления.

[Каподистрия и Гипсиланти.]

В начале 1820 года брожение в Греции стало настолько всеобщим, что вожди гетерий были вынуждены искать в Санкт-Петербурге русского лидера, который до сих пор существовал только в их воображении. Не было никаких споров относительно того, кому по праву принадлежала задача восстановления Восточной империи. Каподистрия, одновременно грек и министр иностранных дел России, стоял в первых рядах европейских государственных деятелей; было известно, что он любил греческое дело; считалось, что он пользовался сильной личной привязанностью императора Александра. Наместники гетерии умоляли его встать во главе ее. Каподистрия, однако, лучше, чем кто-либо другой, знал силу тех влияний, которые могли бы отговорить царя от помощи Греции. В предыдущем году он сам опубликовал брошюру, в которой рекомендовал своим соотечественникам не предпринимать опрометчивых шагов; и, помимо всех личных соображений, он, вероятно, полагал, что мог бы лучше послужить Греции в качестве министра России, чем ввязываясь в какое-либо опасное предприятие. Он отверг предложения гетеристов, которые затем обратились к известному солдату русской армии, принцу Александру Гипсиланти, греческому изгнаннику, чей дед, правивший Валахией в качестве господаря, был казнен турками за соучастие в замыслах Регаса. Говорят, что Каподистрия поощрял Гипсиланти взяться за выполнение задачи, от которой тот сам отказался,

и что он позволил ему поверить, что, если Греция однажды поднимет оружие, в помощи России нельзя будет долго отказывать. ^[361] Гипсиланти, пожертвовав своими надеждами на возвращение большого частного состояния благодаря заступничеству константинопольского царя, встал во главе гетерии и начал карьеру, для которой, за исключением личной храбрости, доказанной в кампаниях против Наполеона, он, по-видимому, не обладал ни единым качеством.

[План гереристов.]

В октябре 1820 года ведущие гетеристы собрались на совет в Измаиле, чтобы решить, должно ли восстание против турок начаться в самой Греции или в дунайских провинциях. Большинство греческих офицеров на службе Суцоса, господаря Молдавии, были готовы присоединиться к восстанию. За исключением нескольких рот, выполнявших функции полиции, к северу от Дуная турецких солдат не было, поскольку султан обязался по Бухарестскому мирному договору не посылать войска в княжества без согласия царя. Не похоже, чтобы гетеристы все же составили какой-либо расчет относительно вероятных действий румынского народа: у них, конечно, не было оснований полагать, что эта раса питает добрую волю к грекам или что она предпримет какие-либо усилия, чтобы посадить грека на султанский трон. Заговорщики в Измаиле были настолько далеко на правильном пути, что решили начать восстание не на Дунае, а в Пелопоннесе. Однако Гипсиланти, полный веры в то, что Россия поддержит его, изменил этот вывод и решил поднять свой уровень в Молдавии. ^[362] А теперь впервые был принят во внимание население Румынии. Было известно, что масса народа стонала под феодальным гнетом бояр, или землевладельцев, и что сами бояре ненавидели правительство греческих господарей. Советники Гипсиланти одобрили план, согласно которому местный лидер должен был сначала призвать валахских крестьян к оружию для удовлетворения их собственных претензий, а затем вмешаться грекам и взять под контроль повстанческое движение. Теодор Владимирско, румын, служивший в российской армии, был готов поднять знамя восстания среди своих соотечественников. Гетеристам не приходило в голову, что у Владимиреско может быть своя цель или что население Румынии может предпочесть провал греческой авантюры. Ни один суверен по божественному праву не был так твердо уверен в своей прерогативе в пределах своих владений, как Гипсиланти в своей власти командовать румынами, славянами и всеми другими христианскими подданными султана или перехитрить их.

[Гипсиланти в Румынии, март 1821 г.]

Был спланирован и приведен в исполнение маневр с восстанием местных жителей. В феврале 1821 года, пока Гипсиланти ждал на границе с Россией, Владимирско провозгласил отмену феодальной службы и двинулся с ордой крестьян на Бухарест. 16 марта гетеристы начали свое собственное восстание кровавым актом, который опозорил христианское дело. Каравиас, заговорщик, командовавший греческими войсками Господаря в Галаце, распустил своих солдат и убил всех турок, на которых можно было выследить. На следующий день Гипсиланти переправился через Прут и появился в Яссах с несколькими сотнями приверженцев. Была опубликована прокламация, в которой принц призывал всех христианских подданных Порты восстать и заявлял, что великая европейская держава, имея в виду Россию, поддерживает его в этом предприятии. Суцос, господин, сразу же передал весь правительственный аппарат и снабдил повстанцев крупной суммой денег. Две тысячи вооруженных людей, некоторые из которых были регулярными войсками, собрались вокруг Гипсиланти в Яссах. Дороги к Дунаю были открыты перед ним; ресурсы Молдавии были в его распоряжении; и если бы он сразу

бросил войска в Галац и Ибраилу, он, возможно, затруднил бы турецким войскам закрепиться к северу от Дуная.

[Царь дезавуирует движение.]

Но неспособность лидера стала очевидной с того момента, как он начал свое предприятие. Он неделю слонялся без дела в Яссах, принимая гостей при дворе и присваивая титулы, а затем, отправившись в Бухарест, потратил еще три недели на дорогу. Тем временем весть о восстании и о мошенническом использовании его собственного имени достигла царя, который в то время был занят на Лайбахском конгрессе. Александр в этот момент всей душой отдавался реакционному влиянию Меттерниха и приказывал своим генералам подготовить сто тысяч человек для подавления революции в Пьемонте. Он с тревогой получил письмо от Гипсиланти, призывающее его помочь в восстании, которое сначала было описано фразами Священного союза как результат божественного вдохновения, а затем выставлено как шедевр тайных обществ и широко распространенного заговора. В ответ был отправлен строгий ответ. Гипсиланти был уволен с русской службы; ему было приказано сложить оружие, и русский консул в Яссах опубликовал манифест, в котором говорилось, что царь отвергает и осуждает предприятие, с которым было связано его имя. Константинопольский патриарх, беспомощный в присутствии султана Махмуда, теперь издал запрет на отлучение от церкви лидера и всех его последователей. Несколькими неделями позже Конгресс Лайбаха официально заклеил греческое восстание как дело рук того же анархического духа, который вызвал революции в Италии и Испании. ^[363]

[Предприятие выходит из строя.]

Отрицание гетеристского предприятия царем оказалось фатальным для его успеха. Гипсиланти, действительно, напустил на себя смелый вид и притворился, что публичные заявления русского двора были просто слепотой и противоречили частным инструкциям, данным ему царем; но ему никто не поверил. Румыны, когда знали, что помощь поступает не из России, держались в стороне или относились к повстанцам как к врагам. Турецкие войска переправились через Дунай, и Гипсиланти отступил от Бухареста к австрийской границе. Владимиреско последовал за ним, однако не для того, чтобы помочь ему в борьбе, а для того, чтобы отрезать ему путь к отступлению и предать его врагу. Тщетно храбрый из последователей Гипсиланти, Георгакис, грек с Олимпа, искал валашца в его собственной штаб-квартире, разоблачил его измену окружавшим его офицерам-гетерам и доставил его, обреченного человека, в греческий лагерь. Смерть Владимиреско вскоре была отомщена. Турки наступали. Гипсиланти потерпел поражение в серии столкновений и позорно бежал от своих последователей, чтобы найти убежище и тюрьму в Австрии. Отряды его солдат, покинутые своим предводителем, дорого продали свои жизни в безнадежной борьбе. В Скулени, на Пруте, отряд из четырехсот человек отказался перейти на русскую землю, пока они не дадут бой врагу. Оказавшись в страхе, они встретили натиск преследователей, в десять раз превосходивших их числом. Георгакис, поклявшийся, что никогда не попадет живым в руки врага, сдержал свое слово. Окруженный турецкими войсками в монастырской башне, он распахнул двери для тех своих товарищей, которые смогли спастись, а затем поджег сундук с порохом и погиб при взрыве вместе с нападавшими.

[Восстание в Мореи, 2 апреля 1891 г.]

Вторжение гетеристов в княжества закончилось полным провалом, и вместе с ним навсегда исчезла мечта о восстановлении Восточной империи под властью Греции. Но в то время как это предприятие, спланированное в тщетной надежде на иностранную помощь и в слепом принятии лидерства над чуждой расой, потерпело крах из-за безразличия народа, которому греки были известны только как угнетатели, то подлинное восстание греческой нации, которое, несмотря на ничтожество ее лидеров, несмотря на преступления, разобщенность, порочность расы, пробуждающейся от столетий рабства, должно было добавить еще одного к свободным народам Европы, вспыхнуло на настоящей родине эллинов, в Мореи и на островах Средиземного моря. Эгеан. Вскоре после появления Гипсиланти в Молдавии турецкий губернатор Мореи, предвидя всеобщее восстание греков, вызвал примасов своей провинции в Триполицу с целью захвата их в качестве заложников. Предстоятели северного округа отправились в путь, но остановились по пути, обсуждая, следует ли им поднять знамя восстания или подождать развития событий. Пока они нерешительно медлили в Калаврите, решение вышло из-под их контроля, и люди восстали по всей Мореи. Восстание греков-мореотов против своих угнетателей с самого начала было войной на уничтожение, и имело определенную цель. "Турок, - пели они в своих военных песнях, - больше не будет жить ни в Мореи, ни на всей земле". Это ужасное решение было приведено в исполнение буквально в первые недели восстания. Турки, которые не бежали из своих загородных домов в города, где были гарнизоны или цитадели для их защиты, подверглись нападению и были убиты со всеми своими семьями, мужчинами, женщинами и детьми. Это был первый акт революции; и в течение нескольких недель после 2 апреля, когда произошли первые вспышки, открытая местность была очищена от османского населения, которое насчитывало около 25 000 человек, а остатки недавно господствовавшей расы были собраны в стенах Патр, Триполицы и других городов, которые греки немедленно начали осаждать. ^[364]

[Терроризм в Константинополе.]

[Казнь Патриарха, 22 апреля.]

Новости о восстании в Мореи и резне мусульман достигли Константинополя, вселив ужас в политиков турецкой столицы и побудив султана Махмуда к мести, подобной тигриной по своей свирепости, но преднамеренной и расчетливой, как любая кровавая расправа. поступок этого решительного и способного государя. В Константинополе уже были предприняты репрессии против греков за деяния Гипсиланти, и палач казнил несколько невинных людей, но не предполагалось никакого общего нападения на христиан, и дело наказания не перешло из рук самого правительства. Теперь, однако, ярость мусульманского населения обрушилась на неверных. Султан призвал своих подданных вооружиться для защиты своей веры. Казни участились; солдаты и толпы опустошали греческие поселения на Босфоре; и в самый священный день греческой церкви был нанесен удар, вызвавший трепет по всей Восточной Европе. Константинопольский Патриарх совершал богослужение, предваряющее рассвет Пасхального воскресенья, когда драгоман Порты вызвал его предстать перед наспех собранным Синодом. Там был зачитан приказ султана, объявляющий Грегориуса IV. предателем и отстраняющий его от должности. Синоду было приказано избрать его преемника. Он так и сделал. Пока новый архиепископ получал инвеституру, Грегориуса вывели и повесили, все еще в священных одеждах, у ворот его дворца. Его тело оставалось в течение Пасхального воскресенья и двух последующих дней на месте казни. Затем его отдали евреям на растерзание, протащили по улицам и бросили в море. Архиепископы Адрианополя, Салоник и

Тырново скончались в одно и то же пасхальное воскресенье. Тело Грегориуса, плававшее по волнам, было подобрано греческим кораблем и доставлено в Одессу. Перенесенные, как считалось, чудом на христианскую землю, мощи Патриарха получили из рук российского правительства погребальные почести мученика. Грегориус, без сомнения, имел дело с гетерами; но он был приговорен к смерти без суда; и каковы бы ни были реальные масштабы его преступления, он был казнен не за это, а для того, чтобы вселить ужас в христианских подданных султана.

[Массовые убийства христиан, апрель-октябрь.]

[Влияние на Россию.]

[Российский посол покидает Константинополь, 27 июля.]

В последующие месяцы в Малой Азии, а также в Македонии и в самом Константинополе происходили массовые убийства христиан, а церкви греков были разграблены или разрушены их врагами, как евреями, так и турками. Смирна, Адрианополь и Салоники, поскольку эти города были греческими, были разграблены; тысячи жителей были убиты вооруженными толпами, стоявшими у власти, или проданы в рабство. Только страх перед войной с Россией в конце концов вынудил султана Махмуда прекратить эти возмутительные действия и восстановить некоторые условия цивилизованной жизни в той части его владений, которая не была охвачена восстанием. Русская армия и нация отомстили бы за казнь Патриарха немедленной войной, если бы народные инстинкты руководили ее правителем. Строгонов, посол в Константинополе, сразу же предложил посланникам других держав объединиться в вызове военных кораблей для защиты христиан. Совместные действия, однако, были отклонены лордом Стрэнджфордом, представителем Англии, и Порты была воодушевлена отношением этого политика к угрозам Строгонова с безразличием. Был период, в течение которого судьба большей части Восточной Европы зависела от колебаний одной немощной воли. Находясь в Лайбахе, царь полностью отождествил себя с принципами и политикой европейского консерватизма и согласился с декларацией, в которой Меттерних ставил греческое восстание, наряду с восстаниями в Испании и Италии, под запрет в Европе. Вернувшись в Санкт-Петербург, Александр, несмотря на завесу, скрывающую от каждого государя истинные мысли и высказывания его народа, оказался в зоне самых разных влияний. Страсти в России разжигались не из-за того, что могло произойти в Италии или Испании. Русский священник, солдат, крестьянин ничего не понимал в теориях федеральной интервенции и в связи между неаполитанским деспотизмом и договорами 1815 года; но его кровь вскипела, когда он услышал, что главный священник его Церкви был убит султаном и что горстка его братьев сражалась за свою веру без всякой помощи. Александр в какой-то степени почувствовал биение национального духа. В его жизни было время, когда один-единственный час сильного волнения или непреодолимого убеждения заставил его отказаться от всех обязательств и объединиться с Наполеоном против его собственных союзников; и были те, кто в 1821 году верил, что царь так же внезапно разорвет свои обязательства перед Меттернихом и бросится с фанатичной армией и нацией в крестовый поход против турок. Султан Махмуд сам дал повод российской партии действия осудить его во имя чести и интересов России, независимо от всего, что касалось Греции. Чтобы предотвратить побег подозреваемых лиц, Порты приказала обыскивать русские суда в Константинополе и вынудила все суда с зерном, идущие с Эвксинского полуострова, выгружать свой груз в Босфоре, опасаясь, что поставки зерна в столицу будут перекрыты греческими судами под

командованием Эгейского. Кроме того, Россия по договору имела право настаивать на том, чтобы Дунайскими княжествами управляли их гражданские власти, господа, а не турецкие паши, восстание в Валахии было подавлено, но господство господарей не было восстановлено; Турецкие генералы во главе своих войск по-прежнему управляли своими провинциями по военному праву. По всем этим пунктам у России было, по крайней мере, подобие собственного недовольства. Безобразия, потрясшие всю Европу, были не единственным злом, которое русская гордость требовала от царя исправить. Влияние Каподистрии возродилось в Санкт-Петербурге. В Константинополь была отправлена депеша, в которой говорилось, что Порта начала войну не на жизнь, а на смерть с христианской религией и что ее дальнейшее существование среди европейских держав должно зависеть от ее обязательства восстановить разрушенные церкви, гарантировать неприкосновенность христианского богослужения в будущем и проводить различие в наказаниях между невиновными и виноватыми. Предъявив ультиматум от своего хозяина, Строгонову, в соответствии с его инструкциями, потребовался письменный ответ в течение восьми дней. Такого ответа не последовало. 27 июля посол покинул Константинополь. Казалось, война вот-вот разразится.

[Восточная политика Австрии.]

Столицей, где за этими событиями наблюдали с наибольшим опасением, была Вена. Судьбы Османской империи всегда были самым тесным образом связаны с судьбами Австрии; и хотя длительная борьба Дома Габсбургов с Наполеоном и его недавние войны с Пруссией и Италией сделали западный аспект австрийской политики более заметным и более знакомым, чем восточный, восточные интересы монархии всегда были, по крайней мере, столь же важны в глазах ее фактических правителей. До 1720 года Австрия, а не Россия, была главным врагом Турции и агрессивной державой востока Европы. После 1780 года император Иосиф объединился с Екатериной Российской в плане раздела владений султана в Европе и фактически развязал войну с этой целью. В 1795 году союз с той же целью был в перспективе возрожден Тугутом; в 1809 году, после заключения Тильзитского мирного договора, Меттерних решил в качестве последнего средства объединиться с Наполеоном и Александром в расчленении Турции, если все дипломатические средства не смогут предотвратить совместное нападение Франции и России на Порту. Но эта резолюция была принята Меттернихом только в силу необходимости и ввиду комбинации, которая угрожала низвести Австрию до положения вассального государства. Собственной определенной и последовательной политикой Меттерниха после 1814 года было сохранение Османской империи. Его государственная мудрость, как правило, определялась страхом, а его страх перед Александром уступал только его старому страху перед Наполеоном. Времена изменились с тех пор, как Джозеф и Тугут могли надеяться вступить в агрессивную игру с Россией на равных. Австрийская армия терпела поражения в каждом сражении, которое она вела на протяжении почти двадцати лет. Провинция за провинцией отторгались от Австрии, и никто, за исключением Тироля, не поднял руку в ее поддержку; и когда в 1821 году министр сравнил действительную Империю Австрии и положение в Европе, завоеванные и поддерживаемые в значительной степени его собственной дипломатией, с разорением, к которому привела серия войн десять лет назад, он вполне мог поблагодарить Небеса за то, что международные конгрессы все еще пользовались таким благосклонным отношением Дворов, и содрогнуться при звуке оружия, которое из отдаленной Мореи угрожало снова призвать северных завоевателей Наполеона на поле боя.

[Восточная политика Англии.]

Англия, в отличие от Австрии, не подвергалась реальной опасности из-за продвижения России к Египту; но рост могущества России с тревогой рассматривался английскими политиками с 1788 года, когда Питт заключил тройственный союз с Пруссией и Голландией с целью защиты Порты от нападений Екатерины и Иосифа. Заинтересованность Великобритании в сохранении Османской империи не была провозглашена в качестве принципа до этой даты, и тогда она не была признана партией вигов. Питт исходил из соображений, связанных с европейским балансом сил, а не, как в наше время, с прямой ссылкой на позицию Англии в Индии. Ход событий с 1792 по 1807 год сделал Англию и Россию на некоторое время естественными союзниками; но эта дружба была обращена во враждебность Тильзитским мирным договором; и хотя через несколько лет Александр снова сражался за то же дело, что и Великобритания, и общественное мнение этой страны с энтузиазмом приветствовало исход Московской кампании, английские государственные деятели никогда не забывали о встрече на Немане и никогда, в самые яркие моменты победы, не смотрели на Александра без некоторых тайных опасений. Во время кампании 1814 года во Франции готовность Каслри вести переговоры с Бонапартом была во многом вызвана опасением, что высокие решения Александра рухнут прежде, чем Наполеон будет полностью сокрушен, и эта реакция приведет его к худшему миру, чем тот, которым он тогда пренебрегал. ^[366] Переговоры на Венском конгрессе привели Великобританию и Россию, как было замечено, к антагонизму, который грозил закончиться применением оружия; и напряженность, которая тогда и некоторое время спустя существовала между двумя правительствами, побудила английских министров говорить, конечно, преувеличенным и вводящим в заблуждение языком, о взаимной враждебности английского и русского народов. С 1815 по 1821 год за царем ревниво наблюдали. Снова и снова ходили слухи, что он готовится вторгнуться в Османскую империю; и когда вспыхнуло восстание греков, единственной мыслью Каслри и его коллег было помешать России ввязаться в драку и что интересы Великобритании требуют, чтобы власть султана была как можно скорее восстановлена во всех его владениях.

[Страхи перед новым периодом военных действий.]

[Меттерних и греки.]

Таким образом, и в Лондоне, и в Вене правительства рассматривали восстание Греции только как досадную помеху, которая могла спровоцировать войну между Россией и ее соседями и поставить под угрозу мир в Европе в целом. Может показаться странным, что зрелище восстания нации, отстаивающей свою независимость, даже не вызвало вопроса о том, заслуживают ли ее претензии рассмотрения. Но чтобы отдать справедливость, по крайней мере, английским министрам 1821 года, следует помнить, какими ужасными, какими всепоглощающими были воспоминания, оставленные двадцатилетней европейской войной, завершившейся в 1815 году, и какой огромной ценой для человечества было бы осуществлено возрождение Греции, если бы, как тогда казалось вероятным, Великие державы снова взяли за оружие друг против друга и вновь разожгли дух военной агрессии, который на протяжении целого поколения делал Европу добычей соперничающих коалиций. Невозможно читать письмо, в котором Каслри умолял царя пожертвовать своей славой и популярностью ради сохранения мира в Европе, не понимая, с какой глубокой серьезностью английский государственный деятель стремился предотвратить возобновление эпохи конфликтов и насколько опасения надвигающегося бедствия преобладали в его собственном сознании над

простой завистью к расширению могущества России. ^[367] Если Каслри не думал о самой Греции, то это было потому, что более широкие интересы Европы полностью поглотили его, а также потому, что ему не хватало воображения и проницательности, чтобы представить себе лучшее урегулирование европейских дел при расширяющемся признании национальных прав. Австрийский министр, на которого в этот кризис Каслри смотрел как на своего естественного союзника, без сомнения, испытывал тот же страх перед новыми потрясениями Европы, но в его случае к этому примешивались соображения гораздо более узкого толка. Неверно говорить, что Меттерних был равнодушен к греческому делу; на самом деле он ненавидел его, потому что оно дало толчок либеральному движению Германии. В своей пустой и педантичной философии человеческого действия Меттерних связал воедино все формы национальных устремлений и волнений как нечто самонадеянное и распутное. Он ничего не понимал о долге человечества перед духом свободы. Он был так же готов догматизировать порочность английского законопроекта о реформе, как и проследить руку Каподистрии во всех беспорядках в Сербии или Мореи: и даже если бы на заднем плане не было страха перед российской агрессией, он инстинктивно осудил бы греческое восстание, когда увидел, что легкомысленные профессора немецких университетов начали агитировать в его пользу и что непокорные суды низших инстанций отнеслись к нему с некоторой долей сочувствия.

[Александр придерживается политики мира.]

[Каподистриас уходит в отставку, август 1822 г.]

Политика Меттерниха в Восточном вопросе имела своей целью поддержание существующего порядка вещей; и поскольку было очевидно, что русской гордости должно быть предоставлено то или иное удовлетворение, совет Меттерниха заключался в том, что недовольства царя, которые были специфически русскими, следует четко отличать от вопросов, касающихся независимости Греции; и что по первому вопросу Порте следует рекомендовать быстро договориться со своим противником, используя добрые услуги Европы в рамках данного ограничения со стороны царя; так что, устранив причины для недовольства России, Александр мог без ущерба для чести предоставить греков быть покоренными и возобновить дипломатические отношения с Константинополем, которые были так опасно разорваны отъездом Строгонова. Царю оставалось решить, будет ли он, как глава России и защитник христиан Востока, решать Восточный вопрос своим собственным мечом, или же, оставаясь верным принципу и идеалу международных действий, которым он посвятил себя с 1815 года, он передаст свое дело совместному посредничеству Европы и примет такое решение проблемы, которого смогут достичь его союзники. В последнем случае было ясно, что по Греции не будет нанесено никакого удара. В течение года или более баланс колебался; наконец в австрийском кабинете министров зазвучала нота триумфа. Каподистрия, представитель греческого движения в Санкт-Петербурге, правильно оценил силу противоположных импульсов в сознании царя. Он видел, что Александр, как бы ни был заинтересован в Италии и Испании, никогда не порвет с той федерацией судов, которую он сам создал, и не избавится от влияния легитимизма, господствовавшего над ним со времен конгресса в Экс-ла-Шапель. Подчинившись, когда борьба стала безнадежной, и предвосхитив свое неизбежное падение добровольным уходом из государственных дел, Каподистрия, все еще пользующийся большим доверием и репутацией, покинул Санкт-Петербург под подписку о невыезде и удалился в Женеву, чтобы там ожидать развития событий и пользоваться славой патриота, которого любовь к Греции вынудила отказаться от одного из самых блестящих постов в Европе. Серьезный, меланхолический и

аскетичный, как человек, пострадавший вместе со своей страной, Каподистрия оставался в частной жизни до тех пор, пока побежденное дело не превратилось в победоносное и освобожденная греческая нация не призвала его встать во главе этого дела.

[Продолжение греческого восстания.]

[Центральная Греция.]

[Падение Али-паши, февраль 1822 г.]

[Халкидика.]

Международная дипломатическая кампания огромной активности и продолжительности началась в 1821 году, но состязание в оружии было оставлено, как того желал Меттерних, только грекам и туркам. Первым актом войны было восстание Мореи; вторым было распространение этого восстания на части Континентальной Греции и Архипелага и его полное уничтожение турками в определенных районах, которые, как следствие, остались на будущее за пределами зоны боевых действий и поэтому в конечном итоге не были включены в состав Греческого королевства. Центральная Греция, то есть страна, лежащая непосредственно к северу от Коринфского залива, вспыхнула восстанием на несколько недель позже, чем Морея. Восстание против мусульман отличалось тем же безжалостным духом: мужчины, как правило, были вырезаны; женщины, если не убиты, то по большей части проданы в рабство; и когда через три года лорд Байрон прибыл в Миссолонги, он обнаружил, что жалкая группа из двадцати трех плененных женщин составляла единственный остаток турецкого населения этого города. Фессалия, за некоторыми исключениями, оставалась пассивной, и ее бездействие оказало величайшую услугу турецкому делу; поскольку Али-паша в Эпире был в настоящее время осажден армиями султана, и если бы Фессалия выступила в тыл этим войскам, они вряд ли избежали бы уничтожения. Хуршид, османский военачальник, руководивший осадой Янины, твердо выполнял свою задачу, несмотря на опасность, угрожавшую его коммуникациям, и несмотря на то обстоятельство, что весь его дом попал в руки повстанцев мореота. Его упорство спасло пограничные провинции для Османской империи. Никакого сговора между Али и греками достигнуто не было, и в начале 1822 года албанский вождь потерял и свою крепость, и свою жизнь. В более отдаленном районе Халкидики, на побережье Македонии, где мыс Афон и два параллельных полуострова вдаются в Эгейское море, а греческое население, явно отделенное от славянских жителей материка, сохранило свою собственную общинную и религиозную организацию, вспыхнуло национальное восстание под руководством гетеристов. Монахи Афона, как и их соседи, взялись за оружие. Но между привилегированными настоятелями этих аббатств и отчаянными людьми, возглавившими восстание, было мало симпатии. Борьба вскоре была прекращена, и частично силой оружия, частично путем переговоров власть султана была восстановлена без особых трудностей во всем этом регионе.

[Эгейские острова.]

Поселениями Эгейского моря, которые первыми подняли флаг независимости Греции, были так называемые Морские острова Гидра, Спеца и Псара, где отсутствие турецкого населения и столетнее самоуправление позволили смелым качествам энергичной морской расы развиться в полную силу. Гидра и Спеца находились недалеко от греческого побережья, Псара находилась на дальней стороне архипелага, почти в пределах видимости Малой Азии; так что, присоединившись к восстанию, ее жители проявили большой героизм, ибо они были

беззащитны перед первой атакой любого турецкого войска, которое могло продержаться несколько часов в море, а весь прилегающий материк был местом вербовки султана. На Гидре восстание против османской империи было связано с внутренней борьбой небольшого сообщества, а они, в свою очередь, были связаны с великими экономическими изменениями в Европе, которые на противоположном конце континента и в совершенно ином обществе привели к принятию английских хлебных законов и к возникшей в результате них классовой борьбе. Во время Наполеоновских войн транспортная торговля большинства стран прекратилась; в Англию поступало мало зерна, и лишь немногие корабли, кроме греческих, плавали по Эвксинскому морю и Средиземному морю. Когда мир открыл рынки и порты всех стран, точно так же, как возобновление импорта иностранного зерна угрожало снизить прибыли английских фермеров и арендную плату английских землевладельцев, так и возрождение свободы судоходства положило конец монополии гидриотских и псарианских купцов. Судовладельцы образовали на Гидре олигархию; капитаны и экипажи их кораблей, хотя и делили прибыль от каждого рейса, были лишены какой-либо доли в правительстве острова. Неудача в торговле, нужда и бездействие, следовательно, привели к политической оппозиции. Судовладельцы, богатые и привилегированные люди, не имели ни малейшего желания порывать с турками; капитаны и матросы, которым теперь нечего было терять, выступили за независимость Греции. Произошла борьба, в которой некоторое время не было ничего, кроме самых обычных побуждений нужды и алчности; но более великое дело доказало свою силу: Гидра связала свою судьбу с Грецией; и хотя частная жадность и недобросовестность, а также великая жестокость слишком часто позорили как команды гидриотов, так и команды других островов, теперь было сформировано ядро военно-морских сил, которое сделало возможным достижение независимости Греции. За тремя островами, которые указывали путь, вскоре последовали более богатый и густонаселенный Самос и большая часть архипелага. Крит, населенный смешанным греческим и турецким населением, также взялся за оружие и на долгие годы стал ареной кровавой и разрушительной войны.

[Греческие лидеры.]

В Морее первое потрясение от восстания сделало греков хозяевами всего, что находилось за пределами укрепленных городов. Сокращение этих мест было немедленно предпринято повстанцами. Триполица, в последнее время резиденция турецкого правительства, была центром операций, и в окрестностях этого города было создано первое временное правительство греков, названное Сенатом Калтешти. Деметрий Гипсиланти, брат лидера гетеристов, о чьем провале в Румынии еще не было известно, высадился в Морее и провозгласил верховную власть. Крестьяне-солдаты бурно приветствовали его, хотя приматы, которые до сих пор обладали неоспоримой властью, не питали к нему доброй воли. Двое других мужчин стали известными в это время лидерами греческой освободительной войны. Это были Маврокордатос, потомок господарей Валахии - политик, превосходящий всех своих соперников знаниями и широтой взглядов, но лишенный способности действовать, требуемой временем, - и Колокотронес, тип грубого боевого клефта; простой дикарь по достижениям, едва умеющий читать или писать, хитрый, крайне алчный и вероломный, неспособный ценить ни военную, ни моральную дисциплину, но прирожденный солдат на свой нерегулярный лад и герой среди крестьян, таких же невежественных, как он сам. Был еще один человек, который, если бы его характер соответствовал его положению, был бы поставлен во главе правительства Морее. Это был Петробей, глава семьи Мавромихалис, правитель сурового района Майна на юго-западе Пелопоннеса, где турок никогда не устанавливал более чем номинального суверенитета.

Жизнерадостный, царственный человек, обладавший среди членов своего клана мягким гомеровским влиянием, Петробей, окруженный своими девятью энергичными сыновьями, был самой колоритной фигурой в Греции. Но у него не было гения к великим свершениям. Суверенитет, который в других руках мог бы расшириться до национального владычества, оставался для Петробеи простым украшением и диковинкой; и сила глубоко укоренившегося кланового духа майна дала о себе знать только тогда, когда в более поздний период организация единого эллинского государства потребовала принесения его в жертву.

[Падение Триполицы, 5 октября 1821 г.]

Анархия, эгоизм и недобросовестность опозорили греческое восстание от его начала до конца. Действительно, среди лидеров были люди с незапятнанной честью, и крестьянство в их рядах сражалось с самым решительным мужеством год за годом; но действия большинства из тех, кто считался представителями народа, дискредитировали национальное дело. Их первые успехи сопровождались грубым предательством и жестокостью. Если бы греческие лидеры были королями Бурбонов, воспитанными во всех святынях божественного права, а не сборщиками налогов и угонщиками скота, прогульщиками дикой школы турецкого насилия и обмана, они не смогли бы лжесвидетельствовать с более легким сердцем. При сдаче Наварино в августе 1821 года, после официальной капитуляции, обеспечивавшей безопасность его турецких жителей, мужчины, женщины и дети были без разбора убиты. Взятие Триполицы, произошедшее двумя месяцами позже, превратилось из мирного триумфа в сцену ужасной резни из-за алчности отдельных вождей, которые, пока продолжались переговоры, пробрались в город и заключили сделку с богатыми жителями, чтобы предоставить им защиту в обмен на их деньги и драгоценности. Солдаты, которые в течение шести месяцев терпели тяготы осады, увидели, что у них отнимают награду. Вопреки всем приказам и в отсутствие Деметрия Гипсиланти, главнокомандующего, они бросились на укрепления Триполицы и взяли их штурмом. Последовала всеобщая резня жителей. В течение трех дней на улицах и в домах продолжалась резня, пока из многотысячного населения в живых не осталось мало людей. По свидетельству самого Колокотронеса, дороги были настолько забиты мертвецами, что, когда он ехал от ворот к цитадели, копыта его лошади ни разу не касались земли. ^[368]

[Резня на Хиосе, апрель-июнь 1822 г.]

В начальных сценах греческого восстания варварство христиан и османов, возможно, было на одном уровне. Грек отомстил за себя со свирепостью раба, разрывающего свои оковы; турок прибегнул к массовой резне и истреблению как обычному средству правления в смутные времена. И как опыт показал, что дикость европейцев через одно поколение уступает влиянию цивилизованного правления, в то время как турок и сегодня остается таким же бесчеловечным, каким он был при Махмуде II, так и история 1822 года доказала, что самые дьявольские страсти греков в конце концов оказались лишь слабым соперником дисциплинированному турецкому мастерству в деле разделки мяса. Султану было нелегко отомстить Колокотронесу и его победоносным солдатам за разграбление Триполицы; но в других местах было мирное и безобидное население, которое предлагало все условия для свободной, неограниченной и ничем не стесненной мести, которой так жаждет турок. Часть самосских войск высадилась на Хиосе и попыталась, но без особого успеха, поднять жителей на восстание, поскольку отсутствие греческого флота делало их почти верной добычей султанских войск на материке. Самийский лидер, тем не менее, отказался отказаться от предприятия и осадил цитадель, в

которой находился турецкий гарнизон. Прежде чем эта крепость была взята, семитысячная армия турок с отрядом фанатичных добровольцев высадилась на острове. Самосцы бежали; жалкое население Хиоса было предано резне. Неделю за неделей солдаты и бродячие орды османов убивали, грабили и продавали в рабство по своему усмотрению. В тех частях острова, где жители нашли убежище в монастырях, они были убиты тысячами; другие, соблазненные вернуться в свои дома объявлением амнистии, гибли семья за семьей. Участь тех, кого пощадили, была едва ли не более плачевной, чем участь тех, кто умер. Невольничьи рынки Египта и Туниса были переполнены чианскими пленниками. Мягкость, культура, моральная ценность чианской общины сделали ее судьбу еще более трагичной. Ни один регион в Европе не демонстрировал цивилизации, более свободной от пороков своего типа: ни на одно сообщество не обрушивалась в наше время столь ужасная катастрофа. Оценки уничтожения жизни на Хиосе сформулированы расплывчато; среди самых низких - та, которая определяет число убитых и поработанных в тридцать тысяч. Остров, в последнее время бурливший жизнью и деятельностью, превратился в малонаселенное место. После длительного периода депрессии и медленного возвращения некоторой доли его бывшего процветания природные катаклизмы в наши дни снова превратили Хиос в руины. Новая жизнь может зародиться, когда турок больше не будет хозяином на его берегах, но старая история Хиоса закрыта навсегда.

[Подвиг Канариса, 18 июня 1822 г.]

Впечатление, произведенное на общественное мнение Европы резней 1822 года, было глубоким и продолжительным, хотя и не вызвало немедленных изменений в действиях правительств. Общее чувство симпатии к грекам и ненависти к туркам, которые в конечном итоге вынудили правительства избрать иную политику, усилилось благодаря блестящему смелому поступку, которым греческий военачальник отомстил хиосцам за их опустошителя, и неожиданному успеху, одержанному повстанцами на материке против могущественных армий султана. Греческая исполнительная власть, которую теперь возглавлял Маврокордатос, была виновна в грубой небрежности, не послав флот вовремя, чтобы помешать туркам высадиться на Хиосе. Когда эта высадка была произведена, прибывшие впоследствии корабли были бессильны предотвратить резню, и ничего нельзя было предпринять, кроме как против самого турецкого флота. Орудием разрушения, применявшимся греками, был брандер, который с успехом использовался против турок в этих же водах в войне 1770 года. Священный месяц Рамазан подходил к концу, и в ночь на 18 июня турецкий военачальник Кара Али праздновал праздник Байрам с более чем тысячей человек на борту своего флагманского корабля. Судно было освещено цветными фонарями. В разгар празднества Константин Канарис, капитан псари, незаметно подвел свой брандер прямо к турецкому военному кораблю и крепко вогнал свой бушприт в один из его иллюминаторов; затем, подожгв горючее, он тихо сел в гребную шлюпку и отчалил. Подул легкий ветерок, и через мгновение турецкий экипаж был объят пламенем. Порох на борту взорвался; шлюпки были потоплены; и судно со своей обреченной командой сгорело до кромки воды, а его товарищи бросились спасаться от ливня пылающих обломков, которые падали со всех сторон. Кара Али был убит сломанной мачтой; несколько его людей спаслись вплавь или были подобраны спасателями; остальные погибли. Поступок Канариса вызвал такой переполох, что османский флот немедленно покинул эгейские воды и укрылся под пушками Дарданелл. Канарис, ранее никому не известный, благодаря этому подвигу стал знаменитым человеком в Европе. Своим успехом он был обязан не удаче или простой смелости, а тончайшему сочетанию нервов и мореходного мастерства. Его подвиг, которому другие постоянно пытались, но без особого успеха, подражать, был повторен им в том же году. Он был

самым блестящим из греческих моряков, простым и скромным героем; и после своих блестящих достижений в освободительной войне он хорошо послужил своей стране на политическом поприще. Вплоть до своей смерти в крепком преклонном возрасте он по справедливости был кумиром и гордостью греческой нации.

[Двойное вторжение в Грецию 1822 г.]

[Уничтожение филэллин близ Арты, 16 июля.]

[Безуспешная осада Миссолонги, ноябрь 1822 г.]

Падение албанского повстанца Али-паши весной 1822 г. дало возможность султану Махмуду, который до сих пор был подавлен сопротивлением Янины, бросить все свои сухопутные силы против греческого восстания; и грекам материка, которым до сих пор приходилось иметь дело только с разрозненными отрядами или изолированными гарнизонами, теперь оказавшимися беззащитными перед атакой двух могущественных армий. Куршид, завоеватель Али-паши, разместил свою штаб-квартиру в Лариссе в Фессалии, и с этой базы две армии вторжения двинулись на юг расходящимися линиями. Первой, под командованием Омера Бриониса, было приказано пробиваться через Южный Эпир к западному входу в Коринфский залив и там пересечь Морею; второй, под командованием Драмали, покорить Центральную Грецию и войти в Морею через Коринфский перешеек; завоевание Триполицы и освобождение турецких береговых крепостей, которые все еще не были захвачены, были конечной целью, которую должны были достичь две армии в сочетании друг с другом и с османским флотом. Под командованием турецкого командования находилось не менее пятидесяти тысяч человек, причем дивизия Драмали была намного большей из двух. Против этого грозного врага греки располагали плохими средствами обороны, и их перспективы не улучшились, когда президент Маврокордатос решил принять военное командование и встать во главе войск в Западной Греции. Действительно, были неотложные причины нанести удар со всей возможной силой в этом квартале. Сулиоты после семнадцати лет изгнания на Корфу вернулись в свои горы и теперь выступали за общее дело с Грецией. Они были как военной составляющей восстания, так и политическим связующим звеном между эллинами и христианскими общинами Албании, действия которых могли иметь решающее значение в борьбе против турок. Маврокордатос справедливо рассудил, что помощь Сули является первой и самой неотложной обязанностью правительства. Под руководством способного лидера это усилие было бы грекам по силам; направленное политиком, который ничего не смыслил в военном деле, оно было в высшей степени опасным. Маврокордатос, забрав командование из более умелых рук, выдвинул свои войска вперед, к окрестностям Арты, неправильно распорядился всем и, передав важнейший пост Ботзарешу, албанскому вождю сомнительной лояльности, оставил два небольших полка беззащитными перед массовой атакой турок. Один из этих полков, названный филэллинским корпусом, состоял из иностранных офицеров, добровольно вызвавшихся служить греческому делу в качестве простых солдат. Его дисциплина намного превосходила все, что существовало среди самих греков; и во главе его стояли люди, участвовавшие в кампаниях Наполеона. Но этот корпус, который мог бы стать ядром регулярной армии, был принесен в жертву неспособности генерала и предательству его сообщника. Преданные и покинутые албанцами, филэллины доблестно встретили атаку турок, и почти все погибли. Маврокордатос и остатки греческих войск отступили в Миссолонги. Сулиоты, предоставленные самим себе, были снова вынуждены покинуть свой горный дом и укрыться на Корфу. Однако их сопротивление задержало турок на

несколько месяцев, и только в начале ноября армия Омера Бриониса, завоевав промежуточную территорию, появилась перед Миссолонги. Здесь присутствие Маврокордатоса произвело больший эффект, чем на поле боя. Он заявил, что никогда не покинет город, пока в нем остается хоть один человек для борьбы с турками. Были возведены оборонительные сооружения, и осаждающие держались в страхе в течение двух месяцев. 6 января 1823 года Брионис отдал приказ о штурме. Она была отбита с большими потерями, и османский командующий, потеряв надежду удержать свои позиции в течение зимы, бросил свою артиллерию и отступил в глубь страны. ^[369]

[Драмали переходит Коринфский перешеек, июль 1822 г.]

[Его отступление и уничтожение, август 1822 г.]

Тем временем Драмали выдвинулся из Фессалии с двадцатью четырьмя тысячами пехоты и шестью тысячами кавалерии, самым грозным вооружением, которое видели в Греции со времен последней битвы между турками и венецианцами в 1715 год. При ужасе от его приближения исчезли все надежды на сопротивление. Он прошел маршем через Беотию и Аттику, опустошая страну, и достиг Коринфского перешейка в июле 1822 года. Горные перевалы были оставлены греками; правительство, резиденция которого находилась в Аргосе, рассеялось; и Драмали двинулся к Науплии, где турецкий гарнизон был готов сдаться грекам. Вход в Морею был завоеван; даже тень греческого правительства исчезла, и окончательное подавление восстания, казалось, было теперь совсем близко. Но две роковые ошибки врага спасли греческое дело. Драмали пренебрег размещением гарнизонов на перевалах, через которые он продвигался; а командующий османским флотом, который должен был встретить сухопутные силы в Науплии, ослушался его указаний и отплыл в Патры. Два грека на этом переломном этапе истории своей страны доказали, что они соответствуют зову событий. Деметрий Гипсиланти, ныне председатель законодательного собрания, отказался лететь со своими коллегами и бросился с несколькими сотнями человек в Аргосский Акрополь. Колокотронес, поспешив в Триполицу, призвал всех мужчин, способных носить оружие, и поспешил обратно в Аргос, где турок все еще сдерживали защитники цитадели. Драмали больше не мог думать о походе в глубь Мореи. Храбрость Деметрия дала время для сбора значительных сил, и теперь османский генерал обнаружил пагубные последствия своего пренебрежения гарнизонами на перевалах в своем тылу. Они были захвачены Колокотронами. Летняя засуха угрожала турецкой армии голодом; флот, который сделал бы их независимыми от сухопутных припасов, находился в сотне миль отсюда; и Драмали, который недавно видел всю Грецию у своих ног, теперь оказался вынужденным пробиваться обратно сквозь ряды противника к Коринфскому перешейку. Меры, принятые Колокотронесом, чтобы помешать его отступлению, были искусно спланированы, и если бы они были должным образом выполнены, ни один человек из османской армии не спасся бы бегством. Только благодаря беспорядку и алчности самих греков части войск Драмали удалось отрезать себе путь обратно в Коринф. Багаж был разграблен, в то время как отступающий враг должен был быть уничтожен, а дивизии, которые должны были сотрудничать в главном наступлении, добивались собственных незначительных успехов. Но потери и деморализация турецкой армии были для нее столь же губительны, как и полное уничтожение. Сам Драмали заболел и умер, а остатки его войска, вырвавшиеся из рук врага, погибли в окрестностях Коринфа от болезней и нужды.

[Гражданские войны в Греции, 1824.]

Решающие события 1822 года открыли глаза европейским правительствам на реальный характер греческого национального восстания и на вероятность его окончательного успеха. Силы Турции на данный момент были истощены, и в течение последующего года султан не мог предпринять никаких военных операций такого же масштаба. Возможно, для самих греков было бы лучше, если бы борьба велась более непрерывно. Ничто, кроме иностранного давления, не могло придать единства усилиям расы, отвлеченной таким количеством местного соперничества, таким количеством личных амбиций и вражды. Едва миновала крайность опасности, как среди самих греков началась гражданская война. Колокотронес встал в оппозицию Законодательному собранию и захватил несколько сильных мест в Мореи. Это первое выступление так называемой военной партии против гражданских властей не имело, однако, большого значения. Предстоятели Мореи вместе с представителями островов и Центральной Греции выступили против нарушителя спокойствия, и вскоре было достигнуто соглашение. Кондуриоттес, богатый судовладелец Гидры, был назначен президентом, а Колеттес, политик с большим влиянием в Центральной Греции, стал его министром. Но вместо прежнего антагонизма между солдатом и гражданским лицом, новый и более опасный антагонизм, антагонизм округа против округа, теперь угрожал существованию Греции. Тенденция нового правительства жертвовать всем ради интересов островов сразу же стала очевидной. Кондуриотт был совершенно некомпетентным человеком и выставил себя на посмешище, назначив своих друзей, капитанов гидриотского флота, на высшие военные и гражданские посты. Снова вспыхнуло восстание, и к Колокотронесу присоединились его старые антагонисты, Приматы Мореи. Последовала серьезная борьба, и правительство, которым на самом деле руководила Колетт, проявило энергию, удивившую как его друзей, так и врагов. В Морею вторглись мощные силы с Гидры. К районам, поддерживавшим повстанцев, не было проявлено милосердия. Колокотронес потерпел полное поражение и был вынужден сдаться правительству. Его отвезли на Гидру и бросили в тюрьму, где он оставался до тех пор, пока новая опасность снова не сделала его услуги незаменимыми для Греции.

[Махмуд взывает о помощи к Египту.]

После уничтожения армии Драмали и неспособности османского флота добиться какого-либо результата султан, похоже, усомнился в том, что покорение Греции на самом деле не может быть задачей, выходящей за рамки его собственных сил без посторонней помощи. Даже если бы материк был завоеван, было очевидно, что турецкий флот никогда не смог бы ни захватить острова, ни воспрепятствовать доставке припасов и подкреплений с них в порты Мореи. Каким бы энергичным ни проявлял себя Махмуд до сих пор, сокрушая своих вассалов, которые, подобно Али-паше, пытались установить власть, независимую от центрального правительства, теперь он оказался вынужден обратиться за помощью к самому опасному из них. Мехмет Али, египетский паша, пришел к власти в смутное время, последовавшее за изгнанием войск Наполеона из Египта. Его флот был более мощным, чем у Турции. Он организовал армию, состоящую из арабов, негров и феллахов, и внедрил в нее с помощью французских офицеров военную систему и дисциплину Европы. Такая же реформа была предпринята в Турции семнадцатью годами ранее предшественником Махмуда Селимом III, но ей успешно воспротивились солдаты Константинополя, и Селим заплатил за свои нововведения жизнью. Махмуд, молчаливый и упорный, давно планировал уничтожение янычар, мятежных и деградировавших представителей некогда непреодолимой силы, которые теперь не хотели ни сражаться сами, ни позволить своим правителям организовать вместо себя какие-либо более эффективные войска. Возможно, султан верил, что победа, одержанная над врагами ислама

перестроенными силами Египта, облегчит выполнение его собственных планов военной реформы; возможно также, что он не был против того, чтобы ресурсы его вассала были растрочены на далекое и опасное предприятие. Не без некоторой глубокой убежденности в неотложности нынешней необходимости, не без какого-то зловещего расчета относительно средств борьбы с возможным соперником в будущем предложение о расширении - если мы можем судить по всему течению карьеры и политики султана Махмуда - было сделано египетскому паше его ревнивым и дальновидным хозяином. Паше было предложено принять верховное командование османскими войсками на суше и на море, и ему был обещан остров Крит в обмен на его сотрудничество в борьбе с греческим восстанием. Сообщения на этот счет достигли Александрии в начале 1824 года. Мехемет, чьи амбиции не имели границ, с жаром приветствовал предложения своего государя и, отказавшись от командования для себя, принял его от имени Ибрагима, своего приемного сына.

[Турецко-египетские планы.]

[Египтяне завоевывают Крит, апрель 1824 г.]

[Разрушение Псары, июль 1824 г.]

Самые энергичные приготовления к войне теперь велись в Александрии. Армия была увеличена до 90 000 человек, а военно-морской флот пополнился новыми кораблями с английских верфей. Был разработан план совместной операции египетских и турецких войск, который, по-видимому, должен был сделать окончательное завоевание Греции несомненным. Было решено, что остров Крит, который находится менее чем в шестидесяти милях от южной оконечности Мореи, должен быть занят Ибрагимом и использован им в качестве опорного пункта; что затем должны быть предприняты одновременные или совместные атаки на главные острова Эгейского моря; и что после захвата этих опорных пунктов и уничтожения морских ресурсов греков войска Ибрагима должны перейти узкое море между Критом и Мореей и завершить свою работу захватом материка, лишившись, таким образом, всякой возможности получить помощь извне. Крит, как и Сицилия, является естественным связующим звеном между Европой и Африкой; и когда султан однажды обратился за помощью к Египту, стало очевидно, что Крит стал позицией, за которой грекам прежде всего необходимо было следить и защищать. Но несчастное правительство Кондуриотта было занято своей внутренней борьбой. Призыв критян о защите остался без ответа, и весной 1824 года сильное египетское войско высадилось на этом острове, захватило его крепости и подавило сопротивление жителей с самой ужасающей жестокостью. Операционная база была завоевана, и последовали совместные атаки египетского и турецкого флотов на более мелкие острова. Касос, расположенный примерно в тридцати милях к востоку от Крита, был захвачен египтянами, а его население истреблено. Псара была выбрана для нападения турецкого флота. С самого начала восстания псариоты были бичом и ужасом на османском побережье. Услуги, которые они оказали греческому военно-морскому флоту, были бесценны; и если и было хоть одно место на греческой земле, которое следовало защищать до тех пор, пока хоть одна команда лодки оставалась на плаву, то это была маленькая скала Псара. Тем не менее, несмотря на неоднократные предупреждения, греческое правительство позволило турецкому флоту пройти Дарданеллы незамеченным, и нескольких неуклюжих уловок было достаточно, чтобы скрыть от него истинную цель экспедиции, цель которой была известна всей Европе. Как показали последующие события, у островитян было достаточно средств для оказания помощи; но когда турецкий адмирал Хосрев с 10 000 человек на борту появился перед

Псарой, греческий флот был уже далеко. Сами псариоты были чересчур самоуверенны. Они доверяли своим батареям на суше и считали свои скалы неприступными. Вскоре они перестали обманываться. В то время как корпус албанцев взбирался на скалы позади города, турки укрепились впереди и сокрушили своего доблестного врага численным превосходством. Пощады не просили и не давали. Восемь тысяч псарианцев были убиты или уведены в рабство. Не более чем одной трети населения удалось бежать на соседние острова. ^[370]

[Успехи Греции у берегов Малой Азии, сентябрь 1824 г.]

[Ибрагим достигает Крита. Декабрь 1824 г.]

Таким образом, первая часть турецко-египетского плана была успешно выполнена, и если бы Хосров атаковал Самос сразу после своей первой победы, этот остров, вероятно, пал бы до того, как смогла бы прибыть помощь. Но, как и другие турецкие военачальники, Хосров любил передышку, и теперь он отплыл в Митилину, чтобы отпраздновать праздник Байрам. Тем временем катастрофа при Псаре пробудила в правительстве гидриотов осознание грозящей им опасности. Через Эгей был отправлен сильный флот, и были приняты адекватные меры для защиты Самоса как с суши, так и с моря. Турецкий флот был атакован с некоторым успехом, и хотя Ибрагим с египетским контингентом теперь достиг побережья Малой Азии, греки доказали, что превосходят своих противников вместе взятых. Действия мусульманских военачальников не привели ни к какому результату; греческие брандеры преследовали и запугивали их; и когда, наконец, всякая надежда на совместное завоевание Самоса была оставлена, и Ибрагим отплыл на Крит, чтобы в одиночку осуществить свое последнее предприятие, греки встретили его в открытом море и отбросили обратно к побережью Малой Азии. Осенью 1824 года бедствия предыдущих месяцев были в некоторой степени устранены, и положение египетского флота стало бы опасным, если бы греки сохраняли бдительность в течение всей зимы. Но они недооценили энергию Ибрагима и предались вере, что он не повторит попытку достичь Крита до следующей весны. Беспечные или введенные в заблуждение ложной информацией, они вернулись на Гидру и оставили море без присмотра. Ибрагим увидел в этом благоприятную возможность и, отплыв на Крит в начале декабря, достиг его, не столкнувшись с врагом.

[Ибрагим в Мореа, февраль 1825 г.]

Заснеженные высоты Тайгета видны ясным зимним днем с критского побережья; и все же, когда их враг действительно был у них на виду, греки пренебрегли охраной прохода в Мореа. 22 февраля 1825 года Ибрагим беспрепятственно пересек море и высадил пять тысяч человек в Модоне. Он даже смог вернуться на Крит и привести второй превосходящий по численности контингент, прежде чем были предприняты какие-либо шаги, чтобы помешать его передвижениям. Теперь судьба материка была решена. Ибрагим выступил из Модона на Наварино, по пути разбил греческие войска и захватил гарнизон, размещенный на острове Сфактерия - месте первой знаменитой капитуляции спартанцев, - прежде чем греческий флот смог прибыть на помощь. Затем форты Наварино капитулировали, и Ибрагим продолжил свой победоносный марш к центру Мореи. Напрасно старого вождя Колокотронов вывели из его тюрьмы на Гидре, чтобы он принял верховное командование. Завоеватель Драмали не смог устоять перед натиском полков Ибрагима, набранных из свирепых народов Судана и сражавшихся тем же оружием и в условиях той же дисциплины, что и лучшие войска Европы. Колокотронес был отброшен назад через Триполицу и отступил, как русские отступили из Москвы, оставив за собой опустевшую столицу. Ибрагим не давал своим войскам отдыха; он

поспешил вперед, к Науплии, и 24 июня достиг вершины горного перевала, с которого открывается вид на Арголический залив. "Ах, маленький остров, - воскликнул он, увидев скалу Гидры, раскинувшуюся под ним, - как долго ты будешь убежать от меня?" В самой Науплии египетский командующий подъехал к самым воротам и осмотрел укрепления, которые он надеялся взять при первом штурме. Здесь, однако, его ждала проверка. Посреди всеобщего бегства и паники, Деметриус Гипсиланти снова был неустрашимым солдатом. Он бросился с несколькими сотнями человек на мельницы Лерны и там отбил авангард Ибрагима, когда тот попытался взять этот пост штурмом. Египтянин понимал, что с такими людьми перед ним Науплию можно взять только регулярной осадой. Он на некоторое время отступил к Триполице, а оттуда разослал свои наступательные колонны, убивая и опустошая все вокруг. Казалось, в его планы входило не просто истощить ресурсы своего врага, но превратить Морею в пустыню и истребить ее население. Говорили, что на самой родине европейской цивилизации этот дикарь, которого уже назначили пашой Мореи, намеревался уничтожить европейскую расу и имя и основать на пепелище Греции новое варварское государство, состоящее из африканских негров и феллахов. То, что такая конструкция действительно была создана, было опровергнуто турецким правительством в ответ на официальные запросы, и ее существование невозможно было доказать. Но жестокость одного века - это глупость следующего, и жестокость Ибрагима обернулась против него самого. Ничто во всей борьбе между султаном и греками не давало столь неотразимого аргумента филэллинам по всей Европе и так прямо не преодолевало сомнений правительств в отношении вооруженного вмешательства в пользу Греции, как предполагаемая политика Ибрагима по истреблению и переселению. Прошли те дни, когда Европа могла позволить оторвать от себя самого слабого члена и присоединить его к мусульманскому миру.

[Осада Миссолонги, апрель 1825-апрель 1826 гг.]

В турецко-эллинском конфликте сохранился один эпизод, представляющий глубочайший трагический интерес, прежде чем европейские державы вмешались и нанесли удар оружием более сильным, чем то, которое выпало из рук умирающего. Город Миссолонги теперь был осажден турками, которые вторглись в Западную Грецию, в то время как Ибрагим наводнял Морею. Миссолонги уже однажды безуспешно осаждали; и, как и в случае с Сарагосой, первое освобождение, по-видимому, вдохновило горожан на решение, которое в Миссолонги поддерживалось еще более героически, чем в испанском городе, скорее умереть, чем капитулировать. С того времени, как Решид, турецкий военачальник, предпринял вторую атаку по суше и морю весной 1825 года, гарнизон и жители встречали каждое движение врага самым упорным сопротивлением. Тщетно Решид прорывал оборону своей артиллерией и бросал массу за массой на пробитые им бреши. Месяц за месяцем атаки турок равномерно отражались, пока, наконец, прибытие эскадры гидриотов не вынудило турецкий флот отступить со своих позиций и не сделало положение самого Решида весьма опасным. И теперь, с приближением зимы, когда партизанские отряды в тылу осаждающих становились все более и более активными, египетская армия со своим предводителем была вызвана из Мореи для выполнения задачи, в которой турки потерпели неудачу. Морские капитаны-гидриоты ушли, полагая, что в их присутствии больше нет необходимости; и хотя впоследствии они вернулись на короткое время, их услуги оказывались неохотно и неэффективно. Ибрагим, приступив к своей работе в начале 1826 года, проводил свои операции с предельной энергией, хвастаясь, что за четырнадцать дней он добьется того, чего турки не смогли добиться за девять месяцев. Но его опытные солдаты потерпели сокрушительное поражение, когда сошлись с греками врукопашную; и

египтянин, разъяренный своим врагом, союзниками и собственными офицерами, признался, что Миссолонги можно взять только блокадой. Теперь он приказал построить флотилию плоскодонных лодок и спустить их на воду в лагунах, лежащих между Миссолонги и открытым морем. Миссолонги был, таким образом, полностью окружен; и когда греческие адмиралы появились в последний раз и попытались прорваться через отмели, они обнаружили, что осаждающий полностью владеет водами, недоступными для них, и после одной безуспешной попытки бросили Миссолонги на произвол судьбы. На третьей неделе апреля 1826 года, ровно через год после начала осады, запасы продовольствия были исчерпаны. Давно принятое решение о том, что все население, мужчины, женщины и дети, должны пасть от меча врага, а не сдаваться, теперь было фактически выполнено. В ночь на 22 апреля все миссолонгиоты, за исключением тех, кто из-за возраста, истощения или болезни не мог покинуть свои дома, были выстроены группами у городских ворот, женщины вооружены и одеты как мужчины, дети вооружены пистолетами. Предшествуемые отрядом солдат, они пересекли ров под турецким огнем. Атака авангарда снесла все перед собой, и путь был прорублен через турецкие линии. Но в этот момент те, кто все еще находился на мостах, приняли какой-то крик замешательства за приказ отступить. Часть мирных жителей вернулась в город, а вместе с ними и арьергард военного эскорта. Передовые дивизии, однако, продолжали свой марш вперед и спаслись бы, потеряв часть женщин и детей, если бы предательство не заставило турецкого командующего заранее ознакомиться с маршрутами, по которым они намеревались следовать. Они очистили турецкий лагерь и ожидали встретить отряды греков арматоли, которые обещали напасть на вражеский тыл, когда вместо друзей они столкнулись с отрядом за отрядом османской кавалерии и албанцев, устроивших засаду вдоль дороги между Миссолонги и горами. Здесь, измученные и застигнутые врасплох, они были безжалостно перебиты, и из отряда, насчитывавшего несколько тысяч человек, не более полутора тысяч мужчин с несколькими женщинами и детьми в конце концов добрались до безопасных мест. Сам Миссолонги был захвачен турками во время вылазки. Солдаты, отступившие во время неразберихи на мостах, доказали, что действовали не из трусости. Они непоколебимо сражались до последнего, и три банды, обосновавшиеся в трех пороховых складах города, подожгли их, когда были окружены турками, и погибли при взрыве. Несколько тысяч женщин и детей были захвачены в плен вокруг города и внутри него или бродили по горам; но у турок было мало других пленных. Мужчины были мертвы или на свободе.

[Падение Афинского акрополя, 5 июня 1827 г.]

Из Миссолонги волна османских завоеваний покатила на восток, и Афинский Акрополь, в свою очередь, стал объектом долгой и трудной осады. Правительство, которое теперь почти не владело территорией на материке, за исключением Науплии, где ему самому угрожал Ибрагим, приложило самые энергичные усилия, чтобы не допустить попадания Акрополя в руки Решида. Однако все было напрасно. Английские офицеры, Черч и Кокрейн, которые теперь были поставлены во главе военных и военно-морских сил Греции, потерпели позорную неудачу в атаках, которые они предприняли на осаждающую армию Решида; и гарнизон капитулировал 5 июня 1827 года. Но прошло то время, когда освобождению Греции могла помешать любая победа османской империи. Героическая оборона миссолонгиотов завершилась. Греция сражалась достаточно долго, чтобы привлечь на свою сторону европейские державы; и в том же месяце, когда пала Миссолонги, те правительства, которые были лучше всего способны претворить свои намерения в жизнь, определенно отказались от политики невмешательства. Если бы борьба закончилась в течение первых трех лет восстания, ни у кого не поднялась бы

рука помешать восстановлению правления султана. Россия тогда была словно заколдована дипломатией Священного союза; и хотя на второй год войны смерть Каслри и приход Каннинга к власти дали Греции могущественного друга, а не могущественного врага в британском министерстве, прошло много времени, прежде чем Англия нарушила свой нейтралитет. Каннинг действительно не делал секрета из своих симпатий к Греции и из своего желания оказать более слабой воюющей стороне такую помощь, какую мог себе позволить нейтрал; но когда он вступил в должность, еще не пришло время, когда вмешательство было бы полезным или возможным. Изменения в политике других великих держав и в положении самих воюющих сторон были, по его мнению, необходимы, прежде чем влияние Англии могло быть успешно использовано для установления мира на Востоке.

[Первый российский проект совместного вмешательства, 12 января 1824 г.]

Энергичное движение общественного мнения в пользу Греции дало о себе знать по всей Западной Европе по мере продолжения борьбы; и живой и романтический интерес, возбужденный во всем цивилизованном мире смертью лорда Байрона в 1823 году среди людей, которых он пришел освободить, вероятно, послужил делу Греции лучше, чем все, чего Байрон мог бы достичь, если бы его жизнь была продлена. Во Франции и Англии, где общественное мнение имело большое влияние на действия правительства, а также в Германии, где оно вообще не имело никакого влияния, были созданы общества для оказания грекам помощи оружием, припасами и деньгами. Однако первое предложение о совместном вмешательстве в пользу Греции поступило из Санкт-Петербурга. Нескрываемая доброжелательность Каннинга по отношению к повстанцам побудила царское правительство предвидеть, что Англия сама вскоре может взять на себя ту поддержку греческого дела, от которой Россия, по настоянию Меттерниха и предшественника Каннинга, до того времени отказывалась. Если мы хотели подружиться с греками, то было невыносимо, чтобы другие играли роль покровителя. Соответственно, 12 января 1824 года от имени царя всем дворам Европы была направлена нота, содержащая план урегулирования греческого вопроса, который предлагалось, чтобы великие державы Европы навязали Турции либо посредством вооруженной демонстрации, либо угрозой разрыва всех дипломатических отношений. Согласно этой схеме, Греция, за исключением островов, должна была быть разделена на три княжества, каждое из которых подчинялось султану и имело гарнизоны турецких войск, но в других отношениях было автономным, подобно княжествам Молдавия и Валахия. Острова должны были сохранить свою муниципальную организацию, как и прежде. В одном отношении эта схема превосходила все, что ей предшествовало, поскольку она включала в состав греческой территории как Крит, так и Эпир; во всех других отношениях она была составлена в интересах только России. Его целью было просто создать вторую группу провинций, подобных тем, что расположены на Дунае, которые должны были предоставлять России постоянную возможность для вмешательства в дела Османской империи и которые в то же время должны были помешать грекам создать независимое и самоподдерживающееся государство. Этот план нельзя назвать коварным, поскольку его цель была настолько очевидна, что ни один политик в Европе не был обманут им; и очень простой уловки Меттерниха было достаточно, чтобы добиться от российского правительства недвусмысленной декларации против независимости Греции, которую царь назвал простой химерой. Но из всех заинтересованных сторон громче всех осуждали план России сами греки. Их правительство направило протест против этого в Лондон, и Каннинг в ответ заверил его, что эта страна никогда не должна поддерживать какой-либо план по уничтожению греков без их собственного согласия. В других местах нота царя была принята с

выражениями вежливости, подобающей Двору, противоречить которому было бы опасно; и в Санкт-Петербурге был открыт ряд совещаний с целью обсуждения предложений, которые никто не собирался приводить в исполнение. Хотя Каннинг приказал британскому послу в Санкт-Петербурге отмежеваться от этих разбирательств, конференции затянулись с длительными перерывами с весны 1824 года до лета следующего года. ^[371]

[Недовольство и заговоры в России.]

Тем временем в российской армии и нации поднимался сильный дух недовольства. Религиозное чувство не меньше, чем гордость народа, было глубоко уязвлено отказом Александра помочь грекам в их борьбе и плачевными результатами его попытки дипломатического сговора. Единственные среди европейских народов русские понимали церковный характер греческого восстания и своим сочувствием к нему не были обязаны очарованию классической литературы и искусства. Для силы религиозного элемента в политических взглядах русского народа характерно, что разлив Невы, захлестнувший Санкт-Петербург зимой 1825 года, следовало рассматривать как знак божественного гнева на бездействие царя в борьбе Полумесяца и Креста. Но в России не было недостатка и в других причинах недовольства. Хотя Александр забыл о своих обещаниях ввести конституционное правление, многие, особенно в армии, этого не сделали. Офицеры, участвовавшие во вторжении во Францию в 1815 году и в последовавшей за ним трехлетней оккупации, вернулись из Западной Европы с идеями социального прогресса и конституционных прав, которых они никогда не смогли бы обрести в своей собственной стране. И когда светлые надежды, которые были вызваны признанием этих же идей царем, развеялись, и Россия погрузилась в рутину деспотизма и коррупции, старая беспрекословная лояльность армии больше не была защитой от действия революционного духа. В стране, где совершенно отсутствовали законные средства противодействия правительству и инициирования реформ, недовольство приняло свою самую опасную форму - форму военного заговора. Армия была буквально пронизана тайными обществами. Как на севере, так и на юге России влиятельные люди работали среди молодых офицеров и приобрели сильную группу приверженцев своего замысла насильственного установления конституции. В южной армии были самые решительные и дерзкие заговорщики. Эти люди определенно отказались от надежды провести какие-либо общественные реформы, пока жив Александр, и они решили принести государя в жертву, как были принесены в жертву его отец и другие до него, политическим потребностям того времени. Если верить свидетельствам, впоследствии предоставленным лицами, замешанными в заговоре, то был разработан определенный план убийства царя в присутствии его войск на одном из больших смотров, которые должны были состояться на юге России осенью 1825 года. После смерти монарха немедленно должно было быть создано временное правительство и провозглашена конституция.

[Смерть царя, 1 декабря 1825 г.]

Александр, зная о растущем негодовании своего народа и непомерно раздраженный провалом своих дипломатических усилий, распустил Санкт-Петербургскую конференцию в августе 1825 года и заявил, что отныне Россия будет действовать по своему усмотрению. Он покинул Санкт-Петербург и отправился к Черному морю в сопровождении некоторых лидеров партии войны. Здесь, погруженный в глубокую меланхолию, сознавая, что все его ранние надежды послужили лишь к тому, чтобы окружить его заговорщиками, и что принесение им военных интересов

России в жертву международному миру лишь сделало его страну бессильной перед всей Европой, он все еще колебался, делать ли окончательное решение между миром и войной. Некая тайна витала над его движениями, поступками и намерениями. Внезапно, пока вся Европа ждала сигнала, который положил бы конец периоду напряженного ожидания, из уединенного порта на Черном море пришло известие о смерти царя. Александру, которому еще не исполнилось пятидесяти лет, понравилась болезнь, унесшая его из мира забот и положившая конец карьере, в которой страдания и разочарования сменились такой опьяняющей славой и такой безграничной надеждой. Каким бы молодым он ни был для того, кто правил двадцать четыре года, Александр был самым уставшим от жизни человеком. Власть, удовольствие, возбуждение подарили ему часы такого существования, какого не было ни у кого, кроме Наполеона, из всех его современников. Они не оставили ему ничего, кроме утешения в религиозном смирении и веры в то, что Сила, более высокая, чем его собственная, все же может достичь целей, в которых он сам потерпел неудачу. Находясь в эпицентре великих деяний и событий, он сам упускал величие. Там, где он был лучше всего, было именно то, где люди, стоявшие ниже его по положению, считали его худшим - в его надеждах; и эти надежды он сам оставил и отрекся от них. Сила, проницательность, единство цели - качества, которые позволяют людям управлять событиями, проявились в нем лишь на мгновение или в подобии этого. Из-за отсутствия их широкий и светлый горизонт его ранних лет был сначала затемнен, а затем и вовсе стерт из поля его зрения, пока, в конце концов, ничто, кроме его пиетизма и великодушия, не отличало его от репрессивных политиков, орудием которых он стал.

[Военное восстание в Санкт-Петербурге, 26 декабря 1825 г.]

Внезапная смерть Александра повергла русский двор в величайшее замешательство, поскольку не было известно, кто станет его преемником. Наследником престола был его брат Константин, невежественный и жестокий дикарь, у которого хватило здравого смысла не желать быть царем России, хотя он считал себя достаточно хорошим, чтобы тиранить поляков. Константин отказался от своего права на корону несколько лет назад, но это отречение не было обнародовано, и великий князь Николай, младший брат Константина, не был поставлен в известность о том, что престолонаследие окончательно закреплено за ним. Соответственно, когда известие о смерти Александра достигло Санкт-Петербурга, и документ, подтверждающий отречение Константина, был извлечен из архивов чиновниками, которым он был доверен, Николай отказался признать его обязательным для исполнения и заставил войска принести присягу на верность Константину, который в то время находился в Варшаве. Константин, с другой стороны, провозгласил своего брата императором. Последовало трехнедельное междуцарствие, в течение которого между Варшавой и Санкт-Петербургом передавались послания, и Николай категорически отказывался принять корону без прямого приказа своего старшего брата. Это, наконец, было получено, и 26 декабря Николай принял титул государя. Но период неопределенности был использован заговорщиками в Санкт-Петербурге с пользой. Присяга, уже принесенная солдатами Константину, позволила офицерам, участвовавшим в заговоре, объявить Николая узурпатором и скрыть свои истинные замыслы под маской верности законному царю. Не зная самого значения конституции, простые солдаты взбунтовались, потому что им так сказали; и говорят, что они выкрикивали слово "Конституция", полагая, что это имя жены Константина. Когда Московский полк был вызван для принесения присяги Николаю, он отказался от этого и двинулся маршем к площади перед зданием Сената, где образовал каре, и отразил атаку гвардейской кавалерии. К мятежникам теперь присоединились роты из других полков, и среди гражданского населения начали проявляться

признаки восстания. Сам Николас не проявлял той энергии характера, которая отличала его всю последующую жизнь; напротив, в течение некоторого времени его позиция была скорее смиренной, чем уверенной в себе. Преследовали ли его какие-то сомнения в справедливости его дела, или испытание, подобное тому, которому он подвергся сейчас, было необходимо, чтобы проявить в полную силу железные качества его натуры, несомненно, что поведение нового царя в эти критические часы мало что говорило окружающим о неукротимой воле, которая с тех пор должна была управлять Россией. Хотя огромная масса армии оставалась послушной, она лишь постепенно подтягивалась к месту восстания. Офицеры высокого ранга были посланы выступить с речью перед повстанцами, и один из них, генерал Милорадович, ветеран наполеоновских кампаний, был смертельно ранен, пытаясь добиться того, чтобы его услышали. Только вечером артиллерия получила приказ вступить в бой, и царь отдал приказ стрелять картечью по повстанцам. Эффект был решающим. Мятежники бежали перед огнем, который они не смогли отразить, и через несколько минут восстание было закончено. У нее не было ни одного военачальника, обладающего какими-либо военными способностями; ее лидеры отсутствовали в тот момент, когда марш вперед или атака на царский дворец могли бы принести им победу; и среди солдат в целом не было ни малейшего желания принимать участие в каком-либо движении против установленного в России строя. Единственный эффект, оставленный заговором внутри самой России, проявился в жесткой и бескомпромиссной суровости, с которой Николай отныне проводил в жизнь принцип самодержавного правления. Иллюзиям предыдущего правления пришел конец. Человек с образованием и идеями сержанта-строевика и религиозной уверенностью члена Ковенанта был на троне; восстание обернулось против него хуже всего; и горе тем, кто в будущем хоть на волосок отступит от своего долга безоговорочного повиновения всеединой власти суверена. ^[372]

[Англо-русский протокол, 4 апреля 1826 г.]

Было заявлено, и с некоторой долей вероятности верно, что военное восстание 1825 года настроило нового царя на более энергичную политику за границей. Заговорщики на суде заявили, что у них было намерение немедленно бросить армию в атаку на турок; и, поступив таким образом, они, несомненно, привлекли бы чувства нации на свою сторону. Сам Николай почти не симпатизировал грекам. Они были демократическим народом, и свобода, которую они стремились обрести, была ничем иным, как анархией. "Не говорите о греках, - сказал он представителю иностранной державы, - я называю их мятежниками". Тем не менее, как бы мало ни желал Николай служить греческой демократии, и склонности, и политика побуждали его положить конец малодушной системе переговоров своего предшественника и довести борьбу на Востоке до окончательного завершения. Каннинг уже обсуждал в разговоре с российским послом в Лондоне возможное изменение политики двух соперничающих дворов. Теперь он видел, что пришло время для установления новых отношений между Великобританией и Россией и для попытки того сотрудничества на Востоке, которое он считал неосуществимым во время правления Александра. Герцог Веллингтон был отправлен в Санкт-Петербург, номинально, чтобы принести обычные поздравления новому государю, на самом деле, чтобы отговорить его от вступления в войну и предложить либо отдельное вмешательство Англии, либо совместное вмешательство Англии и России от имени Греции. Миссия увенчалась успехом. Тщетно Меттерних пытался опутать нового царя дипломатической сетью, которая так долго удерживала его предшественника. Чары Священного союза были разрушены. Николай смотрел на прошлое влияние Австрии в Восточном вопросе только с негодованием; он не желал больше слышать о конференциях послов; и 4 апреля 1826 года в Санкт-Петербурге был подписан

Протокол, которым Великобритания и Россия устанавливали условия, при которых посредничество бывшей державы должно было быть предложено Порте. Греция должна была оставаться данницей султана; однако она должна была управляться своими собственными выборными властями и быть полностью независимой в своих торговых отношениях. Политика, известная в наши дни как выдворение с вещами и багажом, должна была осуществляться в гораздо более широком смысле, чем тот, в котором ее отстаивали более поздние поборники покоренных рас Востока; Протокол 1826 года предусматривал выдворение не только турецких чиновников, но и всего выжившего турецкого населения Греции. Вся собственность, принадлежащая туркам, будь то на континенте или на островах, должна была быть приобретена греками. ^[373]

Таким образом, был сделан первый шаг в переговорах, которые завершились установлением независимости Греции. Протокол, который был тайно подписан, через некоторое время был передан другим судам Европы. В Вене он был принят с крайним отвращением. Меттерних сначала объявил союз Англии и России невозможным. Когда этот союз был фактически создан, ни один язык не был достаточно сильным, чтобы выразить его унижение и злобу. В один момент он заявил, что Каннинг был революционером, который заманил молодого и неопытного царя в ловушку союза с европейским радикализмом; в другой - что Англия превратила себя в кошачью лапу российских амбиций. До сих пор, протестовал он, Европа не могла понять, что она потеряла в Каслри. Меттерних также не ограничился сетованиями. В то время как его представители в Париже и Берлине не жалели усилий, чтобы возбудить подозрения этих дворов против англо-русского проекта интервенции, австрийский посол в Лондоне воспользовался личной неприязнью короля Георга к Каннингу и вступил в заговор против министра с той важной частью английской аристократии, которая все еще находилась под влиянием традиционного отношения к Австрии. Берлин, однако, был единственной областью, где дипломатия Меттерниха все еще сохраняла свои позиции. Король Фридрих Вильгельм еще не успел привыкнуть подчиняться молодому царю Николаю, и поэтому был избавлен от необходимости решать, какому из двух господ ему следует повиноваться. Несмотря на свою собственную симпатию к грекам, он отказался подключить Пруссию к предлагаемому совместному вмешательству и оставался пассивным, оправдывая этот курс отсутствием каких-либо материальных интересов Пруссии на Востоке. Не будучи ни соседом Османской империи, ни морской державой, Пруссия фактически не имела прямых средств заявить о своем влиянии.

[Мирный договор между Англией, Россией и Францией, июль 1827 г.]

Францией, от действий которой зависело гораздо больше, теперь управляли полностью в интересах легитимистской партии. Louis XVIII. он умер в 1824 году, и граф Артуа унаследовал трон под титулом Карла X. Принципы легитимистов логично сделали бы их защитниками наследственных прав султана против его мятежных подданных; но султан, в отличие от Фердинанда Испанского, не был ни бурбоном, ни даже христианином; и в случае, когда законный принц был неверующим, а мятежники - христианами, совесть самого набожного легитимиста вполне могла отказаться от опасной задачи выбора между божественными правами короны и божественными правами Церкви и выбрать, в столь болезненной чрезвычайной ситуации, более простой путь удовлетворения национальной любви к действию. Как среди либералов, так и среди ультрамонтанов существовала настоящая симпатия к Греции, и этот интерес был почти единственным, в котором все французские политические круги чувствовали, что у них есть что-то общее. Либералы радовались перспективе создания нового

свободного государства в Европе; католики, как и сам Карл X, помнили Людовика Святого и крестовые походы; дипломаты понимали чрезвычайную важность надвигающегося разрыва между Австрией и Россией и возможности объединения Франции с последней Державой. Таким образом, естественный и бескорыстный порыв большей части общественности в точности совпал с требованиями дальновидной политики; и правительство, несмотря на свои легитимистские принципы и некоторые заверения, данные Меттерниху лично, когда он посетил Париж в 1825 году, решило принять политику англо-русской интервенции на Востоке и участвовать в активных мерах, которые должны были быть предприняты двумя державами. Санкт-Петербургский протокол лег в основу окончательного договора, который был подписан в Лондоне в июле 1827 года. Этим актом Англия, Россия и Франция обязались положить конец конфликту на Востоке, который из-за ущерба, нанесенного торговле всех наций, стал предметом европейской озабоченности. Противоборствующие стороны должны были быть призваны принять посредничество Держав и согласиться на перемирие. Греция должна была стать автономной, под верховным суверенитетом султана; мусульманское население греческих провинций должно было, согласно Санкт-Петербургскому протоколу, быть полностью изгнано; и греки должны были вступить во владение всей турецкой собственностью в пределах своих границ, выплатив бывшим владельцам контрибуцию. Каждое из трех договаривающихся правительств обязалось не стремиться ни к увеличению территории на Востоке, ни к каким-либо особым коммерческим выгодам. В секретных статьях договора были предусмотрены положения на случай отклонения турками предложенного посредничества. Если перемирие не будет предоставлено в течение одного месяца, Державы договорились, что они объявят каждой воюющей стороне о своем намерении предотвратить дальнейшие столкновения и что они предпримут необходимые шаги для обеспечения выполнения этого заявления, не принимая, однако, участия в военных действиях сами. Инструкции в соответствии с Договором должны были быть направлены адмиралам, командующим средиземноморскими эскадрами трех держав. ^[374]

[Смерть Каннинга, август 1827 г.]

[Политика Каннинга.]

Едва был подписан Лондонский мирный договор, как Каннинг умер. Он определенно отошел от политики своих предшественников, той политики, которая ради защиты от наступления России обрекла христианские расы Востока на 1827 год. вечное подчинение туркам и связало Великобританию с австрийской системой сопротивления самому принципу и названию национальной независимости. Каннинг не был слепым другом России. Так же остро, как любой из его противников, он ценил важность интересов Англии на Востоке; из всех английских государственных деятелей того времени он был бы последним, кто согласился бы на какое-либо уменьшение справедливого влияния или мощи Англии. Но, в отличие от своих предшественников, он видел, что действуют великие силы, которые, с согласия Англии или вопреки ей, совершат ту революцию на Востоке, для которой теперь настало время; и он был достаточно государственным деятелем, чтобы не соглашаться с верой в то, что благосостояние Англии находится в постоянном и необходимом противоречии с моральными интересами человечества и лучшим духом эпохи. Поэтому вместо того, чтобы пытаться сохранить целостность Османской империи или держаться в стороне и прибегать к угрозам и вооружению, в то время как Россия самостоятельно добивалась освобождения Греции, он объединился с Россией в этой работе и полагался на согласованные действия как на лучшее средство

предотвращения неоправданного расширения влияния России на Востоке. Побуждая Англию к вооруженному вмешательству, Каннинг, без сомнения, надеялся, что урегулирование греческого вопроса, организованное державами, будет мирно принято султаном и что сепаратная война между Россией и Портой по этому или любому другому вопросу будет предотвращена. Ни одна из этих надежд не оправдалась. Совместное вмешательство должно было быть осуществлено с помощью оружия, и не успели союзники нанести свой общий удар, как последовала война между Турцией и Россией. Невозможно сказать, насколько изменился бы ход событий, если бы жизнь Каннинга не оборвалась; но независимо от того, смогла или не смогла его государственная мудрость предотвратить войну на Дунае, баланс результатов доказал, что его политика была правильной. Греция была создана как независимое государство, чтобы в будущем обеспечить ценный элемент сопротивления славянскому преобладанию в Леванте; и столкновение между Россией и Турцией, которого так долго опасались, не привело ни к одному из тех катастрофических последствий, которых от него ожидали. Мнение Англии и Европы об относительной ценности государственной мудрости Каннинга по сравнению с его предшественниками сложилось уже давно. Он стоит среди тех, кто дал этой стране право на уважение человечества. Его памятником, равно как и его оправданием, является существование национальной свободы на Востоке; и когда полвека спустя британское правительство вернулось к принципу невмешательства, как его понимал Каслри, и отказалось вступать в какое-либо эффективное сотрудничество с Россией ради освобождения Болгарии, даже тогда, когда прецедент действий Каннинга в 1827 году находился в прямом и вопиющем противоречии с политикой того времени, лидеры партии, к которой принадлежал Каннинг, не предприняли эффективной попытки поставить под сомнение его авторитет или объяснить отказ от него. его пример. Действительно, можно было бы утверждать, что Каннинг не принимал явного решения о применении силы; но те, кто мог бы утверждать, что Каннинг, подобно Веллингтону, использовал язык извинений и сожаления, когда турецкое упрямство сделало невозможным достижение цели его вмешательства любыми другими средствами, действительно напрасно читали историю карьеры Каннинга. ^[375]

[Вмешательство адмиралов, сентябрь 1827 г.]

Смерть Каннинга, которая после короткого перерыва поставила его соперника, герцога Веллингтона, во главе дел, не вызвала на данный момент никаких явных изменений в исполнении его планов. В соответствии с положениями Лондонского мирного договора воюющим сторонам было немедленно предложено посредничество союзных держав и потребовано перемирие. Греки приняли перемирие; турки с презрением отвергли его. Вследствие этого отказа военное положение продолжалось, поскольку было бы абсурдно требовать от греков сидеть спокойно и подвергаться резне из-за того, что враг отказался сложить оружие. Поскольку турок был стороной, сопротивляющейся согласованному посредничеству, возникла необходимость лишить его права продолжать военные действия. Только что прибыло крупное подкрепление из Египта, и из Наварино, места сбора сил Ибрагима, готовилась к отплытию экспедиция против Гидры, взятие которой определено положило бы конец греческому восстанию. Адмирал Кодрингтон, командующий британским флотом, и французский адмирал Де Риньи находились сейчас у берегов Греции. Они обратились к Ибрагиму и потребовали от него обещания, что он не предпримет никаких действий до тех пор, пока из Константинополя не поступят дальнейшие приказы. Ибрагим дал это устное обещание 25 сентября. Однако несколько дней спустя Ибрагим узнал, что, в то время как он сам был вынужден бездействовать, греки, продолжая военные действия, на что они

имели право, одержали блестящую морскую победу под командованием капитана Гастингса в Коринфском заливе. Не в силах сдержать свой гнев, он отплыл из Наваринской гавани и направился в Патры. Кодрингтон, разместивший свой флот в Занте, услышал об этом движении и немедленно бросился наперерез египтянину, которого вынудил повернуть назад энергичной угрозой потопить его флот. Если бы французский и русский контингенты были под рукой, Кодрингтон воспользовался бы вылазкой Ибрагима, чтобы отрезать его от всех греческих гаваней и вынудить вернуться прямо в Александрию, таким образом мирно достигнув цели интервенции. Однако, к несчастью моряков Ибрагима, английский адмирал не мог сделать этого в одиночку. Ибрагим вернулся в Наварино и там нашел приказ султана, которого было решено дожидаться. Эти приказы были продиктованы истинно турецким увлечением. Они приказали Ибрагиму продолжать покорение Мореи с максимальной энергией и пообещали ему помощь Решид-паши, его соперника в осаде Миссолонги. Ибрагим, совершенно не задумываясь о последствиях, снова разослал свои разрушительные статьи. Не было пощажено ни одной жизни, и ничего, что могло бы поддерживать жизнь. Были уничтожены не только посевы, но и фруктовые деревья, которые являются постоянной опорой страны, были вырублены под корень. Облака огня и дыма от горящих деревень показали английским офицерам, приблизившимся к побережью, в каком духе турок встретил их предложения о замирении. "Предполагается, что если бы Ибрагим остался в Греции, - писал капитан Гамильтон, - более трети ее жителей умерли бы от абсолютного голода".

[Наваринское сражение, 20 октября 1827 г.]

Стало необходимо действовать быстро, тем более что сезон был далеко в разгаре, и зимняя блокада флота Ибрагима была невозможна. В штаб-квартиру Египта было отправлено сообщение с требованием прекратить военные действия, эвакуировать Морею и вернуть турецко-египетский флот в Константинополь и Александрию. В ответ на это сообщение пришло заявление о том, что Ибрагим уехал из Наварино в глубь страны и что неизвестно, где его найти. Теперь адмиралам ничего не оставалось, как дать о себе знать. 18 октября было решено, что английский, французский и русский флоты, которые теперь были объединены, должны войти в Наваринскую гавань в боевом порядке. Это движение было названо демонстрацией, и поскольку адмиралы фактически не приняли решения о нападении, это не было прямой враждебной мерой; но каждое орудие было готово открыть огонь, и было хорошо件нятно, что любой акт сопротивления со стороны противоположного флота приведет к военным действиям. Кодрингтон, как старший офицер, принял командование союзной эскадрой, и инструкции, которые он дал своим коллегам на случай генерального сражения, завершались словами Нельсона о том, что ни один капитан не может поступить очень неправильно, если поставит свой корабль рядом с кораблем противника.

Таким образом, готовый нанести решительный удар, английский адмирал вошел в гавань Наварино в полдень 20 октября, сопровождаемый французами и русскими. Флот союзников подошел на расстояние пистолетного выстрела к османским кораблям и там бросил якорь. Немного с наветренной стороны от позиции, отведенной английскому корвету *"Дартмут"*, стоял турецкий брандер. Был сделан запрос о том, чтобы это опасное судно отошло на более безопасное расстояние; в нем было отказано, и затем команда лодки была отправлена перерезать трос. Лодка была встречена ружейным огнем. На это ответили *"Дартмут"* и французский корабль, и вскоре сражение приобрело всеобщий характер. Кодрингтон, все еще желая избежать кровопролития, отправил своего пилота к Мохарем-бею, который командовал в

отсутствие Ибрагима, предложив прекратить огонь с обеих сторон. Мохарем ответил пушечным выстрелом, убив лоцмана и поразив собственное судно Кодрингтона. Это истощило терпение английского адмирала, который немедленно превратил своего противника в просто развалину. Теперь в бой вступили все флоты с обеих сторон. Турки имели превосходство в восьмьсот орудий и сражались храбро. В течение четырех часов в закрытой гавани бушевало сражение в ближнем бою, в то время как двадцать тысяч солдат Ибрагима наблюдали с окружающих холмов за битвой, в которой они не могли принять участия. Но результат боя ни на минуту не вызывал сомнений. Неразбериха и плохая дисциплина турецкого флота сделали его легкой добычей. Судно за судном тонуло или разлеталось на куски, и еще до наступления вечера работа союзников была закончена. Когда Ибрагим вернулся из своего путешествия на следующий день, он обнаружил гавань Наварино усеянной обломками кораблекрушений и мертвыми телами. Четыре тысячи его моряков погибли; флот, который должен был завершить покорение Гидры, был полностью разрушен.^[376]

[Бездействие Англии после Наварино.]

По всей Греции сразу же почувствовалось, что нация спасена. Вмешательство Держав было внезапным и решительным, превзошедшим самые радужные надежды; и хотя это вмешательство могло быть направлено на установление чего-то меньшего, чем полная независимость Греции, жестокость первого столкновения позволила вывести работу далеко за пределы, первоначально отведенные для нее. Позиция Порты после того, как известие о Наваринской битве достигло Константинополя, была именно такой, какой могли бы желать ее злейшие враги. Столь далекое от того, чтобы сколько-нибудь ослабить свое сопротивление посредничеству трех держав, оно объявило нападение, совершенное на его флот, преступлением и надругательством, и потребовало удовлетворения за это от послов Союзных держав. Аргументы оказались бесполезными, и, когда объединенное требование о перемирии с греками было окончательно и презрительно отклонено, послы, в соответствии со своими инструкциями, покинули турецкую столицу (8 декабря). Если бы Каннинг был еще жив, вполне вероятно, что за первым ударом при Наварино немедленно последовали бы меры, необходимые для того, чтобы заставить султана подчиниться Лондонскому мирному договору, и что силы Великобритании были бы задействованы с достаточной энергией, чтобы сделать любые изолированные действия со стороны России как ненужными, так и невозможными. Но в этот критический момент английское правительство было парализовано. Политика Каннинга была настолько его собственной, он так настойчиво тащил за собой своих коллег вопреки их воле, что, когда его место осталось пустым, ни у кого не хватило смелости ни выполнить, ни отменить его намерения, и люди, сменившие его, вели себя так, словно они были нарушителями границы крепости, которую Каннинг взял штурмом. Само основание, на котором Веллингтон, не в меньшей степени, чем Каннинг, оправдывал соглашение, заключенное с Россией в 1826 году, заключалось в необходимости помешать России действовать в одиночку; и когда русские и турецкие корабли фактически сразились при Наварино и война была практически официально объявлена, стало более чем когда-либо необходимым, чтобы Великобритания самым решительным образом удерживала своего соперника и путем постоянного давления давала понять и туркам, и русским, что условия Лондонского мирного договора и никакие другие не должны выполняться. Выйти из боя сразу после нанесения султану одного страшного, непоправимого удара, не развивая этот удар и не достигая согласованной цели - предоставить России продолжать вооруженное принуждение там, где Англия отказалась от него, и отвоевать у ее искалеченного противника выгоды частной и изолированной войны - было, несомненно,

самой слабой из всех возможных стратегий, которые могли быть приняты. И все же именно такой политики придерживались английские министры в тот переходный период непоследовательности, который прошел между смертью Каннинга и внесением законопроекта о реформе.

[Война между Россией и Турцией, апрель 1828 г.]

Российское правительство ничего так горячо не желало, как соперничества с Турцией, в котором Англия и Франция, после того как они уничтожат турецкий флот, должны были бы быть простыми зрителями, лишенными из-за глупости самой Порты возможности запретить или контролировать военные действия между ней и ее соседом. Возможно, действительно, не хватало предлога для войны, поскольку все спорные моменты между Россией и Турцией, за исключением тех, что касались Греции, были окончательно урегулированы в пользу России Договором, подписанным в Акермане в октябре 1826 года. Но дух безумия овладел султаном, или тайная надежда на то, что западные державы в крайнем случае бросят вызов Санкт-Петербургскому двору, побудила его поторопиться с военными действиями, бросив прямой вызов России. Прокламация, которая читается как произведение какого-то безумного дервиша, хотя говорят, что ее сочинил сам Махмуд, призвала мусульманский мир к оружию. Россия была осуждена как зачинщица греческого восстания и заклятый враг ислама. Акерманский мирный договор был объявлен вымогательством путем принуждения и подписан только с целью выиграть время. "Россия передала свое собственное безумие другим державам и убедила их заключить союз, чтобы освободить Райах от его османского господина. Но турок не считает своих врагов. Закон запрещает людям ислама допускать нанесение какого-либо ущерба их религии; и если все неверующие объединятся против них, они начнут войну как священный долг и будут уповать на защиту Бога ". За этим провозглашением последовал набор войск и изгнание большинства христианских жителей Константинополя. России не нужен был другой предлог. Фанатичная вспышка султана была воспринята Санкт-Петербургским двором так, как если бы это было преднамеренное проявление некой цивилизованной Силы, и 26 апреля 1828 года последовал ответ на объявление войны. Чтобы смягчить последствия этого шага и в полной мере воспользоваться преимуществами своих существующих отношений с Францией и Англией, Россия дала временное обязательство ограничить свои операции в качестве воюющей стороны материковой частью и Черным морем, а в пределах Средиземного моря действовать по-прежнему как одна из нейтральных сторон союзников в соответствии с условиями Лондонского мирного договора.

[Военное положение Турции.]

Момент, использованный Россией для объявления войны, был исключительно благоприятным для нее самой и неудачным для ее противника. Не только турецкий флот был уничтожен нейтралами, но и старые турецкие силы янычар были уничтожены их собственным хозяином, а полки нового образца, которые должны были прийти им на смену, еще не были организованы. В 1826 году султан решил больше не откладывать свою давно запланированную военную реформу и поставить все на один смелый удар по янычарам. С другого берега Босфора было переброшено достаточное количество войск, чтобы Махмуд был уверен в победе. Янычары были призваны внести часть своей численности в полки, которые должны были быть сформированы по европейскому образцу; и когда они гордо отказались это сделать и подняли знамя открытого восстания, они были изрублены на куски и истреблены анатолийскими

солдатами Махмуда посреди Константинополя. ^[377] Таким образом, главная трудность на пути реформирования турецкой армии была устранена, и работа по реорганизации была серьезно взята в свои руки; но прежде чем было время завершить ее, враг вступил в бой. Махмуду пришлось встретить нападение России с армией, значительно уменьшенной по численности и сбитой с толку примесью европейской и турецкой дисциплины. Ресурсы империи были истощены длительной борьбой с Грецией, и, прежде всего, уничтожение янычар вызвало у султана раздражение, которое заставило его поверить, что в его собственной столице в любой момент может вспыхнуть восстание. Тем не менее, несмотря на присущую ей слабость и все неудобства, с которыми она вступила в войну, Турции удалось продлить свое сопротивление на протяжении двух кампаний, и она могла бы, при более разумных советах, попытаться счастья в третьей.

[Военное состояние России.]

Фактические военные ресурсы России были в 1828 году намного ниже того, какими их считала вся Европа. Разгром армии Наполеона в 1812 году и последующие подвиги Александра в кампаниях, закончившихся взятием Парижа, оставили после себя впечатление об энергии и мощи России, которое далеко не соответствовало действительности, и которое, хотя и было нарушено событиями 1828 года, отнюдь не исчезло во время Крымской войны. Храбрость и терпение русского солдата, конечно, нельзя было переоценивать; но прогресс, который, как предполагалось, был достигнут в русской военной организации со времени кампании 1799 года, когда в Англии и Австрии ее считали немногим выше, чем у дикарей, был по большей части воображаемым. Доказательства радикально плохой системы - малочисленность, нехватка припасов, массовые болезни - никогда не были так очевидны, как в 1828 году. Хотя Россия готовилась к войне по меньшей мере семь лет, на Пруте удалось собрать едва ли семьдесят тысяч солдат. Генералом был Витгенштейн, один из героев 1812 года, но теперь ветеран, прошедший эффективную работу. Николай приехал в лагерь, чтобы усугубить ситуацию своим своевольным вмешательством. Лучший русский офицер Паскевич был назначен командующим войсками, которые собирались действовать в Малой Азии, и там, предоставленный собственным ресурсам и свободный создавать собственную систему, он добился результатов, резко контрастирующих с неудачей русского оружия на Дунае.

[Кампания 1828 года.]

Вступая в кампанию 1828 года, царю было необходимо не давать никаких ненужных поводов для беспокойства Австрии, которая уже предпринимала безуспешные попытки сформировать коалицию против него. Поэтому линия боевых действий была удалена как можно дальше от австрийской границы; и после того, как румынские княжества были мирно оккупированы, Дунай был форсирован на небольшом расстоянии выше места, где его устья разделяются (7 июня). Турки не собирались вступать с врагом в открытое сражение; они ограничились обороной крепостей - формой ведения войны, для которой, со времени упадка военного искусства в Турции, терпение и воздержанность расы лучше всего подходили им. Ибраила и Силистрия на Дунае, Варна и Шумла по соседству с Балканами были их главными опорными пунктами; из них Ибраила был сразу же осажден значительными силами, в то время как Силистрия находилась под наблюдением слабого контингента, и авангард русской армии продвигался через Добруджу к Черному морю, где, захватив небольшие прибрежные города, он рассчитывал вступить в сообщение с флотом. Первые несколько недель кампании были отмечены значительными

успехами. Ибраила капитулировал 18 июня, и военные посты в Добрудже один за другим переходили в руки захватчиков, которые не встретили эффективного сопротивления в этом районе. Но их серьезная работа только начиналась. Русская армия, несмотря на свою слабость, была разделена на три части, занятые раздельно перед Силистрией, Шумлой и Варной. В Шумле была сосредоточена основная масса турецкой армии под командованием Омера Бриониса. Силы, привлеченные против нее захватчиком, были недостаточны для выполнения поставленной задачи, и попытки, которые были предприняты, чтобы выманить турецкую армию из ее укрепленного лагеря в открытое поле, оказались безуспешными. Трудности осады оказались настолько велики, что Витгенштейн через некоторое время предложил отказаться от наступательных операций на этом этапе и оставить противнику всего лишь наблюдательный корпус до тех пор, пока Варна не падет. Это, однако, было запрещено царем. По мере того как русские изнемогали под Шумлой от болезней и усталости, турки набирались сил, и 24 сентября Омер вырвался из своих окопов и двинулся на восток, на помощь Варне. Николай снова взял верх над своими генералами и приказал своему двоюродному брату, принцу Евгению Вюртембергскому, атаковать наступающих османов теми войсками, которые тогда фактически были в его распоряжении. Юджин сделал это и потерпел тяжелое поражение. Энергичное наступление турок, вероятно, положило бы конец кампании, но Омер сдержался в критический момент, и 10 октября Варна капитулировала. Это, однако, было единственное завоевание, совершенное русскими. Сезон был слишком далеко продвинулся, чтобы они могли либо пересечь Балканы, либо продолжить операции против не захваченных крепостей. Шумла и Силистрия остались в руках их защитников, и русские, понеся огромные потери пропорционально малочисленности, отступили к Варне и Дунаю, чтобы возобновить кампанию весной следующего года. ^[378]

[Кампания 1829 г.]

Неожиданная неудача царского оружия подняла настроение турок и их европейских друзей. Меттерних возобновил свои попытки сформировать коалицию и соблазнял французских министров перспективой возвращения Рейнских провинций, но тщетно. Султан начал переговоры, но прервал их, когда обнаружил, что события кампании не повлияли на тон противника. Фактически на карту был поставлен престиж России, и Николай, вероятно, скорее вступил бы в войну с Австрией и Турцией вместе взятыми, чем заключил бы мир, не восстановив сильно пошатнувшуюся репутацию своих войск. Таким образом, зима была потрачена на подвоз отдаленных запасов. Витгенштейн был отстранен от командования; царь отказался от военных операций, в которых он не причинил ничего, кроме вреда; и Дибич, пруссак по происхождению и образованию, был поставлен во главе армии, не стесненный присутствием монарха или советами, которые мешали его предшественнику. Намерение нового командующего состояло в том, чтобы пересечь Балканы, как только Силистрия должна была пасть, не дожидаясь взятия Шумлы. В соответствии с этим планом флот был отправлен ранней весной 1829 года для захвата порта за горным хребтом. Затем Дибич разместил корпус перед Силистрией и начал приготовления к маршу на юг; но прежде чем был достигнут какой-либо прогресс в осаде, турки сами выступили в поход. Решид-паша, ныне великий визирь, двинулся на восток от Шумлы в начале мая против слабого русского контингента, который все еще находился на зимних квартирах между этим местом и Варной. Превосходство его сил сулило ему легкую победу; но после того, как он добился нескольких незначительных успехов и продвинулся на значительное расстояние от своей крепости, он позволил сдерживать себя до тех пор, пока Дибич с дунайской армией не был готов ударить ему в тыл. Ошибки турок

поставили русского командующего, который поспешил через Болгарию, услышав об опасности, грозящей его коллеге, перед выбором: уничтожить их армию или захватить Шумлу путем *государственного переворота*. Дибич решил атаковать своего врага в открытом поле, и 10 июня армия Решида, пытавшаяся вернуть себе дороги на Шумлу, была разгромлена при Кулевче. Две недели спустя Силистрия сдалась, и Дибич, подкрепленный войсками, осаждавшими эту крепость, теперь смог начать свой марш через Балканы.

[Переход через Балканы, июль 1829 г.]

Слухи увеличили до сотен тысяч немногочисленные колонны, которые впервые пронесли русский флаг над Балканским хребтом. Соппротивление повсюду рухнуло. Горы были преодолены без труда, и 19 августа захватчики появились перед Адрианополем, который немедленно сдался. Напустив на себя самый дерзкий вид, чтобы скрыть свою настоящую слабость, Дибич теперь наносил удары направо и налево и посылал отряды как на Эвксинский, так и на Эгейское побережье. Флот сотрудничал с ним, и порты Черного моря, почти до самого Босфора на юге, попали в руки захватчиков. Центр армии начал наступление на Константинополь. Если бы султан знал реальную численность войск, угрожавших его столице, - сил, не превышавших двадцати тысяч человек, - он, вероятно, осознал бы, что положение противника было более опасным, чем его собственное. Дибич продвинулся в самое сердце вражеской страны всего с горсткой людей. Болезни ежедневно редели в его рядах; его войска были рассеяны на обширной территории от моря до моря, а воинственные племена Албании угрожали напасть на его коммуникации с запада. На мгновение султан заговорил о сражении у стен Константинополя; но страх перед восстанием в его собственной столице, раскрытие заговоров и бедствия, понесенные его войсками в Азии, где Карс и Эрзерум перешли в руки врага, вскоре побудили его сделать попытку заключить мир и принять умеренные условия, которые русское правительство, сознавая свои собственные трудности, было готово предоставить. Со стороны царя было бы безумием возбуждать растущую подозрительность Англии и подстрекать Австрию к нападению, затягивая военные действия; и хотя король Карл X и французский кабинет министров, возвращаясь к идеям Тильзита, предложили раздел Османской империи и общую переделку карты Европы, которая отдала бы Бельгии и Пфальц Франции, план был разработан слишком поздно, чтобы произвести какой-либо эффект. ^[379] Россия могла все потерять и ничего не приобрести в европейской войне. Она привела Турцию к покорности и вполне могла надеяться сохранить свое господство в Константинополе в ближайшие годы, не производя никаких крупных территориальных изменений, которые дали бы ее соперникам предлог для вмешательства от имени султана. Под видом великодушной снисходительности царь выпутался из опасного положения с честью и преимуществом. Было завоевано столько, сколько можно было сохранить без риска, и 14 сентября в Адрианополе был заключен мир.

[Адрианопольский мирный договор, 14 сентября 1829 г.]

Адрианопольский мирный договор дал России небольшое увеличение территории в Азии, включив в состав царских владений порты Анапа и Поти на восточном побережье Черного моря; но его наиболее важными положениями были те, которые подтверждали и расширяли протекторат, осуществляемый царем над Дунайскими княжествами, и гарантировали торговые права российских подданных на всей территории Османской империи как на суше, так и на море. Чтобы более эффективно исключить влияние султана в Валахии и Молдавии, должность

господаря, которая до сих пор сохранялась в течение семи лет, теперь была назначена пожизненно, и султан специально обязался не допускать вмешательства соседних с ним пашей в дела этих провинций. Турки не должны были удерживать ни одного укрепленного пункта на левом берегу Дуная; ни одному мусульманину не должно было быть позволено проживать в пределах княжеств; а те, кто владел там земельными владениями, должны были продать их в течение восемнадцати месяцев. Порта обязалась никогда больше не задерживать российские торговые суда, идущие из Черного моря, и признала, что такой акт был бы равнозначен нарушению международных договоров, оправдывающих применение Россией репрессий. Константинопольский пролив и Дарданеллы были объявлены свободными и открытыми для торговых судов всех держав, находящихся в мире с Портой, на тех же условиях, которые были предусмотрены для судов под российским флагом. Такая же свобода торговли и судоходства была признана в пределах Черного моря. Все договоры и конвенции, ранее заключенные между Турцией и Россией, были признаны действующими, за исключением тех изменений, которые были внесены настоящим соглашением. Порта также присоединилась к Лондонскому мирному договору, касающемуся Греции, и к Акту, заключенному союзными державами в марте 1829 года для регулирования греческой границы. Было объявлено, что России причитается денежная контрибуция; и поскольку сумма ее должна была быть установлена по взаимному соглашению, у русского правительства все еще оставались открытыми средства для оказания мягкого давления на Константинополь или для вознаграждения покорности побежденных. ^[380]

[Каподистрия избран президентом Греции в апреле 1827 г.]

Война между Турцией и Россией, хотя она и оставила европейскую границу между воюющими сторонами неизменной, оказала двоякое влияние на урегулирование в Греции. С одной стороны, возбудив страхи и подозрения Великобритании, это побудило правительство нашей собственной страны во главе с герцогом Веллингтоном настаивать на ограничении греческого государства как можно более узкой территорией; ^[381] с другой стороны, доведя саму Турцию почти до состояния зависимости от России, это привело к отказу от желания поддерживать Господство султана в любой форме над освобожденными провинциями и привело к созданию абсолютно независимого греческого королевства. Важная перемена произошла в самой Греции как раз в то время, когда союзные державы решились на интервенцию. Роли местных лидеров были разыграны, и в апреле 1827 года Каподистрия, бывший министр России, был избран президентом на семь лет. Каподистрия принял вызов. В то время он находился, как и на протяжении всего восстания, вдали от Греции; и прежде чем отправиться туда, он посетил главные дворы Европы с целью выяснить, какую моральную или финансовую поддержку он, вероятно, получит от них. Его беседа с царем Николаем привела к четкому изложению этим государем условий, которые, как он ожидал, выполнит Каподистрия в обмен на продолжающуюся дружбу с Россией. Греция должна была быть спасена от революции: другими словами, народное правление должно было быть заменено личным. Государство должно было оставаться данником султана, то есть и в Греции, и в Турции двери должны были оставаться открытыми для вмешательства России. Было ли у Каподистрии какое-либо намерение выполнить последнее условие, сомнительно. Его любовь к Греции и его личные амбиции помешали его уважению к России, каким бы сильным оно ни было, превратить его в простое орудие Санкт-Петербургского двора; и хотя внешне он соглашался с решением царя о том, что Греция должна оставаться государством-данником, он, вероятно, с самого начала решил стремиться к установлению ее полной независимости. Что касается требования царя о замене системы местного самоуправления в самой Греции системой автократического правления,

Каподистрия был согласен со своим покровителем. Он сам был министром централизованного деспотизма. Его опыт был полностью опытом чиновника абсолютного монарха; и хотя Каподистрия представлял более либеральные тенденции русского двора, когда речь шла о споре с Меттернихом по поводу полного или частичного восстановления деспотического правления в Италии, он не был по-настоящему знаком с действиями свободных институтов и не испытывал реальной симпатии к ним и вращался в том же кругу идей, что и автократические реформаторы восемнадцатого века, к которым принадлежал Иосиф II.. был таким типом. ^[382]

[Протоколы от ноября 1828 г. и марта 1829 г.]

Турки все еще были хозяевами Мореи, когда Каподистрия достиг Греции. Битва при Наварино не заставила Ибрагима ослабить контроль над крепостями, и союзники сочли необходимым послать французский армейский корпус, чтобы выбить его с занимаемых позиций. Этот экспедиционный корпус под командованием генерала Мезона высадился в Греции летом 1828 года, и Ибрагим, не желая сражаться до победного конца, удовлетворился тем, что сжег Триполицу дотла и засыпал ее солью, а затем отступил. К этому времени началась война между Турцией и Россией. Каподистрия помогал русскому флоту в блокаде Дарданелл и тем самым заслужил явное недоброжелательство британского правительства. На конференции, проведенной в Лондоне представителями Франции, Англии и России в ноябре 1828 года, было решено, что операции союзников должны быть ограничены Мореей и островами. Каподистрия, вследствие этого решения, принял самые энергичные меры для продолжения войны против Турции. То, что союзники отказались гарантировать, должно было быть завоевано силой оружия; и зимой 1829 года, когда Россия наступала на Турцию с Дуная, Каподистрия преуспел в отвоевании Миссолонги и всей территории непосредственно к северу от Коринфского залива. Порта, продолжая свое сопротивление после ноябрьской конференции, как обычно, сыграла на руку своему врагу. Переговоры в Лондоне были возобновлены в духе, несколько более благоприятном для Греции, и 22 марта 1829 года был подписан Протокол, расширяющий северную границу Греции до линии, проведенной от залива Арта до залива Воло. Греция, согласно этому Протоколу, все еще должна была оставаться под сюзеренитетом султана: ее правителем должен был быть наследственный принц, принадлежащий к одной из правящих европейских семей, но не к какому-либо из трех союзных дворов. ^[383]

[Леопольд принимает греческую корону, февраль 1830 г.]

Теперь Порте было предложено посредничество Великобритании на изложенных таким образом условиях, и в четырнадцатый раз ее посредничество было отклонено. Но конец был близок. Дибич пересек Балканы, и напрасно султан тогда предложил условия, которые он разведал в ноябре. Адрианопольский мирный договор привел в исполнение решения Мартовского протокола. Греция избежала ограничения своей границы, которое оставило бы и Афины, и Миссолонги турецкой территорией. Был установлен принцип приема провинций к северу от Коринфского залива в состав Греческого государства, и друзьям Порты ничего не оставалось, как сократить до максимально узкой области округ, который был в общих чертах обозначен в Лондонском протоколе. В то время как Россия, удовлетворенная собственными успехами против Османской империи и стремившаяся играть роль покровительницы побежденных, перестала интересоваться Грецией, правительство Великобритании оспаривало каждый дюйм территории, которую предлагалось уступить новому государству, и в конце концов вынудило Державы согласовать линию границы, которая даже на словах не

соответствовала условиям договора. Северная Акарнания и часть Этолии были отделены от Греции, и граница была проведена от устья реки Ахелой до места близ Фермопил. С другой стороны, поскольку российское влияние теперь, по-видимому, прочно установилось и, вероятно, останется первостепенным в Константинополе, у западных держав не было мотива поддерживать господство султана над Грецией. Соответственно, от этого по общему согласию отказались; и Греческое королевство, ограниченное в ужасно узких пределах на материке и не включающее ни Крит, ни Самос в число своих островов, в конечном счете было предоставлено с полным суверенитетом принцу Леопольду Саксен-Кобургскому, вдовцу Шарлотты, дочери Георга IV. После некоторых переговоров, в ходе которых Леопольд тщетно просил о лучшей границе, он принял греческую корону 11 февраля 1830 года.

[Правительство Каподистрии.]

Тем временем Каподистрия упорно боролся за то, чтобы управлять и организовать в соответствии со своими собственными концепциями страну, в которой все элементы анархии, разрухи и неразберихи, казалось, были направлены против восстановления цивилизованной жизни. Страна была опустошена, обезлюдена, а в некоторых местах полностью превратилась в варварство. Считалось, что из населения, насчитывавшего немногим более миллиона человек, во время конфликта с турками погибло триста тысяч. Вся структуру политического и социального порядка пришлось возводить заново; и какой бы трудной ни была эта задача для мудрейшего правителя, она значительно усложнялась из-за конфликта между собственным идеалом Каподистрии и характером людей, среди которых ему приходилось работать. Общинное или местное самоуправление лежало в основе греческой национальности. Во многих различных формах этот крайний провинциализм сохранялся неизменным вплоть до конца войны, несмотря на национальные собрания и национальные вооружения. Судовладельцы-гидриоты, Первосвященники Мореи, лидеры партизан севера - у каждого был свой образ жизни и система институтов, столь же отличных друг от друга, как диалекты, на которых они говорили, или святые, которых они почитали в своих местных святилищах. Будучи в некоторых отношениях антагонистичной национальному единству, эта энергичная местная жизнь, тем не менее, была источником национальной энергии, пока Греции еще предстояло завоевать независимость; и теперь, когда национальная независимость была завоевана, ее вполне можно было бы сделать основой популярной и эффективной системы самоуправления. Но для Каподистрии, как и для великих людей того времени, единство государства означало единообразие всех его частей; и, закрыв глаза на все препятствия на своем пути, он поставил перед собой задачу создать административную систему, столь же строго централизованную, как та, которую Франция получила от Наполеона. Сознывая свое собственное интеллектуальное превосходство над соотечественниками, сознавая собственную честность и то, что он пожертвовал всем своим личным богатством на службе своей стране, он безмерно выражал презрение к флибустьерам и казнокрадам, которых, по его мнению, составлял греческий официальный мир, и он действовал и говорил так, как будто в буквальном смысле этих слов все, кто когда-либо приходил к нему, были ворами и разбойниками. Крестьяне материка, которые пострадали от клефтов и приматов едва ли меньше, чем от турок, приветствовали уравнилительный деспотизм Каподистрии, и до конца его имя было популярно среди них; но среди классов, которые поставили лидеров в долгой борьбе за независимость, и особенно среди судовладельцев архипелага, которые чувствовали презрение, выраженное Каподистрией за их семилетние попытки быть вопиюще несправедливыми, возник дух оппозиции, который вскоре показал, что Каподистрии понадобятся инструменты получше тех, что были у него

вокруг. он должен выполнить свою задачу по преобразованию Греции.

[Леопольд отказывается от короны, май 1830 г.]

Именно в разгар этого растущего антагонизма до Каподистрии дошла весть о том, что Леопольд Саксен-Кобургский назначен королем Греции. Принятое Державами в марте 1829 года решение о том, что суверен Греции должен принадлежать к какому-либо правящему дому, возможно, не полностью разрушило надежды Каподистрии на то, что он сам может стать принцем или господаром Греции. На пути к занятию трона были трудности, и эти трудности после назначения Леопольда Каподистрия, конечно, не стремилась уменьшить. Его тонкость, его владение косвенными методами достижения цели были настолько велики и настолько привычны для него, что у него было мало шансов предпринять какой-либо открытый шаг, чтобы предотвратить восшествие Леопольда на престол; однако, по-видимому, есть свидетельства того, что он подавил признаки согласия, которые греки пытались предложить Леопольду; и серия писем, написанных им этому принцу, вероятно, была предназначена, хотя и самым осторожным языком, создать у Леопольда впечатление, что задача, которая его ожидала, была безнадежной. Сам Леопольд в то самое время, когда он принимал корону, колебался в своей цели. Он с совершенной ясностью видел, что территория, предоставленная греческому государству, была слишком мала, чтобы обеспечить ни его мир, ни его независимость. Отделение Акарнании от Северной Этолии означало оставление наиболее энергичной части греческого населения внутренних районов и вероятное состояние непрекращающейся войны на северной границе; отказ от Крита означал, что Греция, какой бы обанкротившейся она ни была, должна содержать военно-морской флот для защиты южного побережья Мореи от турецкого нападения. Леопольд настаивал на этих соображениях перед тем, как принять корону, и на данный момент его заставили отказаться от них. Но он так и не согласился полностью с навязанными ему порядками: несколько месяцев он пребывал в нерешительности; и, наконец, независимо от того, привели ли его к этому решению письма Каподистрии или какие-то другие влияния, он объявил условия, на которых был призван править Грецией, невыносимыми, и отрекся от короны (май 1830 г.). ^[384]

[Правительство и смерть Каподистрии.]

Таким образом, Каподистрия оказался избавленным от своего соперника и снова лицом к лицу с задачей, к которой его призывали долг или честолюбие. Кандидатура Леопольда обострила отношения между Каподистрией и всеми, кто противостоял ему в Греции, поскольку это дало ему возможность измерить их враждебное отношение к себе по пылкости их обращения к этому неизвестному иностранцу. Темная тень пала на его правительство. По мере того, как трудности нарастали, а сопротивление повсюду становилось все более решительным, президент проявил себя более жестким и менее щепетильным в выборе средств. Люди, окружавшие его, не заслуживали доверия; чтобы сокрушить их, он заполнил правительственные посты своими родственниками и единомышленниками, которые были одновременно тираническими и неспособными. Пресеченный и сдержанный, он встретил противодействие тюремным заключением и мерами насилия, приостановил деятельность судов и ввел шпионаж и полицейскую систему Санкт-Петербурга. Наконец вспыхнуло вооруженное восстание, и в то время как Миаулис, адмирал-гидриот, взорвал лучшие корабли греческого военно-морского флота, чтобы не допустить их попадания в руки президента, дикий район Майна, который никогда не принимал турецких сборщиков налогов, отказался платить налоги греческому

государству. Восстание было быстро подавлено Каподистрией, и несколько членов семьи Мавромихалис, включая вождя Петробея, бывшего феодального правителя Майны, были арестованы. Более того, Каподистрия нанес этому поверженному врагу какое-то личное оскорбление, воображаемое или реальное, после того как престарелая мать Петробеи, потерявшая шестьдесят четыре родственника в войне с турками, умоляла освободить его. Вендетта майны была возбуждена. Сын и племянник Петробея подстерегли президента, и когда он вошел в церковь Святого Спиридиона в Науплии 9 октября 1831 года, пистолетный выстрел и удар ятагана уложили его замертво на землю. Его предупредили, что за его жизнью охотятся, но он отказался что-либо менять в своих привычках или позволить охранять себя.

[Отон, король Греции, 1 февраля 1833 г.]

Смерть Каподистрии вызвала сочувствие и сожаление, которые в значительной степени заставили замолчать критику в адрес его правительства и которые сделали его имя одним из самых почитаемых греческим народом. Его падение погрузило страну в анархию. Его брат Августин предпринял попытку сохранить автократическую власть, но результатом стали всеобщие разногласия и вмешательство иностранцев. Наконец державы объединились в поисках второго суверена для Греции и положили конец утомительной сцене беспорядков. Принц Отон Баварский был отправлен править в Афины, и вместе с ним прибыла группа баварских чиновников, которым европейские дворы убедили себя, что будущее Греции может быть безопасно доверено. Новому правителю была предоставлена граница, несколько лучшая, чем та, которая была предложена Леопольду, но ни Крит, ни Фессалия, ни Эпир не были включены в состав его королевства. Таким образом, зажатая в невыносимо узких рамках, обремененная расходами независимого государства, в равной степени неспособная удовлетворить потребности своей национальной казны и исключить интриги иностранных дворов, Греция предложила следующему поколению мало того, что оправдывало надежды, возлагавшиеся на ее будущее. Но вера человечества в бодрящую силу национальной независимости не совсем тщетна, и даже в самых неблагоприятных условиях усилия освобожденного народа не смогут вызвать надежду и зависть у тех ветвей его расы, которые все еще остаются в подчинении. Каким бы бедным и бесславным ни было греческое королевство, оно возбуждало беспокойные желания не только греков, находившихся в турецком рабстве, но и процветающих Ионических островов, находившихся под английским правлением; и в 1864 году первый шаг в расширении греческого королевства был сделан путем передачи этих островов от Великобритании Греции. В наши дни Греция еще больше укрепилась и обогатилась благодаря аннексии Фессалии. Коммерческое и образовательное развитие королевства сейчас столь же интенсивно, как и любого государства в Европе: в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности оно по-прежнему сильно отстает. Следуя примеру Кавура и государственных деятелей Сардинии, которые не считали слишком большими затраты на подготовку к объединению Италии, правители Греции обременяют национальные финансы поддержкой армии и флота, чрезмерной как по сравнению с ресурсами, так и с нынешними потребностями государства. Идеалу великого политического будущего был в значительной степени принесен в жертву материальный прогресс страны. Получит ли Греция при пересмотре границ, которое должно последовать за постепенным вытеснением турок из Восточной Европы, преимущества в расходах, пропорциональные тому несомненному злу, с которым она столкнулась, может решить только будущее.

ГЛАВА XVI.

Франция до 1830 года -Правление Карла X.-Министерство Мартиньяка-Министерство Полиньяка-Герцог Орлеанский-Война в Алжире-Июльские указы- Июльская революция-Король Луи Филипп-Природа и последствия июльской революции-Дела в Бельгии-Бельгийская революция-Великие державы-Интервенция и создание Королевства Бельгия-Дела Польши-Восстание в Варшаве-Война между Россией и Польшей-Свержение поляков: конец польской конституции-Дела Италии- Восстание в Папской области-Франция и Австрия-Австрийская интервенция-Анкона, оккупированная французами-Дела Германии-Пруссия; Цольферайн-Брауншвейг, Ганновер, Саксония-Пфальц-Реакция в Германии-Изгнанники в Швейцарии; Вторжение в Савойю-Рассеяние изгнанников-Франция при Луи Филиппе: последовательные восстания-Период парламентской деятельности-Англия после 1830 года: Законопроект о реформе.

Когда Венский конгресс перекроил карту Европы после падения Наполеона, лорд Каслри выразил мнение, что ни один благоразумный государственный деятель не стал бы прогнозировать продолжительность более семи лет для любого урегулирования, которое могло бы быть тогда достигнуто. По истечении вдвое более длительного периода Договоры 1815 года все еще оставались публичным правом Европы. Могила над Наполеоном мирно закрылась; революционные силы Франции не подавали никаких признаков возвращения к жизни. По мере того как монархия Бурбонов пускала корни, а элементы оппозиции с каждым днем слабели во Франции, опасности, которые в последнее время переполняли все умы, казалось, устарели, и та самая Сила, против которой были направлены антиреволюционные договоры 1815 года, заняла свое место, как естественное право, на стороне Австрии и России в борьбе против революции. Нападение Людовика XVIII на испанских конституционалистов ознаменовало полное примирение Франции с континентальными династиями, объединившимися против нее в 1815 году; и с этого времени Шомон-ский и Экс-ла-Шапельский мирные договоры, хотя их положения, возможно, все еще оставались неоспоримыми, перестали отражать фактические отношения, существующие между державами. Морального союза Дворов против предполагаемого французского революционного государства больше не существовало; напротив, когда дела на Востоке достигли своего кризиса, Россия отделилась от своего союзника Габсбургов и определенно вступила в союз с Францией. Если после Адрианопольского мира какая-либо держава и оказалась в изоляции, то это была Австрия; и если Европе угрожала возобновленная агрессия, то не под руководством революционных

лидеров и не под революционными лозунгами, а в результате союза между Карлом X и российским царем. После того как Кабинет Бурбонов решил добиваться расширения французской территории, принося в жертву баланс сил на Востоке, Европа вряд ли могла ожидать, что Санкт-Петербургский двор долго будет отвергать предлагаемые ему преимущества. Границы 1815 года, казалось, могли быть стерты с лица земли в результате предприятия, которое привело бы Россию к Дунаю, а Францию - к Рейну. От этой опасности поселение 1815 года было спасено ходом событий, происходивших внутри самой Франции. Революция 1830 года, незначительная по своим непосредственным последствиям для французского народа, в значительной степени повлияла на правительства и нации Европы; и хотя в определенных узких пределах она дала толчок конституционным свободам, ее более общим результатом стало возрождение союза трех Восточных дворов, распавшегося в 1826 году, и воссоединение основных членов Священного союза на основе чувства общности интересов против либерализма Запада.

[Правительство Карла X., 1824-1827 гг.]

В лице Карла X. реакция и клерикализм взошли на французский престол. Министр Виллель, пришедший к власти в 1820 году как представитель ультрароялистов, действительно набрался мудрости за время пребывания у власти и вплоть до смерти Людовика XVIII. в 1824 году он держал в узде наиболее агрессивную часть своей партии. Но теперь он сохранил свой пост только ценой согласия с Судом и присвоил авторитет своего имени мерам, которые его собственное решение осудило. Характерным для Карла X и окружающих его реакционеров было то, что из-за пустяков они вызывали большее раздражение, чем благоразумное правительство вызвало бы переменами бесконечно большей важности. Так, в законе о святотатстве, который был введен в 1825 году, они вызвали отвращение у всех разумных людей, попытавшись возродить варварское средневековое наказание в виде ампутации руки; и в какой-то мере предоставив некоторые частичные права старшему сыну в случае отсутствия завещания, они встревожили всю нацию преамбулой, объявляющей французский принцип равного раздела наследства несовместимым с монархией. Закон, исходящий от правительства, которое, таким образом, уже утратило общественное доверие, о предоставлении эмигрантам компенсации в размере 40 000 000 фунтов стерлингов за их поместья, конфискованные во время революции, вызвал сильнейшую оппозицию, хотя, помимо вопросов справедливости, он принес пользу нации, навсегда сняв все сомнения относительно титула владельцев конфискованных земель. Финансовые операции, посредством которых для обеспечения огромной суммы, выделенной эмигрантам, национальный долг был преобразован из пятипроцентного в трехпроцентный, привели к отчуждению всех акционеров и особенно могущественных банкиров Парижа. Но больше, чем какой-либо отдельный законодательный акт, союз правительства со священническим орденом и поощрение им монашеских корпораций, существование которых во Франции противоречило закону, оскорбили нацию. Обвинение иезуитам было предъявлено в суде Монлозье, который сам был роялистом и представителем старой знати. Между церковниками и их оппонентами разгорелся ожесточенный спор, в котором не обошлось без суда. Правительство, которое недавно отменило закон о цензуре, теперь восстановило его указом. Пик его непопулярности был достигнут; его влияние на Палату исчезло, и те самые меры, с помощью которых Виллель, находясь на пике своего могущества, пытался придать постоянство своему управлению, привели к его краху. Он отменил систему частичного обновления, при которой ежегодно возвращалась пятая часть Палаты депутатов, и заменил ее английской системой семилетних

парламентов со всеобщими выборами. В 1827 году король Чарльз, полагая, что его министры сильнее в стране, чем в Палате представителей, воспользовался своей прерогативой роспуска. Результатом стало полное поражение правительства и возвращение собрания, в котором либеральная оппозиция превосходила сторонников двора численностью три к одному. Теперь министерство Виллеля ушло в отставку. Король Карл, не желая выбирать своего преемника из числа парламентского большинства, на мгновение задумался о насильственном сопротивлении, но впоследствии воспользовался другими советами и, не имея искреннего намерения подчиняться национальной воле, призвал к власти виконта де Мартиньяка, члена правого центра и представителя политики примирения и умеренных реформ (2 января 1828 г.).

[Министерство Мартиньяка, 1828-29 гг.]

[Министр Полиньяк, 9 августа 1829 г.]

Не по вине этого министра был упущен последний шанс на союз между французской нацией и старшей линией Бурбонов. Мартиньяк выдвинул меру децентрализации, наделяющую местные власти полномочиями, которые, хотя и были ограниченными, были больше, чем они обладали когда-либо с момента основания Консульства; и он обратился к либеральным секциям Палаты с просьбой помочь ему добиться предоставления самоуправления, которое Франция вполне могла бы принять с удовлетворением. Но дух оппозиции внутри Собрания был слишком силен для коалиции умеренных людей, и либералы сделали невозможным успех плана Мартиньяка, настаивая на уступках, на которые министр не смог пойти. Реакционеры были готовы объединиться со своими противниками. Сам король Карл находился в тайном антагонизме к своему министру и со злобной радостью наблюдал за его неспособностью контролировать большинство в Палате. Вместо того чтобы направить все свое влияние на сторону Мартиньяка и объединить все сомнительные силы явной поддержкой короны, он приветствовал поражение Мартиньяка как доказательство бесполезности всех уступок и отстранил министра от должности, заявив, что ход событий подтвердил его собственное убеждение в невозможности правления в согласии с парламентом. Имена министров, которые теперь были призваны к власти, вызвали тревогу не только во Франции, но и во всех политических кругах Европы. Это были имена людей, известных как самые жестокие и озлобленные сторонники реакции; людей, чье присутствие в советах короля не могло означать ничего, кроме прямой атаки на существующую парламентскую систему Франции. Во главе был Жюль Полиньяк, тогдашний посол Франции в Лондоне, человек, наполовину помешанный на религиозных заблуждениях, который подвергся длительному тюремному заключению за участие в попытке Кадудаль убить Наполеона, а по возвращении во Францию в 1814 году отказался присягнуть Хартии, поскольку она предоставляла свободу вероисповедания некаатоликам. Среди подчиненных министерства были генерал Бурмон, перешедший на сторону англичан при Ватерлоо, и Ла Бурдонне, лидер реакционных террористов в 1816 году. ^[385]

[Перспективы в 1830 году. Орлеанисты.]

Поскольку министерство было назначено сразу после закрытия сессии 1829 года, прошло несколько месяцев, прежде чем они предстали перед Палатами. В течение этого промежутка времени перспектива конфликта с короной стала привычной для общественного сознания, хотя общего впечатления о том, что фактическая смена династии близка, не существовало. У бонапартистов не было лидера, сын Наполеона, их естественный глава, находился во власти австрийского двора; республиканцы не были ни многочисленны, ни хорошо организованы, и

роковые воспоминания 1793 года все еще давили на нацию; большая часть тех, кто замышлял сопротивление королю Карлу X, рассчитывала только на парламентскую борьбу или, в крайнем случае, на отказ от уплаты налогов в случае нарушения Конституции. Существовала, однако, небольшая и ловкая группа политиков, которые, находясь вдали от всех старых партий, строили планы по низложению правящей ветви дома Бурбонов и возведению на трон Луи Филиппа, герцога Орлеанского. Главным фигурантом этой интриги был Талейран. Пренебрегаемый Двором, старый дипломат высматривал признаки падения правительства, и когда знакомые предзнаменования встретились его взору, он обратился к кварталу, из которого, скорее всего, должен был появиться его преемник. Луи Филипп пользовался большим авторитетом во всех кругах парламентских либералов. Его история была странной и богатой событиями. Он был сыном того Орлеанца, который, назвав себя Эгалитэ и проголосовав за смерть своего двоюродного брата Людовика XVI, сам погиб во время правления Террора. Молодой Луи Филипп был членом якобинского клуба и сражался за Республику при Жемаппе. Затем, изгнанный и доведенный до нищеты, он зарабатывал себе на хлеб преподаванием математики в Швейцарии и был скитальцем как в новом, так и в старом свете. Через некоторое время его судьба прояснилась. Брак с дочерью Фердинанда Сицилийского восстановил ему те отношения с правящими домами Европы, которых лишился его отец, и вселил в него надежду получить корону. Во время вторжения Наполеона в Испанию он вступил в сговор с политиками этой страны, которые были склонны принять замену своему отсутствующему суверену; в другое время он лелеял надежду стать королем Ионических островов. После Парижского мира, когда союзные монархи и их министры посетили Англию, Луи Филипп был послан своим тестем, чтобы интриговать среди них против Мюрата, и для достижения этой цели он познакомился не только со всеми иностранными государственными деятелями, находившимися в то время в Лондоне, но и с каждым ведущим английским политиком. Впоследствии он поселился во Франции и был восстановлен в обширных владениях Орлеанского дома, которые, хотя и были конфискованы, по большей части не были проданы во время революции. Его положение в Париже при Людовике XVIII. а Карл X был человеком необычным. Не принимая никакого прямого участия в политике и не вступая в какую-либо открытую оппозицию двору, он превратил свой дом, Пале-Рояль, в место сбора всего самого выдающегося в новом политическом и литературном обществе столицы; и в то время как Тюильри демонстрировал помпезность и церемонность старого режима, герцог Орлеанский передвигался с фамильярностью гражданина среди граждан. Он был умным, готовым, рассудительным человеком, способным, как казалось, справиться с любой практической задачей, которая могла встать у него на пути, но на самом деле лишенным какого-либо глубокого понимания, каких-либо далеко идущих устремлений, какой-либо глубокой убежденности. Его напускная прямолинейная добродушность представителя среднего класса прикрывала решительную склонность к интригам и сильную любовь к личной власти. Более поздние события действительно породили мнение, что, заявляя о преданности Карлу X, Луи Филипп замышлял свергнуть его с трона; но свидетельства на самом деле указывают в другую сторону и указывают на то, что, какие бы тайные надежды ни возлагались на герцога, его самым сильным чувством во время революции 1830 года был страх быть самому изгнанным и потерять свои владения. На самом деле он не был рыцарем по натуре, но когда на его пути встала Корона, он не совершил ничего худшего, чем несколько жалких уклонений от обещаний.

[Заседание и отсрочка заседаний палат, март 1830 г.]

В начале марта 1830 года французские палаты собрались после перерыва. Речь короля Карла на

открытии сессии была решительной и даже угрожающей. В ответ на это было обращение из Нижней палаты с просьбой отправить в отставку своих министров. Депутация, представившая это обращение, была принята королем в стиле, не оставлявшем сомнений относительно его намерений, и на следующий день заседание Палаты было отложено на шесть месяцев. Было известно, что им не разрешат встретиться снова, и обе партии сразу же с максимальной энергией начали подготовку к возобновлению всеобщих выборов по всей Франции. Двор безжалостно применял все средства давления, знакомые французским правительствам; более того, он рассчитывал повлиять на общественное мнение каким-нибудь поразительным успехом в вооружении или дипломатии за границей. Переговоры с Россией о приобретении Бельгии все еще находились на рассмотрении Кабинета министров, а ссора с деем Алжира дала Полиньяку возможность начать завоевательную войну в Африке. Генерал Бурмон покинул Военное министерство, чтобы стереть позор, все еще связывающий его имя, с помощью кампании против арабов; и правительство верило, что даже в случае поражения на выборах нация в целом в самый критический момент встанет на его сторону объявлением о взятии Алжира.

[Проект Полиньяка.]

В то время как приближался роспуск парламента, Полиньяк представил королю мемориал, выражающий его собственное мнение о путях, открытых для правительства в случае, если выборы окажутся неблагоприятными. Хартия содержала пункт, который в расплывчатых и плохо подобранных выражениях объявлял функцией короля "издавать постановления, необходимые для исполнения законов и безопасности государства". Эти слова, которые, без сомнения, относились к осуществлению обычных и конституционных полномочий короля, были истолкованы Полиньяком как уполномочивающие короля приостановить действие самой Конституции, если Представительное собрание будет расходиться во мнениях с министрами короля. Полиньяк фактически придерживался того же взгляда на отношения между исполнительными и совещательными органами, что и те якобинские правители, которые совершили *государственный переворот* во Фруктидоре в 1797 году; и меры, которые он в конечном итоге принял, были, хотя и в смягченной форме, мерами, принятыми Баррасом и Ларевильером после выборов роялистов на шестом году Республики. Приостановление действия Конституции, по его мнению, не было нарушением Хартии, поскольку Хартия уполномочивала суверена издавать постановления, необходимые для безопасности государства; и кто, кроме суверена и его советников, мог судить об этой необходимости? Это было достаточно просто; тем не менее среди коллег Полиньяка были некоторые сомнения как в мудрости, так и в законности его планов. Король Карл, который, при всем своем фанатизме, стремился не нарушать букву Хартии, долго размышлял над пунктом, определявшим полномочия суверена. В конце концов он убедил себя, что интерпретация его министра была правильной, принял отставку несогласных в кабинете министров и одобрил курс, рекомендованный Полиньяком. ^[386]

[Выборы 1830 года.]

Результат всеобщих выборов, которые состоялись в июне, превзошел все надежды оппозиции и все опасения Суда. Весь состав депутатов, проголосовавших за отвратительное обращение к короне в марте, был возвращен, и сторонники правительства потеряли вдобавок пятьдесят мест. Кабинет министров, который до этого времени не определился с деталями своих действий, теперь обсудил несколько представленных ему проектов и, отвергнув все планы,

которые могли бы привести к компромиссу, решил объявить выборы недействительными, заставить замолчать прессу и заменить существующую избирательную систему такой, которая обеспечила бы господство правительства как в кабинках для голосования, так и в самой Палате. Все это должно было быть сделано королевским указом и до заседания нового парламента. Дата, назначенная для открытия Палаты, была перенесена как можно позже, чтобы дать время генералу Бурмону одержать победу в Африке, от которой Двор ожидал получить столь богатый урожай престижа. 9 июля пришло известие, что Алжир пал. Объявление, которое повсюду делалось с предельной помпой, не произвело впечатления на всю страну. Конфликт между двором и нацией поглотил все умы, и восторженные поздравления епископов и префектов едва ли ввели в заблуждение даже слепых *жителей Котэрии* из Тюильри. Общественное мнение, без сомнения, было на стороне Оппозиции; король Карл, однако, не верил, что население Парижа, которого одного следовало опасаться как воюющей силы, возьмет в руки оружие от имени избирателей среднего класса и журналистов, против которых должны были быть направлены его Указы. Население не читало и не голосовало: зачем ему беспокоиться о конституционном праве? Или почему в вопросе, который касается только короля и буржуазии, она не должна быть на стороне короля против этой новой и незаконнорожденной аристократии, живущей чужим трудом? Политики, которые не умели сражаться, доставляли неприятности только тогда, когда им разрешали говорить и писать. По приказу короля было достаточно сил, чтобы закрыть ворота Палаты депутатов и сломать печатные станки журналов; и если король Людовик XVI... в конце концов он пал от рук жестоких людей только потому, что поначалу пошел на уступки ораторам и политикам. Поэтому, не предполагая, что непосредственным результатом их действий станет вооруженная борьба, король Карл и Полиньяк решили предотвратить заседание Палаты и опубликовать за неделю до назначенной даты его открытия Эдикты, которые должны были положить конец междоусобицам и утвердить монархическое правление во Франции.

[Постановления, 26 июля 1830 г.]

Соответственно, 26 июля в *Moniteur* появилась серия Постановлений, подписанных королем и встречных министрами. Первый Указ запрещал публикацию любого журнала без королевского разрешения; второй распускал Палату депутатов; третий повысил имущественный ценз избирателей, установил систему двойных выборов, изменил продолжительность работы парламентов и вновь ввел в действие устаревший пункт Хартии, ограничивающий инициативу во всех законодательных актах правительством. Другими Постановлениями была созвана Палата, которая должна была быть избрана по новым правилам, и в Государственный совет был вызван ряд самых известных ультрароялистов и фанатиков Франции. Взятые вместе, эти Постановления почти ничего не оставили от конституционной и парламентской системы того времени. Удар пришелся сначала по прессе, и первый шаг в сопротивлении был сделан журналистами Парижа, которые под руководством Янг Тьера, редактора *National*, опубликовали протест, в котором заявили, что они будут рассматривать Постановления как незаконные, и призвали Палаты и нацию присоединиться к этому сопротивлению. Какое-то время казалось, что журналисты останутся одни. Париж в целом оставался спокойным, и группа недавно избранных депутатов, к которым журналисты обратились как к представителям нации, оказались неспособными к каким-либо действиям или решениям вообще. Не от этих робких политиков, а от группы малоизвестных республиканцев исходил импульс, который сверг трон Бурбонов. Непредставленные в парламенте и непредставленные в прессе, было несколько активных людей, которые передали традиции 1792 года и которые, сочувствуя карбонариям и

другим заговорщикам за границей, в последние годы основали тайные общества в Париже и привлекли на сторону республиканцев определенное количество рабочих, студентов и молодежи средних классов. Пока журналисты обсуждали законные средства сопротивления, а депутаты ждали развития событий, республиканские лидеры встретились и приняли решение о вооруженном восстании. Им помогали, вероятно, без прямого согласия, типографии и другие работодатели, которые в связи с общим прекращением выпуска газет закрыли свои заведения утром 27 июля и выгнали своих работников на улицы.

[27 июля.]

[28 июля.]

Таким образом, на следующий день после появления Эдиктов облик Парижа изменился. Собирались толпы, раздавались революционные крики. Мармон, которому внезапно было приказано принять командование войсками, расположил их вокруг Тюильри и захватил две баррикады, возведенные по соседству; но население еще не было вооружено, и серьезного столкновения не произошло. Вечером Лафайет добрался до Парижа, и теперь у революции был настоящий, хотя и не признанный лидер. Группа его приверженцев собралась ночью в редакции "*Националя*" и, несмотря на сопротивление Тьера, приняла решение о всеобщем восстании. Сам Тьер, который не желал ничего, кроме юридической и парламентской атаки на Карла X, покинул Париж, чтобы дожидаться событий. Люди, проголосовавшие против него, установили связь со всеми окружными комитетами Парижа и начали настоящую работу по восстанию, раздав оружие. Утром в среду, 28 июля, первые вооруженные банды атаковали и захватили арсеналы и несколько частных складов оружия и боеприпасов. Повсюду были возведены баррикады. Повстанцы увеличились с сотен до тысяч и, собравшись на старом месте сбора Парижской коммуны, захватили Ратушу и водрузили на ее крыше трехцветный флаг. Мармон написал королю, объявляя положение крайне серьезным, и советуя пойти на уступки; затем он привел в движение свои войска, и после ожесточенного конфликта ему удалось захватить несколько выгодных позиций и изгнать мятежников из Ратуши.

[29 июля.]

Тем временем депутаты, собравшиеся в доме одного из них во исполнение соглашения, достигнутого накануне, набрались достаточно смелости, чтобы выразить протест, заявив, что, несмотря на Постановления, они по-прежнему являются законными представителями нации. Более того, они послали депутацию к Мармону, умоляя его прекратить боевые действия и предлагая свою помощь в восстановлении порядка, если король отменит свои эдикты. Мармон ответил, что он ничего не может сделать без приказа короля, но он отправил Сен-Клу второе письмо, призывая к согласию. Единственным ответом, который он получил, был приказ сосредоточить свои войска и действовать массово. Результатом этого было то, что позиции, завоеванные в результате упорных боев, были оставлены еще до наступления вечера, и войска, изголодавшиеся и измученные, были отведены обратно по улицам Парижа к Тюильри. На марше одни братались с народом, другие были окружены и разоружены. Теперь весь восточный Париж оказался в руках повстанцев; средний класс, как и в 1789 и 1792 годах, оставался бездействующим и позволил населению и солдатам решать исход состязания. Вести из столицы постоянно доходили до Сен-Клу, но король так мало понимал грозившую ему опасность и так уверенно рассчитывал на победу войск в Тюильри, что весь вечер, как обычно, играл в вист; и когда герцог де Мортмар, французский посол в Санкт-Петербурге, прибыл с

наступлением темноты и потребовал аудиенции, король отказался принять его до следующего утра. Когда наступило утро, начался марш повстанцев против Тюильри. Позиция за позицией попадали в их руки. Полки, расквартированные на Вандомской площади, бросили своего командира и отправились маршем, чтобы поступить в распоряжение депутатов. Мармон приказал швейцарской гвардии, которая до сих пор защищала Лувр, заменить их; и при этом он на мгновение оставил Лувр без какого-либо гарнизона. Повстанцы увидели, что здание опустело, и ворвались в него. Из окон они контролировали двор Тюильри, где были размещены резервные войска; и вскоре после полудня все было кончено. Несколько разрозненных батальонов сражались и погибли, но основная масса солдат вместе со своим командиром отступила к площади Согласия, а затем эвакуировалась из Парижа. ^[387]

Герцог Орлеанский все это время скрывался. Его предупредили, что Суд намерен арестовать его, и, то ли из страха перед Судом, то ли перед населением, он спрятался в охотничьем домике в своем лесу, не позволяя никому, кроме своей жены и сестры, знать, где он скрывается. Его сторонники, из которых богатый и популярный банкир Лаффит был самым влиятельным среди депутатов, ждали возможности выдвинуть его имя; но их шансы на успех казались незначительными. Депутаты в целом желали только отмены Указов и были категорически против смены династии. Только из-за упрямства самого короля Карла и в результате ряда несчастных случаев корона перешла к старшему роду Бурбонов. Король Карл и слышать не хотел об отмене Ордонансов до тех пор, пока Тюильри фактически не пал; тогда он уступил и поручил герцогу де Мортемару сформировать новое министерство, набранное из рядов Оппозиции. Но вместо того, чтобы официально отменить эдикты публичным указом, он отправил двух гонцов в Париж, чтобы передать депутатам из уст в уста информацию о его изменении намерений. Посланцы отправились в Отель-де-Виль, где был учрежден муниципальный комитет под руководством Лафайета; и, поскольку они не могли представить письменных подтверждений своим заявлениям, этот комитет направил их в общий совет депутатов, который теперь заседал в доме Лаффита. Депутаты также потребовали письменных гарантий. Лаффит и Тьер высказались в пользу герцога Орлеанского, но Ассамблея в целом по-прежнему была готова вести переговоры с Карлом X. Требовалось только присутствие самого герцога де Мортемара и копия Указа, отменяющего Ордонансы.

[30 июля.]

Было уже около полуночи. Гонцы вернулись в Сен-Клу, и им не разрешили передать свои сведения до пробуждения короля на следующее утро. Затем Карл подписал необходимый документ, и Мортмар отправился в Париж; но ночная задержка дала орлеанистам время действовать, и, прежде чем король встал, Тьер расклеил по улицам Парижа плакаты с воззванием, превозносящим Орлеана как принца, преданного делу Революции, как солдата Жемапа и единственного возможного на сегодняшний день конституционного короля. Через несколько часов после появления этого манифеста депутаты снова собрались в доме Лаффита и ждали появления Мортемара. Но они ждали напрасно. Экипаж Мортемара был остановлен на дороге из Сен-Клу, и он был вынужден идти пешком, делая длинный крюк и перебираясь через десятки баррикад. Когда он подошел к дому Лаффита, полумертвый от жары и усталости, он обнаружил, что депутаты отправились в Бурбонский дворец, и вместо того, чтобы последовать за ними, он закончил свое путешествие в Люксембургском дворце, где собрались пэры. Орлеанисты обратили его отсутствие в свою пользу. На утреннем заседании было открыто выдвинуто предложение призвать Луи Филиппа к власти; и когда депутаты вновь собрались во

второй половине дня, а министр по-прежнему не явился, было решено направить группу пэров и депутатов к Луи Филиппу, чтобы пригласить его приехать в Париж и занять должность генерал-лейтенанта королевства. Это предложение не вызвало возражений в Палате пэров, и депутация, соответственно, отправилась на поиски Луи Филиппа в его загородном доме в Нейи. Принца нигде не было видно, но его сестра, принявшая депутацию, обязалась, чтобы он должным образом явился в Париж. Затем она связалась со своим братом в его убежище и убедила его, несмотря на сопротивление жены, отправиться в столицу. Он прибыл в Пале-Рояль поздно вечером 30-го. Рано утром следующего дня он принял делегацию от Собрания и принял полномочия, которые они ему предложили. Затем была опубликована прокламация, в которой парижанам объявлялось, что для спасения страны от анархии и гражданской войны герцог Орлеанский вступил в должность генерал-лейтенанта королевства.

[Отель де Виль.]

Но в Париже, помимо Собрания представителей, существовала и другая власть, которая не совсем была расположена позволить Луи Филиппу и его сателлитам пожинать плоды народной победы. Лафайет и Муниципальный комитет, занявшие Ратушу, преобразовались во временное правительство и сидели в окружении вооруженной толпы, захватившей Тюильри двумя днями ранее. Ни один человек, сражавшийся на улицах, не рисковал своей жизнью ради того, чтобы сделать Луи Филиппа королем; поскольку парижане боролись за какую-либо определенную политическую идею, они боролись за Республику. Необходимо было примирить и население, и временное правительство с приходом к власти нового регента; и с этой целью Луи Филипп сам направился в Ратушу в сопровождении эскорта депутатов и пэров. Это был опасный момент, когда он влился в толпу на Гревской площади; но готовность Луи Филиппа выступить сослужила ему хорошую службу, и он невредимым пробрался сквозь толпу в здание, где его принял Лафайет. В адрес этого ветерана 1789 года посыпались комплименты и обещания, который вскоре появился на балконе и обнял Луи Филиппа, в то время как принц схватил трехцветный флаг, который не развевался в Париже с 1815 года. Спектакль удался на славу. Толпа разразилась аплодисментами, а те немногие решительные люди, которые все еще сомневались в искренности Бурбона и требовали провозглашения Республики, были отпущены обещанием обратиться с окончательным призывом к французскому народу.

[Карл X.]

Тем временем Карл X. удалился в Рамбуйе в сопровождении членов своей семьи и значительного количества войск. Здесь до него дошла весть, что Орлеан принял от Палаты чин генерал-лейтенанта. Это был серьезный удар по старому королю, который, в то время как другие сомневались в лояльности Луи Филиппа, все еще сохранял веру в верность этого принца. На мгновение он подумал об отступлении за Луару и риске развязать гражданскую войну; но войска начали расходиться, и Карл, осознав, что его дело безнадежно, отрекся вместе с дофином от престола в пользу своего внука, молодого Шамбора, называвшегося тогда герцогом Бордоским. Он написал Луи Филиппу, назначив его, как бы по собственной инициативе, генерал-лейтенантом королевства, и потребовал от него провозгласить Генриха V. королем и взять на себя управление страной во время несовершеннолетия нового государя. Сомнительно, сформировал ли Луи Филипп в это время какое-либо четкое решение и был ли его ответ Карлу X. продиктован простым добродушием или сознательной ложью; поскольку, отвечая официально, что он передаст письмо короля в Палату представителей, он частным образом написал Карлу X.,

что сохранит свой новый пост только до тех пор, пока не сможет безопасно посадить на трон герцога Бордоского. Успокоив таким образом гордость старика, Луи Филипп попросил его ускорить свой отъезд из окрестностей Парижа; и когда Карл проигнорировал это послание, он послал несколько отрядов Национальной гвардии, чтобы запугать его и обратить в бегство. Этот прием удался, и королевская семья, все еще сохраняя меланхолический придворный церемониал, медленно двинулась через Францию к западному побережью. В Шербуре они сели на корабль и переправились в Англию, где были приняты как частные лица. Среди британской нации в целом изгнанные бурбоны вызвали мало сочувствия. Однако им было разрешено поселиться во дворце Холируд, и здесь Карл X прожил два года. Но ни климат, ни общество шотландской столицы не привлекали старого и слабеющего главу павшей династии. Он искал более подходящего убежища в Австрии и умер в Горице в ноябре 1836 года.

[Луи Филипп стал королем, авг. 7.]

Первое публичное уведомление об отречении короля Карла было сделано Луи Филиппом в Палате депутатов, которая была созвана им как генерал-лейтенантом королевства 3 августа. Обращаясь к депутатам, Луи Филипп заявил, что он получил письмо, содержащее отречение как короля, так и дофина, но он не произнес ни единого слова об отречении герцога Бордоского, в пользу которого отказались от своих прав и его дед, и его дядя. Если бы Луи Филипп упомянул, что отречение от престола на самом деле было условным, и если бы он объявил себя протектором герцога Бордоского во время его совершеннолетия, нет никаких сомнений в том, что законный наследник был бы мирно принят как Палатой представителей, так и Парижем. Сам Луи Филипп до этого времени не сделал ничего, что было бы несовместимо с принятием простого регентства; Палата не желала смены династии; и, за исключением Лафайета, люди, фактически совершившие Революцию, питали к орлеанистам так же мало доброй воли, как и к монархии Бурбонов. Но с того времени, когда Луи Филипп обошел молчанием притязания внука Карла X., его собственное восшествие на престол стало неизбежным. Малоизвестному депутату было поручено предложить, чтобы корона была предложена Луи Филиппу, сопровождаемая определенными условиями, сформулированными в виде изменений Хартии. Предложение было внесено в Палату 7 августа, и весь корпус представителей направился маршем в Пале-Рояль, чтобы ознакомить принца с его резолюцией. Луи Филипп, после нескольких обычных выражений сожаления, заявил, что не может устоять перед призывом своей страны. Когда Нижняя палата таким образом избавилась от короны, Палата пэров, которая доказала свою несостоятельность на протяжении всего кризиса, приняла ту же резолюцию и аналогичным образом выразила свои поздравления. Два дня спустя Луи Филипп принес присягу Хартии, измененной Ассамблеей, и был провозглашен королем Франции.

[Природа революции 1830 года.]

Так закончилась революция, которая, хотя и была встречена с энтузиазмом в то время, во многом утратила свое величие и значение в более позднем представлении человечества. По сравнению с революцией 1789 года движение, свергнувшее Бурбонов в 1830 году, было всего лишь трепетом на поверхности. Это не было связано с какими-либо значительными изменениями в представлениях людей и не оставило за собой никаких серьезных социальных или законодательных изменений. Вызванный нарушением конституции со стороны исполнительной власти, он привел главным образом к передаче административной власти от

одной группы политиков другой: изменения, которые он внес в саму конституцию, не имели большого значения. Во Франции не было ни абсолютного правительства до 1830 года, ни народного правительства впоследствии. Вместо представителя божественного права, сопровождаемого дворянской охраной и консультируемого исповедниками-иезуитами, теперь был король-гражданин, который разгуливал по улицам Парижа с зонтиком под мышкой и посылал своих сыновей в государственные школы, но в глубине души был столь же предан династическим интересам, как и любой из его предшественников, и обладал гораздо большей способностью к личному правлению. Узы, которые держали всю местную администрацию Франции в зависимости от центральной власти, не были ослаблены; чиновничество оставалось таким же сильным, как и прежде; избирательное право по-прежнему было ограничено лишь небольшой частью нации. С другой стороны, внутри самой администрации перемены, вызванные Июльской революцией, были реальными и прочными. Они уничтожили политическую власть клерикальных интересов. Епископы были удалены не только из Палаты пэров, но и во всех правительственных ведомствах исчезло влияние духовенства, которое было так сильно при Карле X. Государство приобрело отчетливо светскую окраску. Система государственного образования регулировалась с такой полицейской исключительностью, что священники, настаивавшие на открытии собственных школ с католическим преподаванием, получили возможность выступать в качестве поборников гражданских свобод и свободы мнений против деспотической власти. Дворянство утратило то политическое влияние, которое оно восстановило во время Реставрации. Несколько выживших цареубийц, изгнанных в 1815 году, были отозваны во Францию, среди них террорист Баррер, который снова был возвращен в Ассамблею. Но настоящими победителями в революции 1830 года были не люди крайностей, а средний класс Франции. Это был класс, который Луи-Филипп действительно представлял; и силой, которая в течение восемнадцати лет удерживала Луи-Филиппа на троне, были силы среднего класса Национальной гвардии Парижа. Против этой трезвой, прозаической, лишенной воображения силы боролся горячий и беспокойный дух, вырвавшийся на свободу после свержения династии Бурбонов и который, воспламененный одновременно политическим идеалом республики, мечтами о возрождении Европы французскими армиями и растущим антагонизмом между рабочим классом и собственниками, некоторое время угрожал свергнуть новообразованную монархию во Франции и ввергнуть Европу в войну. Возвращение трехцветного флага, надолго замолчавшие звуки Республики и Империи, чувство победы, с которым люди на стороне народа наблюдали за изгнанием династии, навязанной Франции после Ватерлоо, возродили тот наполовину романтический военный пыл, который привел к освобождению Европы в 1792 году. Франция вновь предстала в глазах энтузиастов как освободительница народов. Реалии прошлой эпохи французской военной агрессии, ее грабежи, коррупция, проклятия ее жертв были забыты; и когда один народ за другим подхватывал призыв к свободе, который раздавался в Париже, и восстания вспыхивали во всех уголках Европы, Луи Филиппу и немногочисленным осторожным людям из его окружения с трудом удавалось удержать французскую нацию от стремительного вступления в войну.

[Дела в Бельгии.]

Государством, первым пострадавшим от июльских событий, было королевство Нидерландов. Создание этого королевства, в котором бельгийские провинции, ранее подчинявшиеся Австрии, были объединены с Голландией, чтобы служить эффективным барьером против французской агрессии на севере, было одним из самых заветных планов Питта, и он был приведен в исполнение через десять лет после его смерти Венским конгрессом.

Государственные деятели того времени мало обращали внимания на национальные и религиозные несоответствия, и в самый момент объединения католические епископы Бельгии выступили против конституции, которая предоставляла равную терпимость ко всем религиям при правлении протестантского короля. Бельгийцы были непрерывно связаны с Францией в течение двадцати лет, предшествовавших 1814 году; французский язык был не только языком их литературы, но и разговорным языком высших классов; и хотя фламандская часть населения находилась в близком родстве с голландцами, этот элемент тогда еще не заявил о себе с той отчетливостью и энергией, которые он развил с тех пор. Антагонизм между северными и южными Нидерландами, хотя и не был непреодолимым, был достаточно велик, чтобы сделать гармоничный союз между двумя странами делом непростым, и правительство Гааги не предприняло правильного курса по примирению своих противников. Бельгийцы, хотя и были более многочисленными, были представлены меньшим количеством членов в Национальном собрании, чем голландцы. Офисы были заполнены иностранцами из Голландии; финансами управляли с учетом интересов голландии; и голландский язык был сделан официальным языком для всего королевства. Но главные претензии, несомненно, были связаны с претензиями клерикальной партии Бельгии на монополию духовной власти и исключительный контроль над образованием. Единственным по-настоящему непримиримым врагом протестантского дома Оранских была Церковь; и руководящий импульс в конфликтах, предшествовавших распаду королевства Нидерландов в 1830 году, проистекал из тех же клерикальных интересов, которые сорок лет назад подтолкнули Бельгию к восстанию против императора Жозефа. Снова был замечен тот же странный феномен сочетания Церкви и популярной или даже революционной партии. Ради союза против конституции, неприятной обоим, бельгийское духовенство приняло демократические принципы политической оппозиции, и оппозиция согласилась на некоторое время воздержаться от своих нападков на папство. Контракт неукоснительно соблюдался обеими сторонами до тех пор, пока не была достигнута цель, ради которой он был заключен. ^[388]

[Бельгийская революция, август 1830 г.]

За несколько месяцев до июльской революции 1830 года антагонизм между бельгийцами и их правительством был настолько сильным, что для возникновения вспышки не требовалось большого потрясения извне. Потрясения Парижа сразу же почувствовались в Брюсселе, и 25 августа представление революционной оперы в этом городе послужило сигналом к началу восстания. Из столицы восстание перекинулось из города в город по всем южным Нидерландам. Король созвал генеральное управление и согласился на учреждение для Бельгии администрации, отдельной от голландской; но буря не утихла, и появления голландских войск в Брюсселе было достаточно, чтобы рассеять надежды на мирное урегулирование. Были возведены баррикады; на улицах произошел конфликт; и войска, не в состоянии взять город штурмом, отступили на окраины и несколько дней вели беспорядочные атаки. Затем они ушли, и временное правительство, которое было немедленно создано, провозгласило независимость Бельгии. На мгновение появилась некоторая вероятность того, что наследный принц Голландии, который с самого начала взял на себя роль посредника, может быть признан сувереном новообразованного государства; но растущая жестокость восстания, активность французских эmissаров и добровольцев и бомбардировка Антверпена голландскими солдатами, стоявшими гарнизоном в его цитадели, положили конец всем этим надеждам. Бельгия завоевала независимость, и ее связь с Оранским домом могла быть восстановлена только силой оружия.

[Франция и бельгийская революция.]

[Франция и Англия.]

Свершение этой революции в одном из самых маленьких континентальных государств угрожало втянуть в войну всю Европу. Хотя фактически она не была осуществлена под эгидой французской армии, несомненно, в какой-то степени она была осуществлена в союзе с французской революционной партией. Это распало королевство, созданное Европейскими договорами 1814 года; и это было настолько тесно связано со свержением монархии Бурбонов, что едва отличалось от тех случаев, когда европейские державы обязывались сами вызвать свои армии на поле боя. Луи-Филипп, однако, был признан большинством европейских дворов единственной возможной альтернативой Французской Республике; и существовало общее расположение поддержать любые искренние усилия, которые должны были быть предприняты им, чтобы помешать французской нации ввязаться в войну. Особенно это касалось Англии; и именно к Англии Луи-Филипп обратился за сотрудничеством в урегулировании бельгийского вопроса. У самого Луи-Филиппа были все возможные причины желать сохранить мир. Если бы разразилась война, Франция оказалась бы против всех Континентальных держав вместе взятых. Успех был в высшей степени маловероятен; надеяться на него можно было только на возрождение революционных методов и пропаганды 1793 года; а неудача, даже кратковременная, несомненно, стоила бы ему трона и, возможно, жизни. Его заинтересованность в не меньшей степени, чем его темперамент, сделали его ярым, хотя и скрытым противником партии войны в Ассамблее; и он нашел в старом дипломате, который одинаково служил при бурбонах, Республике и Империи, союзника, вполне способного проводить свою собственную мудрую, хотя и непопулярную политику дружбы и сотрудничества с Англией. Талейран, в то время как другие призывали к реваншу за Ватерлоо, видел, что первой необходимостью для Франции было выволить ее из изоляции; и поскольку на Венском конгрессе он отделил Австрию и Англию от двух Северных дворов, то и теперь, прежде чем пытаться получить какое-либо расширение территории, он стремился обезопасить Францию от враждебности Континента, объединив ее по крайней мере с одной великой державой. Россия стала врагом, а не другом. Изгнание бурбонов нанесло смертельную обиду царю Николаю, и ни Австрия, ни Пруссия, вероятно, не стали бы вступать в тесные отношения с правительством, основанным на революции. Только Англия казалась возможным союзником, и именно к Англии обратился французский государственный деятель мира во время бельгийского кризиса. Талейран, которому сейчас почти восемьдесят лет, прибыл послом в Лондон, где служил в 1792 году. Он обратился к Веллингтону и новому королю Вильгельму IV, заверив их, что при правительстве Луи Филиппа Франция не будет пытаться использовать бельгийскую революцию для собственного возвеличивания; и, с присущей ему ловкостью в изобретении общих принципов для конкретного случая, он провозгласил принцип невмешательства как тот, который в будущем должен определять политику Европы. Его усилия увенчались успехом. Между Францией и Англией установилось столь полное взаимопонимание по бельгийскому вопросу, что исчезли все опасения по поводу вооруженного вмешательства восточных дворов от имени короля Голландии, которое сделало бы войну с Францией неизбежной. Урегулирование бельгийских дел было представлено на Конференции в Лондоне. Военные действия были прекращены, и независимость нового королевства была в принципе признана Конференцией до конца года. Протокол, определяющий границы Бельгии и Голландии и распределяющий каждому государству его долю в государственном долге, был подписан

представителями Держав в январе 1831 года. ^[389]

[Леопольд избран королем 4 июня.]

До сих пор кризис, угрожавший миру в Европе, был преодолен с неожиданной легкостью. Но только первая стадия трудности была пройдена; державам все еще оставалось назначить короля для Бельгии и заручиться согласием голландского и бельгийского правительств на разработанные для них территориальные соглашения. Сами бельгийцы, среди которых была популярна связь с Францией, были склонны избрать своим сувереном герцога де Немура, второго сына Луи Филиппа; и хотя Луи Филипп официально отказался одобрить этот план, который в глазах всей Европы превратил бы Бельгию во французскую зависимость, он в частном порядке поощрял его осуществление после того, как на поле боя появился кандидат-бонапартист, сын Эжена Богарне. В результате герцог де Немур был избран королем 3 февраля 1831 года. Против этого назначения Конференция Держав в Лондоне уже наложила свое вето, и британское правительство дало понять, что оно будет сопротивляться любому подобному расширению французского влияния силой. Луи Филипп теперь окончательно отказался от короны для своего сына, и, поскольку кандидат-бонапартист был отозван, две соперничающие державы согласились рекомендовать принца Леопольда Саксен-Кобургского при том понимании, что в случае избрания королем Бельгии он должен жениться на дочери Луи Филиппа. Бельгийцы последовали данному им совету и 4 июня избрали Леопольда. Он принял корону при условии, что Лондонская конференция изменит в пользу Бельгии некоторые положения, касающиеся границ и финансов нового государства, которые были установлены Конференцией и которые бельгийское правительство до сих пор отказывалось принять.

[Урегулирование бельгийской границы.]

Сложность обустройства бельгийской границы возникла главным образом из-за позиции Великого герцогства Люксембург. Эта территория, хотя и была подвластна Австрии до Французской революции, всегда рассматривалась как отдельная от тела Австрийских Нидерландов. Когда по мирному договору 1814 года она была передана королю Голландии взамен старинных владений его семьи в Нассау, ей был восстановлен ее прежний статус члена германского федерального союза, так что король Голландии в отношении этой части своих владений стал германским принцем, а крепость Люксембург, самая сильная в Европе после Гибралтара, могла быть оккупирована германскими войсками. Население герцогства, однако, присоединилось к бельгийцам в их восстании, и, за исключением самой крепости, территория перешла во владение бельгийского правительства. Несмотря на это фактическое свержение голландского правления, Лондонская конференция придала такое первостепенное значение военным и международным отношениям Люксембурга, что исключила все герцогство из состава нового Бельгийского государства и объявила его по-прежнему частью владений короля Голландии. Первое требование Леопольда заключалось в отмене или изменении этого решения, и Полномочия настолько уступили, что заменили январскую декларацию серией статей, в которых вопрос о Люксембурге был оставлен для будущего урегулирования. Король Голландии согласился с январской декларацией; услышав о ее отмене, он взялся за оружие и бросил пятьдесят тысяч человек в Бельгию. Леопольд обратился к Франции за помощью, и французская армия немедленно пересекла границу. Голландцы теперь отступили, а французы, в свою очередь, были отозваны после того, как Леопольд подписал договор, обязывающий снести укрепления пяти городов на своей южной границе. Конференция снова приступила к

своей работе и разработала третью схему, по которой территория Люксембурга была разделена между Голландией и Бельгией. Это было принято Бельгией и отвергнуто Голландией. Следствием этого было заключение мирного договора между Леопольдом и Державами; и в начале 1832 года королевство Бельгия, как оно было определено третьим решением Конференции, было признано всеми дворами, причем лорд Пальмерстон от имени Англии решительно отказал Франции даже в малейшем присоединении территории на том основании, что, если однажды начнутся аннексии, всякой безопасности для продолжения мира придет конец. Благодаря этой мудрой и твердой политике согласие Европы в создании бельгийского королевства было успешно поддержано; и западным державам оставалось только преодолеть сопротивление короля Голландии, который все еще удерживал цитадель Антверпена и отказывался прислушиваться ни к доводам разума, ни к авторитету. Французскому армейскому корпусу была поручена задача осады цитадели; английский флот блокировал реку Шельда. После сильной бомбардировки цитадель сдалась. Военные действия прекратились, и возобновились переговоры об окончательном урегулировании. Поскольку, однако, бельгийцы фактически оккупировали весь Люксембург, за исключением крепости, у них не было мотива ускорять урегулирование, которое лишило бы их части их существующих владений; с другой стороны, король Голландии сдерживался из простого упрямства. Таким образом, временное положение дел затягивалось год за годом, и только в апреле 1839 года был подписан окончательный мирный договор между Бельгией и Голландией.

[Дела Польши.]

Согласия восточных держав на свержение королевства Соединенных Нидерландов и на создание государства, основанного на революционном движении, вероятно, было бы труднее добиться, если бы осенью 1830 года Россия была свободна действовать из всех своих сил. Но в этот момент в Польше произошла вспышка, которая потребовала сосредоточения всех царских сил в пределах его собственной границы. Конфликт был скорее войной одной вооруженной нации против другой, чем восстанием народа против своего правительства. Польша, то есть территория, которая ранее составляла Великое герцогство Варшавское, в соответствии с договорами 1814 года была создана как отдельное королевство, подчиняющееся российскому царю, но не входящее в состав Российской империи. У нее были собственная администрация и армия, а заседания ее сейма придавали ей вид парламентского правления, которому не было ничего аналогичного в самой России. Во время правления Александра конституционная система Польши в целом соблюдалась; и хотя реальное верховенство абсолютного монарха в Санкт-Петербурге заставило сейм действовать как орган, оппозиционный российскому правительству, личная связь, существовавшая между Александром и поляками, предотвратила любое открытое восстание при его жизни. Но с восшествием на престол Николая все подобные индивидуальные симпатии исчезли, и суровые реалии реальных отношений между Польшей и российским двором стали очевидны в полной мере. В заговорах 1825 года было замешано большое количество поляков. Восемь из этих лиц после предварительного расследования были преданы суду сената в Варшаве, который, несмотря на убедительные доказательства их вины, оправдал их. В ожидании этого решения Николай отказался созывать сейм: он также разместил российские войска в Польше и нарушил конституцию, разместив русских во всех ветвях государственной власти. Даже без этих обид враждебность массы польской знати к России, вероятно, рано или поздно привела бы к восстанию. Крестьянство, невежественное и деградировавшее, было всего лишь орудием в руках своих территориальных хозяев. Поскольку Польша обладала правами самоуправления, эти права принадлежали почти исключительно

дворянам, или землевладельцам, классу настолько многочисленному, что в Западной Европе их обычно ошибочно принимали за саму польскую нацию. Так называемая эмансипация крепостных, осуществленная Наполеоном после отвоевания Великого герцогства Варшавского у Пруссии в 1807 году, мало что сделала для массы населения; ибо, отменив законное рабство, Наполеон не предоставил крестьянину никаких признаков собственности на его владения и, следовательно, оставил его в такой же степени во власти своего землевладельца, как и раньше. Название свободы, по-видимому, на самом деле нанесло крестьянину реальный ущерб; ибо, пользуясь мнимой властью свободного договора, он остался без той защиты государственных чиновников, которая при прусском режиме с 1795 по 1807 год защищала его от тирании его господина. Фатальным, непоправимым бедствием Польши было то, что ее дворянство, пока не стало слишком поздно, не увидело ни страны, ни права, ни закона вне себя. Сами меры вмешательства со стороны царя, которые эта каста возмущала как неконституционные, были отчасти направлены против злоупотребления ее собственными привилегиями; и хотя в 1830 году часть дворян узнала тайну падения своей страны и была готова предоставить крепостным реальную свободу собственности, никакой всеобщий импульс не сработал в этом направлении, и в суматохе войны и революции нельзя было исправить несправедливость веков.

[Восстание в Варшаве, 29 ноября.]

Существовало резкое различие между узким кругом высшей аристократии Польши и массой бедноты и воинственной знати. Первые, представленные такими людьми, как Чарторыйский, друг Александра I и бывший министр России, понимали безнадежность какой-либо немедленной борьбы с превосходящей державой и выступали за политическое развитие таких национальных институтов, которые были даны Польше конституцией 1815 года, институтов, которых, безусловно, было достаточно, чтобы уберечь Польшу от поглощения Россией и поддержать идею окончательного установления ее независимости. Именно среди мелкой знати, среди подчиненных офицеров армии и населения самой Варшавы, которые совместно сформировали так называемую демократическую партию, дух восстания был сильнее всего. Планы развязывания войны были составлены во время турецкой войны 1828 года; но, к несчастью, этой возможностью, которая могла быть использована со смертельным исходом против России, пренебрегли, и Французской революции 1830 года пришлось разжечь несвоевременное и неэффективное пламя. Память о кампаниях Наполеона и дикие голоса французской демократии наполнили патриотов Варшавы тщетными надеждами на военный союз с западным либерализмом и пересилили советы людей, которые лучше понимали состояние Европы. Восстание вспыхнуло 29 ноября 1830 года. Польские полки в Варшаве присоединились к восстанию, и русские войска под командованием великого князя Константина отступили из столицы, где их предводитель едва избежал смерти. ^[390]

[Попытка переговоров с царем.]

Правительство Польши до этого времени находилось в руках Совета, назначенного царем в качестве короля Польши, и контролировалось инструкциями секретаря из Санкт-Петербурга. Главой Совета был Любецкий, поляк, преданный императору Николаю. После победы восстания в Варшаве Совет был распущен и создано временное правительство. Хотя восстание было делом рук так называемой демократической партии, влияние старых правящих семей высшей аристократии было все еще настолько велико, что власть по общему согласию была передана в их руки. Чарторыйский стал президентом, и политика, принятая им самим и его

коллегами, заключалась в проведении дружественных переговоров с Россией. Ноябрьское восстание рассматривалось не как начало национального восстания, а просто как беспорядки, вызванные неконституционными действиями правительства. Комитет настолько плохо понимал характер императора Николая, что воображал, будто после изгнания его солдат и свержения его министров в Варшаве он мирно пойдет на требуемые от него уступки и обязуется в будущем добросовестно соблюдать польскую конституцию. Любецкий и второй чиновник были отправлены в Санкт-Петербург, чтобы предъявить эти требования, а также (хотя это и не предполагалось всерьез) потребовать введения конституции во всех российских губерниях, которые когда-то входили в состав Польского государства. Прием, оказанный посланникам на границе, носил зловещий характер. От них требовалось представиться офицерами, готовящимися представить доклад царю, поскольку никакие представители вооруженных повстанцев не могли быть приняты в Россию. Теперь Любецкий, по-видимому, отряхнул пыль Польши со своих ног; его коллега выполнил свою миссию и был допущен к царю. Николай, выражаясь языком оскорбленной нежности и отрицая всякое желание наказывать невинных вместе с виноватыми, дал понять, что у Польши было только две альтернативы: безоговорочное подчинение или уничтожение. Гонец, который тем временем доставил в Варшаву первые депеши посланника, сообщил, что дороги уже заполнены русскими полками, направляющимися за своей добычей.

[Дибич вторгается в Польшу, февраль 1831 г.]

Шесть недель драгоценного времени были потеряны из-за иллюзии польского правительства о том, что соглашение с императором Николаем возможно. Если бы за восстанием в Варшаве немедленно последовал всеобщий сбор войск и вторжение в Литву, ресурсы этой большой провинции, возможно, были бы брошены на чашу весов против России. Хотя основная масса литовского населения, несмотря на несколько столетий союза с Польшей, так и не была ассимилирована с господствующей расой и оставалась по языку и вероисповеданию более близкой к русским, чем к полякам, дворяне составляли неотъемлемую часть польской нации и обладали достаточной властью над своими крепостными, чтобы выгонять их на поле боя сражаться неизвестно за что. Русские гарнизоны в Литве не были сильными, и их легко можно было одолеть внезапной атакой. Когда однажды население Варшавы поднялось с оружием в руках против Николая, единственная возможность успеха заключалась в распространении восстания на все полупольские провинции и во всеобщем призыве к оружию. Но помимо других соображений, которые не склоняли высшую аристократию Варшавы к крайним мерам, на них повлияла вера в то, что европейские державы могут вмешаться в защиту конституции королевства Польского, установленной Венским мирным договором; в то время как, если бы борьба вышла за пределы этого королевства, она превратилась бы в революционное движение, которому ни один двор не смог бы оказать поддержки. Только после того, как посланник вернулся из Санкт-Петербурга с ответом императора Николая, демократическая партия поставила все перед собой, и все надежды на мирный компромисс исчезли. Затем сейм принял резолюцию, объявляющую, что Дом Романовых утратил польскую корону, и началась подготовка к борьбе не на жизнь, а на смерть с Россией. Но первые моменты, когда Россия стояла без охраны и неготовности, были упущены безвозвратно. Войска двинулись на запад, в Литву; гарнизоны в крепостях были увеличены до полной численности, и в феврале 1831 года Дибич перешел в наступление и перешел польскую границу со ста двадцатью тысячами человек.

[Кампания в Польше, 1831 г.]

[Взятие Варшавы, 8 сентября 1831 г.]

Польская армия, хотя и значительно уступала по численности противнику, с которым ей пришлось встретиться, не была достойным презрения противником. Среди его офицеров было много тех, кто служил в кампаниях Наполеона; однако в нем не было генерала, привыкшего к независимому командованию; и дух неподчинения и своеволия, который принес столько разрушений Польше, все еще был готов вырваться наружу, когда поражение подорвало авторитет номинальных вождей. В первых столкновениях наступающая русская армия была доблестно встречена; и, хотя поляки были вынуждены отступить к Варшаве, потери, понесенные Дибичем, были настолько серьезными, что ему пришлось приостановить свои операции и ждать подкрепления. В марте поляки перешли в наступление и застали врасплох несколько разрозненных дивизий противника; их генералу, однако, не удалось использовать свои преимущества с необходимой энергией и быстротой; соединение русских, наконец, было осуществлено, и 26 мая поляки были разбиты после упорного сопротивления в ожесточенном сражении при Остроленке. Теперь в русском лагере вспыхнула холера. И Дибич, и великий князь Константин были убиты в разгар кампании, и к борьбе Польши, какой бы безнадежной она теперь ни стала, добавилось еще несколько месяцев. Были предприняты вторжения в Литву и Подолию, но безрезультатно. Паскевич, завоеватель Карса, был призван занять пост, оставшийся вакантным после смерти его соперника. Новые массы русских войск пришли на смену тем, кто погиб в сражениях и в госпиталях; и в то время как правительства Западной Европы не подняли руки в защиту независимости Польши, Пруссия, встревоженная тем, что восстание может распространиться на ее собственные польские провинции, помогала операциям русского генерала, поставляя припасы и военное снаряжение. Удар за ударом обрушивался на польское дело. Сама Варшава стала жертвой беспорядков, интриг и предательства; и, наконец, русская армия вступила в столицу, и последние солдаты Польши сложили оружие или перешли на прусскую или австрийскую территорию. Восстание было начато опрометчиво: его результаты оказались фатальными и плачевными. Конституция Польши была отменена; она перестала быть отдельным королевством и стала провинцией Российской империи. Его защитники были изгнаны по всей Европе или забыты в Сибири. Все, что могло быть завоевано постепенным развитием конституционных свобод без нарушения суверенитета царя, было принесено в жертву. Будущее Польши, как и самой России, теперь зависело от просвещенности и мужества имперского правительства, и только от этого. Само существование польской национальности и языка, казалось, некоторое время находилось под угрозой из-за репрессивных мер, последовавших за победой 1831 года: и если это правда, что российское самодержавие наконец сделало для польских крестьян то, что их коренные хозяева на протяжении веков господства отказывались делать, эта эмансипация, вероятно, не наступила бы позже ради сохранения некоторых остатков политической независимости и не имела бы меньшей ценности, если бы не сопровождалась изгнанием столь значительной части того класса, который когда-то считался составляющей польскую нацию. ^[391]

[Восстание в Папской области, февраль 1831 г.]

Во время конфликта на берегах Вислы австрийское правительство придерживалось строгого нейтралитета. Ее собственной польской территории не угрожали серьезные беспорядки, поскольку в значительной части Галиции население, имевшее русинское происхождение и

принадлежавшее к греческой церкви, не имело ничего общего с польской и католической знатью своей провинции и вспоминало дни польского владычества как время страданий и несправедливости. Опасность для Австрии в любой период европейских потрясений все еще исходила скорее со стороны Италии, чем с Востока, и энергичность ее политики в этой области контрастировала с невозмутимостью, с которой она наблюдала за борьбой своих славянских соседей. После подавления неаполитанского конституционного движения в 1821 году карбонарии и другие тайные общества Италии ничуть не утратили своей активности. Их штаб-квартира была перенесена из Южной Италии в Папскую область, и многочисленные итальянские изгнанники во Франции и других местах поддерживали оживленную связь одновременно с лидерами французской революции, такими как Лафайет, и с врагами установленных правительств в самой Италии. Смерть папы Пия VIII 30 ноября 1830 года и последовавший за ней паралич власти в церковных государствах пришлось как нельзя кстати; из Парижа поступили заверения в поддержке; и итальянские лидеры решились на всеобщее восстание во всех мелких княжествах 5 февраля 1831 года. Предвидя этот сигнал, Менотти, предводитель банды патриотов в Модене, которого, по-видимому, заманил сам великий герцог, собрал своих сторонников 3 февраля. Он был побежден и заключен в тюрьму; но вспышка восстания в Болонье и его быстрое распространение на северную часть Папской области вскоре вынудили великого герцога бежать на территорию Австрии, взяв с собой своего пленника Менотти, которого он впоследствии казнил. Едва был избран новый папа Григорий XVI, как до него дошло известие о том, что Болонья объявила о прекращении светской власти папства. Не будучи уверенным в характере восстания, он отправил кардинала Бенвенути на север, чтобы тот применил примирение или силу, в зависимости от обстоятельств. Легат попал в руки повстанцев; восстание распространилось на юг, и Григорий, потерявший теперь надежду подавить его силами, находившимися в его распоряжении, обратился за помощью к Австрии.

[392]

[Позиция Франции.]

Принцип, который после Июльской революции правительство Франции неоднократно закладывало в качестве будущей основы европейской политики, заключался в невмешательстве. Она отказалась от какой-либо цели вмешательства в дела своих соседей и потребовала взамен, чтобы никакое иностранное вмешательство не имело места в районах, которые, подобно Бельгии и Савойе, примыкали к ее собственной границе. Но в советах Луи-Филиппа не было реального единства целей. Министерство имело один голос за представителей иностранных держав, другой - за Палату депутатов, а третий - за Лафайета и банды изгнанников и заговорщиков, находившихся под его защитой. Главой правительства в начале 1831 года был Лафит, слабый политик, в котором преобладали революционные симпатии и фразы, но неспособный к каким-либо устойчивым или решительным действиям, и в равной степени неспособный противостоять Луи Филиппу после того, как король завершил свою роль популярного лидера и принял свой настоящий характер осторожного и своекорыстного главы правящего дома. Будет ли фактический курс французской политики определяться страстями улиц или робостью Луи Филиппа, изо дня в день оставалось предметом догадок. Официальный ответ, данный на запросы австрийского посла относительно намерений Франции в случае австрийского вмешательства в Италию, заключался в том, что такое вмешательство может быть допущено в Парме и Модене, которые принадлежали суверенам, непосредственно связанным с Габсбургами, но что, если оно будет распространено на Папскую область, война с Францией будет вероятной, а если распространится на Пьемонт, то

несомненной. После этого ответа Меттерних, видевший, что собственному владычеству Австрии в Италии вновь угрожает успех повстанческого движения, должен был принять решение. Он мог рассчитывать на поддержку России в случае войны; он хорошо знал опасения Луи Филиппа и знал, что тот может развеять эти опасения, указав на присутствие юного Луи Бонапарта и его брата среди итальянских повстанцев как на свидетельство бонапартистского характера движения, и намекнув, что в качестве последнего средства он мог бы сам натравить на Францию сына Наполеона, герцога Рейхштадтского, который сейчас вырастет в Вене, и перед которым трон Луи Филиппа рухнул бы так же быстро, как трон Людовика XVIII в 1814 году. Там, где существовала слабость, Меттерних быстро угадывал ее и использовал в своих интересах. Он правильно оценил Луи Филиппа. Приняв по достоинству угрозы французского правительства, он заявил, что для Австрии лучше пасть, если потребуется, войной, чем революцией; и, решив во что бы то ни стало подавить римское восстание, он отдал приказ австрийским войскам войти в Папскую область.

[Австрийцы подавляют восстание в Риме, март 1831 г.]

[Казимир Перье, март 1831 г.]

Военное сопротивление, которое повстанцы могли оказать наступлению австрийских освободителей папы, было незначительным, и порядок вскоре был восстановлен. Но вся Европа ожидала начала войны между Австрией и Францией. Французский посол в Константинополе зашел так далеко, что предложил султану наступательный и оборонительный союз и настоятельно призвал его подготовиться к нападению как на Австрию, так и на Россию на их южных границах. В Париж прибыла депеша от посла с описанием воинственных предложений, которые он делал Порте. Луи-Филипп понимал, что, если это послание попадет в руки Лаффита и партии войны в Совете министров, сохранение мира станет почти невозможным. В сговоре с Себастьяни, министром иностранных дел, он скрыл депешу от Лаффита. Премьер обнаружил, что с ним сыграли шутку, и подал в отставку. Это было с радостью принято Луи Филиппом. Лаффит покинул свой пост, прося прощения у Бога и людей за ту роль, которую он сыграл в возведении Луи Филиппа на трон. Его преемником стал Казимир Перье, человек совершенно иного склада; решительный, с ясной головой и непоколебимо верный своему слову; конституционный государственный деятель самого строгого толка, нетерпимый к любым беспорядкам и презиравший народные движения, но в равной степени стойкий к королевским интригам и столь же стремящийся сохранить конституционную систему Франции вопреки Двору, с одной стороны, и населению, с другой, насколько он хотел заслужить уважение иностранных держав отказом от авантюрной политики и неуклонной приверженностью принципам международных обязательств, которые он взял на себя. уже лег. Под его твердой рукой прекратились интриги французского правительства с иностранными революционерами; по всей Европе чувствовалось, что мир все еще возможен и что, если Франция предпримет войну, она будет предпринята только при условиях, которые сделали бы невозможным любой моральный союз всех великих держав против Франции. Австрийская экспедиция в Папскую область уже началась, и революционное правительство было свергнуто; поэтому максимум, чего мог потребовать Казимир Перье, - это как можно скорее провести эвакуацию оккупированной территории и чтобы Австрия присоединила свой голос к голосу других держав, призывая папское правительство исправить свои злоупотребления. Оба требования были удовлетворены. Впервые Австрия выступила в качестве сторонника чего-то вроде конституционного строя. Конференция, состоявшаяся в Риме, согласовала план реформ,

который должен быть рекомендован Папе; перспективы мира становились с каждым днем все более ясными, и в июле 1831 года последние австрийские солдаты покинули Церковные государства. ^[393]

[Вторая австрийская интервенция, январь 1832 г.]

[Французы оккупируют Анкону, февраль 1832 г.]

Теперь осталось выяснить, хватит ли папе Григорию и его кардиналам разума и доброй воли, необходимых для проведения реформ, от обещания которых Франция воздержалась от активного вмешательства. Если какие-либо такие надежды и существовали, они были обречены на скорое разочарование. Аппарат плохого управления священниками был восстановлен во всем своем древнем уродстве. Амнистия, обещанная легатом Бенвенути, была проигнорирована, и папа решил укрепить свою власть, завербовав новые банды головорезов и авантюристов под знаменем Святого Петра. Снова вспыхнуло восстание, и снова по просьбе папы австрийцы перешли границу (январь 1832 года). Хотя их появление было фатальным для дела свободы, на самом деле их приветствовали как защитников в городах, которые подверглись нежной милости папских кондотьеров. Там, где правили австрийские коменданты, не было ни беспорядков, ни жестокости; но само их присутствие в центральной Италии представляло угрозу европейскому миру; а Казимир Перье был не тем человеком, который позволил бы Австрии доминировать в Италии по ее желанию. Не дожидаясь переговоров, он направил французские войска в Анкону и захватил этот город прежде, чем австрийцы смогли подойти к нему. Соперничающие державы теперь стояли лицом к лицу в Италии; но Перье не собирался навязывать войну, если его противник все еще был готов сохранить мир. Австрия смирилась с ситуацией и не предпринимала никаких попыток вытеснить французов с захваченных ими позиций. Казимир Перье, находящийся теперь на смертном одре, защищал свой шаг, несмотря на увещевания послов и протесты папы римского, и заявил, что присутствие французов в Анконе не является стимулом к восстанию, а просто подтверждает права Державы, которая с таким же основанием претендует на центральную Италию, как и сама Австрия. Если бы его жизнь была продлена, он, вероятно, настоял бы на проведении реформ, к которым Власть призывали папское правительство, и сделал бы оккупацию Анконы эффективным средством достижения этой цели. Но с его смертью обиды самих итальянцев и вопрос о реформированном правительстве в Папской области постепенно ушли из поля зрения. Франция и Австрия ревниво следили друг за другом на спорной земле; оккупация стала простым нарушением баланса сил и затягивалась год за годом, пока в 1838 году австрийцы, наконец, не вывели все свои войска, французы мирно не передали цитадель Анконы Святому Престолу.

[Пруссия в 1830 году.]

[The Zollverein, 1828-1836.]

Ареной, на которой нам предстоит в следующий раз проследить за последствиями Июльской революции в действии и противодействии, является Германия. Было замечено, что в южногерманских землях элемент представительного правления, пусть и слабый, но все же не полностью неэффективный, возник вскоре после 1815 года и пережил реакционные меры, инициированные конференцией министров в Карлсбаде. В Пруссии обещания короля Фридриха Вильгельма своему народу так и не были выполнены. Прошли годы с тех пор, как преувеличенные слухи о заговоре послужили оправданием для отказа от принятия Конституции.

Харденберг давно был мертв; внешняя политика страны приняла более свободный тон; строгость полицейской системы исчезла; но нация оставалась столь же полностью отстраненной от участия в правительстве, как и до падения Наполеона. Фактически стало ясно, что при жизни короля Фридриха Вильгельма все должно оставаться в существующем состоянии; и привязанность народа к своему суверену, который так долго и так тесно был связан с Пруссией в ее страданиях и в ее славе, вызвала всеобщую готовность отложить требование конституционной реформы до следующего правления. Более того, существенные заслуги администрации могли бы примирить менее покорный народ, чем пруссаки, с абсолютным правительством, при котором они жили. При мудрой и просвещенной финансовой политике страна становилась заметно богаче. Препятствия на пути коммерческого развития были устранены, коммуникации открыты; и, наконец, серией договоров с соседними германскими государствами были заложены основы того Таможенного союза, который под названием Zollverein в конечном итоге охватил почти всю неавстрийскую Германию. По мере того как одно княжество за другим присоединялось к прусской системе, продукты различных регионов Германии, до сих пор блокированные пограничными сборами каждого мелкого государства, свободно перемещались по стране, в то время как издержки, связанные с налогообложением иностранного импорта, которые теперь были сосредоточены на внешней линии границы, были чрезвычайно уменьшены. Терпеливая, проницательная и даже либеральная в своих переговорах со своими более слабыми соседями, Пруссия молча связывала себя узами финансового союза государств, которые до сих пор смотрели на Австрию как на своего естественного главу. Старательно избегалось подобие политического союза, но зародыши политического союза, тем не менее, присутствовали в растущем сообществе материальных интересов. Репутация прусского правительства, не в меньшей степени, чем благосостояние прусского народа, повышалась с каждым последующим шагом в расширении Цольферайна; и хотя только более ранние этапы были пройдены за годы до 1830 года, уже было сделано достаточно, чтобы повлиять на общественное мнение; и общее ощущение материального прогресса в сочетании с другими влияниями закрыло Пруссию от революционных тенденций того года.

[Восстания в Брауншвейге и Касселе.]

[Конституции Ганновера и Саксонии 1830-1833 гг.]

Однако в северной Германии были и другие государства, которые обладали всеми недостатками прусского самодержавия без каких-либо его искупающих качеств. В Брауншвейге и Гессен-Касселе деспотизм существовал в своей самой презренной форме; буйство полусумасшедшего юноши в одном случае и капризы упрямого слабоумного в другом, делавшие власть просто помехой для тех, кто ей подчинялся. Соответственно, здесь вспыхнула революция. Принцы, которым угрожали, сделали себя слишком несносными или смешными, чтобы кто-либо мог поднять руку в их защиту. Их исчезновение вызвало не более чем неизбежный плач Меттерниха; и в обоих государствах системы представительного правления были введены их преемниками. В Ганновере и Саксонии также началась агитация в пользу парламентского правления. Возникшее возмущение не носило серьезного характера, и Суды отнеслись к нему примирительно. Были приняты конституции, расширена свобода печати и учрежден суд присяжных. В целом движение 1830 года, затронувшее северную Германию, было рационально направлено и принесло положительные результаты. Изменения реальной ценности были осуществлены при щадящем использовании революционных средств и, в более

важных случаях, благодаря дружественному сотрудничеству государей со своими подданными. Не было вины тех, кто требовал для северной Германии той же степени свободы, которой уже обладал юг, в том, что Германия в целом снова испытала страдания реакции и репрессий, которые обрушились на нее десять лет назад.

[Движение в Пфальце.]

Подобно Бельгии и Рейнским провинциям, Баварский Пфальц в течение двадцати лет был включен в состав Франции. Его жители привыкли к французским законам и французским институтам и уловили что-то от политического оживления, вернувшегося во Францию после падения Наполеона. Соответственно, когда правительство Мюнхена, встревоженное июльской революцией, проявило склонность к репрессивным мерам, Пфальц, отделенный от остальной баварской монархии и находящийся в непосредственном контакте с Францией, стал центром революционной агитации. Пресса уже достигла определенной активности и определенного влияния в этой провинции; и хотя лидеры партии прогресса все еще были в значительной степени профессорами, они настолько продвинулись в отношении патриотов 1818 года, что поняли, что освобождение немецкого народа не должно было быть осуществлено лекторами и учеными университетов. План состоял в том, чтобы привлечь все слои общества на сторону реформы, как путем распространения политической литературы, так и путем создания обществ, не ограниченных, как в 1818 году, академическими кругами, но охватывающих торговцев, а также солдат и профессионалов. Даже к крестьянину нужно было обратиться и проинструктировать его как гражданина. Считалось, что многого можно добиться, объединив все Оппозиции в многочисленных немецких парламентах; но более поразительной чертой революционного движения, начавшегося в Пфальце, и тем, что сильно отличало его от более ранних волнений в Йене и Эрфурте, был его космополитический характер. Франция в ее триумфе и Польша в ее смертельной схватке вызвали равный интерес и сочувствие. В каждой из них на карту, казалось, было поставлено дело европейской свободы. Польское знамя приветствовалось в Пфальце рядом со знаменем объединенной Германии; и с того времени почти во всех революционных движениях Европы, вплоть до восстания Парижской коммуны в 1871 году, польские изгнанники принимали активное участие как в организации восстания, так и на местах.

[Реакция в Германии.]

До падения Варшавы в сентябре 1831 г. германские правительства, неуверенные в том, какой ход могут принять события в Европе, проявляли определенную готовность удовлетворить жалобы своих подданных и, в частности, ослабили надзор за прессой. Падение Варшавы, которое утихомирило так много тревог и вновь сделало императора Николая державой за пределами его собственных владений, положило начало периоду реакции в Германии. Сейм начал кампанию против демократии с подавления различных либеральных газет, в том числе главного журнала Пфальца. Именно против этого движения к регрессу теперь была направлена агитация в Пфальце и в других местах. В замке Хамбах, недалеко от Цвайбрюккена, был проведен фестиваль, или демонстрация, на которой присутствовало множество энтузиасты призывали немецкий народ объединиться против своих угнетателей, а некоторые даже призывали к немедленному обращению к оружию (27 мая 1832 г.). Аналогичные собрания, хотя и в меньшем масштабе, были проведены и в других частях Германии. Раздавались дикие слова, и открыто признавалась связь немецких революционеров с той группой противников всех

установленных правительств, которая имела свою палату советов в Париже и свою главу в Лафайете. Какими бы слабыми и незначительными ни были немецкие демагоги, их сумасбродство дало Меттерниху и Сейму достаточный предлог для пересмотра реакционных мер 1819 года. Еще раз подчинение всех представительных органов власти суверена было установлено сеймом в качестве обязательного принципа для каждого немецкого государства. Отказ от уплаты налогов любым законодательным органом был объявлен актом восстания, который повлек бы за собой вооруженное вмешательство центральных держав. Были запрещены все политические собрания и ассоциации; пресса была вынуждена замолчать; распространение немецких книг, напечатанных за границей, было запрещено, и университеты снова были взяты под наблюдение полиции (июль 1832 г.). ^[394]

[Покушение во Франкфурте, апрель 1833 г.]

Если среди второстепенных государей Германии были такие, которые, как в Бадене, искренне желали развития свободных институтов, власть, осуществляемая Меттернихом и его реакционными сторонниками, подавляла все сопротивление, которое могли оказать эти суды, и рука деспотизма повсюду тяжело падала на партию политического прогресса. Большинство немецких либералов, еще не готовых прибегнуть к революционным мерам, подчинилось давлению времени и отказалось от всякого сочувствия незаконным действиям; меньшинство, понимая, что конституционными средствами теперь ничего не добьешься, вступило в заговоры и решило освободить Германию силой. Одна незначительная группа, полагавшаяся на вооруженное сотрудничество польских банд во Франции и обманутая обещаниями поддержки со стороны некоторых вюртембергских солдат, на самом деле подняла восстание во Франкфурте. Было захвачено караульное помещение и взято в плен несколько солдат; но жители Франкфурта держались в стороне, и вскоре порядок был восстановлен (апрель 1833 г.). Не следовало ожидать, что реакционные суды не смогут в полной мере воспользоваться этим несвоевременным выступлением своих врагов. Прусские войска вошли во Франкфурт, и Меттерниху не составило труда провести через сейм декрет о создании комиссии для наблюдения за судебными процессами, возбужденными против политических преступников по всей Германии, и представления отчетов о них. В течение нескольких лет эти расследования продолжались, и кампания против противников правительства велась с разной степенью жесткости в разных штатах. Всего перед судом предстало около двух тысяч человек: в Пруссии было вынесено тридцать девять смертных приговоров, но они не были приведены в исполнение. В борьбе с революцией силы монархии определенно одержали победу. Германия снова, как и в 1819 году, столкнулась с тем, что федеральные институты, которые должны были обеспечить ей единство, существовали только для целей репрессий. Пропасть между нацией и ее правителями, несмотря на очевидный провал демократической партии, оставалась гораздо глубже и шире, чем была раньше; и хотя Меттерних, вновь одержавший победу над растущим беспокойством эпохи, дремал еще десять лет в воображаемой безопасности, последний из его триумфов уже был одержан, и следующее восстание показало, насколько слепой была хваленая государственная мудрость, которая считала источники опасности исчерпанными, когда ее симптомы были загнаны под поверхность.

[Заговорщики и изгнанники.]

[Рассеяние швейцарских изгнанников, 1834.]

В половине государств Европы теперь существовали группы раздраженных, бескомпромиссных

людей, посвятивших свою жизнь составлению заговоров против правительств и сформировавших, исходя из общности интересов и цели, своего рода оборотную сторону Священного союза, федерацию врагов королей, лигу принципов и вероучений, в которой свобода и права человека противостояли установленному правлению, как свет тьме. По мере того как хватка власти повсюду все плотнее сжималась вокруг ее сбитых с толку врагов, все больше и больше этих людей отправлялось в изгнание. Среди них был генуэзец Мадзини, который после тюремного заключения в 1831 году удалился в Марсель и там, совместно с различными тайными обществами, планировал вторжение в итальянскую провинцию Савойя. Первоначально предполагалось, что это предприятие должно быть осуществлено одновременно с восстанием немцев во Франкфурте. Однако возникли задержки, и только в начале следующего года маленькая армия, в которой поляков было больше, чем итальянцев, была готова к выполнению своей задачи. Вторжение было предпринято из Женевы в феврале 1834 года и закончилось катастрофой. ^[395] Мадзини вернулся в Швейцарию, где сотни изгнанников, находившихся в безопасности под покровительством Республики, разрабатывали планы нападения на европейских деспотов и даже устраивали беспорядки в честь свободы на улицах защищавших их швейцарских городов. Влияние революционного движения того времени на укрепление союза трех восточных держав, столь грубо нарушенного греческой освободительной войной, теперь стало ясно видно. Государи России и Австрии встретились в Мюнхенграце в Богемии прошлой осенью и, по согласованию с Пруссией, выработали общие принципы действий, если потребуются их вмешательство против нарушителей порядка. Теперь отовсюду швейцарскому правительству были адресованы ноты, требующие высылки всех лиц, причастных к предприятиям, направленным против мира в соседних государствах. Отдельные кантоны оказали некоторое сопротивление этому требованию; но экстравагантность многих из самих беженцев вызвала недовольство населения, и большая часть из них была вынуждена покинуть Швейцарию и искать убежища в Англии или Америке. С рассеянием центральной группы изгнанников открытый союз, существовавший между революционерами Европы, постепенно распался. Братство королей оказалось суровой реальностью, братство народов - обманчивым видением. Действительно, Мадзини, который до этого времени едва выделялся из толпы революционных лидеров, еще предстояло доказать, насколько глубоко гений, возвышенность, пыл одного человека, борющегося против мировых сил, могут повлиять на историю его эпохи; но огонь, очистивший чистое золото, обуглил и поглотил низменные элементы; и из тех, кто больше всего надеялся после 1830 года, многие теперь впали в отчаяние или отдали свои жизни простой беспокойной агитации и интригам.

[Трудности Луи Филиппа.]

[Восстания 1832-1834 гг.]

[Репрессивные законы, сентябрь 1835 г.]

Дольше всего сохранялось революционное движение именно во Франции. В течение первого года правления Луи Филиппа оппозиция его правительству была вдохновлена не столько республиканством, сколько дикой и безрассудной симпатией к народам, которые боролись за свободу в других местах, и упрямым порывом взяться за оружие от их имени. Знаменитый декрет Конвента 1792 года, в котором Франция обещала помощь каждой нации в восстании против своих правителей, на самом деле был истинным выражением того, что чувствовала большая часть французской нации в 1831 году; и в глазах этих энтузиастов непростительным

оскорблением чести Франции было то, что Луи Филипп позволил Польше и Италии пасть, не обнажив меча против их завоевателей. То, что Франции пришлось бы сражаться с тремя восточными державами вместе взятыми, если бы она объединилась с теми, кто восстал против какой-либо из трех, не принималось во внимание шумным меньшинством в Палате представителей и среди парижских ораторов. Миротлюбивая политика Казимира Перье была неправильно понята; она сошла за простое трусство, хотя на самом деле это была единственная политика, которая могла спасти Францию от повторения бедствий 1815 года. Были и другие причины растущей непопулярности короля и его министров, но первой была их политика мира. По мере того как нападки его противников становились все более ожесточенными, правительство Казимира Перье принимало все более репрессивный характер. Разочарование незначительными результатами, к которым привела июльская революция в самой Франции, сильно повлияло на умы людей. Силы, которые были приведены в движение против Карла X., не собирались успокаиваться по приказу тех, кто извлек из них выгоду, и республиканская партия постепенно приобрела определенную форму и организацию. Беспорядки следовали за беспорядками. Летом 1832 года похороны генерала Ламарка, популярного солдата, послужили сигналом к восстанию в Париже. На улицах шли ожесточенные бои; однако Национальная гвардия оказалась верна королю и разделила с армией почести ее победы. Репрессивные меры и непрерывная серия судебных преследований против писателей-крамольников последовали за этим первым вооруженным нападением на действующее правительство. Ожесточенность Оппозиции, недовольство рабочего класса намного превзошли все, что было известно при Карле X. Вся страна была взбудоражена революционными обществами и революционной пропагандой. Споры между хозяевами и рабочими, которые в результате роста французской обрабатывающей промышленности стали теперь частыми и важными, начали приобретать политическую окраску. Польские и итальянские изгнанники связывали свои собственные планы с нападками на французское правительство изнутри; и, наконец, в апреле 1834 года, после принятия закона против профсоюзов, рабочие классы Лиона, которые бастовали против своих работодателей, были вынуждены подняться в восстании. После нескольких дней боев восстание было подавлено. Одновременно вспыхнули восстания в Сент-Этьене, Гренобле и многих других местах на юге и в центре Франции; и после сообщения об успехе повстанцев, достигших Парижа, была провозглашена Республика и возведены баррикады. Снова на улицах бушевала гражданская война, и снова правительственные силы одержали победу. Прошел еще год, в течение которого расследование последнего восстания и суд над множеством заключенных скорее взбудоражили, чем успокоили общественное мнение; и летом 1835 года было совершено покушение на жизнь короля, столь ужасное и разрушительное по своим последствиям, что оно приравнялось к общественному бедствию. Адская машина, состоящая из сотни орудийных стволов, была запущена корсиканцем по имени Фиески, когда король с большой свитой проезжал по улицам Парижа в годовщину Июльской революции. Четырнадцать человек были убиты на месте, среди которых был Мортье, один из старейших маршалов Франции; многие другие были смертельно или тяжело ранены. Король, однако, со своими тремя сыновьями остался невредимым, и репрессивные законы, следовавшие за этим безобразием, ознаменовали прекращение открытой революционной агитации во Франции. То ли из-за строгости новых законов, то ли из-за истощения сил партии, дискредитированной в глазах общества преступлениями нескольких ее членов и безрассудством многих других, конституционная монархия Луи-Филиппа, казалось, наконец-то победила своих противников. На жизнь короля предпринимались неоднократные покушения, но по большей части они не имели большого политического значения. Нация в целом приветствовала порядок; и хотя в

росте социалистической теории и жизненных убеждений, которые восходят к этой эпохе, для правительств таилась опасность большая, чем любая чисто политическая, социализм все еще был делом мыслителей, а не активных работников промышленного или парламентского мира. Правительство разгромило своих врагов за пределами Палаты. Внутри Палаты крайние партии перестали оказывать какое-либо реальное влияние. Формировались группы, и соперничающие лидеры боролись друг с другом за пост президента; но их не разделяли ни далеко идущие различия в целях, ни реальный антагонизм конституционных принципов. В последующие годы правления Луи Филиппа внешне было мало что заметно, кроме обычного соперничества партий при конституционной монархии. Средний класс сохранил свою монополию на власть: власть, централизованная, как и прежде, поддерживала свой прежний престиж во Франции и смягчала оппозицию разумными подарками в виде должностей и денежного вознаграждения. Революционные страсти, казалось, угасли, и триумфы или поражения партийных лидеров в Палате депутатов сменились мучительным и сомнительным конфликтом между правительством и восстанием.

[Английское реформаторское движение.]

Близкое совпадение по времени между Французской революцией 1830 года и принятием английского законопроекта о реформе склонно подсказать тем, кто ищет действие широких общих причин в истории, что английское реформаторское движение следует рассматривать как часть великого потока политических перемен, который тогда пронесся по европейскому континенту. Но при ближайшем рассмотрении эта точка зрения едва ли подтверждается фактами, и совпадение двух эпох перемен кажется не более чем случайным. Общее единство, пронизывающее историю более развитых континентальных государств, действительно сильнее, чем кажется поверхностному читателю истории; но это соответствие тенденций не всегда охватывает Англию; напротив, условия, характерные для Англии, обычно преобладают над условиями, общими для Англии и других стран, проявляя временами больше контраста, чем сходства, как в случае с наполеоновской эпохой, когда причины, объединившие западную половину континента, действовали мощно, чтобы исключить нашу собственную страну из текущих влияний того времени, и сделали Англию 1815 года во мнениях, религии и в жизни. вкус гораздо более островной, чем в Англии 1780 года. Революция, свергнувшая Карла X., несомненно, поощряла и стимулировала партию реформ в Великобритании; но, в отличие от бельгийского, немецкого и итальянского движений, английское реформаторское движение, несомненно, пошло бы тем же курсом и достигло бы тех же результатов, даже если бы восстание против указов Карла X было успешно подавлено, а монархия Бурбонов сохранила бы свою силу и репутацию. Реформа парламента была признана необходимой сорок лет назад. На самом деле Питт предложил его в 1785 году, и, если бы не начало Французской революции, он, вероятно, был бы введен в действие еще до конца прошлого столетия. Развитие английской обрабатывающей промышленности, имевшее место между 1790 и 1830 годами, сопровождавшееся быстрым ростом городов и обогащением городского среднего класса, сделало проект Питта, который должен был перенести представительство пришедших в упадок районов только в графства, устаревшим и сделало претензии новых населенных пунктов слишком сильными, чтобы им можно было сопротивляться. Теоретически представительная система страны была полностью преобразована; но никогда еще мера, которая, казалось, открывала путь к таким безграничным возможностям перемен, не была настолько безопасной и настолько консервативной. Несмотря на возросшее влияние, завоеванное богатой частью коммерческих классов, Палата общин по-прежнему состояла в основном из территориальной

аристократии. Формировался кабинет за кабинетом, в который едва ли входил хоть один член, который сам не был титулован или тесно связан с дворянством: социальное влияние ранга не уменьшалось; и хотя такие меры, как реформа муниципальных корпораций, свидетельствовали о возросшей энергии Законодательной власти, ни одна партия в Палате общин не была слабее той, которая поддерживала демократические требования о выборах и о трехгодичных парламентах, и отмена хлебных законов всерьез не рассматривалась, пока голод не сделал ее неизбежной. То, что повсеместная нищета, существовавшая в Англии после 1832 года в результате чрезмерного увеличения численности нашего населения и неспособности закона и филантропии соответствовать требованиям масштабного промышленного роста, должна была так спокойно переноситься, доказывает, насколько велик был успех Законопроекта о реформе как меры примирения между правительством и народом. Но главное оправдание изменений, произведенных в 1832 году, и полный и окончательный ответ тем, кто выступал против них как революционных, были даны только в 1848 году, когда в разгар европейских потрясений монархия и конституция Англии остались непоколебимыми. Каким бы смелым ни казалось законодательство лорда Грея людям, воспитанным в среде реакционных влияний, господствовавших в Англии с 1793 года, законопроект о реформе принадлежит не к классу великих созидательных мер, положивших начало новым периодам в жизни наций, а к классу тех, которые, в наименьшей степени затрагивая общий порядок общества, в наибольшей степени способствовали политической стабильности и предотвращению революционных перемен.

ГЛАВА XVII.

Франция и Англия после 1830 года-Дела Португалии-Дон Мигель-Дон Педро вторгается в Португалию-Фердинанд Испанский-Прагматическая санкция-Смерть Фердинанда: регентство Кристины-Конституция-Четверной союз- Мигель и Карлос изгнаны из Португалии-Карлос входит в Испанию-Провинции Басков-Карлистская война: Зумалакарреги-Правительство Испании обращается за помощью к Франции, которая отказано-Конституция 1837 года-Конец войны-Регентство Эспартеро-Королева Изабелла-Дела Османской империи-Ибрагим вторгается в Сирию; его победы-Соперничество Франции и России в Константинополе-Кутайский мир и Ункиар-Скелесский мирный договор-Действие этого договора-Франция и Мехмет Али-Торговля Леванта-Вторая война между Мехметом и Портой-Бедствия Османской Империи-Политика Великих держав-Четверной договор без участия Франции-Ибрагим изгнан из Сирии-Окончательное урегулирование-Турция после 1840 года-Попытка реформ в Сирии Решид Паша.

[Франция и Англия после 1830 г.]

Союзы мнений обычно охватывают преследование одной или обеими сторонами какого-либо определенного интереса; и из этого правила альянс, который, по-видимому, возник между Францией и Англией после перемен 1830 года, не был исключением. По распространенному мнению, узами союза между двумя штатами была общая приверженность принципам свободы; и со стороны государственных деятелей-вигов, которые теперь правили Англией, эта симпатия к свободным конституционным системам за рубежом, безусловно, была мощной силой; но другие мотивы, помимо простой общности чувств, объединили два правительства, и в случае Франции эти непосредственные интересы значительно перевешивали любое абстрактное предпочтение конституционного союзника. У Луи Филиппа был явный и упрямый враг в лице российского царя, который был другом его предшественника: венский двор терпел узурпаторов только там, где нападение на них могло причинить еще больший вред; у Пруссии не было причин отказываться от связей, которые она поддерживала с 1815 года. По мере того как союз между тремя Восточными дворами становился все теснее вследствие вспышки революции за пределами Франции, хорошее взаимопонимание с Великобританией становилось все более и более очевидной правильной политикой для Луи Филиппа; с другой стороны, дружба с Францией, казалось, могла уберечь Англию от возвращения в то изолированное положение, которое она занимала, когда Священный союз установил закон в Европе, и предотвратила опасность, которой подверглась Османская империя, а также мир во всем мире из-за сочетания французских и российских планов расширения. Если бы Каннинг, оставшийся без союзника в Европе, призвал к существованию новый свет, чтобы восстановить равновесие в старом, его преемники-виги вполне могли бы с некоторым удовлетворением наблюдать за тем смещением весов, которое склонило одну из Великих держав на сторону Англии, и ожидать, что в сотрудничестве двух великих западных государств в европейской политике появится постоянная сила, которая должна будет сдерживать реакционное влияние Вены и Санкт-Петербурга. В какой-то степени эти взгляды были реализованы. Было признано, что между правительствами Парижа и Лондона существуют общие дружественные отношения, и в некоторых европейских осложнениях их вмешательство было организовано совместно. Но даже здесь элемент недоверия редко отсутствовал; и в то время как английские министры ревниво следили за каждым действием своего соседа, французское правительство редко позволяло узам неформального союза мешать отстаиванию его собственных взглядов. Хотя до конца правления Луи Филиппа хорошее взаимопонимание между Англией и Францией все еще номинально существовало, всякое реальное доверие к тому времени давно исчезло; и не раз сохранение мира между двумя нациями подвергалось серьезной опасности.

[Дела Португалии, 1826-1830 гг.]

Именно при создании королевства Бельгия совместные действия Франции и Англии привели к своему первому и наиболее успешному результату. Второе требование было предъявлено к правительствам двух конституционных держав конфликтами, которые сотрясали Испанский полуостров и которые были разжигаемы в общих интересах абсолютизма как австрийским, так и русским двором. Вмешательство Каннинга в 1826 году от имени конституционного регентства Португалии против иностранных сторонников дона Мигеля, главы клерикальной и реакционной партии, не привело к постоянному восстановлению мира в этой стране. Мигель действительно

принял конституцию и, обручившись с малолетним монархом, донной Марией, которая все еще находилась со своим отцом Педро в Бразилии, вступил в права регентства, которые обещал ему его старший брат. Но его действия вскоре опровергли заявления о верности конституции, которую он создал; и после роспуска кортесов и реорганизации средневековых сословий он добился провозглашения себя королем (июнь 1828 г.). Последовало царство террора. Конституционалисты были полностью разгромлены. Собственное жестокое насилие Мигеля послужило примером для всех фанатиков и головорезов, которые его окружали; и после безуспешного обращения к оружию те из приверженцев донны Марии и конституции, кто избежал тюремного заключения или казни, нашли убежище в Англии или на Азорских островах, где Мигель не смог установить свою власть. Хотя Мигель не был официально признан Сувереном большинством иностранных дворов, сторонники абсолютизма повсюду с удовлетворением восприняли его победу; а в Великобритании, где герцог Веллингтон все еще находился у власти, прецедент вмешательства Каннинга был осужден и соблюдался строгий нейтралитет. Донне Марии было не только отказано во всякой помощи, но и ее приверженцам, нашедшим убежище в Англии, было запрещено использовать эту страну в качестве базы для каких-либо операций против узурпатора.

[Вторжение Педру в Португалию. Июль 1832 г.]

Такова была ситуация в португальских делах, когда события 1830 года привнесли совершенно новый дух во внешнюю политику как Англии, так и Франции. Мигель, однако, не имел ни малейшего желания приспособлять свою собственную политику к изменившимся обстоятельствам; напротив, он бросил вызов враждебности обоих правительств, продолжив серию бессмысленных нападков на английских и французских подданных, проживающих в Лиссабоне. Требовалось удовлетворение, и требовалось силой. Английские и французские эскадры последовательно появлялись в Тежу. Лорд Пальмерстон, ныне министр иностранных дел в министерстве Эрла Грея, удовлетворился выплатой денежной компенсации своим соотечественникам, сопровождавшейся публичными извинениями от португальского правительства: французский адмирал, столкнувшись с некоторыми трудностями в получении компенсации, увел лучшие корабли флота донна Мигеля. ^[396] Однако вскоре на узурпатора обрушился более тяжкий удар. Его брат, император Педру, которому угрожала революция в Бразилии, решил вернуться в Европу и добиться соблюдения прав своей дочери на трон Португалии. Педро прибыл в Лондон в июле 1831 года, и правительство разрешило ему набрать войска и заручиться услугами нескольких лучших морских офицеров этой страны. Местом сбора его войск был Терсейра, один из Азорских островов, и летом 1832 года был собран достаточно сильный отряд войск для отвоевания Португалии. В Порту была произведена высадка, и этот город без сопротивления попал в руки донна Педро. Однако Мигель теперь выступил против своего брата и осадил Порту. Почти год ни одна из сторон не добивалась прогресса; наконец прибытие добровольцев из разных стран, среди которых был капитан Чарльз Нейпир, позволило Педру разделить свои силы и предпринять новое наступление на Португалию с юга. Нейпир, командовавший флотом, уничтожил военно-морской флот донна Мигеля у берегов Сент-Винсента; его коллега Вилла Флор высадился и двинулся маршем на Лиссабон. Сопротивление врага было преодолено, и 28 июля 1833 года дон Педро вступил в столицу. Но война еще не закончилась, поскольку дело Мигеля было так же тесно связано с интересами европейского абсолютизма, как дело его брата - с конституционным правом, и в его лагерь продолжала поступать помощь как войсками, так и деньгами. Борьба грозила стать долгой и упорной, когда

новый поворот событиям на полуострове придала смерть Фердинанда, короля Испании.

[Смерть Фердинанда, сентябрь 1833 г.]

С момента восстановления абсолютного правления в Испании в 1823 году Фердинанд, несмотря на свою собственную крайнюю слабость и невежество, не давал полного удовлетворения фанатикам клерикальной партии. Некоторые остатки государственной мудрости, некоторое чувство политической необходимости, а также влияние иностранных советников помешали правительству Мадрида полностью отождествить себя с монахами и фанатиками, которые первыми восстали против конституции 1820 года и которые теперь стремились установить абсолютное верховенство Церкви. Инквизиция не была восстановлена, и одного этого было достаточно, чтобы заклеить короля как ренегата в глазах свирепых и непримиримых поборников средневекового фанатизма. Прикрываясь именем апостоликов, эти реакционеры временами поднимали открытый бунт. Однако их нетерпение в целом сдерживалось знанием того, что в лице брата и наследника короля, дон Карлоса, у них был сторонник, чья преданность делу священничества была вне подозрений и от которого можно было ожидать, что он вскоре взойдет на трон. Фердинанд был трижды женат, у него не было детей, состояние его здоровья было плачевным, и жизнь его, вероятно, была короткой. Более того, с 1713 года наследование испанского престола регулировалось Салическим законом, так что даже в случае ухода Фердинанда от женского пола Дон Карлос, тем не менее, унаследовал бы корону. Эти уверенные надежды были грубо нарушены браком короля со своей кузиной Марией Кристиной Неаполитанской, за которым последовал эдикт, известный как Прагматическая санкция, отменяющий Салический закон, введенный при первых Бурбонах, и восстанавливающий древний кастильский обычай, по которому женщины могли наследовать корону. Вскоре после этого у новой королевы родилась дочь Изабелла. Относительно законности Прагматической санкции мнения публицистов разошлись; однако Европа в целом оценивала ее не с точки зрения теории антиквариата, а с прямой ссылкой на ее непосредственный эффект. Три восточных двора решительно осудили это как вмешательство в устоявшееся монархическое право и как удар по делу европейского абсолютизма из-за союза, который это почти наверняка создало бы между сторонниками смещения Дона Карлоса и либералами Испанского полуострова. ^[397] Для клерикальной и реакционной партии в Мадриде это было равносильно ни много ни мало уничтожающему приговору, и на слабого и умирающего короля было оказано максимальное давление с целью побудить его исправить предполагаемое зло, которое он причинил своему брату. В минуту протрапии Фердинанд отменил Прагматическую Санкцию; но впоследствии, немного придя в себя, он вновь ввел ее в действие и назначил Кристину регентшей на время своей болезни. Дон Карлос, протестуя против нарушения его прав, отправился в Португалию, где объединился с Мигелем. Его сторонники не собирались мириться со сменой престолонаследника. Их негодование едва сдерживалось при жизни Фердинанда, и когда в сентябре 1833 года произошла его долгожданная смерть, и малолетняя Изабелла была провозглашена королевой под регентством своей матери, вспыхнуло открытое восстание, и Карлос был провозглашен королем в нескольких северных провинциях.

[Регентство и карлисты.]

[Четверной договор, 22 апреля 1834 г.]

[Мигель и Карлос отстранены от должности в мае 1834 г.]

На данный момент силы Регентства, казалось, намного превосходили силы повстанцев, и дон Карлос не смог воспользоваться первой вспышкой энтузиазма и встать во главе своих сторонников. Он остался в Португалии, в то время как Кристина, как и ожидалось, сблизилась с испанскими либералами и в конечном итоге призвала к власти либерального министра Мартинеса де ла Роса, при котором Королевским статутom (10 апреля 1834 г.) Испании была дана конституция. В то же время были начаты переговоры с Португалией и западными державами в надежде сформировать союз, который должен изгнать и Мигеля, и Карлоса с полуострова. 22 апреля 1834 года в Лондоне был подписан Четверной договор, по которому испанское правительство обязалось направить армию в Португалию против Мигеля, а Лиссабонский двор взамен обязался использовать все имеющиеся в его распоряжении средства для изгнания дон Карлоса с португальской территории. Англия обязалась сотрудничать с помощью своего флота. Помощь Франции, если она будет сочтена необходимой для достижения целей Договора, должна была быть оказана таким образом, чтобы это было решено по общему согласию. В соответствии с политикой Договора и еще до того, как было подписано официальное обязательство, испанская дивизия под командованием генерала Родила пересекла границу и выступила против Мигеля. Силы узурпатора потерпели поражение. Появление английского флота и публикация Договора о четверном союзе сделали дальнейшее сопротивление безнадежным, и 22 мая Мигель подчинился и в обмен на большую пенсию отказался от всех прав на корону и обязался навсегда покинуть полуостров. Дон Карлос, отказавшись от подобных условий, поднялся на борт английского корабля и был доставлен в Лондон. ^[398]

[Карлос появляется в Испании.]

Что касается Португалии, Четверной союз полностью достиг своей цели; и поскольку дело карлистов укреплялось продолжением гражданской войны в соседней стране, этот источник силы, без сомнения, был у нее изъят. Но по своему воздействию на самого Дона Карлоса действия Четверного союза были хуже, чем бесполезны. Выполняя букву Договора, который предусматривал изгнание двух претендентов с полуострова, английский адмирал вывез Карлоса из Португалии, где он был сравнительно безвреден, и не взял никаких действенных гарантий, что он не появится снова в самой Испании и не подкрепит свои притязания оружием. Карлос не был взят в плен; он не давал никаких обещаний и не брал на себя никаких обязательств; и британское правительство после его прибытия в эту страну не могло держать его в постоянном заключении. Покинув Англию после недолгого пребывания, он переодетым путешествовал по Франции, пересек Пиренеи и появился 10 июля 1834 года в штаб-квартире карлистских повстанцев в Наварре.

[Баскские провинции.]

В стране, расположенной непосредственно за западными Пиренеями, в так называемых баскских провинциях, находилась главная сила восстания карлистов. Эти провинции, которые были одними из самых процветающих и трудолюбивых частей Испании, из-за самого их превосходства могли показаться неподходящим местом для движения, направленного против всего, что способствует свободе, терпимости и прогрессу в испанском королевстве. Но отождествление басков с делом карлистов на самом деле было вызвано местными, а не общими причинами; и борясь за то, чтобы навязать испанскому народу фанатичного деспота, они на самом деле боролись за то, чтобы защитить себя от более тесной интеграции с Испанией.

Вплоть до 1812 года баскские провинции сохранили более половины необходимого для обретения независимости. Из-за их положения на границе с Францией испанская монархия, уничтожив всю местную независимость во внутренних районах Испании, неизменно относилась к баскам с той же снисходительностью, которую правительство Великой Великобритании проявляло к Нормандским островам и которую французская монархия, хотя и в меньшей степени, проявляла к пограничной провинции Эльзас в семнадцатом и восемнадцатом веках. Таможенная граница севера Испании проходила к югу от этих районов. Жители ввозили из Франции все, что им заблагорассудится, не платя никаких пошлин; в то время как высокие импортные сборы, взимаемые на границе соседних испанских провинций, давали им возможность легко и прибыльно заниматься контрабандой. Местная администрация оставалась в значительной степени в руках самих жителей; каждая деревня сохраняла свою активную корпоративную жизнь; и эффект этого сохранения сильной местной свободы был виден в замечательном контрасте, описанном путешественниками между внешним видом баскских районов и Испании в целом. *Fueros*, или местные права, как считали их баски, на самом деле были, если рассматривать их как часть порядка испанского государства, рядом исключительных привилегий; и было неизбежно, что разработчики Конституции 1812 года в своей попытке создать современную административную и политическую систему, справедливую для всей нации, должны были стереть различия, которые до сих пор отделяли одну группу провинций от остальной части сообщества. Продолжение войны до возвращения Фердинанда и свержение Конституции помешали в то время осуществлению планов кортесов; но революция 1820 года привела их в действие, и баски оказались, в результате победы либеральных принципов, вынужденными платить пошлины на импорт, лишены доходов от контрабанды и вытесненными в управлении своими местными делами армией чиновников из Мадрида. Благодаря Конституции они получили мало того, чего не имели раньше, и их потери были немедленными, осязаемыми и существенными. Результатом стало то, что, хотя более крупные города, такие как Бильбао, оставались верны современным идеям, сельские районы, возглавляемые в основном священниками, взялись за оружие во имя абсолютной монархии, помогли французам в восстановлении деспотизма в 1823 году и остались постоянными врагами конституционного дела. ^[399] После смерти Фердинанда они сразу же встали на сторону дона Карлоса и подняли восстание против правительства королевы Кристины, которое, по их мнению, в равной степени угрожало привилегиям баскских провинций и интересам католической ортодоксии.

[Победы карлистов, 1834-5.]

В характере Дона Карлоса было мало такого, что могло бы вызвать лояльность даже у его самых невежественных сторонников. Военного и политического потенциала он был полностью лишен, и его продолжительное отсутствие в Португалии, когда конфликт фактически начался, доказывало, что ему не хватало естественных порывов храброго человека. Однако ему повезло, что ему служил солдат необычайной энергии и мастерства; и первые неудачи карлистов были быстро устранены, и была организована система ведения войны, которая положила конец надеждам на легкие завоевания, с которыми правительство Кристины встретило восстание. Сражаясь за никчемное дело и располагая ресурсами, едва ли превосходящими ресурсы главаря разбойников, лидер карлистов Зумалакарреги наносил поражение за поражением генералам, которые были посланы уничтожить его. Горный характер страны и всеобщая враждебность жителей делали усилия регулярной армии бесполезными против чередующихся бегств и неожиданностей людей, которые знали каждую горную тропу и получали информацию

о передвижениях врага от каждого крестьянина. Зумалакарреги добавил террор ко всем другим своим методам деморализации противника. Осуществляя репрессии, он неоднократно хладнокровно убивал всех своих пленных и придал войне настолько жестокий характер, что иностранные правительства в конце концов почувствовали себя вынужденными призвать воюющие стороны к некоторому уважению к обычаям цивилизованного мира. Появление самого дона Карлоса летом 1834 года еще больше подняло доверие, уже внушенное победами его генерала. Напрасно старый солдат-конституционалист Мина, снискавший столь громкое имя в этих провинциях в 1823 году, вернулся после долгого изгнания на место своих подвигов. Ослабленный и страдающий, он больше не мог встать во главе своих войск и вскоре попытался освободиться от безнадёжной задачи. Его преемник, военный министр Вальдес, выступил на поле боя, объявив о своей решимости действовать по новой системе и действовать массово со своими войсками вместо того, чтобы преследовать банды противника отдельными отрядами. Результатом этой смены тактики стало поражение, более сокрушительное и полное, чем постигало кого-либо из предшественников Вальдеса. Он с трудом вывел остатки своей армии из восставших провинций, и вождь карлистов, овладевший открытой местностью вплоть до границ Кастилии, приготовился перейти Эбро и двинуться на Мадрид. ^[400]

[Просьба к Франции о помощи, май 1835 г.]

Министры королевы Кристины, которые до этого времени заявляли, что уверены в своих силах справиться с восстанием, теперь не могли больше скрывать реальное положение дел. Сам Вальдес заявил, что восстание не может быть подавлено без иностранной помощи; и после продолжительного обсуждения в Кабинете министров было решено обратиться к Франции за вооруженной помощью. Бегство дона Карлоса из Англии уже привело к добавлению дополнительной статьи к Договору о Четверном союзе, в котором Франция обязывалась таким образом следить за границей Пиренеев, чтобы никакое подкрепление или военные боеприпасы не достигли карлистов с той стороны, в то время как Англия обещала снабдить войска королевы Кристины оружием и припасами и, при необходимости, оказать помощь военно-морскими силами (18 августа 1834 г.). Таким образом, иностранные поставки, отправляемые карлистам, были перекрыты как по суше, так и по морю; но более активная помощь казалась необходимой, если мы хотели спасти Мадрид от попадания в руки врага. Правительству Луи-Филиппа была направлена просьба оккупировать провинции Басков двенадцатитысячным корпусом. В пользу прямого вмешательства французскому двору могли быть приведены веские доводы. Победа дона Карлоса посадила бы на трон Испании представителя всех тех реакционных влияний по всей Европе, которые были тайно или открыто враждебны Орлеанскому дому, и определенно ознаменовала бы провал той политики, которая побудила Францию объединиться с Англией для изгнания дона Мигеля из Португалии. С другой стороны, опыт, накопленный в ходе более ранних военных предприятий в Испании, вполне мог бы удержать даже более смелых политиков, чем те, что были при Луи Филиппе, от решения задачи, конечные результаты которой никто не мог с уверенностью предсказать. Наполеон разрушил свою империю в битве за Пиренеями не меньше, чем в походе на Москву; и экспедиция 1823 года, хотя и не сопряженная с военными трудностями, подверг Францию унижительной ответственности за каждый жестокий акт деспотизма, который в самый момент своего восстановления пренебрег советами своих реставраторов. Конституционное правительство, обратившееся за помощью к Франции, могло, кроме того, в любой момент уступить место демократической фракции, которая уже преследовала его в кортесах и которая в своем союзе с населением многих крупных городов угрожала ввергнуть Испанию в анархию или восстановить злополучную конституцию 1812 года.

Но прежде всего позиция трех восточных держав заставляла правителя Франции колебаться, прежде чем приступить к военной оккупации испанской территории. Их симпатии были на стороне Дона Карлоса, и активное участие Франции в ссоре, возможно, могло бы вызвать их противоборствующие силы на поле боя и спровоцировать всеобщую войну. Ввиду очевидных опасностей, вытекающих из предполагаемого вмешательства, французское правительство, придерживаясь той статьи Четверного договора, которая предусматривала, что помощь Франции должна оказываться таким образом, который может быть согласован всеми участниками Договора, обратилось к Великобритании с запросом, возьмет ли эта страна на себя совместную ответственность в этом предприятии и разделит ли с Францией последствия, к которым оно может привести. Лорд Пальмерстон в ответ отказался дать требуемые гарантии. Он заявил, что британское правительство не будет возражать против ввода французских войск в Испанию, но что такое вмешательство должно рассматриваться как дело рук одной Франции и предприниматься Францией на свой страх и риск. Этого ответа было достаточно для Луи Филиппа и его министров. Правительство Испании было проинформировано, что предоставление военной помощи невозможно и что все общественное мнение Франции осудит столь опасное предприятие. В качестве доказательства доброй воли королеве Кристине было дано разрешение набирать добровольцев как в Англии, так и во Франции. Было поставлено оружие, и несколько тысяч нуждающихся или искателей приключений в конце концов покинули нашу страну, а также Францию, чтобы под руководством полковника Де Лейси Эванса и других лидеров заработать скудный урожай прибыли или славы.

[Продолжение войны.]

Первым результатом отклонения требования Испании о прямом вмешательстве Франции было падение министра, которым было выдвинуто это требование. Его преемник Торено, хотя и был известным патриотом, оказался неспособным остановить волну революции, захлестнувшую страну. Город за городом создавали свою собственную хунту и действовали так, как будто центральное правительство прекратило свое существование. Снова обращение за помощью было обращено к Луи Филиппу, и теперь не столько для того, чтобы предотвратить победу дона Карлоса, сколько для того, чтобы спасти Испанию от анархии и от конституции 1812 года. Прежде чем пришел ответ, Торено, в свою очередь, скончался. Мендизабаль, банкир, которому были доверены финансовые дела в Лондоне и который вступил в дружеские отношения с лордом Пальмерстоном, был призван на этот пост как политик, приемлемый для демократической партии, и сторонник тесных связей с Англией, а не с Францией. Несмотря на уверенные заявления министра и несмотря на некоторую помощь, фактически оказанную английским флотом, не было достигнуто никакого реального прогресса в усмирении карлистов или в восстановлении административного и финансового порядка. Смерть Зумалакарреги, которого Дон Карлос вынудил повернуть на север и осадить Бильбао вместо того, чтобы идти на Мадрид сразу после его побед, остановила развитие восстания в критический момент; но правительство, растерянное и обанкротившееся, не смогло воспользоваться представившейся возможностью, и вскоре война вспыхнула с новой силой не только в баскских провинциях, но и по всей северной Испании. Год за годом продолжалась монотонная борьба, Кортесы сменяли друг друга, фракции сменяли фракции, пока не осталось почти ни одного офицера, который не потерял бы свою репутацию, или политика, который не был бы бесполезен и дискредитирован.

[Конституция 1837 года.]

[Конец войны, сентябрь 1839 г.]

Королева-регентша, которая в силу необходимости своего положения некоторое время была представителем народного дела, постепенно отождествила себя с интересами, противостоящими демократическим переменам; и хотя к ее имени по-прежнему относились с некоторым уважением, а ее политику обычно приписывали вводящим в заблуждение советам придворных, ее реальное положение хорошо понимали в Мадриде, и было известно, что ее собственное сопротивление было главным препятствием для восстановления Конституции 1812 года. Поэтому было решено преодолеть это сопротивление силой; и 13 августа 1836 года полк мадридского гарнизона, привлеченный на сторону Экзальтадо, двинулся маршем на дворец Ла Гранха, ворвался в апартаменты королевы и заставил ее подписать указ, восстанавливающий Конституцию 1812 года, пока кортесы не установят ее или какую-либо другую. В столице начались беспорядки и убийства. Люди умеренных взглядов, встревоженные приближением анархии, готовились объединиться с Доном Карлосом. Король Луи Филипп, который только что согласился усилить французский легион несколькими тысячами обученных солдат, теперь полностью порвал с испанцами и отправил в отставку своих министров, которые отказались согласиться с этим изменением политики. Тем временем Восточные державы и все разумные сторонники абсолютизма умоляли дона Карлоса дать такие гарантии, которые удовлетворили бы колеблющуюся массу его противников и возвели бы его на трон без ущерба для каких-либо прав, которые стоило бы сохранить. Казалось, что возможность была слишком очевидна, чтобы ее можно было неправильно понять; но упрямство и ограниченность дона Карлоса были стойкостью против любого зова судьбы. Отказываясь вступать в какие-либо обязательства, он сделал невозможным подчинение ему людей, которые не были готовы принять абсолютизм в чистом виде. С другой стороны, большинство кортесов, у которых теперь открылись глаза на окружающие их опасности, приняли такие изменения Конституции 1812 года, что политическая стабильность снова стала возможной (июнь 1837 г.). Опасность общего перехода всех умеренных элементов в государстве на сторону дона Карлоса была предотвращена; и, хотя армии карлистов перешли в наступление, угрожали столице и совершали вторжения во все части Испании, самый мрачный период войны теперь закончился; и когда, предприняв лично поход на Мадрид, Дон Карлос отклонился в сторону и в конце концов в замешательстве отступил к Эбро, подавление восстания стало неизбежным. Генерал Эспартеро, благодаря которому сохранились те отличия, которые можно было добыть в этой жалкой войне, шаг за шагом оттеснял противника и вторгался огнем и мечом в баскские провинции, применяя систему опустошения, которая одна, казалось, была способна истощить выносливость народа. Доведенные до последней крайности, лидеры карлистов повернули оружие друг против друга. Священники отлучили генералов от церкви, а генералы расстреляли священников; и, наконец, 14 сентября, после капитуляции почти всех своих войск у Эспартеро, Дон Карлос пересек французскую границу, и конфликт, который в течение шести лет приводил к варварству и позору испанскую нацию, подошел к концу.

[Конец регентства, Изабелла, королева, ноябрь 1843 г.]

Триумф королевы Кристины над ее соперницами был недолгим. Столкнувшись с сильной демократической партией как в кортесах, так и в стране, она тщетно пыталась управлять страной с помощью министров по собственному выбору. Ее популярность сошла на нет. Скандалы, связанные с ее личной жизнью, нанесли справедливый ущерб нации и фатально ослабили ее политический авторитет. Вынужденная восстанием назначить Эспартеро главой

прогрессистской партии, она обнаружила, что уступки, которых требовал этот генерал, были больше, чем она могла предоставить, и, предпочтя подчиниться им, она сложила с себя регентство и покинула Испанию (октябрь 1840 г.). Эспартеро, после некоторого перерыва, сам был назначен кортесами регентом. В течение двух лет он удерживался у власти, затем, в свою очередь, пал под совместной атакой своих политических противников и крайних представителей своей собственной партии и отправился в изгнание. В Испании не осталось ни одного человека, способного занять вакантное место регента, и за неимением всех других средств юная принцесса Изабелла, которой сейчас шел четырнадцатый год, была объявлена совершеннолетней и взошла на трон (ноябрь 1843 г.). Кристина вернулась в Мадрид. После некоторых быстрых смен в министерстве было сформировано более прочное правительство из партии Модерадо под руководством генерала Нарваэса; и по сравнению с только что закончившимся периодом первые несколько лет нового правления были годами восстановления и порядка.

[Война между Мехметом Али и Портой, 1832 г.]

Отказ Луи Филиппа от своих обязательств после капитуляции Марии Кристины перед солдатами в Ла-Гранхе в 1836 году уменьшил доверие, оказанное королем британским министерством; но это не разрушило дружеских отношений, существующих между двумя правительствами. Гораздо более серьезные причины разногласий возникли из-за хода событий на Востоке и расширения власти Мехмета Али, вице-короля Египта. Давно предвиденная борьба между Мехметом и его сувереном разразилась в 1832 году. После основания Греческого королевства остров Крит был передан Мехмету в обмен на его заслуги перед османским делом на суше и на море. Эта уступка, однако, была далека от удовлетворения амбиций вице-короля, и ссора с Абдаллой, пашой Акко, дала ему возможность ввести армию в Палестину, не поднимая прямого восстания против своего суверена (ноябрь 1831 г.). Ибрагим, командовавший войсками своего отца, осадил Акко; и если бы эта крепость сразу пала, султан, вероятно, позволил бы ей остаться в руках завоевателя в качестве дополнения к его собственной провинции, поскольку турецкая армия не была готова к войне, а в Османской империи не было ничего необычного в том, что один губернатор провинции завладел территорией за счет другого. Однако оборона Акко была настолько упорной, что Порте было предоставлено время на подготовку к войне; и весной 1832 года, после издания прокламации, объявляющей Мехмета и его сына мятежниками, турецкая армия во главе с Хусейн-пашой вошла в Сирию.

[Ибрагим завоевывает Сирию и Малую Азию.]

Ибрагим, пока продолжалась осада Акко, захватил окружающую страну. Теперь он владел всей внутренней частью Палестины, и ливанские племена присоединились к нему в надежде получить облегчение от бремени дурного турецкого правления. Падение Акры, когда армия, пришедшая на выручку, все еще находилась недалеко от Антиохии, позволило ему бросить все свои силы против своего противника в долине Оронта. Это было намерение турецкого генерала, чьи силы, хотя и превосходили по численности, не имели европейской подготовки полков Ибрагима, отразить нападение египтян в укрепленном лагере близ Хамы. Командующий авангардом, однако, продвинулся вперед дальше этого пункта и, находясь далеко впереди основных сил армии, был внезапно атакован Ибрагимом в Хомсе. Захваченные в момент полного беспорядка, турки были обращены в бегство. Их поражение и бегство так встревожили главнокомандующего, что он решил отступить к Алеппо, оставив Антиохию и всю долину Оронта

врагу. Алеппо был взят, но губернатор, привлеченный Ибрагимом, закрыл ворота города перед голодающей армией и вынудил Хусейна продолжить отступление к горам, которые образуют барьер между Сирией и Киликией. Здесь, на перевале Бейлан, он был атакован Ибрагимом, перехитрил его и был вынужден отступить с большими потерями (29 июля). Преследование продолжалось через провинцию Киликия. Армия Хусейна, теперь полностью деморализованная, бежала в центр Малой Азии; египтянин, продвинувшись до горы Тавр и заняв перевалы в этом хребте, расположился в завоеванной стране, чтобы освежить свою армию и дождаться подкрепления. После двухмесячного перерыва он возобновил свой поход, пересек гору Тавр и занял Конье, столицу этого округа. Здесь был нанесен последний и решающий удар. Новая турецкая армия, возглавляемая Решид-пашой, соратником Ибрагима по осаде Миссолонги, наступала с севера. Вопреки своему собственному совету, Решид был вынужден по приказу из Константинополя рискнуть всем в сражении. Он атаковал Ибрагима при Конье 21 декабря и потерпел полное поражение. Сам Решид был взят в плен; его армия рассеяна; последние силы султана были истощены, и дорога к Босфору была открыта перед египетским захватчиком.

[Российская помощь, предложенная султану.]

[Кутайский мир, апрель 1833 г.]

Оказавшись в безвыходном положении, султан огляделся в поисках помощи; в предложениях помощи недостатка не было. Император Николай после Адрианопольского мирного договора взял на себя роль великодушного друга; он верил, что Османская империя может путем разумного управления и без дальнейших завоеваний быть приведена в состояние обычной зависимости от России; и еще до того, как стал известен результат битвы при Конье, генерал Муравьев прибыл в Константинополь с предложением русской помощи как на суше, так и на море, и предложил свои личные услуги по восстановлению мира. Махмуд в какой-то степени был покорен политической снисходительностью царя при заключении Адрианопольского мирного договора. Его ненависть к Мехмету Али была всепоглощающей страстью; и, несмотря на общее убеждение как его народа, так и его советников, что никакая возможная уступка мятежному вассалу не может быть столь пагубной, как защита наследственного врага ислама, он был склонен принять предложение России о помощи. Предварительно Муравьев был отправлен в Александрию с разрешением уступить Акко Мехмету Али, если взамен вице-король передаст султану свой флот. Это были условия, на которых ни один разумный человек не мог ожидать, что Мехмет заключит мир; и намерение русского двора, вероятно, состояло в том, чтобы миссия Муравьева провалилась. Вскоре посланник вернулся в Константинополь, объявив, что его условия отклонены. Теперь Махмуд потребовал, чтобы русские корабли были отправлены в Босфор, и, к ужасу французского и английского посольств, русская эскадра появилась перед столицей. Адмирал Руссен, французский посол, обратился с протестом к султану и пригрозил покинуть Константинополь. Его протесты побудили Махмуда согласиться на начало более серьезных переговоров с Мехметом Али. Французский посланник был уполномочен пообещать вице-королю губернаторство Триполи в Сирии, а также Акко; его предложения, однако, были не более приемлемыми, чем предложения Муравьева, и Мехмет открыто заявил, что, если мир не будет заключен на его собственных условиях в течение шести недель, он должен приказать Ибрагиму, который остановился в Кутайе, продолжать свой поход к Босфору. Глубоко встревоженный этой угрозой и полагая, что никакие турецкие силы не смогут удержать Ибрагима вне столицы, Махмуд обратился к России с просьбой прислать больше

кораблей, а также войск. Адмирал Руссен снова убеждал султана, что если Сирия может быть отвоевана только русскими войсками, то для Порты она более чем потеряна. Его доводы были поддержаны Диваном, и с таким успехом, что к Ибрагиму был направлен французский дипломат, уполномоченный вести переговоры о мире на любых условиях. Предварительные соглашения были подписаны в Кутайе при посредничестве Франции 10 апреля 1833 года, по которым султан передавал своему вассалу не только всю Сирию, но и провинцию Адана, лежащую между горой Тавр и Средиземным морем. После некоторой задержки эти Предварительные условия были одобрены Махмудом, и Ибрагим, после своего ослепительного успеха как на войне, так и в дипломатии, начал эвакуацию северной Анатолии.

[Ункиар-Скелесский мирный договор, июль 1833 г.]

На данный момент казалось, что французское влияние решительно возобладало в Константинополе и что царские войска были отозваны из Севастополя только для того, чтобы быть распущенными с ироническими комплиментами тех, кто больше всего хотел от них избавиться. Но на самом деле это было не так. Были ли колебания в политике султана вызваны простым страхом и нерешительностью, или же они в какой-то степени проистекали из желания натравить одну державу на другую, но именно России, а не Франции, было оказано его окончательное доверие. Солдаты царя стояли лагерем рядом с турками на восточном берегу Босфора; его корабли стояли ниже Константинополя. Здесь 8 июля во дворце Ункияра Скелесси был подписан Договор, ^[401], по которому Россия и Турция заключили оборонительный союз самого тесного характера, каждая держава обязалась оказывать помощь другой не только в случае нападения внешнего врага, но и в любом случае, когда ее миру и безопасности может угрожать опасность. Россия обязалась, в случаях, когда потребуется ее поддержка, предоставить любое количество войск, которое султан сочтет необходимым, как по морю, так и по суше, причем Порта не несла никаких расходов, кроме расходов на снабжение войск. Срок действия Договора в первом случае был установлен на восемь лет. Секретная статья, которая, однако, вскоре была опубликована, гласила, что для уменьшения бремени Порты царь не будет требовать материальной помощи, на которую ему дает право Международный договор; в то время как взамен такой помощи Порта обязалась, когда Россия вступит в войну, закрыть Дарданеллы для военных кораблей всех наций.

[Действие настоящего Договора.]

По Ункиар-Скелесскому мирному договору Россия подошла ближе, чем когда-либо до или после этого, к тому полному господству в Константинополе, которое было современным объектом ее политики. Успех ее дипломатов на самом деле был слишком велик; ибо, если абстрактное право султана выбирать себе союзников еще не оспаривалось Европой в целом, пункт Договора, касающийся Дарданелл, затрагивал интересы каждой державы, имевшей военно-морскую базу в Средиземном море. По общественному праву Европы Черное море, которое до восемнадцатого века было полностью охвачено территорией султана, не являлось частью открытых вод мира, а являлось турецким озером, доступ к которому через Дарданеллы предоставлялся только по желанию Порты. Когда в восемнадцатом веке Россия закрепила на северном берегу Эвксинского залива, это не давало ей права посылать военные корабли через проливы в Средиземное море, и ни одна держава, находящаяся в состоянии войны с Россией, не имела права посылать флот в Черное море иначе, чем с согласия султана. Ункиар-Скелесский мирный договор, сделав Турцию союзником России против всех ее врагов,

превратил вход в Черное море в укрепленный пост России, из-за которого Россия могла свободно посылать свои военные корабли в Средиземное море, в то время как ее собственные порты и арсеналы оставались в безопасности от нападения. Англия и Франция, которые были государствами, интересы которых были затронуты в первую очередь, выразили протест против Договора и заявили, что они оставляют за собой право предпринимать в отношении него такие действия, каких может потребовать случай. Оппозиция также не успокоилась на протестах дипломатов. Внимание как английской нации, так и ее правительства было гораздо больше, чем до сих пор, приковано к будущему Османской империи. Политические писатели с неутомимой энергией и не без преувеличения разоблачали замыслы Санкт-Петербургского двора как в Азии, так и в Европе; и к этому времени, а не к какому-либо более раннему периоду, относится первый рост того сильного национального антагонизма к России, который нашел свое удовлетворение в Крымской войне и который ни в коем случае не утратил своей силы в наши дни.

[Франция и Мехмет Али.]

В желании сдержать расширение влияния России в Леванте Великобритания и Франция были едины во мнении. Направления политики, однако, которых придерживались эти два государства, сильно расходились. Великобритания стремилась сохранить власть султана в ее целостности; Франция во все большей степени становилась покровителем и другом Мехмета Али. Со времени экспедиции Наполеона в Египет в 1798 году, которая сама по себе была реализацией замысла, сформированного в царствование Людовика XVI, Египет в значительной степени сохранил свою власть над воображением ведущих классов Франции. Его памятники, его реликвии великого прошлого затронули более живую струну среди французских литераторов и ученых, чем Индия когда-либо находила у нас; и хотя надежда на национальное завоевание исчезла со свержением Наполеона, Египет продолжал предоставлять поле деятельности многим гражданским и военным авантюристам. Армия и флот Мехмета были организованы французскими офицерами; он был окружен французскими агентами и бизнесменами; и после того, как завоевание Алжира привело Францию на южный берег Средиземного моря, преимущества тесных политических отношений с Египтом не ускользнули от внимания государственных деятелей, которые увидели в Гибралтаре и Мальте наиболее яркие свидетельства английского морского могущества. Более того, личная слава Мехмета сильно повлияла на общественное мнение Франции. Его блестящие военные реформы, энергичное управление и показательные достижения в финансовой сфере породили в умах тех, кто был слишком далек, чтобы знать о последствиях его тирании, веру в то, что от рук этого человека Восток еще может пробудиться к новой жизни. Таким образом, исходя из реальной убежденности в превосходстве правления Мехмета над правлением Дома Османа не меньше, чем из соображений чисто национальной политики, французское правительство, без каких-либо публичных или официальных уз союза, постепенно стало признанными сторонниками египетского завоевателя и соединило его интересы со своими собственными.

[Правление Мехмета и Ибрагима.]

Султан Махмуд утвердил Предварительные условия Кутайи с гневом в сердце; и с этого времени вся его энергия была направлена на создание силы, которая должна была вернуть утраченные провинции и отомстить своему мятежному вассалу. Столь же страстно, как и сам Мехмет, стремившийся реконструировать свою форму правления по образцу Запада, хотя и гораздо

менее способный наложить на свою работу отпечаток единой направляющей воли, более того, ему мешало ревнивое вмешательство России всякий раз, когда казалось, что его реформы могут привести к какому-либо важному результату, он, тем не менее, преуспел в введении чего-то от европейской системы и дисциплины в своей армии под руководством иностранных солдат, среди которых был человек, тогда малоизвестный, но которому много лет спустя суждено было наполнить Европу своей славой, - прусский штабной офицер Мольтке. С другой стороны, Мехмет и Ибрагим хорошо знали, что мир был не более чем вооруженным перемирием, и что то, что было завоевано с помощью оружия, можно было сохранить только постоянной готовностью отразить нападение. Под давлением этой военной необходимости Ибрагим пожертвовал всеми доступными ему источниками силы ради ненависти своих новых подданных к турецкому игу и их надежд на освобождение от гнета под его собственным правлением. Поначалу его приветствовали как избавителя, но вскоре он показал себя более опытным мастером, чем любой из тех, кто был до него. Воинская повинность строго соблюдалась; налогообложение стало более обременительным; племена, которые наслаждались дикой независимостью в горах, были разоружены и низведены до уровня своих братьев-подданных. Таким образом, недовольство, которое так сильно облегчило завоевание приграничных провинций, вскоре обернулось против самого завоевателя, и одно восстание за другим расшатывало власть Ибрагима на горе Ливан и в сирийской пустыне. Султан наблюдал за каждой атакой своего противника с мрачной радостью, с нетерпением ожидая момента, когда реорганизация его собственных сил позволит ему вернуться на поле боя и нанести сокрушительный удар.

[Торговля Леванта.]

Со всеми присущими ей характеристиками превосходства в выборе средств, система Мехмета в конечном итоге была системой подлинного восточного деспота. Его конечной целью было обратить как можно больше своих подданных в солдат и пополнить свою казну прибылью от труда всех остальных. С этой целью он постепенно лишил прав собственности большую часть землевладельцев Египта и, наконец, объявил всю землю государственной собственностью, присвоив по установленным им самим ценам всю ее продукцию. Естественные торговые сношения в его владениях уступили место системе монополий, осуществляемой самим правительством. По мере того как эта система, введенная во вновь завоеванных провинциях, быстро наполняла казну Мехмета Али, она предлагала султану, чья верховная власть все еще признавалась, средства нанести ему смертельный вред путем заключения ряда торговых договоров с европейскими державами, предоставлявших западным торговцам свободный рынок по всей Османской империи. Сопrotивление такой мере подвергло бы Мехмета враждебности со стороны всех коммерческих интересов Европы; подчинение ей повлекло бы за собой потерю значительной части доходов, от которых зависела его военная мощь. Вероятно, именно с учетом этого результата, а не по каким-либо более очевидным мотивам, в 1838 году султан заключил новый торговый договор с Англией, за которым вскоре последовали аналогичные соглашения с другими государствами.

[Ниссибская кампания, июнь 1839 г.]

Важность торговой политики султана не ускользнула от внимания Мехмета, который уже решил провозгласить себя независимым. Он понял, что война неизбежна, и приказал Ибрагиму собрать свои силы в окрестностях Алеппо, в то время как генералы султана сосредоточили в

верховьях Евфрата войска, которые были успешно использованы для усмирения диких племен Курдистана. Было видно, что буря надвигается, и представители иностранных держав тщетно убеждали султана воздержаться от предприятия, которое могло подорвать его империю. Теперь Махмуд был при смерти. Измученный физическими излишествами, стрессом и страстями своего долгого правления, он носил в своем сердце ту же неутолимую ненависть, что и в былые времена; и, заверяя послов в своем намерении поддерживать мир, он отправил письмо своему главнокомандующему без ведома кого бы то ни было, приказывая ему начать военные действия. Турецкая армия пересекла границу 23 мая 1839 года. В ходе последовавших операций советы и протесты Мольтке и других европейских офицеров в штабе упорно игнорировались. Турки были перехитрены и отрезаны от своих коммуникаций, а 24 июня натиск Ибрагима обратил их с позиций в Ниссиге в полное бегство. Вся их артиллерия и запасы попали в руки врага: армия рассеялась. Махмуд не дожидаясь известия о катастрофе. Через шесть дней после битвы при Ниссиге, когда гонец, принесший эту весть, все еще находился в Анатолии, он скончался, оставив трон своему сыну Абдулу Меджиду, шестнадцатилетнему юноше. Едва был провозглашен новый султан, как стало известно, что адмирал Ахмет Февзи, которому было поручено атаковать сирийское побережье, зашел в порт Александрии и передал турецкий флот самому Мехмету Али.

[Отношения Держав к Мехмету.]

[Четверной договор без Франции. Июль 1840 г.]

Сама внезапность этих бедствий, оставивших Османскую империю без правления и защиты на суше или на море, в конечном счете способствовала ее сохранению, поскольку это побудило Державы к совместным действиям, которые при менее срочном давлении, вероятно, были бы недостижимы. В связи с объявлением непомерных условий мира, которых потребовал Мехмет, послы направили Дивану коллективную ноту с просьбой не давать ответа до тех пор, пока Суды не придут к какому-либо общему решению. Вскоре после этого французский и английский флоты появились в Дарданеллах, номинально для защиты Константинополя от нападения вице-короля, на самом деле для защиты от любого внезапного движения со стороны России. Эта демонстрация силы, однако, не была необходимой, поскольку царь, несмотря на некоторые заявления об обратном, уже убедил себя, что невозможно действовать в соответствии с Ункяр-Скелесским договором и сделать протекторат Турции делом одной России. Тон, которого придерживалось английское правительство в последние предшествующие годы, доказывал, что за любой попыткой осуществить исключительную власть в Константинополе последовала бы война с Великобританией, в которой большинство, если не все, европейских держав встали бы на сторону последней. Отказавшись, таким образом, от надежды добиться единоличного контроля, российское правительство обратилось к задаче максимально расширить существующее расхождение между Англией и Францией. Это было нетрудно. Кабинет министров Тюильри желал, чтобы Мехмед Али вышел из конфликта с большей силой или даже основал свою династию в Константинополе вместо Дома Османов. Лорд Пальмерстон, всегда ревниво и подозрительно относившийся к Луи Филиппу, отказывался верить, что рост могущества России можно остановить, разделив Османскую империю, или что любая система восточной политики может быть безопасно основана на личных качествах правителя, которому сейчас перевалило за семьдесят. ^[402] Более того, у него были свои причины для недовольства Мехметом. Возможность проложить сухопутный путь в Индию либо через Евфрат, либо через Красное море в последнее время привлекала внимание английского правительства, и Мехмет

не улучшил своего положения, воздвигнув препятствия ни на том, ни на другом пути. Отчасти из-за враждебности Мехмета, который теперь был хозяином значительной части Аравии, и его известной преданности французским интересам порт Аден на Красном море был в это время оккупирован Англией. Если бы, в то время как Россия признавала необходимость совместных действий в Европе и сближалась со своим соперником, Франция упорно поддерживала притязания вице-короля на расширенное владычество, исключение Франции из европейского концерта было бы единственно возможным результатом. Не было никаких сомнений относительно позиции остальных Держав. Меттерних, то ли из искреннего педантизма, то ли для того, чтобы избежать выражения тех страхов перед Россией, которые действительно определяли его восточную политику, повторил свои избитые банальности о необходимости поддержки законных династий против мятежников и говорил о победителе при Конье и Ниссиде так, как если бы он был испанским конституционалистом или непокорным немецким профессором. Берлинский двор следовал тем же общим курсом. Во всей Европе у Мехмета Али не было ни одного союзника, за исключением правительства Луи Филиппа. При таких обстоятельствах вице-королю было мало пользы от того, что его армия стояла на турецкой земле, не имея перед собой противника, и что флот султана находился в его собственной гавани Александрии. Интриги, с помощью которых он надеялся добиться поспешного заключения мира, воспользовавшись неопытностью молодого султана, провалились, и в октябре он узнал, что ни одно соглашение, которое он мог бы заключить с Портой без согласия Держав, не будет признано действительным. Тем временем Россия предлагала английскому правительству один проект за другим совместных военных действий с целью изгнания Мехмета из Сирии и возвращения этой провинции Порте; и в начале следующего года по предложению Меттерниха было решено, что в Лондоне немедленно должна быть созвана Конференция для урегулирования восточных дел. Сразу же стало очевидным непримиримое различие между намерениями Франции и намерениями других держав. Франция предложила передать всю Сирию и Египет в наследственное владение Мехмету Али без каких-либо дополнительных обязательств по отношению к Порте, кроме выплаты ежегодной дани. Встречное предложение Англии состояло в том, что Мехмет, признавая власть султана, должен иметь наследственное правительство только в Египте, что он должен полностью уйти из всей Северной Сирии и владеть Палестиной только в качестве обычного губернатора, назначаемого Портой пожизненно. На это предложение все державы, за исключением Франции, дали свое согласие. Продолжение переговоров только еще больше ослабило упрямство лорда Пальмерстона и доказало невозможность достижения полного соглашения. Наконец, когда было обнаружено, что французский кабинет пытается провести отдельное посредничество, Четыре державы, не прибегая к формальной просьбе о французской санкции, подписали 15 июля Договор с султаном, обязавшись обеспечить соблюдение Мехметом Али оговоренных условий. Султан обязался в первую очередь предложить Мехмету Египет в бессрочное пользование и южную Сирию на всю его жизнь. Если это предложение не будет принято в течение десяти дней, должен был быть предложен только Египет. Если по истечении двадцати дней Мехмет все еще будет упорствовать, это предложение, в свою очередь, должно было быть отозвано, а султан и союзники должны были принять такие меры, какие могли потребоваться в интересах Османской империи. ^[403]

[Воинственный дух во Франции, 1840 г.]

Публикация этого Договора, исключаящего Францию из европейского союза, вызвала бурю негодования в Париже. Тьер, который больше, чем кто-либо другой, своими трудами

стимулировал дух агрессивной войны среди французского народа и возродил поклонение Наполеону, теперь был во главе правительства. Его ревность к престижу Франции, его сравнительное безразличие к другим вопросам, когда, казалось, была затронута национальная честь, его оптимистичная оценка могущества своей страны сделали его особенно опасным министром в условиях существующего кризиса. Не обиды и не опасность, грозившие Мехмету Али, а пренебрежение, оказанное Франции, и возрожденная Лига Держав, которая смирила ее в 1814 году, возбудили страсть министра и нации. Сирия была забыта; раздавались призывы к восстановлению границы по Рейну и к мести за Ватерлоо. Были набраны новые полки, усилен флот, и началось давно откладываемое укрепление Парижа. Сам Тьер, вероятно, с нетерпением ожидал кампании в Италии, предвосхищая ту, которая была успешно проведена Наполеоном III в 1859 году, а не нападения на Пруссию; но общее мнение как в самой Франции, так и в других государствах заключалось в том, что, если разразится война, вторжение в Германию неизбежно. Перспектива этого вторжения подняла дух немецкого народа так, как никто не ожидал. Даже в небольших государствах и в самих рейнских провинциях, которые в течение двадцати лет разделяли судьбу Франции и в которых введение прусского правления в 1814 году было решительно непопулярно, сильное национальное движение опередило все; и 1840 год добавил к патриотическому пению Германии военную песню, написанную гражданином Рейна, не менее известную, чем песни 1813 и 1870 годов. ^[404] То, что по всей Европе тлели революционные силы, от которых Франция могла бы получить некоторую помощь во всеобщей войне, события 1848 года достаточно доказали; но ни для одного правительства война за независимость не была бы чревата более неминуемой опасностью, чем для самой Франции, и ни для кого это убеждение не было более привычным, чем для короля Луи Филиппа. Полагаясь на свое влияние в Палате депутатов, которая сама по себе была органом, представляющим богатство и осторожность, а не горячий дух Франции, король отказался зачитать на открытии сессии в октябре речь, подготовленную для него Тьером, и принял последовавшую за этим отставку министерства. Гизо, который был послом в Лондоне и сторонником подчинения воле Европы, был призван на этот пост, и после долгих дебатов ему удалось добиться вотума доверия от Палаты представителей. Хотя подготовка к войне продолжалась, теперь была обеспечена политика мира. Мехмет Али был предоставлен своей судьбе, и упрямая уверенность лорда Пальмерстона, вызвавшая столько раздражения у самого английского министерства, получила поразительное оправдание перед лицом всей Европы.

[Ибрагим изгнан из Сирии, сентябрь-ноябрь 1840 г.]

[Окончательное урегулирование, февраль 1841 г.]

[Дарданеллы.]

Теперь начались операции союзников против Мехмета Али. В то время как Пруссия несла охрану на Рейне, а Россия обязалась защищать Константинополь от любого продвижения Ибрагима вперед, англо-австрийская военно-морская эскадра объединилась с турецкими сухопутными войсками в нападении на сирийские прибрежные города. Горные племена внутренних районов снова подняли восстание. Союзники снабдили их оружием, и вскоре восстание охватило большую часть Сирии. Ибрагим приготовился к упорной обороне, но его расположение было расстроено расширением зоны конфликта, и он не смог предотвратить переход прибрежных городов один за другим в руки союзников. После взятия Акко сэром Чарльзом Нейпиром он оставил всякую надежду продержаться дольше в Сирии и направился с

остатками своей армии к египетской границе. Нейпир уже прибыл в Александрию и заключил там соглашение с вице-королем, по которому последний, отказываясь от всех притязаний на другие свои провинции и беря на себя обязательство восстановить турецкий флот, получал гарантии наследственного владения Египтом. Конвенция была из тех, которые английский адмирал не имел полномочий заключать, но она содержала в основном условия, которые союзники намеревались привести в исполнение; и после того, как Мехмет сделал официальный акт подчинения султану, наследственное правительство Египта было передано ему и его семье указом, опубликованным султаном и санкционированным Державами. Этот компромисс был предложен французским правительством по истечении двадцати дней, указанных в Июльском договоре, и непосредственно перед падением М. Тьер, но Пальмерстон тогда не стал бы прислушиваться ни к какому требованию, выдвинутому под открытой или подразумеваемой угрозой войны. С тех пор к власти пришло новое, миролюбивое министерство; в политику Пальмерстона не входило поддерживать антагонизм между Англией и Францией; и он с готовностью согласился на соглашение, которое, хотя и спасло Францию от полного уничтожения союзника, оставило Египет в руках правителя, который, каковы бы ни были его недостатки, определенно продемонстрировал большие способности к управлению, чем любой азиат того времени. Державам оставалось зафиксировать какое-либо авторитетное заявление о праве, признанном Европой в отношении Босфора и Дарданелл. Россия уже фактически согласилась на отмену Ункиар-Скелесского мирного договора. Теперь она присоединилась ко всем другим державам, включая Францию, в заявлении о том, что древнее правило Османской империи, запрещающее проход через эти проливы военным кораблям всех наций, за исключением случаев, когда сама Порта находилась в состоянии войны, было принято Европой в целом. Таким образом, Россия отказалась от своего шанса добиться путем какого-либо отдельного соглашения с Турцией постоянного права переброски своих флотов из Черного моря в Средиземное и, таким образом, стать Средиземноморской державой. С другой стороны, Севастополь и арсеналы Эвксинских островов оставались в безопасности от нападения любой морской державы, если только сама Турция не поднимет оружие против царя. Принимая во внимание огромное превосходство Англии над Россией на море, а также доступность и важность городов на побережье Эвксинского моря, остается открытым вопрос, не послужило бы ли снятие всех международных ограничений на проход через Босфор и Дарданеллы большей выгоде Англии, чем ее сопернику. Это мнение, однако, не выдвигалось до Крымской войны и до сих пор не принято в нашей собственной стране.

[Турция после 1840 г.]

[Законодательство Решида.

Завершение борьбы 1840 года с большой определенностью обозначило реальное положение, которое отныне должна была занимать Османская империя в своих отношениях с западным миром. Спасенная Европой в целом от альтернатив уничтожения от рук Ибрагима или полного вассалитета России, Порта вступила в состояние номинально независимого европейского государства, на самом деле государства, существующего под защитой Европы и ответственного перед Европой как за свое внутреннее управление, так и за свои союзы и за проведение своей внешней политики. Необходимость примирения с общественным мнением Запада была хорошо понята турецким государственным деятелем, который принимал ведущее участие в переговорах, освободивших Порту от зависимости от России. Решид-паша-младший, министр иностранных дел при вступлении на престол нового султана, в необычной степени завоевал

уважение и доверие европейских министров, с которыми он, как дипломат, был сведен в контакт. Как автор широкой системы реформ, он стремился настолько очистить и обновить внутреннюю администрацию Османской империи, чтобы постепенно исчезли контрасты, которые она представляла по сравнению с цивилизованным порядком Запада, и чтобы Турция стала не только номинально, но и фактически членом европейского мира. Несомненно, воодушевленный достижениями Мехмета Али и стремясь привлечь на сторону Порты интерес, который вызвало частичное принятие Мехметом европейских методов и идей, Решид в своем плане реформ демонстративно отдавал дань уважения принципам западного управления и права, провозглашая безопасность личности и собственности, запрещая незаконное применение наказаний, признавая гражданские права христиан и евреев и передавая сбор налогов от губернаторов провинций должностным лицам центральной власти. Друзья Османского государства, менее искушенные тогда, чем сейчас, в ценности законов, принятых в обществе, где не существует власти, способной обеспечить их соблюдение, и где агенты правительства сами по себе являются самыми незаконными из всех врагов общества, приветствовали просвещенное законодательство Решида, открывающее новую эпоху в жизни христианских и восточных народов, подвластных султану. Но падение министра в результате дворцовой интриги вскоре показало, на каком слабом фундаменте были построены эти надежды. Как и другие турецкие реформаторы, Решид взялся за безнадежную задачу, и имя человека, которого когда-то чтили как восстановителя великой империи, теперь почти забыто.

ГЛАВА XVIII.

Европа во время тридцатилетнего мира-Италия и Австрия-Мадзини-Савойский дом-Джоберти-Избрание Пия IX.-Ожидаемые реформы- Революция в Палермо-Волнения в Северной Италии- Ломбардия-Государство Австрийской империи-Рост венгерского национального духа-Мадьяры и славяне-Трансильвания-Партии среди мадьяр- Кошут-Славянские национальные движения в Австрии-Правительство приступает к реформе в Венгрии-Политика оппозиции-Сельская система Австрии- Восстание в Галиции: дворяне и крестьяне-Аграрный эдикт-Общественное мнение в Вене-Пруссия-Вступление на престол и характер короля Фридриха Вильгельма IV.- Созыв Объединенного сейма-Его дебаты и роспуск-Франция-Браки в Испании-Реформаторское движение-Социализм- Февральская революция-Конец орлеанистской монархии.

Характерной чертой континентальной истории второй четверти нынешнего столетия является

ощущение беспокойства. Длительный период европейского мира, начавшийся в 1815 году, не был периодом внутреннего покоя; само отсутствие тех всепоглощающих и властных интересов, которые присущи периоду войны, дало более полную волю чувствам недовольства и смутному стремлению к лучшему политическому порядку, которые остались позади после потрясений революционной эпохи и военного правления Наполеона. В течение тридцати лет мира разрыв между теми правительствами, которые все еще представляли систему 1815 года, и народами, над которыми они правили, увеличивался. Идеи свободы, пробуждение национального чувства были гораздо более широко распространены в Европе, чем во времена войны за независимость. Семя, преждевременно брошенное в атмосферу бури и реакции, принесло свои плоды: другие ростки, оплодотворенные или ускоренные западным либерализмом, но не принадлежащие к той же семье, взошли с неожиданной силой в регионах, которые до сих пор находились вне движения современного мира. Возникли новые силы, враждебные правительству, проникшие в область, незатронутую конституционной борьбой средиземноморских государств или более слабыми политическими усилиями Германии. В домах венгерских и славянских подданных Австрии, столь оцепеневших во время волнений прежнего времени, национальная страсть с каждым часом набирала новую силу. Старые народные идеи, побежденные на данный момент одной реакцией за другой, безмолвно оказывали гораздо более сильное влияние на умы людей. Работая, одни в изгнании и в заговоре, другие с помощью такой формы политической литературы, какую позволяла ревность правительств, лидеры демократического движения на Континенте создали силу, перед которой в конце концов пал установленный порядок. Они не создали, да и при сложившихся обстоятельствах не могли бы создать порядка, который мог бы занять свое место.

[Италия. 1831-1848.]

Италия, а не Франция, является центральной фигурой в любой ретроспективе Европы непосредственно до 1848 года, в которой действуют более крупные силы, не заслоняемые теми, кто на данный момент более заметен. Неудача восстания 1831 года сделала Австрию более заметной, чем прежде, властью над итальянским народом даже в тех провинциях, в которых Австрия номинально не была сувереном. Стало ясно, что никакие усилия после реформы не могут быть успешными ни в Папской области, ни в Неаполитанском королевстве, пока Австрия удерживает Ломбардию и Венецию. Таким образом, изгнание иностранца было не просто задачей тех, кто стремился обеспечить итальянской расе ее отдельное и независимое национальное существование, это была задача всех, кто хотел покончить с угнетением и дурным управлением в любой части итальянского полуострова. Пока могущество Австрии не было сломлено, бесполезно было поднимать оружие против тирании герцога Моденского или любого другого презренного угнетателя. Австрия сама дважды преподала этот урок; и если восстановление неаполитанского деспотизма в 1821 году можно было оправдать беспорядочным характером свергнутого тогда правительства, то обстоятельства, сопутствовавшие восстановлению власти Папы в 1831 году, лишили Австрию права на какое-либо моральное уважение; ибо сам Меттерних объединился с другими европейскими дворами, заявив о необходимости реформ в папском правительстве, и из этих реформ, хотя единственное серьезное слово Австрии могло бы привести их в исполнение, ни одно не было приведено в исполнение. Постепенно, но с возрастающей силой по мере того, как проходил каждый несчастливый год, среди всех серьезно мыслящих людей приобретало вес убеждение, что стоящая перед ними проблема - это не что иное, как уничтожение австрийского ига. Провозглашенная ли как символ веры или завуалированная дипломатической сдержанностью,

эта вера служила общей основой для людей, чьи взгляды на ближайшее будущее Италии расходились почти во всех других деталях.

[Мадзини.]

В брожении идей, предшествовавшем итальянской революции 1848 года, прослеживаются три основных течения мнений. Во времена, небогатые интеллектуальной или моральной силой, самой яркой фигурой среди тех, кого по праву почитают как основателей независимости Италии, является, пожалуй, Мадзини. Находясь в изгнании почти всю свою зрелую жизнь, заговорщик в глазах всех правительств, мечтатель в глазах всего мира, Мадзини был пророком или евангелистом среди тех, кого его влияние побудило посвятить себя единственному делу возрождения своей страны. Никакая более твердая вера, никакое более благородное бескорыстие никогда не воодушевляли святого или патриота; и если в Мадзини было также что-то от визионера и фанатика, то сила, с которой он ухватил два жизненно важных условия итальянского возрождения - изгнание иностранца и установление единого национального правительства, - доказывает, что он был мыслителем с подлинной политической проницаемостью. Заложив фундамент своего вероучения глубоко в нравственную природу человека и построив на этой основе систему не прав, а обязанностей, он придал политическому союзу непосредственность, святость и красоту семейной жизни. Для него жить, думать, надеяться означало жить, думать, надеяться для Италии; а Италией его идеала была Республика, охватывающая каждого члена расы, очищенная от жречества и суеверий, низводивших человека до раба, обязанная только самой себе своей независимостью и укрепленная господством равного закона. Жесткость, с которой Мадзини придерживался своего собственного великого проекта во всей его завершенности, и его нетерпение к любому отказу от национальных прав, исключили его из числа тех практичных политиков и расчетливых людей, которые в 1859 году сделали с иностранной помощью первый шаг к объединению Италии; но влияние его учения и его организации в подготовке его соотечественников к независимости было огромным; и династия, оказавшая Объединенной Италии услуги, которые Мадзини считал невозможными, обязана этому великому республиканцу едва ли меньше, чем своим самым способным друзьям.

[Надежды Пьемонта.]

От школы Мадзини по характеру и намерениям сильно отличалась группа политиков и военных, принадлежавших в основном к Пьемонту, которые смотрели на суверена и армию этого государства как на единственную надежду Италии в ее борьбе против иностранного правления. Савойский дом, хотя и иностранный по своему происхождению, был и оставался на протяжении веков действительно национальной династией. Более того, по интересам и традиционной политике она была скорее соперницей, чем другом Австрии в Северной Италии. Если страх перед революцией временами приводил Туринский двор к тесному союзу с Веной, эта связь лишь слегка прикрывала длительный антагонизм двух государств, которые, будучи соседями, обычно стремились к экспансии друг за счет друга. Ломбардия, по выражению древних времен, была артишоком, который королям Пьемонта было суждено пожирать лист за листом. Австрия, с другой стороны, стремилась к расширению до Альп: в 1799 году она ясно продемонстрировала свое намерение полностью исключить Савойский дом из материковой части Италии; и воспоминание об этой эпохе побудило восстановленную династию в 1815 году противостоять планам Меттерниха по созданию лиги всех князей Италии под защитой Австрии. Более того,

государя, который после провала конституционного движения 1821 года взойшел на трон в окружении австрийских штыков, уже не было в живых. Карл Альберт Кариньяно, который в то время играл столь двусмысленную роль и которого Меттерних впоследствии пытался исключить из наследования, находился на троне. Он заключил мир с абсолютизмом, сражаясь в Испании против кортесов в 1823 году; и с момента своего восшествия на престол он строго подавлял агитацию партизан Мадзини в своих собственных владениях. Но, несмотря на сильное клерикальное и реакционное влияние вокруг него, в последнее время он проявил независимость духа в своих отношениях с Австрией, что подняло его в глазах подданных; и считалось, что на его мнения глубоко повлияло преобладание идеи национальной независимости над идеей чисто демократических перемен. Если более ранняя карьера самого Карла Альберта вызывала некоторые сомнения в его личной искренности, а еще больше - в постоянстве его цели, то, по крайней мере, в Пьемонте была армия, полностью национальная по своим настроениям, и способная взять на себя руководство всякий раз, когда возникала возможность объединить Италию против чужеземцев. Ни в одном другом итальянском государстве не было эффективной военной силы, в которой было бы так мало примеси иностранных элементов.

[Надежды папства.]

Третьим течением мнений в эти годы надежд и иллюзий было то, которое было представлено в трудах Джоберти, описавшего новую и славную Италию, возрожденную не философским республиканизмом или мечом временного монарха, но моральной силой реформированного папства. Концепция католической церкви как великой либеральной силы, какой бы странной и фантастической она сейчас ни казалась, не была мечтой изолированного итальянского энтузиаста; это была идея, которая после Французской революции 1830 года и создания правительства, одновременно антиклерикального и антидемократического, оказала сильное влияние на некоторые из лучших умов Франции и нашла в лице Монталамбера и Ламенне приверженцев, привлечших внимание Европы. Если бы разложение папства было одновременно духовной и политической смертью Италии, его обновление в чистоте и силе было бы также воскресением итальянского народа. Другие страны пытались, и тщетно, решить свои проблемы под руководством лидеров, враждебных Церкви, и популярных доктрин, оторванных от религиозной веры. Италии принадлежала прерогатива духовной власти. Этой силой, пробудившейся от векового оцепенения и обращенной, как она говорила когда-то, к самой совести человечества, будут распахнуты врата славного будущего. Заговорщики могут волноваться, а политики строить козни, но день, в который начнется новая жизнь Италии, будет днем, когда глава Церкви, заняв свое место в качестве главы федерации итальянских государств, поднимет знамя свободы и национальных прав, а принцы и народ в равной степени должны последовать вдохновляющему голосу.

[Избрание Пия IX., июнь 1846 г.]

[Реформы, ожидаемые от Пия.]

[Феррара, июнь 1847 г.]

Монах, не знающий ничего, кроме монастырских знаний, погруженный во мрак, деспотичный, спутник в личной жизни нескольких веселых священников и любителя посплетничать цирюльника, не был привлекательной эмблемой Церкви будущего. Но в 1846 году папа

Григорий XVI, который в течение последних пяти лет вел непрерывную борьбу с повстанцами, заговорщиками и реформаторами и чьи тюрьмы были переполнены лучшими из его подданных, скончался. ^[405] Его преемник Мастаи Ферретти, епископ Имола, был избран под титулом Пия IX. после того, как кандидат, поддержанный Австрией, не смог набрать необходимого количества голосов (17 июня). Выбор этого доброго и популярного прелата был в какой-то степени данью итальянскому чувству; и в течение следующих восемнадцати месяцев казалось, что Джоберти действительно разгадал тайну эпохи. Первым актом нового папы стало объявление всеобщей амнистии за политические преступления. Двери тюрем во всех его владениях были распахнуты настежь, и люди, приговоренные к пожизненному заключению, с ликованием вернулись в свои дома. Этот поступок произвел глубокое впечатление на всю Италию, и каждое добродушное высказывание Пия подтверждало веру в то, что грядут великие перемены. Дикий энтузиазм охватил Рим. Население предавалось празднествам в честь понтифика и приближающегося восстановления римской свободы. Мало что было сделано; на самом деле мало что было обещано; всему верили. Принцип представительного правления проявился в новом Государственном совете, теперь поставленном рядом с коллегией кардиналов; более серьезная уступка народным чувствам была сделана в разрешении, данном гражданам Рима, а затем и жителям провинций, записываться в гражданскую гвардию. Но апогей возбуждения был достигнут, когда в ответ на угрожающее движение Австрии, вызванное растущим волнением по всей Центральной Италии, папский двор выразил протест против действий своего покойного покровителя. По Венскому мирному договору Австрия получила право размещать гарнизон в цитадели Феррары, хотя этот город находился в пределах Церковных государств. Придав новое толкование выражению, используемому в Договорах, австрийское правительство оккупировало сам город Феррара (17 июня 1847 года). Это движение было повсеместно воспринято как подготовка к новой оккупации Папских земель, подобной оккупации 1831 года; а протесты папы против посягательства на его территорию придали этому спору европейское значение. Английский и французский флоты появились в Неаполе; король Сардинии открыто объявил о своем намерении выступить против Австрии, если начнется война. Усилиями нейтральных держав в конце концов был достигнут компромисс относительно оккупации Феррары; но разгоревшиеся страсти не утихли, и папа оставался в народном воображении поборником независимости Италии от Австрии, а также апостолом конституционного правления и прав народа.

[Революция в Палермо, январь 1848 г.]

Тем временем волнения, начавшиеся в Риме, распространялись по северу и югу полуострова и за пределы Сицилийского пролива. Столетие изгнания австрийцев из Генуи в декабре 1746 года отмечалось по всей центральной Италии народными демонстрациями, которые предупредили Австрию о надвигающейся на нее буре. Однако на юге нетерпение в условиях внутренней тирании было гораздо более мощной силой, чем отдаленная надежда на национальную независимость. Сицилия никогда не забывала об отдельных правах, которыми она когда-то пользовалась, и о конституции, данной ей под покровительством Англии в 1812 году. Между сицилийскими лидерами и противниками правительства Бурбонов на материке установились контакты, и осенью 1847 года одновременно произошли восстания в Калабрии и Мессине. Они были подавлены без труда, но пожар разгорелся повсюду, и 13 января 1848 года население Палермо подняло восстание. Четырнадцать дней продолжался конфликт между народом и неаполитанскими войсками. Город подвергся бомбардировке, но в конце концов народ одержал победу, и лидерами восстания было сформировано временное правительство. Один

сицилийский город за другим следовали примеру столицы и изгоняли ее неаполитанский гарнизон. Находясь под угрозой революции в самом Неаполе, король Фердинанд II, внук деспота 1821 года, теперь подражал политике своего предшественника и провозгласил конституцию. Было сформировано Либеральное министерство, но ни слова не было сказано об автономии, на которую претендовала Сицилия и которую, казалось бы, обещали лидеры народной партии на материке. После того как первое возбуждение от успеха прошло, стало ясно, что сицилийцы столь же сильно расходятся с недавно сформированным правительством в Неаполе, как и с тем, которое они свергли.

[Агитация в австрийской Италии.]

Восстание в Палермо дало новый стимул и придало больше революционной окраски народному движению по всей Италии. Конституции были приняты в Пьемонте и Тоскане. В австрийских провинциях национальное возмущение правлением иностранцев с каждым днем становилось все более угрожающим. Радецкий, австрийский главнокомандующий, давно предвидел надвигающуюся борьбу и пытался, хотя и не с полным успехом, внушить имперскому правительству свои собственные взгляды. Верона стала центром огромной системы укреплений, и численность армии под командованием Радецкого была значительно увеличена, но только в последний момент Меттерних отказался от надежды преодолеть трудности с помощью своей старой системы полиции и шпионов и позволил установить неприкрытое военное правление. Чтобы нанести ущерб финансам Австрии, патриотические общества Верхней Италии приняли общее решение воздерживаться от употребления табака, от которого правительство получало значительную часть своих доходов. В первое воскресенье 1848 года австрийские офицеры, кутившие на улицах Милана, подверглись нападению со стороны народа. Войска были призваны к оружию: произошел конфликт, и было пролито достаточно крови, чтобы придать беспорядкам значение настоящего восстания. В Падуе и других местах последовали аналогичные вспышки. Радецкий отдал общий приказ своим войскам, заявив, что император полон решимости защищать свои итальянские владения как от внешнего, так и от внутреннего врага. Было объявлено военное положение; и на мгновение, хотя Пьемонт подавал признаки того, что присоединяется к итальянскому движению, благоговейный страх перед военной мощью Австрии утихомирил нарастающую бурю. Еще несколько недель открыли изумленному миру тайну того, что Австрийское государство, такое великое и грозное в глазах друзей и врагов, само находилось на грани распада.

[Австрия.]

[Дела в Венгрии.]

Именно отсутствию какой-либо оживленной общественной жизни, а не какой-либо реальной ассимиляционной силе или какому-либо высокому интеллекту в администрации Дом Габсбургов был обязан в течение восемнадцатого века продолжающемуся союзу той разношерстной нации или рас, которые последовательные завоевания, браки и договоры привели под его власть. Яростное наступление императора Иосифа на все права провинций сначала вновь пробудило дремлющий дух Венгрии; но национальное движение того времени, возбуждавшее такие сильные надежды и тревоги, сменилось длительным периодом застоя, и во время наполеоновских войн подавление всего, что взывало к какому-либо отчетливо выраженному национальному духу, стало более явным, чем прежде, незыблемым принципом австрийского двора. В 1812 году венгерский сейм воспротивился финансовым мерам правительства.

Следствием этого стало то, что, несмотря на закон, требующий созыва сейма каждые три года, сейм не созывался до 1825 года. В промежуточный период император повысил налоги и поборы только указом. Лишенное своего конституционного представительства венгерское дворянство продолжало выступать против посягательств короны на сессиях каждого графства. На этих собраниях, которым не существовало аналогов в западных и более развитых государствах Континента, каждый местный землевладелец, принадлежавший к очень многочисленной касте знати, имел право выступать и голосовать. Сохраняя, в дополнение к праву свободного обсуждения и подачи петиций, назначение местных должностных лиц, а также значительную долю в фактическом управлении, венгерские земские собрания, унаследовав дух суровой независимости из незапамятного прошлого, были, вероятно, самым стойким пережитком самоуправления, существовавшим в любом из великих монархических государств Европы. Невежественная, часто грубая в своих привычках, угнетающая своих крестьян и находящаяся во власти духа расы и касты, масса мадьярской знати действительно оказалась столь же невосприимчивой к гуманизирующему влиянию восемнадцатого века, как и к домогательствам деспотизма. Магнаты, или представители высшей знати, составлявшие отдельную палату в сейме, были в некоторой степени денационализированы; они были одновременно более европейскими по своей культуре и более покорными австрийскому двору. Запретив политические дискуссии в сейме на сессиях графств, императорское правительство усилило провинциальный дух, который оно стремилось подавить. Слишком многочисленное, чтобы его можно было привлечь на свою сторону личными побуждениями, и удаленное от имперских агентств, которые так эффективно работали через Палату магнатов, мелкое дворянство Венгрии в эти годы абсолютизма приобрело привычку вести политические дискуссии у себя дома и научилось ставить в тупик имперское правительство, отказывая во всякой помощи и информации его подчиненным агентам. Ассамблея каждого графства стала маленьким парламентом и центром сопротивления узурпации короны. Стимул, данный национальному духу этой борьбой против неконституционного правления, проявился не в меньшей степени в энергичных нападках на правительство при повторном созыве Сейма в 1825 году, чем в требовании, чтобы мадьярский, а не латинский, как раньше, был языком, используемым при записи заседаний Сейма и на котором должны вестись коммуникации между Верхней и Нижней палатами.

[Мадьяры и славяне.]

В этом требовании признания национального языка заключался зародыш конфликта расы против расы, о котором меньше всего подозревали те, кто выдвигал это требование. Венгрия как политическое единство включала, помимо славянского королевства Хорватия, обширные регионы, жители которых были славянской или румынской расы, и где мадьяр был известен только как феодал. Территория, в которой население в основном принадлежало к мадьярскому племени, не превышала половины королевства. К другим народам Венгрии, которые были, вероятно, вдвое многочисленнее их самих, мадьяры относились с величайшим презрением, приписывая им моральные качества дикарей и отказывая им в обладании какой бы то ни было национальностью. В стране, сочетающей в себе так много элементов, плохо сочетающихся друг с другом, и все они в равной степени подчинялись немецкому двору в Вене, латынь, как язык Церкви, а ранее язык международного общения, хорошо служила нейтральным средством выражения мнений в государственных делах. В сейме могли быть хорватские депутаты, которые не говорили по-мадьярски; мадьяры не могли понимать хорватский; оба понимали и могли без особых усилий изъясняться на той разновидности латыни, которая прошла проверку в

Пресбурге и Вене. И все же никакая свобода обращения не могла превратить мертвый язык в живой; и когда любовь к родине и древнему праву снова стала у мадьяр вдохновляющей страстью, они, естественно, стали искать более благородного и спонтанного выражения, чем собачья латынь. Хотя в парламенте, в котором этот вопрос впервые обсуждался, не было принято закона по этому вопросу, ораторы в сейме 1832 года использовали свой родной язык; и когда венское правительство запретило публикацию дебатов, отчеты Кошута, молодого депутата, распространялись в рукописи по стране, который после роспуска сейма в 1836 году заплатил за свое неповиновение императору тремя годами тюремного заключения.

[Венгрия после 1830 года.]

[Сейм 1832-36 гг.]

[Сечени.]

Теперь Венгрия, казалось, вступала в эпоху разнообразного и быстрого национального развития. Барьеры, отделявшие его от западного мира, исчезали. Литература, идеи, изобретения Западной Европы проникали в ее архаичное общество и превращали движение, которое по своему происхождению было консервативным и аристократическим, в движение далеко идущего прогресса и реформ. Единственные среди противников абсолютной власти на Континенте, мадьяры основывали свое сопротивление на позитивном конституционном праве, на давности и установившемся обычае прошлого; и на протяжении всего конфликта с короной между 1812 и 1825 годами юридическое право было на стороне не императора, а тех, кого он пытался принудить. Проявив здравый смысл, венгерские лидеры в течение этих лет воздерживались от каких-либо требований реформ, ценя преимущество чисто оборонительной позиции в борьбе с Судом, обязанным в глазах всей Европы, каким была Австрия, защищать законные права. Эта политика достигла своего конца; император после тринадцати лет конфликта был вынужден вновь созвать сейм и отказаться от надежды осуществить дело, в котором потерпел неудачу его дядя, Иосиф II. Но конституция, некогда сохраненная, тот узкий и исключительный свод прав, за который боролось дворянство, больше не удовлетворял потребностям или совести того времени. ^[406] Общественное мнение менялось быстро; претензии городов и сельского населения давали о себе знать; волнения, последовавшие за свержением бурбонов в 1830 году, достигли и Венгрии, не столько благодаря французскому влиянию, сколько благодаря польской войне за независимость, в которой мадьяры видели борьбу, мало чем отличающуюся от их собственной, что вызывало у них самые теплые симпатии к польским армиям, пока они были живы. они сохранили поле боя и для изгнанников, которые пришли к ним, когда конфликт закончился. Рядом со старыми защитниками классовых привилегий встали люди, проникнутые духом современного либерализма. Законы, регулирующие отношения крестьянина к его господину, которые остались почти такими же, какими их оставила Мария Терезия, были рассмотрены сеймом 1832 года в столь либеральном духе, что австрийское правительство, ранее намного опережавшее мнение Венгрии по этому вопросу, отказалось одобрить многие из принятых мер. Великие планы социального и материального улучшения также пробуждали надежды общества в эти годы. Лучшие умы осознали реальную сторону венгерской жизни по сравнению с жизнью цивилизованной Европы - ее бедность, ее инертность, ее хамство. Необычайную энергию вложил в работу по продвижению граф Сечени, дворянин, чье воображение было воспламенено контрастом, который оживленная промышленность Великобритании и практические интересы ее высших

классов представляли по сравнению с оцепенением его собственной страны. Именно ему Венгрия обязана мостом, соединяющим ее двойную столицу в Пеше, и Европа обязана беспрепятственному судоходству по Дунаю, которое он впервые сделал возможным благодаря разрушению скал, известных как Железные ворота в Орсове. Жизнерадостный, необычайно щедрый, горячий патриот, Сечени стремился пробудить в людях своего ранга, великих и могущественных в Венгрии, чувство долга перед своей страной как лидерами в ее промышленном развитии. Он не был революционером и не был врагом Австрии. Мирное политическое будущее наилучшим образом соответствовало бы его собственным планам по возведению Венгрии на подобающее ей место среди наций.

[Трансильвания.]

То, что венгерское движение того времени превратилось из движения плодотворного прогресса в ожесточенный политический конфликт, закончившийся гражданской войной, было обусловлено, среди прочих причин, действиями самого австрийского кабинета. Везде, где существовало конституционное право, Австрия видела естественного врага. Провинция Трансильвания, в которой проживало смешанное население мадьяр, немцев и румын, имела, как и Венгрия, свой собственный рацион питания, который следовало созывать каждый год. Однако в период с 1811 по 1834 год он ни разу не был собран. В волнениях, наконец спровоцированных в Трансильвании этим пренебрежением конституционными правами, мадьярский элемент, естественно, взял на себя инициативу и таким образом приобрел полное господство в провинции. Когда сейм заседал в 1834 году, его формулировки и поведение были в высшей степени вызывающими. Он был быстро распущен, и скандал, вызванный его деятельностью, омрачил последние дни императора Франциска, который умер в 1835 году, оставив трон своему сыну Фердинанду, инвалиду, неспособному к каким-либо серьезным нагрузкам. Вскоре оказалось, что в принципах имперского правительства ничего не изменилось и что какие бы надежды ни возлагались на установление более свободной системы при новом правлении, они были обманчивыми. Лидером трансильванской оппозиции был граф Весселени, сам магнат в Венгрии, который после роспуска сейма посещал заседания венгерских графств и там произносил речи против Суда, что привело к его аресту и преданию суду за государственную измену. Его дело было поддержано венгерским сеймом как дело, в котором были затронуты права местных собраний. Однако просьба о привилегиях была напрасной, и приговор об изгнании, вынесенный графу Весселени, стал новым источником раздора между короной и мадьярскими сословиями. ^[407]

[Партии среди мадьяр.]

[Сейм 1843 года.]

Враждебность правительства была теперь достаточным пропуском к народной благосклонности. Выйдя из тюрьмы по всеобщей амнистии в 1840 году, Кошут возглавил мадьярский журнал в Пеше, который сразу же приобрел огромное влияние по всей стране. Представитель нового поколения, Кошут представлял совершенно иной порядок идей, чем у ортодоксальных защитников венгерской конституции. Они были консерваторами и аристократами; он был революционером: их оружие было взято из хранилища венгерского позитивного права; его вдохновлял либерализм Западной Европы. Таким образом, внутри самой национальной партии выросли группы, находившиеся в более или менее выраженном антагонизме друг к другу, хотя всех их объединяла страстная преданность Венгрии и

безграничная вера в ее будущее. Сечени и те, кто вместе с ним подчинял политику материальным целям, считали Кошута опасным теоретиком. Между более импульсивными и более осторожными реформаторами стояли признанные парламентские лидеры либералов, среди которых Дик уже продемонстрировал свои политические способности необычного порядка. В дневнике Кошута национальные проблемы того времени обсуждались как его оппонентами, так и его друзьями. Публичность придавала больший размах, а также большую оживленность конфликту идей; и быстрое развитие общественного мнения в течение этих лет было замечено в крупных и амбициозных мерах, которыми был охвачен Сейм 1843 года. Избирательная и муниципальная реформа, создание уголовного кодекса, введение суда присяжных, отмена иммунитета дворян от налогообложения; все эти и подобные законодательные проекты одновременно демонстрировали энергию времени и влияние Западной Европы на трансформацию политических представлений венгерской нации. До сих пор сорок три Вольных города имели в сейме всего один голос против шестидесяти трех голосов, которыми обладали графства. В настоящее время общепризнано, что эта аномалия не могла продолжаться; но поскольку гражданские права сами по себе были монополизированы небольшими привилегированными слоями горожан, проблема конституционной реформы влекла за собой проблему реформы муниципалитетов. Короче говоря, Венгрия теперь стояла лицом к лицу с задачей преобразования своей древней системы представительства привилегированных слоев населения в современную систему представительства нации в целом. Трудная во все эпохи и в каждой стране, эта работа была почти непреодолимой в Венгрии из-за тесной связи с абсолютной монархией Австрии; из-за существования группы бедной знати, насчитывающей двести тысяч человек, которые, хотя и были сильны в патриотических чувствах, горько возмущались любым посягательством на их собственную свободу от налогообложения; и прежде всего из-за разнообразия рас в Венгрии и отношения мадьяр, как доминирующей национальности, к окружающим их славянам. По мере того, как росла энергия мадьяр и их уверенность в победе национального дела, росло и их презрение ко всем притязаниям, кроме их собственных, в пределах венгерского королевства. Нижняя палата сейма 1843 года постановила, что в дебатах не должен допускаться никакой другой язык, кроме мадьярского, и что по истечении десяти лет каждый человек, не способный говорить на мадьярском языке, должен быть отстранен от всех государственных должностей. Магнаты смягчили последнее положение, сделав исключение из него для лиц, занимающих чисто местные должности в славянских округах; против запрета латыни в сейме хорваты обратились к императору. Из Вены прибыл рескрипт, накладывающий вето на эту резолюцию. Этот рескрипт вызвал такую бурю в самом сейме и так угрожал языку национальных лидеров за его пределами, что Кабинет министров после короткого перерыва отменил свое решение и принял компромисс, который, устанавливая мадьярский официальным языком королевства и требуя, чтобы он преподавался даже в хорватских школах, разрешал использование латыни в сейме в течение следующих шести лет. Тем временем Парламент перекрикивал каждого оратора, начинавшего с обычной латинской формулы, и в Аграме, столице Хорватии, произошли столкновения между национальной и мадьярской фракциями.

[Славянские национальные движения.]

Напрасно были предприняты в Пресбурге усилия противостоять всем притязаниям, кроме притязаний одной расы. То же самое оживляющее дыхание, которое пробудило мадьярскую нацию к новой жизни, охватило и ветви славянской семьи в пределах австрийских владений, далеко и близко. В Богемии возрождение интереса к чешскому языку и литературе, начавшееся

около 1820 года, в последующее десятилетие приобрело отчетливо политический характер. Общества, первоначально или якобы созданные для литературных целей, стали центрами народного движения, направленного на освобождение чешских элементов в Богемии от немецкого господства и восстановление чего-либо национального в институтах королевства. Среди южных славян, с которыми Венгрия имела более непосредственное отношение, национальное движение впервые стало заметным несколько позже. Его самые ранние проявления приняли, как и в Богемии, литературную или языковую форму. Проекты создания общего языка, который под названием иллирийский должен был объединить все славянское население между Адриатическим и Черным морями, занимали некоторое время воображение ученых; но от более амбициозной части этого проекта, которая вызвала некоторое недовольство турецкого правительства, отказались, повинаясь инструкциям из Вены; и движение впервые приобрело политическое значение, когда его масштабы были ограничены хорватскими и славянскими районами Венгрии, и на него была возложена четкая задача сопротивления введению мадьярского в качестве официального языка. В дополнение к своему представительству в сейме королевства в Пресбурге, хорватские землевладельцы имели свой собственный провинциальный сейм в Аграме. В этом они обладали не только общим центром действий, но и органом связи с имперским правительством в Вене, которое оказывало им некоторую поддержку в их сопротивлении мадьярским притязаниям. Более поздние события укрепили веру в то, что расовый конфликт в Венгрии был намеренно спровоцирован австрийским двором в его собственных интересах. Но весь характер и принципы правления Меттерниха были направлены против развития национального духа, будь то в той или иной расе; и покровительство, которое хорваты, по-видимому, в то время получали в Вене, было, вероятно, не более чем инстинктивным актом консерватизма, направленным на поддержание баланса интересов и сведение в максимально узкие рамки тех изменений, которые могли оказаться неизбежными.

[Агитация после 1843 г.]

Из всех важных реформаторских мер, которые были представлены венгерскому сейму 1843 года, только одна стала законом. Остальные были либо отклонены Палатой магнатов после прохождения Нижней палаты, либо были отклонены Нижней палатой, несмотря на одобрение большинства, в результате императивных инструкций, направленных в Пресбург собраниями графств. Представитель венгерского избирательного округа не был волен голосовать по своему усмотрению; он был делегатом от пославшей его знати и по закону был обязан отдавать свой голос в соответствии с инструкциями, которые он мог время от времени получать. Каким бы ревностным ни был сам Законодательный орган, поэтому он мог быть парализован внешним давлением, как только поднимался какой-либо вопрос, затрагивающий привилегии благородной касты. Особенно это касалось всех проектов, связанных с расходованием государственных доходов. Пока дворяне несли свою долю налогов, было невозможно, чтобы Венгрия вышла из состояния крайней нужды; и все же, каковы бы ни были намерения сейма, она контролировалась группами упрямых сквайров или йоменов в каждом графстве, которые полностью осознавали свою собственную власть и решительно запрещали принятие любых мер, которые возлагали на себя часть общественного бремени. Невозможность проведения реформ в существующих условиях была продемонстрирована неудачами 1843 года. Чтобы преодолеть препятствия, создаваемые как магнатами, так и собраниями графств, было необходимо обратиться с призывом ко всей стране и пробудить силу общественного мнения, которая должна была как взять верх над существующим набором особых интересов, так и

породить законодательство, объединяющее их на будущее во всеобъемлющую систему действительно национальных институтов. Этой задачей занялась Либеральная оппозиция; и хотя внутри партии существовали большие разногласия, а действия Кошута, который теперь сменил карьеру журналиста на карьеру оратора, мало зависели от мнений его коллег, общий результат не обманул возникших надежд. Политические ассоциации и клубы прочно укоренились в стране. Магия ораторского искусства Кошута сделала каждого слушателя более патриотичным, если не сказать более мудрым человеком; а пробуждающаяся страсть к общественному благу, казалось, на какое-то время отбросила все частные интересы в тень.

[Правительственная политика реформ.]

[Программа оппозиции.]

Теперь всем, кроме самых слепых, стало ясно, что великие перемены неизбежны; и по примеру более умных представителей Консервативной партии Венгрии имперское правительство решило выступить с политикой реформ и, если возможно, вырвать руль у людей, которые становились хозяевами нации. Для того чтобы получить большинство в сейме, правительство сочло необходимым сначала добиться преобладающего влияния в собраниях графств. В качестве предварительного шага большинство наместников графств, к высокому достоинству которых не прилагались никакие практические функции, были отстранены от своих должностей и заменены платными администраторами, назначенными из Вены. Граф Аппоньи, один из самых энергичных консерваторов и аристократических реформаторов, был поставлен во главе министерства. В свое время предложения правительства были обнародованы. Они включали налогообложение знати, реформу муниципалитетов, изменения в земельной системе и целый ряд экономических мер, направленных непосредственно на содействие материальному развитию страны. Последние были до некоторой степени сформулированы в соответствии с принципами, изложенными Сечени, который теперь, находясь в ожесточенном антагонизме к Кошуту, занял пост в правительстве и придал ему престиж своего великого имени. Оппозиции оставалось выдвинуть перед страной свои собственные контрпредложения. Разногласия внутри партии были сглажены, и манифест, составленный Деаком, придал целям национальных лидеров государственное выражение. Охватывая все реформы, включенные в политику правительства, она добавила к ним другие, с которыми правительство не отважилось столкнуться, и придала всему характер отстаивания нацией своих собственных прав, в отличие от схемы административной реформы, разработанной чиновниками короны. Таким образом, хотя он вводил налоги с дворян, он требовал от сейма права контроля над каждой отраслью государственных расходов. Он требовал большей свободы прессы и неограниченного права на политическую ассоциацию; и, наконец, отдавая дань единству короны, он требовал, чтобы правительство Венгрии было единым в прямом согласии с национальным представительством в сейме и чтобы Венский двор отказался от обычных усилий поставить это королевство на те же условия, что и неконституционные провинции императора. Имея перед собой конкурирующие программы правительства и оппозиции, страна приступила к выборам 1847 года. Надежды и энтузиазм были в изобилии со всех сторон; и в конце года был собран сейм, от которого ожидалась столь великая работа и которому было суждено за столь короткое время стать свидетелем того, как в бурях и революциях рухнул древний уклад венгерской жизни.

[Сельская система Венгрии.]

Непосредственно конституционные проблемы, с которыми приходилось сталкиваться

Пресбургскому сейму, были характерны для самой Венгрии и не существовали в других частях Австрийской империи. Были, однако, социальные проблемы, которые не менее остро привлекали общественное внимание как в Венгрии, так и в тех провинциях, которые не пользовались конституционными правами. Главной из них было положение крестьянского населения. В большей части австрийских владений, хотя крепостное право давно было отменено, общество все еще основывалось на манориальной системе. Крестьянин владел своей землей в соответствии с обязательством работать во владениях своего господина определенное количество дней в году и оказывать ему другие обычные услуги: двор поместья, хотя и контролировался окружением королевских чиновников, сохранял свою юрисдикцию, и его агенты часто выполняли обязанности полиции. Следовательно, предполагаемое уничтожение так называемых феодальных уз и превращение полузависимого земледельца в фригольдера, связанного только уплатой фиксированного денежного сбора или освобожденного от всяких обязательств путем передачи части своих владений, повлекло за собой во многих округах учреждение новых органов государственной власти и общую реорганизацию мелких местных властей. От выполнения этой задачи австрийское правительство впало в простую летаргию, даже когда, как в 1835 году, предложения о переменах поступали от самих землевладельцев. Работа, начатая Марией Терезией и Джозефом, осталась нетронутой, хотя тридцать лет мира предоставили множество возможностей для ее завершения, а законодательство Харденберга 1810 года предоставило прецеденты, охватывающие по крайней мере часть этой области.

[Восстание в Галиции, февраль 1846 г.]

[Сельский эдикт, декабрь 1845 г.]

Наконец произошли события, которые пробудили ото сна самые сонные головы в Вене. Партия действия среди польских беженцев в Париже решила нанести еще один удар по независимости своей страны. Однако вместо повторения варшавского восстания было решено, что восстание должно начаться в прусской и Австрийской Польше, и для восстания было назначено начало 1846 года. В Пруссии правительство разгромило заговорщиков до того, как был нанесен удар. В Австрии, хотя было сделано достаточное предупреждение, принятые меры предосторожности оказались недостаточными. Генерал Коллин занял Вольный город Краков, где находилась штаб-квартира революционного комитета; но войска под его командованием были настолько слабы, что вскоре он был вынужден отступить и ожидать прибытия подкрепления. Тем временем землевладельцы Тарновского района на севере Галиции подняли знамя восстания и попытались вооружить страну. Однако русское крестьянство, среди которого они жили, было обязано всем, что было сносным в их положении, защите австрийских коронных офицеров и ненавидело саму память о независимой Польше. Вместо того чтобы следовать за своими господами на поле боя, они сообщали о своих передвижениях и просили инструкций у ближайших австрийских властей. Им было приказано хватать всех, кто подстрекает их к восстанию, и приводить их в города. Немедленно разразилась война крестьян против дворян. Убийства, грабежи и поджоги привели как польское восстание, так и его лидеров к плачевному концу. Польская знать, не желая признавать унижительную правду о том, что их собственные крестьяне были их злейшими врагами, обвинила австрийское правительство в том, что оно назначило награду за их головы и подстрекали крестьян к коммунистическому восстанию. Меттерних, опозоренный зрелищем жакерии, свирепствовавшей, очевидно, под его собственной эгидой, настаивал в циркуляре к европейским дворам, что нападение крестьян на

дворянство было чисто спонтанным и вызвано попытками принудить некоторых крестьян присоединиться к восстанию грубой силой. Но какова бы ни была мера ответственности, которую взяли на себя агенты правительства, аграрная революция, несомненно, была в полном разгаре в Галиции, и ее последствия вскоре ощутила остальная часть австрийской монархии. Аркадийскому довольству сельского населения, которое было предметом гордости и в какой-то степени реальной силой Австрии, пришел конец. Сознавая, что проблема, от решения которой оно так долго уклонялось, должна быть наконец решена, правительство Вены подготовилось урегулировать условия землевладения с помощью законодательства, распространяющегося на всю империю. Но мужество, необходимое для адекватного решения проблемы, нигде не встречалось в официальном мире, и Эдикт, в котором излагались последние слова имперского правительства по этому жизненно важному вопросу, содержал не что иное, как ряд положений, облегчающих добровольные соглашения между крестьянами и их лордами. По качеству этого постановления Венский суд определил меру своей собственной слабости. Возможность порвать с традициями бессилия представилась сама собой и была упущена. Революция была у самых ворот, и в ответ на неудовлетворенные требования сельского населения правительство вручило своим противникам оружие величайшей силы. ^[408]

[Вена.]

В чисто немецких провинциях Австрии сохранились остатки духа спокойствия, который еще можно было найти в Империи. Однако в районах, на которые распространялось влияние столицы, этого не было. В последнее время Вена переросла свой прежний беспечный дух. В прошлые годы это место было домом для населения, известного своей любовью к удовольствиям, добродушием и безразличием к общественным делам, но теперь оно приобрело более серьезный характер. Смерть императора Франциска, который для последнего поколения венцев был такой же неизменной частью порядка вещей, как река Дунай, не была не связана с этим изменением общественного тона. Пока был жив старый император, все мысли, которые были посвящены политическим делам, были выброшены на ветер. С его смертью государство не только утратило абсолютную контролирующую силу, пусть и тупую, но практичную и цепкую, но эта потеря была ощутима для всего мира. Пустота стояла голой и незащищенной перед глазами публики. Печально известная слабоумность императора Фердинанда, бесплодный и устаревший формализм Меттерниха и всей той системы, которая, казалось, была заложена в нем, сделали правительство объектом всеобщей сатиры, а в некоторых кругах - язвительного презрения. По мере того как культура и интеллект столицы превосходили уровень других городов, тем более раздражающим было давление той части общей системы опеки, которая была особенно направлена против независимости разума. Цензура осуществлялась с гротескной глупостью. Целью правительства по-прежнему было изолировать Австрию от идей и спекуляций других стран и придать интеллектуальному миру подданных императора ту точную форму, которую традиция предписывала как подходящую для членов хорошо регулируемого государства. В поэзии произведения лорда Байрона были изъяты из обращения, когда таможенники и рыночные инспекторы предпочли обеспечить соблюдение закона; в истории и политической литературе ведущие писатели современности находились под таким же запретом. Местное производство контролировалось гораздо эффективнее. От того, кто писал в газете, или читал лекции в университете, или публиковал произведение воображения, ожидалось, что он сам сообщит что-нибудь приятное официальным властям, или же его заставляли молчать. Поскольку Вена уступала Северной Германии в интеллектуальной деятельности, унижение, причиненное ее лучшим элементам этой разрушающей жизнь

слежкой, остро ощущалось и вызывало горькое негодование. Возможно, скорее своей маразматической борьбой против духовной свободы, чем какими-либо актами прямых политических репрессий, правительство настроило против себя почти единодушное мнение образованных классов. Его влияние на привязанность столицы исчезло. Все еще пребывавшие в состоянии покоя, но готовые объединиться против правительства, когда представится возможность, там стояли, в дополнение к неорганизованной массе среднего звена, определенным политическим ассоциациям и студенческим обществам, энергичному еврейскому элементу и обычному контингенту, создаваемому бедностью и недовольством в каждом большом городе из числа рабочего населения. Недостатка в военной силе, достаточной для того, чтобы удержать столицу в повиновении, не было; но дальновидности и энергии, необходимых для того, чтобы справиться с первым натиском революции, у власть имущих не было нигде.

[Пруссия.]

[Фридрих Вильгельм IV., 1840.]

В Берлине прочный порядок прусского абсолютизма уже пошатнулся до основания. С королем Фридрихом Вильгельмом III, чье долгое правление закончилось в 1840 году, исчезло наполовину сыновнее, наполовину бездуховное попустительство нации в отказе от свобод, которые были так торжественно обещаны ей в эпоху падения Наполеона. Новый Государь, Фридрих Вильгельм IV, взошел на престол в обстановке больших национальных надежд. Сам контраст, который его теплая, буйная натура представляла с молчаливым, сдержанным нравом его отца, на некоторое время расположил публику в его пользу. В более ярких личных качествах он намного превосходил всех своих ближайших сородичей. Его художественные и литературные симпатии, его умственные способности и красноречие, казалось, выдавали человека новой эпохи и поддерживали веру в то, что, несмотря на средневековые мечты и реакционные теории, которым он предался как принц, он, как король, оценит потребности времени и даст Пруссии свободные институты, которых требовала нация. Первые акты нового правления были задуманы великодушно. Политические преступники были добровольно помилованы. Люди, пострадавшие за свои взгляды, были восстановлены на своих должностях в университетах и на государственной службе или выбраны для продвижения по службе. Но когда король обратился к конституционному вопросу, его высказывания оказались неудовлетворительными. Хотя он, несомненно, выступал за некоторые реформы, он не одобрял идею действительно национального представительства, а, казалось, скорее искал повод осудить ее. Не было недостатка и в других дурных предзнаменованиях. Объединив свое правительство с узкой школой теологов, король оскорбил людей независимого склада ума и преступил лучшие традиции прусского управления. Престиж нового правления вскоре был исчерпан. Те, кто считал Фридриха Вильгельма гениальным человеком, теперь называли его пустым, надутым дилетантом; считалось, что его энтузиазм ни о чем особом не говорит; его звучные банальности не выдерживали критики при повторном произнесении. Не только в его собственном королевстве, но и в мелких германских государствах, которые смотрели на Пруссию как на будущего лидера свободной Германии, быстро утвердилось мнение, что Фридрих Вильгельм IV. должен был быть причислен скорее к врагам, чем к друзьям правого дела.

[Объединенный парламент, созванный в Берлине, 3 февраля 1847 г.]

В Указах, которыми последний король Пруссии обещал своему народу Конституцию, было установлено, что представительный орган должен был исходить из провинциальных сословий и что он должен был обладать, в дополнение к своим чисто консультативным функциям в законодательстве, реальной властью контроля над всеми государственными займами и всеми предлагаемыми дополнениями к налогообложению. В то время считалось, что взаимозависимость обещанного парламента и провинциальных сословий ставит под угрозу успех плана Харденберга; тем не менее, именно эту концепцию король Фридрих Вильгельм IV сделал центром своей конституционной политики. Приверженец далекого прошлого, он говорил о Провинциальных поместьях, которые в их нынешнем виде существовали только с 1823 года, как будто они были великим национальным и историческим институтом, сохранившимся неизменным на протяжении веков. Его первым экспериментом было создание Комитета из числа этих органов для рассмотрения определенных финансовых проектов, которыми было занято правительство (1842). Работа Комитета была незначительной, и обращение с ним со стороны министров Короны не носило серьезного характера. Фридрих Вильгельм, однако, продолжал размышлять над своими планами и назначил Комиссию для изучения проекта, составленного по его желанию Кабинетом министров. Агитация в пользу парламентского правления становилась все более настойчивой среди образованных классов; и в конце концов, несмотря на некоторое противодействие со стороны своего брата, принца Прусского, впоследствии императора Германии, король решил выполнить обещание своего отца и созвать Генеральную ассамблею в Берлине. 3 февраля 1847 года появился Королевский патент, который созывал все Провинциальные сословия в столицу на заседание Объединенного сейма Королевства. Сейм должен был быть разделен на две палаты: верхняя палата включала принцев королевской крови и высшую знать, нижняя - представителей рыцарства, городов и крестьян. Законодательное право не было предоставлено сейму; однако он имел право подавать петиции по внутренним делам. Государственные займы и новые налоги в мирное время не могли взиматься без его согласия. Не было установлено регулярного интервала для будущих заседаний Сейма, и, кроме того, его финансовые права были ограничены другими положениями, которые предписывали, что Объединенный комитет от провинциальных сословий должен был собираться каждые четыре года для решения определенных задач, и что специальная делегация должна была заседать каждый год для ведения дел, связанных с государственным долгом. ^[409]

[Король Фридрих Вильгельм и сейм.]

Характер Генеральной ассамблеи, созванной этим эдиктом, возложенные на нее функции и гарантии, предлагаемые для Представительного правления в будущем, настолько мало соответствовали требованиям нации, что в либеральных кругах сразу же был поднят вопрос о том, следует ли принять уступки, предложенные таким образом королем, или отвергнуть их. Существовавшие сомнения относительно настроений самого монарха были усилены тронной речью на открытии сейма (11 апреля). В энергичной речи, длившейся более получаса, король Фридрих Вильгельм, сказав много подходящего к случаю, осудил дух революции, царивший в прусской прессе, предупредил депутатов, что они были созваны не для того, чтобы отстаивать политические теории, а для защиты прав каждого в своем собственном ордене, и заявил, что никакая сила на земле не должна заставить его изменить свое естественное отношение к своему народу на конституционное или позволить письменному листу бумаги вмешаться, как второму Провидению, между Пруссией и Всевышним. Так яростны были высказывания короля и так бескомпромиссен его тон, что на закрытом совещании было немедленно внесено

предложение о том, чтобы депутаты покинули Берлин всем составом. Этот крайний курс не был принят; вместо этого было решено обратиться к королю, изложив ему в уважительных выражениях недостатки Патента от 3 февраля. С дебатов по этому обращению началась парламентская история Пруссии. Либеральное большинство в Нижней палате, стремясь основать свое дело на каком-то фундаменте позитивного права, отнеслось к эдиктам Фридриха Вильгельма III, определяющим права будущего Представительного органа, как к действительным статутам королевства, хотя покойный король никогда не создавал Представительный орган. С этой точки зрения функции, которые в настоящее время переданы Комитетам и делегациям, были в значительной степени незаконно ущемлены в правах Сейма. Правительство, с другой стороны, отрицало, что Сейм обладал какими-либо правами или притязаниями, помимо тех, которые были закреплены за ним Патентом от 3 февраля, которому он обязан своим происхождением. Получив обращение Палат, король, выразив желание видеть Конституцию в дальнейшем развитии, повторил принцип, уже изложенный его министрами, и отказался признавать какие-либо обязательства, кроме тех, которые он сам создал.

[Слушания и роспуск Сейма.]

Когда после серии дебатов по рассматриваемым политическим вопросам началась собственно работа Сессии, отношения между правительством и Ассамблеей скорее ухудшились, чем улучшились. Основными представленными мерами были предоставление государственной гарантии определенным земельным банкам, созданным с целью погашения арендной платы за крестьянские владения, и выдача государством государственного займа на строительство железных дорог. Утверждая, что первая мера не касалась непосредственно налогообложения, правительство, представляя ее на рассмотрение Сейма, заявило, что они спрашивают только мнение, и отрицало, что Сейм обладает каким-либо правом принятия решения. Таким образом, вынужденный, так сказать, удовлетворить свои требования, сейм не только отказался согласиться с этой гарантией, но и наложил вето на предложенный железнодорожный заем. Оба проекта сами по себе были признаны выгодными для государства; их отклонение сеймом было решительным подтверждением конституционных прав, которые правительство, по-видимому, не хотело признавать. Оппозиция становилась все более и более озлобленной; и когда в качестве предварительного шага к роспуску Сейма король приказал его членам приступить к выборам Комитетов и делегаций, указанных в Эдикте от 3 февраля, важная группа отказалась участвовать в выборах или согласилась сделать это только с оговорками на том основании, что Сейм, и только он, обладал конституционным контролем над финансами, который король собирался передать другим органам. Возмущенный этим протестом, король не явился на церемонию закрытия Сейма (26 июня). На фоне общего раздражения и обиды Собрание разошлось. Его созыв не привел ни к чему, кроме прямой демонстрации антагонизма целей, существующего между Сувереном и национальными представителями. Умеренные люди были отчуждены доктринами, провозглашенными с трона; и эксперимент, который, будь он проведен более разумно, возможно, в последний момент спас бы всю Германию от революции, оставил монархию дискредитированной и беззащитной перед нападками самых жестоких из ее врагов.

[Луи Филипп.]

Теперь поезд был проложен по всей центральной Европе; достаточно было одной вспышки из Парижа, чтобы пожар разгорелся повсюду. Мысль о том, что корона, которой Луи-Филипп был

обязан одной народной вспышке, может быть отнята у него другой, постоянно посещала не только самого короля, но и иностранных наблюдателей в первые годы его правления. Период относительного мира, на смену которому пришли первые республиканские движения после 1830 года, напряженная работа парламентской системы, настойчивая и успешная погоня за богатством, которая, казалось, подавила все остальные побуждения во Франции, сделали эти опасения делом прошлого. Орлеанистская монархия заняла свое место среди признанных институтов Европы; ее глава, пожилой, но энергичный умом, с нетерпением ждал будущего своей династии и строил планы распространения ее влияния за пределы самой Франции. Одно время Луи Филипп надеялся связать свою семью браком с венским или берлинским дворами; этот проект не встретил поддержки; тем более нетерпеливо король искал возможности в другом направлении и разрабатывал планы восстановления семейного союза между Францией и Испанией, который был установлен Людовиком XIV. и который так сильно повлиял на историю Европы вплоть до свержения монархии Бурбонов. Корона Испании теперь принадлежала молодой девушке; ее сестра была следующей по наследству; сделать Орлеанский дом таким же могущественным в Мадриде, каким он был в Париже, казалось в этих обстоятельствах не такой уж невыполнимой задачей для короля и министра, которые в интересах династии были готовы пожертвовать честью и добросовестностью.

[Брак в Испании, октябрь 1846 г.]

Пока война с карлистами все еще продолжалась, лорд Пальмерстон убедил себя, что Луи Филипп намеревался женить молодую королеву Изабеллу, если это возможно, на одном из своих сыновей. Несколько лет спустя Гизо неофициально упомянул об этом проекте английскому государственному деятелю, который сразу дал понять, что Англия не допустит этого союза. Отказавшись от этой схемы, Луи Филипп затем потребовал, неправильно истолковав Утрехтский мирный договор, чтобы выбор королевой мужа был ограничен бурбонами испанской или неаполитанской линии. На это требование лорд Абердин, ставший министром иностранных дел в 1841 году, отказался дать свое согласие; однако он заявил, что Англия не предпримет никаких шагов в противовес такому браку, если в Мадриде его сочтут желательным. Теперь Луи Филипп предложил своему младшему сыну, герцогу Монпансье, жениться на инфанте Фернанде, сестре королевы Испании. При четком понимании того, что этот брак не должен состояться до тех пор, пока королева сама не выйдет замуж и не родит детей, английский кабинет министров согласился с этим предложением. То, что браки не должны быть одновременными, рассматривалось обоими правительствами как сама суть соглашения, поскольку отсутствие детей в результате брака королевы сделало бы ее сестру или наследника ее сестры наследницей трона. Это неоднократно признавалось Луи Филиппом и его министром Гизо в ходе переписки с британским двором, которая длилась несколько лет. Тем не менее, в 1846 году французскому послу в Мадриде совместно с матерью королевы Марией Кристиной удалось осуществить план, согласно которому условия, изложенные в Лондоне и принятые в Париже, были полностью сорваны. Из испанских кузенов королевы был один, дон Франсиско, который, как было известно, физически не подходил для брака. С этим человеком Мария Кристина и французский посол решили соединить юную Изабеллу, поскольку ее сестра одновременно была замужем за герцогом Монпансье. Это соглашение настолько вопиюще противоречило обещаниям, данным в Тюильри, что, когда известие об этом дошло до Парижа, Луи Филипп на мгновение заявил, что посол должен быть дезавуирован и опозорен. Гизо, однако, был добрее сердцем, чем его хозяин, и попросил отсрочки. В самый разгар замешательства короля возвращение лорда Пальмерстона к власти и упоминание им принца

Саксен-Кобургского в качестве одного из претендентов на руку испанской королевы дали Гизо предложение заявить, что Великобритания нарушила свои обязательства по отношению к Дому Бурбонов, выдвинув кандидатуру Кобурга. В действительности британское правительство не только не принимало участия в поддержке кандидатуры принца Кобургского, но и прямо выступало против нее. Однако в Тюильри к этому тщетно призывали. Какими бы ни были первоначальные намерения Луи Филиппа или Гизо, искушение обеспечить себе вероятное наследование испанской короны было слишком сильным, чтобы можно было устоять. Предварительные приготовления продвигались с предельной поспешностью, и 10 октября 1846 года бракосочетание королевы Изабеллы и ее сестры, организованное французским послом и королевой-матерью, было одновременно отпраздновано в Мадриде. ^[410]

[Луи Филипп и Гизо, 1847.]

Немногие интриги были более позорными, чем испанские браки; нет более бесполезных. Ход истории высмеивал его скрытые цели; его непосредственные результаты были полностью во вред Орлеанскому дому. Сердечное взаимопонимание между Францией и Великобританией, возродившееся после разногласий 1840 года, теперь окончательно пошатнулось, Луи Филипп предстал перед своим народом обвиненным в том, что пожертвовал ценным союзом ради чисто династических целей; его министру, суровому и ханжескому Гизо, пришлось защищаться от обвинений, которые покрыли бы позором самого закаленного человека в мире. Таким образом, лишенная своего одеяния морального превосходства, осужденная одновременно как беспринципная и непатриотичная, орлеанистская монархия была вынуждена встретить бурю народного недовольства, которая собиралась как над Францией, так и над соседними землями. Утраченной дружбе с Англией необходимо было искать замену в поддержке какой-нибудь Континентальной державы. Присоединившись к реакционной политике Венского двора, Гизо попытался установить дипломатический контакт, из которого Англия должна была быть исключена, как это было с Францией в 1840 году. Были обстоятельства, которые придавали этому замыслу некоторое значение. Бескомпромиссная энергия, с которой лорд Пальмерстон поддерживал либеральное движение, ставшее теперь столь грозным в Италии, сделала каждое абсолютное правительство в Европе его врагом; и если бы было предоставлено время, деспотические дворы, возможно, объединились бы с Францией в какой-нибудь более или менее открытой комбинации против английского министра. Но теперь минуты были сочтены; и прежде чем предполагаемый союз смог воплотиться в жизнь, разразился ураган, перед которым первыми пали Луи Филипп и его министр.

[Требование парламентской реформы.]

Требование реформы французской парламентской системы было выдвинуто, когда Гизо вступал в должность в разгар восточного кризиса 1840 года. Затем его заставили замолчать и подавили всеми средствами, имевшимися в распоряжении Исполнительной власти; король Луи Филипп был убежден, что при более демократичном составе Палаты поддержание его собственной мирной политики было бы невозможно. Теперь спрос снова возрос с гораздо большей энергией. Хотя избирательное право было понижено после июльской революции, оно все еще было настолько велико, что ни один человек из ста пятидесяти не обладал правом голоса, в то время как имущественный ценз, который был наложен на самих депутатов, исключал из Палаты всех, кроме людей со значительным состоянием. Более того, не существовало закона, запрещающего лицам, занимающим административные должности при правительстве,

заседать в Собрании. Следствием этого стало то, что более трети депутатов были либо должностными лицами, добившимися избрания, либо представителями, которые с момента своего избрания принимали от правительства назначения большей или меньшей ценности. Несмотря на изобилие парламентских талантов, было невозможно, чтобы Палата в таком составе могла быть представителем нации в целом. Ограниченность избирательного права, богатство самих депутатов делали их во всех вопросах, затрагивающих социальное положение народа, простым клубом капиталистов; влияние, которое корона осуществляла путем раздачи должностей, превращало тех, кто должен был быть ее контролерами, в ее иждивенцев, тем более что ее покровительство расточалось номинальным противникам даже более щедро, чем на явных друзей. Против короля Луи-Филиппа большинство в Палате фактически утратило собственную волю. Она олицетворяла богатство; она в какой-то степени олицетворяла здравый смысл Франции; но по всем текущим спорным вопросам она лишь представляла исполнительную власть в другой форме. В последние годы правления Луи Филиппа нация настолько утратила всякую надежду на Ассамблею, что даже выборы перестали вызывать интерес. С другой стороны, вера в повсеместное распространение коррупции с каждым днем получала все новые основания. Серия государственных судебных процессов выявила грубейшие махинации во всех ветвях администрации и доказала, что политическое влияние обычно использовалось в целях получения денежной выгоды. Обремененный своей терпимостью к системе, едва отличимой от ее злоупотреблений, министр мог только обратиться к своим собственным кандидатам в Палате представителей и спросить их, чувствуют ли они себя коррумпированными; приглашенный рассмотреть некоторые меры парламентской реформы, он презрительно заявил о своей политике сопротивления. Таким образом, не имея надежды получить удовлетворение ни от правительства, ни от самой Палаты, лидеры оппозиции решили в 1847 году обратиться ко всей стране; и агитация за парламентскую реформу, основанная на методах, использованных О'Коннеллом в Ирландии, вскоре распространилась по главным городам Франции.

[Социализм.]

Но среди трудового населения Парижа действовали другие идеи и другие силы, отличные от тех, которые были знакомы политикам Ассамблеи. Теории социализма, бывшие достоянием немногих мыслителей и читателей в первые годы правления Луи Филиппа, теперь глубоко укоренились в массах и в грубой и легко воспринимаемой форме стали кредо бедных. С того времени, как падение Наполеона вернуло Франции способность мыслить и, так сказать, снова обратило взоры солдат к своей родине, те вопросы относительно основы общественного союза, которые занимали умы людей в более раннюю эпоху, были еще раз почувствованы и высказаны. Проблема оставалась такой же, какой она была в восемнадцатом веке; ответ был найден в более позднюю эпоху. Короли, священники и знать были свергнуты, но нищета по-прежнему охватывала мир. В учении Сен-Симона времен Реставрации религиозные концепции сочетались с великим промышленным планом; в Утопии Фурье, созданной в тот же плодотворный период, все ценное принадлежало его предложениям в области кооперативного производства. Но независимо от того, была ли предлагаемая доктрина доктриной философа, мудреца или шарлатана, в каждом случае были видны одни и те же ведущие идеи: недостаточность индивидуума в изоляции, промышленная основа всей социальной жизни, заинтересованность сообщества или его высшей власти в организации труда. Естественно, что идея нового общественного порядка не в отдаленной или сложной форме овладела умами рабочих в парижских предместьях. Он прочитал у Луи Блана, последнего и наиболее

вразумительного из его учителей права на труд, об обязанности государства обеспечивать работой своих граждан. Это было нечто реальное и осязаемое. Ради этого он был готов при случае взяться за оружие; не с целью распространения избирательных прав на другую горстку буржуазии или перераспределения государственных прибылей от одной группы охотников за местом к другой. В противовес правящему министру реформаторы в Палате представителей и социалисты на улицах могли на мгновение объединить свои силы, но их цели были непримиримы, и сегодняшние союзники неизбежно становились завтрашними врагами.

[Февральская революция 1848 г.]

[22 февраля.]

В конце 1847 года собрался последний парламент орлеанистской монархии. Тронная речь, произнесенная самим Луи Филиппом, в резких выражениях осудила агитацию за реформы, которая велась в предыдущие месяцы, хотя эта агитация в целом была делом рук так называемой династической оппозиции, которая, требуя избирательной реформы, была искренне лояльна монархии. Слова короля были вызовом; и в ходе дебатов по Посланию этот вызов был подхвачен всеми рядами монархических либералов, а также небольшой республиканской частью Ассамблеи. Правительство, однако, по-прежнему сохраняло за собой большинство голосов. Потерпев поражение в голосовании по этому Обращению, оппозиция решила в знак протеста посетить банкет, который партия реформ проведет на Елисейских полях 22 февраля на западе Парижа. Сначала было желательно, чтобы путем какого-либо дружественного соглашения с правительством, которое объявило банкет незаконным, была исключена возможность применения насилия. Однако возникли недоразумения, и правительство в конце концов запретило банкет и подготовилось к тому, чтобы ответить на любые беспорядки силой оружия. Депутаты, стремясь использовать только легальные средства сопротивления, теперь решили не присутствовать на банкете; с другой стороны, демократические и социалистические лидеры приветствовали возможную возможность восстания. Утром 22-го массы людей хлынули на запад из рабочего квартала. Весь день в городе царила неразбериха, и началось возведение баррикад. На улицах были выставлены войска; однако ни одна из сторон не предприняла серьезной атаки, и с наступлением темноты воцарилась тишина.

[23 февраля.]

На следующее утро Национальная гвардия Парижа была призвана к оружию. На протяжении всей борьбы между Луи Филиппом и населением Парижа в первые годы его правления Национальная гвардия, набравшаяся в основном из торговых кругов, упорно сражалась за короля. Однако теперь она была заодно с Либеральной оппозицией в Ассамблее и громко требовала отставки министров. В то время как некоторые батальоны встали между регулярными войсками и населением и предотвратили конфликт, другие обратились в Палату с петициями о реформе. Как ни упрямо Луи Филипп до сих пор отказывался от любых уступок, сообщение об угрозе дезертирства Национальной гвардии в конце концов убедило его, что сопротивление невозможно. Он принял отставку Гизо, и Палата услышала от самого павшего министра, что он прекратил занимать свой пост. Хотя король некоторое время отказывался поручить формирование министерства Тьеру, признанному лидеру оппозиции, и пытался назначить на этот пост более приемлемого для себя политика, чувствовалось, что с падением Гизо всякое реальное сопротивление реформе было сломлено. Парламентская оппозиция и средний класс

Парижа больше ничего не требовали. Казалось, что победа одержана, кризис подошел к концу. В западной части столицы поздравления и добродушие сменились страхом перед конфликтом. Войска братались с гражданами и Национальной гвардией; и когда наступила темнота, бульвары были освещены, как на национальном празднике.

[24 февраля.]

Однако в разгар этого ликования и в то время, как руководители революционных обществ, опасаясь, что возможность нанести удар монархии упущена, призывали защитников баррикад оставаться на своих позициях, группа рабочих вступила в конфликт, случайно или преднамеренно, с войсками перед Министерством иностранных дел. Был произведен залп, в результате которого погибли или были ранены восемьдесят человек. Погрузив тела убитых на повозку и пронеся их при свете факелов по улицам рабочего квартала, лидеры восстания призвали народ к оружию. Набат звучал всю ночь; на следующее утро население двинулось маршем на Тюильри. Вследствие падения министерства и предполагаемого примирения короля с народом, какие бы военные действия ни были начаты, они были прекращены. В отдельных пунктах войска храбро сражались; но систематической обороны не было. Сломленный напряжением предыдущих дней и встревоженный безразличием Национальной гвардии, когда он выезжал среди них, король, который во все периоды своей долгой жизни проявлял такое заметное мужество перед лицом опасности, теперь потерял всякую выдержку и способность действовать. Он подписал акт об отречении в пользу своего внука, графа Парижского, и бежал. Позади него победоносная толпа ворвалась в Тюильри и опустошила его от подвала до крыши. Законодательная палата, где была предпринята попытка провозгласить графа Парижского королем, в свою очередь подверглась вторжению. В шуме и суматохе в Ратуше было установлено Временное правительство, и еще до конца дня по Европе разнеслась весть о том, что Орлеанский дом прекратил свое правление и что провозглашена Республика. Волна революции захлестнула не только Францию, но и весь Континент в целом.

КОНЕЦ ТОМА II.

ТОМ III.

ГЛАВА XIX.

Европа в 1789 и 1848 годах-Волнения в Западной Германии до и после революции в Париже-Австрия и Венгрия-Мартовская революция в Вене-Бегство Меттерниха-Венгерский сейм-Венгрия завоевывает независимость-Богемское движение-Автономия, обещанная Богемии-Восстание Ломбардии-Венеции-Пьемонт объявляет войну Австрии-Общественная война против Австрии неизбежное - Мартовские дни в Берлине -Фридрих Вильгельм IV.-Обещано Национальное собрание- Шлезвиг-Гольштейн-Восстание в Гольштейне-Война между Германией и Данией-Предпарламент Германии-Республиканское восстание в Бадене-Заседание Национального собрания Германии во Франкфурте-Европа в целом в марте 1848 года-Временное правительство Франции-Национальные мастерские-Правительство и красные республиканцы-Национальное собрание Франции-Бунт 15 мая-Меры против национальных мастерских-Четыре дня июня- Кавеньяк-Луи Наполеон-Он избран в Ассамблею-Избранный президент.

[Европа в 1789 и 1848 годах.]

В 1848 году жило мало государственных деятелей, которые, подобно Меттерниху и Луи Филиппу, могли помнить начало Французской революции. Для тех, кто мог таким образом оглянуться назад на протяжении шестидесяти лет, сравнение европейских движений, последовавших за последовательными нападениями на власть во Франции, позволило в некоторой степени оценить изменения, произошедшие в политической атмосфере Континента в течение одной жизни. Революция 1789 года, хотя и глубоко взволновавшая умы людей в соседних странах, не вызвала массового народного восстания за пределами Франции. За изгнанием Карла X в 1830 году последовали национальные восстания в Италии, Польше и Бельгии, а также борьба за конституционное правление в небольших государствах Северной Германии. Падение Луи Филиппа в 1848 году сразу же потрясло всю центральную Европу. От Рейнских провинций до границы с Османской Империей не было правительства, кроме Швейцарской Республики, которому не угрожала опасность; не было расы, которая не заявляла бы о своих притязаниях на более или менее полную независимость. Сообщества, чей долгий сон не был потревожен потрясениями наполеоновского периода, теперь вибрировали теми же импульсами, которые с 1815 года никакое давление абсолютной власти не могло полностью подавить в Италии и Германии. Границы области политического недовольства расширились; там, где апатия или извечная преданность какой-нибудь далекой короне долгое время не позволяли слышать голоса нового века, теперь повсюду царил беспокойство, все с нетерпением ожидали зарождающейся эпохи национальной жизни. Особенно это касалось славянских рас, включенных в Австрийскую империю, рас, которые в первые годы этого столетия были совершенно немymi. Они, в свою очередь, теперь почувствовали дыхание патриотизма и

заявили о праве на самоуправление. Какими бы отличными ни были идеи национальной независимости и конституционной свободы сами по себе, они не отличались в своем действии на большей части Европы в 1848 году; и эта эпоха будет неправильно понята, если ее рассматривать не более чем как повторение в больших масштабах демократического взрыва в Париже, которым она началась. В 1848 году в Европе стремились к большему, чем замена монархического или аристократического правления народным. Стремление сделать государство единым с нацией возбуждало более широкие интересы, чем стремление расширить и уравнивать права граждан; и именно в действии этого принципа национальности мы находим объяснение тенденций эпохи, которые на первый взгляд кажутся прямо противоречащими друг другу. В Германии единая раса была разделена при многих правительствах: здесь национальный инстинкт побуждал к единству. В Австрии различные расы объединяла одна корона: здесь национальный инстинкт побуждал к разделению. В обоих этих государствах, как и в Италии, где преобладание иностранцев и продолжение деспотического правления были особым образом связаны друг с другом, усилия 1848 года потерпели неудачу; но проблемы, которые тогда волновали Европу, не могли надолго остаться в стороне, и их полное решение в случае Германии и Италии, частичное и предварительное в случае Австрии, делает последующие двадцать пять лет незабываемым периодом в европейской истории.

[Волнения в Западной Германии.]

Внезапное исчезновение орлеанистской монархии и провозглашение Республики в Париже повергли в смятение правительства за Рейном. Трудности уже сгущались вокруг них, оппозиция среди их собственных подданных с каждым днем становилась все более грозной и откровенной. Осенью 1847 года в Западной Германии состоялось собрание депутатов-либералов, на котором было выдвинуто требование о реформе Федеральной конституции и создании немецкого парламента: республиканская или революционная партия, небольшая, но яростная, также проводила свою собственную общепризнанную политику и имела свои признанные органы в прессе. Как только весть о Революции в Париже перешла границу, во всех мелких германских государствах призыв к реформам стал непреодолимым. Повсюду министры подали в отставку; народные требования были удовлетворены; и к власти были призваны люди, имена которых были связаны с борьбой за свободу прессы, за суд присяжных и за реформу Федеральной конституции. Сам Федеральный сейм, столь долго служивший инструментом абсолютизма, склонился под давлением времени, отменил законы о цензуре и предложил правительствам направить уполномоченных во Франкфурт для обсуждения реорганизации Германии. Однако конфликт между властью и ее противниками должен был разрешиться не во Франкфурте и не во второстепенных столицах. Вена, оплот абсолютизма, святилище, из которого исходило так много запретов на свободу во всех частях Европы, сама была охвачена революционным духом. Ясное небо потемнело, и Меттерних обнаружил, что бессилен перед бурей.

[Австрия.]

До 1848 года в австрийской столице было настолько полное отсутствие политической жизни, что, когда во всех умах внезапно вспыхнуло убеждение, что древний порядок обречен, не было ни партийных лидеров, которые могли бы противостоять правительству, ни планов реформ, с которыми была бы согласна какая-либо значительная группа людей. Первыми проявлениями общественного недовольства стали петиции, составленные Торговой палатой и литературными

ассоциациями. Они были расплывчатыми по смыслу и далекими от агрессивности по тону. Более суровая нота прозвучала, когда до столицы дошли сведения о резолюциях, которые были приняты Нижней палатой парламента Венгрии 3 марта, и о формулировках, на которых Кошут проводил их в жизнь. Отбросив всякую сдержанность, мадьярский лидер заявил, что правящую династию можно спасти, только предоставив Венгрии ответственное министерство, избранное из состава самого сейма, и установив конституционное правительство во всех австрийских владениях. "Из склепа венской системы, - восклицал он, - над нами витает отравленная атмосфера, которая парализует наши нервы и сковывает нас, когда мы хотели воспарить. Будущее Венгрии никогда не может быть безопасным, пока в других провинциях существует система правления, находящаяся в прямом противоречии со всеми конституционными принципами. Наша задача состоит в том, чтобы основать более счастливое будущее на братстве всех австрийских рас и заменить союз, насаждаемый штыками и полицией, прочными узами свободной конституции ". Когда Венгерская ассамблея, таким образом, взяла в свои руки дело остальной части монархии, граждане Вены не должны были уступать в объеме своих требований. Идея Конституции для Империи в целом была общепринятой, и было предложено, чтобы обращение, воплощающее это требование, было направлено императору провинциальными сословиями Нижней Австрии, заседание которых было назначено на 13 марта. Тем временем студенты сделали себя героями вечера. Волнение в городе усилилось; слухи о банкротстве государства и о предстоящем отказе от бумажных денег наполнили все классы верой в то, что близка какая-то катастрофа. ^[411]

[Мартовская революция в Вене.]

Провинциальные поместья Нижней Австрии давно пришли в такое ничтожество, что в обычное время их деятельность едва ли была замечена столицей. Случайность, по которой им предстояло собраться в разгар великого кризиса, внезапно придала им особую важность. Считалось, что решающее слово будет сказано в ходе их дебатов, и утром 13 марта массы населения, возглавляемые процессией студентов, собрались вокруг зала заседаний Сейма. Пока внутри продолжались дебаты, уличные ораторы разжигали страсти толпы снаружи. Волнение усилилось, и когда, наконец, из одного из окон Зала была вывешена записка, в которой говорилось, что Сейм склоняется к полумерам, толпа разразилась ревом, и было предпринято нападение на сам зал Парламента. Видные представители Сословий были вынуждены встать во главе депутации, которая направилась к императорскому дворцу, чтобы привести в исполнение требования народа. Сам император, который никогда не был способен уделять серьезное внимание делам, оставался невидимым в течение этого и двух следующих дней; депутацию приняли Меттерних и высшие государственные чиновники, собравшиеся на совет. Тем временем толпа на улицах становилась все более плотной и возбужденной; приближались солдаты, чтобы защитить Зал заседаний Парламента и охранять окрестности дворца; наступил период замешательства; и при наступлении нового полка, которое было ошибочно принято за атаку, толпа, штурмовавшая зал заседаний Парламента, швыряла из окон на головы солдат разбитую мебель. Теперь был произведен залп, унесший жизни нескольких человек. При звуках стрельбы город охватило еще более сильное волнение. Были возведены баррикады, и люди и солдаты сражались врукопашную. С наступлением вечера депутация за депутацией устремлялись во дворец, чтобы добиться от правительства уступок. Меттерних, который почти единственный в Совете легкомысленно относился к народному восстанию, теперь, наконец, согласился на некоторые определенные меры реформы. Он удалился в соседнюю комнату, чтобы составить проект приказа об отмене цензуры в прессе. Во время его

отсутствия среди deputаций, заполнивших зал Совета, раздался крич: "Долой Меттерниха!" Старик вернулся и обнаружил, что его бросили коллеги. Среди них были члены императорской семьи, которые долгое время были его противниками; другие, которые тщетно убеждали его пойти на уступки, пока не стало слишком поздно. Меттерних понял, что его карьере пришел конец; он произнес несколько слов, отмеченных всем достоинством и самообладанием своих величайших дней, и удалился, чтобы передать свое прошение об отставке в руки императора.

[Бегство Меттерниха.]

В течение тридцати девяти лет Меттерних был настолько полностью отождествлен с австрийской системой правления, что после его падения вся эта система, казалось, исчезла. Суматоха в столице утихла при одном только объявлении о его отставке, хотя ненависть, которую он возбудил, сделала небезопасным для него оставаться в пределах досягаемости враждебных рук. Он был вывезен из Вены верным секретарем ночью 14 марта и, пробыв несколько дней в укрытии, пересек саксонскую границу. Его изгнанию было суждено продлиться некоторое время, но ни одно изгнание не переносилось с большей радостью и не было подслащено более глубоким удовлетворением от того зла, которое безумный мир навлек на себя, изгнав из него единственного в высшей степени мудрого и справедливого государственного деятеля. Спасаясь от общего натиска континентальных дворов на Великобританию, которая была все так же безопасна, как и пятьдесят пять лет назад, когда он посетил ее, Меттерних получил радушный прием от герцога Веллингтона и лидеров английского общества; и когда лондонский сезон закончился, он искал и нашел в Брайтоне что-то от оживленности и солнечного света своего родного южного дома. ^[412]

[Венгерская диета.]

Действия венгерского сейма под руководством Кошута оказали сильное влияние на ход событий в Вене. Венский мятеж, в свою очередь, придал непреодолимую силу венгерскому национальному движению. Вплоть до 13 марта Палата магнатов воздерживалась от принятия резолюции, принятой Нижней палатой в пользу национальной исполнительной власти; теперь они приняли ее без единого враждебного голоса; а 15-го в Вену была направлена депутация, чтобы представить императору обращение с требованием не только учреждения ответственного министерства, но и свободы печати, суда присяжных, равенства вероисповеданий и системы национального образования. В тот момент, когда эта депутация прибыла в Вену, правительство официально объявляло о своем согласии с народным требованием о Конституции для всей империи. Венгров с триумфом провожали по улицам, и на следующий день они были приняты самим императором, который выразил общее согласие с условиями обращения. Депутация вернулась в Пресбург, и палатин, или представитель суверена в Венгрии, эрцгерцог Стефан, немедленно поручил графу Баттиани, одному из самых популярных среди мадьярской знати, сформировать национальное министерство. До сих пор сейм находился в авангарде венгерского движения; теперь он отошел почти на второй план рядом с революционной организацией в Пеше, где весь пыл и весь патриотизм мадьярской расы пылал в их естественной силе, не сдерживаемой политическим опытом государственных деятелей, собравшихся в Пресбурге, и не сдерживаемой никаким из тех влияний, которые свойственны близости императорского двора. В Пеште вспыхнуло волнение, одновременно настолько демократическое и настолько глубоко национальное, что все соображения политики и уважения к австрийскому правительству, которые могли повлиять на действия сейма, были

сметены им. Кошут, сам подлинный представитель столицы, стал верховным правителем. По его просьбе Парламент принял закон, упраздняющий департаменты Центрального правительства, посредством которых осуществлялся контроль Суда над венгерским политическим органом. Был представлен и утвержден список министров, включающий не только тех, кто был необходим для ведения внутренних дел, но и министров войны, финансов и иностранных дел; и для того, чтобы вся нация могла сплотиться вокруг своего правительства, крестьянство было одним махом освобождено от всех услуг, связанных с землей, и превращено в свободных собственников. О компенсации, которая должна быть выплачена лордам за потерю этих услуг, было сказано только то, что это долг чести, который должна выполнить нация.

[Венгрия завоевывает независимость.]

В течение следующих нескольких дней меры, таким образом проведенные Кошутом через сейм, были представлены на ратификацию императору в Вене. Падение Меттерниха, каким бы важным оно ни было, в действительности не произвело на австрийское правительство того эффекта, которого от него ожидало общественное мнение. Новый кабинет министров в Вене был составлен из представителей официальной иерархии; и хотя некоторые из его членов были более либерально настроены, чем их покойный глава, все они в равной степени проводили свою жизнь в традициях древней системы и были далеки от намерения стать добровольными проводниками революции. Эти люди достаточно ясно видели, что действия Пресбургского сейма равносильны ни много ни мало отделению Венгрии от Австрийской империи. Если бы Военные министерства, финансы и иностранные дела были созданы независимо от центрального правительства, между Венгрией и Наследственными государствами не осталось бы никакой связи, кроме личности титулованного и, в настоящее время, слабоумного суверена. Бессильные и растерянные, преемники Меттерниха смотрели во все стороны в поисках совета. Палатин утверждал, что у австрийского правительства были открыты три пути. Оно могло попытаться подавить венгерское движение силой оружия; однако для этой цели имевшихся войск было недостаточно; или оно могло вообще уйти из страны, предоставив крестьянам нападать на дворян, как они это сделали в Галиции; это была бесчестная политика, и действия сейма, более того, обеспечили крестьяни все, что он мог получить в результате социального восстания; или, наконец, правительство могло на время уступить неизбежному, заключить соглашения с министерством Баттьяни и спокойно готовиться к энергичному сопротивлению, когда представится возможность. Последним методом был тот, который рекомендовал палатин; двор склонялся в том же направлении, но не желал подчиняться, не испытыв еще раз характер своих противников. Соответственно, в Пресбург был направлен рескрипт, объявлявший, что министерство, сформированное графом Баттьяни, было принято императором, но что центральные учреждения, упраздненные сеймом, должны быть сохранены, а функции военного и финансового министров должны быть сведены к функциям начальников департаментов, зависящих от приказов вышестоящей инстанции в Вене. Задержка, имевшая место с отправкой этого ответа, не предвещала лидерам националистов в Пеште и Пресбурге ничего хорошего. Его публикация поставила страну на грань вооруженного восстания. Баттьяни отказался принять должность на названных условиях; сам палатин заявил, что больше не может оставаться в Венгрии. Напуганный результатом собственного оспаривания, Двор теперь отказался от позиции, которую он занял, и принял план сейма в его целостности, оговаривая только, что распоряжение армией за пределами Венгрии во время войны и назначение на высшие командные должности должны оставаться за имперским правительством. ^[413]

[Богемное движение.]

[Обещана автономия.]

Таким образом, Венгрия укрепила свои позиции независимого государства, связанного с Австрией только через личность своего монарха. Какой бы масштабной и важной ни была перемена, какой бы фатальной она ни казалась тем, кто не мог представить себе иного единства, кроме единства центрального правительства, победа мадьяр, по-видимому, не вызвала у немецких либералов в Вене никаких чувств, кроме удовлетворения. Павшая система деспотизма была настолько одиозной, настолько ненавистой, что каждая победа, одерживаемая ее противниками, приветствовалась как триумф правого дела, какими бы отдаленными они ни были. Даже там, где могущественному немецкому элементу, какого не существовало в самой Венгрии, угрожали провинциальные притязания, правительство не могло надеяться на поддержку столицы, если та окажет сопротивление. Примеру мадьяр быстро последовали чехи в Богемии. Забытые и стертые с лица земли народами Европы, чехи сохранили в своем языке, и почти только в нем, эмблему своей национальной независимости. В пределах границ Богемии было так много немецкого населения, что окончательное поглощение славянского элемента этой более богатой и привилегированной группой населения в более раннее время не казалось маловероятным. Однако с 1830 года чешское национальное движение постепенно набирало силу. В первые дни волнений 1848 года была предпринята попытка придать чисто конституционную форму требованиям, выдвинутым от имени народа Праги, и таким образом сделать возможным объединение всех классов. Эта политика, однако, получила смертельный удар от революции в Вене и от победы мадьяр. Руководство в Праге перешло от людей с положением и опытом, представлявших скорее интеллект немецкого элемента в Богемии, чем патриотизм чехов, к ораторам-националистам, которые командовали улицами. Попытка Кабинета министров в Вене уклониться от требований, выдвинутых под влиянием более умеренных политиков, привела лишь к падению этой партии и выдвижению новой серии требований гораздо более революционного характера. Население Праги начало организовывать национальную гвардию; раздавалось оружие; власть рухнула. Теперь правительство было вынуждено соглашаться на все, что от него требовали, и Богемии было обещано законодательное собрание с независимой местной администрацией. Этой Ассамблее, как только она соберется, должны были быть представлены новые институты королевства.

[Восстание в Ломбардии, 18 марта.]

До сих пор, если авторитет Венского двора был фактически поколеблен значительной частью его подданных, император, по крайней мере, не видел, чтобы эти подданные открыто восстали против Дома Габсбургов, и их сопротивление не поддерживалось оружием иностранной державы. К югу от Альп династическая связь была открыто разорвана, и правлению Австрии был объявлен навсегда положенный конец. Ломбардия с начала 1848 года держалась в узде только благодаря демонстрации огромной военной силы. Революция в Париже пробудила как надежды, так и страхи; за революцией в Вене немедленно последовало восстание в Милане. Радецкий, австрийский командующий, ветеран, который с честью служил во всех кампаниях, начиная с кампании против турок в 1788 году, давно предвидел приближение вооруженного конфликта; однако, когда наступил настоящий кризис, его диспозиция не была подготовлена для его отражения. Войска в Милане были плохо размещены; кроме того, правительственные

учреждения были отделены половиной ширины города от военных штабов. Таким образом, когда 18 марта вспыхнуло восстание, оно унесло с собой все, что было перед ним. Вице-губернатор О'Донелл был схвачен и вынужден подписать своим именем указы о передаче управления городом Муниципальному совету. Радецкий бросил своих солдат на баррикады и проник в центр города; но он не смог удержаться там под непрерывным огнем из окон и с крыш домов и ночью 19-го отступил к линии укреплений. Бои продолжались в течение следующих двух дней на окраинах и у ворот города. Гарнизоны всех соседних городов были вызваны на помощь своему генералу, но итальянцы разрушили мосты и дороги, и только одному отряду из всех войск в Ломбардии удалось достичь Милана. Теперь в лагерь Радецкого поступило сообщение о том, что король Пьемонта выступил против него. Предпочтя потерю Милана возможному пленению своей армии, он решил покинуть город. В ночь на 22 марта началось отступление, и Радецкий отступил к Минчо и Вероне, которые он сам сделал центром австрийской системы обороны в Верхней Италии. ^[414]

[Восстание в Венеции.]

[Пьемонт ведет войну.]

Венеция уже последовала примеру ломбардской столицы. Известия, полученные из Вены после 13 марта, по-видимому, полностью сбили с толку как военные, так и гражданские власти на адриатическом побережье. Они освободили своих политических заключенных, среди которых был Даниэль Манин, способный и решительный враг Австрии; они вступили в конституционные дискуссии с народными лидерами; они разрешили сформировать национальную гвардию и, наконец, передали этой гвардии арсеналы и верфи со всеми их запасами. С этого времени все было кончено. Манин провозгласил Республику Святого Марка и стал главой Временного правительства. Итальянские полки в гарнизоне присоединились к национальному делу; военным кораблям в Поле, укомплектованным в основном итальянскими моряками, не позволили отправиться на помощь повстанцам только батареи, которые были направлены против них с берега. Таким образом, Венеция была потеряна для Австрии без единого удара. Восстание распространялось на запад и север, охватывая города и деревни во внутренних районах страны, пока от Австрии не осталось ничего, кроме крепостей на Адидже и Минчо, где Радецкий, глухой к советам робкого десятка, непоколебимо стоял на своем. Национальное восстание увлекло за собой Пьемонт. Напрасно британский посланник в Турине убеждал короля не вступать в конфликт с Австрией. 24 марта Карл Альберт опубликовал прокламацию, в которой обещал свою помощь лангобардам. Два дня спустя его войска вошли в Милан. ^[415]

[Всеобщая война против Австрии, начинающаяся в Италии.]

Австрия в течение тридцати лет последовательно отстаивала принцип, согласно которому ее собственный суверенитет в Верхней Италии дает ей право контролировать политическую систему любого другого государства на полуострове. Она дважды применяла этот принцип с оружием в руках: сначала при своей интервенции в Неаполь в 1820 году, затем при оккупации Римских государств в 1831 году. Правительство Вены, так сказать, с твердым намерением сделало невозможным, чтобы его присутствие в какой-либо части Италии рассматривалось как присутствие обычного соседа, имеющего право на спокойное владение до тех пор, пока не будет дан какой-нибудь новый повод. Итальянцы показали бы себя самыми простыми людьми, если бы, имея хоть какую-то разумную надежду на военный успех, они прислушались к советам Пальмерстона и других государственных деятелей, которые убеждали их не пользоваться

трудностями, в которых теперь оказалась Австрия. Паралич австрийского государства действительно был единственным неопровержимым аргументом в пользу немедленной войны. До тех пор, пока император сохранял свое господство в какой-либо части Италии, его интересы не могли постоянно ущемляться независимостью остальной части. Если бы итальянцы по-рыцарски подождали, пока Венский кабинет восстановит свою силу, было бы совершенно очевидно, что их следующие усилия во имя внутренней свободы были бы так же безжалостно подавлены, как и их предыдущие. Каждый дальновидный патриот понимал, что настало время для великих национальных усилий. В некоторых отношениях политическое состояние Италии казалось благоприятным для таких совместных действий. После восстания в Палермо в январе 1848 года абсолютизм повсюду пал. Появились министерства, в состав которых входила, по крайней мере, значительная часть людей, действительно сочувствовавших национальным чувствам. Прежде всего, папа, казалось, был склонен поставить себя во главе патриотического союза против иностранца. Таким образом, каковы бы ни были тайные склонности правящих домов, в данный момент они не смогли устоять перед призывом к оружию. Без фактического объявления войны войска были отправлены на север из Неаполя, Флоренции и Рима, чтобы принять участие, как предполагалось, в национальной борьбе на стороне короля Пьемонта. Добровольцы толпами встали под знамена. Казалось, что папское благословение на этот раз опирается на дело мужества и независимости. С другой стороны, тот самый импульс, который привел к власти Либеральные министерства, грозил перейти в фазу насилия и беспорядков. Уже сделанные уступки были высмеяны людьми, которые ожидали одержать все победы демократии за один час. Оставалось выяснить, существовала ли в Италии политическая проницательность, которая, одержав победу над всеми местными разногласиями, могла бы подчинить одной великой цели страсти толпы и страхи дворов, или же дело всей нации потерпело бы крушение в позорной борьбе между демагогами и реакционерами, между уличным сбродом и камарильей вокруг трона. ^[416]

[Мартовские дни в Берлине.]

Австрия одной рукой удерживала Италию, другой давила на Германию. Хотя революционное движение к востоку от Рейна было в полном разгаре еще до падения Меттерниха, это событие придало ему, особенно в Берлине, большой импульс. С начала марта прусская столица приобрела непривычный вид. В этом городе военной дисциплины изо дня в день проводились общественные собрания, а улицы были запружены возбужденными толпами. Депутации, предъявлявшие королю требования, аналогичные тем, которые сейчас выдвигаются в каждом немецком городе, получали запинаящиеся и уклончивые ответы. Волнение росло, и 13 марта начались столкновения между горожанами и войсками, которые, хотя и были незначительными, привели в ярость народ и его лидеров. Король, казалось, колебался между сопротивлением и уступкой, пока революция в Вене, о которой стало известно в Берлине 15 марта, не довела дело до кризиса. 17-го числа беспорядки на улицах внезапно прекратились; было понятно, что на следующий день правительство либо примирится с народом, либо будет вынуждено бороться с массовым восстанием. Соответственно, утром 18-го толпы направились к дворцу, который был окружен войсками. Около полудня появился королевский указ о созыве Объединенного сейма Пруссии на 2 апреля и объявлении, что король решил способствовать созданию парламента для всей Германии и установлению конституционного правления в каждом немецком государстве. Этот манифест привлек новые массы людей ко дворцу, желавших, по-видимому, выразить свое удовлетворение; однако его содержание было недостаточно понято собранием, уже собравшимся перед дворцом, к которому король тщетно пытался обратиться. Когда толпу

призвали разойтись, она отказалась это сделать и ответила криками об отводе солдат. В разгар неразберихи из рядов без приказа были сделаны два выстрела; последовала паника, в ходе которой, без всякой известной причины, кавалерия и пехота бросились на людей. Толпа была немедленно обращена в бегство, но в бой вступило население Берлина. На улицах появились баррикады; бои продолжались вечером и ночью. Тем временем король, который был потрясен и огорчен ходом событий, принял депутацию с просьбой вывести войска из города. Фридрих Вильгельм некоторое время пытался сделать сдачу баррикад условием перемирия; но к ночи войска выдохлись, и хотя они продвинулись вперед, сопротивление народа преодолеть не удалось. То ли сомневаясь в конечном исходе конфликта, то ли не желая допускать дальнейшего кровопролития, король уступил и на рассвете 19-го приказал вывести войска. Его намерение состояло в том, чтобы они продолжали охранять дворец, но приказ был неправильно понят, и войска были выведены за пределы Берлина. Таким образом, дворец остался без защиты, и, хотя его обитателям не было причинено никакого вреда, королю дали почувствовать, что народ теперь может требовать от него почтения. Тела убитых были вынесены во двор дворца; их раны были обнажены, и король, появившийся на балконе, был вынужден спуститься во двор и предстать перед ними с непокрытой головой. Определенное политическое выражение изменившемуся положению дел придало назначение нового министерства. ^[417]

Конфликт между войсками и народом в Берлине был описан, и правдиво, как результат недоразумения. Фридрих Вильгельм уже решил уступить основным требованиям своих подданных; со стороны жителей Берлина также не было никакой общей враждебности по отношению к государю, хотя небольшая группа агитаторов, частично иностранных, вероятно, стремилась совершить вооруженное нападение на трон. Соответственно, когда сражение было прекращено, казалось, что не было никаких серьезных препятствий для примирения между королем и народом. Фридрих Вильгельм избрал курс, который щадил и даже тешил его самолюбие. В политической вере всех немецких либералов установление единства Германии было теперь даже более важным пунктом, чем введение свободных институтов в каждом конкретном государстве. Революция в Берлине действительно была вызвана тем, что король медлил с проведением внутренних реформ; но эти внутренние разногласия вполне могли быть забыты, если бы пруссаки увидели, что ради великого дела объединения Германии их король отвечает требованиям времени. Соответственно, первым решением Фридриха Вильгельма, после того как Квайет вернулся в столицу, было появиться на публике в качестве защитника Отечества. Утром 21 марта в прокламации было объявлено, что король поставил себя во главе немецкой нации и что в этот день он появится верхом на лошади в старых немецких цветах. В назначенное время Фридрих Вильгельм выступил во главе процессии, одетый в золотой, белый и черный триколор, который с 1815 года был так дорог патриотам и так ненавистен правительствам Германии. Когда он проходил по улицам, его приветствовали как императора, но он отказался от этого титула, заявив с клятвами и проклятиями, что не намерен лишать немецкого князя его суверенитета. На каждом этапе своего театрального прогресса он повторял соответствующим слушателям свои звучные, но двусмысленные намеки на обязанности, налагаемые на него общей опасностью. Манифест, опубликованный в конце дня, резюмировал высказывания монарха в несколько менее риторической форме. "Германия находится в состоянии брожения внутри и подвергается опасности извне более чем с одной стороны. Избавление от этой опасности может прийти только от самого тесного союза немецких князей и народа под единым руководством. Я принимаю это руководство на себя в час опасности. Сегодня я принял старые немецкие знамена и поставил себя и свой народ под почтенное знамя

Германской империи. Пруссия отныне присоединяется к Германии". ^[418]

[Обещано Национальным собранием.]

Поездка короля через Берлин и его присвоение статуса немецкого лидера, как бы мало это ни радовало второстепенных суверенов или либералов небольших государств, которые считали, что такая национальная власть должна быть дарована нацией, а не приниматься принцем, на данный момент удалось вернуть королю некоторую популярность среди его собственных подданных. Теперь он мог без унижения приступить к уступкам, которые были прерваны трагическими событиями 18 марта. В ответ на депутацию из Бреслау, которая настаивала на замене Палаты, сформированной союзом провинциальных сеймов, Учредительным собранием, король пообещал, что национальное представительное собрание будет созвано, как только Объединенный сейм примет необходимый закон о выборах. Этому Национальному собранию правительство представило бы меры, обеспечивающие свободу личности, право на публичные собрания и ассоциации, суд присяжных, ответственность министров и независимость судебной системы. Должно было быть сформировано гражданское ополчение с правом выбора собственных офицеров, а постоянная армия должна была принести присягу на верность Конституции. Наследственная юрисдикция и манориальные права полиции должны были быть отменены; равенство перед законом должно было обеспечиваться повсеместно; короче говоря, весь комплекс реформ, которых требовали конституционные либералы Пруссии, должен был быть приведен в действие. В Берлине, как и во всех других столицах Германии, победа партии прогресса теперь, казалось, была обеспечена. Правительство больше не представляло собой силу, враждебную правам народа; и когда 22 марта король спонтанно отдал последние почести тем, кто пал в бою с его войсками, когда длинная похоронная процессия проходила мимо его дворца, все поверили, что выражение его чувств было искренним.

[Шлезвиг-Гольштейн.]

В отрывке из своего обращения, в котором король Фридрих Вильгельм говорил о внешних опасностях, угрожающих Германии, он упомянул о существовавших некоторое время опасениях, что вторая Французская Республика возродит агрессивную энергию первой. Этот страх оказался беспочвенным; тем не менее, для монарха, который действительно намеревался действовать как защитник немецкой нации в целом, вероятность войны с соседней державой была весьма вероятной. Дело герцогств Шлезвиг-Гольштейн, поднявших восстание против Датской короны, вызвало огромный интерес и сочувствие в Германии. Население этих провинций, за исключением некоторых районов Шлезвига, было немецким; Гольштейн фактически был членом Германской федерации. Юридические отношения герцогств с Данией были, согласно распространенному мнению, очень близки к правовым отношениям Ганновера с Англией до 1837 года. Король Дании также был герцогом Шлезвига и Гольштейна, но они были не более неотъемлемой частью Датского государства, чем Ганновер был частью Британской империи; и, кроме того, законы о престолонаследии в Шлезвиг-Гольштейне отличались: корона передавалась мужчинами, в то время как в Дании женщины могли наследовать престол. Со стороны датчан было признано, что в некоторых округах Гольштейна действует салический закон; однако утверждалось, что в остальной части Гольштейна и во всем Шлезвиге правила наследования были такими же, как в Дании. Датское правительство отрицало, что Шлезвиг-Гольштейн образовал само по себе единство, как утверждали немцы, и что он обладал отдельными национальными правами в противовес власти королевского правительства в

Копенгагене. Истинная суть трудности заключалась в том факте, что население герцогств было немецким. До тех пор, пока немцы как раса не обладали национальным чувством, союз герцогств с Датской монархией не воспринимался как обида. Однако случилось так, что великое возрождение немецкого патриотизма в результате Освободительной войны 1813 года произошло почти одновременно с отделением Норвегии от Датской короны, что вынудило правительство Копенгагена очень сильно увеличить бремя, возложенное на его немецких подданных в герцогствах. С этого времени недовольство усилилось, особенно в Альтоне и Киле, где общество было таким же насквозь немецким, как и в соседнем городе Гамбурге. После 1830 года, когда в Шлезвиге и Гольштейне были созданы провинциальные поместья, немецкое движение стало грозным. Реакция, однако, которая в целом ознаменовала последующий период в Европе, возобладала и в Дании, и только в 1844 году, когда посмертная работа Лорнсена, изгнанного лидера немецкой партии, подтвердила исторические права герцогств, претензии на немецкое гражданство в этих провинциях были вновь энергично выдвинуты. С этого времени отделение Шлезвиг-Гольштейна от Дании стало вопросом практической политики. У короля Дании Кристиана VIII был только один сын, который, хотя и был давно женат, был бездетен и с которым заканчивалась мужская линия царствующего дома. В ответ на обращение датских провинциальных сословий с призывом к королю заявить о единстве монархии и действительности датского закона о престолонаследии для всех ее частей, сословия Гольштинии в ноябре 1844 года приняли резолюцию о том, что герцогства являются независимым органом, управляемым по принципу мужского происхождения и неделимым. После двухлетнего перерыва, в течение которого Комиссия изучала законы о престолонаследии, король Кристиан опубликовал декларацию о том, что порядок наследования в Шлезвиге такой же, как и в самой Дании, и что в отношении тех частей Гольштейна, где существуют другие правила наследования, он не пожалеет усилий для поддержания единства монархии. По этому поводу провинциальные поместья Шлезвига и Гольштейна обратились с протестами к королю, который отказался их принять. Теперь депутаты массово подали в отставку, в то время как от имени Гольштейна было подано обращение в Федеральный сейм Германии. Сейм просто ответил декларацией прав; но в Германии в целом был возбужден живейший интерес к этим отделенным представителям расы, которые так решительно боролись против объединения с иностранной державой. Сами депутаты, переходя из деревни в деревню, возбуждали яростный дух сопротивления во всех герцогствах, на что датское правительство ответило мерами репрессий, более суровыми, чем те, которые оно применяло до сих пор. ^[419]

[Восстание в Гольштейне, 24 марта.]

[Война между Германией и Данией.]

Таково было положение дел, когда 20 января 1848 г. король Кристиан VIII. умер, оставив трон Фридриху VII, последнему из мужской линии своего Дома. Первым актом Фридриха была публикация проекта Конституции, в которой все части монархии рассматривались как равные. Прежде чем смогли собраться делегаты, которым было поручено завершить эту работу, потрясение Парижской революции достигло портов Северного моря. Общественный митинг в Альтоне потребовал принятия отдельной конституции для Шлезвига-Гольштейна и принятия Шлезвига в состав Германской федерации. Провинциальные сословия согласились с этой резолюцией и направили депутацию в Копенгаген, чтобы представить это и другие требования королю. Но в течение следующих нескольких дней народное движение в Копенгагене привело к власти полностью датское министерство, взявшее на себя обязательство включить Шлезвиг в

состав Дании в качестве неотъемлемой части королевства. Не дожидаясь ответа короля депутации, голштинцы взяли дело в свои руки. В Киле (24 марта) было сформировано Временное правительство, войска присоединились к народу, и восстание мгновенно распространилось по всей провинции. Поскольку предложение изменить закон о престолонаследии исходило от короля Дании, дело голштинцев исходило с одной точки зрения - с точки зрения установленного права. Король Пруссии, приняв позиции, установленные Гольштейнскими поместьями в 1844 году, заявил, что будет защищать притязания законного наследника силой оружия, и приказал своим войскам войти в Гольштейн. Франкфуртский сейм, теперь вынужденный выражать всеобщую волю Германии, потребовал, чтобы Шлезвиг, как братское государство Гольштейн, вошел в Федерацию. О принятии этой резолюции сообщил посланник, представлявший Данию. Король Дании на сейме в качестве герцога Гольштейнского покинул Франкфурт, и между Данией, с одной стороны, и Пруссией с Германской Федерацией - с другой, наступило состояние войны.

[Предпарламент Германии, 30 марта- 4 апреля.]

[Восстание республиканцев в Бадене.]

Страстный порыв немецкого народа к единству уже вызвал к жизни орган для выражения национальных чувств, который, хотя и не имел никаких юридических или конституционных полномочий, был все же достаточно силен, чтобы навязывать свою волю старому и дискредитировавшему себя Федеральному сейму и большинству уцелевших правительств. По приглашению Комитета около пятисот либералов, которые в той или иной форме принимали участие в общественных делах, собрались во Франкфурте 30 марта, чтобы провести необходимые приготовления к заседанию немецкого национального парламента. Это Собрание, известное как Предпарламент, заседало всего пять дней. Его резолюции, касавшиеся метода избрания нового парламента и включения новых округов в состав Германской федерации, были приняты сеймом и в основном приведены в исполнение. За его осуждением лиц, причастных к репрессивным мерам 1819 года и последующим реакционным эпохам, последовала немедленная отставка всех членов сейма, чья карьера восходила к тем ненавистным дням. Но в самой важной работе, которая ожидалась от Предпарламента, а именно в согласовании проекта Конституции, который должен был быть представлен будущему Национальному собранию в качестве основы для его обсуждения, вообще ничего не было сделано. Дебаты, проходившие с 31 марта по 4 апреля, были не более чем пробой сил между монархической и республиканской партиями. Республиканцы, которых было намного больше, когда они представили собственную конституционную схему, предложили после этого отказа, чтобы существующее Собрание продолжало заседать до заседания Национального парламента; другими словами, чтобы оно взяло на себя функции и характер Национального собрания. Потерпев поражение и от этого предложения, лидеры крайней части Республиканской партии, странным образом просчитавшись в своих реальных силах, решились на вооруженное восстание. Объединившись с группой немецких беженцев за Рейном, которым сами помогали французские и польские солдаты революции, они подняли республиканское знамя в Бадене и в течение нескольких дней вели безнадежную и бесславную борьбу против войск, которые были посланы для их подавления. Даже в Бадене, который долгое время опережал все другие немецкие государства в демократических настроениях и который был особенно открыт республиканским влияниям из Франции и Швейцарии, движение не получило серьезной поддержки населения, а в остальной Германии оно вообще не получило поддержки.

Лидеры оказались разоренными людьми. Лучшие из них бежали в Соединенные Штаты, где тринадцать лет спустя в великой борьбе с рабством они оказали своим приемным детям лучшую услугу, чем когда-либо оказывали своему естественному Отечеству.

[Заседание Национального собрания Германии, 18 мая.]

Распустившись 4 апреля, Предпарламент оставил после себя Комитет из Пятидесяти человек, задачей которого было продолжить работу по подготовке к Национальному собранию, в которую он сам внес столь незначительный вклад. Было ясно установлено только одно: будущая Конституция Германии не должна была быть республиканской. Тем, кто не был ослеплен энтузиазмом момента, было ясно, что Национальное собрание не могло спокойно игнорировать существующие правительства в своей работе по разработке новой Федеральной конституции Германии. В Комитете Пятидесяти и других местах были предложены планы предоставления правительствам представительства в Учредительном собрании или объединения их представителей в Палате, согласованной с этим Собранием, с тем чтобы каждый шаг в построении нового Федерального порядка был одновременно делом нации и правительств. Такие планы предлагались и обсуждались, но в спешке и по неопытности того времени они не были доведены до конца. Открытие Национального собрания было назначено на 18 мая, и этот короткий промежуток истек прежде, чем несколько прозорливых людей, понимавших необходимость сотрудничества между правительствами и парламентом, определились с каким-либо общим курсом действий. Для массы патриотов было достаточно того, что Германия после тридцати лет разочарований наконец получила свое национальное представительство. Наивно считалось, что перед этим внушительным образом объединенной расы короли, Дворы и армии должны склониться. Таким образом, в разгар всеобщей надежды выборы были проведены по всей Германии на всей ее федеральной территории, от Прибалтики до итальянской границы; только в Богемии, где чешское большинство сопротивлялось любому более тесному союзу с Германией, отказываясь посылать представителей во Франкфурт. В составе избранных депутатов были почти все виднейшие либеральные политики каждой немецкой общины; несколько все еще энергичных поборников Освободительной войны, главный из которых поэт Арндт; патриоты, которые в последующие злые дни подверглись тюремному заключению и изгнанию; историки, профессора, критики, которые во имя священного дела свободы, подобно Гервинусу, причинили своим читателям больше страданий, чем когда-либо они сами терпели от рук невозрожденных королей; теологи, журналисты; короче говоря, вся группа лидеров, под руководством которых Германия надеялась войти в землю обетованную. о национальном единстве и свободе. Ни одна императорская коронация никогда не привлекала во Франкфурт столько почетных гостей и не вызывала в такой степени симпатий немецкой расы. Встреченные радостными криками жителей Франкфурта, гражданское ополчение которых выстроилось вдоль улиц, члены Ассамблеи прошли процессией днем 18 мая от старинного банкетного зала кайзеров, где они собрались, к церкви Святого Павла, которая была выбрана в качестве здания их Сената. Их президент и должностные лица были избраны на следующий день. Арндт, которого в безумной суматохе первого собрания не узнали и закричали, был вызван на Трибуну, но из-за слез смог произнести лишь несколько слов. Ассамблея выразила ему благодарность за его знаменитую песню "Что такое Отечество немца?" и попросила добавить к ней еще одну строфу, посвященную объединению рас, которое, наконец, было зримо реализовано в этом великом парламенте. Через четыре дня после открытия Генеральной ассамблеи во Франкфурте национальный парламент Пруссии начал свои заседания в Берлине. ^[420]

[Европа в целом в марте 1848 г.]

На этом этапе первый акт революционной драмы 1848 года в Германии, как и в Европе в целом, можно считать завершенным. Определенное единство отмечает памятную эпоху, известную обычно как Мартовские дни, и события, непосредственно последовавшие за ними. Революция универсальна; она почти не встречает сопротивления; ее взгляды, кажется, вот-вот будут достигнуты; сбитые с толку чаяния последних полувека, кажется, вот-вот осуществляются. В Центральной Европе больше не существует такого понятия, как автократическое правительство; и, в то время как Французская Республика сохраняет неожиданную миролюбивую позицию, Германия и Италия под руководством старых династий, проникнутых теперь новым духом, похоже, близки к достижению каждой своей цели федеративного объединения и изгнания иностранцев со своей национальной территории. Вся Италия готовится выступить под командованием Карла Альберта, чтобы вытеснить австрийцев из их последних оплотов на Минчо и Адидже; вся Германия на стороне войск Фридриха Вильгельма Прусского, когда они вступают в Гольштейн, чтобы спасти эту и соседнюю немецкую провинцию от датчан. Только в лагере Радецкого и при дворе Санкт-Петербурга старый монархический порядок Европы все еще сохранился. Насколько могущественными были эти два изолированных центра антинародной энергии, мир вскоре увидел. И все же они не повернули бы вспять ход европейских дел и не принесли бы реакции еще одной победы, если бы у них не было союзников в ненависти расы к расе, в неспособности и ошибках народов и тех, кто их представлял; прежде всего, в огромных трудностях, которым, даже если бы поколение было поколением мудрецов и мучеников, политические обстоятельства того времени сами по себе препятствовали бы достижению желаемых целей.

[Временное правительство Франции.]

[Национальные мастерские.]

Франция подала Центральной Европе сигнал к революции 1848 года, и именно во Франции, где конфликт шел не за национальную независимость, а за политические и социальные интересы, революция наиболее быстро завершила свой путь и первой исчерпала свои силы. После бегства Луи Филиппа Палата депутатов передала власть Временному правительству, самым видным членом которого был оратор и поэт Ламартин. Это правительство, расположившееся в Ратуше, с трудом помешало толпе заменить Триколор красным флагом и немедленно приступить к осуществлению планов своих собственных лидеров. Большинство Временного правительства составляли республиканцы умеренного толка, представлявшие идеи городских средних классов, а не рабочих; но на их стороне были Ледрю Роллен, ритор, в котором преобладали фразы 1793 года, и Луи Блан, который рассматривал все политические перемены не более чем как инструмент для улучшения организации труда и освобождения ремесленников от рабства путем создания государственных производств, обеспечивающих соответствующую занятость и адекватное вознаграждение для всех. Среди первых прокламаций Временного правительства была одна, в которой в ответ на петицию с требованием признать право на труд оно обязалось гарантировать занятость каждому гражданину. За этим обязательством, возможно, самым тяжелым, которое когда-либо добровольно принимало на себя какое-либо правительство, через несколько дней последовало открытие национальных семинаров. То, что в разгар Революции, которая застала врасплох все партии, планы по управлению государством рядом промышленных предприятий должны были быть серьезно рассмотрены, было

невозможно. Правительство отдало дань уважения абстрактной идее; у них не было представления о способе, которым она должна была быть реализована. Какие изделия должны были быть изготовлены, какие работы должны были быть выполнены, никто не знал. Простое направление обездоленных рабочих в центры, где они должны были найти работу, было задачей, для решения которой необходимо было создать новую ветвь администрации. Когда это было достигнуто, собранные люди оказались бесполезными для всех промышленных целей. Их численность чрезвычайно возросла, увеличившись в течение четырех недель с четырнадцати до шестидесяти пяти тысяч. Революция сама по себе вызвала финансовую и коммерческую панику, прервав все обычные занятия бизнесом и лишив массы людей средств к существованию. Они, как и другие, кто не собирался работать, толпились в государственных мастерских; в то время как уверенность в получении заработной платы из государственной казны вызвала серию забастовок рабочих против своих работодателей и закрытие частных фабрик. Меры, которые должны были ограничить набор на общественные работы лиц, уже проживающих в Париже, полностью провалились; из всех соседних департаментов праздные и голодные хлынули в столицу. Все злоупотребления, связанные с системой оказания общественной помощи, присутствовали в Париже в самой преувеличенной форме; отсутствовали все элементы опыта, мудрости, предосторожности. Если бы вместо группы доброжелательных теоретиков авторами эксперимента 1848 года была компания миллионеров, стремившихся развеять всякую надежду на то, что человечество когда-нибудь сможет подняться до более высокого уровня, чем неограниченная конкуренция человека с человеком, он не мог бы проводиться в более фатальных условиях. ^[421]

[Временное правительство и красные республиканцы.]

[Выборы, 23 апреля.]

Лидеры демократической партии в Париже с самого начала считали, что решение о форме правления, которая должна быть установлена во Франции вместо орлеанистской монархии, принадлежит скорее им самим, чем нации в целом. Они не доверяли, и не без оснований, результатам Всеобщих выборов, которые, согласно декрету Временного правительства, должны были состояться в течение апреля. Циркуляр, изданный Ледрю Роллином, министром внутренних дел, без ведома его коллег комиссарам, которыми он заменил префектов монархии, дал первое открытое указание на эту тревогу и на средства насилия и запугивания, с помощью которых партия, которую представлял Ледрю Роллиен, надеялась навязать стране свою волю. Комиссарам было сообщено простым языком, что, как агентам революционной власти, их полномочия неограниченны и что их задачей было исключить из выборов всех лиц, которые не были одушевлены революционным духом и чисты от любого намека на связь с прошлым. Если бы циркуляр был работой правительства, а не одного из его членов, который расходился во мнениях с большинством своих коллег и чьи слова были гораздо более грозными, чем его действия, это явно предвещало бы возврат к системе 1793 года. Но изоляция Ледрю Роллена была хорошо понятна. Позиция правительства в целом так мало соответствовала взглядам красных республиканцев, что 16 апреля была организована демонстрация с целью заставить их отложить выборы. Быстрое появление с оружием в руках Национальной гвардии, которая все еще представляла средние классы Парижа, поставило в тупик замыслы лидеров толпы и принесло Ламартину и большинству в правительстве решительную победу над их коллегой-революционером. Выборы были проведены в назначенное время; и, несмотря на институт всеобщего избирательного права, они привели к возвращению депутатского корпуса, мало чем

отличавшегося от тех, которые до сих пор присутствовали во французских парламентах. Подавляющее большинство действительно были республиканцами по профессии, но умеренного толка; и не успела сессия открыться, как стало ясно, что отношения между социалистической демократией Парижа и Национальными представителями могут быть только отношениями более или менее сильного антагонизма.

[Национальное собрание, 4 мая.]

[Беспорядки 15 мая.]

[Меры против национальных мастерских.]

Первым актом Собрания, собравшегося 4 мая, было заявление о том, что Временное правительство заслужило благосклонность страны, и восстановление большинства его членов в должности под названием Исполнительной комиссии. Преступлениям Ледрю Роллена потворствовали как человеку, пользующемуся популярностью у демократов и, вероятно, в целом поддавшемуся влиянию своих коллег. Луи Блан и его сообщник Альбер, как действительно опасные личности, были исключены. Теперь якобинские лидеры приступили к организации нападения на Собрание основными силами. 15 мая попытка была предпринята. Под предлогом подачи петиции от имени Польши толпа ворвалась в Законодательную палату, объявила Собрание распущенным и обратила депутатов в бегство. Но триумф был недолгим. Национальная гвардия, один командир которой был ответственен за провал мер обороны, вскоре собрала все свои силы; лидеры повстанцев, некоторые из которых обосновались в качестве Временного правительства в Ратуше, были взяты в плен; и через несколько часов Собрание вернуло себе Бурбонский дворец. Позор, нанесенный национальному представительству скандальными сценами 15 мая, а также убедительно доказанное превосходство национальной гвардии над полужурированной толпой побудили Собрание объявить открытую войну так называемой социал-демократии и издать декрет об упразднении национальных мастерских. Огромный рост этих учреждений, в которых теперь работало более ста тысяч человек, угрожал разорением государственных финансов; деморализация, которую они порождали, казалось, могла разрушить все, что было здорового в жизни рабочего класса Парижа. От честного трудолюбия почти не осталось и следа среди масс, получавших свою ежедневную заработную плату от государства. Какой бы ни была искренность тех, кто основал национальные мастерские, каким бы ни было стремление найти работу у тех, кто впервые обратился к ним, теперь они превратились в просто очаги беспорядка, где ресурсы государства были расточены на накопление сил для собственного свержения. Необходимо было, несмотря ни на какой риск, искоренить это зло. Планы постепенного рассредоточения армии рабочих были разработаны Комитетами и обсуждены Ассамблеей. Если бы эти планы были введены в действие не более чем с необходимой задержкой, они, возможно, сделали бы возможным мирное решение возникшей проблемы. Но правительство колебалось и, наконец, когда решения уже нельзя было избежать, решилось на меры более жестокие и внезапные, чем те, которые рекомендовали Комитеты. 21 июня был опубликован приказ, согласно которому все работники государственных мастерских в возрасте от семнадцати до двадцати пяти лет должны записаться в армию или прекратить получать поддержку от государства, и что должно быть немедленно произведено выселение рабочих, прибывших в Париж из провинций, к чему уже были сделаны приготовления. ^[422]

[Четыре дня июня, 23-26.]

Публикация этого приказа стала сигналом к обращению к оружию. Легионы национальных мастерских сами по себе были полуорганизованной силой, равной по численности нескольким армейским корпусам, и теперь их одушевляло нечто вроде духа военного союза. Восстание, начавшееся утром 23 июня, было проведено так, как никогда раньше не проводилось ни одно восстание в Пансе. Восточная часть города была превращена в лабиринт баррикад. Хотя у повстанцев не было артиллерии, в других отношениях они были неплохо вооружены. Ужасный характер надвигающегося конфликта теперь стал очевиден для Собрания. Генерал Кавеньяк, военный министр, был назначен командующим и впоследствии наделен верховной властью, а Исполнительная комиссия сложила свои полномочия. Все войска, находившиеся в окрестностях Парижа, были немедленно вызваны в столицу, Кавеньяк хорошо понимал, что любая попытка сдержать восстание с помощью разбросанных постов закончится, как и в 1830 году, пленением или деморализацией войск. Он рассматривал Париж как одно огромное поле битвы, на котором враг должен быть атакован массово и вытеснен главными силами со всех его позиций. Временами казалось, что эти усилия почти не по силам задействованным силам, и повстанцы, укрытые за огромными баррикадами и стреляющие из окон домов, казалось, оставались хозяевами положения. Борьба продолжалась четыре дня, но артиллерия Кавеньяка и дисциплина его войск наконец подавили сопротивление; и после того, как архиепископ Парижский был смертельно ранен в героической попытке остановить дальнейшее кровопролитие, последние отряды повстанцев, отброшенные в северо-восточный квартал города и там атакованные артиллерией с фронта и фланга, были вынуждены сложить оружие.

[Страхи, оставленные июньскими событиями.]

Таков был конфликт Четырех июньских дней, конфликт, запомнившийся тем, что воюющие стороны сражались не за политический принцип или форму правления, а за сохранение или свержение общества, основанного на институте частной собственности. Национальная гвардия, за некоторыми исключениями, сражалась бок о бок с линейными полками, выдерживала те же опасности и несла такие же потери. Рабочие тем более страстно бросались в борьбу, что поражение грозило им лишением самих средств к жизни. С обеих сторон были совершены акты жестокости, которые не могла оправдать ярость конфликта. Однако месть победителей в момент успеха, по-видимому, была менее безжалостной, чем та, которая последовала за свержением Коммуны в 1871 году, хотя после окончания борьбы Ассамблея без колебаний вывезла без суда всю массу заключенных, взятых с оружием в руках. Победа Кавеньяка повергла классы, за которые он боролся, в ужас от опасности, которой они избежали, и почти лишила их надежды на собственную безопасность при любой популярной форме правления в будущем. Против поспешных и слабых уступок народным требованиям, которые были сделаны администрацией с февраля, особенно в вопросах налогообложения и финансов, теперь последовала глубокая, если не сказать громко провозглашенная, реакция. Национальные мастерские исчезли; законодательный орган выделял гранты для помощи массам, оставшимся без средств, но деньги выделялись в качестве благотворительной помощи или в виде займов ассоциациям, а не в качестве заработной платы от государства. Со всех сторон владельцы собственности требовали возвращения к разумным принципам финансирования в экономике государства и установления сильной центральной власти.

[Кавеньяк и Луи Наполеон.]

[Луи Наполеон избран депутатом, но уходит в отставку 14 июня.]

Генерал Кавеньяк после восстановления порядка сложил с себя высшие полномочия, которые были ему предоставлены, но по желанию Собрания он продолжал осуществлять их до тех пор, пока не будет разработана новая Конституция и не будет назначена исполнительная власть в соответствии с ее положениями. События внезапно подняли Кавеньяка из безвестности на возвышение и, казалось, выделили его как будущего правителя Франции. Но в течение шести месяцев, последовавших за подавлением восстания, он не проявлял больших способностей к управлению страной, и его добродетели, так же как и недостатки, препятствовали его личному успеху. Искренний республиканец и в то же время непреклонный поборник закона, он отказывался помогать тем, кто был, кроме как номинально, врагами республиканизма; и в своих официальных действиях и высказываниях он щадил чувства реакционных классов так же мало, как он пощадил бы чувства бунтовщиков и социалистов. По мере того как влияние Кавеньяка шло на убыль, мысли людей стали занимать другие имена. Луи Наполеон, сын брата императора Людовика, короля Голландии, еще находясь в изгнании, был избран в Национальное собрание от четырех департаментов. Он был тогда почти неизвестен своим соотечественникам, за исключением имени. Родившийся в Тюильри в 1808 году, он ребенком был вовлечен в крушение империи и вместе со своей матерью Гортензией отправился в изгнание в соответствии с законом, который изгнал из Франции всех членов семьи Наполеона. Он вырос в Аугсбурге, на берегах Боденского озера, и, будучи добровольцем в швейцарском артиллерийском лагере, немного познакомился с военной жизнью. В 1831 году он присоединился к повстанцам в Романье, которые с оружием в руках выступали против папского правительства. Смерть его собственного старшего брата, за которой в 1832 году последовала смерть сына Наполеона, герцога Рейхштадтского, сделала его главой дома Бонапартов. Хотя он был скорее отшельником, чем человеком действия, хотя так мало принадлежал к своей нации, что не мог произнести ни одной фразы по-французски без заметного немецкого акцента и даже никогда не видел постановки французской пьесы, теперь им овладела навязчивая идея, что однажды он наденет французскую корону. Несколько безвестных авантюристов воспользовались его состоянием, и в 1836 году он появился в Страсбурге и представился войскам как император. Предприятие закончилось неудачей и насмешками. Луи Наполеон был отправлен в Америку орлеанистским правительством, которое снабжало его деньгами и считало ненужным даже привлекать его к суду. Он пересек Атлантический океан, обосновался в Англии и в 1840 году повторил в Булони попытку, которая провалилась в Страсбурге. Результат снова был катастрофическим. Теперь он был приговорен к пожизненному заключению и следующие шесть лет провел в плену в Хэме, где написал трактат о наполеоновских идеях и некоторые фрагменты по политическим и социальным вопросам. Энтузиазм по отношению к Наполеону, от которого во Франции с 1815 года не осталось и следа, теперь возрождался; страдания эпохи завоеваний были забыты; неуклонное поддержание мира Луи Филиппом казалось унижительным для молодых и пылких душ, которые не знали о действительном присутствии иностранца. В литературе два выдающихся человека оказали мощное воздействие на национальное воображение. История Тьера дала нации великолепную сценическую картину подвигов Наполеона; лирика Беранже придала его ссылке на острове Святой Елены непреодолимый, хотя и фальшивый, пафос. Таким образом, хотя мир мало интересовался узником в Хэме, тенденции того времени работали в его пользу; и его заключение, которое длилось шесть лет и закончилось его побегом и возвращением в Англию, по-видимому, углубило его задумчивый характер и скорее укрепило, чем уменьшило его уверенность в себе.

После свержения Луи Филиппа он посетил Париж, но Временное правительство попросило его покинуть страну на основании не отмененного закона о высылке семьи Бонапартов. Он подчинился, вероятно, предвидя, что трудности Республики создадут больше возможностей для его повторного появления. Тем временем группа неизвестных людей, искавших счастья на реставрации Наполеона, усердно агитировала и писала от имени принца, причем с таким успехом, что на дополнительных выборах, состоявшихся в начале июня, он одержал четырехкратную победу. Ассамблея, несмотря на усилия правительства, признала его возвращение действительным. Тем не менее, с редким самообладанием принц по-прежнему придерживался своей политики сдержанности, отказавшись от своего поста на том основании, что его избрание послужило предлогом для движений, которые он не одобрял, и в то же время он заявил в своем письме председателю Ассамблеи, что, если народ возложит на него обязанности, он должен знать, как их выполнять. ^[423]

[Луи Наполеон вновь избран, сентябрь. 17.]

[Луи Наполеон избран президентом 10 декабря.]

С этого времени Луи Наполеон был признанным претендентом на власть. Конституция Республики в настоящее время разрабатывалась Ассамблеей. Исполнительная комиссия исчезла в июньской суматохе; Кавеньяк скорее поддерживал баланс между партиями, чем управлял сам. В разгар дебатов по Конституции Луи Наполеон был вновь возвращен избранным в Ассамблею голосами пяти департаментов. Он увидел, что ему больше не следует оставаться в тени, и, приняв призыв выборщиков, занял свое место в Палате представителей. Было ясно, что он станет кандидатом на пост президента Республики и что популярность его имени в массах была огромной. Он дважды представлялся Франции как наследник трона Наполеона; он никогда прямо не отказывался от своих династических притязаний; он лишь недавно заявил, почти угрожающим тоном, что должен знать, как выполнять обязанности, которые может возложить на него народ. Однако, учитывая все эти факты, Ассамблея, введенная в заблуждение ребяческой риторикой Ламартина, решила, что в новой Конституции президент Республики, которому была передана исполнительная власть, должен выбираться прямым голосованием всех французов, и отклонила поправку Гриви, который, действительно заглядывая в будущее, заявил, что такие прямые выборы народа могут дать Франции только диктатора, и потребовал, чтобы президент назначался не массами, а Палатой. Так был проложен путь Луи Наполеону к власти. Июньские события развеяли любое влечение, которое он до сих пор испытывал к социалистическим теориям. Он видел, что Франции нужен сторонник порядка и собственности. В своем обращении к нации, объявляя о выдвижении своей кандидатуры на пост президента, он заявил, что не отступит ни перед какими жертвами в защите общества, подвергшегося столь дерзким нападениям; что он без остатка посвятит себя поддержанию Республики и с гордостью оставит своему преемнику по прошествии четырех лет укрепленную власть, неприкосновенную свободу и достигнутый реальный прогресс. За этими общими фразами в обращении умело затрагивались особые потребности классов и вечеринок и что-то обещалось каждому. Французская нация на последовавших выборах показала, что она верит в Луи Наполеона даже больше, чем он сам в себя. Если и существовал, по мнению широких масс, какой-либо элемент, помимо простого инстинкта самозащиты от реальных или предполагаемых планов грабежа, то это было почтение к памяти Наполеона. Из семи миллионов поданных голосов Луи Наполеон получил больше пяти, Кавеньяк, который один вступил с ним в серьезную конкуренцию, получил примерно четвертую часть от этого числа.

Ламартин и люди, которые десять месяцев назад олицетворяли все надежды нации, теперь обрели лишь горстку сторонников. Хотя никто еще открыто не говорил о монархии, со всех сторон было стремление к восстановлению власти. Мечты о второй Республике развеялись. Франция показала, что ее выбор лежал только между солдатом, подавившим восстание, и чужаком, который не принес ей ничего, кроме императорского имени.

ГЛАВА XX.

Австрия и Италия-Вена с марта по май-Бегство императора- Чешское национальное движение- Виндишграц покоряет Прагу-Кампания вокруг Вероны-Папское распределение-Неаполь в мае- Переговоры о Ломбардии-Отвоевание Венеции-Битва при Кустоцца-Австрийцы входят в Милан- Австрийский двор и Венгрия-Сербы на юге Венгрии-Сербский конгресс в Карловице-Еллачич- Дела Хорватии-Еллачич, двор и венгерское движение-Убийство Ламберга-Манифест от 3 октября Вена 6 октября-Император в Ольмюц-Виндишграц завоевывает Вену-Парламент в Кремсье-Министр Шварценберг-Фердинанд отрекается от престола-Роспуск парламента Кремсье-Указ об унитарности- Венгрия-Румыны в Трансильвании-Австрийская армия оккупирует Пеш-Венгерское правительство в Дебрецене-Австрийцы изгнаны из Венгрии- Декларация независимости Венгрии-Вмешательство России- Летняя кампания в Венгрии- Капитуляция Виллагоса-Италия-Убийство Росси-Тоскана-Мартовская кампания в Ломбардии- Новара-Отречение Карла Альберта-Виктора Эммануил-Реставрация в Тоскане-Французская интервенция в Риме-Поражение Удино-Удино и Лессепс-Французы входят в Рим- Восстановленное папское правительство-Падение Венеции- Фердинанд отвоевывает Сицилию у Германии-Национальное собрание во Франкфурте- Перемирие Мальме-Берлин с апреля по сентябрь-Прусская армия-Последние дни работы прусского парламента-Конституция Пруссии, утвержденная эдиктом-Национальное собрание Германии и Австрии-Фридрих Вильгельм IV. избранный император-Он отказывается от короны-Роспуск Национального собрания-Попытки Пруссии сформировать отдельный союз-Союзный парламент в Эрфурте-Действия Австрии- Гессен-Кассель-Восстановление Франкфуртского сейма-Ольмюц-Шлезвиг-Гольштейн- Германия после 1849 г.- Австрия после 1851 г.-Франция после 1848 г.-Луи Наполеон- Октябрьское послание-Закон, ограничивающий избирательные права-Луи Наполеон и армия- Предложенный пересмотр Конституции-Государственный переворот-Наполеон III. Император

[Австрии и Италии.]

Равнина Северной Италии всегда была ареной, на которой борьба интересов, более масштабных, чем интересы самой Италии, доходила до исхода, и, возможно, действительно можно сказать, что в борьбе между устоявшимися правительствами и революцией в Центральной Европе в 1848 году реальный поворотный момент, если его вообще можно где-либо зафиксировать, заключался скорее в успехе кампании в Ломбардии, чем в какой-либо отдельной комбинации событий в Вене или Берлине. Само существование австрийской монархии зависело от победы сил Радецкого над национальным движением, во главе которого теперь встал Пьемонт. Если бы независимость Италии была установлена после крушения австрийского оружия, и влияние и пример победоносного итальянского народа были брошены на чашу весов против имперского правительства в его борьбе с сепаратистскими силами, которые потрясли каждую часть австрийских владений, едва ли было возможно, что какой-либо удар судьбы или политика могли спасти Империю Габсбургов от распада. Но от падения или восстановления Австрии, представленной ее центральной властью в Вене, в значительной степени зависело будущее Германии. Какой бы компромисс ни был достигнут между народными и монархическими силами в других германских государствах, если его оставить свободным от вмешательства Австрии, все влияние возрождающейся австрийской державы не могло не быть направлено против принципов народного суверенитета и национального союза. Франкфуртский парламент мог бы тогда напрасно притворяться, что выполняет свой мандат, не считаясь с Венским двором. Все это действительно было затемнено бурями, которые на некоторое время закрыли политический горизонт. Либералы Северной Германии не испытывали особой симпатии к итальянскому делу в решающие дни 1848 года. Их наклонности скорее соответствовали боевику, который, хотя и стремился сохранить деспотическое господство, тем не менее был представителем немецкой расы и на данный момент отдавал дань уважения конституционным правам. И все же, как показали последующие события, оковы, придавившие свободу за Альпами, могли так же плотно прилегать к конечностям немцев; и в войне Верхней Италии за свою собственную свободу битва немецкого либерализма была в немалой степени выиграна.

[Вена с марта по май.]

После изгнания Меттерниха из Вены первым народным требованием была Конституция. Его преемники на этом посту с характерным для них педантизмом посвятили свои исследования бельгийской конституции 1831 года; и через несколько недель указом была опубликована Конституция для не-венгерской части империи, включающая парламент из двух палат, нижняя избиралась непрямыми выборами, верхняя состояла из кандидатов короны и представителей крупных землевладельцев. Положения этой Конституции в пользу короны и аристократии, а также произвольный способ ее обнародования вызвали недовольство жителей Вены. В городе возобновилась агитация; с непопулярными чиновниками обошлись грубо, пресса становилась все более жестокой и непристойной. Одним из странных результатов опеки, под которой находилось австрийское общество, было то, что студенты университета стали и в течение некоторого времени продолжали оставаться самым важным политическим органом столицы. Их главными соперниками по влиянию были Национальные гвардейцы, набранные из граждан среднего класса, рабочие пока оставались на заднем плане. Ни в университетском зале, ни в тавернах, где гражданское ополчение обсуждало события часа, составленная кабинетом Конституция не нашла одобрения. 13 мая было решено, с целью оказания более сильного давления на правительство, что существующие комитеты Национальной гвардии и студентов должны быть заменены одним центральным комитетом, представляющим оба органа. Выборы в

этот комитет были проведены, и его заседания начались, когда командующий Национальной гвардией объявил такие действия несовместимыми с военной дисциплиной и приказал распустить комитет. Последовали беспорядки, в ходе которых студенты и толпа пробивались во дворец императора и потребовали от его министров не только восстановления центрального комитета, но и упразднения Верхней палаты в проектируемой Конституции и снятия ограничений, налагаемых на народный суверенитет ограниченным избирательным правом и системой не прямых выборов. Пункт за пунктом министерство уступало; и, несмотря на сопротивление и упреки императорского двора, они добились подписи императора на документе, обещавшем, что в будущем все важные военные посты в городе должны удерживаться Национальной гвардией совместно с регулярными войсками, что последние никогда не должны вызываться иначе, как по требованию Национальной гвардии, и что проектируемая Конституция должна оставаться в силе до тех пор, пока ее не представят на утверждение единому Учредительному собранию, избранному всеобщим голосованием.

[Бегство императора, 17 мая.]

[Беспорядки 26 мая.]

Слабость интеллекта императора сделала его простой марионеткой в руках тех, кто на данный момент осуществлял контроль над его действиями. Во время беспорядков 15 мая он повиновался своим министрам; через несколько часов после этого он попал под влияние Придворной партии и согласился бежать из Вены. 18-го венцы, к своему удивлению, узнали, что Фердинанд находится далеко по дороге в Тироль. Вскоре после этого был опубликован манифест, в котором говорилось, что насилие и анархия в столице вынудили императора перенести свою резиденцию в Инсбрук; что он, однако, остался верен обещаниям, данным в марте, и их законным последствиям; и что необходимо предоставить доказательства возвращения венцев к их старым чувствам лояльности, прежде чем он сможет снова появиться среди них. Определенное отвращение к императору проявилось теперь в столице и придавало смелости министрам предпринять первый шаг, необходимый для его возвращения, а именно распустить Студенческий легион. Они могли с некоторой уверенностью рассчитывать на поддержку более богатой части среднего класса, которая теперь начинала уставать от сумасбродств студентов и была встревожена перерывом в работе, вызванным революцией; более того, приближалось обычное окончание учебного года. Соответственно, был отдан приказ о роспуске Легиона и закрытии университета. Но студенты встретили приказ самым решительным сопротивлением. Рабочие хлынули из пригородов, чтобы присоединиться к их защите. Были возведены баррикады, и мартовское восстание, казалось, вот-вот должно было возобновиться. Правительство снова уступило и не только отменило свой приказ, но и объявило себя неспособным сохранить спокойствие в столице без помощи народных вождей. С полного согласия министров был образован Комитет общественной безопасности, представлявший одновременно студентов, средний класс и рабочих; и он приступил к выполнению своих обязанностей с полномочиями, превышающими в пределах столицы полномочия теневых государственных чиновников. ^[424]

[Чешское национальное движение.]

[Виндишграц покоряет Прагу, 12-17 июня.]

Тем временем антагонизм между чехами и немцами в Богемии с каждым днем становился все

ожесточеннее. Влияние партии компромисса, которая доминировала в первые дни марта, исчезло перед несвоевременной попыткой немецких национальных лидеров во Франкфурте включить Богемию в состав своей территории, направив представителей в национальный парламент Германии. Согласившись на эту инкорпорацию, чешское население определенно отказалось бы от своих вновь заявленных притязаний на гражданство. Если рост демократического духа в Вене сопровождался более сильным немецким национальным чувством в столице, то народные движения в Вене и Праге неизбежно должны были перейти в конфликт друг с другом. Когда о бегстве императора стало известно в Праге, граф Тун, губернатор, который также был главой умеренной богемской партии, предложил Фердинанду сделать Прагу резиденцией своего правительства. Это приглашение, которое напрямую связывало бы корону с чешскими национальными интересами, не было принято. Более решительные политики, в основном студенты и рабочие, продолжали проводить свои собрания и патрулировать улицы; а Конгресс славян со всех концов Империи, который открылся 2 июня, еще больше разжег национальные страсти. Отношение студентов и рабочих стало настолько угрожающим, что граф Виндишграц, командующий войсками в Праге, приготовился применить артиллерию. 12 июня, в день, когда Конгресс славян распался, начались боевые действия. Виндишграц, жена которого была убита пулей, по-видимому, действовал спокойно и стремился прийти к какому-то мирному урегулированию. Он отвел свои войска и отказался от начатой им бомбардировки при том понимании, что возведенные баррикады должны быть убраны. Это условие не было выполнено. В городе произошли новые акты насилия, и 17-го Виндишграц вновь открыл огонь. На следующий день Прага сдалась, и Виндишграц вернулся в город в качестве диктатора. Автономии Богемии пришел конец. Армия впервые эффективно выступила против народного восстания; от имени центральной власти был нанесен первый удар по революции, которая, как до сих пор казалось, вот-вот распадет австрийское государство на части.

[Кампания вокруг Вероны, апрель-май.]

В этот момент доминирующий интерес к австрийским делам переходит от столицы и северных провинций к армии Радецкого и итальянцам, с которыми она стояла лицом к лицу. Убедившись в необходимости отступления из Милана, австрийский командующий действовал с достаточной быстротой, чтобы спасти Верону и Мантую от перехода в руки повстанцев. Таким образом, он получил возможность разместить свою армию на одной из лучших оборонительных позиций в Европе - Четырехугольнике, окруженном реками Минчо и Адидже и защищенном крепостями Вероны, Мантуи, Пескьеры и Леньяно. Расположив свой фронт на Минчо, он сразу же ожидал атаки пьемонтцев и прибытия подкреплений с северо-востока. 8 апреля была предпринята первая атака, и после ожесточенного сражения у Гоито сардинская армия форсировала Минчо. Теперь Пескьера была осаждена; и пока тосканский контингент наблюдал за Мантуей, основная часть сил Карла Альберта действовала дальше на север с целью отрезать Верону от дорог, ведущих в Тироль. Этот результат был на мгновение достигнут, но войска, находившиеся в распоряжении короля, были слишком слабы для выполнения задачи по взятию крепостей; и в попытке, предпринятой 6 мая, выбить австрийцев с их позиций перед Вероной, Карл Альберт потерпел поражение при Санта-Лючии и был вынужден отступить к Минчо. ^[425]

[Папский указ, 29 апреля.]

[Неаполь в мае.]

В войне наступила пауза, заполненная политическими событиями, предвещающими беду для Италии. Из всех князей, которые позволили своим войскам выступить на север на помощь лангобардам, ни один не действовал полностью искренне. Первым, кто показал себя в своем истинном обличье, был папа. 29 апреля кардиналам было адресовано Обращение, в котором Пий отрекался от всякого участия в войне против Австрии и заявлял, что его собственные войска должны заниматься только защитой целостности римских государств. Хотя в тот момент вспышка народного возмущения в Риме привела к власти еще более либеральное министерство, и Дурандо, папский генерал, продолжил свое наступление в Венецию, отказ папы от своего предполагаемого национального руководства произвел эффект, которого желал его автор, поощряя каждого открытого и каждого тайного врага итальянского дела и ставя в тупик тех, кто считал себя вовлеченным в священную, а также отечественную войну. В Неаполе события гораздо быстрее привели к катастрофе. Были проведены выборы в Палату депутатов, которая должна была открыться 15 мая, и большинство вернувшихся членов были людьми, которые, хотя и были преданы итальянскому национальному делу, не были ни республиканцами, ни врагами династии Бурбонов, но стремились сотрудничать со своим королем в проведении конституционной реформы. Политики другого толка, однако, командовали улицами Неаполя. Ходили слухи, что Двор вот-вот восстановит деспотическое правление и откажется от дела Италии. Беспорядки и агитация усиливались день ото дня; и после того, как депутаты прибыли в город и начали серию неофициальных встреч, подготовительных к открытию парламента, опрометчивый поступок Фердинанда дал партии беспорядков, которая была слабо представлена в Собрании, повод для восстания. После промюльгации Конституции обоих февраля Фердинанд согласился с тем, что она должна быть представлена обеим палатам для пересмотра. Однако накануне открытия парламента он уведомил представителей о том, что от них потребуется принести присягу на верность Конституции. Они настаивали на том, что такая присяга лишит их права на пересмотр. Через несколько часов король согласился на изменение формулы присяги, но его требование уже повергло город в смятение. Были возведены баррикады, депутаты тщетно пытались утихомирить бунтовщиков и предотвратить конфликт с войсками. Пока переговоры еще продолжались, раздались выстрелы. Войска бросились теперь на народ; завязалась борьба, непродолжительная, но кровопролитная и беспощадная; баррикады были захвачены, несколько сотен повстанцев убиты, и Фердинанд снова стал безраздельным хозяином Неаполя. Ассамблея была распущена на следующий день после того, как она должна была собраться. Король немедленно отправил приказ генералу Пепе, командующему войсками, которые находились на марше в Ломбардию, возвращаться со своей армией в Неаполь. Хотя Пепе оставался верен национальному делу и пытался повести свою армию вперед из Болоньи вопреки указаниям короля, его войска теперь таяли; и когда он пересек По и встал под знамена Карла Альберта в Венеции, с ним оставалось едва ли полторы тысячи человек.

[Переговоры относительно Ломбардии.]

[Отвоевание Венеции, июнь, июль.]

Таким образом, к концу мая стало ясно, что лангобарды не получают значительной помощи от Южных штатов в своей борьбе за свободу и что обещанный союз правительств в интересах национального дела был всего лишь сном, от которого пришлось горько пробуждаться. Да и в самой Северной Италии не было того единства в целях и действиях, без которого успех был невозможен. Республиканская партия обвинила короля и Временное правительство в Милане в

нежелании вооружать народ; Шарль Альберт, со своей стороны, считал каждого республиканца врагом. При вступлении в Ломбардию король заявил, что до окончания войны не следует поднимать никаких вопросов относительно политической организации будущего; тем не менее, прежде чем была захвачена крепость, он позволил Модене и Парме объявить себя включенными в состав пьемонтской монархии; и, несмотря на протест Мадзини, их примеру последовали Ломбардия и некоторые венецианские округа. Во взаимных обвинениях, которыми обменивались республиканцы и монархисты, даже высказывалось предположение, что у Австрии были свои друзья в определенных слоях населения. Такой точки зрения не придерживалось венское правительство, которое с самого начала, по-видимому, считало свое дело в Ломбардии фактически проигранным. Преемники Меттерниха обратились к посредничеству Великобритании и выразили готовность предоставить итальянским провинциям полную автономию под скипетром императора. Пальмерстон в ответ на мольбы двора, который до сих пор проклинал его влияние, настаивал на том, чтобы Ломбардия и большая часть Венеции были переданы королю Пьемонта. Австрийское правительство отдало бы Ломбардию своему врагу; они не решались увеличить его власть до такой степени, какой требовал Пальмерстон, тем более что было известно, что французское министерство ревниво относилось к усилению Сардинии и желало создания слабых республик, подобных тем, что были образованы в 1796 году. Отказавшись от своих переговоров в Лондоне, кабинет императора теперь вступил в прямую связь с Временным правительством в Милане и, не делая никаких ссылок на Пьемонт или Венецию, предложил Ломбардии полную независимость. Поскольку за объединение этой провинции с Пьемонтом уже проголосовали ее жители, предложение было сразу же отклонено. Более того, даже если бы итальянцы проявили склонность пойти на компромисс и покинуть Венецию, Радецкий не прекратил бы сражение, пока оставалась хоть какая-то возможность привлечь императора на сторону сторонников мира. В ответ на инструкции, предписывавшие ему предложить врагу перемирие, он послал принца Феликса Шварценберга в Инсбрук умолять императора довериться доблести его солдат и продолжить сражение. Уже появились признаки того, что победа в конечном итоге будет за Австрией. Подкрепление прорвалось через территорию повстанцев и достигло Вероны; и хотя движение, которым Радецкий угрожал перерезать коммуникации Карла Альберта, было сорвано вторым сражением при Гойто, и Пескьера перешла в руки осаждающих, это был последний успех, одержанный итальянцами. Внезапно бросившись на восток, Радецкий предстал перед Виченцей и вынудил этот город со всей папской армией под командованием генерала Дурандо капитулировать. За падением Виченцы последовало падение других городов на материковой части Венеции, пока только Венеция к востоку от Адидже не бросила вызов австрийскому оружию. По мере того как захватчик продвигался вперед, Собрание, созванное Манином в Венеции, приняло решение о союзе с Пьемонтом. Сам Манин был самым ярким противником того, что он считал принесением в жертву независимости Венеции. Тем не менее, в конце концов он уступил и не предпринял никаких попыток помешать решению Собрания; но когда это решение было принято, он передал ведение дел другим и на некоторое время удалился в частную жизнь, отказавшись служить при короле.^[426]

[Битва при Кустоцца 25 июля.]

[Австрийцы возвращаются в Милан, август. 6.]

Карл Альберт теперь возобновил свою попытку отвоевать центральные крепости у австрийцев. Оставив половину своей армии в Пескьере и дальше на север, он с другой половиной приступил

к блокаде Мантуи. Радецкий воспользовался неумелым командованием своего противника и бросился на слабо защищенный центр длинной линии сардинских войск. Король осознал свою ошибку и попытался объединиться со своими северными отрядами, теперь отделенными от него Минчо. Его усилия были сведены на нет, и 25 июля, после мужественного сопротивления, его войска потерпели поражение при Кустоцца. Отступление через Минчо проходило в полном порядке, но бедствия, понесенные северной дивизией, которая должна была сдерживать врага, уничтожили всякую надежду, и отступление превратилось в бегство. Радецкий последовал за ним по пятам. Карл Альберт вошел в Милан, но заявил, что не в состоянии защитить город. Среди миланцев разразилась буря негодования против несчастного короля, которого он, как было объявлено, предал. Дворец, где он поселился, был осажден толпой; его жизни угрожала опасность, и он с трудом бежал ночью 5 августа под защитой генерала Ла Мрамора и нескольких верных охранников. Была подписана капитуляция, и когда пьемонтская армия эвакуировала город, войска Радецкого с триумфом вошли в него. Согласно заявлениям итальянцев, не менее шестидесяти тысяч жителей покинули свои дома и искали убежища в Швейцарии или Пьемонте, вместо того чтобы подчиниться власти завоевателя. Теперь Радецкий мог бы без труда преследовать своего отступающего врага до Турина и сокрушить ногами сам Пьемонт; но страх перед Францией и Великобританией помешал его победному пути, и военные действия были прекращены перемирием в Виджевано 9 августа. ^[427]

[Австрийский двор и Венгрия.]

Последствия триумфа Радецкого ощущались в каждой провинции империи. Первым открытым проявлением изменившегося положения дел стало возвращение императорского двора из своего убежища в Инсбруке в Вену. Выборы, обещанные в мае, были проведены, и 22 июля эрцгерцог Иоанн, как представитель императора, открыл Ассамблею, представляющую все невенгерские части монархии, за исключением итальянских провинций. Министры и депутаты объединились, требуя возвращения императора в столицу. Теперь, когда Радецкий и Виндишграц были в пределах досягаемости, император мог с некоторой уверенностью предстать перед своими студентами и парламентом. Но гораздо большее значение, чем возвращение двора в Вену, имело отношение, которое он теперь занял к сейму и национальному правительству Венгрии. Уступки, сделанные в апреле, какими бы неизбежными они ни были, фактически возвысили Венгрию до статуса независимого государства. Когда речь заходила о таких вопросах, как использование венгерских войск против Италии или распределение налогового бремени, императору приходилось обращаться с венгерским министерством почти так, как если бы оно представляло иностранную и конкурирующую державу. В течение нескольких месяцев приходилось терпеть это унижение, сохраняя видимость верности новому конституционному закону. Но глубокая, негодующая ненависть к мадьярскому делу проникла в круги, в которых еще сохранялся старый военный и официальный абсолютизм Австрии; и за людьми и политикой, все еще с некоторой степенью искренности представляющими новый порядок вещей, скопились страсти и интриги реакции, которая ждала только начала гражданской войны в самой Венгрии и восстановления доверия к австрийской армии, чтобы обнажить меч против своего врага. Уже тогда, когда Италия все еще не была покорена, а император едва ли чувствовал себя в безопасности в своем дворце в Вене, в поле зрения появились народные силы, которые могли быть задействованы против правительства в Пеште.

[Сербы на юге Венгрии.]

[Сербский конгресс в Карловице, 13-15 мая.]

На одном из бурных заседаний венгерского сейма в то время, когда впервые была предпринята попытка навязать Хорватии мадьярский язык, иллирийский лидер Гай обратился к Ассамблее с таким обращением: "Вы, мадьяры, являетесь островом в океане славянства. Берегитесь, чтобы его волны не поднялись и не захлестнули вас ". Волнения весны 1848 года впервые в полной мере выявили предвещаемую таким образом опасность. Хорватия более года находилась в состоянии почти открытого мятежа, но дух восстания теперь распространился по всему сербскому населению Южной Венгрии, от восточных пределов Славонии, ^[428] по равнине, известной как Банат, за слиянием Тайса и Дуная, вплоть до границ Трансильвании. Сербы были приняты в этих провинциях в шестнадцатом и семнадцатом веках монархами Австрии как оплот против турок. Им были даны Хартии, которые все еще сохранялись, обещая им отдельное политическое управление под руководством их собственного избранного воеводы и церковную независимость под руководством их собственного Патриарха Греческой церкви. ^[429] Права этих провинций были такими же, как и у других в Австрийской империи. Патриарх и воевода исчезли, а Банат был полностью присоединен к Венгрии. Однако оставалось достаточно сербов по национальности, чтобы вспылать по призыву 1848 года и с неожиданной яростью возмутиться решимостью мадьярских правителей в Пеше, чтобы мадьярский язык, как государственный, отныне объединял все расы Венгрии в наслаждении общей национальной жизнью. Сербы потребовали от Кошута и его коллег восстановления местной и церковной автономии, которой их лишили Габсбурги, и признания их собственного национального языка и обычаев. Они обнаружили или поверили, что вместо немца у них теперь будет мадьярский лорд, и еще один рядом, более энергичный, более агрессивный. Их ответом на защиту Кошутом мадьярского господства был созыв Конгресса сербов в Карловице на Нижнем Дунае. Здесь было объявлено, что сербы Австрии образовали свободную и независимую нацию под австрийским скипетром и общей венгерской короной. Был избран воевода и определены границы его провинции. Национальному комитету было поручено организовать правительство и установить тесные связи с соседним Славянским королевством Хорватия.

[Еллачич в Хорватии.]

В Аграме, столице Хорватии, вся установленная власть пала в результате мартовской катастрофы, и к власти пришел Национальный комитет. Случилось так, что должность губернатора, или бана, Хорватии в то время была вакантна. Комитет направил депутацию в Вену с просьбой назначить полковника первого хорватского полка Еллачича. Не дожидаясь прибытия депутации, Суд постановлением от 23 марта назначил Еллачича на вакантную должность. Дата этого назначения и вступление Еллачича в должность 14 апреля, за день до того, как Министерство Венгрии вступило в свои полномочия, считались доказательством того, что между Еллачичем и Судом с самого начала существовало тайное соглашение. Однако никаких дальнейших доказательств этой тайной связи обнародовано не было, и вера, давно существующая среди всех друзей мадьярского дела, в то, что Хорватию намеренно подстрекали к восстанию против венгерского правительства лица из окружения императора, похоже, не имеет под собой прочной основы. Хорваты были бы непохожи на все другие общины Австрийской империи, если бы они не восстали под влиянием национального порыва 1848 года. В течение многих лет они роптали против мадьярского господства, и огонь, долго тлевший

сейчас, вероятно, вспыхнул здесь, как и везде, без прикосновения поджигающей руки. Что касается внезапного назначения Еллачица, то возможно, что Суд, бессильный сдержать хорватское движение, возможно, пожелал избежать видимости принуждения, спонтанно возложив должность на популярного солдата, который, по крайней мере, с большей вероятностью учитывал интересы императора, чем юристы и демагоги из его окружения. Был ли Еллачиц в то время искренне озабочен хорватской автономией, или же с самого начала, хотя он явно действовал на стороне хорватских националистов, его глубочайшие симпатии были на стороне австрийской армии, и его единственным намерением было служить императорской короне с ее собственным признанным согласием или без него, сказать невозможно. То, что, как и большинство его соотечественников, он искренне ненавидел мадьяр, не подлежит сомнению. Общее впечатление, оставляемое его персонажем, вряд ли согласуется с мадьярским представлением о нем как о глубоком и дальновидном заговорщике - напротив, он, казалось бы, был человеком, легко поддающимся импульсам момента и способным играть противоречивые роли, почти не осознавая собственной непоследовательности. ^[430]

[Дела Хорватии 14 апреля-16 июня.]

Вступив в должность, Еллачиц отбросил все соображения из-за личных обязательств императора по отношению к Венгрии и немедленно разрешил изгнать мадьярских чиновников из страны. 2 мая он издал приказ, запрещающий всем хорватским властям переписываться с правительством в Пеште. Баттьяни, венгерский премьер, немедленно поспешил в Вену и получил от императора письмо, в котором Еллачицу предписывалось подчиниться венгерскому министерству. Поскольку Запрет не обратил внимания на этот мандат, генерал Грабовский, командующий войсками в южных провинциях, получил приказ Пешта аннулировать все, что сделал Джеллачиц, отстранить его от должности и привлечь к суду за государственную измену. Ничуть не смутившись, Еллачиц своим собственным авторитетом созвал сейм Хорватии на 5 июня; население Аграма, узнав о миссии Грабовского, сожгло чучело Палатина. Это было прямое оскорбление императорской семьи, и Баттьяни призвал ее к ответу. Императора только что изгнали из Вены в результате беспорядков 15 мая. Баттьяни разыскал его в Инсбруке и, заверив в поддержке верных ему венгров как против итальянцев, так и против венцев, 10 июня добился его подписи под рескриптом, яростно осуждающим действия Бана и отстраняющим его от должности. Джеллачиц уже был вызван в Инсбрук. Он отправился в путь, взяв с собой депутацию хорватов и сербов и оставив позади себя народное собрание, заседавшее в Аграме, в котором, помимо представителей Хорватии, было семьдесят депутатов от сербских провинций. В тот самый день, когда Запрет достиг Инсбрука, императорский приказ, осуждающий его и отстраняющий от исполнения обязанностей, был опубликован Баттьяни в Пеште. Не облегчило ситуацию и почти одновременное объявление о том, что на Нижнем Дунае разразилась гражданская война и что генерал Грабовский при попытке занять Карловиц подвергся нападению сербов под командованием их национального лидера Стратимировича и был вынужден отступить. ^[431]

[Еллачиц, Суд и правительство Венгрии.]

Говорят, что император Фердинанд во время заседаний совета, от которых зависела судьба Австрийской империи, имел обыкновение заниматься подсчетом количества экипажей, проезжавших справа и слева соответственно под окнами. В борьбе между Хорватией и Венгрией он, по-видимому, избегал даже формального осуществления власти, предпочитая

поручать принятие решений между противоборствующими сторонами эрцгерцогу Иоанну в качестве посредника или судьи. Джон был слишком глубоко погружен в другие дела, чтобы уделять этому вопросу много внимания. Что на самом деле произошло между Еллачичем и императорской семьей в Инсбруке, неизвестно. Официальная просьба о Запрете заключалась в отмене или аннулировании рескрипта, подписанного императором 10 июня. Принц Эстерхази, представлявший венгерское правительство в Инсбруке, был готов пойти на эту уступку; но прежде чем документ мог быть отозван, он был обнародован Баттьяни. Желая доказать свою верность Двору, Еллачич опубликовал обращение к хорватским полкам, служащим в Ломбардии, в котором умолял их не отвлекаться от выполнения своего долга перед императором на поле боя из-за любого сообщения об угрозе их правам и гражданству ближе к дому. Влияние Еллачича на своих соотечественников было настолько велико, что обращение с его стороны противоположного толка, вероятно, заставило бы хорватские полки массово покинуть Радецкого и тем самым привело бы войну в Италии к позорному концу. Его поступок снискал ему большую популярность в высших чинах австрийской армии и, вероятно, снискал ему, даже если он не обладал ею раньше, тайное доверие двора. То, что сейчас существовало какое-то взаимопонимание, почти несомненно, поскольку, несмотря на неопубликованное заявление от 10 июня и отсрочку вынесения решения эрцгерцогом, Еллачичу было разрешено вернуться в Хорватию и возобновить свое правление. Сейм в Аграме был занят далеко идущими планами создания конфедерации южных славян; но его обсуждения не имели практического эффекта, и через несколько недель он был прекращен в виде перерыва. С этого времени Еллачич обладал диктаторской властью. В своих отношениях с Венгрией ему больше не было необходимости поддерживать фикцию простой защиты прав Хорватии; он открыто выступал как поборник австрийского единства. На переговорах, которые он провел с Баттьяни в Вене в последние дни июля, он потребовал восстановления единого министерства войны, финансов и иностранных дел для всей Австрийской империи. Требование было с негодованием отклонено, и вожди двух соперничающих рас покинули Вену, чтобы готовиться к войне.

[Неизбежный разрыв между Австрией и Венгрией.]

[Еллачич восстановлен в должности, сентябрь. 3. Он марширует по Пешту.]

Венгерский национальный парламент, избранный в соответствии с новой Конституцией, открылся в Пеште 5 июля. Ввиду трудностей с Хорватией и подозрений в интригах между баном и Придворной партией были приложены огромные усилия, чтобы убедить императора Фердинанда лично прибыть в Пеш. Он отказался от этого по причине болезни, но направил в парламент письмо, в котором осуждал не только от своего имени, но и от имени каждого члена императорской семьи сопротивление, оказываемое венгерскому правительству в южных провинциях. Если слова имели какой-либо смысл, император обещал лояльное сотрудничество с венгерскими министрами в защиту единства и конституции Венгерского королевства, установленной апрельскими законами. Однако в это самое время военный министр в Вене призывал австрийских офицеров присоединяться к сербским повстанцам. Кошут, который руководил большей частью делами венгерского правительства в Нижней палате парламента в Пеше, не скрывал своей враждебности к центральным державам. В то время как его коллеги стремились избежать разрыва с другой половиной монархии, казалось, целью Кошута было скорее спровоцировать его. Призывая набрать двести тысяч человек для подавления славянского восстания, он открыто осудил венское министерство и Двор как его организаторов. Возглавляя дискуссию об итальянской войне, он попытался без ведома своих коллег сделать

уступку территории к западу от Адидже условием участия Венгрии в борьбе. Как министр финансов, он не жалел ни слова, ни действия, чтобы продемонстрировать свое презрение к финансовым интересам Австрии. Бесплезно спрашивать, могла ли более мягкая политика со стороны самого могущественного государственного деятеля Венгрии предотвратить надвигающийся конфликт; но в бескомпромиссной вражде Кошута австрийский двор нашел собственное оправдание действиям, в которых бесстыдство, казалось, почти возросло до политической добродетели. Как только победы Радецкого и падение Милана вернули императора в Вену, новая политика вступила в силу. Вето суверена было наложено на законы, принятые сеймом в Пеше для защиты королевства. От венгерского правительства требовалось восстановить Еллачича в его достоинствах, вступить в переговоры в Вене с ним и австрийским министерством и, наконец, отказаться от всех военных приготовлений против мятежных провинций. В ответ на эти требования сейм отправил сотню своих членов в Вену требовать от императора исполнения данного им слова. Несчастный получил их 9 сентября с заверениями в своей искренности; но еще до того, как депутация миновала дворцовые ворота, в "Официальной газете" появилось письмо, написанное собственноручно императором, заменяющее Джеллачича на этом посту и оправдывающее его по всем обвинениям, которые были выдвинуты против него. Джеллачич ждал только этого официального признания. 11 сентября он перешел со своей армией реку Драва и начал поход на венгерскую столицу.^[432]

[Миссия Ламберга. Он убит в Пеште, сентябрь. 28.]

Министерство, ныне действующее в Вене, частично состояло из людей, которые были известны как реформаторы в первые дни 1848 года; но старый порядок представляли граф Вессенберг, который был помощником Меттерниха на Венском конгрессе, и Латур, военный министр, солдат высокого происхождения, чья карьера восходила к кампании при Аустерлице. Какое бы презрение ни испытывала одна часть Кабинета к другой, его члены смогли объединиться против независимости Венгрии, как они объединились против независимости Италии. Они вручили императору меморандум, в котором те самые уступки, которым они были обязаны своим существованием в качестве Конституционного министерства, были сделаны основанием для объявления законов, устанавливающих венгерскую автономию, недействительными. С помощью прозрачной софистики они доказывали, что обещание императора ввести Конституцию во всех своих владениях 15 марта лишило его возможности согласиться без консультации со своим венским министерством на резолюции, впоследствии принятые венгерским сеймом, хотя союз между Венгрией и другими наследственными государствами с самого начала зависел исключительно от личности монарха, и ни один немецкий чиновник никогда не претендовал на осуществление власти над венграми иначе, чем по приказу суверена как венгерского короля. Публикация этого меморандума Кабинета министров, появившегося в журналах Пешта 15 сентября, ясно предупредила венгров, что, если они не хотят подвергнуться нападению со стороны Еллачича и австрийской армии одновременно, они должны пойти на некоторый компромисс с правительством в Вене. Баттьяни был склонен к уступкам, и после ухода с поста в результате дезертирства императора он уже вновь занял свой пост вместе с коллегами, склонными принять его собственную миролюбивую политику. Кошут открыто говорил о войне с Австрией и о диктатуре. Когда Еллачич продвигался к Пешу, палатин принял командование венгерской армией и двинулся на юг. Достигнув озера Балотон, на южном берегу которого стояли лагерем хорваты, он попросил о личной встрече с Еллачичем и поплыл к назначенному месту встречи. Но он напрасно ждал Запрета; и, правильно истолковав этот отказ от своих попыток, он сбежал из армии и сложил с себя полномочия. Теперь

император прислал из Вены генерала Ламберга с приказом принять верховное командование как над мадьярскими, так и над хорватскими войсками и предотвратить столкновение. От успеха миссии Ламберга зависел последний шанс на примирение между Венгрией и Австрией. Баттьяни, все еще цепляясь за надежду на мир, отправился в лагерь, чтобы встретить посланника по его прибытии. Ламберг, желая получить необходимые полномочия от венгерского правительства, отправился в Пеш. Там он нашел Кошута и Комитет из шести человек, пришедших к власти. Под их влиянием сейм принял резолюцию, запрещающую Ламбергу принимать командование венгерскими войсками и объявляющую его предателем, если он попытается это сделать. По Песту распространился слух, что Ламберг пришел, чтобы захватить цитадель и бомбардировать город; и прежде чем он успел добраться до безопасного места, на него напала и убила разъяренная толпа. Напрасно Баттьяни, который теперь сложил свои полномочия, умолял правительство в Вене не предпринимать опрометчивых шагов мести. Был дан предлог для уничтожения независимости Венгрии, и маска была сброшена. Манифест, опубликованный императором 3 октября, объявлял венгерский парламент распущенным, а его акты недействительными. Было объявлено военное положение, и Джеллачич был назначен командующим всеми силами и представителем суверена. Ожидалось, что в течение следующих нескольких дней он войдет в Пест как завоеватель.

[Манифест от 3 октября.]

[Беспорядки 6 октября в Вене. Латур убит.]

Тем временем, как бы уверенно правительство ни рассчитывало на победу Еллачича, в самой Вене снова разгорелись революционные страсти. Рост нищеты среди бедных, финансовая паника, оживляющие усилия профессиональных агитаторов возобновили весенние беспорядки в формах, которые встревожили средние классы почти так же сильно, как и власть имущих. Конфликт правительства с Венгрией довел дело до кризиса. Обнаружив бесполезность переговоров с императором, венгерский парламент отправил нескольких своих наиболее способных членов просить аудиенции у Ассамблеи, заседающей в Вене, с тем чтобы представители западной половины Империи могли, даже в последний момент, иметь возможность вынести решение по поводу действий Суда. Самую многочисленную группу в Ассамблее сформировали чешские депутаты из Богемии. Как славяне, чешские депутаты сочувствовали хорватам и сербам в их борьбе против мадьярского господства, и в их глазах Еллачич по-прежнему был защитником национального дела. Ослепленное своими расовыми симпатиями к опасности, которую представляет для всех национальностей реставрация абсолютизма, чешское большинство, несмотря на исключительно впечатляющее предупреждение, сделанное лидером немецких либералов, отказалось выслушать венгерских представителей. Мадьяры, отвергнутые Ассамблеей, искали и нашли союзников в самой венской демократии. В популярных клубах раздавались возгласы в защиту венгерской свободы и инвективы против чешских орудий тирании. В разгар этого усиливающегося волнения в Вену пришли известия о том, что Джеллачич потерпел поражение в своем походе на Пеш и был вынужден отступить в пределы австрийской границы. Венскому правительству стало необходимо бросить в борьбу свои собственные силы, и Латур отдал приказ полкам в столице выдвигаться к месту боевых действий. Однако демократические лидеры предвидели этот приказ, и часть войск перешла на сторону народа. Приказам Латура оказали сопротивление, и при попытке принудить войска к отходу полки открыли огонь друг по другу (6 октября). Батальоны Национальной гвардии, выступившие в поддержку правительства, были подавлены

батальонами, принадлежащими к рабочим кварталам. Восстание одержало победу; министры еще раз подчинились хозяевам улиц, и приказы, отданные войскам, были отменены. Но наиболее ожесточенная часть толпы не была удовлетворена политической победой. Среди его лидеров были преступники и сумасшедшие, которые после того, как были взяты штурмом правительственные учреждения и Латур был схвачен, решили его убить. Напрасно некоторые из самых ярых политических противников министра пытались, рискуя собственной жизнью, защитить его от убийц. Его притащили во двор перед зданием Военного министерства и там убили со свирепостью и в то же время преднамеренным варварством. ^[433]

[Император в Ольмюце.]

[Виндишграц идет на Вену.]

Император, пока в городе все еще царило смятение, в своей обычной манере пообещал, что народные требования будут удовлетворены; но как только за ним никто не наблюдал, он бежал из Вены, и в его бегстве за ним последовали чешские депутаты и многие немецкие консерваторы, которые заявили, что их жизни в столице больше не в безопасности. Большинство министров собрались вокруг императора в Ольмюце в Моравии; Ассамблея, однако, продолжала проводить свои заседания в Вене, а министр финансов, очевидно, по указанию Двора, оставался на своем посту и относился к Ассамблее как к все еще обладающей законными полномочиями. Но для всех практических целей западная половина Австрийской империи теперь перестала иметь какое бы то ни было правительство; и реальное положение дел было прямо раскрыто в манифесте, опубликованном графом Виндишграцем в Праге 11 октября, в котором, не заявляя о получении какого-либо поручения от императора, он объявил о своем намерении выступить маршем на Вену, чтобы защитить суверена и сохранить единство Империи. В должное время император одобрил действия своего энергичного солдата; Виндишграц был назначен верховным командующим всеми войсками империи, за исключением армии Радецкого, и его поход на Вену был начат.

[Виндишграц завоевывает Вену, 26 октября- 1 ноября.]

Венгерскому парламенту, раздраженному декретом о его собственном роспуске и войной, открыто развязанной против страны двором в союзе с Еллачичем, восстание в столице, казалось, принесло внезапное избавление от всех опасностей. Венцы спасли Венгрию, и сейм был готов, если его призовет Собрание в Вене, направить свои войска на защиту столицы. Но острота этой необходимости не была понята ни с одной из сторон до тех пор, пока не стало слишком поздно. Венская ассамблея, считая себя законной и конституционной властью, которой угрожает группа солдат, узурпировавших власть монарха, не решалась поставить под угрозу свой правовой характер, призвав венгерскую армию. Мадыарские генералы, с другой стороны, были настолько озабочены тем, чтобы не выходить за рамки строгой обороны своего собственного королевства, что в отсутствие сообщений от венских властей они дважды отступали с австрийской земли после того, как преследовали Еллачича за границей. Только после того, как Виндишграц разбил лагерь в пределах видимости Вены и задержал как мятежника посланника, направленного к нему венгерским правительством, воля Кошута возобладала над угрызениями совести более слабых людей, и венгерская армия выступила против осаждающих. Тем временем Виндишграц начал свое наступление на пригороды, которые слабо оборонялись Национальной гвардией и ротами студентов и добровольцев, номинальным командиром был некто Мессенхаузер, бывший офицер регулярной армии,

которому помогал солдат гораздо больших заслуг, чем он сам, польский генерал Бем. Среди сражавшихся были два члена немецкого парламента Франкфурта, Роберт Блюм и Фребель, которые были посланы посредничать между императором и его подданными, но остались в Вене в качестве комбатантов. Осаждающие захватили окраины города, и переговоры о капитуляции шли полным ходом, когда 30 октября Мессенхаузер с вершины башни собора увидел за линией осаждающих на юго-востоке дым сражения и объявил, что приближается венгерская армия. На равнине Швехат действительно началось сражение между венграми и Еллачичем, усиленные подразделениями войск Виндишграца. В момент дикого возбуждения защитники столицы снова бросились на своего врага, не обратив внимания на уже сделанное предложение о капитуляции. Но ход сражения при Швехате обернулся против венгров. Они были вынуждены отступить, и Виндишграц, возобновив канонаду по мятежникам, которые также были нарушителями перемирия, за несколько часов овладел Веной. Он прибыл в Вену 31 октября и относился к ней как к завоеванному городу. Войска вели себя свирепо во время боев в пригородах и убили десятки безоружных людей. Ни один восточный тиран никогда не обращался к своим поверженным врагам с большей наглостью и презрением к правам человека, чем Виндишграц в воззваниях, которые, придя к власти, он адресовал венцам; и все же, каким бы ни было количество арестованных и заключенных в тюрьмы, число казненных сейчас было невелико. Жертвы действительно были тщательно отобраны; наиболее заметным из них был Роберт Блюм, в лице которого, как лидера немецких либералов и неприкосновенного по закону депутата немецкого парламента, австрийское правительство нанесло демонстративный удар по самому парламенту и немецкой демократии в целом.

[Парламент в Кремсье, 22 ноября.]

[Министр Шварценберг.]

При покорении Вены армия снова доказала, что является реальной политической силой в Австрии; но еще не пришло время, когда можно было открыто восстановить абсолютное правление. Богемские депутаты, хотя и нанесли смертельный ущерб делу конституционного правления своим отделением от Вены, все еще серьезно выступали за автономию провинций и яростно отвергли бы обвинение в союзе с деспотизмом. Даже искалеченный Венский парламент был признан Судом законно заседавшим до 22 октября, когда был издан приказ о переносе работы парламента и его повторном созыве через месяц в Кремсье, в Моравии. В недели, последовавшие за падением Вены, появились признаки конфликта между реакционными и более либеральными кругами, окружавшими императора, и надвигающегося *государственного переворота*; но на данный момент возобладали советы благоразумия; Ассамблее было разрешено собраться в Кремсье, и заявления о конституционных принципах по-прежнему делались со всей демонстративной искренностью. Однако пришло к власти новое министерство во главе с принцем Феликсом Шварценбергом. Шварценберги принадлежали к одной из величайших австрийских семей. Он был послом в Неаполе, когда вспыхнула революция 1848 года, и покинул город со словами угрозы, когда было нанесено оскорбление австрийскому флагу. Сменив дипломатию на войну, он служил под началом Радецкого и вскоре был признан государственным деятелем, в котором армия, как политическая сила, нашла своего своеобразного представителя. Его карьера до сих пор была проиллюстрирована главным образом скандалами из частной жизни, настолько вопиющими, что Англия и другие страны, где он занимал дипломатические посты, настояли на его смещении; но циничная и безрассудная смелость этого человека возросла в его новом призвании министра Австрии до

уровня политического величия. Немногие государственные деятели были более смелыми, чем Шварценберг; немногие доводили до крайности преимущества, которые можно извлечь из моральной или материальной слабости противника. Его правление было разгромом войск, получивших передышку в своей крайности для последнего и наихудшего напряжения сил. Подобно римскому Сулле, он придал осужденному и гибнущему делу мимолетное подобие восстановленной силы и умер до того, как следующая великая волна перемен смысла его творения прочь.

[Фердинанд отрекается от престола, 2 декабря. Франциск Иосиф император.]

[Роспуск парламента Кремсье, 7 марта 1849 г.]

[Унитарный конституционный эдикт, март 1849 г.]

Первым действием Шварценберга было низложение его суверена. Слабоумие императора Фердинанда уже давно наводило на мысль о его отречении от престола, и теперь настало время для решительных действий. Он с радостью удалился в частную жизнь: корона, от которой отказался его брат и наследник, перешла к его племяннику, Франциску Джозефу, восемнадцатилетнему юноше. Этот принц, по крайней мере, не заключал лично, не произносил своими устами, не подписывал своей рукой тех торжественных обязательств перед венгерской нацией, которые Австрия теперь собиралась уничтожить огнем и мечом. Он не поддерживал дружеских отношений с людьми, которые отныне были обречены на эшафот. Он взошел на трон настолько непричастным к деяниям своего предшественника, насколько это возможно для любого номинального главы государства; настолько подходящим инструментом в руках двора и армии, насколько могла пожелать любая реакционная фракция. Беспомощный и исполненный благих намерений Франциск Жозеф, пока его войска вторгались в Венгрию, некоторое время играл в Австрии роль лояльного наблюдателя при своем парламенте; затем, когда настал момент для его уничтожения, он повиновался своему солдату-министру, как Фердинанд в прежние дни повиновался студентам, и подписал указ о его роспуске (4 марта 1849 г.). Ассамблея во время своих заседаний в Вене выполнила одну важную задачу: она освободила крестьянство от бремени, связанного с их землей, и превратила их в независимых собственников. Эта часть ее работы пережила его и осталась почти единственным приобретением, которое Австрия извлекла из борьбы 1848 года. После переезда в Кремсье Комитет Ассамблеи занялся разработкой Конституции Австрии, и в настоящее время работа над проектом была завершена. В ходе дебатов представители германской и славянской рас кое-чего достигли в плане уважения интересов и предрассудков друг друга; были приобретены определенные политические знания; был выработан определенный подход к согласованию требований центральной власти и автономии провинций. Если бы Конституция, набросанная Кремсье, появилась на свет, она, по крайней мере, дала бы Западной Австрии и Галиции, которые принадлежали к этой половине империи, систему правления, основанную на желаниях народа и достойную, со стороны короны, справедливого судебного разбирательства. Но, помимо своих собственных недостатков с монархической точки зрения, эта Конституция основывалась на разделении Империи на две независимые части; она предполагала отделение Венгрии от других Наследственных государств; и об отдельном Венгерском королевстве министр, находящийся сейчас у власти, больше слышать не хотел. То, что Венгрия на протяжении веков обладала и отстаивала свои права; что, за единственным исключением англичан, ни одна нация в Европе не могла сравниться с мадьярами в упрямой и неумолимой

защите Конституционного закона; что в эпоху, когда национальный дух был гораздо менее пылким, император Иосиф едва не потерял свой трон и разрушил свою Империю в попытке подчинить эту решительную расу централизованному управлению, ничего не значило для Шварценберга и солдат, которые сейчас топтали революцию. Венгрия была объявлена утратившей в результате восстания как свои древние права, так и договоры 1848 года. За роспуском парламента Кремсье последовало издание указа, предусматривающего введение единой и централизованной Конституции для всей Австрийской империи. Все существующие общественные права были, таким образом, аннулированы; и поскольку новая Конституция, поскольку она предусматривала представительную систему, никогда не вступала в силу, а оставалась в силе до тех пор, пока не была официально отменена в 1851 году, реальным следствием Унитарного эдикта от марта 1849 года, который претендовал на завершение периода революции путем предоставления одинаковых прав всем, было установление абсолютного правления и власти меча во всех владениях императора. Провинциальные учреждения, предоставлявшие некоторым немецким и славянским округам теневой контроль над их собственными местными делами, лишь подчеркивали различие между привилегированными и внушавшими страх частями Империи. Прошло десять лет, прежде чем австрийский народ снова увидел свободу. ^[434]

[Венгрия.]

[Румыны в Трансильвании.]

Венгерский сейм, узнав о передаче короны от Фердинанда Франциску Иосифу, отказался признать этот акт действительным на том основании, что это произошло без согласия законодательного органа и что Франциск Иосиф не был коронован королем Венгрии. К Фердинанду относились как к все еще правящему суверену, и война теперь, по мнению Венгрии, больше, чем когда-либо, стала войной в защиту установленного права, поскольку нападавшие на Венгрию были не только нарушителями устоявшейся конституции, но и агентами принца-узурпатора. Вся нация была призвана к оружию; и для того, чтобы в штабе не было колебаний, Кошут передал командование войсками на Дунае Гергею, молодому офицеру, о котором миру еще мало что было известно, кроме того, что он казнил графа Эжена Зичи, влиятельного дворянина, за поддержание связи с Желлачичем. В планы австрийского правительства входило немедленно напасть на Венгрию по Дунаю и от границы Галиции на северо-востоке. Сербь должны были двинуться из своих пограничных провинций против столицы; и другая раса, которую столетия угнетения наполнили лютой ненавистью к мадьярам, должна была быть брошена в борьбу. Основная масса населения Трансильвании принадлежала к румынскому роду. Мадьяры, известные здесь под именем секлерс, и община немцев, происходивших от иммигрантов, поселившихся в Трансильвании примерно в XII веке, составляли небольшое, но привилегированное меньшинство, в присутствии которого румынское крестьянство, бедное, дикое и абсолютно бесправное, чувствовало себя до 1848 года едва освобожденным от крепостной зависимости. В сейме Трансильвании главенствовали мадьяры, и, несмотря на сопротивление немцев, им удалось в мае 1848 года провести Акт об объединении страны с Венгрией. Этот акт был ратифицирован императором Фердинандом, но за ним последовало массовое восстание румынских крестьян, которые уже заявляли о своих притязаниях как отдельной нации и требовали равенства со своими угнетателями. Восстание румын действительно носило скорее характер аграрного восстания, чем движения за национальную независимость. Оно было отмечено чудовищной жестокостью; и хотя знамя

Габсбургов было поднято, австрийский комендант, генерал Пучнер, долго колебался, прежде чем оказать поддержку повстанцам. Наконец, в октябре он выступил против венгерского правительства. Союз регулярных войск с крестьянством на время подавил всякое сопротивление. Города перешли под власть Австрии, и хотя секлеры еще не были разоружены, Трансильвания, казалось, была потеряна для Венгрии. Генерал Пучнер получил приказ повести свои войска вместе с недавно сформированным румынским ополчением на запад, в Банат, чтобы участвовать в наступлении, которое должно было сокрушить венгров со всех концов королевства. ^[435]

[Австрийцы оккупируют Пеш, 5 января 1849 г.]

15 декабря Виндишграц, командующий основными силами австрийской армии, пересек реку Лейта, границу между германской и мадьярской территориями. Гергей, который был против него, с самого начала заявил, что Пешт должен быть оставлен и в Центральной Венгрии должна вестись оборонительная война. Кошут, однако, пренебрег этим советом и объявил, что будет защищать Пешта до последнего. Отсталость венгерских приготовлений и беспорядок в новых наборах оправдывали молодого генерала, который с этого времени занял позицию презрения и враждебности по отношению к Комитету обороны. На самом деле Кошуту странным образом помогла фортуна в выборе Гергея. Он повысил его до командования из-за одного непоправимого жестокого поступка против австрийского партизана и без каких-либо доказательств его военных способностей. В неопытном солдате он нашел генерала необычного мастерства; в предполагаемом приверженце мадьярского патриотизма он нашел военного политика, такого же своевольного и непокорного, как любой, кто когда-либо вмешивался в советы падающего государства. Разногласия и недопонимание усугубляли слабость венгров на поле боя. Позиция за позицией была потеряна, и вскоре стало очевидно, что парламент и правительство больше не могут оставаться в Пеште. Они отступили в Дебрецен за Тайссом, и 5 января 1849 года Виндишграц вступил в столицу. ^[436]

[Правительство Венгрии в Дебрецене.]

[Кошут и Гергей.]

Австрийцы теперь полагали, что война подошла к концу. На самом деле это было только начало. Крепость Коморн в верховьях Дуная оставалась в руках мадьяр; и, начав свое отступление на север, в горную местность, где австрийцы не могли преследовать его, Гергей получил возможность либо действовать против коммуникаций Виндишграца, либо соединиться с армией генерала Клапки, которому была поручена защита Венгрии от врага, наступавшего из Галиции. Пока Виндишграц бездействовал в Пеште, Клапка встретил и разгромил австрийскую дивизию под командованием генерала Шлика, которая пересекла Карпаты и двигалась на юг, в сторону Дебрецена. Теперь Гергей бросился на восток, на линию отступления разбитого врага, и армия Шлика избежала плена, только покинув свои коммуникации и найдя убежище у Виндишграца в Пеште. Концентрация мадьярских сил была произведена на реке Тайсс, и командование всей армией Кошут передал Дембинскому, поляку, отличившемуся в войнах с Наполеоном и в кампании 1831 года. Гергей, выступая в качестве представителя офицеров, находившихся на службе до революции, опубликовал обращение, в котором заявил, что армия не будет сражаться ни за что, кроме Конституции, установленной Фердинандом, законным королем, и что она не будет подчиняться никаким командам, кроме команд министров, которых назначил Фердинанд. Истолковав этот манифест как прямой акт неповиновения и как

предупреждение о том, что армия под командованием Гергея может самостоятельно договориться с австрийским правительством, Кошут прибегнул к опасному эксперименту по замене национальных командиров поляком, который был связан с революционной партией по всей Европе. Этот поступок имел катастрофические моральные последствия для армии, и как генерал Дембинский полностью не оправдал своей репутации. Позволив корпусу Шлика ускользнуть от него, он двинулся вперед от Тайса на Пеш. Он был встречен австрийцами и разбит при Капольне (26 февраля). Обе армии отступили на свои прежние позиции, и после заявления мадьярских генералов о том, что они больше не будут подчиняться его приказам, Дембинский был отстранен от командования, хотя он остался в Венгрии, чтобы еще раз вмешаться во зло перед концом войны.

[Австрийцы изгнаны из Венгрии, апрель.]

Борьба между Австрией и Венгрией достигла этой стадии, когда Шварценберг опубликовал Конституцию, объединяющую все провинциальные права в одной централизованной системе. Хорваты, сербы, румыны, которые так доверчиво встали под знамена императора, полагая, что они сражаются за свою собственную независимость, наконец обнаружили свое заблуждение. Их энтузиазм угас; самые смелые из них даже пытались оторвать своих соотечественников от австрийского дела; но было слишком поздно исправлять то, что уже было сделано. Еллаич, ныне неотличимый от любого другого австрийского генерала, высмеивал политиков Аграма, которые все еще бормотали об автономии Хорватии: Стратимирович, национальный лидер сербов, пал ниц перед своим соперником патриархом Карловицким, церковным деятелем, который предпочел церковные привилегии, предоставленные императором Австрии независимости, завоеванной на поле боя его соотечественниками. Если бы более мудрый или щедрый государственный деятель контролировал венгерское правительство в первые месяцы его деятельности, возможно, уже сейчас был бы заключен союз между мадьярами и подчиненными расами против венской централизации. Но недоверие и враждебность поднялись слишком высоко, чтобы посредники между славянами и мадьярами достигли какого-либо реального успеха, и даже сейчас из предложений о концессиях, которые были сделаны в Дебрецене, нельзя было извлечь никаких внятных обещаний самоуправления. Период ослепительного триумфа, казалось, действительно оправдывал то, что венгерское правительство твердо придерживалось своих суверенных притязаний. В руках способных лидеров никакая задача не казалась мадьярским войскам непосильной. Бем, прибыв в Трансильванию без единого солдата, создал новую армию и серией экстраординарных маршей и неожиданностей не только опрокинул противостоявшие ему австрийские и румынские войска, но и изгнал корпус русских, которых генерал Пучнер, доведенный до крайности, пригласил в гарнизон Германштадта. Гергей, возобновив в первую неделю апреля движение, в котором потерпел неудачу Дембинский, нанес австрийцам серию поражений, которые отбросили их обратно к стенам Пешта; в то время как Клапка, наступая на Коморн, освободил эту крепость и высадил в тылу австрийцев силы, которые угрожали отрезать их от Вены. Австрийское правительство напрасно отстранило Виндишграца от командования. Его преемник обнаружил, что со всех сторон вокруг него собираются силы, превосходящие его собственные. Он увидел, что Венгрия потеряна; и, оставив гарнизон в крепости Буда, он поспешно увел свою армию из столицы и приостановил отступление только тогда, когда достиг австрийской границы.

[Декларация независимости Венгрии, 19 апреля.]

Мадьяры, оправившись от своих первых поражений, блестяще добились освобождения своей земли. Венский двор, пытавшийся, пользуясь правом превосходства в силе, свергнуть установленную конституцию, доказал, что является низшей властью; и в смешанном восторге и негодовании было естественно, что партия и лидеры, которые были первыми в национальной борьбе Венгрии, сочли возобновленный союз с Австрией невозможным, а подчинение короне Габсбургов унижением. 19 апреля, после поражения при Виндишграце, но перед эвакуацией Пешта, сейм объявил, что Дом Габсбургов лишился своего трона, и провозгласил Венгрию независимым государством. Не было сделано никаких заявлений относительно будущей формы правления, но все указывало на то, что Венгрия, в случае успеха в сохранении своей независимости, станет Республикой, главой которой будет Кошут, который теперь был назначен губернатором. Даже при революционном разрыве древних уз было отдано дань уважения правовым и конституционным наклонностям венгерского сознания. В Декларации от 19 апреля ничего не говорилось о правах человека; не было парижской банальности о суверенитете народа. Необходимость независимости Венгрии была выведена из преступлений, которые Австрийский дом совершил против писаных и неписаных законов страны, преступлений, продолжавшихся веками и увенчавшихся вторжением при Виндишграце, уничтожением венгерской конституции указом от 9 марта и вторжением русских в Трансильванию. Несмотря на то, что обвинения, выдвинутые против династии Габсбургов, были окрашены и преувеличены мадьярским патриотизмом, они в целом соответствовали историческим фактам; и если дела государств не должны были руководствоваться никакими иными соображениями, кроме тех, которые связаны с выполнением контрактов, Венгрия, безусловно, доказала свое право выйти из партнерства с Австрией и ее австрийским сувереном. Но суд истории осудил провозглашение Кошутом независимости Венгрии в разгар борьбы 1849 года как большую политическую ошибку. Это не принесло никакой пользы; это углубило антагонизм, уже существующий между правительством и значительной частью армии; и хотя это добавило очагов внутреннего раздора, это придало окраску вмешательству России как направленному против революционного дела. Помимо своего катастрофического воздействия на непосредственный ход событий, она была основана на узком и неадекватном взгляде как на потребности, так и на возможности будущего. Даже в интересах самой мадьярской нации как европейской державы, вполне можно усомниться в том, что в отрыве от Австрии такое влияние и такой вес могла бы завоевать раса, численно слабая и окруженная враждебными национальностями, поскольку способности и политическая энергия мадьяр с тех пор помогли им направить накопленные силы Австро-Венгерской империи.

[Интервенция России против Венгрии.]

Обычно считалось фатальной ошибкой венгерского командования то, что после изгнания австрийской армии они не двинулись сразу на Вену, а вернулись для осады крепости Буда, которая сопротивлялась достаточно долго, чтобы дать возможность австрийскому правительству реорганизовать и умножить свои силы. Но вмешательство России, вероятно, было бы фатальным для независимости Венгрии, даже если бы Вена была захвачена и там на некоторое время установилось демократическое правительство в противовес двору в Ольмюце. План российской интервенции, хотя теперь это вмешательство объяснялось общностью интересов польских и венгерских повстанцев, не был чем-то новым. Вскоре после начала Мартовской революции царь пожелал послать свои войска как в Пруссию, так и в Австрию в

качестве восстановителей монархической власти. От имени короля Пруссии его помощь была отклонена; в Австрии этот проект обсуждался в моменты опасности, и после разгрома имперских войск в Трансильвании Бемом предложенная помощь была принята. Русские, которые тогда оккупировали Германштадт, однако, вошли в страну не в качестве комбатантов; их задачей было разместить гарнизоны на определенных позициях, все еще удерживаемых австрийцами, и таким образом освободить императорские войска для службы в полевых условиях. После провозглашения независимости Венгрии Франциску Иосифу стало необходимо принять помощь своего покровителя без оговорок или маскировки. Восьмидесятитысячная армия русских прошла маршем через Галицию, чтобы помочь австрийцам в борьбе с врагом, перед которым они пали в одиночку. Другие русские дивизии, в то время как Австрия сосредоточила свои войска в верховьях Дуная, вошли в Трансильванию с юга и востока, и мадьяры летом 1849 года оказались вынуждены защищать свою страну от сил, втрое превосходящих их собственные. ^[437]

[Летняя кампания в Венгрии, июль-август 1849 г.]

[Капитуляция Вилагоса, 13 августа.]

[Мечь Австрии.]

Когда стало известно, что царь решил бросить на чашу весов все свои силы, Кошут увидел, что никакие обычные военные операции не могут предотвратить поражение, и призвал своих соотечественников разрушить их дома. и имущество при приближении врага, и оставить захватчику пылающее и опустошенное одиночество. Но территория ведения боевых действий была слишком обширна для осуществления этого замысла, даже если бы нация была готова к столь отчаянному шагу. Защита Венгрии была возложена на ее армии, и Гергей стал ведущей фигурой в последовавшую за этим катастрофическую эпоху. В то время как правительство готовилось отступить в Сегедин, далеко на юго-востоке, Гергей занял пост в верховьях Дуная, чтобы встретить мощные силы, которые австрийский император разместил по приказу генерала Хайнау, солдата, чья энергия и свирепость в Италии сделали его настоящим бичом для венгров и обеспечили ему высшую гражданскую и военную власть. Гергей, естественно, полагал, что первой целью австрийского командующего будет соединение с русскими, которые под командованием Паскевича, завоевателя Карса в 1829 году, в настоящее время пересекали Карпаты; и поэтому он направил все свои усилия против левого фланга австрийской линии. Пока он безуспешно атаковал противника на реке Вааг к северу от Коморна, Хайнау с основной массой своих сил продвинулся на правый берег Дуная и захватил Рааб (28 июня). Гергей бросился на юг, но его попытки остановить Хайнау оказались тщетными, и австрийцы заняли Пеш (11 июля). Русские тем временем продвигались на юг независимым маршевым порядком. Их авангард достиг Дуная и Верховьев Тайса, и Гергей, казалось, был окружен врагом. Венгерское правительство умоляло его поспешить к Сегедину и Араду, где Кошут сосредоточивал все остальные дивизии для последнего сражения; но Гергей удерживал свои позиции около Коморна до тех пор, пока его отступление не могло быть осуществлено только путем обширного обхода на север, и прежде чем он смог достичь Арада, все было потеряно. Командующим снова был Дембинский. Ему было поручено защищать переправу Тайсс около Сегедина, но он не смог помешать австрийцам переправиться через реку и 5 августа потерпел поражение при Чореге с большими потерями. Кошут передал командование Берну, который поспешил из Трансильвании, где превосходящие силы, наконец, вырвали победу из его рук.

Берн провел последнее сражение кампании при Темешваре. Он был свергнут и отброшен на восток, но ему удалось переправить остатки своей армии через молдавскую границу и таким образом избежать пленения. У Гергея, который сейчас находился недалеко от Арада, возникла какая-то странная фантазия, что искать убежища на нейтральной территории было бы позором для его армии. Он повернул на север, чтобы встретиться с русскими, а не с австрийскими полками, и, не нанеся ни единого удара, не позаботившись даже о жизнях мирных жителей в своем лагере, он повел свою армию вглубь русских позиций в Вилагосе и безоговорочно сдался царским генералам. Его собственная жизнь была сохранена; никакой пощады не было проявлено к тем, кто был передан русскими австрийскому правительству в качестве его товарищей по заключению или кто был схвачен Хайнау по мере продвижения его войск. Трибуналы, больше напоминающие суды французского периода террора, чем суды цивилизованного правительства, отправляли на эшафот самых благородных патриотов и солдат Венгрии. К глубокому позору австрийской короны, граф Баттиани, министр Фердинанда, был включен в число тех, чьи жизни были принесены в жертву. Месть завоевателя казалась тем более неистовой и ненасытной, что она стала возможной только благодаря иностранной помощи. Раздавленная железным правлением, измученная войной, ставшая добычей правительства, которое знало только, как использовать своих подданных в качестве тюремщиков друг над другом, Венгрия на несколько лет погрузилась в молчание и почти в отчаяние. Все остатки его старых конституционных прав были уничтожены. Его территория была сокращена в результате отделения Трансильвании от Хорватии; его управление было передано немцам из Вены. Воинская повинность, введенная не для целей военной службы, а как вернейшее средство сломя национального духа, привела к тому, что молодежь записывалась в австрийские полки и изгонялась на окраины империи. Со времен войн семнадцатого века в истории Венгрии не было более мрачного периода, чем тот, который последовал за катастрофой 1849 года. ^[438]

[Итальянские дела, август 1848-март 1849 гг.]

[Убийство Росси, 15 ноября. Бегство Пия IX.]

[Римская республика, 9 февраля 1849 г.]

[Тоскана.]

Мрак, последовавший за победой Австрии, теперь опускался не только на Венгрию, но и на Италию. Перемирие, заключенное между Радецким и королем Пьемонта в Виджевано в августе 1848 года, длилось семь месяцев, в течение которых британское и французское правительства безуспешно пытались согласовать условия мира между воюющими сторонами. Поскольку военная тирания в ее самой жестокой форме сокрушала Ломбардию, было невозможно, чтобы Карл Альберт отказался от дела освобождения, которому он посвятил себя. Австрия, с другой стороны, теперь достаточно восстановила свои силы, чтобы отказаться от уступок, которые она предлагала ранее, и Шварценберг, придя к власти, объявил, что император сохранит Ломбардию любой ценой. Перспективы Сардинии в плане помощи со стороны остальной части полуострова были намного хуже, чем когда она взялась за оружие весной 1848 года. Проекты всеобщей итальянской федерации, военного союза между центральными штатами и Пьемонтом, Итальянского учредительного собрания сменяли друг друга и не давали результата. Неаполь вернулся к абсолютизму; Рим и Тоскана, от которых еще можно было ожидать помощи, были отвлечены внутренними раздорами и, как казалось, приближались к анархии. После

поражения Карла Альберта при Кустоцце Пий IX, который все еще с трудом исполнял свою роль конституционного монарха, призвал к власти Пеллеgrино Росси, итальянского патриота прежних времен, который с тех пор был послом Луи Филиппа в Риме и своей связью с орлеанистской монархией навлек на себя ненависть республиканской партии по всей Италии. Росси, как энергичного и независимого реформатора, так же ненавидели в клерикальных и реакционных кругах, как и демагоги и их последователи. Это, однако, не принесло ему никакой пользы, и 15 ноября, когда он направлялся к открытию Камер, он был убит неизвестной рукой. Напуганный этим преступлением и последовавшим за ним нападением на его собственный дворец, Пий бежал в Гаэту и отдал себя под защиту неаполитанского короля. Было создано Учредительное собрание и провозглашена Республика в Риме, между которым и правительством Сардинии было так мало общего, что Карл Альберт, если бы папа принял его защиту, послал бы свои войска, чтобы вернуть ему безопасное положение. В Тоскане дела находились в аналогичном состоянии. Великий герцог в течение нескольких месяцев считался искренним, хотя и сдержанным другом итальянского дела, и он даже говорил о том, чтобы отказаться от своей короны, если это будет на благо итальянской нации. Однако, когда папа бежал в Гаэту и был открыто провозглашен проект объединения Тосканы с римскими государствами в Республику, великий герцог, движимый больше гневом Пия против своих грабителей, чем заботой о собственной короне, в свою очередь бежал, оставив республиканцев хозяевами Флоренции. Жалкая демонстрация тщеславия, буйства и бахвальства была устроена миру политиками Тосканского государства. Как во Флоренции, так и в Риме всякое понимание истинных потребностей момента, абсолютной бесполезности внутренних изменений в правительстве, если Австрия хотела сохранить свое господство, казалось, исчезло из умов людей. Республиканские призраки смущали сердца и разум; ни один солдат, ни один военный администратор не встал на сторону риториков и главарей толпы, заполнивших сцену, пока не стало слишком поздно; и когда 19 марта перемирие в Верхней Италии подошло к концу, Пьемонт вышел на поле боя в одиночку. ^[439]

[Кампания "Матч", 1849 г.]

[Битва при Новаре, 23 марта.]

Начавшаяся кампания длилась всего пять дней. В то время как Карл Альберт разбросал свои войска от Лаго Маджоре до Страделлы к югу от По, надеясь двинуться северной дорогой на Милан, Радецкий сосредоточил свои войска близ Павии, где он намеревался пересечь Тичино. В злополучный момент Чарльз Альберт передал командование своей армией поляку Хшановскому и доверил южную дивизию, состоящую в основном из ломбардских добровольцев, другому поляку, Раморино, который участвовал во вторжении Мадзини в Савойю в 1833 году. Тогда Раморино, справедливо или нет, навлек на себя обвинение в предательстве. Его отношения с Хшановским носили наихудший характер, и привычки к военному повиновению ему не хватало так же сильно, как чувства верности государю, от которого он теперь принял командование. Своенравие этого авантюриста сделало пьемонтскую армию легкой добычей. Раморино был размещен к югу от реки По, недалеко от ее слияния с рекой Тичино, но после начала боевых действий получил приказ двигаться на север и защищать переправу через реку Тичино в Павии, разрушив мосты за собой. Вместо того чтобы подчиниться этому приказу, он оставил свою дивизию в районе Страделлы. Радецкий, приблизившись к Тичино у Павии, обнаружил, что проход не охраняется. Он переправился через реку с основной массой своей армии и, отрезав дивизию Раморино, ударил во фланг

рассеянными пьемонтцами. Шарль Альберт, штаб-квартира которого находилась в Новаре, поспешил на юг. Прежде чем он смог сосредоточить свои войска, австрийцы атаковали его в Мортаре и отбросили назад. Линия отступления на Турин и Алессандрию была уже потеряна; была предпринята попытка удержать Новару от наступающих австрийцев. Сражение, разыгравшееся перед этим городом 23 марта, закончилось полным разгромом сардинской армии. Деморализация войск была настолько полной, что кавалерия была вынуждена атаковать отряды полубезумной пехоты на улицах Новары, чтобы спасти город от разграбления. ^[440]

[Отречение Чарльза Альберта.]

Чарльз Альберт на протяжении всей битвы 23-го, казалось, искал смерти. Упреки, выдвинутые против него за оставление Милана в предыдущем году, обвинения в предательстве, которые пробудили к новой жизни печальный отчет о его колебаниях в 1821 году, запали в самую глубину его существа. Слабый и нерешительный в своей ранней политической карьере, суровый и нелиберальный по отношению к пионерам итальянской свободы на протяжении большей части своего правления, Карл отдал все свое сердце и душу последней борьбе своей страны против Австрии. Эта борьба проиграна, в жизни для него больше ничего не было. Личная ненависть, которую питали к нему правители Австрии, заставила его поверить, что Пьемонту могли бы быть предоставлены более легкие условия мира, если бы на его троне был другой государь, и его решение в случае поражения было твердо принято. Когда после битвы при Новаре наступила ночь, он созвал своих генералов и в их присутствии отрекся от короны. Навсегда попрощавшись со своим сыном Виктором Эммануилом, который, плача, преклонил перед ним колени, он покинул армию в сопровождении всего одного сопровождающего и прошел неузнанным сквозь вражескую охрану. Он оставил свою королеву, свою столицу без посещения, отправившись в изгнание. Краткий остаток своей жизни он провел в одиночестве недалеко от Порту. Через шесть месяцев после битвы при Новаре его унесли в могилу.

[Начало правления Виктора Эммануила.]

О Карле Альберте можно с уверенностью сказать, что ничто в его правлении так не повлияло на него, как его окончание. Каким бы безнадежным ни казался конфликт 1849 года, он доказал, что в Италии был один правитель, который был готов поставить на карту свой трон, свою жизнь, всю сумму своих личных интересов ради национального дела; одна династия, сыновья которой не знали страха, кроме того, что другие встретят смерть раньше них за Италию. Если бы самая глубокая государственная мудрость, самый острый политический гений руководил советами Пьемонта в 1849 году, он, полностью предвидя гибель Новары, призвал бы государя и армию нанести самопожертвованию свой последний удар без посторонней помощи. С этого времени существовал только один возможный маршрут в Италию. Ошибки туринского правительства в годы мира Карла Альберта перестали иметь какое-либо отношение к итальянским делам; самые острые языки больше не повторялись, самые доверчивые уши больше не питали клеветы 1848 года; человек, который, будучи разбитым и в меньшинстве, часами неподвижно сидел перед австрийскими пушками в Новаре, в глубине своего несчастья отдал своему сыну не только корону Пьемонта, но и корону Италии. Честь и патриотизм сделали молодого Виктора Эммануила надеждой сардинской армии; те же честь и патриотизм благополучно провели его мимо соблазнов, которые Австрия расставляла наследнику разоренного королевства, и в первые часы его правления убедили в правильности политики, которая должна была закончиться объединением Италии. Ему было необходимо навестить Радецкого в его лагере,

чтобы договориться о предварительных условиях заключения мира. Там, среди лести, предложенной ему за счет отца, ему сообщили, что, если он отменит Конституцию, созданную его отцом, он может рассчитывать не только на легкий разрыв с завоевателем, но и на дружбу и поддержку Австрии. Это требование, хотя на нем настойчиво настаивали в ходе последующих переговоров, Виктор Эммануэль безоговорочно отклонил. Ему пришлось некоторое время терпеть присутствие австрийских войск в своем королевстве и выплатить контрибуцию, которая тяжелым бременем легла на столь маленькое государство; но свободы его народа остались нетронутыми, а обещание, данное его отцом, нерушимым. Среди крушения всех надежд и банкротства всех других королевских репутаций по всей Италии оказался один человек, одно правительство, которому итальянский народ мог доверять. Эта компенсация, по крайней мере, была дана в результате бедствий 1849 года, которые предатели дела Италии и свободы не смогли снова обмануть, а мечта о федерации князей снова не заслонила необходимость единого национального правительства. В верности Виктора Эммануила Пьемонтской конституции заключалось обещание, что, когда у Италии появится следующая возможность, там будет вождь, который удовлетворит потребности нации.

[Рестаурация в Тоскане.]

[Рим и Франция.]

[Французское вмешательство определено.]

Битва при Новаре продолжалась недолго, когда великий герцог Тосканский был восстановлен на троне австрийским гарнизоном, а его покойный министр-демократ Герацци, который пытался путем подчинения придворной партии предотвратить австрийскую оккупацию, был отправлен в тюрьму. В Риме был проявлен гораздо более смелый дух. Мадзини прибыл в первую неделю марта, и, хотя его призыв к Римскому собранию забыть обиды Карла Альберта и объединиться против австрийцев в Ломбардии прозвучал слишком поздно, он смог, как один из Триумvirата с диктаторскими полномочиями, вложить большую часть своего пыла в поддержку римского населения в защиту их собственного города и государства. Враг, от которого нужно было защищать Рим, действительно оказался иным, чем тот, против которого велись приготовления. Победы Австрии вызвали опасения у французского правительства; и хотя падение Пьемонта и Ломбардии теперь уже нельзя было отменить, Луи Наполеон и его министры решили предвосхитить восстановление Австрией папской власти путем отправки французских войск в Рим. Все традиции французской национальной политики действительно указывали на такое вмешательство. Австрия уже вторглась в Римские государства с севера, и политические условия, которые в 1832 году побудили такого миролюбивого министра, как Казимир Перье, оккупировать Анкону, теперь проявились с гораздо большей силой. Луи Наполеон не мог, не отказавшись от признанных интересов и не отказавшись отчасти от должного влияния Франции, позволить австрийским генералам проводить папу обратно в его столицу и принять на себя управление Центральной Италией. Если бы первые импульсы революции 1848 года все еще действовали во Франции, ее вмешательство, вероятно, приняло бы форму прямого союза с Римской Республикой; но общественное мнение после Четырех июньских дней продвинулось далеко в противоположном направлении; и новый президент, если он не забыл свои юношеские отношения с карбонариями, теперь был претендентом на твердую поддержку французских консервативных и религиозных чувств. Его министры не признали Римскую республику. Они, без сомнения, были друзьями свободы; но когда стало

ясно, что австрийцы, испанцы, неаполитанцы полны решимости восстановить Папу, можно было предположить, что продолжение существования Римской республики было невозможно. Франция, как католическая и в то же время либеральная держава, вполне могла бы в этих обстоятельствах заняться примирением римской свободы с неизбежным возвращением Святого Отца на его светский престол. События развивались слишком быстро для дипломатии; войска должны быть отправлены немедленно, иначе следующий французский посланник найдет Радецкого на Тибре. Опасения республиканской части Собрания в Париже были утихомирены заверениями Франции в великодушных намерениях правительства по отношению к римскому населению и в его стремлении защитить его от австрийского господства, президент, министры и генералы решительно закрыли глаза на возможность того, что французской оккупации Рима могут противостоять силой сами римляне; и 22 апреля отряд численностью около десяти тысяч человек отплыл в Чивита-Веккья под командованием генерала Удино, сына маршала с таким именем.

[Французы в Чивита-Веккья, 25 апреля 1849 г.]

[Удино атакует Рим и отбит, 30 апреля.]

Перед высадкой на итальянском побережье французский генерал отправил послов к властям в Чивита-Веккья, заявив, что его войска пришли как друзья, и потребовав, чтобы их впустили в город. Муниципальный совет решил не оказывать сопротивления, и французы, таким образом, закрепились на итальянской земле и получили базу для своих операций. От французских дипломатов в Риме поступали сообщения, призывающие генерала наступать без промедления. Говорили, что основная масса населения будет рада его появлению; демократическая фракция, пусть и безрассудная, была слишком мала, чтобы оказать какое-либо серьезное сопротивление, и исчезнет, как только французы войдут в город. Однако на этот счет Удино быстро развеялся. В ответ военному посланнику, который был направлен заверить триумвиров в благожелательных намерениях французов, Мадзини прямо ответил, что никакое примирение с папой невозможно; и 26 апреля Римское собрание призвало исполнительную власть отразить нападение силой. Удино объявил осадное положение в Чивита-Веккья, захватил цитадель и разоружил гарнизон. 28-го он начал свой поход на Рим. По мере его приближения велись энергичные приготовления к сопротивлению. Гарибальди, сражавшийся во главе свободного корпуса против австрийцев в Верхней Италии в 1848 году, теперь привел в Рим несколько сотен своих последователей. Полк ломбардских добровольцев под командованием их молодого лидера Манары бежал после катастрофы при Новаре и прибыл сражаться за свободу в свой последний оплот на итальянской земле. Герои, изгнанники, головорезы со всех концов полуострова встретились на улицах Рима и придали его жителям энергию и решительность, на которые мир долгое время считал их неспособными. Даже остатки папской гвардии приняли участие в обороне. Удино, наступавший со своим небольшим семитысячным корпусом, оказался без тяжелой артиллерии перед городом, все еще защищенным своими древними укреплениями, и в присутствии отряда бойцов, более решительных, чем его собственные войска, и вдвое более многочисленных. Он атаковал 30-го, был остановлен на каждом рубеже и вынужден отступить в направлении Чивита-Веккья, оставив двести пятьдесят пленных в руках противника. ^[441]

[Политика Франции, апрель-май.]

Каким бы незначительным ни было это несчастье французского оружия, оно вызвало немалый

переполох в Париже и Ассамблее. Правительство, заявившее, что вооружение предназначалось только для защиты Рима от Австрии, подверглось резким упрекам в двуличии, и было проведено голосование с требованием не отвлекать экспедицию от поставленной перед ней цели на постоянной основе. Если бы Ассамблея не была на грани роспуска, это, вероятно, вынудило бы правительство к реальному изменению политики. Однако до всеобщих выборов оставалось всего несколько дней, и до тех пор, пока не будут известны результаты этих выборов, министерство решило тянуть время. М. Лессепс, с тех пор известный как создатель Суэцкого канала, был направлен в Рим с инструкциями провести переговоры о каком-либо мирном урегулировании. Более честный, чем его работодатели, Лессепс всем сердцем и душой стремился выполнить свою задачу. Пока он трудился в городе и лагере, во Франции состоялись выборы, которых ждали президент и министры, в результате которых вернулось консервативное и реакционное большинство. Новое Собрание собралось 28 мая. В течение следующих нескольких дней Лессепс принял условия, предложенные римским правительством, которые не позволили бы французам войти в Рим. Удино, который находился в открытом конфликте с посланником на протяжении всей его миссии, отказался от его санкции на подписание договора, и разногласия между генералом и дипломатом все еще были в самом разгаре, когда из Парижа прибыли депеши, в которых сообщалось, что полномочия, данные Лессепсу, подошли к концу, и предписывалось Удино возобновить военные действия. Предлог о дальнейших переговорах был бы неуместен в новом парламенте. 4 июня французский генерал, теперь уже сильно усиленный, занял позиции, необходимые для регулярной осады Рима.

[Попытка восстания во Франции, 13 июня.]

[Французы входят в Рим, 3 июля.]

Против сил, которые теперь были приведены в действие, Римская республика не могла долго защищаться. Оставалась одна надежда, и она заключалась в революции внутри самой Франции. Недавние выборы объединили, с одной стороны, все консервативные интересы, с другой - социалистов и все более экстремистские фракции Республиканской партии. Было решено, что по римскому вопросу сначала должна быть произведена проба сил внутри самого Собрания и что, если большинство там будет твердо стоять на своем, следует обратиться с призывом к восстанию. Соответственно, 11 июня, после того как в Париже было объявлено о возобновлении военных действий, Ледрю Роллен потребовал отстранения министерства от должности. Его ходатайство было отклонено, и был дан сигнал к вспышке не только в столице, но и в Лионе и других городах. Но правительство было настороже, и напрасно ресурсы революции снова были пущены в ход. Генерал Шангарнье подавил без кровопролития беспорядки в Париже 13 июня; и хотя в Лионе имели место бои, восстание оказалось слабым по сравнению с движениями предыдущего года. Луи Наполеон и его министерство остались непоколебимы, и, соответственно, осада Рима была доведена до конца. Удино, который в начале месяца захватил позиции, удерживаемые римскими войсками за пределами стен, 14-го числа открыл огонь из тяжелой артиллерии. Оборона доблестно поддерживалась Гарибальди и его спутниками до конца месяца, когда пробитые в стенах бреши были взяты штурмом врагом, и дальнейшее сопротивление стало невозможным. Французы вступили в Рим 3 июля, Гарибальди повел свои войска на север, чтобы продлить борьбу с австрийцами, которые теперь владели Болоньей, и, если возможно, добраться до Венеции, которая все еще была не захвачена. Отброшенный к восточному побережью и окруженный врагом, он был вынужден выйти в море. Он снова высадился, но только для того, чтобы за ним охотились по горам и лесам. Его жена

умерла рядом с ним. Спасенный преданностью итальянских патриотов, он бежал в Пьемонт, а оттуда в Америку, чтобы вновь предстать во всей красе своих героических подвигов и страданий во время следующего великого кризиса в истории своей страны.

[Восстановленное папское правительство.]

Для французской армии было легкой задачей завоевать Рим; французскому правительству было не так-то просто избежать неприятностей, связанных с его победой. Либерализм все еще был официальным кредо республики, и защита римского населения от реакции под эгидой Австрии была одной из предполагаемых целей итальянской экспедиции. Однако во время осады с папой не было оговорено никаких условий относительно будущих институтов Рима; и когда 14 июля Удино официально объявил о восстановлении папской власти, Пий и его министр Антонелли все еще оставались свободными от каких-либо обязательных обязательств. Понтифик также не проявлял ни малейшего желания отдавать себя во власть своих защитников. Он остался в Гаэте, отправив комиссию из трех кардиналов принять на себя управление Римом. Первые действия кардиналов развеяли все иллюзии, которые могли сложиться у французов относительно покорности Святого Престола. В присутствии французской республиканской армии они восстановили инквизицию и назначили Комиссию для привлечения к суду всех должностных лиц, скомпрометированных в событиях, произошедших после убийства Росси в ноябре 1848 года. Действие кардиналов произвело столь сильное впечатление на общественное мнение, что Луи Наполеон счел за благо лично выступить на ристалище от имени римской свободы; и в письме полковнику Нею, сыну маршала, он языком крайнего насилия осудил усилия, предпринимаемые партией, враждебной Франции, обосновать возвращение папы проскрипциями и тиранией. Сильное поддержкой Австрии и других католических держав, папское правительство в Гаэте отнеслось к этой угрозе с безразличием и даже сделало невежливость президента основанием для отказа от уступок. О восстановлении Конституции, дарованной Пием в 1848 году, теперь не могло быть и речи; все, на что могло надеяться французское министерство, - это спасти некоторые фрагменты в общем крушении представительного правления и предотвратить месть, которая, казалось, могла обрушиться на побежденную сторону. Папский эдикт, известный как *Motu Proprio*, в конечном счете наделил муниципалитеты определенными местными полномочиями и предоставил Совету, назначаемому Папой из числа лиц, выбранных муниципалитетами, право консультироваться по финансовым вопросам. Большого Пий предоставить отказался, и когда он вернулся в Рим, то уже как абсолютный суверен. В своих усилиях от имени большого числа лиц, которым угрожало судебное преследование, французское правительство добилось большего успеха. Так называемая амнистия, опубликованная Антонелли *Motu Proprio*, по-видимому, действительно имела своей целью классификацию жертв, а не объявление о помиловании; но под давлением французов число освобожденных лиц постепенно уменьшалось, и в конце концов всем было позволено избежать других наказаний, отправившись в изгнание. Тем, кто был изгнан из своих домов, Пьемонт предложил убежище.

[Падение Венеции, август. 25.]

[Сицилия, завоеванная Фердинандом, апрель, май.]

Таким образом, покров священнического абсолютизма и плохого правления снова опустился на римские государства, и чем глубже становилась враждебность образованных классов к восстановленной власти, тем активнее становилась система репрессий. Что касается личной

свободы, то здесь не было никакой гарантии, и, хотя преступления 1848 года теперь были официально амнистированы, тюрьмы вскоре были переполнены лицами, арестованными по неопределенным обвинениям и содержащимися под стражей неограниченное время без суда. Положение Рима не было более плачевным, чем Италии в целом. Восстановление австрийской власти на севере завершилось падением Венеции. В течение нескольких месяцев после покорения материка Венеция, где вновь была провозглашена Республика и Манин был возвращен к власти, противостояла всем усилиям войск императора. Его надежды были подкреплены победами венгров, которые на мгновение показались почти устраняющими катастрофу при Новаре. Но с исчезновением всякой возможности получения венгерской помощи наступил неизбежный конец. Холера и голод были на стороне врага; и через две недели после того, как Гергей сложил оружие в Вилагосе, долгое и благородное сопротивление Венеции закончилось вступлением австрийцев (25 августа). На юге Фердинанд Неаполитанский снова правил как деспот на всей территории своих владений. Палермо, нанесший первый удар по свободе в 1848 году, вскоре после этого стал резиденцией сицилийского парламента, который сверг династию Бурбонов и предложил трон Сицилии младшему брату Виктора Эммануилу. На это Фердинанд ответил отправкой флота в Мессину, который бомбардировал этот город в течение пяти дней и превратил большую его часть в пепел. Его насилие вынудило вмешаться британский и французский флоты, и военные действия были приостановлены до весны 1849 года, поскольку западные державы безуспешно пытались найти какой-то компромисс, приемлемый одновременно для сицилийцев и династии Бурбонов. После триумфа Радецкого при Новаре и отклонения парламентом Сицилии предложения об отдельной конституции и управлении островом Фердинанд отказался больше бездействовать. Его флот и армия двинулись из Мессины на юг, и победа, одержанная у подножия Этны над сицилийскими войсками, за которой последовал захват Катании, положила конец борьбе. Собрание в Палермо разошлось, и 15 мая неаполитанские войска без сопротивления вступили в столицу. Напрасно Великобритания теперь убеждала Фердинанда предоставить Сицилии свободы, о которых он до сих пор заявлял, что готов их предоставить. Он был автократом и намеревался им остаться. На материке беззакония, творимые его агентами, по-видимому, были даже хуже, чем на Сицилии, где были предприняты по крайней мере некоторые попытки использовать власть государства в целях материального улучшения. Для тех, кто навлек на себя враждебность правительства Фердинанда, не существовало ни закона, ни пощады. Подданным этого упрямого тирана еще предстояло вынести десять лет насилия и угнетения, осужденных голосом более свободных стран, прежде чем настал час расплаты, и глубоко укоренившаяся вражда между Сицилией и Неаполем, причинившая столько вреда делу свободы Италии, была улажена падением трона Бурбонов. ^[442]

[Германия с мая 1848 г.]

[Национальное собрание во Франкфурте.]

[Избранный администратор эрцгерцога Иоанна, 29 июня.]

К настоящему времени мы проследили этапы конфликта между старым монархическим порядком и революционными силами в Австрийской империи и в той средиземноморской стране, судьба которой была так тесно переплетена с судьбой Австрии. Теперь мы должны вернуться в Германию и возобновить историю немецкой революции с того момента, когда национальное движение, казалось, сконцентрировалось в зримой форме, - с открытия

парламента во Франкфурте 18 мая 1848 года. То, что Собрание, представляющее весь немецкий народ, избранное с безграничным энтузиазмом и включающее в себя почти каждого выдающегося политического или интеллектуального деятеля, сочувствующего национальному делу, сможет навязать свою волю пошатнувшимся правительствам отдельных немецких государств, не было противоестественной верой в обстоятельства момента. Ни одна вторая палата не представляла интересов правящих домов, и у них не было внутри самой Ассамблеи органов для выражения своих собственных реальных или нереальных притязаний. Обладая всей свободой дискуссионного клуба или суверенного органа, подобного Французскому конвенту, парламент Франкфурта приступил к своей работе по обновлению Германии, ограниченный только своим собственным усмотрением относительно того, что он должен делать предметом консультаций с любой другой державой. В Германии насчитывалось тридцать шесть правительств, и переговоры с каждым из них о будущей Конституции вполне могли показаться более сложной задачей, чем обеспечение соблюдения Конституции всеми одинаково. При создании временного исполнительного органа власти возникла примерно такая же трудность. Каждое из крупных государств могло, если с ним посоветоваться, воспротивиться выбору временного главы из числа своих соперников; и хотя риск смелых действий не отрицался, Ассамблея, по просьбе своего президента Фон Гагерна, бывшего министра Гессен-Дармштадта, решила назначить Администратора Империи прямым собственным голосованием. Эрцгерцог Иоанн Австрийский, давно известный как враг репрессивной системы Меттерниха и покровитель идеи объединения Германии, был избран администратором, и он принял этот пост. Пруссия и другие государства согласились с этой кандидатурой, хотя выбор принца Габсбургов был непопулярен прусской нацией и армией и не улучшил отношений между Франкфуртским собранием и берлинским двором. ^[443] Австриец Шмерлинг был поставлен во главе министерства эрцгерцога.

[Национальное собрание. Май-сентябрь.]

При подготовке Конституции Германии Ассамблее мало чем могла помочь работа законодателей других стран. Бельгия, чьи институты были одновременно недавними и успешными, не была федеративным государством; основателям Американского союза не приходилось считаться с четырьмя королями и включать в свою федеральную территорию часть владений императора. Вместо того чтобы сразу же бороться с огромными трудностями политической организации, Комитет, которому было поручено разработать проект Конституции, решил в первую очередь закрепить принципы гражданского права, которые должны были лечь в основу Германского содружества. Было что-то от научного духа немцев в разработке таким образом основы публичного права, на которой должны были покоиться все другие институты; более того, воспоминание о Карлсбадских декретах и о других исключительных законодательных актах, от которых Германия так сильно пострадала, возбудило настоятельное требование самых серьезных гарантий против произвольного отступления от установленного права в будущем. Таким образом, несмотря на отсутствие какой-либо материальной силы, с помощью которой можно было бы привести в исполнение свои выводы, Ассамблея в перерывах между бурными дебатами о политике того времени с философской тщательностью проследила последствия принципов личной свободы и равенства перед законом и сформировала порядок современного общества, в котором были одинаково устранены классовые привилегии, разнообразие юрисдикций и ограничения феодализма в промышленной жизни. Прошло четыре месяца, а обсуждение так называемых Первичных прав все еще оставалось незавершенным, когда вспышка народного насилия во Франкфурте предупредила Ассамблею о

необходимости поспешить с конституционным урегулированием.

[Перемирие в Мальме, 26 августа.]

[Беспорядки во Франкфурте, сентябрь. 18.]

За ходом восстания в Шлезвиг-Гольштейне против датского суверенитета с величайшим интересом наблюдала вся Германия; и считалось, что борьба этих провинций за свою независимость глубоко затронула права и честь немецкой нации в целом. Как представитель федеральной власти, король Пруссии Фридрих Вильгельм направил свои войска в Гольштейн, и они прибыли туда вовремя, чтобы помешать датской армии развить свои первые успехи и сокрушить силы повстанцев. Перейдя в наступление, генералу Врангелю во главе прусских войск удалось вытеснить датчан из Шлезвига, а в начале мая он пересек границу между Шлезвигом и Ютландией и занял датскую крепость Фредерисия. Его наступление на чисто датскую территорию вызвало дипломатическое вмешательство России и Великобритании; и, к глубокому разочарованию германской нации и ее парламента, король Пруссии приказал своему генералу отступить в Шлезвиг. Датчане тем временем блокировали гавани и захватывали торговые суда немцев, поскольку ни у Пруссии, ни у федерального правительства не было военного флота. В течение нескольких недель в Шлезвиге нерешительно продолжались военные действия, в то время как в иностранных столицах велись переговоры и иностранные державы настаивали на различных формах компромисса. Наконец, 26 августа в шведском Мальме представителями Дании и Пруссии было согласовано семимесячное перемирие, при этом копенгагенский суд отказался признать центральное правительство Германии во Франкфурте или допустить его посланника на конференции. Условия этого перемирия, когда они были объявлены в Германии, вызвали величайшее возмущение, поскольку они объявили все действия Временного правительства Шлезвиг-Гольштейна недействительными, вывели все немецкие войска из герцогств и передали их управление на время перемирия Комиссии, половина членов которой должна была назначаться королем Дании. Как бы пренебрежительно Дания ни относилась к Франкфуртской ассамблее, условия перемирия, тем не менее, требовали ее санкции. Вопрос был передан в комитет, который под влиянием историка Дальманна, который сам в прошлом был чиновником в Гольштейне, высказался за отклонение договора. Собрание, охваченное большим волнением, постановило, что выполнение мер, связанных с перемирием, должно быть приостановлено. В результате министерство ушло в отставку, и Дальманну пришлось заменить его другим министерством под своим собственным руководством. Он оказался неспособным этого сделать. Шмерлинг вступил в должность и потребовал, чтобы Ассамблея отменила свое голосование. Хотя в отрыве от Пруссии центральное правительство не имело реальных средств для ведения войны с Данией, этому требованию было оказано самое яростное сопротивление. Однако в конечном итоге перемирие было ратифицировано небольшим большинством. Потерпев поражение в Ассамблее, лидеры крайне демократической фракции объединились с населением Франкфурта, которое было готово к актам насилия. Проводились бурные собрания; депутаты, проголосовавшие за перемирие, были объявлены предателями Германии. Были возведены баррикады, и хотя появление прусских войск предотвратило нападение на Собрание, на его членов напали на улицах, и двое из них были убиты толпой (17 сентября). В Бадене снова была предпринята попытка республиканского восстания, но оно было подавлено без трудностей. ^[444]

[Берлин, апрель-сентябрь 1848 г.]

Вмешательство иностранных дворов в пользу Дании дало прусскому правительству очевидные основания для того, чтобы не продолжать войну с большей решимостью; но хотя страх перед Россией, несомненно, сдерживал короля Фридриха Вильгельма, это было не единственным и, возможно, не самым мощным влиянием, которое на него оказало. Дело Шлезвиг-Хольштейна было, несмотря на его правовую основу, в основном народным и революционным, и между королем Пруссии и революцией существовал интенсивный и постоянно углубляющийся антагонизм. Со времени заседания Национального собрания в Берлине 22 мая столица была ареной почти непрерывных беспорядков. Собрание, которое по способностям и характеру намного уступало собранию Франкфурта, вскоре показало, что не в состоянии противостоять влиянию населения. 8 июня была внесена резолюция о том, что участники мартовского восстания заслуживают блага своей страны. Если бы это предложение было принято, король распустил бы Собрание: оно получило большинство голосов, но толпа наказала за эту уступку чувствам монарха оскорблениями членов большинства. Гражданская гвардия была набрана из граждан среднего класса, но она оказалась неспособной поддерживать порядок и совершенно не приобрела того политического значения, которое приобрела Национальная гвардия Парижа после революции 1830 года. Разъяренная тем, что их исключили из службы в гвардии, толпа 14 июня взяла штурмом арсенал и уничтожила найденные там оружейные трофеи. Хотя на улицах царилло насилие, Ассамблея отклонила предложение объявить о неприкосновенности своих членов и взяла себя под защиту граждан Берлина. Король Фридрих Вильгельм удалился в Потсдам, где вокруг него собрались лидеры реакции. Он ненавидел своих конституционных министров, которые из-за раздражительного короля и подозрительного парламента были неспособны выполнять какую-либо полезную работу и вскоре оказались вынуждены оставить свой пост. В Берлине насилие рабочего класса, остановка бизнеса, пример гражданской войны в Париже склонили людей спокойного склада к возвращению к оседлому правлению любой ценой. Меры, выдвинутые новым министерством по отмене вотчинных юрисдикций, прав на охоту и других феодальных привилегий крупных землевладельцев, привели к организации лиги защиты собственности, которая вскоре оказалась в центре внимания влиятельных консервативных кругов. Прежде всего, претензии эрцгерцога Иоанна, как администратора империи, на уважение армии и враждебное отношение к армии со стороны самого прусского парламента вызвали раздражение военного класса и побудили короля отважиться на открытое сопротивление. После беспорядков в Швейднице в Силезии, в ходе которых солдаты застрелили несколько человек, Ассамблея, ожидая расследования обстоятельств, потребовала, чтобы военный министр издал приказ, требующий от офицеров армии сотрудничать с гражданами для осуществления Конституционного правления; и она призвала всех офицеров, не склонных к конституционному строю, сложить свои полномочия в качестве вопроса чести. Отрицая право Палаты действовать в качестве военной исполнительной власти, военный министр отказался опубликовать требуемый приказ. Голосование было повторено, и в разгар угрожающих демонстраций на улицах министерство ушло в отставку (7 сентября). ^[445]

[Прусская армия.]

[Министр граф Бранденбург, 2 ноября.]

[Отсрочка Прусского собрания, 9 ноября.]

Отличительной чертой прусской революции было то, что армия ни на минуту не колебалась в своей верности трону. Успех восстания 18 марта был обусловлен нехваткой войск и ошибками

командования, а не каким-либо недовольством военных, которое парализовало власть в Париже и средиземноморских государствах. Каждое оскорбление, нанесенное армии демократическим большинством в Ассамблее, снабжало короля новым оружием; каждое пренебрежение к королевской власти усиливало негодование офицеров. Мальменское перемирие вернуло в окрестности столицы генерала, который стремился сокрушить партию беспорядков, и полки, на которые он мог положиться; но хотя теперь не было военных причин для промедления, только после того, как взятие Вены Виндишграцем нанесло смертельный удар демократии в Германии, Фридрих Вильгельм решил покончить со своим собственным мятежным парламентом и чернью, которой он управлял. В течение сентября и октября беспорядки на улицах Берлина продолжались. Ассамблея, которая отклонила проект Конституции, представленный ей Кабинетом министров, обсудила пункты Конституции, составленной Комитетом из ее собственных членов, отменила дворянство, ордена и титулы и вычеркнула из стиля обращения государя слова, которые описывали его как короля Милостью Божьей. Когда в Берлин поступили сведения о том, что наступление Виндишграца на Вену действительно началось, народные страсти удвоились. Собрание было осаждено разъяренной толпой, и в Палате представителей была внесена резолюция в пользу вмешательства Пруссии. Это предложение было отклонено, и вместо этого было решено прибегнуть к посредничеству Центрального правительства во Франкфурте между императором и его подданными. Но решение Ассамблеи по этому и любому другому вопросу теперь было безразлично. События опередили его обсуждения, и с падением Вены все пошло своим чередом. 2 ноября король отправил в отставку своих министров и призвал к исполнению своих обязанностей графа Бранденбургского, побочного сына Фридриха Вильгельма II, военнослужащего высшего командования и одного из самых откровенных представителей монархического духа армии. Значение этого назначения было сразу понято. Депутация Ассамблеи передала свой протест королю в Потсдаме. Король повернулся к ним спиной, не дав ответа, и 9 ноября был издан приказ о переносе Собрания и назначении его на 27-е число в Бранденбурге, а не в Берлине.

[Последние дни работы Прусского собрания.]

[Роспуск Собрания, 5 декабря.]

[Конституция Пруссии, утвержденная эдиктом.]

Приказ о переносе сроков, как только он был подписан королем, был внесен в Ассамблею министрами, которые потребовали, чтобы он был выполнен немедленно и без обсуждения. Президент разрешил начать дебаты, министры и семьдесят восемь депутатов-консерваторов покинули зал. Затем оставшиеся депутаты, числом двести восемьдесят человек, приняли резолюцию, в которой объявлялось, что они не будут собираться в Бранденбурге; что король не имеет права смещать, откладывать или распускать Ассамблею без ее собственного согласия; и что министры непригодны к исполнению своих обязанностей. Ответом на этот вызов стало заявление министров, в котором они объявили дальнейшее собрание депутатов незаконным и призвали Гражданскую гвардию не признавать их парламентом. На следующий день генерал Врангель и его войска вошли в Берлин и окружили зал заседаний. В ответ на протесты президента Врангель ответил, что парламент отложен и должен исчезнуть. Участники мирно покинули Зал, но вновь собрались в другом месте, которое они выбрали в ожидании исключения; и в течение нескольких дней военные преследовали их от одного места собрания к другому. 15 ноября они приняли резолюцию, объявляющую расходование государственных

средств и повышение налогов правительством незаконными до тех пор, пока Ассамблее не будет разрешено продолжать свои обсуждения. Министерство, со своей стороны, продемонстрировало, что оно намерено не терпеть сопротивления. Гражданская гвардия была распущена и ей было приказано сдать оружие. Он сделал это, не нанеся никакого удара, и исчез со сцены, став запоминающейся иллюстрацией политической ничтожности среднего класса в Берлине по сравнению с Парижем. Было объявлено осадное положение, свобода печати и право на публичные собрания были приостановлены. 27 ноября часть Собрания, согласно приказу короля, прибыла в Бранденбург, но присутствовавших было недостаточно для ведения дела. Присутствие большинства, однако, не требовалось, поскольку король решил больше не предоставлять юридических возможностей людям, которые бросили ему вызов. Расценив голосование 15 ноября как акт восстания со стороны тех, кто в нем участвовал, король распустил Ассамблею (5 декабря) и даровал Пруссии Конституцию, разработанную его собственными советниками, с обещанием, что эта Конституция будет подвергнута пересмотру будущим представительным органом. Хотя роспуск Ассамблеи вызвал беспорядки в Бреслау и Кельне, нация в целом не вызвала активного возмущения. Насилие, совершенное павшим органом в последние недели его существования, подвергло его всеобщей дискредитации; голосование за него 15 ноября было официально осуждено парламентом Франкфурта; а либеральный характер новой Конституции, которая в основном соответствовала проекту Конституции, подготовленному Комитетом Собрания, расположил умеренных людей к убеждению, что в конфликте между королем и народными представителями вина была не на стороне суверена.

[Парламент Франкфурта и Австрии, октябрь-декабрь.]

Тем временем парламент Франкфурта, предостереженный от дальнейших проволочек беспорядками 17 сентября, всерьез занялся урегулированием Федеральной конституции Германии. Помимо множества мелких трудностей, с самого начала перед ним стояли две большие проблемы. Первым было отношение Австрийской империи с ее частично немецкой и частично иностранной территорией к немецкому национальному государству; другим был характер главенства, которое должно было быть установлено. Поскольку было ясно, что австрийское правительство не может применять публичное право Германии к своим славянским и венгерским провинциям, во второй статье Франкфуртской конституции было закреплено, что в тех случаях, когда немецкая и негерманская территории имеют одного и того же суверена, отношения между этими странами должны быть отношениями чисто личного союза под властью суверена, ни одна часть Германии не должна быть включена в единое государство с какой-либо негерманской землей. В то время, когда была составлена эта статья, распад Австрии казался более вероятным, чем восстановление ее единства; однако, как только принц Шварценберг пришел к власти в результате покорения Вены, он ясно дал понять, что правительство Австрии должно быть централизовано, как никогда прежде. В первом публичном заявлении о своей политике он объявил, что Австрия сохранит свое единство и не допустит, чтобы какое-либо внешнее влияние изменило ее внутреннюю организацию; что урегулирование отношений между Австрией и Германией может быть осуществлено только после того, как каждая из них приобретет какую-либо новую и устойчивую политическую форму; и что тем временем Австрия продолжит выполнять свои обязанности конфедерата. ^[446] Интерпретация этого заявления во Франкфурте заключалась в том, что Австрия в интересах своего собственного единства предпочла не входить в состав Германии, но надеялась на установление с ней какого-либо тесного союза в будущем. Поскольку венский суд, очевидно,

решил не применять к себе вторую статью Конституции и возник антагонизм между немецкой и австрийской политикой, Шмерлинга, как австрийского подданного, вынудили уйти в отставку, и его сменил Гагерн, до сих пор председатель Собрания (16 декабря). ^[447]

[Франкфуртский парламент и Австрия, декабрь, январь]

Объявляя политику нового министерства, Гагерн предположил исключение Австрии из Германской Федерации. Заявляя о том, что Ассамблея, как представитель немецкой нации, обладает суверенной властью при разработке Конституции, он отрицал, что Конституция может стать предметом переговоров с Австрией. Поскольку Австрия отказалась выполнять условия второй статьи, она должна оставаться за пределами Федерации; Министерство, однако, желало установить какую-то тесную и особую связь между Австрией и Германией и запросило полномочия для ведения переговоров с Венским судом с этой целью. Заявление Гагерна об исключении Австрии вызвало бурный и естественный взрыв чувств среди австрийских депутатов и было встречено их почти единодушным протестом. Несколько дней спустя пришла записка от Шварценберга, которая подорвала суть всего, что было сделано, и всего, чего требовала Ассамблея. Отвергая интерпретацию, которая была дана его словам, Шварценберг заявил, что дела Германии могут быть урегулированы только на основе взаимопонимания между Ассамблеей и судами и соглашения с Австрией, которая была признанным главой правительств и намеревалась оставаться таковой в новой Федерации. Вопрос о включении или исключении Австрии теперь отодвинул в тень все прежние разногласия между партиями в Ассамблее. Была проведена новая разделительная линия. С одной стороны, появилась группа, состоящая из австрийских представителей, ультрамонтанов, которые опасались усиления протестантства, если Австрия будет исключена, и депутатов от некоторых небольших государств, которые начали опасаться прусского господства. С другой стороны, была большая группа представителей, которые ставили превыше всего дело немецкого национального объединения, которые видели, что это объединение никогда не будет осуществлено в какой-либо реальной форме, если оно будет зависеть от переговоров с австрийским двором, и которые вместе с министром считали, что создать настоящее немецкое национальное государство без австрийских провинций лучше, чем принять призрак полного объединения, в котором немецкий народ должен быть ничем, а Венский кабинет - всем. Хотя коалиции и интриги партий изо дня в день затемняли политическую перспективу, принципы Гагерна были подтверждены большинством Собрания, и министерству были предоставлены полномочия вести переговоры о какой-либо новой форме связи с Австрией как державой вне Федерации.

[Федеральное руководство.]

[Король Фридрих Вильгельм IV. избран императором 28 марта.]

Второй большой трудностью Ассамблеи было урегулирование вопроса о федеральном руководстве. Кто-то был за наследственного императора, кто-то за президента или Правление, кто-то за монархию, чередующуюся между Палатами Пруссии и Австрии, кто-то за суверена, избираемого пожизненно или на определенный срок. Первое принятое решение состояло в том, что главой должен быть один из правящих князей Германии и что он должен носить титул императора. Против принципа наследования была сильная и поначалу успешная оппозиция. Оставив для будущего обсуждения другие вопросы, касающиеся имперской канцелярии, Ассамблея приняла Конституцию в первом чтении 3 февраля 1849 года. Теперь он был доведен до сведения всех германских правительств с просьбой высказать по нему свое мнение. Четыре

второстепенных королевства - Саксония, Ганновер, Бавария и Вюртемберг - единодушно выступили против любой Федерации, в которую Австрия не должна быть включена; Венский кабинет министров протестовал против подчинения австрийского императора центральной власти, которой наделен любой другой немецкий принц, и предложил, чтобы вся Австрийская империя, с ее иностранными, а также немецкими элементами, вошла в Федерацию. Этой заметки было достаточно, чтобы доказать, что Австрия находилась в прямом конфликте со схемой национального объединения, которую приняла Ассамблея; но вся опасность ситуации не осознавалась до тех пор, пока 9 марта Шварценберг не опубликовал Конституцию Ольмюца, которая уничтожала все отдельные права по всей Австрийской империи и смешивала в одну массу подданных императора Франциска Иосифа венгров, немцев, славян и итальянцев. Важность австрийского спроса теперь стала очевидной и неприкрытой. Австрия заявляла, что ставит себя в один ряд с тридцатимиллионным иностранным населением в пределах Германской Федерации; другими словами, сводит немецкий национальный союз к партнерству со всеми национальностями Центральной Европы, противопоставляет вес подавляющего влияния любой системе свободного представительного правления и втягивает Германию в войну, где на карту не могут быть поставлены никакие интересы, кроме интересов поляков или мадьяр. Настолько глубокое впечатление произвело на Франкфурт падение парламента Кремсье и публикация указа Шварценберга об объединении, что один из самых выдающихся политиков, которые до сих пор выступали против исключения Австрии - баденский депутат Велькер - заявил, что дальнейшее продолжение этого курса было бы изменой Германии. Вступив в должность министра, он предложил, чтобы вся Конституция Германии, дополненная наследственным титулом вождя, была принята единым голосованием во втором чтении и чтобы титул императора был немедленно предложен королю Пруссии. Хотя Ассамблея отказалась принять Конституцию одним голосованием, она согласилась голосовать пункт за пунктом без обсуждения. Принцип наследования был подтвержден незначительным большинством в четыре голоса при Палате из более чем пятисот человек. Второе чтение Конституции было завершено 27 марта, а на следующий день состоялись выборы суверена. За короля Пруссии было подано двести девяносто голосов. Двести сорок восемь членов, враждебных принципу наследования или избранному принцу, воздержались от голосования. ^[448]

[Фридрих Вильгельм IV.]

Фридрих Вильгельм с ранних лет лелеял надежду увидеть более тесный союз Германии, установленный под влиянием Пруссии. Но он жил в мире, где было больше живописного миража, чем реального понимания. Он был почти суеверно предан Австрийскому дому; и он не понимал того, что было ощутимо для людей гораздо менее одаренных, чем его собственные, что, поставив Пруссию во главе конституционного движения той эпохи, он мог в любое время с начала своего правления объединить вокруг нее всю Германию. Так на него обрушилась революция 1848 года, и он был не тем человеком, который мог бы действовать или руководить во время революции. Даже в 1848 году, если бы он быстро и с достоинством отдал то, что после того, как на его улицах пролилась кровь, ему пришлось отдать с унижением, он, вероятно, был бы провозглашен императором при открытии парламента Франкфурта и был бы принят всеобщим голосом Германии. Но ненависть, навеянная на него борьбой 18 марта, была настолько велика, что на выборах временного администратора Империи в июне ни один член парламента во Франкфурте не дал ему права голоса. Требовалось время, чтобы восстановить его репутацию, и пока шло время, Австрия поднималась из руин. Весной 1849 года Фридрих Вильгельм не смог бы занять пост императора Германии без риска войны с Австрией, даже если

бы он был готов принять этот пост по предложению Франкфуртского парламента. Но принять Императорскую корону от народного Собрания было противно его глубочайшим убеждениям. Каким бы чистым ни был Франкфуртский парламент в целом от налета республиканизма или революционного насилия, он, тем не менее, родился в революции: корона, которую он предлагал, была бы, по выражению короля, поднята из крови и грязи. Если бы князья Германии по какой-либо договоренности с Народным Собранием передали корону Фридриху Вильгельму, дело обстояло бы иначе; новое Божественное право вытекало бы из старого, и условия, установленные путем переговоров между князьями и народным Собранием, могли бы быть выдержаны. В том, что Фридрих Вильгельм все еще стремился к лидерству в Германии в той или иной форме, никто не сомневался; его склонность искать или отвергать соглашение с франкфуртским парламентом менялась в зависимости от влияния, которое его окружало. Министерство, возглавляемое графом Бранденбургским, хотя и было настроено антинародно в своих внутренних мерах, желало достичь некоторого взаимопонимания с Гагерном и "Друзьями германского союза". Незадолго до первого чтения Конституции во Франкфурте в берлинском кабинете министров была подготовлена записка, допускающая при определенных положениях исключение Австрии из Федерации и предлагающая, чтобы Ассамблея не признавала право каждого правительства принимать или отклонять Конституцию, но чтобы она честно выполняла рекомендации, которые все правительства вместе должны совместным актом представить ей. Эту ноту, которая сделала бы возможным соглашение между прусским двором и Ассамблеей, Фридрих Вильгельм сначала отказался подписать. Сделать это его побудил (23 января) его доверенное лицо Бунзен, который сам был уполномочен отправиться во Франкфурт. Во время отсутствия Бунзена в Берлин прибыли депеши от Шварценберга, который в своей обычной решительной манере предложил распустить Франкфуртское собрание и разделить Германию между Австрией, Пруссией и четырьмя второстепенными королевствами. Бунзен по возвращении обнаружил, что его работа не выполнена; король отступил под давлением Австрии от позиции, которую он занял, и 16 февраля направил во Франкфурт ноту, в которой описывал Австрию как необходимую часть Германии и требовал за каждым отдельным правительством права принимать или отклонять Конституцию по своему усмотрению. Таким образом, принятие Фридрихом Вильгельмом главенства на любых условиях, совместимых с притязаниями Ассамблеи, было заведомо сомнительным, когда 28 марта большинство решило предложить ему Императорскую корону. Позиция министерства в Берлине действительно все еще благоприятствовала заключению соглашения; и когда 2 апреля члены Ассамблеи, которым было поручено внести это предложение до прибытия Фридриха Вильгельма в Берлин, были приняты Бранденбургом с такой сердечностью, что считалось, что согласие короля было получено.

[Фридрих Вильгельм IV. отказывается от короны, 3 апреля.]

Ответ короля депутации на следующий день грубо развеял эти надежды. Он заявил, что прежде чем он сможет принять корону, он не только должен быть вызван на нее князьями Германии, но и получить согласие всех правительств на принятие Конституции. Другими словами, он требовал, чтобы Ассамблея отказалась от своих притязаний на законодательное превосходство и отказалась от всех тех частей Федеральной конституции, которые не одобряло ни одно из существующих правительств. Поскольку было ясно, что Австрия и четыре второстепенных королевства никогда не согласятся ни на какой федеративный союз, достойный этого названия, и что Ассамблея не могла теперь, не отказываясь от своего прошлого, признать, что право разрабатывать Конституцию лежит вне ее самой, ответ короля был понят как отказ. Депутация

покинула Берлин в печальном убеждении, что их миссия провалилась; и записка, которая вскоре после этого была получена во Франкфурте от короля, показала, что это убеждение было правильным. ^[449]

[Конституция Франкфурта, отвергнутая правительствами.]

Ответ короля Фридриха Вильгельма доказал на самом деле гораздо больше, чем то, что он отказался от короны Германии; он доказал, что он не примет Конституцию, принятую Собранием. Вся важность этой решимости и серьезный характер кризиса, надвигающегося сейчас на Германию, были сразу поняты. Хотя двадцать восемь правительств последовательно приняли Конституцию, все без исключения это были мелкие государства, и их объединенные силы вряд ли смогли бы противостоять одному из его более могущественных врагов. 5 апреля австрийский кабинет министров объявил Ассамблею виновной в незаконности публикации Конституции и призвал всех австрийских депутатов покинуть Франкфурт. Нижняя палата Пруссии, избранная в соответствии с недавним королевским указом, протестовавшая против осадного положения в Берлине и принявшая резолюцию в пользу Франкфуртской конституции, была немедленно распущена. Во Франкфуртском парламенте сопротивление правительств вызвало патриотическое негодование и на данный момент привело к объединению партий. Были приняты резолюции, в которых заявлялось, что Ассамблея будет придерживаться Конституции. Комитету было поручено определить меры, которые необходимо принять для обеспечения ее признания; и всем враждебным правительствам была адресована записка с требованием, чтобы они воздерживались от продления сроков полномочий или роспуска представительных органов в своих владениях с целью подавления свободного выражения мнений в пользу Конституции.

[Конец Германского национального собрания, июнь 1849 г.]

На основании этого последнего требования прусская официальная пресса теперь начала осуждать Франкфуртское собрание как революционный орган. Положение дел с каждым днем ухудшалось. Тщетно Ассамблея обращалась к правительствам, законодательным палатам, местным органам власти, ко всему народу с призывом ввести Конституцию в действие. Моральная сила, на которую она решила опереться, оказалась бессильной, и, отчаявшись подчинить правительства общественному мнению, наиболее яростные члены демократической партии решили обратиться к восстанию. 4 мая народное восстание началось в Дрездене, где король под влиянием Пруссии отправил в отставку тех своих министров, которые убеждали его принять Конституцию, и распустил свой парламент. Вспышка вынудила короля покинуть свою столицу; но прошло всего пять дней, когда прусский армейский корпус вошел в город и подавил восстание. За этот короткий промежуток времени появились признаки того, что настоящие лидеры восстания боролись не за Франкфуртскую конституцию, а за Республику, и что в случае их победы к власти придет революционное правительство, связанное с французскими и польскими подрывными планами. В Бадене это стало еще яснее. Там правительство великого герцога фактически приняло Франкфуртскую конституцию и распорядилось провести выборы в Федеральный законодательный орган, который должен был сменить Ассамблею. Восстание, тем не менее, вспыхнуло. Республика была открыто провозглашена; войска присоединились к повстанцам; и Временное правительство вступило в союз с аналогичным органом, который возник с помощью французских и польских беженцев в соседнем Пфальце. Сознывая, что эти восстания могут окончательно погубить его собственное дело, Франкфуртское собрание по

предложению Гагерна призвало эрцгерцога Иоанна подавить их силой оружия и в то же время защитить свободное выражение мнений от имени Конституции там, где им угрожают правительства. Джон, который долгое время цеплялся за свой пост только для достижения целей Австрии, отказался это сделать, и, как следствие, Гагерн подал в отставку. С его падением закончилось реальное политическое существование Ассамблеи. В ответ на резолюцию, принятую 10 мая, призывавшую Иоанна задействовать все силы Германии для защиты Конституции, эрцгерцог ввел в действие фиктивное министерство. Прусское правительство, объявив голосование 10 мая призывом к гражданской войне, приказало всем прусским депутатам покинуть Собрание, и несколько дней спустя его примеру последовали Саксония и Ганновер. 20 мая шестьдесят пять наиболее известных членов Ассамблеи, включая Арндта и Дальманна, официально заявили о своем убеждении, что в сложившейся ситуации отказ от выполнения задач Ассамблеи был наименьшим из зол, и объявили, что их работа во Франкфурте закончена. За ними последовали другие группы, пока не осталась только партия крайне левых, которая до сих пор была слабым меньшинством и которая ни в каком смысле не представляла действительных взглядов Германии. Этот Оборванный парламент, мало беспокоившийся о Джоне и его министрах, решил уйти из Франкфурта, где он опасался появления прусских войск, в Вюртемберг, где он мог рассчитывать на некоторую поддержку со стороны революционных правительств Бадена и Пфальца. 6 июня сто пять депутатов собрались в Штутгарте. Там они приступили к созданию руководящего комитета для всей Германии, призвав короля Вюртемберга предоставить им семь тысяч солдат и разослав эмиссаров, чтобы расшевелить соседнее население. Но мир не обращал на них внимания. Правительство в Штутгарте, после некоторого терпения, велело им убраться; и 18 июня их зал заседаний был закрыт для них, и они были разогнаны войсками, никто не поднял руку в их защиту. Свержение повстанцев, взявших в руки оружие в Бадене и Пфальце, было делом не таким уж легким. Была необходима шестинедельная кампания, в ходе которой прусская армия, возглавляемая принцем Прусским, потерпела несколько поражений, прежде чем республиканские войска были подавлены, и с падением Раштадта восстание было доведено до конца. ^[450]

[Баденское восстание подавлено, июль 1849 г.]

[Пруссия пытается сформировать отдельный союз.]

Конец работы немецкого парламента, на который нация возлагала такие большие надежды и на который было направлено так много самого благородного само по себе, прискорбно контрастировал с великолепием его открытия. Был бы достигнут лучший результат, если бы вместо того, чтобы претендовать на верховную власть в строительстве Федерального союза, Ассамблея с самого начала стремилась к сотрудничеству правительств, должно оставаться предметом догадок. Австрия при любых обстоятельствах была бы большим препятствием на этом пути; и после провала усилий, предпринятых во Франкфурте для создания всеобщего объединения Германии, Австрия смогла полностью сорвать попытки, которые теперь предпринимались в Берлине для установления частичного объединения на другой основе. Уведомляя Ассамблею о своем отказе от императорской короны, король Фридрих Вильгельм заявил, что он полон решимости встать во главе Федерации, которая будет сформирована государствами, добровольно объединившимися с ним на условиях, которые будут впоследствии согласованы; и в циркулярной записке, адресованной германским правительствам, он пригласил тех, кто был склонен посоветоваться с Пруссией, объединиться на конференции в Берлине. Открытие конференции было назначено на 17 мая. За два дня до этого король издал

воззвание к прусскому народу, в котором объявлялось, что, несмотря на провал Франкфуртского собрания, германский союз все еще должен быть сформирован. Когда Конференция открылась в Берлине, на ней присутствовали только посланники Австрии, Саксонии, Ганновера и Баварии. Австрийский представитель удалился в конце первого заседания, баварский - несколько позже, предоставив Пруссии закладывать, насколько это возможно, основы единства Германии при временной поддержке Саксонии и Ганновера. Была сформирована конфедерация, известная как Лига трех королевств. Было дано обязательство созвать Федеральный парламент и совместно этим парламентом и правительствами разработать Конституцию (26 мая). 11 июня был опубликован проект Федеральной конституции. Поскольку король Пруссии, по-видимому, действовал добросовестно, а проект Конституции, несмотря на некоторые недостатки, казалось, обеспечивал справедливую основу для объединения, теперь среди лидеров немецкого национального движения возник вопрос, должны или не должны двадцать восемь государств, принявших злополучную Франкфуртскую конституцию, вступать в новую Прусскую лигу. В Готе состоялось собрание ста пятидесяти бывших членов франкфуртского парламента; и хотя более демократическая фракция выразила большое возмущение, было решено, что схема, выдвинутая теперь Пруссией, заслуживает справедливого судебного разбирательства. Таким образом, все двадцать восемь второстепенных государств вступили в Лигу, которая, таким образом, охватывала всю Германию, за исключением Австрии, Баварии и Вюртемберга. Но дворы Саксонии и Ганновера с самого начала действовали двулично. Военное влияние Пруссии и страх, который они все еще испытывали перед своими собственными подданными, помешали им оказать открытое сопротивление возобновившейся работе Федерации; но они все время поддерживали связь с Австрией и только ждали момента, когда полное восстановление военной мощи Австрии позволит им показать свое истинное лицо. Весной 1849 года, когда проходили Конференции в Берлине, Австрия все еще была оккупирована Венгрией и Венецией. Окончательное свержение этих врагов позволило ей обрушить всю свою мощь на Германию. Результат был виден в действиях Ганновера и Саксонии, которые теперь формально вышли из состава Федерации. Таким образом, в конце 1849 года Пруссия осталась без поддержки, кроме поддержки двадцати восьми второстепенных государств. Против этого, в открытом или молчаливом противодействии установлению германского единства в любой эффективной форме, четыре второстепенных королевства встали рядышком с Австрией.

[Пруссия в 1849 году.]

[Союзный парламент в Эрфурте, март 1850 г.]

Только 20 марта 1850 года Федеральный парламент, который был обещан за десять месяцев до создания новой Лиги, собрался в Эрфурте. Тем временем реакция зашла далеко во многих немецких государствах. В Пруссии после роспуска Нижней палаты 27 апреля 1849 года король отменил избирательные положения Конституции, недавно утвержденной им самим, и заменил их системой, основанной на представительстве классов. Расценив этот акт как вероломство, Демократическая партия воздержалась от голосования на выборах, в результате чего в берлинском парламенте 1850 года консерваторы, реакционеры и чиновники составляли подавляющее большинство. Пересмотр прусской конституции, обещанный поначалу как уступка либерализму, был проведен в противоположном смысле. Король требовал укрепления монархической власти; феодалы, идя намного дальше него, нападали на муниципальные и социальные реформы последних двух лет и стремились вернуть Пруссию к системе

средневековых поместий. Именно в разгар этой победы реакции в Пруссии Федеральный парламент в Эрфурте начал свои заседания. Хотя умеренные либералы во главе с Гагерном и другими испытанными политиками Франкфурта имели большинство в обеих палатах, им противостояла сильная абсолютистская партия из Пруссии, и вскоре стало ясно, что прусское правительство готово сыграть на руку этой партии. Проект Федеральной конституции, составленный в Берлине, был представлен, согласно обязательству от 28 мая 1849 года, Эрфуртскому собранию. Осознавая набирающую силу реакцию и опасность промедления, либеральное большинство заявило о своей готовности принять проект закона без единого изменения. Реакционное меньшинство потребовало пересмотра; и, к возмущению всех, кто понимал методы или дух парламентского правления, прусские министры объединились с партией, требовавшей изменений в проекте, который они сами выдвинули. В конце концов был достигнут компромисс; но действия Прусского двора и поведение его министров во время эрфуртских дебатов повергли в глубокое уныние тех, кто верил, что Фридрих Вильгельм все еще может добиться успеха в работе, в которой провалилось Франкфуртское собрание. Доверие к искренности или постоянству намерений короля пошатнулось. Симпатии национал-либеральной партии по всей Германии были в значительной степени отчуждены от Пруссии; в то время как, если в Берлине и существовали какие-либо ожидания, что проведение реакционной политики обезоружит враждебность австрийского правительства к новой Лиге, эта надежда была совершенно тщетной и беспочвенной.^[451]

[Действие Австрии.]

Австрия с самого начала протестовала против попытки короля Пруссии установить какую-либо новую форму союза в Германии и заявила, что не признает ни одного из выводов Федерального парламента Эрфурта. Согласно теории, ныне выдвинутой Венским кабинетом министров, древняя Федеральная конституция Германии все еще оставалась в силе. Все, что происходило с марта 1848 года, было таким бессмысленным и бесполезным коварством. Нарушение порядка, наконец, прекратилось, и с уходом бунтовщиков законные власти вновь вступили в свои права. Соответственно, не могло быть и речи о создании новых Лиг. Старые отношения всех германских государств друг к другу под властью Австрии оставались в полной силе; франкфуртский сейм, который просто приостановил свои функции и ни в коем случае не подвергся исчезновению, все еще был законной центральной властью. То, что в старой Конституции могли потребоваться некоторые изменения, было самым большим, что Австрия была готова признать. Это, однако, было делом не немецкого народа, а его правителей, и Австрия соответственно пригласила все правительства на Конгресс во Франкфурте, где можно было бы обсудить необходимые изменения. В ответ на этот призыв Пруссия упорно отрицала, что старая Федеральная конституция все еще существует. Князья многочисленных мелких государств, вошедших в новый Союз, собрались в Берлине вокруг Фридриха Вильгельма и постановили, что они не будут присутствовать на Конференции во Франкфурте, за исключением оговорок и условий, которые Австрия не признает. Был проведен обмен аргументами и контраргументами, но спор между старой и новой Германией должен был решаться силой воли или оружия, а не политической логикой. Борьба должна была развернуться между Пруссией и Австрией, и австрийский кабинет министров хорошо оценил характер своего противника. Прямой призыв к подчинению пробудил бы всю гордыню короля, и ответом на него была бы война. Прежде чем потребовать от Фридриха Вильгельма расторжения Союза, который он основал, Шварценберг решил завязать ссору, в ходе которой король был бы озадачен или встревожен результатами своей собственной политики. Доминирующим убеждением в

сознании Фридриха Вильгельма было убеждение в святости монархического правления. Если бы Берлинскую лигу можно было посвятить какому-либо предприятию, враждебному монархической власти, и обвинить в союзе с мятежниками, Фридрих Вильгельм, вероятно, поколебался бы в своих решениях, и обращение к оружию, к которому, однако, Австрия была хорошо подготовлена, стало бы ненужным.^[452]

[Гессен-Кассель.]

[Восстановлен Франкфуртский сейм, сентябрь 1850 г.]

[Пруссия и Австрия.]

[Варшавская встреча, 29 октября 1850 г.]

[Мантейфель в Ольмюнце, 29 ноября.]

Среди государств, правительства которых общественное мнение вынудило присоединиться к новой Федерации, был курфюрст Гессен-Кассель. Курфюрст был, как и его предшественники, в душе законченным деспотом и раздражался ограничениями, которые конституционная система накладывала на его правление. Действуя по наущению Австрии, он отправил в отставку своих министров весной 1850 года и назначил на этот пост некоего Хассенпфлюга, представителя худшего и наиболее жестокого класса мелких тиранов, порожденных официозом мелких германских государств. Хассенпфлюг немедленно поссорился с Поместьями в Касселе и дважды распускал их, после чего приступил к принудительному взиманию налогов. Суды признали его действия незаконными; офицеры армии, когда их призвали на помощь, начали подавать в отставку. Конфликт между министром и населением Гессена был в самом разгаре, когда в начале сентября Австрия со своими вассальными правительствами провозгласила восстановление Франкфуртского сейма. Хотя Пруссия и большинство из двадцати восьми союзных с ней государств сочли это заявление недействительным, сейм, состоящий из представителей Австрии, четырех второстепенных королевств и нескольких отколовшихся от Прусского союза стран, начал свои заседания. В сейм курфюрст Гессенский немедленно обратился за помощью против своих подданных, и было принято решение, что отказ гессенских земель платить налоги был преступлением, оправдывающим вмешательство центральной власти. Подкрепленный этим решением, Хассенпфлюг теперь распорядился, чтобы каждый человек, оказывающий сопротивление правительству, предавался военному суду. Он был сбит с толку отставкой всего корпуса офицеров гессенской армии; и поскольку это довершило поражение курфюрста, вооруженное вмешательство Австрии, отождествляемое с Франкфуртским сеймом, теперь стало неизбежностью. Но Пруссия, как глава Лиги, к которой присоединился Гессен, морально обязалась защищать народ Гессена в его конституционных правах. Королю оставалось сделать выбор между вооруженным сопротивлением Австрии или унижением в виде полного отказа от претензий Пруссии на лидерство в любом германском союзе. Противоречивые влияния склоняли короля то в одну, то в другую сторону. Друзья Австрии и абсолютизма заявили, что использование прусской армии в интересах гессенцев сделало бы короля соучастником революции: более смелые и патриотически настроенные люди протестовали против отказа Пруссии от справедливых требований и уклонения от своих обязательств по отношению к Германии. На мгновение партия действия, возглавляемая принцем Пруссии, одержала верх. Генерала Радовица, инициатора Объединения, вызвали в Министерство иностранных дел, и прусские войска вошли в Гессен. Австрия теперь

демонстративно готовилась к войне. Фридрих Вильгельм, напуганный грозящей ему опасностью, но не желающий уступать ни в чем, обратился за посредничеством к русскому царю. Николай прибыл в Варшаву, где его встретили император Австрии и принц Карл, брат короля Пруссии, в сопровождении министров своих государств. Самые тесные семейные узы объединяли дворы Санкт-Петербурга и Берлина, но российский государь по-прежнему был покровителем Австрии, как и во время венгерской кампании. Он был возмущен действиями Пруссии в Шлезвиг-Гольштейне и был оскорблен тем, что король Фридрих Вильгельм не явился в Варшаву лично. Он поддержал все требования Австрии и обошелся с графом Бранденбургом с таким пренебрежением, что граф, пылкий патриот, так и не оправился от произведенного на него эффекта. Он вернулся в Берлин только для того, чтобы сдать свой отчет и умереть. Мантейфель, министр внутренних дел, заверил короля, что прусская армия настолько малочисленна и настолько несовершенна в организации, что, если она выступит против Австрии и ее союзников, ее ждет неминуемая гибель. Баварские войска, представлявшие франкфуртский сейм, теперь вошли в Гессен по просьбе Австрии и стояли лицом к лицу с пруссаками. Настал момент, когда необходимо было сделать выбор между миром и войной. На Совете, состоявшемся в ноябре в Берлине, сторонники мира взяли короля с собой. Радовиц отказался от должности; Мантейфель, министр внутренних репрессий и внешнего подчинения, был поставлен во главе правительства. Значение его назначения было хорошо понято, и с каждым новым доказательством слабости короля тон австрийского двора становился все более властным. 9 ноября Шварценберг категорически потребовал роспуска Прусского союза, признания Федерального сейма и эвакуации Гессена прусскими войсками. Первый пункт был немедленно принят, и Мантейфель пустым, двусмысленным языком довел этот факт до сведения членов Конфедерации. Поскольку другие условия были выполнены не так быстро, Шварценберг привел в движение австрийские полки и потребовал вывода прусских войск из Гессена в течение двадцати четырех часов. Мантейфель попросил австрийского министра о встрече и, не дожидаясь ответа, отправился в Ольмюц. Его инструкции предписывали ему добиваться определенных уступок; ни одной из них он не получил, и он пошел на необходимое подчинение без них. 29 ноября в Ольмюце была подписана конвенция, в которой Пруссия признала все еще существующую Федеральную конституцию Германии 1815 года, обязалась вывести все свои войска из Гессена, за исключением одного батальона, и согласилась на урегулирование дел как в Гессене, так и в Шлезвиг-Гольштейне Федеральным сеймом. Только одного пункта в плане австрийского государственного деятеля не хватало среди плодов его победы при Ольмюце и последовавших за ней переговоров в Дрездене. Шварценберг намеревался, чтобы вся Австрийская империя вошла в Германскую федерацию; и если бы ему не приходилось считаться ни с какими противниками, кроме побежденной и униженной Пруссии, он бы осуществил свой замысел. Но перспектива создания Центральноевропейской державы с семидесятимиллионным населением, контролируемой фактически Венским кабинетом министров, встревожила другие страны. Англия заявила, что такая комбинация нарушит баланс сил в Европе и поставит под угрозу независимость Германии; Франция выразила протест в более угрожающих выражениях; и проект потерпел крах, оставшись в памяти лишь как самая смелая фантазия государственного деятеля, к которому фортуна, скрывавшая Немезиду, казалось, не имела границ в своих благосклонностях.

[Schleswig-Holstein.]

[Германский национальный флот продан с аукциона в июне 1852 г.]

Дело Шлезвиг-Гольштейна, столь тесно связанное с усилиями немцев по национальному объединению, пошло ко дну из-за провала этих усилий; и в результате окончательного унижения Пруссии оно получило то, что вполне могло показаться смертельным ударом. Мальменское перемирие, которое было санкционировано Франкфуртским собранием осенью 1848 года, продлилось до 26 марта 1849 года. Затем Пруссия возобновила войну, и ее войска взяли штурмом рубежи Дюппеля, в то время как добровольческие силы Шлезвиг-Гольштейна безуспешно осадили Фредерицию. Военные действия продолжались в течение трех месяцев, когда было согласовано второе перемирие, рассчитанное на год, и предварительные условия заключения мира. По заключении этого перемирия, в июле 1850 года, Пруссия от имени Германии заключила мир с Данией. Вследствие этого жители герцогств продолжали войну сами за себя, и хотя 24 июля они потерпели поражение с большими потерями при Идштедте, к концу года они остались непокоренными. Таково было положение дел, когда Пруссия по Ольмюцкому мирному договору согласилась с тем, что восстановленный Федеральный сейм должен взять на себя восстановление порядка в Шлезвиг-Гольштейне и что войска Пруссии должны объединиться с войсками Австрии для приведения в исполнение его постановлений. Для венского кабинета министров, в равной степени врага немецкого национального союза и всех демократических идей, жители Шлезвиг-Гольштейна были просто мятежниками, поднявшими восстание против своего Суверена. Сейм потребовал от них, под диктовку Австрии, сложить оружие; и уполномоченные из Австрии и Пруссии прибыли в герцогства, чтобы заставить их сделать это. Против Дании, Австрии и Пруссии вместе взятых Шлезвиг-Гольштейн не мог продолжать свое сопротивление. Армия была распущена, а герцогства переданы королю Дании, чтобы вернуться к правовому статусу, который был определен в Мирных договорах. Это было номинальным условием передачи; но датское правительство относилось к Шлезвигу как к части своей национальной территории, и в северной части герцогства активно шел процесс замены датского гражданства немецким. Политика иностранных дворов, мало интересовавшихся желаниями жителей, с самого начала борьбы герцогств против Дании способствовала сохранению и консолидации Датского королевства. Претензии герцога Аугустенбургского, как следующего наследника герцогств по мужской линии, не были сочтены стоящими риска новой войны; и по протоколу, подписанному в Лондоне 2 августа 1850 года, Державы, за исключением Пруссии, заявили, что выступают за единый порядок наследования во всех частях Датского государства. По Договору от 8 мая 1852 года, на который Пруссия дала свое согласие, претензии всех других претендентов на оспариваемое наследство были отменены, и принц Кристиан из Дома Глюксбургов был объявлен наследником престола, при этом права Германской федерации, установленные Договорами 1815 года, были сохранены. Несмотря на это сохранение федеральных прав и на условия в пользу Шлезвига и Гольштейна, сделанные в более ранних соглашениях, герцогства, казалось, теперь практически объединились с Датским государством. Пруссия, на мгновение ставшая их защитницей, присоединилась к Австрии в принуждении их армии, в роспуске их правительства, в отмене законодательства, которым франкфуртский парламент сделал их участниками общественных прав, которые отныне должны были стать достоянием всех немцев. Страница в национальной истории была стерта; Пруссия отвернулась от своих собственных профессий; осталась лишь одна реликвия с тех времен, когда весь немецкий народ, казалось, так страстно стремился к освобождению своих братьев за границей. Национальный флот, созданный Франкфуртским собранием для продолжения борьбы с Данией, все еще находился в устье Эльбы. Но та же самая держава, которая определила, что Германия не должна быть нацией, также определила, что у нее не может быть национальных морских интересов. После всего, что произошло,

властям было не до приличий, и национальный флот был продан с аукциона в соответствии с декретом восстановленного Франкфуртского сейма летом 1852 года. ^[453]

[Германия после 1849 г.]

Либералы Германии и все, в ком ненависть к демократическим переменам не пересилила любви к родине, с глубоким разочарованием и унижением стали свидетелями развязки движения 1848 года. Поскольку это движение было направлено к национальному объединению, оно потерпело полный крах, и положение вещей, существовавшее до 1848 года, было восстановлено без изменений. Как движение за конституционные и социальные реформы, оно не было столь уж напрасным; и в этом отношении нельзя сказать, что Германия после 1848 года полностью вернулась к тому, чем она была до этого. Многие из ведущих фигур прежнего времени действительно с большим или меньшим блеском вновь появились на сцене. Меттерних, хотя и был отстранен от должности более молодыми людьми, сиял над Веной безмятежностью пророка, дожившего до расстрела большинства своих врагов, и мученика, вернувшегося в один из самых завидных салонов Европы. Ни одна династия не лишилась трона, ни один класс населения не был подвергнут проскрипциям, как это было с духовенством и дворянством Франции пятьдесят лет назад. И все же путешественник, знакомый с Германией до революции, обнаружил, что многое из старого теперь исчезло, и возникла большая часть нового мира. Восстановленные правительства не стремились одним махом отменить все политическое, социальное и аграрное законодательство предшествующего времени, как в некоторые другие периоды реакции. Ближайший подход, который был сделан к этому, заключался в постановлении сейма, аннулирующем Декларацию прав, разработанную Франкфуртским собранием, и требующем от правительств привести в соответствие с Федеральной конституцией все законы и учреждения, принятые с начала 1848 года. Таким образом, парламентское правление было ослаблено, но не обязательно уничтожено. Правительства сузили избирательное право, урезали функции представительных собраний, наполнили их своими креатурами, принуждали избирателей на выборах; но, за исключением Австрии, открытого отказа от конституционных форм не было. В некоторых государствах, как, например, в Саксонии при реакционном правлении графа Бойста, система национального представительства, установленная в 1848 году, была отменена и прежние сословия были возрождены; в Пруссии продолжали существовать две палаты парламента, но в такой зависимости от королевской власти и под таким сильным давлением аристократической и официальной реакции, что после нескольких лет борьбы в Нижней палате либеральные лидеры в конце концов в отчаянии ушли. Характер, который теперь приняло правительство в Пруссии, действительно, был гораздо более типичным для состояния Германии в целом, чем смелый и бескомпромиссный деспотизм принца Шварценберга в Австрии. Мантейфель, в котором олицетворялась прусская эпоха реакции, не был жестоким министром; но его правление было отмечено особой и унижительной подлостью, которая больше раздражала тех, кто страдал от нее, чем более жестокое зло. В его руках правительство было средством подслушивания и шпионажа, системой мелких преследований, школой раболепия и лицемерия. В Ольмюнце он был орудием такого поступка с национальной честью и национальными интересами, какой когда-либо терпели немногие нации, когда шансы на войну еще не были опробованы. Эта капитуляция, возможно, в реальном состоянии прусской армии и была необходима, но унижение ее, казалось, цеплялось за Мантейфеля и принижало все его представления о правительстве. Даже там, где выводы его политики были правильными, они, казалось, были достигнуты каким-то недостойным процессом. Как и Германия в целом, Пруссия тяжело дышала

под гнетом, который ощущался повсюду, но все же трудно поддавался определению. Его лучшими элементами были те, которые пострадали больше всего: его высшие интеллектуальные и политические цели были теми, которые больше всего вызывали подозрение правительства. Его король утратил все, что стимулировало или возвышало его иллюзии. От него не следовало ожидать ни второго союза с либерализмом, ни дальнейших усилий во имя единства Германии: надежда для Германии и для Пруссии, если надежда вообще существовала, заключалась в будущем правлении.

[Австрия после 1851 г.]

[Австрийский конкордат, 18 сентября 1855 г.]

Бессилие Пруссии было мерой австрийского влияния и престижа. Контраст, представленный Австрией в 1848 году и Австрией в 1851 году, действительно был таким, что вполне мог привлечь внимание политических наблюдателей. Его восстановление, без сомнения, было частично осуществлено за счет иностранной помощи, и в борьбе с мадьярами были взяты опасные обязательства перед Россией; но какой бы изуродованной и разорванной ни была ткань внутри, снаружи она была цельной и внушительной. Ни один из врагов, которые в 1848 году восстали против Венского двора, теперь не остался на ногах. В Италии Австрия отвоевала то, что казалось безнадежно потерянным; в Германии она более чем оправдала свои старые притязания. Она повергла своего соперника на землю, и, возможно, ее амбиции еще не были удовлетворены в полной мере. "Сначала унижить Пруссию, затем уничтожить ее", - таково было выражение, которым Шварценберг подытожил свою немецкую политику. Обладал ли министр, при его несомненной твердости и смелости, интеллектуальными качествами и опытом, необходимыми для успешного управления Империей, построенной, каковой сейчас является Австрия, на насилии и подавлении всех национальных сил, сомневались даже его почитатели.

Доказательства, однако, ему предоставлены не были, поскольку внезапная смерть унесла его на четвертом году правления (5 апреля 1852 г.). Более слабые люди справились с его задачей. Эпоха военного и дипломатического триумфа подходила к концу, более мрачная сторона реакции выступала вперед, не смягченная никакой новой чередой побед. Финансовый разлад становился все хуже и хуже. Клерикализм требовал своих уз от монархии, которую он помог восстановить. В борьбе национальностей Австрии против центральной власти епископы в целом перетянули свое влияние на сторону короны. Восстановленный деспотизм слишком многим был обязан их помощи и слишком сильно зависел от их неизменной доброй воли, чтобы иметь возможность отказать в их требованиях. Таким образом, новая централизованная администрация, воспроизводившая в целом единообразие правления, к которому стремился император Иосиф II, контрастировала с этим в своем подчинении клерикальной власти. Церковным законам и юрисдикциям было позволено посягать на законы и юрисдикцию государства; образование было передано священству; внутри самой Церкви епископам было позволено бесконтрольно править. Тот самый министр, который вступил в должность при Шварценберге как представитель современного духа, которому правительство все еще якобы отдавало дань уважения, стал орудием акта подчинения папству, который ознаменовал самую низкую точку, до которой дошла австрийская политика. Александр Бах, видный либерал в Вене в начале 1848 года, занял этот пост ценой своей независимости и подчинился аристократическому и клерикальному влиянию, господствовавшему при Дворе. Последовательный только в своих усилиях упростить формы правления, способствовать преобладанию немецкого языка над всеми другими элементами в государстве, поддерживать

улучшение положения крестьян, достигнутое парламентом Кремсье, Бах, как министр внутренних дел, во всех других отношениях воевал со своими собственными прежними принципами. В лице бывшего представителя либерализма профессиональных классов Вены абсолютизм теперь имел свой самый эффективный инструмент; и Конкордат, заключенный Бахом с папством в 1855 году, ознаменовал окончательное подчинение Австрии церковным притязаниям, которые в эти годы политической вялости и уныния получали все большее признание во всей Центральной Европе. Ультрамонтанизм искал союзников во многих политических лагерях после революции 1848 года. В некоторых странах она баловалась республиканством, но ее истинные инстинкты угадывали в победе абсолютистских систем ее собственную вернейшую выгоду. Соглашения между папством и несколькими германскими правительствами были достигнуты в годы, последовавшие за 1849 годом; и от централизованного деспотизма императора Франциска Иосифа Церковь добилась уступок, которых со времен Марии Терезии она тщетно добивалась от любого правителя австрийского государства.

[Франция после 1848 года.]

[Луи Наполеон.]

Европейская драма, начавшаяся в 1848 году, имела больше единства и концентрации в начале, чем в конце. В Италии это заканчивается падением Венеции; в Германии интерес сохраняется до времен Ольмюнца; во Франции решающего перерыва в действиях не было до государственного переворота, который в конце 1851 года сделал Луи Наполеона практически императором Франции. Шесть миллионов голосов, которые выдвинули Луи Наполеона на пост президента Республики, вполне могли бы вызвать тревогу у всех, кто надеялся на будущее конституционного правления; однако предупреждение, прозвучавшее в ходе выборов, похоже, было понято лишь немногими. Как представитель порядка и власти, как объявленный враг социализма, Луи Наполеон был на той же стороне, что и парламентское большинство; его кандидатуру даже поддерживали парламентские лидеры, такие как М. Тьер. Его победа приветствовалась как победа над социализмом и Красной Республикой; он получил некоторое покровительство от официальной партии порядка, и ожидалось, что как номинальный глава государства он будет действовать как инструмент этой партии. Он был авантюристом, но авантюристом, в котором было так мало импозантного, что влиятельным людям в Париже едва ли приходило в голову приписывать ему способность к озорству. Его подлый вид и бездушное обращение, абсурдность его прошлого, ничтожество его друзей-политиков привели к тому, что в первые месяцы его общественной жизни на него смотрели скорее с насмешкой, чем со страхом. Французы, сказал М. Тьер много времени спустя, допустили две ошибки в отношении Луи Наполеона: первую, когда они приняли его за дурака, вторую, когда они приняли его за гениального человека. Только после появления письма полковнику Нею, в котором президент демонстративно отделился от своих министров и подчеркнул свою личную волю в отношении направления внешней политики Франции, возникли подозрения в опасности для Республики, исходящей от его честолюбия. С этого времени в узком кругу министров, которых служебный долг свел к непосредственному контакту с президентом, царило постоянное чувство незащищенности и страха перед каким-нибудь новым сюрпризом с его стороны, хотя согласие, нарушенное письмом полковнику Нею, на некоторое время внешне восстановилось, и формы парламентского правления остались неизменными.

[Послание от 31 октября 1849 г.]

Первый год правления Луи Наполеона подходил к концу, когда Ассамблее было передано его послание, в котором, казалось, объявлялось о немедленной атаке на Конституцию. Действующее министерство состояло из людей, занимавших высокое парламентское положение; оно пользовалось полным доверием подавляющего большинства в Собрании и проводило в жизнь по крайней мере с достаточной энергией меры общественной безопасности, требования которых президент и страна, по-видимому, были единодушны. Внезапно, 31 октября, президент объявил Ассамблее в послании, переданном одним из его адъютантов, что министерство распущено. Причиной их увольнения было названо отсутствие единства внутри самого Кабинета министров; но формулировки, использованные президентом, свидетельствовали о гораздо большем, чем смена министра. "Франция, охваченная смятением, ищет руки, воли того, кого она избрала 10 декабря. Победа, одержанная в тот день, была победой системы, ибо имя Наполеона само по себе является программой. Оно означает порядок, власть, религию, национальное процветание внутри; национальное достоинство снаружи. Именно эту политику, положившую начало моему избранию, я желаю довести до триумфа при поддержке Ассамблеи и народа". Чтобы спасти Республику от анархии, поддержать престиж Франции среди других наций, президент заявил, что ему нужны люди действия, а не слова; однако, когда появился список новых министров, в нем не было ни одного значимого имени. Луи Наполеон назначил на должность лиц, сама безвестность которых делала их его собственными инструментами, и гарантировал ему влияние, которым он до сих пор не обладал в Кабинете министров. Удовлетворенный тем, что он продемонстрировал это доказательство своей власти, он восстановил видимость уважения, если не сердечности, по отношению к Собранию. Он научился остерегаться поспешных действий; у него впереди было еще более двух лет пребывания на этом посту; и теперь он сделал достаточно, чтобы дать понять всем, кто был склонен искать счастья в новом политическом деле, что их услуги от его имени будут приветствоваться, а любое чрезмерное рвение более чем прощено. С этого времени выросла партия, лозунгом которой было возвеличивание Луи Наполеона и высмеивание методов парламентского правления. Журналисты, политики-неудачники, авантюристы всех мастей были зачислены в ряды этой малоизвестной, но активной группы. За свои поступки и высказывания никто не нес ответственности, кроме них самих. От них без малейших угрызений совести отрекались, когда их отвага заходила слишком далеко; но их предприятия не приносили им никакой опасности, и в щедрости Президента не было недостатка тем, кто настаивал на том, чтобы служить ему вопреки его воле.

[Закон, ограничивающий избирательные права, 31 мая 1850 г.]

Франция все еще дрожала от потрясения Четырех июньских дней; и репрессивные меры сформировали общую почву, на которой Луи Наполеон и Ассамблея встретились, не опасаясь конфликта. Определенные выборы, которые были проведены весной 1850 года и которые принесли убедительную победу в Париже и других местах социалистическим или ультрадемократическим кандидатам, возродили тревогу владельцев собственности и внушили страх, что при всеобщем избирательном праве сама Законодательная власть может в конечном итоге попасть в руки красных республиканцев. Принцип всеобщего избирательного права был провозглашен почти случайно в разгар революции 1848 года. Он был воплощен в Конституции того года, поскольку уже существовал. Ни одна партия всерьез не рассматривала условия, при которых она должна была осуществляться, и не взвешивала политические качества массы,

которой она была так легко навязана. Когда выборы за выборами возвращали в Палату представителей людей, чьи принципы, как считалось, угрожали самому обществу, поднялся крик о том, что Францию необходимо спасти от рук подлой толпы; и президент призвал Комитет Ассамблеи разработать необходимые меры избирательной реформы. В течение недели работа Комитета была завершена, и разработанный им закон был представлен на рассмотрение Ассамблеи. Было предложено, чтобы вместо шестимесячного проживания от каждого избирателя требовалось непрерывное трехлетнее проживание в одной и той же коммуне, и чтобы выполнение этого условия было доказано не обычными доказательствами, а одним из определенных действий, таких как уплата личных налогов. С незначительными изменениями Законопроект был принят Ассамблеей. Сомнительно, предвидели ли его реальный эффект даже те, кто желал максимально возможного ограничения избирательного права; несомненно, что многие из тех, кто поддерживал его, полагали, в силу своего незнания практического действия избирательных законов, что они исключают из избирательного права только бродячий и никчемный класс, которому нет реального места в политической системе. Когда появились избирательные списки, составленные в соответствии с этой мерой, они одинаково поразили все партии. Трое из десяти миллионов избирателей во Франции были лишены избирательных прав. Из числа выборщиков исчезли не только жители целых кварталов крупных городов, но и беднейшие классы крестьянства по всей Франции. Собрание одним ударом превратило во врагов всю массу населения, жившую за счет оплаты физического труда. Оно совершило акт политического самоубийства и предоставило человеку, столь мало озабоченному вопросами чести, как Луи Наполеон, роковую возможность обратиться к Франции как поборнику национального суверенитета и поборнице всеобщего избирательного права против Собрания, которое искалечило его в классовых интересах. ^[454]

[Перспективы Луи Наполеона.]

Продолжительность президентства была установлена Конституцией 1848 года в четыре года, и было постановлено, что президент не должен быть лишен своего сана. Из-за действия некоторых законов, несовершенного подогнанных друг к другу, срок полномочий Луи Наполеона истек 8 мая 1852 года, в то время как дата роспуска Собрания пришлась на несколько недель позже этого дня. Таким образом, Франции угрожали опасности, связанные с почти одновременным исчезновением всякой власти. Опасности 1852 года слишком зримо вырисовывались перед страной, и Луи Наполеон обратился к желающим его услышать, когда летом 1850 года начал намекать на необходимость продления своей собственной власти. Перерыв в работе парламента был использован Президентом в двух поездках по департаментам: первая - по юго-восточным, где социализм был наиболее активен, и где его появление сразу же доказало его собственную уверенность и ободрило друзей власти; вторая - по Нормандии, где преобладали настроения в пользу твердого правительства, и президент мог без опаски произносить высказывания, которые подвергли бы его некоторому риску в Париже. Предполагая, что Франции требуется его собственное постоянное присутствие во главе государства, Луи Наполеон не обязательно предполагал нарушение закона. Статутами 1848 года было предусмотрено, что Ассамблея тремя четвертями голосов может распорядиться о пересмотре Конституции; и в поддержку этого пересмотра уже были составлены петиции по всей стране. Если бы пункт, запрещающий переизбрание президента, был исключен из Конституции, Луи Наполеон мог бы справедливо полагать, что огромное большинство французского народа вновь наделило бы его властью. Он, вероятно, удовлетворился бы законным переизбранием, если бы это стало возможным; но Ассамблея не проявила особых

признаков желания облегчить ему путь, и поэтому ему стало необходимо искать средства для реализации своих целей в нарушение закона. Он убедил себя, что его миссия, его предназначение - править Францией; другими словами, он решил пойти на такой риск и санкционировать такие преступления, которые могли оказаться необходимыми для завоевания им суверенной власти. Наряду с более возвышенными порывами честолюбия мотивы более низкого рода побуждали его к энергичным действиям. Никогда не был богатым, отец семейства, хотя и не был женат, он исчерпал свои средства и вернулся бы к частной жизни нищим человеком, если бы не был обременен долгами. Когда его собственная решимость пошатнулась, рядом с ним нашлись люди, слишком глубоко заинтересованные в его судьбе, чтобы позволить ему отступить.

[Луи Наполеон и армия.]

[Увольнение Шангарнье, январь 1851 г.]

Именно с помощью армии Луи Наполеон намеревался в качестве последнего средства стать хозяином Франции, и поэтому армию нужно было склонить на свою сторону в его личном деле. Генералы, отличившиеся либо в алжирских войнах, либо при подавлении восстания во Франции, все без исключения были орлеанистами или республиканцами. Ни один выдающийся офицер еще не был включен в бонапартистскую банду. Сам Президент никогда не служил, кроме как в швейцарском учебном лагере; кроме своего имени, у него не было ничего, что могло бы тронуть воображение солдата. Поскольку героический элемент не был обнаружен ни в его личности, ни в его карьере, оставалось действовать более материальными методами. Луи Наполеон многому научился в Англии и, возможно, наблюдал на английских выборах того периода, как многого можно добиться с помощью простых денежных средств - взяток и крепких напитков. Спаситель общества не постеснялся заказать парижскому гарнизону двойную порцию бренди и раздать бесчисленные порции по полфранка или меньше. Устраивались военные банкеты, на которых сержант и капрал сидели бок о бок с высшими офицерами. Продвижение по службе умело предлагалось или удерживалось. Поскольку генералы, занимавшие высшие посты, были враждебны Бонапарту, им было легче соблазнить своих подчиненных перспективой занять их места. По одобрительным возгласам, которыми был встречен президент на смотре, состоявшемся в Париже осенью 1850 года, по поведению как офицеров, так и рядовых в определенных полках было видно, насколько успешными были эмиссары бонапартизма. Комитет, представлявший отсутствующую Палату, тщетно призывал военного министра к ответу за эти нарушения. Напрасно Шангарнье, который, как командующий Национальной гвардией Парижа и первой военной дивизией, казалось, держал в своих руках арбитраж между президентом и Собранием, в начале 1851 года открыто высказался в пользу Конституции. Он был уволен со своего поста; и хотя вотум недоверия, последовавший за этим увольнением, привел к отставке министерства, Ассамблея не смогла восстановить Шангарнье в его должности и беспомощно стала свидетелем того, как власть, которой он обладал, перешла во враждебные или ненадежные руки.

[Предлагаемый пересмотр Конституции.]

[Пересмотр Конституции отклонен, 19 июля.]

Теперь оставался только один возможный способ предотвратить нападение на Конституцию, которому так явно угрожали, и это было путем пересмотра самой Конституции, чтобы Луи

Наполеон мог законно добиваться переизбрания в конце своего президентства. Подавляющий поток общественного мнения действительно подталкивал к такому изменению. Какой бы грубой и неприкрытой ни была инициатива местных функционеров при подготовке петиций, которыми было завалено Собрание, национальный характер требования не вызывал сомнений. Не было другого кандидата, чье имя несло бы за собой сколько-нибудь реальную популярность или престиж, или вокруг которого могли бы сплотиться даже фракции парламента, враждующие с президентом. Собрание было разделено не очень неравномерно между легитимистами, орлеанистами и республиканцами. Если бы действительно две монархические группировки могли действовать согласованно, у них могла бы быть некоторая надежда на восстановление трона; и уже была предпринята попытка заключить союз при том понимании, что бездетный граф де Шамбор должен признать внука Луи Филиппа своим наследником, а Орлеанский дом откажется от своих притязаний при жизни главы старшей линии. Эти планы были сорваны отказом графа де Шамбора санкционировать любое обращение к народному голосованию, и поэтому восстановление монархии в настоящее время было безнадежным. Ассамблее оставалось решить, будет ли это способствовать переизбранию Луи Наполеона на пост президента путем пересмотра Конституции или рискнет подвергнуться насильственной узурпации им власти. Положение было печальным и даже унижительным для тех, кто, хотя и не мог скрыть своих истинных чувств к принцу, все же знал, что не может рассчитывать на поддержку нации, если они окажут ему сопротивление. Легитимисты, более оптимистичные по настроению, имели в виду окончательное восстановление монархии и с радостью соглашались на любую политику, которая могла ослабить конституционные гарантии Республики. Только республиканское меньшинство решило сопротивляться любому предложению о пересмотре и поставить все на сохранение конституции в ее существующем виде. Какими бы слабыми ни были республиканцы по сравнению с другими группами в Ассамблее, объединившись против них, они все же были достаточно сильны, чтобы помешать Министерству получить то большинство в три четверти, без которого пересмотр Конституции не мог быть осуществлен. Четыреста пятьдесят голосов было подано за пересмотр, двести семьдесят - против (19 июля). Таким образом, предложение провалилось, и Луи Наполеон, который уже мог обвинить Ассамблею в том, что ее большинство уничтожило всеобщее избирательное право, теперь мог обвинить ее в том, что ее меньшинство запретило нации выбрать своего собственного главу. Ему больше ничего не было нужно. Ему оставалось только определиться со временем и обстоятельствами *государственного переворота*, который должен был избавить его от противников и сделать его хозяином Франции.

[Подготовка к *государственному перевороту*.]

У Луи Наполеона было мало близких доверенных лиц; главными из них были его сводный брат Морни, один из незаконных отпрысков королевы Гортензии, светский человек и биржевой спекулянт; Фиалин или Персиньи, человек скромного происхождения, проявивший себя преданным последователем принца в добре и зле; и Флери, офицер, в то время находившийся с миссией в Алжире. Это были не те люди, из которых Луи Наполеон мог бы сформировать администрацию, но они были полезны ему в поиске и привлечении на свою сторону солдат и чиновников достаточного положения, чтобы придать исполнению заговора видимость правительственного акта. В Военном министерстве был нужен генерал, который пошел бы на все противозаконные действия. Такой человек уже был найден в Сент-Арно, командире бригады в Алжире, блестящем солдате, который годами тяжелой службы искупил свое позорное прошлое и который, как было известно, был готов обращаться со своими французскими

согражданами точно так же, как он обращался бы с арабами. Поскольку имя Сент-Арно еще не было известно в Париже, летом 1851 года была организована кампания с целью добиться его отличия. Ценой нескольких сотен жизней Сент-Арно приобрел достаточную известность; и после получения поздравлений, соответствующих его подвигам, из рук самого президента он был вызван в Париж, чтобы в нужный момент стать военным министром. Отряд молодых офицеров, многие из которых приобрели прискорбную известность как генералы 1870 года, постепенно был переведен из Алжира и размещен вокруг министра в столице. Командование парижской армией было передано генералу Маньяну, который, хотя и предпочел не участвовать в обсуждении *государственного переворота*, пообещал свое сотрудничество, когда наступит подходящий момент. Таким образом, поддержка или, по крайней мере, молчаливое согласие армии, казалось, были обеспечены. Национальная гвардия, которая при Шангарнье, вероятно, сплотилась бы в защиту Собрания, была подчинена офицеру, обязавшемуся удерживать ее в бездействии. Руководство полицией Луи Наполеон возложил на г-на Мопаса, префекта Верхней Гаронны. Этот человек, чьему бесстыдству мы обязаны самой достоверной информацией, которая существует о *государственном перевороте*, находясь на низшем посту, взял за правило втираться в доверие к президенту, направляя ему лично полицейские отчеты, которые следовало бы направить министрам. Цели и характер г-на Мопассана были достаточно скоро поняты Луи Наполеоном. Он выдвинул его на высокий пост, защитил от осуждения начальства и, когда *приближался* государственный переворот,

вызвал его в Париж в полной и обоснованной уверенности, что на г-на Мопаса, как префекта полиции, можно положиться в любой, даже самой коварной хитрости, способной настроить блюстителей закона против самого закона.....[*Государственный переворот* назначен на декабрь.]

Подготовка к *государственному перевороту* была настолько продвинута в сентябре, что большинство заговорщиков тогда призвали Луи Наполеона нанести удар без промедления, в то время как члены Ассамблеи все еще были рассеяны по Франции во время каникул. Сент-Арно, однако, отказался дать свое согласие, заявив, что депутаты, если их оставить свободными, соберутся вдали от Парижа, призовут к себе генералов, верных Конституции, и начнут гражданскую войну. Он настаивал на том, что во избежание более серьезных последующих рисков необходимо было бы арестовать всех ведущих представителей и генералов, от которых можно было бы ожидать сопротивления, и держать их под страхом до тех пор, пока кризис не закончится. Этот одновременный арест всех выдающихся общественных деятелей Франции мог быть произведен только в то время, когда заседало Собрание. Поэтому Сент-Арно потребовал, чтобы *государственный переворот* был отложен до зимы. Еще одна причина для задержки. Как ни мало население Парижа любило реакционное собрание, Луи Наполеон не был полностью уверен в том, что оно спокойно станет свидетелем его собственной узурпации власти. В ожидании, пока Палата снова соберется на заседание, он увидел возможность представить свое дело как дело самих масс и оправдать свои действия как единственное средство обеспечения прав народа против законодательного органа, упрямо стремящегося их отрицать. Собственные министры Луи Наполеона отменили всеобщее избирательное право. Это действительно могло бы стать поводом для комментариев со стороны критиков, но это не было тем обстоятельством, которое могло бы помешать осуществлению великого замысла. Соответственно Луи Наполеон решил потребовать от Собрания при открытии зимней сессии отмены закона о выборах от 31 мая и сделать его отказ, на который он мог с уверенностью

рассчитывать, поводом для его отмены.

[Луи Наполеон требует отмены Закона от 31 мая.]

[Собрание отказывается.]

До этого времени заговорщики были заговорщиками и ничем более. Все еще существовало Министерство, которое не было инициировано по замыслу президента и не находилось полностью в его распоряжении. На его требование внести в Ассамблею предложение об отмене закона от 31 мая Кабинет министров подал в отставку. Таким образом, для исполнителей *государственного переворота был окончательно открыт путь к высшим государственным функциям*. Сент-Арно был направлен в Военное министерство, Мопаса - в префектуру полиции. Назначенные им коллеги были слишком незначительны, чтобы осуществлять какой-либо контроль над их действиями. При возобновлении работы Ассамблеи 4 ноября было зачитано энергичное послание Президента. С одной стороны, он осудил обширное и опасное сочетание всех наиболее опасных элементов общества, которое угрожало захлестнуть Францию в следующем году; с другой стороны, он потребовал, с некоторыми неопределенными гарантиями, восстановления всеобщего избирательного права. Средние классы были напуганы перспективой социалистической революции; Ассамблея была разделена сама против себя, а парижской демократии льстило уважение, оказанное всенародному голосованию. С очень небольшим опозданием в Ассамблею была внесена мера, отменяющая Закон от 31 мая. Он был поддержан республиканцами и многими членами других групп; но большинство Ассамблеи, стремясь найти какой-то компромисс, отказалось осудить его собственную работу в той безоговорочной форме, на которой настаивал президент. Законопроект был отклонен семью голосами. Сразу же по Парижу распространился слух о готовящемся *государственном перевороте*. Квесторы, или члены, ответственные за охрану Ассамблеи, внесли резолюции, необходимые для того, чтобы они могли обеспечить достаточную военную помощь. Даже сейчас оперативные действия, возможно, могли бы спасти Палату. Но депутаты-республиканцы, разгневанные своим поражением в вопросе о всеобщем избирательном праве, с головой окунулись в ловушку, расставленную для них президентом, и объединились с его явными или тайными сторонниками, чтобы отклонить предложение квесторов. Шангарнье слепо ручался за верность армии; один депутат-республиканец, обладавший более богатым воображением, чем его коллеги, призвал Ассамблею довериться своему невидимому стражу - народу. Таким образом, большинство членов Палаты, недвусмысленно предупреждая об опасности, настаивало на предоставлении агрессору всех возможных преимуществ. Если слабоумие оппонентов - лучшее предзнаменование успеха в смелом предприятии, то у президента действительно было мало причин предвидеть неудачу.

[*Государственный переворот, 2 декабря.*]

Исполнение *государственного переворота* было назначено на раннее утро 2 декабря. Накануне вечером Луи Наполеон устроил публичный прием в Елисейском дворце, его спокойные, сдержанные манеры никак не указывали на предстоящую борьбу. Прежде чем гости разошлись, Президент удалился в свой кабинет. Там состоялся последний совет заговорщиков, и они разошлись, каждый для выполнения порученной ему работы. Центральным элементом плана был арест Кавеньяка, Шангарнье и трех других генералов, которые были членами Ассамблеи, а также одиннадцати гражданских депутатов, включая М. Тьера и шестидесяти двух других влиятельных политиков. Глубокой ночью Мопасс вызвал в префектуру полиции

достаточное количество своих доверенных агентов, по прибытии принял каждого из них в отдельной комнате и поручил каждому арестовать одну из жертв. Аресты были произведены до рассвета, и передовые солдаты и граждане Франции встретились друг с другом в тюрьме Мазас. Бурбонский дворец, место проведения Собрания, был занят войсками. Национальная типография была захвачена жандармами, и прокламации Луи Наполеона, фраза за фразой распространявшиеся среди разных наборщиков, были напечатаны еще до того, как рабочие поняли, чем они занимаются. Когда рассвело, парижане обнаружили солдат на улицах, а стены были увешаны плакатами с манифестами Луи Наполеона. Первым из них был декрет, в котором от имени французского народа объявлялось о роспуске Национального собрания и Государственного совета, восстановлении всеобщего избирательного права и созыве коллегий выборщиков с 14 по 21 декабря. Вторым было обращение к народу, в котором Луи Наполеон сразу же осудил монархических заговорщиков внутри Собрания и анархистов, стремившихся свергнуть все правительство. Его долг призывал его спасти Республику, обратившись с призывом к нации. Он предложил создать десятилетнюю исполнительную власть с Сенатом, Государственным советом, Законодательным органом и другими институтами, позаимствованными у консульства 1799 года. Если бы нация отказала ему в большинстве своих голосов, он созвал бы новое Собрание и сложил бы свои полномочия; если бы нация верила в дело, символом которого было его имя, во Франции, возрожденной Революцией и организованной императором, она доказала бы это, утвердив его полномочия. Третье воззвание было адресовано армии. В 1830 и 1848 годах с армией обращались как с побежденной, но теперь ее голос был услышан. Общая слава и печали объединили солдат Франции с наследником Наполеона, и будущее объединит их общей преданностью покою и величию своей страны.

[Париж, 2 декабря.]

Группы, которые их читали, поначалу не поняли полного значения этих манифестов. Ассамблея была настолько непопулярна, что объявление о ее роспуске с восстановлением всеобщего избирательного права скорее обрадовало, чем встревожило демократические кварталы Парижа. Только по прошествии нескольких часов об арестах стало общеизвестно и появились первые симптомы сопротивления. Группы депутатов собирались у домов парламентских лидеров; группе из пятидесяти человек даже удалось проникнуть во дворец Бурбонов и начать дебаты; однако вскоре они были разогнаны солдатами. Позже в тот же день более двухсот депутатов собрались в мэрии десятого округа. Там они приняли резолюции, объявляющие президента отстраненным от должности и назначающие командующего войсками в Париже. Первые офицеры, которых послали зачистить мэрию, дрогнули при выполнении своей работы и удалились за дальнейшими приказами. Судьи Высокого суда, в обязанность которых входило выносить постановление об импичменте президента в случае нарушения им присяги Конституции, собрались и начали необходимое разбирательство; но прежде чем они смогли подписать ордер, солдаты ворвались в зал и прогнали судей со скамьи подсудимых. В должное время генерал Форей появился с сильным отрядом войск в мэрии, где собрались двести депутатов. Отказавшись разойтись, они были все до единого арестованы и препровождены в качестве заключенных между рядами войск в казармы на набережной Орсе. Национальная гвардия, чьи барабаны были сняты их командиром ввиду любого спонтанного движения к оружию, оставалась невидимой. Луи Наполеон выехал под одобрительные крики солдат, и когда день подошел к концу, казалось, что Париж решил принять смену правительства и

ниспровержение Конституции без борьбы.

[3 декабря.]

[4 декабря.]

Однако в рабочих кварталах находилось несколько решительных людей, и в более богатой части города надругательство над Национальным представительством постепенно пробудило дух сопротивления. Утром 3 декабря депутат Боден встретил свою смерть при попытке защитить баррикаду, возведенную в предместье Сент-Антуан. Ремесленники восточного Парижа не проявляли, однако, особого желания браться за оружие в защиту тех, кто разгромил их в течение четырех дней июня; волнение было самым сильным на бульварах и распространилось на запад, в самый престижный район Парижа. Баррикады, воздвигнутые к югу от бульваров, были так многочисленны, а толпы столь внушительны, что к концу дня войска были отведены, и было решено, что после спокойной ночи они пойдут в общую атаку и одним ударом положат конец борьбе. В полдень 4 декабря дивизии армии со всех сторон сошлись на мятежном квартале. Баррикады были захвачены или сровнены с землей артиллерией, и с потерей войск в двадцать восемь человек убитыми и сто восемьдесят ранеными сопротивление было преодолено. Но солдат научили относиться к жителям Парижа как к своим врагам, и они усовершенствовали данные им инструкции. Обезумев от выпивки или паники, они начали беспорядочную стрельбу на бульварах после окончания конфликта и убивали всех, кто оказывался на улице или в окнах домов в пределах досягаемости их пуль. Согласно официальным признаниям, за каждого убитого солдата были заплачены жизни шестнадцати мирных жителей; по независимым оценкам, число жертв этой резни намного выше. Последовали две тысячи арестов, и каждый француз, который казался опасным сторонником Луи Наполеона, от Тьера и Виктора Гюго до ораторов-анархистов из винных лавок, был либо отправлен в ссылку, либо заключен в тюрьму. Так была сохранена Республика и спасено общество.

[Плебисцит, 20 декабря.]

[Наполеон III. Император, 2 декабря 1852 г.].

Франция в целом восприняла известие о *государственном перевороте* с безразличием: там, где он вызвал народные движения, эти движения носили такой характер, что Луи-Наполеон извлек из них максимальную выгоду. Определенный жестокий, слепой социализм распространился среди беднейших сельских слоев населения в центре и на юге Франции. В этих департаментах происходили отдельные восстания, сопровождавшиеся актами такого кровавого возмущения и безумия, что всеобщий ужас охватил прилегающие районы. В течение нескольких дней разбойничьи банды были рассеяны, и все, кто был замешан в их злодеяниях, подверглись беспощадному наказанию; но донесения, посланные в Париж, были слишком полезны Луи Наполеону, чтобы оставить их в неизвестности; и эти жестокие деревенские беспорядки, прекратившиеся при первом появлении горстки солдат, были представлены как прелюдия к широкой социалистической революции, от которой *государственный переворот*, и только он, спас Францию. Напуганная повторным появлением Красного Призрака, французская нация 20 декабря приступила к вынесению своего приговора по поводу совершенной узурпации. Вопрос, вынесенный на *плебисцит*, заключался в том, желает ли народ сохранения власти Луи Наполеона и предоставил ли ему необходимые

полномочия для установления Конституции на основе, изложенной в его прокламации от 2 декабря. Семь миллионов голосов ответили на этот вопрос утвердительно, менее одной десятой от этого числа - отрицательно. Результат был объявлен в последний день 1851 года. В первый день нового года Луи Наполеон посетил благодарственную службу в Соборе Парижской Богоматери, вступил во владение Тюильри и восстановил орла в качестве военной эмблемы Франции. Теперь он был абсолютным сувереном во всем, кроме названия. Церковь, армия, вечно раболепный орган гражданской администрации с нетерпением ждали возрождения императорского титула. Спаситель общества также не был тем человеком, который уклонялся бы от дальнейших обязанностей. Перед окончанием года народ был еще раз призван выразить свою волю. Семь миллионов голосов отдано за наследственную власть; и в годовщину *государственного переворота* Наполеона III. был провозглашен императором Франции.

ГЛАВА XXI.

Англия и Франция в 1851 году-Россия при Николае-Венгерские беженцы-Спор между Францией и Россией о Святых местах-Николай и британский посол-Лорд Стратфорд де Редклифф-Миссия Меншикова-Русские войска входят в Дунайские княжества-Кабинет лорда Абердина-Передвижения флотов-Венская нота-Флоты проходят Дарданеллы-Турецкая эскадра уничтожена при Синопе-Объявление войны-Политика Австрии-Политика Пруссии-Западные державы и Европейский союз-Осада Силистрии-Эвакуация княжеств-Дальнейшие цели западных держав Державы-Вторжение в Крым-Битва при Альме-Фланговый марш-Балаклава-Инкерман-Зима в Крыму-Смерть Николая-Венская конференция-Австрия-Ход осады-Планы Наполеона III.-Канробер и Пелисье-Неудачный штурм-Битва при Черной-Взятие Малакова-Падение Севастополя-Падение Карса-Переговоры о мире-Парижская конференция-Парижский мирный договор -Дунайские княжества-Продолжающиеся раздоры в Османской империи-Пересмотр Парижского мирного договора 1871 года .

[Англия в 1851 году.]

1851 год запомнился в Англии как год Великой выставки. Тридцать шесть лет мира, отмеченные огромным развитием обрабатывающей промышленности, введением железных дорог и победой принципа свободной торговли, завершились зрелищем столь впечатляющим и таким новым, что многим оно показалось символом и предвестником новой эпохи в истории человечества, в которой войны должны прекратиться, а соперничество наций наконец-то

обретет свой истинный размах в развитии искусства мира. Апостолы свободной торговли идеализировали дело, за которое они боролись. Несчастья и преступления народов, как они считали, были вызваны главным образом действиями правительств, которые втянули миллионы безобидных людей в войну ради династических целей и парализовали человеческую энергию своим собственным слепым и бессмысленным вмешательством в естественный ход обмена. Сострадание к бедным и страждущим, справедливое негодование против законов, которые в предполагаемых интересах меньшинства обрекали массу нации на жизнь в нужде, придавали моральный пыл и возвышенность учению Кобдена и тех, кто разделял его дух. Подобно другим, кого обуревал благородный энтузиазм, у них были свои видения; и в своем чувстве величия той новой силы, которая была готова воздействовать на человеческую жизнь, они оба забыли о неполноте своей собственной доктрины и недооценили влияния, которые действовали и еще долго будут действовать на человечество в противоположном направлении. Лидер английской экономической реформы середины этого столетия совершенно искренне надеялся на воцарение мира в результате беспрепятственных отношений между членами европейской семьи. То, что провозгласил гениальный и убежденный человек, шарлатан повторил в свою очередь. Луи Наполеон оценил очарование, которое схемы коммерческого развития оказывали на торговые классы Франции. Он был готов приветствовать императорских орлов как объекты поклонения и вспоминать славу Наполеона, обращаясь к солдатам; когда дело касалось удовлетворения коммерческого мира, он был самым воплощением мира и мирной промышленности. "Некоторые люди, - сказал он в обращении в Бордо незадолго до принятия титула императора, - говорят, что Империя - это война. Я говорю, что Империя - это мир; ибо Франция желает мира, и когда Франция удовлетворена, мир спокоен. У нас есть необитаемые территории, которые нужно обрабатывать, дороги, которые нужно открыть, гавани, которые нужно вырыть, систему железных дорог, которую нужно достроить; мы должны соединить все наши крупные западные порты с американским континентом за счет скорости сообщения, которой мы все еще хотим. Нам нужно восстанавливать руины, низвергать ложных богов, торжествовать истины. Это смысл, который я придаю Империи; это завоевания, которые я рассматриваю". Никогда идеал трудолюбивого мира не был так впечатляюще представлен человечеству, как в годы, последовавшие за потрясением 1848 года. Однако эпоха, в которую Европа тогда собиралась вступить, оказалась по преимуществу эпохой войны. В следующую четверть века не было ни одной из Великих держав, которая не была бы вовлечена в вооруженную борьбу со своими соперниками. Войны этого периода ни в коем случае не были результатом случайности или оторваны от потока политических тенденций, составляющих историю той эпохи. За одним исключением, они оставили после себя великие перемены, для которых настало время, перемены, которые на протяжении более чем поколения были признанными объектами национальных желаний, но которые ни убеждения, ни революция в равной степени не смогли осуществить. Одна только Крымская война не принесла положительных результатов длительного характера и, как может показаться, лишь отсрочила, ценой огромных человеческих жизней, падение обреченной и измотанной Державы. Но еще не пришло время, когда можно было бы с уверенностью выразить реальное влияние свержения России в 1854 году на судьбу христианских народов Турции. Победа защитников султана отсрочила освобождение этих народов на двадцать лет; победа или неудержимая агрессия России в 1854 году, возможно, навсегда закрыла бы для них пути к национальной независимости.

[Политика России при Николае I.]

Планы, разработанные императрицей Екатериной в прошлом веке по восстановлению Греческой империи при принце Русского дома, давно были заброшены в Санкт-Петербурге. Более поздняя цель российской политики нашла свое наиболее ясное выражение в Ункиар-Скелесском мирном договоре, вымоганном у султана Махмуда в 1833 году в ходе первой войны против Мехмета Али. Этот Договор, если бы он не был отменен Западными державами, превратил бы Османскую империю в вассальное государство под защитой царя. В европейском союзе, который был вызван к жизни второй войной Мехмета Али против султана в 1840 году, Николай считал своим интересом действовать вместе с Англией и германскими державами в защиту Порты от ее египетского соперника и своего французского союзника. Политика умеренности была навязана России возросшей бдительностью и активностью, которые теперь проявляли другие европейские государства во всем, что касалось Османской империи. Изолированная агрессия стала невыполнимой; России было необходимо заручиться поддержкой какого-нибудь союзника, прежде чем отважиться на следующий шаг в распространении своей власти на юг.

[Николай в Англии, 1844.]

В 1844 году Николай посетил Англию. Целью его путешествия было оповестить двор и правительство и заложить основу для согласованных действий между Россией и Англией, исключая Францию, когда обстоятельства приведут к распаду Османской империи, событию, которое, по мнению царя, было не за горами. Пил был тогда премьер-министром; лорд Абердин был министром иностранных дел. Абердин начал свою политическую карьеру в дипломатической миссии при союзных армиях в 1814 году. Его чувства к России были чувствами верного друга к старому союзнику; и воспоминание об эпохе 1814 года, когда молодой Николай познакомился с лордом Абердином во Франции, по-видимому, вселило в царя особое чувство уверенности в доброжелательности английского министра по отношению к нему. Николай открыто говорил с Абердином, а также с Пилом и Веллингтоном о надвигающемся падении Османской империи. "У нас на руках, - сказал он, - больной, умирающий человек. Мы должны сохранять ему жизнь до тех пор, пока это возможно, но, честно говоря, мы должны принимать во внимание все непредвиденные обстоятельства. Я сам не желаю ни пяди турецкой земли, но и не позволю никакой другой Державе захватить ни пяди ее. Франция, которая имеет виды на Африку, Средиземноморье и Восток, - единственная держава, которой следует опасаться. Взаимопонимание между Англией и Россией сохранит мир в Европе". Если царь и углубился в свои рассуждения, чему нет никаких свидетельств, то ответа он не получил. Его выслушали с осторожностью, и его визит, по-видимому, не привел ни к чему большему, чем формальное выражение желания со стороны британского правительства, чтобы существующие договорные права России уважались Портой, вместе с ничего не значащим обещанием, что, если в Турции произойдут неожиданные события, Россия и Англия должны посоветоваться относительно наилучшего курса действий, который следует осуществлять совместно. ^[455]

[Николай в 1848 году.]

[Венгерские беженцы, 1849.]

Николай, то ли из соображений политики, то ли из чувства королевской чести, которое в большинстве случаев оказывало на него сильное влияние, не воспользовался поражением континентальных держав в 1848 году для нападения на Турцию. Он ненавидел революцию как преступление против божественно установленного подчинения народов их правителям и,

вероятно, почувствовал бы себя униженным, если бы, в духе своей предшественницы Екатерины, обратил бедствия своих братьев-монархов в свою пользу. Его гордой натуре, возможно, также и планам далеко идущей политики больше соответствовало то, что Россия выступила в качестве защитника Габсбургов против восставших венгров, чем то, что ее армии вырвали у Порты то, что по прошествии времени и доброй воли европейских союзников, вероятно, не так уж далеко дали бы России без борьбы. Беспорядки в Бухаресте и Яссах действительно привели к российскому вмешательству в Дунайские княжества в интересах деспотической системы правления; но по договору Россия обладала протекционистскими правами над этими провинциями. Военная оккупация, последовавшая за восстанием против господарей, была предметом соглашения между Турцией и Россией; она была осуществлена армиями двух держав совместно; и по истечении двух лет русские войска были мирно выведены. Более серьезными были трудности, возникшие в связи с бегством Кошута и других венгерских лидеров в Турцию после покорения Венгрии союзными австрийской и русской армиями. Венский и Санкт-Петербургский дворы объединились, потребовав от Порты выдачи этих беженцев; султан отказался выдать их, и его энергично поддержала Великобритания, а детей Кошута по прибытии в Константинополь приняли в британском посольстве и позаботились о них. Тираническое требование двух императоров, мужественное сопротивление султана возбудили величайший интерес в Западной Европе. По странному стечению обстоятельств Власть, которая в конце прошлого столетия потребовала от венского двора греческого лидера Регаса и предала его смерти, как только он был передан австрийской полицией, теперь завоевывала восхищение всех свободных наций как последняя преграда, защищавшая поборников европейской свободы от мести деспотической мощи. Царь и император Австрии не считались с силами общественного негодования, вызванными против них на Западе их попыткой вырвать своих врагов из рук султана. Они отозвали своих послов из Константинополя и пригрозили применить силу. Но появление британского и французского флотов в Дарданеллах придало новый аспект спору. Императоры узнали, что если они пойдут войной на Турцию по рассматриваемому вопросу, им придется сражаться также и против западных держав. Требование о выдаче беженцев было отозвано; и, взяв на себя обязательство держать главного из них под наблюдением в течение разумного периода, султан предоставил двум императорским дворам такое удовлетворение, какое они могли принять без потери достоинства. ^[456]

[Спор между Францией и Россией о святых местах, 1850-2.]

The *Государственный переворот* Луи Наполеона в конце 1851 года был засвидетельствован царем с сочувствием и восхищением как заслуга перед делом порядка; но присвоение принцем императорского титула вызвало у него крайнее неудовольствие. Не отказываясь признавать Наполеона III, он отказался обращаться к нему термином (*mon frère*), обычно используемым монархами в письменных обращениях друг к другу. В дополнение к вопросу, касающемуся венгерских беженцев, спор о Святых местах в Палестине грозил вызвать раздор между Францией и Россией. Та же волна религиозного и богословского интереса, которая в Англии породила трактарианское движение, вызвала на арену политической жизни Франции энтузиазм по отношению к Церкви, долгое время чуждый законодательной власти и правящим кругам Парижа. На Ассамблее 1849 года Монталамбер, представитель этого воинствующего католицизма, был одной из выдающихся фигур. Луи Наполеон, как президент, искал благосклонности тех, кем руководил Монталамбер; и то же самое правительство, которое восстановило Папу в Риме, потребовало от Порты более строгого соблюдения прав латинской

церкви на Востоке. Самые ранние христианские легенды были локализованы в различных местах вокруг Иерусалима. В века веры они были целью бесчисленных паломничеств, а в более поздние столетия стали предметом договоров между Портой и Францией. Греческие монахи, однако, спорили с латинскими монахами за охрану Святых мест; и по мере роста могущества России привилегии греческих монахов увеличивались. Претензии соперничающих братств, которые касались дверей, ключей, звезд и светильников, вероятно, были бы урегулированы к удовлетворению всех сторон в течение нескольких часов опытным режиссером; в руках дипломатов, стремившихся одержать победу друг над другом, они приобрели размеры, которые затмили мир в Европе. Французский и русский министры в Константинополе попеременно мучили султана, изображая обиженных ризничих, пока в начале 1852 года Порта не скомпрометировала себя с обеими сторонами, признав за каждой права, которые, по ее словам, она также обеспечивала другой. Еще год, проведенный в увиливаниях, оправданиях и угрозах, закончился триумфом французов, уклонением от обещаний, данных султаном России, и поражением греческой церкви в лице монахов, совершавших богослужения у Гроба Господня и Святилища Рождества Христова. ^[457]

[Николас и сэр Х. Сеймур, январь-февраль 1853 г.]

Николас рассматривал поведение Порты как оскорбление по отношению к нему самому. Конфликт, вспыхнувший между султаном и черногорцами и теперь грозивший принять смертельную форму, укрепил царя в его вере в то, что настало время для решительных действий. В начале 1853 года он обратился к Гамильтону Сеймуре, британскому послу в Санкт-Петербурге, в выражениях гораздо более сильных и ясных, чем те, которые он употреблял по отношению к лорду Абердину девять лет назад. "Больной человек, - сказал он, - был в крайней степени; пришло время для ясного взаимопонимания между Англией и Россией. Оккупация Константинополя русскими войсками могла быть необходима, но царь не стал бы удерживать его постоянно. Он не позволил бы никакой другой державе утвердиться на Босфоре, равно как и не допустил бы распада Османской империи на республики, которые предоставили бы убежище мадзини и Кошутам Европы. Дунайские княжества уже были независимыми государствами под защитой России. Другие владения султана к северу от Балкан могли быть поставлены в такое же положение. Англия могла аннексировать Египет и Крит." Передав это сообщение британскому послу и получив ответ, что Англия отказывается участвовать в каких-либо планах, основанных на падении Турецкой империи, и отказывается от всякого желания аннексии какой-либо части владений султана, Николай отправил князя Меншикова в Константинополь, чтобы потребовать от Порты не только немедленного урегулирования вопросов, касающихся Святых мест, но и Заключения Договора, гарантирующего греческой церкви беспрепятственное пользование всеми ее древними правами и пользование всеми привилегиями, которые могут быть предоставлены Портой любым другим христианским общинам. ^[458]

[Требования России.]

Международный договор, которого Меншикову было поручено требовать, поставил бы султана и царя в положение договаривающихся сторон в отношении всего комплекса прав и привилегий, которыми пользуются подданные султана греческого исповедания, и, таким образом, сделал бы нарушение этих прав в отношении любого отдельного христианина вопросом, дающим России право вмешиваться, или требовать сатисфакции в связи с

нарушением Договорных обязательств. По Кайнарджийскому мирному договору (1774) султан действительно обязался "защищать христианскую религию и ее церкви"; но эта фраза была слишком расплывчатой, чтобы создавать конкретный вопрос о договорных обязательствах; и если бы это дало России какое-либо общее право вмешательства от имени членов Греческой церкви, это дало бы ей такое же право от имени всех римских католиков и всех протестантов во владениях султана, право, которым цари никогда не пользовались, как они заявляли. Более того, сам Кайнарджийский мирный договор косвенно запрещал любое подобное строительство, поскольку в нем поименно упоминалось одно церковное здание, священникам которого Порты уступила России право обращаться с представлениями к султану. По Адрианопольскому мирному договору Россия обладала над Дунайскими княжествами несомненными протекторскими правами; но эти провинции находились на совершенно ином положении, чем остальная часть империи. То, что греческая церковь по обычаю и законодательному акту обладала привилегиями, уважать которые было обязанностью султана, никто не оспаривал: новизна заявления Меншикова заключалась в том, что соблюдение этих прав должно быть предметом Договора с Россией. Важность этого требования была доказана тем фактом, что Меншиков строго запретил турецким министрам сообщать о нем другим державам, и что Николай поставил английское правительство в известность, что миссия его посланника не имела никакой другой цели, кроме окончательного урегулирования трудностей, связанных со Святыми местами. ^[459]

[Лорд Стратфорд де Редклифф.]

[Меньшиков покидает Константинополь 21 мая.]

[Русские войска входят в княжества.]

Когда Меншиков прибыл в Константинополь, британское посольство находилось в руках подчиненного офицера. Посол, сэр Стратфорд Каннинг, недавно вернулся в Англию. Стратфорд Каннинг, двоюродный брат премьер-министра, с 1810 года время от времени работал на Востоке. В его карьере был период, когда он желал изгнания турка из Европы как неизлечимого варвара; но реформы султана Махмуда позже вызвали у него горячий интерес и симпатию, и в качестве посла в Константинополе с 1842 по 1852 год он усердно трудился над возрождением Турецкой империи и улучшением положения христианских рас под властью султана. Его неустрашимая, неослабевающая энергия, его благородный вид, искренность его дружбы к Порте обеспечили ему влияние в Константинополе, которым редко, если вообще когда-либо, пользовался иностранный государственный деятель. Были моменты, когда казалось, что он добивается каких-то ценных результатов; но задача, за которую он взялся, превосходила человеческие силы; и после десяти лет, потраченных на то, чтобы снискать себе славу величайшего посла, которым Англия была представлена в наше время, он заявил, что перспективы турецкой реформы безнадежны, и покинул Константинополь, не намереваясь возвращаться. ^[460] До назначения его преемника миссия князя Меншикова, жестокость его поведения в Константинополе и слухи о том, что он стремился к гораздо большему, чем его очевидная цель, встревожили британское правительство. Каннинга попросили вернуться на свой пост. Вернувшись в Константинополь в качестве лорда Стратфорда де Редклиффа, он во время своего путешествия общался с дворами Парижа и Вены и имел при себе полномочия приказать адмиралу флота на Мальте держать свои корабли в готовности к отплытию на Восток. Он прибыл в Босфор 5 апреля, сразу узнал реальное положение дел и вступил в переговоры с

Меншиковым. Русский, сущий ребенок в дипломатии по сравнению со своим соперником, позволил убедить себя отделить вопрос о Святых местах от вопроса о гарантиях прав греческой церкви. В первом случае у России были веские основания; во втором она выдвигала новые претензии. Поскольку эти двое были разобщены, Стратфорду не составило труда договориться о компромиссе по Святым местам, удовлетворяющем представителя царя; и требование о протекторате над греческими христианами теперь выступало незамутненным теми мелочными претензиями, с которыми оно было связано поначалу. Стратфорд призвал турецкое правительство отклонить российское предложение. Зная, тем не менее, что Меншиков в качестве последнего средства попытается лично запугать султана, он воздержался от представления министрам, ввиду этой последней опасности, самого сильного из всех своих аргументов; и, добиваясь личной аудиенции у султана 9 мая, он с большой торжественностью сообщил ему о полученных им полномочиях приказать флоту на Мальте быть готовым к отплытию. Султан дал естественное толкование этому заявлению и приказал окончательно отклонить требование Меншикова, хотя русский согласился на изменение его формы и теперь принял бы ноту, декларирующую намерения султана по отношению к греческой церкви, вместо обычного Договора. 21 мая Меншиков покинул Константинополь; и царь, заявив, что Россия должна получить какие-то гарантии для поддержания прав греческих христиан, объявил, что он должен приказать своей армии занять Дунайские провинции. С интервалом в несколько недель русские войска переправились через Прут и распространились по Молдавии и Валахии. (22 июня.) ^[461]

[Политика в отношении английского языка.]

При обычном ходе дел вторжение на территорию одной империи войска другой является и не может быть ничем иным, как актом войны, требующим военных действий в качестве меры защиты со стороны захваченной Державы. Но царь возразил, что, беря в залог Дунайские княжества, он не имел намерения нарушать мир; и все же здравый смысл турок, а также советы, которые они получали извне, заставляли их колебаться, прежде чем объявлять войну. С декабря 1852 года лорд Абердин был премьер-министром Англии, возглавляя кабинет, сформированный коалицией между последователями сэра Роберта Пила и лидерами вигов Пальмерстоном и Расселом. ^[462] В Англии не было человека более миролюбивого по характеру или более стремящегося сохранить отношения благородной дружбы с Россией, чем лорд Абердин. Царь справедливо рассчитывал на выдержку премьер-министра, но он не смог оценить мощь тех сил, которые как внутри Кабинета, так и за его пределами выступили в направлении вооруженного сопротивления России. Пальмерстон стремился к действию. Лорд Стратфорд, по-видимому, с самого начала считал само собой разумеющимся, что, если между султаном и царем возникнет война в результате отклонения требования Меншикова, Великобритания будет сражаться в защиту Османской империи. Он не заявил об этом прямо, но сообщение, которое он сделал султану относительно своих собственных инструкций, могло быть направлено только на то, чтобы произвести такое впечатление. Если флот не должен был защищать султана, было бы просто обманом сообщить ему, что посол имеет полномочия привести его в готовность к отплытию; и такой обман был столь же чужд характеру лорда Стратфорда, сколь предположение о фактической помолвке с султаном соответствовало его властной воле и страстной убежденности в долге Англии. Со дня визита лорда Стратфорда во дворец, хотя никакого Договора или соглашения не существовало, Англия оставалась связанной честью до тех пор, пока турки будут проводить политику, изложенную ее посланником, чтобы оправдать ожидания,

которые этот посланник возлагал.

[Британский и французский флоты прибыли в бухту Бесика в июле 1853 года.]

[Венская нота, 28 июля.]

[Константинополь в сентябре.]

[Британский и французский флоты проходят Дарданеллы, 22 октября.]

Если бы лорд Стратфорд стоял во главе правительства, политика и намерения Великобритании, без сомнения, были бы объявлены с такой отчетливостью, что у царя не возникло бы неверного представления о результатах его собственных действий. Пальмерстон, будучи премьер-министром, вероятно, избрал бы такой же четкий курс, и эта нация либо избежала бы войны, либо была развязана с определенной целью и по определенному вопросу. Но кабинет лорда Абердина был не согласен сам с собой. Абердин был готов пойти на все в переговорах, но он не был достаточно властен над своими коллегами и представителями Англии за границей, чтобы предотвратить действия и заявления, которые сами по себе приближали войну; прежде всего, он не смог потребовать от Турции воздержания от военных действий, на котором, пока длились переговоры, несомненно, должны были настаивать Англия и другие державы, предложившие выступить на стороне Порты самостоятельно. После объявления царем, что его армия вот-вот войдет в княжества, британское правительство направило флот в бухту Бесика, недалеко от входа в Дарданеллы, и уполномочило Стратфорд направить его в Босфор на случай нападения на Константинополь. ^[463] Французский флот, который вошел в греческие воды после появления Меншикова в Константинополе, занял ту же позицию. Тем временем европейская дипломатия была усердно занята разработкой схем компромисса между Портой и Россией. Представители четырех держав встретились в Вене и согласовали ноту, которая, по их мнению, удовлетворила бы любые законные требования России от имени Греческой церкви и в то же время не налагала бы на султана никаких дополнительных обязательств по отношению к России, кроме тех, которые уже существовали. ^[464] Эта записка, однако, была плохо составлена и открыла бы дверь для новых претензий со стороны России на общий протекторат, не санкционированный ее авторами. Проект был отправлен в Санкт-Петербург и был принят царем. В Константинополе его двусмысленность была сразу же признана; и хотя лорд Стратфорд в своем официальном качестве настаивал на его принятии под европейскую гарантию от неправильного толкования, Диван, теперь уже под давлением сильных патриотических сил, отказался принять ноту, если в ее формулировки не будут внесены определенные изменения. Франция, Англия и Австрия объединились в рекомендации Суду Санкт-Петербурга принять эти поправки. Царь, однако, отказался признать их, и российский документ, получивший огласку, для которой он не предназначался, доказал, что формулировка ноты, которую поправки были специально призваны исключить, была именно той, которую Россия намеревалась поместить в нее. Теперь британское министерство отказалось рекомендовать эту ноту Порте. ^[465] Австрия, хотя и одобрила поправки, не сочла, что их отклонение царем оправдывает Англию в отказе от ноты как общего решения европейских держав; и, таким образом, согласие Европы было прервано, Англия и Франция объединились в политике, которой Австрия и Пруссия не были готовы следовать. По мере того как уменьшались шансы на совместные действия в Европе, пыл самих турок и тех, кто должен был стать их союзниками, возрастал. Беспорядки, организованные главарями военной партии, вспыхнули в Константинополе; и хотя Стратфорд пренебрег тревогами своих французских коллег, которые сообщили, что резня европейцев в столице

неминуема, он счел необходимым вызвать два военных корабля, чтобы обеспечить безопасность английских жителей и самого султана. В Англии Пальмерстон и люди действия в Кабинете министров потащили за собой лорда Абердина. Французское правительство настаивало на энергичных мерах, и в соответствии с его желанием из Лондона лорду Стратфорду были отправлены инструкции отозвать флот в Босфор и использовать его для защиты территории султана от агрессии. 22 октября британский и французский флоты прошли Дарданеллы.

[Ультиматум Омар-паши отклонен, 10 октября.]

[Турецкая эскадра уничтожена в Синопе, 30 ноября.]

Турок, уверенный в защите западных держав, в течение нескольких недель решался на войну; и все же возможности дипломатического урегулирования еще не были исчерпаны. Стратфорд лично переслал в Вену проект независимой ноты, которую султан был готов принять. Этого еще не видели в Санкт-Петербурге. Другие проекты примирения лежали на столах всех ведущих политиков Европы. И все же, хотя в целом существовало убеждение, что можно разработать какой-то план, с помощью которого султан, не жертвуя своим достоинством и интересами, мог бы побудить царя покинуть княжества, не было предпринято никаких серьезных попыток предотвратить столкновение турок со своими врагами как на суше, так и на море. Командующий русскими войсками в княжествах 10 октября отклонил ультиматум, требующий от него вывода войск в течение пятнадцати дней, этот ответ был воспринят как сигнал к началу военных действий. Царь встретил объявление войны заявлением, что он воздержится от наступления и будет продолжать удерживать княжества просто в качестве материальной гарантии. Омар-паше, османскому командующему в Болгарии, не разрешалось придерживаться такой же пассивной позиции. Перейдя Дунай, он атаковал русских и разбил их при Олтенице. Подвергшийся такому нападению царь счел, что его обязательство не переходить в наступление подошло к концу, и русский флот, выйдя из Севастополя, атаковал и уничтожил турецкую эскадру в гавани Синопе на южном побережье Черного моря (30 ноября). Этот поступок был вопиющей глупостью со стороны российских властей, если они все еще лелеяли надежды на умиротворение, о котором заявлял царь; но в этом были виноваты и другие. Лорд Стратфорд и британский адмирал, если они не могли помешать турецким кораблям оставаться в Эвксинском проливе, где они были бесполезны против превосходящих сил России, могли бы, по крайней мере, в осуществление данных им полномочий послать достаточный эскорт, чтобы предотвратить столкновение. Но те же неудачи и незавершенность, которые были характерны для всей дипломатии предыдущих месяцев, присутствовали на советах адмиралов на Босфоре; а катастрофа при Синопе сделала войну между западными державами и Россией почти неизбежной.^[466]

[Последствия действий в Синопе.]

[Российским кораблям требуется войти в порт, декабрь.]

[Англия и Франция объявляют войну, 27 марта 1854 г.]

Сами турки, конечно, не поняли заявление императора Николая как гарантию защиты их эскадры в Синопе от нападения; и османский адмирал был настолько далек от того, чтобы стать жертвой неожиданности, что за несколько дней до этого предупредил свое правительство о вероятности своей собственной гибели. Но для английского народа, возмущенного Россией с

тех пор, как она уничтожила венгерскую свободу и тиранически потребовала выдачи венгерских беженцев, все, что произошло сейчас, стало невыносимой суммой авторитарного насилия и обмана. Канонада, продолжавшаяся по турецким кораблям в Синопе еще долгое время после того, как они стали беззащитны, придала сражению вид резни; предполагаемое обещание царя действовать только в целях обороны вызвало осуждение этого как акта вопиющего предательства; то обстоятельство, что турецкий флот находился в пределах одной из гаваней султана, как бы касаясь территории, которую английский флот обязался защищать, придало атаке характер прямого вызова Англии. Поднялся громкий клич о войне. Наполеон, стремившийся к союзу с Англией, стремившийся совместно с Англией сыграть важную роль перед Европой, даже ценой войны, от которой Франция ничего не выиграет, предложил, чтобы объединенные флоты прошли Босфор и потребовали, чтобы каждое русское судно, курсирующее по Черному морю, вернулось в порт. Его предложение было принято британским правительством. Николас узнал, что российский флаг был снят с Эвксинского острова. Напрасно Порты приняла ноту, по которой представители Держав в Вене еще раз пришли к согласию, и направила ее в Санкт-Петербург (31 декабря). Гордость царя была уязвлена до предела, и в начале февраля он отозвал своих послов из Лондона и Парижа. На письмо, написанное ему Наполеоном III., требующий от своего имени и английской королевы эвакуации княжеств, получил ответ ссылкой на московскую кампанию. Австрия теперь уведомила западные державы, что, если они установят отсрочку эвакуации княжеств, истечение которой должно стать сигналом к военным действиям, она поддержит призыв; и, не дожидаясь, чтобы узнать, присоединится ли Австрия к ним в военных действиях в случае отклонения призыва, британское и французское правительства направили свой ультиматум в Санкт-Петербург. Австрия и Пруссия тщетно пытались примирить Санкт-Петербургский двор с единственной мерой, с помощью которой теперь можно было сохранить мир. Ультиматум остался без ответа, и 27 марта Англия и Франция объявили войну.

[Политика Австрии.]

Одно время царь полагал, что в своих восточных планах он уверен в поддержке Австрии; и у него были веские причины полагать, что он имеет право на ее помощь. Но его образ мыслей был проще, чем у Венского двора. Шварценберг, когда было замечено, что вмешательство России в Венгрию слишком тесно свяжет Дом Габсбургов с его защитником, дал незабываемый ответ: "Мы удивим мир своей неблагодарностью". Возможно, что пример австрийской благодарности поразил бы мир больше всего, но преемники Шварценберга были не из тех людей, которые пожертвуют здравым принципом ради романтики. Два направления восточной политики, с различными модификациями, имели своих сторонников в соперничающих школах государственных деятелей в Вене. Первый - экспансия на юг совместно с Россией; другой - сопротивление распространению российской власти и, как следствие, сохранение целостности Османской империи. Во время долгого правления Меттерниха, вдохновленного верой в Договоры и институты 1815 года, а также страхом перед любой живой, вызывающей беспокойство силой, последовательно придерживались второй из этих систем. В 1854 году определяющим мотивом Венского двора были не решительные политические убеждения, а уверенность в том, что в случае объединения с Россией он будет втянут в войну с Западными державами. Если бы Россия и Турция, скорее всего, остались одни на арене, соглашение о территориальной компенсации, возможно, как и в некоторых других случаях, обеспечило бы царю союз с Австрией. Объединение против Турции было, однако, в настоящее время слишком опасным предприятием для австрийской монархии; и, поскольку в результате войны ничего

нельзя было получить, венским дипломатам оставалось позаботиться о том, чтобы ничего не было потеряно и как можно меньше растрачено впустую. Присутствие русских войск в княжествах, где они контролировали Дунай в его русле между венгерской границей и Черным морем, при отсутствии определенного взаимопонимания представляло опасность для Австрии; и граф Буоль, посланник в Вене, имел поэтому все основания благодарить западные державы за то, что они настаивали на эвакуации этого района. Когда Франция и Англия горели желанием взяться за оружие, со стороны Австрии было бы излишней жестокостью по отношению к царю присоединять к своему собственному требованию эвакуации княжеств угрозу войны. Но эту эвакуацию Австрия была полна решимости провести в жизнь. Она отказалась, как и Пруссия, дать царю гарантии своего нейтралитета; и, поскольку свободное судоходство по Дунаю вплоть до Черного моря теперь стало признано одним из коммерческих интересов Германии в целом, Пруссия и Германская Федерация обязались защищать территорию Австрии, если, принимая меры, необходимые для освобождения княжеств, она сама подвергнется нападению со стороны России. ^[467]

[Пруссия.]

Король Пруссии, как бы ни был затуманен его разум политическими и религиозными фантазиями, тем не менее временами имел более широкий кругозор, чем его соседи; и его мнение относительно истинного решения трудностей между Николаем и Портой во время миссии Меншикова заслуживало большего внимания, чем ему уделялось. . Фридрих Вильгельм предложил, чтобы права христианских подданных султана были поставлены Международным договором под гарантии всех Великих держав. Этому проекту воспротивились лорд Стратфорд и турецкие министры как посягательству на суверенитет султана, и его неприятие побудило короля с некоторой резкостью написать своему послу в Лондоне, что он должен стремиться к благополучию Пруссии при абсолютном нейтралитете. ^[468] В более поздний период король потребовал от Англии в качестве условия любой помощи от себя гарантии сохранения границ Германии и Пруссии. Он считал Наполеона III. представителем революционной системы и верил, что при нем французские армии вскоре попытаются свергнуть порядок в Европе, установленный в 1815 году. То, что Англия вступила в тесный союз с этим человеком, вызвало удивление и отвращение короля; и если лондонский кабинет министров не был готов дать гарантию против любого будущего нападения на Германию со стороны французского императора, который, как считалось, был готов на любую политическую авантюру, то для Англии было напрасно искать помощи у Пруссии. Лорд Абердин не мог дать такой гарантии; еще меньше он мог удовлетворить странно страстное требование короля о восстановлении его власти в швейцарском кантоне Невшатель, который до 1848 года номинально принадлежал Гогенцоллернам. На короля оказали большое влияние как со стороны Англии, так и со стороны России. Английский двор и министры, которых энергично поддерживал Бунзен, прусский посол, стремились вовлечь короля в активное объединение Европы против России, настаивая на обязанностях Пруссии как Великой державы и опасностях, возникающих для нее в результате изоляции. С другой стороны, восхищение, которое Фридрих Вильгельм испытывал к императору Николаю, и старая привычная дружба между Пруссией и Россией придавали сил защитникам царя в Берлине. Планы переустройства Европы, которые были разработаны Наполеоном и, как предполагалось, получили некоторое одобрение Пальмерстона, достигли ушей короля. ^[469] Он слышал, что Австрии должны были быть предложены Дунайские провинции при условии отказа от северной Италии; что Пьемонт должен был получить Ломбардию, а взамен передать Савойю Франции; что, если Австрия откажется активно

объединяться с Западными державами, в Италии и Венгрии должны были вспыхнуть революционные движения. Такие слухи разожгли гнев короля. "Не питайте иллюзий, - писал он своему послу, - скажите британским министрам наедине и на крышах домов, что я не допущу, чтобы Австрия подверглась нападению революции, не обнажив меч для ее защиты. Если Англия и Франция оставят революцию в качестве своего союзника, где бы она ни была, я объединяюсь с Россией не на жизнь, а на смерть". Бунзен выступал за участие Пруссии в европейском концерте с большей серьезностью, чем за успех. Пока король выступал с речью против беззакония, которое, как предполагалось, распространилось от Тюильри до Даунинг-стрит, Бунзен по собственному почину отправил в Берлин проект аннексии российской территории Пруссией в награду за ее союз с западными дворами. Этот документ попал в руки русской партии в Берлине и вызвал негодование самого короля. Против авторов столь преступного плана были выдвинуты горькие упреки. Бунзен больше не мог оставаться на своем посту. Другие сторонники западного альянса были уволены со своих мест, и политика нейтралитета одержала верх в Берлине.

[Отношение западных держав к Европейскому соглашению.]

Таким образом, положение европейских держав в апреле 1854 года было очень странным. Все Четыре державы были единодушны в требовании эвакуации княжеств Россией и в решении добиться этого, в случае необходимости, с помощью оружия. Протоколы, подтверждающие это соглашение, были подписаны 9 апреля и 23 мая, ^[470] более того, было заявлено, что Четыре державы признают необходимость сохранения независимости и целостности Османской империи. Но Франция и Англия, хотя и сделали присутствие русских в княжествах общепризнанной причиной войны, на самом деле имели иные намерения, чем простое изгнание вторгшегося государства и восстановление существовавшего ранее положения вещей. Это было их желание настолько искалечить Россию, чтобы она больше не была в состоянии угрожать Османской империи. Это намерение сделало невозможным для британского кабинета назвать в качестве основы европейской лиги ту единственную определенную цель, ради которой и только ради нее все Державы были в мае 1854 года готовы объединиться с оружием в руках. Англия, как нация, так и правительство, предпочли посвятить себя, совместно с Францией, задаче бесконечного ослабления России, чем, совместно со всей Европой, принудить Россию к одному унижительному, но неизбежному акту подчинения. Никто еще не мог с уверенностью предсказать, получат ли западные дворы какую-либо вооруженную помощь от Австрии и Пруссии для достижения своих скрытых целей или нет. То, что Австрия в какой-то степени объединится с союзниками, не казалось маловероятным; в то, что Пруссия сделает это, не было никаких реальных оснований полагать; напротив, было сделано справедливое предупреждение о том, что существуют непредвиденные обстоятельства, при которых Пруссия в конечном итоге может оказаться на стороне царя. Из всех сил стремясь найти какой-нибудь принцип, какую-нибудь цель или даже какую-нибудь формулу, которая могла бы расширить чисто оборонительную основу, принятую Австрией и Пруссией, в общую политику восстановительных действий, западные державы не смогли добиться от Конференции в Вене ничего более определенного, чем следующее туманное обязательство: "Четыре правительства обязуются совместно стремиться найти гарантии, которые, скорее всего, придадут существованию Оттоманской империи общее равновесие в Европе. Они готовы обсудить вопрос об использовании средств, рассчитанных на достижение цели их соглашения". Эта готовность к размышлениям, столь осторожно декларируемая, была качеством, в котором в течение двух последующих лет не испытывали недостатка венский и берлинский дворы; но

война, в которую теперь вступили Англия и Франция, была той, которую они затеяли на свой страх и риск, и они не обнаружили ни у одной из сторон особого желания разделить их труд.

[Осада Силистрии, май.]

[Эвакуация княжеств, июнь.]

Зимой 1853 года и в первые недели следующего года между турками и русскими на Дунае продолжались военные действия нерешительного характера. В начале войны Николай посовещался с ветераном Паскевичем относительно наилучшей дороги для наступления на Константинополь. Паскевич, как стратег, знал опасность, которой подвергнутся русские войска, переправляющиеся через Дунай, из-за присутствия австрийских армий на его фланге; как командующий при вторжении в Венгрию в 1849 году он столкнулся, как он полагал, с недобросовестностью и подлыми действиями со стороны своего союзника и отплатил за это оскорблением и презрением; он лучше, чем кто-либо другой, изучил военную и моральную слабость Австрийской империи в ее восточной части. Его ответ на расспросы царя был таков: "Дорога в Константинополь лежит через Вену". Но какую бы горечь ни испытывал царь из-за неблагодарности Франциска Иосифа, он не был готов к войне с Австрией, в которой он вряд ли смог бы избежать помощи революционных союзников; более того, если дорога в Константинополь лежала через Вену, можно было бы настаивать на том, что дорога в Вену лежала через Берлин. Был принят более простой план похода на Балканы через Шумлу, прелюдией к которому должен был стать захват Силистрии. В конце марта русский авангард перешел Дунай в самом низком месте, где можно было совершить переправу, и продвинулся в Добруджу. В мае осада Силистрии была предпринята самим Паскевичем. Но предприятие началось слишком поздно, и сил, задействованных как при осаде, так и в полевых операциях дальше на восток, было недостаточно. Турецкий гарнизон, обученный немецким инженером и воодушевленный двумя молодыми английскими офицерами, оказывал упорное и эффективное сопротивление. Французские и английские войска уже высадились в Галлиполи для защиты Константинополя и, не обнаружив противника в пределах досягаемости, отправились на корабле в Варну на севере Балкан. Австрия 3 июня направила свой призыв, требующий эвакуации княжеств. Почти в то же время Паскевич получил ранение, которое вывело его из строя, и был вынужден передать командование в другие руки. В течение последующих двух недель осаждающих Силистрию неоднократно отбрасывали назад, и 22-го они были вынуждены снять осаду. Русские, которых теперь сильно теснил враг, которого они презирали, отступили к северу от Дуная. Отступление продолжалось в течение последующих недель, пока эвакуация княжеств не была завершена, и последний русский солдат не переправился через Прут. Когда захватчик отступил, Австрия направила свои войска в эти провинции, обязавшись по соглашению с Портой защищать их до заключения мира, а затем вернуть султану.

[Дальнейшие цели западных держав.]

С освобождением княжеств общепризнанная почва для войны исчезла; но Западные державы не имели намерения заключать мир без дальнейших уступок со стороны России. Как только была снята осада Силистрии, командующим союзными армиями в Варне были разосланы инструкции, настоятельно призывающие, если не приказывающие абсолютно, атаковать Севастополь, штаб-квартиру русской морской мощи на Эвксинских островах. Захват Севастополя был обозначен несколькими месяцами ранее Наполеоном III. как наиболее эффективный удар, который можно было нанести России. Именно из Севастополя вышел флот,

который разгромил турок при Синопе: пока этот арсенал не был уничтожен, растущая морская мощь, которая давила на Константинополь даже более непосредственно, чем соседство царских армий по суше, не могла быть надолго подавлена. Цели, к которым стремились Англия и Франция, теперь были постепенно доведены до достаточной ясности, чтобы быть доведенными до сведения других держав, хотя более точное толкование изложенных условий оставалось открытым для будущего обсуждения. Было объявлено, что протекторат России над Дунайскими княжествами и Сербией должен быть отменен; что судоходство по Дунаю в его устьях должно быть освобождено от всех препятствий; что Июльский мирный договор 1841 года, касающийся Черного моря и Дарданелл, должен быть пересмотрен в интересах баланса сил в Европе; и что царь должен отказаться от притязаний на какой-либо официальный протекторат над христианскими подданными Порты, какого бы обряда они ни были. Хотя эти условия, известные как Четыре пункта, не были одобрены Пруссией, они были приняты Австрией в августе 1854 года и были представлены России в качестве основы любых переговоров о мире. Царь заявил в ответ, что Россия будет вести переговоры на такой основе только в крайнем случае. Союзные правительства, оценивая слабость своего противника по его поражению под Силистрией, были полны решимости не соглашаться ни на что меньшее; и, следовательно, наступление на Севастополь, приказанное перед эвакуацией княжеств, было разрешено осуществить своим чередом. ^[471]

[Севастополь.]

[Союзники высаживаются в Крыму, 14 сентября.]

[Битва при Альме, сентябрь. 20.]

Рейд, или Большая Гавань, Севастополя проходит строго на восток вглубь страны от точки, расположенной недалеко от юго-западной оконечности Крыма. В миле от открытого моря его воды разделяются, большой рукав все еще течет на восток, пока не впадает в реку Черную, меньший рукав, известный как Гавань военного корабля, резко изгибается на юг. По обе стороны от этой меньшей гавани построен Севастополь. Со стороны моря, то есть от меньшей гавани на запад, Севастополь и подходы к нему были тщательно укреплены. С обращенной к суше, южной, стороны город был открыт до 1853 года, и он все еще был защищен лишь несовершенно, наиболее слабо с юго-восточной стороны. На севере Большой Гавани форт Константин во главе линии мощных оборонительных сооружений охранял вход с моря; в то время как на возвышенности непосредственно напротив Севастополя, господствующей над городом, стоял Звездный форт с другими военными сооружениями. Общие черты Севастополя были известны командованию союзников; однако у них не было точной информации ни о силах, которыми он удерживался, ни о вооружении его укреплений. Было решено, что высадка должна быть произведена в Евпаторийской бухте, в тридцати милях к северу от крепости. Здесь 14 сентября союзные войска, насчитывавшие около тридцати тысяч французов, двадцати семи тысяч англичан и семи тысяч турок, произвели высадку, не встретив никакого сопротивления. Русские под командованием князя Меншикова, недавнего посланника в Константинополе, заняли пост в десяти милях южнее, на возвышенности за рекой Альма. 20 сентября англичане атаковали их с фронта, в то время как французы попытались совершить обходной маневр с моря. Сражение представляло собой сцену замешательства, и на мгновение показалось, что атака англичан отброшена назад. Но она возобновлялась со все возрастающей энергией, и прежде чем французы произвели какое-либо впечатление на русский левый фланг, войска

лорда Раглана выбили противника с его позиций. Ударив во фланг, когда их фронт был уже прорван, они были в меньшинстве и плохо руководились, русские сочли все проигранным. Форма организованного отступления сохранялась лишь настолько долго, чтобы скрыть от завоевателей полноту их победы. С наступлением ночи русская армия пришла в полное замешательство, и если бы погоня была предпринята сразу, она едва ли избежала бы уничтожения. Но Сент-Арно, находившийся в последней стадии смертельной болезни, отказался, несмотря на призыв лорда Раглана, продолжать наступление на свои измученные войска. Меншиков, оставив надежду остановить продвижение союзников во втором сражении и озабоченный только тем, чтобы предотвратить захват Севастополя противником, который, как предполагалось, следовал за ним по пятам, отступил в крепость и там потопил семь своих военных кораблей в качестве барьера на входе в Большую Гавань, пришвартовав остальные внутри. Экипажи были доставлены на берег для участия в обороне по суше; орудия были перетащены с кораблей на бастионы и редуты. Затем, когда оказалось, что союзники медлят, русский командующий изменил свой план. Оставив вице-адмирала Корнилова и инженерного офицера Тодлебена руководить существующими работами и возводить новые там, где город не был защищен, Меншиков решил увести основную часть своей армии в глубь Крыма, чтобы сохранить открытыми свои коммуникации с Россией, на свободе ожидать прибытия подкреплений и, если Севастополь не падет сразу, атаковать союзников в свое время и при возможности. (24 сентября.)

[Фланговый марш к югу от Севастополя.]

[Безрезультатная бомбардировка, 17-25 сентября.]

Англичане потеряли в битве при Альме около двух тысяч человек, французы, вероятно, меньше половины этого числа. На следующее утро после сражения лорд Раглан предложил, чтобы две армии выступили прямо на укрепления, расположенные к северу от Большой Гавани, и взяли их штурмом, завоевав таким образом позицию, с которой их орудия будут наводиться на сам Севастополь. Французы, поддерживаемые Бургойном, начальником английских инженерных войск, побоялись риска фронтальной атаки на сооружения, которые считались более мощными, чем они были на самом деле, и убедили лорда Раглана согласиться на длительный обходной марш, который привел бы армии прямо вокруг Севастополя к его более открытой южной стороне, откуда, как считалось, можно было бы успешно предпринять штурм. Этот фланговый марш, который был сопряжен с чрезвычайным риском, был осуществлен благополучно, поскольку сам Меншиков покинул Севастополь и прошел той же дорогой, отступая вглубь страны, незадолго до появления союзников. Продвигаясь на юг, англичане достигли моря у Балаклавы и овладели там гаванью, заняв открытую на восток линию между крепостью и "Россией снаружи"; французы, которыми теперь командовал Канробер, продолжили свой марш на запад, обогнув Севастополь сзади, и вышли к морю в бухте Касач. Таким образом, две армии были хозяевами изрезанного плато, которое, поднимаясь на запад от Балаклавской равнины и долины Черной, выходит на Севастополь с южной стороны. В то, что гарнизон, который теперь состоял в основном из моряков, мог в этот момент противостоять натиску пятидесятитысячного войска, выигравшего битву при Альме, сами русские не верили; ^[472] но французский штаб вместе с Бургойном снова призвал к осторожности и было решено дожидаться осадных орудий, которые все еще находились в море. Это решение было роковым. В то время как союзники выбирали позиции для своей тяжелой артиллерии и медленно высаживались и размещали свои орудия, Корнилов и Тодлебен превратили укрепления на южной стороне Севастополя в эффективный

барьер перед врагом. Жертва русского флота не была напрасной. Моряки осваивали все обязанности гарнизона: пушки с кораблей оказались гораздо более ценными на суше. Три недели бесценного времени были отданы лидерам, которые знали, как учитывать каждый момент. Когда 17 октября началась бомбардировка, которая должна была предшествовать штурму Севастополя, французская артиллерия, действовавшая на юго-западе, была подавлена артиллерией обороняющихся. Флоты напрасно бились о прочный морской фасад крепости. К концу восьмидневной канонады, во время которой батареи осаждающих обрушили на Севастополь такой шквал пуль и снарядов, какого еще не выдерживала ни одна крепость, оборона все еще была не прорвана.

[Битва при Балаклаве, 25 октября.]

Меньшиков тем временем получил подкрепление, которого он ожидал, и теперь был готов обрушиться на осаждающих с востока. Его точкой атаки был английский порт Балаклава и укрепленная дорога, лежащая несколько восточнее этого, которая образовывала внешнюю линию, удерживаемую англичанами и их турецкой поддержкой. Равнина Балаклавы разделена невысоким хребтом на северную и южную долины. Вдоль этого хребта проходит дамба, которая была защищена редутами, предоставленными слабой турецкой охране. Утром 25-го числа русские появились в северной долине. Они заняли высоты, возвышающиеся над ним на севере и востоке, атаковали дамбу, захватили три редута и отбросили турок, оставшись в одиночку встречать их натиск. Лорд Раглан, наблюдавший за этими операциями с края западного плато, издал приказ подтянуть пехоту, но единственными английскими войсками на месте были легкая и тяжелая кавалерийские бригады, каждая численностью около шестисот человек. Тяжелой бригаде под командованием генерала Скарлетта было приказано двигаться к самой Балаклаве, которая теперь находилась под угрозой. Пока они были на марше, плотная колонна русской кавалерии, численностью около трех тысяч человек, появилась над гребнем невысокого хребта, готовая, как казалось, сокрушить слабые войска перед ними. Но при спуске с хребта русские остановились, и Скарлетт с восхитительной храбростью и рассудительностью построил своих людей для атаки и бросился в атаку на врага с горсткой тех, кто был к нему ближе всего. Они прорубили себе путь в самое сердце колонны; и прежде чем русские смогли раздавить их простой массой, другие полки той же бригады бросились справа и слева на огромную неподвижную массу. Русские были разбиты и в беспорядке отступили перед четвертью своего числа, оставив Скарлетту и его людям славу операции, которая стоит в одном ряду с прусской атакой при Марс-ла-Туре в 1870 году как самая блестящая кавалерийская операция в современной войне. Эскадроны Легкой бригады во время опасности и победы своих товарищей стояли неподвижно, парализованные тем же недостатком характера или интеллекта в командовании, который вскоре привел их к бесплодному, но навсегда запоминающемуся акту самопожертвования. Русская пехота уносила пушки из завоеванных редутов на дамбу, когда адъютант главнокомандующего передал графу Лукану, командующему кавалерией, приказ быстро выдвигаться на фронт и спасти эти орудия. Лукан, который со своей позиции не мог видеть ни противника, ни орудий, считал, что ему приказано атаковать русскую артиллерию на краю северной долины, и он приказал Легкой бригаде атаковать в этом направлении. Напрасно командир Легкой бригады лорд Кардиган предупреждал своего командира словами, которые действительно были слишком слабыми, что впереди находится батарея, по батарее на каждом фланге и что земля покрыта русскими стрелками. Приказ был повторен как приказ главнокомандующего армией, и ему подчинились. Так

"В долину Смерти
Въехали Шестьсот человек."

То, как они погибли там, а остатки не повернули назад, пока не прорубили себе путь мимо орудий и не разгромили вражескую кавалерию у себя за спиной, английский народ никогда не забудет.^[473]

[Битва при Инкермане, 5 ноября.]

День под Балаклавой принес каждой стороне что-то от победы, а что-то от поражения. Русские оставались хозяевами дороги, которую они захватили, и увезли семь английских орудий; англичане там, где они встретились с врагом, доказали, что могут победить превосходящие силы противника. Прошло не так много дней, прежде чем наша пехота подверглась испытанию, которому так победоносно подверглась кавалерия. Французы быстро продвигались вперед на подступах к Севастополю, и было решено, что 5 ноября должен быть предпринят давно откладывавшийся штурм Севастополя. В то самое утро, под покровом густого тумана, английский правый фланг был атакован массивными колоннами противника. Армия Меншикова к этому времени возросла до ста тысяч человек; он бросил войска в Севастополь и планировал захват английских позиций комбинированной атакой из самого Севастополя и войсками, наступающими из нижней долины Черной через Инкерманский мост. Битва 5 ноября со стороны англичан была солдатским сражением, без полководчества, без порядка, без замысла. Мужчины, стоявшие на своем, независимо от их собственной численности и независимо от численности противника, сражались, когда их боеприпасы были израсходованы, штыками, прикладами мушкетов, кулаками и камнями. В течение нескольких часов постоянно нарастающая русская масса обрушивалась на них; но они продолжали неравную борьбу до тех пор, пока прибытие французских полков не спасло их от смертельной опасности и враг в замешательстве не был изгнан с поля боя. Русские колонны, шедшие прямо к орудиям, были разорваны в клочья артиллерийским огнем. Их потери убитыми и ранеными были огромны, их поражение не могло замаскироваться никакой изобретательностью. Однако Инкерманская битва сделала невозможным захват Севастополя, как это было запланировано союзниками. Их собственные потери были слишком велики, силы, продемонстрированные врагом, слишком велики, чтобы оставлять какую-либо надежду на то, что крепостью можно овладеть внезапным штурмом. Вскоре стала очевидной ужасная правда, что предприятие, на которое были направлены армии, фактически провалилось, и что другое предприятие совершенно иного характера, зимняя осада в присутствии превосходящего противника, кампания, к которой не было сделано никаких приготовлений и для которой не хватало всего самого необходимого, представляла единственную альтернативу эвакуации из Крыма.

[Шторм 14 ноября.]

[Зима в Крыму.]

14 ноября Эвксинская зима началась со шторма, который смел палатки на открытом плато и потопил двадцать одно судно с запасами боеприпасов и одежды. С этого времени дождь и снег превратили дорогу между лагерем и Балаклавой в болото. Потеря мощной дороги, которая была захвачена русскими три недели назад, теперь оказала фатальное воздействие на британскую армию. Единственным сообщением с портом Балаклава была дорога на склоне

холма, которая вскоре стала непроходимой для повозок. Нужно было подвозить припасы на спинах лошадей, но лошади погибли от голода и непосильного труда. Людей было слишком мало, они были слишком слабы, слишком лишены привычки помогать английским морякам, чтобы самим обеспечивать себя. Таким образом, запертые на унылом мысу, пораженные холерой, над которыми скорее издевались, чем поддерживали их отупляющий труд пайками из сырого мяса и зеленых кофейных ягод, британские солдаты чахли. К середине зимы их боеспособные силы сократились до одиннадцати тысяч человек. В госпиталях, которые даже в Скутари были более смертоносны для тех, кто проходил через них, чем самый яростный огонь противника, до конца февраля погибло девять тысяч человек. Действительно, пришло время, когда сам Дух Милосердия, казалось, проник в эти обители скорби, и в присутствии Флоренс Найтингейл природа наконец восстановила свою целительную силу, чума больше не витала в атмосфере, которой дышали страдальцы, и сама смерть стала мягче. Но прежде чем это новое влияние победило рутину, могила сомкнулась над целыми полками людей, на которых она не имела права претендовать. Страдания других армий были более масштабными, но редко какая-либо часть войск сообщала более тяжелую историю потерь и смертей пропорционально своей численности, чем британская армия зимой Крымской войны. Беспощадное разоблачение в прессе бесхозяйственности, при которой гибли наши солдаты, вызвало взрыв негодования, который сверг министерство лорда Абердина и привел Пальмерстона к власти. Это также создало у Европы в целом впечатление, что Великобритания больше не знает, как вести войну, и неоправданно подняло репутацию французской военной администрации, недостатки которой, какими бы большими они ни были, ни один французский журналист не осмелился описать. Несмотря на Альму и Инкермана, военный престиж Англии был подорван, а не поднят Крымской кампанией; и только после подавления индийского мятежа истинная боеспособность нации в войне была вновь доказана перед всем миром.

[Смерть Николая, 2 марта 1855 г.]

[Венская конференция, март-май 1855 г.]

[Австрия.]

"У меня есть два генерала, которые не подведут меня", - как сообщается, сказал царь, услышав о последнем поражении Меншикова, - "Генералы Январь и февраль". Генерал Февраль выполнил свою задачу, но он поразил и царя. В первых числах марта новый монарх унаследовал российскую корону. ^[474] Александр II взошел на престол, объявив, что будет придерживаться политики Петра Великого, Екатерины и Николая. Но гордый тон предназначался скорее для ушей России, чем Европы, поскольку Николай уже выразил свою готовность вести переговоры о мире на основе, заложенной западными державами в августе 1854 года. Это изменение не было полностью вызвано битвами при Альме и Инкермане. Пруссия, оказавшись изолированной в Германии, после нескольких месяцев колебаний дала дипломатическую санкцию на Четыре пункта, одобренных Австрией в качестве неперемennых условий мира. Таким образом, Россия оказалась, как казалось, покинутой своим единственным другом, и Николай больше не мог надеяться спастись, просто отказавшись от тех притязаний, которые послужили поводом к войне. Он согласился вести переговоры со своими врагами на их собственных условиях. Австрия теперь еще более сблизилась с западными державами и обязалась по договору, в случае, если мир не будет заключен к концу года на указанной основе, обсудить с Францией и Англией эффективные средства для достижения цели Союза. ^[475] Велись приготовления к

конференции в Вене, из которой была исключена Пруссия, все еще отказывавшаяся взять на себя обязательства по военным действиям в случае провала переговоров. Заседания Конференции начались через несколько дней после восшествия на престол Александра II. Россию представлял ее посол князь Александр Горчаков, которому в качестве министра последующих лет предстояло сыграть столь заметную роль в разрушении дела крымской эпохи. По первым двум статьям, составляющим предмет переговоров, а именно об отмене российского протектората над Сербией и княжествами и устранении всех препятствий для свободного судоходства по Дунаю, было достигнуто соглашение. По третьей статье, пересмотру Июльского мирного договора 1841 года, касающегося Черного моря и Дарданелл, русский посланник и представители западных держав оказались в полном расхождении во мнениях. Горчаков признал, что Мирный договор 1841 года должен быть пересмотрен таким образом, чтобы положить конец преобладанию России в Черном море; ^[476] но в то время как западные правительства настаивали на исключении российских военных судов из этих вод, Горчаков согласился бы только на отмену превосходства России путем свободного допуска военных кораблей в Черное море. - судами всех наций или каким-либо подобным методом уравнивания. Соответственно, переговоры подошли к концу, но не раньше, чем Австрия, оспорив утверждение союзников о том, что цель третьей статьи может быть достигнута только конкретными средствами, предложенными ими, выдвинула третий план, основанный частично на ограничении российского военно-морского флота в Эвксинском проливе, частично на допуске военных кораблей других наций. Этот план был отвергнут западными державами, после чего Австрия заявила, что ее обязательства по Договору от 2 декабря 1854 года теперь выполнены и что вследствие этого она вернулась к нейтральной позиции.

В Лондоне и Париже чувствовалось и выражалось большое возмущение этим так называемым актом дезертирства и последующим отходом австрийских полков с позиций, которые они занимали в ожидании войны. Утверждалось, что при первых двух условиях мира Австрия считала свои особые интересы эффективно обеспеченными; и что, как только Санкт-Петербургский двор дал необходимые гарантии по этим пунктам, Венский кабинет был готов пожертвовать другими целями Союза и отказаться от дела Морских держав, чтобы восстановить, с какой бы то ни было потерей чести, дружбу царя. Хотя на это был дан совершенно справедливый ответ, что Австрия никогда не принимала принцип исключения России из Черного моря и все еще была готова взяться за оружие для защиты той системы, с помощью которой, по ее мнению, можно было бы наиболее подходящим образом предотвратить преобладание России на Черном море, этот аргумент звучал неубедительно для воюющих сторон, убежденных в тщетности всех методов сдерживания России, кроме их собственных. Австрия нанесла серьезный ущерб своему собственному положению и кредиту западных держав. С другой стороны, она слишком глубоко ранила Россию, чтобы добиться от царя прощения, на которое та рассчитывала. Его политика равновесия, которую лучше всего охарактеризовать как слишком тонкую или как слишком беспристрастную, потерпела неудачу. Он утратил свою старую дружбу, не приобретя новых. Она оставалась изолированной в Европе и была обречена встретить без поддержки и союзника удары, которые вскоре должны были обрушиться на нее.

[Ход осады, январь-май 1855 г.]

[Канробера сменил Пелисье в мае.]

[Неудачный штурм, 18 июня.]

[Битва при Черной, 16 августа.]

[Взятие Малакова, 8 сентября.]

[Падение Севастополя, сентябрь. 9.]

Перспективы осаждающих армий перед Севастополем были в некоторых отношениях лучше к концу января 1855 года, чем они были, когда шестью неделями позже начала свои заседания Венская конференция. Сардиния под руководством Кавура присоединилась к Западному альянсу и собиралась отправить пятнадцать тысяч солдат в Крым. В штабе был принят новый план операций, обещавший отличные результаты. Вплоть до конца 1854 года французы направляли свою главную атаку на бастион Флагстафф, расположенный немного западнее входа в гавань Военного корабля. Однако теперь лорд Рэглан убедил их, что истинным краеугольным камнем обороны Севастополя был Малаков на восточной стороне, и они предприняли сокращение этого сложного сооружения, в то время как британцы направили свои усилия против соседнего Редана. ^[477] Поскольку самый сильный огонь осаждающих был сосредоточен на узкой линии, казалось, что Севастополь скоро падет. Но в начале февраля во французском лагере произошли зловещие перемены. Генерал Ниль прибыл из Парижа, облеченный полномочиями, которые фактически поставили его под контроль главнокомандующего; и хотя Канробер был лишь частично ознакомлен с планами императора, он был вынужден пожертвовать ради них большей частью своей собственной честью и честью армии. Наполеон решил сам прийти в Крым и в подходящий момент одним грандиозным ударом положить конец войне, которая так тяжело тянулась в чужих руках. Он считал, что Севастополь может быть взят только полным окружением; и в его планы входило высадиться со свежей армией на юго-восточном побережье Крыма, пройти маршем через внутреннюю часть полуострова, смести войска Меншикова с их позиций над Черной и завершить окружение Севастополя с севера. С учетом такой схемы операций весь труд, затраченный при наступлении на Севастополь с юга, был выброшен на ветер. Канроберт, обещавший лорду Раглану свое самое энергичное сотрудничество, был скован и парализован эмиссаром императора в штаб-квартире. В течение трех месяцев подряд русские не только удерживали свои позиции, но и с помощью контрнаступлений отвоевали у французов часть захваченных ими территорий. Само существование Альянса оказалось под угрозой, когда после того, как Канроберт и лорд Раглан отправили войска для захвата русских постов на Азофском море, французская часть этих сил была безапелляционно отозвана императором, чтобы ее можно было использовать в марше на север через Крым. В конце концов, не в силах выносить тяготы положения, Канробер попросил освободить его от командования. Его сменил генерал Пелисье. Пелисье, решительный, энергичный солдат, к тому же не обязанный своим повышением соучастию в *государственном перевороте*, наотрез отказался подчиняться приказам императора. Отметая неубедительные планы, разработанные в Тюильри, он всем сердцем вернулся к плану, согласованному командованием союзников в начале года; и с этого времени, хотя бедствия все еще были неизбежны, они не были результатом колебаний или нелояльности в штабе французской армии. Общее наступление на Малаков и Редан было назначено на 18 июня. Русские храбро встретили его; союзники были отброшены с большими потерями, и к продолжительности осады добавилось еще три месяца. Лорд Раглан не дожидаясь последнего этапа войны. Измученный своими трудами, убитый горем из-за провала великой атаки, он умер 28 июня, оставив

командование генералу Симпсону, офицеру, намного уступавшему ему. По мере того как ряды осаждающих подходили все ближе и ближе к русским укреплениям, армия, потерпевшая поражение при Инкермане, предприняла последнюю попытку. Форсировав Черную, он дал сражение 16 августа. Французы и сардинцы при небольшой помощи британской армии одержали решающую победу. Севастополь больше не мог надеяться на помощь извне, и 8 сентября удар, который не удался в июне, был нанесен еще раз. Французы, бросившись большими силами на Малаков, взяли эту крепость штурмом и сорвали все попытки, предпринятые для ее восстановления; британцы, атаковавшие Редан жалкими силами, были разбиты и подавлены. Но падение Малакова само по себе было равносильно взятию Севастополя. Прошло еще несколько часов, и серия оглушительных взрывов известила союзников о том, что русский командующий взрывает свои склады и отступает к северу от Большой Гавани. Приз, наконец, был завоеван, и в конце трехсотпятидесятидневной осады то, что осталось от великой крепости царя, перешло в руки его врагов.

[Истощение России.]

[Падение Карса, 28 ноября.]

[Переговоры о мире.]

Союзники потеряли с момента высадки в Крыму не менее ста тысяч человек. Предприятие, предпринятое в надежде, что оно будет завершено в течение нескольких недель и без больших жертв жизни, чем при каждой атаке на укрепленное место, оказалось трудным и ужасным, почти не имеющим примера. И все же, если Крымская кампания была результатом ошибки и слепоты со стороны захватчиков, она, возможно, была даже более катастрофичной для России, чем любая война, в которую враг, скорее всего, вступил бы с более полным знанием условий, которые должны были быть выполнены. Огромные расстояния, отделявшие Севастополь от военных складов во внутренних районах России, привели к тому, что его оборона привела к самым страшным потерям воинских контингентов и ресурсов страны. Какие десятки тысяч утонули в бесконечном, ничем не защищенном марше, так и не приблизившись к морю, какие провинции лишились своих вьючных животных, когда каждый крупный снаряд, выпущенный по врагу, приходилось тащить сотни миль на волах, о том, что известно о войне, известно лишь смутно. Общие потери русских, возможно, следует считать в три раза превышающими потери союзников. И все же за падением Севастополя не сразу последовал мир. Нерешительность союзников в том, чтобы отрезать отступление русской армии, позволила ее командующему удержать Крым; в Азии задержка турецкой армии на подмогу дала царю последний проблеск успеха при взятии Карса, который после упорного сопротивления 28 ноября пал от голода. Но еще до падения Карса начались переговоры о мире. Франция устала от войны. Наполеон, сам не желавший продолжать войну иначе, как ценой усиления Франции на Континенте, был окружен бандой дворцовых биржевиков, которые поставили все на увеличение средств, которые могли бы появиться в результате заключения мира. При каждом дворе Европы было известно, что союзники находятся в полном противоречии друг с другом; что в то время как английская нация, уязвленная провалом своей военной администрации зимой, безрезультатностью своих военно-морских операций на Балтике и окончательной катастрофой при Редане, стремилась доказать свою реальную мощь в новой кампании, правитель Франции, удовлетворенный венцом славы при Малакоффе, стремился заключить мир на любых приемлемых условиях. Секретные сообщения из Санкт-Петербурга были отправлены в Париж

бароном Зеебахом, посланником Саксонии, зятем российского канцлера: австрийский кабинет, все еще стремившийся играть роль арбитра, но не надеявшийся на результаты новой Конференции, обратился лично к императору Наполеону и убедил его вступить в переговоры, которые некоторое время скрывались от Великобритании. Наш союзник одновременно проводил обе интриги, но предложения Зеебаха были таковы, что даже самые горячие друзья России в Тюильри едва ли смогли поддержать их, и венские дипломаты одержали победу. Было решено, что нота, содержащая предварительные условия мира, должна быть представлена Австрией в Санкт-Петербурге в качестве ее собственного ультиматума после того, как император Наполеон добьется от британского правительства согласия на эти условия без каких-либо изменений. Австрийский проект действительно воплощал в себе Четыре пункта, которые Британия в предыдущие месяцы определила в качестве условий мира, и по существу он мало отличался от того, что даже после падения Севастополя британские государственные деятели все еще были готовы принять; но было невозможно, чтобы план, разработанный без участия Великобритании и предусматривающий ее пассивное принятие, был так безропотно принят ее правительством. Лорд Пальмерстон потребовал, чтобы Четыре перечисленные статьи понимались как охватывающие моменты, которые не сразу бросаются в глаза на первый взгляд, и чтобы была добавлена пятая статья, оставляющая за Державами право требовать определенных дополнительных особых условий, при том понимании, что Великобритания потребует в соответствии с этим пунктом только того, чтобы Россия обязалась оставить Аландские острова в Балтийском море необорудованными. Измененный в соответствии с требованием британского правительства, австрийский проект был представлен царю в конце декабря с уведомлением, что, если он не будет принят к 16 января, австрийский посол покинет Санкт-Петербург. 15-го числа в присутствии царя состоялся Собор. Нессельроде, который первым высказал свое мнение, настаивал на том, что продолжение войны ввергнет Россию в военные действия со всей Европой, и советовал подчиниться договору, который будет действовать только до тех пор, пока Россия не восстановит свою силу или между державами не установятся новые отношения. Один министр за другим заявляли, что Польша, Финляндия, Крым и Кавказ окажутся в опасности, если сейчас не будет заключен мир; финансовый директор заявил, что Россия не сможет пережить еще одну кампанию без банкротства. ^[478] В конце обсуждения Совет единогласно высказался за принятие австрийских предложений; и хотя национальные чувства по-прежнему выступали за сопротивление, по-видимому, только один русский государственный деятель, князь Горчаков, посол в Вене, пытался отговорить царя от заключения мира. Его совету не последовали. За голосованием Совета последовала отправка полномочных представителей в Париж, и здесь 25 февраля 1856 года посланники всех держав, за исключением Пруссии, собрались на Конференцию, чтобы выработать окончательный Мирный договор. ^[479]

[Парижская конференция, 25 февраля 1856 г.]

[Парижский мирный договор, 30 марта 1856 г.]

В дебатах, которые последовали за этим и которые заняли более месяца, лорд Кларендон, представлявший Великобританию, обнаружил, что по каждому спорному пункту ему приходилось бороться против русского и французского посланников вместе взятых, настолько полным был суд Великобритании. Тюильри теперь отождествляется с политикой примирения и дружелюбия по отношению к России. ^[480] Со стороны британского правительства требовались большая твердость, большая ясность речи, чтобы не допустить сдачи союзником признанных

целей войны, не из убеждения, что они призрачны или недостижимы, а из-за неустойчивости цели и желания превратить поверженного врага в друга. Однако конец, наконец, был достигнут, и 30 марта был подписан Парижский мирный договор. Черное море было нейтрализовано; его воды и порты, открытые для торгового флота каждой нации, были формально и навсегда закрыты для военных кораблей как держав, владевших его побережьями, так и всех других держав. Царь и султан обязались не создавать и не поддерживать на его побережьях никаких военных или морских arsenалов. Россия уступила часть Бессарабии, согласившись на границу, которая отделяла ее от Дуная. Свободное судоходство по этой реке, которое отныне должно эффективно поддерживаться международной комиссией, было объявлено частью публичного права Европы. Державы провозгласили, что Блистательная Порта допущена к участию в преимуществах публичного права и соглашения Европы, каждая обязалась уважать независимость и целостность Османской империи, и все они совместно гарантировали строгое соблюдение этого обязательства и обещали рассматривать любое действие, направленное на его нарушение, как вопрос общего интереса. Султан, "постоянно заботясь о благополучии своих подданных, издал фирман, в котором были зафиксированы его великодушные намерения по отношению к христианскому населению своей империи,^[481] и, доведя его до сведения Держав, "державы "признали высокую ценность этого сообщения, "заявив в то же время ", что оно ни в коем случае не может давать им право вмешиваться ни коллективно, ни отдельно, в отношениях султана со своими подданными или во внутреннем управлении его империей". Дунайские княжества, дополненные полосой Бессарабии, отнятой у России, должны были продолжать пользоваться под сюзеренитетом Порты и под гарантией Держав всеми привилегиями и иммунитетами, которыми они обладали, при этом никакая исключительная защита не осуществлялась ни одной из держав-гарантов.^[482]

[Соглашение Конференции о правах нейтралов.]

Выходя за рамки непосредственных тем переговоров, Конференция воспользовалась своим международным характером, чтобы заручиться согласием Великобритании на изменение законов морской войны. Англия всегда заявляла и всегда пользовалась правом конфисковывать товары противника в открытом море, хотя бы они перевозились на нейтральном судне, и обыскивать с этой целью торговые суда нейтральных стран. Осуществление этого права возбудило против Англии Морскую лигу 1800 года и было осуждено почти всем цивилизованным миром. Ничто, кроме абсолютного господства на морях, не делало безопасной или возможной для одной державы практику, которая в моменты опасности грозила превратить все нейтральные государства в своих врагов. Более того, если захват товаров воюющих сторон на нейтральных судах приносил пользу Англии, когда она сама находилась в состоянии войны, то это наносило ущерб Англии во все времена, когда она оставалась в мире во время борьбы других государств. Подобным же образом выпуск каперов Англия нанесла большой ущерб своим врагам; но ее собственная торговля, превосходящая торговлю любого другого государства, принесла каперам ее врагов еще более богатую добычу. Преимущества существующих законов морской войны были не совсем на стороне Англии, хотя она и была владычицей морей; и в обмен на отмену каперства британское правительство согласилось отказаться от своего самого острого, но и самого опасного оружия нападения и разрешить товарам враждебного государства находить рынок сбыта во время войны. Было установлено правило, согласно которому товары противника, за исключением военной контрабанды, отныне должны находиться в безопасности под нейтральным флагом. Товары нейтральных стран,

обнаруженные на корабле противника, также не подлежали захвату.

[Фикции Парижского мирного договора в отношении Турции.]

Постановления Парижской конференции, касающиеся торговли во время военных действий, еще не подверглись воздействию войны между Англией и каким-либо европейским государством; ее заключения по всем другим вопросам были слишком рано подвергнуты проверке и одно за другим были признаны недостаточными. Если бы Сила, призывающая человека в этот момент его жизни, могла улыбнуться усилиям и предположениям своего создания, такая улыбка могла бы тронуть ассамблею государственных деятелей, которые по окончании Крымской войны повлияли на формирование будущего Восточной Европы. Они убедили себя, что повторением определенных фраз они могут превратить султана и его голодную армию пашей в вождей европейского государства. Они воображали, что Дом Османа, который на стадиях непрерывного упадка последовательно терял свое влияние над Венгрией, Сербией, Южной Грецией и Дунайскими провинциями и который дважды за последние двадцать пять лет видел, как его Империя разваливалась на куски египетским вассалом, если бы не вмешательство Европы, мог быть остановлен в своем упадке заклинанием и стать достаточно сильным и просвещенным, чтобы вечно управлять славянским и греческим населением, которое все еще имело несчастье быть включенным в его владения. Признавая - так звучали слова, которые читались как горькая ирония, но не имели в виду ничего подобного, - ценность обещаний султана провести реформы, авторы Парижского мирного договора действовали, как будто с определенной целью, чтобы погасить любой след ответственности, который мог ощущаться в Константинополе, и любую искру доверия, которая все еще могла сохраняться среди христианского населения, заявив, что независимо от того, соблюдал султан свои обещания или нарушал их, ни в коем случае не могло возникнуть никакого права на вмешательство со стороны Европы. Рулевому был дан нужный курс; люки были задраены. Если бы слова имели какой-то смысл, если бы Парижский мирный договор не был тщательно продуманным обманом, христианским подданным султана в будущем, какими бы ни были их обиды, не оставалось ничего другого, как прибегнуть к своей собственной силе. Условия Договора были фактически такими, какие могли бы быть навязаны, если бы западные державы вступили в войну с Россией ради какой-то своей собственной цели и были спасены после поражения и низвержения победоносным вмешательством Порты. Все было пустым, все основывалось на вымысле и условностях. Иллюзии народов во времена революционного возбуждения, поверхностные, сентиментальные банальности свободы и братства дали как раз материал для сатиры; но никогда еще демократические банальности не были так явно лишены связи с фактами, так вопиюще противоречили опыту прошлого и так позорно опровергались каждым последующим историческим актом, как преднамеренное посвящение идола Османской империи в качестве венца европейской мудрости в 1856 году.

[Дунайские княжества.]

[Александр Куза, господин обеих провинций.]

[Полный союз, 1862.]

[Карл Гогенцоллерн, наследный принц, 1866.]

Среди приверженцев турок английские министры были самыми страстными, действительно, имея во владении Индией некоторое оправдание своему рвению из-за любого мыслимого

препятствия, которое удержало бы русских от проникновения в Константинополь. Император Франции во время Конференций в Париже возродил свой проект присоединения Дунайских княжеств к Австрии в обмен на уступку Ломбардии, но венское правительство отказалось заключать какие-либо подобные соглашения. Следовательно, Наполеон начал новую восточную политику. Оценивая растущую силу национальности в европейских делах и воображая, что в отстаивании принципа национальности против Договоров 1815 года он рано или поздно найдет средства для усиления себя и Франции, он предложил, чтобы провинции Молдавия и Валахия, оставаясь в зависимости от султана, были объединены в единое государство под властью князя, выбранного ими самими. Английское министерство и слышать не хотело об этом союзе. По их мнению, создание Румынского княжества под руководством вождя, не назначенного Портой, было просто забором у султана шести миллионов человек, которые в настоящее время признали его сюзеренитет и чья дань Константинополю должна, по мнению лорда Кларендона, быть увеличена. ^[483] Австрия, опасаясь влияния румынского национального движения на своих собственных румынских подданных в Трансильвании, присоединилась к сопротивлению плану Наполеона, и вследствие этого политическая организация княжеств была оставлена Парижской конференцией для урегулирования в будущем. Выборы были проведены весной 1857 года по указу Порты, в результате чего Молдавия, как казалось, выступила против объединения с братской провинцией. Но сразу же возникли жалобы на то, что Порта сфальсифицировала результаты народного голосования. Франция и Россия теперь установили такие дружеские отношения, что их послы совместно пригрозили покинуть Константинополь, если выборы не будут аннулированы. Визит французского императора к королеве Виктории с целью сгладить трудности, которые начали угрожать западному альянсу, привел скорее к усилению недопонимания между двумя правительствами относительно будущего княжеств, чем к какому-либо реальному соглашению. Выборы были аннулированы. Новые представительные органы собрались в Бухаресте и Яссах и почти единогласно высказались за объединение (октябрь 1857 г.). Весной 1858 года Парижская конференция собралась вновь, чтобы сформулировать окончательное урегулирование дел княжеств. Он определил, что в каждой провинции должен быть пожизненно избираемый правитель, отдельная судебная система и отдельное законодательное собрание, в то время как центральная комиссия, сформированная из представителей обеих провинций, должна представлять Собраниям проекты законов по вопросам, представляющим общий интерес. В соответствии с этими положениями в начале 1859 года в каждом княжестве были избраны Собрания. Их первой обязанностью было выбрать двух господарей, но в обеих провинциях единогласное голосование пало на одного и того же человека, принца Александра Кузу. Усилия Англии и Австрии по предотвращению объединения были, таким образом, сведены на нет самим румынским народом, и через три года тщательно разработанные договоренности, достигнутые Конференцией, были аналогичным образом отменены, и единое министерство и Ассамблея заняли место двойного правительства. Теперь оставалось только заменить господаря, избираемого пожизненно, наследственным принцем; и в 1866 году, после изгнания Александра Кузы его подданными, принц Карл Гогенцоллерн-Зигмарингенский, дальний родственник правящего прусского государя, был признан всей Европой наследственным принцем Румынии. Сюзеренитету Порты, сведенному теперь к простому праву получать фиксированную дань, было суждено продержаться всего на несколько лет дольше.

[Продолжающиеся раздоры в Турецкой империи.]

[Пересмотр Парижского мирного договора, 1871 г.]

Европе не нужно было ждать установления независимости Румынии, чтобы судить о дальновидности и государственной мудрости авторов Парижского мирного договора. Не проходило и года, чтобы не произошло какого-нибудь события, которое выставило на посмешище вымысел о самообновлении Турции и заявление Властей о том, что эпоха внешнего вмешательства в ее дела подошла к концу. Активное неправильное управление со стороны самих турецких властей, их бессилие или нежелание предотвратить вопиющее беззаконие среди тех, кем они якобы правили, продолжало после Парижского мирного договора оставаться точно таким же, какими они были до него. В 1860 году массовые убийства и гражданская война в Горном Ливане привели к оккупации Сирии французскими войсками. В 1861 году Босния и Герцеговина взяли за оружие. В 1863 году Сербия изгнала свои турецкие гарнизоны. Крит, восставший в следующем году, долго боролся за свою независимость, и на мгновение показалось вероятным объединение с Грецией под эгидой Держав, но в конце концов он был оставлен своими османскими хозяевами. По истечении четырнадцати лет после подписания Парижского мира падение Французской империи позволило России заявить, что она больше не признает положений Договора, которые исключали доступ ее военных кораблей и арсеналов в Черное море. Именно ради этого, и почти только ради этого, Англия пережила Крымскую войну. Если бы не решимость лорда Пальмерстона не допустить Россию к Черному морю, мир мог бы быть заключен, пока союзные армии все еще находились в Варне. Утверждалось, что это исключение было необходимо в интересах Европы в целом; то, что на самом деле оно было введено не в интересах Европы, а в интересах Англии, было достаточно ясно продемонстрировано действиями Австрии и Пруссии, государственные деятели которых, несмотря на столь свободные речи, адресованные им из Лондона, были по крайней мере настолько живы интересами своих соответствующих стран, насколько лорд Пальмерстон мог быть заступником их интересов. Франция в 1854 году также не была заинтересована в ослаблении мощи России или в делах на Востоке в целом, которые можно было бы отдаленно сравнить с делами обладателей Индии. Личные нужды Наполеона III сделали его, хотя он, казалось, руководил, инструментом британского правительства для достижения британских целей, и таким образом дали Пальмерстону возможность на мгновение сформировать новое и поверхностное соглашение Держав. Овладев Севастополем, союзники не испытывали особых трудностей, подкрепляя свои собственные выводы кажущимся авторитетом Европы в целом; но усадить представителей Австрии и Пруссии за стол Совета, вручить им ручку для подписания Договора, продиктованного Францией и Англией, не означало привязать их к политике, которая не была их собственной, или сделать интересами Австрии и Пруссии то, что раньше не было их интересами. Таким образом, когда в 1870 году пала Французская империя, Англия осталась в одиночестве как Держава, заинтересованная в сохранении исключения России из Эвксинского залива, и это исключение она больше не могла обеспечивать. Было хорошо, что Пальмерстон сделал Парижский мирный договор актом Европы, но не по тем причинам, которые представлял себе Пальмерстон. На самом деле эта выдумка не породила никаких новых отношений; она ни на час не продлила подчинение России после того, как ей перестали противостоять на Западе превосходящие силы; но она позволила Великобритании без официального унижения уйти с позиции, которую она завоевала только с помощью случайного союза и которую она была неспособна удержать в одиночку. Призрак Конференции 1856 года был как бы вызван к жизни в изменившемся мире 1871 года. Те же самые формы, которые когда-то скрепляли печатью Европы инструмент сдерживания России, теперь столь же чинно осуществили его

высвобождение. Британия приняла то, чему Европа не стала бы сопротивляться; и ниже по склону, где лежали бесчисленные тела трех наций, Севастополь восстал из руин, и знамя России снова развевалось над ее военными кораблями.

ГЛАВА XXII.

Пьемонт после 1849 года -Министерство Азельо-Премьер-министр Кавура-Замыслы Кавура-Его крымская политика-Кавур на Парижской конференции-Кавур и Наполеон III.-Встреча в Пломбьере-Приготовления в Италии-Январский мирный договор 1859 г.-Попытки посредничества-Австрийский ультиматум-Кампания 1859 г.-Маджента-Движение в Центральной Италии-Сольферино-Наполеон и Пруссия -Интервью Виллафранки-Кавур уходит в отставку-Цюрихский мир-Центральная Италия после Виллафранки-Предлагаемый Конгресс-"Папа и Конгресс"- Кавур возобновляет работу-Кавур и Наполеон-Объединение герцогств Романья и Пьемонт-Савойя и Ницца присоединены к Франции-Кавур об этом уступка-Европейское мнение-Неаполь-Сицилия-Гарибальди высаживается в Марсале- Захват Палермо-Неаполитанцы эвакуируют Сицилию-Кавур и Партия действия-Политика Кавура в отношении Неаполя-Гарибальди на материке-Персано и Вильямарина в Неаполе-Гарибальди в Неаполе-Пьемонтская армия входит в Умбрию и Марширует-Падение Анконы-Гарибальди и Кавур-Армии на Вольтурно-Падение Гаэты-Политика Кавура в отношении Рима и Венеции-Смерть Кавур -Свободная церковь в Свободном государстве.

[Пьемонт после 1849 г.]

В мрачные годы, последовавшие за 1849 годом, королевство Сардиния ярко выделялось как государство, которое, хотя и было разгромлено на поле боя, оставалось верным делу свободы, в то время как повсюду вокруг него силы реакции одерживали триумф за триумфом. Его король не обладал интеллектуальными способностями создателя великого государства, но он был тем, с кем те, кто обладал такими способностями, могли работать и на кого они могли положиться. При некоторых серьезных личных недостатках Виктор Эммануил обладал общественными добродетелями: глубоким патриотизмом, верностью своим обязательствам и своим министрам, преданностью единой великой цели. Мало склонный к умозрительным размышлениям, он увидел то, что его больше всего беспокоило, - что Пьемонт, превратив себя в дом свободы, может стать Главным государством Италии. Его мужество на поле битвы, каким бы великолепным и воодушевляющим оно ни было, отличало его меньше, чем другой вид

мужества, присущий только ему. Невежественный и суеверный, он обладал тем редким мужским качеством души, которое в муках тяжелой утраты и на грани невидимого мира остается стойким против призыва и ужаса голоса, говорящего с более чем человеческой властью. Рим, не в меньшей степени, чем Австрия, стоял поперек пути, ведущего к итальянской свободе, и использовал все свое искусство, всю свою духовную силу, чтобы отвлечь Виктора Эммануила от работы, которая лежала перед ним. В его жизни были моменты, когда человек, проявляющий не более чем обычную слабость, вполне мог отступить от линии поведения, на которую он решился в часы силы и проницательности; были времена, когда менее постоянный ум вполне мог поколебаться и установить баланс между противоположными системами политики. Виктор Эммануил оказал свои бесценные услуги Италии не благодаря героическому величию. Он был человеком, не слишком отличавшимся от многих других простых и сильных натур, но качества, которыми он обладал, были именно теми, которые требовались Италии. Удача, обстоятельства, положение благоприятствовали ему и сделали возможным его славное дело; но какой другой итальянский принц этого столетия, хотя и восседавший на пьемонтском троне и причислявший Кавура к своим подданным, сыграл бы ту роль, простую, но чрезвычайно важную роль, которую так хорошо сыграл Виктор Эммануил? Любовь и благодарность Италии были не скупясь излиты в память о ее первом государе, который служил своему народу с такими простыми качествами и в жизни которого было так много такого, что нуждалось в прощении. Более холодное суждение более позднего времени вряд ли будет оспаривать право Виктора Эммануила быть причисленным к тем немногим людям, без которых объединение Италии не было бы достигнуто в течение жизни следующего поколения.

[Министерство Азельо, 1849-52.]

[Премьер-министр Кавур, 1852.]

После заключения мира с Австрией после Новарской кампании правительство и парламент Турина обратились к работе по освобождению государства от системы церковных привилегий и господства клерикалов, которая продолжалась в полную силу вплоть до последнего года правления Карла Альберта. С 1814 года Церковь сохранила или восстановила как в Пьемонте, так и на острове Сардиния права, которых у нее давно отняли в других европейских обществах и которые не соответствовали Конституции, которая теперь укоренилась при Викторе Эммануиле. Духовенство по-прежнему имело свои собственные трибуналы, и даже в случае уголовных преступлений они не попадали под юрисдикцию государства. Епископы обладали чрезмерными полномочиями и слишком большой долей церковных доходов; приходское духовенство жило в нужде; монастыри были в изобилии. Массимо д'Азельо, которого король призвал к власти после Новары, ни в коем случае не проявлял враждебности по отношению к Церкви и начал работу по реформированию, подчинив духовенство государственным судам, отменив право убежища в монастырях и ограничив полномочия корпораций по приобретению земельной собственности. Если бы папство встретило Виктора Эммануила честно, его правительство с радостью избежало бы опасной и изматывающей борьбы; но все силы и страсти ультрамонтанизма были брошены против предложенных реформ. Результатом было то, что министр, покинутый частью Консервативной партии, на которую он опирался, искал союза людей, готовых к более масштабной и смелой политике, и призвал к власти первого из тех, от кого он получил независимую поддержку в Палате, графа Кавура. Войдя в Кабинет министров в 1850 году в качестве министра торговли, Кавур быстро стал хозяином всех своих коллег. Под свою личную ответственность он искал и заручился поддержкой более умеренной части

оппозиции, возглавляемой Раттацци; и после кратковременного ухода с поста, вызванного разногласиями внутри кабинета, он вернулся к власти в октябре 1852 года в качестве премьер-министра.

[Кавур.]

Кавур, хотя мало кто из людей приобрел большую известность как дипломат, не был обучен официальной жизни. Младший сын дворянской семьи, он вступил в армию в 1826 году и служил в инженерных войсках; но его симпатии к либеральному движению 1830 года вызвали крайнюю немилость у его начальников. Чарльз Альберт, в то время принц Кариньяно, назвал его самым опасным человеком в королевстве, и по просьбе его собственного отца он был переведен в уединенную альпийскую крепость Бард. Слишком энергичный по натуре, чтобы смириться с бездействием, слишком жизнерадостный и слишком проницательный, чтобы прибегнуть к заговору, он уволился из армии и вскоре после этого занялся управлением одним из семейных поместий, посвятив себя крупномасштабному научному сельскому хозяйству. Он был увлеченным и успешным бизнесменом, но в течение следующих двенадцати лет, которые он провел в плодотворном частном бизнесе, его мысли были прикованы к общественным делам. Он был полон глубокого недовольства состоянием общества, которое он видел вокруг себя в Пьемонте, и состоянием Италии в целом под иностранным и клерикальным правлением. Неоднократные визиты во Францию и Англию познакомили его с институтами более свободных стран и придали определенности его политическим и социальным целям. ^[484] В 1847 году, когда перемены происходили быстрыми темпами, он вместе с некоторыми другими либеральными аристократами основал журнал "*Рисорджименто*", посвященный делу национального возрождения; и он был одним из первых, кто призвал короля Карла Альберта даровать Конституцию. В бурные дни 1848 года он был одновременно энергичным сторонником войны с Австрией и противником республиканцев и экстремистов, которые ради своих собственных теорий, казалось, были готовы ввергнуть Италию в анархию. Несмотря на непопулярность среди толпы, он был избран в Палату от Турина и продолжал представлять столицу после заключения мира. До этого времени было мало возможностей продемонстрировать свои экстраординарные способности, но врожденная проницательность Виктора Эммануила уже разглядела в нем человека, который не мог оставаться в подчиненном положении. "Вы увидите, как он выгонит вас всех с ваших мест", - заметил король своим министрам, давая согласие на первое назначение Кавура на место в Кабинете министров.

[Планы Кавура.]

[Крымская политика Кавура.]

Министерство Азельо с честью служило Пьемонту с 1849 по 1852 год, но его руководитель едва ли обладал той смелостью и плодородием ума, которых требовало время. Кавур вложил в работу правительства страсть и интеллект, которые вскоре привели к результатам, видимым всей Европе. Его преданность Италии была такой же глубокой, всепоглощающей, как и у самого Мадзини, хотя методы и замыслы этих двух людей были совершенно противоположны. Неизменной целью Кавура было изгнать Австрию из Италии путем поражения на поле боя и создать, в качестве первого шага к национальному объединению, могущественное королевство Северная Италия под властью Виктора Эммануила. Для того чтобы военные и военно-морские силы Пьемонта могли быть доведены до максимально возможной численности и эффективности, он видел, что ресурсы страны должны быть в значительной степени освоены; и

с этой целью он заключил торговые договоры с иностранными державами, проложил железные дороги и подавил большую часть монастырей, продав их земли земледельцам и направив выручку от продажи не на государственные нужды, а на оплату труда работающего духовенства. Промышленность развивалась; тяжелое налоговое бремя терпеливо переносилось; армия и флот росли быстрыми темпами. Но дело Пьемонта было едино с делом итальянской нации, и его правительству надлежало демонстрировать это изо дня в день, не дрогнув ни голосом, ни рукой. Защита и поддержка оказывались беглецам от австрийской и папской тирании; пресса была открыта для любой истории о несправедливости; и когда после неудачной попытки восстания в Милане в 1853 году, ответственность за которую несли только Мадзини и республиканские изгнанники, австрийское правительство наложило арест на имущество своих подданных, которые не захотели вернуться из Пьемонта, Кавур приказал своему послу покинуть Вену и обратился во все суды Европы. Тем не менее Кавур не верил, что Италия, даже путем одновременного восстания, сможет навсегда изгнать австрийские армии или завоевать австрийские крепости. Сорокалетний опыт указывал на противоположный вывод; и в то время как Мадзини в своем изгнании все еще воображал, что народу нужно только решить стать свободным, чтобы стать свободным, Кавур замыслил союз, который должен был выставить против австрийского императора вооруженные силы, столь же многочисленные и дисциплинированные, как его собственные. Главным образом с этой целью Кавур втянул Сардинию в Крымскую войну. У него были справедливые причины жаловаться на царя; но мотивом, по которому он послал сардинские войска в Севастополь, было не то, что они могли отомстить России, а то, что они могли сражаться бок о бок с солдатами Англии и Франции. То, что война может привести к непредвиденным осложнениям, без сомнения, представлялось Кавуру возможным, и в этом случае немаловажным было то, что Сардиния была союзницей двух западных держав; но помимо этих шансов на будущее, Сардиния поступила бы плохо, бездействуя, когда в любой момент, как казалось, Австрия могла перейти от вооруженного нейтралитета к активному соглашению с Англией и Францией. Если бы Австрия таким образом обнажила меч против России, пока Пьемонт бездействовал, влияние западных держав в течение нескольких последующих лет было бы на стороне Австрии в поддержании ее итальянских владений, и Пьемонт мог бы в лучшем случае рассчитывать только на сочувствие или поддержку Санкт-Петербурга. Кавур не был щепетилен в выборе средств, когда целью было освобождение Италии, и против него было выдвинуто обвинение в том, что, присоединившись к коалиции против России, он легкомысленно вступил в войну, к которой Пьемонт не имел прямого отношения. Но разум и история оправдывают, и гораздо больше, чем оправдывают, итальянского государственного деятеля. Если дело европейского равновесия, ради которого Англия и Франция взяли за оружие, было законным поводом для войны в случае этих двух держав, то это было не в меньшей степени так и в случае их союзника; в то время как, если считать, что ее оправданием являются скрытые результаты, а не мотив войны, Кавур выделяется как единственный политик в Европе, цели которого при вступлении в Крымскую войну были достигнуты, а не осмеяны событиями. Он вступил в борьбу против России не для того, чтобы сохранить Османскую империю, а для того, чтобы обрести союзника в освобождении Италии. Османская империя не была сохранена; независимость Италии была установлена, и установлена благодаря союзу, который заключил Кавур. Его крымская политика - один из тех чрезвычайно редких примеров государственной мудрости, когда действия определялись не движущими силами и наполовину понятыми потребностями текущего момента, а четким и верным видением будущего. Он смотрел только в одном направлении, но в этом направлении он видел ясно. Другие государственные деятели били с завязанными глазами или в своем

видении возрожденной Турции сражались за империю-мираж. Можно с некоторым основанием спросить, был бы сейчас порядок в Восточной Европе иным, если бы нашим собственным английским солдатам, павшим под Балаклавой, позволили умереть в своих постелях: каждый итальянец, которого Кавур отправил умирать на Черную или в пораженный холерой лагерь, умер так же непосредственно за дело независимости Италии, как если бы он пал на склонах Кустоццы или под стенами Рима.

[Кавур на Парижской конференции.]

[Изменение австрийской политики, 1856.]

На Парижской конференции 1856 года премьер-министр Сардинии занял свое место по праву союза на стороне представителей великих держав; и когда основное дело Конференции было завершено, граф Буоль, австрийский министр, был вынужден выслушать энергичное осуждение Кавуром плохого правительства, царившего в Центральной и Южной Италии, и австрийской оккупации, которая сделала это возможным. Хотя французы все еще находились в Риме, их присутствие из вежливости можно было бы охарактеризовать как меру предосторожности, ставшую необходимой в связи с вторжением австрийцев дальше на север; и как французский, так и английский полномочные представители на Конференции поддержали Кавура в его нападениях. Кавур вернулся в Италию без какого-либо территориального вознаграждения за услуги, оказанные Пьемонтом союзникам; но его цель была достигнута. Он выставил Австрию изолированной и дискредитированной перед Европой; он дал своей стране голос, которого она никогда прежде не имела в Советах Держав; он произвел на всю Италию глубокое убеждение, что Пьемонт не только может и будет энергично действовать против национального врага, но и что в своих действиях он получит помощь союзников. С этого времени республиканское и мадзинианское общества потеряли почву под ногами из-за растущего доверия к Савойскому дому, к его министру и его армии. ^[485] Самым убедительным доказательством эффекта крымской политики Кавура и его присутствия на Парижской конференции были действия самого австрийского правительства. С 1849 по 1856 год его правление в Северной Италии отличалось не столько суровостью, сколько зверским насилием. Теперь все изменилось. Император прибыл в Милан, чтобы объявить всеобщую амнистию и завоевать расположение своих подданных. Конфискованные поместья были возвращены их владельцам. Радецкому на девяносто втором году жизни наконец разрешили уйти в отставку; правлению меченосцев был объявлен конец; Максимилиан, самый мягкий и обаятельный из Габсбургов, был отправлен со своей юной невестой развеивать печальные воспоминания о злых временах. Но было уже слишком поздно. Проявленное лангобардами признание личного дружелюбия императора не указывало на примирение с Австрией; и пока Франциск Иосиф все еще находился в Милане, король Виктор Эммануил в присутствии ломбардской депутации заложил первый камень памятника, воздвигнутого на пожертвования со всей Италии в память о тех, кто пал в кампаниях 1848 и 1849 годов, - статуи пехотинца, размахивающего мечом в направлении австрийской границы. Сардинская пресса удвоила свои нападки на Австрию и ее итальянских вассалов. Венское правительство потребовало сатисфакции; Кавур резко отказал в ней, и дипломатические отношения между двумя дворами, возобновившиеся после Парижской конференции, были снова разорваны.

[Кавур и Наполеон III.]

[Встреча в Пломбьере, июль 1858 г.]

Из двух западных держав Кавур предпочел бы союз с Великобританией, у которой не было собственных целей в Италии; но когда он обнаружил, что лондонское правительство не будет помогать ему оружием против Австрии, он сблизился с императором Наполеоном и поддерживал его на протяжении всего его спора с Англией и Австрией по поводу урегулирования Дунайских княжеств. Наполеон, без сомнения, испытывал настоящий интерес к Италии. Его собственные ранние политические теории, сформированные на изучении наполеоновской империи, его юношеский союз с карбонариями указывают на симпатию к итальянскому национальному делу, которая была искренней, если не глубокой, и которая не была полностью утрачена в 1849 году, хотя Франция тогда действовала как враг независимости Рима. Если Наполеон намеревался переделать континентальный порядок и Договоры 1815 года в интересах Франции и принципа гражданства, он не мог сделать лучшего начала, чем изгнать Австрию из Северной Италии. Ему даже не было необходимости разрабатывать оригинальную политику. В начале 1848 года, когда казалось вероятным, что Пьемонт будет увеличен за счет Ломбардии и части Венеции, Ламартин предположил, что Франция в этом случае должна получить компенсацию за счет Савойи, чтобы обезопасить свои границы от такого могущественного соседа, как новое Итальянское государство. К этой идее вернулся Наполеон. Савойя была включена в состав Франции с 1792 по 1814 год; ее население было больше французским, чем итальянским; ее аннексия не нанесла бы прямого ущерба интересам какой-либо великой державы. Из трех направлений, по которым Франция могла протянуться к своим старым границам Альп и Рейна, направление Савойи было, безусловно, наименее опасным. Нельзя было взять Бельгию без определенной потери английского союза, без чего Наполеон еще не мог обойтись; нападение на Рейнские провинции, вероятно, встретили бы все германские державы вместе; только в Савойе был шанс завоевать территорию, не создавая европейской коалиции против Франции. Не успела Конференция, собравшаяся весной 1858 года, завершить организацию Дунайских княжеств, как Наполеон приступил к разработке своих итальянских планов. Покушение очень ужасного характера, совершенное на его жизнь римским изгнанником Орсини, хотя в данный момент оно угрожало поссорить Сардинию с Францией, вероятно, побудило его к действию. Летом 1858 года он пригласил Кавура встретиться с ним в Пломбьере. Состоявшиеся там переговоры не были доведены императором до сведения его министров; Кавур сообщил о них только двум лицам, помимо Виктора Эммануила. Похоже, что никакого письменного соглашения не было составлено; было устно оговорено, что если Пьемонт сможет, не развязывая революционной войны и не подвергая Наполеона обвинению в агрессии, подстрекнуть Австрию к военным действиям, Франция выступит в качестве ее союзника. Затем Австрия должна была быть изгнана из Венеции, а также из Ломбардии. Виктор Эммануил должен был стать сувереном Северной Италии с римскими миссиями и маршами; остальная часть папской территории, за исключением самого Рима и прилегающего округа, должна была быть присоединена к Тоскане, образовав таким образом новое королевство Центральной Италии. Два королевства вместе с Неаполем и Римом должны были сформировать Итальянскую конфедерацию под председательством папы римского. Франция должна была получить Савойю и, возможно, Ниццу. Обсуждался, если не был фактически решен, брак между юной дочерью короля Клотильдой и двоюродным братом императора принцем Жеромом Наполеоном. ^[486]

[Кавур ввиду Французского союза.]

С этого момента Кавур день и ночь готовился к войне. Его положение было чрезвычайно трудным. Он не только должен был считаться с нерешительностью Наполеона и его откровенным нежеланием браться за оружие без видимой на то веской причины; но даже если предположить, что цель войны достигнута и Австрия побеждена, как мало было общего между целями Кавура в отношении Италии и традиционной политикой Франции! Первый Наполеон отдал Венецию Австрии на Кампо Формио; даже если новый Наполеон выполнит свое обещание и освободит всю Северную Италию, его политика в отношении центра и юга полуострова, вероятно, будет враждебна любому эффективному союзу или любому дальнейшему расширению влияния Савойского дома. Поэтому Кавур должен был привести в готовность к действию национальные силы такой силы, чтобы Наполеону, даже если бы он захотел отступить, было бы трудно это сделать, и чтобы формирование будущего итальянского народа определялось не схемами, которые император мог бы разработать в Париже, а требованиями и чаяниями самой Италии. Ему было необходимо не только поощрять и субсидировать Национальное общество - тайную ассоциацию, отделения которой в других итальянских государствах готовились помочь Пьемонту в надвигающейся войне и объединить Италию под властью Савойского дома, - но и вступить в сношения с некоторыми представителями республиканской или революционной партии, которые до сих пор были во вражде со всеми коронами одинаково. Он тайно вызвал Гарибальди в Турин и там убедил его, что война, которую вот-вот начнет Виктор Эммануил, была той, в которой он должен принять видное участие. Как главный защитник Римской республики и герой революции, Гарибальди был неприятен французскому императору. Кавуру пришлось скрыть от Наполеона тот факт, что Гарибальди выйдет на поле боя во главе отдельного корпуса на стороне союзных армий; точно так же он должен был скрыть от Гарибальди, что одним из результатов войны будет передача Франции Ниццы, места его рождения. Таким образом, погрязнув в интригах, загнав своих савояров в лагерь и взяв с них последний фартинг налогов, чтобы после победы они могли быть переданы Иностранной державе; подстрекая Австрию к какому-нибудь проявлению страсти; подстрекая, но сдерживая и контролируя итальянские революционные элементы; выторговывая дочь своего государя у одного из самых одиозных представителей человечества, Кавур поставил все на одну великую цель своего существования - установление независимости Италии. Слова, подобные тем, что вырвались у Дантона во время бурь Конвента - "Да погибнет мое имя, моя репутация, чтобы Франция была свободной", - были спокойным и привычным выражением мыслей Кавура, когда рядом не было никого, кроме близкого друга, который мог их услышать. ^[487] Таких задач, как у Кавура, нельзя достичь без средств, которые благородному человеку, каким на самом деле был Кавур, было бы приятнее оставить без работы. Только те имеют право выносить приговор тому, кто создал нацию, и сделал это более чистыми руками. Английским государственным деятелям и филантропам, наследникам всемирной империи, следовало отстаивать этику мира и призывать к джентльменской откровенности и сдержанности в ведении международных отношений. Английских женщин не пороли австрийские солдаты на рыночной площади; договоры 1815 года не закрепляли иностранное правление над половиной нашей расы. Для Кавура величайшим преступлением было бы оставить несделанным все, что могло бы послужить освобождению Италии. ^[488]

[Январский мирный договор 1859 г.]

[Попытки посредничества.]

[Австрийский ультиматум, 23 апреля.]

Наполеон, по-видимому, считал, что он будет готов начать войну весной 1859 года. На приеме в Тюильри 1 января он обратился к австрийскому послу со словами, которые указывали на приближающийся конфликт; несколько недель спустя между принцем Наполеоном и Клотильдой, дочерью Виктора Эммануила, был подписан брачный контракт, и часть соглашения, заключенного в Пломбьере, была воплощена в официальном договоре. Наполеон обязался поддержать Сардинию в войне, которая могла возникнуть в результате любого агрессивного акта со стороны Австрии, и, в случае победы, присоединить Ломбардию и Венецию к владениям Виктора Эммануила. Франция, в свою очередь, должна была получить Савойю, а Ницца оставалась в распоряжении до восстановления мира. ^[489] Еще до подписания Мирного договора Виктор Эммануил бросил вызов Австрии, заявив на открытии туринского парламента, что он не может оставаться равнодушным к крикам страдания, доносящимся из Италии. Неминуемость войны была объявлена практически в технической форме, когда под влиянием окружавших его дипломатов и министров, а также финансовой паники, последовавшей за его обращением к австрийскому послу, нерешительный ум Наполеона отступил от своей цели, и Италии и Европе были навязаны новые месяцы неизвестности, которые в конце концов были прекращены не каким-либо усилием воли Наполеона, а опрометчивыми и невежливыми действиями самой Австрии. По просьбе Венского суда британское правительство согласилось предпринять шаги по посредничеству. Лорд Коули, посол в Париже, был направлен в Вену с предложениями, которые, как считалось, могли бы послужить основой для мирного урегулирования итальянских дел. Он потребовал, чтобы Папская область была эвакуирована как австрийскими, так и французскими войсками; чтобы Австрия отказалась от Договоров, которые предоставляли ей фактический протекторат над Моденой и Пармой; и чтобы она согласилась на проведение реформ во всех итальянских правительствах. Переговоры с этой целью достигли некоторого прогресса, когда они были прерваны предложением, присланным из Санкт-Петербурга по просьбе Наполеона, о том, что итальянские дела должны быть переданы на рассмотрение Европейского конгресса. Австрия была готова на определенных условиях принять участие в Конгрессе, но в качестве предварительной меры требовалось, чтобы Сардиния разоружилась. Теперь Наполеон узнал, что Гарибальди должен был сражаться во главе добровольцев на стороне Виктора Эммануила. Его сомнения относительно мудрости его собственной политики, по-видимому, возрастали с каждым часом; из Великобритании, дружбу с которой он по-прежнему считал незаменимой для себя, он получал самые настоятельные призывы против войны; было необходимо, чтобы Кавур лично посетил Париж, чтобы помешать императору согласиться на требования Австрии. В присутствии Кавура Наполеон, похоже, утратил некоторые из своих страхов или почувствовал, что провоцировать его доверенное лицо в Пломбьере небезопасно; ^[490] но Кавур вскоре покинул Париж, когда из Лондона поступило предложение о том, что вместо отдельного разоружения Сардинии державы должны согласиться на всеобщее разоружение, подробности сообщат позже. будет урегулирован Европейской комиссией. Это предложение получило одобрение Наполеона. Он телеграфировал Кавуру, желая, чтобы тот присоединился к соглашению. Кавур едва ли мог послушаться, и все же в один миг казалось, что все его надежды, когда он был на грани осуществления, рухнули наземь, все его безграничные усилия по освобождению Италии путем войны с Австрией были потеряны и выброшены на ветер. В течение нескольких часов он казался разбитым от удара. Доведенный до предела человеческой выносливости трудом, который неделями не прекращался ни днем, ни ночью, его сильная, но жизнерадостная натура

дала сбой, и на какое-то время те немногие друзья, которые его видели, испугались, что он покончит с собой. Но кризис миновал: Кавур принял, как неизбежное, условие всеобщего разоружения; и его энергичный ум уже начал разрабатывать новые планы на будущее, когда сообщение о принятом в Вене решении, которое вскоре было подтверждено получением австрийского ультиматума, повергло его в радость, столь же сильную, как и его предыдущее отчаяние. Проигнорировав британское предложение о всеобщем разоружении, уже принятое в Турине, австрийский кабинет потребовал, без каких-либо оговорок и под угрозой войны в течение трех дней, чтобы Сардиния разоружилась отдельно. В Вене считали, что Наполеон просто пытается выиграть время, что конфликт неизбежен и что Австрия теперь лучше подготовлена к немедленным действиям, чем ее враги. Правильно или нет в своем суждении об истинных намерениях Наполеона австрийское правительство, несомненно, взяло на себя роль агрессора. Кавуру оставалось только указать на свое собственное согласие с планом всеобщего разоружения и возложить на своего врага ответственность за нарушение европейского мира. Его ответ был воспринят как сигнал к военным действиям, и 29 апреля австрийские войска перешли реку Тичино. Объявление войны из Парижа последовало без промедления. ^[491]

[Кампания 1859 г.]

[Битва при Мадженте, 4 июня.]

В течение нескольких месяцев Австрия перебрасывала свои войска в Северную Италию. Она сама выбрала время для начала войны; перед ней стоял слабый враг, ее более могущественный противник не мог выйти на поле боя, не перейдя Альп или горного хребта над Генуей. Все указывало на энергичное наступление австрийских генералов, и в самом Пьемонте считалось, что Турин должен пасть, прежде чем французские войска смогут оказать помощь в его обороне. Из Турина, как центра, австрийцы могли тогда с легкостью нанести удар, имея численное превосходство, по отрядам французской армии, спускавшимся с гор, в любой точке полукруга от Генуи до Мон-Сени. Редко бывал случай, когда необходимость и преимущества определенного стратегического направления были столь очевидны; и все же после переправы через Тичино австрийцы численностью более ста тысяч человек стояли как заколдованные под командованием своего некомпетентного командира Джулии. Тем временем французские отряды пересекли гору Сени; другие, более многочисленные, высадились вместе с императором в Генуе и установили связь с пьемонтцами, штаб-квартира которых находилась в Алессандрии. Теперь Джулии полагал, что союзники нанесут удар по его коммуникациям в направлении Пармы. Поход Бонапарта на Пьяченцу в 1796 году, а также кампания при Маренго вполне могли внушить этот страх, но истинные намерения Наполеона III были другими. задача заключалась в том, чтобы обойти австрийцев с севера и таким образом захватить Милан. Гарибальди уже действовал на крайнем левом фланге сардинской линии в окрестностях Комо. В то время как пьемонтцы удерживали свои позиции на фронте, французы из Генуи двинулись на север позади них, пересекли По и достигли Верчелли, прежде чем австрийцы обнаружили их маневр. Джулай, все еще задерживавшийся между Сесией и Тичино, теперь отозвал часть своих сил на север, но не вовремя, чтобы помешать пьемонтцам перейти Сесию и разгромить противостоящие им войска при Палестро (30 мая). Пока австрийцы были заняты в этом месте, французы переправились через реку дальше на север и двинулись на восток к Тичино. Таким образом, Джулии был обойден с фланга и вынужден отступить. Союзники последовали за ним и 4 июня атаковали австрийскую армию на ее позициях около Мадженты по дороге на Милан. Штурм Мак-Магона с севера принес союзникам победу после тяжелого дня боев. Австрийцы не

могли защитить Милан; они отступили к Адде, а затем к Минчо, оставив всю Ломбардию захватчикам и отозвав свои войска из Болоньи и других оккупированных городов Папской области, чтобы они могли принять участие в обороне венецианской границы и крепостей, которые ее охраняли.

[Движение в Центральной Италии.]

Победа союзников сразу же почувствовалась по всей Центральной Италии. Великий герцог Тосканский уже бежал из своих владений, и Временное правительство предложило диктатуру на период войны Виктору Эммануилу, который, отказавшись от этого, позволил своему посланнику Бонкампани взять на себя временные полномочия во Флоренции в качестве своего представителя. Герцог Моденский и герцогиня Пармская теперь покинули свои территории. В Романье исчезновение австрийцев привело к немедленному свержению папской власти. Повсюду требовался союз с Пьемонтом. Бедствия последних десяти лет преподали свой урок итальянскому народу. Теперь не было ничего от беспорядка, экстравагантности, ребячества 1848 года. Население, которое тогда было таким разобщенным, таким подозрительным, такой легкой добычей демагогов, теперь было бдительным, самоконтролируемым и жаждало руководства единственного реального национального правительства. Как во Флоренции, так и в герцогствах и Романье было желательно, чтобы Виктор Эммануил взял на себя Диктатуру. Король придерживался политики, которую он проводил в отношении Тосканы, избегая любых столкновений, которые могли бы скомпрометировать его с Европой или его союзником, но назначая уполномоченных для набора войск для общей войны против Австрии и проведения необходимой административной работы в этих округах. Фарини, историк римских государств, был отправлен в Модену; Азельо, бывший министр, - в Болонью. Каждый из этих офицеров приступил к выполнению своей задачи с духом, достойным того времени; каждый понимал, как много можно выиграть для Италии смелостью, как много подвергнуть опасности или потерять из-за несвоевременных колебаний. ^[492]

[Битва при Сольферино, 24 июня.]

В своих прокламациях при открытии войны Наполеон заявил, что Италия должна быть освобождена до побережья Адриатики. Его обращение к итальянскому народу при въезде в Милан с Виктором Эммануилом после победы Мадженты дышало тем же духом. Однако пока что была завоевана только Ломбардия. Соответственно, наступление союзных армий возобновилось после перерыва в несколько дней, и 23 июня они подошли к позициям, удерживаемым австрийцами немного западнее Минчо. Франциск Иосиф приехал из Вены, чтобы принять командование армией. Его присутствие помогало врагу, поскольку у него не было собственного плана, и он изо дня в день колебался между противоположными планами генералов в ставке. Одни хотели сделать Минчо линией обороны, другие - удержать Кьеze на несколько миль западнее. Следствием этого было то, что армия маршировала взад и вперед по пространству между двумя реками в зависимости от того, какой тот или иной генерал на данный момент завоевывал доверие императора. Именно в то время, когда австрийцы были таким образом заняты, союзные армии вступили с ними в соприкосновение около Сольферино. Ни с одной из сторон не было известно, что все силы противника находятся поблизости. Битва при Сольферино, одна из самых кровопролитных за последнее время, произошла почти случайно. Под командованием Наполеона и Виктора Эммануила присутствовало около ста пятидесяти тысяч человек; австрийцы имели небольшое превосходство в силах. На севере, где Бенедек с

австрийским правым флангом был атакован пьемонтцами при Сан-Мартино, казалось, что задача, возложенная на итальянские войска, была им не по силам. Виктор Эммануил, сражавшийся с тем же мужеством, что и при Новаре, видел, что позиции перед его войсками попеременно выигрывались и проигрывались. Но успех французов при Сольферино в центре решил исход дня, и австрийцы, наконец, отступили со всей своей линии с потерей убитыми и ранеными четырнадцать тысяч человек. Со стороны союзников резня была едва ли меньшей.

[Наполеон и Пруссия.]

[Интервью Виллафранки, 11 июля.]

[Виллафранкский мир.]

[Цюрихский мирный договор, 10 ноября.]

Наполеон был победителем, но победителем ужасной ценой; и перед собой он видел крепости Четырехугольника, в то время как новые дивизии спешили с севера и востока на поддержку все еще несломленной австрийской армии. Он вполне мог усомниться в том, возможен ли дальнейший успех даже в одиночку против его нынешнего противника. Устрашающее зрелище Сольферино, усугубленное невыносимой летней жарой, вероятно, подействовало на гуманный, чувствительный ум, не искушенный в опыте войны. Есть основания полагать, что состояние французской армии сильно отличалось от того, которое было представлено в официальных отчетах, и, вероятно, делало продолжение кампании крайне опасным. Но помимо всего этого император знал, что, если он продвинется дальше, Пруссия и вся Германия могут в любой момент поднять против него оружие. В юго-западных землях Германии произошел сильный всплеск симпатий к Австрии. Национальный патриотизм был возбужден нападением Наполеона на главу германских монархов, и было широко распространено убеждение, что за французским завоеванием Италии вскоре последует французское завоевание на Рейне. Пруссия до сих пор проявляла сдержанность. Она объединила бы свои усилия с усилиями Австрии, если бы ее собственные притязания на улучшение положения в Германии были удовлетворены Венским двором; но Франциск Иосиф до этого времени отказывался от требуемых уступок. В условиях грозящей ему опасности он мог в любой момент отказаться от предложений, которые он ранее отклонил; даже без четкого соглашения между двумя дворами и просто из уважения к немецкому общественному мнению Пруссия могла направить против Франции армии, которые она уже привела в боевую готовность. Война на Рейне тогда добавилась бы к войне перед Четырехугольником, и от риска, связанного с этим двойным усилием, Наполеон вполне мог бы уклониться в интересах Франции не меньше, чем своей собственной династии. Он решил добиться встречи с Франциском Джозефом и выяснить, на каких условиях теперь может быть заключен мир. Встреча состоялась в Виллафранке, к востоку от Минчо, 11 июля. Франциск Иосиф отказался уступить какую-либо часть Венеции без дальнейшей борьбы. Он был готов отказаться от Ломбардии и согласиться на создание Итальянской федерации под председательством папы римского, членом Которой должна была стать Венеция, все еще находящаяся под правлением Австрии; но он требовал, чтобы Мантуя была оставлена в пределах его собственных границ и чтобы государи Тосканы и Модены возобновили владение своими владениями. На эти условия согласился Наполеон, получив устное соглашение о том, что изгнанные князья не должны быть восстановлены иностранным оружием. Относительно Пармы и восстановления папской власти в Романье никаких условий сделано не было. С подписанием Предварительных условий Виллафранки, которые должны

были лечь в основу обычного договора, подлежащего обсуждению в Цюрихе, и к которому Виктор Эммануэль добавил свое имя со словами оговорки, военные действия подошли к концу. Переговоры в Цюрихе, хотя и продолжались несколько месяцев, ничего важного не добавили к вопросу о Предварительных переговорах и ничего не решили из того, что оставалось неопределенным. Итальянская федерация оставалась планом, который два императора, и только они, взялись продвигать. Пьемонт не вступал в какие-либо обязательства ни в отношении герцогств, ни в отношении Федерации. Виктор Эммануил фактически с самого начала объявил, что он не вступит ни в какую Лигу, частью которой является провинция, управляемая Австрией, и от этого решения он никогда не отступал. ^[493]

[Отставка Кавура.]

[Центральная Италия.]

Хотя Ломбардия была завоевана, впечатление, произведенное на итальянцев Виллафранкским миром, было крайне удручающим. Наполеон так уверенно и так недавно обещал освобождение всей Северной Италии, что общественное мнение приписывало предательству или слабости то, что на самом деле было актом политической необходимости. При первых слухах о переговорах Кавур поспешил из Турина, но соглашение было подписано до его прибытия. Гнев и горе Кавура описываются теми, кто тогда видел его ужасным свидетелем. ^[494] У Наполеона не хватило мужества встретиться с ним лицом к лицу; Виктор Эммануил в течение двух часов выслушивал упреки своего министра, который теперь полностью потерял самообладание. Кавур вернулся в Турин и вскоре после этого ушел в отставку, его последним поступком стала отправка десяти тысяч мушкетеров Фарини в Модену. В соответствии с условиями мира преемник Кавура Раттацци направил пьемонтским комиссарам в Центральной Италии инструкции, которые, вероятно, не предназначались для выполнения, с требованием вернуться в Турин и распустить все собранные ими силы. Получив этот приказ, Фарини ловко отказался от своего пьемонтского гражданства и, как почетный бюргер Модены, принял Диктатуру от своих соотечественников. Азельо вернулся в Турин, но, прежде чем покинуть Романью, позаботился о том, чтобы разместить четыре тысячи солдат под командованием компетентных руководителей, способных противостоять нападению. Не последней заслугой Кавура было то, что он собрал вокруг себя группу людей, которые, когда его собственная рука была на некоторое время отнята, могли проводить свою политику с такой энергией и проницательностью, какие сейчас демонстрировали лидеры национального движения в Центральной Италии. Венеция на данный момент была потеряна; но если обещание Наполеона будет нарушено, районы, которые он потерпел неудачу или не намеревался освободить, могут быть объединены с Итальянским королевством. Герцог Моденский с шестью тысячами человек, оставшихся ему верными, стоял на австрийской границе и угрожал двинуться на его столицу. Фарини заминировал городские ворота и вооружил столь значительные силы, что стало ясно, что герцог не вернет себе свои владения без серьезного сражения. Парма оказалась под властью той же Диктатуры, что и Модена; в Романье Временное правительство, оставленное Азельо, продолжило его работу. Тоскана, где Наполеон надеялся получить трон для своего двоюродного брата, выступила за национальный союз и организовала общие вооруженные силы со своими соседями. В течение недель, последовавших за Виллафранкским миром, декларации, подписанные десятками тысяч человек, голоса представительных органов и народные демонстрации по всей Центральной Италии в упорядоченной и мирной форме показали, насколько всеобщим было стремление к

объединению под властью Савойского дома.

[Планы Кавура перед Виллафранкой.]

[Центральная Италия после Виллафранки. Июль-ноябрь.]

[Мадзини и Гарибальди. Август-ноябрь.]

Кавур в планах, которые он строил до 1859 года, не ожидал прямого и немедленного результата, кроме создания Итальянского королевства, включающего всю территорию к северу от По. Он полагал, что другие шаги по консолидации Италии последуют в определенном порядке. Они могли быть под рукой или могли быть отложены на некоторое время; но в изгнании Австрии, во вступлении чисто итальянского государства, насчитывающего более десяти миллионов жителей, владеющего крепостями и мощным флотом, между Австрией и теми, кто был ее вассалами, были бы достигнуты существенные условия национальной независимости Италии. В остальном Италия могла бы довольствоваться ожиданием времени и возможности. Но мир в Виллафранке, оставивший Венецию в руках врага, полностью изменил эту перспективу. Фикция об Итальянской федерации, в которой император Габсбург, как сеньор Венеции, должен был забыть о своих австрийских интересах и играть роль итальянского патриота, была слишком грубой, чтобы кого-либо обмануть. Италия на этих условиях либо продолжала бы управляться из Вены, либо превратилась бы в пешку в руках своего французского покровителя. Таким образом, то, что Кавур до сих пор был готов оставить на будущие годы, теперь стало потребностью настоящего. "До Виллафранки, - по его собственным словам, - объединение Италии было возможным; после Виллафранки это стало необходимостью". Виктор Эммануэль тоже понимал это и видел необходимость действий более ясно, чем Раттацци и министры, которые после ухода Кавура в июле на несколько месяцев заняли его место. Ситуация была из тех, которые действительно требовали отнюдь не скупого проявления государственной мудрости. Если Италия не хотела остаться зависимой от иностранца и погубить репутацию Савойского дома, было необходимо, чтобы не только герцогства Модена и Парма, но и Центральная Италия, включая Тоскану и, по крайней мере, Романью, были объединены с королевством Пьемонт; однако выполнение этой работы было сопряжено с величайшей опасностью. Сам Наполеон надеялся превратить Тоскану с увеличенной территорией в конкурирующее королевство Этрурия или Центральная Италия и посадить на трон своего двоюродного брата.

Ультрамонтанская партия во Франции была встревожена и возмущена свержением власти папы в Романье и уже призвала императора выполнить свои обязанности по отношению к Святому Престолу. Если национальное движение распространится на сам Рим, враждебное вмешательство Франции было почти неизбежно. Пока переговоры с Австрией в Цюрихе все еще продолжались, Виктор Эммануил не мог спокойно принять суверенитет, предложенный ему Тосканой и соседними провинциями, или позволить своему двоюродному брату, принцу Кариньяно, принять регентство, которое в период неопределенности предлагалось возложить на него. Прежде всего, было необходимо, чтобы правительство не допустило выхода народных сил, с которыми оно сотрудничало, из-под его собственного контроля. В критический период, последовавший за Виллафранкским перемирием, Мадзини обратился к Виктору Эммануилу, как тридцать лет назад он обратился к своему отцу, и предложил свою помощь в создании итальянского союза под руководством Савойского дома. В качестве первого шага он предложил свергнуть неаполитанское правительство посредством экспедиции, возглавляемой Гарибальди, и присоединить Сицилию и Неаполь к королевским владениям; но взамен он

потребовал, чтобы Пьемонт оказывал вооруженное сопротивление любому иностранному вмешательству, вызванному этим предприятием; и он, кажется, также потребовал, чтобы сразу после этого было совершено нападение на Рим и Венецию. На эти условия король согласиться не мог; и Мадзини, утвердившийся в своем недоверии к Туринскому двору, обратился к Гарибальди, который сейчас находился в Модене. По его наущению Гарибальди решил немедленно возглавить экспедицию против самого Рима. Наполеон в этот самый момент обещал реформы от имени папы римского и предостерегал Виктора Эммануила от аннексии даже Романьи (20 октября). Рискую навлечь на себя враждебность последователей Гарибальди и столкнуть их лидера с оппозицией династии, правительству Сардинии было необходимо остановить его на пути следования. Момент был критическим в истории Савойского дома. Но солдат Республиканской Италии оказался более сговорчивым, чем ее пророк. Гарибальди убедили отказаться или отложить предприятие, которое могло привести только к катастрофе для Италии; и с выражениями сердечности в адрес самого короля и горького презрения к хитрым политикам, которые давали ему советы, он сложил с себя командование и попрощался со своими товарищами, порекомендовав им, однако, оставаться при оружии, в полной уверенности, что они вскоре найдут лучшую возможность нести национальный флаг на юг. [495]

[Предлагаемый конгресс.]

Вскоре после заключения Виллафранкского соглашения Наполеон предложил британскому правительству созвать Конгресс всех держав в Париже для принятия решения по многим итальянским вопросам, которые все еще оставались нерешенными. Взяв на себя освобождение Северной Италии, Наполеон, как оказалось, предпринял задачу, далеко выходящую за рамки его собственных сил. Работа была внезапно прервана; обещанные услуги не были оказаны, оговоренное вознаграждение не было получено. С другой стороны, были приведены в движение силы, которые тот, кто их поднял, не мог усмирить; население поднялось с оружием в руках против правительств, которые Соглашение Виллафранки призвало восстановить; власти папы в северной части его владений пришел конец; итальянский союз, над которым Франция и Австрия должны были взяться за руки в знак благословения, оставался посмешищем Европы. Победы Наполеона добавили Ломбардию к Пьемонту; в остальном, за исключением итальянской точки зрения, они лишь привели дела в замешательство. Колеблясь поначалу между своими обязательствами по отношению к Австрии и поддержанием своего престижа в Италии, запутавшись между противоречивыми притязаниями на гражданство и ультрамонтанство, Наполеон с радостью возложил бы на Великобританию или на Европу в целом задачу вызволить его из затруднительного положения. Но лондонский кабинет, хотя и благосклонно относился к Италии, не проявлял особой склонности ввязываться в обязательства, которые могли привести к войне с Австрией и Германией в интересах французского суверена. Итальянские дела, как настаивал лорд Джон Рассел, вполне могли регулироваться ходом событий внутри самой Италии; и, поскольку Австрия оставалась бездействующей, принцип невмешательства действительно одержал верх. Твердая позиция населения как в герцогствах, так и в Романье, их единодушие и самообладание, отсутствие тех беспорядков, которые так часто служили предлогом для иностранной интервенции, повлияли на умы Наполеона и на мнение Европы в целом. С каждым прошедшим месяцем восстановление павших правительств становилось все более трудным делом и укрепляло уверенность итальянцев в себе. Наполеон наблюдал и колебался. Когда был подписан Цюрихский мирный договор, его политика все еще не была определена. Благодаря быстрым и либеральным реформам папское правительство, возможно, уже сейчас могло бы склонить чашу

весов в свою пользу. Но упрямый ум Пия IX. был устойчив к любому политическому и великодушному влиянию. Упрямство, проявленное Римом, память о поведении Антонелли по отношению к Французской Республике в 1849 году, возможно, также открытие Союзного договора между папским правительством и Австрией, наконец, преодолели колебания Наполеона в удовлетворении национального требования Италии и придали ему смелости бросить вызов как папскому двору, так и французскому духовенству. Он решил согласиться на образование Итальянского королевства при Викторе Эммануиле, включающего северную часть папских территорий, а также Тоскану и другие герцогства, и заставить замолчать возмущение, которое этот акт грабежа вызвал бы среди клерикальной партии Франции аннексией Ниццы и Савойи.

["Папа и Конгресс", 24 декабря.]

[Смена министерства в Париже, 5 января 1860 г.]

[Кавур вступает в должность 16 января.]

Решение императора было предвосхищено публикацией 24 декабря брошюры, озаглавленной "Папа и конгресс". Доктрина, выдвинутая в этом эссе, заключалась в том, что, хотя светская власть была необходима для духовной независимости папы, мир и единство, которые должны были окружать наместника Христа, были бы наилучшим образом достигнуты, когда его светский суверенитет был бы ограничен в максимально узких пределах. Рима и территории непосредственно вокруг него, если бы Великие державы гарантировали это Папе, было бы достаточно для мирских нужд Святого Престола. Доходы, потерянные в результате отделения остальной части папских территорий, могли бы быть заменены ежегодной данью уважения, выплачиваемой католическими державами Главе Церкви. То, что брошюра, защищающая эту политику, была написана под диктовку Наполеона, не делалось секретом. Ее появление вызвало возмущенный протест в Риме. Папа объявил, что он не будет принимать участия в предлагаемом Конгрессе до тех пор, пока французское правительство не опровергнет доктрины, выдвинутые в брошюре. Наполеон в ответ заявил папе, что ему следовало бы приобрести гарантии Держав на оставшуюся часть своих территорий, отказавшись от всех претензий на Романью, которую он уже потерял. Пий возразил, что он не может уступить то, что даровано Небом, не себе, а Церкви; и что, если бы Власти только очистили Романью от пьемонтских захватчиков, он вскоре отвоевал бы мятежную провинцию без помощи ни Франции, ни Австрии. Позиция, занятая папским двором, дала Наполеону хороший предлог для отказа от плана Европейского конгресса, от которого он вряд ли мог ожидать получения пожалования Ниццы и Савойи. В Париже было объявлено, что Конгресс откладывается; и 5 января 1860 года изменение в политике Наполеона было публично отмечено увольнением его министра иностранных дел Валуевского и назначением на его место Тувенеля, друга итальянского союза. Десять дней спустя Раттацци сложил с себя полномочия в Турине, и Кавур вернулся к власти.

[Кавур и Наполеон, январь-март.]

[Объединение герцогств Романья и Пьемонт, март.]

[Савойя и Ницца отошли Франции.]

Раттацци за те шесть месяцев, что он руководил делами, благополучно миновал несколько

опасных скал; но он держал штурвал нетвердой и ненадежной рукой и, по-видимому, проявлял недостойную ревность к Кавуру, который, находясь вне должности, не переставал оказывать своей стране все, что в его силах. Кавур вернулся на свой пост с решимостью больше не откладывать аннексию Центральной Италии, но с тяжелым сознанием того, что Наполеон потребует в обмен на свое согласие на этот союз уступки Ниццы и Савойи. Никакой Международный договор не давал Франции права претендовать на эту награду, поскольку австрийцы все еще удерживали Венецию; но войска Наполеона стояли у Милана, и маршем на юг они могли легко снова привести итальянские дела в замешательство и свести на нет все, чего достигли последние шесть месяцев. Кавур, возможно, согласился бы на любую европейскую комбинацию, которая, хотя и была направлена против расширения Франции, обеспечила бы существование итальянского королевства; но такая альтернатива французскому союзу оказалась невозможной; и последующие переговоры между Парижем и Туринном были направлены лишь на то, чтобы придать определенный дипломатический вид неизбежной теперь передаче территории от более слабого государства более сильному. Ряд предложений, сделанных из Лондона с целью устранения из Италии как французского, так и австрийского влияния, привели к тому, что австрийский двор признал, что его армия не будет использоваться для реставрации суверенов Тосканы и Модены. Истолковав это заявление как признание того, что условия Виллафранки и Цюриха относительно возвращения беглых принцев стали невыполнимыми, Наполеон теперь предложил Виктору Эммануилу аннексировать Парму и Модену и взять на себя светскую власть в Романье в качестве наместника папы римского, предоставив Тоскане сформировать отдельное правительство. Создание столь могущественного королевства на границах Франции, добавил он, не соответствовало традициям французской внешней политики, и в целях самообороны Франция должна укрепить свои военные границы путем приобретения Ниццы и Савойи (24 февраля). Кавур хорошо понимал, что упоминание независимости Тосканы и оговоренное признание прав папы римского в Романье были не более чем намеком на средства давления, с помощью которых Франция могла бы добиться требуемых уступок. Он ответил, что, хотя Виктор Эммануил не мог отчуждать какую-либо часть своих владений, его правительство признало те же права народа в Савойе и Ницце, что и в Центральной Италии; и соответственно, если население этих округов в законной форме заявит о своем желании быть присоединенным к Франции, король не будет противиться их воле. Согласившись таким образом на необходимую жертву и проигнорировав оговорки Наполеона в отношении Тосканы и папы Римского, Кавур отдал приказ о немедленном проведении всенародного голосования в Тоскане, а также в Парме, Модене и Романье по вопросу объединения с Пьемонтом. Голосование состоялось в начале марта и дало подавляющее большинство голосов в пользу объединения. Папа наложил главное отлучение от церкви на авторов, подстрекателей и исполнителей этого святотатственного дела и осыпал проклятиями; но, казалось, никому от этого не стало хуже. Виктор Эммануил принял предложенный ему суверенитет, и 2 апреля парламент Соединенного королевства собрался в Турине. Жителям Ниццы и Савойи уже было объявлено, что король дал согласие на их союз с Францией. Формальный *плебисцит* был принят несколько дней спустя, и под совместным давлением правительств Франции и Сардинии желаемые результаты были получены. Не более нескольких сотен человек проголосовали против сделки, на которую, как было понятно, у короля не было иного выбора, кроме как согласиться. ^[496]

[Кавур об уступке Ниццы и Савойи.]

То, что Виктор Эммануил в свое время был склонен сопротивляться сдаче Кавуром родины

своей расы, хорошо известно. Однако прошло более года с тех пор, как этот проект был принят в качестве основы французского союза; и если в течение периода неопределенности после Виллафранки король лелеял надежду, что жертвы можно избежать без ущерба ни для дела Италии, ни для его собственных отношений с Наполеоном, то Кавур не питал подобных иллюзий. Он знал, что уступка была незаменимым звеном в цепи его собственной политики, той политики, которая позволила победить Австрию и которая, как он верил, приведет к дальнейшей консолидации Италии. Глядя на Рим, на Палермо, где тлеющий пожар мог вспыхнуть в любой момент, он еще не мог обойтись без дружбы Наполеона, он не мог спровоцировать единственного человека, достаточно могущественного, чтобы направлять действия Франции вопреки клерикальным и легитимистским целям. Раттацци мог бы претендовать на то, что ему удалось вывести Пьемонт из-под действия Цюрихского мирного договора без потери территории; Кавур, в гораздо более тонком духе, взял на себя ответственность за жертву, принесенную Франции, и попросил парламент Италии вынести суждение о его поступке. Передача приграничных провинций омрачила то, что в противном случае было бы самой яркой сценой в истории Италии для многих поколений, - заседание первого североитальянского парламента в Турине. Гарибальди, приехавший в качестве депутата из Ниццы, где он родился, произнес слова презрения и несправедливости в адрес человека, который сделал его иностранцем в Италии, и покинул Зал Заседаний. Как ни горько было Кавуру, как сейчас, так и до конца своей жизни, выслушивать упреки в свой адрес, он не позволил ни малейшему следу оскорбленного чувства, нетерпения, ощущения неправоты вырваться у него в мастерски произнесенной речи, в которой он оправдал свою политику и добился ее одобрения парламентом. Только год спустя, когда рука смерти была почти над ним, яростные слова, обращенные к нему лицом к лицу Гарибальди, вырвали у него впечатляющий ответ: "Поступок, который привел к возникновению этой пропасти между нами, был самым болезненным долгом в моей жизни. По тому, что я чувствовал сам, я знаю, что должен был чувствовать Гарибальди. Если он откажет мне в прощении, я не могу упрекнуть его за это". ^[497]

[Уступка в отношении Европы и Италии.]

Аннексия Ниццы и Савойи Наполеоном была воспринята с крайним неудовольствием в Европе в целом, и больше всего в Англии. Это непосредственно повлияло на историю Британии тем стимулом, который оно дало развитию Добровольческих сил. Благодаря определенным демонстрациям враждебности по отношению к Англии, предпринятым французской армией после заговора Орсини и оправдания одного из его сообщников в Лондоне, добровольческие силы выросли за три месяца, последовавших за аннексией Ниццы и Савойи, с семидесяти до ста восьмидесяти тысяч человек. Если рассматривать это как признак того, что правитель Франции не удовлетворится границами 1815 года, то приобретение субальпийских провинций могло бы с некоторой долей основания вызвать тревогу; ни на каком другом основании их передача не могла быть справедливо осуждена. Географическое положение, язык, коммерческие интересы отделяли Савойю от Пьемонта и соединяли ее с Францией; и хотя в некоторых частях графства Ницца преобладал итальянский характер, этот округ в целом нес на себе печать не Пьемонта или Лигурии, а Прованса. С момента отделения от Франции в 1815 году как в Ницце, так и в Савойе всегда была значительная партия, желавшая воссоединения с этой страной. Политический и социальный строй Сардинского королевства с 1815 по 1848 год был настолько отсталым, настолько реакционным, что средние классы приграничных провинций с тоской смотрели на Францию как на страну, где были устранены их собственные обиды и достигнуты их собственные идеалы. Конституционная система Виктора Эммануила и

деспотическая система Луи Наполеона были введены слишком недавно, чтобы изменить в сознании большинства политическую традицию предыдущих тридцати лет. Таким образом, если и были некоторые, кто, подобно Гарибальди, сам генуэзского происхождения, хотя и родился в Ницце, страстно возмущался отделением от Италии, они не нашли значительной партии ни в Ницце, ни в Савойе, движимые тем же чувством. С другой стороны, церковные настроения Савойи сделали ее переход во Францию фактическим преимуществом для итальянского государства. Папство имело здесь глубоко укоренившееся влияние. Реформы, начатые министерством Азельо, наталкивались на упорное сопротивление савойской группы депутатов в интересах Рима. Сам Кавур, осуществляя свои более масштабные планы, всегда подвергался опасности коалиции между этой ультраконсервативной партией и его противниками другой крайности. Было хорошо, что в конфликте с папством, без которого не могло бы быть такого понятия, как Объединенное Итальянское королевство, это влияние савойской церкви и дворянства было удалено из парламента и с трона. Какими бы достойными ни проявила себя савойская партия сопротивления в парламентской жизни, какими бы лояльными и преданными своему суверену они ни были, они все же не были частью итальянской нации. Их интересы не были связаны с делом объединения Италии; их лидеры не были вдохновлены идеалами итальянской национальной жизни. Силы, угрожавшие будущему нового государства изнутри, были слишком могущественны, чтобы капитуляция управляемого священниками и наполовину иностранного элемента рассматривалась как реальная потеря.

[Неаполь.]

Едва Ницца и Савойя были переданы Наполеону, как Гарибальди выступил из Генуи, чтобы осуществить освобождение Сицилии и Неаполя. Король Фердинанд II, известный своим подданным и Западной Европе как король Бомба, умер за несколько дней до битвы при Мадженте, оставив трон своему сыну Франциску II. Вследствие дружбы, проявленной Фердинандом к России во время Крымской войны, и его отказа внести изменения в свою тираническую систему правления, Западные державы в 1856 году отзывали своих представителей из Неаполя. С восшествием на престол Франциска II дипломатические отношения были возобновлены, и Кавур, находившийся в ожесточенной вражде с Фердинандом, стремился установить дружеские отношения с его сыном. В войне против Австрии союз с Неаполем был бы ценен для Сардинии как противовес влиянию Наполеона, и этого союза Кавур пытался добиться. Однако он потерпел неудачу; и после заключения Виллафранканского мира неаполитанский двор с жаром принялся за планы восстановления павших правительств и свержения власти Пьемонта в Романье посредством коалиции с Австрией и Испанией и контрреволюционного движения в самой Италии. Восстание в поддержку беглого великого герцога Тосканы должно было послужить сигналом к выступлению неаполитанской армии на север. Однако этого восстания ожидали напрасно, и великий католический замысел ни к чему не привел. Сбитое с толку в своих более масштабных целях, правительство Бурбонов предложило весной 1860 года оккупировать Умбрию и Марши, чтобы предотвратить дальнейшее распространение революционного движения на Папскую область. Против этого запротестовал Кавур, и король Франциск уступил его угрозе отозвать сардинского посла из Неаполя. Зная о существовании заговора с целью восстановления дома Мюратов на неаполитанском троне, что дало бы Франции господство в Южной Италии, Кавур возобновил свое требование к Франциску II. следует заключить союз с Пьемонтом, приняв конституционную систему правления и национальную итальянскую политику Виктора Эммануила. Но ни призыв из Турина, ни агитация мюратистов, ни предупреждения Великобритании о том, что династия

Бурбонов может предотвратить свое падение только путем реформ, не произвели никаких реальных изменений в духе неаполитанского двора. Министры были смещены, но абсолютистская и антинациональная система осталась прежней. Тем временем Гарибальди собирал вокруг себя своих сторонников в Генуе. 15 апреля Виктор Эммануил написал королю Франциску, что, если его фатальная система политики не будет немедленно отменена, само правительство Пьемонта вскоре может быть вынуждено стать орудием его уничтожения. Даже эта угроза оказалась бесплодной; и после того, как Неаполитанский суд, таким образом, справедливо разоблачил последствия своего собственного упрямства, Виктор Эммануил направил против него революционные силы Гарибальди.

[Сицилия.]

[Гарибальди отправляется на Сицилию 5 мая.]

[Гарибальди в Марсале 11 мая.]

Со времен кампании 1859 года повстанческие комитеты действовали в главных городах Сицилии. Давнее стремление сицилийских либералов к независимости острова уступило место, под влиянием событий прошлого года, стремлению к объединению Италии. После отказа Гарибальди от плана похода на Рим в ноябре 1859 года освобождение Сицилии было предложено ему как более осуществимое предприятие, и весной 1860 года сам генерал колебался между возобновлением своего римского проекта и нападением на бурбонов Неаполя с юга. По Сицилии распространился слух, что Гарибальди скоро появится там во главе своих сторонников. 3 апреля в Палермо была предпринята попытка восстания. Оно было подавлено без труда; и хотя беспорядки вспыхнули в других частях острова, сообщения, дошедшие до Гарибальди в Генуе относительно духа и перспектив сицилийцев, были настолько обескураживающими, что на некоторое время он, казалось, был склонен отказаться от проекта вторжения как пока безнадежного. Только когда некоторые из сицилийских изгнанников заявили, что рискнут осуществить это предприятие без него, он решился на немедленные действия. В ночь на 5 мая были захвачены два парохода, стоявших в гавани Генуи, и на них Гарибальди со своей Тысячей вышел в море. Кавур, хотя и предпочел бы, чтобы Сицилия оставалась в неприкосновенности до тех пор, пока не будет достигнут некоторый прогресс в консолидации Североитальянского королевства, не рискнул сдерживать передвижения Гарибальди, с которыми он был хорошо знаком. Однако он потребовал, чтобы экспедиция не заходила на остров Сардиния, и отдал якобы приказ своему адмиралу Персано захватить корабли Гарибальди, если они войдут в какой-либо сардинский порт. Гарибальди, который с самого начала укрыл правительство Сардинии от ответственности выдумкой о внезапном захвате двух торговых судов, продолжал избавлять Виктора Эммануила от ненужных трудностей, избегая флота, который, как предполагалось, следил за ним у Кальяри на Сардинии, и прервал свое путешествие только высадкой в пустынном месте на тосканском побережье, чтобы забрать артиллерию и боеприпасы, которые ждали его там. 11 мая, услышав от нескольких английских купцов, что в Марсале нет неаполитанских военных судов, он направился в эту гавань. Первый из двух его кораблей благополучно вошел в нее и высадил команду; второй, налетев на скалу, некоторое время находился в пределах досягаемости орудий неаполитанского военного парохода, который направлялся в порт. Но по какой-то неизвестной причине неаполитанский командующий задержал открытие огня, и высадка сторонников Гарибальди в течение этого промежутка времени была завершена без потерь. ^[498]

[Гарибальди захватывает Палермо 26 мая.]

На следующий день маленькая армия, одетая в красные рубашки, которые носят скотоводы в Южной Америке, двинулась маршем на восток от Марсалы. Группы крестьян присоединялись к ним, когда они двигались по стране, и среди священников появилось много неожиданных сторонников. На третий день марша неаполитанские войска были замечены на позиции в Калатафими. Они были атакованы Гарибальди и, хотя значительно превосходили его числом, были обращены в бегство. Моральные последствия этой первой победы были очень велики. Неаполитанский командующий удалился в Палермо, оставив Гарибальди хозяином западной части острова. Восстание распространилось во внутренние районы; революционная партия в самом Палермо вновь обрела мужество и приготовилась сотрудничать с Гарибальди при его приближении. Приблизившись к городу, Гарибальди решил, что не может рисковать прямым нападением на войска, которые его оккупировали. Он решил, если возможно, заманить часть защитников в горы, а во время их отсутствия проникнуть в город и положиться на энергию его жителей, чтобы удержаться там. Эта стратегия увенчалась успехом. В то время как офицер, командовавший несколькими неаполитанскими батальонами, соблазнившись легкой победой над противостоящими ему плохо дисциплинированными сицилийскими отрядами, преследовал своего разбитого врага в горах, Гарибальди с лучшими из своих войск пробился в Палермо в ночь на 26 мая. Бои на улицах продолжались в течение следующих двух дней, и пушки фортов и неаполитанских судов, стоявших в гавани, безрезультатно обстреливали город. 30-го, в тот момент, когда отсутствующие батальоны снова появились в поле зрения, на борту британского военного корабля "*Ганнибал*" было подписано перемирие. Неаполитанский командующий сдал Гарибальди банк и общественные здания и отступил в форты за пределами города. Но правительство в Неаполе теперь стало всерьез встревожено; и, считая Палермо потерянным, оно приказало отправить войска в Мессину и в сам Неаполь. Таким образом, Гарибальди остался в бесспорном владении столицей Сицилии. Он оставался там почти два месяца, приняв на себя управление Сицилией в качестве диктатора от имени Виктора Эммануила, назначая министров и взимая налоги. К нему прибыло крупное подкрепление из Италии. Неаполитанцы, изгнанные из внутренних районов, а также из городов, занятых захватчиками, теперь удерживали только северо-восточную оконечность острова. 20 июля Гарибальди, действуя как на суше, так и на море, атаковал их и разгромил при Милаццо на северном побережье. Результатом этой победы стало то, что сама Мессина, за исключением цитадели, была эвакуирована неаполитанцами без сопротивления. Гарибальди, чьи войска теперь насчитывали восемнадцать тысяч человек, был хозяином острова от моря до моря и мог с уверенностью ожидать свержения власти Бурбонов на материковой Италии.

[Партия действия.]

Во время пребывания Гарибальди в Палермо отчетливо проявился антагонизм между двумя политическими убеждениями, которые разделяли тех, чья преданность Италии была самой сильной. Этот антагонизм воплотился в своей крайней форме в контрасте между Мадзини и Кавуром. Мадзини, относившийся к моральным и политическим концепциям с некоторой независимостью математика, считал первейшим долгом итальянской нации овладеть Римом и Венецией, невзирая на трудности, которые могли возникнуть извне. По убеждению он желал, чтобы Италия была Республикой, хотя при определенных условиях он мог бы быть готов терпеть монархию Виктора Эммануила. Кавур, точно наблюдавший за игрой политических сил в Европе, сознававший прежде всего прочность тех уз, которые все еще связывали Наполеона с

клерикальным делом, знал, что существуют пределы, которые Италия в настоящее время не могла перейти без разорения. Центр надежд Мадзини, наступление на сам Рим, он знал как акт саморазрушения Италии, и это наступление он был полон решимости предотвратить любой ценой. Кавур не препятствовал экспедиции на Сицилию; он не считал, что это может поссорить Италию с ее союзником; но и не он был автором этого предприятия. "Освобождение Сицилии" можно было бы считать работой скорее школы Мадзини, чем Кавура. Гарибальди действительно был лично предан Виктору Эммануилу; но вокруг него были люди, которые, если не республиканцы, то, по крайней мере, были склонны поставить предоставление Сицилии Виктору Эммануилу в зависимость от выполнения королем воли так называемой Партии действия и согласия на нападение на Рим. Под влиянием этих политиков Гарибальди в ответ на депутацию, выразившую ему желание сицилийцев объединиться с королевством Виктора Эммануила, заявил, что он приехал сражаться не только за Сицилию, но и за всю Италию, и что если аннексия Сицилии должна состояться до того, как будет обеспечен союз Италии, он должен прекратить эту работу и уйти в отставку. Эффект, произведенный этими словами Гарибальди, был настолько серьезным, что министры, которых он назначил на этот пост, подали в отставку. Гарибальди пытался заменить их людьми, более приемлемыми для Партии действия, но демонстрация в самом Палермо вынудила его выдвинуть сицилийцев в пользу немедленной аннексии. Общественное мнение острова было враждебно республиканству и друзьям Мадзини; царящая анархия не могла долго продолжаться без опасности возникновения реакционного движения. Сам Гарибальди не обладал ни малейшим проблеском административных способностей. После нескольких недель неразберихи и плохого правления он увидел необходимость принять руководство из Турина и согласился признать продиктатором острова кандидата Кавура, пьемонтца Депретиса. Под влиянием Депретиса была положена начало работе по политической и социальной реорганизации. ^[499]

[Политика Кавура в отношении Неаполя.]

[Гарибальди переправляется на материк, 19 августа.]

Кавур, во время подготовки Гарибальди к высадке на Сицилию и до захвата Палермо, делал вид, что дезавуирует и осуждает это предприятие как предприятие, предпринятое отдельными лицами вопреки правительству и на свой страх и риск. Посол Пьемонта все еще находился в Неаполе в качестве представителя дружественного двора; и в ответ на упреки Германии и России Кавур заявил, что титул диктатора Сицилии от имени Виктора Эммануила был присвоен Гарибальди без ведома или согласия его суверена. Но что бы ни говорили иностранным державам, Кавур со времени взятия Палермо осознал, что настал час для дальнейших шагов к объединению Италии; и, не связывая себя какой-либо определенной линией действий, он уже начал обдумывать свержение династии Бурбонов в Неаполе. Напрасно король Франциск освободил своих политических заключенных, объявил Конституцию 1848 года действующей и предложил Пьемонту союз, от которого тот ранее отказался. Кавур в ответ на его предложения заявил, что он не может своим собственным авторитетом обязать Пьемонт поддерживать династию, которая сейчас находится на грани распада, и что этот вопрос должен быть рассмотрен на заседании парламента в Турине. До сих пор путь к примирению между двумя дворами не был полностью закрыт; но после победы Гарибальди при Милаццо и эвакуации Мессины в конце июля Кавур отбросил все колебания и сдержанность. Он, по-видимому, считал вероятным возобновление войны с Австрией и теперь напрягал все силы, чтобы овладеть Неаполем и его флотом до того, как Австрия сможет вступить в бой. Он приказал адмиралу

Персано оставить два военных корабля для прикрытия перехода Гарибальди на материк, а самому с одним кораблем проследовать в Неаполь, чтобы там поднять восстание и привлечь неаполитанский флот под флаг Виктора Эммануила. Персано прибыл в Неаполь 3 августа, и на следующий день переговоры между двумя дворами были прерваны. 19-го Гарибальди переправился с Сицилии на материк. Его поход на столицу был сплошным триумфом.

[Персано и Вильямарина в Неаполе.]

[Отъезд короля Франциска, 6 сентября.]

[Гарибальди въезжает в Неаполь, сентябрь. 7.]

Кавур надеялся, что прежде чем Гарибальди доберется до Неаполя, народное движение в самом городе вынудит короля обратиться в бегство, так что Гарибальди по прибытии обнаружит, что правительственный аппарат, а также командование флотом и армией уже находятся в руках представителей Виктора Эммануила. Если бы война с Австрией действительно надвигалась, неисчислимый вред могло бы причинить существование полунезависимого правительства в Неаполе, безрассудного в своем энтузиазме по поводу похода на Рим и того эффекта, который его действия могли бы произвести на французский союз. В любом случае контроль над итальянскими делами мог бы лишь наполовину принадлежать королю и его министру, если бы Гарибальди, во всей красе своих беспримерных подвигов, присоединил диктатуру Неаполя к диктатуре Сицилии. Соответственно, Кавур использовал все возможности, чтобы ускорить неизбежную революцию. Персано и посол Сардинии Вильямарина имели своих сообщников в министерстве Бурбонов и в самой королевской семье. Но их усилия изгнать короля Франциска из Неаполя и установить власть Виктора Эммануила до прибытия Гарибальди были сведены на нет отчасти упорством короля и королевы, отчасти противодействием комитетов Партии действия, которые были полны решимости, чтобы власть не переходила ни в какие руки, кроме рук самого Гарибальди. Только когда Гарибальди достиг Салерно, и генералы Бурбонов один за другим отказались взять на себя ответственность за командование в битве против него, Франциск решился на бегство. Теперь опасались, что он может заставить флот плыть с ним и даже передать его австрийцам. Считалось, что экипажи были готовы последовать за королем; офицеры, хотя и склонялись к итальянскому делу, были бессильны помешать им. Нельзя было терять ни часа. В ночь на 5 сентября, после того как стало известно о намерении короля покинуть столицу, Персано и Вильямарина переоделись и вместе со своими сторонниками смешались с экипажами флота, которых они подкупом и убеждением убедили опорожнить котлы и вывести из строя двигатели их кораблей. Когда 6-го числа король Франциск, объявив о своем намерении избавить столицу от кровопролития, сел на почтовый пароход и покинул гавань в сопровождении послов Австрии, Пруссии и Испании, только одно судно из флотилии последовало за ним. Гарибальди был отправлен срочный вызов, присутствия которого теперь одинаково желали все стороны, чтобы предотвратить вспышку беспорядков. Оставив свои войска в Салерно, Гарибальди прибыл по железной дороге в Неаполь утром 7-го в сопровождении лишь нескольких человек из своего штаба. В фортах все еще находился восьмитысячный гарнизон бурбонских войск, но всякая мысль о сопротивлении была отброшена, и Гарибальди бесстрашно проехал по городу в окружении радостной толпы. Его первым актом в качестве диктатора было объявление военных кораблей, принадлежащих государству Обеих Сицилий, объединенными с кораблями короля Виктора Эммануила под командованием адмирала Персано. Перед заходом солнца неаполитанский флот поднял флаг

Италии. Армию было не так-то легко объединить с национальными силами. Король Франциск, отказавшись от идеи сражения между Неаполем и Салерно, приказал основной массе своих войск отступить к Капуе, чтобы дать последнее сражение на линии Вольтурно, и этот приказ был выполнен. [500]

[Пьемонтская армия входит в Умбрию и совершает марш. Сентябрь. 11.]

[Падение Анконы, сентябрь. 25.]

Как только стало очевидно, что вступление Гарибальди в Неаполь не может быть предвосхищено установлением собственной власти Виктора Эммануила, Кавур признал, что смелые и агрессивные действия со стороны национального правительства теперь были необходимы. Гарибальди не скрывал своего намерения доставить итальянское оружие в Рим. Прошло то время, когда национальное движение можно было сдерживать на границах Неаполя и Тосканы. Кавуру оставалось только бросить собственные войска короля в Папскую область до того, как Гарибальди сможет выступить из Неаполя, и, отвоевывая для Италии последний плацдарм, который можно было завоевать без реального конфликта с Францией, остановиться на тех рубежах, где солдаты Наполеона наверняка встретили бы захватчика своим огнем. Папа все еще владел Марками, Умбрией и территорией между Апеннинскими и побережьем от Орвието до Террачины. У Кавура были веские основания полагать, что Наполеон не нанесет удар от имени Светской власти, пока этот последний узкий район не окажется под угрозой. Он решил захватить Марши и Умбрию и не бояться последствий. В день вступления Гарибальди в Неаполь Кавур отправил папскому правительству депешу, требующую от имени Виктора Эммануила расформирования иностранных наемников, которые прошлой весной разграбили Перуджу и чье присутствие по-прежнему представляло угрозу миру в Италии. Сделанное теперь Наполеоном заявление о том, что он должен разорвать дипломатические отношения с правительством Сардинии в случае вторжения в Папскую область, не произвело никакого эффекта. Кавур ответил, что никакими другими средствами он не сможет помешать революции охватить всю Италию, и 10 сентября французский посол покинул Турин. Не дожидаясь ответа Антонелли на свой ультиматум, Кавур приказал королевским войскам перейти границу. Папской армией командовал Ламорисьер, французский генерал, получивший некоторую известность в Алжире; но сопротивление, оказанное пьемонтцам, оказалось неожиданно слабым. Колонна, вошедшая в Умбрию, достигла южной границы, не встретив никакого серьезного сопротивления, за исключением ирландского гарнизона Сполето. На Марше, где в распоряжении Ламорисьера были значительные силы, рассеяние папских войск и неспособность, проявленная их командованием, привели кампанию к быстрому и бесславному завершению. Основные силы обороняющихся были разбиты на Мусоне, недалеко от Лорето, 19 сентября. Другие дивизии сдались, и только Анкона осталась у Ламорисьера. Яростно атакованный в этой крепости как с суши, так и с моря, Ламорисьер сдался после восьмидневной осады. В течение трех недель после вступления Гарибальди в Неаполь пьемонтская армия выполнила возложенную на нее задачу, и Виктор Эммануил стал хозяином Италии вплоть до Аbruцци.

[Кавур, Гарибальди и Партия действия.]

Успехи Кавура пришли не на день раньше, поскольку Гарибальди с момента своего вступления в Неаполь все больше и больше попадал в руки Партии действия и, заявляя о своей лояльности Виктору Эммануилу, открыто объявлял, что он пойдет с Партией действия на Рим, разрешит это

правительство короля или нет. На Сицилии чиновники, назначенные этой партией, действовали с таким насилием, что Депретис, не имея возможности получить войска от Кавура, подал в отставку со своего поста. Гарибальди внезапно появился в Палермо 11 сентября, назначил нового продиктатора и повторил сицилийцам, что их союз с Королевством Виктора Эммануила должен быть отложен до тех пор, пока все члены итальянской семьи не будут освобождены. Но даже личное присутствие и гневные слова Гарибальди были бессильны сдержать решительное выражение мнения Сицилии в пользу немедленной и безоговорочной аннексии. Ответом на его визит в Палермо стало появление сицилийской депутации в Турине, требующей немедленного объединения и жалующейся на то, что офицеры Гарибальди обращаются с островом как с завоеванной провинцией. В Неаполе опрометчивые и яростные высказывания диктатора были также осуждены. Министры, которых он сам назначил, подали в отставку. Гарибальди заменил их другими, которые были почти республиканцами, и отправил Виктору Эммануилу письмо с просьбой дать согласие на поход на Рим и уволить Кавура. В Турине было известно, что в этот самый момент Наполеон предпринимал шаги по увеличению французских сил в Риме и размещению гарнизонов на всей территории, которая все еще оставалась за папой. Виктор Эммануэль понял, как ответить на письмо Гарибальди. Он остался верен своему министру и отправил приказ Вильямарине в Неаполь на случай, если Гарибальди провозгласит Республику, разорвать с ним все отношения и обеспечить безопасность флота. Падение Анконы 28 сентября принесло Кавуру своевременный рост популярности и авторитета. Он назначил парламент, собравшийся в Турине четыре дня спустя, арбитром в борьбе между ним и Гарибальди, и получил от него почти единогласный вотум доверия. Гарибальди, возможно, отнесся бы легкомысленно к любой резолюции парламента, которая противоречила бы его собственному мнению: он уклонился от разрыва с солдатами Новары и Сольферино. Сейчас, как и в другие опасные моменты, характер и репутация Виктора Эммануила сослужили Италии хорошую службу. В энтузиазме, который заслуги Гарибальди перед Италией вызывали в каждом патриотическом сердце, было место для благодарности за то, что у Италии был суверен и государственный деятель, достаточно сильный, чтобы противостоять своему герою, когда его героизм ставил под угрозу национальное дело. ^[501]

[Армии на Вольтурно.]

[Встреча Виктора Эммануила и Гарибальди, 26 октября.]

[Падение Гаэты, 14 февраля 1861 г.]

Король Неаполя еще не оставил надежды, что одна или несколько европейских держав вмешаются в его защиту. Заслуживающая доверия часть его армии собралась вокруг крепости Капуя на реке Вольтурно, и были признаки того, что Гарибальди встретит здесь гораздо более серьезное сопротивление, чем он когда-либо встречал. Пока он все еще находился в Неаполе, его войска, продвинувшиеся на север, получили отпор при Кахаццо. Ободренная этим успехом, неаполитанская армия в начале октября перешла в наступление. С трудом Гарибальди, снова встав во главе своих войск, отбросил врага обратно в Капую. Но теперь на чашу весов было брошено оружие Виктора Эммануила. Перейдя Апеннины и погнав перед собой слабые силы, которые должны были преградить ему путь в Изернии, король спустился в тыл неаполитанской армии. Командующий Бурбонами, предупрежденный о его приближении, двинулся на север по линии Гарибальди, оставив гарнизон для защиты Капуи. Гарибальди последовал по его следу и в окрестностях Теано встретился с королем Виктором Эммануилом (26 октября). Говорят, что

встреча была сердечной со стороны короля, сдержанной со стороны Гарибальди, который увидел в свите короля людей, которые помешали ему вторгнуться в Папскую область в предыдущем году. Несмотря на их общий патриотизм, добровольцы Гарибальди и армия Виктора Эммануила были соперничающими организациями, и отношения между начальниками обоих лагерей были натянутыми и трудными. Сам Гарибальди вернулся к осаде Капуи, в то время как король двинулся на север против отступающих неаполитанцев. Все, что было великого в карьере Гарибальди, теперь фактически свершилось. Политики, окружавшие его, пытались в Неаполе, как и на Сицилии, отложить союз с монархией Виктора Эммануила и созвать Южный парламент, который должен был установить условия, на которых была бы разрешена аннексия; но после дискредитации генерала они были подавлены общественным мнением, и всенародное голосование, проведенное в конце октября по вопросу о немедленном объединении, показало, что большинство сторонников этого курса было подавляющим. После сдачи Капуи 2 ноября Виктор Эммануил вступил в Неаполь. Гарибальди, чья просьба о назначении наместником Южной Италии сроком на год с полными полномочиями была отклонена королем, ^[502] отказался от всех незначительных почестей и наград и уехал к себе домой, все еще полный обиды на Кавура и пообещав своим солдатам, что вернется весной и поведет их на Рим и Венецию. Взятие Гаэты, где укрылся король Франциск II. и цитадели Мессины стало последним актом войны. Французский флот на некоторое время помешал сардинцам действовать против Гаэты с моря, и, как следствие, осада продвигалась медленно. Только в середине января 1861 года Наполеон разрешил французскому адмиралу покинуть свой пост. Теперь обстрел был открыт как с суши, так и с моря, и после мужественного сопротивления Гаэта сдалась 14 февраля. Король Франциск и его юная королева, сестра императрицы Австрии, были перевезены на французском пароходе в Папскую область, и там началось их пожизненное изгнание. Цитадель Мессины, которой командовал один из немногих неаполитанских офицеров, проявивших хоть какой-то солдатский дух, упорно оборонялась в течение месяца после того, как флаг Бурбонов исчез с материка.

[Политика Кавура в отношении Рима и Венеции.]

[Свободная церковь в Свободном государстве.]

Таким образом, весной 1861 года, в течение двух лет после начала войны с Австрией, Италия, за исключением Рима и Венеции, была объединена под властью Виктора Эммануила. Из всех европейских держав только Великобритания наблюдала за созданием нового Итальянского королевства с полным сочувствием и одобрением. Австрия, хотя и заключила мир в Цюрихе, отказалась возобновить дипломатические отношения с Сардинией и протестовала против присвоения Виктором Эммануилом титула короля Италии. Россия, древний покровитель неаполитанских бурбонов, заявила, что только географические условия препятствовали ее вмешательству против их грабителей. Пруссия, хотя и находилась под властью нового государя, еще не полностью разорвала узы, связывавшие ее с Австрией. Тем не менее, несмотря на широкую политическую недоброжелательность и страстную враждебность клерикальной партии по всей Европе, было мало вероятности того, что дело итальянского народа будет свергнуто внешней силой. Проблема, с которой столкнулось правительство Виктора Эммануила, заключалась не столько в крушении реакционных замыслов извне, сколько в определении истинной линии политики, которой следует придерживаться в отношении Рима и Венеции. Мало кто, подобно Азельо, считал, что Рим может навсегда остаться за пределами Итальянского королевства; не было ни одного, кто придерживался бы такого мнения о Венеции.

Гарибальди мог быть достаточно безумен, чтобы надеяться на победу в кампании против Австрии и Франции во главе такого войска, какое он сам мог собрать; Кавур заслужил бы зло по отношению к своей стране, если бы он хоть на мгновение поддержал веру в то, что сила, свергнувшая неаполитанских бурбонов, могла с успехом или безнаказанно для Италии померяться силами с защитниками Венеции или Рима. И все же разум Кавура был не из тех, кто мог бы ограничиться простым пассивным ожиданием будущего или простым осуждением неразумных замыслов других. Его интеллект, такой светлый, такой пронизательный, что в его высказываниях нам порой кажется, что мы слышим самый дух эпохи, охватил широкие области моральных и духовных интересов в своем прогнозе будущего Италии и израсходовал свои последние силы на одно из тех пророческих высказываний, широту и мощь которых может ощутить мир, хотя только позднее время сможет судить об их соответствии предначертанному ходу истории. Венеция значила для Европы меньше, чем Рим; Кавур полагал, что ее переход к Италии будет осуществлен либо оружием, либо переговорами, как только немецкая раса найдет действительно национальное правительство и откажется от услуг, которые до сих пор требовались от нее для поддержания австрийских интересов. Именно на Пруссию, как представителя национальности в Германии, Кавур смотрел как на естественного союзника Италии в отстаивании той части национального наследия, которая все еще находилась под властью Габсбургов. Рим, в отличие от Венеции, не только защищался иностранным оружием, он был резиденцией Державы, чья власть над разумом человека не была забавой военных или политических перипетий. Обстоятельства могли заставить Францию ослабить свою хватку на Рим, но Кавур не случайно стремился к объединению Рима с Италией. Он полагал, что настанет время, когда католический мир признает, что Церковь наилучшим образом выполнит свою задачу при полном отделении от светской власти. Тогда Рим занял бы свое естественное положение центра итальянского государства; Церковь была бы благороднейшим другом, а не недооценивающим врагом итальянской национальной монархии. Собственные религиозные убеждения Кавура, возможно, были менее простыми, чем он предпочитал их представлять. Однако, занимаясь институтами, а не догмами, он с глубокой серьезностью рассматривал Церковь как гуманизирующую и возвышающую силу. Он так высоко ценил ее независимость, что даже после подавления пьемонтских монастырей отказался передать государству управление доходами, полученными от продажи их земель, и сформировал из них фонд, принадлежащий самой Церкви, чтобы духовенство не могло стать наемными служащими государства. Свобода человека была принципом, в который он верил; и, рассматривая Церковь как величайшее объединение, созданное людьми, он верил, что и здесь господство свободы, отсутствие государственного регулирования, в конечном счете наилучшим образом послужит высшим интересам человека. С уходом светской власти папы Кавур воображал, что устройство самой Церкви станет более демократичным, более чутким к движениям современного мира. Его собственные усилия по церковной реформе были направлены на улучшение положения и укрепление независимости низшего духовенства. Он надеялся, что каждый шаг в их моральном и материальном развитии сделает их более национальными в душе; и хотя эта надежда оправдалась лишь частично, Кавур никогда не переставал лелеять идеал национальной Церкви, которая, признавая своего Главу в Риме, должна сердечно и безоговорочно принимать дружбу итальянского государства. ^[503]

[Смерть Кавура, 6 июня 1861 г.]

[Свободная церковь в Свободном государстве.]

Именно в изложении этих принципов, в отстаивании общих моральных интересов итальянской национальности и католической церкви Кавур дал свои последние советы итальянскому парламенту. Он был не таким, чтобы вести нацию дальше к Земле Обетованной. Огромные усилия, которые он прилагал в течение последних трех лет, негодование и тревога, вызванные нападениями Гарибальди, вызвали болезнь, которую собственный беспечный образ жизни Кавура и неумелость его врачей сделали фатальной. Умирающими губами он повторил окружавшим его слова, которыми он подытожил свою политику в итальянском парламенте: "Свободная церковь в свободном государстве". ^[504] Другие католические страны урегулировали конкордатами с папством противоречащие друг другу притязания светской и духовной власти в таких вопросах, как назначение епископов, регулирование школ, семейные права людей. Женат без церковного обряда. Кавур, по-видимому, считал, что в Италии, где вся нация в некотором смысле была католической, Церкви можно было бы так же безопасно и легко предоставить управлять ее собственными делами, как и в Соединенных Штатах, где католическая община является лишь одним из многих религиозных обществ. Его оптимизм, его жизнерадостность и великодушная терпимость никогда не проявлялись так ярко, как в этой верности принципу свободы, даже в случае с теми, кто какое-то время отказывался от всякого примирения с итальянским государством. Был ли идеал Кавура неосуществимой фантазией, решит более поздняя эпоха. Господство в Римской церкви, по-видимому, все еще опиралось на элементы, наиболее противоречащие духу времени, наиболее упрямо стремящиеся противопоставить веру и разум непримиримой вражде. Вместо того демократического движения внутри иерархии и священства, которое предвосхищал Кавур, абсолютизм завоевал новую корону в виде доктрины папской непогрешимости. Католическая догма оставалась невосприимчивой к растворителям, которые в течение последних тридцати лет с заметным успехом воздействовали на теологию протестантских стран. Каждое завоевание, совершенное в мире мысли и знаний, по-прежнему отмечается Ватиканом как очередной подходящий объект для осуждения. Тем не менее осторожные люди не сразу придут к выводу, что надежды, подобные надеждам Кавура, были совершенно напрасными. Одно поколение может увидеть лишь немного из времени посева, ничего из урожаев, которым еще предстоит обогатить человечество. И даже если упустить из виду все более широкие интересы, остается достаточно оснований для оправдания политики Кавура по уважению независимости Церкви тем фактом, что Италия в течение тридцати лет, последовавших за созданием ее унии, оставалась свободной от гражданской войны. Кавур имел обыкновение ссылаться на Конституцию, которую Национальное собрание Франции навязало духовенству в 1790 году, как на разновидность ошибочного законодательства. Если бы его собственная политика и политика его преемников не были вдохновлены более мудрым духом; если бы правительство Италии после свержения светской власти папы искало врагов среди сельского духовенства и их конгрегаций, провинции, присоединенные к Итальянскому королевству Гарибальди, вряд ли были бы удержаны Савойским домом без второй и более ожесточенной борьбы. Между идеальной Италией, которая занимала мысли не только Мадзини, но и некоторых лучших английских умов того времени, - страной незапамятного величия, вновь тронутой божественной рукой и продвигающейся от силы к силе в качестве интеллектуального и морального первопроходца среди наций, - между этим идеалом и несколько суровыми и банальными реалиями современной Италии действительно мало общего. Бедность, давление непомерных налогов, физические и моральные привычки, унаследованные от столетий порочного правления, - все это в немалой степени омрачило условия, на которых должна строиться итальянская национальная жизнь. Если, несмотря на непреодолимые трудности, каждый кризис до сих пор

был преодолен; если, несмотря на все недостатки и немощи, предзнаменования для будущего Италии все еще благоприятны, одним из источников ее удачи было впечатление, произведенное на ее церковную политику великим государственным деятелем, которому больше всех других людей она обязана достижением своего объединения и который, претендуя на все ее национальное достояние, все же решил не наносить ненужной раны совести Рима.

ГЛАВА XXIII.

Германия после 1858 г.-Регентство в Пруссии-Реорганизация армии-Король Вильгельм I.- Конфликт между короной и парламентом-Бисмарк-Борьба продолжалась-Австрия с 1859 г.- Октябрьский диплом-Соппротивление Венгрии-Рейхсрат-Россия при Александре II.- Освобождение крепостных-Польша-Восстание 1863 г.-Аграрные меры в Польше-Шлезвиг-Гольштейн-Смерть Фридриха VII.-Планы Бисмарка-Кампания в Шлезвиге-Лондонская конференция-Венский мирный договор-Англия и Наполеон III.- Пруссия и Австрия-Гаштайнский конвент-Италия-Союз Пруссии с Италией-Предложения о провале Конгресса-Война между Австрией и Пруссией-Наполеон III.-Кенигграц- Кустоцца-Посредничество Наполеона-Пражский мирный договор-Южная Германия-Проекты компенсации Франции-Австрия и Венгрия-Деак- Установление двойной системы в Австро-Венгрии.

[Германия с 1858 года.]

[Регентство в Пруссии, октябрь 1858 г.]

Незадолго до событий, которые подорвали власть Австрии в Италии, немецкий народ считал, что вступил в новую политическую эру. Король Фридрих Вильгельм IV, который с 1848 года обманул все надежды, возлагавшиеся на Пруссию и на него самого, был вынужден из-за психического расстройства отойти от государственных дел осенью 1858 года. Его брат, принц Вильгельм Прусский, который в течение года исполнял обязанности представителя короля, теперь принял регентство. В те дни, когда король Фридрих Вильгельм еще сохранял какие-то остатки своей репутации, принц Прусский был непопулярен как предполагаемый глава реакционной партии; но события последних нескольких лет показали его в лучшем свете. Хотя он был силен в своей вере как в Божественное право королей в целом, так и в необходимость могущественного монархического правления в Пруссии, он был склонен терпеть и даже относиться с определенным уважением к скромным элементам конституционного правления,

которые он обнаружил в существовании. В его натуре было больше мужественности, чем в натуре его брата, больше веры в ценность своего народа. Шпионаж, подбострастие, преувеличенные заявления о святости режима Мантейфеля вызывали у него неудовольствие, но больше всего он презирал его малодушие в ведении иностранных дел. Сердце его действительно было прусским, а не германским, и судьба, сделавшая его первым императором объединенной Германии, была не его рук делом и не его стремлений; но он чувствовал, что Пруссия должна занимать гораздо большее положение как в Германии, так и в Европе, чем она занимала во время правления его брата, и что возвышение государства до того положения, которое оно должно занимать, было задачей, которая стояла перед ним. В течение двенадцати месяцев, предшествовавших регентству, отставка короля не рассматривалась как нечто большее, чем временное, и принц Прусский, хотя и постоянно находился в разногласиях с кабинетом Мантейфеля, поэтому не считал себя вправе отстранять советников своего брата. Его первым действием после вступления в конституционный пост регента было увольнение ненавистного министерства. Принц Антоний Гогенцоллерн-Зигмарингенский был призван к власти, и посты в правительстве получили люди, хорошо известные как умеренные либералы. Хотя регент недвусмысленно заявил, что у него нет намерения формировать Либеральную партийную администрацию, его действия удовлетворили общественное мнение. Беды и провалы 1849 года заставили людей довольствоваться гораздо меньшим, чем требовалось много лет назад. Лидеры наиболее продвинутых слоев либералов предпочитали по большей части оставаться вне парламентской жизни, а не ставить в затруднительное положение новое правительство; и выборы 1859 года послали в Берлин группу представителей, полностью готовых сотрудничать с регентом и его министрами в проведении политики осторожного прогресса, которую они наметили.

[Возрождение идеи объединения Германии.]

Эта перемена в настроении прусского правительства, за которой последовали события, установившие независимость Италии, оказала сильное влияние на общественное мнение по всей Германии. Надежды, которые были разрушены в 1849 году, теперь возродились. С падением военного деспотизма в Австрийской империи тучи реакции, казалось, рассеялись повсюду; снова стало возможным думать о немецком национальном союзе и общих свободах, которые должны быть разделены всеми немцами. Как в 1808 году восстание испанцев против Наполеона вдохновило Блюхера и его соотечественников на замысел подлинно национальных усилий против их иностранного угнетателя, так и в 1859 году работа Кавура бросила вызов немцам доказать, что их национальный патриотизм и политические способности не уступают способностям итальянского народа. Люди, занимавшие видное положение в Национальном собрании во Франкфурте, снова встретились друг с другом и обратились к нации. В парламентах нескольких небольших государств были приняты резолюции в пользу создания центральной власти Германии. Были протесты против нарушения конституционных прав, которые были обычным явлением в течение последних десяти лет; проводились патриотические собрания и демонстрации; и было официально создано Национальное общество, в подражание тому, которое подготовило путь для объединения с Пьемонтом в Центральной и Южной Италии. Действительно, не было такого преобладающего мнения в пользу прусского руководства, какое существовало в 1848 году. Южные штаты проявили сильную симпатию Австрии в ее войне с Наполеоном III и рассматривали нейтралитет Пруссии во время итальянской кампании как предательство немецкого дела. Здесь было мало тех, кто дружелюбно смотрел на Берлин. Именно во второстепенных государствах севера, и особенно в Гессен-Касселе, где вновь

разгорелась борьба между курфюрстом и его подданными, самые большие надежды возлагались на нового прусского правителя, и за мерами его правительства следили с наибольшей тревогой.

[Регент Пруссии и армия.]

[Схема реорганизации.]

Принц-регент был солдатом по профессии и привычкам. Он родился в 1797 году и присутствовал в битве при Арси-сюр-Об, последней битве Наполеона против союзников в 1814 году. В течение сорока лет он служил во всех комиссиях, которые занимались военными делами Пруссии; никто лучше его не понимал военную организацию своей страны, никто яснее его способностей и недостатков. Неудовлетворительное состояние прусской армии было главной, хотя и не единственной, причиной жалкого подчинения Австрии при Ольмюце в 1850 году и отказа берлинского двора от всех претензий на немецкое лидерство. Принц сам скорее рискнул бы всеми шансами на катастрофу, чем подвергнуть Пруссию унижению, которым король Фридрих Вильгельм затем купил мир; но Мантейфель убедил своего государя, что армия не может участвовать в кампании против Австрии, не потерпев поражения. Военное бессилие было единственным возможным оправданием принятой тогда политики, и принц решил, что при его собственном правлении у Пруссии не должно быть такого же оправдания каким-либо политическим недостатком. Работа по реорганизации действительно была начата во время правления Фридриха Вильгельма IV путем введения трехлетней службы, к которой призывник подлежал по закону, но которая в течение длительного мирного периода сократилась до двухлетней. Таким образом, количество войск, носящих знамена, было значительно увеличено, но никаких дополнений к ежегодному призыву внесено не было, и никаких улучшений в организации ландвера предпринято не было. Когда в 1859 году был отдан приказ о мобилизации в связи с итальянской войной, выяснилось, что батальоны ландвера практически бесполезны. Членами этих вооруженных сил были в основном женатые мужчины, приближающиеся к среднему возрасту, которые слишком долго были заняты другими занятиями, чтобы с готовностью вернуться к своим военным обязанностям, и чей призыв на поле боя оставил их семьи без средств к существованию и лег на общественный бюджет. Слишком много, по мнению реформаторов прусской армии, требовалось от людей прошедшей молодости, недостаточно - от самой молодости. План принца-регента состоял, следовательно, в том, чтобы в первую очередь с гораздо большей строгостью провести в жизнь закон, устанавливающий всеобщую воинскую повинность; и, повысив таким образом ежегодный призыв с 40 000 до 60 000 человек, продлить срок службы в резерве, в который молодой солдат переходил по окончании трехлетнего пребывания под знаменами, с двух до четырех лет. С большей строгостью заявляя о своих притязаниях на семь лет в начале жизни гражданина, государство получило бы, не включая ландвер, эффективную армию численностью в четыреста тысяч человек и практически могло бы обходиться без службы тех, кто приближался к среднему возрасту, за исключением случаев крайней необходимости. При проведении этой реформы правительство могло по своему усмотрению ввести повышенный сбор и полную трехлетнюю службу в регулярной армии; для продления службы в резерве и для увеличения расходов, связанных с новой системой, было необходимо согласие парламента.

[Прусский парламент и армия, 1859-1861 гг.]

[Вступление на престол короля Вильгельма, январь 1861 г.]

Общие принципы, на которых основывалась предлагаемая реорганизация, были приняты общественным мнением и обеими палатами парламента; однако лидеры либералов считали, что увеличения расходов можно было бы избежать, не снижая боеспособности армии, вернувшись к системе двухлетней службы под знаменами, которая в течение столь длительного периода считалась достаточной для подготовки солдата. Регент, однако, был убежден, что дисциплина и трехлетнее обучение необходимы прусскому призывнику, и отказался принять предложенный компромисс. Мобилизация 1859 года дала ему возможность сформировать дополнительные батальоны; и хотя ландвер вскоре был распущен по домам, новое формирование было сохранено, а место выбывающих ополченцев заняли новобранцы года. Нижняя палата, голосуя за сумму, необходимую в 1860 году для увеличения численности армии, сочла это соглашение временным и ограничила субсидию одним годом; несмотря на это, регент, который после смерти своего брата в январе 1861 года стал королем Пруссии, сформировал дополнительные батальоны в новые полки и дал этим новым полкам их названия и цвета. 1861 год прошел без урегулирования спорных вопросов между правительством и Палатой депутатов. Общественное мнение, разочарованное сдержанной и нерешительной политикой, которой все еще придерживался Двор в германских делах, стимулируемое также быстрым укреплением итальянской монархии, которую прусское правительство, со своей стороны, все еще отказывалось признавать, становилось нетерпеливым и возмущенным. Казалось, что Берлинский двор все еще уклонялся от участия в национальном деле. Всеобщее доверие, испытанное к новому правителю при его вступлении на престол, постепенно угасало; и когда летом 1861 года состоялся роспуск парламента, результатом выборов стало возвращение не только прогрессистского большинства, но и большинства, мало склонного подчиняться компромиссным мерам или уклоняться от утверждения своих полных конституционных прав.

[Первый парламент 1862 г.]

[Роспуск в мае 1862 г.]

[Второй парламент 1862 г.]

[Бисмарк становится министром в сентябре 1862 г.]

Новый парламент собрался в начале 1862 г. Под влиянием общественного мнения правительство теперь начинало проводить более энергичную политику в делах Германии и вновь заявляло о претензиях Пруссии на независимое руководство вопреки восстановленному франкфуртскому сейму. Но конфликт с Нижней палатой не удалось предотвратить благодаря возрождению энергетики за рубежом. Законопроект об армии, который был немедленно принят Верхней палатой, был передан враждебному комитету при поступлении в Палату депутатов, и была принята резолюция, настаивающая на праве представителей народа на гораздо более эффективный контроль над бюджетом, чем они осуществляли до сих пор. Результатом этого голосования стал роспуск парламента королем и отставка министерства, за исключением генерала Руна, военного министра, и двух самых консервативных среди его коллег. Принц Гогенлоэ, президент Верхней палаты, стал главой правительства. Теперь между короной и сторонниками парламентских прав возник открытый и неприкрытый конфликт. "Король или парламент" - вот выражение, которым сами новоназначенные министры подвели итог борьбе. В ходе последовавших выборов правительство оказало на них самое сильное давление, но

тщетно. Прогрессистская партия вернулась в новый парламент с подавляющей силой; голос страны, казалось, безошибочно осуждал политику, которой были привержены король и его советники. После долгой и бесплодной дискуссии в Бюджетном комитете 11 сентября в Нижней палате начались дебаты по законопроекту об армии. Его основные положения были отклонены почти единогласным голосованием. Попытка генерала Руна удовлетворить своих оппонентов частичным и условным признанием принципа двухлетней службы привела лишь к усилению раздражения с обеих сторон. Гогенлоэ подал в отставку, и король теперь поставил у власти во главе военного министерства самого решительного и непоколебимого из всех своих друзей, самого презрительного презирателя парламентского большинства, герра фон Бисмарка. ^[505]

[Бисмарк.]

Новый министр был, как и Кавур, деревенским джентльменом, и, как и Кавур, своим настоящим вхождением в общественную жизнь он был обязан революционному движению 1848 года. До той эпохи он действительно занимал несколько малоизвестных официальных постов, но впервые привлек внимание короля и народа именно как член Объединенного сейма, собравшегося в Берлине в апреле 1848 года. Он был одним из двух депутатов, отказавшихся присоединиться к голосованию в знак благодарности Фридриху Вильгельму IV. за Конституцию, которую он обещал Пруссии. Бисмарк, которому тогда было тридцать три года, был роялистом из роялистов, типом, как казалось, грубого и властного юнкера или сквайра из старых частей Пруссии, которому были ненавистны все реформы, начиная со Штейна, чужды все идеи, кроме идей казармы и псарни. Другие весной 1848 года сетовали на уступки, сделанные короной народу; Бисмарку хватило смелости сказать об этом. Когда пришла реакция, естественно, было много людей, и среди них король Фридрих Вильгельм, которые заинтересовались человеком, который в период расцвета конституционного энтузиазма относился ко всему движению как к летнему безумию и оставался верен монархической власти как единственной вещи, необходимой для прусского государства. Бисмарк продолжал играть видную роль в парламентах Берлина и Эрфурта; однако только в 1851 году он перешел во внутренний официальный круг. Затем он был направлен в качестве представителя Пруссии на восстановленный франкфуртский сейм. Будучи абсолютистом и консерватором, воспитанным в традициях Священного союза, Бисмарк в прежние дни смотрел на Австрию как на оплот монархического порядка и исторический барьер на пути потока демократических и ветреных настроений, которые угрожали затопить Германию. Он даже одобрил капитуляцию, совершенную в Ольмюнце в 1850 году, как вопрос необходимости; но теперь в его сознании окрепла вера, подтвержденная всем, что он видел во Франкфурте, в то, что Австрия под властью Шварценберга больше не была Державой, которая довольствовалась разделением немецкого руководства с Пруссией в период до 1848 года, но Силой, которая намеревалась бесконтрольно править Германией. Общась с представителями той изношенной системы, которую Австрия реанимировала во Франкфурте, и с инструментами самого господствующего государства, Бисмарк вскоре научился ненавидеть ничтожество одних и наглость других. Он объявил так называемую федеративную систему простым средством использования второстепенных германских государств для усиления Австрии и унижения Пруссии. Венский двор, а вместе с ним и Франкфуртский сейм стали в его глазах врагами величия и независимости Пруссии. Во время Крымской войны он был решительным противником союза с Западными державами не только из недоверия к Франции и из отношения к России как к самому постоянному и естественному союзнику своей собственной страны, но и из убеждения, что Пруссия должна проводить национальную политику, полностью независимую от политики Венского двора. То,

что австрийский император был более или менее близок к союзу с Францией и Англией, было, по мнению Бисмарка, веской причиной, по которой Пруссия должна была твердо поддерживать свои дружеские отношения с Санкт-Петербургом. ^[506] Политика нейтралитета, которую король Фридрих Вильгельм и Мантейфель приняли скорее из нежелания к активным действиям, чем из каких-либо четких политических взглядов, была поддержана Бисмарком по причинам, которые, если и превращали Европу в ничто, а Пруссию - во все, были, по крайней мере, вдохновлены острым и точным пониманием собственных интересов Пруссии в ее нынешних и будущих отношениях со своими соседями. Когда правление Фридриха Вильгельма закончилось, Бисмарк, пользовавшийся большим доверием нового регента, был отправлен послом в Санкт-Петербург. Впоследствии он короткое время представлял Пруссию при дворе Наполеона III и был отозван королем из Парижа осенью 1862 года, чтобы возглавить правительство. Гораздо лучше разбираясь в дипломатии, чем в обычном управлении, он возглавил вместе с председателем кабинета министров Министерство иностранных дел.

[Бисмарк и Нижняя палата, 1862.]

Теперь во главе прусского государства стояли три человека, в высшей степени подходящих для совместной работы друг с другом и проведения в их собственной грубой и военной манере политики, которая должна была объединить Германию под властью Дома Гогенцоллернов. Король, Бисмарк и Рун были полностью едины в своей цели - упрочении господства Пруссии с помощью армии. Замыслы министра, которые развивались с успехом и которые предполагали определенную смелость в выборе средств, при каждом новом развитии событий так умело завуалировались или раскрывались, так искусно представлялись государю, что преодолевали его колебания при вступлении на многие непривычные пути. Рун и его рабочие, которые перед лицом враждебного парламента и враждебной прессы должны были предоставить Бисмарку то, что иностранный союз и восторженное национальное чувство предоставили Кавуру, выковали для Пруссии оружие такого характера, что против врагов, против которых оно применялось, не требовалось выдающегося гения, чтобы сделать его удар смертельным. Без сомнения, премьер-министру было трудно, не встревожив своего государя и не рискуя немедленным разрывом отношений с Австрией, настолько ясно обозначить свои скрытые цели, чтобы увлечь парламент за собой в политике военной реорганизации. Им были произнесены откровенные до жестокости слова, но они звучали скорее как угроза и бахвальство, чем объяснение хорошо продуманного плана. "Пруссия должна держать свои силы вместе, - сказал он в одном из своих первых выступлений в парламенте. - Ее границы не соответствуют границам здорового государства. Великие вопросы времени должны решаться не речами и голосами большинства, а кровью и железом". После опыта 1848 и 1850 годов не слишком унылый политический наблюдатель вполне мог бы прийти к выводу, что ничто иное, как военное свержение Австрии, не могло дать Германии сколько-нибудь сносную систему национального правления или даже обеспечить Пруссии ее законное поле деятельности. Это был краеугольный камень веры Бисмарка, но он не смог донести свою цель и свои мотивы до представителей прусского народа. Его принимали за простого хулигана и абсолютиста старого типа. Его личные качества, его высокомерие, его сарказм, его привычка подтрунивать, раздражали и распаляли. Рун не лучше подходил для атмосферы народного собрания. Каждая встреча министров с Палатой обостряла борьбу и затрудняла примирение. Парламентская система Пруссии казалась поставленной под угрозу самим своим существованием, когда после отклонения Палатой депутатов статьи бюджета, предусматривающей расходы на реорганизацию армии, Верхняя палата восстановила эту статью, и бюджет правительства был принят в его первоначальном

виде. Согласно положениям Конституции, право Верхней палаты в вопросах налогообложения ограничивалось утверждением или отклонением бюджета, направленного ей Палатой представителей. Она не имела права вносить поправки. Бисмарк, однако, выдвинул теорию, согласно которой в случае разногласий между двумя палатами возникала ситуация, которой Конституция не предусматривала, и в которой, следовательно, корона все еще обладала своей прежней абсолютной властью. Никакого компромисса, никаких переговоров между двумя Палатами, по его мнению, не требовалось. Он был полон решимости управлять страной и взимать налоги без бюджета и получил разрешение короля закрыть сессию сразу же, как только Верхняя палата проголосует. Но прежде чем был вынесен приказ о переносе сроков, президент Нижней палаты собрал своих коллег, и присутствующие единогласно объявили решение Верхней палаты недействительным. В волнении, сопровождавшем это испытание сил между Коронай, Министерством и Верхней палатой, с одной стороны, и Представительной палатой - с другой, сессия 1862 года закрылась. ^[507]

[Король Вильгельм.]

[Конфликт продолжался, 1863 г.]

[Меры против прессы.]

Депутаты, возвращаясь в свои избирательные округа, несли с собой боевой дух и получили самые демонстративные доказательства народного сочувствия и поддержки. Королю были сделаны самые серьезные заверения, но они ни в малейшей степени не поколебали его доверия к своему министру или поколебали его твердую решимость довести свои военные реформы до конца. Требование парламента вмешиваться в вопросы военной организации в Пруссии затронуло его в самом чувствительном месте. Он заявил, что целью его противников было не что иное, как создание парламентской армии вместо королевской. Совершенно искренне он верил, что потрясения 1848 года вот-вот разразятся с новой силой. "Вы оплакиваете конфликт между короной и национальными представителями, - сказал он представителю влиятельного общества. - Разве я не оплакиваю это? Я не сплю ни одной ночи". Беспокойство, уныние государя разделяли друзья Пруссии по всей Германии; ее враги с удивлением видели, что Бисмарк в своей борьбе с образованным либерализмом средних классов не гнушался заигрывать с социалистическими лидерами и их органами. Когда парламент вновь собрался в начале 1863 года, конфликт возобновился с еще большим накалом. В Нижней палате было принято обращение к королю, в котором, подчеркивая лояльность прусского народа своему главе, обвинялись министры в нарушении Конституции и требовалось их увольнение. Король отказался принять депутацию, которая должна была представить обращение, и в письменном сообщении, в котором он ответил на него, он резко упрекнул Ассамблею за их ошибки и самонадеянность. Тщетно было снова вносить законопроект об армии. Палата представителей, разрешив обычные военные расходы на этот год, вычеркнула расходы на реорганизацию и объявила министров персонально ответственными за израсходованные суммы. Каждое появление ведущих членов Кабинета министров теперь становилось сигналом к ссоре. Приличия в дебатах перестали соблюдаться ни с одной из сторон. Когда президент попытался установить некоторый предел насилию Бисмарка и Руна и, оказав сопротивление его власти, прекратил заседание, министры заявили, что они больше не будут появляться в Зале заседаний, где им было отказано в свободе слова. Дела зашли в тупик. Палата вновь обратилась к королю и настаивала на том, что примирение между короной и

нацией невозможно до тех пор, пока нынешние министры остаются на своих постах. Король, теперь уже окончательно возмущенный, обвинил Ассамблею в попытке завоевать для себя верховную власть, выразил благодарность своим министрам за их сопротивление этой узурпации и заявил, что он слишком уверен в лояльности прусского народа, чтобы поддаваться угрозам. За его ответом последовал перенос заседания Ассамблеи (26 мая). Роспуск был бы хуже, чем бесполезен, поскольку при реальном состоянии общественного мнения Оппозиция, вероятно, восторжествовала бы по всей стране. Бисмарку оставалось только стоять на своем и, заставив на некоторое время замолчать парламент, заставить замолчать и прессу, применив автократическую власть. Конституция уполномочивала короля в отсутствие Палат издавать постановления по неотложным вопросам, имеющим силу закона. Не успела сессия закрыться, как был издан указ, уполномочивающий правительство, не обращаясь в суд, закрывать любую газету после двух предупреждений. Взрыв общественного негодования заклеил это возвращение к принципам чистого деспотизма в Пруссии; но ни король, ни министр угрозами или увещеваниями не изменили своего курса. Прессе фактически заставили замолчать. Однако столь глубоким было всеобщее недоверие к будущему Пруссии и столь глубокое негодование против министра во всех кругах, куда проникло либеральное влияние, что сам кронпринц, после тщетных протестов против политики насилия, которая ставила под угрозу его собственные будущие интересы в короне, публично выразил свое неодобрение действиям правительства. За этот проступок он так и не был прощен.

[Австрия с 1859 г.]

Ход событий в Берлине вызвал еще более горькое сожаление и разочарование у всех друзей Пруссии, поскольку в это самое время казалось, что конституционное правление успешно устанавливается в западной части Австрийской империи. Централизованному военному деспотизму, с которым Австрия вышла из потрясений 1848 года, было предоставлено десять лет бесспорного господства; к концу этого времени он довел дело до такого состояния, что после кампании, в ходе которой произошло всего одно крупное сражение, и все еще обладая огромной армией и непрерывной цепью крепостей, Австрия оказалась бессильной пошевелить рукой или ногой. Не поражение при Сольферино или уступка Ломбардии продемонстрировали падение могущества Австрии, а тот факт, что в то время как условия Цюрихского мира были отменены, Италия была объединена под властью Виктора Эммануила вопреки обязательствам, взятым Наполеоном III. в Виллафранке австрийский император был вынужден наблюдать за происходящим, скрестив руки на груди. Снова обнажить меч, сделать выстрел в защиту светской власти папы или от имени вассальных князей Тосканы и Модены означало бы поставить под угрозу существование австрийской монархии. Государство было практически банкротом; восстание могло вспыхнуть в любой момент в Венгрии, которая уже отправила тысячи солдат в итальянский лагерь. Мир любой ценой был необходим за границей, а внутри страны система централизованного деспотизма больше не могла существовать, что бы ни случилось на ее месте. Естественно, что император с самого начала лишь несовершенно понимал масштабы уступок, на которые ему было необходимо пойти. Он постановил, что должны быть созданы провинциальные советы, которые Шварценберг обещал создать в 1850 году, и что Совет Империи (рейхсрат), частично сформированный из них, должен собраться в Вене для консультирования правительства по финансовым вопросам, но не для контроля над ним. Однако потребности казначейства были настолько неотложными, что император немедленно приступил к созданию Центрального совета и лично назначил его первых членов.

(Март 1860 г.)

[Венгрия.]

[Централисты и федералисты в Совете.]

[Диплом от 20 октября 1860 г.]

Было хорошо известно, что венгерские депутаты, назначенные императором, откажутся явиться в Вену, если не будут даны какие-либо дополнительные гарантии восстановления венгерской свободы. Соответственно, император пообещал восстановить древнюю организацию графств, которая занимала столь большое место в венгерской истории до 1848 года, и предпринять шаги по формированию венгерского сейма. Это, с отменой эдикта, наносящего ущерб протестантам, открыло путь к примирению, и назначенные венгры заняли свои места в Совете, хотя и под протестом, что существующее соглашение может быть принято только как подготовительное к полному восстановлению прав их страны. Заседание Совета продолжалось в течение лета 1860 года. Его обязанности были финансовыми; но установление финансового равновесия в Австрии было неотделимо от установления политической стабильности и общественного доверия; и Совет на своих последних заседаниях затронул самые широкие конституционные проблемы. Негерманские депутаты составляли большинство; и хотя все партии одинаково осуждали падение абсолютизма, конкурирующие политические декларации, представленные Совету, обозначали оппозицию, которая отныне существовала между немецкими либералами Австрии и различными националистическими или федералистскими группами. Мадыяры, объединившись с теми, кто был их злейшими врагами, заявили, что древняя независимость в законодательстве и управлении нескольких стран, подвластных Дому Габсбургов, должна быть восстановлена, при этом каждая страна сохранит свой собственный исторический характер. Немецкое меньшинство утверждало, что император должен даровать своим подданным такие институты, которые, будучи основаны на праве самоуправления, должны обеспечивать единство Империи и силу ее центральной власти. Все партии выступали за конституционную систему и за местные свободы в той или иной форме; но в то время как мадыяры и их сторонники стремились ни к чему иному, как к национальной независимости, немцы в лучшем случае предоставили бы единообразную систему провинциального самоуправления в строгом подчинении центральному представительному органу, избранному от всей Империи и принимающему законы для всей Империи. Решение императора обязательно было компромиссным. В Дипломе, опубликованном 20 октября, он обещал восстановить в Венгрии ее старую Конституцию и предоставить широкие законодательные права другим штатам монархии, учредив для ведения общих для всей Империи дел Имперский совет и сохранив за невенгерскими членами этого Совета ограниченное законодательное право для всей Империи, за исключением Венгрии. ^[508]

[Венгрия сопротивляется созданию Центрального совета.]

Мадыяры победили своего короля; и весь безудержный патриотизм, который был подавлен после разорения 1849 года, теперь снова вспыхнул пламенем. Собрания графств собирались и избирали своими должностными лицами людей, которые были приговорены к смертной казни в 1849 году и жили в изгнании; они ликвидировали существующие суды, отказались от налогов и провозгласили законодательство 1848 года вновь вступившим в силу. Франциск Иосиф, казалось, стремился предотвратить конфликт и доказать как в Венгрии, так и в других частях

империи искренность своих обещаний реформ, в отношении которых природа провинциальных конституций, опубликованных сразу после Октябрьского диплома, вызывала некоторые сомнения. По просьбе своих венгерских советников он уволил главу своего кабинета и назначил на этот пост Шмерлинга, который в 1848 году был премьер-министром немецкого национального правительства во Франкфурте. Шмерлинг сразу же пообещал важные изменения в системе провинций, разработанной его предшественником, но в своих отношениях с Венгрией он оказался гораздо менее сговорчивым, чем ожидали мадьяры. Хотя венгры восстановили свои собственные конституционные формы, им все еще угрожало верховенство Центрального Совета во всем, что касалось их самих совместно с остальной Империей, и против этого они восстали. Но от создания этого Имперского совета ни император, ни Шмерлинг не отступили. Эдикт от 26 февраля 1861 года, хотя и осуществил обещанные Шмерлингом изменения в нескольких провинциальных системах, подтвердил общие положения Октябрьского диплома и объявил, что император сохранит Конституцию своих владений в том виде, в каком она установлена сейчас, на случай нападения.

[Конфликт Венгрии с короной, 1861.]

В апреле следующего года провинциальные сеймы встретились по всей Австрийской империи, а сейм Венгерского королевства собрался в Пеше. Первой обязанностью каждого из этих органов было избрание представителей в Имперский совет, который должен был собраться в Вене. Однако ни Венгрия, ни Хорватия не стали бы избирать таких представителей, поскольку каждая из них претендует на полную законодательную независимость и отказывается признавать любой такой внешний орган, который сейчас предлагается создать. Император предостерегал венгерский сейм от последствий его действий; но национальный дух мадьяр был совершенно разбужен, и земские собрания соперничали друг с другом в яростности своих обращений к Государю. Сейм, вновь обратившись к конституционным трудностям, связанным с отречением Фердинанда, заявил, что будет вести переговоры о коронации Франциска Иосифа только после учреждения венгерского министерства и восстановления Хорватии и Трансильвании в составе Венгерского королевства. Принимая утверждение Шмерлинга о том, что древние конституционные права Венгрии были нарушены в результате восстания, император настаивал на создании Совета для всей империи и отказался отступать от заявлений, которые он сделал в февральском эдикте. Вслед за этим сейм в длинном и энергичном обращении к королю выразил протест против действия всех законов, принятых без его собственного согласия, и заявил, что Франциск Иосиф сделал соглашение между королем и нацией невозможным. Последовал роспуск. Собрания графств занялись национальной борьбой. Они, в свою очередь, были подавлены; их офицеры были уволены, и военное правление было установлено по всей стране, хотя со стороны короля были сделаны недвусмысленные заявления о том, что оно продлится только до тех пор, пока законно существующая Конституция не будет приведена в мирное действие. ^[509]

[Рейхсрат в Вене, май 1861-декабрь 1862 гг.]

[Вторая сессия рейхсрата, 1863 г.]

[Рейхсрат в Вене, май 1861-декабрь 1862 г.]

[Вторая сессия рейхсрата, 1863 г.]

Тем временем Центральный представительный орган, теперь за счет расширения своих

функций и увеличения числа своих членов превратившийся в Парламент Империи, собрался в Вене. Его реальный характер был неизбежно изменен отсутствием представителей Венгрии; и в течение некоторого времени правительство, казалось, было склонно ограничить свою компетенцию делами провинций Цис-Лейтан; но, убедившись, что никакое соглашение с Венгрией невозможно, император объявил об этом Ассамблее и приказал ей выполнять свою роль в качестве органа Империи в целом, не обращая внимания на воздержание тех, кто не пожелал воспользоваться своими правами. Бюджет всей империи был соответственно представлен Собранию, и впервые расходы австрийского государства были открыты для общественного рассмотрения и критики. Первая сессия этого парламента длилась с перерывами с мая 1861 года по декабрь 1862 года. В законодательстве она мало что изменила, но ее отношения в целом с правительством оставались превосходными, и ее продолжительная деятельность, не прерываемая народными волнениями, многое сделала для повышения упавшего авторитета австрийского государства и завоевания им уважения Германии. По окончании сессии собрались провинциальные сеймы, и в течение весны 1863 года соперничество австрийских национальностей придавало большое оживление многим местным жителям. Следующим летом рейхсрат вновь собрался в Вене. Хотя Венгрия оставалась в состоянии, близком к восстанию, парламентская система Австрии набирала силу, и действительно, как казалось, за счет самой Венгрии; ибо румынское и немецкое население Трансильвании, радуясь возможности отделиться от мадьяр, теперь направило депутатов в Вену. В то время как в Берлине каждая прошедшая неделя обостряла антагонизм между нацией и ее правительством и делала имя министра все более одиозным, Австрия, казалось, успешно порвала с традициями своего прошлого и быстро завоевывала себе почетное место среди государств конституционного типа.

Один из упреков, выдвинутых против Бисмарка прогрессистским большинством в парламенте Берлина, заключался в том, что он изолировал Пруссию как в Германии, так и в Европе. То, что он настроил общественное мнение Германии против правительства своей страны, было правдой; то, что он оттолкнул Пруссию от всей Европы, было неправдой; напротив, он установил более тесные отношения между дворами Берлина и Санкт-Петербурга, чем когда-либо с начала регентства, и обеспечил Пруссии определенную степень доверия и доброй воли со стороны царя, которые в последующие памятные годы служили ей едва ли менее эффективно, чем вооруженный союз. После Крымской войны Россия, казалось, вступала в эпоху безграничных перемен. Бедствия, которыми завершилось царствование Николая, вызвали в том узком кругу русского общества, где еще существовала мысль, яростное отвращение к бесплодной и неизменной системе репрессий, к изнурительному рабству последних тридцати лет. Начиная с императора и кончая всеми образованными людьми, все они верили не только в то, что система правления, но и в то, что весь порядок российской общественной жизни должен быть изменен. Брожение идей, знаменующее эпоху революций, было в полном разгаре; но в каких формах должен был сформироваться новый порядок, посредством каких процессов Россия должна была вступить в свою новую жизнь, никто не знал. Россия испытывала недостаток в способных государственных деятелях; еще более заметный недостаток ощущался в классе полезных и умных правительственных агентов второго ранга. Ее монарх Александр II, гуманный и исполненный благих намерений, был нерешительным и колеблющимся сверх всякой меры, присущей обычным людям. Сам он был не только лишен каких-либо административных и организаторских способностей, но и настолько лишен целеустремленности, что министры, политику которых он принимал, боялись упустить его из виду, опасаясь, что в ходе одной

поездки или одной беседы он поддастся уговорам какого-нибудь политика-соперника. Ни в одной стране Европы не было такой непоследовательности, такого внутреннего противоречия, такого отсутствия единства плана и цели в правительстве, как в России, где все номинально зависело от единой воли. Теснимый и измученный всеми соперничающими влияниями, которые обрушивались на центр великой империи, Александр, по-видимому, временами натравливал друг на друга в качестве коллег в одной ветви власти представителей самых противоположных направлений действий и, после согласия с планами одной группы советников, поручал выполнение этих планов в качестве противовеса тем, кто больше всего им противодействовал. Но, подобно другим слабым людям, он ничего так не боялся, как упрека в слабости или непостоянстве; и в облаке наполовину сформировавшихся или заброшенных целей было несколько, которых он решительно придерживался. Главным из них, великим достижением его правления, было освобождение крепостных.

[Освобождение крепостных. Март 1861 г.]

Вероятно, из-за разразившейся революции 1848 года Николай не освободил крепостных. Этот государь давно понимал необходимость перемен, и в 1847 году он фактически назначил Комиссию для составления доклада о наилучших способах их осуществления. Потрясения 1848 года, за которыми последовали Венгерская и Крымская войны, отбросили этот проект на задний план на оставшуюся часть правления Николая; но если вера русского народа вполне обоснована, последним наказом умирающего царя своему преемнику было освобождение крепостных по всей его империи. Александр был мало способен сам справиться с такой огромной проблемой; однако в 1859 году он поручил Комиссии провести полное расследование этого вопроса и представить план освобождения. Работа Комиссии продолжалась более двух лет; ее обсуждения были возбужденными, порой ожесточенными. То, что крепостное право рано или поздно должно быть отменено, знали все; пунктами, по которым Комиссия разделилась, были наделение крестьян землей и регулирование деревенской общины. Европейская история предоставила множество прецедентов эмансипации, и при бесконечном разнообразии деталей три типа процесса предоставления избирательных прав были четко отличимы друг от друга. Мария Терезия, освобождая крепостного, потребовала, чтобы он продолжал выполнять определенное количество труда своему господину, и предоставила ему при этом условии постоянное владение землей, которую он занимал; прусские реформаторы разделили землю между крестьянином и господином и отменили все трудовые сборы; Наполеон, предоставив избирательные права крепостным в герцогстве Варшавском, просто превратил их в свободных людей, оставив условия их владения землей устанавливаться по договоренности или свободному контракту с их бывшими господами. Этому примеру последовал в Прибалтийских провинциях самой России Александр I. Из трех способов освобождения, основанных на свободном договоре, этот привел к наихудшим результатам для крестьян; и хотя многие российские землевладельцы и их представители в Комиссии протестовали против раздела земли между ними и их крепостными как акта аграрной революции и грабежа, были люди на высоких постах и несколько человек среди собственников, которые решительно и успешно боролись за принцип независимой собственности крестьян. Руководящим духом в этой великой работе, по-видимому, был Николай Милютин, помощник министра внутренних дел Ланского. Милютину, разработавшему Муниципальную хартию Санкт-Петербурга, царь не доверял как беспокойному и бескомпромиссному реформатору. Из дня в день было неясно, возобладают ли взгляды Министерства внутренних дел или территориальной аристократии; в конечном счете, однако, по указанию Дворца Комиссия приняла не только

принцип раздела земли, но и систему общинного самоуправления самих крестьян. Определение количества земли, которой должны владеть крестьяне общины, и фиксированной арендной платы, подлежащей уплате сеньору, было оставлено в первую очередь на усмотрение частного соглашения; но там, где такое соглашение не было достигнуто, государство через арбитров, избираемых на местных собраниях знати, решало этот вопрос само. Установив однажды арендную плату, государство позволило коммуне погасить ее, авансировав капитальную сумму, которая должна была быть возмещена государству в виде добровольной арендной платы в течение сорока девяти лет. Указ царя о превращении двадцати пяти миллионов крепостных в свободных собственников, величайший законодательный акт современности, был подписан 3 марта 1861 года и в течение следующих нескольких недель зачитывался в каждой церкви Российской империи. Станным комментарием к системе правления в России было то, что в тот самый месяц, когда был опубликован указ, и Ланской, и Милютин, которые были его основными авторами, были отстранены от своих должностей. Царь боялся оставить их у власти, чтобы они наблюдали за фактическим исполнением закона, который они вдохновили. Поддерживая их вплоть до финальной стадии принятия, Александр боролся со своими собственными опасениями и с огромным влиянием как при дворе, так и в правительстве и в провинциях. С завершением действия Эдикта об освобождении его силы сопротивления были исчерпаны, и он поручил его исполнение тем, кто был его противниками. Вряд ли можно сомневаться в том, что некоторых зол, которые смешались с благами в процессе предоставления избирательных прав в России, могло бы быть меньше, если бы царь решительно поддержал авторов реформы и позволил им завершить свою работу в соответствии с их собственными планами и убеждениями. ^[510]

[Польша, 1861, 1862 гг.]

Образованные люди в России верили, что освобождение крепостных станет лишь первым из серии великих органических изменений, приближающих их страну к политическому и социальному уровню ее европейских соседей. Это убеждение не оправдалось. Была проделана важная работа по восстановлению судебной системы России, но в других ожидаемых реформах было достигнуто мало. Восстание, вспыхнувшее в Польше в начале 1863 года, отвлекло энергию правительства от всех других целей; и в результате всепоглощающей вспышки русского патриотизма и национального чувства, которые оно вызвало, внутренние реформы потеряли для них интерес не меньше, чем идеалы западной цивилизации. Установление независимости Италии, совпавшее по времени с общей неустроенностью и ожиданием перемен, которыми были отмечены первые годы правления Александра, вновь пробудило несбывшиеся надежды польских национальных лидеров. С начала 1861 года Варшава была ареной постоянных беспорядков. Царь был склонен, в определенных пределах, к политике примирения. Отдельный законодательный орган и отдельную армию, которыми Польша обладала с 1815 по 1830 год, он был полон решимости не восстанавливать; но он был готов предоставить Польше значительную степень административной автономии, доверить основные должности в ее правительстве местным жителям и в целом несколько ослабить тот тесный союз с Россией, который был навязан Николаем после восстания 1831 года. Но уступки царя, сопровождавшиеся актами репрессий и жестокости, были далеки от удовлетворения требований польского патриотизма. Напрасно Александр летом 1862 года отправил своего брата Константина вице-королем в Варшаву, учредил польский государственный совет, поставил поляка Великопольского во главе администрации, заменил всех русских губернаторов польских провинций выходцами и предоставил муниципалитетам и округам право избирать местные советы; эти уступки казались

ничем, и фактически были ничем, по сравнению с национальной независимостью, на которую претендовали польские лидеры. Ситуация становилась все хуже и хуже. Покушение, совершенное на жизнь великого князя Константина во время его въезда в Варшаву, было лишь одним из серии подобных актов, дискредитировавших польское дело и укрепивших тех, кто в Санкт-Петербурге с самого начала осуждал попытки царя к примирению. В конце концов российское правительство предприняло шаг, который ускорил восстание. Осенью 1862 года по всей империи был издан приказ о введении налога в размере одного из каждых двухсот человек населения. Из Санкт-Петербурга были отправлены инструкции о том, что при введении этого сбора в Польше следует щадить сельское население и что все лица, о которых было известно, что они связаны с беспорядками в городах, должны быть схвачены как солдаты. Этот ужасный приговор целому политическому классу был приведен в исполнение, насколько это было во власти властей, в ночь на 14 января 1863 года. Но прежде чем имперская пресс-банда окружила дома своих жертв, слух о готовящемся ударе распространился по всему миру. В предыдущие часы и в ночь на 14-е тысячи человек бежали из Варшавы и других польских городов в леса. Там они формировались в вооруженные банды, и в течение следующих нескольких дней везде, где обнаруживалось, что русские войска недостаточно сильны или потеряли бдительность, вспыхивала партизанская война. ^[511]

[Польша и Россия.]

Классами, в которых жил национальный дух Польши, были так называемое дворянство, насчитывающее сотни тысяч человек, городское население и духовенство. Крестьяне, раздавленные и деградировавшие, хотя номинально и не находившиеся в рабстве, были безразличны к национальному делу. На нейтралитет, если не на поддержку, крестьян русское правительство могло вполне рассчитывать; в городах оно сразу же столкнулось с невидимым национальным правительством, чьи декреты печатались и обнародовались неизвестными руками, и чьи смертные приговоры безжалостно приводились в исполнение в отношении тех, кого оно осуждало как врагов или изменников национального дела. Секретность, которая покрывала действия этого Национального исполнительного органа, была настолько экстраординарной, что Милютин, который впоследствии был направлен царем для изучения дел Польши, пришел к выводу, что у него были сообщники внутри императорского правительства в самом Санкт-Петербурге. Польское дело действительно сохранило некоторых друзей в России даже после начала восстания; только после того, как восстание перешло границу королевства и было перенесено дворянами в Литву и Подолию, вся русская нация вступила в борьбу со страстным и мстительным рвением не на жизнь, а на смерть. Фатальным проклятием польской национальности было то, что дни ее величия привели к ее притязаниям на обширные территории, где она не насадила ничего, кроме территориальной аристократии, и где масса населения, если и не была фактически русской, была почти неотличима от русских по расе и языку и принадлежала, как и они, к греческой церкви, которую католическая Польша всегда преследовала. В течение девяноста лет Литва и приграничные провинции были включены в состав царских владений, и теперь, за исключением польских землевладельцев, они фактически были полностью русскими. Поэтому, когда дворяне этих провинций заявили, что Польша должна быть восстановлена в границах 1772 года, и впоследствии взяли за оружие совместно с повстанческим правительством в Варшаве, русский народ, от царя до крестьянина, почувствовал, что борьба ведется не иначе как за расчленение или сохранение их собственной страны, и судьба польской национальности, по крайней мере на несколько поколений, была предрешена. Дипломатическое вмешательство западных держав в защиту

конституционных прав Польши по Венскому мирному договору, которое было в некоторой степени поддержано Австрией, только продлило безнадежную борьбу и принесло безграничную популярность князю Горчакову, который, после проявления вежливого внимания на ранней и все еще опасной стадии восстания, решительно и безоговорочно отразил вмешательство Держав. К весне 1864 года повстанцы были разгромлены или истреблены. Генерал Муравьев, губернатор Литвы, выполнял свою задачу по борьбе с мятежной знатью этой провинции с непоколебимой суровостью, не щадя ни жизни, ни состояния до тех пор, пока оставался враг России, которого нужно было свергнуть. Именно в Вильне, столице Литвы, а не в Варшаве, ужасы российских репрессий были самыми большими. Казни Муравьева, возможно, были менее многочисленными, чем принято предполагать; но в форме денежных поборов и штрафов он, несомненно, преследовал ни что иное, как полное разорение значительной части класса, наиболее замешанного в восстании.

[Аграрные меры в Польше.]

[Аграрные меры в Польше, 1864.]

В самой Польше царь, после некоторых колебаний, решил раз и навсегда установить дружеские отношения с Россией в каждой усадьбе королевства, сделав крестьянина владельцем земли, на которой он трудился. Повстанческое правительство в начале восстания пыталось привлечь на свою сторону крестьянство, обещая принять соответствующие законы, но никто не откликнулся на их призыв. Осенью 1863 года царь отозвал Милютина из его вынужденных поездок и приказал ему отправиться в Варшаву, чтобы на месте изучить дела Польши и доложить о мерах, которые необходимо принять для ее будущего правительства и организации. Милютин заручился поддержкой некоторых людей, которые наиболее усердно трудились вместе с ним над предоставлением избирательных прав русским крепостным; и в течение нескольких недель он вернулся в Санкт-Петербург, неся с собой проект мер, которые должны были изменить облик Польши. Он рекомендовал, с одной стороны, уничтожить все политические институты, отделяющие Польшу от остальной империи, и полностью уничтожить последние следы польской независимости; с другой стороны, сделать крестьян, как единственный класс, на который Россия могла надеяться рассчитывать в будущем, абсолютными и независимыми владельцами занимаемой ими земли. Князь Горчаков, который все еще немного считался с мнением Западной Европы и, возможно, симпатизировал польской аристократии, воспротивился этой смелой политике; но царь принял совет Милютина и предоставил ему полную свободу действий в осуществлении его аграрного плана. Соответственно, раздел земли между дворянами и крестьянами был осуществлен собственными офицерами Милютина на условиях, сильно отличающихся от принятых в России. Вся сила правительства была брошена на сторону крестьян и против дворянства. Хотя население в Польше было более плотным, чем в России, крестьянин получал в среднем в четыре раза больше земли; компенсация, выплачиваемая помещикам (которая выплачивалась облигациями, которые сразу же падали до половины их номинальной стоимости), была увеличена не за счет арендной платы только за крестьянские земли, как в России, а за счет общего поземельного налога, равным образом падавшего на землю, оставленную помещикам, которые, таким образом, должны были выплачивать значительную часть своей собственной компенсации: прежде всего, спорные вопросы разрешались не арбитрами, как в России, избираемыми на местных собраниях дворян, а чиновниками дворянского сословия. Корона. Более того, раздел земельной собственности не был произведен раз и навсегда, как в России, но леса и пастбища, оставшиеся у помещиков,

по-прежнему оставались предметом неопределенных общих прав крестьян. Эти общие права были намеренно оставлены неурегулированными для того, чтобы всегда оставался источник разногласий между крупными и мелкими собственниками и чтобы последние могли продолжать смотреть на российское правительство как на защитника или расширителя своих интересов. "Мы удерживаем Польшу, - сказал один российский государственный деятель, - по ее общим правам". ^[512]

[Гражданство России и Польши.]

Милютин, который, при всем пламенном рвении своей национальной и уравнилельной политики, кажется, был мягким и несколько ворчливым инвалидом, и которого вскоре после этого разбил паралич, заставивший его оставаться беспомощным наблюдателем европейских изменений следующих шести лет, не принимал участия в той войне против языка, религии и национальной культуры Польши, с помощью которой Россия добивалась своей победы с 1863 года. Общественную жизнь Польши он был полон решимости русифицировать; ее частную и общественную жизнь он, вероятно, оставил бы без изменений, полагаясь на добрую волю огромной массы крестьян, которые были обязаны своим правом собственности действиям царя. Были, однако, политики в Москве и Санкт-Петербурге, которые верили, что глубоко укоренившийся национальный инстинкт впервые будет вызван к реальной жизни среди этих крестьян самым их возвышением от нищеты к независимости и что там, где у России до сих пор было триста тысяч врагов, Милютин готовил для этого шесть миллионов. Именно страх перед такой возможностью в будущем, опасение, что материальные интересы не смогут навсегда победить более тонкие силы, которые передаются из поколения в поколение, скрытые, если еще неосознанные, там, где сама национальность не утрачена, заставили российское правительство продолжить политическое уничтожение польской знати мерами, направленными против самой польской национальности, даже с риском оттолкнуть класс, который в настоящее время был фактически привлечен на сторону царя. Наряду со своей животворящей и благотворной аграрной политикой Россия проводила одиозную систему лишения Польши всех средств культуры и совершенствования, связанных с использованием ее собственного языка, и нацелилась на то, чтобы в конечном итоге превратить поляков в русских путем систематического обнищания и исчезновения всего, что по сути является польским по мыслям, чувствам и самовыражению. Работа может оказаться ей по силам; и не потребуются обычной извращенности со стороны ее правительства, чтобы настроить против России миллионы людей, которые в Польше всем, что у них есть, обязаны процветанием и независимостью царю: но если избыток русской пропаганды или враждебность Церкви к Церкви в какой-то отдаленный момент вызовут новую борьбу за независимость Польши, эта борьба будет вестись в иных условиях, чем в 1831 или 1863 годах, и России впервые придется завоевывать на Висле не класс и не город, а нацию.

[Берлин и Санкт-Петербург, 1863.]

Для Бисмарка и Пруссии было немаловажным фактом, что в 1863 и 1864 годах Санкт-Петербургский двор столкнулся с такими серьезными делами в Польше. Бисмарк в полной мере воспользовался представившейся ему тогда возможностью оказать услугу важному соседу и воспользоваться сочетанием смущения и доброжелательности этого соседа. Он всегда считал поляков всего лишь помехой в Европе и искренне презирал немцев за сочувствие, которое они проявили к Польше в 1848 году. Когда вспыхнуло восстание 1863 года, Бисмарк

противопоставил политику своей собственной страны политике Австрии и западных держав и даже заключил соглашение с Россией о возможной военной комбинации на случай, если повстанцы перейдут с одной стороны границы на другую. ^[513] На протяжении всей борьбы с поляками и на протяжении всего дипломатического конфликта с западными державами царь чувствовал себя в безопасности благодаря лояльности упрямого министра в Берлине; и когда по окончании польского восстания произошли события, которые открыли Пруссии дорогу к политической удаче, Бисмарк получил свою награду в виде свободы действий, предоставленной ему российским правительством. Трудности, связанные со Шлезвиг-Гольштейном, которые после короткого периода спокойствия, последовавшего за урегулированием 1852 года, снова начали беспокоить Европу, были перенесены на самый передний план континентальных дел смертью Фридриха VII, короля Дании, в ноябре 1863 года. Теперь во главе Пруссии стоял государственный деятель, решивший до крайности использовать возможности, которые это осложнение предоставляло его собственной стране; и Бисмарку, более удачливому, чем его предшественники 1848 года, не приходилось опасаться вмешательства российского царя как покровителя и защитника интересов датского двора.

[Шлезвиг-Гольштейн, 1852-1863 гг.]

[Патент от 30 марта 1863 г.]

Лондонским мирным договором, подписанным 8 мая 1852 г., все великие державы, включая Пруссию, признали принцип целостности Датской монархии и провозгласили принца Кристиана Глюксбургского предполагаемым наследником всех владений правящего короля. Права Германской федерации в Гольштейне, тем не менее, были объявлены непредвзятыми; и в Конвенции, заключенной с Австрией и Пруссией до того, как они присоединились к этому Договору, король Фридрих VII. он обязался соблюдать определенные правила в своем обращении с Шлезвигом, а также с Гольштейном. Герцог Августенбургский, претендовавший на престолонаследие в Шлезвиг-Гольштейне по мужской линии, отказался от своих притязаний в связи с компенсацией, выплаченной ему королем Дании. Эта капитуляция, однако, не получила согласия его сына и других членов Дома Августенбургов, и Германская федерация как таковая не была участником Лондонского мирного договора. Опираясь на декларацию Великих держав в пользу целостности Датского королевства, Фридрих VII. возобновил свои попытки ассимилировать Шлезвиг и, в некоторой степени, Гольштейн с остальной частью монархии; и хотя провинциальным поместьям было разрешено продолжать существование, в октябре 1855 года была принята национальная конституция для всего Датского государства. Были высказаны горькие жалобы на систему репрессий и посягательств, с помощью которых правительство Копенгагена пыталось уничтожить немецкое гражданство в пограничных провинциях; наконец, в ноябре 1858 года, под угрозой вооруженного вмешательства Германской Федерации, Фридрих согласился исключить Гольштейн из-под действия новой Конституции. Но это не привело к миру, поскольку жители Шлезвига, оторванные от провинции-побратима и теперь возбужденные итальянской войной, подняли еще более энергичный протест против своего присоединения к Дании; в то время как в самой Гольштейне правительство было обвинено в неконституционных действиях при составлении бюджета без согласия сословий. Федеральный сейм Германии снова пригрозил прибегнуть к силе, и Дания приготовилась к войне. Пруссия вступилась за Шлезвиг в 1861 году; и даже британское правительство, которое до сих пор проявляло гораздо больший интерес к целостности Дании, чем к правам немецких провинций, теперь рекомендовало отменить Конституцию 1855 года и предоставить Шлезвигу и Гольштейну

отдельное законодательство и управление. Датчане, однако, были настроены на сохранение Шлезвига как неотъемлемой части государства, и правительство короля Фридриха, хотя и желало признать Гольштейн за пределами собственно датской территории, настаивало на том, чтобы Шлезвиг был включен в унитарную конституцию и чтобы Гольштейн вносил фиксированную долю в государственные расходы. Соответствующий манифест, опубликованный королем Фридрихом 30 марта 1863 года, стал непосредственной причиной конфликта, который вот-вот должен был разразиться между Германией и Данией. Франкфуртский сейм объявил, что, если эта прокламация не будет отменена, она должна быть приведена в исполнение на федеральном уровне, то есть к вооруженному вмешательству против короля Дании как герцога Гольштейнского. Все еще рассчитывая на иностранную помощь или на бессилие сейма, датское правительство отказалось изменить свою политику и 29 сентября представило парламенту в Копенгагене закон, объединяющий Шлезвиг с остальной частью монархии в соответствии с новой Конституцией. Таким образом, переговоры были доведены до конца, и 1 октября сейм постановил о давно ожидавшейся федеральной казни. ^[514]

[Смерть Фридриха VII., ноябрь 1863 г.]

[Федеральная казнь в Гольштейне. Декабрь, 1863.]

Дел достиг этой стадии, и казнь еще не была введена в действие, когда, 15 ноября, король Фредерик VII. умер. На мгновение показалось возможным, что его преемник, принц Кристиан Глюксбургский, сможет предотвратить конфликт с Германией, уйдя с позиции, которую занимал его предшественник. Но датский народ и министерство не были склонны уступать; конституция прошла через парламент за два дня до смерти короля Фредерика, и 18 ноября она получила одобрение нового монарха. Немецкие национальные чувства были теперь столь же сильно возбуждены вопросом о Шлезвиг-Гольштейне, как и в 1848 году. Общий крик заключался в том, что к союзу этих провинций с Данией следует относиться как к завершению и посадить на трон их законного правителя, Фридриха Августенбургского, сына герцога, отказавшегося от своих прав. Франкфуртский сейм, однако, решил не признавать ни одного из двух соперничающих суверенов в Гольштейне до тех пор, пока не произойдет его собственное вмешательство. Был отдан приказ ввести в страну саксонский и ганноверский корпуса; и хотя Пруссия и Австрия заключили секретное соглашение о том, что урегулирование Шлезвиг-гольштейнского вопроса должно осуществляться ими самими, независимо от Сейма, волна народного энтузиазма была настолько высока, что на данный момент две ведущие державы сочли более безопасным не препятствовать Федеральной власти, и, соответственно, саксонские и ганноверские войска вошли в Гольштейн в качестве мандатов сейма в конце 1863 года. Датское правительство, не оказывая сопротивления, отвело свои войска за реку Эйдер в Шлезвиг.

[Планы Бисмарка.]

[Союз Австрии и Пруссии.]

[Австрийские и прусские войска входят в Шлезвиг. Февраль 1864 г.]

С этого времени история Германии - это история глубокого и смелого управления государством и непреодолимой воли Бисмарка; нация, за исключением своей доблести на поле боя, перестает влиять на формирование своей собственной судьбы. Чего немецкий народ желал в 1864 году, так это того, чтобы Шлезвиг-Гольштейн был присоединен под управлением собственного правителя к Германской федерации в том виде, в каком она тогда существовала;

чего хотел Бисмарк, так это того, чтобы Шлезвиг-Гольштейн, сам более или менее непосредственно присоединенный к Пруссии, стал средством разрушения существующей Федеральной системы и изгнания Австрии из Германии. То, что еще одно мелкое государство, связанное с Пруссией не более тесными узами, чем ее другие соседи, должно было быть добавлено к войску, среди которого Австрия нашла своих вассалов и орудие, было бы в глазах Бисмарка не выгодой, а фактическим ущербом для Германии. Немецкий народ желал одного курса действий; Бисмарк решил нечто совершенно иное; и с несравненной решимостью и мастерством он сокрушил любое сопротивление людей и судов и принудил сопротивляющуюся нацию к цели, которую он сам для нее избрал. Первым конфликтным моментом было очевидное признание Бисмарком прав короля Кристиана IX как законного суверена в герцогствах, а также на остальной территории Датского государства. Лондонским мирным договором Пруссия действительно обязалась признать это; но Германская федерация не была участницей Договора, и под давлением неистовой национальной агитации Бавария и второстепенные государства одно за другим признали Фридриха Августенбургского герцогом Шлезвиг-Гольштейнским. Бисмарк был обвинен как прусским парламентом, так и народным голосом Германии в целом в предательстве немецких интересов Дании, в злоупотреблении положением Пруссии как Великой державы, в подстрекательстве нации к гражданской войне. Напрасно он заявлял, что, не уступая ни на йоту немецким правам, правительство Берлина должно признать те договорные обязательства, с которыми тесно связано его собственное законное право голоса в делах Шлезвига, и что король Пруссии, а не множество безответственных и плохо информированных граждан, должен судить о мерах, с помощью которых должны быть эффективно защищены интересы Германии. Его слова не произвели ни единого впечатления ни в прусском парламенте, ни в Федеральном сейме. Во Франкфурте предложение двух ведущих держав о том, что от короля Кристиана следует потребовать отмены Ноябрьской конституции и что в случае его отказа Шлезвиг также должен быть оккупирован, было отклонено как подразумевающее признание титула Кристиана как правящего суверена. В Берлине Нижняя палата отказалась от поставок, которые Бисмарк требовал для операций в герцогствах, и официально решила сопротивляться его политике всеми доступными ей средствами. Но сопротивление парламента и сейма было одинаково напрасным. Шедевром дипломатии Бисмарк заручился поддержкой и сотрудничеством Австрии в своей собственной непосредственной политике в отношении Дании, хотя всего за несколько месяцев до этого он навлек на себя ожесточенную ненависть Венского двора, расстроив его планы реорганизации Германии на Съезде князей во Франкфурте, и откровенно заявил австрийскому послу в Берлине, что если Австрия не перенесет свой политический центр в Пест и не оставит Пруссии свободу действий в Германии, то в следующей войне, в которую она может быть вовлечена, Пруссия окажется на стороне своих врагов. ^[515] Но демократический и страстный характер агитации во второстепенных государствах в пользу Шлезвиг-гольштейнцев и их августенбургского претендента позволил Бисмарку представить это движение австрийскому правительству как революционное и ловким обращением к воспоминаниям 1848 года внушить советникам императора благоговейный трепет, вынудив их к прямому сотрудничеству с берлинским двором, как представитель монархического строя, имеющий дело с проблемой, которая в противном случае, слишком вероятно, была бы решена революционными методами и революционными силами. Граф Рехберг, министр иностранных дел в Вене, был вовлечен в политику, которая, навлекая на Австрию полную долю гнусности датских планов Бисмарка, утратив из-за этого добрую волю второстепенных государств, с помощью которых она могла бы сдерживать Пруссию, и подвергая ее риску европейской войны, должна была предоставить ее

сопернику всю прибыль от совместного предприятия и предоставить предлог для борьбы, в результате которой Австрия должна была быть изгнана как из Германии, так и из того, что осталось ей от Италии. Но о характере трудностей, в которые он теперь ввязывался, делая первый роковой и бесповоротный шаг, граф Рехберг, по-видимому, ничего не подозревал. Кажущаяся сердечность объединила австрийское и прусское правительства в политике неповиновения воле всей остальной Германии и требованиям их собственных подданных. Напрасно Федеральный сейм наложил вето на предложенный вызов к королю Кристиану и на предполагаемую оккупацию Шлезвига. Австрия и Пруссия предъявили ультиматум в Копенгагене, требуя отмены Ноябрьской конституции; и после ее отклонения их войска вошли в Шлезвиг не как мандатарии Германской федерации, а как инструменты двух независимых и союзных держав. (1 февраля 1864 г.)

[Кампания в Шлезвиге. Февраль-апрель 1864 г.]

Против превосходящих сил, которыми они были атакованы таким образом, датчане могли оказывать только храброе, но безрезультатное сопротивление. Их первой линией обороны была Даневерке, укрепление, простиравшееся на восток и запад к морю от города Шлезвиг. Принц Фредерик Карл, командовавший правым флангом пруссии, был отбит в ходе атаки на самую восточную часть этого укрепления при Миссунде; австрийцы, однако, удержали некоторые позиции в центре, которые контролировали линии защитников, а датчане отступили к укрепленному посту Дюппель, прикрывавшему узкий пролив, отделяющий остров Альзен от материка. Здесь в течение нескольких недель они сдерживали пруссаков, в то время как австрийцы, продолжая марш на север, вошли в Ютландию. Наконец, 18 апреля, после нескольких часов интенсивной бомбардировки, позиции Дюппеля были взяты штурмом, и защитники были оттеснены через ла-манш в Альзен. Не имея возможности преследовать врага через эту узкую полосу моря, пруссаки присоединились к своим союзникам в Ютландии и оккупировали всю материковую часть Дании до Люм-фиорда. Война, однако, не должна была быть прекращена без попытки нейтральных держав прийти к дипломатическому урегулированию. 20 апреля в Лондоне открылась Конференция, и после трех недель переговоров воюющие стороны были вынуждены согласиться на перемирие. Поскольку войска Германской федерации, хотя и не принимали участия в военных операциях двух Великих держав, находились во владении Гольштейна, Федеральное правительство было приглашено принять участие в Конференции. Ее представлял граф Бойст, премьер-министр Саксонии, политик, которому вскоре предстояло подняться до гораздо большего положения; но вследствие дипломатического союза Пруссии и Австрии взгляды правительств второстепенных германских государств теперь не имели реального влияния на ход событий, и первое появление графа Бойста на большой европейской сцене не принесло никаких результатов, за исключением влияния на его собственную карьеру. ^[516]

[Лондонская конференция. Апрель 1864 г.]

Первым предложением, вынесенным на рассмотрение Конференции, было предложение, представленное Бернсторфом, прусским посланником, о том, что Шлезвиг-Гольштейн должен получить полную независимость, вопрос о том, должен ли король Кристиан или какой-либо другой принц быть сувереном нового государства, был оставлен для будущего урегулирования. На это датские послы ответили, что даже при условии личного союза с Данией через корону они не могут согласиться на предоставление герцогствам полной независимости. Выдвинув свое

требование вследствие этого отказа и заявив, что война положила конец обязательствам, существующим по Лондонскому мирному договору 1852 года, две германские державы затем потребовали, чтобы Шлезвиг-Гольштейн был полностью отделен от Дании и образован в единое государство под руководством Фридриха Августенбургского, который в глазах Германии обладал наибольшими притязаниями на престолонаследие. Лорд Рассел, отрицая, что действия или бездействие Дании могут освободить Австрию и Пруссию от их обязательств, взятых с другими державами по Лондонскому мирному договору, признал, что продолжение союза герцогств с Данией вряд ли приведет к удовлетворительному результату, и предложил королю Кристиану полностью уступить Гольштейн и южную часть Шлезвига, сохранив за остальной частью полный суверенитет. Линию границы он предложил провести по реке Шлей. С этим принципом раздела согласились и Дания, и германские державы, но достичь соглашения о линии границы оказалось невозможным. Бернсторф, который сначала требовал почти весь Шлезвиг, смягчил свои требования и согласился бы с линией, проведенной на запад от Фленсбурга, таким образом, оставив Дании по меньшей мере половину провинции, включая важную позицию Дюппель. Условия, предложенные таким образом Дании, не были неблагоприятными. Гольштейн она не ожидала и едва ли могла желать сохранить; и территория, которая была бы отнята у нее в Шлезвиге в соответствии с этим соглашением, включала несколько районов, которые на самом деле не были немецкими. Но правительство Копенгагена, введенное в заблуждение поддержкой, оказанной ему на Конференции Англией и Россией - поддержкой, которая была только на словах, - отказалось уступить что-либо к северу от города Шлезвиг. Даже когда в качестве последнего средства лорд Рассел предложил урегулировать вопрос о границе арбитражным путем, датское правительство твердо придерживалось своего отказа и ради нескольких миль территории снова ввязалось в борьбу, которая, если бы не разгорелась широкомасштабная европейская война, могла закончиться только гибелью датчан. Ожидаемая помощь не пришла к ним. Атакованные и свергнутые на острове Альсен, с немецким флагом, перенесенным на северную оконечность их материка, они были вынуждены заключить мир на условиях своих врагов. Военные действия были прекращены подписанием Предварительных соглашений 1 августа; и по Венскому мирному договору, заключенному 30 октября 1864 года, король Кристиан уступил свои права на всю Шлезвиг-Гольштейн суверенам Австрии и Пруссии совместно и обязался признать любые распоряжения, которые они могли бы сделать в отношении этих провинций.

[Великобритания и Наполеон III.]

Британское правительство на протяжении всего этого конфликта играло жалкую роль, в один момент угрожая немцам, в другой используя по отношению к датчанам выражения, которые вполне могли быть восприняты как указание на намерение оказать им вооруженную поддержку. В какой-то степени ошибки Кабинета были вызваны отношениями, которые существовали между Великобританией и Наполеоном III. До этого времени и в Лондоне, и в Париже считалось, что у союзников в Крыму все еще были определенные общие интересы в Европе; и в неудачной интервенции в Санкт-Петербурге от имени Польши в 1863 году британское и французское правительства сначала шли рука об руку. Но за каждым шагом, открыто предпринимаемым Наполеоном III, существовал какой-то наполовину оформившийся план продвижения интересов его династии или расширения границ Франции; и если бы Англия согласилась поддержать дипломатический договор в Санкт-Петербурге силовыми мерами, она оказалась бы вовлеченной в войну, в которой первостепенными были бы другие цели, помимо тех, что касались Польши. Ближе к концу 1863 года Наполеон предложил созвать Европейский

конгресс, чтобы урегулировать не только дела Польши, но и все те европейские вопросы, которые оставались нерешенными. Это предложение было резко отклонено английским правительством; и когда в ходе датской войны лорд Пальмерстон проявил склонность взяться за оружие, если Франция сделает то же самое, Наполеон, вероятно, не пожалел о возможности отплатить Англии за ее отказ от его собственных предложений в предыдущем году. Более того, он надеялся добиться от Пруссии расширения французской границы либо в Бельгии, либо по направлению к Рейну.^[517] В ответ на предложения из Лондона Наполеон заявил, что дело Шлезвиг-Гольштейна в некоторой степени отражает принцип национальности, к которому Франция относится дружелюбно, и что из всех войн, в которых Франция могла бы участвовать, война с Германией была бы наименее желательной. Соответственно, Англия, если бы она взялась за оружие ради датчан, была бы вынуждена вступить в войну в одиночку; и хотя позже, когда война закончилась и победители собирались делить добычу, британский и французский флоты демонстративно объединились на маневрах в Шербуре, эта демонстрация союза никого не обманула, и меньше всего решительного и хорошо информированного директора по делам в Берлине. Силе, и только силе, уступил бы Бисмарк. Пальмерстон, уже доживающий до преклонных лет, позволил лорду Расселу спародировать свой собственный свирепый язык двадцатилетней давности; но весь мир, за исключением датчан, знал, что клыки и когти были обнажены и что британская внешняя политика на время превратилась в рычание и гримасы.

[Намерения Бисмарка относительно Шлезвиг-Гольштейна.]

Бисмарк поначалу не решался фактически присоединить Шлезвиг-Гольштейн к Пруссии. Он был бы доволен оставить его под номинальным суверенитетом Фридриха Августенбургского, если бы этот принц передал все военные и военно-морские ресурсы Шлезвиг-Гольштейна под контроль правительства Берлина и принял от имени своих герцогств условия, которые Бисмарк считал необходимыми для объединения Германии под руководством Пруссии. В гавани Киля было нетрудно распознать естественную штаб-квартиру будущего германского флота; узкая полоска суши, выступающая между двумя морями, естественно, предполагала образование канала, соединяющего Балтийское море с Германским океаном, и такое сооружение могло принадлежать только Германии в целом или ее ведущей державе. Более того, как пограничный район, Шлезвиг-Гольштейн был особенно подвержен нападениям извне; поэтому определенные стратегические позиции, необходимые для его обороны, должны были быть переданы его покровителю. То, что Пруссия объединила свои силы с Австрией, чтобы завоевать для жителей Шлезвиг-Гольштейна право управлять собой по своему усмотрению, должно было казаться Бисмарку предположением в высшей степени нелепым. Он встал на защиту герцогств не в интересах жителей, а в интересах Германии; и под Германией он понимал Германию с центром в Берлине, которой правил Дом Гогенцоллернов. Следовательно, если принц Августенбург не был готов принять свой трон на этих условиях, то для него не было места, и провинции должны были быть присоединены к самой Пруссии. Бисмарку, конечно, было хорошо известно, что Австрия не допустила бы, чтобы герцогства прямо или косвенно попали под власть Пруссии, без какой-либо компенсации; но это не вызвало у него никаких колебаний в его политике, и он с самого начала усмотрел в Шлезвиг-гольштейнском вопросе благоприятный предлог для войны, которая должна была вытеснить Австрию из Германии.

[Отношения Пруссии и Австрии, декабрь 1854 г.-август 1865 г.]

[Гаштайнская конвенция, 14 августа 1865 г.]

Едва был заключен мир с Данией, когда по просьбе Пруссии, неохотно поддержанной Австрией, саксонские и ганноверские войска, которые вошли в Гольштейн в соответствии с мандатами Федерального сейма, были вынуждены покинуть страну. Было создано Временное правительство под руководством австрийского и прусского уполномоченных. Бисмарк встречался с принцем Августенбургским в Берлине несколькими месяцами ранее и составил неблагоприятное мнение о политике, которую тот, вероятно, будет проводить по отношению к Пруссии. Однако вся Германия поддержала притязания принца, и на Лондонской конференции эти притязания были поддержаны самим прусским посланником. Чтобы придать некоторую видимость формальной законности своим собственным действиям, Бисмарк должен был добиться от королевских юристов Пруссии решения о том, что король Кристиан IX, вопреки общему мнению Германии, был законным наследником Шлезвиг-Гольштейна и что принц Августенбургский, следовательно, не имел никаких прав в герцогствах. Поскольку претензии Кристиана были переданы Венским мирным договором совместно суверенам Австрии и Пруссии, именно им оставалось решать, кто должен быть герцогом Шлезвиг-Гольштейнским и на каких условиях. Бисмарк объявил в Вене 22 февраля 1865 года об условиях, на которых он был согласен, чтобы два монарха передали Шлезвиг-Гольштейн Фридриху Августенбургскому. Он требовал, в дополнение к общности финансов, почтовой системы и железных дорог, чтобы в герцогствах были введены прусские законы, включая обязанность нести военную службу; чтобы их полки приносили присягу на верность королю Пруссии и чтобы их основные военные позиции занимали прусские войска. Эти условия сделали бы Шлезвиг-Гольштейн во всем, кроме названия, частью Прусского государства: они были отвергнуты как венским двором, так и самим принцем Фридрихом, и население Шлезвиг-Гольштейна почти единогласно высказалось против них. И Австрия, и Федеральный сейм теперь поддерживали жителей Шлезвиг-Гольштейна в том, что казалось борьбой за их независимость против прусского господства; и когда прусский комиссар в Шлезвиг-Гольштейне изгнал самых видных приверженцев Аугустенбурга, его австрийский коллега опубликовал протест, объявив этот акт незаконным насилием. Казалось, что начало войны между двумя соперничающими державами не могло быть отложено надолго; но Бисмарк в этом случае действовал слишком быстро для своего повелителя, и соображения, касающиеся других европейских держав, сделали целесообразным отложить разрыв на несколько месяцев. В Гаштайне было заключено соглашение, по которому, до окончательного урегулирования, управление двумя провинциями было разделено между их хозяевами: Австрия получила управление Гольштейном, Пруссия - Шлезвигом, в то время как небольшой округ Лауэнбург на юге был передан королю Вильгельму с полным суверенитетом. Таким образом, реальный конфликт между представителями двух соперничающих правительств в их объединенной штаб-квартире в Шлезвиг-Гольштейне был предотвращен; мир стал возможным по крайней мере еще на несколько месяцев; и Бисмарку был предоставлен перерыв, который все еще требовался для обучения своего Суверена политике крови и железа и для завершения его собственных договоренностей с врагами Австрии за пределами Германии. ^[518]

[Бисмарк в Биаррице, сентябрь 1865 г.]

Естественным союзником Пруссии была Италия; но без санкции Наполеона III. было бы трудно вовлечь Италию в новую войну. Следовательно, Бисмарку нужно было заручиться хотя бы пассивным согласием французского императора на союз Италии и Пруссии против Австрии. Он посетил Наполеона в Биаррице в сентябре 1865 года и вернулся с достигнутой целью своего путешествия. Переговоры в Биаррице, если их записать правдиво, вероятно, дали бы ключ ко

большей части европейской истории следующих пяти лет. Как и в Пломбьере, французский император действовал без своих министров, и то, о чем он просил, он просил без свидетелей. Это Бисмарк фактически пообещал Наполеону III. Бельгия или какая-либо часть Рейнских провинций в случае усиления Пруссии были им отвергнуты, что само по себе маловероятно. Но есть договоренности, которые оказываются договоренностями только с одной стороны; вежливость может быть истолкована неверно; и мир считал бы графа Бисмарка невыносимым, если бы на каждой дружеской встрече он был виновен в откровенности, с которой он сообщал австрийскому правительству, что центр его действий должен быть перенесен из Вены в Пеш. То, что Наполеон теперь замыслил расширение Франции на северо-восток, несомненно; вряд ли можно сомневаться в том, что Бисмарк относился к такому исправлению границы как к предмету соглашения; и если без четкого и письменного соглашения Наполеон довольствовался тем, что основывал свои действия на вере в то, что Бисмарк не откажет ему в награде, это только доказывало, насколько велико было несоответствие между целями, которые французский правитель позволял себе лелеять, и его мастерством в искусстве, с помощью которого только и можно было достичь этих целей. Наполеон желал видеть Италию во владении Венеции; вероятно, в то время он полагал, что Австрия не будет неравным соперником для Пруссии и Италии вместе взятых и что естественным результатом хорошо сбалансированной борьбы будет не только завершение итальянского союза, но и покупка французского нейтралитета или посредничество путем уступки германской территории к западу от Рейна. В обязанности графа Бисмарка не входило охлаждать пыл Наполеона или учить его политической мудрости. Прусский государственный деятель, возможно, покинул Биарриц с убеждением, что нападение на Германию рано или поздно последует за разочарованием тех надежд, которым он льстил и над которыми намеревался насмехаться; но в настоящее время он устранил одно опасное препятствие со своего пути, и перед ним открылся путь к итальянскому союзу, если сама Италия решит объединиться с ним в войне.

[Италия, 1862-65.]

После смерти Кавура итальянское правительство не добилось реального прогресса в достижении национальных целей - приобретении Рима и Венеции. Гарибальди, раздраженный задержкой, в 1862 году снова высадился на Сицилии и призвал своих сторонников выступить с ним в поход на Рим. Но Виктор Эммануил решительно осудил это предприятие, и когда Гарибальди переправился на материк, он обнаружил королевские войска перед собой в Аспромонте. Произошла перестрелка, и Гарибальди был ранен. С ним обращались с некоторым почетом, оказанным королевскому пленнику, и когда его рана зажила, он был освобожден из плена. Однако его предприятие и нескромные комментарии по этому поводу, сделанные Раттацци, который теперь был у власти, укрепили друзей папства в Тюильри и привели к падению итальянского министра. Его преемник Мингетти считал необходимым достичь некоторого временного взаимопонимания с Наполеоном по римскому вопросу. Присутствие французских войск в Риме оскорбляло национальные чувства и делало безнадежными любые попытки примирения между папским двором и итальянским правительством. Чтобы добиться вывода этого иностранного гарнизона, Мингетти был готов заключить соглашения, которые, казалось, почти подразумевали отказ от притязаний на Рим. По Соглашению, заключенному в сентябре 1864 года, итальянское правительство обязалось не нападать на территорию папы римского и силой противодействовать любому нападению на нее извне. Наполеон, со своей стороны, обязался постепенно вывести свои войска из Рима, поскольку папа должен был организовать свою собственную армию, и завершить эвакуацию в течение двух лет. Однако в

Статье, которую предполагалось сохранить в секрете, было оговорено, что столица Италии должна быть изменена, смысл этого условия заключался в том, что Флоренция должна получить достоинство, которое по общему согласию Италии должно было быть передано из Турина Риму, и только Риму. Публикация этой статьи, за которой последовали беспорядки в Турине, привела к немедленному падению кабинета Мингетти. Его сменил на этом посту генерал Ла Мармора, при котором были начаты переговоры с Пруссией, которые после долгой неопределенности привели к заключению союза 1866 года и окончательному изгнанию Австрии из Италии. ^[519]

[Мраморное море.]

[Беседа в Берлине, март 1866 г.]

[Мирный договор от 8 апреля 1856 г.]

Бисмарк с самого начала своего министерства, по-видимому, рассчитывал на объединение Италии и Пруссии против общего врага; но его планы созревали медленно. Весной 1865 года, когда дела в Шлезвиг-Гольштейне, казалось, достигли критической точки, первые серьезные попытки были сделаны прусским послом во Флоренции. Ла Мармора ответил, что любое определенное предложение привлечет пристальное внимание итальянского правительства, но что Италия не позволит превратить себя в простое орудие в руках Пруссии для устрашения Австрии. Такая осторожность была естественной и необходимой со стороны итальянского министра; и его сдержанность, казалось, была более чем оправдана, когда несколько месяцев спустя Гаштейнский мирный договор восстановил дружеские отношения Австрии и Пруссии. Теперь Ла Мармора вполне мог считать себя освобожденным от всех обязательств по отношению к Берлинскому двору: и, приступив к новой линии политики, он отправил посланника в Вену, чтобы выяснить, согласится ли император мирно уступить Венецию Италии в обмен на выплату очень крупной суммы денег и принятие Италией части австрийского государственного долга. Если бы эта сделка состоялась, она, вероятно, изменила бы ход европейской истории; однако император отказался уступить какую-либо часть своих владений и таким образом снова бросил Италию в лагерь своего великого врага. Тем временем споры о Шлезвиг-Гольштейне разгорелись с новой силой. Бисмарк возобновил свои усилия во Флоренции весной 1866 года, в результате чего генерал Говоне был направлен в Берлин для обсуждения с прусским министром политических и военных условий заключения союза. Но вместо того, чтобы предложить немедленные действия, Бисмарк заявил Говоне, что вопроса о Шлезвиг-Гольштейне недостаточно, чтобы оправдать большую войну в глазах Европы, и что необходимо выдвинуть лучшую причину, а именно реформу Федеральной системы Германии. Хитрые итальянцы снова поверили, что тревога Бисмарка по поводу войны с Австрией была притворной и что он искал их дружбы только как средства добиться от Венского двора согласия на аннексию Пруссией датских герцогств. Со стороны прусского государственного деятеля были очевидные усилия избежать вступления в какое-либо сражение, требующее немедленных действий; правда заключалась в том, что Бисмарк все еще находился в конфликте с миролюбивыми влияниями, окружавшими короля, и изо дня в день сомневался, действительно ли его повелитель последует за ним в военной политике. Поэтому он стремился поставить совместное применение оружия в зависимость от какого-нибудь будущего акта, такого как созыв германского парламента, от которого король Пруссии не смог бы отступить, если бы однажды зашел так далеко. Но итальянцы, по-видимому, не проникшие в истинную тайну колебаний Бисмарка, не удовлетворились бы таким неопределенным вступлением в бой; они

настаивали на действиях в течение ограниченного времени; и в конце концов, после того, как Австрия предприняла шаги, которые далеко продвинулись в преодолении последних сомнений короля Вильгельма, Бисмарк согласился установить три месяца в качестве предела, за пределы которого не должно простираться обязательство Италии сопровождать Пруссию в войне. 8 апреля был подписан Договор о наступательном и оборонительном союзе. Было решено, что если король Пруссии в течение трех месяцев возьмется за оружие для реформирования Федеральной системы Германии, Италия немедленно после начала военных действий объявит войну Австрии. Обе державы должны были вступить в войну всеми своими силами, и мир должен был быть заключен только по общему согласию, в такой согласии нельзя было отказать после того, как Австрия согласилась бы уступить Венецию Италии и территорию с равным населением Пруссии. ^[520]

[Бисмарк и Австрия, август 1865-апрель 1866 гг.]

С момента подписания Гастемской конвенции прошло восемь месяцев. Эксперимент по установлению взаимопонимания с Австрией, который король Вильгельм считал необходимым, был предпринят, и он провалился; или, скорее, как откровенно выразился Бисмарк, он увенчался успехом, поскольку излечил короля от его угрызений совести и поднял его до надлежащей степени негодования против австрийского двора. Участниками достижения этого счастливого результата были принц Аугустенбургский, население Гольштейна и Либеральная партия по всей Германии в целом. В Шлезвиге, который Гаштейнский конвент передал Пруссии, генерал Мантейфель, сын министра 1850 года, без промедления положил конец любому выражению общественного мнения и пригрозил заключить принца в тюрьму, если тот окажется в пределах его досягаемости; в Гольштейне австрийское правительство разрешило, если не поощряло, жителям агитировать в пользу претендента и разрешило провести массовый митинг в Альтоне 23 января, где были подняты крики "ура" в честь Аугустенбурга, и созвать сословия Аугустенбурга. Требовался Шлезвиг-Гольштейн. Этого было достаточно, чтобы Бисмарк осудил поведение Австрии как союз с революцией. Он потребовал объяснений от правительства Вены, но император отказался дать отчет в своих действиях. Теперь начались военные приготовления, и 16 марта австрийское правительство объявило, что оно должно передать дела Шлезвиг-Гольштейна на рассмотрение Федерального сейма. Это было явным отходом от условий Гаштайнской конвенции и от соглашения, заключенного между Австрией и Пруссией перед вступлением в войну с Данией в 1864 году, о том, что вопрос Шлезвиг-Гольштейна должен решаться двумя державами независимо от Германской федерации. Король Вильгельм был глубоко тронут таким нарушением добросовестности; слезы наполнили его глаза, когда он говорил о поведении австрийского императора; и хотя миролюбивые настроения все еще были активны вокруг него, теперь он начал более сердечно соглашаться с воинственной политикой своего министра. Спорный вопрос между Пруссией и Австрией расширился от простого распоряжения герцогствами до восстановления Федеральной системы Германии. В ноте, переданной правительствам всех второстепенных государств, Бисмарк заявил, что пришло время, когда Германия должна получить новую и более эффективную организацию, и поинтересовался, в какой степени Пруссия может рассчитывать на поддержку союзников, если на нее нападет Австрия или она будет вынуждена вступить в войну. Сразу же после этого возобновления всей проблемы Федеральной реформы в Германии Бисмарк и итальянский посланник довели проект Договора с Италией до окончательной формы и отправили его на утверждение министерству во Флоренции.

[Австрия предлагает Венецию, 5 мая.]

Теперь Бисмарку предстояло наилучшим образом использовать предоставленную ему трехмесячную отсрочку. На следующий день после принятия Договора итальянским правительством представитель Пруссии в франкфуртском сейме внес предложение о созыве германского парламента, который должен быть избран всеобщим голосованием. Исходящее от министра, который превратил парламентское правление в посмешище в Пруссии, это предложение едва ли рассматривалось как серьезное. Бавария, как глава второстепенных государств, уже выразила готовность приступить к обсуждению федеральной реформы, но попросила, чтобы две ведущие державы тем временем обязались не нападать друг на друга. Австрия немедленно откликнулась на эту просьбу и таким образом вынудила Бисмарка дать аналогичные гарантии. Затем был произведен обмен обещаниями о разоружении; но поскольку Австрия отказалась приостановить сбор своих войск в Венеции против Италии, Бисмарк смог обвинить своего противника в неискренности на переговорах, и обе стороны возобновили приготовления к войне. Однако теперь стали очевидны и другие трудности. Мирный договор между Пруссией и Италией был доведен до сведения Венского двора Наполеоном, к совету которого Ла Мармора обратился перед его заключением, и австрийский император, таким образом, осознал грозящую ему опасность. Теперь он был полон решимости пожертвовать Венецией, если бы таким образом можно было обеспечить нейтралитет Италии. 5 мая итальянский посол в Париже граф Нигра был проинформирован Наполеоном о том, что Австрия предложила уступить ему Венецию от имени Виктора Эммануила, если Франция и Италия не помешают Австрии возместить ущерб за счет Пруссии в Силезии. Без войны, ценой простого бездействия, Италии было предложено все, что она могла получить в результате борьбы, которая, вероятно, была отчаянной и могла закончиться катастрофой. Мраморное море пребывало в сильном замешательстве. Хотя он более справедливо оценивал возможности прусской армии, чем любой другой государственный деятель или солдат в Европе, он с большим подозрением относился к намерениям прусского правительства; и, санкционируя союз в предыдущем месяце, он сделал это, наполовину ожидая, что Бисмарк с помощью престижа этого союза добьется для Пруссии ее собственных целей, не вступая в войну, а затем предоставит Италии считаться с Австрией, насколько это возможно. Он с радостью отказался бы от союза и принял предложение Австрии, если бы Италия могла сделать это без позора. Но чувство чести было достаточно сильным, чтобы преодолеть это искушение. Он отклонил предложение, сделанное через Париж, и продолжил вооружение Италии, хотя все еще с тайной надеждой, что европейская дипломатия сможет найти средства для реализации целей его страны без войны. ^[521]

[Предложения для Конгресса.]

Нейтральные державы теперь, преследуя различные цели, активно выступали за созыв Европейского конгресса. Наполеон верил, что настало время, когда Договоры 1815 года могут быть окончательно аннулированы совместным актом Европы. Сам он был готов присоединиться к Пруссии с тремя сотнями тысяч человек, если король передаст Рейнские провинции Франции. От имени Тюильри к графу Бисмарку были предъявлены требования, прямые и косвенные, о большей или меньшей уступке территории. Эти требования не были ни удовлетворены, ни отклонены. Бисмарк медлил; он говорил об упрямстве короля, своего повелителя; он интересовался, не лучше ли будет частям Бельгии или Швейцарии ассимилироваться с Францией, чем немецкой провинции; он отпугнул представителей императора заверением, что

ему будет удобнее уладить эти вопросы с императором, когда он сам посетит Париж. 28 мая Франция, Англия и Россия совместно разослали приглашения на Конгресс, целями Которого были определены урегулирование дел Шлезвиг-Гольштейна, разногласия между Австрией и Италией и реформа Федеральной конституции Германии в той мере, в какой это касалось Европы в целом. Приглашение было принято Пруссией и Италией; оно было принято Австрией только при условии, что не должно обсуждаться никаких договоренностей, которые привели бы к увеличению территории или могущества одного из государств, приглашенных на Конгресс. Это тонко сформулированное условие на самом деле не исключало бы равного возвеличивания всех. Это не сделало бы невозможной передачу Венеции Италии или аннексию Шлезвиг-Гольштейна Пруссии; но это либо повлекло бы за собой сдачу Италией бывшей папской территории, чтобы владения Виктора Эммануила не увеличивались, либо, в качестве альтернативы, дало бы Австрии право претендовать на Силезию как на собственный эквивалент расширения Итальянского королевства. Такие оговорки сделали бы бесполезными любые усилия Держав по сохранению мира, и они были приняты как равносильные отказу Австрии присутствовать на Конгрессе. Одновременно со своим ответом нейтральным державам Австрия призвала Федеральный сейм взять дела Шлезвиг-Гольштейна в свои руки и созвала Гольштейнские поместья. Вслед за этим Бисмарк объявил о прекращении Гаштейнского съезда и приказал генералу Мантейфелю ввести свои войска в Гольштейн. Австрийский командующий, заявив, что он уступает только превосходящим силам, отступил через Альтону в Ганновер. Австрия немедленно потребовала от франкфуртского сейма мобилизации всех федеральных армий и добилась этого. Представитель Пруссии, заявив, что этот акт сейма положил конец существующему Федеративному союзу, представил план своего правительства по реорганизации Германии и покинул Франкфурт. Дипломатические отношения между Австрией и Пруссией были разорваны 12 июня, а 15-го граф Бисмарк потребовал от государей Ганновера, Саксонии и Гессен-Касселя, чтобы они в тот же день прекратили свои военные приготовления и приняли прусский план федеральной реформы. Получив отрицательные ответы, прусские войска немедленно вступили на эти территории, и началась война. Веймар, Мекленбург и другие мелкие государства на севере присоединились к Пруссии: вся остальная Германия присоединилась к Австрии. ^[522]

[Мнение Германии.]

Цель, к которой стремился Бисмарк, цель, которую он неуклонно ставил перед собой с момента вступления в должность министра, была достигнута; и, если его расчеты относительно численности прусской армии не ошибались, Австрия должна была, наконец, быть изгнана из Германской Федерации силой оружия. Но процесс, с помощью которого Бисмарк добился этого результата, настроил против него почти единодушное мнение Германии за пределами военных кругов самой Пруссии. Его последнее требование о созыве немецкого парламента было воспринято как простая комедия. Путеводной звездой его политики до сих пор были династические интересы Дома Гогенцоллернов; и теперь, когда немцы должны были быть втянуты в войну друг с другом, казалось, что реальной целью борьбы было не что иное, как присоединение датских герцогств и некоторых других желанных территорий к Прусскому королевству. Голос протеста и осуждения громко раздавался из всех органов общественного мнения. Даже в самой Пруссии было мало случаев, когда правительству оказывалась какая-либо спонтанная поддержка. Парламент Берлина, до конца боровшийся против всемогущего министра, был свидетелем судебного преследования своих членов за речи, произнесенные в его собственных стенах, и в конце концов был приостановлен, чтобы неповиновение не

помешало короне в минуту опасности. Но простое исчезновение парламента не могло скрыть той силы недоброжелательства, которую вызвали министр и его политика. Инициатор братоубийственной войны немцев против немцев был в глазах многих величайшим из всех преступников; и 7 мая молодым фанатиком была предпринята попытка лишить Бисмарка жизни на улицах Берлина. Министр был обязан сохранением своей жизни слабости оружия нападавшего и своей собственной сильной руке. Но неотвратимость опасности повлияла на короля Вильгельма гораздо больше, чем на самого Бисмарка. Это говорило его простому уму о сверхъестественной защите и помощи; это развеяло его сомнения; и укрепило его в вере, что в этот кризис Пруссия была инструментом для исполнения воли Всемогущего.

[Наполеон III.]

За несколько дней до начала военных действий император Наполеон обнародовал свой собственный взгляд на ситуацию в Европе. Он объяснял грядущую войну тремя причинами: ошибочными географическими границами прусского государства, стремлением к лучшей федеральной системе в Германии и необходимостью, которую ощущает итальянская нация в обеспечении своей независимости. Эти потребности, по его замыслу, должны были быть удовлетворены путем территориальной реорганизации на севере Германии, консолидации и приумножения Прусского королевства; путем создания более эффективного Федерального союза между второстепенными германскими государствами; и, наконец, путем присоединения Венеции к Италии, при этом позиции Австрии в Германии оставались неизменными. Только в том случае, если карта Европы будет изменена исключительно в интересах одной Великой державы, Франции потребуются расширение границ. Его интересы заключались в сохранении равновесия в Европе и в поддержании Итальянского королевства. Они уже были обеспечены договоренностями, которые не требовали от Франции обнажать меч; осторожный, но бескорыстный нейтралитет был политикой, которую ее правительство решило проводить. Наполеон фактически потерял всякий контроль над событиями и все шансы на завоевание Рейнских провинций с того момента, когда он позволил Италии вступить в прусский союз без какого-либо условия, что Франция должна быть по своему выбору принята в качестве третьего члена коалиции. Он не мог вступить в союз с Австрией против своего собственного творения, Итальянского королевства; с другой стороны, у него не было средств вымогать уступки у Пруссии, когда когда-то Пруссия была уверена в союзнике, который мог вывести на поле боя двести тысяч человек. Его дипломатия была успешной в той мере, в какой она завершила Венецию перед Италией в том, победит ли Пруссия или будет низвергнута, но в том, что касалось Франции, она поставила его в абсолютное бессилие. Он был не в состоянии действовать на одной стороне; он был нежелателен на другой. Нейтралитет стал вопросом не выбора, а необходимости; и до тех пор, пока ход военных событий не привел к возникновению какой-либо новой ситуации в Европе, Франция вполне могла сохранять бдительность, но вряд ли она могла заслужить признание за свою бескорыстную роль. ^[523]

[Ганновер и Гессен-Кассель завоеваны.]

[Богемская кампания, 26 июня- 3 июля.]

[Битва при Кенигграце, 3 июля.]

Защищенный от нападения со стороны Рейна, Бисмарк смог перебросить массу прусских войск на юг против Австрии, оставив на севере лишь скромный контингент, который был необходим

для преодоления сопротивления Ганновера и Гессен-Касселя. Благодаря стремительности прусского генерала, который нанес удар, не дожидаясь своих коллег, ганноверцы одержали победу при Лангенсальце 27 июня; но другие прусские полки прибыли на поле боя несколькими часами позже, и ганноверская армия была вынуждена капитулировать на следующий день. Королю удалось бежать в Австрию; курфюрст Гессен-Кассельский, которому повезло меньше, попал в военный плен. Северная Германия, таким образом, была быстро приведена к покорности, и всякая опасность отвлечения войск в пользу Австрии в этом районе исчезла. В Саксонии не было предпринято никаких попыток преградить путь наступающим пруссакам. Дрезден был занят без сопротивления, но саксонская армия своевременно двинулась на юг и присоединилась к австрийцам в Богемии. Прусские войска численностью около двухсот пятидесяти тысяч человек теперь собрались на саксонско-силезской границе, прикрывая линию от Пирны до Ландсхута. Они состояли из трех армий: первой, или центральной, армии под командованием принца Фридриха Карла, племянника короля; второй, или силезской, армии под командованием наследного принца; самой западной, известной как армия Эльбы, под командованием генерала Херварта фон Биттенфельда. Против них было выставлено примерно равное количество австрийцев во главе с Бенедекком, генералом, отличившимся в венгерской и итальянской кампаниях. Сначала считалось вероятным, что Бенедек, чьи силы располагались вокруг Ольмюца, вторгнется в Южную Силезию, и поэтому линия пруссии была протянута далеко на восток. Вскоре, однако, оказалось, что австрийцы не в состоянии перейти в наступление, и Бенедек двинулся на запад, в Богемию. Прусская линия обороны теперь была сокращена, и трем армиям был отдан приказ пересечь границу Богемии и сойтись в направлении города Гичин. Генерал Мольтке, начальник штаба, руководил их операциями из Берлина по телеграфу. Совместное наступление трех армий было проведено с необычайной точностью; и в серии ожесточенных боев, продолжавшихся с 26 по 29 июня, австрийцы были отброшены к своему центру, и между тремя вторгшимися частями была установлена эффективная связь. 30-го король Пруссии вместе с генералом Мольтке и графом Бисмарком покинул Берлин; 2 июля они находились в штаб-квартире в Гичине. В планы Бенедека входило оставить небольшой отряд для сдерживания силезской армии, а основную массу своей армии бросить на запад, на принца Фридриха Карла, и сокрушить его прежде, чем он сможет получить помощь от своих коллег. Этот план был сорван энергией атаки кронпринца и превосходством пруссаков в полководческом мастерстве, дисциплине их войск и вооружении, которое они носили; ибо, хотя австрийцы были свидетелями в датской кампании действия прусской винтовки, заряжающейся с казенной части, они не сочли необходимым брать на вооружение подобное оружие. Бенедек, хотя еще не было проведено ни одного крупного сражения, увидел, что кампания проиграна, и 1 июля написал императору письмо, рекомендуя ему заключить мир, поскольку в противном случае катастрофа была неизбежна. Затем он сосредоточил свою армию на возвышенности в нескольких милях к западу от Кенигграца и приготовился к оборонительному сражению самого грандиозного масштаба. Несмотря на потери прошлой недели, он все еще мог ввести в бой около двухсот тысяч человек. Теперь три прусские армии были достаточно близко друг к другу, чтобы объединиться в атаке, и в ночь на 2 июля король отдал приказ трем командующим выступить против Бенедека до рассвета. Принц Фредерик Карл, наступавший через деревню Садова, был первым на поле боя. В течение нескольких часов его дивизии вели неравную борьбу с собранными силами австрийцев. Прошел полдень; защитники теперь теснили нападавших; и уже начались приготовления к отступлению, когда пришло долгожданное сообщение о том, что наследный принц совсем близко. Натиск силезской армии справа от Бенедека, сопровождавшийся прибытием Херварта на другой конец

поля битвы, сразу же решил исход дня. Австрийский командующий с трудом удержал противника от захвата позиций, которые могли бы отрезать ему путь к отступлению. Он отступил на восток, за Эльбу, потеряв восемнадцать тысяч убитыми и ранеными и двадцать четыре тысячи пленными. Его армия была разгромлена, и через десять дней после того, как пруссаки перешли границу, война практически подошла к концу. ^[524]

[Битва при Кустоцце, 24 июня.]

[Посредничество Наполеона, 5 июля.]

[Предварительные переговоры в Никольсбурге, 26 июля.]

[Пражский мирный договор, 23 августа.]

Катастрофа при Кенигграце была слишком велика, чтобы ее можно было нейтрализовать успехом австрийских войск в Италии. Ла Мармора, отказавшийся от своего места во главе правительства, чтобы принять командование армией, переправился через Минчо во главе ста двадцати тысяч человек, но был разбит меньшим числом на роковой земле Кустоццы и вынужден отступить к Ольо. Этот проблеск успеха, за которым последовала морская победа при Лиссе у побережья Истрии, позволил австрийскому императору легче смириться с жертвами, которые теперь были неизбежны. Сразу после битвы при Кенигграце он призвал к посредничеству Наполеона III и уступил ему Венецию от имени Италии. Наполеон немедленно предложил свои добрые услуги воюющим сторонам и предложил перемирие. Его посредничество было в принципе принято королем или Пруссией, которые выразили готовность также заключить перемирие, как только предварительные условия мира будут признаны австрийским двором. Тем временем, пока шли переговоры между всеми четырьмя правительствами, пруссаки продвигались вперед до тех пор, пока их аванпосты не оказались в пределах видимости Вены. Если бы в соответствии с планом генерала Мольтке итальянские генералы перебросили корпус на северо-восток от истоков Адриатики и таким образом нанесли удар в самое сердце австрийской монархии, вполне возможно, что победители при Кенигграце могли бы навязать свои собственные условия, не обращая внимания на посредничество Наполеона, и, присоединив итальянский Тироль к владениям Виктора Эммануила, завершить объединение Германии под властью Дома Гогенцоллернов одним ударом. Но поскольку Венгрия все еще оставалась нетронутой, а итальянская армия была парализована разногласиями ее командиров, благоразумие подсказывало великому государственному деятелю Берлина довольствоваться преимуществами, которыми он мог воспользоваться, не затягивая войну и не рискуя перебросить Наполеона в лагерь врага. Сначала он потребовал в качестве условий мира, чтобы Пруссии была предоставлена свобода аннексировать Саксонию, Ганновер, Гессен-Кассель и другие северогерманские территории; чтобы Австрия полностью отошла от германских дел; и чтобы вся Германия, за вычетом австрийских провинций, была объединена в Федерацию под руководством Пруссии. Чтобы заручиться согласием Наполеона на эти условия, Бисмарк намекнул, что Франция могла бы по соглашению с Пруссией аннексировать Бельгию. Наполеон, однако, отказался согласиться на расширение господства Пруссии над всей Германией и представил контрпроект, который, в свою очередь, был отвергнут Бисмарком. В конце концов было решено, что Пруссии не следует препятствовать аннексии Ганновера, Нассау и Гессен-Касселя как завоеванной территории, лежащей между ее собственными Рейнскими провинциями и остальной частью королевства; что Австрия должна полностью отойти от дел Германии; что Германия к северу от Майна вместе с Саксонией должна

быть включена в Федерацию под руководством Пруссии; и что за государствами к югу от Майна должно быть сохранено право заключения какого-либо национального союза с Лигой Севера. Австрия избежала потери какой-либо из своих неитальянских территорий; ей также удалось сохранить существование Саксонии, которую, как и в 1815 году, прусское правительство больше всего стремилось аннексировать. Наполеон, ограничив Прусскую федерацию территорией к северу от Майна и обеспечив формальным условием в Договоре независимость Южных штатов, воображал, что он расколол Германию пополам и заложил основу Южногерманского союза, который должен был смотреть на Францию как на своего защитника. С другой стороны, Бисмарк своей аннексией Ганновера и соседних округов увеличил население Прусского королевства на четыре миллиона человек и предоставил ему непрерывную территорию; он вытеснил Австрию из германской системы; он добился ее согласия на Федеративный союз всей Германии к северу от Майна и, по крайней мере, сохранил открытым путь для последующего распространения этого союза на Южные государства. Предварительные условия мира, воплощающие эти условия и признающие суверенитет Пруссии в Шлезвиг-Гольштейне, были подписаны в Никольсбурге 26 июля и легли в основу окончательного мирного договора, который был заключен в Праге 23 августа. Иллюзорный пункт, добавленный по просьбе Наполеона, предусматривал, что, если население северных районов Шлезвига свободным голосованием выразит желание объединиться с Данией, эти районы должны быть переданы Датскому королевству. ^[525]

[Южногерманские государства.]

[Секретные договоры Южных государств с Пруссией.]

Бавария и юго-западные союзники Австрии, хотя их военные действия носили неэффективный характер, продолжали вооружаться в течение нескольких недель после битвы при Кенигграце, и приостановка военных действий, организованная в Никольсбурге, вступила в действие от их имени только 2 августа. До этой даты их силы были рассеяны, а мощь сопротивления сломлена прусскими генералами Фалькенштейном и Мантейфелем в серии незначительных столкновений и сложных маневров. Город Франкфурт, к которому Бисмарк, по-видимому, питал некоторую личную ненависть, некоторое время подвергался со стороны завоевателей необычайной и в высшей степени невежливой жестокости; в других отношениях действия прусского правительства по отношению к этим завоеванным государствам были не таковы, чтобы затруднять будущий союз и дружбу. Все южногерманские правительства, за единственным исключением Бадена, обратились к императору Наполеону за помощью в переговорах, которые они начали в Берлине. Но в тот самый момент, когда эта просьба была высказана и удовлетворена, Наполеон сам требовал от Бисмарка уступки Баварского Пфальца и гессенских округов к западу от Рейна. Бисмарку оставалось только ознакомить короля Баварии и южногерманских министров с замыслами их французского покровителя, чтобы примирить их с его собственной карающей, но не враждебной рукой. Величие объединенного Отечества вспыхнуло в умах, до сих пор недоступных никаким национальным идеалам, когда стало известно, что Наполеон ведет переговоры об Оппенгейме и Кайзерслаутерне. Были не только быстро урегулированы незначительные вопросы, касающиеся военных контрибуций, подлежащих выплате Пруссии, и обмена приграничными деревнями, но и посредством ряда секретных договоров все южногерманские государства заключили наступательный и оборонительный союз с прусским королем и обязались в случае войны предоставить все свои силы в его распоряжение и под его командование. Дипломатия Наполеона III. в конце концов,

это принесло Бисмарку едва ли не больше, чем сорвало его предыдущее вмешательство, поскольку оно сделало южногерманские дворы союзниками Пруссии не путем завоевания или простого принуждения, а из уважения к их собственным интересам. ^[526] Противники императорского правительства во Франции говорили, и без особого преувеличения, что все ошибки, которые только можно было совершить, были совершены Наполеоном III в течение 1866 года. Одно преступление, один акт безумия оставался открытым для критиков императора, чтобы втянуть его и Францию в конфликт с Державой, союз с которой он не смог предотвратить.

[Проекты компенсации Франции.]

До битвы при Кенигграце, по-видимому, все предложения французского императора, касающиеся приобретения Бельгии, были сделаны прусскому правительству через секретных агентов, и что на самом деле они были неизвестны или известны только понаслышке Бенедетти, французскому послу в Берлине. По словам принца Бисмарка, эти попытки начались еще в 1862 году, когда он сам был послом в Париже, и затем были сделаны устно и в личных записках для него самого; они были секретом нейтралитета Наполеона во время датской войны; и были возобновлены через родственников и доверенных агентов императора, когда стало ясно, что приближается борьба с Австрией. Неведение, в котором держали графа Бенедетти о частной дипломатии его господина, может до некоторой степени объяснить чрезвычайные противоречия между отчетами этого министра и принца Бисмарка о переговорах, которые велись между ними в период после кампании 1866 года, после того как Бенедетти самому было поручено представить требования французского правительства. В июне, когда посол все еще, как могло показаться, находился в неведении о том, что происходило за его спиной, он проинформировал французское министерство, что Бисмарк, озабоченный сохранением французского нейтралитета, намекнул на компенсации, которые могли бы быть предоставлены Франции, если Пруссия добьется большого успеха в предстоящей войне. Согласно докладу посла, сделанному в то время, граф Бисмарк заявил, что он предпочел бы уйти из общественной жизни, чем уступить Рейнские провинции с Кельном и Бонном, но что он считает возможным получить окончательное согласие короля на передачу прусского округа Трев на Верхнем Мозеле, который вместе с Люксембургом или частями Бельгии и Швейцарии даст Франции адекватное улучшение ее границы. Посол добавил в своем отчете, в качестве комментария, что граф Бисмарк был единственным человеком в королевстве, который был склонен к какой бы то ни было уступке прусской территории, и что единодушное и яростное отвращение к Франции будет вызвано малейшим признаком какого-либо намерения со стороны французского правительства расширить свои границы до Рейна. Он завершил свой доклад заявлением о том, что, выслушав предложения графа Бисмарка, он подвел итог обсуждению, не желая оставлять у прусского министра впечатление, что любой план, предусматривающий захват бельгийской или швейцарской территории, имеет малейший шанс быть серьезно рассмотренным в Париже. (4-8 июня.)

[Требование Рейнской территории, 25 июля- 7 августа 1866 г.]

[Бельгийский проект, 16-30 августа.]

Бенедетти, вероятно, написал эти последние слова с полной искренностью. Семь недель спустя, после урегулирования Предварительных вопросов в Никольсбурге, ему было приказано потребовать уступки Баварского Пфальца, части Гессен-Дармштадта к западу от Рейна, включая Майнц, и полосы прусской территории на Сааре, которая была оставлена Франции в

1814 году, но отнята у нее в 1815 году. Согласно заявлению принца Бисмарка, которое может показаться преувеличенным, это требование было выдвинуто Бенедетти в качестве ультиматума и с прямыми угрозами войны, на которые Бисмарк ответил языком равного насилия. В любом случае требование было безоговорочно отклонено, и Бенедетти отправился в Париж, чтобы описать, что произошло в прусском штабе. Его доклад произвел такое впечатление на императора, что требование уступок на Рейне было немедленно отклонено, а министр иностранных дел Друэн де Люи, который был склонен добиться этого с помощью оружия, был вынужден покинуть свой пост. Бенедетти вернулся в Берлин, и теперь там проходили переговоры, касающиеся Бельгии, о которых не только рассказы непосредственно заинтересованных лиц, но и документы, написанные в то время, оставляют так много странного и необъяснимого. Согласно Бенедетти, граф Бисмарк очень стремился расширить Германскую Федерацию к югу от Майна и желал с этой целью тесного союза по крайней мере с одной Великой державой. В первую очередь он заручился поддержкой Франции и предложил взамен способствовать захвату Бельгии. Переговоры, по словам Бенедетти, провалились, потому что император Наполеон потребовал, чтобы крепости на Юге Германии удерживались войсками соответствующих государств, которым они принадлежали, в то время как в то же время генералу Мантейфелю, отправленному из Берлина со специальной миссией в Санкт-Петербург, удалось заключить настолько тесный союз с Россией, что союз с Францией стал ненужным. Согласно встречному заявлению принца Бисмарка, предлагаемый теперь план был полностью разработан французским послом и был просто повторением предложений, которые делались Наполеоном в течение предыдущих четырех лет и которые впоследствии с интервалами возобновлялись секретными агентами почти до начала войны 1870 года. Принц Бисмарк заявил, что он медлил с этими предложениями только потому, что прямой отказ мог в любой момент вызвать начало войны между Францией и Пруссией, катастрофы, которую он до конца стремился предотвратить. В любом случае переговоры с Бенедетти ни к чему не привели и были прерваны отъездом обоих государственных деятелей из Берлина в начале осени. ^[527]

[Пруссия и Северная Германия после войны.]

Война 1866 года завершилась с необычайной быстротой; ее результаты были солидными и внушительными. Венеция, больше не смущенная своими республиканскими традициями или сомнениями в патриотизме Савойского дома, приготовилась приветствовать короля Виктора Эммануила; Бисмарк, вернувшийся с поля битвы при Кенигграце, обнаружил, что его прежняя непопулярность забыта в потоке национального энтузиазма, который вызвали его достижения и достижения армии. Началась новая эпоха; антагонизмы прошлого устарели; теперь перед прусским народом и его правителями стояла более благородная задача, чем увековечение бесплодной борьбы между короной и парламентом. Никто так открыто не выражал разрыв с прошлым, как сам Бисмарк; никто так горько не переживал его, как старая консервативная партия в Пруссии, которая до сих пор считала министра своим собственным представителем. Разрабатывая Конституцию Северогерманской федерации, Бисмарк оставался верен принципу, который он изложил во Франкфурте перед войной, а именно, что немецкий народ должен быть представлен парламентом, избираемым непосредственно самим народом. Присоединив Ганновер, Гессен-Кассель и Датские герцогства к Пруссии, он увидел, что будет невозможно склонить новое население к лояльному союзу с Пруссией, если правительство короля по-прежнему не признает никаких друзей, кроме земельной аристократии и армии. Он откровенно заявил, что действия Кабинета министров по повышению налогов без согласия парламента были незаконными, и потребовал принятия Акта о возмещении ущерба. Парламент Берлина

понял и приветствовал послание о примирении. Оно искренне простило прошлое и по собственной инициативе добавило имя Бисмарка к тем, за чьи заслуги перед государством король просил вознаграждения. Прогрессистская партия, составлявшая большинство в последнем парламенте, уступила место новому объединению, известному как Национал-либеральная партия, которая, придерживаясь прогрессистских убеждений во внутренних делах, проявляла верность внешней политике и политике Германии министра. Внутри этой партии многие способные люди, которые в Ганновере и на других аннексированных территориях были лидерами оппозиции своим собственным правительствам, теперь обрели больший размах и более успешную политическую карьеру. Более чем одному из коллег Бисмарка, которые были назначены на свои должности в годы конфликта, было разрешено уйти в отставку, а их места заняли люди, симпатизировавшие национал-либералам. С расширением Пруссии и установлением ее лидерства в германском федеральном союзе правитель Пруссии, казалось, сам превратился из инструмента военной монархии в представителя великой нации.

[Венгрия и Австрия, 1865.]

В Австрии битва при Кенигграце привела к урегулированию конфликта между короной и Венгрией. Конституция февраля 1861 года, которая, как мы надеялись, работала в первые годы своего существования, в конце концов пала из-за упорного отказа мадьяр признать власть единого парламента для всей монархии. В самом рейхсрате пример Венгрии воспринимался как разлагающая сила; поляки и чехи вышли из Собрания; министр Шмерлинг потерял свой авторитет и был вынужден уйти в отставку летом 1865 года. Вскоре после этого указ императора приостановил действие Конституции. Граф Белькреди, занявший пост вместо Шмерлинга, попытался достичь взаимопонимания с мадьярскими лидерами. Был созван венгерский сейм, который был открыт лично королем до конца года. Фрэнсис Джозеф объявил о своем отказе от принципа, согласно которому Венгрия утратила свои древние права в результате восстания, и попросил взамен, чтобы сейм не настаивал на признании законов 1848 года все еще действующими. Какой бы ни была формальная действительность этих законов, настаивал он, невозможно, чтобы они были введены в действие без изменений. Для общих дел двух половин монархии должна существовать какая-то общая власть. От сейма зависело достичь необходимого взаимопонимания с Государем по этому вопросу и поставить на удовлетворительную основу отношения Венгрии с Трансильванией и Хорватией. Как только должно было быть достигнуто соглашение по этим вопросам, Франциск Иосиф заявил, что завершит свое примирение с мадьярами, короновавшись королем Венгрии.

[Дик.]

В Собрании, к которому были обращены эти слова, большинство составляли люди умеренных взглядов под руководством Фрэнсиса Диака. Деак составил программу венгерских либералов на выборах 1847 года. В то время он, по-видимому, отличался редкими политическими способностями и простой мужественностью своего характера, способными сыграть большую, если не величайшую, роль в работе, которая тогда предстояла его стране. Но жестокость революционных методов была чужда его темпераменту. После службы в министерстве Баттьяни он отошел от общественной жизни с началом войны с Австрией и оставался на пенсии во время диктатуры Кошута и борьбы 1849 года. Как верный друг династии Габсбургов и дальновидный судья возможностей того времени, он стоял в стороне, пока Кошут свергал Монарха и провозглашал независимость Венгрии. В патриотизме и бескорыстии Деака никогда не было и

тени сомнения; особая политическая вера отделила его от лидеров, чье предприятие закончилось катастрофой, которую он предвидел, и сохранила для Венгрии одного государственного деятеля, который мог, не отрекаясь от своего собственного прошлого и не причиняя унижения Суверену, выступить посредником между Венгрией и Австрией, когда наступит время примирения. Деак был мало расположен смягчать что-либо из того, что он считал справедливыми требованиями своей страны. Именно под его руководством сейм в 1861 году отказался принять Конституцию, которая устанавливала единый парламент для всей монархии. Законодательную независимость Венгрии он был полон решимости любой ценой сохранить в неприкосновенности; вместо того чтобы отказаться от нее, он был готов в 1861 году добиться прекращения переговоров и восстановления военного правления. Но когда Франциск Иосиф, устав от шестнадцатилетней борьбы, еще раз обратился к Венгрии с просьбой о союзе и дружбе, не было человека, более искренне желавшего примирить Монарха с нацией и смягчить оппозицию предложениям короля, возникшую внутри самого сейма, чем Деак.

[Схема Венгерского комитета, 25 июня 1866 г.]

Под его влиянием был назначен комитет для выработки необходимой основы переговоров. 25 июня 1866 года Комитет представил свой отчет. Он выступил против любого парламентского союза с цис-лейтманской половиной монархии, но согласился на создание общих министерств войны, финансов и иностранных дел и рекомендовал, чтобы бюджет, необходимый для этих совместных министерств, был согласован делегациями венгерского сейма и западного рейхсрата. ^[528] Было предложено, чтобы делегации встретились отдельно и сообщили друг другу свои мнения в письменной форме. Только в тех случаях, когда таким образом не удавалось достичь согласия, делегации объединялись в единый орган, и в этом случае решение принималось абсолютным большинством голосов.

[Переговоры с Венгрией после Кенигграца.]

[Федерализм или дуализм.]

[Урегулирование по Бусту.]

[Коронация Франциска Иосифа, 8 июня 1867 г.]

Дебаты в сейме по предложениям короля Франциска Иосифа были долгими и тревожными; комитет представил свой отчет только в тот момент, когда разразилась война с Пруссией. В настоящее время работа сейма была приостановлена, но сразу же после битвы при Кенигграце венгерские лидеры были вызваны в Вену, и переговоры были продвинуты вперед по линии, установленной Комитетом. Для венского двора было немаловажным фактом, что в то время, как группы венгерских изгнанников готовились напасть на Империю как со стороны Силезии, так и со стороны Венеции, Деак и его друзья лояльно воздерживались от любых контактов с иностранными врагами Дома Габсбургов. То, что Венгрия теперь получит почти полную независимость, было несомненно; вопрос заключался не столько в том, должны ли быть независимые парламент и министерство в Пеште, сколько в том, не должны ли быть такие же независимые парламент и министерство на каждой из территорий Короны, чтобы австрийский суверен стал главой Федерации, а не главой единого или двуединого государства. Граф Белькреди, министр в Вене, был склонен к такой федеральной системе; однако теперь в Кабинете министров ему противостоял соперник, проводивший иную политику. После заключения мира с Пруссией император вызвал в Министерство иностранных дел графа

Бойста, который до сих пор возглавлял саксонское правительство и который был представителем Германской федерации на Лондонской конференции 1864 года. Буст, хотя и был готов предоставить венграм их независимость, выступал за сохранение существующего рейхсрата и единого министерства для всех цис-лейтманских частей монархии. Его план, который указывал на сохранение немецкого господства в западных провинциях и который глубоко оскорбил чехов и славянское население, был принят императором: Белькреди ушел в отставку, и Бойсту как президенту кабинета министров было поручено завершить урегулирование с Венгрией (7 февраля 1867 г.). До сих пор Деак оставлял главную роль в переговорах графу Андраши, одному из молодых патриотов 1848 года, который был приговорен к повешению и следующие десять лет прожил беженцем. Теперь он сам приехал в Вену и в течение нескольких дней устранил последние оставшиеся трудности. Король с благодарностью поручил ему формирование венгерского министерства в соответствии с восстановленной Конституцией, но Деак одинаково отказался от всех должностей, почестей и наград, и Андраши, который фактически был повешен в виде чучела, был поставлен во главе правительства. Парламент, который был вновь собран незадолго до конца 1866 года, с энтузиазмом приветствовал национальное министерство. Изменения в законах 1848 года, предложенные в соответствии с соглашением, заключенным в Вене, и предусматривающие создание трех общих министерств с системой делегирования полномочий по общим делам, были поддержаны подавляющим большинством голосов. ^[529] Отречение Фердинанда, которое на протяжении всей борьбы 1849 года Венгрия отказывалась признать, теперь было признано действительным, и 8 июня 1867 года Франциск Иосиф был коронован королем Венгрии под одобрительные возгласы Пеша. Денежный дар, который был сделан каждому венгерскому монарху в день его коронации, Франциск Иосиф по счастливому побуждению распределил среди семей тех, кто пал в борьбе против него в 1849 году. Была объявлена всеобщая амнистия, при этом не было выдвинуто никаких условий для возвращения изгнанников, кроме того, что они должны были признать существующую Конституцию. Один Кошут отказался возвращаться в свою страну до тех пор, пока ее королем будет Габсбург, и гордо цеплялся за идеи, которые уже были идеями прошлого.

[Венгрия с 1867 года.]

Победа мадьяр действительно была, но слишком полной. Венгерские переговорщики не только настолько превзошли Буста и представителей западной половины монархии, что при распределении финансового бремени империи Венгрии досталась слишком малая доля, но и в более важной проблеме отношения славянского и румынского населения Венгерского королевства к господствующей расе не было предпринято адекватных шагов для защиты этих подвластных национальностей. То, что Хорватия и Трансильвания должны были воссоединиться с Венгрией, если император и мадьяры когда-либо хотели помириться, было неизбежно; и в случае с Хорватией, без сомнения, были выдвинуты определенные условия и гарантированы определенные местные права. Но в целом немадьярские народы Венгрии были переданы на усмотрение правящей расы. Требование Бисмарка о переносе центра тяжести австрийских государств из Вены в Пешт действительно было выполнено. В то время как в западной половине монархии центральная власть, по-прежнему представленная единым парламентом, в последующие годы, казалось, полностью утратила свою сплоченность, а политическая жизнь Австрии превратилась в череду отвлекающих осложнений, в Венгрии мадьярское правительство решительно поставило перед собой задачу объединить в одно целое национальности, которыми оно управляло. Соединяя характерные недостатки с

замечательными качествами расы, отмеченной Природой и древней привычкой к господству над более многочисленными, но менее агрессивными соседями, мадьяры неуклонно стремились в меру своих сил стереть различия, которые в действительности делают Венгрию не одной, а несколькими нациями. Они железной хваткой удерживали славянское и румынское население в пределах своих границ, но не завоевали их расположения. Память о российской интервенции в 1849 году и о роли, которую тогда сыграли сербы, хорваты и румыны в подавлении независимости Венгрии, ослепила победителей к справедливым притязаниям этих рас как внутри венгерского королевства, так и за его пределами, и привязала их симпатии к ненавистной и изношенной турецкой империи. Но индивидуальность народов не должна быть стерта в один день; и при всем своем поразительном прогрессе в богатстве, цивилизации и военной мощи мадьярское государство также не смогло освободиться от чувства незащищенности, возникающего из-за присутствия независимых сообществ на его непосредственных границах, принадлежащих к той же расе, что и те, чей язык и национальность оно стремится подавить.

ГЛАВА XXIV.

Наполеон III.-Мексиканская экспедиция-Уход французов и смерть Максимилиана-Люксембургский вопрос-Раздражение Франции против Пруссии-Австрия-Италия-Ментана-Германия после 1866 года-Кандидатура Леопольда Гогенцоллерна в Испании-Французская декларация-Бенедетти и король Вильгельм-Уход Леопольда и требование гарантий-Телеграмма из Эмса-Война-Ожидаемые союзы Франции-Австрия-Италия- Прусские планы-Французская армия-Причины неполноценности Франции- Вайсенбург-Верт-Шпихерен-Борни-Марс-ла- Тур-Гравелот-Седан- Республика, провозглашенная в Париже-Фавр и Бисмарк-Осада Парижа-Гамбетта в Туре-Армия Луары-Падение Меца-Бои под Орлеаном-Вылазка Шампиньи-Армии Севера, Луары, Востока-Гибель Бурбаки-Капитуляция Парижа и перемирие- Предварительные условия мира-Германия-Создание Германской империи-Парижская коммуна-Вторая осада-Последствия войны для России и Италии-Рим.

[Наполеон III.]

Репутация Наполеона III. возможно, в конце первых десяти лет его правления была на пике. Его победы над Россией и Австрией польстили военной гордости Франции; прилив коммерческого процветания свидетельствовал, как казалось, о благословениях правительства, одновременно

твердого и просвещенного; реконструкция Парижа ослепила поколение, привыкшее к убогому виду Лондона и других столиц до 1850 года и едва ли осознававшее наличие или отсутствие настоящей красоты и достоинства там, где оно видело простор и блеск. Политические ошибки Наполеона, изменчивость и непоследовательность его замыслов, его непонимание реальности, его абсолютная личная несостоятельность как администратора были известны немногим, но они не были продемонстрированы миру в целом. Он совершил несколько великих дел, но ни в чем не потерпел явной неудачи. Если бы его правление закончилось до 1863 года, он, вероятно, оставил бы после себя в народной памяти имя великого правителя. Но с этого времени его удача побледнела. Отражение его вмешательства от имени Польши в 1863 году российским двором, его раздражительное или просчитанное бездействие во время Датской войны следующего года показали, что ошибались те, кто воображал, что император всегда должен осуществлять контрольную власть в Европе. Во время событий, которые стали первым этапом консолидации Германии, его политика представляла собой череду ошибок. Одновременно с провалом его европейских планов предприятие, которое он предпринял за Атлантикой и которое серьезно ослабило его ресурсы в то время, когда только сосредоточенная сила могла повлиять на европейские дела, закончилось трагедией и позором.

[Мексиканский проект.]

В Наполеоне III как государственном человеке были две личности, два ментальных существования, которые сочетались, но плохо сочетались друг с другом. Был созерцатель великих человеческих сил, умный, хотя и не очень проницательный читатель знамений времени, человек, переживший долгие годы заключения и изгнания, дитя Европы, которому Германия, Италия и Англия, в свою очередь, были ближе, чем его собственная страна; и был коронованный авантюрист, обязанный своим именем и положением приобрести для Франции то, чего у нее не было, и рассматривать величие любой другой нации как препятствие на пути к господству своей собственной. Наполеон правильно оценил принцип национальности как доминирующую силу в ближайшем будущем Европы. Он видел в Италии и Германии расы, внутренние разногласия которых сами по себе мешали им быть грозными соперниками Франции, и все же он помог одной нации осуществить ее объединение и был не прочь, в определенных пределах, способствовать консолидации другой. То, что приобретение Ниццы и Савойи и даже Рейнских провинций само по себе не могло компенсировать Франции создание двух великих наций на ее непосредственных границах, Наполеон, должно быть, хорошо понимал: он стремился продвинуть принцип агломерации еще дальше в интересах самой Франции и сформировать некий моральный, если не политический союз латинских наций, который охватил бы под его собственным влиянием сообщества за Атлантикой, а также сообщества Старого Света. Именно с этим намерением в 1862 году он использовал финансовые махинации Мексики в качестве предлога для экспедиции в эту страну, целью которой было свергнуть местное республиканское правительство и посадить на трон Максимилиана Габсбурга в качестве вассального принца. Англия и Испания сначала согласились объединиться с Францией в удовлетворении требований европейских кредиторов Мексики; но как только Наполеон обнародовал свои истинные намерения, эти державы отвели свои войска, и император был предоставлен самому себе для осуществления своих планов.

[Мексиканская экспедиция, 1862-1865 гг.]

[Наполеон вынужден отступить, 1866-7 гг.]

[Падение и смерть Максимилиана.]

Замысел Наполеона установить французское влияние в Мексике был связан с его попыткой расколоть Соединенные Штаты путем установления независимости Южной Конфедерации, находившейся в то время в состоянии восстания, при посредничестве Великих держав Европы. Пока длилась Гражданская война в Соединенных Штатах, казалось вероятным, что предприятие Наполеона в Мексике будет успешным. Максимилиан был возведен на трон, а лидер республиканцев Хуарес был изгнан на крайний север страны. Но со свержением Южной Конфедерации и восстановлением мира в Соединенных Штатах в 1865 году перспектива полностью изменилась. Правительство Вашингтона отказалось признавать какую-либо власть в Мексике, кроме власти Хуареса, и в вежливых выражениях сообщило Наполеону, что его войска должны быть выведены. Наполеон обязал себя по Договору держать двадцать пять тысяч человек в Мексике для защиты Максимилиана. Однако он был не в состоянии бросить вызов приказу Соединенных Штатов. В начале 1866 года он ознакомил Максимилиана с необходимостью сложившейся ситуации и с приближающимся устранением силы, которая единственная возвела его на трон и могла удержать на нем. Несчастный принц послал свою супругу, дочь бельгийского короля, в Европу, чтобы она осудила этот акт дезертирства; но ее усилия были тщетны, и ее рассудок дрогнул под справедливым предчувствием гибели ее мужа. Самое большее, на что мог отважиться Наполеон, - это отложить отзыв своих войск до весны 1867 года. Он убеждал Максимилиана отречься от престола, пока не стало слишком поздно; но принц отказался отмежеваться от своих советников, которые все еще умоляли его остаться. Тем временем юристы отступали к столице с севера и юга. Когда французские отряды были отведены к побережью, вся страна оказалась в их руках. Последние французские солдаты покинули Мексику в начале марта 1867 года, а 15 мая Максимилиан, все еще остававшийся в Керетаро, был взят в плен республиканцами. Находясь у власти, он сам распорядился, чтобы с партизанами Хуареса обращались не как с солдатами, а как с разбойниками, и чтобы в случае поимки они предстали перед военным трибуналом и были казнены в течение двадцати четырех часов. Та же суровость была применена к нему самому. Он был приговорен к смертной казни и расстрелян в Керетаро 19 июня.

[Падение репутации Наполеона.]

Так закончилась попытка Наполеона III. установить влияние Франции и своей династии за морями. Гибель Максимилиана возбудила сострадание Европы; глубокая, непоправимая рана была нанесена репутации человека, который соблазнил его взойти на его вероломный трон, который гарантировал ему защиту и по приказу высшей силы бросил его на погибель. С этого времени, хотя внешнее величие империи не уменьшилось, от личного престижа, которым Наполеон когда-то пользовался в такой большой степени, почти ничего не осталось. В глазах Европы или своей собственной страны он больше не был глубоким, самодостаточным государственным деятелем, в мозгу которого лежал секрет грядущих событий; он был скорее игроком, от которого готовилась отвернуться фортуна, узурпатором, дрожащим за будущее своей династии и своей короны. Преждевременная старость и изматывающие телесные недуги начали лишать его способности к самосовершенствованию. Он стремился ослабить поводья, которыми его деспотизм удерживал Францию, и пойти на компромисс с общественным мнением, которое теперь выступало против него. И хотя его собственное хладнокровие не придавало большого значения присоединению к Франции пограничных полос чужой территории, и он, вероятно, был бы рад провести остаток своего правления в безмятежном

бездействию, он счел необходимым, после того как неудача в Мексике стала неизбежной, искать в Европе некоторого удовлетворения для уязвленной гордости своей страны. Он вступил в переговоры с королем Голландии об уступке Люксембурга и получил его согласие, когда слухи о сделке достигли северогерманской прессы, и проект вышел из-под контроля дипломатов и стал делом соперничающих наций.

[Люксембургский вопрос, февраль-май 1867 г.]

Люксембург, который был независимым герцогством, управляемым королем Голландии, до 1866 года входил в состав Германской федерации; и хотя Бисмарк не пытался включить его в свой собственный Северогерманский союз, Пруссия сохранила за собой по Договорам 1815 года право размещать гарнизон в крепости Люксембург, и фактически там находились ее войска. Предлагаемая передача герцогства Франции вызвала взрыв патриотического негодования в Федеральном парламенте в Берлине. Население Люксембурга действительно не было полностью немецким, и оно проявляло сильнейшее нежелание вступать в северогерманский союз; но связь герцогства с Германией в прошлом была достаточно тесной, чтобы объяснить возмущение, вызванное проектом Наполеона среди политиков, которые и не подозревали, что в течение предыдущего года сам Бисмарк горячо рекомендовал эту аннексию и что до последнего момента он был посвящен в план императора. Прусский министр, хотя и не делал вид, что разделяет чувства своих соотечественников, заявил, что на его политику в отношении Люксембурга должно влиять мнение Федерального парламента, и вскоре после этого он дал понять в Париже, что присоединение герцогства к Франции невозможно. В качестве предупреждения Франции он уже опубликовал Союзные договоры между Пруссией и южногерманскими государствами, которые были заключены по окончании войны 1866 года, но до сих пор держались в секрете. ^[530] Другие державы теперь начали предлагать свои добрые услуги. Граф Бойст от имени Австрии предложил объединить Люксембург с Бельгией, которая, в свою очередь, должна уступить небольшой округ Франции. Это соглашение, которое было бы принято в Берлине и которое, успокоив раздражение, вызванное успехами Пруссии во Франции, возможно, предотвратило бы войну 1870 года, было сорвано отказом короля Бельгии расстаться с какой-либо частью своей территории - Наполеон, отказавшись от всякого желания территориального расширения, теперь просил только о выводе прусского гарнизона из Люксембурга; но было известно, что он был полон решимости добиться выполнения этого требования оружием. Российское правительство предложило, чтобы этот вопрос был решен Конференцией держав в Лондоне. Это предложение было принято на определенных условиях Францией и Пруссией, и Конференция собралась 7 мая. Его обсуждения были завершены через четыре дня, и результаты были подведены в Лондонском договоре, подписанном 11-го. По этому договору герцогство Люксембург было объявлено нейтральной территорией под коллективную гарантию Держав. Пруссия вывела свой гарнизон, и король Голландии, который продолжал оставаться сувереном герцогства, обязался снести укрепления Люксембурга и сохранить его в будущем как открытый город. ^[531]

[Раздражение Франции против Пруссии.]

Из политиков Франции те, кто даже делал вид, что относится к усилению Пруссии и объединению Северной Германии с безразличием или удовлетворением, составляли незначительное меньшинство. Среди них был император, который после того, как его попытки заполучить Рейнскую провинцию потерпели неудачу, попытался доказать в тщательно

разработанном Государственном документе, что Франция выиграла больше, чем потеряла, ликвидировав Германскую Федерацию, созданную в 1815 году, и разорвав узы, которые связывали Австрию и Пруссию вместе как членов этого объединения. События 1866 года, утверждал он, разрушили систему, разработанную в недоброе время с целью объединения Центральной Европы против Франции, и вернули Континенту свободу союзов; другими словами, они позволили южногерманским государствам соединиться с Францией. Если император действительно питал эту иллюзию, то она была грубо развеяна обнаружением Договоров между Пруссией и Южными штатами и их публикацией весной 1867 года. Но это откровение не было необходимым для того, чтобы определить позицию подавляющего большинства тех, кто считался представителями независимого политического мнения во Франции. Министры действительно все еще были вынуждены подражать оптимизму императора, и несколько просвещенных людей среди оппозиции понимали, что Франция должна быть довольна тем, что немцы добиваются своего национального единства; но большая часть неофициальных политиков, к какой бы партии они ни принадлежали, присоединилась к горькому протесту, поднятому сразу же против агрессивного правительства Пруссии и слабой администрации в Париже, которая не нашла средств предотвратить успехи Пруссии или фактически способствовала им. Тьер, который больше, чем кто-либо другой, своими трудами популяризировал легенду о Наполеоне и приучил французов считать себя обладателями монополии на национальное величие на Рейне, был самым суровым критиком императора, самым рьяным обличителем работы, проделанной Бисмарком. Только с большим основанием прусское правительство ожидало нападения Франции в более раннее или позднее время как почти неизбежного и настаивало на военной организации, которая должна была дать Германии армию неслыханной эффективности и силы.

[Франция и Пруссия после 1867 г.]

По-видимому, нет никаких доказательств того, что Наполеон III. он сам желал напасть на Пруссию до тех пор, пока эта Держава будет строго соблюдать положения Пражского мирного договора, который предусматривал независимость южногерманских государств. Но ход событий непреодолимо подталкивал Германию к единству. Тот самый договор, который сделал реку Майн границей Северогерманской конфедерации, оставлял за Южными штатами право присоединяться к Северным тем или иным национальным узам. Если французский император не был полон решимости согласиться с постепенным развитием этого федерального единства до тех пор, пока, по мнению иностранца, Север и Юг Германии не станут единым целым, у него не могло быть твердой надежды на прочный мир. Таким образом, предвидеть и принять будущее, раз и навсегда рассеять бессонные страхи Пруссии путем откровенного признания ее права обеспечить всей Германии эффективный Союз, было бы поступком слишком великим и слишком мудрым в действительности, слишком слабым и самоотверженным внешне для любого вождя соперничающей нации. Наполеон не пошел по этому пути; с другой стороны, не желая нападать на Пруссию, пока она оставалась в рамках Пражского мирного договора, он воздерживался от поиска союзов с целью немедленных и агрессивных действий. Дипломатия императора в период с 1866 по 1870 год действительно все еще недостаточно известна; но, по-видимому, его усилия были направлены только на формирование союзов с целью возможных действий, когда Пруссия перейдет границы, которые сам император или общественное мнение в Париже должны были, как толкователь Пражского мирного договора, налагать на эту Державу в ее отношениях с южногерманскими государствами.

[Переговоры с Австрией, 1868-69.]

Правительствами, к которым Наполеон мог обратиться за некоторой поддержкой, были правительства Австрии и Италии. Граф Бойст, ныне канцлер австрийской монархии, был непримиримым врагом Пруссии и опрометчивым и авантюрным политиком, которому само обстоятельство его внезапного возвышения из мелкой сферы саксонской политики придавало определенное легкомыслие и раскованность в ведении великих дел. Он лелеял идею восстановления господства Австрии в Германии и был склонен воспрепятствовать распространению российского влияния на запад, смело поощряя поляков искать удовлетворения своих национальных надежд в Галиции под властью короны Габсбургов. Для графа Бойста Франция была самым естественным из всех союзников. С другой стороны, сама система, которую Бойст помог установить в Венгрии, создавала серьезные препятствия для проведения его собственной политики. Андраши, венгерский министр, разделяя враждебность Бойста к России, заявил, что его соотечественники не заинтересованы в восстановлении связей Австрии с Германией, и на самом деле им было бы лучше без этого. В этих условиях переговоры французского и австрийского императоров велись путем частной переписки. Обмен письмами продолжался в течение 1868 и 1869 годов и привел к обещанию Наполеона поддержать Австрию, если на нее нападет Пруссия, в то время как император Франциск Иосиф пообещал помочь Франции, если на нее нападут Пруссия и Россия вместе. Никакого договора заключено не было, но два императора обменялись общими заверениями в том, что они будут проводить общую политику и относиться к интересам друг друга как к своим собственным. С целью установления более тесного взаимопонимания эрцгерцог Альбрехт посетил Париж в феврале 1870 года, а французский генерал был направлен в Вену для разработки плана кампании на случай войны с Пруссией. Предполагалось, что в такой войне, если бы ее предприняли две державы, к ним присоединилась бы Италия. ^[532]

[Италия после 1866 г.]

[Ментана, 3 ноября 1867 г.]

Союз 1866 года между Пруссией и Италией оставил после себя в каждом из этих государств больше злобы, чем доброй воли. Отношения Ла Мармори с Берлином с самого начала и до конца были неудачными. Он вступил в союз с подозрением; он был бы рад, если бы Европейский конгресс передал Венецию Италии без войны; и когда начались военные действия, он проигнорировал и возмущился тому, что он считал попыткой прусского правительства диктовать ему военные меры, которые необходимо было предпринять. С другой стороны, пруссаки обвинили итальянское правительство в том, что оно намеренно сдерживало свои войска после битвы при Кустоцце в соответствии с договоренностями, достигнутыми между Наполеоном и австрийским императором о добровольной уступке Венеции, и в том, что поставило под угрозу или свело к минимуму успех Пруссии, позволив австрийцам перебросить большую часть своих итальянских сил на север. Между итальянской и прусской армиями не было ничего от того товарищества, которое приобретает на поле боя. Личные симпатии Виктора Эммануила были сильно на стороне французского императора; и когда в конце 1866 года французский гарнизон был выведен из Рима во исполнение конвенции, заключенной в сентябре 1864 года, казалось вероятным, что Франция и Италия вскоре могут объединиться в тесный союз. Но в следующем году попытки гарибальдийцев свергнуть папское правительство, оставшееся теперь без своих иностранных защитников, поссорили Наполеона и итальянский

народ. Наполеон не смог бросить вызов клерикальной партии во Франции; он использовал язык угроз в своих контактах с итальянским кабинетом министров; и когда осенью 1867 года гарибальдийцы фактически вторглись в Римские государства, он направил отряд французских войск под командованием генерала Файи действовать в поддержку папы римского. 3 ноября в Ментане произошло столкновение, в ходе которого гарибальдийцы, разгромив папские войска, были обращены в бегство генералом Файли. Оккупация Чивита-Веккии была возобновлена, и в ходе дебатов, развернувшихся в Париже по поводу итальянской политики правительства, премьер-министр месье Руэ с самым страстным акцентом заявил, что, что бы ни случилось, Италия никогда не должна овладеть Римом. "Никогда, - воскликнул он, - Франция не потерпит такого надругательства над своей честью и достоинством". ^[533]

[Наполеон и Италия после Ментаны.]

[Италия и Австрия.]

Дело Ментаны, наглые и бессердечные формулировки, в которых генерал Файли объявил о своем успехе, повторная оккупация римской территории французскими войсками и заявление, сделанное М. Руэром во Французской ассамблее, вызвали широкий и глубокий гнев в Италии и сделали покончить на время со всякой возможностью заключения союза с Францией. С точки зрения Италии, Наполеон действительно находился в неблагоприятном положении. Покинув Рим, он обратил бы против себя и своей династии весь клерикальный интерес во Франции, доверия к которой он уже в некоторой степени лишился своей политикой в 1860 году; с другой стороны, с его стороны было тщетно надеяться на дружбу Италии, пока он продолжал преграждать путь к осуществлению всеобщего национального желания. С целью достижения какого-либо компромисса он предложил Европейскую конференцию по римскому вопросу; но этому воспротивился прежде всего граф Бисмарк, в интересах которого было держать рану открытой; и ни Англия, ни Россия не проявили ни малейшего желания помочь покровителю папы выйти из его затруднений. В переписке с Виктором Эммануилом в 1868 и 1869 годах Наполеон пытался проложить путь к оборонительному союзу; но Виктор Эммануил был как на самом деле, так и номинально конституционным королем и, вероятно, не смог бы, даже если бы захотел, обязать Италию выполнять обязательства, не одобренные министерством и парламентом. Наполеону было ясно дано понять, что эвакуация Папской области должна предшествовать любому союзному договору между Францией и Италией. Удовлетворилось бы итальянское правительство возвратом к условиям Сентябрьской конвенции или же фактическое овладение Римом стало бы ценой заключения мирного договора, неизвестно; но поскольку Наполеон в настоящее время не был готов эвакуировать Чивита-Веккью, он не мог стремиться ни к чему большему, как к какому-нибудь возможному соглашению, когда существующие трудности были бы устранены. Венский двор теперь стал посредником между двумя державами, объединившимися против него в 1859 году. Граф Бойст был свободен от ассоциаций, которые делали невозможным любой подход к дружбе с королевством Виктора Эммануила для его предшественников. Он вступил в переговоры во Флоренции, результатом которых стало заключение соглашения между австрийским и итальянским правительствами о том, что они будут действовать сообща и гарантировать территории друг друга в случае войны между Францией и Пруссией. Это соглашение было заключено с согласия императора Наполеона и понималось как подготовительное к соглашению с самой Францией; но оно носило ограниченный оборонительный характер и подразумевало, что любое возможное соглашение с

Францией должно быть организовано двумя державами в сочетании друг с другом. [534]

[Изоляция Франции.]

Таким образом, в начале 1870 года император Наполеон не имел более определенных гарантий поддержки в войне с Пруссией, чем обещание австрийского монарха, что он окажет помощь Франции в случае совместного нападения Пруссии и России, и что он будет относиться к интересам Франции как к своим собственным. Лишившись своего покровительства со стороны Рима, Наполеон, несомненно, имел неплохие шансы превратить это призрачное и отдаленное сражение в оборонительный союз как с Австрией, так и с Италией. Но совершенная ясность и решимость цели, а также неуклонное недопущение всех ссор из-за простых инцидентов были абсолютно необходимы для создания и применения такого союза против Силы, которую только и можно было иметь в виду; и у Пруссии теперь было мало оснований опасаться любого подобного проявления государственной мудрости со стороны Наполеона. Решение римского вопроса, другими словами, вывод французского гарнизона с римской территории, могло быть вызвано только каким-то более сильным стимулом, чем тот, который могли теперь обеспечить слабеющие силы собственного разума и воли Наполеона. Эта роковая проблема сводила на нет его попытки заключить союзы; и все же изоляция Франции была лишь наполовину признана, но и наполовину понята; и множество опрометчивых, тщеславных душ нетерпеливо ожидали часа, который призвал бы их отомстить Пруссии за триумфы, в которых она не позволила Франции участвовать.

[Германия, 1867-1870.]

Тем временем с другой стороны граф Бисмарк продвинулся в том, что было наиболее важным в его отношениях с государствами Южной Германии - в завершении Союзных договоров конвенциями, ассимилирующими военные системы этих государств с военными системами Пруссии. Для всей Германии был создан Таможенный парламент, который, как надеялись, станет предшественником Национального собрания, объединяющего Север и Юг Майна. Но, несмотря на это военное и коммерческое сближение, продвижение к союзу не было ни таким быстрым, ни таким гладким, как того могли желать патриоты Севера. В суровости и самоутверждении прусского характера было много такого, что отталкивало менее дисциплинированные сообщества Юга. Ультрамонтанизм был силен в Баварии; и во всех малых государствах наиболее продвинутые либералы были против более тесного союза с Берлином из-за неприязни к его абсолютистским традициям и тяжелой руке его правительства. Таким образом, тенденция, известная как партикуляризм, поддерживалась в Баварии и Вюртемберге классами населения, которые в большинстве отношений находились в антагонизме друг к другу; при этом воспоминания о кампании 1866 года и бывшее уважение к Австрии не могли быть стерты за один день. Бисмарк не слишком настаивал на работе по консолидации. Он отметил и оценил силу препятствий, с которыми столкнется слишком быстрое развитие его национальной политики. Возможно, он даже видел признаки того, что религиозные и другие влияния могут поставить под угрозу военный союз, который он уже установил, и что он, возможно, был не прочь призвать его на помощь, как самую надежную из всех подготовительных мер к национальному союзу, событию, которое он долгое время считал неизбежным в тот или иной момент в будущем, войне с Францией.

[Испанская кандидатура Леопольда Гогенцоллерна.]

[Леопольд принимает испанскую корону, 3 июля 1870 г.]

С осени 1868 года трон Испании был вакантен в результате революции, в которой генерал Прим был ведущим действующим лицом. Нелегко было найти преемника Изабеллы Бурбон; и после того, как были тщетно выдвинуты другие кандидатуры, Приму и его друзьям в начале 1869 года пришло в голову, что подходящего кандидата можно найти в лице принца Леопольда Гогенцоллерн-Зигмарингенского, чей старший брат стал принцем Румынии, а отец, принц Антоний, был премьер-министром Пруссии в 1859 году. Дом Гогенцоллернов-Зигмарингенов был настолько отдаленным родственником правящей семьи Пруссии, что одно это имя сохранило память об этой связи; а по фактическому кровному родству принц Леопольд был гораздо более близок к французским домам Мюратов и Богарне. Но семья Зигмарингенов была явно прусской по интересам и связям, и ее глава, Энтони, не только сам возглавлял прусскую администрацию, но, как говорят, был первым, кто предложил назначить Бисмарка на тот же пост. Кандидатура Гогенцоллерна могла быть разумно расценена во Франции как попытка политически связать Пруссию с Испанией; и с такой сдержанностью рассматривалась эта кандидатура при первом рассмотрении в Берлине, что в ответ на запросы, сделанные Бенедетти весной 1869 года, государственный секретарь, представлявший графа Бисмарка, заявил под честное слово, что эта кандидатура никогда не предлагалась. Это дело с начала и до конца якобы рассматривалось в Берлине как дело, к которому прусское правительство было совершенно равнодушно и в котором король Вильгельм был заинтересован только как глава семьи, к которой принадлежал принц Леопольд. В течение двенадцати месяцев после расспросов Бенедетти казалось, что от проекта полностью отказались; однако весной 1870 года он был возобновлен, и 3 июля в Париже было объявлено, что принц Леопольд согласился принять корону Испании, если кортесы подтвердят его избрание.

[Французская декларация, 6 июля.]

Во французской прессе сразу же разразилась буря негодования против Пруссии. Правительственные органы взяли на себя ведущую роль в возбуждении общественного мнения. 6 июля герцог Грамон, министр иностранных дел, заявил Законодательному собранию, что попытка Иностранной державы посадить одного из своих принцев на трон Карла V. ставит под угрозу интересы и честь Франции и что, если бы такое непредвиденное обстоятельство было реализовано, правительство выполнило бы свой долг без колебаний и слабости. Резкие и беспощадные формулировки этой декларации, которая была составлена на Совете министров под председательством императора, доказывали, что кабинет решил либо унижить Пруссию, либо отомстить с помощью оружия. Иностранным дипломатам, которые в предыдущие дни были расположены помочь устранить обоснованный предмет для жалобы, сразу стало ясно, насколько малы шансы на какое-либо мирное урегулирование после того, как от имени императора Пруссии был брошен такой публичный вызов. Казалось возможным только одно средство предотвратить войну - добровольный отказ принца Леопольда от предложенной короны. Добиться этого отречения стало задачей тех, кто, в отличие от французского министра иностранных дел, стремился сохранить мир.

[Служение Оливье.]

Роли, сыгранные в этом кризисе личностями, оказавшими наибольшее влияние на императора Наполеона, все еще недостаточно известны; но нет сомнения, что с начала и до конца герцог Грамон, с короткими перерывами, с безумным рвением стремился к войне. Действующее ныне

министерство было призвано на свои места в январе 1870 года, после того как император внес некоторые изменения в конституцию в либеральном направлении и заявил, что передает ответственность за власть от себя группе советников, пользующихся доверием Палаты. Оливье, ранее один из лидеров оппозиции, принял пост главы Кабинета министров. Его коллеги были по большей части людьми, новичками в официальной жизни, и вряд ли могли выстоять против таких представителей нереформированного империализма, как герцог Грамон и сидевший рядом с ними военный министр Лебеф. Сам Оливье был одним из немногих политиков во Франции, который понимал, что его соотечественники должны быть довольны установлением единства Германии, нравится им это или нет. Он был категорически против войны с Пруссией по возникшему теперь вопросу; но страх, что общественное мнение сметет Либеральное министерство, которое не решалось пойти на все в патриотических излишествах, побудил его пожертвовать собственным здравым смыслом и принять на себя ответственность за политику, которую в глубине души он не одобрял. Опрометчивой игре Грамона была предоставлена полная свобода действий. Бенедетти были посланы инструкции разыскать короля Пруссии в Эмсе, где он принимал воды, и потребовать от него, как от единственного средства предотвращения войны, чтобы он приказал принцу Гогенцоллернов отозвать свое признание короны. "Мы очень спешим, - добавил Грамон, - потому что в случае неудовлетворительного ответа мы должны выступить и начать переброску войск к субботе, чтобы начать кампанию через две недели. Будьте осторожны с ответом, который просто оставит принца Гогенцоллерна на произвол судьбы и откажет королю в какой-либо заинтересованности в его будущем". ^[535]

[Бенедетти и король Вильгельм в Эмсе, 9-14 июля.]

Первое интервью Бенедетти с королем состоялось 9 июля. Он сообщил королю о волнении, которое вызвало во Франции выдвижение кандидатуры принца Гогенцоллернов; он остановился на значении для обеих стран дружественных отношений между Францией и Пруссией; и, старательно избегая выражений, которые могли бы ранить или раздражить короля, он объяснил ему требования правительства в Париже. Король заранее узнал, в чем будет заключаться содержание сообщения Бенедетти. Вероятно, он был удивлен и опечален серьезными последствиями, к которым привел поступок принца Леопольда во Франции; и хотя он решил не подчиняться диктату из Парижа и не приказывать Леопольду отказаться от своей кандидатуры, он уже, как представляется, предпринял шаги, которые могли бы сделать сохранение мира более вероятным. В конце беседы с послом, в которой он заявил о своей полной независимости как главы семьи Гогенцоллернов, он сообщил Бенедетти, что вступил в контакт с Леопольдом и его отцом и что вскоре ожидает получения депеши из Зигмарингена. Бенедетти справедливо рассудил, что король, хотя и категорически отказывался удовлетворить требования Грамона, все же желал найти какой-нибудь мирный выход из затруднительного положения; и отчет об этой встрече, который он отправил в Париж, на самом деле был призывом к здравому смыслу и умеренности. Но Грамон был не расположен принимать подобные советы. "Говорю вам прямо, - писал он Бенедетти на следующий день, - общественное мнение в огне и оставит нас в покое. Мы должны начинать; мы ждем только вашей депеши, чтобы призвать триста тысяч человек, которые ждут повестки. Напишите, телеграфируйте, что-нибудь определенное. Если король не посоветует принцу Гогенцоллерну подать в отставку, что ж, это немедленная война, и через несколько дней мы будем на Рейне".

[Леопольд отзывает свой отзыв 12 июля.]

[Требуется гарантия против продления.]

[Бенедетти и король, 13 июля.]

Тем не менее совет Бенедетти не остался без влияния на императора и его министров. Наполеон, сам колебавшийся от часа к часу, теперь склонился на сторону сторонников мира, и 11 августа в начавшихся военных приготовлениях наступила пауза. 12-го числа усилия незаинтересованных правительств, вероятно, также предложения самого короля Пруссии, возымели свое действие. В Мадриде была получена телеграмма от принца Антония, в которой говорилось, что кандидатура его сына снята. Несколько часов спустя Оливье объявил эту новость в Законодательной палате Парижа и обменялся поздравлениями с "друзьями мира", которые сочли, что теперь дело подошло к концу. Но это мирное заключение мало устраивало ни партию войны, ни бонапартистов старого типа, которые завидовали столь существенному дипломатическому успеху Конституционного министерства. Они сразу же заявили, что отставка принца Леопольда была второстепенным вопросом, и что настоящий вопрос заключался в том, какие гарантии были получены от Пруссии против возобновления кандидатуры. Сам Грамон в беседе с прусским послом бароном Вертером набросал письмо, которое он предложил королю Вильгельму направить императору, заявив, что, одобряя кандидатуру принца Леопольда, он не намеревался оскорбить французов и что, присоединяясь к уходу принца, он желает, чтобы между двумя правительствами был положен конец всем недоразумениям. Депеша барона Вертера с этим предложением, по-видимому, глубоко оскорбила короля Вильгельма, которого она достигла около полудня 13-го. В то утро Бенедетти встретился с королем на набережной в Эмсе и получил от него обещание, что, как только письмо, которое все еще находилось в пути из Зигмарингена, придет, он пошлет за послом, чтобы тот мог сообщить его содержание в Париж. Письмо прибыло; но депеша барона Вертера из Парижа прибыла раньше его; и вместо того, чтобы вызвать Бенедетти, как он обещал, король послал к нему одного из своих адъютантов с сообщением, что от принца Леопольда получено письменное сообщение, подтверждающее его уход, и что теперь дело подошло к концу. Бенедетти пожелал, чтобы адъютант сообщил королю, что он был вынужден в соответствии с его инструкциями запросить гарантию против возобновления кандидатуры. Адъютант сделал, как его просили, и привез сообщение о том, что король полностью одобряет уход принца Гогенцоллерна, но больше он ничего не может сделать. Бенедетти попросил аудиенции у Его Величества. Король ответил, что вынужден отказаться от дальнейших переговоров и что он сказал свое последнее слово. Хотя король, таким образом, отказался от дальнейшего обсуждения, с обеих сторон была соблюдена безупречная вежливость; и на следующее утро король и посол, которые оба покидали Эмс, простились друг с другом на железнодорожной станции с обычными знаками уважения.

[Публикация телеграммы из Эмса, 13 июля.]

[Решение о войне было принято в Париже 14 июля.]

То, что гарантии, которых решило потребовать французское правительство, не будут даны, было теперь совершенно очевидно; и все же, поскольку кандидатура принца Леопольда была практически исключена, все еще оставалась возможность, что более хладнокровные головы в Париже одержат верх и что правительство не остановится перед объявлением войны по пункту, по которому единодушное мнение других держав признало это неправильным. Но граф Бисмарк был полон решимости не позволить французам легко выйти из ссоры. Он имел дело с врагом, который по собственной глупости оказался на грани агрессивной войны, и Бисмарк не только не

способствовал его отступлению, но и пытался заманить его в пропасть. Вскоре после того, как король Вильгельм и Бенедетти обменялись последним посланием, в Берлине была официально опубликована телеграмма, в которой в выражениях, столь кратких, что создавалось впечатление настоящего оскорбления, говорилось, что король отказался встретиться с французским послом и сообщил ему через адъютанта, что ему больше нечего сообщить ему. Эта телеграмма была разослана представителям Пруссии при большинстве европейских дворов и ее агентам в каждой столице Германии. Слухи о том, что Бенедетти навязался королю на прогулке в Эмсе и что в присутствии большого общества король повернулся к послу спиной, мгновенно приобрели популярность, и прусское правительство их не опровергало. О публикации предполагаемой телеграммы из Ems стало известно в Париже 14-го. В тот день Совет министров заседал трижды. На первом заседании сторонники мира все еще составляли большинство; во второй половине дня, когда новости из Берлина и выдумки, описывающие оскорбление, нанесенное французскому послу, распространились за границей, волнение в Париже усилилось, и Совет принял решение о вызове резервистов; однако сам император, казалось, все еще был настроен на мир. Именно в промежутке между вторым и третьим заседаниями Совета, между шестью и десятью часами вечера, Наполеон наконец уступил угрозам и настойчивости военной партии. Императрица, фанатично стремившаяся к свержению великой протестантской державы, страстно жаждавшая военной славы, которая одна могла обеспечить корону ее сыну, одержала триумф, о котором ей пришлось так горько сожалеть. На третьем заседании Совета, состоявшемся незадолго до полуночи, было отдано голосование за войну.

В Германии ожидали этого решения; однако оно произвело глубокое впечатление не только на немецкий народ, но и на Европу в целом: когда объявление войны было представлено французскому законодательному органу в форме требования о поставках, не прозвучало ни единого голоса, осуждающего войну за ее преступность и несправедливость: аргументы, которые выдвигал против нее М. Тьер и другие утверждали, что правительство взялось за дурное дело и что случай был неподходящий. Даже сейчас вызывает сомнение, действительно ли большинство Собрания желало войны. Но крики сотен безумцев в его стенах, бред журналистов и поджигателей, которые в такое время являются для истинного выражения общественного мнения тем же, чем испанская инквизиция была для христианской религии, парализовали волю и понимание менее увлеченных людей. Только десять голосов было подано в Ассамблее против гранта, затребованного для войны; всей Европе стало известно, что преступление и безумие было совершено Францией как нацией. И все же Оливье и многие его коллеги до последнего момента не одобряли войну и согласились на нее только потому, что верили, что в противном случае нация ринется в военные действия под руководством реакционного министерства, которое послужит Франции хуже, чем они сами. Когда было уже слишком поздно, они обнаружили, что предполагаемый национальный порыв, который они считали непреодолимым, был всего лишь криком шумного меньшинства. Отчеты их собственных офицеров сообщали им, что только в шестнадцати из восьмидесяти семи департаментов Франции война была популярной. В остальных семидесяти одном она была принята либо с колебаниями, либо с сожалением. ^[536]

[Начальные силы обеих сторон.]

[Ожидаемые союзы Франции.]

[Австрия готовится.]

Правительству Наполеона было хорошо известно, насколько велики были силы, которые Северогерманский союз мог ввести в бой. Бенедетти тщательно информировал своих нанимателей о прогрессе северогерманской военной организации; он предупредил их, что южногерманские государства, несомненно, будут действовать совместно с Севером против иностранного агрессора; он с большой точностью и проникновением описал природу связей, существовавших между Берлином и Санкт-Петербургом, связей, которые были достаточно тесными, чтобы обеспечить Пруссии добрую волю, а при определенных обстоятельствах и вооруженную поддержку России, в то время как они были достаточно слабыми, чтобы не вовлекать Пруссию в какое-либо московское предприятие, которое навлекло бы на нее враждебность Англии и Австрии. Максимальные силы, которые французская военная администрация рассчитывала выставить на поле боя в начале кампании, составляли двести пятьдесят тысяч человек, которые должны были быть увеличены к концу трех недель еще примерно на пятьдесят тысяч. Пруссаки, даже не рассчитывая на какую-либо помощь из Южной Германии и после учета трех армейских корпусов, которые могли понадобиться для наблюдения за Австрией и Данией, могли начать кампанию с тремястами тридцатью тысячами человек. Армия к армии, французы, таким образом, стояли в соответствии с расчетами их собственного военного министерства, с самого начала превосходившего их численностью; но Лебеф, военный министр, воображал, что Министерство иностранных дел позаботилось о союзах и что большая часть прусской армии не сможет свободно действовать на западной границе. Фактически, Наполеон продвигал свои переговоры с Австрией и Италией с того момента, как война стала неизбежной. Граф Бойст, хотя и ясно заявлял, что Австрия не обязана следовать за Францией в войну, развязанную по ее собственному желанию, тем не менее испытывал некоторое беспокойство, как бы Франция и Пруссия не уладили свои разногласия за счет Австрии; более того, после победы Наполеона, которой в какой-то степени способствовал он сам, он мог справедливо надеяться на восстановление господства Австрии в Германии и сведение на нет дела 1866 года. На Совете, состоявшемся в Вене 18 июля, было решено, что Австрия должна в настоящее время сохранять нейтралитет, если Россия не вступит в войну на стороне Пруссии; но этот нейтралитет был не более чем этапом к союзу с Францией, если по истечении определенного короткого периода армия Наполеона проникнет в Южную Германию. В частной депеше австрийскому послу в Париже граф Бойст указал, что немедленное участие Австрии в войне приведет к тому, что Россия выступит на стороне короля Вильгельма. "В настоящее время нашей целью должно быть сохранение нейтралитета России, - писал он, - до наступления сезона, достаточного для предотвращения концентрации ее войск; но этот нейтралитет - не более чем средство для достижения реальной цели нашей политики, единственное средство для завершения наших приготовлений, не подвергая себя преждевременному нападению со стороны Пруссии или России". Он добавил, что Австрия уже вступила в переговоры с Италией с целью вооруженного посредничества двух держав, и настоятельно рекомендовал императору передать итальянцам Рим. ^[537]

[Франция, Австрия и Италия.]

Теперь между Парижем, Флоренцией и Веной велись переговоры о заключении тройственного союза. О ходе этих переговоров лица, участвовавшие в них, дают противоречивые показания. По словам принца Наполеона, Виктор Эммануил требовал владения Римом, и французский император отказал ему в этом, вследствие чего проект союза провалился. По словам герцога

Грамона, Италия требовала только возвращения к условиям Сентябрьской конвенции; на это согласился император, и именно во исполнение этого соглашения Папская область была эвакуирована своим французским гарнизоном 2 августа. В течение последних двух недель июля, после фактического объявления войны, между тремя правительствами, если верить заявлению Грамона, происходил непрерывный обмен нотами, проектами и телеграммами. Трудности, возникшие со стороны Италии и Австрии, были быстро устранены, и хотя этим державам потребовалось несколько недель для их военных приготовлений, Наполеон был определенно уверен в их вооруженной поддержке в случае его предварительного успеха. Было решено, что Австрия и Италия, заняв вначале позицию вооруженного нейтралитета, должны совместно предъявить ультиматум Пруссии в сентябре с требованием точного выполнения Пражского мирного договора и, если она не выполнит этот призыв в смысле, понятном ее врагам, что две державы немедленно объявят войну, и их армии вступят в бой не позднее 15 сентября. То, что Россия в этом случае окажет помощь Пруссии, было хорошо известно; но, по-видимому, граф Бойст мало опасался своего северного врага в осенней кампании. Проект Договора между Италией и Австрией фактически, согласно заявлению Грамона, был принят двумя последними державами и получил свои последние поправки в ходе переговоров между императором Наполеоном и итальянским посланником графом Вимеркати в Меце. Вимеркати прибыл во Флоренцию с измененным проектом 4 августа, и ожидалось, что Договор будет подписан на следующий день. Когда этот день настал, силы Французской империи были разбиты на куски.^[538]

[Прусские планы.]

Подготовка к войне с Францией долгое время занимала генеральный штаб в Берлине. Перед зимой 1868 года генералом Мольтке были составлены мемуары, содержащие планы сосредоточения всех немецких войск, формирования каждой из армий, которые должны были быть задействованы, и позиций, которые должны были занять на начальном этапе каждый корпус. На основе этих мемуаров мероприятия по переброске каждого корпуса со склада к границе были впоследствии проработаны в таких мельчайших деталях, что, когда 16 июля король Вильгельм отдал приказ о мобилизации, ничего не оставалось, как включить в железнодорожные расписания и маршевые приказы день, когда должно было начаться движение. Однако эта мельчайшая детализация распространялась только на ту часть плана Мольтке, которая касалась сбора и первой дислокации войск. События кампании, таким образом, не могли быть организованы и сведены в таблицу заранее; можно было наметить только общую цель и замысел. То, что французы с большой скоростью нападут на Южную Германию, считалось вероятным. Армии Бадена, Вюртемберга и Баварии были слишком слабы, военные центры Севера находились слишком далеко, чтобы в этом районе можно было оказать эффективное сопротивление первым ударам захватчика. Поэтому Мольтке рекомендовал, чтобы войска Юга были выведены из своих государств и двинулись на север, чтобы присоединиться к войскам Пруссии в Пфальце или на Среднем Рейне, с тем чтобы все силы Германии были брошены на фланг или тыл захватчику; в то время как, в случае, если французы не перейдут таким образом в наступление, во Францию должны были вторгнуться коллективные силы Германии вдоль линии от Саарбрюккена до Ландау, и ее армии должны были быть отрезаны от их коммуникаций с Парижем энергичными движениями захватчика в северном направлении.

[Мобилизация Германии.]

Военная организация Германии основана на разделении страны на округа, каждый из которых имеет на своей базе небольшую, но укомплектованную армию. Ядро каждого такого корпуса существует в мирное время, со своей собственной независимой артиллерией, складами и военным имуществом. После отдачи приказа о мобилизации каждый человек, подлежащий военной службе, но не фактически служащий, присоединяется к полку, к которому он принадлежит по месту жительства, и через определенное количество дней каждый корпус готов выступить в бой в полном составе. Комплектование каждого корпуса на его собственной базе является первым этапом подготовки к кампании. Только после этого начинается переброска войск к границе. Время, необходимое для первого акта подготовки, было точно определено военным министерством Пруссии, как и время, затраченное на транспортировку. Из расчетов генерала Мольтке следовало, что, поскольку приказ о мобилизации был отдан 16 июля, вся армия, с которой предполагалось начать кампанию, будет собрана и на позициях, готовая перейти границу 4 августа, если французы не перейдут в наступление до этого дня. Но поскольку предполагалось, что по крайней мере часть французской армии будет переброшена в Германию до этого срока, продвижение немецких войск на запад было остановлено на значительном расстоянии от границы, чтобы прибывшие первыми войска не подверглись атаке превосходящих сил до того, как к ним подоспеет поддержка. На фактической границе была размещена лишь горстка людей, необходимых для разведки и сдерживания противника в течение нескольких часов, которые были бы необходимы для предотвращения эффекта внезапности.

[Французская армия.]

Французский император осознавал численное превосходство своей армии по сравнению с армией Пруссии; однако он надеялся с помощью чрезвычайной быстроты передвижения проникнуть в Южную Германию до того, как прусская армия сможет собраться, и таким образом, вынудив южные правительства к нейтралитету, встретиться на Верхнем Дунае с силами поддержки Италии и Австрии. В его планы входило сосредоточить сто пятьдесят тысяч человек в Меце, сто тысяч - в Страсбурге и, объединив эти армии, переправиться через Рейн в Баден; в то время как третья армия, которая должна была собраться в Шалоне, защищала северо-восточную границу от наступления пруссаков. Через несколько дней после объявления войны, когда германский корпус все еще находился на своих базах во внутренних районах страны, значительные силы были сосредоточены вокруг Меца и Страсбурга. Вся Европа ожидала натиска захватчиков и первых быстрых звуков триумфа французской армии за Рейном; но проходила неделя за неделей, а тишина по-прежнему не нарушалась. Истории, невероятные для тех, кто впервые услышал их, но совершенно правдивые, достигли немецких пограничных станций о настоящем голоде на передовых позициях врага и о французских солдатах, взятых в плен во время копания картофельных полей, чтобы выжить. То, что Наполеон оказался менее готов, чем ожидалось, стало ясно всему миру; но никто еще не представлял себе тех откровений, которые каждый последующий день приносили в штаб французских армий. Отсутствие целых полков, фигурировавших в официальном боевом порядке, неисправный транспорт, недостающие или перегруженные склады делали невозможной даже попытку вторжения в Южную Германию в срок, до которого у нее были какие-либо шансы на успех. От проекта отказались, но не вовремя, чтобы предотвратить переброску войск, спешащих из внутренних районов, взад и вперед в зависимости от того, слышали власти об изменении плана

или нет. Наполеон видел, что на Среднем Рейне собираются прусские силы, оставлять которые на его фланге было бы безумием; он приказал своим собственным командирам действовать на соответствующей линии Лаутера и Саара и направил отдельные дивизии к самой границе, все еще не уверенный, сможет ли он перейти в наступление даже в этом направлении, или ему теперь ничего не оставалось, кроме как сопротивляться вторжению во Францию превосходящего противника. Оливье заявил на Ассамблее, что он и его коллеги вступили в войну с легким сердцем; он мог бы добавить, что они вступили в нее с завязанными глазами. Министры, похоже, на самом деле не потрудились обменяться объяснениями друг с другом. Лебеф, военный министр, считал само собой разумеющимся, что Грамон заключил соглашения с Австрией, которые вынудили бы пруссаков держать большую часть своих сил во внутренних районах страны. Грамон, разжигая ссору с Пруссией и ведя переговоры с Австрией, считал само собой разумеющимся, что Лебеф с самого начала может одержать серию побед в Южной Германии. Император, которому одному были открыты все данные военных и дипломатических служб Франции, был неспособен к напряжению или тщательному изучению, бесцельный, обезумевший от боли, наполовину слабоумный.

[Причины неполноценности французской армии.]

То, что имперская военная администрация прогнала насквозь, достаточно показали ужасные события следующих нескольких недель. Люди занимали высокое положение, чье прошлое посрамило бы разбойников лучшего сорта. Недостатки армии усугублялись отвлечением государственных средств на частные нужды; распущенность, вульгарная пышность, низкие стандарты суждений императорского двора заразили каждую ветвь государственных служб Франции и, возможно, не в последнюю очередь повлияли на тех, кто находился в военном командовании. Но тем, кто был свидетелем катастрофы 1870 года, казалось, что она говорит не только о гнусности администрации; в Англии, не меньше, чем в Германии, влиятельные голоса говорили о роке, постигшем развращенную нацию, о торжестве простой мужественности, самой богобоязненной добродетели в победах немецкой армии. Возможно, в этом была доля истины; однако потребовалась бы хорошая моральная проницательность, чтобы оценить точное вырождение французов 1870 года по сравнению с французами 1854 года, которые смирили Россию, или французами 1859 года, которые восторжествовали при Сольферино; и потребовалось бы очень всестороннее знакомство с низшими формами человеческих удовольствий, чтобы судить, в какой степени греховность Парижа превышает греховность Берлина. Если бы французы были такой же строгой расой, как спартанцы, павшие при Фермопилах, такими же набожными, как тирольцы, погибшие при Кенигграце, то вполне вероятно, что с той численностью, которая вышла на поле боя против Германии в 1870 году вместе с Наполеоном III. находясь во главе событий и фактически командуя генералами 1870 года, армии Франции не могли избежать уничтожения.

[Причина успеха Германии.]

Главной причиной неравенства Франции и Германии в 1870 году на самом деле было то, что Пруссия имела с 1862 по 1866 год правительство, настолько сильное, что могло навязать своим подданным свою собственную гигантскую схему военной организации вопреки голосованию парламента и национальной воле. В 1866 году Пруссия с населением в девятнадцать миллионов человек фактически выставила на поле боя триста пятьдесят тысяч человек, или каждого пятьдесят четвертого своего жителя. Не было другого правительства в Европе, за возможным

исключением России, которое могло бы возложить на своих подданных, не рискуя собственным существованием, столь тяжкое бремя военной службы, какое подразумевалось при такой численности сражающейся армии. Наполеон III. на пике своего могущества он не смог бы этого сделать; и когда после Кенигграца он попытался поднять вооруженные силы Франции до уровня, равного силам соперничающей державы, с помощью системы, которая привлекла бы на поле боя примерно каждого семидесятого жителя, его собственные кандидаты в Законодательный орган под давлением общественного мнения настолько ослабили план, что боеспособная численность армии осталась немногим больше, чем была раньше. Истинную параллель с немецкими победами 1870 года можно найти в победах французского Комитета общественной безопасности в 1794 году и в победах первого Наполеона. Правительство, настолько могущественное, что использует все ресурсы государства для достижения военных целей, будь то правительство обезумевшей демократии, или коронованного солдата удачи, или древней монархии, вносящей новую энергию в свою традиционную систему и политику, сокрушит в момент столкновения сообщества с равными или большими ресурсами, в которых различные конкурирующие влияния ограничивают и контролируют центральную власть и подчиняют вооруженные силы другим интересам. Так было в триумфах Царства террора над Первой коалицией; так было в триумфах короля Вильгельма над Австрией и Францией. Но параллель между основателями единства Германии и организаторами победы после 1793 года простирается не дальше, чем на источники их успеха. Агрессия и авантюризм не были продолжением войны 1870 года. Огромные вооружения Пруссии были созданы для того, чтобы установить союз Германии под властью Дома Гогенцоллернов, и они не использовались ни для какой другой цели. Это триумф государственной мудрости, и слава принца Бисмарка, пожавшего таким образом плоды своевременной дани уважения Богу Сражений, заключалась в том, чтобы знать, как покинуть его святыню.

["Граница", август. 2.]

[Saarbrücken, Aug 2.]

[Weissenburg, Aug 4.]

[Битва при Верте, август. 6.]

В конце июля, через двенадцать дней после официального объявления войны, собирающиеся силы немцев численностью более трехсот восьмидесяти тысяч человек все еще находились на некотором расстоянии от Лаутера и Саара. Наполеон, очевидно, без какого-либо четкого плана, разместил определенные части войск фактически на границе в Форбахе, Вайсенбурге и в других местах, в то время как другие войска, доведя общую численность примерно до двухсот пятидесяти тысяч, расположились вокруг Меца и Страсбурга и в пунктах между ними и наиболее передовыми позициями. Разведка небольших немецких отрядов на границе проводилась с чрезвычайной энергией: французы, по-видимому, вообще не проводили рекогносцировок, поскольку, когда они решили, наконец, выяснить, с чем им пришлось столкнуться в Саарбрюккене, они продвинулись вперед с двадцатью пятью тысячами человек против одной десятой этого числа. 2 августа корпус Фроссара из Форбаха двинулся на Саарбрюккен во главе с императором лично. Гарнизон был изгнан, а город подвергнут бомбардировке, но даже сейчас разведка не была продолжена за мостом через Саар, разделяющим две части города. Сорок восемь часов спустя расстановка немецких войск в порядке вторжения была завершена, и все было готово к наступательной кампании. Центральная армия под командованием принца

Фридриха Карла, простиравшаяся на восток и запад за Саарбрюккеном, касалась справа от себя северной армии под командованием генерала Штайнмеца, слева - южной армии под командованием наследного принца, которая прикрывала границу Пфальца и включала войска Баварии и Вюртемберга. Общее направление трех армий, таким образом, было с северо-запада на юго-восток. Поскольку линия вторжения должна была проходить почти строго на запад, было необходимо, чтобы первый шаг вперед сделала армия наследного принца, чтобы приблизить ее к северному корпусу в ходе марша во Францию. 4 августа наследный принц пересек эльзасскую границу и двинулся на Вайсенбург. Французский генерал Дуэ, который был размещен здесь примерно с двенадцатью тысячами человек, не получил ни подкрепления, ни приказа отступить. Его войска с большим мужеством встретили атаку врага, во много раз превосходящего их по численности; но борьба была безнадежной, и после нескольких часов ожесточенных боев немцы стали хозяевами поля боя. Дуэ пал в битве; его войска сорвали попытку отрезать им путь к отступлению и отступили на юг, к корпусу Мак-Магона, который находился примерно в десяти милях позади них. Наследный принц двинулся дальше в поисках своего врага, Мак-Магона, который мог собрать только сорок пять тысяч человек, желая отступить, пока не сможет заручиться некоторой поддержкой; но император, терзаемый страхами перед политическими последствиями вторжения, настоял на том, чтобы он дал сражение. Он остановился на холмах около Верта, почти на том месте, где в 1793 году Гох разгромил армии Первой коалиции. 6 августа передовые подразделения наследного принца численностью около ста тысяч человек были на расстоянии удара. Численное превосходство немцев было настолько велико, что армия Мак-Магона, по-видимому, могла бы быть захвачена или уничтожена с гораздо меньшими потерями, чем это имело место на самом деле, если бы было предоставлено время для действий, которые имел в виду штаб кронпринца, и для использования всех его сил. Но порывистость командиров дивизий утром 6-го привела к общему сражению. Соппротивление французов носило самый решительный характер. С появлением еще одного армейского корпуса - а ожидалось прибытие на поле боя корпуса генерала Файлли - казалось, что немцы еще могут быть отброшены назад. Но каждый час приводил в действие дополнительные силы для атаки, в то время как французский командующий тщетно искал подкрепления, которое могло бы спасти его от гибели. Наконец, когда последние отчаянные атаки кирасир были отброшены огнем пушек и игольчатых ружей и деревня Фрошвиллер, центр французской позиции, была взята штурмом дом за домом, вся армия сломалась и в беспорядке бежала. Девять тысяч пленных, тридцать три орудия попали в руки завоевателей. Немцы потеряли десять тысяч человек, но они полностью уничтожили армию Мак-Магона как организованную силу. Его остатки исчезли с места боевых действий, бежав по западным дорогам в направлении Шалона, где сначала был восстановлен некоторый порядок. Наследный принц, оставив войска позади себя для осады небольших эльзасских крепостей, беспрепятственно прошел через северные Вогеzy и спустился на открытую местность около Люневиля и Нанси, ничем не укрепленных городов, которые не могли оказать сопротивления проходу врага.

[Спичерен, август. 6.]

В тот же день, когда произошла битва при Верте, передовые колонны армий Штайнмеца и принца Фридриха Карла пересекли границу в Саарбрюккене. Корпус Фроссара, получив известие о поражении под Вайсенбургом, отошел на свои прежние позиции между Форбахом и границей: он удерживал крутые холмы Шпихерен, с которых открывается вид на Саарбрюккен, и леса, которые обрамляют шоссе, ведущее из Германии во Францию. Как и при Верте, не

предполагалось, что 6-го числа будет предпринято какое-либо генеральное наступление; задержка в двадцать четыре часа позволила бы немцам окружить или сокрушить корпус Фроссара превосходящими силами. Но командиры передовых полков нетерпеливо бросились на французов, которых они обнаружили перед собой: другие бригады поспешили на звук пушек, пока борьба не приняла характер сражения, и после нескольких часов неустойчивого успеха высоты Шпичерен были взяты последовательными бросками пехоты под огнем противника. Почему Фроссар не получил подкреплений, так и не было объяснено, поскольку несколько французских дивизий находились на небольшом расстоянии к западу, а позиция была настолько сильной, что, если бы где-нибудь восточнее Меца предстояло развернуться ожесточенное сражение, можно было бы выбрать несколько лучших точек. Но, как и Дуэ под Вайсенбургом, Фроссару пришлось в одиночку бороться с любыми силами, которые немцы могли бросить против него. Наполеон, руководивший операциями французских армий из Меца, по-видимому, был теперь неспособен оценить простейшие военные потребности, защититься от самых очевидных опасностей. Беспомощность, безрассудство правили несчастными часами.

[Париж после августа. 6.]

Впечатление, произведенное на Европу сражениями 6 августа, соответствовало величию их действительных военных последствий. Был положен конец всем мыслям о союзе Австрии и Италии с Францией. Германия, хотя и не осознавала всего масштаба опасностей, которых она избежала, вздохнула свободно после нескольких недель мучительного ожидания; само то обстоятельство, что диспропорция в численности на поле битвы при Верте все еще оставалась неизвестной, усилило радость и уверенность, вызванные победой кронпринца, победой, в которой южногерманские войска, сражавшиеся на стороне тех, кто был их врагами в 1866 году, внесли свой вклад в полной мере. Ужас, с которым в Париже было воспринято известие о свержении Мак-Магона, был тем сильнее, что накануне были распространены сообщения о победе, одержанной при Ландау, и о пленении наследного принца с его армией. Бюллетень императора, кратко повествующий о поражении Мак-Магона и отражении Фроссара, показал в своих заключительных словах - "Все еще можно вернуть", - насколько глубокими были изменения, произошедшие в перспективах войны к тому роковому дню. Правда была немедленно раскрыта. В Париже разразилась буря негодования против императорского правительства. Были созваны Палаты. Оливье, подвергавшийся нападкам как со стороны крайних бонапартистов, так и со стороны Оппозиции, сложил с себя полномочия. Реакционное министерство, возглавляемое графом Паликао, было приведено к власти императрицей, министерство последнего часа, как его справедливо называли все, кто находился за его пределами. Были отданы приказы о наборе рекрутов, накоплено оружие и припасы для резервных сил, велись приготовления к осаде самого Парижа. 12-го император отказался от командования, которое он осуществлял с такими плачевными результатами, и назначил маршала Базена, одного из героев Мексиканской экспедиции, главнокомандующим Рейнской армией.

[Наполеон в Меце. 7-11 августа.]

[Борни, 14 августа.]

После свержения Мак-Магона и победы немцев при Шпичерене, похоже, наступил период полного паралича во французском штабе в Меце. Дивизии принца Фридриха Карла и Штайнмеца не сразу двинулись вперед; необходимо было дать несколько дней для

продвижения кронпринца через Вогезы; и за эти дни французская армия в районе Меца, которая, будучи сосредоточенной, насчитывала почти двести тысяч человек, вполне могла занять позиции, необходимые для обороны Мозеля, или, в качестве альтернативы, могла сделать несколько маршей при отступлении к Вердену и Шалону. Лишь небольшая часть этого тела до сих пор подвергалась поражению. В нее входил самый цвет французских вооруженных сил, десятки тысяч солдат, вероятно, равных любым в Европе, и способных сформировать самую грозную армию, если объединить их с резервами, которые вскоре будут собраны в Шалоне или ближе к Парижу. Но с 7 по 12 августа Наполеон, слишком запуганный, чтобы предпринять необходимые шаги для сражения в защиту линии Мозеля, бесцельно и нерешительно медлил в Меце, не желая отступить из этой крепости. Отступление началось только 14-го числа. К этому времени немцы были уже совсем близко, и их лидеры были не расположены позволить колеблющемуся врагу ускользнуть от них. В то время как передовые дивизии французов переправлялись через Мозель, Штайнмец поспешил продвинуть свои войска вперед и обрушился на французские подразделения, все еще находившиеся к юго-востоку от Меца, около Борни и Курселя. Базен приостановил свое отступление, чтобы дать отпор нападавшему который в кои-то веки, казалось, уступал ему в силе. К концу дня французский командующий считал, что одержал победу и отбросил немцев с линии их наступления; на самом деле он позволил в последний час отвлечь себя от переправы через Мозель, в то время как немцы, оставленные под командованием принца Фридриха Карла, вышли к реке южнее и фактически начали пересекать ее, чтобы преградить ему путь к отступлению.

[Марс-ла-Тур, 15 августа.]

От Меца на запад до деревни Гравелотт, до которой семь миль, ведет только одна прямая дорога; в Гравелотте дорога разветвляется, южный рукав ведет к Вердену через Вионвиль и Марс-ла-Тур, северный - через Конфлан. В течение 15 августа первая из дивизий Базена продвинулась по южной дороге до Вионвиля; другие подошли к окрестностям Гравелота, но два корпуса, которые должны были продвинуться мимо Гравелота по северной дороге, все еще находились недалеко от Меца. Прусский авангард тем временем переправлялся через Мозель в южном направлении от Нована к Пон-а-Муссону и спешил вперед линиями, сходящимися на дороге, по которой шел Базен. Вплоть до вечера 15-го в прусском штабе не предполагали, что Базена можно настичь и ввести в бой ближе, чем на линии Мааса; но утром 16-го кавалерийские отряды, продвинувшиеся дальше всех на северо-запад, обнаружили, что головные части французских колонн все еще не миновали Марс-ла-Тур. Была немедленно предпринята попытка захватить дорогу и преградить путь врагу. Борьба, начатая горсткой бойцов с каждой стороны, втягивала в себя полк за полком, по мере того как французские батальоны вступали в бой совсем рядом, и пруссаки в дикой спешке спешили поддержать своих товарищей, подвергшихся атаке целой армии. Быстрота, с которой прусские генералы оценили сложившуюся перед ними ситуацию, энергия, с которой они подтянули свою кавалерию на расстояние, которое ни одна пехота не могла преодолеть за необходимое время, и без малейшего колебания бросили эту кавалерию в атаку за атакой против превосходящего противника, отмечают битву при Марс-ла-Туре как ту, в которой военное превосходство немцев проявилось наиболее достоверно. Численность в этом сражении имела мало общего с результатом, поскольку при лучшем полководческом мастерстве Базен, несомненно, мог бы в любой момент одолеть своего врага. Но в то время как немцы стремительным потоком устремились к истинному пункту атаки - самому западному, - Базен по какому-то заблуждению

считал своей главной целью помешать немцам вклиниться между отступающей армией и Мецем, и поэтому держал большую часть своих войск в бездействии вокруг крепости. Результатом было то, что немцы, потеряв шестнадцать тысяч человек, оставались к концу дня хозяевами дороги у Вионвиля, и что французская армия не могла, не одержав победы и не прорвав линию противника, возобновить свое отступление по этой линии.

[Гравелотт, 18 августа.]

Ожидалось, что в течение 17-го числа Базен предпримет какую-нибудь попытку отступления по северной дороге, но вместо этого он отступил к Гравелотту и высотам между ним и Мецем, чтобы дать ожесточенный бой. Позиция была выбрана удачно; но к полудню 18-го армии Штейнмеца и принца Фридриха Карла были выстроены перед Базеном численностью в двести пятьдесят тысяч человек, и, по мнению короля, эти силы были равны атакующим. И снова, как и при Верте, поспешность командиров дивизий привела к тому, что целые бригады были принесены в жертву до того, как сражение было выиграно. В то время как саксонский корпус, с которым Мольтке намеревался нанести свой медленный, но смертельный удар по правому флангу противника, совершал долгий обходной маневр на север, Штайнмец оттеснил своих рейнландцев за ущелье Гравелотт в огонь, где не мог выжить ни один человек, и гвардейцы, продвигаясь колонной по гладкому незащищенному склону от Сент-Мари до Сент-Приват, тысячами отступали, не достигнув середины своего пути. До тех пор, пока саксонский корпус не нанес решающий удар с северного фланга, позиции, отвоеванные пруссаками, были завоеваны главным образом их разрушительным артиллерийским огнем: атаки их пехоты в целом были отбиты, и у самого Гравелотта на мгновение показалось, что французы вот-вот прорвут линию противника. Но Базен, как и 16-го, постоянно держал свои резервы на расстоянии от пунктов, где их присутствие было наиболее необходимым, и, по его собственному свидетельству, ему удалось ввести в бой не более ста тысяч человек, или менее двух третей сил, находившихся под его командованием. ^[540] В конце этого ужасного дня, когда захват саксонцами Сен-Привата нарушил линию обороны, французы оставили все свои позиции и отступили в пределы обороны Меца.

[Мак-Магон вынужден попытаться помочь Базейну.]

Немцы сразу же перекрывали все дороги вокруг крепости, и Базейн не предпринял никаких усилий, чтобы помешать им. По прошествии нескольких дней вокруг него была натянута линия, достаточная для того, чтобы противостоять любому внезапному нападению. Штейнмец, который был ответственен за значительную часть потерь, понесенных при Гравелотте, теперь был отстранен от командования; его армия была объединена с армией принца Фридриха Карла в качестве осаждающих сил, в то время как шестьдесят тысяч человек, выделенных из этой огромной массы, были сформированы в отдельную армию под командованием принца Альберта Саксонского и отправлены через Верден сотрудничать с наследным принцем против Мак-Магона. Правительство в Париже весьма несовершенно знало, что происходит вокруг Меца изо дня в день; однако оно знало, что, если Мец будет сдан как потерянный, час его собственного падения не удастся предотвратить. Оставалась одна жалкая надежда - перебросить армию, которую Мак-Магон собирал в Шалоне, на северо-восток, на помощь Базену, хотя наследный принц находился между Шалоном и Мецем и мог достичь каждого пункта на марше быстрее, чем сам Мак-Магон. Наполеон оставил Мец вечером 15-го; 17-го в Шалоне состоялся военный совет, на котором было решено отступить к Парижу и ожидать атаки кронпринца под фортами

столицы. Как только это решение было объявлено правительству в Париже, императрица телеграфировала своему мужу, предупреждая его подумать о последствиях своего возвращения и настаивая на том, что следует предпринять попытку освободить Базена. ^[541] МакМахон, вопреки собственному здравому смыслу, согласился на северный поход. Сначала он двинулся к Реймсу, чтобы скрыть свое намерение от врага, но, сделав это, потерял несколько дней. 23-го, следуя договоренности, достигнутой с Базеном, гонцам которого все еще удавалось ускользать от прусского дозора, он двинулся на северо-восток в направлении Монмеди.

[Продвижение Германии на север, 26 августа.]

[Битва при Седане, сентябрь. 1.]

[Капитуляция Седана, сентябрь. 2.]

Движение было обнаружено прусской кавалерией и доложено в штаб в Бар-ле-Дюке 25-го. Мгновенно движение кронпринца на запад было остановлено, и его армия вместе с армией принца Саксонского была отброшена форсированными маршами на север к Седану. Достигнув 27-го Ле-Шен, к западу от Мааса, Мак-Магон узнал о присутствии противника. Он увидел, что его план раскрыт, и решил отступить на запад, пока не стало слишком поздно. Император, который присоединился к армии, согласился, но снова вмешалось правительство в Париже, что привело к фатальным последствиям. Больше беспокоясь о безопасности династии, чем о существовании армии, императрица и ее советники настояли на том, чтобы Мак-Магон продолжил свое наступление. Наполеон, похоже, теперь отрекся от всякой власти и отбросил всякую ответственность. Он позволил возобновить марш в направлении Музона и Стенэ. Корпус Файи, формировавший правое крыло, был атакован 29-го числа, прежде чем смог достичь переправы через Маас в последнем месте, и был отброшен на север, к Бомону. Здесь командир странным образом вообразил, что находится в безопасности. На следующий день он был застигнут врасплох в своем лагере, разбит и отброшен на север, в сторону Музона. Тем временем левая часть армии Мак-Магона переправилась через Маас и двинулась на восток, к Кариньяну, так что его войска были отрезаны рекой и находились на некотором расстоянии друг от друга. Часть людей Файи была взята в плен в битве на юге или рассеяна к западу от Мааса; остальные вместе со своим командиром совершили поспешное и беспорядочное бегство за реку, не позаботившись разрушить мосты, по которым они проходили. Мак-Магон видел, что, если наступление будет продолжено, его дивизии одна за другой попадут в руки врага. Он отозвал войска, достигшие Кариньяна, и сосредоточил свою армию около Седана, чтобы дать решительный бой. Переправы через Маас выше и ниже Седана были захвачены немцами. В распоряжении Мольтке было двести сорок тысяч человек; у Мак-Магона было примерно вдвое меньше. Задача немцев состояла не столько в том, чтобы разгромить врага, сколько в том, чтобы помешать ему вырваться к бельгийской границе. Утром 1 сентября, в то время как к востоку от Седана баварцы после отчаянного сопротивления штурмовали деревню Базейль, гессенский и прусский полки переправились через Маас у Доншери в нескольких милях к западу. С обоих концов этой линии корпус за корпусом продвигались теперь на север, в обход французских позиций, тесня врага везде, где они его находили, и, сходясь на глазах у прусского короля, его генерала и его министра, каждый занимал свое место в огненной дуге, перед которой должна была погибнуть Французская империя. Механизм был так же превосходно выполнен, как и задуман. Французы сражались яростно, но напрасно: простая масса противника, простое сужение некогда замкнутого круга подавили сопротивление без

неуклюжего опустошения при Гравелотте. Пункт за пунктом защитники были вынуждены отступать в сам Седан. Улицы были запружены ордami потрепанной пехоты и кавалерии; немцам оставалось сделать всего лишь еще один шаг вперед, и все их батареи будут господствовать над городом. Ближе к вечеру в стрельбе наступила пауза, чтобы французы могли предложить переговоры о капитуляции; но никаких признаков капитуляции сделано не было, и баварские пушки возобновили огонь, забрасывая снарядами сам город. Теперь Наполеон приказал вывесить над крепостью белый флаг и отправил письмо королю Пруссии, в котором говорилось, что, поскольку он не смог умереть среди своих войск, ему ничего не оставалось, кроме как отдать свою шпагу в руки его Величества. Капитуляция была принята королем Вильгельмом, который добавил, что генерал Мольтке будет действовать от его имени при согласовании условий капитуляции. Генерал Вимпфен, сменивший командование французской армией после того, как Мак-Магон был выведен из строя из-за ранения, действовал от имени Наполеона. Переговоры продолжались до поздней ночи, французский генерал настаивал на разрешении разоружить свои войска в Бельгии, в то время как Мольтке настаивал на сдаче всей армии в качестве военнопленных. Опасаясь последствий обращения самого Наполеона к доброте короля, Бисмарк предпринял шаги, чтобы удалить своего суверена на расстояние до тех пор, пока не будут подписаны условия капитуляции. На рассвете 2 сентября Наполеон отправился в штаб-квартиру Пруссии. По дороге его встретил Бисмарк, который беседовал с ним до тех пор, пока капитуляция не была завершена на условиях, требуемых немцами. Затем он проводил Наполеона в соседний замок Бельвю, где его навестили король Вильгельм, наследный принц и принц Саксонии. Несчастному человеку еще предстояло пережить одну боль. Вплоть до своей беседы с королем Наполеон воображал, что все немецкие армии вместе взятые действовали против него при Седане, и, следовательно, у него, должно быть, все еще оставалась некоторая надежда, что его собственная гибель могла бы принести освобождение Базену. Он случайно узнал от короля, что принц Фредерик Карл никогда не трогался с места до Меца. Судорога страдания пробежала по его лицу: глаза наполнились слезами. Не было причин для продолжительной беседы между победителем и побежденным, поскольку, будучи пленником, Наполеон не мог обсуждать условия мира. После нескольких минут беседы король отбыл в прусскую ставку. Наполеон оставался в замке до утра следующего дня, а затем отправился в путь к месту, выбранному для его пленения, - дворцу Вильгельмске в Касселе. ^[542]

[Провозглашенная Республика, сентябрь. 4.]

[Циркуляр Жюль Фавра, 6 сентября.]

Слухи о катастрофе достигли Парижа в последние дни августа, но на каждое последующее сообщение о зле правительство отвечало лживым хвастовством успехом, пока 3 сентября оно не было вынуждено объявить о катастрофе, намного превосходящей худшие ожидания предыдущих дней. Когда император и вся его армия оказались в руках врага, никто не предполагал, что династия сможет больше оставаться на троне: единственный вопрос заключался в том, какая форма правления должна стать преемницей Империи. Законодательная палата собралась глубокой ночью; Жюль Фавр предложил низложить императора, и его предложение было заслушано в тишине. Собрание было закрыто на несколько часов. Утром 4-го числа Тьер, стремившийся сохранить путь для реставрации орлеанистов, выдвинул предложение о том, чтобы Правительственный комитет был назначен самой Палатой и чтобы выборы в новое Собрание были проведены, как только позволят

обстоятельства. Прежде чем это и другие предложения того же характера могли быть поставлены на голосование, в Зал ворвалась толпа. Гамбетта вместе с большинством депутатов от Парижа направился в Ратушу и там провозгласил Республику. Императрица бежала; было создано правительство национальной обороны во главе с генералом Трошю, Жюль Фавр занял министерство иностранных дел, а Гамбетта - министерство внутренних дел. Ни одна рука не поднялась в защиту династии Наполеонов или институтов Империи. Законодательная палата и Сенат исчезли, даже не предприняв попытки продлить свое существование. Тьер, не одобряя ни Республику, ни способ ее создания, рекомендовал своим друзьям принять новое правительство и сам оказал ему поддержку. 6 сентября циркуляр Жюль Фавра, адресованный представителям Франции при всех европейских дворах, оправдывал свержение Наполеоновской империи и требовал от правительства, пришедшего ей на смену, доброй воли нейтральных держав. Наполеон III. был обвинен в ответственности за войну: утверждалось, что с падением его династии причины для продолжения борьбы перестали существовать. Франция просила только о прочном мире. Такой мир, однако, должен оставить территорию Франции неприкосновенной, ибо бесчестный мир был бы лишь прелюдией к новой войне на уничтожение. "Ни пяди нашей земли мы не уступим" - так гласила формула - "ни камня из наших крепостей". ^[543]

[Фавр и Бисмарк, сентябрь. 29.]

У германского канцлера не было наготове риторики, равной фразам его противника; но как только битва при Седане была выиграна, в прусском штабе было решено, что мир не будет заключен без аннексии Эльзаса и Лотарингии. Принц Бисмарк заявил, что его собственная политика остановилась бы на захвате Страсбурга: однако Мольтке и главнокомандующие сухопутными войсками заявили, что Германия не может быть защищена от вторжения, пока Мец остается в руках Франции, и это мнение было принято королем. На мгновение показалось, что победа при Седане дала завоевателю мир на его собственных условиях. Однако эта надежда быстро исчезла, и армия наследного принца, не теряя времени, возобновила поход на Париж. На третьей неделе сентября захватчики приблизились к столице. Фавр, несмотря на свое заявление от 6-го числа, был не прочь вступить в переговоры; и, полагаясь на свое собственное искусство убеждения, он добился встречи с канцлером Германии, которая была ему предоставлена в Феррьере 19-го и продолжилась на следующий день. Бисмарк колебался обращаться с должностными лицами в Париже как с состоявшимся правительством; он был готов заключить перемирие, чтобы можно было провести выборы в Национальное собрание, с которым Германия могла бы вести мирные переговоры; но в качестве условия перемирия он требовал сдачи Страсбурга и Туля. Туль был уже на последней грани; Страсбург был не в состоянии продержаться еще десять дней; но об этом правительство в Париже не знало. Условия, выдвинутые Бисмарком, были отвергнуты как оскорбительные для Франции, и войне было предоставлено идти своим чередом. Уже в то время, когда Фавр вел переговоры в Феррьере, немецкий авангард наступал к западу от Парижа. Отряд французских войск, атаковавший их 19-го числа при Шатийоне, был обращен в бегство и в панике бежал. Версаль был оккупирован в тот же день, и вскоре после этого была завершена линия обложения вокруг столицы.

[Осада Парижа, сентябрь. 19.]

[Тур.]

[Гамбетта в Туре.]

Начался второй акт войны. Париж был укреплен Тьером около 1840 года, в то время, когда казалось вероятным, что Франция может быть вовлечена в войну с коалицией по делам Мехмета Али. Форты были недостаточно удалены от города, чтобы полностью защитить его от артиллерии с увеличенной дальностью по сравнению с 1870 годом; однако их было достаточно, чтобы исключить возможность штурма и вынудить осаждающих полагаться в основном на медленное действие "голода". Инженеры 1840 года подсчитали, что продовольствия может быть собрано достаточно, чтобы город смог выдержать двухмесячную осаду; однако запасы, собранные в 1870 году, были настолько велики, что при удвоенном населении Парижа запасов хватило бы более чем на четыре месяца. Таким образом, несмотря на пленение и уничтожение ее армий, дело Франции не было безнадежным, если бы, в то время как Париж и Мец были заняты четырехсоттысячными захватчиками, население провинций с энтузиазмом взялось за борьбу и после нескольких месяцев военных упражнений предоставило войска, более многочисленные, чем те, которые Франция потеряла, чтобы атаковать осаждающих со всех точек сразу и обрушиться на их коммуникации. Организовать такое национальное сопротивление было, однако, невозможно ни для одного правительства в самой осажденной столице. Поэтому было решено основать вторую резиденцию правительства на Луаре; и прежде чем вокруг Парижа были установлены границы, три члена министерства во главе с г-ном Кремье отправились в Тур. Однако Кремье, который был пожилым юристом, оказался совершенно не справляющимся со своей задачей. Его авторитет оспаривался на западе и юге. Революционные движения угрожали разрушить единство национальной обороны. Требовалась более сильная рука, более властная воля. Такая рука, такая воля принадлежали Гамбетте, который 7 октября покинул Париж, чтобы взять на себя управление провинциями и организацию национальных армий. Кольцо осаждающих теперь было слишком тесным, чтобы можно было передвигаться обычным способом. Гамбетта пролетел над немецкими позициями на воздушном шаре и благополучно добрался до Тура, где немедленно отодвинул своих слабых коллег на задний план и сосредоточил всю власть в своих энергичных руках. Эффект его присутствия сразу же почувствовался по всей Франции. Беспорядкам в крупных городах и всем попыткам соперничества с центральной властью был положен конец. Гамбетта имел недостатки опрометчивости, чрезмерной самоуверенности, недостаточного уважения к научному авторитету в вопросах, в которых он сам был невеждой; но он в необычайной степени обладал качествами, необходимыми для диктатора в условиях такого национального кризиса: безграничным, неукротимым мужеством; простой, стихийной страстью любви к своей стране, которая не оставляла абсолютно места колебаниям или сдержанности в преследовании единственной цели, ради которой существовала тогда Франция, - войны. Он увлек за собой нацию, как вихрь. Какую бы долю в окончательном поражении Франции ни сыграли военные ошибки Гамбетты и его опрометчивое личное вмешательство в дела командиров, без него никогда бы не стало известно, на какие усилия способна Франция. Доказательством его способностей были ненависть и страх, которые он внушал немецкому народу вплоть до своей смерти. Если бы во главе армии Меца стоял человек, равный одной десятой боеспособных сил Гамбетты, вполне возможно, что Франция завершила бы войну если не с успехом, то, по крайней мере, с неизменной территорией.

[Падение Страсбурга, сентябрь. 28.]

[Луарская армия.]

[Танн берет Орлеан, 12 октября.]

Прежде чем Гамбетта покинул Париж, падение Страсбурга освободило армию под командованием генерала Вердера, которой он был осажден, и позволило немцам установить гражданское правительство в Эльзасе, западная граница новой провинции была уже настолько точно изучена, что, когда в 1871 году был заключен мир, линия границы была проведена не на одной из ранних французских карт, а на карте, опубликованной сейчас немецким штабом. Первой задачей Гамбетты было разделить Францию на округа, каждый со своим военным центром, своей армией и своим командующим. Было создано четыре таких района: центрами были Лилль, Ле-Ман, Бурж и Безансон. В Бурже и его окрестностях уже был достигнут значительный прогресс в организации. В начале октября немецкие кавалерийские отряды, продвигавшиеся на юг, обнаружили, что французские войска собираются на Луаре. Баварский генерал Фон дер Танн был выделен Мольтке из состава осаждавшей Париж армии и получил приказ стать хозяином Орлеана. Фон дер Танн поспешил на юг, разбил французов под Орлеаном 11 октября и занял этот город, после чего французы отступили к Буржу. Гамбетта сместил побежденного командира и поставил на его место генерала Ореля де Паладайна. Фон дер Танну было приказано переправиться через Луару и уничтожить арсеналы в Бурже; однако он сообщил, что эта задача была ему не по силам, вследствие чего Мольтке приказал генералу Вердеру со страсбургской армией двигаться на запад против Буржа, предварительно рассеяв слабые силы, которые собирались вокруг Безансона. "Вердер" отправился в свой опасный поход, но не успел он продвинуться далеко, как на чашу весов против французских новобранцев на Луаре была брошена армия совсем другой мощи.

[Базен в Меце.]

[Капитуляция Меца, 27 октября.]

В битве при Гравелотте, произошедшей 18 августа, Базен так обошелся с французскими войсками, что возникло сомнение в том, действительно ли он намеревался прорвать линию противника и бежать из Меца. В какой период политические замыслы, несовместимые с его военным долгом, впервые овладели мыслями Базена, неизвестно. Он играл политическую роль в Мексике; вполне вероятно, что как только он оказался во главе единственной боеспособной армии Франции и увидел, что Наполеон безнадежно дискредитирован, он начал стремиться к личной власти. Перед падением Империи он, очевидно, принял схему бездействия с целью сохранения целостности своей армии: даже вылазка, в ходе которой было решено, что он должен помочь Мак-Магону за день до Седана, была проведена слабо и нерешительно. После провозглашения Республики бездействие Базена стало еще более заметным. Интриги авантюриста по имени Ренье, который пытался начать переговоры между пруссаками и изгнанной императрицей Евгенией, укрепили его в решимости помешать своим солдатам выполнить свой долг перед Францией. Проходила неделя за неделей; пятая часть осаждающей армии была поражена болезнью; однако Базен не предпринимал никаких попыток прорваться или даже уменьшить количество людей, потреблявших припасы в Меце, предоставив отдельным отрядам возможность спастись бегством. 12 октября, после притворной вылазки на север, он установил связь с германским штабом в Версале. Бисмарк предложил предоставить свободный отход армии из Меца при условии, что крепость будет передана в его руки, что армия возьмет на себя обязательство действовать от имени императрицы и что императрица

поклонится принять прусские условия мира, какими бы они ни были. Генерал Буайе был направлен в Англию, чтобы ознакомить императрицу с этими предложениями. Она отклонила их, и через две недели были проведены маневры по реставрации бонапартизма. Базен обнаружил, что его ресурсы на исходе. 27-го была подписана капитуляция Меца. Сама крепость с бесчисленными пушками и боевыми припасами, а также армия в сто семьдесят тысяч человек, включая двадцать шесть тысяч больных и раненых в госпиталях, перешла в руки немцев. ^[544]

[Базен.]

Позже Базен предстал перед военным трибуналом, был признан виновным в неисполнении служебных обязанностей и приговорен к смертной казни. Этот приговор не был приведен в исполнение; но если существует позор, который хуже смерти, такой позор навсегда останется за его именем. В условиях, в которых Франция не прилагала никаких усилий, никакая жертва жизнью не могла быть слишком большой для командующего армией в Меце. Чтобы удержать осаждающих в полном составе перед крепостью, не потребовалось бы и половины реальных сил Базена. Если бы половина его армии пала на поле боя в последовательных попытках прорваться сквозь ряды врага, храбрые люди, без сомнения, погибли бы; но даже если бы их усилия не увенчались успехом, их смерть дала бы Мецу возможность продержаться еще несколько недель или месяцев. Гражданское население Меца составляло всего шестьдесят тысяч, его армия была в три раза многочисленнее; в отличие от Парижа, его запасы были израсходованы не беспомощными миллионами женщин и детей, а солдатами, чьим долгом было помогать обороне своей страны любой ценой. Их долг, если они не могли прорваться, состоял в том, чтобы умереть в бою; и если бы они проявили нерешительность, чего не было, Базен должен был умереть во главе их. То, что Базен выполнил бы свой долг, даже если бы Наполеон III. остался на троне, более чем сомнительно, поскольку его бездействие началось еще до Седанской катастрофы. После этого он под предлогом того, что правительство Франции попало в руки мятежников и что для его армии важнее спасти Францию от правительства, чем от захватчика. Он был единственным человеком во Франции, который так думал. Правительство 4 сентября, каковы бы ни были его недостатки, было достаточно хорошим для десятков тысяч храбрецов, легитимистов, орлеанистов, бонапартистов, которые стекались под его знамена без различия партий: оно могло бы быть достаточно хорошим для маршала Базена. Но Франции пришлось заплатить за политическое, моральное безразличие, которое привело к Государственному перевороту 1851 года, к раблепию перед Империей, ко многим мерзким и хвастливым поступкам в Мексике, Китае, Алжире. Такое безразличие нашло своего Заклятого Врага в лице Базена.

[Танн изгнан из Орлеана, 9 ноября.]

[Битвы при Орлеане, 28 ноября- 2 декабря.]

[Вылазка при Шампиньи, 29 ноября- 4 декабря.]

[Битва при Амьене, 27 ноября.]

Капитуляция Меца и освобождение великой армии принца Фридриха Карла, которой он был осажден, фатально изменили условия французской войны за национальную оборону. Двести тысяч победоносных войск Германии под командованием некоторых из их самых способных генералов были освобождены для нападения на все еще необученные войска на Луаре и на

севере Франции, которые, будь у них больше времени на организацию, вполне могли бы вынудить немцев снять осаду Парижа. Армия, которой когда-то командовал Штайнмец, теперь была воссоздана и отправлена под командованием генерала Мантейфеля в направлении Амьена; принц Фридрих Карл двинулся с остатками своих войск к Луаре. Понимая, что его наступление нельзя долго откладывать, Гамбетта настоял на том, чтобы Орель де Паладин начал поход на Париж. Генерал атаковал Танна при Кульмье 9 ноября, разгромил его и вновь занял Орлеан, что стало первым реальным успехом, которого французы добились в войне. В германском штабе в Версале поднялась большая тревога; обсуждалась возможность провала осады, и сорокатысячное войско было спешно отправлено на юг на поддержку баварского генерала. Орель, однако, не двинулся на столицу: его войска все еще были непригодны для этого предприятия; и он оставался неподвижным к северу от Орлеана, чтобы улучшить свою организацию, дожидаться подкрепления и отразить атаку Фридриха Карла на сильной позиции. На третьей неделе ноября передовые дивизии армии Меца подошли и заняли позиции между Орлеаном и Парижем. Гамбетта теперь настаивал на том, что необходимо приложить усилия для освобождения столицы. Орель сопротивлялся, но был вынужден подчиниться. Гарнизон Парижа уже предпринял несколько безуспешных атак на позиции осаждающих, самой энергичной из которых была атака при Ле Бурже 30 октября, в ходе которой были скрещены штыки. Было условлено, что в последние дни ноября генерал Трошю попытается прорваться на южную сторону и что одновременно луарская армия обрушится на стоящего перед ней противника и попытается прорваться к столице. 28-го началось наступление на немцев к северу от Орлеана. В течение нескольких дней борьба возобновлялась дивизией за дивизией армий Ореля и принца Фредерика Карла. Победа, наконец, осталась за немцами; центр французской позиции был захвачен; правое и левое крыла армии были отрезаны друг от друга и вынуждены отступать, одно вверх по Луаре, другое на запад. Орлеан 5 декабря снова перешел в руки немцев. Вылазка из Парижа, начавшаяся с успешной атаки генерала Дюкро на Шампиньи за Марной, закончилась после нескольких дней боев возвращением немцами утраченных позиций и отступлением Дюкро в Париж. На той же неделе Мантейфель, двигаясь против армии севера, шедшей на выручку, столкнулся с ней близ Амьена, после упорной борьбы разгромил ее и овладел самим Амьеном.

[Оккупирован Руан, 6 декабря.]

[Бапом, 3 января.]

[Сен-Кантен, 19 января.]

После падения Амьена Мантейфель двинулся на Руан. Этот город сдался ему без сопротивления; завоеватели продвигались на запад, и в Дьеппе войска, прибывшие из пределов России, впервые увидели море. Но республиканские армии, в отличие от тех, с которыми немцы столкнулись впервые, не были сокрушены одним ударом. Под энергичным командованием Файдерба северная армия снова двинулась на Амьен. Гебен, которого оставили защищать линию Соммы, вышел ему навстречу, разгромил его 23 декабря и отбросил обратно в Аррас. Но снова, после недельного перерыва, Файдербе продвинулся вперед. 3 января он атаковал слабую дивизию Гебена у Бапома и обошелся с ней так жестоко, что немцы на следующий день оставили бы свои позиции, если бы французы сами не отступили первыми. Файдерб, однако, отступил только для получения подкрепления. После нескольких дней отдыха он снова попытался выйти на дорогу на Париж, продвигаясь на этот раз на восток через Сен-

Кантен. Перед этим городом Гебен атаковал его. Последнее сражение армии Севера состоялось 19 января. Французский генерал пытался скрыть свое поражение, но немецкий командующий добился всего, чего желал. Армия Файдерба была вынуждена в беспорядке отступить на север; ее участие в войне подходило к концу.

[Армии Луары и Востока.]

[Ле-Ман, 12 января.]

[Бурбаки.]

[Монбельяр, 15-17 января.]

[Восточная армия пересекает швейцарскую границу, 1 февраля.]

В течение последних трех недель декабря в операциях немцев на Луаре наступила пауза. Ожидалось, что Бурбаки и восточное крыло армий французской армии вскоре вновь появятся в Орлеане и попытаются соединиться с войсками Шанзи. Гамбетта, однако, разработал другой план. Он считал, что Шанзи с помощью дивизий, сформированных в Бретани, будет достаточно силен, чтобы противостоять принцу Фридриху Карлу, и он решил бросить армию Бурбаки, усиленную подкреплениями с юга, на саму Германию. План был дерзким, и если бы две французские армии были способны выполнить работу, которую требовал от них Гамбетта, вторжение в Баден или даже повторное завоевание Эльзаса самым серьезным образом повлияло бы на положение немцев перед Парижем. Но Гамбетта просчитался в силе молодых, необученных войск, плохо вооруженных, плохо накормленных, против врага-ветерана. В результате серии ожесточенных боев луарская армия под командованием генерала Шанзи была отброшена в начале января из Вандома в Ле-Ман. 12-го Шанзи занял пост перед этим городом и провел свою последнюю битву. Пока он оказывал энергичное сопротивление в центре линии, бретонские полки, стоявшие справа от него, отступили; немцы окружили его и овладели городом. Шанзи отступил к Лавалю, оставив тысячи пленных в руках врага и сохранив лишь остатки армии. Тем временем Бурбаки с многочисленным, но плохо оснащенным войском почти достиг Бельфора. В немецком штабе под Парижем сначала не поверили сообщению о его движении на восток, и войскам генерала Вердера, которые вели бой около Дижона с вспомогательным отрядом под командованием Гарибальди, пришлось принять на себя основную тяжесть атаки без поддержки. Когда стало известно реальное положение дел, Мантейфеля в горячей спешке отправили на восток, к угрожаемому пункту. "Вердер" покинул Дижон и отступил к Везулю; часть его армии все еще была занята осадой Бельфора. Когда Бурбаки приблизился, он отступил с большей частью своих войск, чтобы прикрыть силы осаждающих, оставив одного из своих лейтенантов атаковать Бурбаки с фланга у Виллерсекселя. Эта атака, одна из самых ожесточенных в войне, задержала французов на два дня и дала "Вердеру" время занять укрепленные позиции, которые он выбрал в районе Монбельяра. Здесь 15 января началась борьба, которая длилась три дня. Французы, умирающие от голода и холода, хотя и значительно превосходили противника численностью, были без особого эффекта направлены против немецких окопов. 18-го Бурбаки начал отступление. "Вердер" не мог последовать за ним; Мантейфель со слабыми силами все еще находился на некотором расстоянии, и на мгновение показалось возможным, что Бурбаки быстрым движением на запад сможет сокрушить этого изолированного врага. Гамбетта приказал Бурбаки предпринять попытку: командующий отказался навлекать на себя

дальнейшие неприятности с войсками, которые не были пригодны для встречи с врагом, и отступил к Понтарлье в надежде пробиться в Лион. Но Мантейфель теперь спускался перед ним; дивизии армии Вердера наступали с севера; отступление было отрезано; и несчастный французский генерал, которого телеграмма Гамбетты отстранила от командования, попытался покончить с собой. 1 февраля остатки его армии, все еще насчитывавшей восемьдесят пять тысяч человек, но доведенной до крайней степени слабости и нищеты, искали убежища за швейцарской границей.

[Капитуляция Парижа и перемирие, 28 января.]

Теперь война была окончена. Через два дня после отражения атаки Бурбаки при Монбельяре была предпринята последняя неудачная вылазка из Парижа. Теперь провизии оставалось еще только на две недели; более сорока тысяч жителей пали жертвой лишений осады; всякая надежда на помощь со стороны освободительных армий до того, как начнется настоящий голод, исчезла. 23 января Фавр встретился с канцлером Германии в Версале, чтобы обсудить условия общего перемирия и капитуляции Парижа. Переговоры длились несколько дней; 28-го было подписано перемирие с объявленной целью немедленно провести выборы в Национальное собрание, которое должно решить, следует ли продолжать войну или на каких условиях следует заключить мир. Условия перемирия заключались в том, что форты Парижа и все их военное имущество должны быть переданы немецкой армии; что артиллерия окружения должна быть демонтирована; и что регулярные войска в Париже должны, как военнопленные, сдать свое оружие. Национальной гвардии было разрешено сохранить свое оружие и артиллерию. Сразу же после выполнения первых двух условий должны были быть предоставлены все условия для доставки продовольствия в Париж. ^[545]

[Национальное собрание в Бордо, 12 февраля.]

[Предварительные условия мира, 26 февраля.]

Статьи перемирия были должным образом выполнены, и 30 января прусский флаг развевался над фортами французской столицы. Правительство разослало по провинциям приказы о немедленном проведении выборов. Одно время граф Бисмарк опасался, что Гамбетта не признает перемирия, которое могло быть заключено его коллегами в Париже. Но это опасение не оправдалось, поскольку, протестуя против меры, принятой без консультаций с ним самим и его товарищами в Бордо, Гамбетта фактически не отвергал перемирие. Однако он призвал нацию использовать этот перерыв для сбора новых сил; и в надежде добиться от выборов согласия Собрания на продолжение войны он опубликовал декрет, лишаящий возможности избрания всех лиц, которые были связаны с правительством Наполеона III. Бисмарк немедленно выразил протест против этого указа, и по его просьбе парижское правительство отменило его. Гамбетта после этого подал в отставку. Выборы состоялись 8 февраля, а 12-го в Бордо открылось Национальное собрание. Теперь Правительство обороны сложило свои полномочия. Тьер, который был автором тех укреплений, которые сдерживали немцев в течение четырех месяцев после разгрома императорских армий; который в разгар июльского бреда 1870 года сделал все, что мог человек, чтобы отговорить имперское правительство и его парламент от войны; который, несмотря на свои семьдесят лет, после падения Наполеона поспешил в Лондон, Санкт-Петербург, Флоренцию, Вену в надежде заручиться некоторой поддержкой Франции, - был человеком, призванным по общему согласию к руководству государством. Он назначил министерство, призвал Ассамблею отложить все обсуждения относительно будущего

правительства Франции, а сам отправился в Версаль, чтобы обсудить условия мира. В течение нескольких дней старик боролся с графом Бисмарком по пункту за пунктом прусских требований. Бисмарк требовал уступки Эльзаса и Восточной Лотарингии, выплаты шести миллиардов франков и оккупации части Парижа немецкой армией до тех пор, пока Ассамблея не ратифицирует условия мира. Тьер из всех сил старался спасти Мец, но в этом вопросе немецкий штаб был неумолим; в конце концов ему удалось сократить контрибуцию до пяти миллиардов, и ему был предоставлен выбор между удержанием Бельфора и избавлением Парижа от ввода немецких войск. В последнем пункте его патриотизм принял решение без малейших колебаний. Он приказал немцам войти в Париж и сохранил Бельфор для Франции. 26 февраля были подписаны предварительные условия мира. Тридцать тысяч немецких солдат прошли маршем по Елисейским полям 1 марта; но в тот же день ассамблея в Бордо ратифицировала мирный договор, и через сорок восемь часов Париж был освобожден от глаз своих завоевателей. Статьи мира предусматривали постепенную эвакуацию Франции германской армией по мере выплаты части контрибуции, которую разрешалось растянуть на три года. Оставалось урегулировать лишь некоторые детали, в основном связанные с финансами; они, однако, оказались предметом долгих и ожесточенных споров, и только 10 мая во Франкфурте был подписан окончательный мирный договор.

[Германское единство.]

Франция развязала войну, чтобы свести на нет работу по частичному объединению, осуществленную Пруссией в 1866 году: она добилась противоположного результата, и Германия вышла из войны с созданной империей. Сразу после победы при Верте кронпринц понял, что пришло время отменить разделительную линию, отделявшую Южную Германию от Федерации Севера. Его собственной концепцией наилучшей формы национального объединения была Германская империя с ее главой в Берлине. В то, что граф Бисмарк не планировал объединения Северной и Южной Германии, поверить невозможно; но министр и кронпринц всегда были во вражде; и когда после битвы при Седане они заговорили вместе о будущем, принцу показалось, что Бисмарк едва ли думал о федерации Империи или о восстановлении императорского достоинства и как будто он был склонен к этому только с определенными оговорками. Однако частью системы Бисмарка было как можно дальше отстранять наследного принца от политических дел под странным предлогом, что его родством с королевой Викторией будут злоупотреблять французские пристрастия английского двора; и вполне возможно, что, если бы канцлер после битвы при Седане решил довериться принцу, вместо того чтобы возмущаться его вмешательством, разница между их взглядами на будущее Германии была бы расценена скорее как разница в формах и средствах, чем в намерениях. Но какова бы ни была доля этих двух непохожих духов в инициировании последних шагов к объединению Германии, работа, в конечном счете достигнутая, была и по форме, и по существу такой, какую задумал кронпринц. В течение сентября были начаты переговоры с каждым из Южных штатов о его вступлении в Северную Конфедерацию. Только Бавария вызвала серьезные трудности и потребовала условий, на которые прусское правительство не могло согласиться. Бисмарк воздержался от оказания давления в Мюнхене, но предложил нескольким правительствам направить представителей в Версаль с целью достижения соглашения. На какое-то время Мюнхенский двор привлек на свою сторону суверена Вюртемберга, и посланникам Вюртемберга в Версале был направлен приказ действовать вместе с баварцами в отказе подписать мирный договор, предложенный Бисмарком. После этого вюртембергские министры подали в отставку; Баден и Гессен-Дармштадт подписали

мирный договор, и два несогласных короля оказались на грани исключения из Объединенной Германии. Они отозвали свое возражение, и в конце ноября были подписаны договоры, объединяющие все Южные штаты с существующей Конфедерацией, при этом Бавария сохранила за собой более широкие отдельные права, чем были предоставлены любому другому члену Союза.

[Провозглашение империи, 18 января.]

В актах, которые, таким образом, придали Германии политическую сплоченность, не было ничего, что меняло бы титул ее главы. Бисмарк, однако, тем временем проинформировал непокорных государей, что, если они сами не предложат королю Вильгельму императорское достоинство, это сделает северогерманский парламент. Соответственно, в конце ноября король Баварии разослал письмо всем своим соотечественникам-суверенам, предлагая королю Пруссии, как президенту новообразованной Федерации, принять титул германского императора. Вскоре после этого с той же просьбой тот же государь обратился к самому королю Вильгельму в письме, продиктованном Бисмарком. Депутация Северогерманского рейхстага во главе с его председателем доктором Симсоном, который в качестве президента Франкфуртского национального собрания в 1849 году предложил императорскую корону королю Фридриху Вильгельму, выразила согласие нации с поступком принцев. Ожидалось, что до конца года новые политические соглашения будут одобрены парламентами всех заинтересованных государств, и 1 января было назначено для принятия императорского титула. Однако оппозиция в Баварской палате была столь энергичной, что церемония была отложена до 18-го числа. Даже тогда в Мюнхене не было проведено окончательного одобрительного голосования; но повторная отсрочка была бы фатальной для достоинства мероприятия; и 18 января среди принцев Германии и представителей ее армии, собравшихся в Зеркальном зале в Версале, король Вильгельм принял титул германского императора. Первый парламент империи открылся в Берлине два месяца спустя.

[Парижская коммуна.]

[Войска выведены в Версаль, 18 марта.]

[Коммуна.]

Несчастья Франции не закончились с падением ее столицы и потерей приграничных провинций; ужасная драма 1870 года завершилась гражданской войной. Частью нормального порядка французской истории является то, что, когда существующее правительство свергается и на его место ставится другое, это второе правительство, в свою очередь, подвергается нападкам со стороны восстания в Париже, и предпринимаются попытки установить демократическое правление в самой столице или тех, кто на данный момент выдает себя за ее лидеров. Так было в 1793 году, в 1831-м, в 1848-м и снова так было в 1870-м. Фавр, Трошу и другие члены правительства обороны пришли к власти после падения Наполеона III. потому что они считали себя людьми, наиболее способными служить государству. В Париже были сотни других людей, которые были точно такого же мнения о себе; и когда с ходом осады Правительство обороны потеряло свою популярность и авторитет, было естественно, что амбициозные и нетерпеливые люди более низкого политического ранга сочли, что пришло время попробовать, не сможет ли Париж обеспечить лучшую оборону под их собственной эгидой. До конца октября предпринимались попытки свергнуть правительство. Они

периодически повторялись, но безуспешно. Агитация, однако, продолжалась в рядах Национальной гвардии, которая, в отличие от Национальной гвардии времен Луи Филиппа, теперь включала в себя массу рабочего класса и была самым опасным врагом, а не опорой правительства. Капитуляция привела ситуацию к кризису. Фавр заявил, что разоружить Национальную гвардию без уличного сражения будет невозможно; по его просьбе Бисмарк позволил Национальной гвардии сохранить оружие, и опасения самого правительства, таким образом, подготовили почву для успешного восстания. Когда немцы собирались оккупировать западную часть Парижа, Национальная гвардия отвела свою артиллерию на Монмартр и там возвела окопы. В течение следующих двух недель, пока немцы отступали из западных фортов в соответствии с условиями мира, правительство и Национальная гвардия бездействовали друг против друга; 18 марта генералу Леконту было приказано захватить артиллерию, стоявшую на Монмартре. Его войска, окруженные и привлеченные Национальной гвардией, бросили своего командира. Леконт был схвачен и вместе с генералом Клеманом Тома казнен. Революционный Центральный комитет захватил Ратушу; войска, все еще остававшиеся верными правительству, были отведены в Версаль, где Тьер собрал Палату представителей. Не только сам Париж, но и западные форты, за исключением Мон-Валерьяна, попали в руки повстанцев. 26 марта состоялись выборы в коммуну. Большинство мирных граждан воздержались от голосования. Был избран совет, который, наряду с несколькими безобидными и благонамеренными людьми, содержал отряд революционеров по профессии; и после провала всех попыток примирения между Парижем и Версалем начались военные действия.

[Вторая осада - 2 апреля, 21 мая.]

В рядах тех, кто боролся за Коммуну, были те, кто сражался в искренней вере, что их дело - дело муниципальной свободы; были и другие, которые считали, и не без оснований, что существованию Республики угрожает реакционное собрание в Версале; но в целом движение было делом рук фанатиков, стремившихся ниспровергнуть любую власть, кроме своей собственной; и несчастной толпы, которая следовала за ними, поскольку они боролись за что угодно, кроме ежедневного жалованья, которое было их единственным средством к существованию со времен революции. началась осада, они сражались неизвестно за что. По мере того как конфликт затягивался, он принимал с обеих сторон характер чудовищного насилия и жестокости. Убийство генералов Леконта и Тома с самого начала было отомщено казнью некоторых из первых пленных, взятых войсками Версала. Затем коммуна захватила заложников. Хладнокровное убийство трехсот национальных гвардейцев, застигнутых врасплох осаждающими в Кламарте, послужило парижанам примером массового убийства. Когда после шестинедельной осады, в ходе которой Париж пострадал гораздо сильнее, чем от канонады немцев, версальские войска наконец вошли в столицу, человечество, цивилизация, казалось, исчезли в бесовских оргиях. Отступая, защитники убили своих заложников и оставили после себя объятые пламенем дворцы, музеи, все общественное достояние нации в ее столице. Завоеватели в течение нескольких дней расстреливали всех, кого брали в плен, и во многих случаях предавали смерти целые банды пленных без различия. Настроение армии было таково, что правительство, даже если бы захотело, вероятно, не смогло бы смягчить ужасы этой мести. Но нигде не было заметно никаких признаков склонности к милосердию. Военные трибуналы и казни продолжались еще долго после того, как остыл пыл сражения. Прошел год, а трибуналы все еще были заняты своей работой. Более десяти тысяч человек были приговорены к транспортировке или тюремному заключению до того, как общественное правосудие было

удовлетворено.

[Вступление итальянских войск в Рим, 20 сентября 1870 г.]

[Папство.]

Материальные потери, понесенные Францией от рук захватчиков и в гражданской войне, были вскоре возмещены; но начиная с битвы при Верте и вплоть до свержения Коммуны Франция была стерта с лица земли как европейская держава, и ее уничтожение было выгодно двум нациям, которые не были ее врагами. Россия с санкции Европы сбросила ограничения, которые были наложены на нее в Черном море по Мирному договору 1856 года. Италия вступила во владение Римом. Вскоре после объявления войны войска Франции, после двадцатиднолетней оккупации, прерванной лишь интервалом в несколько месяцев в 1867 году, были выведены с папской территории. Каким бы ни было соглашение с Виктором Эммануилом, по которому Наполеон отозвал свои войска из Чивита-Веккии, битва при Седане освободила Италию; и 20 сентября Национальная армия, преодолев непродолжительное демонстративное сопротивление, вошла в Рим. Единство Италии наконец было завершено; Флоренция перестала быть национальной столицей. Свод законов, принятый итальянским парламентом и известный как Гарантии, гарантировал Папе почести и иммунитеты суверена, владение Ватиканом и латеранскими дворцами, а также княжеский доход; при назначении епископов и вообще в управлении Церковью ему была свободно передана полнота власти, которой он не обладал ни в одной другой европейской стране. Но Пий не пошел бы на компромисс из-за потери своей светской власти. Он отверг примирение с итальянским народом, которое впервые с 1849 года стало возможным. Он объявил, что Рим находится во владении разбойников; и с изысканным наигранным презрением к Виктору Эммануилу и итальянскому правительству он изобрел и поддерживал до конца своей жизни, перед миром, слишком занятым, чтобы обращать внимание на его выступление, укоризненную роль Узника Ватикана.

ГЛАВА XXV.

Франция после 1871 года-Союз трех императоров-Восстание в Герцеговине-Нота Андраши-Убийство консулов в Салониках-Берлинский меморандум-Отвергнут Англией-Низложен Абдул Азиз-Массовые убийства в Болгарии-Сербия и Черногория объявляют войну-Общественное мнение в Англии- Дизраэли-Встреча императоров в Рейхштадте-Сербская кампания-Декларация царя-Конференция в Константинополе-Ее провал-Лондонский протокол-Россия объявляет войну-Наступление на Балканы-Осман у Плевны-Второе наступление на Плевну-Шипкинский перевал -Румыния-Третье наступление на Плевну-Тодлебен-Падение Плевны-

Переход Балкан-Перемирие- Англия-Флот проходит Дарданеллы-Сан-Стефанский мирный договор-Англия и Россия-Секретное соглашение-Конвенция с Турцией-Берлинский конгресс-Берлинский мирный договор-Болгария.

[Франция после 1871 года.]

За бурей 1870 года последовало несколько лет европейского затишья. Франция, с поразительной быстротой оправившаяся от ран, нанесенных войной, легко выплатила частями свой долг Германии и увидела, что ее земля освобождена от иностранцев раньше срока, установленного Франкфуртским мирным договором. Усилия реакционного собрания были сдержаны М. Тьер; Республику, как форму правления, которая меньше всего разделяла французов, он предпочитал монархической реставрации, которая могла бы завоевать Франции союзников при некоторых европейских дворах. В течение двух лет Тьер сбивал с толку или контролировал большинство роялистов в Версале, которые стремились посадить на трон графа де Шамбора или главу Орлеанского дома, и таким образом спас свою страну от величайшей из всех опасностей - возобновления гражданской войны. В 1873 году он пал перед группой своих противников, и Макмахон стал президентом, только чтобы обнаружить, что дело роялистов стало безнадежным из-за отказа графа де Шамбора принять трехцветный флаг, и что Франция после нескольких лет испытаний определенно предпочла Республику. Тем временем принц Бисмарк знал, как расстроить все планы по созданию коалиции против победоносной Германии среди держав, которые пострадали от ее успехов или чьи интересы оказались под угрозой из-за ее величия. Он увидел, что бурбон или Наполеон на троне Франции найдут гораздо больше сочувствия и доверия в Вене и Санкт-Петербурге, чем сменяющий друг друга глава республики, и приказал графу Арниму, немецкому послу в Париже, который хотел способствовать реставрации Наполеона, воздержаться от всех попыток ослабить республиканское правительство. В Санкт-Петербурге, где после несчастий 1815 года Франция обрела своих лучших друзей, немецкому государственному деятелю пока было нечего опасаться. Бисмарк поддержал Россию в расторжении Парижского мирного договора; объявляя о заключении мира с Францией, германский император самым торжественным образом заверил царя, что его заслуги в предотвращении того, чтобы война 1870 года не стала всеобщей, никогда не будут забыты; и, каковы бы ни были чувства его подданных, Александр II продолжал верить, что Россия не могла найти более надежного друга, чем правительство Берлина.

[Союз трех императоров.]

В Австрии принцу Бисмарку предстояла более трудная роль. Он не мог надеяться на настоящее взаимопонимание, пока во главе дел оставался Бойст. Но события 1870 года, полностью расстроившие планы Бойста по созданию коалиции против Пруссии и окончательно лишившие Австрию всякой надежды восстановить свои позиции в Германии, пошатнули позицию министра. Бисмарк смог предложить императору Франциску Иосифу искреннюю и сердечную дружбу могущественной Германской империи при условии, что Австрия откровенно примет работы 1866 и 1870 годов. После победы при Кенигграце он отговорил своего хозяина от аннексии какой-либо австрийской территории; он не поставил никаких условий мира, которые вызвали бы длительное раздражение; и теперь он пожинал плоды своей

предусмотрительности. Франциск Иосиф принял дружбу, предложенную ему Берлином, и отстранил графа Бойста от должности, призвав на его место венгерского министра Андраши, который, как по убеждениям, так и по профессии, приветствовал создание Германской империи и решительный отказ Австрии от своего вмешательства в дела Германии. Летом 1872 года три императора в сопровождении своих министров встретились в Берлине. Официального союза заключено не было, но были установлены отношения достаточной близости, чтобы застраховать принца Бисмарка от любых попыток, которые могли быть предприняты Францией для приобретения союзника. В течение пяти лет эта так называемая Лига трех императоров продолжала более или менее эффективно существовать и обрекла Францию на изоляцию. По мнению французского народа, Германия, пресыщенная пятью миллиардами, но все еще тощая и ненасытная, искала только какого-нибудь нового повода для войны. Этого не произошло. Немецкая нация неохотно вступила в войну 1870 года; история последующих лет доказала, что ее правитель, когда его великая цель была достигнута, стремился к миру не только на словах, но и на деле. Тревоги, которые время от времени поднимались в Париже и других местах, имели мало реального основания; и когда в следующий раз мир в Европе был нарушен, это было вызвано не возобновлением борьбы в Вогезах, а конфликтом на Востоке, который, каким бы ужасным он ни был по страданиям и разрушению жизни, был все же не бессмысленной дуэлью между двумя ревнивыми нациями, а одним из самых плодотворных по результатам из всех современных войн, спасшим целые провинции от османского владычества и оставившим после себя вместо хаоса изношенного варварства по крайней мере элементы для будущей национальной независимости среди других народов. население Балкан.

[Восстание в Герцеговине, август 1875 г.]

[Записка Андраши, 31 января 1876 г.]

Летом 1875 года Герцеговина восстала против своих турецких хозяев, и в Боснии вспыхнули конфликты между христианами и мусульманами. Восстание было энергично, хотя и в частном порядке, поддержано Сербией и Черногорией и в течение нескольких месяцев сводило на нет все усилия, предпринятые Портой для его подавления. Многие тысячи христиан, бежавших от опустошенной земли и безжалостного врага, искали убежища за австрийской границей и стали обузой для австрийского правительства. Волнения среди славянских соседей и родственников повстанцев угрожали миру в самой Австрии, где славяне и мадьяры были почти так же готовы напасть друг на друга, как христиане и турки. Андраши вступил в сношения с правительствами Санкт-Петербурга и Берлина относительно принятия общей линии политики трех империй по отношению к Порте; и план реформ, призванный привести к умиротворению мятежных провинций, был разработан тремя министрами совместно друг с другом. Этот проект, известный как "Записка Андраши" и получивший одобрение Англии и Франции, требовал от Порты установления полной религиозной свободы, отмены налогов на сельское хозяйство, использования доходов, получаемых от прямого налогообложения в Боснии и Герцеговине, на нужды самих этих провинций, учреждения Комиссии, состоящей в равной степени из христиан и мусульман, для контроля за проведением этих реформ и реформ, обещанных Портой, и, наконец, улучшения аграрного положения населения путем продажи им пустующих земель, принадлежащих государству. Нота с требованием этих реформ была представлена в Константинополе 31 января 1876 года. Порта, которая уже была щедра на обещания повстанцам, выдвинула определенные возражения в деталях, но в конечном итоге заявила о

своей готовности пойти на существенные уступки, которые были оговорены Державами. ^[546]

[Убийство консулов в Салониках, 6 мая.]

Вооруженные этим заверением, представители Австрии теперь пытались убедить повстанцев сложить оружие, а беженцев вернуться в свои дома. Но был дан ответ, что султан уже дал достаточно обещаний, и что вопрос заключался не в том, что еще должно быть написано на листе бумаги, а в том, как обеспечить исполнение этих обещаний. Без каких-либо гарантий со стороны Великих держав Европы беженцы отказались снова отдавать себя на милость турок, а лидеры Герцеговины отказались распустить свои войска. Конфликт вспыхнул с новой силой; вмешательство Держав, далекое от того, чтобы привести к миру, возбудило фанатичные страсти мусульман как против христианских райя, так и против иностранца, к которому они обратились. Волна религиозного, патриотического возбуждения, политического беспокойства, варварской ярости прокатилась по Турецкой империи. 6 мая толпа напала на прусского и французского консулов в Салониках и убила их. В Смирне и Константинополе происходили угрожающие выступления против европейских жителей; в Болгарии черкесские поселенцы и орды иррегулярных войск, которые правительство недавно направило в эту провинцию, ждали только первых признаков ожидаемого восстания, чтобы обрушиться на свою добычу и затопить землю кровью.

[Берлинский меморандум, 13 мая.]

Как только стало очевидно, что нотой графа Андраши мира добиться не удастся, министры трех империй решили встретиться друг с другом с целью организации дальнейших совместных дипломатических шагов. Местом встречи был выбран Берлин, который царь собирался посетить; дата встречи была назначена на вторую неделю мая. Именно в промежуток между отправкой приглашения принца Бисмарка и прибытием царя с принцем Горчаковым и графом Андраши пришло известие об убийстве прусского и французского консулов в Салониках. Это событие придало более серьезный характер проводимым сейчас обсуждениям. Министры заявили, что если представители двух иностранных держав могут быть таким образом убиты среди бела дня в мирном городе на глазах у бессильных властей, то христиане восставших провинций вполне могут отказаться довериться разъяренному врагу. Эффективная гарантия выполнения обещаний, данных Портой, стала абсолютно необходимой. Выводы министров были воплощены в Меморандуме, в котором говорилось, что воюющим сторонам должно быть навязано перемирие сроком на два месяца; что смешанная комиссия, упомянутая в Ноте Андраши, должна быть немедленно создана во главе с христианином, выходцем из Герцеговины; и что реформы, обещанные Портой, должны проводиться под руководством представителей европейских держав. Если до истечения срока перемирия Порта не дала бы своего согласия на эти условия, императорские дворы заявили, что они должны поддержать эти дипломатические усилия мерами более эффективного характера. ^[547]

[Только Англия отвергает Берлинский меморандум.]

В тот же день, когда был подписан этот меморандум, принц Бисмарк пригласил послов Великобритании, Франции и Италии встретиться с русским и австрийским канцлерами в своей резиденции. Они так и сделали. Меморандум был зачитан, и была высказана настоятельная просьба о том, чтобы Великобритания, Франция и Италия объединились с Императорскими дворами в поддержку Берлинского меморандума, как они это сделали в поддержку Ноты

Андраши. Поскольку принц Горчаков и Андраши оставались в Берлине всего на два дня дольше, была надежда, что ответы по телеграфу будут получены в течение сорока восьми часов. В течение этого времени поступили ответы от правительств Франции и Италии, согласившихся с Берлинским меморандумом; ответ из Лондона пришел только через пять дней; в нем сообщалось об отказе правительства присоединиться к предложенному курсу. В ожидании дальнейших переговоров по этому вопросу французские, немецкие, австрийские, итальянские и российские военные корабли были направлены в Салоники для получения компенсации за убийство консулов. Лондонский кабинет министров, отказавшись присоединиться к соглашению держав и заявив, что Великобритания, не намереваясь представлять никакой угрозы, не может допустить территориальных изменений на Востоке без своего собственного согласия, направил флот в бухту Бесика.

[Абдул Азиз свергнут, 29 мая.]

[Массовые убийства в Болгарии.]

[Сербия и Черногория объявляют войну, 2 июля.]

До этого времени в Англии мало внимания уделялось восстанию христианских подданных Порты или его влиянию на европейскую политику. Теперь, однако, началась серия событий, которые в необычайной степени возбудили интерес и даже страсть английского народа. Брожение в Константинополе усиливалось. 29 мая султан Абдул Азиз был свергнут Мидхат-пашой и Хусейном Авни, первый был главой партии реформ, второй - представителем старого турецкого военного и патриотического духа, который Абдул Азиз разозлил своим подчинением России. Через несколько дней свергнутый султан был убит. Хусейн Авни и еще один соперник Мидхата были убиты отчаянным преступником, когда они заседали в совете; Мурад V., возведенный на трон, оказался слабоумным; а Мидхат, которому суждено было возродить Османскую империю, как верили многие за пределами Турции, захватил все, кроме высшей власти в государстве. К концу июня до Западной Европы дошли сообщения о подавлении восстания в Болгарии с применением мер зверского насилия. Сербия и Черногория, долгое время активно поддерживавшие своих сородичей, которые были вооружены, объявили войну. Сообщения из Болгарии, поначалу туманные, приобрели более определенную форму; и наконец корреспонденты немецких, а также английских газет, пробираясь в район к югу от Балкан, находили в деревнях, все еще усеянных скелетами и человеческими останками, ужасные свидетельства того, что произошло. Британское министерство, опираясь на заявления сэра Х. Эллиота, посла в Константинополе, сначала отрицало серьезность массовых убийств: они, однако, распорядились, чтобы расследование проводилось на месте сотрудником посольства; и г-н Бэринг, секретарь Дипломатической миссии, был направлен в Болгарию с этой обязанностью. Отчет Бэринга подтверждал сообщения, которым его шеф отказывался верить, и утверждал, что число жертв, справедливо или ошибочно, составляло не менее двенадцати тысяч. ^[548]

[Мнение в Англии.]

Массовые убийства в Болгарии действовали на Европу в 1876 году так же, как резня на Хиосе действовала на Европу в 1822 году. Особенно в Англии они вызвали глубочайший ужас и полностью изменили отношение общественного мнения к туркам. До сих пор общественное сознание едва ли осознавало те вопросы, которые стояли на повестке дня на Востоке.

Герцеговина, Босния, Болгария не были такими знакомыми названиями, как Греция; англичане едва ли знали, где находятся эти страны и что они не населены турками. Крымская война оставила позади традицию дружбы с султаном; потребовалась какая-то вспышка молнии, какое-то потрясение, поразившее все слои общества, чтобы раз и навсегда развеять общепринятое представление о Турции как сообществе, напоминающем европейское государство, и донести до английского народа истинное положение христианских народов Балкан под властью их османских хозяев. Но болгарская резня эффективно добилась этого; и с этого времени огромная масса английского народа, которая так сильно сочувствовала итальянцам и венграм в их борьбе за национальную независимость, не была расположена позволить использовать влияние Великобритании для увековечения турецкого господства над славянскими расами. Нет никаких сомнений в том, что, если бы осенью 1876 года у нации была возможность выразить свои взгляды на парламентских выборах, она настояла бы на принятии активных мер совместно с Державами, которые были готовы навязать Порте реформы. Но парламенту 1876 года было всего два года; большинство, поддерживавшее правительство, все еще оставалось непоколебимым; и во главе кабинета стоял человек, одаренный необычайным упорством в достижении цели, обладавший большими полномочиями командовать другими и с ясным, холодным, безмятежным пониманием линии поведения, которой он намеревался придерживаться. Одной из самых странных черт той эпохи было то, что министр, который за свою долгую карьеру никогда еще не оказывал ни малейшего влияния на международные дела и который сам не был англичанином по происхождению, наложил в такой крайней степени отпечаток своей индивидуальности на проведение нашей внешней политики; что он выдвинул Англию на самый передний край в кризисе, через который проходила Европа; и что, к добру или ко злу, он обратил вспять тенденцию, которая со времен итальянской войны 1859 года, казалось, все дальше и дальше уводила Англию от континентальных дел.

[Дизраэли.]

Концепция парламентской политики Дизраэли была ироничной. Британской нации было приятно, что лидерство в одной из ее великих политических партий досталось гениальному человеку только при условии приспособления к некоторым странным фантазиям своих современников; и в течение двадцати лет, со времени его нападок на сэра Роберта Пила за отмену хлебных законов и до того времени, когда он подготовил для своей партии Законопроект о демократической реформе 1867 года, Дизраэли с превосходным изяществом подходил к нескольким странным ролям, которые ему предстояло играть. Но после 1874 года, когда он занял свой пост во главе могущественного большинства в обеих палатах парламента и покорного Кабинета министров, шалости закончились; началась эпоха государственной мудрости, основанной на собственных индивидуальных мыслях лидера, а не на банальных общественных убеждениях. В то время, когда Кавур выращивал рис, а Бисмарк был неизвестен за пределами своего родного графства, Дизраэли подарил миру в "Танкредe" свое видение Восточной империи. Таинственные вожди планировали возрождение Азии с помощью нового крестового похода арабских и сирийских приверженцев единой живой веры и слегка коснулись вопроса о переносе двора королевы Виктории из Лондона в Дели. На самом деле ничто не совершенно; и глаз Дизраэли был наделен таким необычным восприятием отдаленного, что он оказался несколько неуверенным в своем взгляде на вещи, не совсем лишенные важности ближе к дому. Он считал попытку установить независимость Италии мелким правонарушением; он выслушал идеи Бисмарка о будущем Германии и назвал их выдумками немецкого барона. В течение четверти века Дизраэли ослеплял и забавлял Палату общин, как казалось, не черпая

вдохновения в каком-либо одном великом деле и не различая ни одной из политических целей, к которым стремились народы Европы. Наконец, однако, пришло время для реализации его собственной имперской политики; и прежде чем восточный вопрос заметно возник над горизонтом в Европе, Дизраэли в качестве премьер-министра Англии начал действовать в Азии и Африке. Он послал принца Уэльского удерживать Дурбары и охотиться на тигров среди индусов; он провозгласил королеву императрицей Индии; он купил акции хедива в Суэцком канале. До сих пор было неясно, было ли в политике министра что-то сверх театрального и живописного; но когда большая часть нации начала просить о вмешательстве от имени восточных христиан против турок, они обнаружили, что цель Дизраэли была достаточно твердой. Воодушевленный глубоким недоверием и страхом перед Россией, он вернулся к тому, что было политикой правительств Тори во времена, предшествовавшие Каннингу, - отождествлению британских интересов с сохранением власти Османской Империи. Если бы поколение сентименталистов было готово пожертвовать величием Империи ради своих симпатий к угнетенному народу, то не Дизраэли был бы их орудием. Когда в Палате общин упоминалась резня в Батаке, он подробно остановился на благородных качествах черкесов; когда сообщалось о случаях пыток, он отметил, что восточный народ, как правило, более оперативно прекращает свою связь с преступниками. ^[549] Действительно, было достаточно англичан, которые любили свою страну так же, как Дизраэли, и которые доказали свою любовь жертвами, на которые Дизраэли не имел возможности пойти, которые считали унижительным, что величие Англии было куплено рабством и угнетением других рас, и что безопасность их Империи, как считается, зиждется на такой жалкой вещи, как турецкое владычество. Это были соображения, которым Дизраэли не придавал большого значения. Он считал, что единственное, что необходимо, - это обуздание России; и, в отличие от Каннинга, который считал, что Россию лучше всего будет держать в узде вооруженное сотрудничество Англии с ней в установлении независимости Греции, он с самого начала отказался рассматривать какой-либо проект навязывания султану реформ силой, сомневаясь лишь в том, до какой степени он сможет поддержать султана в сопротивлении другим державам. Согласно его собственному более позднему заявлению, он сам, будь он свободен, определенно сообщил бы царю, что, если бы он начал войну с Портой, Англия выступила бы ее союзником. Общественное мнение в Англии, однако, сделало этот курс невозможным. Нож Черкеса и Баши-Базука разорвал связь с Великобританией, которая спасла Турцию в 1854 году. Дизраэли - отныне граф Биконсфилд - мог только изрекать мрачные проклятия в адрес Сербии за то, что она осмелилась обнажить меч против своего законного господина и повелителя, и упрекать тех нетерпеливых англичан, которые, подобно великому человеку, чье имя связано с Биконсфилдом, считали, что миру не нужно быть слишком критичным в отношении средств избавления от такого зла, как османское владычество. ^[550]

[Встреча и Рейхштадтский мирный договор, 8 июля.]

[Сербская кампания, июль-октябрь.]

[Россия обеспечивает перемирие, 30 октября.]

За отказом Англии от Берлинского меморандума и объявлением войны Сербии и Черногории последовал более тесный союз трех императорских дворов. Царь и император Франциск Иосиф со своими министрами встретились в Рейхштадте в Богемии 8 июля. Согласно официальным заявлениям, результатом встречи было то, что два монарха приняли решение о

невмешательстве в настоящее время и предложили лишь возобновить попытку объединить все христианские державы в общей политике, когда возникнет какой-нибудь определенный повод. Однако за границу распространились слухи, которые оказались верными, о том, что предметом переговоров было нечто вроде возможного раздела Европейской Турции. Фактически был подписан Договор, предусматривающий, что, если Россия освободит Болгарию с помощью оружия, Австрия должна вступить во владение Боснией и Герцеговиной. Нейтралитет Австрии был фактически куплен такой ценой, и Россия, таким образом, обеспечила себе свободу действий на тот случай, если необходимые реформы не будут навязаны Турции европейским союзом. Возможно, раньше, чем ожидал князь Горчаков, религиозный энтузиазм русского народа и его сочувствие к своим родственникам и единоверцам за Дунаем вынудили царя к решительным действиям. Несмотря на помощь нескольких тысяч русских добровольцев и руководство русского генерала Черняева, сербы потерпели поражение в борьбе с турками. Посредничество Англии было тщетно предложено Порте на единственных условиях, на которых даже в Лондоне мир считался возможным, - сохранение существующих прав Сербии и установление провинциальной автономии в Боснии, Герцеговине и Болгарии. После кратковременной приостановки боевых действий в сентябре война возобновилась. Сербы были вытеснены со своих позиций; Алексинац был захвачен, дорога на Белград была открыта, и казалось, что гибель Болгарии вот-вот обрушится на завоеванное княжество. Турки действительно предложили пятимесячное перемирие, которое избавило бы их от рисков зимней кампании и позволило бы им сокрушить своего врага накопленными силами следующей весной. Это, по совету России, сербы отказались принять. 30 октября российский ультиматум был вручен в Константинополе послом Игнатьевым, требующим в течение сорока восьми часов предоставить Сербии перемирие на два месяца и прекращение военных действий. Порта подчинилась; и везде, где славяне и османы стояли друг против друга с оружием в руках, в Герцеговине и Боснии, а также в Сербии и Черногории, в борьбе наступала пауза.

[Декларация царя, 2 ноября.]

[Англия предлагает Конференцию.]

Неизбежность войны между Россией и Турцией в последние дни октября и тесная связь между Россией и Сербией оправдывали беспокойство британского правительства. Это беспокойство царь попытался рассеять, откровенно изложив свои собственные взгляды. 2 ноября он вступил в беседу с британским послом лордом А. Лофтусом и заверил его под честное слово, что у него нет намерения захватывать Константинополь; что, если ему потребуется оккупировать часть Болгарии, его армия останется там только до тех пор, пока не будет восстановлен мир и не будет установлена безопасность христианского населения; и, в целом, что он ничего так искренне не желает, как полного согласия между Англией и Россией в поддержании мира в Европе и улучшении положения христианского населения в Турции. Однако он с предельной ясностью заявил, что если Порта продолжит отказываться от реформ, которых требует Европа, а Державы будут мириться с ее продолжающимся отказом, Россия будет действовать в одиночку. Решительно отвергая всякое стремление к территориальному расширению, он протестовал против подозрительности, с которой к его политике относились в Англии, и желал, чтобы его слова были обнародованы в Англии как послание мира. ^[551] Лорд Дерби, тогдашний министр иностранных дел, немедленно выразил удовлетворение, с которым правительство получило эти заверения; и на следующий день из Лондона всем европейским державам было разослано

приглашение с предложением провести Конференцию в Константинополе на основе общего признания целостности Османской империи, сопровождаемое отрицанием со стороны каждой из Держав всех целей, направленных на усиление или отдельную выгоду. Предлагая эту конференцию, правительство действовало в соответствии с выраженным желанием царя. Но в Кабинете министров было два голоса. Лорд Биконсфилд, если бы это было в его власти, категорически сообщил бы России, что Англия поддержит султана в случае нападения. Это было запрещено страной и Кабинетом министров, но у премьер-министра были свои возможности высказаться, и на банкете в Гилдхолле 9 ноября, через шесть дней после того, как министр иностранных дел принял послание царя о дружбе, и до того, как это послание было доведено до сведения английского народа, лорд Биконсфилд произнес слова, которые, если бы они не были пустым бахвальством, могли быть задуманы только как угроза царю или как призыв к партии войны внутри страны: "Хотя политика Англии - мирная, ни одна страна не подготовлена к войне так хорошо, как Англия". наш собственный. Если Англия вступает в конфликт во имя правого дела, ее ресурсы неисчерпаемы. Она не из тех стран, которые, начиная кампанию, должны спрашивать себя, может ли она поддержать вторую или третью кампанию. Она вступает в кампанию, которую не прекратит до тех пор, пока не будет сделано все правильно".

[Проект конституции Османской Империи.]

Предложение графа Дерби о конференции в Константинополе было принято всеми Державами и принято на указанных основаниях. Лорд Солсбери, в то время государственный секретарь по делам Индии, был назначен представлять Великобританию совместно с сэром Х. Эллиотом, ее послом. Министр совершил свое путешествие в Константинополь через европейские столицы и узнал в Берлине, что хорошее взаимопонимание между германским императором и царем распространяется и на восточные дела. Сомнительно, получило ли британское правительство к настоящему времени какую-либо достоверную информацию о Рейхштадтском мирном договоре; но, насколько могло судить общественное мнение, теперь, несмотря на тон, принятый лордом Биконсфилдом, появилась более справедливая перспектива решения восточного вопроса путем установления той или иной формы автономии в христианских провинциях, чем когда-либо ранее. Сама Порта признала серьезные намерения Держав и, чтобы сорвать работу Конференции, подготовила план конституционной реформы, который намного превзошел самые смелые притязания герцеговинцев или сербов. Не что иное, как полная система парламентского правления, оснащенная по последнему слову техники Франции и Бельгии, должна была быть предоставлена всей Османской империи. То, что Мидхат-паша, который был автором этого плана, возможно, преследовал какую-то серьезную цель, не исключено; но при массе дворцовых функционеров в Константинополе это был просто прием для того, чтобы поставить Запад в неловкое положение его собственными изобретениями; и действия людей у власти, как великих, так и малых, продолжались и после того, как конституция вступила в номинальное существование, точно такими же, какими они были раньше. Сами положения конституции, должно быть, были непонятны всем, кроме тех, кто работал в иностранных судах. С таким же успехом правительство могло бы объявить о своем намерении украсить Балканы флорой морских глубин.

[Требования были урегулированы на Предварительной конференции, 11-21 декабря.]

На второй неделе декабря представители шести Великих держав собрались в Константинополе. Для того чтобы требования Европы были представлены Порте единогласно, они решили

провести серию предварительных встреч друг с другом до официального открытия Конференции и до общения с турками. На этих встречах, после того как Игнатьев отозвал свое предложение об оккупации Болгарии Россией, было достигнуто полное согласие. Было решено потребовать уступки Портой некоторых небольших округов Сербии и Черногории; предоставления административной автономии Боснии, Герцеговине и Болгарии; назначения в каждой из этих провинций христианских губернаторов, срок полномочий которых должен составлять пять лет, и назначение которых должно подлежать утверждению Властей; заключения турецких войск в крепостях; удаления банд черкесов в Азию; и, наконец, проведения этих реформ под руководством Международной комиссии, которая должна иметь в своем распоряжении корпус из шести тысяч жандармов, которые должны быть направлены в другие провинции. завербован в Швейцарии или Бельгии. Благодаря этим договоренностям, в то время как султан сохранял свой суверенитет, а целостность Османской империи оставалась неприкосновенной, предполагалось, что христианское население будет эффективно защищено от турецкого насилия и каприза.

[Турки отклоняют требования Конференции, 20 января 1877 г.]

Поскольку все разногласия между представителями европейских держав были устранены, официальная конференция была открыта 23 декабря под председательством министра иностранных дел Турции Савфет-паши. Слушания не зашли далеко, когда их прервал грохот пушек. Савфет объяснил, что была обнародована новая конституция Османской Империи и что залп, который услышали участники Конференции, возвестил о зарождении эры всеобщего счастья и процветания во владениях султана. Вскоре оказалось, что перед лицом этой великой панацеи нет места для реформаторских усилий христианских держав. Савфет с самого начала заявил, что, какие бы уступки ни были сделаны по другим пунктам, правительство султана никогда не согласится ни на создание Иностранной комиссии для надзора за проведением его реформ, ни на совместные действия Властей при назначении губернаторов его провинций. Тщетно утверждалось, что без такого иностранного контроля у Европы нет никаких гарантий того, что обещания и добрые намерения Порты, какими бы приятными они ни были, будут приведены в исполнение. Савфет ответил, что по Мирному договору 1856 года Державы объявили, что Османская империя находится на точно таком же положении, как любое другое великое государство в Европе, и недвусмысленно запретили себе вмешиваться, при каких бы обстоятельствах, в ее внутреннее управление. Позиция турецкого представителя на Конференции, по сути, была единственно логичной. В Парижском мирном договоре Державы изощренно обязались довести себя до абсурда; и этот Договор турок никогда не уставал швырять им в лицо. Но ситуация была не из тех, что касались юристов и толкования документов. Конференция, выслушав аргументы и контрпроекты турецких министров, пересмотрев свои собственные требования и изменив их во многих важных пунктах с учетом пожеланий Османской Империи, поддержала требование о создании Иностранной комиссии и о европейском контроле за назначением губернаторов. Мидхат, который теперь был великим визирем, созвал Великий Совет Империи и представил ему требования Конференции. Эти требования Великий Совет единогласно отклонил. Лорд Солсбери уже предупредил султана, каковы будут результаты продолжения упрямства; и после получения окончательного ответа Мидхата послы всех Держав вместе с посланниками, специально назначенными для участия в Конференции, покинули Константинополь.

[Лондонский протокол, 31 марта.]

[Порта отвергает Протокол.]

[Россия объявляет войну, 24 апреля.]

Россия с начала ноября активно готовилась к войне. Царь не оставил миру никаких сомнений относительно своих намерений на случай провала Европейского соглашения; ему оставалось только выяснить, предпримут ли Державы шаги для обеспечения выполнения своего заключения после согласования Конференцией определенного плана реформ и отклонения этого плана Портой. Англия предложила, чтобы султану был предоставлен год для осуществления его благих намерений: Горчаков поинтересовался, возьмет ли Англия обязательство действовать, если в конце года реформа не будет проведена; но такого обещания не последовало. С целью либо найти какое-нибудь соглашение, при котором Державы объединились бы, либо отсрочить начало войны до тех пор, пока русские приготовления не продвинулись дальше и время года не станет более благоприятным, Игнатьев был разослан по всем европейским дворам. Он посетил Англию и впоследствии составил при содействии графа Шувалова, российского посла в Лондоне, документ, который получил одобрение как британского, так и континентального правительств. Этот документ, известный как Лондонский протокол, был подписан 31 марта. После ссылки на обещания Порты провести реформы, в нем говорилось, что Державы намерены внимательно следить со стороны своих представителей за тем, каким образом эти обещания будут приведены в исполнение; что, если их надежды будут еще раз обмануты, они должны рассматривать положение дел как несовместимое с интересами Европы; и что в таком случае они совместно примут решение о средствах, наиболее подходящих для обеспечения благополучия христианского населения и интересов всеобщего мира. Были добавлены заявления относительно разоружения России, осуществление которого теперь было главной целью британского правительства. Действительно, в этом Протоколе было так мало существенного участия, что было бы удивительно, если бы Россия разоружилась, не получив каких-либо дополнительных гарантий для проведения реформы. Но каким бы слабым ни был Протокол, Порта отклонила его. Еще раз была сделана апелляция к Парижскому мирному договору, еще раз султан протестовал против посягательства Держав на его собственные неприкосновенные права. Кабинет лорда Биконсфилда даже сейчас отрицал, что последнее слово было сказано, и заявлял, что питает некоторую надежду на эффект последующих дипломатических шагов; но остальная Европа не просила и не ожидала дальнейшего снисхождения со стороны России. Оперативная армия уже находилась на Пруте: великий князь Николай, брат царя, был назначен ее командующим; и 24 апреля российское правительство объявило войну.

[Форсирование Дуная, 27 июня.]

[Наступление на Балканах, июль.]

[Гурко к югу от Балкан, 15 июля.]

Между российской границей и Дунаем лежало Румынское княжество. Конвенция, подписанная до начала военных действий, предоставила российской армии свободный проход через эту территорию, и впоследствии Румыния вступила в войну в качестве союзника России. Однако только на четвертой неделе июня захватчики смогли переправиться через Дунай. Семь армейских корпусов были собраны в Румынии; из них один переправился через Нижний Дунай в

Добруджу, два были оставлены в Румынии в качестве резерва, а четыре форсировали реку в окрестностях Систовы, чтобы начать болгарскую кампанию. Это было желание русских бросить центральную часть своей армии по линии реки Янтра на Балканы; левой рукой двинуться против Рустчука и турецких армий в восточных крепостях Болгарии; правой рукой захватить Никополь и защитить центральную колонну от любой фланговой атаки с запада. Но как в Европе, так и в Азии русские недооценили мощь своего противника и вступили в войну с недостаточными силами. Преимущества, завоеванные их генералами на армянской границе, пока европейская армия все еще маршировала через Румынию, были утрачены в течение следующих нескольких недель. Баязид и другие места, попавшие в руки русских при первом наступлении, были возвращены турками под командованием Мухтар-паши; и в течение нескольких дней после начала европейской кампании русские дивизии в Азии повсюду отступали к своей собственной границе. Болгарская кампания с самого начала была отмечена такими же быстрыми успехами захватчиков, за которыми, из-за той же нехватки сил, последовали аналогичные бедствия. Не встретив эффективного сопротивления на Дунае, русские быстро продвигались к Балканам по линии Янтры. Турецкая армия была разбросана по болгарским крепостям, от Виддина на крайнем западе до Шумлы у подножия Восточных Балкан. Российское командование считало, что для действий против турок в Восточной Болгарии потребуются два армейских корпуса, в то время как одного корпуса будет достаточно, чтобы прикрыть центральную линию вторжения с запада. Оставался, за исключением двух корпусов в резерве в Румынии и корпуса, удерживающего Добруджу, только один корпус для марша на Балканы и Адрианополь. Командование авангардом этого корпуса было передано генералу Гурко, который продвинулся на Балканы, захватил Шипкинский перевал и спустился в Южную Болгарию (15 июля). Турки были выбиты из Кесанлика и Эски-Сагры, а кавалерия Гурко численностью в несколько сотен человек продвинулась на расстояние двухдневного марша к Адрианополю.

[Осман оккупирует Плевну, 19 июля.]

[Первое сражение под Плевной, 20 июля.]

[Второе сражение под Плевной, 30 июля.]

[Шипкинский перевал, 20-23 августа.]

Штаб всей русской армии находился теперь в Тырнове, древней столице Болгарии, примерно на полпути между Дунаем и Балканами. Два армейских корпуса под командованием Царевича двинулись на восток, против Рустчука и так называемой дунайской турецкой армии, которая собиралась за линией Кара-Лома; другая дивизия под командованием генерала Крюденера повернула на запад и захватила Никополь с его гарнизоном. Ловац и другие пункты, лежащие к западу от Янтры, были заняты слабыми подразделениями; но разведка русскими в этом направлении была проведена настолько плохо, что они не знали о приближении турецкой армии из Виддина численностью в тридцать пять тысяч человек, пока она не оказалась вплотную у них на фланге. Прежде чем русские смогли помешать ему, Осман-паша с авангардом этой армии занял город и высоты Плевны, расположенные между Никополем и Ловацем. 20 июля, все еще не подозревая о силе своего противника, русские атаковали его под Плевной: они потерпели поражение со значительными потерями, и через несколько дней одна из дивизий Османа, продвигаясь вперед к центральной линии обороны захватчиков, выбила их из Ловаца. Теперь великий князь послал подкрепление Крюденеру и приказал ему взять Плевну любой ценой. Численность Крюденера возросла до тридцати пяти тысяч человек; но тем

временем к Осману присоединились новые турецкие полки, и его войска, насчитывавшие теперь около пятидесяти тысяч человек, работали день и ночь, укрепляясь на высотах вокруг Плевны, которые русские должны были атаковать. Штурм был предпринят 30 июля; он был отбит со страшной резней, русские оставили на поле боя пятую часть своего состава. Если бы Осман перешел в наступление, а турецкий командующий на реке Лом энергично атаковал линию фронта захватчиков, это, вероятно, плохо кончилось бы для русской армии в Болгарии. Гурко был немедленно вынужден покинуть страну к югу от Балкан. Его войска, отступавшие к Шипкинскому перевалу, были атакованы с юга значительно превосходящими силами Сулеймана-паши. Османский командующий, расточавший жизни своих людей и полагавшийся на простое насилие с завязанными глазами, день за днем бросал свою армию на русские позиции (20-23 августа). Был момент, когда казалось, что все потеряно, и русские солдаты послали своему царю последнее послание с выражением преданности от людей, которые вот-вот должны были умереть на своем посту. Но перед лицом крайней опасности прибыло подкрепление, слабое, но достаточное, чтобы переломить чашу весов против плохо управляемых турок. Армия Сулеймана отступила к деревне Шипка на южной оконечности перевала. Сам перевал со входом из северной Болгарии оставался в руках русских.

[Румыния.]

[Третья битва при Плевне, 11-12 сентября.]

После второй битвы при Плевне стало ясно, что русские не смогут продолжать кампанию имеющимися у них силами. Были призваны два армейских корпуса, которые охраняли побережье Черного моря; несколько других были мобилизованы во внутренних районах России и начали свой путь к Дунаю. Однако насущная необходимость была настолько настоятельной, что царь был вынужден обратиться за помощью к Румынии. Эта помощь была оказана. Румынские войска, отличные по качеству, восполнили брешь, вызванную поражениями Крюденера, и вся армия перед Плевной была передана под командование румынского принца Карла. В начале сентября русские снова были готовы к боевым действиям. Ловац был отбит у турок, и дивизия, захватившая его, двинулась к Плевне, чтобы принять участие в крупном комбинированном наступлении. Эта атака была предпринята 11 сентября на глазах у царя. На севере русские и румыны вместе, после отчаянной борьбы, взяли штурмом Гривицкий редут. На юге Скобелев удерживал первую турецкую позицию, но не смог произвести никакого впечатления на их вторую линию обороны. Двенадцать тысяч человек пали на русской стороне до конца дня, а основные укрепления турок все еще не были прорваны. На следующий день турки перешли в наступление. Скобелев, подвергшийся атаке значительно превосходящего противника, тщетно молился о подкреплении. Его люди, стоя на позициях, которые они отвоевали у турок, отражали одну атаку за другой, но в конечном счете были разбиты и изгнаны с поля боя. К концу второго дня сражения русские были повсюду отброшены на свои позиции, за исключением редута Гривица, который сам по себе был всего лишь передним укреплением турецкой обороны, и внутри его имелись более мощные укрепления. Нападавшие понесли потери, приближающиеся к потерям немцев при Гравелотте, с армией, составляющей треть численности немцев. Осман был сильнее, чем в начале кампании; какими жертвами придется пожертвовать России, чтобы приобрести свою окончательную победу, никто не мог подсчитать.

[Тодлебен осаждает Плевну.]

[Падение Плевны, 10 декабря.]

Три поражения под Плевной бросают злобещий свет на российскую военную администрацию и качества ее руководителей. Солдаты сражались героически; дивизионные генералы, такие как Скобелев, сделали все, что мог сделать человек на таких должностях; вина лежала на штабе и офицерах, которыми была окружена императорская семья. После третьей катастрофы общественное мнение призвало к устранению виновников этих катастроф и найму более способных людей. Тодлебен, защитник Севастополя, который по какой-то неизвестной причине остался без командования, теперь был вызван в Болгарию и фактически поставлен во главе армии перед Плевной. Он видел, что крепость Османа может быть взята только регулярной осадой, и приготовился провести свои линии прямо вокруг нее. Какое-то время Осман поддерживал открытыми свои коммуникации с юго-западом, и с этого направления в Плевну направлялись тяжелые эшелоны с боеприпасами и припасами; но в конце концов окружение было завершено, и армия Плевны была отрезана от остального мира. Тем временем новые полки неуклонно вливались в Болгарию из внутренних районов России. К востоку от Янтры, после многих удачных поворотов судьбы, турки были наконец отброшены за реку Лом. Последними усилиями Сулейману не удалось вырвать Шипкинский перевал у его защитников. От узкой линии, которую захватчики с таким трудом удерживали в течение трех тревожных месяцев, их силы, накапливаясь день ото дня, распространились на юг и запад до склонов Балкан, готовые прорваться через горный барьер и отбросить врага обратно к стенам Константинополя, когда однажды Плевна должна была пасть и осаждавшая ее армия должна была пополнить силы захватчика. Наконец, на второй неделе декабря запасы продовольствия у Османа иссякли. Одержав победу в трех сражениях, он отказался сдаваться без еще одной схватки. 10 декабря, распределив между своими людьми остатки провизии, он предпринял отчаянную попытку прорваться на запад. Его колонны напрасно атаковали линии осаждающих; позади него враги продвигались к позициям, которые он оставил; кольцо огня, подобное тому, что было при Седане, окружило турецкую армию; и после того, как тысячи людей пали в безнадежном сражении, генерал и войска, которые в течение пяти месяцев сдерживали собранные силы Российской империи, сдались своему победителю.

[Переход Балкан, 25 декабря- 8 января.]

[Капитуляция Шипки, 9 января.]

[Русские входят в Адрианополь, 20 января 1878 г.]

Если на первых этапах войны мало что делало честь военному потенциалу России, энергия, ознаменовавшая ее завершение, компенсировала то, что было раньше. Наступала необычайно суровая зима: Балканы представляли собой массу снега и льда; но теперь никакие препятствия не могли помешать продвижению захватчиков. Гурко, командовавший армией, собравшейся к юго-западу от Плевны, в последних числах декабря пробился через горы над Этрополем и, вытеснив турок из Софии, двинулся к Филиппополю и Адрианополю. Дальше на восток две колонны пересекли Балканы обходными путями справа и слева от Шипкинского перевала, а затем, сойдясь у самой Шипки, ударили в тыл турецкой армии, которая все еще блокировала южный выход. Одновременно третий корпус двинулся вниз по перевалу с севера и атаковал турок спереди. После ожесточенного боя вся турецкая армия численностью в тридцать пять тысяч человек сложила оружие. Теперь между захватчиками и Константинополем оставалась только одна значительная сила. Этот отряд, которым командовал Сулейман, удерживал дорогу,

идущую вдоль долины Марицы, в точке несколько восточнее Филиппополя. Против него Гурко наступал с запада, в то время как победители Шипки, спустившись прямо на юг через Кесанлик, преградили путь отступления к Адрианополю. Последнее столкновение в войне произошло 17 января. Армии Сулеймана, разгромленной и деморализованной, удалось бежать к Эгейскому побережью. Преследование было излишним, поскольку война практически закончилась. 20 января русские вступили в Адрианополь; в следующие несколько дней их передовой отряд достиг Мраморного моря у Родосто.

[Перемирие, 31 января.]

Сразу после падения Плевны Порта обратилась к европейским державам за посредничеством. Бедствия в Азии уже предупредили его, что нельзя слишком долго откладывать подчинение, ибо в середине октября Мухтар-паша был изгнан со своих позиций, а месяц спустя Карс был взят штурмом. Впоследствии русские проникли в Армению и захватили укрепления Эрзерума. Каждый прошедший день приближал Османскую империю к разрушению. Сербия снова объявила войну; черногорцы сделали себя хозяевами прибрежных городов и пограничных территорий на севере и юге; казалось, что Греция вот-вот вступит в борьбу. Потерпев неудачу в своей попытке добиться общего посредничества держав, султан лично обратился к английской королеве за добрыми услугами по прекращению конфликта. В ответ на телеграмму из Лондона царь заявил, что готов заключить мир, как только Порта направит его представителям прямые сообщения. 14 января уполномоченные были направлены в штаб-квартиру великого князя Николая в Кесанлыке для переговоров о перемирии и предварительных условиях заключения мира. Русские, находившиеся сейчас в полном разгаре победы, не спешили соглашаться со своим противником. Николай приказал турецким посланникам сопровождать его в Адрианополь, и только 31 января было заключено перемирие и подписаны предварительные условия мира.

[Англия.]

[Голосование за доверие, 28 января- 8 февраля.]

[Флот проходит Дарданеллы, 6 февраля.]

Пока турецкие посланники направлялись в российскую штаб-квартиру, в Лондоне открылась сессия парламента. В начале войны министерство заявило, что Великобритания сохранит нейтралитет, если только ее собственные интересы не окажутся под угрозой, и оно с должной ясностью определило эти интересы как в своих контактах с российским послом, так и в своих заявлениях в парламенте. Было установлено, что правительство Ее Величества не может допустить блокады Суэцкого канала или распространения военных действий на Египет; что оно не может безразлично наблюдать за переходом Константинополя в другие руки, кроме рук его нынешних владельцев; и что оно будет иметь серьезные возражения против любых существенных изменений в правилах судоходства по Босфору и Дарданеллам, внесенных с санкции Европы. ^[552] В ответ на ноту лорда Дерби, в которой формулировались эти условия нейтралитета, принц Горчаков повторил заверения царя в том, что приобретение Константинополя исключается из его планов, и пообещал не предпринимать никаких военных операций в Египте; он, однако, дал понять, что в качестве военного случая взятие Константинополя может быть необходимо, как и взятие любой другой столицы. В речи королевы на открытии парламента министры заявили, что условия, на которых был основан нейтралитет

Англии, до сих пор не были нарушены ни одной из воюющих сторон, но что, если военные действия затянутся, какое-нибудь неожиданное событие может привести к необходимости принятия мер предосторожности, мер, которые не могут быть должным образом подготовлены без обращения к либеральности парламента. Из формулировок, впоследствии использованных коллегами лорда Биконсфилда, следует, что у Кабинета были некоторые опасения, что русская армия, вырвавшись из-под контроля царя, может захватить Константинополь и попытаться навсегда удержать его. 23 января адмиралу Хорнби, командующему флотом в бухте Бесика, был отправлен приказ пройти Дарданеллы и следовать в Константинополь. Лорд Дерби, который не видел необходимости в мерах военного характера до тех пор, пока не станут известны результаты переговоров в Адрианополе, теперь подал в отставку; но после отмены приказа адмиралу Хорнби он вернулся в Кабинет. 28 января, после того, как граф Шувалов сообщил британскому правительству основы мира, но до того, как они были фактически подписаны, канцлер казначейства предложил проголосовать за выделение 6 000 000 фунтов стерлингов для увеличения вооружений страны. Этому голосованию сначала решительно воспротивились на том основании, что ни одно из заявленных условий нейтралитета Англии не было нарушено и что в условиях мира между Россией и Турцией не было ничего, что оправдывало бы отход от политики, которую Англия до сих пор проводила. Однако в ходе дебатов пришла телеграмма от мистера Лейярда, преемника Эллиота в Константинополе, в которой говорилось, что, несмотря на перемирие, русские продвигаются к столице; что турки были вынуждены эвакуироваться из Силиврии на Мраморном море; что русский генерал собирается занять Чатаджу, аванпост последней линии обороны менее чем в тридцати милях от Константинополя; и что Порта была в большой тревоге и не могла понять действия русских. Эта телеграмма вызвала в Вестминстере величайшее волнение. Флоту был немедленно отдан приказ идти в Константинополь. Мистер Форстер, возглавивший оппозицию вотуму доверия, попытался отозвать свою поправку; и хотя на следующий день, с получением статей перемирия, оказалось, что русские просто продвигаются к принятой демаркационной линии и что Порта вряд ли могла не знать об этом, когда была отправлена телеграмма Лейярда, тревога, поднятая в Лондоне, не утихла, и вотум доверия был поддержан большинством более чем в двести голосов. ^[553]

[Неизбежность войны с Англией.]

Когда победоносная армия без вмешательства какой-либо внешней Силы останавливается в своей завоевательной деятельности путем переговоров о перемирии, неизменно выдвигается условие, что ей будут переданы позиции, которые она в данный момент не занимает, но которые она могла бы разумно ожидать завоевания в течение определенного срока, если бы военные действия не были приостановлены. Перемирие, предоставленное Австрии Наполеоном после битвы при Маренго, предусматривало эвакуацию всей Верхней Италии; перемирие, которое Бисмарк предложил французскому правительству обороны в начале осады Парижа, повлекло бы за собой капитуляцию Страсбурга и Туля. Требуя, чтобы демаркационная линия была проведена почти до стен Константинополя, русские просили не больше того, что, несомненно, было бы в их руках, если бы военные действия затянулись на несколько недель или даже дней. Как ни глубоко взволновали английский народ условия перемирия, истинную причину раздора между Англией и Россией, если таковая имелаась, следовало искать не в этих условиях, а в условиях мира, который должен был последовать за ними. Тем не менее, приближение русских к Галлиполи и рубежам Чатаджи, за которым последовала отправка британского флота в Константинополь, поставило Россию и Великобританию на волосок от войны. Напрасно лорд Дерби описывал флот как посланный только для защиты жизней и имущества британских

подданных. Горчаков, который был выше всех в такого рода услугах, ответил, что российское правительство преследовало точно такую же цель, с той разницей, что его защита будет распространена на всех христиан. Если британский флот появится в Босфоре, русские войска, выполняя общий долг человечества, войдут в Константинополь. Уступая этой угрозе, лорд Биконсфилд приказал флоту остановиться в удобной точке Мраморного моря. С обеих сторон велись приготовления к немедленным действиям. Орудия на наших кораблях были готовы к бою; русские засыпали отмени торпедами. Если бы русский солдат появился на высотах Галлиполи, если бы англичанин высадился на азиатском берегу Босфора, война немедленно разразилась бы. Но после нескольких недель крайней опасности опасность простого соседства миновала, и решение о выборе между миром и войной было перенесено с несчастных случаев в палатке и на шканцах на обсуждение государственных деятелей, собравшихся в Конгрессе.

[Сан-Стефанский мирный договор, 3 марта.]

Основы мира, которые были сделаны условием перемирия, заключенного в Адрианополе, сформировали с небольшими изменениями содержание Договора, подписанного Россией и Турцией в Сан-Стефано, деревне на Мраморном море, 3 марта. Этим договором Порты признала независимость Сербии, Черногории и Румынии и уступила значительные территории двум бывшим государствам. Болгария была образована как автономное княжество-даник с христианским правительством и национальным ополчением. Его граница, которая была сделана настолько обширной, что включала большую часть европейской Турции, была определена как начинающаяся близ Мидии на Черном море, менее чем в шестидесяти милях от Босфора; проходящая оттуда на запад чуть севернее Адрианополя; спускающаяся к Эгейскому морю и идущая вдоль побережья до Фракийского Херсонеса; затем проходящая вглубь страны на запад, так что едва не исключая Салоники; идущая до границы Албании в пятидесяти милях от Адриатики, и с этого места идущая вдоль албанской границы до новой сербской границы. Болгарский князь должен был быть свободно избран населением и утвержден Портой с согласия Держав; система управления должна была быть разработана Собранием болгарской знати; а введение новой системы в Болгарии с надзором за ее работой должно было быть поручено на два года российскому уполномоченному. До тех пор, пока не будет организовано местное ополчение, русские войска численностью не более пятидесяти тысяч человек должны были оккупировать страну; эта оккупация, однако, должна была быть ограничена сроком, приближающимся к двум годам. В Боснии и Герцеговине предложения, представленные Порте на первом заседании Конференции 1876 года, подлежали немедленному внесению с учетом таких изменений, которые могли быть согласованы между Турцией, Россией и Австрией. Порты обязалась скрупулезно применять на Крите Органический закон, который был разработан в 1868 году с учетом ранее выраженных пожеланий местного населения. Аналогичный закон, адаптированный к местным требованиям, после того, как он был доведен до сведения царя, должен был быть введен в Эпире, Фессалии и других частях Турции в Европе, для которых Договором не была предусмотрена специальная конституция. Комиссиям, в которых должно было быть в значительной степени представлено коренное население, в каждой провинции должна была быть поручена задача разработки деталей новой организации. В Армении султан обязался без дальнейших задержек осуществить улучшения и реформы, которых требовали местные условия, и гарантировать безопасность армян от курдов и черкесов. В качестве компенсации за потери и издержки войны Порты признала себя обязанной России суммой в тысячу четыреста миллионов рублей; но в соответствии с пожеланиями султана и принимая во внимание финансовые затруднения Турции, царь согласился принять взамен большей части

этой суммы уступку Добруджи в Европе и округов Ардаган, Карс, Батум и Баязид в Азии. Что касается остатка в размере трехсот миллионов рублей, причитающихся России, то способ платежа или гарантии должен был быть урегулирован по договоренности между двумя правительствами. Добруджа должна была быть передана царем Румынии в обмен на Бессарабию, которую это государство должно было передать России. Полная эвакуация Турции в Европе должна была произойти в течение трех месяцев, Турции в Азии - в течение шести месяцев после заключения мира. ^[554]

[Предложение Конгресса.]

[Противоположные цели России и Англии.]

Российское правительство с самого начала признало, что вопросы, затрагивающие интересы Европы в целом, не могут быть урегулированы только Договором между Россией и Турцией, а должны составлять предмет европейского соглашения. В начале февраля австрийский император предложил созвать Европейскую конференцию в его собственной столице. Впоследствии было решено, что местом встречи должен быть Берлин, а не Вена, а вместо Конференции должен быть проведен Конгресс, то есть международное собрание самой торжественной формы, на котором каждая из Держав представлена не просто послом или посланницей, но и ее ведущими министрами. Но сразу же возник вопрос, существовало ли в сознании российского правительства различие между частями Сан-Стефанского мирного договора, затрагивающими интересы Европы в целом, и частями, которые не затрагивали никаких государств, кроме России и Турции; и желала ли в данном случае Россия, чтобы судьей этого различия была Европа, или, напротив, требовала для себя права утаивать отдельные части Договора от Европейского суда. Принимая принцип Конгресса, лорд Дерби от имени Великобритании поставил условием, что каждая статья Договора без исключения должна быть представлена Конгрессу, не обязательно как требующая согласия Держав, но для того, чтобы сами Державы могли в каждом конкретном случае решить, необходимо ли их согласие или нет. Этому требованию князь Горчаков оказал самое яростное сопротивление, заявив, что за Россией остается свобода принимать или не принимать обсуждение любого вопроса, который может быть поднят. Очевидно, что в силах российского правительства, если бы это условие было выполнено, было бы исключить из рассмотрения Европы именно те вопросы, которые, по мнению других государств, имели наиболее существенное европейское значение. Были предложены примирительные фразы, но никакая изобретательность языка не могла затенить разницу в целях, разделявшую соперничающие державы. С каждым днем шансы на созыв Конгресса, казалось, уменьшались, приближение войны между Россией и Великобританией становилось все более очевидным. Лорд Биконсфилд вызвал резервы и вызвал войска из Индии; в Кабинете обсуждался даже проект захвата порта в Малой Азии на случай, если султан попадет под влияние России. Не в силах примириться с этими решительными мерами, лорд Дерби, который долгое время был не в ладах с премьер-министром, теперь окончательно вышел из состава кабинета (28 марта). Его сменил на этом посту маркиз Солсбери, чье сравнение своего родственника и предшественника с Титусом Оутсом возродило интерес дипломатического мира к ныне забытому периоду английской истории.

[Циркуляр от 1 апреля.]

Новый министр иностранных дел пробыл на своем посту всего несколько дней, когда во все иностранные дворы был разослан Циркуляр, в котором кратко излагались возражения

Великобритании против Сан-Стефанского мирного договора. Указывалось, что под контролем России будет создано сильное славянское государство, обладающее важными гаванями на берегах Черного моря и Архипелага и дающее России преобладающее влияние на политические и торговые отношения на обоих этих морях; что значительное греческое население будет объединено в преобладающее славянское большинство; что путем расширения Болгарии до Архипелага албанские и греческие провинции, оставленные султану, будут отделены от Константинополя; что аннексия Бессарабии и Батума сделает волю российского правительства доминирующей во всех окрестностях Черного моря; что приобретение опорных пунктов Армении поставило бы население этой провинции под непосредственное влияние Державы, которая удерживала эти опорные пункты, в то время как из-за уступки Баязида европейская торговля из Трапезунда в Персию могла бы быть остановлена запретительными барьерами российской торговой системы. Наконец, оговоркой о контрибуции, выплатить которую Турция была не в силах, и ссылкой способа платежа или гарантии на более поздний расчет Россия предоставила ей возможность либо вымогать еще большие уступки территории, либо принудить Турцию к обязательствам, подчиняющим ее политику во всем политике Санкт-Петербурга.

[Граф Шувалов.]

[Секретное соглашение, 30 мая.]

[Конвенция с Турцией, 4 июня.]

[Кипр.]

Целью лорда Солсбери было показать, что последствия Сан-Стефанского мирного договора, взятые в совокупности, угрожают миру и интересам Европы, и поэтому, что бы ни выдвигалось за или против отдельных положений Договора, что Договор в целом, а не пункты, выбранные одной державой, должен быть представлен Конгрессу, если рассмотрение не должно оказаться иллюзорным. Это была справедливая аргументация. Тем не менее было естественно предположить, что некоторые части Договора должны быть более неприятны Великобритании, чем другие; и граф Шувалов, искренне желавший мира, занялся выяснением, какими уступками был бы удовлетворен кабинет лорда Биконсфилда. Он обнаружил, что если Россия согласится на изменения Договора в Конгрессе, исключаящие Болгарию из Эгейского моря, уменьшающие ее территорию на юге и западе, разделяющие ее на две провинции и возвращающие Балканы султану в качестве военной границы, возвращающие Баязида туркам и предоставляющие другим державам, помимо России, право голоса в организации Эпира, Фессалии и других христианских провинций Порты, Англию можно было бы побудить принять без существенных изменений другие положения Сан-Стефано. 7 мая граф Шувалов отбыл из Лондона в Санкт-Петербург, чтобы представить царю результаты своих сношений с Кабинетом министров и ознакомить его с состоянием общественного мнения в Англии. На его пути стояли вопросы мира или войны. Опираясь на советы германского императора, Шувалов преуспел в своей миссии. Царь решил не рисковать уже достигнутыми великими результатами, настаивая на оспариваемых пунктах, и Шувалов вернулся в Лондон с полномочиями заключить пакт с британским правительством на общей основе, которая была заложена. 30 мая было подписано секретное соглашение, в котором вышеупомянутые пункты были главными, и теперь заседание Конгресса для рассмотрения всего Сан-Стефанского мирного договора было обеспечено. Но не без глубочайшей тревоги и сожаления лорд Биконсфилд согласился на аннексию Батума и

армянских крепостей. В секретном соглашении с Шуваловым он действительно получил заверения в том, что российская граница больше не будет расширяться со стороны Турции в Азии; но его политика на этом не остановилась. По Соглашению, заключенному с султаном 4 июня, Великобритания обязалась в случае любой дальнейшей агрессии России на азиатские территории султана защищать эти территории силой оружия. Султан, в свою очередь, пообещал провести необходимые реформы, которые должны быть согласованы двумя державами, для защиты христиан и других подданных Порты на этих территориях, и далее передал остров Кипр под оккупацию и управление Англии. В юмористическом послесловии было оговорено, что, если Россия вернет Турции свои армянские завоевания, Кипр будет эвакуирован Англией, а сама Конвенция должна быть прекращена. ^[555]

[Берлинский конгресс, 13 июня-13 июля.]

[Берлинский мирный договор, 13 июля.]

Берлинский конгресс, на котором Великобританию представляли сам премьер-министр и лорд Солсбери, открылся 13 июня. Хотя компромисс между Англией и Россией был достигнут в общих чертах, согласование деталей породило такой ряд трудностей, что Конгресс, казалось, не раз был на грани роспуска. В основном благодаря настойчивости и мудрости князя Бисмарка, который перенес обсуждение наиболее важных вопросов с Конгресса на частные встречи своих гостей и который сам выступал в роли посредника, когда Горчаков складывал свои карты или лорд Биконсфилд заказывал специальный поезд, работа наконец была выполнена. Берлинский мирный договор, подписанный 13 июля, ограничивал Болгарию как автономное княжество территорией к северу от Балкан и уменьшал власть, которая, до установления в ней окончательной системы правления, по Сан-Стефанскому мирному договору принадлежала бы российскому уполномоченному. Часть Болгарии к югу от Балкан, но простиравшаяся не дальше на запад, чем долина Марицы, и не дальше на юг, чем гора Родопы, была преобразована в провинцию Восточная Румелия, которая оставалась подчиненной прямой политической и военной власти султана на условиях административной автономии. Было объявлено, что султан обладает правом возводить укрепления как на побережье, так и на сухопутной границе этой провинции и содержать там войска. Как в Болгарии, так и в Восточной Румелии период оккупации русскими войсками был ограничен девятью месяцами. Босния и Герцеговина были переданы Австрии для оккупации и управления этой Державой. Уступки территории Сербии и Черногории по Сан-Стефанскому мирному договору были изменены с целью создания более широкой полосы между этими двумя государствами; Баязид был исключен из числа уступленных районов в Азии, и царь объявил о своем намерении превратить Батум в свободный порт, по существу торговый. По примеру Франции положения, касающиеся греческих провинций Турции, были отменены голосованием за передачу части этих провинций Греческому королевству. Султану было рекомендовано уступить Греции Фессалию и часть Эпира, при этом державы оставили за собой право предложить свое посредничество для облегчения переговоров. В остальном положения Сан-Стефанского мирного договора были подтверждены без существенных изменений.

[Сравнение двух договоров.]

Лорд Биконсфилд вернулся в Лондон, принеся, как он сказал, мир с честью. В депеше нашим послам, которая сопровождала публикацию Берлинского мирного договора, утверждалось, что в этом договоре нашли полное решение кардинальные возражения, выдвинутые британским

правительством против Сан-Стефанского мирного договора. "Болгария, - писал лорд Солсбери, - в настоящее время ограничена речным барьером Дуная и, следовательно, не только перестала обладать какой-либо гаванью на Архипелаге, но и удалена более чем на сто миль от побережья этого моря. На Эвксинском море важный порт Бургас был возвращен правительству Турции; и Болгария сохраняет за собой менее половины морского флота, первоначально закрепленного за ней, и не обладает никаким другим портом, кроме рейда Варны, который едва ли может использоваться для чего-либо, кроме коммерческих целей. Замена под турецким владычеством Бургаса и южной половины морского побережья Эвксинского залива и придание Батуму строго коммерческого характера в значительной степени устранили угрозу свободе Черного моря. Политические форпосты российской власти были отброшены в регион за Балканами; владения султана получили защищаемую границу". Короче говоря, английское правительство утверждало, что в то время как Россия, якобы освободив большую часть Европейской Турции по Сан-Стефанскому мирному договору, всего лишь приобрела новую зависимость, Англия, настаивая на разделе Болгарии, сорвала этот план и восстановила эффективное военное господство Турции над всей страной к югу от Балкан. В том, что лорд Биконсфилд преуспел, отделив Македонию от славянского государства Болгария, нет особых оснований сомневаться; что, отделив ее таким образом, он поступил плохо, оставив ее без европейских гарантий хорошего правления, с каждым последующим годом становилось все более очевидным; мудрость его обращения с самой Болгарией должна, в свете последующих событий, оставаться предметом споров. Справедливо можно сказать, что, имея дело с Болгарией, английские государственные деятели в целом имели дело с неизвестным. Тем не менее, если бы руководство было взято из истории других балканских государств, аналогии не были бы совсем уж недостаточными или отдаленными. В течение нынешнего столетия на территории бывшей Османской империи образовались три христианских государства: Сербия, Греция и Румыния. Ни одна из них не стала российской провинцией и не смогла развить и сохранить самобытное национальное самосознание. В Сербии была предпринята попытка сохранить за Портой право держать войска в гарнизоне. Эта попытка оказалась ошибочной. Пока это право использовалось, оно просто было источником опасности и беспокойства, и в конце концов от него отказалась сама Порта. В случае с Грецией Россия, руководствуясь своими собственными интересами, первоначально предложила разделить страну на четыре автономные провинции, подчиняющиеся султану: против этого протестовали греки, и Каннинг успешно поддержал их протест. Даже назначение бывшего министра Санкт-Петербурга Каподистрии первым президентом Греции в 1827 году не смогло привести освобожденную страну под влияние России; и в течение прошедшего с тех пор полувека стало одним из общих мест в политике, признанным каждой школой в каждой стране Западной Европы, что Державы совершили большую ошибку в 1833 году, не расширив до гораздо больших размеров Греческое королевство, которое они тогда основали. В случае с Румынией британское правительство из страха перед Россией настояло в 1856 году на том, чтобы провинции Молдавия и Валахия оставались отдельными: в результате жители вопреки Англии заключили свой союз, и по прошествии нескольких лет в Англии не было ни одного политика, который относился бы к их союзу иначе, чем с удовлетворением. Если история чему-то и научила в решении восточного вопроса, так это тому, что попытки сохранить за султаном военное существование в странах, вышедших из-под его общего контроля, были тщетными, и что лучший барьер против российского влияния можно было найти не в разделении, а в укреплении государств, освобожденных от османского владычества.

Конечно, английские государственные деятели в 1878 году могли открыто верить, что все, что до сих пор происходило на Балканском полуострове, не имело отношения к проблемам времени, и что, независимо от того, что могло произойти с Грецией, Сербией и Румынией, Болгария стояла на совершенно иной основе и призывала к применению принципов, основанных не на опыте прошлого, а на провидениях высших умов. Если история последующих лет подтвердит эту точку зрения, если Балканы станут настоящей военной границей Турции, если Северная Болгария попадет в зависимость от России, а Восточная Румелия, оторвавшись от своих поработанных родственников, предастся благоденствию за гарнизонами реформирующейся османской империи, лорд Биконсфилд заслужит славу государственного деятеля, чья интуиция, не затуманенная туманом опыта, проникла в тайну будущего и сформировала, благодаря своему пониманию, судьбы народов. Задачей более поздних историков будет определить точный период после Берлинского конгресса, на котором процесс, указанный лордом Биконсфилдом, вступил в зримое действие; к несчастью тех, чей взгляд ограничен одним десятилетием, приходится констатировать, что во всех деталях, за единственным исключением отделения Македонии от Славянского княжества, идеям, целям и ожиданиям лорда Биконсфилда, в той мере, в какой они касались Восточной Европы, до сих пор противоречили события. То, что произошло в Греции, Сербии и Румынии, произошло и в Болгарии. Опыт, брошенный на ветер английскими министрами в 1878 году, оправдал тех, кто прислушался к его голосу. На Балканах не существует такого понятия, как турецкая крепость; Бургас принадлежит султану не больше, чем Афины или Белград; ни один турецкий солдат не смог ступить на территорию, само название которой, Восточная Румелия, означало, что она является турецким владычеством. Национальная независимость, живая сила в Греции, Сербии, Румынии, доказала свою силу и в Болгарии. Попытки России установить свое влияние на народ, освобожденный ее оружием, были отвергнуты с неожиданной твердостью. Подобно разделенным членам Румынии, разделенные члены Болгарии добились своего объединения. В этом союзе, в растущей материальной и моральной силе болгарского государства Западная Европа видит силу, полностью благоприятствующую ее собственным надеждам на будущее Востока, полностью враждебную распространению российского владычества: и коллеге лорда Биконсфилда по Берлинскому конгрессу было предоставлено право объяснить, что, разделяя Болгарию на две части, английские министры 1878 года намеревались способствовать ее окончательному единству, а также что, подчиняя южную половину Балканам, а не южной провинции, создать ту мощную военно-политическую организацию, которая была предшественницей национального союза. Во время правления султана они заложили фундамент его окончательной независимости.

[1]

[2]

Главы XII. к XVIII. настоящего Издания.

[3]

Страница 362 этого издания.

[4]

Ranke, Ursprung und Beginn der Revolutionskriege, p. 90. Vivenot, Quellen zur Geschichte der Kaiserpolitik Oesterreichs, i. 185, 208.

[5]

Фон Сибель, "История революций", i. 289.

[6]

Vivenot, Quellen, i. 372. Buchez et Roux, xiii. 340, xiv. 24.

[7]

Хойссер, Немецкая история, стр. 88. Вивено, Херцог Альбрехт, стр. 78.

[8]

Шпрингер, Geschichte Oesterreichs, i. 46.

[9]

Перц, Лебен Штайн, ii. 402. Пэджет, Путешествия по Венгрии, i. 131.

[10]

Ranke, Ursprung und Beginn, стр. 256. Вивено, Квеллен, i. 133, 165. Приобретение Баварии было объявлено австрийским кабинетом министров *высшим благом* монархии.

[11]

Biedermann, Deutschland im Achtzehnten Jahrhundert, iv. 1144.

[12]

Карлейль, Фридрих, vi. 667.

[13]

Хойссер, i. 197. Hardenberg (Ranke), i. 139. Фон Сибель, i. 272.

[14]

"Связь с Австрийским домом и нынешнее начинание по-прежнему очень непопулярны. Открыто говорится, что одна половина сокровищ была бесполезно потрачена в Рейхенбахе, а другая половина будет потрачена по нынешнему случаю, и что государь будет низведен до своего

прежнего уровня маркграфа Бранденбургского". Иден, из Берлина; 19 июня 1792 г. Записи: Пруссия, том 151. "Он (Меллендорф) осудил союз с Австрией, осудив нынешнее вмешательство в дела Франции как разорительное и порицая как недостойное и противоречащее важнейшим интересам этой страны то, что Россия остается единственным арбитром судьбы Польши. Он, однако, сказал то, что скажет каждый пруссак без исключения из какой-либо партии, что эта страна никогда не сможет согласиться с установлением хорошего правительства в Польше, поскольку за короткое время оно достигло бы решительного превосходства", *Id.*, 17 июля. Теория г-на Кобдена о том, что раздел Польши был осуществлен в интересах хорошего правительства, должно быть, вызвала некоторое удивление в Берлине.

[15]

Состояние Мекленбурга таким образом описано в письме, написанном Штейном во время путешествия в 1802 году: "Я нашел вид страны таким же безрадостным, как ее туманное северное небо; огромные поместья, большая часть которых находится на пастбищах или под паром; чрезвычайно малочисленное население; весь трудящийся класс под гнетом крепостничества; участки земли, присоединенные к одиноким плохо построенным домам". фермерские дома; короче говоря, монотонность, мертвая тишина, распространившаяся по всей стране, отсутствие жизни и деятельности, которые совершенно подавили мое настроение. Дом мекленбургского дворянина, который тяжким грузом давит на своих крестьян вместо того, чтобы улучшить их положение, наводит меня на мысль о логове какого-то дикого зверя, который опустошает все вокруг себя и окружает себя могильной тишиной". Pertz, *Leben Stein*, i. 192. Для более веселого описания Мюнстера см. *id.*, i. 241.

[16]

Пертес, Штатслебен, стр. 116. Ригби, Письма из Франции, стр. 215.

[17]

Бюше и Ру, xvi. 279. Один из оригиналов этой декларации, переданный британскому послу, находится в лондонских архивах: Пруссия, том 151.

[18]

Отчеты эмигрантов, отправленные в Англию лордом Элджином, посланником в Брюсселе, и сэром Дж. Мюрреем, нашим военным атташе в армии Брауншвейга (в записях: Фландрия, том 221), поучительны: "Поведение армии под командованием принцев Франции повсеместно осуждается. Их внешний вид в одежде, в сопровождающих, в приготовлениях нелеп. В качестве примера, каким бы тривиальным он ни был, можно упомянуть, что на одной из повозок было написано *Toilette de Monsieur*. Однако дух мести, который они обнаруживают при каждом удобном случае, гораздо серьезнее. Где бы они ни проходили, они совершали акты жестокости, изгоняя и сурово наказывая тех людей, которые, хотя и были, вероятно, виновны, все же остались нетронутыми прусским командованием. Это было доведено до такой степени, что командующий Верденом не позволил бы ни одному французу (эмигранту) провести ночь в городе без специального разрешения". Сентябрь. 21. После провала кампании Элджин пишет об эмигрантах: "Они повсюду усугубляли жестокости, за некоторые из которых было казнено несколько гусар: довели до предела месть, которой угрожал герцог Брауншвейгский в Декларации, сжигая целые деревни, где в них стреляли; и с другой стороны, своей

самодостаточностью, отсутствием субординации и личным неуважением навлекли на себя презрение объединенных армий". 6 Октября 1796 года, в изгнании Людовика XVIII. объявил о своем намерении восстановить "собственность и права" (то есть десятину, феодальные оброки и т.д.) дворян и духовенства и наказать людей, "совершивших правонарушения". См. Письмо Пишегрю от 4 мая 1796 г. в "Рукописи Людовика XVIII", стр. 464.

[19]

Вордсворт, Прелюдия, книга ix.

[20]

Переписка находится в Ranke, Ursprung und Beginn, стр. 371. В прусском лагере царил такой голод, что Дюмуре послал королю Пруссии двенадцать буханок, двенадцать фунтов кофе и двенадцать фунтов сахара. Официальный отчет о кампании опубликован в *"Берлинской газете"* от 11 октября 1792 года.

[21]

Форстер, Верке, vi. 386.

[22]

"В ту самую ночь, когда сюда (Брюссель) пришло известие о смерти покойного императора (Леопольда), были распространены подстрекательские рекламные объявления и приглашения вооружаться". Один преступник "принадлежал к хору Святой Гудулы: он выбрал середину дня и в присутствии множества людей расклеил в церкви листовку, призывающую к всеобщему восстанию. Остальная часть этого странного произведения была описанием видения, которое он якобы видел, представляющего душу покойного императора на пути к душе Иосифа, уже страдающего в мире ином". Кол. Гардинер, 20 марта 1792 г. Записи: Фландрия, том 220.

[23]

Элджин, из Брюсселя, 6 ноября. "Все утро в направлении Монса слышалась оживленная канонада. На данный момент оно несколько уменьшилось, хотя и не закончилось" 7 ноября. "Ночью из лагеря прибыло несколько посланников, но все министры (я видел их всех) отрицают, что получили хоть слово о деталях.... Этой ночью во все стороны были разосланы курьеры, чтобы вызвать все подразделения на границах.... Правительство принимает все меры для того, чтобы покинуть Брюссель: их документы уже подготовлены, их экипажи готовы". ... Затем PS. "Снова отчетливо слышна канонада.... Все эмигранты, находящиеся сейчас здесь, уезжают с предельной поспешностью". 9 ноября. "Замешательство по всей стране чрезвычайное. Дороги покрыты эмигрантами и жителями этих провинций, спасающимися от французских армий", Записи: Фландрия, том 222.

[24]

В ноябре 1792 года Гренвилл приказал английским посланникам в Вене и Берлине выяснить, если возможно, истинные планы расширения, которых придерживались эти дворы. Мистер Стратон в Вене узнал о соглашении против Польши. "Я просил графа Филиппа Кобенцля" (австрийский министр), "чтобы он имел любезность конфиденциально открыться мне

относительно точной цели, которую могли бы иметь в виду два союзных двора. Этого, однако, граф ни в коей мере не был расположен делать; напротив, он пошел по кругу, уклоняясь от прямого ответа. Но, будучи преисполнен решимости надавить на австрийского министра, я задавал вопрос за вопросом, пока не вынудил его сказать, краснея и с явными признаками смущения: "Граф Штадион (посол в Лондоне) "сможет удовлетворить любопытство британского министра, в какую бы сторону оно ни было направлено". "20 января 1793 г. Отчеты: Австрия, том. 32. Стадион соответственно проинформировал лорда Гренвилла о планах Польши и Баварии. Гренвилл выразил свою озабоченность и сожаление по поводу агрессии против Польши и привел доводы против баварского обмена. Нашему посланнику к королю Пруссии Гренвилл писал: "Возможно, намерение дворов состоит в том, чтобы принять план компенсации военных расходов за счет новых приобретений в Польше и привести в исполнение новый раздел этой страны. Вы не преминете самым ясным и недвусмысленным образом объяснить полное неодобрение его Величеством такого плана и его решимость ни в коем случае не соглашаться ни с какими мерами, которые могут привести к завершению проекта, столь несправедливого самого по себе". 4 января 1793 г. Записи: Армия в Германии, том 437. В Вене Кобенцль заявил 9 февраля, что Австрия не может сейчас "даже проявить желание выступить против проектов Пруссии в Польше, поскольку в этом случае его прусское величество, вероятно, откажется от своей помощи в войне с Францией; более того, возможно, даже вступит в союз с этой нацией и вторгнется в Богемия". Пластинки: Австрия, том 32.

[25]

Окленд, ii. 464. Документы, представленные парламенту, 1793 г. Мистер Оскар Браунинг, в *"Двухнедельном обзоре"*, февраль 1883 г.

[26]

Фон Сибель, ii. 259. Тугут, *Vertrauliche Briefe*, i. 17. Письма из Брюсселя, 23 марта в записях: Фландрия, том 222. - Хузары повсюду в движении, так что мы надеемся, что завтра они будут здесь. Большинство французских войск, прибывших последними и состоящих в основном из крестьян, вооруженных пиками, возвращаются домой, кроме большого числа своих добровольцев". 24 марта. "В этот момент мы слышим пушечный залп. Французы только что разнесли по городу крик о том, что все портные, которые шьют мундиры для армии, должны приносить их сшитыми или не сшитыми и получать оплату напрямую.... Они бьют в барабаны, чтобы заглушить грохот пушек.... Вы не имеете представления о смятии в городе.... В этот момент мимо прошли четверо австрийцев с разрубленными головами и один с выколотым глазом. Французы отступают через Андерлехтские ворота". Остенде, 4 апреля. "В этот день, около двух часов, двадцать пять австрийских гусар вошли в город, в то время как жители были заняты сжиганием дерева свободы".

[27]

Мортимер-Терно, vii. 412.

[28]

Берриа-Сен-При, Революционное правосудие, вступление.

[29]

"Король Пруссии был воспитан в убеждении, что осуществление этого обмена влечет за собой разорение его семьи, и он тем более огорчен этим, что своим квалифицированным согласием, которое он дал на его проведение, он лишил себя возможности противостоять этому с оружием в руках. Соответственно, каждая досужая история, поступающая из Мюнхена и имеющая тенденцию оживлять это предчувствие, производит впечатление, которое я в первый момент не в состоянии стереть ". Лорд Ярмут, из прусского лагеря, 12 августа 1793 г., Записи: Армия в Германии, 437. "Маркиз Луккезини, эффективный руководитель, желает избежать любых расходов и любого напряжения войск; возложить все бремя войны на Австрию и другие объединенные державы; и видя, как множатся трудности в договоренностях, которые Венский двор, возможно, пожелает сформировать, я не вижу никакой цели, кроме этого; никакого желания уменьшить мощь Франции; никакой системы или стремления сокрушить мнения, доктрины этой страны". " Эджин, 17 мая. Записи: Фландрия, том 223.

[30]

Окленд, iii. 24. Тугут, *Vertrauliche Briefe*, i. 13. Гренвилл Идену, 7 сентября 1793 г., Записи: Австрия, том 34: важнейший исторический документ, излагающий принципы союза между Англией и Австрией. Австрия, если она откажется от баварского обмена, может потребовать аннексий на границе Нидерландов, в Эльзасе и Лотарингии, а также в промежуточных частях границы Франции. Контрибуцию Англии "следует искать в иностранных поселениях и колониях Франции.... Его Величество заинтересован в том, чтобы Австрийский дом укрепился за счет приобретений на французской границе. Император должен с удовольствием наблюдать за относительным увеличением военно-морских и коммерческих ресурсов этой страны по сравнению с Францией ". На основании этого документа нельзя утверждать, что война 1793 года после первых нескольких месяцев была чисто оборонительной со стороны Англии; хотя, без сомнения, представление Питта о контрибуции было справедливым и скромным по сравнению с планами и действиями его врага.

[31]

Первое упоминание имени Бонапарта в любом британском документе встречается в отчете о тулонской армии, отправленном в Лондон в декабре 1793 года шпионом. "*Les capitaines d'artillerie, élevé dans cet état, connoissent leur service et ont tous du talents. Ils préféroient l'employer pour une meilleure cause.... Le sixième, nommé Bonaparte, très republicain, a été tué sous les murs de Toulon.*" Записи: Франция, том 599. Австрия обязалась направить 5000 военнослужащих из Ломбардии для защиты Тулона, но разорвала свое обязательство. "Вы будете ждать М. Тугут (австрийский министр) и в самых категоричных выражениях требовать выполнения этого обязательства. Было бы очень оскорбительно для его Величества, если бы просьба, столь неоднократно высказываемая с его стороны, была проигнорирована; но бесконечно обиднее видеть, что, когда эта страна напрягает все нервы для общего дела, группа войск, из-за отсутствия которых Тулон, возможно, в этот момент может быть потерян, оставалась бездействующей в Милане. Вы не примете никаких дальнейших оправданий". Гренвилл Идену, 24 ноября 1793 г. Письменный ответ Тугута гласил: "Император отдал приказ выступить в поход в тот момент, когда в городе Тулон не было гарнизона. Его сохранение тогда казалось делом насущной необходимости, но теперь все сомнения на этот счет, к счастью, исчезли. Войска разных наций, уже собранные в Тулоне, избавили это место от всякой опасности ". Пластинки: Австрия, том 35.

[32]

Häusser, i. 482. "La Prusse," wrote Thugut at this time, "parviendra au moyen de son alliance à nous faire plus de mal qu'elle ne nous a fait par les guerres les plus sanglantes." Briefe, i. 12, 15. Тугут даже предложил, чтобы Англия призвала поляков к сопротивлению. Эдем, 15 апреля; Пластинки: Австрия, том 33.

[33]

Английское правительство обнаружило, что Тугут с самого начала был безразличен к своей собственной цели, реставрации Бурбонов или установлению какого-либо упорядоченного правительства во Франции. Поскольку он интересовался внутренними делами Франции, он скорее надеялся на продолжение разногласий, способствующих аннексии французской территории Австрией. "Qu'on profite de ce conflit des partis en France pour tâcher de se rendre maître des forteresses, afin de faire la loi au parti qui aura prévalu, et l'obliger d'acheter la paix et la protection de l'empereur, en lui cedant telle partie de ses conquêtes que S.M. jugera de sa covenance." Briefe, i. 13.

[34]

Депеши лорда Ярмута из прусских и австрийских штабов с 17 июля по 22 ноября 1793 года дают живую картину как военных операций, так и политических интриг того периода. К ним прилагается "Дневник австрийской армии" за период с 15 сентября по 14 декабря, каждый экземпляр, очевидно, с автографом Вурмсера, и оригинал письма прусского министра Луккезини лорду Ярмуту, объявляющего о выходе Пруссии из войны: "Господин де Луккезини прочитал его мне очень поспешно и, казалось, почти устыдился части его содержания". Записи: Армия в Германии, тома. 437, 438, 439.

[35]

Харденберг (Ранке), i. 181, Вивенот, Херцог Альбрехт, i. 10.

[36]

Элджин сообщает после этого сражения, 1 мая 1794 г. - "Французская армия, по-видимому, остается во многом такой, какой была до сих пор, энергичной и настойчивой там, где (как в деревнях и лесах) местные преимущества по своей природе компенсируют недостатки военной науки; невероятно слабой и беспомощной там, где кавалерия может действовать, и возможны маневры.... Армейские склады хранятся, а провизия регулярно выдается войскам, причем хорошего качества. Действительно, удивительно наблюдать, что во всех деревнях, куда мы отправлялись за фуражом и т. Д., Его было в избытке, и вся местность обрабатывалась как обычно. Жители, однако, удалились вместе с французской армией, и до такой степени, что местность, которой мы недавно овладели, совершенно опустела.... Казнь Дантона произвела в армии не больший эффект, чем другие казни, и мы нашли много документов о тех, кто пал в последних боях, где это было высмеяно и стало источником радости ". Записи: Фландрия, 226. "Я надеюсь услышать от вас о французских военнопленных, о том, куда мне обратиться за деньгами, которые я авансирую на их содержание. Многие из них почти обнажены, некоторые совсем. Для человечества это абсолютный шок видеть их. Я бы купил грубую одежду для тех, кто в самом плохом состоянии, но не знаю, насколько мне это разрешено. В основном это старики и

мальчики ". Консул Харвард в Остенде, 4 марта, *удостоверение личности*.

[37]

Эти события являются предметом споров. See Hüffer, Oestreich und Preussen, p. 62 Von Sybel, iii. 138. Вивено, Клерфайт, стр. 38. Старое убеждение, отстаиваемое фон Сибелем, состояло в том, что Тугут сам принял решение об эвакуации Бельгии и предательски лишил Кобург сил для его обороны. Но, помимо других свидетельств, тон раздражения, сквозящий в личных письмах Тугута, несовместим с этой теорией. Лорд Элджин, отчетами которого пользуется фон Сибель, без сомнения, считал, что Тугут лжет; но он был плохим судьей, находясь в руках противников Тугута, особенно генерала Мака, которого он прославляет самым абсурдным образом. Другой английский посланник в Бельгии, лорд Ярмут, высказался в пользу добросовестности Тугута в этом вопросе и против военных интриганов. Записи: Армия в Германии, том 440. Письмо принца Вальдека в Thugut, i. 387, и разговор между Маком и сэром Мортонем Иденом 3 февраля 1797 г., о котором последний сообщил в Records: Austria, том 48, по-видимому, возлагают ответственность за эвакуацию Бельгии на этих двух генералов, Вальдека и Мака, и на конфиденциального военного советника императора Роллина.

[38]

"Если французы придут, они найдут этот город совершенно пустым. Кроме моего собственного, я не думаю, что в Остенде есть три дома, в которых есть кровать. Такой всеобщей паники я никогда не видел ". 30 июня. - "Остаться здесь одному было бы бессмысленной жертвой. Видит Бог, для меня это ужасный удар - покинуть это место как раз тогда, когда я начал устраиваться с комфортом ". Консул Харвард: Записи: Армия в Германии, том 440. "Все англичане арестованы в Остенде; мужчины заключены в монастырь капуцинок, а женщины - в Женский монастырь Белых. Все фламандцы в возрасте от 17 до 32 лет вынуждены идти в солдаты. В Брюгге французы отдали приказ 800 мужчинам явиться с повинной. Пришло всего тридцать человек, в результате чего на площади Гран-Плас позвонили в колокол, и жители, думая, что это какое-то таинство, вышли из своих домов, чтобы послушать его, когда их окружили французские солдаты и более 1000 человек под охраной, вежливых и простых, которые все были немедленно отправлены на работы на каналах ". Мистер У. Попплтон, Флашинг, сентябрь. 4. Записи: Фландрия, том 227.

[39]

Малмсбери, ii. 125. Von Sybel, iii. 168. Гренвилл сделал увольнение Кобурга *непременным* условием продолжения сотрудничества с Англией. Инструкции лорду Спенсеру, 19 июля 1794 г. Записи: Австрия, 36. Но о жалобах Австрии на англичан см. Vivenot, Clerfayt, стр. 50.

[40]

Шлоссер, xv. 203: подтверждается рассказом офицера, напечатанным в "Ежегодном реестре", 1795, стр. 143.

[41]

Вивено, Херцог Альбрехт, iii. 59, 512. Martens, Recueil des Traités, vi. 45, 52. Hardenberg, i. 287. Vivenot, Clerfayt, p. 32. "Le Roi de Prusse," wrote the Empress Catherine, "est une méchante bête et un grand cochon." Пруссия не предприняла никаких попыток освободить несчастного сына Людовика XVI из плена.

[42]

Британское правительство сформировало наиболее оптимистичную оценку силы роялистского движения во Франции. "Я не могу позволить вашему слуге вернуться, не побеспокоив вас этими несколькими строками, чтобы призвать вас приложить все возможные усилия, чтобы вдохнуть жизнь и энергию в австрийское правительство в этот критический момент. Как бы решительно я ни высказывался в своем послании о нынешнем состоянии Франции, я сказал гораздо меньше, чем того заслуживали бы мои сведения, почерпнутые из различных источников и применимые почти ко всем частям Франции. Мы никогда не можем надеяться, что обстоятельства, насколько они касаются состояния Франции, могут быть более благоприятными, чем сейчас. Ради Бога, соблюдайте эти пункты со всей серьезностью, которую, я уверен, вы почувствуете к ним". Гренвилл Идену, 17 апреля 1795 г.; Записи: Австрия, том ii. 41. После провала экспедиции британское правительство выдвинуло против Тугута серьезное обвинение в том, что, хотя он официально посылал Клерфайту настоятельные приказы о наступлении, тот тайно приказал ему ничего не предпринимать. "Бесполезно рассуждать с австрийскими министрами о безрассудстве и недобросовестности системы, которую они были вынуждены скрывать от вас и которую они, вероятно, попытаются замаскировать" Гренвилл Идену, октябрь 1795 г.; *id.*, vol. 43. Это обвинение, повторяемое историками, опровергается частными письмами Тугута. Briefe, i. 221, seq. Никто так горько не возмущался бездействием Клерфейта.

[43]

Документы, относящиеся к экспедиции в Киберон, с несколькими письмами Д'Артуа, Шаретта и вандейских лидеров, находятся в архивах: Франция, том 600.

[44]

Фон Сибель, iii. 537. Buchez et Roux, xxxvi. 485.

[45]

Полицейское толкование *Зауберфлетасм*. Springer, Geschichte Oesterreichs, том i, стр. 49.

[46]

Дзоби, Гражданская история Тосканы, i. 284.

[47]

Галанти, Описание Сицилии, 1786, i. 279. Он добавляет: "Самниты и луканцы не могли бы продемонстрировать столь ужасное зрелище, потому что у них не было феодальных законов". Книга Галанти дает, пожалуй, лучшее представление об огромной задаче, стоявшей перед монархией в восемнадцатом веке в ее борьбе с тем, что он справедливо называет "gli orrori del governo feudale". Ничто, кроме изучения этих подробностей реальной жизни, описанных очевидцами, не может создать адекватного впечатления о полноте и нищете феодального порядка в наиболее отсталых странах Европы вплоть до XVIII века. В Каслри, 8, 217, есть хороший анонимный отчет о Сицилии 1810 года.

[48]

Переписка Наполеона, i. 260. Ботта, lib. vi. Депеши полковника. Грэхема, британского атташе при австрийской армии, в записях: Итальянские государства, том. 57. Эти интереснейшие письма, которые начинаются 19 мая, показывают разлад и подозрительность, с самого начала царившие в австрийской армии. "Болье не встретил сердечного сотрудничества ни со стороны своих собственных генералов, ни тем более со стороны пьемонтцев. Он обвиняет их в том, что они предпочли потерпеть поражение, чтобы добиться мира, обещанного в январе прошлого года". "Болье был более жесток, чем когда-либо, по отношению к своим генералам, которые стали причиной провала его планов. Он сказал, что девять из них были трусами. Я полагаю, что некоторые из них плохо относятся к делу". 15 июня. - "Многие офицеры утешают себя мыслью, что поражение должно принудить к миру, а другие выражают себя в терминах отчаяния". 25 июля - Болье сказал Грэхему, что если бы Бонапарт двинулся дальше после битвы при Лоди, он мог бы войти прямо в Мантую. Приготовления к обороне были сделаны позже.

[49]

Тугут, Краткое изложение i. 107. Переписка по этому вопросу велась в зашифрованном виде между Тугутом и Людвигом Кобенцлем, австрийским послом в Санкт-Петербурге в 1793-4 годах. Во время отсутствия Тугута в Бельгии, в июне 1794 года, Кобенцль отправил дубликат депеши, не зашифрованной, в Вену. Старый князь Кауниц, бывший министр, услышал, что прибыл курьер из Санкт-Петербурга, и потребовал депешу в Министерстве иностранных дел "как диктатор". Она была вручена ему. "Ainsi," says Thugut, "adieu au secret qui depuis un an a été conservé avec tant de soins!"

[50]

Отчеты Вурмсера находятся в Vivenot, Clerfayt, стр. 477. Ежедневные депеши Грэма из австрийского штаба дают яркую картину этих операций и внезапного перехода от ликования к отчаянию. Август. 1. "Имею честь сообщить вашей светлости, что осада Мантуи снята, французы отступили прошлой ночью с предельной поспешностью". Авг. 2. - "Австрийцы владеют всеми французскими мортирами и пушками в количестве около 140 единиц и 190 000 снарядов и бомб; потери императорской армии незначительны". 5 августа. - "Разгром этого дня печально изменил положение дел. Нет никаких сведений о генерале Квосдановиче". 9 августа. - "Наши потери в людях и орудиях были намного больше, чем предполагалось. Я понятия не имел о масштабах тех несчастий, которые обрушились на нас". 17 августа. - "Едва ли возможно описать состояние беспорядка и уныния, царящее в армии. Если бы я был свободен от опасений по поводу судьбы моего письма" (он потерял свой багаж и шифровку в нем), "я бы отчаялся найти адекватные формулировки, чтобы передать справедливое представление о недовольстве офицеров генералом Вурмсером. От генералов до младших офицеров всеобщий язык - "за честный мир, мы не знатоки честной войны"". 18 августа. - "Не только главнокомандующий, но и большинство генералов являются объектами презрения и насмешек". 27 августа. - "Я не преувеличиваю, когда говорю, что встречался со случаями слабоумия". "Согласно общему приказу, вино должно было быть роздано солдатам перед атакой 29-го числа. Возникли некоторые трудности с доставкой его на Монте-Бальдо. Генерал Байолици заметил, что "это не имеет значения, потому что люди могут получить ценность в деньгах позже". Солдаты выступили в шесть часов вечера без них, чтобы атаковать на рассвете, и после этого получили четыре крейцера. Это факт, который я могу засвидетельствовать. В действии я видел, как офицеры, отправленные со срочными сообщениями, двигались шагом: они говорят, что их лошади наполовину

изголодались и что они не могут позволить себе убить их".

[51]

Грундсетце (эрцгерцог Карл), ii. 202. Bulletins in Wiener Zeitung, June-Oct., 1796.

[52]

Мартенс, vi. 59.

[53]

Мне кажется, что это вероятная правда о политике Австрии в 1796 году, противоположные взгляды на которую можно найти в Häusser, vol. ii. ch. 1-3, и в Hüffer, Oestreich und Preussen, стр. 142. В 1793 году Тугут заявил, что отказался от проекта баварской биржи из уважения к Англии. Однако вскоре после этого он признал, что снова оказывал давление на короля Пруссии, чтобы тот согласился на это, но сказал, что это была уловка, направленная на то, чтобы заставить Пруссию согласиться на аннексию Австрией большого куска Франции вместо этого. Эдем, сентябрь 1793 г.; Архивы: Австрия, том 34. Инцидент показывает, как трудно добиться правды в дипломатии.

[54]

Однако правительство было предупреждено об этом в серии поразительных отчетов, отправленных одним из шпионов лорда Элджина во время правления террора. "Jamais la France ne fut cultivée comme elle l'est. Il n'y a pas un arpent qui ne soit ensemencé, sauf dans les lieux où opèrent les armées belligérantes. Cette culture universelle a été forcée par les Directrices là où on ne la faisait pas volontairement." 8 июня 1794 г.; Записи: Фландрия, том 226. Элджин установил линию шпионажа от Парижа до бельгийской границы. Каждый из этих людей был арестован революционными властями. Затем Элджин встретился с автором вышеупомянутого письма, имя которого не разглашается, и отправил его на швейцарскую границу. Очевидно, он был человеком, хорошо знакомым как с гражданской, так и с военной администрацией. Похоже, он беседовал с каждым французом, въезжавшим в Швейцарию; и его отчеты содержат гораздо лучшую информацию, которая готовила Англию во время правления террора, противоречащую роялистам, которые говорили, что война поддерживалась только терроризмом. Он предупредил английское правительство, что французская нация в массе своей была на стороне Революции, и заявил, что падение Робеспьера и террористов ничего не изменит в ходе войны. Правительство, похоже, не обратило никакого внимания на его отчеты, если они действительно когда-либо были прочитаны.

[55]

Переписка Наполеона, ii. 28. Тугут примерно в это время разработал план присоединения Болоньи и Феррары к Австрии и сказал, что, если этот результат удастся достичь, нападение Франции на Папскую область было бы неплохим делом. Смотрите инструкции Альвинци в Vivenot, Clerfayt, стр. 511, в которых также содержатся первые австрийские приказы о заключении в тюрьму итальянских новаторов, положившие начало более поздней итальянской политике Австрии.

[56]

У Вурмсера был приказ прорываться на юг, в Папскую область. "Эти приказы, о которых он (Тугут) знал, дошли до маршала, но они также были известны врагу, поскольку курсант полка Страсольдо, у которого был дубликат, был взят в плен, и после того, как было замечено, что он проглотил шарик воска, в который был завернут приказ, его немедленно казнили, а бумагу вынули у него из желудка". Эдем, январь 1797 г.; Записи: Австрия, том ii. 48. Полковник Грэм, который был заперт в Мантуе с 10 сентября, сбежал 17 декабря и восстановил связь между Вурмсером и Альвинци. Он присутствовал при битве при Риволи, которая описана в его депешах.

[57]

"Мы ежечасно ожидаем известий о вводе неаполитанских войск и объявлении религиозной войны. К такому событию были сделаны все необходимые приготовления". Могилы лорду Гренвиллу, 1 октября 1796 г.; Записи; Рим, том 56.

[58]

"Призывы к миру стали громкими и назойливыми. Его Императорское величество постоянно подвергается нападкам со стороны всех его министров, за исключением одного г-на де Тугута, и всех, кто приближается к его особе. Предпринимаются даже попытки встревожить его опасениями восстания. Посреди этих бедствий г-н де Тугут сохраняет твердость духа и продолжает бороться против объединенного голоса знати и многочисленных и тяжких невзгод, которые обрушиваются на него". Эдем, 1 апреля. "Замешательство в армии превышает границы возможного. Если бы Бонапарт продолжил свое продвижение сюда (в Вену), нет сомнений, что он мог бы войти в это место без сопротивления. То, что вместо того, чтобы рисковать этим предприятием, он должен был остановиться и дать австрийцам шесть дней на то, чтобы оправиться от тревоги и подготовиться к обороне, является обстоятельством, которое невозможно объяснить". 12 апреля. "Он" (Мак) "сказал, что, когда этому месту угрожал враг, Ее Императорское Величество ворвалась к императору во время совещания с его министром и, бросившись со своими детьми к его ногам, заставила Его Величество начать переговоры, которые закончились позорным дезертирством его союзника". 16 августа; Записи: Австрия, тома 49, 50. Впоследствии Тугут сказал лорду Минто, что если бы он мог наложить руку на 500 000 фунтов стерлингов наличными, чтобы остановить набег на Венский банк, война была бы продолжена, и в этом случае, по его мнению, он окружил бы армию Бонапарта.

[59]

Уступка Рейнских провинций, как обычно заявлялось, не содержалась в Предварительных документах. *Korr. de Napoleon*, 2, 497; Hüffer, стр. 259, где будут найдены подробности последующих переговоров.

[60]

Гойе, Воспоминания и. Карно, Ответ на запрос. *Correspondance de Napoleon*, ii. 188. Миот де Мелито, глава vi.

[61]

Мартенс, Трейтес, vi. 420; Тугут, Брифе, ii. 64. Эти письма дышат огнем и страстью, редкими для немецких государственных деятелей того времени, и показывают прекрасную сторону характера Тугута. Хорошо известная история о разрушении вазы Кобенцля Бонапартом на последнем заседании со словами: "Таким образом, я разобью австрийскую монархию на куски", является мифической. Собственный отчет Кобенцля об этой сцене таков: "Бонапарт, возбужденный тем, что не спал две ночи, опустошал бокал за бокалом пунша. Когда я объяснил с величайшим хладнокровием, Бонапарт пришел в неистовую ярость и разразился потоком оскорблений, в то же время неразборчиво нацарапав свое имя внизу заявления, которое он представил в качестве протокола. Затем, не дожидаясь наших подписей, он надел свою шляпу в самом конференц-зале и покинул нас. Пока он не оказался на улице, он продолжал кричать так, что это можно было списать только на опьянение, хотя Кларк и остальные члены его свиты, которые ждали в холле, делали все возможное, чтобы сдержать его". "Он вел себя так, как будто сбежал из сумасшедшего дома. Все его собственные люди согласны с этим. Hüffer, Oestreich und Preussen, p. 453.

[62]

Häusser, Deutsche Geschichte, ii. 147. Vivenot, Rastadter Congress, p. 17. Von Lang, Memoiren, i. 33. Утверждается, что должностное лицо, составившее этот документ, не было ознакомлено с секретными положениями.

[63]

"Tout annonce qu'il sera de toute impossibilité de finir avec ces gueux de Français autrement que par moyens de fermeté." Тугут, ii. 105. О переговорах в Зельце см. Historische Zeitschrift, xxiii. 27.

[64]

Ботта, библиотека. xiii. Письма мистера Дж. Денхэма и других в архивах: Сицилия, том 44.

[65]

Депеши Нельсона, iii. 48.

[66]

Бернхарди, "История России", ii. 2, 382.

[67]

"Quel bonheur, quelle gloire, quelle consolation pour cette grande et illustre nation! Que je vous suis obligée, reconnaissante! J'ai pleuré et embrassé mes enfans, mon mari. Si jamais on fait un portrait du brave Nelson je le veux avoir dans ma chambre. Бедро, Бедро, бедро, моя дорогая Милади, моя любимая". Королева Неаполя леди Гамильтон, 4 сентября 1798 г.; Записи: сицилия, том. 44. Известие о сокрушительной победе на Ниле, похоже, буквально свело людей в Неаполе с ума. "Леди Гамильтон упала, по-видимому, замертво и до сих пор (25 сентября) не совсем оправилась от своих сильных ушибов". Депеши Нельсона, 3, 130. По прибытии Нельсона "к нам подлетела ее светлость и, воскликнув: "О Боже, неужели это возможно?" - упала в мои объятия скорее мертвая, чем живая". В оправдание последующих жестокостей Нельсона утверждалось, что распространение этого безумия, следовавшее за последствиями тяжелого ранения в

голову, лишило его рассудка равновесия. "Моя голова готова раскалываться, и я всегда так болен". 10 августа. "Потребовалась вся доброта моих друзей, чтобы меня пристроить". 25 сентября.

[68]

Депеша сэра У. Гамильтона от 28 ноября в журнале Records: Sicily, том 44, где собраны оригиналы большинства неаполитанских прокламаций и т.д. того времени. Мак был известным персонажем со времен кампании 1793 года. Письма Элджина лорду Гренвиллу из Нидерландов, как частные, так и публичные, полны экстравагантных похвал в его адрес. В июле 1796 года Грэм пишет из итальянской армии: "По мнению всех присутствующих, величайшим генералом в Европе является квартирмейстер Мак, который был в Англии в 1793 году. Слава Богу, он маршировал прямо здесь и сейчас". Мак, с другой стороны, не скупился на лесть англичанам: "Я принимаю участие в жизни и терпении, я никогда не увижу, как мы добра и утешения славного триумvirата" (Питт, Гренвилл, Дандас) "наблюдаю за Лондром без проблем". Soyez, mon cher ami, l'organe de ma profonde vénération envers ces Ministres incomparables." Мак - Элджину, 23 февраля 1794 года. Британское правительство постоянно давило на Тугута, требуя назначить Мака главнокомандующим. Тугут, у которого сложилось пронизательное представление об истинных качествах Мака, заслужил много упреков своим упорным отказом.

[69]

Подписано Маком. Коллетта, стр. 176. Собственный отчет Мака о кампании находится в Vivenot, Конгресс Раштадтера, стр. 83.

[70]

Нельсон, iii. 210: депеша Гамильтона, 28 декабря 1798 г., в записях; Сицилия, том. 44. "Было невозможно предотвратить распространение подозрений о намерении королевской семьи совершить побег. Однако секрет хранился так хорошо, что нам удалось перевезти сокровище их Величеств в виде драгоценностей и денег, в очень значительном количестве, на борт корабля Его Величества "Авангард" 20 декабря, а лорд Нельсон следующей ночью тайным ходом проник во дворец и увез на своих лодках их сицилийские Величества и всю королевскую семью. В Неаполе только очень поздно ночью обнаружили, что королевская семья сбежала.... Утром Рождественского дня, за несколько часов до того, как мы прибыли в Палермо, принц Альберт, один из сыновей их Величеств, шести лет от роду, то ли от испуга, то ли от усталости, забился в сильных конвульсиях и умер на руках леди Гамильтон, королева, принцессы и служанки были в таком смятении, что не могли оказать никакой помощи".

[71]

Смотрите статью Хелферта, Гесандтенморда Растаттера и Сибеля по этому поводу в Hist. Zeitschrift, vol. 32.

[72]

Данилевский-Милютин, ii. 214. Депеша лорда У. Бентинка из штаб-квартиры союзников в Пьяченце, 23 июня, в записях: Итальянские государства, том 58. Бентинк прибыл за несколько дней до этого сражения; его депеша охватывают всю североитальянскую кампанию с этого

времени.

[73]

Депеши Нельсона, iii. 447; Депеша сэра У. Гамильтона от 14 июля, в записях: Сицилия, том. 45. Хелферт, Кенигин Каролина, стр. 38. Подробности запрета в Коллетте, ст. 6. По словам Гамильтона, некоторые республиканцы в фортах фактически разошлись по домам до того, как Нельсон объявил капитуляцию недействительной. "Когда мы бросили якорь в бухте 24 июня, капитуляция замков в какой-то мере состоялась. Четырнадцать крупных поляков взяли на борт из замков самых заметных и преступных неаполитанских повстанцев, которые решили отправиться в Тулон; остальным уже было разрешено вернуться в свои дома". Если это так, то предлог Нельсона о том, что капитуляция не была выполнена, был всего лишь запоздалой мыслью. Хелферт ошибается, называя письмо или прокламацию от 8 июля об отказе от договора подделкой. Оно совершенно подлинное. Оно было опубликовано Нельсоном от имени короля и приложено к депеше Гамильтона. Ликование Гамильтона по поводу себя и своей жены и их участия в этих событиях вызывает сожаление. Короче говоря, мы с лордом Нельсоном и Эммой довели дела до этого счастливого кризиса. Эмма действительно закадычная подруга королевы.... Вы можете представить, когда мы трое договоримся, какие настоящие дела делаются.... По крайней мере, я славно завершу свою дипломатическую карьеру, как вы увидите из того, что король Неаполя напишет с этого корабля своему министру в Лондон, благодаря возвращению своего королевства королевскому флоту, лорду Нельсону и мне". (4 августа, *id.*) Гамильтон утверждает, что число лиц, находившихся в тюрьме Неаполя на 12 сентября, превышало восемь тысяч.

[74]

Каслри, iv.; Архивы: Австрия, 56. Лорд Минто только что сменил сэра Мортон Идена на посту посла. Английское правительство было готово предоставить Дому Габсбургов почти все, что угодно, ради "укрепления того барьера, который только военные средства и ресурсы Вены могут противопоставить будущим предприятиям Франции". Гренвилл - Минто, 13 мая 1800 года. Хотя Питт и Гренвилл с некоторым уважением относились к правам короля Пьемонта, они были так же готовы передать Генуэзскую республику Габсбургам, как Бонапарт - Венецию; фактически, они с нескрываемым удовольствием ожидали разрушения Генуэзского государства, потому что оно легко подпало под влияние Франции. Их главной заботой было то, что, если Австрия "удержит Венецию и Геную и, возможно, приобретет Ливорно", она должна предоставить Англии выгодный торговый договор. Гренвилл - Минто, 8 февраля 1800 г.; Каслри, ст. 3-11.

[75]

Письмо лорда Малгрейва Гренвиллу, 12 сентября 1799 г.; Записи: Армия Швейцарии, том 80. "Суваров открылся мне самым откровенным образом. Он начал с заявления о том, что был призван в очень преклонный период жизни после выхода на пенсию, когда его обширное состояние и почести делали его неподвластным каким-либо корыстным побуждениям. Привязанность к своему суверену и ревность к своему Богу вселяли в него надежду и ожидание завоеваний. Теперь он оказался в совершенно иных обстоятельствах. Он обнаружил, что окружен паразитами или шпионами Тугута, людьми, преданными ему, созданиями его власти: армия фанатично придерживалась оборонительной системы, боясь даже преследовать свои успехи, когда эта система позволяла им их добиться; ему пришлось столкнуться с дальнейшими

препятствиями со стороны правительства в Вене, испытывающего отвращение к предприимчивости, и т.д."

[76]

Милютин, 2, 20, 3, 186; Минто, 10 августа 1799 г.; Записи: Австрия, vol. 56. "Едва я затронул эту тему (Пьемонт), как понял, что затронул очень деликатный момент. Манеры месье де Тугута мгновенно изменились: от холодности и вежливости они превратились в большую демонстрацию теплоты, сопровождаемую некоторой резкостью. Он сразу же стал шумным и оживленным и выразил огорчение по поводу приглашения, отправленного королю Сардинии.... Он рассматривает завоевание Пьемонта как завоевание Австрией вражеской страны. Он отрицает, что король Сардинии может рассматриваться как союзник, или как друг, или даже как среднее лицо; и, помимо вменения этому Двору тысячи случаев недобросовестности, опирается на фактический союз, заключенный им с Французской Республикой, посредством которого король Сардинии присвоил себе часть владений императора в Ломбардии, преступление, которое, как я понимаю, нелегко будет забыть.... Я упоминаю эти обстоятельства, чтобы показать степень страсти, с которой Венский двор относится к этому обсуждению". Минто ответил на выпад Тугута странным замечанием, "что, возможно, в нынешний экстраординарный период наиболее рациональной целью этой войны было восстановление целостности моральных принципов как в гражданской, так и в политической жизни, и что этот принцип справедливости должен занять в его сознании ведущее место среди тех соображений временного удобства, которые в обычное время не ускользнули бы от его внимания". Затем Тугут сказал, "что император России отказался от своего решения о немедленном отзыве короля Сардинии, предоставив время этого возвращения императору". На полях депеши против этого предложения написано карандашом рукой лорда Гренвилла: "Я убежден, что это неправда".

[77]

Милютин, 3, 117. И так почти дословно в разговоре, описанном в "Депеше Идена", записи от 31 августа: Австрия, том ii. 55. "Ответ г-на де Тугута, очевидно, был продиктован возникшим у него подозрением, что Нидерланды могут стать средством усиления Пруссии. Его ревность и отвращение к этой Власти в данный момент более закоренелы, чем я когда-либо видел. Вполне вероятно, что у него может быть какая-то идея утвердить там великого герцога Тосканы".

[78]

Территориальная политика Тугута фактически заставила его предложить упразднить папство не только как светскую власть, но и как религиозный институт. "Барон Тугут решительно настаивал на возможности обойтись без папы Римского и на том, чтобы каждый суверен взял на себя функции главы Национальной церкви, как в Англии. Я сказал, что как протестант, я не могу считать авторитет римского епископа необходимым; но что при нынешнем состоянии религиозных взглядов и учитывая единственную альтернативу в этих вопросах, а именно. ради сохранения римско-католической веры или угасания самого христианства я предпочел, хотя и был протестантом, папу Римского Богине Разума. Однако разум барона Тугута не открыт для каких-либо рассуждений общего характера, когда они конкурируют с завоеванием территории". Минто Гренвиллу, 22 октября 1799 г.; Записи: Австрия, том ii. 57. Подозрения в отношении Австрии, существующие при неаполитанском дворе, любопытным образом проявляются в переписке Нельсона. Нельсон пишет Минто (20 августа) в Вену: "Ради блага цивилизованного

мира давайте работать вместе, и в качестве лучшего поступка в нашей жизни нам удастся повесить Тугута ... Поскольку вы с Тугутом, ваш проницательный ум обнаружит злодея во всех его действиях.... Этот Тугут ведет заговор.... Прошу вас, не спускайте глаз с негодея, и вы скоро убедитесь, что то, что я говорю, правда. Давайте повесим этих трех негодеев, и все пойдет гладко ". Суваров не был более любезен. - Как может этот канцелярский червь, эта ночная сова руководить армией из своего темного гнезда, даже если у него есть меч Скандербег? (3 сентября.)

[79]

Милютин, iii. 37; Бентинк, 16 августа, с поля боя; Записи: Итальянские государства, том 58. Его письмо заканчивается "Я должен извиниться перед вашей светлостью за появление этого донесения" (оно на тонкой итальянской бумаге и почти неразборчиво): "мы" (*то есть*, штаб Суварова) "имели несчастье подвергнуться разграблению казаками".

[80]

Каждый способный солдат видел пагубность ухода эрцгерцога. "Мало того, что все перспективы нашего достижения какого-либо прогресса в Швейцарии подошли к концу, но и шансы сохранить занимаемую сейчас позицию крайне сомнительны. Ревность и недоверие, которые существуют между австрийцами и русскими, непостижимы. Я не стану претендовать на то, чтобы высказать мнение о том, какое устройство могло бы быть наиболее выгодным для армии Швейцарии, но несомненно, что ни одно из них не может быть настолько плохим, как то, которое существует в настоящее время ". Полковник Кроуфорд, английский военный посланник, 5 сентября 1799 г.; Записи: Армия Швейцарии, том 79. Последующие операции Корсакова описаны в донесениях полковника Рамзи и лорда Малгрейва, *удостоверение личности*. тома. 80, 81, Беседы с эрцгерцогом Чарльзом - в письмах мистера Уикхема, *удостоверение личности*. том. 77.

[81]

Депеши полковника Клинтон, английского атташе при Суворове, резко контрастируют с пестрыми описаниями этого отступления, обычными в исторических хрониках. О самой критической части он говорит только: "6-го армия миновала гору Паникс, которую снег, выпавший на прошлой неделе, сделал опасной, и несколько лошадей и мулов были потеряны на марше". Он выражает самое скверное мнение о Суворове и его офицерах: "Маршал совершенно измотан и не способен ни на какие усилия: он не потерпит, чтобы при нем упоминали о недисциплинированности его армии. Он популярен в своей армии, потому что не ставит никаких ограничений на ее распущенность. Его честность - теперь его единственное оставшееся хорошее качество ". Записи: Армия Швейцарии, том 80. Тщательно разработанный план совместных действий Суворова и Корсакова, составленный так, как если бы Швейцария была открытой местностью, а армия Массены - стадом овец, был разработан австрийским полковником Вейротером, тем же человеком, который впоследствии спланировал битву при Аустерлице. Узнав об этом плане от Суварова, лорд Малгрейв, который не был большим гением, написал в Лондон, демонстрируя его несомненный провал и почти точно предсказывая произошедшие события.

[82]

Мио де Мелито, глава ix. Lucien Bonaparte, Révolution de Brumaire, p. 31.

[83]

Закон от 17 февраля 1800 г. (28 Плювиосе, viii.).

[84]

М. Тьер, 21 февраля 1872 г.

[85]

Парл. История, xxxiv. 1198. Thugut, Briefe ii. 445.

[86]

Мемориал военной памяти, 1826, iv. 268. Депеша Бентинка, 16 июня; Записи: Итальянские штаты, том 59.

[87]

Тугут, Краткое изложение ii. 227, 281, 393; Депеша Минто, 24 сентября 1800 г.; Записи: Австрия, том 60. "Император получал значительную субсидию на энергичное ведение войны в тот самый момент, когда он тайно и лично проявлял самую подлую покорность общему врагу. Весь вчерашний день барон Тугут пребывал в сильнейшем беспокойстве по поводу события, которого у него были основания опасаться, но которое еще не было достоверным. Однако у него все еще оставалась слабая надежда из-за очевидной невозможности того, чтобы кто-либо совершил такой подлый акт безрассудства. Я никогда не видел его или какого-либо другого человека таким взволнованным, как он был, когда сообщил мне об этой сделке сегодня. Я сказал, что поскольку эти крепости требовались в качестве залога искренности, император должен был по тому же принципу предоставить армии оружие и амуницию. Барон Тугут добавил, что после сдачи солдатам мушкетов им потребуется снять одежду, и что если император приложит все усилия, чтобы сообщить миру, что он не будет защищать свою корону, не будет недостатка в тех, кто снимет ее с его головы, а возможно, и его голову вместе с ней. Он был так сильно взволнован, что, схватив меня за руку, чтобы выразить сильную озабоченность, которую он испытывал при мысли о том, что он вверил меня суду и злоупотребил доверием, которое я питал к его советам, он разрыдался и буквально рыдал. Я упоминаю эти подробности, потому что они подтверждают уверенность в том, что каждая часть этих слабых мер была либо принята вопреки его мнению, либо выполнена тайно и вопреки указаниям, которые он дал ". После окончательного краха Австрии Минто пишет о Тугуте: "Он ни на мгновение не терял присутствия духа или мужества и никогда не склонялся к слабым и неподобающим советам. И, возможно, это можно сказать о нем одном во всей этой империи". 3 января 1801 г., *id.*

[88]

Мартенс, vii. 296.

[89]

Кох и Шелл, История предков, vi. 6. Депеши Нельсона, iv. 299.

[90]

Де Клерк, Судебные приставы Франции, i. 484.

[91]

Парл. История, 3 ноября 1801г.

[92]

Гагерн, Мой Антей, i. 119. Он протестует, что никогда не брал с собой собаку. Примерно в это же время французы, возвращавшиеся из Германии, представили вальс в Париже, что дало повод к *разговору* о том, что французы аннексировали даже национальный танец немцев.

[93]

Пертес, Политическое законодательство, i. 311.

[94]

Koch und Schoell, vi. 247. Beer, Zehn Jahre Oesterreichischer Politik, p. 35 Häusser, ii. 398.

[95]

Пертес, Политическое законодательство, ii. 402, *продолжение*.

[96]

Friedrich, Geschichte des Vatikanischen Konzils, i. 27, 174.

[97]

Перц, Лебен Штайн, i. 257. Стейн Сили, i. 125.

[98]

Отчет из первых рук о формировании Кодекса Наполеона с устным изложением Государственного совета и основных докладов, речей и т.д., Сделанных в Трибунате и законодательных органах, можно найти в работе барона Локре "Законодательство Франции", опубликованной в Париже в 1827 году. Локре был секретарем Государственного совета при консульстве и империи и располагал большим количеством документов, которые не публиковались до 1827 года. Устный протокол, хотя, возможно, и не всегда точный, содержит единственную запись о участии самого Наполеона в обсуждениях в Государственном совете.

[99]

Столь часто повторяемое утверждение о том, что Конвенция запретила христианское богослужение или "отменила христианство" во Франции, является вымыслом. На протяжении всего периода террора Конвент сохранял Государственную церковь в том виде, в каком она была учреждена Учредительным собранием в 1791 году. Хотя зарплаты духовенства стали задерживаться, Конвент отклонил предложение прекратить их выплату. Священники, не являющиеся юристами, были приговорены Конвенцией к высылке и подлежали смертной казни, если они вернутся во Францию. Но там, где осквернялись церкви или приставали к

конституционным священникам, это была работа местных органов власти или отдельных конвенционалистов с миссией, а не закона. Парижская коммуна закрыла большинство, но не все, церквей в Париже. Другие местные организации сделали то же самое. После окончания правления террора Конвент принял предложение, которое он отклонил ранее, и отменил государственное жалование духовенству (20 сентября 1794 г.). Это просто поставило все секты на один уровень. Но местные фанатики все еще выступали против религии, и Конвенту, соответственно, пришлось принять закон (23 февраля 1795 г.), запрещающий любое вмешательство в христианские богослужения. Этот закон требовал, чтобы богослужение не проводилось ни в особом здании (*т.е.* церкви), ни на открытом воздухе. Очень скоро после этого Конвенция (23 мая) разрешила использовать церкви для богослужений. Законы против священников, не являющихся членами жюри, теперь не применялись, и ряд церквей в Париже фактически были переданы священникам, не являющимся членами жюри. Директория была склонна возобновить преследование этого класса в 1796 году, но Ассамблеи этого не допустили; и в июле 1797 года Совет пятисот принял предложение, полностью отменяющее законные наказания для лиц, не являющихся присяжными заседателями. За этим немедленно последовал государственный переворот Фруктидора.

[100]

Grégoire, Mémoires, ii. 87. Annales de la Religion, x. 441; Pressensé, L'Eglise et la Révolution, p. 359.

[101]

Документы, представленные парламенту, 1802-3, стр. 95.

[102]

"Король и его министры находятся в величайшем горе и замешательстве. Последние не стесняются признавать это, и король в течение последней недели проявлял такие явные симптомы уныния, что наименее наблюдательный человек не мог этого не заметить. Он с большим чувством высказался по поводу прискорбного положения, в котором он оказался. Он был бы рад руке, которая помогла бы ему, и голосу, который придал бы ему мужества выпутаться". - Депеша Ф. Джексона из Берлина, 16 мая 1803 г.; Записи; Пруссия, том 189.

[103]

Хойссер ii. 472. В депешах Ф. Джексона от этой даты есть интересные сведения о Ломбарде и других ведущих лицах Берлина. Обвинение в грубой личной безнравственности, выдвинутое против Ломбарда, выдвигается почти против каждого немецкого общественного деятеля того времени в трудах оппонентов. История и политика, однако, являются плохим судом частного характера.

[104]

Фурнье, Генц и Кобенцль, стр. 79. Бир, Зен Яхре, стр. 49. Депеши сэра Дж. Уоррена от этой даты из Санкт-Петербурга (Архивы: Россия, том 175) полны планов отражения ожидаемого вторжения в Морею и возможного освобождения греков Бонапартом. Они создают впечатление, что восточные дела действительно были главным интересом Александра в его разрыве с Францией.

[105]

Мио де Мелито, i. 16. Савари, ii. 32.

[106]

Протест, переданный в Вене Людовиком XVIII. титул против Наполеона был сожжен в присутствии французского посла. Австрийский титул был принят 10 августа, но публикация была отложена на день из-за печальных воспоминаний о 10 августа 1792 года. Фурнье, стр. 102. Бир, стр. 60.

[107]

Документы, представленные парламенту 28 января 1806 г. и 5 мая 1815 г.

[108]

Харденберг, ii. 50: исправлено в статьях о Харденберге и Хаугвице в *Deutsche Allgemeine Biographie*.

[109]

Харденберг, v. 167. Харденберг тем временем представлялся британскому и российскому послам как сторонник союзников. "Он заявил, что видит, что для этой страны стало невозможным сохранять нейтралитет, и что он должен недвусмысленно сообщить о своих чувствах на этот счет королю. Он добавил, что если решение зависит от него самого, России не нужно опасаться относительно роли, которую он должен принять". - Джексон, 3 сентября 1805 г.; Записи: Пруссия, том 194.

[110]

Генц, Шрифтен, iii. 60, Бир, 132, 141. Fournier, 104. Спрингер, i. 64.

[111]

Рустов, Криг фон, 1805, стр. 55.

[112]

Депеши Нельсона, vi. 457.

[113]

"Донесения генерала Мака носят наиболее удовлетворительный характер, и опасения, которые одно время вызывали огромные силы, которые Бонапарт вводит в Германию, постепенно уменьшаются". - Депеша сэра А. Пэджета из Вены, 18 сентября; Записи: Австрия, том 75.

[114]

Рустов, стр. 154. Schönhals, Krieg von, 1805, p. 33. Paget's despatch, Oct. 25; Records: Austria, vol. 75. "Ревность и непонимание между генералами достигли такой степени, что между Фердинандом и Маком не было никаких контактов, кроме как в письменной форме. Мак открыто приписывал свои бедствия недоброжелательности и противодействию эрцгерцога и остальных

генералов. Эрцгерцог обвиняет Мака в невежестве, безумии, трусости и предательстве. Ужас, царящий здесь (в Вене), достиг высшей точки. Усилия, прилагаемые для того, чтобы держать общественность в неведении, естественно, усиливают тревогу. За последние несколько дней не было доставлено ни одной газеты, за исключением несчастной *Вены*. "*Вестник*". Император живет в жалком загородном доме, чтобы, как говорят, совершить побег. Правительство реквизировало каждый барк на Дунае. Наибольшие опасения вызывают русские, на чьи бесчинства раздаются громкие жалобы. Их приезд сюда вызывает такой же страх, как и приход французов. Кобенцль и Колленбах находятся в таком состоянии духа, что делают их совершенно непригодными ко всем делам ". Cobenzl was nevertheless still able to keep up his jocular style in asking the ambassador for the English subsidies: - "Vous êtes malade, je le suis aussi un peu, mais ce qui est encore plus malade que nous deux ce sont nos finances: ainsi pour l'amour de Dieu dépêchez vous de nous donner vos deux cent mille livres sterlings. Я в объятиях твоего сердца", - Кобенцль адресовал Пэджету, вложенное в *удостоверение личности*.

[115]

Харденберг, ii. 268. Джексон, 7 октября. Архивы: Пруссия, том 195. "Разведданные были получены вчера в Потсдаме, когда М. де Харденберг находился у короля Пруссии. Это очень сильно подействовало на его прусское величество, и в первый момент гнева он приказал г-ну де Гарденбергу вернуться в Берлин и немедленно уволить французского посла. Однако после небольшого размышления он сказал, что эту меру следует отложить".

[116]

Рапп, Воспоминания, стр. 58. Бир, стр. 188.

[117]

"Нехватка провизии действительно была очень большой. Вследствие этого возникло сильное уныние, и значительная степень неподчинения, которую, хотя и не так легко вызвать в русской армии, как в любой другой, является, когда она появляется, наиболее пагубной, начала проявляться различными способами. Повозки с хлебом были разграблены по пути в лагерь, и стало очень трудно подавлять бесчинства войск". - Отчет генерала Рамзи, 10 декабря; Архивы: Австрия, том 78.

[118]

Харденберг, ii. 345, Хаугвиц только что стал совместным министром иностранных дел с Харденбергом.

[119]

Оправдание Хаугвица самого себя с комментариями Харденберга к нему можно увидеть в Hardenberg, v. 220. Но смотрите также, что касается недобросовестности самого Харденберга, *id.* i. 551.

[120]

Депеша лорда Харроуби из Берлина, 7 декабря; Записи: Пруссия, том 196. Известие об Аустерлице достигло Берлина в ночь на 7 декабря. На следующий день лорд Харроуби нанес

визит Харденбергу. "Он сказал мне, что на военном совете, состоявшемся после получения первых сообщений о катастрофе, было решено отдать приказ части прусской армии выступить в Богемия. Эти события, сказал он, не должны прерывать наши переговоры". Затем, 12-го числа, пришло известие о перемирии: в тот вечер Харроуби виделся с Харденбергом. "Я был поражен чем-то похожим на раздражение в его поведении, своего рода ссылкой на приказы короля и выражением, которое он произнес о том, что могут возникнуть обстоятельства, при которых Пруссия может рассчитывать только на свою собственную защиту и безопасность. Я приписал это в значительной степени волнению момента и поставил бы вопрос ребром, если бы меня не прервало появление графа Меттерниха и месье д'Алопеуса.... Барон Харденберг заверил нас, что военные действия прусской армии продолжаются, не теряя ни минуты". 25-го прибыл Хогвиц со своим договором. Затем Харденберг симулировал болезнь. "Барон Харденберг был слишком болен, чтобы принять меня или, насколько я смог узнать, любого другого человека; и мне было невозможно выяснить, какие сведения принес граф Гаугвиц".

[121]

Лефевр, История кабинетов, ii. 217.

[122]

Мартенс, viii. 388; viii. 479. Пиво, стр. 232.

[123]

Переписка Наполеона, xii. 253.

[124]

История о "взгляде Питта на Аустерлиц", предшествовавшая его смерти, настолько впечатляюща и так хорошо известна, что я не могу удержаться, чтобы не привести реальные факты о восприятии новостей об Аустерлице в Англии. Ожидалось, что свидетелями сражения будут четверо англичан: сэр А. Пейджет, посол в Вене, лорд Л. Гауэр, посол при царе, лорд Харрингтон и генерал Рамзи, военные посланники. Из них лорд Харрингтон покинул Англию слишком поздно, чтобы добраться до армий; сэр А. Пейджет сидел и писал депеши в Ольмюте, не слыша стрельбы, и, выйдя после ухода почты, был поражен, столкнувшись с отступающей армией; Гауэр был слишком далеко в тылу; а генерал Рамзи, к сожалению, в тот же день уехал за новыми пропусками. В результате ни один англичанин не был свидетелем произошедших ужасных разрушений; и депеша Пэджета, первая, которая достигла Англии, совершенно исказила ход сражения, назвав поражение не решающим. Питт действительно сначала думал, что последствия сражения благоприятны для его политики и, вероятно, ободрят Пруссию в ее решимости сражаться. Не позднее 20 декабря Харроуби в Берлин были отправлены следующие инструкции: "Даже если предположить, что преимущество дня было явно на стороне Бонапарта, оно должно было быть получено с потерями, которые не могли оставить его войска в состоянии противостоять армии Пруссии и в то же время выступить против союзников. Если, с другой стороны, окажется, что преимущество было на стороне союзников, есть все основания надеяться, что Пруссия решительно выступит вперед, чтобы решить исход состязания". Записи: Пруссия, том 196. Именно капитуляция Ульма действительно вызвала у Питта шок, который приписывают Аустерлицу. Депеша, написанная затем - очевидно, под диктовку Питта, - призывающая императора выполнить свой долг, является самым страстным и волнующим душу

документом во всей политической переписке того времени.

[125]

Харденберг, ii. 463. Харденберг, который, несмотря на свое слабое и двусмысленное поведение до конца 1805 года, горько переживал позорное положение, в которое поставила себя Пруссия, теперь ушел в отставку. "Сегодня утром я получил сообщение от барона Харденберга с просьбой навестить его. Он сказал, что больше не может оставаться на своем посту в соответствии со своей честью и что он ждет только возвращения графа Хогвица, чтобы передать ему управление своим департаментом. "Вы знаете, - сказал он, - мои принципы и усилия, которые я приложил во имя благого дела; судите же о боли, которую я должен испытать, когда меня приговаривают к соучастию в этой мере. Вы, наверное, знаете, что я был сторонником приобретения Ганновера, но я желал этого на условиях, почетных для обеих сторон. Я считал это необходимым бастионом для прикрытия прусских владений и думал, что Ганноверский дом мог бы получить компенсацию в другом месте. But now," he added, "j'abhorre les moyens infames par lesquels nous faisons cette acquisition. Оставим друзей Бонапарта без рабов". Он извинился за эту формулировку и сказал, что я должен считать ее исходящей не от прусского министра, а от человека, который раскрылся перед своим другом.... Я лишь опустил удручающую картину волнения г-на де Харденберга во время этого разговора. Он оплакивал судьбу Пруссии и жаловался на лишения, которым подвергся за последние три месяца, а также на недостаток твердости и решимости у его прусского величества. Он несколько раз выражал надежду, что правительство его Величества и правительство России сделают некоторые поправки к ситуации в этой стране. По его словам, у них были средства, чтобы причинить ей бесконечное зло. Британский флот мог бы разрушить прусскую торговлю, а русская армия могла бы завоевать некоторые из ее восточных провинций; но Бонапарт был бы единственным выигравшим, поскольку таким образом Пруссия была бы полностью брошена в его руки". - Депеша Ф. Джексона из Берлина, 27 марта 1806 г.; Записи: Пруссия, том 197.

[126]

Когда британский посланник потребовал его паспорта, Хаугвиц долго оправдывал свое поведение, ссылаясь на основания необходимости. Мистер Джексон сказал, что не может быть никакого соглашения с Англией, пока не будет отменена нота, исключаящая британские суда ". Мосье де Хогвиц немедленно ответил: "Я был очень удивлен, когда обнаружил, что эта нота была доставлена вам". "Как, - сказал я, - может вас удивлять, кто был автором мер, которые привели к этому?" Единственный ответ, который я получил, был: "Ах! он заметил, что стоило бы подумать, не приведет ли наш отказ согласиться с нынешним положением вещей к еще более катастрофическому. Я улыбнулся и спросил, следует ли мне понимать, что прусская армия примет участие в угрожаемом вторжении в Англию. Он ответил, что сейчас у него нет намерения намекать на что-либо подобное, но, возможно, будет невозможно отвечать за события". - Депеша Джексона, 25 апреля. *id.*

[127]

Документы, представленные парламенту, 1806 г., стр. 63.

[128]

"Офицерам гарнизона Берлина был отдан приказ воздерживаться, под угрозой сурового

наказания, от высказываний о состоянии общественных дел. Этот приказ был отдан в связи с очень общими и громкими выражениями недовольства, которые исходили от всех классов людей, но особенно от военных, недавним поведением правительства; поскольку рассматривалось опубликование указа, запрещающего широкой общественности обсуждать вопросы государственной политики. Опыт всего нескольких дней должен убедить авторов этой меры в обратном их ожиданиям, в том, что сатира и сарказм в адрес их поведения стали более повсеместными, чем раньше". - Деша Джексона, 22 марта, *id.* "В четверг вечером окна в доме графа Хогвица были полностью разбиты каким-то неизвестным лицом. Поскольку для этой цели в основном использовались карабинные пули, есть подозрение, что это было сделано кем-то из гарнизона. То же самое произошло несколькими ночами ранее, но граф не обратил на это внимания. Сейчас группа полиции патрулирует улицу" - *Id.*, 27 апреля.

[129]

Перц, i. 331. Сили, i. 271.

[130]

Хопфнер, *Der Krieg von 1806*, i. 48.

[131]

Список всех прусских офицеров 1806 года в звании майора и выше приведен в Хенкеле фон Доннерсмарке, Эриннерунген, с указанием их выслуги лет. Средний стаж полковника составляет 42 года, майора - 35.

[132]

Мюффлинг, Книга о жизни, стр. 15. Хопфнер, i. 157. Переписка Наполеона, xiii. 150.

[133]

Хопфнер, ii. 390. Hardenberg, iii. 230.

[134]

"Граф Штайн, единственный по-настоящему талантливый человек в администрации, подал в отставку или был уволен. Это значительный человек, обладающий огромной энергией, характером и превосходством ума, который пользовался высоким общественным уважением и, я не сомневаюсь, заслуживал его.... Во время переговоров о перемирии расходы по столу и хозяйству Бонапарта в Берлине покрывал король Пруссии. После этого один из министров обратился к Штейну, который был начальником финансового управления, с просьбой выплатить 300 000 крон на тот же счет. Штейн отказался, выразив сильное возмущение. Король заговорил с ним: он упрекнул его Величество в самых резких выражениях, посетовал на ужасное унижение такого подлого поведения и сказал, что никогда не сможет выплатить деньги по такому счету, если у него не будет письменного приказа от его Величества. Этот приказ был отдан через несколько дней после разговора". - Деша Хатчинсона, 1 января 1807 г.; Записи: Пруссия, том 200.

[135]

Corr. Nap. xiii. 555.

[136]

"По-прежнему сомнительно, кто командует, и отказался ли Каменский от командования. Я написал ему в первый же момент своего приезда, но не получил от него ответа. 23-го, в день первой атаки, он снял сюртук и жилет, надел все свои звезды и ленты поверх рубашки и бегал по улицам Пултуска, подбадривая солдат, на которых, как говорят, он имеет большое влияние". - Дешеш лорда Хатчинсона, 1 января 1807 г.; Записи: Пруссия, том 200.

[137]

Письмо Хатчинсона в Адэр, Миссия в Вене, стр. 373.

[138]

О внешней политике вигов см. Адэр, стр. 11-13. Его принцип состоял в том, чтобы отказаться от попыток создать коалиции половинчатых правительств против Франции с помощью британских субсидий, но оказать помощь государствам, которые по собственной воле вступили в войну с Наполеоном.

[139]

Битва при Фридрихсберге описана в депеше лорда Хатчинсона (Архивы: Пруссия, том. 200- в этом томе также представлены отчеты полковника Зоннтага, содержащие любопытные подробности о русских, и некоторые личные сведения о Наполеоне из письма жителя Эйлау; также обращение Гнейзенау к мистеру Каннингу из Кольберга).

[140]

Биньон, vi. 342.

[141]

Документы, представленные парламенту, 1808, стр. 106. Разведданные достигли Каннинга 21 июля. Дешеш Каннинга Бруку Тейлору, 22 июля; Записи: Дания, том 196. Никогда не было известно, кто прислал эту информацию, но, должно быть, это был кто-то очень близкий к царю, поскольку в ней содержались те самые слова, которые использовал Наполеон в своей беседе с Александром на плоту. Из депеши Каннинга от 22 июля ясно, что до этого момента ни об этом разговоре, ни о чем другом не сообщалось. Информатор, вероятно, был одним из авторов английского альянса 1805 года.

[142]

Наполеон Талейрану, 31 июля 1807 года. Он поручает Талейрану вступить в определенные переговоры с датским министром, которые были бы бессмысленны, если бы наследный принц уже пообещал передать флот. Оригинальные английские документы в Records: Denmark, тома 196, 197, действительно показывают, что Каннинг никогда не считал, что у него есть какие-либо доказательства намерений Дании, и что он оправдывал свои действия только неспособностью Дании противостоять требованиям Наполеона.

[143]

Севальос, стр. 73.

[144]

Перц, ii. 23. Сили, i. 430.

[145]

Севальос, стр. 13. Баумгартен, испанский язык, i. 131.

[146]

Эскойквиз, Разоблачение, стр. 57, 107.

[147]

Мио де Мелито, ii. глава 7. Мюрат стал королем Неаполя.

[148]

Баумгартен, i. 242.

[149]

Депеши Веллингтона, iii. 135.

[150]

Хойссер, iii. 133. Сили, i. 480.

[151]

О поразительной роли, которую Талейран сыграл в Эрфурте в противостоянии Наполеону, см. Статью Меттерниха от 4 декабря в Веег, стр. 516. Похоже, что Наполеон хотел вовлечь царя в активные действия против Австрии, но Талейран помешал этому.

[152]

Baumgarten i. 311.

[153]

Нейпир, ii. 17.

[154]

Меттерних, ii. 147.

[155]

Генц, Тагебюхер, i. 60.

[156]

Стеффенс, vi. 153. Mémoires du Roi Jérôme, iii. 340.

[\[157\]](#)

Пиво, стр. 370. Häusser, iii. 278.

[\[158\]](#)

Переписка Наполеона, xviii. 459, 472. Генц, Тагебюхер, стр. 120, Пеле, Воспоминания о войне 1809 года, стр. 223.

[\[159\]](#)

"Je n'ai jamais vu d'affaire aussi sanglante et aussi meurtrière." Отчет французского генерала, Мемуары Жерома, iv. 109.

[\[160\]](#)

Смотрите стихотворение Арндта о Шилле. Гедихте, i. 328 (изд. 1837).

[\[161\]](#)

Депеши Веллингтона, iv. 533. Суп. Desp. vi. 319, Napier, ii. 357.

[\[162\]](#)

Переписка Наполеона: Решение, 23 мая 1806 г. Парламентские ведомости, 1810, стр. 123, 697.

[\[163\]](#)

Пиво, стр. 445, Генц, Тагебюхер, i. 82, 118.

[\[164\]](#)

Переписка Наполеона, xix. 15, 265.

[\[165\]](#)

Соответствует. de Napoleon, xxiii. 62, Décret, 9 Déc., 1811.

[\[166\]](#)

Воспоминания Жерома, v. 185.

[\[167\]](#)

Дополнительные депеши Веллингтона, vi. 41. Нейпир, iii. 250.

[\[168\]](#)

Баумгартен, испанский язык, i. 405.

[\[169\]](#)

Харденберг (Ранке), iv. 268. Häusser, iii. 535. Сили, ii. 447.

[170]

Martens, Nouveau Recueil, i. 417. Копия, или оригинал, этого Договора была захвачена русскими вместе с другими бумагами Наполеона во время отступления из Москвы, а его черновик отправлен в Лондон, который сохранился в Архивах.

[171]

Меттерних, i. 122.

[172]

Воспоминания Жерома, v. 247.

[173]

Богданович, i. 72; Шамбре, i. 186. Сэр Р. Уилсон, Вторжение в Россию, стр. 15.

[174]

Дройзен, Жизнь графена Йорка. I. 394.

[175]

Pertz, iii. 211, *далее*. Сили, iii. 21.

[176]

Oncken, Oesterreich und Preussen, i. 28.

[177]

Мартенс, Н.Р., III. 234. Британские и иностранные государственные документы (Хертслет), i. 49.

[178]

О Бреслау в феврале см. Стеффенс, 7. 69.

[179]

О разнице между старыми и новыми офицерами см. Корреспонденцию Наполеона от 27 Авриля 1813 года.

[180]

Хенкель фон Доннерсмарк, стр. 187. Сражения при Лютцене, Бауцене и Лейпциге описаны в донесениях лорда Кэткарта, который был свидетелем их вместе с царем и королем Фридрихом Вильгельмом. Рекорды: Россия, 207, 209.

[181]

Приведенный на следующих страницах отчет о мотивах и действиях Наполеона во время перемирия основан на следующих письмах, напечатанных в двадцать пятом томе Переписки: - Эжену, 2 июня, 1 июля, 17 июля, 4 августа; Маре, 8 июля; Дарю, 17 июля; Бертье, 23 июля; Даву,

24 июля , 5 августа; в Ней, 4 августа, авг. 12. Утверждение об ошибке Наполеона относительно численности австрийских войск подтверждается Меттернихом, i. 150.

[182]

Онкен, i. 80.

[183]

Наполеон Эжену, 1 июля 1813 года.

[184]

Меттерних, i. 163.

[185]

Хауссер, iv. 59. Один из оригиналов содержится в депеше лорда Кэткарта из Калиша, 28 марта 1813 года. Пластинки: Россия, Том 206.

[186]

Воспоминания Жерома, vi. 223.

[187]

"Вашей светлости стоит только вспомнить четырехдневные бои под Лейпцигом, за которыми последовали четырнадцатидневные форсированные марши при наихудшей погоде, чтобы понять причины, сделавшие некоторый отдых абсолютно необходимым. Общие потери одних только австрийцев с 10 августа, ко времени нашего прибытия во Франкфурт, составили 80 000 человек. Мы были совершенно не обеспечены тяжелой артиллерией, ближайший батарейный эшелон не продвинулся дальше границ Богемии". На мгновение возникла мысль, что ворота Страсбурга и Хунингена могут быть открыты с помощью подкупа, и австрийское правительство разрешило потратить на эту цель миллион флоринов; в этом случае поход в Швейцарию был бы прекращен. План подкупа, однако, провалился.- Депеши лорда Абердина, 24 ноября, 25 декабря 1813 г. Отчеты; Австрия, 107.

[188]

Депеша Каслри из Лангра, 29 января 1814 г. Записи: Континент, том II.: "Насколько я до сих пор чувствовал себя обязанным высказать свое мнение, я заявил, что британское правительство не отказывалось от переговоров с Бонапартом". "Царь сказал, что заметил, что мой взгляд на этот вопрос отличается от того, что, по его мнению, преобладало в Англии" (*id.* 16 февраля). См. Прекрасную оду Саути о переговорах 1814 года.

[189]

Документы Великобритании и иностранных государств, I. 131.

[190]

Беранже, Биография, изд. изд., стр. 354.

[191]

Документы Великобритании и иностранных государств, I. 151.

[192]

Лорд У. Бентинк, который был с Мюратом, предупредил его о возможных последствиях его двуличия. Однако Бентинку приходилось быть осторожным в выражениях, как показано ниже. Мюрат прислал ему почетную шпагу, и 1 мая 1814 года он написал английскому правительству: "Это серьезное насилие над моими чувствами - брать на себя какие-либо обязательства перед человеком, которого я так глубоко презираю. Но я считаю своим долгом не проявлять никаких признаков враждебности". В тот же день он написал Мюрату: "Шпага великого полководца - самый лестный подарок, который может получить солдат. С величайшей благодарностью я принимаю подарок, сир, который вы оказали мне честь прислать". - Записи: Сицилия, том 98.

[193]

Теплицкий мирный договор, 9 сентября 1813 г. В Bianchi, Storia Documentata della Diplomazia Europea, i. 334, есть длинный протест, адресованный Меттернихом Каслри 26 мая 1814 года, в котором с большой подробностью упоминается ряд положений секретного договора, подписанного всеми державами в Праге 27 июля 1813 года и ратифицированного в Лондоне 23 августа, предоставляющего Австрии в распоряжение всю Италию. Этот протест, который был признан подлинным в "Итальянской истории" Рейхлина и в других местах, вместе с предполагаемым секретным договором является подделкой. Мои основания для этого заявления следующие: (1) В июле 1813 года в Праге не было британского посланника. (2) Частные, а также официальные письма Каслри лорду Кэткуарту от 13 и 18 сентября и инструкции, отправленные лорду Абердину в августе и сентябре, доказывают, что на тот момент не существовало совместного договора, участниками которого были бы как Англия, так и Австрия. Записи: Россия, 207, 209 А. Австрия, 105. (3) Отчеты лорда Абердина о его переговорах с Меттернихом после этой даты убедительно доказывают, что почти все итальянские вопросы, включая даже австрийскую границу, рассматривались как вопросы, подлежащие общему решению союзников. Хотя право Австрии на преобладание в верхней Италии признается, дела Рима и Неаполя всегда рассматриваются как находящиеся в пределах компетенции английской политики.

[194]

Оригиналы петиций генуэзцев и миланцев о независимости находятся в архивах: Сицилия, Том 98. "Генуэзцы повсеместно желают восстановления своей древней Республики. Больше всего на свете они боятся присоединения к Пьемонту, к жителям которого всегда испытывали особое отвращение". - Депеша Бентинка, 27 апреля 1814 г., *id.*

[195]

Каслри, х. 18.

[196]

As Arndt, Schriften, ii. 311, Fünf oder sechs Wunder Gottes.

[197]

Бернхарди, Общество Русских, iii. 26.

[198]

Парл. Дебаты, xxvii. 634, 834.

[199]

Веллингтон, Южная Каролина, х. 468; Каслри, х. 145. Записи, Сицилия, том 97. Будущий король Луи Филипп был отправлен своим тестем Фердинандом в Англию, чтобы интриговать против Мюрата среди монархов и министров, посещавших тогда Англию. Его собственный любопытный отчет о своих действиях с тайным знаком для принца-регента, данным ему Людовиком XVIII, который боялся что-либо писать, находится в *ид.*, том 99.

[200]

Випперманн, Курхессен, стр. 9-13. В Ганновере пытки были восстановлены и иногда практиковались до конца 1818 года: также применялось смертная казнь через раскалывание на колесе. См. Ходжскин, Путешествия, ii. 51, 69.

[201]

Баумгартен, испанский квартал, ii. 30, Веллингтон, округ Колумбия, xii. 27; S. D., ix. 17.

[202]

Веллингтон, Южная Каролина, ix. 328.

[203]

Сравните его раболепное письмо Пишегрю в Рукописи Людовика XVIII, стр. 463, с его ответом венецианскому сенату в 1797 году в Тьерсе.

[204]

Moniteur, 5 июня. Британские и иностранные государственные документы, 1812-14, ii. 960.

[205]

Выплата 13 фунтов стерлингов в год в виде прямых налогов. Никто не мог быть избран, кто не платил 40 фунтов стерлингов в год прямых налогов - настолько большую сумму, что Хартия предусматривала случай, если в департаменте не наберется пятидесяти человек, имеющих на это право.

[206]

Четырнадцать из двадцати маршалов Наполеона и три пятых его сенаторов были вызваны в Палату пэров. Имена исключенных сенаторов можно найти в *Vaulabelle*, ii. 100; но читатель не должен воспринимать историю *Vaulabelle* как нечто большее, чем сборник партийных легенд.

[207]

Ordonnance, в *Moniteur*, 26 мая.

[208]

Это бедное создание было обязано своей жизнью, как и жалким бессмертием, прекрасной и мужественной Грейс Далримпл Эллиот. Дневник миссис Г.Д. Эллиот, стр. 79.

[209]

Карно, Памятная записка по адресу Короля, стр. 20.

[210]

Депеши Веллингтона, хii. 248. На основании его сделок с наличными предполагалось, что Веллингтон понимал французский народ. Напротив, он часто проявлял большой недостаток проницательности, как в своих действиях, так и в своих мнениях, когда речь шла о более тонких и, следовательно, более государственных симпатиях. Таким образом, находясь в деликатном положении посла державы-победительницы и советника возрожденной династии, он жестоко оскорбил население Франции, ведя себя как *великий сеньор* до 1789 года и охотясь со сворой гончих за их молодой кукурузой. Дело было настолько серьезным, что правительству Людовика XVIII. пришлось настоять на том, чтобы Веллингтон прекратил свою охоту. (Talleyrand et Louis XVIII., p. 141.) Это непонимание народных настроений неизбежно привело к некоторым зловеющим промахам: *например*, все, что Веллингтон мог сказать о возвращении Наполеона с Эльбы, было следующее: "Он действовал на основании ложной информации или вообще без нее, и король уничтожит его без труда и за короткое время". Депеши, хii. 268.

[211]

Хороший английский отчет о Вене во время Конгресса можно найти в "Путешествиях по Венгрии" доктора Р. Брайта, выдающегося врача. Его визит к сыну Наполеона, тогда пятилетнему ребенку, описан в отрывке, отличающемся исключительной красотой и пафосом.

[212]

Документы Великобритании и иностранных государств, 1814-15, стр. 554, *далее*. Talleyrand et Louis XVIII., p. 13. Kluber, ix. 167. Стейн Сили, iii. 248. Gentz, *Dépêches Inédites*, i. 107. Записи: Continent, том 7, 2 октября.

[213]

Бернхарди, i. 2; ii. 2, 661.

[214]

Веллингтон, Южная Каролина, ix. 335.

[215]

Веллингтон, Южная Каролина, ix. 340. Записи: Continent, том 7, 9, 14 октября.

[216]

Талейран, стр. 74. Записи, *идентификатор.*, 24, 25 октября.

[217]

Веллингтон, Южная Каролина, ix. 331. Талейран, стр. 59, 82, 85, 109. Klüber, vii. 21.

[218]

Британские и иностранные государственные документы, 1814-15, стр. 814. Klüber, vii. 61.

[219]

Талейран, стр. 281.

[220]

В. и Ф. Государственные документы, 1814-15, ii. 1001.

[221]

Каслри им не противоречил. Записи: Продолжение, том 10, 8 января.

[222]

Британские и иностранные государственные документы, 1814-15, стр. 642. Стейн Сили, iii. 303.
Талейран, Предисловие, стр. 18.

[223]

Главным образом, но не полностью, потому что война Наполеона с Англией разрушила торговлю портов. См. отчет маршала Брюна в книге Доде "Территория Бланш", стр. 173, и поразительную картину Марселя в книге Тьера, xviii. 340, составленную по его собственным ранним воспоминаниям. Бордо был роялистом по той же причине.

[224]

Берриа-Сен-При, Наполеон в Гренобле, стр. 10.

[225]

Беранже, Биография, стр. 373, изд. дуод.

[226]

Смотрите их презрительные обращения, а также обращения армии, в *Moniteur*, с 10 по 19 марта к Людовику XVIII., с 27-го и далее к Наполеону.

[227]

т.е., Потому что он злоупотребил своей свободой. На суде над Неем двое придворных утверждали, что Ней сказал, что "вернет Наполеона в железной клетке". Ней им противоречил. *Procès de Ney*, ii. 105, 113.

[228]

Британские и иностранные государственные документы, 1814-15, ii. 443.

[229]

Переписка Наполеона, ххviii. 171, 267 и др.

[230]

Британские и иностранные государственные документы, 1814-15, ii. 275. Каслри, ix. 512, Веллингтон, Южная Каролина, ix. 244. Записи: Continent, том 12, 26 февраля.

[231]

Переписка Наполеона, ххviii. 111, 127. Приказ, запрещающий ему приезжать в Париж, ошибочно датирован 19 апреля; вероятно, 29 мая. Английские документы, относящиеся к возвращению Фердинанда в Неаполь, с оригиналами многих прокламаций и т.д., находятся в архивах: Сицилия, тома. 103, 104. Они интересны главным образом тем, что показывают глубокое впечатление, произведенное на Англию жестокостями Фердинанда в 1799 году.

[232]

Бенжамен Констан, Воспоминания о столетнем детстве.

[233]

Лафайет, Воспоминания, v. 414.

[234]

Миот де Мелито, iii. 434.

[235]

Наполеон Ней; Переписка, ххviii. 334.

[236]

"У меня печально известная армия, очень слабая и плохо оснащенная, и очень неопытный персонал". (Депеши, xii. 358.) Поэтому, даже после своей победы, он пишет: "Я действительно считаю, что, за исключением моей старой испанской пехоты, у меня не только худшие войска, но и хуже всего оснащенная армия, с худшим штабом, который когда-либо был собран". (Депеши, xii. 509.)

[237]

Поэтому он держал свои силы западнее и дальше от Блюхера, чем если бы он знал действительный план Наполеона. Но от выхода англичан к морю требовалось остерегаться не меньше, чем от поражения Блюхера. Герцог никогда не переставал считать открытым вопрос о том, не следовало ли Наполеону бросить все свои силы между Брюсселем и морем. (*Смотрите* Мемуары, написанные в 1842 году в Веллингтоне, Южная Каролина, ix. 530.)

[238]

Меттерних, i., стр. 155.

[239]

Депеши Веллингтона, xii. 649.

[240]

Веллингтон, Южная Каролина, xi. 24, 32. Карты проектируемых границ, Записи: Продолжение, том 23.

[241]

Депеши, xii. 596. Стейн Сили, iii. 332.

[242]

Б. и Ф. Государственные документы, 1815-16, iii. 211. The second article is the most characteristic:- "Les trois Princes ... confessant que la nation Chrétienne dont eux et leurs peuples font partie n'a réellement d'autre Souverain que celui à qui seul appartient en propriété la puissance ... c'est-à-dire Dieu notre Divin Sauveur Jésus Christ, le Verbe du Très Haut, la parole de vie: leurs Majestés recommandent ... à leurs peuples ... de se fortifier chaque jour davantage dans les principes et l'exercice des devoirs que le Divin Sauveur a enseignés aux hommes."

[243]

Веллингтон, Южная Каролина, xi. 175. Рассказ Каслри о стремлении царя ко всеобщему миру, по-видимому, опровергает теорию о том, что у Александра была некая идея напасть на Турцию, чтобы таким образом объединить христианский мир. По словам Каслри, Меттерних также думал, что "было совершенно ясно, что разум царя был затронут", но по той единственной причине, что "мир и доброжелательность занимали все его мысли, и что в последнее время он находил его дружелюбным и разумным по всем пунктам" (*Id.*) Однако в то время в народе было сильное впечатление, что Александр вот-вот вторгнется в Турцию. (Gentz, D.I., i. 197.)

[244]

Б. и Ф. Государственные документы, 1815-16, iii. 273. Рекорды; Континент, том 30.

[245]

Клюбер, ii. 598.

[246]

Klüber, vi. 12. Он охватывает, с приложениями, 205 страниц.

[247]

В первом проекте секретных положений Договора от 14 июня 1800 г. между Англией и Австрией (см. стр. 150) Австрии должна была достаться Генуя. Но из-за возникших опасений, что Россия не допустит расширения границ Австрии до Средиземноморья, было внесено изменение, в

соответствии с которым Австрии было обещано передать половину Пьемонта и Геную королю Сардинии в качестве компенсации.

[248]

Перц, Лебен Штайнс, iv 524.

[249]

Талейран, стр. 277.

[250]

В. и Ф. Государственные документы, 1815-16, стр. 928.

[251]

Бернхарди, iii. 2, 10, 666.

[252]

"Сейчас мы наводнены российскими агентами различного профиля, некоторые публичные, некоторые тайные, но все говорят на одном языке, все проповедуют "Конституцию и либеральные принципы" и все пытаются обратить взоры независимых в сторону Севера.... Копия инструкций, отправленных сюда российскому министру, попала в руки австрийцев". А'Корт (посол в Неаполе) в Каслри, 7 декабря 1815 г., Записи: Сицилия, 104.

[253]

Некоторые из его высокопоставленных английских апологетов приписывают консерватизму Меттерниха глубокую причину, а именно опасение, что если возникнут идеи национальности, негерманские компоненты австрийской монархии, а именно Богемия, Венгрия, Хорватия и т.д., Отделятся и станут независимыми государствами. Но в сочинениях Меттерниха нет ни слова, свидетельствующего о том, что это предчувствие в то время приходило ему в голову. Обобщить его итальянскую политику 1815 года в великую пророческую государственную мудрость - значит интерпретировать идеи одной эпохи с точки зрения истории следующей.

[254]

В Моравии. О системе шпионажа читайте в книге под названием "Carte segrete della polizia Austriaca", состоящей из полицейских отчетов, которые попали в руки итальянцев в Милане в 1848 году.

[255]

Бьянки, Документальная история, i. 208. Суть этого секретного пункта была доведена до сведения А'Корта, английского посла в Неаполе. "Я без колебаний заявил, что все, что способствовало хорошему взаимопониманию, царящему сейчас между Австрией и Неаполем, не могло не оказаться чрезвычайно удовлетворительным для британского правительства". При дворе в Каслри, 18 июля 1815 года. Записи: Сицилия, том 104.

[256]

Буквы на рейхлинском, итальянском языке, i. 71. Государственные деятели Сардинии лучше использовали Священный союз, чем неаполитанцы. "Apres s'être allié," wrote the Sardinian Ambassador at St. Petersburg, "en Jesus-Christ notre Sauveur parole de vie, pourquoi et à quel propos s'allier en Metternich?"

[257]

Смотрите отрывки из писем Гренвилла, процитированные на стр. 125, 126 этой работы.

[258]

Каслри, х. 18. "Опасность в том, что переход"(к свободе)"может быть слишком внезапным, чтобы перерасти во что-либо, способное сделать мир лучше или счастливее.... Я уверен, что лучше замедлить, чем ускорить действие этого самого опасного принципа, который существует за границей".

[259]

В. и Ф. Государственные документы, 1816-17, стр. 553. Metternich, iii. 80. Каслри сначала желал, чтобы Конституция была изменена под влиянием английского посла. Инструкции А'Корту от 14 марта 1814 года с пометкой "Совершенно секретно"; Записи: Сицилия, том 99. Сам А'Корт ненавидел Конституцию. "Я полагаю, что сицилийский народ полностью и радикально непригоден для того, чтобы ему доверили политическую власть". 23 июля 1814 г., id.

[260]

Каслри, х. 25.

[261]

"Если его Величество объявит о своей решимости претворить в жизнь основные принципы конституционного режима, вполне возможно, что он безнаказанно отменит существующий порядок и восстановит другой, более соответствующий эффективности исполнительной власти, и который может вернуть крупным землевладельцам и духовенству должную долю власти ". Каслри, id.

[262]

Доде, "Земля Бланш", стр. 186. Потери войск составили сотню человек. Истории о массовых убийствах в Марселе и других местах - вымысел.

[263]

Смотрите Адрес в *Журнале дебатов*, 15 октября: "Никто из осажденных не потерпит унижения в результате возмездия" и т.д. Общую историю Заседания см. Дюверж де Оранн, iii. 257; Вьель-Касталь, iv. 139; Суровое суждение Каслри об Артуа. Записи: Продолжение, 28, 21 сентября.

[264]

Журнал дебатов, 29 октября.

[265]

Веллингтон, Южная Каролина, xi. 95. Эта самоуверенная глупость повторяется во многих письмах лорда Ливерпуля.

[266]

Процесс Марешаля Нейи, i. 212.

[267]

Ней, однако, не был простым боевым генералом. Военные исследования, опубликованные на английском языке в 1833 году по его рукописям, доказывают это. Они изобилуют острыми замечаниями, и его оценка качеств немецкого солдата в то время, когда немцев обычно били и презирали, очень поразительна. Он настаивает на том, что, когда французская пехота сражается в три шеренги, атака должна быть произведена после того, как две передние шеренги открыли огонь, не дожидаясь, пока откроет огонь третья. "Немецкий солдат, воспитанный строжайшей дисциплиной, хладнокровнее любого другого. В конце концов, он получил бы преимущество в этом виде стрельбы, если бы она продолжалась долго". (Стр. 100.) Родители Нея, по-видимому, были выходцами из Вюртемберга, которые поселились в Эльзасе. На самом деле его звали Ной (Новый).

[268]

See the extracts from La Bourdonnaye's printed speech in *Journal des Débats*, 19 Novembre: "Pour arrêter leurs trames criminelles, il faut des fers, des bourreaux, des supplices. La mort, la mort seule peut effrayer leurs complices et mettre fin à leurs complots," etc. Журналы изобилуют подобными выступлениями.

[269]

Генерал Мутон-Дюверне. Несколько приговорили к смертной казни в их отсутствие; некоторых оправдали на том единственном основании, что они стали подданными империи Эльба и поэтому не могли быть виновны в измене королю Франции.

[270]

Приговор был заменен королем на двенадцать лет тюремного заключения. Генерал Шартран действительно был застрелен. Утверждается, хотя это, по-видимому, неясно, что его судебное преследование началось в тот же самый поздний день. Duvergier de Hauranne, iii. 335.

[271]

Наибольшее число признанных правительством лиц, когда-либо находившихся в заключении в соответствии с Законом об общественной безопасности, составило 319 человек, в дополнение к 750, изгнанным из своих домов или помещенным под наблюдение. Никто не собирал статистику тюремных заключений по законным приговорам. Старая история о том, что в тюрьмах находилось 70 000 человек, несомненно, является абсурдным преувеличением; но цифры, приведенные правительством, даже если они верны в какой-то момент, не дают представления обо всем количестве тюремных заключений, поскольку как только один человек выходит из тюрьмы во Франции во время политических волнений, в нее попадает другой. Писатель говорит на основе личного опыта, побывав в заключении в 1871 году. Любой, кто

видел, как ведутся эти дела, поймет, насколько нелепо было бы предполагать, что центральное правительство располагает информацией о каждом случае.

[272]

См., например, "Собрание сочинений двух камер", 1816, в начале работ П.Л. Курьера.

[273]

Журнал дебатов, 19 декабря 1815г.

[274]

Веллингтон, Южная Каролина, xi 309.

[275]

Депеша в Дюверже де Оран, iii. 441.

[276]

Перц, Лебен Штайнс, iv. 428.

[277]

Шмальц, Берихтигунг и др., стр. 14.

[278]

Перц, Лебен Штайнс, v. 23.

[279]

Сохранился любопытный отчет о фестивале, написанный Кизером, одним из профессоров, принимавших в нем участие (Kieser, Das Wartburgfest, 1818). Это настолько глупо, что трудно поверить, что это написал взрослый мужчина. Он говорит о процессии в Вартбург: "Действительно, были процессии, которые превосходили эту по внешней славе и зрелищности; но по внутренней значимости она не может уступать ни одной". Но, принимая во внимание личную слабоумие автора, его книга представляет собой уникальную и поучительную картину психического состояния "Молодой Германии" и ее учителей в то время - предмет, который вызывал такое чрезмерное беспокойство у правительств и так серьезно повлиял на ход политической истории. Требуется некоторое усилие, чтобы отвлечься от смехотворной стороны студенческого тевтонства; но в этом были элементы реальности. Люди, знакомые с Уэльсом, будут поражены сходством, как по языку, так и по духу, между сценами 1818 года и религиозными собраниями или Айследдфодау валлийцев, сходством не случайным, а проистекающим из сходства условий, а именно реальной восприимчивости к религиозным, патриотическим и литературным идеям среди людей, незнакомых с общественной или практической жизнью в больших масштабах. Но энергичные политические действия валлийцев в 1880 году, когда землевладельцы по всему княжеству потеряли места, которые они занимали веками, удивили только тех, кто не видел ничего, кроме экстравагантности в часовне и выездном собрании. Валлийский пыл, до сих пор по большей части ненаправленный, затем возымел практическое действие, потому что английская организация дала ему образец:

немецкий пыл в 1817 году оказался бесплодным, потому что у него не было такого примера под рукой.

[280]

Смотрите речь в Bernhardi, iii. 669.

[281]

Генц, Д.И.Н., ii. 87, iii. 72.

[282]

Каслри, xii. 55, 62.

[283]

Веллингтон, Южная Каролина, xii. 835.

[284]

Б. и Ф. Государственные документы, 1818-19, vi. 14.

[285]

Генц, Д.И.Н., стр. 400. Генц, доверенное лицо и советник Меттерниха, был секретарем Конференции в Экс-ла-Шапель. Его отчет об этом в этом донесении представляет величайшую ценность, выявляя консервативный и репрессивный тон Конференции так, как этого не делают никакие официальные документы. Преобладающим страхом было то, что Александр порвет со своими старыми союзниками и заключит отдельный союз с Францией и Испанией. См. Также Каслри, xii. 47.

[286]

"Я мог бы написать вам длинное письмо о том почете, который пруссаки оказывают всему австрийскому, всей нашей позиции, нашим мерам, нашему языку. Меттерних просто очаровал их". Генц, Nachlasse (Osten), i. 51.

[287]

Меттерних, iii. 171.

[288]

Смотрите его замечания в "Меттернихе", iii. 269: оазис смысла в этой пустыне обыденности.

[289]

Стурдза, Денкшрифт и др., стр. 31. Французского оригинала нет в Британском музее.

[290]

Выдержки из дневников Занд, опубликованные в небольшой книжке в 1821 году (Тагебухер и др.), представляют собой очень интересное религиозное исследование. Последнее,

написанное 31 декабря 1818 года, звучит следующим образом: "Я встречаю последний день этого года в серьезном праздничном настроении, хорошо зная, что Рождество, которое я отпраздновал, будет моим последним. Если наши стремления должны к чему-то привести, если дело человечества должно преуспеть в нашем Отечестве, если мы не хотим, чтобы все было забыто, чтобы весь наш энтузиазм не был потрачен впустую, злодей, предатель, растлитель молодежи должен умереть. Пока я не выполню это, у меня нет покоя; и что может утешить меня, пока я не буду знать, что я с честью поставлю на карту свою жизнь? О Боже, я молюсь только о правильной ясности и мужестве души, чтобы в этот последний высший час я не был неверен самому себе" (стр. 174). Ссылка на греков содержится в письме в "Английских мемуарах", стр. 40.

[291]

Были изъяты бумаги поэта Арндта. Среди них была копия некоторых коротких заметок, сделанных королем Пруссии около 1808 года о бесполезности *массовых дамб*. Одна из этих записок была следующей: "Как только хоть один священник будет застрелен" (*т.е.* французами), "этому придет конец". Эти слова были опубликованы в прусской официальной газете как указание на то, что Арндт хуже Занда выступал за убийство священнослужителей! Welcker, Urkunden, p. 89.

[292]

Меттерних, iii. 217, 258.

[293]

Меттерних, iii. 268.

[294]

Протокол Конференции находится в Велкере, Уркунден, стр. 104, *далее*. См. также Weech, Correspondenzen.

[295]

Протокол Федерального собрания, 8, 266. Nauwerck, Thätigkeit, etc., 2, 287.

[296]

Эгиди, Дер Шлюсс-Акт, ii. 362, 446.

[297]

Статья 57. Намерение состоит в том, чтобы ни одно собрание ни в одном немецком государстве не могло претендовать на суверенную власть как представляющее народ. Если бы, например, Нижняя палата Баварии утверждала, что она представляет суверенитет народа, а король был просто первым магистратом в государстве, это было бы нарушением федерального закона и дало бы право сейму - *т.е.* Меттерниху - на вооруженное вмешательство. Государственные документы Германии того времени изобилуют конституционным различием между Представительным собранием (*т.е.* собранием, представляющим народный суверенитет) и Собранием сословий (*т.е.* особых сословий с ограниченными, определенными правами,

такими как установление налога). На техническом языке речь шла об истинном толковании фразы *Landständische Verfassungen*, использованной в 13-й статье первоначального Закона о Федерации.

[298]

Смотрите в Велкере, Уркунден, стр. 356, знаменитый документ под названием "Меморандум прусского государственного деятеля 1822 года", который в то же время рекомендует систематическое закулисное соперничество с Австрией в рамках подготовки к окончательному разрыву. Немногие государственные газеты демонстрируют более откровенное и циничное коварство.

[299]

Ilse, *Politische Verfolgungen*, стр. 31.

[300]

Сравнение принадлежит немцам, а не мне. "Какая вкусная нежирная жареная телятина!" - сказал один гамбургский нищий другому. "Где ты это ел?" - восхищенно спросил его друг. "Я вообще его никогда не ела, но почувствовала его запах, проходя мимо дома великого человека, когда кормили собаку". (Ильзе, стр. 57.)

[301]

Комиссия в Майнце продолжала работать до 1827 года. Похоже, что настоящие революционные общества начали появляться примерно в 1824 году. В Ilse, стр. 595, приводится длинный список лиц, переданных под стражу для суда в нескольких штатах, с вынесенными им приговорами, которые варьируются от нескольких месяцев до девятнадцати лет тюремного заключения.

[302]

Меттерних, iii. 168; и см. Wellington, S.D., xii. 878.

[303]

Грегуар, Воспоминания, i. 411. Если бы Конституционная церковь Франции добилась успеха, Грегуар оставил бы великое имя в истории религии. Наполеон одним из самых роковых актов деспотизма уничтожил общество, которое, судя по его демократической основе и связи с великим реформаторским движением, могло стать самой либеральной и просвещенной из всех Церквей, и оставил Францию надолго разделенной между ультрамонтанской догмой и грубой разновидностью секуляризма. Жизнь Грегуара должна быть написана на английском языке. Судя по огромному количеству улучшений, над которыми он трудился, его биография даст характерную картину лучших сторон поколения 1789 года.

[304]

Покойный граф Шамбор, или Генрих V., сын герцога Барри, родился через несколько месяцев после смерти своего отца.

[305]

Каслри, xii. 162, 259. "Чудовищный радикализм все еще жив", - печально признается Каслри Меттерниху.

[306]

Меттерних, iii. 369. "Человек должен быть таким же, как я, родившимся и воспитанным среди политической бури, чтобы знать точное значение торжествующего крика, подобного тому, который сейчас вырвался у Бердетта и Компании. Возможно, он читал об этом, но я видел это своими глазами. Я жил во времена Федерации 1789 года. Мне было пятнадцать, и я уже был мужчиной.

[307]

Баумгартен, испанский квартал, ii. 175.

[308]

Смотрите заметку Фернана Нуньеса в Веллингтоне, Южная Каролина, xii. 582. "Les efforts unanimes de ces mêmes Puissances ont détruit le système dévastateur, d'où naquit la rébellion Américaine; mais il leur restait encore à le détruire dans l'Amérique Espagnole."

[309]

Веллингтон, Южная Каролина, xii. 807.

[310]

Джультян, Историческая справка, стр. 78.

[311]

История вида Фернандо VII., ii. 158.

[312]

Карраскоса, Воспоминания, стр. 25; Коллетта, ii. 155.

[313]

Карраскоса, стр. 44.

[314]

Генц. Д.И., ii. 108, 122. Это было чересчур даже для австрийцев. "La conduite de ce malheureux souverain n'a été, dès le commencement des troubles, qu'un tissu de faiblesse et de duplicité," etc. "Voilà l'allié que le ciel a mis entre nos mains, et dont nous avons à rétablir les intérêts!" Фердинанд был виновен в таких чудовищных лжесвидетельствах и жестокости, что читателя следует предостеречь от того, чтобы он не думал о нем как о мрачном итальянце-макиавелли. Он был сыном Карла III из династии Бурбонов. короля Испании. По характеру он был веселым, довольно глупым фермером, которого каприз судьбы с младенчества сделал королем. Своего рода гротескно-комический элемент пронизывает его жизнь и каждую картину, нарисованную людьми, которые действительно общались с ним. Следующее, из одной из депеш Бентинка 1814 года (когда Фердинанд только что услышал, что Австрия пообещала оставить Мюрата в

Неаполе), очень характерно: "Я нашел его величество очень огорченным и очень возбужденным. Он выразил свою решимость никогда не отказываться от прав, данных ему Богом.... Он сказал, что, может быть, он беден, но умрет честным, и его детям не придется упрекать его в том, что он отказался от своих прав. Он был сыном честного Карла III. ... он был его недостойным отпрыском, но он никогда бы не опозорил свою семью.... Когда я уходил, он взял меня за руку и сказал, что надеется, что я буду уважать его так же, как он меня, и попросил меня отнести фазаньей пирог джентльмену, который был его постоянным товарищем по охоте ". Записи, Сицилия, том 97. Фердинанд был последним сувереном, который обычно держал при себе профессионального шута.

[315]

Документы Великобритании и иностранных государств, vii. 361, 995.

[316]

За исключением Сицилии, где, однако, ход событий не получил такой огласки, как на материке.

[317]

Дословно из Ноты Российской Федерации от 18 апреля. В. и Ф. Государственные документы, vii. 943.

[318]

Парламентские дебаты, Нью-Йорк, viii. 1136.

[319]

Gentz, D.I., ii. 70. "M. le Prince Metternich s'est rendu chez l'Empereur pour le mettre au fait de ces tristes circonstances. Depuis que je le connais, je ne l'ai jamais vu aussi frappé d'aucun événement qu'il l'était hier avant son départ."

[320]

Каслри, xii. 311.

[321]

Генц, Д.И.Н., ii. 76. Меттерних, iii. 395. "В июле наши пожарные машины не были заполнены, иначе мы должны были немедленно приступить к работе".

[322]

Генц, ii. 85. Генц был секретарем Конгресса в Троппау, так же как он был в Вене и Экс-ла-Шапель. Его письма с поразительной ясностью демонстрируют австрийский и абсолютистский взгляд на всю европейскую политику. Он говорит о перемене в действиях Ришелье как о неприятной, но не фатальной. "Ces pruderies politiques sont sans doute lâcheuses.... La Russie, l'Autriche, et la Prusse, heureusement libres encore dans leurs mouvements, et assez puissantes pour soutenir ce qu'elles arrêtent, pourraient adopter sans le concours de l'Angleterre et de la France un système tel que les besoins du moment le demandent." Описание трех деспотий как "счастливо свободных в своих передвижениях" очень характерно для того времени.

[323]

Это система, удобно, но неправильно названная Священным союзом, из-за ее предполагаемого происхождения в бессмысленном Договоре о Священном союзе 1815 года. Читатель, вероятно, видел, что потребовалось пять лет реакции, чтобы создать окончательное соглашение между монархами о вмешательстве против народных волнений в других государствах, и что принципы любой действующей лиги, спланированной Александром в 1815 году, во многом отличались бы от тех, которые он фактически принял в 1820 году. Александр, создавший Священный союз, был тем Александром, который вынудил Людовика XVIII. даровать Хартию.

[324]

Каслри, xii. 330.

[325]

Меттерних, iii. 394. Б. и Ф. Государственные документы, viii. 1160. Gentz, D.I., ii. 112. Лучшее повествование о конгрессе в Троппау находится в книге Дюверже де Оранна, vi. 93. Книга "Жизнь Каннинга", написанная его секретарем Стэплтоном, хотя и является авторитетной работой об этом периоде, полна искажений о Каслри. Стэплтон говорит, что Каслри не обращал внимания на циркуляр Троппау от 8 декабря, пока он не находился в его распоряжении более месяца, и предполагает, что он вообще никогда бы не протестовал, если бы не неожиданное обнародование циркуляра в немецкой газете. Фактически, первый английский протест против доктрины Троппау, выраженный в меморандуме "très long, très positif, assez dur même и assez tranchant на другом языке", был передан Конгрессу 16 или 19 декабря вместе с весьма нежелательной запиской Меттерниху. В Мемуарах Гревилла, i. 105, есть сплетня о другом секретаре Каннинга о том, что частные депеши Каслри в Троппау отличались по тону от официальных, которые были написаны только для того, "чтобы пустить пыль в глаза парламенту". Достаточно прочитать австрийские документы того времени, полные досады и разочарования действиями Англии, чтобы увидеть, что это вымысел.

[326]

Если бы первые предложения Фердинанда были приняты неаполитанским парламентом, считалось, что Франция и Англия могли бы настоять на компромиссе в Лайбахе. "Les Gouvernements de France et d'Angleterre auraient fortement insisté sur l'introduction d'un régime constitutionnel et représentatif, régime que la Cour de Vienne croit absolument incompatible avec la position des États de l'Italie, et avec la sûreté de ses propres États." Gentz, D.I., ii. 110.

[327]

Генц, Нахлассе (П. Остен), i. 67. Чтобы у читателя не возникло предубеждения против Каподистрии из-за его хитрости, я должен упомянуть здесь, что он был человеком строгого бескорыстия в частной жизни и одним из немногих государственных деятелей того времени, которые не пытались зарабатывать деньги политикой. Его честолюбие, которое было очень велико, возвышалось над всеми низменными целями, которые соблазняют большинство людей. Контраст между его личной добротой и беспринципностью в дипломатии станет более очевидным позже.

[328]

Коллетта, ii. 230. Bianchi, Diplomazia, ii. 47.

[329]

Гуальтерио, Ультими Риволджименти, iii. 46. Silvio Pellico, Le mie prigioni, ch. 57.

[330]

Б. и Ф. Государственные документы, viii. 1203.

[331]

Баумгартен, ii. 325.

[332]

Wellington Despatches, N.S., i. 284.

[333]

Талейран и Людовик XVIII., стр. 333.

[334]

Веллингтон, i. 343.

[335]

Дювержье де Оранн, vii. 140.

[336]

Каннинг отрицал, что это предлагалось, но депеши из Веллингтона подтверждают это. Эти документы, дополненные рассказом Дювержье де Оранна, взятым из французских документов, которые он указывает, являются авторитетом в истории Конгресса. Знаменитая речь Каннинга, произнесенная в апреле 1823 года, представляет собой скорее эффектную *композицию ex parte*, чем историческое резюме. Читатель, который обратится к оригиналам, будет поражен огромным превосходством заявлений Веллингтона над заявлениями всех континентальных государственных деятелей в Вероне по существу, силе и здравому смыслу, а также по правдивости. Герцог нигде не проявляет себя с большей выгодой.

[337]

Отчет из Ангулема, Дюверж д'Оранн, vii. "Là où sont nos troupes, nous maintenons la paix avec beaucoup de peine; mais là où nous ne sommes pas, on massacre, on brûle, on pille, on vole. Les corps Espagnols, se disant royalistes, ne cherchent qu'à voler et à piller."

[338]

Декретос дель Рей Фернандо, vii. 35, 50, 75. Этот процесс, который впоследствии распространился даже на простых солдат, получил название Purificacion. Были назначены

комитеты, в которые все лица, подпадающие под действие закона, должны были представить подробные доказательства правильного поведения в 1820 году и после него, подписанные некоторыми известными роялистами. Но комитеты также принимали любые письма с доносом, которые могли быть им направлены, и были обязаны по закону хранить их в секрете, так что на практике Purificación превратилась в обширную систему анонимного преследования.

[339]

История вида Фернандо VII., 1842, iii. 152.

[340]

Декретос дель Рей Фернандо, vii. 45.

[341]

Декрет, vii. 154. Преамбула к этому закону, пожалуй, является самым удивительным из всех благочестивых высказываний Фердинанда. "Моя душа потрясена ужасным зрелищем святотатственных преступлений, которые нечестивцы осмелились совершить против Верховного Творца вселенной. Служители Христа подвергались гонениям и приносились в жертву; достопочтенный преемник Святого Петра был оскорблен; храмы Господни были осквернены и разрушены; Святое Евангелие обесценилось; в конце концов, бесценное наследие, которое Иисус Христос дал на своей тайной вечере, чтобы обеспечить наше вечное блаженство, Священное Воинство, было попрано ногами. Моя душа содрогается и не сможет вернуться к спокойствию до тех пор, пока я в союзе с моими детьми, моими верными подданными, не принесу Богу жертвы благочестия" и т.д. Но о некоторых примерах владения Фердинандом местным языком совсем другого характера см. Веллингтон, N.S., ii. 37.

[342]

"Великая революция", критический анализ (Париж, 1836), стр. 151, из списков Мадридской газеты. "Гацета" за эти годы отсутствует в экземпляре, хранящемся в Британском музее, и в большой коллекции этой библиотеки исторической и периодической литературы, относящейся к Испании, я не могу найти источников из первых рук о судебных убийствах тех лет. Ничего, относящегося к этой теме, не разрешалось печатать в Испании в течение многих лет после этого. Работа, упомянутая в этой заметке, хотя и носит французское название и опубликована в Париже в 1836 году, на самом деле была испанской книгой, написанной в 1824 году. Критическое исследование, которое подтвердило многие из худших традиций французского правления террора из местных архивов, все еще предстоит провести в отношении этого периода испанской истории.

[343]

Смотрите, например, Стэплтон, Каннинг и его "Таймс", стр. 378. Веллингтон часто предлагал использовать менее категоричные формулировки. Депеши, i. 134, 188. Узнав в Вене о смерти Каслри, Меттерних написал следующее: "Каслри был единственным человеком в своей стране, который приобрел какой-либо опыт в международных делах. Он научился понимать меня. Он был предан мне сердцем и духом не только по личной склонности, но и по убеждению. Я ждал его здесь как свое второе "я". iii. 391. Меттерних, однако, был склонен преувеличивать свое влияние на английского министра. Для него было большой неожиданностью, что Каслри,

получив решающее большинство в Палате общин по внутренним вопросам в 1820 году, никоим образом не изменил внешнюю политику, выраженную в протесте против Троппауской декларации.

[344]

Стэплтон, Политическая жизнь Каннинга, ii. 18.

[345]

Веллингтон, i. 188.

[346]

Исторический парламент, 12 декабря 1826 г.

[347]

Стэплтон, "Жизнь консервирования", i. 134. Мартино, стр. 144.

[348]

Генц, Нахласе (Остен), ii. 165.

[349]

Примерно в 1830 году тирольским писателем Фаллмерайером была выдвинута теория о том, что современные греки были потомками славянских захватчиков, в жилах которых едва ли была хоть капля греческой крови. Некоторые хорошие ученые считали, что Фальмерайер доказал, что древняя греческая раса полностью вымерла. Более поздние расследования дискредитировали как Фаллмерайера, так и его власти и, как правило, приводят к выводу, что, за исключением определенных ограниченных районов, оставшихся греков всегда было достаточно много, чтобы принять приезжих иностранцев. (Hopf, Griechenland; in Etsch and Gruber's Encyklopädie, vol. 85, p. 100.) Албанское население Греции в 1820 году составляло примерно одну шестую часть.

[350]

Маурер, "Дас Греческий народ", i. 64.

[351]

Греческие песни иллюстрируют превращение Арматола в Клефту в эпоху, предшествовавшую греческой революции. Так, в прекрасной балладе под названием "Гробница Демоса", переведенной Гете, умирающий говорит:

[Примечание переводчика: Нижеследующее переведено с греческого]

Kai pherte ton pneumatikon na m' exomologaisae
na tun eipo ta krimata osa cho kamomena
trianta chroni armatolos, c'eicosi echo klephtaes.

"Приведите священника, чтобы он осудил меня; чтобы я мог рассказать ему о грехах, которые совершил: тридцать лет был арматолом и двадцать лет Клефтом". -Фориэль, "Народные песнопения", i. 56.

[352]

Финлей, Греция под османским владычеством, стр. 284.

[353]

Каниц, Донау-Болгария, i. 123.

[354]

Буквально *Переводчик*; старая теория турок заключалась в том, что в своих отношениях с иностранными государствами они должны были только получать петиции, которые требовалось переводить на турецкий.

[355]

Заллонос, (транслитерированный греческий) Прагматика пери тона фанаритона, стр. 71.
Кагальничау, Валахия, i. 371.

[356]

Французский перевод автобиографии Кораэса вместе с его портретом можно найти в *Lettres Inédites de Coray*, Париж, 1877. Средством выражения, обычно выбираемым Кораэсом для обращения к своим соотечественникам, было Предисловие (написанное на новогреческом) к изданию древнего автора. Вторая половина предисловия к "Политике Аристотеля", 1822 г., является хорошим образцом его политического духа и манер. Она была отдельно отредактирована швейцарским ученым Орелем и дополнена переводом в интересах немецких филэллинов. Среди основных лингвистических предисловий - предисловия к книге Гелиодора 1804 года и Продромос, или введение, к серии изданий под названием *Bibliotheca Græca*, начатой в 1805 году и опубликованной на средства братьев Зосим из Одессы. Большинство изданий, опубликованных Кораэс, содержат на титульном листе заявление о патриотической цели работы и указание лиц, которые понесли расходы. Издание "Этики", вышедшее сразу после резни на Хиосе, содержит трогательные слова "За счет тех, кто так жестоко пострадал на Хиосе". Дорогостоящий формат этих изданий, некоторые из которых содержат прекрасные гравюры, кажется несколько неподходящим для произведений, предназначенных для национального обучения. Кораэс, однако, не торопился. Он думал, по крайней мере, к концу своей жизни, что грекам следовало бы пройти еще тридцать лет коммерческого и интеллектуального развития, прежде чем они обнажат меч. Он полагал, что в этом случае они бы сами сокрушили Турцию и помешали греческому королевству стать предметом игры европейской дипломатии. Много разнообразной информации о греческих делах до 1820 года (скорее с точки зрения фанариотов) в сочетании с историей литературы можно найти в "Курсе греческой литературы" Ризоса Нерулоса, 1827. Более поздний трактат Р. Ранкабеса на ту же тему (также на французском языке, Париж, 1877) демонстрирует то, что, по-видимому, характерно для современных греков, - неспособность отличить простое сносное исполнение от действительно великой работы.

[357]

Zinkeisen, Geschichte des Osmanischen Reiches, v. 959.

[358]

Кораэс, Воспоминания о действительной истории греческой цивилизации: переиздано в "Письмах Индии", стр. 464. Эти мемуары, прочитанные Кораэсом ученому обществу в Париже в январе 1803 года, являются одним из самых ярких и интересных исторических очерков, когда-либо написанных.

[359]

(Греческий текст: "Дидаскалия Патрикая"), написанная Патриархом Иерусалимским Анфимом или претендующая на то, чтобы быть им, и напечатанная "за счет Гроба Господня", стр. 13. Эта любопытная работа, в которой Патриарх наконец-то пускается во все тяжкие, попала в Британский музей. На это ответил Кораэс. О влиянии песен Регаса на людей см. Фауриэль, ii. 18. Мистер Финли, по-видимому, ошибается, называя книгу Анфима ответом на трактат Евгениоса Булгариса о религиозной терпимости. Это было написано около тридцати лет назад.

[360]

Лик, Путешествия по Северной Греции, гл. 36, 37.

[361]

Мендельсон Бартольди, "История греческих земель", i. 145, из документов брата Гипсиланти. Otherwise in Prokesch-Osten, Abfall der Griechen, i. 13.

[362]

Кордон, Греческая революция, i. 96.

[363]

Б. и Ф., Государственные документы, viii. 1203.

[364]

Finlay, i. 187; Gordon, i. 203; K. Mendelssohn, Geschichte Griechenlands, i. 191; Prokesch-Osten, Abfall der Griechen, i. 20.

[365]

Меттерних, iii. 622, 717; Прокью-Остетт, i. 231, 303. Б. и Ф. Государственные документы, viii. 1247.

[366]

Записи, Континент, iii.

[367]

Каслри, viii. 16; Metternich, iii. 504.

[368]

Колокотроны, (транслитерированный греческий) Aiaegasis Symbanton, стр. 82; Трикупис (транслитерированный греческий) История, i. 61, 92.

[369]

Гордон, i. 388; Финлей, i. 330; Мендельсон, i. 269.

[370]

Гордон ii. 138. Весть об этой катастрофе достигла Меттерниха в Ишле 30 июля. "Князь Меттерних совершал экскурсию, в которой, к сожалению, я не смог сопровождать его. Я немедленно послал Фрэнсиса за ним с этим важным письмом, которое он получил в месте, где имя капитан-паши, вероятно, никогда раньше не звучало. Принц вскоре вернулся ко мне; и (*пианиссимо*, чтобы друзья Греции этого не услышали) мы поздравляем друг друга с событием, которое вполне может оказаться *началом конца* греческого восстания". (Gentz.)

[371]

Прокеш-Остен, i. 253, iv. 63. Б. и Ф. Государственные документы, xii. 902. Стэплтон, Каннинг, стр. 496 Меттерних, 127. Веллингтон, N.S. ii. 372-396.

[372]

Корф, "Восшествие на престол Николая", стр. 253; Герцен, "Русская вершина", стр. 106; Мендельсон, i. 396. Schnitzler, Histoire Intime, i. 195.

[373]

Б. и Ф. Государственные документы, xiv. 630; Меттерних, iv. 161, 212, 320, 372; Веллингтон, N.S., ii. 85, 148, 244; Генц, D.I., iii. 315.

[374]

Б. и Ф. Государственные документы, xiv. 632; xvii. 20; Веллингтон, Нью-Йорк, iv. 57.

[375]

Parl. Deb., 11 мая 1877 г. Ничто не может ввести в большее заблуждение, чем утверждение, что Каннинг никогда не рассматривал возможность вооруженных действий, поскольку пункт Мирного договора 1827 года содержал формальное условие о том, что договаривающиеся державы не будут "принимать участия в военных действиях между противоборствующими сторонами". Как, кроме как с помощью вооруженной силы, союзники могли "предотвратить, насколько это было в их силах, все столкновения между противоборствующими сторонами", что они и обязались сделать в том же пункте? И что означало условие о том, что они должны "передавать инструкции своим адмиралам, соответствующие этим положениям"? Сам Веллингтон, *перед* Наваринской битвой, осудил Лондонский мирный договор на том самом основании, что в нем "оговаривались средства принуждения, которые были ни много ни мало как мерами военного характера"; и он протестовал против утверждения, что международный договор вытекает непосредственно из Санкт-Петербургского протокола, который был его

собственной работой. Веллингтон, Нью-Йорк, iv. 137, 221.

[376]

Bourchier's Codrington, ii. 62. Дешети адмиралтейства, 10 ноября 1827 г., Parl. Deb., 14 февраля 1828 г.

[377]

Rosen, Geschichte der Türkei, i. 57.

[378]

Мольте, Русско-турецкий полевой журнал, стр. 226. Розен, i. 67.

[379]

Вьель-Кастель, хх. 16. Россия должна была получить Дунайские провинции; Австрия должна была получить Боснию и Сербию; Пруссия должна была получить Саксонию и Голландию; король Голландии должен был править в Константинополе.

[380]

Герцлет, Карта Европы по договору, ii. 813. Розен, i. 108.

[381]

Веллингтон, Северная Каролина, iv. 297.

[382]

Мендельсон, граф Каподистриас, стр. 64.

[383]

Б. и Ф. Государственные документы, xvii. стр. 132. Прокеш-Остен, ст. 136.

[384]

Стокмар, i. 80; Мендельсон; Каподистриас, стр. 272. Б. и Ф. Государственные документы, xvii. 453.

[385]

Вьель-Кастель, xix. 574. Duvergier de Hauranne, x. 85.

[386]

Процесс бывших министров, i. 189.

[387]

Лафайет, vi. 383. Мармон, viii. 238. Dupin, Révolution de Juillet, p. 7. Odilon Barrot, i. 105. Карранс, Лафайет, i. 217. Berard, Révolution de 1830, p. 60. Hillebrand, Die Juli-Revolution, p. 87.

[388]

Жюст, Революция Бельж, i. 85. Национальный конгресс, i. 134.

[389]

Веллингтон, N.S. vii. 309. В. и Ф. Государственные документы, xviii. 761. Metternich, v. 44. Hillebrand, Geschichte Frankreichs, i. 171. Стокмар, i. 143. Пальмерстон Бульвера, ii. 5. Хертслет, Карта Европы, iii. 81.

[390]

Smitt, Geschichte des Polnischen Aufstandes, i. 112. Spazier, Geschichte des Aufstandes, i. 177. Leiewel, Histoire de Pologne, i. 300.

[391]

Леруа-Болье, Милютин, стр. 199; "Царская империя", i. 380. Leiewel, Considérations, p. 317.

[392]

Бьянки, Ducati Estensi, i. 54. Ла Фарина, v. 241. Фарини, i. 34.

[393]

Бьянки, Дипломатия, III. 48. Metternich, iv. 121. Hillebrand, Geschichte Frankreichs, i. 206. Оссонвиль, i. 32. Б. и Ф. Государственные документы, xix. 1429. Гизо, Воспоминания, ii. 290.

[394]

Ilse, Untersuchungen, стр. 262. Metternich, v. 347. Biedermann, Dreissig Jahre, i. 6.

[395]

Мадзини, Скритти, iii. 310. Симони, "Заговоры Мадзиниен", стр. 53. Меттерних, т. 526. Б. и Ф. Государственные документы, xxiv. 979.

[396]

Б. и Ф. Государственные документы, xviii. 196. Пальмерстон, i. 300.

[397]

"La Reine Isabelle est la Révolution incarnée dans sa forme la plus dangereuse; Don Carlos représente le principe Monarchique aux prises avec la Révolution pure." Меттерних, v. 615. Б. и Ф. Государственные документы, xviii. 1365; xxii. 1394. Baumgarten, iii. 65.

[398]

Герцлет, Карта Европы, ii. 941. Мирафлорес, Воспоминания, i. 39. Гизо, iv. 86. Пальмерстон ii. 180.

[399]

Исторический очерк баскских провинций, стр. 58. В. Гумбольдт, Верке iii. 213.

[400]

Хеннингсен, Кампания с Зумалакарреги, i. 93. Бургос, Аналес, ii. 110. Baumgarten, iii. 257.

[401]

Розен, i. 158. Prokesch von Osten, Kleine Schriften, vii. 56. Мехмед Али, стр. 17. Хиллебранд, i. 514. Меттерних, v. 481. Б. и Ф. Государственные документы, xx. 1176; xxii. 140.

[402]

Пальмерстон мало что понимал в реальном состоянии Османской империи и думал, что через десять лет мира она снова может стать уважаемой державой. "Все, что мы слышим о распаде Турецкой империи, о том, что она превратилась в мертвое тело или безжизненный ствол, и так далее, является чистой бессмыслицей". Пальмерстон Бульвера, ii. 299.

[403]

Герцлет, Карта Европы, ii. 1008. Розен, ii. 3. Гизо, v. 188. Прокеш-Остен, Мехмед Али, стр. 89. Пальмерстон, ii. 356. Hillebrand, ii. 357. Мемуары Гревилла, 2-я часть, том i. 297.

[404]

"Sie sollen ihn nicht haben
Den freien Deutschen Rhein.

Беккера; на него отвечает де Мюссе "Мы любим друг друга". Слова гораздо более прекрасной песни "Die Wacht am Rhein" также были написаны в это время - Шнекенбургером, жителем Вюртемберга; но музыка, по которой они известны, была написана только в 1854 году.

[405]

Фарини, i. 153. Азельо, корп. Politique, p. 24; Casi di Romagna, p. 47.

[406]

Вплоть до 1827 года не только вся земля, унаследованная дворянами, была свободна от налогообложения, но и любая облагаемая налогом земля, приобретенная дворянином после этого, стала не облагаться налогом. Попытка правительства отменить эту последнюю несправедливость вызвала бурю гнева в сейме 1825 года и еще больше в сельских собраниях, некоторые из последних даже постановили, что такой закон, если он будет принят сеймом, будет недействительным.

[407]

Horváth, Fünfundzwanzig Jahre, i. 408. Спрингер, i. 466. Герандо, Общественный дух, 173. Kossuth, Gessammelte Werke, i. 29. Beschwerden und Klagen der Slaven in Ungarn, 39.

[408]

Das Polen-Attentat, 1846, стр. 203. Verhältnisse in Galizien, p. 57. Briefe eines Polnischen Edelmannes, p. 31. Metternich, vii. 196. Краков, который был провозглашен независимой республикой Венским конгрессом, теперь был аннексирован Австрией с согласия России и Пруссии и вопреки протестам Англии и Франции.

[409]

Собрание сочинений Кенига Фридриха Вильгельма IV, стр. 17. Deutsche Biog. Biedermann, Dreissig Jahre, i. 186.

[410]

Гизо, viii. 101, Пальмерстон, iii. 194. Parl. Документы, 1847. Принц-консорт Мартина, i. 341.

[411]

Metternich, vii. 538, 603; Vitzthum, Berlin und Wien, 1845-62, p. 78; Kossuth Werke (1850), ii. 78; Pillersdorff, Rückblicke, p. 22; Reschauer, Das Jahr 1848, i. 191; Springer, Geschichte Oesterreichs, ii. 185; Irányi et Chassin, Révolution de Hongrie, i. 128.

[412]

Меттерних, viii. 181. Живость его высказываний по самым разным моментам английской жизни просто замечательна. После остановки в Брюсселе и в своем поместье Йоханнисбург Меттерних вернулся в Вену в 1852 году и, хотя и не был восстановлен в должности, восстановил свое высокое положение в обществе. Он пережил Крымскую войну, о которой написал множество записных книжек, для использования в которых она не использовалась. Даже после начала войны с Францией в 1859 году он все еще был занят своим пером. Он прожил достаточно долго, чтобы услышать о битве при Мадженте, но был избавлен от печали, став свидетелем создания Итальянского королевства. Он умер 11 июня 1859 года на восемьдесят седьмом году жизни. Меттерних был не единственным государственным деятелем, присутствовавшим на Венском конгрессе, который дожил до второй Наполеоновской империи. Нессельроде, российский канцлер, прожил до 1862 года; Чарторыйский, который был министром иностранных дел России во время битвы при Аустерлице, - до 1861 года.

[413]

Adlerstein, Archiv des Ungarischen Ministeriums, i. 27; Irányi et Chassin, i. 184; Springer, ii. 219.

[414]

Casati Nuove Rivelazioni, ii. 72. Schönhals, Campagnes d'Italie de 1848 et 1849, p. 72. Cattaneo, Insurrezione di Milano, p. 29. Parl. Pap. 1849, lvii. (2) 210, 333. Schneidawind, Feldzug in 1848, i. 30.

[415]

Манин, Документы laissés, i. 106. Перлбах, Манин, стр. 14. Контарини, Мемориале Венето, стр. 10. Ровани, Манин, стр. 25. Парламентские документы, 1849, lvii. a) 267.

[416]

Бьянки, Европейская дипломатия, v. 183. Farini, Stato Romano, ii. 16. Parl. Документы, 1849, lvii.

285, 297, 319. Pasolini, *Memorie*, p. 91.

[417]

Берлинская революция, стр. 55. Ausführliche Beschreibung, p. 3. Amtliche Berichte, p. 16. Stahr, *Preussische Revolution*, i. 91. S. Stern, *Geschichte des Deutschen Volkes*, p. 58. Stern was an eye-witness at Berlin, though not generally a good authority.

[418]

"Preussen geht fortan in Deutschland auf." Реден Фридрих Вильгельмс, стр. 9. Позже в разговоре с Бассерманом Фридрих Вильгельм описал свою поездку по Берлину как "комедию, которую его заставили разыграть". Напыщенность, во всяком случае, была полностью его собственной.

[419]

Дройзен и Самвер, Шлезвиг-Гольштейн, стр. 220. Bunsen, *Memoir on Schleswig-Holstein*, p. 25. Schleswig-Holstein, *Uebersichtliche Darstellung*, p 51. С другой стороны, *Noten zur Beleuchtung*, стр. 12.

[420]

Verhandlungen der National-versammlung, i. 25. Biedermann *Dreissig Jahre*, i. 278. Radowitz, *Werke*, ii. 36.

[421]

Предварительные акты государственного управления, стр. 12. Луи Блан, *Исторические исследования*, i. 135. Gamier Pagès, *Révolution de 1848*, vi 108, viii. 148. Émile Thomas, *Histoire des Ateliers Nationaux*, p. 93.

[422]

Барро, *Воспоминания*, ii. 103. Caussidière, *Mémoires*, p. 117. Гарнье Пажес, x. 419. Нормандия, Год революции, i. 389. Granier de Cassagnac, *Chute de Louis Philippe*, i. 359. De la Gorce, *Seconde République*, i. 273. Falloux, *Mémoires*, i. 328.

[423]

Произведения Наполеона III., iii. 13, 24. Гранье де Кассаньяк, ii. 16. Джерролд, *Наполеон III.*, ii. 393.

[424]

Вицтум, Вена, стр. 108. Springer, ii. 293. Pillersdorff, *Rückblicke*, p. 68; *Nachlass*, p. 118. Reschauer, ii. 176. Dunder, *October Revolution*, p. 5. Ficquelmont, *Aufklärungen*, p. 65.

[425]

Шенхальс, стр. 117. Farini, ii. 9. *Parl. Pap.*, 1849, lvii. 352.

[426]

Фикельмонт с. 6. Пиллерсдорф, *Нахласс*, 93. Хелферт, iv. 142. Schönhais, p. 177. Парламентские

документы, *удостоверение личности*. 332, 472, 597. Contarini, p. 67. Azeglio, Operazioni del Durando, p. 6. Manin, Documents, i. 289. Бьянки, "Дипломатия", т. 257. Пазолини, стр. 100.

[427]

Парламентские документы, 1849, lviii, стр. 128. Венеция отказалась признать перемирие и отделилась от Сардинии, вернув Манина к власти.

[428]

Сама Славония была присоединена к Хорватии; Далмация также была заявлена как член этого тройственного королевства под венгерской короной в силу древних прав, хотя с момента ее аннексии в 1797 году она управлялась непосредственно из Вены, а в 1848 году была представлена в рейхстаге Вены, а не в Пеште.

[429]

Реальное значение Хартий, однако, оспаривается. Springer, ii. 281. Адлерштейн, Архив, i. 166. Хелферт, ii. 255. Ирани и Шассен, i. 236. Die Serbische Wolwodschaftsfrage, p. 7.

[430]

Но см. Кошута, Шрифтен (1880, ii. 215), о разговоре между Джеллачичем и Баттиани, который, как говорят, был передан Кошуту последним. Если это подлинно, это, безусловно, доказывает, что Еллачич с самого начала использовал славянскую агитацию исключительно в австрийских целях. См. также Вицтуин, стр. 207.

[431]

Адлерштейн, Архив, i. 146, 156. Klapka, Erinnerungen, p. 30. Ирани и Шассен, i. 344. Serbische Bewegung, p. 106.

[432]

Ирани и Шассен, ii. 56. Кодекс нового времени (Пеш), i. 7.

[433]

Адлерштейн, ii. 296. Helfert, Geschichte Oesterreichs, i. 79, ii. 192. Дандер, стр. 77. Спрингер, ii. 520. Вицтум, стр. 143. Kossuth, Schriften (1881), ii. 284. Reschauer, ii. 563. Pillersdorff, Nachlass, p. 163. Ирани и Шассен, ii. 98.

[434]

Кодекс нового Времени, i. 37. Хелферт, iv. (3) 321.

[435]

Революционный переворот в Зибенбурге i. 30. Хелферт, ii. 207. Братиано и Ирани, Письма Хонгро-Румейнеса, Адлерштейн, ii. 105.

[436]

Klapka, Erinnerungen, p. 56. Helfert, iv. 199; Görgei, Leben und Wirken, i. 145. Адлерштейн, iii. 576,

648.

[437]

Хелферт, iv. (2) 326. Клапка, Война в Венгрии, i. 23. Ирани и Шассен, ii. 534. Гергей, ii. 54.

[438]

Клапка, Война, ii. 106. Erinnerungen, 58. Görgei, ii. 378. Kossuth, Schriften (1880), ii. 291. Codex der neuen Gesetze, i. 75, 105.

[439]

Фарини, ii. 404. Parl. Pap., 1849. lvii. 607; lviii. (2) 117. Бьянки, "Дипломатия", vi. 67. Дженнаrellи, "Свентура", стр. 29. Пазолини, стр. 139.

[440]

Шенхальс, стр. 332. Parl. Pap., 1849, lviii. (2) 216. Bianchi, Politica Austriaca, p. 134. Lamarmora, Un Episodie, p. 175. Портафольи чи Раморино, стр. 41. Раморино был приговорен к смертной казни и казнен.

[441]

Гарибальди, Эпистолярио, i. 33. Дель Веккьо, Римский собор, стр. 30. Вайян, Римский Съезд, стр. 12. Бьянки, Дипломатия, vi. 213. Guerzoni, Garibaldi, i. 266. Granier de Cassagnac, ii. 59. Lesseps, Mémoire, p. 61. Barrot, iii 191. Беседы Наполеона 3-го, стр. 38.

[442]

Манин, Документы, ii. 340. Perlbach, Manin, p. 37. Gennarelli, Governo Pontificio, i. 32. Contarini, p. 224.

[443]

Verhandlungen der National Versammlung. i. 576 Radowitz, Werke, iii. 369. Briefwechsel Friedrich Wilhelms, p. 205. Biedermann, Dreissig Jahre, i. 295.

[444]

Верхандлунгенское национальное собрание, ii. 1877, 2185. Herzog Ernst II., Aus meinem Leben, i. 313. Biedermann, i. 306. Beseler, Erlebtes, p. 68. Waitz, Friede mit Dänemark. Radowitz, iii. 406.

[445]

Краткое изложение Фридриха Вильгельмса, стр. 184. Wagener, Erlebtes, p. 28. Stahr, Preussische Revolution, i. 453.

[446]

Seine Bundespflichten: двусмысленное выражение, которое может означать либо его обязанности как союзника, либо его обязанности как члена Немецкой Федерации. Неясность, вероятно, была намеренной.

[447]

Verhandlungen der National Versammlung, vi. 4225. Haym, Deutsche National Versammlung, ii. 112. Radowitz, iii. 459. Хелферт, iv. 62.

[448]

Верхандлунген, viii. 6093. Beseler, p. 82. Helfert, iv. (3) 390, Haym, ii. 317, Radowitz, v. 477.

[449]

Краткое изложение Фридриха Вильгельмса, стр. 233, 269. Безелер, 87. Biedermann, i. 389. Wagener, Politik Friedrich Wilhelm IV., p. 56. Ernst II., i. 329.

[450]

Верхандлунген и др., ix. 6695, 6886. Хейм, стр. 185. Barnberger, Erlebnisse, p. 6.

[451]

Верхандлунген цу Эрфурт, i. 114; ii. 143. Biedermann, i. 469. Radowitz, ii. 138.

[452]

Der Fürsten Kongress, p. 13. Reden Friedrich Wilhelms, iv pp. 55, 69. Konferenz der Verbundeten, 1850, pp. 26, 53. Beust, Erinnerungen, i. 115, Ernst II., i. 525. Duncker, Vier Monate, p. 41.

[453]

Эрнст II., i. 377. Герцлет, Карта Европы, ii. 1106, 1129, 1151. Парл. Документы, 1864, lxiii., стр. 29; 1804, lxx., стр. 30, 187.

[454]

Мопаса, Воспоминания, i. 176. Произведения Наполеона III., iii. 271. Barrot, iv. 21. Granier de Cassagnac, Chute de Louis Philippe, ii. 128; Récit complet, p. 1. Jerrold, Napoleon III., iii. 203. Токвиль, корреспондент ii. 176.

[455]

Стокмар, 396. Восточные газеты (*т.е.*, Парламентские документы, 1854, том 71), часть 6. Малмсбери, Мемуары бывшего министра, i. 402; последнее, вероятно, неточно. Дипломатическое исследование Крымской войны, i. 11. Эта работа является российской официальной публикацией и, хотя она неплотна и не заслуживает доверия, ценна тем, что отражает официальную точку зрения России.

[456]

Эшли Пальмерстон, ii. 142. Лейн Пул, Стратфорд-де-Редклифф, ii. 191.

[457]

Восточные документы, i. 55. Дипломатическое исследование, i. 121.

[458]

Восточные документы, v. 2, 19.

[459]

Восточные документы, i. 102. Принят на дипломатическое обучение, i. 163.

[460]

Вот что он пишет 5 апреля 1851 г.: "Великая игра в улучшение на данный момент полностью завершена. Я не могу скрыть, что главная цель моего пребывания здесь почти безнадежна". Даже Пальмерстон, в те редкие моменты, когда он позволял своему суждению взять верх над его предубеждениями по этому поводу, высказывал ту же точку зрения. 24 ноября 1850 года он написал, предупреждая Решид-пашу: "Турецкая империя обречена на падение из-за робости и нерешительности ее Суверена и его министров; и очевидно, что вскоре нам придется подумать о том, какие другие меры могут быть приняты на ее месте". Стратфорд покинул Константинополь в отпуске в июне 1852 года, но в январе 1853 года полностью покинул свое посольство. (Лейн Пул, "Жизнь Стратфорда де Редклиффа", ii. 112, 215.)

[461]

Восточные документы, i. 253, 339. Лейн Пул, Стратфорд, ii. 248.

[462]

Пальмерстон занял пост министра внутренних дел, но, естественно, оказывал большое влияние на международные дела. Министром иностранных дел был лорд Кларендон.

[463]

Восточные документы, i. 210, ii. 116. Пальмерстон Эшли, ii. 23.

[464]

Восточные документы, ii. 23.

[465]

Восточные документы, ii. 86, 91, 103.

[466]

Восточные документы, ii. 203, 227, 299.

[467]

Международный договор от 20 апреля 1854 г. и дополнительная статья, Восточные документы, ix. 61. Мирный договор между Австрией и Пруссией был договором об общем оборонительном союзе, охватывающем также случай, если Австрия подвергнется нападению путем наступления на княжества. В случае аннексии Россией княжеств или отправки своих войск за пределы Балкан альянс должен был перейти в наступление.

[468]

Краткое описание Вехселя Ф. Вильгельмса из Массачусетского технологического института Бунзена, стр. 310. Принц-консорт Мартина, iii. 39. 20 ноября, после того, как турки начали войну, король Пруссии написал Бунзену следующее письмо (курсив, заглавные буквы и восклицания - его собственные): "Вся прямая помощь, оказываемая Англией *по нехристианскому безумию!!!!!!* дает ИСЛАМУ ПРОТИВ ХРИСТИАН! будет (помимо Божьего мстительного суда {слушайте! слушайте!}) никакого другого эффекта, кроме как передать то, что сейчас является турецкой территорией, в несколько более поздний период под российское владычество" (Briefwechsel, стр. 317). Читатель может подумать, что безумие, которому поддался Фридрих Вильгельм, уже овладевало им; но вышесказанное - не редкий образец его эпистолярного стиля.

[469]

Союзный договор между Францией и Англией, к которому Пруссии было предложено присоединиться, содержал, однако, пункт, обязывающий договаривающиеся стороны "ни при каких обстоятельствах не пытаться извлечь из войны какую-либо выгоду для себя".

[470]

Восточные документы, viii. I.

[471]

Восточные документы, xi. 3. Эшли Пальмерстон, ii. 60. О судоходстве в устьях Дуная см. Дипломатическое исследование, ii. 39. Россия, которая владела устьями Дуная со времен Адрианопольского мирного договора и обязалась обеспечивать чистоту устьев, допустила блокирование прохода и иным образом препятствовала судоходству, чтобы сохранить черноморскую торговлю в своих руках.

[472]

Смотрите, однако, Письмо Бергойна в *Times*, 4 августа 1868 г., в Kinglake, iv. 465. Rousset, Guerre de Crimée, i. 280.

[473]

Заявления Реглана, Лукана, Кардигана; Кинглейк, против 108, 402.

[474]

По поводу смерти Николая король Пруссии обратился к несчастному Бунзену со следующей лекцией: "Вы вряд ли думали, что в тот самый момент, когда вы писали мне, один из благороднейших людей, одна из величайших форм в истории, одно из самых искренних сердец и в то же время один из величайших правителей этого узкого мира был призван от веры к зрению. Я на коленях благодарю Бога за то, что Он счел меня достойным быть, в лучшем смысле этого слова, его (Николаса) другом и оставаться верным ему. Ты, дорогой Банзен, думал о нем иначе, и теперь тебе придется с болью признаться в этом перед своей совестью, с болью во всей правде (которую, к сожалению, слишком ясно показали мне все твои письма в эти

последние тяжелые времена), что *ты ненавидел его*. Вы ненавидели его не как человека, а как представителя принципа, принципа насилия. Если когда-нибудь, искупленный подобно ему простой верой в кровь Христа, ты увидишь его в вечном покое, тогда вспомни, что я сейчас пишу тебе: "*Ты будешь просить у него прощения*". -Briefwechsel, стр. 325. Фридрих Вильгельм, похоже, забыл послать такие же благочестивые пожелания полякам в Сибири.

[475]

Парламентские документы, 1854-5, том 55, стр. 1, 2 декабря 1854 г. Пальмерстон Эшли, ii. 84.

[476]

Восточные документы, часть 13, 1.

[477]

Кинглейк, vii. 21. Rousset, ii. 35, 148.

[478]

Дипломатическое исследование, ii. 361. Мартин, принц-консорт, iii. 394.

[479]

Пруссия была принята, когда были урегулированы первые статьи, и возникла необходимость пересмотреть Июльский мирный договор 1841 года, одной из подписавших который была Пруссия.

[480]

"В ходе обсуждения всякий раз, когда наши (российские) полномочные представители оказывались перед лицом непреодолимых трудностей, они обращались к личному вмешательству этого государя (Наполеона), и им оставалось только поздравить себя с результатом". -Дипломатическое исследование, ii. 377.

[481]

Три страницы обещаний. Восточные газеты, XVII. Одна сохранилась в точности. "Для достижения этих целей должны быть изысканы средства, позволяющие извлечь выгоду из науки, искусства, *и фондов Европы*". Одно из самых забавных пророчеств того времени - поздравительное обращение миссионеров к лорду Стратфорду де Редклиффу, *от*, 1882. - "Имперский хатти-шериф убедил нас, что наши заветные ожидания, вероятно, оправдаются. Свет воссияет над теми, кто долгое время пребывал во тьме; и, благословленные социальным процветанием и религиозной свободой, миллионы жителей Турции, мы надеемся, вскоре будут замечены мирно сидящими под своими виноградными лозами и смоковницами ". Так оно и было, и в их карманах, среди прочего, лежало состояние бедного лорда Стратфорда.

[482]

Все дословно из Договора. Parl. Документы, 1856, том 61, стр. 1.

[483]

Мартин, принц-консорт, iii. 452. Пул, Стратфорд, ii. 356.

[484]

Берти, Кавур аванти, 1848, стр. 110. La Rive, Cavour, p. 58. Cavour, Lettere (ed. Чиала), введение. стр. 73.

[485]

Кавур, Письмо (Чиала), ii. введение. стр. 187. Герцони, Гарибальди, i. 412. Манин, бывший президент Венеции, ныне находящийся в изгнании, с этого времени выступает за Савойский дом. Гарибальди сделал то же самое.

[486]

Кавур, Письмо (Чиала), ii. введение. стр. 289, 324; iii. введение. П. И. Бьянки, Дипломатия, vii. 1, Мазаде, Кавур, стр. 187, Массари, Мраморное море, стр. 204.

[487]

"In mezzo alle piu angosciose crisi politiche, esclamava nella solitudine delle sue stanze; 'Perisca il mio nome, perisca la mia fama, purché l'Italia sia,'" Artom (Cavour's secretary), Cavour in Parlamento: introd. p. 46.

[488]

Эпистолярио Ла Фарина, ii. 56, 81, 137, 426. Интервью с Гарибальди; Кавур, Lettere, id. вступление. стр. 297. Garibaldi, Epistolario, i. 55.

[489]

Кавур, Письмо (Чиала), iii. введение. стр. 32. Бьянки, "Дипломатия", viii. II. Заявление Наполеона III. по мнению лорда Коули, в книге "Мартин принц-консорт", ст. 31, то, что никакого Договора не было, не соответствует действительности.

[490]

Бьянки, "Политика Кавура", стр. 328, где приводится возмущенное письмо Кавура Наполеону. В последнем абзаце этого, по-видимому, содержится завуалированная угроза опубликовать секретные переговоры.

[491]

Кавур, Письмо iii. введение. с. 115; iii. 29. Bianchi, Politique de Cavour, p. 333. Бьянки, Дипломатия, vii. 61. Массари, Кавур, стр. 314. Парламентские документы, 1859, xxxii. 204, 262. Mérimée, Lettres à Panizzi, i. 21. Martin, Prince Consort, iv. 427.

[492]

Ла Фарина, Эпистолярио, ii. 172. Парламентские ведомости, 1859, xxxiii. 391, 470.

[493]

Кавур, Письмо iii. введение. 212, iii. 107. Bianchi, Politique de Cavour, p. 319. Бьянки, Дипломатия, viii. 145, 198. Массари, Витторио Эмануэле, ii. 32. Кошут, Воспоминания, стр. 394. Parl. Pap. 1859, xxxii. 63, 1860, lxviii. 7. La Farina Epist, ii. 190. Ollivier, L'Église et l'État, ii. 452.

[494]

Арривабене, Италия при Викторе Эммануиле, i. 268.

[495]

Кавур, Письмо, iii. вступление. 301. Бьянки, viii. 180. Гарибальди, Послание, i. 79. Герцони, i. 491. Reuchlin, iv. 410.

[496]

Кавур, Письмо, iv. вступление. 20. Bianchi, Politique, p. 354. Бьянки, "Дипломатия", viii. 256. Парламентские документы, 1860, lxvii. 203; lxviii. 53.

[497]

Кавур в Парламенте, стр. 536.

[498]

Гарибальди, Послание., i. 97. Персано, Дневник, i. 14. Ле Фарина, Послание., ii. 324. Герцони, ii. 23. Парламентские документы, 1860, lxviii. 2. Манди, Х.М.С. *Ганнибал* в Палермо, стр. 133.

[499]

Кавур, Письмо iii. вступление. 269. La Farina, Epist., ii. 336. Bianchi, Politique, p. 366. Persano, Diario, i. 50, 72, 96.

[500]

Бьянки, Политика, стр. 377. Персано, ii. стр. 1-102. Персано отправил свой Дневник в рукописи Азельо и попросил его совета относительно его публикации. Азельо сослался на высказывание Кавура: "Если бы мы делали для себя то, что мы делаем для Италии, мы были бы жалкими мерзавцами", и попросил Персано оставить его секреты секретами, сказав, что со времени раздела Польши ни одно признание в таком "колоссальном мерзавстве" не было опубликовано ни одним общественным деятелем.

[501]

Бьянки, Политика, стр. 383. Персано, iii. 61. Бьянки, "Дипломатия", viii. 337; Гарибальди, Послание, i. 127.

[502]

"Королевский ответ при дворе: "Это невозможно"". Кавур своему послу в Лондоне, 16 ноября, в Bianchi, Politique, стр. 386. La Farina, Epist., ii. 438. Персано, iv. 44, Герцони, ii. 212.

[503]

Кавур в Парламенте, стр. 630. Azeglio, Correspondance Politique, p. 180. La Rive, p. 313. Berti, Cavour avanti 1848, p. 302.

[504]

"Le comte le reconnu, lui serra la main et dit: 'Frate, frate, libera chiesa in libero stato.' Ce furent ses dernières paroles." Отчет о смерти Кавура от руки его племянницы, графини Альфиери, в "Ла Рив", Кавур, стр. 319.

[505]

Berichte über der Militair etat, p. 669. Schulthess, Europaischer Geschichts Kalender, 1862, p. 122.

[506]

Пошингер, Прейссен в Бундестаге ii. 69, 97; iv. 178. Хан, Бисмарк, i. 608.

[507]

Хан, Фюрст Бисмарк, i. 66. Эта работа представляет собой сборник документов, речей и писем не только самого Бисмарка, но и по всем основным вопросам, которыми занимался Бисмарк. Возможно, с немецкой точки зрения, это самый важный репертуар авторитетных источников за период 1862-1885 годов.

[508]

Sammlung der Staatsacten Oesterreichs (1861), pp. 2, 33. Drei Jahre Verfassungstreit, p. 107.

[509]

Sammlung der Staatsacten, p. 89. Der Ungarische Reichstag 1861, pp. 3, 194, 238. Арнольд Форстер, "Жизнь Диака", стр. 141.

[510]

Селестен, Россия, стр. 3. Леруа-Болье, "Царская империя", i. 400. Homme d'État Russe, p. 73. Wallace, Russia, p. 485.

[511]

Рачинский, Воспоминания о Полони, стр. 14. Б. и Ф. Государственные документы, 1862-63, стр. 769.

[512]

Леруа-Болье, Русский государственный деятель, стр. 259.

[513]

Хан, i. 112. Верхандль де Прейс, Абджорд. über Polen, p. 45.

[514]

Парламентские документы, 1864, том. lхiv. стр. 28, 263. Хан, Бисмарк, i. 165.

[515]

Из депеши Рехберга от 28 февраля 1863 г. (в Hahn, i. 84), очевидно, цитирующая фактические слова, произнесенные Бисмарком. Отчет Бисмарка об этом разговоре (id. 80) сводится к требованию, чтобы Австрия не посягала на признанное совместное лидерство Пруссии в Германии.

[516]

Б. и Ф. Государственные документы, 1863-4, стр. 173. Beust, Erinnerungen, i. 136.

[517]

Записка Бисмарка от 29 июля 1870 г. в Hahn, i. 506, описывающая бельгийский проект Наполеона, датируемый временем, когда он сам был послом в Париже в 1862 году, дает это как объяснение политики Наполеона в 1864 году. Торговый договор с Пруссией и дружеские личные отношения с Бисмарком также повлияли на взгляды Наполеона. Смотрите речь Бисмарка от 21 февраля 1879 г. по этому вопросу в Hahn, iii. 599.

[518]

Хан, Бисмарк, i. 271, 318. Oesterreichs Kämpfe in 1866, i. 8.

[519]

Б. и Ф. Государственные документы, 1864-65, стр. 460.

[520]

Мраморное море, История любви Люси, стр. 109, 146. Jacini, Due Anni, p. 154. Хан, i. 377. В первом проекте Договора от Италии требовалось объявить войну не только Австрии, но и всем германским правительствам, которые должны были присоединиться к ней. Король Вильгельм, который все еще испытывал некоторые угрызения совести, призывая итальянцев с оружием в руках выступить против Отечества, вычеркнул эти слова.

[521]

Мраморное море, История любви Люси, стр. 204. Хан, i. 402.

[522]

Хан, Бисмарк, i. 425. Hahn, Zwei Jahre, p. 60. Oesterreichs Kämpfe, i. 30.

[523]

Речи Наполеона III., стр. 456. 11 мая Нигра, итальянский посол в Париже, сообщил, что идеи Наполеона относительно целей, которые должны быть достигнуты Конгрессом, были следующими: Венеция - Италии, Силезия - Австрии; датские герцогства и другие территории в Северной Германии - Пруссии; создание нескольких небольших государств на Рейне под

защитой Франции; обездоленные немецкие князья получают компенсацию в Румынии. Мраморное море, стр. 228. Наполеон III. проводил в несколько измененной форме старую германскую политику Республики и Империи, а именно уравнивание Австрии и Пруссии друг против друга и установление французского протектората над группой второстепенных государств.

[524]

Oesterreichs Kämpfe, ii. 341. Прусский штаб, кампания 1866 года (Хозиер), стр. 167.

[525]

Хан, i. 476. Benedetti, Ma Mission en Prusse, p. 186. Reuchlin, v. 457. Massari, La Marmora, p. 350.

[526]

Хан, i. 501, 505.

[527]

Бенедетти, стр. 191. Хан, i. 508; ii. 328, 635. See also La Marmora's *Un po più di luce*, p. 242, and his *Segreti di Stato*, p. 274. Депеши Говоне убедительно подтверждают мнение о том, что Бисмарк был не просто пассивным слушателем французских планов по приобретению Бельгии. То, что он придумал этот план, маловероятно; то, что он поощрял его, мне кажется совершенно несомненным, если только различные французские и итальянские документы, не связанные друг с другом, не являются подделками от начала до конца. С началом войны 1870 года Бисмарк опубликовал текст проекта договора, обсуждавшегося в 1866 году, предусматривающего наступательный и оборонительный союз между Францией и Пруссией и захват Бельгии Францией. Черновик был написан рукой Бенедетти на бумаге французского посольства. В ответ Бенедетти заявил, что он составил черновик под диктовку Бисмарка. Это могло бы показаться маловероятным, если бы не было известно, что проект Мирного договора между Пруссией и Италией в 1866 году на самом деле был записан итальянским послом Барралем под диктовку Бисмарка.

[528]

Regelung der Verhältnisse, p. 4. Ausgleich mit Ungarn, p. 9.

[529]

Венгрия сохранила Министерство национальной обороны для своих резервных сил и Министерство финансов для своих собственных отдельных финансов. Таким образом, Министерство иностранных дел было единственным из трех общих министерств, которое охватывало весь спектр деятельности ведомства.

[530]

Они действительно были обнаружены французскими агентами в Германии. Rothan, *L'Affaire du Luxembourg*, p. 74.

[531]

Хан, i. 658. Ротан, Люксембург, стр. 246. Correspondenzen des K.K. Minist. des Aüssern, 1868, p. 24. Parl. Pap., 1867, vol. lxxiv., с. 427.

[532]

Сорель, "Дипломатическая история", i. 38. Но посмотрите спор между Бойстом и Грамоном в "Временах", 11-16 января 1873 г.

[533]

Ротан, La France, 1867, ii. 316. Reuchlin, v. 547. Ментане принадлежат два исторических выражения: "Никогда" месье Руэра и "Шассепоты творили чудеса" генерала Файли.

[534]

Сорель, глава 40. Хан, глава 720. Сразу после Ментаны, 17 ноября 1867 года, Мадзини написал Бисмарку и прусскому послу во Флоренции графу Узедому, заявив, что Наполеон решил начать войну с Пруссией и предложил союз Виктору Эммануилу, который принял его за цену Рима. Мадзини предложил использовать революционные средства, чтобы сорвать этот план, и попросил денег и оружия. Бисмарк проявил осторожность, но не совсем проигнорировал сообщение. Politica Segreta Italiana, p. 339.

[535]

Бенедетти, Миссия Массачусетса, стр. 319, 7 июля. Gramont, La France et la Prusse, p. 61.

[536]

Сорель, История дипломатии, i. 197.

[537]

Хан, ii. 69. Сорель, i. 236.

[538]

Принц Наполеон в "Ревю де Монд", 1 апреля 1878 г.; Грамон в "Ревю де Франс", 17 апреля 1878 г. (Подпись: Андреас Мемор.) Ollivier, L'Église et l'État, ii. 473. Сорель, i. 245.

[539]

Der Deutsch Französische Krieg, 1870-71 (Prussian General Staff), i. 72.

[540]

Базен, "Рейнская армия", стр. 74.

[541]

Папье-маше Второй империи (1875), стр. 33, 240.

[542]

Дневник императора Фридриха, 3 сентября.

[543]

В циркуляре Фавра утверждалось, что король Пруссии объявил войну не Франции, а Императорской династии. Король Вильгельм никогда не заявлял ничего подобного. В его прокламации при вступлении во Францию, на которую, по-видимому, ссылался Фавр, просто говорилось, что война должна вестись против французской армии, а не против жителей, которые, пока они ведут себя тихо, не подвергнутся насилию.

[544]

Deutsch-Französische Krieg, vol. III., стр. 104. Базен, стр. 166. Procès de Bazaine, vol. ii., p. 219. Regnier, p. 20. Hahn, ii., 171.

[545]

Хан, ii. 216. Вальфри, Национальная дипломатия обороны, ii. 51. Хертслет, Карта Европы, iii. 1912, 1954.

[546]

Parl. Pap. 1876, vol. lxxxiv., стр. 74, 96.

[547]

Parl. Pap. 1876, vol. lxxxiv., с. 183.

[548]

Parl. Pap. 1877, vol. xc., стр. 143.

[549]

Parl. Deb. 10 июля 1876 года, дословно.

[550]

Смотрите речь Берка о русском вооружении, 29 марта 1791 г., и отрывок о "варварском анархическом деспотизме" Турции в его размышлениях о Французской революции, стр. 150, пояснение. Редактировать. Берк жил и умер в Биконсфилде, и его могила находится там. Однако, похоже, нет никаких подтверждений истории о том, что он собирался получить звание пэра с титулом Биконсфилд, когда смерть его сына разрушила все его надежды.

[551]

Parl. Pap. 1877, vol. xc., стр. 642; 1878, vol. lxxxi., стр. 679.

[552]

Parl. Pap. 1877, vol. lxxxix., с. 135.

[553]

Parl. Pap. 1878, vol. lxxxi., стр. 661, 725. Parl. Deb., vol. ccxxxvii.

[554]

Международный договор с картами находится в Parl. Pap. 1878, vol. lxxxiii. стр. 239.

[555]

Parl. Pap. 1878, vl. lxxxii., стр. 3. *Глобус*, 31 мая 1878. Hahn, iii. 116.

Примечание переписчика:

(1) Сноски пронумерованы и собраны в конце работы.

(2) Примечания заключены в квадратные скобки перед абзацем, в котором они встречаются.

(3) Орфография в печатном экземпляре не всегда соответствовала действительности.

Неправильные слова в оригинале (например, "Christain" и "Württemberg") были сохранены, по возможности.
